

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1900 ГОДЪ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СТО ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

1900.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

О преміи за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ объявляетъ конкурсъ на *премію* за изслѣдованіе о *Градоначальствованіи князя Дм. Влад. Голицына въ Москву*.

Условія, которымъ означенный трудъ долженъ удовлетворять, согласно волѣ жертвователей, слѣдующія:

1) Сочинитель долженъ представить исторію Москвы въ періодъ главноначальствованія князя Голицына и описать съ надлежащею полнотою дѣйствія и распоряженія князя для виѣшняго украшенія и внутренняго благоустройства города.

2) Сочиненіе должно быть основано на фактахъ и написано съ безпристрастіемъ и отчетливостью.

3) Сочиненіе представится въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не позже, какъ чрезъ годъ со дня объявленія Обществомъ конкурса на премію (къ 1 сентября 1902 г.).

4) Если сочиненіе будетъ удостоено награды, то сочинитель обязывается напечатать свой трудъ въ продолженіе года со дня присужденія награды. Отъ автора зависитъ впрочемъ издать свое сочиненіе особою книжкой или помѣстить подлинникомъ и вполнѣ въ какое-либо другое изданіе.

Премію составляетъ весь пожертвованный для этой цѣли капиталъ съ наросшими на него по день выдачи процентами, въ настоящее время достигающей *3000 рублей*.

Авторы свои труды благоволятъ присылать въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ— по адресу: Москва, Моховая, зданіе Университета.

НВ. Настоящее объявленіе имѣетъ быть ежегодно возобновляемо до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено сочиненіе.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1900 ГОДЪ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СТО ДВЯНОСТО ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ „ЧТЕНІЙ“ за 1900 годъ.

Стран.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

- 1.— Новыя данныя о службѣ Николая Спаарія въ Россіи (1671—1708 гг.). — Съ предисловіемъ Юрія Арсенъева. 1—63

II. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

- 2.— Письмо сардинскаго посла барона де-ла-Турбіа о Россіи. 1796.— Съ предисловіемъ М. Полиевктова. 1—22

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

- 1.— Лѣтовско-русскаго сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства.— Дѣйствит. Члена М. К. Любавскаго. (Главы I—V). 1—508

IV. С М Ъ С Ъ.

- 1.— Новыя данныя о библиотекѣ кн. Д. М. Голицына (верховника). Сообщилъ Членъ-Соревнователь кн. Н. В. Голицынъ. 1—16
- 2.— Записка современника грузинскаго архіерея о вступленіи на престолъ импер. Екатерины II. Сообщилъ Членъ-Соревнователь А. С. Халпавъ. 17—24
- 3.— Родословная Шепелевыхъ конца XVII вѣка. Сообщилъ Ю. В. Арсенъевъ. 25—28
- 4.— Земельные акты Уфимскихъ башкиръ-вотчинниковъ. Сообщилъ онъ же. 28—29
- 5.— 1528 г. 3 мая. Грамота, данная великимъ княземъ московскимъ Василюмъ Ивановичемъ волостелю Г. Д. Кобыкову на пользованіе доходами съ волости Солды Малые. Сообщилъ Виталий Эйнгорнъ. 30—32

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

НОВЫЯ ДАННЫЯ

О СЛУЖБѢ

НИКОЛАЯ СПАΘАРІЯ ВЪ РОССІИ.

(1671—1708).

Юрія Арсеньева.

Печатано подь наблюденіемъ Ю. В. Арсеньева.

Новѣйшія изслѣдованія о Николаѣ Спаааріи значительно обога- тили историческій матеріаль для полнаго его жизнеописанія ¹⁾. Тѣмъ не менѣ личность Спааарія, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, остается еще не вполне выясненною и каждое новое извѣстіе о немъ получаетъ особенную цѣну для будущаго біографа. Издаваемые нами здѣсь новыя данныя о Спаааріи относятся ко времени его службы въ Россіи съ 1671 года, когда онъ прибылъ въ первый разъ въ Москву, до 1708—года его смерти. Они заключаютъ его политическую пере- писку съ Молдавіей и Православнымъ Востокомъ въ бытность его пе- реводчикомъ Посольскаго приказа, нѣсколько новыхъ документовъ о его дипломатической службѣ и, наконецъ, матеріалы, которые намъ удалось собрать о его потомствѣ, оставшемся служить въ Россіи подъ именемъ дворянскаго рода *Спафарьевъ*.

Наиболѣе важною заслугою Спааарія было, безъ сомнѣнія, его посольство въ Китай, открывшее новую эпоху въ исторіи русскаго владѣнія въ Сибири. По обилію неизданнаго матеріала, относящагося къ китайскому посольству Спааарія, мы посвятимъ ему отдѣльное из- слѣдованіе, а здѣсь помѣщаемъ лишь любопытное письмо къ царю Алексѣю Михайловичу отъ іезуита Фердинанда Вербіеста, доставлен- ное изъ Китая Спаааріемъ.

Юрій Арсеньевъ.

¹⁾ «Николай Спааари до его пріѣзда въ Россію» статья П. Сырку въ Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. Т. III, вып. 3. Спб. 1889, стр. 183—196.

Очеркъ жизни и службы Николая Спааарія въ Россіи *И. Н. Михайловскаго*. Кіевъ. 1895. *И. Н. Михайловскій*. Важнѣйшіе труды Николая Спааарія (1672—1677). Кіевъ 1897.

Обстоятельства выезда Спаэарія въ Россію въ началѣ 1671 года въ главныхъ чертахъ уже извѣстны. Въ статьѣ П. Сырку «Николай Спаэари до прїѣзда въ Россію» помѣщенъ пересказъ архивнаго извѣстія о прибытіи Спаэарія въ пограничный съ Польшею Смоленскъ и отпускъ его въ Москву и текстъ привезенныхъ имъ изъ Адрианополя рекомендательныхъ писемъ. Намъ казалось не излишнимъ дополнить эти извѣстія на основаніи архивнаго дѣла изданіемъ въ болѣе полномъ видѣ «распросныхъ рѣчей» Спаэарія, записанныхъ въ Посольскомъ приказѣ, такъ какъ они знакомятъ насъ съ его взглядами на современные политическія обстоятельства. Спаэарій явился въ Москву съ рекомендаціями отъ двухъ выдающихся дѣятелей Православнаго Востока: отъ Іерусалимскаго патріарха Досеоя и переводчика Высокой Порты грека Никусія Панагіота. Оба они были люди преданные Россіи, видѣвшіе въ ней естественную покровительницу Православія на Востоцѣ и охотно исполнявшіе службу политическихъ агентовъ Московскаго правительства, сообщая ей всевозможныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи и нерѣдко подавая полезные совѣты²⁾.

Начало 1671 года, когда Спаэарій выѣхалъ на службу въ Россію, было весьма знаменательною минутою для внѣшней политики Москвы. Въ февралѣ начальникъ Посольскаго приказа бояринъ Ордынъ-Нащокинъ удалился въ монастырь. Причинами его удаленія отъ дѣлъ были непріязненные его отношенія къ Малороссіи, столкновенія съ малороссійскими дѣятелями и жалобы на него епископовъ Меодія и Лазаря Барановича и гетмана Многогрѣшваго, вызвавшія въ 1671 году запрещеніе Ордыну-Нащокину переписываться съ малороссіянами³⁾. Разногласія его съ царемъ по Малороссійскому вопросу начались еще съ 1669 года. На его мѣсто начальникомъ Посольскаго приказа былъ назначенъ царскій любимецъ Матвѣевъ, уже завѣдывавшій съ апрѣля 1669 года приказомъ Малой Россіи. Хорошо знакомый съ настроеніемъ малороссіянъ, негодовавшихъ на Ордына-Нащокина за его явныя симпатіи къ полякамъ и за невыгодныя статьи Андрусовскаго договора, Матвѣевъ своею ловкою политикою сумѣлъ отклонить исполненіе этихъ

²⁾ *Н. Кантревъ*. Характеръ отношеній Россіи къ Прав. Востоку стр. 203. Его же. Сношенія Іерусал. патріарха Досеоя съ русск. правительствомъ (1669—1707) глава V.

³⁾ Изъ сообщенія *В. О. Эйторна*.

статей, стѣснявшихъ царя въ различныхъ обязательствахъ къ Польшѣ. При Матвѣевѣ снова оживились сношенія Россіи съ Молдавіей и Валахіей, искавшихъ вступить въ болѣе тѣсную связь съ единовѣрнымъ Московскимъ государствомъ. Руководителю новой политики потребовались и новые люди. Изъ рекомендательной грамоты патріарха Досіоея о Спаөаріи видно, что онъ посылалъ его въ Москву, провѣдавши, что царю нуженъ ученый переводчикъ и притомъ человекъ съ строго православнымъ образомъ мыслей. Самъ Спаөарій въ своей челобитной къ царю о принятіи его на службу упоминаетъ, что «по грамотамъ великаго государя и вселенскихъ патріарховъ былъ онъ призванъ многаяжды, чтобы пріѣхать къ Москвѣ, и онъ, повинуясь его великаго государя неизреченной милости, оставя домъ родительской и братію свою и имѣніе въ отечествіи своемъ, приобрелъ къ нему великому государю побыти въ службѣ на время, въ какой его вел. государя изволеніе будетъ»¹⁾. Въ статьѣ «О сношеніяхъ Молдавскаго господара Стефана-Георгія съ Москвою»²⁾ мы упоминали о вліятельномъ положеніи, которое занималъ Спаөарій при этомъ господарѣ. Послѣ изгнанія Стефана изъ Молдавіи Спаөарій продолжалъ свою службу при немъ и до самой его смерти, послѣдовавшей въ Штетинѣ въ началѣ 1669 года, состоялъ резидентомъ господара при дворѣ Шведскаго короля Карла XI. Весьма вѣроятно, что эта политическая служба Спаөарія, предшествовавшая его выѣзду въ Россію, была не безызвѣстна въ Москвѣ, куда господарь Стефанъ-Георгій лично пріѣзжалъ въ 1663 году съ политическими предложеніями къ царю Алексѣю Михайловичу. Заслуживаетъ вниманія скоро послѣдовавшее послѣ пріѣзда въ Москву назначеніе Спаөарія переводчикомъ эллинскаго, греческаго, латинскаго и волошскаго языковъ въ Посольскій приказъ (14 декабря 1671 года), при чемъ вѣлѣно было записать его въ Розрядѣ по Московскому списку, что

¹⁾ *Греческія дѣла* М. Гл. Арх. М. Ин. д. кн. 7, л. 297. Не вполне разрѣшеннымъ остается вопросъ о томъ, гдѣ находился Спаөарій послѣ своего выѣзда изъ Швеціи въ 1669 году до появленія его въ Адрианополѣ въ мартѣ 1671 года? Рісот предполагаетъ, что онъ еще въ 1669 году прибылъ въ Молдавію, гдѣ въ этомъ году господарь Ильяшъ смѣщенъ былъ Дукою. Молдавскія хроники совершенно умалчиваютъ о какомъ-либо участіи Спаөарія въ событіяхъ этого года и свѣдѣніе, сообщенное въ Москвѣ переводчикомъ Христофоровымъ, будто Спаөарій пытался достигнуть господарства въ Молдавіи и за это подвергся со стороны Ильяша изувѣченію, слѣдуетъ признать не точнымъ. Урѣзанію носа онъ подвергся гораздо ранѣе, при Стефанѣ Албанцѣ, сынѣ Василя Лупула. Можно согласиться съ догадкою П. Сырку, что въ 1670 г. Спаөарій былъ въ Константинополѣ, гдѣ въ это время находился и Христофоровъ. (*Соловьевъ*, Ист. Р. XII, стр. 92).

²⁾ Русск. Архивъ 1896. II. стр. 167.

составляло важное служебное отличіе, дававшее Спаеарію старшинство между переводчиками. Сближеніе съ Матвѣевымъ, оцѣнившимъ много-стороннюю образованность Спаеарія, также не мало способствовало служебнымъ его успѣхамъ. Между Матвѣевымъ и Спаеаріемъ вскорѣ установились дружескія отношенія. Ученый переводчикъ часто посѣщала боярина (жившаго, какъ извѣстно, въ приходѣ Николы въ Столпахъ), бесѣдовалъ и читалъ съ нимъ книги, преимущественно духовнаго содержанія и училъ сына его Андрея «по-гречески и по-латыни лите-рамъ малой части».

Не воплѣвъ выясненными остаются отношенія Спаеарія къ Газскому митрополиту Паисію Лигариду, проживавшему въ Москвѣ при царскомъ дворѣ и именовавшему себя здѣсь «великимъ учителемъ и переводчикомъ царскимъ». Какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ расположенъ былъ къ Лигариду за услуги, оказанныя имъ въ дѣлѣ патріарха Никона. Спаеарій, еще до своей встрѣчи съ Лигаридомъ въ Москвѣ, могъ имѣть о немъ довольно точныя свѣдѣнія. Лигаридъ неоднократно появлялся въ Молдавіи, гдѣ нѣкоторое время занималъ мѣсто дидакала Яскаго придворнаго училища при сынѣ Василя Лулула Стефанѣ. Здѣсь въ то время обнаружались тайныя связи Лигарида съ Римомъ, и онъ вскорѣ принужденъ былъ удалиться въ Польшу, гдѣ уже явно сталъ отправлять католическую службу по костеламъ ¹⁾. Это не помѣшало ему однако снова появиться въ Молдавіи въ 1656 году при господарѣ Стефанѣ-Георгіи, при которомъ Спаеарій состоялъ лого-еетомъ. Старецъ Арсеній Сухановъ, посѣтившій Молдавію въ это же время, встрѣчался здѣсь съ Лигаридомъ, который счумѣлъ ему угодить и чрезъ его посредство вступить въ сношенія съ патріархомъ Никономъ. Послѣдній даже обращался съ грамотою къ господарю Стефану, прося отпустить Лигарида въ Москву. Впрочемъ Лигаридъ въ то время не воспользовался приглашеніемъ и прибылъ въ Россію только 5 лѣтъ спустя. Спаеарій, пріѣхавъ въ Москву, засталъ здѣсь вліяніе Лигарида на царя еще въ полной силѣ. Незадолго предъ тѣмъ, въ 1670 году царь по настоянію Лигарида исходатайствовалъ ему отъ Іерусалимскаго патріарха Досіея разрѣшительную грамоту, возстановлявшую его въ архіерейскомъ достоинствѣ. Досіей очень неохотно исполнилъ царскую просьбу и не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Паисія, какъ онъ снова подвергъ его запрещенію. На этотъ разъ царь, помимо Досіея, возбудилъ ходатайство за Лигарида чрезъ вліятельнаго въ церковныхъ дѣлахъ Востока Молдавскаго господаря Іоанна Дуку. Въ

¹⁾ Нѣсколько свѣдѣній для біографіи Паисія Лигарида митр. Газскаго *Л. Я. Лавровскаго*. Христ. Чт. 1889 г., кн. 11—12, стр. 722.

грамотѣ отъ 14 августа 1671 года царь просилъ господара «написать отъ себя особую грамоту о томъ митрополитовѣ дѣлѣ къ Панаготию (Панагіоту) салтанову переводчику, чтобъ онъ также блаженнѣйшихъ патріарховъ наговаривалъ и ко прощенію ево митрополитову подвигнулъ»¹⁾. Но на этотъ разъ ходатайство царя успѣха не имѣло и можно предполагать, что патріархъ Досіеѣй, весьма ревностно охранявшій религиозные интересы православной церкви отъ посягательствъ латинявъ, сталъ дѣйствовать болѣе рѣшительно противъ Лигарида, связя котораго съ Римомъ въ церковныхъ сферахъ Востока не составляли уже тайны. По приѣздѣ въ Москву Спаеарій сообщилъ въ Посольскомъ приказѣ извѣстіе, набрасывавшее нѣкоторую неблагоприятную тѣнь на Лигарида. Оно касалось нѣкоѣго «вора, греченина Архипки, который, сказываютъ, что жывалъ на Москвѣ у Газскаго митрополита». Этотъ Архипко «напалъ на Александрійскаго патріарха въ томъ, будто онъ, патріархъ, взялъ у него сильно 70,000 червонныхъ золотыхъ, а онъ де Архипко называется царскаго величества бывшимъ казначеемъ; да къ нему жъ пристали и иные многословные свидѣтели и воеводѣ подали челобитную, и салтанъ патріарха приказалъ привести къ себѣ, а патріархъ де пресголь свой приказалъ учителю своему». Извѣстіе это вскорѣ подтвердилось грамотою отъ самого бѣдствовавшего патріарха Паисія къ царю²⁾. Близкія отношенія Спаеарія къ патріарху Досіеѣю и Панагіоту, которые оба старались о прекращеніи вреднаго вліянія *латинофрона* Лигарида на дѣла русской церкви, даютъ нѣкоторое основаніе допустить, что и онъ по прибытіи въ Москву могъ содѣйствовать имъ въ этомъ, хотя и не явно. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что вскорѣ послѣ того положеніе Газскаго митрополита въ Москвѣ начинаетъ ухудшаться. 24 мая 1672 года послѣдовалъ царскій указъ объ отпускѣ Лигарида съ Москвы въ Палестину чрезъ Кіевъ, при чемъ ему назначена была весьма щедрая напутственная дача. По ходатайству митрополита: «книги, которыя онъ писалъ, и на Симоновскомъ подворьѣ хоромы, и садъ его, и всякое строенье приказалъ государь *беречь* Посольскаго приказа переводчику Миколаю Спатарію». Но въ тотъ же день, 24 мая указомъ государя Лигаридъ былъ задержанъ въ Москвѣ и отпущенъ въ Палестину чрезъ Кіевъ лишь 13 февраля 1673 года, при чемъ ему на отпускѣ всего дано было въ половину противъ прежней дачи, а его хоромы велѣно было *занять*

¹⁾ *Каптеревъ*. Характеръ отнош. Россіи къ прав. Востоку въ XVI и XVII в. М. 1885. Прил. № 5, стр. 32.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. VI, № 47.

переводчику Спаеарію и переводить греческія и латинскія книги и писать греческой и словенской и латинской лексиконъ¹⁾). Но и на этотъ разъ Лигариду не суждено было вернуться на Востокъ, откуда онъ получалъ неблагопріятныя для себя извѣстія. Въ Москвѣ также перестали довѣрять политической и религіозной благонадежности Лигарида. Панагіотъ присылалъ совѣтъ государю: «чтобъ не велѣлъ Газскаго митрополита съ Москвы отпускать, чтобъ онъ не учинилъ въ Царьградѣ и въ иныхъ мѣстахъ какого дѣла съ простодушія (!) своего». Вслѣдствіе этого совѣта Кіевскимъ воеводамъ предписано было царскимъ указомъ: «безъ особаго государева приказа никуда не отпускать Паисія изъ Кіева, а буде онъ похочетъ къ кому за Днѣпръ или съ гречаны въ Царьградъ писать какія письма, тѣхъ писемъ ни подь какимъ видомъ не отсылать, а слѣдить за нимъ и его перепиской накрѣпко».

Спаеарій привезъ въ Москву извѣстіе изъ Польши о скоромъ прибытіи въ Россію чрезвычайнаго посольства, во главѣ котораго стояли паны Янъ Гнинскій и Павелъ Бростовскій. Посольство это прибыло въ Москву въ декабрѣ 1671 г.²⁾ и имѣло цѣлью склонить царя къ союзу съ Польшею и Австріею противъ турокъ, на основаніи Андрусовскаго договора. Матвѣеву удалось выставить благодидныя причины, освобождавшія Московское правительство отъ невыгодныхъ обязательствъ. Когда польскіе послы стали просить содѣйствія со стороны царя къ усмиренію Дорошенка, то бояре, не оправдывая его, замѣтили однако посламъ, что обращеніе его къ Турціи вызвано гоненіями поляковъ на православную вѣру³⁾. Матвѣевъ въ одной изъ своихъ оправдательныхъ челобитныхъ къ царю Θεодору Алексѣевичу, посланныхъ изъ ссылки, самъ повѣствуетъ, какъ ему удалось достигнуть нарушенія Андрусовскихъ статей, невыгодныхъ для Россіи. «По тому договору, пишеть онъ, назначены были къ вел. государю великіе и полномочные послы Янъ Гнинскій, воевода Хельминскій для обѣщанія и подтвержденія предъ св. Евангелиемъ. А въ Посольскомъ приказѣ, кромѣ Андрусовскихъ договоровъ и Московскаго поставленія, иного ничего нѣтъ, чтобъ сыскано на польскую сторону къ нарушенію договоровъ и чѣмъ бы тое запись остановить и тѣ договоры не утвердить. А я, еще будучи въ Малороссійскомъ приказѣ, то дѣло по вашей государственной милости вѣдалъ и служа вамъ вел. государямъ, посылалъ въ черкасскіе города для листовъ королевскихъ и сенаторскихъ и книгъ

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. VI, № 54.

²⁾ *Соловьевъ*. Ист. Россіи. т. XII, стр. 72.

³⁾ *Костомаровъ*. Руина. Спб. 1882, стр. 333.

укоризненныхъ, вѣдая ихъ неопасныя нравы. И изъ черкасскихъ городовъ привезли многіе прописныя листы, которые объявились противны Андрусовскимъ договорамъ и Московскому поставленью и книгу пашквиль, реченіемъ словенскимъ посмѣяніе, или укоривана, которая печатана въ Польшѣ... И въ то время по доношенію моему вел. государь указалъ послать изъ посредства великихъ и полномочныхъ пословъ, думнаго дворянина Ивана Ивановича Чаадаева ¹⁾, чтобы польскихъ пословъ упередить и заставить ихъ отъ королевскаго величества не отпущенныхъ къ Москвѣ, и велѣно ему, будучи въ отвѣтъ, сенаторамъ говорить, чтобъ королевское величество велѣлъ дать своимъ посламъ полную мочь на договариваніе нѣкакыхъ новыхъ статей, которыя явились противны договорамъ. И еслибъ не тѣ прописныя листы и книга укоризненная, нечего бъ было противъ записи и статей говорить съ послами. А какія были трудности и премногіе отвѣты вашимъ боярамъ, и то извѣстно тебѣ, вел. государю, однакожь бояре службою и разумомъ учинили такъ, какъ вамъ вел. государямъ было годно и тѣ отвѣты совершили во благо и прежніе договоры, чтобъ Кіевъ отдать и войско ставить, то все отложено до того времени, какъ прежніе договоры исправлены будутъ и въ силѣ своей стануть, и учиненъ съ Польскимъ государствомъ покой ²⁾.

Спаеарій, хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ на европейскомъ Востокѣ и въ Польшѣ, предупреждалъ въ Москвѣ о близкой опасности, угрожавшей въ то время Украинѣ со стороны Турокъ и Крыма. О томъ же писалъ къ царю въ 1672 году патріархъ Досіеѳей: «покиньте поляковъ и усмирите прежде турокъ, п. ч. непременно хотятъ придти къ Двѣпру» ³⁾. Любопытно переданное Спаеаріемъ въ Посольскомъ приказѣ предложеніе дипломатическихъ услугъ со стороны хорошо знакомаго Москвѣ цесарскаго резидента въ Польшѣ, барона Августина Мейерберга, который, по словамъ Спаеарія, «былъ ему добрый другъ и пріятель». Какъ извѣстно, баронъ Мейербергъ пріѣзжалъ въ Москву въ 1661 г. посломъ отъ цесаря Леопольда I къ царю Алексею Михайловичу съ предложеніемъ примиренія съ Польшею и общаго союза противъ Турокъ ⁴⁾.

¹⁾ Спаеарій встрѣтилъ посольство Чаадаева на пути въ Польшу, въ Горкахъ.

²⁾ Исторія о невинн. заточеніи боярина А. С. Матвѣева. Спб. 1776, стр. 53.

³⁾ *Соловьевъ* Ист. Россіи, т. XIV, стр. 219.

⁴⁾ Баронъ Мейербергъ до посольства своего въ Россію былъ посланникомъ императора Леопольда къ Турецкому султану Мураду IV и къ Седмиградскому князю

1672 годъ ознаменовался печальнымъ событіемъ въ исторіи Малороссіи. Султанъ Магометъ IV, окончивъ завоеваніе о-ва Кандіи отъ Венеціанъ, обратилъ свое оружіе на Польшу, нававшую на новаго турецкаго вассала, гетмана Дорошенка. Весною 300-тысячное турецкое войско перешло Дунай и вторглось въ Подолію, о чемъ своевременно предупреждалъ царя патріархъ Досіеѳей, совѣтуя помочь Польшѣ противъ Турокъ. «Царь меня тогда не послушалъ», пишетъ Досіеѳей въ одной изъ своихъ грамотъ къ царю Θεодору Алексѣевичу, «и не повѣрилъ, а потомъ случилось все, какъ мы писали»¹⁾. Въ августѣ все турецкое войско подъ личнымъ начальствомъ султана осадило Каменецъ, взятіе котораго, (послѣдовавшее 19 августа), произвело въ Москвѣ удручающее впечатлѣніе. Польскій король Михаилъ Вишневецкій принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ унизительнаго для Польши Бучацкаго договора (18 октября), по которому она уступала Турціи Подолію и Украину и обязывалась платить султану ежегодную значительную дань. Московское правительство, державшееся безучастно во время войны Турокъ съ Польшею, теперь стало усиленно вооружаться, опасаясь нашествія Турокъ на русскую Украину и нападенія на Кіевъ. Въ послѣднемъ случаѣ самъ царь собирался выступить противъ непріятеля. Готовясь къ первому прямому враждебному столкновенію съ Турціею, царь обратился ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ союза противъ общаго врага христіанства.

Осенью 1673 года Польша, вопреки Бучацкаго договора, не получившаго подтвержденія отъ Варшавскаго сейма, возобновила войну съ Турками. Коронный гетманъ Янъ Собѣскій въ союзѣ съ измѣнчившими Турціи господами, Молдавскимъ—Стефаномъ Петричеу и Валахскимъ—Григоріемъ Гикой двинулся къ Хотину съ 30-тысячнымъ отрядомъ, и разбивъ турокъ на голову, взялъ эту крѣпость. Неожиданная вѣсть о смерти короля Михаила, послѣдовавшей въ Львовѣ наканунѣ этой блестящей побѣды, помѣшала полякамъ ею воспользоваться и разстроило ихъ войско. Молдавія и Валахія, внезапно покинутыя поляками, оказались въ самомъ критическомъ положеніи между турками съ одной стороны и Дорошенкой и крымскими татарами—съ другой. Это заставило господарей обратиться за помощію къ царю. Съ этою цѣлью въ февралѣ 1674 года пріѣхалъ въ Москву изъ Яссъ игуменъ Святогорскаго Павловскаго монастыря Θεодоръ съ проситель-

Георію Ракочи. См. *Adelung*. Augustin v. Meyerberg u. seine Reise nach Russland. Pbg. 1827, pp. 5—8.

¹⁾ *Соловьевъ*. Ист. Россіи, т. XIV, стр. 219.

ными грамотами къ царю отъ Молдавскаго господаря Іоанна Стефана Петра ¹⁾ и великаго логовета Валахіи Іоанна Константина Щербана ²⁾ о принятіи ихъ странъ подъ покровительство Россіи. Въ Посольскомъ приказѣ сдѣланъ былъ посланцу господаря обычный распросъ, доставившій интересныя подробности, которыя мы и приведемъ здѣсь на основаніи архивнаго извѣстія.

«Посланецъ спрашиванъ: у волоскаго и мутьянскаго господарей съ корунными гетманы (польскими) союзу и договора какова не учинилось ли?»

— Никакова союзу не учинено и не укрѣплено, только по присылкамъ ихъ господари учинили имъ противъ турковъ помочь.

Если великій государь ихъ изволить принять подъ свою державную руку, то на какихъ статьяхъ господари захотятъ быть въ подданствѣ?»

— На короткихъ статьяхъ, чтобъ вел. государь принялъ ихъ, изволилъ отъ турскаго салтана и крымскаго хана оборонять своими ратными людьми, а они посылками своими царскаго величества ратнымъ людямъ помогать и давь давать небольшую будутъ; а войска сбирается волоскаго съ 15 тысячъ, а мутьянскаго и больше.

¹⁾ Стефанъ Петричеу (Petriceiu) достигъ господарства въ Молдавіи въ 1672 г. послѣ Александра (Іоанна) Дуки, но уже въ концѣ 1674 г. принужденъ былъ удалиться въ Польшу, уступая мѣсто Дмитрію Кантакузину (1674—76 г.). Въ 1684 году, послѣ освобожденія Вѣны отъ турокъ, поляки опять возвели Стефана Петричеу на Молдавское господарство, смѣстивши его соперника Дуку, который окончилъ жизнь въ польскомъ плѣну. Стефанъ Петричеу вторично искалъ защиты отъ турокъ у царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Прошеніе его и молдавскихъ бояръ, присланное въ Москву въ 1684 году съ митрополитомъ Сучавскимъ Досноеемъ, напечатано въ Полн. Собр. Зак., т. II, № 1324.

²⁾ Іоаннъ Константинъ Щербанъ I Кантакузинъ въ 1674 году проживалъ въ Молдавіи изгнанникомъ, хотя имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ въ Валахіи, гдѣ онъ достигъ господарства въ 1678 году. Онъ участвовалъ въ осадѣ Вѣны турками, при чемъ тайно держалъ сторону христіанъ. За время своего управленія онъ оставилъ добрую память въ Валахіи. Щербанъ готовился осуществить планъ возстанія всѣхъ христіанскихъ народностей Турціи за освобожденіе и успѣлъ заключить союзъ съ Россіею чрезъ архимандрита Исаію въ 1688 году, когда внезапно погубъ, отравленный роднымъ братомъ, Константиномъ и племянникомъ, Константиномъ Бранковано. *Кочубинскій* причиною этого семейнаго заговора предполагаетъ политическія связи Щербана съ Австріей. («*Мы и они*», стр. 37—47. Полн. Собр. Зак. II, № 1324).

— Можетъ ли посланецъ учинить присягу въ подданствѣ отъ лица господарей?

-- Можетъ принять предварительную присягу, послѣ чего пусть царь пошлетъ бояръ своихъ ближнихъ совершить договоръ и присягу.

— Въ Волоской землѣ стоятъ польскія войска; кто ихъ начальникъ и про проѣздъ его вѣдаетъ ли, или онъ тайно отпущенъ?

— Начальникъ польскихъ войскъ—корунной хорунжій Снявской, съ нимъ 8 тысячъ войска; а отпускаячи ево посланца, господари призывали къ себѣ Снявскаго и говорили ему, что посылають къ царю посольство для провѣдыванія, какіе въ Москвѣ противъ турецкаго салтана и крымскаго хана имъ полякамъ и имъ господарямъ о помочи промыслы есть. Снявской это одобрилъ и далъ проѣзжій листъ чрезъ Польшу и Литву.

— Если великій государь приметъ подданство господарей и про то провѣдаетъ салтанъ турецкой, какова намѣренія они отъ салтана чають?

— Слухъ носится, что у салтана и у всѣхъ турковъ намѣреніе такое, что уже чають себѣ по письму ихъ закона послѣдней погибели и пребываютъ въ великомъ ужасѣ и страхѣ. Послѣ побѣды надъ турками поляковъ салтанъ призвалъ къ себѣ Гуссейнъ-пашу и ближнихъ людей и спрашивалъ, размышляя, какъ такое ихъ великое войско отъ поляковъ погибло? И везиръ и ближніе люди говорили: войско ихъ погибло не отъ поляковъ, но за неправду ихъ побилъ самъ Господь Богъ христіанской, что онъ салтанъ безо всякой причины нарушилъ свои и прежніе договоры съ Польшей и ходилъ на поляковъ войною, да и не токмо на поляковъ, но и подданнымъ своимъ христіаномъ учалъ чинить гоненіе и по взятіи Каменца Подольскаго обѣщался 3 церкви обратитъ въ мечети, и для того ему Волохи и Мутьяне измѣнили. И салтанъ былъ въ великомъ страхѣ и говорилъ: радъ бы онъ, салтанъ, съ поляками какъ нибудь договоръ учинить, хотя бъ имъ и Каменецъ назадъ отдалъ, только де отдать Каменца за стыдъ нельзя.

— Если великій государь пошлетъ войска на помощь господарямъ, то не будетъ ли имъ по пути скудости въ харчѣхъ и во всякихъ изобиліяхъ?

— Турки и татары безсильны и ихъ боятся нечего. А какъ вел. государь изволитъ Украйну усмирить и въ подданство учинить, тогда ратнымъ людямъ, которые посланы будутъ имъ на оборону отъ турка, путь до волоской земли будетъ способной и всякое изобиліе будетъ безъ скудости. И поселиться царскаго величества ратнымъ людямъ будетъ, гдѣ напередъ сего кочевала Бѣлогородцкая орда, и та

орда по челобитью волошень сведена въ Крымъ, а то мѣсто, гдѣ кочевали, всѣмъ изобильно. А салтанъ мыслить, какъ бы тое орду по прежнему тамъ поселить, но не надо его допустить до того. Если бы Бѣлгородская орда не была сведена оттуда, то никогда бы поляки не одолѣли Гуссейнъ-пашу.

— Не будетъ ли препоны отъ Поляковъ къ подданству господарей царю?

— Никакой препоны не будетъ, а ради они и сами, чтобъ изволил ихъ царь отъ такого сильнаго непріятеля оборонить и желаютъ, чтобъ вел. государь былъ на корунѣ Польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ королемъ, и ч. силенъ ратными людьми и казною, да и Украина той стороны желаетъ вся быть у царскаго величества, только держитъ Дорошенко съ небольшими своими совѣтниками. Онъ задержалъ гонца, посланнаго раньше съ листомъ отъ Волоскаго господаря къ царю. Теперь Дорошенко предлагалъ оставить турокъ и передаться полякамъ».

Молдавскій посланецъ игумень Феодоръ доставилъ также листъ отъ митрополита Волоскаго Досифея къ патріарху Московскому Іоасафу, который заключалъ слѣдующее пламенное прошеніе о защитѣ бѣдствующей церкви отъ Турокъ:

«Покрыла насъ турецкая тѣма, гордыхъ и суровыхъ мучителей, нечестивыхъ тиранъ, смирился выспись душа наша, прильпе земли утроба наша, вмѣнихомся, яко овца заколенію. Но предвари и буди предстатель ко церкви, яко да ущедрить насъ и воздвигнетъ своя и приндегъ спасти насъ отъ глубокаго лукавца и неистоваго Махомета, да насъ избавить, яко птицы отъ сѣтей ево горькихъ и несытства ево»¹⁾.

Для болѣе вѣрнаго успѣха своего прошенія къ царю Молдавскій господарь, митрополитъ и бояре, а также Щербанъ Кантакузинъ обратились также съ особыми письмами къ Спаферію, въ виду его близости къ вліятельному царскому любимцу Матвѣеву²⁾. «Елико тебѣ воз-

¹⁾ *Молдавскія* дѣла Моск. Гл. Арх. М. Ин. д. связка 6-я (7182 февр.). «Листъ къ царю Алексію Михайловичу отъ господарей и воеводъ Молдавскаго Стефана и Волошскаго Константина Щербана съ прошеніемъ о защищеніи ихъ и земель ихъ и объ удержаніи Крымскихъ татаръ отъ соединенія съ гетманомъ Дорошенкою» напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. т. II, № 3. Тамъ же напечатаны отвѣтная грамота царя (№ 4) и статья, присл. изъ Варшавы къ царю отъ Волохскихъ бояръ Радула и Петрашки, на какиихъ условіяхъ желаютъ они быть въ Россійскомъ подданствѣ (№ 5).

²⁾ *Приложенія* № 5.

можно, писалъ къ нему господарь, потщись яко христіанинъ и дѣлай дѣло наше и буди намъ резидентъ и мнѣ и брату моему Константину воеводѣ, который нынѣ пребываетъ здѣсь со мною... Хотѣхомъ писати къ тамошнему великому везиру (здѣсь, конечно, разумѣлся Матвѣевъ) и ко инымъ, но потому что не вѣдали чести ихъ; но ваша милость, яко нашей породы, радѣи да исполнится оная наша скудость, для чего зѣло намъ подобаетъ вѣдати, какое намъ упованіе будетъ отъ тѣхъ странъ». Изъ этихъ же писемъ мы узнаемъ, что у Спафарія въ Молдавіи былъ братъ, занимавшій вліятельное положеніе при господарѣ и въ некоторое время остававшійся намѣстникомъ послѣдняго въ Яссахъ. «Ради брата своего Спотарія, писалъ господарь, ничѣмъ не печалься, потому что онъ мой есть»³⁾).

Въ мартѣ того же года Молдавскій посланецъ, игумень Θεодоръ, былъ отпущенъ изъ Москвы. Въ отвѣтной грамотѣ своей царь уведомлялъ просителей, что «милостиво жалуется и похваляетъ ихъ за желаніе ихъ быть въ подданствѣ Россіи и вмѣсть о всѣхъ православныхъ попеченіе неотмѣнное». Въ этихъ видахъ царь «указалъ быть на Дону для похода подъ Азовъ боярину кн. Ивану Андреевичу Хованскому со многими ратными людьми, отвращая турскаго салтана и крымскаго хана отъ войны, чтобы они въ ихъ земли войною не входили». Одновременно воеводѣ кн. Ромодановскому съ гетманомъ Самойловичемъ и со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ указано «идти на ту сторону Днѣпра войною на Дорошенка, приводя его подъ царскую высокую руку въ подданство, чтобы тѣмъ Турская и Крымская война отъ нихъ и отъ Рѣчи Посполитой Польской отвестъ».

Такимъ образомъ главная цѣль прошенія Стефана Петричеу и Щербана къ царю о защитѣ ихъ странъ отъ внѣшнихъ враговъ была достигнута. Что же касается возбужденнаго ими вопроса о принятіи въ подданство Россіи Молдавіи и Валахіи, то къ этому предложенію

³⁾ Этого брата Спафарія звали Андреемъ Апостоломъ. Онъ былъ Молдавскимъ бояриномъ и умеръ въ Яссахъ въ 1678 году. Сыновья его, Иванъ и Степанъ Андреевы Спафаріи пріѣзжали въ Москву въ декабрѣ 1686 года (*Приложеніе 11-е*); повидному Степанъ Андреевъ остался на нѣкоторое время служить въ Россіи и значится въ боярскихъ книгахъ подъ 1700 г. (кн. 11-я стр. 365), но снова вернулся въ Молдавію и пріѣзжалъ въ Москву въ 1709 г. по дѣлу о наслѣдствѣ своего дяди, когда и умеръ въ Нѣжинѣ. См. *Михайловскаго*. Очеркъ жизни и службы Н. Спафарія въ Россіи стр. 18 и приложеніе 19.—Иванъ Спафарій подписался въ числѣ Молдавскихъ бояръ подъ прошеніемъ къ царямъ Іоанну и Петру 1684 года. Полн. Собр. Зак. № 1324.

въ Москвѣ не могли относиться съ особеннымъ довѣріемъ, зная неустойчивость политическихъ обстоятельствъ въ Придунайскихъ княжествахъ, гдѣ господа безпрестанно мѣнялись, и помня безуспѣшность прежнихъ попытокъ подобнаго же рода при Молдавскомъ господарѣ Стефанѣ Георгіи въ 1656 году и при Константинѣ Щербанѣ—въ 1660 году ¹⁾).

Впрочемъ въ августѣ 1674 г. присланы были изъ Варшавы отъ молдавскихъ бояръ Радула и Петрашки статьи объ условіяхъ подданства, но, какъ кажется, на этомъ дѣло въ этотъ разъ и остановилось.

Неутомимая дѣятельность, которую Спаеарій проявилъ въ 1672 и 1673 годахъ въ «строеніи книгъ», возложенномъ Матвѣевымъ на переводчиковъ Посольскаго приказа, обратила на него вниманіе самого царя Алексѣя Михайловича. Въ 1673 году Спаеарій удостоился посвятить царю свое сочиненіе «Хрисмологіонъ или Даниила пророка откровеніе на сонѣ Навуходносора о четырехъ монархіяхъ», въ которомъ онъ выказалъ свою обширную ученость. Эти заслуги Спаеарія, безъ сомнѣнія, содѣйствовали его назначенію царскимъ посланникомъ въ Китай въ 1675 году. Посольство это имѣло въ виду не столько дипломатическія, сколько развѣдочныя цѣли. Московское правительство нуждалось въ то время въ обстоятельномъ описаніи своихъ новыхъ владѣній въ Сибири, а также желало получить возможно точныя извѣстія о кратчайшемъ и удобнѣйшемъ пути въ Китай для будущихъ торговыхъ и политическихъ сношеній съ этимъ государствомъ. Задачи эти

¹⁾ См. нашу статью «Молдавскій господарь Стефанъ-Георгій и его сношенія съ Москвою» въ Русск. Архивѣ 1896. II, стр. 165—169. «Листъ къ царю Алексѣю Михайловичу отъ Константина Щербана владѣтеля и воеводы земель Молдавской и Валахской просительный о дачѣ ему помощи противъ Турокъ и о присылкѣ ему боярина для принятія обѣихъ этихъ странъ въ Россійскую державу и о пожалованіи ему знамени и булавы» и информация или наказъ, поданный въ Посольскомъ приказѣ Молдавскими посланниками 18 августа 1660 года, напечатаны въ Полн. Собр. Зак. т. II, № 1324. I. Этотъ Константинъ Щербанъ, приемный сынъ Матвѣя Бессарабы, сибѣстившій въ Молдавіи Стефана-Георгія въ 1658 году, нѣкоторое время соединялъ въ своихъ рукахъ управленіе обоими княжествами. Но уже въ 1659 году онъ въ свою очередь изгнанъ былъ изъ Молдавіи Георгіемъ Гикой, а въ Валахіи его замѣстилъ Михна. Тогда въ 1660 г. Константинъ Щербанъ прибылъ въ Украѣну, въ Переяславль къ гетману Юрію Хмельницкому и царскому воеводѣ боярину Шереметеву и отправилъ къ царю вышеупомянутую грамоту и информацию. См. *Молдавскія дѣла* св. 4-я № 18. 7168 года іюля 22.

могли быть успѣшно выполнены только человѣкомъ съ многостороннимъ образованіемъ, каковымъ отличался Спаеарій. Изъ свѣдѣній о сборахъ посольства видно, что съ Спаеаріемъ отпущены были между прочимъ: «инструменты различныя астрологическія и компасы, чрезъ которые мочно разстояніе путей и прямой путь обыскать; живописецъ, который знаетъ землемѣріе и чергежи писать; книга изъ Оптике, въ которой описано государство Китайское, и лексиконъ китайской» и т. под. Все это подтверждаетъ ученія цѣли посольства. Спаеарій вполне оправдалъ выборъ своего покровителя Матвѣева. Хотя посольство его не имѣло особеннаго дипломатическаго успѣха, но зато доставило богатый запасъ географическихъ свѣдѣній о Сибири и Китаѣ. По возвращеніи своемъ въ Москву 5-го января 1678 года Спаеарій представилъ, кромѣ обычнаго статейнаго списка, еще двѣ особыя книги, посвященныя описанію Сибири и Китайскаго государства, и чертежъ¹⁾.

Въ Москвѣ Спаеарій уже не засталъ своего покровителя Матвѣева, который съ началомъ новаго царствованія испыталъ на себѣ превратность судьбы и сосланъ былъ въ Пустоверскъ. Близость Спаеарія къ опальному боярину, конечно, не могла не отразиться на его служебномъ положеніи. Еще на возвратномъ пути чрезъ Сибирь, изъ Енисейска Спаеарій послалъ въ Москву письмо къ думному дьяку Ларіону Иванову, завѣдывавшему послѣ ссылки Матвѣева Посольскимъ приказомъ. Содержаніе этого письма, написаннаго въ нѣсколько приниженномъ тонѣ, убѣждаетъ въ томъ, что первыя притѣсненія по службѣ начались для Спаеарія еще въ Сибири. Въ Москвѣ ему пришлось отвѣчать по многочисленнымъ обвиненіямъ, взведеннымъ на него подчиненными и другими лицами: его обвиняли въ неумѣніи вести посольскія дѣла, въ превышеніи власти, во взяточничествѣ и другихъ злоупотребленіяхъ. Допросъ производился въ Сибирскомъ приказѣ и, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, выяснилъ неосновательность этихъ обвиненій. Любопытно, что одно изъ нихъ касалось сношенія Спаеарія съ иезуитами въ Пекинѣ: «что онъ католикамъ въ костель отдалъ образъ Михаила архангела». По объясненію Спаеарія, онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлью, «чтобы католикамъ и русскимъ людямъ, которые въ измѣнѣ и на бою взяты, и пріѣзжимъ русскимъ людямъ, пришедъ въ тотъ костель, было чему поклониться»²⁾.

¹⁾ Книга *Китайскаго двора* № 4. М. Гл. Арх. М. Ин. д.

²⁾ Вѣстн. Европы 1827 г. №№ 23 и 24 стр. 161 и слѣд. статья *Зубарева* о процессѣ Спаеарія, заимствованная изъ рукописи Архива Оруж. Палаты № 19—186 г. столбцы (опись XXX).

Оправдавшись отъ обвиненій, Спаеарій уже въ сентябрѣ 1679 года былъ снова зачисленъ на прежнюю должность переводчика Посольскаго приказа. При этомъ ему назначенъ денежный и помѣстный окладъ—по прежнему, а кормовыя деньги—въ половинномъ размѣрѣ³⁾. Хотя при этомъ онъ не получилъ никакой награды за «Китайскую посылку», но тогда же была ему обѣщана прибавка жалованья «какъ онъ службу свою впродъ покажетъ, смотря по ево работѣ»⁴⁾, а четыре года спустя, въ декабрѣ 1683 года, уже при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, послѣдовала и особая награда: «за Китайскую посылку по указу вел. государей дано Государственнаго Посольскаго приказу переводчику Николаю Спаеарію ковшъ серебряный въ двѣ гривенки, сукно лундышъ и камки куэтеру 10 аршинъ»⁵⁾. Вообще извѣстія о продолжительныхъ служебныхъ невзгодахъ, которыя Спаеарію пришлось пережить послѣ его возвращенія изъ Китая въ Москву, оказываются весьма преувеличенными, а также нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобъ онъ привлекался къ какимъ-либо объясненіямъ по дѣлу Матвѣева. Напротивъ, уже въ началѣ 1679 года, т. е. приблизительно черезъ годъ по возвращеніи Спаеарія изъ его посольства и еще до официальнаго зачисленія его на прежнюю должность переводчика, мы встрѣчаемъ его участіе въ политическихъ сношеніяхъ Посольскаго приказа съ Молдавіей, по поводу пріѣзда въ Москву Молдавскаго посланца, капитана Ивана Бѣлевича. Въ это время Московское правительство послѣ неудачныхъ Чигиринскихъ походовъ опасалось новаго нашествія Турокъ и Крымскаго хана на Украину и весьма расположено было заключить миръ съ Портою. Съ этою цѣлью еще въ декабрѣ 1678 года посланъ былъ въ Константинополь дворянинъ Василій Даудовъ съ царскою грамотою къ султану. Въ Турціи также сильно желали мира, и султанъ, еще не зная о посольствѣ Даудова, съ своей стороны поручилъ Молдавскому господарю Іоанну (Александрю) Дукѣ предложить царю свое посредничество при заключеніи мира⁶⁾. Посланецъ господара Бѣлевичъ прибылъ въ Кіевъ въ началѣ апрѣля, о чемъ извѣстилъ въ Москву воевода кн. Урусовъ. На встрѣчу ему отпращенъ былъ подъячій Посольскаго приказа Алексѣй Васильевъ,

³⁾ Михайловскій. Очеркъ жизни и службы Н. Спаеарія въ Россіи стр. 15.

⁴⁾ Тамъ же. Прилож. № 10.

⁵⁾ Прилож. № 3.

⁶⁾ Соловьевъ. Ист. Россіи т. XIII стр. 264 и слѣд. Подробности посольства Бѣлевича мы излагаемъ здѣсь на основаніи архивныхъ источниковъ. Молдавскія дѣла М. Гл. Арх. М. Ин. д. 7187 г. апр. 7.

которому приказано: «быти у Бѣлевича въ приставѣхъ, ѣхать съ нимъ къ Москвѣ и дорогою ѣдучи спрашивать его, съ какимъ дѣломъ онъ къ великому государю присланъ? также спрашивать его и о намѣреніи Турецкаго салтана, куда пойдетъ войною, и гдѣ нынѣ царскаго величества посланникъ Василей Даудовъ, который посланъ въ Турки?»

Подъячій встрѣтился съ посланцемъ въ Болховѣ 26-го апрѣля. Въ разговорахъ Бѣлевичъ сообщилъ: «что послалъ ево къ вел. государю Волоской господарь Иванъ Дука съ грамотою тайной, да и словесной съ нимъ наказъ, а какимъ дѣломъ, и того пмянно не сказалъ... А изъ Волоской де земли поѣхалъ онъ марта въ 25-й день, а какъ де онъ ѣхалъ чрезъ Немировъ и иные города, въ которыхъ есть турки и татары, и онъ сказывался, что ѣдетъ въ Кіевъ для окупы полоняниковъ, которыхъ волоховъ взяли въ полонъ подъ Чигиринымъ... А какъ онъ посланникъ поѣхалъ изъ Яссы, и въ то время войско турецкое собралось все къ Дунаю, салтанъ былъ въ Царегородѣ, а везиръ— въ Андрианополю, да и къ нимъ де въ Волоскую землю салтанскій указъ присланъ, чтобъ были всѣ къ службѣ готовы, а куда будетъ походъ, того подлинно невѣдомо, только де слухъ у нихъ такой, что пойдутъ подъ Кіевъ, а иные говорятъ, что на Запорожьѣ, и тамъ хотятъ турки въ нѣкоторыхъ мѣstechъ поставитъ городки; а самъ ли салтанъ пойдетъ, или визиръ, того невѣдомо». О Даудовѣ посланецъ господаря сообщилъ: «что онъ нынѣ есть въ Царьгородѣ, а какъ де онъ (Василей Даудовъ) пріѣхалъ въ Каменецъ Подольской, и ево де того города жители и турки и татары встрѣчали за городомъ всѣ и приняли ево съ великою честію и давъ ему подводы и провожатыхъ, отпустили ево до Яссы, а въ приставѣхъ у него былъ турецкой бей. А отъ Яссы де отпустилъ ево Волоской господарь въ Царьгородъ до Благовѣщеніева дни».

Въ Москвѣ, куда Бѣлевичъ прибылъ въ началѣ мая, приняли его недовѣрчиво, подозрѣвая въ немъ турецкаго шпіона. Его помѣстили за Москвою рѣкою, въ Ордынской слободѣ, и ко двору, который ему отвели, приставленъ былъ караулъ изъ стрѣльцовъ «коренныхъ и добрыхъ», перемѣнявшихся по-суточно.

Назначенному при Молдавскомъ посланцѣ приставу, дворянину Ивану Ѳедоровичу Рыкачеву указано было: «держати честь и береженье, чтобы къ посланцу никто не подходилъ и ничего съ нимъ не разговаривалъ и писемъ никакихъ не принесъ и у него не взялъ; лишнихъ словъ никакихъ съ нимъ не говорилъ, да смотрѣть ему, Ивану, надъ толмачи и надъ стрѣльцы, чтобъ на дворѣ стояли безъотступно и не бражничали и ни про какія вѣсти никто не рассказывалъ».

Въ Посольскомъ приказѣ Бѣлевича разспрашивали думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ и дьяки Василій Бобининъ и Емельянъ Украинцевъ. Они добивались, чтобы посланецъ объявилъ предъ ними листъ отъ господаря Дуки, удостовѣряющій о цѣляхъ его пріѣзда: «а словеснымъ разговорамъ вѣрить не доведется и до объявленія дѣлъ быти ему у великаго государя не мочно, п. ч. у царскаго величества съ салтаномъ турскимъ нынѣ недружба и война, а Дука воевода со всѣми Волоскіе земли жителями хотя и христіяне, только подъ игомъ ево басурманскимъ и дѣлають то, что онъ, салтанъ, имъ велить».

Послѣ долгихъ пререканій Бѣлевичъ, желавшій получить личную аудіенцію у царя, наконецъ согласился предъявить дьякамъ листъ и инструкцію за рукою и за печатью Дукиною. При этомъ онъ объяснилъ, что господарь, предлагая съ вѣдома султана свое посредничество въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Турціей, желаетъ принять его на себя: «чтобы то доброе дѣло учинилось не чрезъ иного, токмо чрезъ него, п. ч. за то онъ и всѣ православные христіяне примуть отъ салтана турскаго себѣ въ гоненіяхъ отраду».

На это Бѣлевичу отвѣчали отъ царскаго имени, что такъ какъ у господаря нѣтъ указа отъ султана о посредничествѣ, то царю невозможно принять его предложеніе, «потому что время настаетъ военное и царскія войска уже отпущены къ Кіеву». Бѣлевичъ увѣрилъ, что Дука безъ указа султана не посмѣлъ бы писать къ царю. На вопросъ, какого же именно мира желаетъ салтанъ, посланецъ затруднился дать опредѣленный отвѣтъ.

Тогда ему заявлено было, что царь войны и кровопролитія не желаетъ и что войну началъ салтанъ, «оставя исконную дружбу, а буде салтанъ миру хочеть, и царь съ нимъ въ мирѣ быти изволить такъ, какъ исконно было, а мимо прежняго обычая ничего учинити не изволить; также бы и салтанъ мимо прежняго обычая ничего не начиналъ и въ подданныхъ его царскаго величества не вступался». На это посланецъ отвѣтилъ: «въ то дѣло воевода вступаетъ для христіанскаго облегченія, п. ч. христіанамъ слишкомъ невыносимо стало басурманское иго, да и то воеводу Дуку понудило, что салтанъ къ хану Крымскому послалъ, чтобы онъ ево съ царскимъ величествомъ умирилъ и наказалъ ему просить Украины и Кіева, но только тотъ запросъ у нихъ напрасный и чтобъ вел. государь приказалъ имъ въ томъ отказать, и если государь укажетъ ему Дуку въ посредствѣ быти, и тогда со стороны салтана не токмо о тѣхъ статьяхъ говорить, но и воспоминанія не будетъ». Справедливости этихъ послѣднихъ словъ Московское правительство не особенно довѣряло. Незадолго предъ

тѣмъ, въ концѣ марта, доставлено было въ Посольскій приказъ письмо съ политическими вѣстями отъ племянниковъ Спаеарія изъ Яссъ ¹⁾). Исполняя порученіе дади, они извѣщали его, что турки опять готовятъ войска и согласятся на миръ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Украина лѣваго берега, поддавшаяся султану, оставалась за Турціей. Посланецъ господаря Бѣлевичъ также имѣлъ письма къ Спаеарію изъ Молдавіи: одно на греческомъ языкѣ, отъ самого господаря Дуки, въ которомъ послѣдній просилъ Спаеарія въ виду его близости къ «великимъ людямъ» въ Москвѣ оказать содѣйствіе Бѣлевичу въ предстоящихъ переговорахъ; другое—отъ Молдавскаго митрополита Досноея, просившаго поддержать предъ Московскимъ патриархомъ Іоакимомъ его ходатайство о высылкѣ ему типографскаго шрифта для печатанія церковныхъ книгъ ²⁾). Такія письменныя обращенія къ Спаеарію отъ его земляковъ даютъ основаніе предполагать, что служебное положеніе его въ Москвѣ уже значительно улучшилось въ это время.

10-го мая Бѣлевичъ удостоился видѣть царскія пресвѣтлыя очи, а на другой день на отпускѣ изъ Посольскаго приказа ему объявлено было околяничимъ Прончищевымъ, что Царь склоняется на предложеніе Дуки о посредничествѣ: «желая церквамъ Божиимъ свободы и православнымъ христіанамъ, которые пребываютъ подъ салтанскимъ игомъ, облегченья», но чтобы это дѣло велось въ тайнѣ. При этомъ Бѣлевичу вручена была отвѣтная Царская грамота къ господарю Дукѣ. Гетману Самойловичу посланъ былъ тогда же изъ Москвы указъ: «велѣтъ проводить Молдавскаго посланца до Яссъ и провѣдывать, отъ самаго ли истиннаго намѣренія Дука того посланца присылалъ и по салтанскому ли указу».

Участіе Спаеарія въ политической перепискѣ Посольскаго приказа по поводу Турецкихъ дѣлъ не ограничилось упомянутыми выше письмами. Изъ докладной выписки того-же 1679 года видно, что «9-го февраля въ Посольскомъ приказѣ переводчикъ Николай Спаеарій подалъ вѣстовое письмо, а сказалъ, что прислано къ нему то письмо изъ Волоской земли отъ сродичей ево съ волошениномъ съ Дмитрияшкою,

¹⁾ Приложение № 8.

²⁾ Прилож. № 7. О митрополитѣ Молдавскомъ Досноеѣ, который упоминается подъ 1679—1690 гг. см. *Голубинскаго* Кратк. очеркъ ист. прав. церквей болг., серб. и рум. М. 1871 стр. 380. М. Досноей получилъ отъ патриарха Моск. Іоакима типографскія принадлежности для печатанія сдѣланныхъ имъ съ греческаго и славянскаго переводовъ на волошск. языкъ. Изъ напечат. имъ книгъ извѣстенъ *Исалтъръ* на рум. и слав. яз., изд. въ Яссахъ въ 1680 г.

да тотъ же волошенинъ въ допросѣ сказалъ, что послалъ ево господарь съ тѣмъ письмомъ нарочно и далъ ему на дорогу 20 ефимковъ. Да и про инья вѣсти тотъ волошенинъ, которыя належатъ къ нынешнему времени, въ распросѣ сказывалъ же и по тѣмъ распроснымъ рѣчамъ вел. государю извѣстно¹⁾. Въ началѣ мая того же года, еще до отпуски Бѣлевича изъ Москвы, явился въ Посольскій приказъ другой волошенинъ, Родіонъ Марковъ, который въ распросѣ сообщилъ весьма важныя политическія вѣсти: «жилъ де онъ на Москвѣ съ греки въ Николаевскомъ монастырѣ и былъ въ Китаехъ съ Миколаемъ Спатаріемъ и въ нынешнемъ въ 187 году съ греки поѣхалъ въ свою землю и для торговаго промыслу остановились греки въ Малороссійскихъ городѣхъ. И въ то время ѣхалъ съ Москвы Василій Даудовъ и прислалъ къ нему грамотку отъ Миколая Спатарія, чтобъ онъ, Родіонъ съ нимъ ѣхалъ въ Волоскую землю и въ проѣзде всякую ему работу показалъ. И онъ де по тому письму поѣхалъ съ Васильемъ въ Переяславль, и изъ Переяславля посылалъ ево Василей съ подъячимъ съ Ѳедоромъ Старковымъ къ Юраску (Хмельницкому), назвавъ черкашениномъ, и онъ де съ нимъ будучи всякую муку терпѣлъ отъ Юраска. А будучи они съ Даудовымъ въ Волоской землѣ, провѣдывалъ онъ отъ господаря и отъ бояръ, которые сродники Николаю Спатарію, что салтанъ Турской поѣхалъ недавно изъ Андрианополя въ Царьградъ, однакожде въ городъ не шель, только гуляетъ на загородныхъ своихъ дворѣхъ, а не смѣетъ въ городъ входить, для того что Янычане и иные ратные люди думаютъ бунтъ учинить, для того что скучила имъ война. А визирь поѣхалъ за салтаномъ въ Царьградъ, а войско Турское стоитъ за Дунаемъ съ 50.000 и пушекъ съ 80, а надъ ними сержаскеръ Кара-Магметъ паша. И отъ салтана Турскаго къ господарю Волоскому и Мултянскому пришли указы, чтобы они готовы были на службу, а намѣреніе ихъ есть въ нынѣшнемъ году итти на Запорожье и тутъ строить города, п. ч. говорятъ они: чьи де будутъ Запороги, того будетъ и вся Украина, и для того посылалъ визирь для досмотру Запорожья и для строенія городовъ отъ себя нарочитаго челоуѣка²⁾»).

¹⁾ Въ Молдавскихъ дѣлахъ 1679 года мы не встрѣтили текста этого письма. Издаваемое же нами въ приложеніяхъ (№ 8) вышеупомянутое письмо отъ племянниковъ Спаеарія, писанное 9-го февраля изъ Яссъ и доставленное въ Москву лишь 27 марта, очевидно другое, ибо приведенное волошениномъ Дмитріемъ Дмитріевымъ письмо подано было Спаеаріемъ въ Посольскомъ приказѣ гораздо ранѣе, 9-го февраля, если не допустить ошибку въ пометкахъ.

²⁾ Молдавскія дѣла 7187 февр. 2—сент. 7188 г. М. И. арх. М. Ин. д.

Мирные переговоры съ Турціей тянулись, какъ извѣстно, болѣе двухъ лѣтъ. Даудовъ вернулся изъ Константинополя осенью 1679 съ извѣстіемъ, что султанъ не желаетъ отказаться отъ западной Украйны и предлагаетъ продолжать переговоры при посредствѣ Крымскаго хана. Пріѣзжавшій вторично въ Москву отъ господаря Дуки посланецъ Бѣлевичъ также подтвердилъ, что Турки предлагаютъ границею между обоими государствами Днѣпръ. При этомъ случаѣ Дука чрезъ своего посланца опять обращался къ Спаеарію съ письмами, въ которыхъ извѣщалъ его о полученіи чрезъ Бѣлевича царской грамоты и подарковъ и «дружелюбнаго писанія» отъ самого Спаеарія, а также просилъ его объ исполненіи въ Москвѣ нѣкоторыхъ личныхъ своихъ порученій—о заказѣ иконъ, покупкѣ мѣховъ и проч. «Къ иному ни къ кому тамо знакомства не имѣемъ, писалъ государь: сего ради надежно и дружелюбно тебѣ часто докучаемъ»¹⁾).

Въ августѣ 1680 г. посланъ былъ въ Крымъ стольникъ Тяпкинъ, который и заключилъ съ ханомъ Мурадъ-Гиреемъ предварительный мирный договоръ съ Турціей съ уступкою ей Заднѣпровья. Въ 1681 году для утвержденія этого договора султаномъ ѣздилъ въ Константинополь дьякъ Возницынъ²⁾; онъ сдѣлалъ попытку удержать за Россіей Запорожье, но безъ успѣха; мы видѣли, что Турки хорошо понимали его стратегическое значеніе. Послѣ смерти Юрія Хмельницкаго, умерщвленнаго турками, государь Дука въ томъ же 1681 году получилъ вмѣстѣ съ султанскимъ фирманомъ на Молдавское господарство въ видѣ прибавки къ господарскому сану и власть надъ всею областью, лежащею между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Страна эта представляла голую опустошенную степь, въ которой не нашлось ни одного уцѣлѣвшаго города. Послѣ двухлѣтняго номинальнаго гетманства Дука былъ захваченъ въ плѣнъ Поляками во время Вѣнскаго похода Собѣскаго, въ которомъ и пробылъ до самой своей смерти.

Дружественныя отношенія Іерусалимскаго патріарха Досея къ Спаеарію, начавшіяся на Востокѣ, продолжались и во время пребы-

¹⁾ *Прилож.* № 9.

²⁾ *Соловьевъ.* Ист. Россіи т. XIII, стр. 273. Въ стат. спискѣ Возницына въ описаніи свиданія его съ визиремъ встрѣчается слѣд. любопытное извѣстіе: «Визирь спрашивалъ о Сибири, сколь далеко тѣ страны и какъ близко города царскаго вельчества китайскихъ границъ? И дьякъ Прокофій Возницынъ, *помята статейный списокъ Николая Спаеарія*, о тѣхъ странахъ ему сказывалъ». Книга Турецкаго двора № 21 л. 151.

ванія послѣдняго въ Россіи. Патріархъ Досноей, какъ горячій ревнитель православія, иногда обращался къ содѣйствию Россіи въ церковныхъ дѣлахъ, прося о помощи бѣдствующей Іерусалимской патріархіи. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ неутомимо хлопоталъ о томъ, чтобы Россія помогла ему своимъ политическимъ вліяніемъ на Востоку возвратить святыя мѣста въ Іерусалимѣ, отнятыя въ это время у грековъ латинянами. Въ лицѣ Спаеарія патріархъ Досноей имѣлъ въ Москвѣ человѣка глубоко преданнаго церковнымъ интересамъ, которому онъ могъ не стѣсняясь повѣрять свои опасенія и надежды. Въ одной изъ своихъ грамотъ къ царямъ Іоанну и Петру отъ 1692 года Досноей, сообщая различныя политическія вѣсти и соображенія, въ заключеніе говоритъ: «греки, которые у васъ живутъ, чтобъ о томъ ничего не знали, о чемъ пишу, токмо словесный Николай Спаеарій»¹⁾. Къ 1696 году относится письмо патріарха Досноея къ Спаеарію, издаваемое нами въ приложеніяхъ²⁾ и также подтверждающее ихъ близкія отношенія. Письмо это переслано было Спаеарію изъ Букурешта племянникомъ Досноея, архимандритомъ Св. Гроба Хрусанеомъ Нотара, будущимъ преемникомъ его на Іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ. Предъ этимъ Хрусанеъ два раза посѣщалъ Москву, исполняя порученія своего дяди, которыя также давали ему случаи обращаться къ услугамъ Спаеарія. Такъ, на примѣръ, будучи въ Москвѣ въ 1693 году, Хрусанеъ хлопоталъ по мысли Досноея объ устройствѣ въ Москвѣ греческой типографіи, въ которой предполагалось печатать собраніе полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, присланныхъ съ этою цѣлью Іерусалимскимъ патріархомъ. Одно изъ этихъ сочиненій, а именно «Двоесловная бесѣда на ереси» Симеона, архіеп. Фессалоникійскаго, съ присоединеніемъ толкованій церковной службы Марка Евгеника, митр. Ефесскаго, было переведено Спаеаріемъ на славянскій языкъ въ 1697 году³⁾. Онъ также былъ особенно полезенъ Хрусанеу своимъ знаніемъ греческаго языка при выпискѣ въ Москву изъ за границы греческаго шрифта. Возвращаясь изъ Москвы, архимандритъ

¹⁾ Греч. стат. списки, кн. 12, 1692—94 г., л. 775. М. Гл. Арх. М. Ин. д.

²⁾ Приложение № 10.

³⁾ Михайловскій. стр. 17.—*Picot. Notice biogr. & bibliograph. sur N. Spatar Milesco*, p. 56, ссылается на рукопись Моск. Гл. Арх. М. Ин. д., гдѣ опредѣленно сказано: «переведенъ отъ многогрѣшнаго толкователя Николая Спаеарія». Между тѣмъ Каптеревъ сообщаетъ, что переводъ этой книги возложенъ былъ на извѣстнаго справщика монаха Евоніи, при чемъ ссылается на синодальный списокъ, исправленный рукою послѣдняго. См. Снош. Іерус. п. Досноея съ русск. правит., стр. 95, прим. 9.

Хрусанеъ писалъ по этому поводу патриарху Адриану изъ Батурина: «благодареніе да будетъ святому Богу, яко прииде и печать (греч. шрифтъ) и прочее совершенство, прииде же къ Архангельскому городу, яко же назнамена мнѣ прирадивый рабъ вашъ Николай Спаеарій»¹⁾. Русское правительство очень сочувственно отнеслось къ мысли патриарха Досіоея и приготовило все нужное для печатанія греческихъ книгъ въ Москвѣ, но дѣло остановилось за ненахожденіемъ свѣдущихъ справщиковъ. Вслѣдствіе столкновенія, происшедшаго между братьями Лихудами и Хрусанеомъ во время пребыванія его въ Москвѣ въ 1693 году, эти ученые наставники по настоянію Досіоея устранены были отъ преподаванія въ открытой съ 1686 г. въ Заиконоспасскомъ монастырѣ славяно-греко-латинской школѣ, а также и отъ наблюденія за печатаніемъ книгъ. Послѣ отъѣзда Хрусанеа изъ Москвы единственнымъ довѣреннымъ лицомъ для исполненія здѣсь порученій патриарха Досіоея и его племянника остался Спаеарій. Въ маѣ 1694 года Хрусанеъ писалъ къ патриарху Адриану: «Николай Спаеарій писалъ ко мнѣ, что азбуки греческія и латинскія готовы и будутъ де присланы къ Москвѣ въ іюль мѣсяцѣ; и се и іюль близъ есть и ко книгамъ нужда есть до справщика, понеже трудъ надъ ними великій. Сего ради да благовольтъ ваше всесвятѣйшество прислати ко мнѣ писаніе на имя владыки моего, или ко мнѣ о такомъ человѣкѣ, хотя чрезъ Спаеарія или Николая Семенова, аще не благоволиши отъ своего лица, и по тому писанію пришлется отъ насъ, не мѣшкавъ, человѣкъ искусный». По поводу замѣстителей Лихудовъ въ Заиконоспасской школѣ Хрусанеъ писалъ: «аще ваше святѣйшество о иныхъ учителяхъ сумнѣвается, благоволи спросити Николая Спаеарія, яко ученаго человѣка и правдиваго, за что и блаженнѣйшему моему владыкѣ крайній другъ, и не учинить лицепріятства предъ вашимъ лицомъ крайнимъ ни о сихъ (т. е. Лихудахъ), ни о хотящихъ быти»²⁾.

¹⁾ *Каттеревъ*. Снош. Іерус. патр. Досіоея съ русск. прав., стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 164—165. Будучи въ Москвѣ, арх. Хрусанеъ исполнилъ желаніе своего дяди патр. Досіоея перевести сочиненіе Спаеарія о Китаѣ на греческій языкъ. Дополнивъ это сочиненіе свѣдѣніями, полученными имъ отъ Спаеарія чрезъ личные распросы, Хрусанеъ составилъ книгу подъ заглавіемъ «Китай въ рабствѣ». По этому поводу сохранилось письмо Спаеарія къ Хрусанеу въ февралѣ 1694 г., напечат. у Legrand. *Bibl. grecque vulgaire* 417. См. также *Хр. Лопарева* — «Патр. Хрусанеъ и его отнош. къ Россіи» въ Трудахъ 8-го Археолог. Съѣзда въ Москвѣ, 1896, стр. 22.

Объ отношеніяхъ Спаеарія къ князю Василю Васильевичу Голицыну, который въ октябрѣ 1683 г. былъ назначенъ оберегателемъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и сдѣлался, такимъ образомъ, его непосредственнымъ начальникомъ, извѣстно весьма немногое. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, нуждающимся въ подтвержденіи, кн. Голицынъ былъ весьма расположенъ къ Спаеарію, отличалъ его служебными наградами и приблизилъ къ себѣ въ качествѣ домашняго человѣка ¹⁾. Несомнѣнно, что положеніе Спаеарія въ это время замѣтно упрочилось въ Москвѣ и онъ пользовался здѣсь авторитетомъ не только, какъ дипломатъ, но и какъ ученый. Въ 1685 г., вскорѣ послѣ прибытія въ Москву изъ Константинополя Лихудовъ, Спаеарій вмѣстѣ съ братьями вдовствовавшей супруги царя Феодора Алексѣевича Марьи Матвѣевны, Апраксинными и племянникомъ патріарха Іоакима, Иванъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, присутствовалъ на преніи Лихудовъ съ Яномъ Бѣлободскимъ по волновавшему тогда московское общество вопросу о времени пресуществленія св. даровъ. Какъ извѣстно, Спаеарій еще въ 1667 г., живя въ Стокгольмѣ, посвятилъ этому богословскому вопросу особый трактатъ.

Въ 1684 году въ іюлѣ прибыло въ Москву шведское посольство Людвигъ Фабриціуса, имѣвшее цѣлью исходатайствовать свободныя торговыя сношенія съ Персіей черезъ Астрахань. Секретаремъ этого посольства состоялъ извѣстный ученый Энгельбертъ Кемпферъ, прославившійся впоследствии своимъ замѣчательнымъ путешествіемъ въ Японію и учеными трудами по ботаникѣ ²⁾. При аудіенціи, которую Кемпферъ имѣлъ у князя Голицына, разговоръ происходилъ на латинскомъ языкѣ, при чемъ переводчикомъ былъ Спаеарій, о которомъ Кемпферъ поясняетъ въ своемъ дневникѣ: «это тотъ самый, который посланъ былъ при Артемонѣ (Матвѣевѣ) въ Китай» ³⁾.

Наконецъ, въ 1689 году, незадолго до паденія кн. Голицына, приѣзжалъ въ Москву французскій дипломатическій агентъ де-ла-Невиль, присланный маркизомъ де-Бетюномъ, посломъ Людовика XIV при Варшавскомъ дворѣ развѣдать о переговорахъ нашего двора съ Шведскимъ и Бранденбургскимъ. Проживъ въ Москвѣ пять мѣсяцевъ, съ конца іюля до половины декабря 1689 года, Невиль былъ свидѣтелемъ Московскихъ событій, окончившихся паденіемъ царевны Софіи и ея

¹⁾ Русск. Вѣст. *Полсваго*, 1841 г., т. II, стр. 383.

²⁾ *Peschel. Geschichte d. Erdkunde*, p. 561.

³⁾ Извлеченіе изъ дневника Кемпфера см. въ соч. *Аделунта* о баронѣ Мейербергѣ, Спб. 1827, стр. 338. Кемпферъ родился въ 1651 г. † въ 1716 г.

приверженцевъ. Онъ имѣлъ сношенія со многими дѣятелями этой эпохи, между прочими съ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Голицынымъ, съ молодымъ Матвѣевымъ и съ Спаеаріемъ, который назначенъ было состоять при Невилѣ въ приставахъ. Отсюда понятно, что въ сочиненіи, изданномъ де-ла-Невилемъ о Московіи и озаглавленномъ: «*Relation curieuse et nouvelle de Moscovie*» онъ весьма часто упоминаетъ о Спаеаріѣ и посвящаетъ ему даже отдѣльную главу подъ заглавіемъ: «*Recueil des conversations de Spatarus sur le voyage et commerce de la Chine*». Она заключаетъ біографическія свѣдѣнія о Спаеаріѣ и нѣкоторыя подробности о его путешествіи въ Китай черезъ Сибирь, но переполнена неточностями. Такъ, напримѣръ, здѣсь говорится, что Спаеарій началъ свою службу въ Россіи при Голицынѣ и имъ же посланъ былъ въ Китай и т. под. Между прочимъ де-ла-Невилъ упоминаетъ здѣсь о неудавшейся попыткѣ іезуитовъ открыть себѣ путь въ Китай черезъ Россію. Съ этою цѣлью пріѣзжали въ Москву въ 1685 году французскіе іезуиты Авриль и Боволье на пути изъ Персіи, гдѣ они встрѣтились съ польскимъ посланникомъ графомъ Сири и польскими іезуитами, также возвращавшимися чрезъ Москву. Кн. Голицынъ лично расположенъ былъ дать Аврилю позволеніе проѣхать въ Китай черезъ Сибирь, но вліянія его въ этомъ дѣлѣ оказалось недостаточно и разрѣшенія не послѣдовало. Авриль вмѣстѣ съ польскими іезуитами возвратился въ Польшу ¹⁾. Повѣствуя объ этомъ, Невилъ не преминулъ выразить свое негодованіе на грубыхъ московскихъ варваровъ.

¹⁾ Поводомъ къ путешествію, предпринятому іезуитомъ Филиппомъ Аврилемъ, было слѣдующее. Жившій въ Китаѣ извѣстный іезуитъ *Фердинандъ Вербіестъ*, видѣвшій Спаеарія въ Пекинѣ и поручившій ему письмо къ царю Алексѣю Михайловичу, издаваемое нами въ приложеніяхъ (№ 6), извѣстилъ генерала своего ордена, что число іезуитовъ въ Китаѣ необходимо увеличить. Итѣя предъ глазами примѣръ Спаеарія, прибывшаго въ Китай сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, Вербіестъ совѣтовалъ сдѣлать попытку посылать іезуитовъ не прежнимъ морскимъ путемъ, представлявшимъ безчисленныя опасности, а новымъ путемъ, чрезъ Татарію, который и предстояло изслѣдовать. Съ этою цѣлью отправился изъ Италіи въ январѣ 1685 года іезуитъ Авриль, проѣхавшій чрезъ Сирію, Арменію и Персію и Каспійскимъ моремъ до Астрахани, а отсюда въ Москву. Здѣсь ему удалось получить нѣкоторыя свѣдѣнія о дорогахъ въ Китай, быть можетъ отъ самого Спаеарія, и скопировать карту, происхожденіе которой проф. Флоринскій также приписываетъ послѣднему. Какъ извѣстно, Спаеарій, по возвращеніи изъ Китая, подалъ въ Посольскій приказъ чертежъ пройденнаго имъ пути, къ сожалѣнію утраченный. См. *Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la*

Жалуясь на свой вынужденно замкнутый образъ жизни въ Москвѣ вслѣдствіе происходившихъ тогда смуть, Невиль пишетъ: «я не смѣлъ почти выходить изъ дому и все мое общество составлялъ мой приставъ (Спаөарій), который оказался весьма умнымъ человѣкомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе развлекалъ бы меня въ моемъ одиночествѣ, если бы былъ не такъ скрытенъ. Опасаясь отвѣтственности, онъ не рѣшался сообщить мнѣ много любопытнаго объ особенностяхъ тамошняго двора, чего я не могъ узнать помимо него».

При изложеніи обстоятельствъ службы Спаөарія въ Посольскомъ приказѣ нельзя обойти молчаніемъ выѣзда въ Россію въ концѣ 1686 года его племянниковъ, Ивана и Степана Спаөаріевъ, о которомъ сохранилось подробное архивное извѣстіе ¹⁾. Они прибыли въ Москву изъ Польши на Смоленскъ, т. е. тѣмъ же путемъ, которымъ пріѣхалъ за 15 лѣтъ раньше ихъ дядя. 7-го декабря волоскіе шляхтичи, братья Спаөаріи въ сопровожденіи 3-хъ слугъ достигли Москвы и здѣсь въ Посольскомъ приказѣ, по обычаю, были спрошены дьяками. По ихъ объясненію: «отецъ ихъ, Андрей Апостоль Гавриловъ сынъ Спаөарій чиномъ въ Волоской землѣ былъ бояринъ и преставился въ Ясѣхъ тому осьмой годъ, а нынѣ у нихъ братъ ихъ родной, средній въ Волоской землѣ у волоскаго господара служить въ постельничихъ, и имѣютъ они въ Волоской землѣ маетности добрыя». Относительно причинъ, побудившихъ ихъ оставить отечество, Спаөарія сообщили слѣдующее. Молдавія въ это время испытывала бѣдствія войны. Польскій король Янъ Собѣскій, послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Москвою, обратилъ всѣ свои силы противъ Турокъ, къ чему побуждали его папа Иннокентій XI и императоръ Леопольдъ Австрійскій. Онъ вступилъ въ Молдавію съ 40 тысячнымъ войскомъ съ цѣлію завоевать Придунайскія княжества въ свое наслѣдственное владѣніе. 16 августа 1686 г. король занялъ Яссы, откуда господарь Константинъ Кантеміръ успѣшилъ удалиться. Братья Спаөаріи находились въ это время въ молдавской столицѣ и были участниками встрѣчи Собѣскаго въ Яссахъ. По ихъ разсказу, Кантеміръ послалъ на встрѣчу королю своихъ бояръ съ заявленіемъ, что онъ будетъ принять въ Яссахъ со всякою честію и вѣрностію, какъ христіанскій государь; при этомъ господарь извинялся

China. Paris. 1692. Дипломат. собр. дѣлъ между Рос. и Кит. госуд. *Н. Бантъинъ-Каменскаго*, изд. В. М. Флоринскимъ. Казань, 1882, стр. 530.

¹⁾ М. Гл. Арх. М. Ин. д. Книга о выѣздахъ, № 23, № 12.

предъ королемъ, что лишень возможности лично его встрѣтить, опасаясь турецкаго султана, у котораго сынъ его находится въ аманатахъ. Собѣскій вступилъ въ Яссы съ большою торжественностію: именитые бояре и духовенство встрѣтили его за городомъ съ крестами и иконами и проводили съ церковнымъ пѣніемъ до соборнаго храма св. Николая. При входѣ короля съ сенаторами въ соборъ, здѣсь пѣли входъ: на одной сторонѣ «достойно» — по-гречески, а на другой — по-словенски; при этомъ король и сенаторы цѣловали крестъ и всѣ св. иконы. Церемонія эта завершилась торжественною присягою короля въ присутствіи всего народа, блюсти цѣлость Молдавіи и охранять ее отъ внѣшнихъ враговъ. Король послѣ этого принялъ приглашеніе бояръ къ обѣденному столу въ палатахъ господаря. Вечеромъ въ помѣщеніи короля «по случаю той съ обоихъ сторонъ радости, чинены были разные игры, и самъ король и гетманы танцовали по-волоски, и ч. король вельми знаетъ разговаривать по-волоски». Король роздалъ волоскимъ боярамъ универсалы, чтобы польскія войска не причиняли имъ никакихъ обидъ и раззореній, но это обѣщаніе было вскорѣ нарушено. Во время стоянки короля лагеремъ въ Цедорѣ, польское войско разбрелось по окрестностямъ и принялось раззорять боярскіе маетности и дворы. Въ числѣ потерпѣвшихъ были и Спаөарии, у которыхъ поляки раззорили дворъ и отогнали до трехъсотъ лошадей. Король, которому Спаөарии лично принесли жалобу, въ это время выступалъ въ походъ и предложилъ имъ сопровождать его, обѣщая разслѣдовать дѣло и наказать виновныхъ. Но на другой день на берегу р. Прута на польское войско неожиданно напали крымскіе Татары, къ которымъ вскорѣ присоединились и Турки: тутъ было уже не до разслѣдованій. Преслѣдуемый по пятамъ непріателемъ, Собѣскій послѣ сраженія при мѣстечкѣ Тыргу-Өурмосъ принужденъ былъ отступать къ Польской границѣ по р. Серегу до Сочавы и далѣе къ Снятину. Около границы овъ встрѣтилъ царскаго посланца Козьму Неөимонова, ѣхавшаго къ цесарю Леопольду, и укрылъ его въ своемъ обозѣ во время нападенія Татаръ. Изъ Снятина Неөимоновъ отпущенъ былъ королемъ въ Львовъ, гдѣ находились въ это время великіе Московскіе послы, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольникій Чаадаевъ, ожидавшіе возвращенія Собѣскаго изъ Молдавіи для подтвержденія договора о вѣчномъ мирѣ между Россією и Польшею. Сюда же отправились и братья Спаөарии, для которыхъ возвращеніе въ Молдавію было въ то время невымыслимо. Король предлагалъ имъ остаться въ Польшѣ, обѣщая дать имъ здѣсь маетности. Но послѣ встрѣчи съ Неөимоновымъ и царскими великими послами во Львовѣ Спаөарии послѣдовали ихъ совѣтамъ и

рѣшились: «лучше ѣхать къ великимъ государямъ къ Москвѣ, гдѣ и дядя ихъ Николай Спаеарій великимъ государямъ служить, и для того пріѣхали они къ Москвѣ на время и съ дядею повидаться». Впрочемъ въ своей челобитной къ царямъ ¹⁾ племянники Спаеарія просили «принять ихъ на службу на время», что и было исполнено. Нововыѣзжіе волоскіе шляхтичи получили за свой выѣздъ въ Россію весьма щедрое жалованье: «по ковшу серебряному, Ивану въ 2 гривени, Степану въ 1½ гр., да по портицу атласу, по портицу таеты, по портицу сукна кармазину, по 2 пары соболей—по 50 рублевъ пара—человѣку, да денегъ: Ивану 30, Степану 25 рублевъ». При этомъ указано: «написать ихъ на службу по Московскому списку и давать имъ поденнаго корму: Ивану по 10 алтынъ, Степану—по 8 алтынъ, 2 деньга на день».

3-го января 1687 года племянники Спаеарія удостоились «быть у вел. государей царей Иоанна и Петра Алексѣевичей и вел. государыни царевны Софіи Алексѣевны на дворѣ, видѣть ихъ государскіе пресвѣтлыя очи и быть у ихъ государской руки». Въ тотъ же день послано было имъ «въ стола мѣсто» съ дворцовъ совершенно такое же царское жалованье явствами и питьемъ, какое дано было ихъ дядѣ при его выѣздѣ. Изъ всего изложеннаго можно заключить, что Николай Спаеарій пользовался въ это время особеннымъ благоволеніемъ своего ближайшаго начальника, князя В. В. Голицына.

Извѣстія, относящіяся къ послѣднимъ годамъ жизни Николая Спаеарія, отличаются особенною скудостью. Неизвѣстенъ былъ до сихъ поръ также годъ его смерти ²⁾. Намъ удалось найти точное извѣстіе объ этомъ, по которому оказывается, что Спаеарій умеръ въ 1708 году, состоя до самой своей смерти на службѣ переводчикомъ Посольскаго приказа. Это извѣстіе почерпнуто изъ Армянскихъ дѣлъ М. Гл. Архива М. Им. д., между которыми мы встрѣтили подъ 1718 г. «дѣло по извѣту армянскаго архіепископа Вартапта о найденномъ у служителей кн. Кантемира 15 лѣтъ тому назадъ писанномъ изъ Арменіи къ переводчику Спаеарію письмѣ, по которому обѣщалось ему 4,000 червонцевъ за трудъ его по исполненію порученія умершаго Израила Орія». Объ участіи Спаеарія въ политическихъ сношеніяхъ Посольскаго приказа

¹⁾ Приложение № 11.

²⁾ Михайловскій считалъ 1709 г. годомъ смерти Спаеарія, а румынскій ученый Hasdeu—1714 г.

съ Армянами извѣстно было до сихъ поръ лишь краткое свѣдѣніе въ письмѣ Спаеарія къ начальнику Посольскаго приказа боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину отъ 15 ноября 1704 года ¹⁾. Спаеарій пишетъ къ послѣднему: «давно уже послалъ я къ вельможности вашей переводы армянскіе за рукою моею, а по сию пору вѣдомости еще нѣтъ; приняты въ дѣлости, или нѣтъ, прошу униженнѣ отповѣдь: а Вартапетъ граматы, чтò належатъ къ цесарю и курфирсту, хотѣлъ послати къ Орію, а я не велѣлъ ему до вашего указа, и о томъ какъ государь изволишь, и прикажи». Этотъ Израиль Орія прибылъ въ Россію въ концѣ іюня 1701 года чрезъ Смоленскъ. Будучи представленъ боярину Головину, онъ объявилъ себя армяниномъ знатнаго рода и объяснилъ, что уже 20 лѣтъ проживаетъ въ Западной Европѣ. Онъ предлагалъ Петру Великому возбудить въ Персіи возстаніе своихъ соотечественниковъ съ цѣлью освобожденія Армянскаго народа подъ покровительствомъ Россіи. Императоръ Австрійскій и курфирстъ Баварскій также, по его словамъ, обѣщали ему свою помощь въ этомъ дѣлѣ. Переговоры съ Оріемъ продолжались до 1702 года, когда ему было объявлено, что царь принимаетъ его предложеніе благопріятно и начать и совершить предпріятіе не отрицается, но только не ранѣе окончанія Шведской войны. Въ 1703 году Орія былъ отпущенъ изъ Москвы къ цесарю и курфирсту, чтобы освѣдомиться, какую помощь они могутъ дать, а въ 1707 году, возвратившись изъ этой поѣздки, отправился въ Персію для развѣдочныхъ цѣлей подъ видомъ папскаго посланника, но умеръ на возвратномъ пути изъ Астрахани. Въ Россіи остался товарищъ Орія, архимандритъ Минасъ Вартапетъ, при посредствѣ котораго сношенія Посольскаго приказа съ Армянами продолжались ²⁾.

Послѣ смерти Спаеарія въ числѣ доставшихся его наслѣдникамъ бумагъ оказалось письмо на армянскомъ языкѣ, въ которомъ упоминалось имя Минаса Вартапета. Послѣдній, получивъ его въ руки для перевода его содержанія, отказался возвратитъ его наслѣдникамъ Спаеарія, такъ какъ оно касалось вышеупомянутыхъ тайныхъ сношеній съ Армянами. Отсюда и возникло означенное дѣло ³⁾.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1867 г., № 2, стр. 308.

²⁾ *Соловьевъ*. Ист. Россіи, т. XVIII, глава 1, стр. 53 и слѣд.

³⁾ *Приложеніе № 12*.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Выздѣ къ Москвѣ изъ Литвы волошенина Миколая Спотариуса во 179 году, тутъ же выписки, какъ онъ взятъ въ Посольской приказъ въ переводчики въ нынѣшнемъ во 180-мъ году.

Государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю всеа вел. и мал. и бѣл. Росіи самодержцу холопи твои Ивашко Хованской съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 179 году мая въ 28 день пріѣхалъ къ Смоленску на пріѣзжей дворъ Волоскіе земли шляхтичъ греченинъ Миколай Спотариусъ, а съ нимъ челядниковъ его три человекъ. И мы, холопи твои, велѣли ево распросить полуголове Московскихъ стрѣльцовъ Ивану Шапкину, а что онъ Микулай ему Ивану Шапкину въ распросе сказалъ, и тѣ ево распросные рѣчи къ тебѣ вел. государю (т.) (п) къ Москвѣ послали мы, холопи твои, подъ сею отпискою и ево Миколая отпустили Смоленскіе приказные избы съ деньщикомъ съ Ѳедькою Ларионовымъ мая въ 29-й день. А отписку, государь, и распросные рѣчи велѣли подать и ево Миколая объявить въ Посольскомъ приказе думному дворянину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, дьякомъ Григорію Богданову да Якову Повдышеву. А не отпустить ево Микулая къ тебѣ, вел. государю, мы, холопи твои, не смѣли, потому что онъ въ распросѣ сказалъ: послали де ево къ тебѣ, вел. государю, къ Москвѣ изъ Андреянаполя Еросалимской патріархъ Досиѣей да секретарь Турской Панотій съ письмомъ тайнымъ, и словесной де съ нимъ Микулаемъ приказъ тайной есть.

179-го году мая въ 28-й д. пріѣхалъ къ Смоленску на пріѣзжей дворъ Волоской земли шляхтичъ греченинъ Микулай Спотариусъ, а съ нимъ челядниковъ ево три человекъ.

А въ распросе онъ Микулай сказалъ: въ нынешнемъ во 179 году марта въ 1-й день послали ево къ вел. государю къ Москвѣ изъ Андреянаполя Еросалимской патріархъ Досиѣей да секретарь Турской Панотій съ письмомъ с тайнымъ обычаемъ и словесной де съ нимъ Микулаемъ приказъ тайной есть. А изъ Андріанаполя проѣхалъ онъ

на Венгерскую землю, да на Польскую землю, на Варшаву. И въ Варшаве де у Польскаго короля былъ онъ три недѣли. И король де Польской далъ ему проезжей листъ, и съ тѣмъ де проезжимъ листомъ ѣхалъ онъ чрезъ Польскую землю на Менескъ, на Борисовъ, на Дубровну. А которыми мѣсты онъ ѣхалъ, и въ тѣхъ мѣстехъ здорово.

Про вести сказаль: писали де къ нему, Микулаю изъ Андреянаполя в Варшаву сродичи ево, что Турской царь изъ Андреянаполя съ великимъ войскомъ пошолъ до своего великаго Белаграда, которой стоитъ надъ рекою Дунаемъ, къ Цесарскому рубежу. А итить де ему войною на Волоскую землю, на Венегинъ, и цесарь де христіанской послалъ войско свое на Венгерскую границу для обереганья своей земли. А Польской де король изъ Варшавы хочеть итить въ скорѣ жъ до Львова съ посполитымъ рушеньемъ на Татаръ и на казаковъ, которые казаки съ Дорошенкомъ поддалися Турскому царю и польскую де землю воюють. И отъ Турскаго де царя Польской король беретца. А Бориса де Левонтьева при немъ Микулае Польской король изъ Варшавы отпустилъ къ вел. государю за недѣлю до ево Микулаева поѣзду. А онъ де Микулай изъ Варшавы поѣхалъ тому нынѣ третьнадцатой день.

А отписка подана въ Посольскомъ приказѣ июня въ 3-й день.

179-го года июня въ 4-й день указаль великій государь, царь и вел. князь Алексѣй Михайловичъ (т.) (п.) дать своего вел. государя жалованья, въ стола мѣсто, на пріѣздѣ волоскіе земли шляхтичу, греченину Микулаю Спотариусу съ дворца: колачъ крупчатой въ пол лопатки, три колача смесныхъ, курникъ меньшей, пирогъ косой, блюдо жаворонковъ, блюдо пироговъ праженныхъ, блюдо сырниковъ, кура жаркое, кура въ ухѣ шаеранной, кура въ лапшѣ, по крушкѣ вина двойного, двѣ крушки ромашев, полведра вина простого, ведро меду обѣрного, ведро меду цеженого, ведро пива ячного. Сей вел. государя указъ приказаль записать думной дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

И того жъ числа противъ сего вел. государя указу память въ дворецъ послана.

179 года июня въ 3-й день пріѣхалъ къ Москвѣ греченинъ Микулай Спотариусъ, а съ собою привезъ къ вел. государю листъ свѣтѣйшаго патріарха Иеросалимскаго Досіея *).

*) Листъ патріарха Досіея изданъ въ статьѣ П. Сырку «Николай Спафери до пріѣзда въ Россію» и поэтому здѣсь опущенъ.

А въ Посольскомъ приказѣ въ допросѣ оный, Миколай сказалъ: отпустилъ де ево къ вел. государю святѣйшій патріархъ да салтана Турскаго розныхъ языковъ переводчикъ греченинъ Панаиотъ въ нынѣшнемъ во 179 году марта въ 1-й день изъ Андрианополя, и листъ съ нимъ патріархъ послалъ, а рѣчью приказывалъ къ вел. государю съ нимъ переводчикъ Панаиотъ объявить, чтобъ изволилъ вел. государь гетмана Многогрѣшнаго держать въ великой осторожности, потому писалъ де къ салтану Дорошенко, что оный, гетманъ Демьянъ Многогрѣшный зѣло боленъ и имѣеть съ нимъ, Дорошенкомъ совѣтъ и соединительство, только усматриваетъ времени, какъ бы ему поддатца салтану и быть бы имъ обонимъ въ подданствѣ у него, салтана. Да Дорошенко же де къ салтану писалъ, чтобъ оный, салтанъ взялъ у Тетери булаву и иные войсковые клейноты и старше привиліи, которые оный съ собою увезъ, и прислалъ къ нему, Дорошенку. И по тому Дорошенкову письму салтанъ у Тетери войсковые клейноты и булаву и привиліи всѣ ввѣлъ, а къ Дорошенку ихъ не послалъ, опасаяся того, чтобъ оный съ тѣми привиліи по прежнему къ Полякомъ не присталъ. А Тетеря де послѣ того вскоре умеръ. А Юраска Хмельницкой нынѣ сидитъ въ Царѣгородѣ на семи башняхъ скованъ, а корму даютъ ему по двѣ гривны на день. А держать де ево для того, если казаки Дорошенка оставятъ или самъ оный имъ, Туркамъ измѣнить, и они тотчасъ Хмельницкаго учинятъ гетманомъ и давъ ему не малое войско, пошлютъ на Украйну. И казаки къ нему пристануть, и чають они, что Хмельницкаго казаки всѣ любятъ. А салтанъ Турской и везиръ въ Андрианополѣ собрали великіе войска и всякіе ратные припасы готовили многіе. А рѣчь тогда у нихъ носилась, что итти имъ войною на Польскаго короля. А салтанъ де Турской зѣло разуменъ, а таково сребролюбивъ, что никогда такова не бывало, и чаю, что и впредь не будетъ. А сынъ его нынѣ семи лѣтъ, и хочеть оный учинить ему обрѣзаніе вскорѣ, а то де обрѣзаніе салтаничевъ бываетъ у нихъ съ великою славою и съ приношеніемъ многога богатства. А съ матерью де своею и съ братьями пребываетъ въ недружбѣ за то, хочеть оный братьевъ своихъ побити, а мать ему ихъ не даетъ, потому что тѣхъ братовъ отдала ей всѣ янычарскіе головы и янычары на сбереженъе.

А ханъ де нынешней Крымской Царскому величеству великой неприятель и къ салтану Турскому пишеть о Стенькинѣ воровствѣ Разина по часту. И передъ ево де Миколаевымъ отъѣздомъ письмо къ салтану отъ хана пришло, что воръ Разинъ всѣ Татарскія государства по Волгѣ будучіе овладѣлъ, и бусурманы тамошніе всѣ при немъ стоятъ. И оный, ханъ съ тѣми бусурманы пріятсво и соединеніе учинилъ

же и будто уже усматриваетъ онъ, ханъ времени, какъ бы ему съ Стенькою и съ Астраханскими и съ Нагайскими Татары и со всѣмъ Крымомъ ударить на Московское государство войною. И Турки де тому зѣло радуютца, п. ч. они никою такъ себѣ непріателемъ не почитаютъ, какъ Московское государство. Да ханъ же Крымской чрезъ одного жиды учинилъ Свѣйскому королю ссылку и пріязнь съ салтаномъ Турскимъ, о которой неизвычайной ссылкой всѣхъ королей резиденты, въ Царѣгородѣ будучіе, зѣло подивились, а обѣщаетъ де Свѣйской король для дружбы давать салтану по 300 т. фунтовъ мѣды на годъ. А для чего Свѣйскому королю турецкая дружба надобна, онъ не вѣдаетъ. А пріѣзжалъ де тотъ жидъ къ салтану Турскому отъ Свѣйскаго короля двожды. Да у салтана жъ де былъ при немъ, Миколае Французскаго короля посоль съ такимъ прошеніемъ, чтобъ онъ, салтанъ отдалъ ево духовнымъ людемъ всѣ Ерсоалимскіе святости, а у грековъ бы отнялъ, и они за то учинять съ нимъ, салтаномъ союзъ противъ всякаго непріателя, сухимъ путемъ и моремъ. И салтанъ де имъ отказалъ, святостей не далъ, а говорилъ, чтобъ они напредъ дали ему помочь, а онъ, увидя ихъ правду, и Ерсоалимскіе святости всѣ имъ отдастъ. И посоль де учинить того не хотѣлъ и для того отпущенъ безъ дѣла. Да салтанъ же Турской писалъ къ Крымскому хану и къ Силистріійскому папѣ, чтобъ они давали помощь казакомъ противъ всякаго непріателя, сколько имъ надобно. А если надобно имъ будетъ, то и везиря онъ къ нимъ тотчасъ съ великою силою пришлетъ. Да Дорошенко де писалъ къ салтану, что Царское величество хочетъ отдать Кіевъ и всѣ завоеванные города полякомъ въ нынѣшнемъ году, и въ тѣхъ городѣхъ поставятъ поляки своихъ ратныхъ людей и тѣмъ учинятца безсильны. А онъ бы салтанъ въ то время на поляковъ наступилъ и Бѣлую Церковь имъ очистилъ и съ поляки границу имъ учинилъ. А Тукальской де ищетъ того, чтобъ салтанъ приказалъ свѣтѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ учинить ево на Малой и на Червоной и на Черной Русяхъ патріархомъ, а какъ онъ учнетъ того прилежно просить, и салтанъ де, конечно, велитъ его патріархомъ учинить.

А ѣхалъ онъ, Миколай Турскою землею на великой Бѣлгородъ Турской, что надъ Дунаемъ, а изъ Бѣлгорода чрезъ Венгерскую землю и былъ Венгерскаго Ракоцы у сына. А отъ Ракоцына сына пріѣхалъ въ Польшу, во Львовъ на вербной недѣлѣ и изъ Львова въ Варшаву на Свѣтлое Христово воскресенье и былъ у королевскаго величества съ листомъ, которой писалъ съ нимъ къ королю господинъ Панагіотъ о томъ, какъ де былъ у Турскаго салтана напередъ сего польской

посоль каштелянъ Виленской, панъ Падлядовской и занялъ у него 1000 золотыхъ червонныхъ, и по се де время тѣхъ золотыхъ ему не заплатилъ. А посланникъ де польской, Высоцкой, который нынѣ у салтана, о томъ долгу съ нимъ, Николаемъ къ королю писалъ же. И король де и сенатори приговорили тому Падладовскому платить золотыя собою, да сверхъ того приговорили Панагіоту давать изъ скарбу по 500 золотыхъ червонныхъ на годъ, для того что польскіе дѣла всегда у него, Панагіота бывають. Да при немъ же въ Польшѣ была воинская рада въ Радомле, на которой радѣ договоръ былъ о заплатѣ войску и чтобъ еще учинить какая крѣпость подъ Каменцемъ Подольскимъ, да на той же радѣ думали, кого имъ принять къ себѣ на помощь изъ Немецкихъ государей, и больши де на той странѣ было, которые хотѣли принять француза, только де наипаче всѣхъ надежду имѣють себѣ Поляки въ воинской помочи на Царское величество. И говорятъ сенатори и многая шляхта, что къ нимъ Царское величество милость свою являетъ, городъ Кіевъ и чрезъ договоръ держить съ своими ратными людьми и воинскими запасы, для того что естьли Кіевъ отдать имъ Полякомъ, и у нихъ тотчасъ Дорошенко возьметъ и отдастъ Турку. И за то они Царское величество благодарятъ. А самъ де король со всѣмъ посполитымъ рушеньемъ и съ королевою хочетъ итти въ Львовъ, только де у нихъ воинскихъ запасовъ и пушекъ и подводъ и возовъ ничего готоваго нѣтъ, и многіе тому походу статца не чають. А цесарской де резидентъ королю тотъ походъ отговариваетъ тѣмъ, чтобъ выведчи его Поляки къ Украйне, не учинили ему какова зла, а лутчи бѣ ему быть въ Варшаве, а не въ войску. А съ Собежскимъ де король и съ великимъ подскарбіемъ коруннымъ и съ примасомъ примирился, только де по 2 сенатори трое въ великомъ межъ собою пребываютъ совѣтъ и еранцузскую страну держать, а на короля конечно тайное непріятельство мыслятъ. Да при немъ же писалъ къ подканцлеру Дорошенко съ великимъ прошеніемъ, чтобъ онъ былъ ему къ королевскому величеству заступникомъ, а королевское бы величество всѣ вины и преступленія ему отдалъ, а онъ будетъ ему вѣчнымъ подданнымъ. И король де и сенатори тотъ ево листъ поставили ни во что, и тотъ де листъ ему, Николаю подканцлеръ показывалъ, и послали съ того листа поляки на улику Дорошенку къ Турскому салтану списокъ. И Ханенко де гонцовъ своихъ къ королю послалъ же съ объявленіемъ вѣрнаго подданства своего, только де поляки ево гонцовъ не почитають и корму имъ не дають, и казаки де говорятъ, что учнутъ они себѣ искать ласковаго государя, а отъ поляковъ они никакова себѣ добра не видать. Да при немъ же послалъ

было король въ Запороги къ Ханенку стольника Поморскаго, Андрея Жальскаго съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ Ханенко съ казаками пошелъ въ стругахъ и въ баркахъ войною на Турскіе мѣста и тѣмъ бы Туркамъ страхъ показалъ. И Многогрѣшный де Жальскаго въ Запороги не пропустилъ. Да при немъ же былъ у короля хановъ посолье и отзывался отъ хана королю дружбою и другу другомъ, а недругу недругомъ. И говорили, что имъ Турской салтанъ велитъ на нихъ итти войною, только они нейдутъ, а договоры додерживаютъ. А которые де Татарове нынѣ при Дорошенкѣ, и то не Крымскіе, Бѣлогородскіе. А къ Царскому величеству посылаетъ король великихъ своихъ пословъ съ подтвержденіемъ перемирныхъ договоровъ и учиненнаго союзу, воеводу Хелминскаго да референдаря Брестовскаго, для того чтобъ Царское величество былъ имъ помощникомъ въ Турской и казачкой войнѣ, и нынѣ воевода Хелминской въ Варшавѣ, а референдаръ—въ Вильнѣ. А мешкаетъ де воевода въ Варшавѣ третьей мѣсяць затѣмъ, что на подмогу ему подскарбій корунной денегъ ничего не дастъ, п. ч. ему мирные договоры съ Царскимъ величествомъ не любы и чтобъ де тою мешкотою съ Царскимъ величествомъ какъ ни есть покой помѣнать. А онъ де подскарбій держитъ Кондеушову стору. А польской де гонецъ Высоцкой посланъ къ салтану съ объявленіемъ королевскаго государствования и чтобъ салтанъ съ королемъ прежнюю дружбу обновилъ. И Высоцкой де, будучи у салтана, назвался посланникомъ, а не гонцомъ, и Турки де, выразумѣвъ изъ грамоты, учали было ему давать кормъ гонецкой, а онъ не ималъ, и послѣ того ничего ему давать не учали и говорили ему: буде онъ посланникъ, и онъ бы писалъ королю, чтобъ король въ казаковъ не вступался и учинилъ бы границу, и Высоцкой того учинить не хотѣлъ, а послѣ того къ королю писалъ и король ему въ томъ отказалъ же, и нынѣ онъ, Высоцкой въ Андрианополе, а король на него, что онъ посланникомъ назвался, зѣло гнѣвенъ. А какъ де онъ былъ въ Варшавѣ, и при немъ изъ Цесарской земли чрезъ почту къ цесарскому резиденту пришли вѣдомости, что салтанъ Турской и везиръ съ великимъ войскомъ сухимъ путемъ и моремъ подлинно изъ Андрианополя пошли апрѣля въ послѣднихъ числѣхъ въ Дунайской великой Бѣлгородъ, и нынѣ чають они, что конечно ужъ салтанъ есть въ Бѣлгородѣ, а славу де Турки пустили, будто идетъ салтанъ войною на Виницѣйскую Долмацкую землю, только де того подлинно никто не можетъ вѣдать, на кого онъ хочетъ войною итти. А изъ Бѣлгорода мочно поспѣть и въ Польшу шестымъ днемъ, только великимъ войскомъ къ Польшѣ чрезъ Венгерскія горы трудно итти, только де чаю,

что конечно салтанъ хочетъ имѣть войну съ Виницѣяны, потому что шестьдесятъ каторгъ воинскихъ Бѣлымъ моремъ къ городу своему Соланею послалъ, а тотъ де городъ Салонъ стоитъ близко Венецѣйской Долмацкой земли. Да изъ Цесарской же де земли была при немъ въ Варшавѣ вѣдомость, что цесарь Венгерскихъ своихъ измѣнниковъ, графовъ Сиринія да Надаста и съ ними 40 человекъ заводчиковъ поималъ и перевѣшалъ и имѣеть нынѣ цесарь въ собраніи войска своего при границахъ турецкихъ 40 тысячъ человекъ, также де и турецкіе порубежные пашы по салтанову указу перебѣщиковъ цесарю многихъ выдаютъ и цесарь, видя такой турецкой поступокъ, посла своего къ салтану послалъ съ великими дарами, а поляки за то нынѣ на цесарскаго резидента досадуя и говорятъ: цесарь де Турка на нихъ подарками своими накушаетъ, а резидентъ имъ говорить, что цесарское величество свое государство оберегаетъ, а вольно и имъ посла своего къ салтану съ подарками послать. А тотъ де цесарской резидентъ именемъ Августинъ и ему, Николаю добрый пріятель и другъ, и обѣщался изъ Варшавы къ нему къ Москвѣ о всякихъ вѣдомостяхъ чрезъ почту писать, а онъ де Августинъ былъ у Царскаго величества на Москвѣ посломъ, а какъ учнетъ писать, и о томъ далъ ему цыфирную азбуку. А въ Царѣ де градъ нынѣ новой патріархъ, бывшей Пареевой, а на Александрѣйскаго де патріарха напалъ воръ, греченинъ Архипко, которой сказываютъ, что живалъ на Москвѣ у Газскаго митрополита, въ томъ, будто онъ, патріархъ взялъ у него сильно 70.000 червонныхъ золотыхъ, а онъ де Архипко называется Царскаго величества бывшимъ казначеемъ, да къ нему жъ де пристали и иные многословные свидѣтели и воеводѣ подали челобитную, и салтанъ патріарха приказалъ привести къ себѣ, а патріархъ де престолъ свой приказалъ учителю своему.

Да переводчикъ же де Панагиотъ приказывалъ съ нимъ къ Царскому величеству, что онъ во всемъ будетъ Царскому величеству вѣрной и тайной слуга, да чтобъ поволить ему Царское величество въ Московскомъ государствѣ построить своею казною для помяновенія вѣчнаго монастырь или школу учительную, малымъ дѣтемъ и сиротамъ убогимъ.

А изъ Варшавы де поѣхалъ онъ къ Москвѣ мая въ 15-й день и ѣхалъ чрезъ Литву, на Минскъ и на Смоленскъ. А больши того за нимъ вѣстей никакихъ нѣтъ. А думнаго де дворянина Ивана Ивановича Чаадаева встрѣтилъ онъ за Смоленскомъ, въ Горкахъ, мая въ 23-й день.

(Греческіе стат. списки кн. № 7, лл. 269—309. М. Глав. Арх. М. Ин. д.).

№ 2.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичю (т.) (п.) холопъ твой Микулайко Спотаріюсъ челомъ бьетъ: въ прошломъ, государь, во 179 году по твоему великого государя указу и по призванію блаженнѣйшихъ патріарховъ пріѣхаль я, холопъ твой, къ тебѣ великому государю къ Москвѣ, и на пріѣздѣ за выѣздъ твоего великаго государя жалованья на платышко ничего мнѣ, холопу твоему, и по се время не дано. Милосердый государь (т.) (п.), пожалуй меня, холопа своего, за выѣздъ своимъ великого государя жалованьемъ на платышко противъ моей братьи иноземцевъ, какъ тебѣ вел. государю Господь Богъ явѣститъ. Царь, государь, смилуйся.

Въ прошломъ во 179 году пріѣхаль къ вел. государю въ вѣчную службу волошенинъ Миколай Спотаріюсъ, а съ нимъ 3 человѣка людей ево. И вѣлено ему быть въ Посольскомъ приказѣ въ переводчикахъ, а вел. государя жалованья окладъ ему учиненъ, помѣсного 500 четей, денегъ 100 рублевъ, поденнаго корму по полтинѣ на день, а за выѣздъ ему ничего не дано. И вел. государю посольскаго приказу переводчикъ Миколай Спотаріюсъ бьетъ челомъ, чтобъ вел. государь пожаловалъ, велѣлъ ему дать свое вел. государя жалованье за выѣздъ противъ ево братьи, выѣзжихъ иноземцевъ.

И выписано на примѣръ:

(Слѣдуютъ дачи за выѣздъ гречаномъ: Дмитрію Альберту, Юрью Константинову и Павлу Остаѣеву).

Лѣта 7182 генваря въ 30-й день по государеву, цареву и вел. князя Алексѣя Михайловича (т.) (п.) указу окольникову Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дьякомъ, думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, Ивану Евстаѣеву, Василью Бобинину: въ нынѣшнемъ во 182 году генваря въ 24-й д. въ Хлѣбной приказъ къ Семену Михайловичю Нестерову да къ дьяку къ Ивану Казаринову въ памяти ись Посольскаго приказу за твоею Яковлевою приписью написано: пожаловалъ вел. государь... посольскаго приказу еллинскаго и греческаго и латинскаго и волоскаго языковъ переводчика Николая Спаеарія, велѣлъ ему дать своего вел. государя жалованья на нынешней на 182-й годъ по окладу ево пятьдесятъ четей ржи, овса тожь въ приемную мѣру, і ись Хлѣбнаго приказу Посольскаго приказа переводчику Николаю Спаеарію вел. государя жалованье де овесь по окладу данъ сполна, а ржи не дано, потому что въ каменныхъ житницахъ нѣтъ. Иванъ Казариновъ.

И вел. государю посольскаго приказы переводчикъ Николай Спо-
еарій бьетъ челомъ, чтобъ вел. государь пожаловалъ ево, велѣлъ ему
за рожь дать свое вел. государя жалованье деньгами.

А въ нынешнемъ во 182 году, по указу вел. государя вѣлено
дать посольскаго приказу подъячимъ его вел. государя жалованья на
нынешней на 182 годъ, за рожь деньгами по 21 алтыну за четь изъ
доходовъ новые Оптеки.

Память изъ Посольскаго приказа въ Казенной приказъ, къ казна-
чею къ Аванасію Самойловичю Нарбекову о пожалованіи Споеарію
по именному вел. государя указу за выѣздъ кубокъ золоченъ съ кров-
лею въ двѣ гривенки, камки адаманки десять аршинъ, таѣты доброй
пять аршинъ, сукна лундышу добраго пять аршинъ.

И по указу вел. государя изъ ево вел. государя казны, изъ Ка-
зеннаго приказу ему Николаю камка, таѣта, сукно даны, а кубка не
дано, для того что вел. государя въ казнѣ въ Казенномъ приказѣ куб-
ковъ нѣтъ.

Великому государю посольскаго приказу переводчикъ Николай
Споеаріусъ бьетъ челомъ, чтобъ вел. государь пожаловалъ ево, велѣлъ
ему за тотъ кубокъ изъ своей вел. государя казны выдать еонмками
или деньгами.

182-го году ноября въ 4-й день пожаловалъ вел. государь по-
сольскаго приказу еллино греческаго языка переводчика Николая Спа-
еарія, велѣлъ ему дать своего вел. государя жалованья за выѣздъ въ
приказъ вмѣсто кубка, счотчи противъ двухъ фунтовъ еонмками, изъ
доходовъ Новгородскаго приказа. На выпискѣ помѣта дьяка посоль-
скаго приказа Василья Бобнина.

(М. Гл. Арх. М. Ив. д. Дѣла о выѣздахъ кн. 19. № 12. 1673 г.
сент. 4 и окт. 8).

№ 3.

Лѣта 7192-го декабря въ 31 день, по указу вел. государей, царей
и вел. князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича (т.) (п.) околь-
ничему Семену Ѳеодоровичю Толочанову съ товарищи: пожаловали вел.
государя (т.) (п.) государственнаго Посольскаго приказу переводчика Ни-
колая Спаеарія за Китайскую ево посылку прошлаго 183-го году, велѣли
ему дать своего вел. государей жалованья въ приказъ: ковшь серебря-
ной въ двѣ гривенки, сукно лундышъ, камки куѣтеру десять аршинъ
изъ Казеннаго приказу. И по указу вел. государей (т.) (п.) окольни-
чему Семену Ѳеодоровичю Толочанову съ товарищи учинити о томъ по
указу вел. государей. Діакъ Иванъ Волковъ.

На оборотѣ: Записать въ книгу.

По сему вел. государей указу сукно и камку отпустить съ роспискою, а о коѣше отписать, что въ Казенномъ приказѣ коѣшей нѣтъ.

Великихъ государей жалованье, сукно пять аршинъ, кормазину кропивного да камки десять аршинъ осиной Николай Спаеарій взялъ марта въ 11-й день, взялъ и росписался.

(Арх. Моск. Оруж. Палаты, столбцы № 324. 192 г. декабрь).

№ 4.

194 году ноября въ 24 день, по указу вел. государей, царей и вел. князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея в. и м. и б. Россіи самодержцевъ дать ихъ великихъ государей жалованья государственнаго посольскаго приказу переводчикомъ: Николаю Спаеарію, Леонтію Гросу, Семену Лаврецкому за переводъ книги *Описанія Абессинскаго юсударства* ¹⁾ с латинскаго на руской языкъ по десяти аршинъ атласу человекъ изъ Малоросійскаго приказу. Великихъ государей указъ о томъ, за помѣтою думнаго дьяка Емельяна Игнатъевича Украинцова, въ государственномъ Посольскомъ приказѣ. Записать въ расходную книгу и атласъ дать съ роспискою.

¹⁾ Вѣроятно, это переводъ латинскаго сочиненія саксонскаго ученаго *Людольфа*: «*Historia aethiopica, sive descriptio regni Habessinorum, quod vulgo male Presbyteri Ioannis vocatur, libri IV. Francof. ad Moen. 1681 in fol.*—Людольфъ подалъ Саксонскому герцогу Эрсту мысль о заведеніи сношеній съ Россіей для возбужденія чрезъ нее Абиссиніи къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Переговоры съ этою дѣлю были поведены чрезъ *Рингубера*, школьнаго учителя въ подмосковной нѣмецкой слободѣ, и бояринъ А. С. Матвѣевъ отнесся къ нимъ сочувственно и послалъ въ Саксонію въ 1674 году подъячаго Посольскаго приказа С. М. Протопопова. Послѣдовавшая однако затѣмъ болѣзнь герцога Эрста и смерть царя Алексѣя Михайловича помѣшали развитію завязавшихся сношеній Россіи съ Саксоніей. Рингуберъ, впрочемъ, хлопоталъ и послѣ того объ отправленіи Россіей посольства въ Абиссинію, для чего предлагалъ и свои услуги, но дѣло не состоялось и самъ Рингуберъ вернулся за границу. Любопытно, что по увѣренію Рингубера первая мысль объ отправленіи посольства въ Китай, порученнаго Спаеарію, будто бы возникла въ Москвѣ по совѣту того же Людольфа.—См. историческую справку *Центтаева*: «Сношенія съ Абиссиніей XVII в.» въ Русскомъ Архивѣ 1888 г. кн. 2-я и изслѣдованіе *P. Pierling. Saxe et Moscou. Un médecin—diplomate. Laurent Rinhuber de Reinufer. Paris. 1893. pp. 29—30, 44, 90—98, 101.*

На оборотъ: Великихъ государей жалованье десять аршинъ атазу Николай Спафарій взялъ и росписался.

Справиль Максимъ Алексѣевъ.

(Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Малоросс. прик. столбцы № 5990).

№ 5.

Переводъ съ волоскаго письма, что писалъ волоскою государь Иоанъ Стефанъ Петръ воевода къ переводчику Николаю Спатарію своею рукою.

Иоанъ Стефанъ Петръ воевода, Божіею милостью государь земли Волоской пишемъ къ нашему доброму и вѣрному пріятельнѣйшему господину Миколаю Спатарію здравіе. Притомъ объявляю тебѣ, что погани хотятъ пустошить сія двѣ земли. Припадаемъ вси главы нашими къ ногамъ преславнаго Царя избавити насъ отъ рукъ поганскихъ и того ради пишемъ къ пресвѣтлѣйшему Царю, моляще его послати къ намъ помощь, п. ч. погани зѣло страшливи суть и бегутъ и не могутъ уготовиться. И аще будетъ милость великаго Царя на насъ, ныне есть время удобно избавити насъ, дондеже не покрепитца поганинъ, потому естли замедленіе будетъ до лѣта, опять укрѣпитца, нынѣ же случай зѣло удобный и добрый далъ Богъ, зане после побѣды Хотинской зѣло исполнилися страхомъ и смотрятъ всегда только за море бежать. И ныне да будетъ милостивъ къ намъ преславный Царь и на сія христіанства, да не когда вѣра наша отъ невѣрныхъ погибнетъ. Того ради молимъ благородія твоего радѣть о помощи, чтобъ великій Царь посылалъ къ намъ помощь, потому что въ Судяке нынѣ есть чѣмъ кормитись, зане такъ устрашились, что весь Судякъ пусть оставили и скоты и имѣніе ихъ все оставлено и обращеть войско чѣмъ кормитись. И того ради, елико тебѣ возможно, яко христіанинъ, потщись и дѣлай дѣло наше и буди намъ резидентъ, я мнѣ, и брату моему Константину воеводѣ, который нынѣ пребываетъ здѣсь со мною, п. ч. въ Мультианской землѣ Турки учинили опять преже бывшаго Дуку воеводою, но бояря всѣ отъ него бѣжали, п. ч. не любятъ его, таже и вси люди и прислали здѣ къ брату моему Константину воеводѣ, дабы онъ тамъ какъ скорѣе шолъ. Только одно опасеніе имѣемъ отъ Татаръ, п. ч. идутъ четыре салтаны, но уповаемъ на милость Божію, что путь ихъ загражденъ будетъ отъ силы великаго государя, о которой слышно у насъ есть, что стоитъ при рубежахъ, хотяхомъ писати къ тамошнему великому везиру и ко инымъ, но потому, что не вѣдали чести ихъ. Но ваша милость, яко наши породы, радѣй да исполнится оная наша скудость, для чего зѣло намъ подобаетъ вѣдати, какое намъ упо-

ваніе будетъ отъ тѣхъ странъ. Наипаче же имѣемъ великаго христіанамъ непріятеля, именованнаго Дорошенка, повеже онъ учинилъ погибель христіаномъ, но Богъ милостивъ есть и схилить его подъ ноги преславнаго Царя. Ради брата своего Спатарія ничѣмъ не печалься, п. ч. онъ мой есть. Зѣло желаемъ, чтобъ намъ получить милость великаго Царя. Вѣдаемъ то, что господинъ Дмитрашко Рай пребываетъ недалеко насъ и естьли будетъ милость ево государская къ намъ послати его съ своимъ царскимъ войскомъ. Свидѣтельствуемся Богомъ, что какъ станетъ Дунай, могутъ ити безъ всякаго опасенія даже до Царяграда, п. ч. нынѣ Турки не учнутъ противитися, вси побегутъ за море. Того ради молимъ, радѣй, дабы пресвѣтлый Царь избавилъ сія двѣ нищіе христіанскіе отъ рукъ невѣрныхъ. И мы за здравіе великаго государя молити будемъ вси, отъ велика даже до мала. И по семъ предаемъ тебя въ милость Божию.

Въ Ясехъ декабря 26-го числа.

Вашей милости всѣхъ благихъ желатель

Стефанъ Петръ воевода.

Къ нему-жъ Миколаю пишетъ листъ особый Константинъ воевода Мультявской, а дѣло писано противъ того-жъ, какъ и Волоскаго господаря въ листу написано.

А митрополитъ Досиѳей къ Николаю Спатарію пишетъ:

Смиренный Досиѳей, архіепископъ и митрополитъ Сочавскій. Пишемъ къ намъ о Христвѣ возлюбленному сыну Миколаю Спатарію. Благословеніе отъ Бога, миръ и спасеніе отъ милостиваго Бога желаю. Дважды я писалъ къ тебѣ и не вѣдаю, грамоты мои вручились ли тебѣ, но и съ симъ случаемъ, съ посланнымъ отъ насъ игуменомъ Теодоромъ ученика святаго Аникія архимандрита объявляемъ тебѣ, что нынѣ земля наша Молдавская стоитъ на ваме ¹⁾ смертной, душевной и телесной и того ради молю благородія твоего радѣй тамъ, чтобы православный Царь простиралъ десную свою къ намъ въ защищеніе и пріялъ отъ рукъ бусурманскихъ, зане исполнилося лѣто и житіе наше съ невѣрными Турками. Господинъ Спатарій, братъ твой былъ лѣтомъ въ Ясехъ намѣстникъ господаря и посланъ былъ для дѣлъ къ Капланъ патѣ и тамо задержавъ. Но пишетъ, что радѣеть свободитися отъ него и прійти сюду. Милостивый Богъ да благословитъ тя со всѣми благими.

Писанъ генваря въ 6-й девъ нынешняго 182 году.

Смиренной Досиѳей митрополитъ Сочавскій.

¹⁾ *Ваме*—слово Молдавское, означаетъ край, предѣлъ.

Къ нему-же, Николаю Спафарію пишетъ гетманъ волоской своею рукою и вси бояре волоскіе:

Благородному и моему доброму брату, господину Николаю Спафарію желаемъ всегда отъ милостиваго Бога, чтобы сіе малое наше писаніе обрѣщи ваше благородіе съ добрымъ пребываніемъ и счастливымъ здравіемъ. Притомъ, возлюбленный брате, аще хочешь вѣдать о насъ всѣхъ здравіи, милостью Божію во здравіи вси пребываемъ, но великую нужду претерпѣли отъ поганыхъ Турковъ, п. ч. ничѣмъ не могли ихъ насытить и всегда были біени отъ нихъ и изгнани кинжалами отъ нихъ... дондеже сотворилась милость Божія на насъ и пріѣхало войско польское подъ Хотинъ, идѣже бывалъ въ шанцахъ Дели Усейнъ паша и Сейди олу паша и Сулейманъ паша съ выбраннымъ войскомъ и з Босною, но сила Божія преодолѣ ихъ тако, яко ни часу имѣли держати шанцы свои. И мы толикую нужду терпяще отъ нихъ и смотряще, что войско польское приближаетца къ намъ, и выѣхали ис шанцовъ и случась съ гетманомъ Собѣжскимъ и съ гетманомъ Литовскимъ и такъ было съ нами договорено, чтобъ со всѣми войски своими и съ нашими идти за Дунай, но мочно бы учинилась воля Божія въ томъ, что прилучилась смерть короля Польского, и тотчасъ возвратилися гетманы съ войски, а намъ оставали хорунже корунного и вмѣстѣ съ нами пришли въ Яси и видающе, что сила Турская велика есть, а наипаче же Крымская, аще не будетъ препона отъ силы преславнаго Царя, а естли будутъ свободни, тогда дана имъ будетъ въ плѣненіе земля Молдавская и Мутьянская, того ради припадаемъ лицомъ нашимъ до земли и молимъ пресвѣтлѣйшаго и преславнаго Царя да не оставитъ насъ въ погибели, но помоществовати намъ войскомъ, п. ч. мы слышали, что при Днѣпрѣ. И того ради радѣй, братецъ, въ томъ, елико мочно, что которому достойно, чтобъ доложить великому государю о вуждахъ нашихъ, не оставити насъ въ погибель поганомъ, п. ч. естли не будетъ милости православнаго Царя, подлинно погибнемъ мы и святые церкви, и естли православнаго Царя милость намъ будетъ, чтобъ не замедля тая помочь переправилась на Украину далѣе, п. ч. великой непріятель намъ сосѣдъ нашъ Дорошенко, того ради молимъ, чтобъ насъ не оставили. Брата твоего, а нашего господина не случилось здѣ съ нами, п. ч. Капланъ-паша восхитилъ и задержалъ ево въ Цецоре, для того чтобъ ему запасовъ какъ наибольшѣе собрати, но здравъ и донинѣ пребываетъ, понежъ Турки велѣли ему быть при новомъ господарѣ, котораго они избрали, но ожидаемъ его, токмо возмозжи ему будетъ свободитися отъ рукъ Турскихъ, зане непреставно отъ нихъ бѣгутъ къ намъ, лѣтомъ мочно и писалъ къ тебѣ о всемъ, понеже мы всѣ нынѣ

до единъ, если случился здѣсь, и онъ писалъ же бы, но безъ замедленія ожидаемъ его. И молимъ тя, брате, кого познаешь, что донесетъ жалобы наши, о всемъ извѣщаемъ тебѣ, понежъ мы предаемъ подъ криліе и подъ вожіе православнаго Царя. Хотѣли писать къ ясневельможному везиру и къ инымъ, зане не зная чести и титуль, не посмѣли, но благородіе твое, исполни всю скудость нашу и радѣй о помочи, какъ наискорѣе, чтобъ намъ видѣть милость православнаго Царя къ намъ, и потомъ молимъ объ отпускѣ посланцовъ нашихъ какъ скорѣе, чтобъ безъ замедленія известили насъ, о всемъ томъ молимъ тя вси братія, извести тамъ, и предаемъ тя милости Божіей. Даво въ Ясехъ, декабря въ 26-й день 1673 году.

Братъ вашей милости Григорей Гобоцевской гетманъ, вѣупе и вси бояре наши, которые случились здѣсь въ Ясехъ.

Да въ томъ-же листкѣ положено особое небольшое письмецо, писалъ къ нему-жъ, Николаю Спатарію Молдавской гетманъ Григорей, а въ томъ ево письмѣ написано:

Притомъ тебѣ, брате, извѣщаю, что послѣ запечатанія всемъ симъ письмомъ пришли къ намъ посланники изъ Венгерской земли, которые посланы были къ Бендипалу, генералу венгерскому, которые, яко ваша милость вѣдаетъ, онъ начальникъ есть надъ всѣмъ войскомъ, какъ прежде сего былъ Книинъ Янышъ. И нынече Венгры смотрятъ на время и какъ дѣло съ Поляками склонитца. И нынѣ Венгры жъ всѣ собираютца недалеко отсюда въ мѣстечкѣ Ошергей и когда увидятъ, какъ Поляки провожаютъ войско свое къ Дунаю, и они хотятъ взять назадъ отъ Турковъ, что прежде взяли отъ нихъ Турки. И недавно многіе тысячи Турковъ изъ города Орадіе выѣхали плѣнити Венгерскую землю выпинюю. Но такъ пишутъ къ намъ, что Нѣмцы пали на нихъ и такъ побили ихъ, что мало отъ нихъ ушли назадъ въ Орадію, и живыхъ многихъ поймали. Того ради въ томъ, брате, радѣй, елико можешь, чтобъ царская сила возбранила Татаромъ. И пусть Крымской чтобъ задержанъ былъ.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7182/1674 г. февр. св. 6-я).

№ 6.

Переводъ съ латинскаго письма, что писалъ блаженные памяти къ великому государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю всеа в. и м. и б. Росіи самодержцу изъ Китай езуитъ съ переводчикомъ съ Николаемъ Спаөаріемъ.

Великому государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю (т.) (п.).

Веломожнѣйшій Царю,

Толикое по истинѣ есть сіаніе твоего Величества, яко даже на концѣхъ крайнаго Востока, на ня-же лучи свои непреставно испу-
щаеть, очесми возмогъ бы стерпѣти и такова милость изліяна всѣхъ
благоволенія щедрота, яко азъ, аще и незнаемый і весьма страненъ,
къ милостивѣйшимъ ногамъ приступити дерзаю, и сіе посланіе, яко
книжицу молителъную, подати. Обнадежи мене глаголати и Царское
величество, который чрезъ добороднаго дворянина Николая Гаврило-
вича Спатаріа, посланника своего достойнѣйшаго мене грамоты своея
у царя Китае-Татарскаго ¹⁾ восхотѣ быти переводникомъ, и самъ царь
здѣшній, который давно такожде своимъ мнѣ повелѣ быти переводни-
комъ. Возглаголю убо, аки переводникъ Царскаго величества и яко
всегда предъ повелителемъ Китае-Татарскимъ и его превысокимъ сиг-
квитомъ глаголахъ, не престану глаголати и прославляти красоту оную
природную прадѣдовъ, древле отъ Августа кесаря воспріятую и даже
до сего дни вящи і вящи возрастающую, и пространства государства,
еже даже до востока нашего и до края славные оны Китае-Татарскіе
стѣны пріиде, а на сѣверѣ иного не имѣетъ предѣла, токмо вся все-
ленная, даже и до самого пола сѣвернаго и пространнѣйшаго сердца,
тщаніе, еже з государи всеа вселенныя дружелюбіемъ и щедротою
обаче боротися. Во истинну Царскаго величества посланникъ въ сей
предпочтенной Китае-Татарской монархіи тоlikою честію воспріятъ
есть, яко многіе ему не мало завидовали, который при мнѣ, очевид-
номъ свидѣтелѣ и переводникѣ чрезъ многіе седмицы крѣпко стоялъ,
а потомъ и домогся, что противно древнимъ государства того обы-
чаямъ: Царскаго величества грамоты и дары особымъ нарядомъ и чести
показаніемъ даже до внутреннихъ царевыхъ палатъ внесены, самъ
господинъ посланникъ изряднымъ столомъ почтенъ, у котораго стола
з ближними людьми и з дворяны самъ царь былъ близъ, въ началѣ
стола. Царь чрезъ меня, переводника спрашивалъ господина послан-
ника царскаго величества о здравіи, о числѣ лѣтъ и о воспріи. . . .
. . . . вленія государственнаго и каковъ лицемъ и дородствомъ и о
прочихъ тому подобныхъ. Потомъ и на златыхъ блюдахъ различные
ѣствы и вино отъ самого своего стола поставити господину послан-
нику послалъ, да и благороднымъ людямъ, которые господина послан-
ника провожали, близъ царева престола посредѣ возваннымъ, всякому
въ золотыхъ сосудѣхъ велѣлъ подпосити, а понежъ Царскаго величе-
ства лица у себѣ видѣти не возможно, господина посланника живопис-

¹⁾ Богдыханъ—Китае-Татаринъ.

ными красками написати потщался. Но и господинъ посланникъ, какъ здѣ принять, что какія дѣла дѣлалъ, который не точію всѣмъ языкамъ наученъ, но и собственною мудростію и въ исполненіи дѣлъ скоростію знатный, толикаго величества имяни и чину своему конечно довольство сотворилъ: самъ возвратився, свѣтлымъ гласомъ лутчи, нежели азъ многими писаніи, Царскому величеству донести возможесть. А что мнѣ прилично, паки къ ногамъ Царскаго величества припадаю и молю, дабы впредь мене не яко страннаго иноземца, но яко домашнего и переводника своего благоволилъ призрѣти онымъ паче лицемъ, которому толикаго имени красотѣ всѣхъ народовъ языцы служити тщатся, хотя латинскимъ языкомъ, или нѣмецкимъ, или голанскимъ, или еранцужскимъ, или гишпанскимъ, или италіанскимъ, или хинскимъ, или татарскимъ, естли который ни есть съ сихъ языковъ Царскому величеству годенъ, имъ же нѣкогда навыхохъ, охотно того языка употреблю, дабы такова величества имя и благосердіе повсюду могли прославити. А понеже Царское величество мене своимъ латино-китайскимъ переводникомъ поставилъ есть, грамматику латино-китайскую тѣмъ временемъ поднести желалъ есмь. Но сей народъ, яко у всѣхъ иныхъ народовъ зѣло разнствуетъ и языкъ его извѣстными правилами неудобно содержится и удобнѣе навывковеніемъ, нежели правила грамматическими изучается, того ради ни едина еще издадесе грамматика, а нынѣ тѣ книги, которыя недавно китайскимъ языкомъ написанныя царю по китайску и татарску поднесохъ, въ которыхъ и звѣздословія, у Китайцевъ отъ мене паки возстановленнаго, аки нѣкое сокращеніе образцами изобразилъ, тѣ глаголю книги нынѣ Царскому величеству со мною покорственныя подношу, латинскимъ языкомъ китайской толкуя языкъ и рѣчь, и молю, дабы то намѣреніе мое Царское величество во благую благоволилъ пріяти часть, которое ни есть ино, точію дабы а себя Царскому величеству латино-китайскимъ переводникомъ объявилъ и аки предъ лицемъ языкъ и руку на вся готовѣйшую показалъ, не яко въ дому Пежененскомъ ¹⁾ латинску реторику уча, какъ давно при дворѣ Брукселенскомъ ²⁾ ея училъ, (ибо въ 20 и больши лѣтъ, аки изгнанный и заточенный, златаго языка забыхъ, съ изгнаннымъ стихотворцемъ, мало премѣнивъ, рещи могу: татарскимъ навыхохъ и варварскимъ глаголати языкомъ). Но дабы чину переводническому довольство сотворилъ, едино точію просящи купно съ клеветы, иже со мною пребываютъ, къ услугѣ Царскаго величества обѣщавшимися, да матеръ

¹⁾ Городъ Пеженъ—китайской.

²⁾ Городъ Бруксель—въ Гишпанской землѣ. (Брюссель).

нашу, иже взятые языки отъ юности прежде научи насъ, езуитовъ, глаголю тѣми всегда взиралъ очесы, которыми сами езуиты Царскому величеству всякаго благополучія и долговѣчноть государствования лѣтъ желаютъ, съ которымъ дабы и мое именно желаніе благоволилъ пріяти, обратився лицомъ къ западу и преклонивъ колѣна, по китайску и трижды въ землю преклонивъ главу, Царскому благосердію паки и паки покорственно челомъ бью.

Царскому величеству покорный служити

Фердинандъ Вербестъ, езуитъ ¹⁾.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. книга Китайскаго двора: № 3, 7183/1675
февр. 18, лл. 453—458).

№ 7.

Переводъ съ греческаго письма, каково писалъ господарь Волоской Иоанъ Дука къ Николаю Спаварію чрезъ посланника своего въ нынешнемъ во 187 году мая въ 7-й день.

Иоанъ Дука воевода, Божіею милостью господарь земли Молдавской.

Пречестный и словесяѣйшій господине Николай Спаварій, пречестности твоей дружелюбно поздравляю, сіе письмо наше да обрящеть тебе удовольнаго со всѣмъ сердечнымъ желаніемъ, понеже и мы Божіею помощію и добрымъ счастіемъ и подтверженіемъ нашего самодержца Султанъ Магмета здравствуемъ. При томъ объявляемъ, что причина, для которой мы послали тамъ къ христіаняѣйшему и тишайшему Царствію сего Ионашку капитана, посланника нѣсть иная, опричь той, понежъ мы самоблагоизвольно устремилися отъ ревности, насажденной въ насъ по Бозѣ христіанской любви, которую имѣемъ и держимъ и хранимъ всегда ко всѣмъ равновѣрнымъ братьямъ нашимъ христіаномъ, изрядно жъ наипаче къ тѣмъ, которые подобновѣрны и сомудрственны съ нами. Смотримъ того ради и видимъ толикое время тлѣнія и разоренія ихъ, кровопролитія и плененія, оскверненія и запустенія Божественныхъ и пречестныхъ храмовъ, которыя учинилися отъ причинъ случившихся войскъ и боевъ, которые имѣлъ и имѣеть крѣпкое и высокое царство Оттманское съ христіаняѣйшимъ царствіемъ Московскимъ, и тѣ страданія почитаемъ яко общіе, и подають намъ ве-

¹⁾ По возвращеніи своемъ изъ Китая Спаварій въ 1680 г. переписывался съ іезуитомъ Вербестомъ съ цѣлью получить отъ него свѣдѣнія о Татарахъ. См. у *Picot* ссылку на *Legrand, Bibliothèque grecque vulgaire* 416, въ *Notice biographique et bibliographique sur N. Spatar Milesco* p. 31.

ликую печаль и скорбь многую. Того ради разсудили и радѣли, что не подобаетъ презрѣти бѣды равновѣрныхъ и елико силы подщитца общіе ради пользы. Понежъ великого Бога милость сподобила и насъ въ нынѣшнихъ послѣднихъ временехъ владѣти здѣшнимъ бѣднымъ мѣстамъ, которые пребываютъ въ великомъ разореніи и запустѣніи отъ случая нынѣшняго времени, и такъ всякими мѣрами, сколько есть мочи нашей и елико познаваемъ, что будетъ полезнѣе христіанскому державству, пособити будемъ. И чаемъ, что божественною и непоборимую силою и предсмотрѣніемъ можемъ дѣлати и исправить полезное, совершающе свѣтъ священнаго мира и любви, дабы уголились толкіе и такіе бѣды и дабы воспріяли покой и утѣшеніе братія наши, христіане и малая и бѣдная и сира здѣшнихъ краевъ, которые сострадаютъ и пребываютъ въ толикой глубинѣ бѣдъ. Того ради, для тѣхъ причинъ писали и къ честности твоей. Понеже тебѣ время и случай подали жить въ тамошнихъ христіанскихъ краехъ и, какъ слышимъ, при знакомствѣ великихъ людей и для того и тебе поущаемъ, яко благочестиваго христіанина и пріятеля нашего стараго, чтобъ и ты по силѣ пособникъ былъ тому благому дѣлу, какъ о томъ доносимъ и объявляемъ къ тишайшему и христолюбивому Царю. И понеже предложеніе наше есть преблагое и праведное, и ты изряднымъ искусствомъ своимъ и крайнимъ разумомъ, что имѣешь въ тѣхъ дѣлѣхъ, радѣй во всемъ и подщися, чтобъ скончались тѣ нашествія и междоусобные брани и прочіе воинскіе бѣды, которые нейдутъ ни къ которому благому концу, кромѣ къ разоренію, къ плененію и кровопролитію, и чтобъ дѣйствовалось священное дѣло мира, которое чаемъ, что и тамъ будетъ благопріятное и удобное и къ тишайшему Царю и ко всему мудрѣйшему и свѣтлѣйшему свиклиту. Толико нынѣ пишемъ, а больше будетъ разумѣть честность твоя изъ устъ сего капитана, и преблагій Господь Богъ да исправитъ сіе дѣло благимъ совершенствомъ. Лѣта твои да будутъ многіе и счастливые. Лѣта 1679-го, марта въ 23-й день.

Внизу подписано:

Иоанъ Дука воевода.

Переводъ съ волоскаго письма, каково писалъ волоскіе земли и Сучавскій митрополитъ Досіеѣй къ Николаю Спафарію.

Благородному и богопочтенному господину Николаю Спафарію и намъ превожделенному отъ Господа Бога Вседержителя просимъ миръ, здравіе и спасеніе на многа лѣта. Хотя и мѣстомъ отлучени есмь съ тобою, однакожде Духомъ Святымъ всегда соединены есмь, зане воспоминаемъ тебя и весь домъ вашъ во святыхъ и божественныхъ тай-

нахъ. И о томъ присно молимъ Бога, дабы соединилъ насъ въ небесномъ царствіи, которое уповаемъ получить православною вѣрою чрезъ Спасителя нашего Иисуса Христа. При томъ молю честности твоей, чтобъ именемъ моимъ билъ челомъ святѣйшему отцу нашему, Патриарху Московскому и всеа Русіи, чтобъ пожаловалъ меня единымъ тисненіемъ типографійскимъ и нѣскольکو словъ, которыми печатають листы, и оурмы, исъ которыхъ льють слова, и печать малыхъ словъ, п. ч. великая скудость есть Святей Церкви и намъ въ томъ дѣлѣ. И то дѣло будетъ благопріятно предъ Богомъ, а у насъ печать есть же, только вельми нестройно, какъ о томъ извѣститъ тебѣ подлинно капитанъ Ионашко. По семъ предаемъ тебя милости Божіей. Писано въ Ясы, лѣта 7187-го марта въ 23-й день. *Внизу приписано:*

Доснеей митрополитъ Сучавской.

Изъ волоской земли бояринъ волоской, племянникъ Николая Споварія къ нему пишетъ въ нынѣшнемъ во 187 году, марта въ 24-й день:

Волоской господарь приказалъ мнѣ къ тебѣ писати подлинныя здѣшніе вѣдомости, что Турки въ нынѣшнемъ году въ тамошнихъ краяхъ не будутъ промышляти войскомъ, только Крымская орда и Бѣлогородская вмѣстѣ со шти пашами Турскими с Волохи и с Мультины поѣдутъ на Запороги, на Днѣпръ, выше Доганъ-Гечета, се есть ястребная переправа по турски, и тамъ хотять два города строить, а иное войско не будетъ на иномъ мѣстѣ, п. ч. къ господарю нашему по се число о томъ только указъ есть и про тамошніе страны готовится. Одно только не вѣдаемъ, послѣ приѣзду вашего посланника (Даудова) къ салтану, чтобъ не пришли Турки опять въ какое подозрѣніе. Однакоже есть тамъ наши люди, которые намъ тотчасъ вѣдомость учинять, и я тебѣ вскорѣ о томъ отпишу, что случитца тамъ послѣ приѣзду вашего посланника. А о томъ подлинно вѣдаю безъ всякаго усумнѣнія, что Турки нынѣ зѣло боятся и живутъ съ великимъ страхомъ о томъ, какъ имъ ѣхать и дѣлать тѣ города. Также притомъ и то господарь велѣлъ мнѣ писати, что Турки въ прошломъ году такой бы позоръ приняли, котораго отнюдь и никогда не видали, только ваши не восхотѣли, однакоже и такъ ихъ зѣло много пропало. (М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7187—1679 г. апр. 7. св. 6).

№ 8.

*Переводъ съ волоскаго письма, каково писали изъ города Яси ев-
раля въ 9-й день племянникъ Николая Споварія, а къ Москвѣ та грамотка привезена марта 27 дня.*

Письмо твое, писаное ноября 22 дня, приняли еевраля 5 числа. Пишешь къ намъ намъ о вѣдомостяхъ здѣшнихъ странъ, что дѣлается, и о тѣхъ, что владѣютъ нами, въ чемъ пребываютъ, о томъ тебѣ вѣдомо чинимъ, что они опять войска готовятъ, а куды хотятъ итти, и того до сего числа никто подлинно не вѣдаетъ. О миру, что знаменуетъ намъ, въ какомъ помышленіи и склоненіи суть здѣшніи, о томъ тебѣ подлинно объявляемъ здѣшнихъ намѣреніе, что буде ваша страна оставать Украину, какъ она поддалася салтану, тогда и миръ будетъ. Того ради, буде есть отъ вашей стороны подлинное намѣреніе къ тому дѣлу, можете послати къ господарю нашему, котораго намъ Богъ добраго дароваль, и чрезъ посредничество ево могутъ тѣ дѣла совершиться всѣ, только бы тотъ человекъ, который присланъ будетъ, былъ знатенъ во всѣхъ дѣлѣхъ. А ныне что ты писалъ, и то зѣло тонко, и буде хочете то дѣло подлинно учинити, то посылайте наскоро и извѣщайте, что къ тѣмъ дѣламъ належитъ. А нынѣшней человекъ къ тѣмъ дѣламъ не знатенъ.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7187—7188 г. св. 6).

№ 9.

Переводъ съ греческаго письма съ листа, какоѣ писалъ Молдово-лоскіе земли господарь Дука къ Николаю Спаварію въ нынешнемъ во 188 году, апрѣля въ 3-й день.

Иоанъ, Божіею милостью господарь Дука воевода Молдоволоскіе земли.

Честнѣйшій и словеснѣйшій господине Николай Спаварій, словесности твоей поздравляемъ, настоящее наше писаніе да получить тебя во здравіи о Бозѣ. А мы Божіею помощію и преславнымъ счастіемъ многолѣтнаго самодержца нашего салтана Магаметова величества здравствуемъ же. Дружелюбное твое писаніе пріяхомъ чрезъ капитана нашего Ионашка и о здравіи твоёмъ радовахомся, въ которомъ написанное выразумѣхомъ. Слышахомъ же и изъ устъ капитана нашего обо всемъ. Также и отъ Царскаго величества грамота, еже по слава есть къ намъ и чрезъ посланныхъ скороходцевъ христіаннѣйшаго Царя дошла, о которомъ будетъ разумѣть словесность твоя, яко тотъ гонецъ, которому было ѣхать въ великую Порту державнаго царствія, абіе отпустили есмы его, како подобаетъ и поѣхаль, съ которымъ писали есмы и мы потребное и паки елико требуютъ намъ ходатайствовати къ совершенію блага и полезности сихъ дѣлъ, да престанутъ войны и недружбы, и Богу помогающему быти ближайшаго

(Богъ помогъ же ми в дружбе быть), и твердою любовью межъ обоими царствами, иже воюются, радѣти надѣмся, но бодро и прилежно всею душою и мочью будемъ способствовать и ходатайствовать. И непобѣдимая сила великаго Бога да будетъ помощь привести вся въ достиженіе добраго конца. А о половяникѣ ономъ, иманемъ Самойла, еже въ прошлыхъ числѣхъ писалъ еси къ намъ, вѣдай, яко какъ писали есмы къ тебѣ прежде сего, егда мы поѣхали на государскую службу, того числа послали людей своихъ и писали ево, которой прилучился у нѣкотораго друга нашего мурзы, иманемъ эмиръ Али Челебий, и не имѣя мы вѣсти сперва, что тотъ половяникъ у него, пошли нѣкие торговые люди и искали ево, которые и цѣну прибавили выше той цены, что татарова давали, только не имѣя столько денегъ за него платити цену, что за него договорились мы, велѣли казначею нашему Проке и даль имъ тысячу двѣсти четырнадцать талерей и дополнили число цену ево, и такъ тотъ половяникъ отъ тѣхъ торговыхъ людей выкупленъ и привезенъ будетъ къ Москвѣ, и пришедъ самъ про все скажетъ. А въ деньгахъ, что даль казначей нашъ, дали ему записъ платити тѣ деньги на Москвѣ, которымъ даль роспись на тѣ деньги купити на Москвѣ про нашъ обиходъ всякие мѣха, наипаче немного лисицъ черныхъ, о которомъ дѣлѣ просимъ и мы честности твоей съ надеждою да печешися, чтобъ они купили елика имъ приказано, и будемъ знати добродѣтельство твое. Предстоящего гонца Митроѳана, о которомъ къ намъ пишешь, како подобаетъ и сколь возможно усмотримъ ево и чаемъ, будетъ давати тамо благодареніе, такожде и про другою, егда возвратитца изъ Царяграда, имѣемъ изготовленіе. Дары царскіе, которые прислалъ къ намъ христіаннѣйшій, тишайшій Царь, съ благодареніемъ и съ поклоненіемъ пріяли есмы и преблагодаримъ державу царствія его, которую Господь всеблагій Богъ да умножитъ съ честію и съ благовластіемъ на многіе и неизреченныя лѣта. Аминь.

Сія по настоящему письму, а лѣта честности твоей да будутъ во умноженіе. Лѣта отъ воплощенія Спаса 1680, есвряля въ 23-й день.

Внизу приписано:

Ио. Дука воевода.

Переводъ съ греческаго письма, каково писалъ Волоской господарь Дука воевода къ Николаю Спаөарію.

Ио., милостію Божіею господарь Дука, воевода всеа Молдоволо-скіе земли.

Честнѣйшій и словеснѣйшій господине Николай Спаөарій, словесности твоей поздравляю. Настоящее письмо да отлучится во здра-

ви и въ радости, а мы Божьею помощію и благополучнымъ счастьемъ многолѣтнова царя нашего, салтанъ Магамета здравствуемъ же. Писахомъ къ тебѣ прежде сего съ гонцомъ Царскаго величества, съ господиномъ Митрофаномъ о иконахъ, сего ради и нынѣ симъ нашимъ малострочнымъ письмомъ объявляемъ о прїездѣ сего человѣка, именемъ Георгія и что приказали есмы ему, сколько проторей учинятца о вышеписанныхъ иконахъ, заплатитъ ему Георгію, только просимъ чести твоей да можешь. были здѣланы добрымъ. . . ремесломъ и красотою нашему и какъ мочно лучше быть, тако вельми просимъ, еще жъ и о тридцати шти черныхъ лисицахъ добрыхъ приказали есмы ему, Георгію, просимъ любви ради нашей да попечешься и о томъ, гдѣ бь мочно пайтитъ самыхъ добрыхъ, яко нужно мнѣ надобно, а о платежѣ тѣхъ лисицъ приказано ему жъ, Георгію. Еще любви нашей ради, и онъ, Георгій да будетъ подь твоимъ призрѣніи и аще возможно есть, да не имѣетъ доуки и волокиты о товарахъ, понеже приказали есмы ему всякие мелкіе вещи тамо про насъ покупать. А къ иному никому тамо знакомства не имѣемъ, сего ради надежно и дружелюбно тебѣ часто докучаемъ и надѣмся, да не отлучишя желанія нашего. По семъ здравствуй благополучно на многія лѣта. 1680 г. ѳевраля въ 29-й д.

Ио. Дука воевода.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7187—7188 г. св. 6).

№ 10.

Переводъ съ письма отъ Іерусалимскаго патріарха Досіоея къ переводчику Спаварію.

Досіоей, Божьею милостію патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины.

Честнѣйшій и словеснѣйшій господиве Николае, сыне во Господе любезный нашей мѣрности, честность твою благословляемъ и Бога молимъ о тебѣ и о всѣхъ твоихъ и молимся Господу Богу, чтобы сохранилъ васъ во здравіи и спасеніи и во всякомъ мирномъ состояніи на лѣта многа. Аминь.

Благодатію Божьею архимандритъ мой въ Волоскую землю пришелъ и прислалъ къ намъ все, что отъ васъ воспріялъ, тутъ же и грамоты, а самъ не прїиде къ намъ. Нынѣ же не пишу ко другому нашимъ для того, что послѣ байрама нечестивыхъ, (сирѣчь послѣ пасхи ихъ), самъ азъ ту пришедъ и увидѣвся съ нимъ лицомъ къ лицу, совершу все, что надобно. А то нынѣ все подробну писать не нужно.

Дай отвѣтъ потребенъ, кому какъ, надобно, чтобы насъ не поносили за неблагодареніе и за нерадѣніе.

За то, что во градѣ Хіи тутошніе жители, папезницы явились Туркомъ предатели и царству ихъ навѣтники, учинилъ Турокъ крѣпкіе указы по всей Асіи и во всей Елладѣ, что Греки, Армени, Сири и прочіи, которые учинилися папезниками, волею и неволею возвращались бы на первый свой обычай греческой, а которые не возвратятся, таковыхъ смертно казнить. Указы, которые даны были попомъ латинскимъ, что имъ повольно было ходить въ царствѣ и совершать своя, указалъ отложить. Тако Богъ о православныхъ дѣйствуетъ во сердцахъ нечестивыхъ. О, дабы Господь сотворилъ и избавленіе Святымъ мѣстамъ отъ папезниковъ!

..... Салтанъ... какъ учинился новый, великую милость показалъ роду нашему. Печется о своемъ царствѣ такъ, какъ многоискусный и старый салтанъ. Сего ради и петуховъ, сирѣчь Французовъ ни во что вмѣнивъ, самъ собою умыслилъ, чтобъ христіане православніи не превращались на папезство.

Конецъ: Милость Божія да будетъ съ вами. Аминь.

Лѣта отъ Христа 1695-й, марта въ 30-й день.

Внизу надпись патріарши руки сице: Богомолецъ вашъ.

Архимандритъ Іерусалимской Хрисанеъ въ своей грамотѣ къ Николаю Спаөарію ничего не пишетъ лишняго, кромѣ, что о здравіи. Да тутъ же сію патріаршу грамотку изъясняетъ. А пишетъ апрѣля въ 20-й день изъ Букорешта.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Греческія дѣла св. 74. № 5. 7204 г. окт. 13).

№ 11.

Выписка вел. государей о жалованьѣ волоской шляхтѣ, двумъ братьямъ роднымъ, Ивану да Степану Спаөаріемъ за выѣздъ ихъ такова:

Въ нынѣшнемъ во 195-мъ году, декабря въ 7-й день явились въ государственномъ посольскомъ приказѣ волошане шляхтичи, два брата родные, Иванъ да Степанъ Андреевы дѣти Спаөаріи, да съ ними челядниковъ три человекъ.

А въ распросѣ сказали: отецъ де ихъ, Андрей Апостоль Гавриловъ сынъ Спаөарій чиномъ былъ волоской бояринъ, преставился въ Ясехъ, да у нихъ же де и нынѣ братъ родной, средней служить у волоскаго господара въ постельничихъ, а они, Иванъ и Степанъ изъ отечества своего и изъ посредства волоскихъ бояръ пріѣхали къ Москвѣ

случайнымъ дѣломъ, какъ былъ де король польской въ волоской землѣ, въ городѣ Ясехъ и изъ Ясъ пошелъ обозомъ, и они пріѣхали было къ королю въ обозъ съ своею братьею, волоскими бояры битъ челомъ о обидахъ и разореніяхъ своихъ на польскихъ войсковыхъ людей, и на дорогѣ захватили де ихъ непріятельскія войска и даже до самыхъ краевъ польскихъ были они у короля въ обозѣ, а изъ Польши было имъ въ свою сторону возвратиться опасно, и помня они христіанскую вѣру, пріѣхали къ Москвѣ послужить великимъ государемъ на время, гдѣ служить и дядя ихъ, Николай Спаеарій, и съ нимъ повидаться.

И великимъ государемъ, ц. и в. кн. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и в. кн. Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцамъ быть челомъ выѣзжіе волошане, Иванъ да Степанъ Спаеаріи: выѣхали они изъ своего отечества, изъ волоской земли съ королевскимъ величествомъ польскимъ того для, что волоская де земля въ нынѣшнихъ временехъ до конца разорилась, и имѣніе ихъ и маетности тамо выпущены и пограблены отъ поганныхъ. И королевское де величество польское обѣщало было ихъ въ своемъ королевствѣ всякими маетностями пожаловать и всякое довольство имъ учинить, чтобъ они не напаметовали про отечество свое, однакожь они, родясь во благочестивой вѣрѣ отъ предковъ своихъ и слыша, что подъ ихъ государскою высокодержавною рукою православная христіанская вѣра паче солнца сіяеть, и та слава распространяется по всей вселеннѣй, и многіе ихъ братья, шляхта волошавя, выѣхавъ служили вѣрно предкомъ ихъ великихъ государей, блаженные памяти великимъ государемъ, того для и они дерзнули притещи къ ихъ государскою пребогатою милости, на время послужити.

И чтобъ великіе государи пожаловали ихъ, изъ такіе дальніе и благочестивыя страны притекшихъ и ищущихъ ихъ царскою пребогатою милости, своимъ государскимъ превысокимъ жалованьемъ, какъ имъ, великимъ государемъ, объ нихъ Богъ извѣститъ, чѣмъ бы мочно имъ честно и нескудно жить и служить имъ, великимъ государемъ вѣрно.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Дѣла о выѣздахъ, кн. 23. № 12. 7195—1686 г. ноября 22).

№ 12.

1718 года, іюля въ 25-й день въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ Армянской Минасъ Вартапетъ секретарямъ Михаилу Шафирову, Михайлу Ларіонову доносилъ словесно:

Вчерашняго де числа, въ 3-мъ часу по полудни на Посольскій дворъ, въ палату ево, въ которой, онъ живетъ, пришли къ нему два человекѣ волоховъ, а какъ оныхъ зовутъ, не вѣдаетъ, которые живутъ въ домѣ у волоскаго бывшаго господаря, свѣтлѣйшаго князя Кантемира. . и пришедъ, говорили ему, чтобъ онъ взялъ у нихъ письмо незапечатанное, по армянски писанное, и прочель. А въ томъ де письмѣ написано и ево Вартапедово имя. И онъ де Вартапедъ то письмо у нихъ, волоховъ принялъ и какъ сталъ честь, усмотрѣлъ онъ въ томъ письмѣ, что писано оное изъ Персицкой земли, изъ монастыря, именуемаго Ганіасара, отъ нѣкоторыхъ армянъ къ умершему переводчику Николаю Спеоарію, тому нынѣ лѣтъ съ пятнадцать, въ которомъ написано о дѣлахъ, принадлежащихъ къ комиссіи ихъ, для которыхъ при дворѣ его Царскаго величества Израиль Орій жилъ, такожь и онъ нынѣ живетъ, которое дѣло надлежитъ имѣть въ самомъ секретѣ. А нынѣ знати тѣмъ письмомъ чрезъ тѣхъ волоховъ многимъ дано армянномъ о содержаніи того дѣла. И для того спрашивалъ онъ у тѣхъ волоховъ, что то письмо кому другимъ армянномъ они казали ль, и кто-то письмо изъ тѣхъ армянъ чли ль. И они ему сказали, что то письмо они, волохи многимъ армянномъ казали, и они то письмо чли, а кто именно изъ армянъ то письмо чли, про то именно не сказали. И онъ, Вартапедъ то письмо, понеже оное касается къ ихъ дѣлу и опасаясь впредь отъ того его Царскаго величества дѣламъ и себѣ поврежденія, у себя удержалъ, что они, волохи вида, просили у него пакн того письма себѣ назадъ и притомъ говорили, что ежели онъ имъ того письма не отдастъ, то они ево убьютъ до смерти. И онъ де, услышавъ отъ нихъ тѣ слова, призвалъ къ себѣ солдатъ, которые стоятъ на Посольскомъ дворѣ на караулѣ, и говорилъ имъ, чтобъ они тѣхъ волоховъ выбили отъ него изъ палаты вонъ. И тѣ солдаты тѣхъ волоховъ изъ палаты ево выслали. И при высылкѣ тѣхъ волоховъ оное письмо солдаты отдали ему, Вартапеду, которое онъ объявляетъ въ Посольскомъ приказѣ имъ секретарямъ, и у сего доношенія билъ челомъ великому государю, чтобъ то письмо у него принять въ Посольской приказъ и перевести и вышепомннутыхъ волоховъ допросить, гдѣ они то письмо взяли и для какихъ причинъ или умыслу другимъ армянномъ казали и у него онаго такъ усиленно назадъ съ угроженіемъ смертнымъ просили. А тѣхъ де волоховъ знаетъ армянинъ Аветъ Савельевъ, который, часть онъ, можетъ ихъ сыскать, для того что, какъ тѣ волохи у него были, и въ то время и онъ, Аветъ притомъ у него, Вартапеда, былъ же. *(Подпись армянская).*

1718 года июня въ 28-й противъ вышеписаннаго доношенія, волоховъ сыскавъ допросить, а письмо перевести Льву Петрову. (*Помѣта секретаря Михаила Шафирова*).

А по переводу Посольскаго приказы дворянина Льва Залѣва въ армянскомъ письмѣ написано:

Мы, армянскіе надзиратели объявляемъ господину Николаю Споеарію, служителю его Царскаго величества вѣрному и переводчику: друзья наши, Минасъ Вартопедъ и господинъ Израиль Орій писали къ намъ о тебѣ, что ты въ нашихъ дѣлахъ трудишься и намъ въ томъ помогаешь, и нынѣ за оное вамъ заплатить не можемъ, для того чтобъ не пронеслось нашимъ непріателемъ, понеже мы со всеусердіемъ желаемъ за твои труды подарить 4000 золотыхъ червонныхъ, которыхъ на нашъ счетъ будетъ 440 тумановъ, и когда оное наше дѣло сдѣлается, тогда въ то время оное число и дадимъ, и по тебѣ оставшимся наслѣдникомъ обязуемся мы быть пріятелями. И по сему нашему письму и печатемъ нашимъ Минасу Вартопеду и г. Израилю Орію, обоимъ имъ въ нашемъ дѣлѣ по ихъ письмамъ и печатемъ мы вѣримъ. 1152-го году мая 27-го числа, изъ Гангазару Авганъ.

Внизу у подлиннаго письма подписались руками:

Я, Гекази сынъ Филиповъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Нарынъ Бѣкъ сынъ Шахназаровъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Мартынось сынъ Ампрѣковъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Бандазаръ сынъ Татеусовъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Бандазаровъ сынъ Мевко моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Аветъ Исысы Асаджанъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Къ тому переводу дворянинъ Левъ Залѣвъ руку приложилъ.

А того же 28-го числа сего июля Государственнаго Посольскаго приказы бывшаго переводчика Николая Споеарія невѣска, Наталья Еенимова дочь подала въ Посольской приказъ доношеніе, а въ немъ пишетъ:

Доношеніе въ Государственную Посольскую канцелярію господамъ секретарямъ.

По его великаго Государя указу мужъ мой, нижепоименованной

Максимъ Николаевъ сынъ Спаеариевъ служить ему, Царскому величеству отъ лейбгвардіи въ Преображенскомъ полку въ салдатеяхъ, а въ прошломъ 708-мъ году отца его, а моего свекра, Государственного жъ Посольскаго приказу переводчика Николая Гавриловича не стало, а послѣ смерти его остались многіе чужестранныхъ языковъ долговые крѣпости, по которымъ крѣпостямъ ему, свекру моему многіе иноземцы были должны. И въ нынѣшнемъ 718-мъ году я нижепоименованнымъ, названъ тѣхъ крѣпостей перевесть на русское письмо, призвала къ себѣ въ домъ князей свѣтлости господара Волоскаго служителей Ивана Гражданова, Ефима Степанова, при которыхъ былъ волошенинъ же, племянникъ мужа моего Самуиль Степановъ сынъ Милосвѣдъ. Изъ по разобраніи тѣхъ должныхъ крѣпостей, не зная я и они, отдала одно письмо онымъ волошенямъ для переводу въ домъ къ нимъ въ какому нибудь юни вышеписанные волошеня призвали къ себѣ въ домъ къ другому армянина, дабы онъ имъ то мое письмо прочелъ, по моему доношенію было въ армянскимъ письмомъ писано. И оной де армянинъ то мое письмо прочелъ и объявилъ имъ волошенямъ, что въ томъ письмѣ написаны деньги, а какія, о томъ не свѣдома. А знатно, что долговые, а сколько денегъ, потому что они волошеня отъ него армянина сами свѣдомы, при которомъ письмѣ упоминается имя и армянскаго Минаса Вартапета, и съ тѣхъ волошенъ по прочтеніи того письма, а именно Ефимъ Степановъ, взявъ съ собою то письмо, принесъ для показанія оному Вартапету и оной Вартапетъ, посмотря того письма, отнялъ насильствомъ, не знаемо для какой причины. А нынѣ слышу, что то мое письмо является въ Посольской канцеляріи. На что нынѣ вашего благородія прошу, дабы сіе мое доношеніе въ Посольской канцеляріи записать въ книгу, а то явленное письмо переведа по-русски, освидѣтельствовать оному волошенямъ и записать, дабы оное какими мѣрами не утратилось, чего ради можетъ быть, что то мое письмо и долговое, а по свидѣтельству отдать оному вли зятю нашему, маэору Михайлу Миронову сыну Яковлеву, по которому письму будетъ мужъ мой или я ему Царскому величеству быть челомъ впредь. О семъ доносить вашему благородію лейбгвардіи Преображенскаго полку солдата Максима Николаева сына Спаеариева жена его, Наталья Ефимова дочь. Июля въ 28-й день 1718 году. Съ сему доношенію маэоръ Михайло Яковлевъ, вмѣсто невѣстки своей Натальи Ефимовой дочери, по ея веленію руку приложилъ.

Резолюція. Взять къ доношенію.

Лѣта 1718 сентября въ 3-й день по указу вел. государя, царя и вел. князя Петра Алексѣевича всея в. и м. и б. Росіи самодержца

государственному т. с. канцлеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину да государственному подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову съ товарищи: по его вел. государя именованному указу лейбъ гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ штабъ и оберъ и ундеръ-офицеры и солдаты и люди ихъ и крестьяне всякимъ правомъ вѣдомы въ Преображенскомъ приказѣ. А августа въ 25-й день сего жъ 718 году била челомъ вел. государю лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдатка Максимова жена Споеаріева, Наталья Ефимова дочь (*слѣдуетъ содержаніе ея челобитной*). И великій государь (т.) (п.) указалъ вышеписанное армянское письмо и переводъ и солдатское доношеніе и все подлинное дѣло изъ Посольской канцеляріи прислать въ Преображенскій приказъ къ ближнему стольнику, ко князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому съ товарищи, для того именованному его Царскаго величества указомъ та солдатка вѣдома въ Преображенскомъ приказѣ, и о присылкѣ того дѣла указъ учинить тебѣ государственному т. с. канцлеру графу Гаврилу Ивановичу да государственному подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову съ товарищи. У сего указу вел. государя печать.

Доношеніе.

Въ бытность Ѳедора Алексѣевича Головина по указу былъ посланъ одинъ толмачъ въ Персію того ради, что Израиль Орій писалъ туды къ своимъ пріятелямъ, такъ-что при дворѣ Царскаго величества обрѣтаются благодѣтели, которые оное секретное дѣло желаютъ въ дѣйство производить, въ чемъ толмачъ чрезъ письма ихъ обнадежилъ и съ извѣстіемъ паки возвратился. По ономъ толмачѣ присланъ былъ чрезъ пріятелей къ Ѳеодору Алексѣевичу одинъ пакетъ запечатанной, которой чрезъ Николая Спаеарія и принятъ былъ, а въ ономъ пакетѣ были многіе письма, во первыхъ къ его Царскому величеству, потомъ къ господамъ министрамъ и прочимъ благодѣтелямъ. Еще тутъ же былъ одинъ пакетъ запечатанъ и подписанъ на имя Израиля Орія, и какъ оный Израиль изъ Европы во вторые къ Москвѣ прибылъ, то и пакетъ взявъ, самъ распечаталъ. И въ томъ еще 4 письма были къ вѣрнымъ Царскаго величества слугамъ. И въ оныхъ письмахъ было написано къ тѣмъ благодѣтелямъ, которые объ ономъ дѣлѣ секретномъ стараются, тако, что ежели Божіею помощію всероссійской Императоръ покорить оныя страны подъ свою высокую державу и будутъ подданные крѣпко и вѣчно, то обѣщаютъ тѣмъ благодѣтелямъ въ даръ нѣсколько тысячъ червонныхъ, и тѣ письма были въ прикрытіи до 1713 года, а въ прошломъ году изъ оныхъ едино объявилось у одного волошенина въ Москвѣ, котораго мы съ тѣмъ письмомъ отвели въ По-

сольской приказъ, для того чтобъ не всякому было извѣстно. И то письмо тамъ и осталось и донинѣ, о чемъ мы, яко вѣрніи рабы, по должности нашей объявляемъ. (*Подпись на армянскомъ языкѣ*).

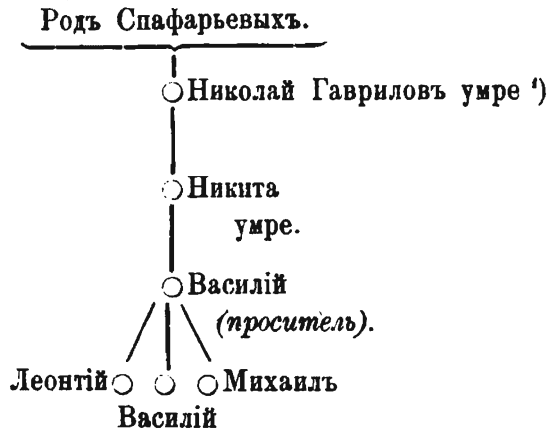
№ 13.

Выписка изъ дѣла временнаго присутствія Герольдіи о дворянствѣ рода Спафарьевыхъ.

28 февраля 1794 г. флота лейтенантъ Василій Никитичъ Спафарьевъ обратился Калужскаго намѣстничества въ Дворянское присутствіе, учрежденное для составленія дворянской родословной книги, съ прошеніемъ о внесеніи его въ эту книгу, при чемъ представилъ: 1) выданную ему изъ Вотчиннаго Департамента копию съ производившаго въ ономъ дѣла, объ «отказѣ» за дѣдомъ его, Государственнаго Посольскаго приказа переводчикомъ Николаемъ Спафарьевымъ жалованнаго ему по грамотѣ 7194 (1686) года царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича имѣнія и 20-ти дворовъ крестьянъ, состоящаго въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ: Алферьевской, Надѣиной и Комаровой; и 2) поколѣнную роспись.

Калужское Дворянское Собраніе, основываясь на этихъ доказательствахъ, по опредѣленію 5 іюня 1794 г., внесло просителя, Василія Никитича Спафарьева съ сыновьями его: Леонтіемъ, Васильемъ и Михаиломъ въ 6-ю часть дворянской родословной книги.

Копія съ поколѣнной росписи.

1) Какъ видно изъ приложенія № 12, у Николая Спафарія былъ еще другой сынъ—*Максимъ*, служившій солдатомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку и женатый; неизвѣстно, оставялъ ли онъ потомство.

Примѣчаніе издателя.

Внизу подпись: «Къ сей подлинной поколѣнной росписи флота лейтенантъ Василій Никитичъ сынъ Спафарьевъ руку приложилъ. Что предъявитель сей поколѣнной росписи (В. Н. с. Спафарьевъ) точно Николаю Гаврилову сыну Спафарьеву внукъ законный, въ томъ свидѣтельствовалъ: Медынскаго уѣзда депутаты: секундъ-маіоръ Семенъ Степановъ Кишкянъ и капитанъ Василій Назаровъ Бегичевъ.

Настоящая выписка о родѣ Спафарьевыхъ любезно сообщена намъ графомъ К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ и дополняется нижеслѣдующими, имъ же сообщенными, генеалогическими свѣдѣніями изъ семейнаго архива Бутеневыхъ.

У Спафарія были помѣстья въ Калужской губ. (нынѣшней), между прочимъ въ Медынскомъ уѣздѣ.

Въ прошломъ столѣтіи жилъ *Василій Никитичъ Спафарьевъ*, имѣвшій трехъ сыновей: *Леонтія*, *Михаила* и *Василія*, и дочь *Александру*.

1. Старшій сынъ, *Леонтій Васильевичъ Спафарьевъ* служилъ въ Балтійскомъ флотѣ капитанъ-командоромъ и затѣмъ въ чинѣ генерала—директоромъ маяковъ. Скончался въ Ревелѣ въ концѣ 30-хъ годовъ. Онъ былъ дворяниномъ Калужской губ. и отъ брака съ дѣвицею Розенбергъ, тоже калужанкой, имѣлъ единственнаго сына, служившаго въ гвард. артиллеріи и подававшаго своими отличными способностями большія надежды, но утонувшаго, еще будучи молодымъ человѣкомъ и холостымъ, во время служебной командировки въ Швецію, и пять дочерей. Старшая, *Елизавета Леонтьевна*, по мужу Ширманъ, скончалась слишкомъ 80-ти лѣтъ въ 1885 году. Вторая — *Вѣра Леонтьевна* за мужемъ за генераломъ Ивановымъ. Изъ двухъ сыновей отъ этого брака старшій, Леонтій Викторовичъ Ивановъ служилъ во флотѣ до 1865 г., а второй Аполлонъ Викторовичъ — по Мин-ву Юстиціи. Леонтій Васильевичъ Спафарьевъ получилъ отъ отца своего въ наслѣдство родовое помѣстье Бурцево, которое продалъ. Кромѣ того, онъ отъ отца имѣлъ образъ Спаса Нерукотвореннаго, писанный на деревѣ и съ греческою подписью: «Τὸ ἄγιον Μανδύλιον», вывезенный, (по словамъ Леонтія Васильевича), изъ Греціи ихъ родоначальникомъ. Онъ же часто говорилъ своимъ дѣтямъ о своемъ происхожденіи отъ Николая Спафарія, бывшаго посломъ въ Китаѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію. Упомянутая св. икона Спаса Нерукотвореннаго сохраняется, какъ семейная святыня, въ родѣ Ивановыхъ. Третья дочь Леонтія Васильевича, *Александра Леонтьевна* была въ замужествѣ за маркизомъ де Траверсе. Двѣ младшія: *Екатерина* и

Наталія — дѣвицы. Свѣдѣнія о Леонтіѣ Васильевичѣ Спафарьевѣ содержатся въ запискахъ А. П. Бутенева, изданныхъ его сыномъ въ Русскомъ Архивѣ 1881 г., а также въ сочиненіи Булгарина: «Лѣтняя прогулка въ 1833 г.», гдѣ говорится о его хлѣбосольтствѣ въ Ревелѣ.

2. Второй сынъ Василя Никитича Спафарьева — *Михаилъ Васильевичъ* не былъ женатъ и владѣлъ до своей смерти (въ 70-хъ годахъ) родовымъ помѣстьемъ, Михайловское: Медынскаго уѣзда (перешло къ г. Спафарьевскому).

3. Третій сынъ Василя Никитича Спафарьева — *Василій Васильевичъ* уже давно скончался, не оставивъ мужскаго потомства. Вдова его — Марѳа Ивановна, рожденная Щербачева, скончалась въ Москвѣ въ очень преклонномъ возрастѣ, въ 80-хъ годахъ. Дочь ихъ въ замужествѣ за г. Картамышевымъ. В. В. владѣлъ родовымъ имѣніемъ въ Калужской губерніи.

4. Четвертый сынъ Василя Никитича — *Михаилъ 2-й Васильевичъ* женатъ была на Дарьѣ Антоновнѣ Платень.

5. Наконецъ, дочь Василя Никитича *Александра Васильевна*, по всей вѣроятности старше братьевъ, была въ замужествѣ за Калужскимъ помѣщикомъ Петромъ Семеновичемъ Бутеневымъ и была матерью Аполлинарія Петровича Бутенева, извѣстнаго дипломата и Россійскаго посла въ Константинополь, родившагося въ 1787 году. Скончалась она въ 1805 году. Другой сынъ Александры Васильевны, Леонтій Петровичъ Бутеневъ долго служилъ въ деп-тѣ Герольдіи.

Можно полагать, что Василій Никитичъ Спафарьевъ, внукъ извѣстнаго посланника въ Китай Николая Спафарія, умеръ не позднѣе 1790 года.

№ 14.

Изъ отрывка тяжёбнаго дѣла Московскаго Суднаго приказа объ имѣніи Алимпія Срезнева съ Самсономъ Зягиннымъ.

... Въ памяти съ Помѣснаго приказу написано:

Въ прошломъ 702-мъ году марта въ 23-й Алимпій Марковъ сынъ Срезневъ *переводчику Николаю Спафарію*, въ Каширскомъ уѣздѣ, в Раставскомъ стану деревню Захарьину, сто четі и дворами и крестьяны съ женами и съ дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы за 700 руб. впредь до сроку 203 году, марта до 1-го числа заложа, просрочилъ.

И въ нынешнемъ 1704-мъ году, еевраля въ 22-й онъ, Алимпій Срезневъ сысканъ былъ и допрашиванъ, а въ допросе сказалъ, что у переводчика Николая Спаеарія деньги 700 руб. занялъ и въ тѣхъ деньгахъ вотчину свою въ Каширскомъ уѣздѣ, въ Раставскомъ стану деревню Захарьино и со крестьяны заложилъ, а крепка де ему та вотчина Алимпию по купчимъ Ивана Ионина сына Левонтьева, а какъ де онъ тое вотчину купилъ, тому нынѣ шестой годъ...

(Изъ рукоп. Бѣляева въ Рум. музеѣ, опис. Викторовымъ).

II.

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ПИСЬМО САРДИНСКАГО ПОСЛА
БАРОНА ДЕ-ЛА-ТУРБІА
О
РОССИИ.

1796 г.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
М. Полевцова.

Печатано подъ наблюдениемъ М. Поліевкова.

Баронъ де-ла-Турбіа (de-la-Turbie, de-la-Turbia) былъ сардинскимъ посломъ при русскомъ дворѣ съ апрѣля 1794 г. по мартъ 1796 г. Увѣзая изъ Россіи, онъ велъ дневникъ своего путешествія, краткое резюме котораго находится въ его письмѣ къ своему правительству изъ Константинополя отъ 28 іюля 1796 г. Письмо это хранится въ русскихъ дѣлахъ Туринскаго Государственнаго Архива за соответствующій годъ (Archivio di Stato. Lettere, ministri. Russia 1796). Въ виду того, что значительная часть пути бар. де-ла-Турбіа лежала черезъ Россію (онъ ѣхалъ черезъ Новороссію, Балканскій полуостровъ и Турцію), письмо это представляетъ нѣкоторый интересъ для русской исторіи. Сколько намъ извѣстно, оно не было еще до сихъ поръ напечатано, а потому мы позволяемъ себѣ познакомить съ нимъ публику.

Въ своемъ письмѣ бар. де-ла-Турбіа даетъ описаніе видѣнныхъ имъ мѣстностей не совсѣмъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ посѣтилъ. Его первоначальный путь изъ Петербурга лежалъ, вѣроятно, на Псковъ и черезъ земли, отошедшія къ намъ отъ Польши, на Кіевъ. Отъ Екатеринослава (или быть можетъ, ниже днѣпровскихъ пороговъ) онъ свернулъ на Таганрогъ. Отсюда пробрался въ Тамань и проѣхалъ по южному берегу Крыма. Посѣтивъ, какъ кажется, Севастополь (онъ говоритъ лишь о севастопольскомъ флотѣ, но не о городѣ), онъ поднялся къ Херсону и затѣмъ послѣдовательно осмотрѣлъ Херсонъ, Николаевъ, Очаковъ, Кимбурнъ, Одессу, Овидіополь, Тerasполь и переѣхалъ черезъ Днѣстръ въ Турцію, Бендеры и Аккерманъ. На все это путешествіе онъ посвятилъ четыре съ половиною мѣсяца (съ 6-го марта по 20-е іюля) время довольно значительное, особенно если принять во вниманіе, что тогдашніе медленные способы передвиженія болѣе благоприятствовали путешественнику въ его наблюденіяхъ, чѣмъ нынѣшніе быстрые переѣзды. Къ тому же, это было уже вторичное путешествіе бар. де-ла-Турбіа по Россіи, что вѣроятно дало ему возможность провѣрить свои первоначальныя впечатлѣнія и внести въ нихъ, гдѣ было нужно, поправки. Зналъ ли онъ русскій языкъ, рѣшить трудно; русскія собственныя имена, однако, онъ передаетъ довольно вѣрно и точно. О своемъ первоначальномъ пути изъ Петер-

бурга и даже о Бѣлоруссіи и Малороссіи онъ говоритъ довольно кратко и въ общихъ чертахъ. Главное свое вниманіе онъ сосредоточиваетъ на описаніи Новороссійскаго края.

Время его путешествія—довольно любопытная, но мало еще разработанная эпоха въ Русской исторіи. Это время, когда результаты завоевательной политики Екатерины II — раздѣлы Польши и приобрѣтеніе Крыма — должны были поселить у западно-европейскихъ государствъ вполне естественныя опасенія и заставляли ихъ съ подозрѣніемъ смотрѣть на Сѣверъ. Въ то же время изъ нѣдръ ихъ самихъ на нихъ надвигалась другая гроза: во Франціи разразилась революція, помощь для борьбы съ которой они рассчитывали найти у той же Россіи. Не помѣшаютъ ли ей, однако, въ этомъ ея ближайшіе сосѣди Турція и разчлененная Польша, и не отвлечется ли она сама отъ Запада для борьбы съ Востокомъ? Все это было жгучимъ современнымъ вопросомъ въ 1796 г. и отвѣтъ на него и пытается дать въ своемъ письмѣ бар. де-ла-Турбіа. На Новороссію, какъ на такой край, которому, быть можетъ, суждено играть видную роль въ ближайшемъ будущемъ, онъ и обращаетъ свое главное вниманіе. Его описаніе, конечно, не лишено односторонностей, неизбежныхъ въ описаніи всякаго иностранца. Эти односторонности столь очевидны, что на нихъ нечего останавливаться. За вычетомъ ихъ, однако, остается значительное зерно истины, позволяющее нарисовать довольно полную картину. Бар. де-ла-Турбіа внимательный наблюдатель; онъ рѣдко ограничивается общими замѣчаніями и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ почти всегда умѣетъ подмѣтить характерныя особенности. Въ результатѣ получается очень живое представленіе о краѣ, гдѣ, очевидно, все — въ періодѣ образованія, гдѣ начинается новая жизнь, гдѣ она можетъ дать богатый раздвѣтъ, но гдѣ, быть можетъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, она направляется нѣсколько односторонне. Выводы бар. де-ла-Турбіа изъ его наблюденій не принадлежатъ къ числу утѣшительныхъ; по отношенію ко всей жизни края они могутъ быть сформулированы его же словами, которыя онъ говоритъ относительно черноморской торговли: *«tant que le regime entièrement militaire continuera dans cette partie de l'Empire, le commerce de la Russie sur la Mer Noire ne fera jamais des progrès considérables»*. Тяжелыя послѣдствія завоевательной политики отзывались на населеніи и мѣшали развитію промышленности, которой эта самая завоевательная политика открывала, казалось, новыя области. Выводы бар. де-ла-Турбіа, которыя онъ старается подтвердить фактическими данными, могутъ быть опровергнуты только послѣ провѣрки этихъ послѣднихъ; его описаніе Новороссійскаго края

по своей обстоятельности вполне заслуживало бы подобной критической оцѣнки.

Съ другой стороны, описаніе это отличается большою живостью и большимъ разнообразіемъ. Несмотря на то, что это лишь экстрактъ изъ написаннаго раньше, авторъ сумѣлъ, на нашъ взглядъ, сохранить въ немъ свѣжесть первыхъ путевыхъ впечатлѣній. Онъ подмѣчаетъ характерныя особенности быта Бѣлоруссіи, даетъ краткое, но живое описаніе казачьего населенія; отъ него не ускользнули красоты крымскаго пейзажа. Онъ много говоритъ о Суворовѣ, которому суждено было въ недалекомъ будущемъ быть защитникомъ родины бар. де-ла-Турбіа отъ французовъ. Письмо бар. де-ла-Турбіа должно было съ интересомъ читаться тѣми, кому оно было предназначено. Можно думать, что съ подлинникомъ его дневника удалось познакомиться нѣкоторому числу его современниковъ; въ такомъ случаѣ это письмо можетъ служить лучшимъ указаніемъ на то, какія свѣдѣнія о Россіи и въ какой степени обстоятельныя доходили до ея западныхъ сосѣдей въ XVIII вѣкѣ.

На это письмо мы наткнулись случайно, занимаясь совершенно инымъ вопросомъ, а потому и не могли остановиться на розыскахъ дневника, послужившаго ему оригиналомъ, розыскахъ, которыхъ онъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ.

Во французскомъ текстѣ мы не придерживались правописанія подлинника, исключая собственныхъ именъ, начертаніе которыхъ сохранено. Въ русскомъ переводѣ ломанными скобками [] передаемъ скобки подлинника, простыми () — свои собственныя.

М. Поліевковъ.

Monsieur.

Parti de Pétersbourg le 6 de Mars, je n'ai quitté la Russie, Monsieur, que le 20 Juillet, ayant employé ce temps à parcourir six Provinces, savoir les Gouvernements de Pétersbourg, de la Russie Blanche, de la Petite Russie, de Iekaterinoslav, de Tauride et de Vasnessensk.

L'importance de connaître l'esprit, qui règne dans ces provinces de conquête, l'état des armées, celui de commerce et de l'agriculture; le degré enfin de croyance que l'on pourrait donner aux vues d'agrandissement indéterminé que l'on suppose encore à l'Impératrice, et par conséquence d'une prochaine rupture, ont été les objets de mes recherches et de mes observations.

Me réservant, Monsieur, de vous donner de plus amples détails à ma prochaine arrivée à Turin, je me bornerai pour le moment à vous donner un extrait de mon journal, qui vous mettera à même de juger en grand de l'état de ces provinces et des vues actuelles de la Russie.

Toutes les provinces, conquises sur les Polonais, premier, second et troisième partage, sont dans un état de fermentation. Tous attendent avec impatience le moment de rompre leurs fers; ceux même qui dans l'espoir de rétablir la république sur les anciens principes et qui surtout avec la promesse solennelle de l'Impératrice de conserver l'intégrité de la Pologne ont formé la confédération de Targovic, désirent de prendre les armes et de se venger de l'indignité avec laquelle ont les a trompé.

Depuis la frontière de Suède jusqu'au rive du Niester le peuple murmure partout. Mais les forces imposantes que l'on y tient, mais l'habitude du joug, mais le manque d'un homme assez accrédité ou assez hardi pour lever l'étendard, les tient dans le respect.

Les armées sont bonnes (je parlerai de celles du maréchal Souvorof dans un article à part). Quoique le prince Potemkin ait considérablement affaibli cette discipline sévère à laquelle elles étaient accoutumées depuis Pierre Premier, le soldat obéit. Les payements arriérés, les vols de tous les genres de la part des officiers, qui réduisent cette paye à rien, la mauvaise qualité de leur nourriture, qui tue souvent des milliers d'hommes, ne les empêchent point d'aller partout où leurs officiers les mènent; et finalement l'esprit de religion, et surtout l'appas du gain et ce désir presqu'inné dans

l'homme, mais plus particulièrement dans le Russe, de faire du mal impunément, les portent à l'ennemi et à l'assaut avec un courage et on pourrait dire une rage effrénée, qui leur fait tuer des femmes et des enfants trois jours même après le combat, comme l'on en a tant d'exemples.

L'agriculture en *Russie Blanche* y est mauvaise. Le paysan es paresseux et n'a aucune industrie; les riches propriétaires habitent acapitale ou les grandes villes. Ils abandonnent leur terre à des fermiers juifs, qui les chicannent et leur enlèvent les deux tiers du produit des terres; et ils trouvent encore le moyen de leur soutirer le reste par le débit de l'eau-de-vie dont les propriétaires se procurent toujours la ferme.

On ne saurait croire hors de la Russie le tort infini que ce riche produit des finances russes fait à l'agriculture et par conséquent au commerce. Le climat froid entraîne le paysan à boire une liqueur, qui l'échauffe, et l'avilissement, dans lequel le régime le plus entièrement militaire le jette, le fait peut-être trouver du bonheur à se familiariser avec une boisson qui le rend stupide. Tels sont les effets de l'eau-de-vie russe, qui est de blé, bien différents de ceux du vin qui porte à la fureur.

La *Petite Russie* manque entièrement de bois; toutes les maisons sont de gazon; les toits mêmes sont de gazon. Une grande étendue de pays est enclavée dans des marais; on y manque de bonne eau; celle que l'on boit est nuisible à la santé, comme la figure des habitants l'atteste. Les cosaques n'aiment point l'agriculture; pourvu chacun d'un sabre ils y portent continuellement les yeux dessus et s'en servent aisément, comme le gouvernement russe s'en est aperçu il y a deux ans, lorsque par caprice ou par les vues aussi impolitiques, que nullement profitables, il a voulu envoyer des colonies de ces mêmes cosaques pour peupler l'île de Taman. Les cantons, où ils ont été choisis, se sont révoltés (comme j'ai eu l'honneur de faire mon rapport au Roi); il a fallu faire marcher quelques régiments d'infanterie et le général Platoff, qui, lui-même étant cosaque, par des menaces, des châtimens, des promesses et la persuasion les engagea enfin à s'y transférer, à quoi la Russie n'a rien gagné au reste, que la peste qui d'Anapa est venue à Taman. De là des craintes bien justes pour les provinces limitrophes. La colonie perdue et tous les frais perdus.

Le gouvernement de *Iekaterinoslav* (la gloire de Catherine) est entièrement dans le même état, que celui de la Petite Russie.

Le gouvernement de *Vasnèssènsk* (l'Ascension), nom mystérieux aisé à deviner, comprend tout le territoire depuis Pérékop, qui est à l'isthme de la Crimée, jusqu'à Kaminièk, y compris toute la dernière conquête entre le Bog et le Nièster. L'Impératrice, qui bâtit continuellement des villes sans se soucier des moyens de les peupler, bâtit actuellement la capitale de ce gouvernement sur l'emplacement qu'occupait le village de Sokali sur le Bog à 90 verstes de Nicolaef; elle s'appellera aussi Vasnessensk.

Kerson, Nicolaef, Odessa, Ovidiopol, Teraspol et Vasnessensk sont les principales villes que l'Impératrice a bâti dans le gouvernement de Vasnessensk.

Kerson a une forteresse en gazon, qui a été augmentée depuis mon premier voyage, mais oupe ut toujours la ranger parmi les retranchements. Le mauvais air, la difficulté de venir chargé jusqu'à *Kerson*, ce qui oblige les négociants d'avoir des magasins à Gloubok ¹⁾, et les nouvelles villes, que l'on a bâties depuis, ont réduit le nombre des habitants à 6 milles environ. L'Impératrice vient de signer l'ordre de travailler au cataracte du Boristhène, de former les écluses et les autres ouvrages, qui pourront rendre la navigation libre dans l'intérieur, peut-être encore y attirer d'autres négociants; mais il faudrait attendre pour en juger que les ouvrages soient faits.

Il y a toujours les chantiers à *Kerson*, l'on y construit des vaisseaux de ligne, qui vont ensuite à Sévastopol, après avoir été portés dans le liman au moyen des chameaux.

Nicolaef, bâtie par le prince Potemkin, en mémoire du jour de la prise d'Oksakoff, est sur la pointe, où l'Igoul se jette dans le Bog à 67 verstes d'Oksakof. La ville est charmante, très bien bâtie et toute en pierre; elle s'est peuplée des habitants de *Kerson*, comme *Kerson* s'était peuplée des habitants d'Elisabeth et de Nijen.

L'amirauté de la Mer Noire y est établie et l'amiral Mordovinoï, qui en est le chef, y fait son séjour. On y bâtit également des vaisseaux de ligne et autres batiments. Sa population est déjà réduite à trois à quatre milles. Elle se dépeuple pour Odessa. L'air y est bon et les eaux de l'Igoul sont saines; celles du Bog y sont encore salées à cette distance du liman.

Oksakoff n'est plus qu'un misérable village de quelques centaines d'habitants. Les vaisseaux qui vont à *Kerson* y font la quarantaine, et ce n'est plus qu'un entrepôt des kaïks grecs et turcs qui

¹⁾ Глубокая пристань на Диѣпровскомъ Лиманѣ.

apportent des oranges. La forteresse en est entièrement rasée et les matériaux ont servi à l'agrandissement de la forteresse de Kimbourn.

Kimbourn est la seule forteresse à l'euro péenne, que les Russes aient sur la Mer Noire; elle est toute en pierre; il y a des casemats, des chemins couverts et tout ce que l'art de fortification peut inventer, y a été employé. Quoique elle soit terminée on ajoute encore sur la pointe péninsule des batteries considérables, qui croisant le feu avec les batteries d'Hassan Pacha, que l'on répare dans ce moment, rendent l'entrée du liman très difficile.

Odessa (la ville d'Ulisse) est à 70 verstes d'Oksakoff à l'endroit où a été Agibei. Il y a une rade d'une cinquantaine de verstes et dans l'espace, où cette rade forme un bassin, on a fait le port au moyen de deux jettées. La première, qui est petite, est finie, mais elle n'a sauvé que très peu de vaisseaux cet hiver, lorsqu'un ouragan a mis la confusion dans ce port naissant. L'on vient de commencer la seconde jettée, qui sera très grande et qui promet toute sûreté pour les temps à venir pour ce, qui est des vents. Mais on a remarqué que les eaux du Bog et du Nieper jettent du sable, qui parcourt toute la côte, et l'on a été jusqu'à calculer d'après les sédiments, que l'on a trouvés contre la première jettée depuis un an, que dans 50 à 60 années tout le grand port doit être comblé.

L'on a bâti la forteresse d'Odessa sur une élévation, qui domine l'entrée du port et la ville. Cette forteresse est en gazon; il y a quatre batteries en étage jusqu'au niveau de la mer. Il n'y a que des magasins à blé dans la forteresse et tout cela est fort médiocre. La ville, où n'existait rien il y a un an, contient déjà plus de mille maisons toutes en pierre. Il y a des casernes pour dix milles hommes également en pierre, un hôpital militaire et la quarantaine. L'on y construit des magasins pour l'amirauté et l'on y a déjà lancé à l'eau une tartane, qui à l'occasion sera employée dans la flotille.

L'on y construit plusieurs magasins à sel et on en fera le dépôt de tout le sel de la Crimée, qui doit fournir les deux gouvernements de Vassnessensk et de Iékaterinoslav. Cette ville est fort exposée à tous les vents, mais l'air y est sain, il y a plusieurs fontaines à peu de distance et l'on trouve de l'eau partout en faisant des puits. Il n'y a point de bois, comme dans tout le gouvernement de Vassnessensk et l'on brûle même du foin pour chauffer les poêles.

Ovidiopol (la ville d'Ovide) est à l'embouchure du Niester à l'endroit où était Agider, à 40 verstes d'Odessa et vis-à-vis d'Akerman, qui appartient aux Turcs. Il n'y a pas plus de deux cents mai-

sons à Ovidiopol; on y a bâti un retranchement sur l'élévation pour mettre en sûreté des magasins à blé, et il y a trois batteries en étage jusqu'au niveau de la mer. Tout cela est appelé forteresse, mais ce n'est rien.

Terraspol est sur le Niester à 100 verstes d'Ovidiopol et à 4 verstes de Bender. La situation est mauvaise, mais la forteresse est assez bonne; elle a six bastions, il y a des magasins à blé et des casernes pour quatre à cinq milles hommes. J'ai été à Bender en ayant la permission du général en chef prince Volkonski. J'y ai vu le pacha, qui m'a permis de visiter la forteresse. Monsieur Kaufer, ingénieur français, qui l'a bâtie, a été gêné par les Turcs. qui ont voulu, qu'elle fût sur les mêmes fondements, que l'ancienne forteresse; cependant il a fait tout ce qu'il était possible de faire d'après cet ordre, et l'a rendu plus tenable en la serrant davantage, car elle s'étendait trop du côté de la rivière. La partie septentrionale est mouillée par les eaux de Niester. Tout est en pierre, il y a même déjà une triple palissade. Les canons n'y sont pas encore et il n'y a pas plus de 130 hommes de garnison.

Akerman sur le Niester, vis à vis d'Ovidiopol, a une forteresse également bâtie par l'ingénieur français Kaufer. Elle est beaucoup plus forte que Bender; étant plus éloignée du théâtre de la guerre, je sais, que les Russes se proposent de la laisser en arrière en cas de rupture et qu'aussitôt pris Bender ils veulent se porter en droite à Izmail sur le Danube.

La *Crimée*, presque dépeuplée à mon premier voyage, n'a que détérioré. Plusieurs des personnes, que la Russie y avait attirées pour y faire des établissements, s'en sont déjà éloignées. Il y a aujourd'hui le fameux naturaliste monsieur Pallas, mais six mois de séjour l'ont déjà dégouté de la Crimée, et elle est actuellement dans un état de dépopulation inconcevable, toute la partie montagneuse étant d'un aspect riant et d'une fertilité égale aux plus belles contrées de l'Italie.

Le commerce de la Mer Noire n'a fait que languir depuis la dernière guerre. La paix n'a point ramené ni attiré les négociants, que les grandes promesses du gouvernement Russe y appelaient, et si l'on doit juger de l'avenir par le présent, tant que le régime entièrement militaire continuera dans cette partie de l'empire, le commerce de la Russie dans la Mer Noire ne fera jamais des progrès considérables.

La flotte de la Mer Noire doit être en 13 vaisseaux de ligne, mais il n'y en a que deux en bon état; le reste on le réforme à mesure qu'on en construit, et quoiqu'une partie paraisse quelquefois en mer, ils seraient dans l'impossibilité de faire une campagne.

Il y a en outre 16 frégattes dont 7 sont neuves. Chaque année on bâtit trois ou quatre bâtiments; ainsi la flotte se renouvelle toujours sans jamais augmenter.

La flotille est en si mauvais état qu'elle ne pourrait pas non plus faire une campagne. On s'en sert pour le transport de sel de la Crimée jusqu'à Odessa. On assure que l'année prochaine la flotille sera de cinquante voiles, tous les bâtiments neufs. Il est vrai que l'on en bâtit de tous côtés. Mais on n'emploie que des bois coupés de la même année; ainsi l'on est toujours à recommencer, la durée d'un vaisseau russe étant calculée à 6 ans. Le port de Sévastopol en Crimée, où est la grande flotte, est rempli de vers, ce qui en accélère la destruction.

A l'île de *Taman* l'on devait commencer une forteresse cette année-ci, mais la peste s'y étant manifestée, l'on a dû suspendre tous les ouvrages et même détruire toutes les maisons en bois et la petite flotille, que les Cosaques avait formée depuis leur établissement.

A *Taganrok* sur la mer d'Asoff on fera une grande jettée pour construire un port sur cette rade, si nécessaire pour le commerce de toute cette partie de l'Empire; et ce port deviendrait d'une plus grande importance si l'on exécutera le projet de M-r le-Volan, ingénieur hollandais au service de Russie, m'assure ¹⁾ être très possible, c'est la communication des deux grandes rivières du Don et du Volga.

Le commerce de la Mer Noire consiste savoir les objets d'exportation qui sont: les cuirs, le suif, le goudron, le chanvre, le fer, le tabac et le blé; les objets d'importation qui sont: le vin, les fruits et les étoffes en coton et en soie.

Les Russes n'ont point de vaisseaux marchands, parce que le paysan y étant attaché à la glèbe, on ne peut pas avoir des marinières, qui très probablement ne retourneraient dans leur patrie. Tous les vaisseaux à pavillons russes, que l'on voit dans l'Archipel et dans la Méditerranée, sont servis par des Grecs; en outre cela, en temps de paix on donne très facilement le pavillon russe à toute

¹⁾ Верно пропускъ и должно быть он m'assure.

les nations indifféremment, qui veulent passer de Constantinopol dans la Mer Noire.

L'armée du comte Souvoroff, qui couvre toute la frontière depuis des lignes de Mosdoc jusqu'à Kaminiek, est de quatre vingt mille hommes. Ce maréchal d'un caractère personnel le plus extraordinaire a envoyé une instruction circulaire à tous les corps d'armée qu'il commande; et cette instruction, dont je me suis procuré une traduction littérale, est la chose du monde la plus plaisante et ne serait pas croyable, si je ne l'avait pas vérifiée moi-même, si je n'avais pas vu exercer les troupes sur les mêmes principes, et si je n'en avait pas entendu la lecture uniforme aux différents corps, auxquels elle a été envoyée. Comme j'aurais l'honneur de vous l'apporter, je me bornerai à vous dire, que toute cette armée n'a plus que deux manières de marcher, savoir à un grand pas, qui doit contenir l'espace d'une archine (c'est à dire d'un raso de piémont) entre le talon et l'extrémité du pied, et le pas de vitesse, qui est d'aller au galop, les rangs ouverts et va plus vite qui peut; c'est ainsi qu'il fait aller à l'attaque de l'infanterie et la cavalerie, sans avoir les rangs serrés et sans que le fusil soit appuyé sur le flanc droit, ce qui selon tous les principes de la tactique doit faire la force de l'infanterie pour soutenir le choc de la cavalerie ou pour enfoncer l'infanterie ennemie, profitant surtout du désordre, qui se met dans une armée dont les rangs et les files viennent à s'ouvrir. Les principales manoeuvres sont donc de faire courir ainsi les bataillons carrés ou les colonnes contre l'infanterie ou la cavalerie, la bayonnette au bout du fusil, se dépassant et faisant semblant de donner des coups de bayonnettes dont il résulte toujours des accidents, plusieurs étant blessés à chaque exercice et quelques fois tués.

Actuellement le maréchal Souvorof va visiter toutes les nouvelles forteresses, il les fait attaquer et leur fait donner l'assaut.

Le maréchal Souvorof et le prince Zoubof sont fort mal ensemble dans ce moment-ci, parceque le maréchal voulait avoir toute l'étendue de pouvoir que le prince Potemkine avait sur cette frontière et que le prince Zoubof en a été investi de la plus grande partie et surtout de la direction de tous les nouveaux établissements. Le maréchal cherche ouvertement à le contrarier, et de là des bons mots, des haines, des luttes de partie, qui nuisent au service de l'Impératrice.

Des vues de la Russie sur l'empire d'Orient. Il n'y a point de doute que l'Impératrice n'a point encore abandonné ce système orien-

tal, qui lui tient à coeur depuis si longtemps. Mais si des obstacles insurmontables l'empêchent de chasser les Turcs de l'Europe, elle voudrait au moins porter ses frontières jusqu'au Danube pour faire ensuite un établissement au Grand Duc Constantin en Moldavie, ce qui ferait époque dans son histoire et dans celle de la Russie, et où l'on ferait un butin immense. Mais les finances sont toujours dérangées, malgré les augmentations énormes qu'elle y a fait à cause de la dernière guerre de Pologne, à cause de l'augmentation de l'armée et à cause des dépenses infinies, qui sont nécessaires pour les nouveaux établissements, les nouvelles forteresses, les nouvelles villes, ports, magazins, casernes etc.

En outre (aux militaires près) tous ses sujets de toutes les classes sont fatigués de la guerre à cause de la récrutation annuelle, qui est si accablante pour le paysan dans un état, où le soldat est si peu ménagé, et qui devient l'impôt le plus ruinant pour les propriétaires dans un pays, où toute la richesse consiste dans le nombre des paysans que l'on possède. Or donc malgré le pouvoir illimité dont l'Impératrice est revêtue, par l'embarras des finances elle a toujours cru devoir ménager sa nation au point d'avoir toujours l'air de ne prendre les armes que pour se défendre. Ce n'est donc qu'en attendant les circonstances que la guerre de la Russie contre la Porte est suspendue. Elle n'aura pas lieu cette année-ci, mais il est difficile, qu'elle tarde longtemps à éclater.

C'est là, Monsieur, ce que j'ai cru plus pressant de Vous mander sur la Russie.

Les notions, que je tâcherai de me procurer pendant mon séjour à Constantinople, me mettront à même d'avoir l'honneur de Vous faire un rapport sur les finances de la Porte, sur les progrès de son militaire, de son artillerie, et enfin sur ses liaisons politiques et ses vues.

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments les plus respectueux
Monsieur

Votre très humble et très obéissant serviteur.

de-la-Turbie.

Constantinople
ce 28 Juillet 1796.

Государь мой!

Выѣхавъ изъ Петербурга 6-го марта, я покинулъ Россію лишь 20-го іюля, употребивъ это время на обзоръ шести областей, а именно: губерній (gouvernements) Петербургской, Бѣлорусской, Малорусской, Екатеринославской, Таврической и Вознесенской.

Необходимость узнать настроеніе духа, царящее въ этихъ завоеванныхъ областяхъ, ознакомиться съ состояніемъ вооруженія, торговли и земледѣлія, и наконецъ рѣшить, насколько вѣроятны приписываемые до сихъ поръ еще Императрицѣ планы безграничнаго увеличенія предѣловъ своей страны, и вслѣдствіе этого насколько вѣроятна возможность близкаго разрыва, вотъ что было цѣлью моихъ наблюденій и замѣчаній (recherches et observations).

Оставляя, государь мой, сообщеніе болѣе детальныхъ подробностей до моего скорого возвращенія въ Туринъ, я сообщаю теперь лишь краткій экстрактъ изъ моего дневника, который дастъ вамъ возможность судить въ общихъ чертахъ о состояніи этихъ областей и о настоящихъ планахъ Россіи.

Всѣ области, завоеванныя у Поляковъ по первому, второму и третьему раздѣламъ, находятся въ состояніи броженія (fermentation). Всѣ ждуть съ нетерпѣніемъ удобнаго момента, чтобы разбить свои оковы. Даже тѣ, которые надѣются на восстановленіе республики на старыхъ началахъ, и въ особенности тѣ, которые, полагаясь на торжественное обѣщаніе Императрицы сохранить цѣлость и неприкосновенность Польши, завязали Торговицкую конфедерацію, жаждутъ взяться за оружіе, чтобы отомстить за недостойный обманъ (l'indignité, avec laquelle ont les a trompé).

Отъ шведской границы до береговъ Днѣстра (Niester) народъ повсюду ропщетъ. Но его сдерживаютъ находящіеся тамъ внушительныя военныя силы, привычка къ арму и, наконецъ, отсутствіе лица, пользующагося достаточнымъ довѣріемъ или же достаточно смѣлаго, чтобы поднять знамя возстанія.

Войска хороши (о войскахъ фельдмаршала Суворова я буду говорить особо). Хотя князь Потемкинъ значительно ослабилъ ту суровую дисциплину, къ какой они привыкли со временъ Петра Перваго, солдатъ повинуется. Задержка въ уплатѣ жалованья, всевозможныя виды кражи со стороны офицеровъ, которые сводятъ это жалованье на ничто, дурное качество пищи, убивающее нерѣдко тысячи людей, не мѣшаютъ солдатамъ итти всюду, куда ведутъ ихъ начальники; кромѣ

того, характеръ религіи, жажда наживы и то, какъ бы врожденное челоѣку, а Русскому въ особенности, желаніе причинять безнаказанно зло, влечетъ ихъ на врага и на приступъ съ такою смѣлостью и, можно сказать, необузданною яростью, что заставляетъ въ продолженіе трехъ дней послѣ сраженія убивать женщинъ и дѣтей, какъ тому бывали примѣры.

Земледѣліе въ *Бѣлоруссіи* въ плохомъ состояніи. Крестьянинъ лѣнивъ и не занимается никакими ремеслами. Богатые собственники живутъ въ столицѣ или въ большихъ городахъ; они покидаютъ свои земли на произволь арендаторовъ-евреевъ, которые ихъ обманываютъ, отнимаютъ у нихъ двѣ трети дохода съ земель и кромѣ того еще умудряются высосать изъ нихъ и остальной доходъ продажей водки, которую собственники покупаютъ всегда у себя въ имѣніи.

Нигдѣ за предѣлами Россіи не повѣрятъ, какое безконечное зло наноситъ земледѣлію, а вслѣдствіе этого и торговлѣ, этотъ богатый источникъ русскихъ финансовъ. Холодный климатъ заставляетъ крестьянина пить согрѣвающей его крѣпкой напитокъ, а вслѣдствіе того приженнаго состоянія, въ которомъ его держитъ вполне военный режимъ, онъ находитъ, быть можетъ, даже удовольствіе въ одурманивающемъ его питъѣ. А таково именно дѣйствіе русской водки, которая готовится изъ хлѣба, дѣйствіе совершенно отличное отъ дѣйствія вина, приводящаго въ ярость.

Малороссія совершенно лишена лѣса; всѣ дома—изъ дерна; даже крыши изъ дерна. Значительное пространство страны покрыто болотами; въ этихъ мѣстахъ ощущается недостатокъ хорошей воды: та, которую пьютъ, вредна для здоровья, какъ это свидѣлствуетъ внѣшній видъ жителей. Казаки не любятъ заниматься земледѣліемъ. Они ходятъ, гордо поднявъ голову и всѣ вооруженные постоянно саблею хорошо владѣютъ ею, какъ убѣдилось въ этомъ русское правительство два года тому назадъ, когда или изъ-за каприза, или по видамъ настолько же неполитичнымъ, насколько и бесполезнымъ, оно хотѣло выселить колоніи этихъ казаковъ, чтобы заселить островъ Тамань. Округа (*cantons*), которые были къ этому предназначены, возмущались [какъ я имѣлъ честь доносить объ этомъ Королю]; понадобилось послать нѣсколько полковъ пѣхоты, и только генералу Платову, который самъ казакъ, удалось наконецъ склонить ихъ угрозою наказанія, обѣщаніями и убѣжденіемъ къ переселенію, отъ чего Россія въ концѣ концовъ ничего не получила, кромѣ моровой язвы, которая изъ Анапы перешла въ Тамань. Отсюда вполне справедливы опасенія за сосѣднія области. Колонія погибла, и всѣ издержки истрачены даромъ.

Губернія *Екатеринославская* [la gloire de Catherine]—въ такомъ же совершенно положеніи, какъ и Малороссія.

Губернія *Вознесенская* [l'Ascension]—смыслъ этого мистическаго названія понятенъ—занимаетъ все пространство отъ Перекопа, находящагося на Крымскомъ перешейкѣ до Каменца (Каміенек), охватывая все послѣднее завоеваніе между Бугомъ (Bog) и Днѣстромъ. Императрица, которая постоянно строитъ города, не заботясь о томъ, какъ ихъ населить, строить въ настоящее время и главный городъ этой губерніи, на Бугѣ, въ 90 верстахъ отъ Николаева, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше было мѣстечко Сокали. Городъ этотъ также будетъ называться Вознесенскомъ.

Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Овидіополь, Тераполь (Teraopol) и Вознесенскъ — главные города, которые Императрица построила въ Вознесенской губерніи.

Въ *Херсонѣ* — земляная крѣпость, которую, правда, увеличили послѣ моего перваго путешествія, но которую все же можно причислить только къ числу окоповъ. Дурной воздухъ, трудность доставленія грузовъ, что заставляетъ купцовъ держать магазины въ Глубокѣ (Gloubok), и новые города, которые были построены позднѣе, низводятъ число жителей Херсона до 6,000. Императрица только что подписала указъ о производствѣ работъ на порогахъ Борисеена; будутъ устроены шлюзы и другія сооруженія, что можетъ облегчить плаваніе по низовьямъ этой рѣки и быть можетъ привлечетъ сюда торговлю изъ другихъ мѣстностей. Но чтобы судить объ этомъ, надо ждать, пока работы будутъ окончены.

Въ Херсонѣ постоянная верфь, гдѣ строятъ линейные корабли, которые затѣмъ идутъ въ Севастополь; до Лимана ихъ тащутъ съ помощью верблюдовъ.

Николаевъ, построенный княземъ Потемкинымъ въ память взятія Очакова (Oksakoff), расположенъ при впаденіи Ингула въ Бугъ, въ 67 верстахъ отъ Очакова. Городъ — восхитительный, прекрасно построенъ, весь изъ камня. Онъ заселенъ жителями изъ Херсона, какъ Херсонъ былъ заселенъ жителями изъ Елизаветграда (Elisabeth) и Нѣжина (Nijen).

Здѣсь находится адмиралтейство Чернаго моря и живетъ начальникъ этого адмиралтейства адмиралъ Мордвиновъ. Здѣсь также строятъ линейныя корабли и другія суда. Населеніе Николаева уже уменьшилось до трехъ или четырехъ тысячъ: оно переселяется въ Одессу. Здѣсь хорошій климатъ; вода въ Ингулѣ годна для питья, воды Буга на этомъ разстояніи отъ Лимана еще солоны.

Очаковъ—теперь ничтожное мѣстечко, гдѣ всего нѣсколько сотенъ жителей. Всѣ корабли, идущіе въ Херсонъ, выдерживаютъ тутъ карантинъ; здѣсь только складочное мѣсто для греческихъ и турецкихъ каиковъ, которые привозятъ сюда апельсины. Крѣпость совершенно срыта, и матерьялъ ея послужилъ для увеличенія крѣпости въ Кимбурнѣ.

Кимбурнъ—единственная крѣпость въ европейскомъ смыслѣ этого слова, которою Русскіе владѣютъ на Черномъ морѣ. Она вся изъ камня. Здѣсь есть казематы, крытые проходы, словомъ, примѣнено къ дѣлу все, что только можетъ придумать фортификаціонное искусство. Хотя она уже закончена, однако на выступѣ полуострова воздвигаютъ еще значительныя батареи, которыя давая перекрестный огонь съ батареями Гассана-паши — ихъ въ настоящее время также поправляютъ, — сдѣлаютъ входъ въ Лиманъ крайне затруднительнымъ.

Одесса [городъ Улисса] въ 70 верстахъ отъ Очакова, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Аджибей. Здѣсь рейдъ версть въ пять; на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ образуетъ какъ бы отдѣльный бассейнъ, съ помощью двухъ *молвъ* устроенъ портъ. Первый моль (меньшій) оконченъ; однако прошлую зиму, когда ураганъ надѣлалъ много бѣдъ въ этомъ возникающемъ портѣ, онъ могъ укрыть лишь очень незначительное количество кораблей. Въ настоящее время начали второй моль; онъ будетъ очень великъ и общааетъ на будущія времена полную безопасность отъ вѣтра. Замѣчено, однако, что воды Буга и Днѣпра (Nierer) приносятъ песокъ, который покрываетъ весь берегъ; по осаду, который образовался около перваго мола за годъ, почти что вычислено точно, что въ теченіе 50 лѣтъ большой портъ долженъ быть весь занесенъ пескомъ.

На возвышеніи, господствующемъ надъ городомъ и портомъ, возведена одесская крѣпость. Она земляная; четыре батареи ярусами спускаются до уровня моря. Въ крѣпости одни хлѣбныя магазины, и все это очень посредственно. Въ городѣ, въ которомъ годъ тому назадъ не было ничего, насчитывается уже до тысячи каменныхъ домовъ. Устроены казармы на десять тысячъ человѣкъ (также каменные), военный госпиталь и карантинъ. Построены также магазины для адмиралтейства; на воду спущена уже таргана, которая при случаѣ можетъ замѣнить легкой флотъ.

Построены и магазины для соли, и здѣсь будетъ устроенъ складъ для всей крымской соли, которою должны снабжаться двѣ губерніи: Вознесенская и Екатеринославская. Этотъ городъ черезчуръ открытъ и доступенъ вѣтру со всѣхъ сторонъ, но воздухъ здѣсь здоровый; много источниковъ на незначительномъ разстояніи одинъ отъ другого;

воду находятъ всюду, гдѣ ни начинаютъ рыть колодезь. Лѣсу вовсе нѣтъ, какъ и по всей Екатеринославской губерніи; чтобы топить печи, жгутъ даже сѣно.

Овидіополь (городъ Овидія) при устьѣ Днѣстра, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Аджидеръ (Agider) въ 40 верстахъ отъ Одессы, противъ Аккермана, который принадлежитъ туркамъ. Въ Овидіополѣ не болѣе двухъ сотъ домовъ; на возвышеніи устроены окопы для защиты хлѣбныхъ магазиновъ; три батареи ярусами спускаются къ уровню моря. Все это зовется крѣпостью, но въ сущности это—ничто.

Тирасполь на Днѣстрѣ въ 100 верстахъ отъ Овидіополя и въ четырехъ отъ Бендеръ. Мѣстоположеніе плохо, но крѣпость довольно хороша; въ ней шесть бастіоновъ, хлѣбные магазины и казармы на четыре-пять тысячъ человѣкъ. Я былъ въ *Бендерахъ*, получивъ позволеніе отъ главнокомандующаго князя Волконскаго. Тамъ я видѣлъ пашу, который разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть крѣпость. Ея строитель, французскій инженеръ Кауферъ, былъ очень стѣсненъ турками, которые хотѣли, чтобы новая крѣпость была возведена на томъ же самомъ основаніи, что и старая. Онъ достигъ, однако, всего, что было возможно при подобныхъ условіяхъ, и сдѣлалъ ее болѣе способной къ защитѣ, болѣе сжавъ ее, такъ какъ она была слишкомъ раскинута вдоль рѣки. Сѣверную часть ея омываютъ воды Днѣстра. Она вся изъ камня и даже защищена тройнымъ палисадомъ. Пушки еще не установлены на мѣстахъ; гарнизону всего 130 человѣкъ.

Аккерманъ на Днѣстрѣ, противъ Овидіополя, крѣпость, точно также построенная французскимъ инженеромъ Кауферомъ. Она гораздо сильнѣе Бендеръ. Въ виду того, что она болѣе удалена отъ театра войны, Русскіе, какъ мнѣ это извѣстно, въ случаѣ вторженія имѣютъ въ виду оставить ее у себя въ тылу и взявъ Бендеры хотятъ итти прямо на Измаиль.

Крымъ, совершенно обезлюдѣвшій еще во время моего перваго путешествія, еще болѣе пришелъ въ упадокъ. Многія изъ тѣхъ лицъ, которыхъ Россія привлекла сюда, чтобы положить начало заселенію, уже удалились. Здѣсь находится въ настоящее время знаменитый натуралистъ Палласъ, но послѣ шести мѣсяцевъ пребыванія Крымъ ему опротивѣлъ. Крымъ въ настоящее время пустѣетъ, что непонятно: видъ его горной части ласкаетъ взглядъ, а по плодородію онъ можетъ сравняться съ лучшими частями Италіи.

Торговля на Черномъ морѣ со времени послѣдней войны находится въ застоѣ. Заключеніе мира не вернуло сюда старыя силы, и не привлекло новыхъ, несмотря на большія обѣщанія русскаго правитель-

ства; русская торговля на Черномъ морѣ, если о будущемъ надо судить на основаніи настоящаго, никогда не сдѣлаетъ значительныхъ успѣховъ, пока въ этой части имперіи будетъ продолжать господствовать совершенно военный режимъ.

Флотъ на Черномъ морѣ долженъ состоять изъ 13 линейныхъ кораблей; но только два изъ нихъ въ исправности. Остальные чинять по мѣрѣ того, какъ ихъ строить; хотя нѣкоторыя изъ нихъ и появлялись въ морѣ, они не будутъ въ состояніи совершить компанію.

Кромѣ того есть 16 фрегатовъ, изъ нихъ 7 новыхъ. Каждый годъ строить три или четыре новыхъ судна, такъ что флотъ постоянно обновляется, не увеличиваясь въ числѣ.

Легкій флотъ (*la flotille*) также въ столь дурномъ состояніи, что не выдержитъ компаніи. Имъ пользуются для перевозки соли изъ Крыма въ Одессу. Увѣряютъ, что къ будущему году легкій флотъ будетъ состоять изъ пятидесяти новыхъ парусныхъ судовъ. Правда, строить повсюду; но въ дѣло идетъ свѣжесрубленный лѣсъ. Вотъ почему постоянно приходится строить новые, и срокъ годности русскаго корабля изчисляется въ 6 лѣтъ. Къ тому же въ Севастопольскомъ портѣ въ Крыму, гдѣ стоитъ большой флотъ, много червей; это еще болѣе ускоряетъ порчу кораблей.

На островѣ *Тамани* должны были въ нынѣшнемъ году начать постройку крѣпости; но появившаяся здѣсь моровая язва заставила приостановить всѣ работы и даже уничтожить деревянные дома и небольшую флотилію, которую завели здѣсь казаки послѣ своего переселенія.

Въ *Таганрогъ* (*Taganrok*) на Азовскомъ морѣ будетъ моль для устройства порта, столь необходимаго на этомъ рейдѣ для торговли всей этой части имперіи. Этотъ портъ получитъ огромное значеніе, если будетъ приведенъ въ исполненіе проектъ ле-Воллана, голландскаго инженера на русской службѣ,—соединеніе двухъ большихъ рѣкъ Волги и Дона; и меня увѣрили, что это очень возможно.

Предметы вывоза въ черноморской торговлѣ составляютъ: кожи, сало, смола, конопля, желѣзо, табакъ и хлѣбъ; предметы ввоза: вино, фрукты и шелковыя и хлопчатобумажныя матеріи.

У Русскихъ нѣтъ торговаго флота; крестьяне прикрѣплены къ землѣ, и потому нельзя набрать матросовъ, такъ какъ они по всей вѣроятности не вернулись бы въ свое отечество. На всѣхъ корабляхъ, которые ходятъ подъ русскимъ флагомъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, служатъ Греки; кромѣ того, въ мирное время охотно предо-

ставляютъ право русскаго флота всѣмъ націямъ безъ различія, кто только пожелаетъ пройти изъ Константинополя въ Черное море.

Армія князя Суворова, расположенная по всей границѣ отъ лѣни Моздока до Каменца, состоитъ изъ 80,000 человекъ. Этотъ фельдмаршалъ, большой оригиналь, какъ человекъ, разослалъ по всѣмъ отрядамъ подвѣдомственной ему арміи циркулярную инструкцію. Забавнѣ этой инструкціи, письменный переводъ которой я раздобылъ, ничего не можетъ быть; я не повѣрилъ бы этому, если бы не провѣрилъ самъ, если бы не видѣлъ, какъ всѣ войска совершаютъ военные экзерциціи по однимъ и тѣмъ же правиламъ, если бы не слышалъ одинаковое чтеніе ея во всѣхъ отрядахъ, по которымъ она была разослана. Такъ какъ я буду имѣть честь вамъ ее доставить, то теперь скажу только, что вся эта армія знаетъ лишь два способа маршировки: крупнымъ шагомъ, который долженъ заключать въ себѣ аршинъ [пьемонтской разо] отъ пятки до носка, и бѣглымъ шагомъ, т. е. въ галопъ, при чемъ идутъ разомкнутыми рядами, какъ можно скорѣе. Такимъ образомъ онъ (Суворовъ) заставляетъ идти въ атаку пѣхоты или кавалеріи, не смыкая рядовъ и не держа ружья плотно прижатымъ къ правой сторонѣ, что по всѣмъ правиламъ тактики составляетъ силу пѣхоты и помогаетъ выдержать натискъ конницы или ворваться въ ряды непріятельской пѣхоты, пользуясь безпорядкомъ, который получается въ войскѣ, если его ряды и шеренги не сомкнуты. Главное ученіе заключается въ томъ, что батальоны, построеныя въ каре или колоннами, должны бѣжать съ привинченнымъ штыкомъ на пѣхоту или на кавалерію, проходя насквозь между рядами и дѣлая видъ, что наносятъ удары штыкомъ; вслѣдствіе этого всегда бывають несчастные случаи, во время каждаго ученія много раненыхъ, а иногда есть и убитые.

Въ настоящее время фельдмаршалъ Суворовъ отправился осматривать всѣ крѣпости, гдѣ онъ устраиваетъ (примѣрные) атаки и приступы.

Фельдмаршалъ Суворовъ и князь Зубовъ въ настоящее время въ очень дурныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ; причина этого та, что фельдмаршалъ хотѣлъ пользоваться такою же властью на этой границѣ, какою пользовался князь Потемкинъ, а князь Зубовъ облеченъ гораздо бѣльшей, чѣмъ онъ, и ему ввѣрено къ тому же управление всѣми новыми учрежденіями. Фельдмаршалъ Суворовъ открыто ищетъ всякаго случая ему противорѣчить; въ результатѣ различныя остроты, недовольство, партійная борьба, что вредитъ исполненію долга по отношенію къ Императрицѣ.

О замыслахъ Россіи относительно Восточной имперіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Императрица не покинула еще той восточной системы (se système oriental), которую она такъ давно уже желѣетъ. Если даже непреодолимья обстоятельства помѣшаютъ изгнать Турокъ изъ Европы, она все же по меньшей мѣрѣ хотѣла бы распространить свои границы до Дуная, чтобы затѣмъ создать изъ Молдавіи отдѣльное владѣніе (établissement) для великаго князя Константина, что составило бы эпоху въ ея личной исторіи и въ исторіи Россіи и дало бы огромную добычу. Но финансы все еще въ упадкѣ, несмотря на огромное увеличеніе податей, къ которому она прибѣгла изъ-за послѣдней Польской войны, ради увеличенія войска и ради тѣхъ безконечныхъ издержекъ, которыя необходимы для новыхъ предпріятій: новыхъ крѣпостей, новыхъ городовъ, портовъ, магазиновъ, казармъ и т. д.

Вообще [за исключеніемъ военныхъ] всѣ ея подданные всѣхъ классовъ утомлены войною вслѣдствіе ежегодныхъ рекрутскихъ наборовъ, которые столь изнурительны для крестьянъ въ государствѣ, гдѣ такъ мало щадятъ солдата, и которые обращаются въ самый разорительный налогъ для собственниковъ въ странѣ, гдѣ все богатство измѣряется количествомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Несмотря на свою неограниченную власть, Императрица вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій всегда считала своею обязанностью щадить свой народъ и дѣлать видъ, что она беретъ за оружіе только для защиты. Война Россіи противъ Порты лишь отсрочена въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Ея не будетъ въ нынѣшнемъ году; трудно сказать, однако, что она не разразится въ близкомъ будущемъ.

Вотъ, государь мой, что я считалъ наиболѣе настоятельнымъ для сообщенія вамъ о Россіи.

Свѣдѣнія, которыя я постараюсь собрать въ Константинополѣ, мнѣ позволятъ такимъ же образомъ имѣть честь доложить вамъ о состояніи финансовъ Порты, о успѣхахъ, сдѣланныхъ ею въ военномъ и артиллерійскомъ дѣлѣ и наконецъ о ея политическихъ отношеніяхъ и замыслахъ.

Имѣю честь оставаться съ чувствомъ полнаго уваженія
Государь мой

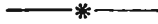
Вашъ вижайшій и покорный слуга
де-ла-Турбіа.

Константинополь, 28 іюля

1796.

III.
ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ЛИТОВСКО-РУССКІЙ СЕЙМЪ.

Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства.

МАТВѢЯ ЛЮБАВСКАГО.

Печатано подъ наблюдениемъ Дѣйствительнаго Члена М. Н. Любавскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства ко времени Люблинской уніи; его компетенція и составъ. § 2. Научные интересы, связанные съ изученіемъ его исторіи.

§ 1.

Въ числѣ основныхъ законовъ великаго княжества Литовскаго, нашедшихъ себѣ мѣсто въ статутѣ 1566 г., наибольшее вниманіе оставяиваютъ на себѣ законы, относящіеся до «великаго вальнаго сойма» этого государства: въ нихъ выраженъ, можно сказать, наиболѣе общій итогъ соціально-политической исторіи этого государства за время его самостоятельнаго существованія. По этимъ законамъ оказывается, что ко времени Люблинской уніи власть литовско-русскаго господара подверглась сильному ограниченію со стороны общества. Господарь не только единолично, но даже и при согласіи своего совѣта—пановъ рады, не имѣлъ права начинать войну и налагать на землевладѣльцевъ великаго княжества серебщину или какую-нибудь другую подать на военные расходы. Онъ обязанъ былъ дѣлать это съ совѣта и согласія («съ порядою и призволеньемъ») князей, пановъ рады духовныхъ и свѣтскихъ, маршалковъ и другихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, а также пословъ земскихъ повѣтовыхъ, созванныхъ на «великій вальный соймъ»¹⁾. Постановленіемъ же этого великаго вальнаго сойма («ухвала земская») опредѣлялись и размѣры военной повинности, отправлявшейся со всѣхъ земскихъ имѣній, т. е. количество ратниковъ, которое обязаны были выставлять на войну ихъ владѣльцы²⁾. Мало того: статутъ обязывалъ господара всякіе новые «уставы», которыхъ потребуеть благо

¹⁾ Раздѣлъ II, артикулъ 2.

²⁾ Разд. II, арт. 1.

государства, издавать не иначе, какъ съ совѣта пановъ рады и дозволенья («призволенья») всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго, другими словами—того же великаго вальнаго сойма³⁾). Поэтому господарь обязывался созывать великіе вальные соймы всякій разъ, когда явится въ томъ нужда, по совѣту пановъ рады или по просьбѣ рыцарства шляхты⁴⁾).

Въ этомъ ограниченіи верховной власти литовско-русскаго господаря участвовали далеко не всѣ классы литовско-русскаго общества, а только нѣкоторые, имѣвшіе право и обязанность собираться на вальный соймъ—«станы, сойму належачіе», какъ зовутся они на тогдашнемъ канцелярскомъ языкѣ. Къ нимъ принадлежали: всѣ духовные и свѣтскіе сановники, составлявшіе господарскую раду, или государственный совѣтъ великаго княжества, маршалки и другіе урядники земскіе и дворные, а также и вся вообще землевладѣльческая знать—князья и паны хоругвовные, т. е. тѣ крупныя землевладѣльцы шляхетскаго званія, которые не становились на войнѣ съ своими отрядами подъ общюю хоругвовью повѣта, а вели свои «почты» подъ собственною хоругвовью⁵⁾). Всѣ эти лица вызывались на вальный соймъ поголовно, особыми листами, адресованными каждому изъ нихъ порознь. Въ общемъ совѣтѣ («радѣ посполитой») имъ принадлежали мѣста и голоса по изстари заведенному порядку («водлѣ звичаю стародавнаго»). Кромѣ нихъ, въ составъ великаго вальнаго сойма входили послы земскіе, или депутаты, выбираемые всѣми землевладѣльцами шляхетскаго званія на повѣтовыхъ соймкахъ. Имъ принадлежали мѣста и голоса въ порядкѣ, установленномъ при изданіи второго статута. При ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что всѣ эти «станы, сойму належачіе», были различными разрядами одного и того же общественнаго класса, пользовавшагося отличіями («оздобою»), правами и вольностями «шляхетства». Это былъ въ полномъ составѣ тотъ «народъ шляхетскій», размноженію вольностей котораго былъ посвященъ литовскій статутъ. На великомъ вальномъ соймѣ не получили участія и представительства ни духовенство, какъ таковое, ни мѣщанство, ни крестьянство, ни тотъ низшій военно-служилый классъ, который не былъ отличенъ «оздобою» шляхетства.

³⁾ Разд. III, арт. 12.

⁴⁾ Разд. III, арт. 6.

⁵⁾ Раздѣлъ II, арт. 7, 11. На этихъ хоругвахъ, какъ это явствуетъ изъ привилей, выданнаго пану Ерониму Ходкевичу на графство (10 іюня 1568 г.). изображались *гербы* владѣльцевъ (Литов. Метр. Кн. Запис I, л. 170—172).

Если отъ статута 1566 г. обратимся къ актамъ и свидѣтельствамъ, изображающимъ государственную практику великаго княжества Литовскаго, современную появленію этого статута, то найдемъ въ нихъ только подтвержденіе, дополненіе и разъясненіе тому, что даетъ о великомъ вальномъ соймѣ статутъ. По этимъ актамъ и свидѣтельствамъ великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства выступаетъ въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности. Не проходитъ года, чтобы онъ не собирався, а по нѣкоторымъ годамъ собирается даже два и три раза и совѣщается подолгу. Въ 1563 году великій вальный соймъ собирався *въ Вильнѣ* и засѣдалъ почти полтора мѣсяца (съ 12 мая по 24 іюня включительно ⁶⁾); въ слѣдующемъ, 1564-мъ, году—*въ Бѣльскѣ* и продолжался также болѣе мѣсяца (іюнь и по 10 іюля ⁷⁾). Въ 1565 г. великій вальный соймъ собирався *въ Вильнѣ* къ 18 ноября и продолжался почти четыре мѣсяца, до 11 марта 1566 года ⁸⁾); прерванный недѣль на девять—на десять, онъ снова возобновился въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая *въ Берестѣ* и продолжился около четырехъ мѣсяцевъ, по 27 августа включительно ⁹⁾). Къ 1-му декабря того же года собирався уже новый вальный соймъ *въ Городнѣ* и продолжился до 6 января 1567 года ¹⁰⁾). Въ 1568 году великій вальный соймъ собирався также *въ Городнѣ* и продолжался около 2½ мѣсяцевъ (съ 25 апрѣля по 12 іюля включительно ¹¹⁾); въ концѣ этого года, 10 декабря собирався соймъ *въ Люблинѣ* и продолжился съ нѣкоторымъ перерывомъ восемь мѣсяцевъ, по 12 августа 1569 года включительно ¹²⁾).

⁶⁾ Акты Зап. Рос. Ш. № 32—34; Документы Московскаго Архива Мин. Юстиціи. т. I, 145—155. Москва 1897; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 423, 424; XXXIX, л. 479, 484; Судныхъ дѣлъ кн. XIV, л. 55. Въ одномъ актѣ отъ 29 іюня 1568 г. соймъ названъ уже «теперешннѣ, недавно минулымъ» (кн. Запис. XLV, л. 16, 17).

⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493; ХЫ, л. 261, 326; XLV, л. 76; Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 346.

⁸⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, 160—192; Акты Зап. Рос. Ш. № 38; Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 638—645; XLI, л. 376; L, л. 2; Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 518; XLVII, л. 136, 137.

⁹⁾ Документы Москов. Арх. Мин. Юст. т. I, 197—204; Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 19, 33—35; XLVIII, л. 35.

¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VII, л. 125—134. Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, 449—463.

¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IX, л. 42—45, 86, 87, 121; Документы Москов. Арх. Мин. Юст., т. I, 464—496.

¹²⁾ Документы Москов. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, 497—505.

Эти частые созывы и продолжительныя совѣщанія великаго вальнаго сойма указываютъ, что это учрежденіе стало необходимымъ двигателемъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ великаго княжества.

На перечисленныхъ вальныхъ соймахъ не только дѣлались постановленія о началѣ войны (на Виленскомъ соймѣ 1563 г. ¹³), о сборѣ серебщины и другихъ податей и налоговъ на военныя нужды, о размѣрахъ и порядкѣ отбыванія военной службы, но обсуждались и рѣшались и другіе, болѣе или менѣе важныя вопросы, выдвигавшіеся внѣшнею и внутреннею жизнью государства, напр., вопросъ объ уніи съ Польшею (на Берестейскомъ соймѣ 1566 г. ¹⁴) и Люблинскомъ 1569 г.), о поправкахъ и дополненіяхъ къ новому статуту ¹⁵) и т. д. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи сеймы 1567 и 1568 годовъ, собиравшіеся въ Городнѣ, на которыхъ, какъ показываютъ ихъ рецессы, состоялось множество постановленій по различнымъ вопросамъ внутренняго управленія, которые такъ или иначе связаны были съ текущею войною ¹⁶). Участіе великаго вальнаго сойма въ правительственной дѣятельности выражалось не только въ тѣхъ «ухвалахъ», которыя дѣлали сами «станы» сейма, но и въ тѣхъ просьбахъ, которыя они подавали господарю, и которыя вызывали съ его стороны соотвѣтствующія постановленія и распоряженія. Въ этомъ отношеніи великій вальный соймъ разсматриваемаго времени проявлялъ самую широкую инициативу, которой обязано было своимъ появленіемъ множество общихъ постановленій и частныхъ распоряженій правительства.

Что касается состава великаго вальнаго сойма, то акты обозначаютъ гораздо точнѣе и подробнѣе «станы, сойму валежачіе», чѣмъ это сдѣлано въ статутѣ, ни въ чемъ ему, однако, не противорѣча. По актамъ оказывается, что на великомъ вальномъ соймѣ участвовали высшіе сановники господарской рады: кн. бискупы, воеводы (въ числѣ нихъ и староста Жмудскій), каштеляны, маршалки земскій и дворный, гетманъ, подскарбій земскій, и другіе высшіе урядники земскіе и дворные: подчашій, крайчій, стольникъ, подстолій, мечникъ, хоружій земскій и дворный, маршалки и писари; изъ второстепенныхъ—старосты, дер-

¹³) Акты Зап. Рос. III, № 34.

¹⁴) *Kojatowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 471—473. Antverpiae MDCLXIX.

¹⁵) *С. Л. Пташицкаго* Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута, стр. 9, 10. Спб. 1893; *Ө. И. Леонтовича* Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права, стр. 7—11, Спб. 1863.

¹⁶) Документы Моск. Арх. Мин. Юст. т. I; 449—482.

жавцы, тивуны, хоружіе, и затѣмъ—князата, панята и шляхта рыцарство¹⁷⁾. Изъ князей кромѣ тѣхъ, которые занимали какіе-либо уряды, вызывались на соймъ всѣ князья Вишневецкіе, Гедройтскіе, Деречинскіе, Друцкіе, Збаражскіе, Курцевичи, Лукомскіе, Масальскіе, Ружинскіе, Сангушки, Свирскіе, Слуцкіе, Соколенскіе, Четвертенскіе, и Чорторыйскіе; изъ пановъ—всѣ паны Воловичи, Глѣбовичи, Горностаи, Довойшы, Завиши, Ильиничи, Кишки, Нарбуты, Остиковичи, Пацы, Сологубы, Сопѣги, Тишкевичи, Хребтовичи и Шеметы¹⁸⁾. Что касается рыцарства шляхты, то его представляли послы повѣтовые; кромѣ того, на нѣкоторые соймы, какъ, напр., на Бѣльскій, съѣзжалось множество шляхты лично, ибо на соймѣ господарь обыкновенно отправлялъ и суды¹⁹⁾.

Наканунѣ Люблинской уніи получили мѣсто на сеймѣ и мѣщане стольнаго города Вильны по примѣру мѣщанъ важнѣйшихъ польскихъ городовъ. Имъ предоставлено было право посылать на вальный соймъ двухъ или трехъ бурмистровъ, которые должны были сидѣть ниже земскихъ пословъ и высказывать свое мнѣніе только тогда, когда на сеймѣ зайдетъ рѣчь о Виленскомъ мѣстѣ²⁰⁾.

§ 2.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что ко времени Люблинской уніи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ сложилось представительное учрежденіе, какъ по своей компетенціи и значенію, такъ и по составу, довольно близкое къ польскому сейму. За этимъ учрежденіемъ такъ же, какъ и за польскимъ сеймомъ, было признано право «вольнаго

¹⁷⁾ Акты Зап. Рос. III, № 32, 34; Докум. Моск. Архив. Мин. Юст., т. I, 161—192.

¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Пуб. дѣль VII, л. 82—84, 92—94, 181—186.

¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493.

²⁰⁾ Въ привилеѣ, данномъ Вильнѣ 15 июня 1568 г., читаемъ между прочимъ: *Volumus etiam insuper, ut magistratus saepe nominatus Vilmensis ad omnia cominitia generaliter tam in magno ducatu Lituaniae, quam etiam in regno Poloniae, si unio istorum dominiorum debitum sorbita fuerit effectum, binos vel ternos consules ex collegio suo mitant, qui secundum nuncios terrestres residendi et de rebus ad statum civitatis Vilmensis pertinentibus dicendae sententiae jus, potestatem facultatemque perpetuis temporibus sunt habituri* (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 173 об.—175).

«обранья» государя ²¹⁾), и оно *de jure* и *de facto* сдѣлалось главнымъ носителемъ верховной власти государства и распорядителемъ его судьбы. Поэтому оказалась возможною и та самая унія, которую великое княжество заключило съ Польшею въ 1569 году, и которая по своей сущности была *парламентарною уніею*: литовско-русскій великій вальный соймъ, сдѣлавшійся болѣе или менѣе близкимъ къ польскому по своему составу и государственному значенію, легко могъ слиться съ польскимъ въ одно учрежденіе. Какъ ни велико было въ настоящемъ случаѣ вліяніе войны съ Москвою, которая толкала Литву въ объятія Польши, но безъ этого внутренняго условія, безъ этихъ успѣховъ по части ассимиляціи съ Польшею въ государственномъ строѣ и бытѣ, великое княжество едва ли соединилось бы съ Польшею столь тѣсными узами, какъ это состоялось въ 1569 году. И прежде великое княжество бывало не въ лучшемъ, если не въ худшемъ положеніи, чѣмъ во время Ливонской войны. Стоять, напр., припомнить войну съ Москвою при Сигизмундѣ I, которая потребовала крайняго напряженія государственныхъ силъ и средствъ великаго княжества Литовскаго и чуть было не исчерпала до конца эти силы и средства. И тѣмъ не менѣе, великое княжество не соединялось тѣсно съ Польшею, какъ ни прельщали поляки литовцевъ различными выгодами «братскаго злученья». Очевидно, что для этого соединенія не доставало еще данныхъ во внутреннемъ строѣ и бытѣ великаго княжества, въ тѣхъ учрежденіяхъ и общественныхъ силахъ, которыя были хозяевами положенія и направляли государственную жизнь. Тѣсное и прочное соединеніе Литвы съ Польшею стало возможнымъ только тогда, когда и въ этихъ отношеніяхъ, а не въ однихъ только внѣшнихъ интересахъ, Литва близко подошла къ Польшѣ, когда литвинъ въ Польшѣ сталъ находить то же самое, что дома, и дома то же самое, что въ Польшѣ.

Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства, какъ онъ сложился ко времени Люблинской уніи, является наилучшимъ показателемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало это государство во внутренней ассимиляціи своей съ Польшею до Люблинской уніи. Съ другой стороны, какъ было уже сказано выше, этотъ великій вальный соймъ въ томъ составѣ и значеніи, съ какими онъ выступаетъ ко времени Люблинской уніи, является наиболѣе общимъ итогомъ соціально-политическаго развитія Литовско-Русскаго государства въ періодъ его самостоятельнаго существованія. Изъ этого видно, какой высокой научный

²¹⁾ См., напр. Бѣльскій привилей 1564 года. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII л. 485—493.

интересъ связанъ съ изученіемъ его исторіи, которая вводитъ изслѣдователя въ кругъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, касающихся внутренняго соціально-политическаго развитія Литовско-русскаго государства и даетъ возможность уясненія самыхъ характерныхъ его особенностей. Этотъ интересъ, высокій самъ по себѣ, усугубляется сравненіемъ съ другимъ русскимъ государствомъ—Московскимъ, гдѣ въ то самое время, когда окончательно слагался литовско-русскій вальный соймъ, зарождалось учрежденіе, его напоминавшее, но вышедшее въ концѣ концовъ съ неодинаковымъ составомъ и значеніемъ,—я разумю великую земскую думу, или земскій соборъ Московскаго государства.—Почему это учрежденіе, носившее одинаковое имя съ литовско-русскою «посполитою радою» (великій земскій совѣтъ) или «великимъ вальнымъ соймомъ» (соборъ), вышло такъ не похоже на него, отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать во внутренней соціально-политической исторіи не только Московскаго, но и Литовскаго государства.

Изложенныя соображенія и побудили автора настоящаго труда, не юриста по специальности, взяться за изслѣдованіе исторіи разсматриваемаго учрежденія. Этотъ сюжетъ по самой сущности своей требуетъ широкой постановки изслѣдованія, экскурсовъ въ разнообразныя области внѣшней и внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства, и потому вполне оправдываетъ рѣшимость общаго историка взяться за его разработку. Вопросъ о великомъ вальномъ соймѣ Литовско-Русскаго государства есть вопросъ о внутреннемъ развитіи этого государства вообще. Съ этой точки зрѣнія настоящее изслѣдованіе является въ качествѣ естественнаго дополненія и продолженія перваго труда автора «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута». Въ первомъ трудѣ авторъ главное вниманіе удѣлялъ мѣстной организаціи и мѣстной политической жизни по различнымъ областямъ Литовско-Русскаго государства. Въ настоящемъ трудѣ главное вниманіе удѣляется государственному центру и развивавшейся въ немъ политической жизни и организаціи, и сравнительно меньше вниманія удѣляется областямъ, ихъ учрежденіямъ и политическому быту. Какъ и въ первомъ своемъ трудѣ, такъ и въ настоящемъ, авторъ большое вниманіе удѣлялъ организаціи литовско-русскаго общества, на почвѣ которой складывалось и самое государственное устройство великаго княжества. Данныя для настоящаго очерка, какъ и для первой своей книги, авторъ почерпалъ преимущественно въ актахъ и документахъ, содержащихся въ книгахъ Литовской Метрики. Весьма большимъ подспорьемъ для настоящей работы послужило опубликованіе въ I томѣ

«Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи» нѣкоторыхъ документовъ, относящихся до исторіи литовско-русскихъ сеймовъ и содержащихся въ книгахъ той же Метрики, за что авторъ считаетъ долгомъ принести глубокую благодарность учрежденію, издавшему въ свѣтъ названный сборникъ.

ГЛАВА I.

Происхождение литовско-русского сейма, его составъ и функціи въ начальной стадіи его развитія.

§ 1. Унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею въ 1385 году; роль областныхъ князей при ея установленіи.—§ 2. Агитація Витовта противъ заключенной унии и ея успѣхъ среди второстепенныхъ литовско-русскихъ князей и литовскаго боярства; борьба Литвы съ Польшею и поправка унии въ Островскомъ соглашеніи 1392 года.—§ 3. Крушеніе системы областныхъ княженій; политическое усиленіе и возвышеніе второстепенныхъ князей и литовскаго боярства.—§ 4. Новое подтвержденіе унии въ 1401 году и первый литовско-русскій сеймъ; его составъ и признанная компетенція.—§ 5. Городезьскій сеймъ 1413 года и новая поправка унии; расширеніе функцій литовско-русскаго сейма.—§ 6. Данныя предшествующаго соціально-политическаго развитія великаго княжества Литовскаго, объясняющія первоначальный составъ и самое возникновеніе литовско-русскаго сейма.

Въ исторіи литовско-русскаго сейма приходится имѣть дѣло не столько съ эволюціонною трансформаціею этого учрежденія, сколько съ простымъ *наслоеніемъ* данныхъ отъ различныхъ историческихъ эпохъ. Литовско-русскій сеймъ въ послѣдней стадіи своего развитія, т. е. ко времени Люблинской унии, былъ, можно сказать, историческимъ сооруженіемъ изъ послѣдовательныхъ напластованій предшествующихъ стадій. Это справедливо какъ относительно его наименованія, такъ и относительно состава и значенія въ государственной жизни великаго княжества. Литовско-русскій сеймъ прежде, чѣмъ сталъ называться «великимъ вальнымъ соймомъ», назывался просто «соймомъ» или «вальнымъ соймомъ». Прибавленіе въ названіи обусловилось прибавленіемъ въ самомъ его составѣ. «Великимъ» это учрежденіе стало называться тогда, когда къ его первоначальному составу—къ князьямъ, панамъ и боярамъ великаго княжества въ древнѣйшемъ и тѣсномъ смыслѣ слова, присоединились князья, паны и бояре изъ всѣхъ остальныхъ земель, когда сеймъ сталъ, такимъ образомъ, «посполитою радю» великаго

княжества въ позднѣйшемъ и обширномъ смыслѣ ¹⁾). Какъ и наименованіе, составъ литовско-русскаго сейма усложнялся чрезъ простое присоединеніе къ прежнимъ «станамъ», или чинамъ, новыхъ, которые не вытѣсняли ихъ, но становились рядомъ съ ними. Точно такъ же росло и значеніе сейма въ государственной жизни: вновь достигнутые успѣхи, новыя завоеванія по этой части присоединялись къ прежнимъ, давно признаннымъ правамъ его. Такое развитіе разсматриваемаго учрежденія вполне согласуется съ общимъ ходомъ литовско-русской исторіи, въ которой новое сплошь и рядомъ ложилось на старое, новый порядокъ строился не на развалинахъ, а на фундаментѣ стараго, въ которой прецедентъ постоянно служилъ источникомъ и основаніемъ права. Въ первомъ нашемъ изслѣдованіи «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута» разсѣяно не мало доводовъ въ пользу этого утвержденія. Надѣемся представить ихъ и въ настоящемъ изслѣдованіи.

На первой очереди оставоимъ наше вниманіе на начальной стадіи въ развитіи литовско-русскаго сейма и постараемся выяснитъ условія и обстоятельства, вызвавшія къ жизни это учрежденіе, его первоначальный составъ и политическое значеніе.

§ 1.

Литовско-русскій сеймъ, какъ государственное учрежденіе съ извѣстнымъ признаннымъ значеніемъ, зародился въ эпоху установленія уніи великаго княжества съ Польшею. Событія этой эпохи вызвали къ политической дѣятельности крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ правъ за ихъ совокупностью въ лицѣ литовско-русскаго сейма. Такое признаніе даетъ себя выслѣдить по источникамъ отъ 1401 года, и къ этому году и можно приурочить рожденіе литовско-русскаго сейма.

Въ 1385 году 14 августа въ Кревѣ великій князь Литовскій Ягайло выдалъ прибывшимъ къ нему отъ матери польской королевы Ядвиги, королевы Елизаветы, письменное подтвержденіе тѣхъ условій, на которыхъ его послы высватали за него Ядвигу съ короною Поль-

¹⁾ Великимъ княжествомъ Литовскимъ въ тѣсномъ смыслѣ называлось Литовско-Русское государство безъ земель—аннексовъ, имѣвшихъ свои привилегіи (Акты Зап. Рос. II, № 30, 54); въ обширномъ смыслѣ—со всѣми этими землями (Статутъ 1566, разд. I, арт. II).

скою въ приданомъ. Ягайло обязался принять католическую вѣру со всѣми своими братьями и родственниками, знатными и простыми людьми отъ мала до велика, выложить свою казну на нужды Польши и въ частности на возвращеніе отторгнутыхъ отъ Польши земель, заплатить бывшему жениху Ядвига неустойки 200 т. флориновъ, выпустить плѣнныхъ христіанъ на свободу и навсегда присоединить свои земли къ коронѣ Польской²⁾. Этотъ договоръ принять былъ и польскими панами, какъ это явствуетъ изъ письменнаго заявленія ихъ пословъ, учиненнаго въ Волковыскѣ 11 января 1386 года³⁾.

Можно предположить, что на такой рѣшительный шагъ, опредѣлявшій всю дальнѣйшую судьбу великаго княжества, Ягайло отважился, заручившись согласіемъ всей земли. И древнѣйшая литовско-русская лѣтопись подтверждаетъ это предположеніе, рассказывая, что Ягайло совѣтовался объ этомъ съ матерью своею великою княгинею Ульяною, съ братьею своею «и со всеми кнзми и бояры Литовския земли»⁴⁾. Но внимательный анализъ другихъ, и при томъ современныхъ данныхъ, не позволяетъ, однако, принять это сообщеніе лѣтописи въ буквальномъ смыслѣ и заставляетъ видѣть здѣсь не передачу дѣйствительнаго факта, а его литературную реконструкцію, другими словами—предположеніе составителя лѣтописи⁵⁾. Изъ документа, выданнаго Ягайломъ въ Кривѣ, можно заключить, что на унію съ Польшею Ягайло рѣшился по совѣту и соглашенію только съ братьями, областными князьями, да и то не всѣми (*una cum fratribus nostris infrascriptis, videlicet domino Skirgalone, Coribut, Vitoldo, Ligen ducibus Lithvanorum et in persona aliorum fratrum nostrorum praesentium et absentium*). Здѣсь нѣтъ и рѣчи о боярахъ, и никакого совѣщанія, подобнаго тому, о которомъ говоритъ лѣтопись, очевидно, и не происходило; въ противномъ случаѣ документъ не преминулъ бы сказать и о согласіи боярства, какъ о фактѣ, подкрѣпляющемъ его юридическую силу.

²⁾ Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tom. II, № III.

³⁾ Monumenta medii aevi, tomus XII, № 6.

⁴⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ въ 1 кн. Записокъ Второго отдѣленія Император. Академіи Наукъ, стр. 34.

⁵⁾ Этотъ составитель былъ «младъ» въ самомъ концѣ XIV в. и не помнилъ тогдашнихъ событій. Онъ воспроизводитъ ихъ на основаніи чужихъ записей и пересказовъ, а отчасти и официальныхъ документовъ. См. предсловіе къ Лѣтописи великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ; *St. Smolki Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego* (Pamiętnik Ak. Umiej. w Krakowie, tom. VIII, 1—55); *A. Prochaski Latopis litewski*, Lwów 1890.

По всему видно, что Ягайло въ данномъ случаѣ шелъ по стопамъ своего отца, который важнѣйшія государственныя дѣла рѣшалъ по совѣту и соглашенію съ нѣкоторыми наиболѣе сильными и вліятельными областными князьями, въ предположеніи, что остальные будутъ ему послушны. Извѣстно, что и на великокняжескомъ столѣ Ольгердъ сѣлъ по частному соглашенію съ братомъ своимъ Кейстутомъ; по такому же соглашенію онъ обезпечилъ великокняжескій столъ и за Ягайломъ. Подобнымъ же образомъ поступалъ онъ и въ вопросахъ ви́шней политики, привлекая къ ихъ рѣшенію тѣхъ только князей, которые въ данномъ случаѣ были подъ рукою, или которыхъ онъ считалъ нужнымъ привлечь. Очевидно, что Ольгердъ былъ и чувствовалъ себя такою политическою величиною, которая не нуждалась въ непремѣнномъ содѣйствіи всѣхъ остальныхъ князей при рѣшеніи разныхъ государственныхъ вопросовъ ⁶⁾). Такою же величиною, по всѣмъ признакамъ, чувствовалъ себя и Ягайло, заключая съ Поляками унію, уничтожавшую самостоятельность и самобытность великаго княжества, по совѣту и соглашенію съ нѣсколькими, наиболѣе сильными и вліятельными областными князьями, въ предположеніи, что остальные князья должны принять совершившійся фактъ. Если уже не всѣ князья привлекались къ рѣшенію вопроса объ уніи, тѣмъ менѣе можно ожидать этого относительно бояръ. Ягайло и его братья, по всѣмъ признакамъ, мало еще цѣнили литовское боярство, какъ самостоятельную политическую силу, съ которой необходимо считаться. До сихъ поръ литовское боярство большею частью покорно шло за своими князьями, находилось у нихъ въ такомъ подчиненіи, которое Ягайло впоследствии приравнивалъ къ игу рабства (*jugum servitutis*). Этому боярству для того, чтобы играть значительную роль въ рѣшеніи обще-государственныхъ вопросовъ, не доставало пока еще необходимаго единства, ибо оно было политически разбито, группировались вокругъ нѣсколькихъ вождей. Какъ мало еще значили бояре въ глазахъ великаго князя, лучше всего показываютъ суровые указы Ягайла относительно обязательнаго крещенія въ католическую вѣру всѣхъ безъ исключенія литовцевъ, даже тѣхъ, которые уже были христіанами греческаго исповѣданія ⁷⁾). Что касается боярства земель - аннексовъ, то въ силу обособленнаго поло-

⁶⁾ Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей статьѣ «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в. (Изданія Историческаго Общества при Импер. Московск. Университ., годъ I, стр. 68—98).

⁷⁾ *Danilowicza Scarbiec diplomatów I, № 540. Wilno 1860.*

женія этихъ земель, оно имѣло пока значеніе только въ сферѣ мѣстныхъ дѣлъ и вопросовъ, но не обще-государственныхъ.

Итакъ, договоръ 1385 года не былъ дѣломъ всѣхъ литовско-русскихъ князей и бояръ, какъ можно было бы представлять его на основаніи вышеприведеннаго сообщенія древнѣйшей литовско-русской лѣтописи. Поляки хорошо понимали эту особенность договора и, считая ее недостаткомъ, старались обставить его всевозможными гарантіями. Во-первыхъ, они заставили всѣхъ пріѣхавшихъ съ Ягайломъ и крестившихся въ католическую вѣру бояръ присягнуть въ соблюденіи вѣрности королю, королевѣ и коронѣ Польской⁹⁾. Во-вторыхъ, они взяли въ качествѣ заложниковъ тѣхъ князей, которые пріѣхали съ Ягайломъ на свадьбу и коронацію¹⁰⁾. Вынужденные обстоятельствами отпустить ихъ на родину, поляки взяли съ нихъ записи въ томъ, что они по первому требованію явятся въ Польшу¹¹⁾. Затѣмъ, послѣ того какъ возстаніе Андрея Полоцкаго и переходъ его въ ленную зависимость отъ Ливонскаго Ордена наглядно показали полякамъ, что Ягайло въ сущности не имѣлъ права договариваться отъ лица отсутствующихъ братьевъ, они принялись собирать съ литовско-русскихъ князей отдѣльныя записи на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской. Такая запись, насколько намъ извѣстно въ настоящее время, взята была прежде всего съ князя Заславскаго Михаила Явнутьевича (1 марта 1386 года¹²⁾), а затѣмъ съ князя Луцкаго и Владимірскаго Ѳедора Любартовича (22 мая 1386 г.¹³⁾). Послѣ нихъ записи выдали князь Новгородка Сѣверскаго Димитрій-Корибуть (23 октября 1386 г.) и князь Пинскій Василій Михайловичъ¹⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1387-мъ году запись на вѣрность выдалъ братъ Ягайла, которому онъ болѣе другихъ довѣрялъ, князь Троицкій Скиргайло Ольгердовичъ по случаю пожалованія ему Полоцка и такъ называемой Руси Литовской¹⁵⁾. Въ 1388 году взяты были записи съ князя Семена-Лингвеня (31 января¹⁶⁾), съ

⁹⁾ Объ этомъ можно заключать изъ текста той грамоты, которую выдали полякамъ литовскіе князья, паны и бояре въ 1401 году. *Działyńskiego Zbiór praw litewskich*, str. 3—7. Poznań 1841.

¹⁰⁾ *L. Gołębowskiego Panowanie Wł. Jagietly*, str. 5, 6. Warszawa 1846.

¹¹⁾ *Dra F. Konieczniego Jagiełło i Witołd*, str. 46—47. Lwów 1893. *Monumenta medii aevi*, tomus II, № IV, V; tomus VI, № XXV.

¹²⁾ *Scarbiec diplomatów I*, № 516.

¹³⁾ *Ibidem*, № 526.

¹⁴⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № XXIX, XXX.

¹⁵⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № XXXIII.

¹⁶⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus II, № XIII.

князя Керновскаго Александра Вигунта (3 мая ¹⁶), съ князя Городенскаго, Луцкаго и Берестейскаго Витовта (3 мая ¹⁷), вторично съ князя Новгородскаго Дмитрія-Корибута (22 мая ¹⁸), съ князя Киевскаго Владиміра Ольгердовича (12 іюля ¹⁹), съ Дмитрія Ольгердовича князя Брянскаго и Трубчевскаго (13 декабря ²⁰). Въ слѣдующемъ, 1389-мъ, году должны были выдать записи на вѣрность кн. Семень Явнутьевичъ Заславскій (29 января ²¹), вторично князь Семень-Лингвеній (25 апр. ²²), какой то князь Семень Юрьевичъ (25 апр. ²³).

Все это были наиболѣе значительные князья, большею частью крупныя владѣльцы, братья и родственники Ягайла. Но кромѣ нихъ въ великомъ княжествѣ было еще много другихъ князей, менѣе значительныхъ по своимъ владѣніямъ, какъ изъ той же династїи, такъ и изъ другихъ. Таковы были въ собственной Литовской землѣ: князья Гольшанскіе, Гедройтскіе, Свирскіе, князь Клецкій Ямунтъ, князь Вейшашскій Судимовтъ ²⁴), князь Юрій Довговтъ ²⁵); на Руси Литовской—кн. Соломерецкіе, Слуцкій и Степанскій ²⁶); въ земляхъ Полоцкой и Витебской—князья Лукомскіе и Друцкіе ²⁷); въ землѣ Волинской кн. Ѳеодоръ Ольгердовичъ Ратненскій, кн. Александръ Четвертенскій, кн. Иванъ Несвицкій, кн. Ѳеодоръ Даниловичъ Острожскій ²⁸); въ землѣ Чернигово-Сѣверской—кн. Александръ Патрикѣевичъ Стародубскій, кн. Семень Романовичъ Новосильскій и Одоевскій, князья Мосальскіе и др. ²⁹). Этыхъ князей, по всѣмъ даннымъ, не привлекали къ какому

¹⁶) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XL.

¹⁷) Scarbiec diplomatów I, № 554.

¹⁸) Archiwum Sanguszków, tom I, № X. Lwów 1887.

¹⁹) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XIV.

²⁰) *Krupowicza* Zbiór dyplomátów rządowych i aktów prywatnych, № 14; *Wolffa* Ród Gedimina, str. 90—92. Kraków 1886.

²¹) Scarbiec diplomatów I, № 565.

²²) Monumenta medii aevi, tomus VI, № LI; Акты Зап. Рос. I, № 10.

²³) Scarbiec diplomatów, I, № 567.

²⁴) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 65, 94, 95, 504, 505.

²⁵) Ibidem, str. 55; Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXV.

²⁶) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXV.

²⁷) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 56, 57, 213.

²⁸) Ibidem, str. 35, 275, 343.

²⁹) Ibidem, str. 231, 278. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 48, 53, 54. Тамъ же (очерка I и II) и о владѣніяхъ всѣхъ этихъ князей.

либо участію при установленіи уніи, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что они подчинятся совершившемуся факту. Точно такъ же совершенно пассивную роль играли въ данномъ случаѣ и литовскіе бояре. Ихъ старались, впрочемъ, расположить къ принятію уніи и выполненію ея условій дарованіемъ (20 февраля 1387 года) нѣкоторыхъ правъ и вольностей, которыми пользовалась польская шляхта (*ne videantur in juribus dispare, quos eidem coronae subjectos fecit unum*³⁰⁾). По отношенію къ боярамъ русскихъ земель, какъ не католикамъ, обошлись даже и безъ этой поощрительной мѣры, считая достаточнымъ брать записи только съ ихъ князей. Исключеніе было сдѣлано только для князей и бояръ, служившихъ Сѣверскому князю Димитрію-Корибуту: съ нихъ взято было письменное ручательство въ томъ, что ихъ князь, приступившій къ уніи ихъ «радою» и всего поспольства бояръ «примовленіемъ», останется вѣренъ королю, королевѣ и коронѣ Польской³¹⁾. Но это исключеніе было сдѣлано, очевидно, въ виду особеннаго значенія этого класса въ окраинной области, отдаленной отъ Литвы и близкой къ Москвѣ, области, воспитывавшей въ своемъ населеніи независимый духъ и привычку къ политической самодѣятельности.

§ 2.

Итакъ, первая унія Литвы съ Польшей была почти исключительно дѣломъ крупныхъ, областныхъ князей Гедиминава рода. Событія, послѣдовавшія вскорѣ послѣ заключенія уніи, наглядно показали, что Ягайло и поляки слишкомъ высоко цѣнили значеніе этихъ князей и мало—значеніе второстепенныхъ литовскихъ и русскихъ князей и литовскаго боярства, что они сдѣлали ошибку, обойдя эти общественные классы при рѣшеніи вопроса объ уніи обоихъ государствъ. Эти классы вовсе не были такъ бессильны и податливы, какъ они думали, но ихъ силы и энергія находились, такъ сказать, въ скрытомъ потенциальномъ состояніи и ждали только благоприятныхъ условій и вызововъ для своего обнаруженія. Эти условія и вызовы даны были Витовтомъ.

Витовтъ не доволенъ былъ тѣмъ, что не получилъ отъ Ягайла всего, чѣмъ владѣлъ его отецъ и не занялъ при немъ того же положенія, которое занималъ Кейстутъ при Ольгердѣ. Ягайло, помирившись съ нимъ въ 1384 году, не добавилъ ему Троцкаго княжества. Это Троцкое

³⁰⁾ Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

³¹⁾ Archiwum Sangusków I, № IX. *Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum*, p. 635. (*Pistorii Polonicae historiae corpus*, tomus II).

княжество получили отъ Ягайла его родной братъ Скиргайло, болѣе всѣхъ имъ любимый и къ нему приближенный. Въ 1387 году Ягайло далъ ему, кромѣ того, Полоцкъ, въ то время отнятый у кн. Андрея Ольгердовича, и значительную часть такъ называемой Руси Литовской³²⁾; при этомъ формально обязался держать его выше и слушать его болѣе всей остальной братии и пріателей. Это перепошло чашу горечи Витовта. Правда, что и онъ въ томъ же 1387 году получилъ отъ Ягайла въ прибавленіе къ своимъ владѣніямъ Луцкую землю, но получилъ ее безъ письменнаго документа, выдачею котораго Ягайло почему-то медлилъ. Но главное, что возмущало Витовта,—это положеніе, которое занялъ при Ягайлѣ Скиргайло, и которое по смыслу договора Кейстута съ Ягайломъ относительно ихъ сыновей должно было бы принадлежать ему, Витовту. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Витовтъ, какъ это видно изъ его меморіала, представленнаго Ордену въ разъясненіе его возмущенія противъ Ягайла³³⁾.

Витовтъ рѣшился добиться своего силою. Среди литовскихъ второстепенныхъ князей и бояръ у него было довольно много приверженцевъ и испытанныхъ друзей, которые и ранѣ дѣлили съ нимъ его невзгоды и помогали ему доискиваться своей отчины. Они вмѣстѣ съ Витовтомъ отъѣзжали въ 1384 году къ нѣмцамъ и заключали съ Орденомъ договоръ касательно возвращенія Витовту его отчины. Наиболѣе видными изъ нихъ были: племянникъ Витовта Юрій, князь Новгородскій³⁴⁾, зять Витовта Левъ, князь Друцкій, Судемунтъ изъ Вейшишекъ, и бояре: Дорджи (Jorgen), Свиргайло, Гинбутъ (Gybut), тивунъ Жейменскій (kemmerer szi Seumen), Рекутъ (Roekutte), Михель, Милейко (Mylegaude) и нѣкоторые другіе (und andir vil erbarer unser

³²⁾ О значеніи этого имени см. наше изслѣдованіе «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго статута», стр. 12—15. Москва 1893.

³³⁾ *Scriptores rerum prussicarum*, tomus II, p. 711—714. Leipzig 1863. См. нашу статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминава рода», стр. 86—89.

³⁴⁾ Мы принимаемъ его за сына Войдата, который вмѣстѣ съ братомъ Товтивиломъ владѣлъ Новгородомъ и въ 1384 году, повидимому, не былъ уже въ живыхъ. Вольфъ, которому принадлежитъ установленіе этого родства (*Ród Gedimina*, стр. 55), въ послѣднемъ своемъ трудѣ «*Kniaziowie litewsko-ruscy*» отступилъ отъ первоначальнаго своего утвержденія и считаетъ Юрія сыномъ другаго брата Витовтова Бутовта (стр. 160). Первое предположеніе, на нашъ взглядъ, болѣе вѣроятное, ибо сходится съ данными о владѣніяхъ князей.

lute ³⁵⁾ Витовтъ могъ разсчитывать и на поддержку другихъ князей и бояръ великаго княжества, гдѣ, по всѣмъ признакамъ, уже господствовало неудовольствіе по поводу заключенія такой уніи съ Польшею, которая уничтожала самое существованіе великаго княжества, какъ отдѣльнаго государства. Первые шаги Витовта предприняты были прямо въ расчетѣ на это неудовольствіе. Когда Скиргайло уѣхалъ въ Полоцкъ,—разсказываетъ древнѣйшая литовско-русская лѣтопись,—Витовтъ собралъ къ себѣ многихъ князей и бояръ литовскихъ и сталъ передъ ними печаловаться по поводу того, что чужестранцы завладѣли великимъ княжествомъ. На этомъ совѣщаніи рѣшено было овладѣть Вильною, и только послѣ того, какъ эта попытка не удалась, Витовтъ съ своими приверженцами уѣхалъ въ Пруссію за нѣмецкою помощью ³⁶⁾. Разсказъ литовско-русской лѣтописи вполнѣ подтверждается и нѣмецкими хрониками, и Длугошомъ. По ихъ сообщеніямъ, въ заговорѣ Витовта участвовали его родные братья Сигизмундъ и Товтивиль, князь Юрій Наримунтовичъ Бельзскій, кн. Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій, кн. Вейшипекъ Судемунтъ и множество бояръ и военнаго люда (рыцарей ³⁷⁾). Успѣхъ, которымъ въ концѣ концовъ увѣнчалось возстаніе Витовта, обусловился прямою и косвенною поддержкою, которую нашло это возстаніе въ Литвѣ. Войска Витовта всюду находили въ Литвѣ и Жмуди дружественный приѣмъ: жители привозили имъ вдоволь всякихъ съѣстныхъ припасовъ—муки, мяса, корма для лошадей и т. д. Ягайло для спасенія своей власти долженъ былъ ввести въ Литву польскія войска и разставить ихъ чуть не по всѣмъ городамъ гарнизонами, назначить старостою въ Вильну поляка Клемента Москоржевскаго, а потомъ даже намѣстникомъ всей Литвы (*wielkogaźdca*) поляка Яска Олесницкаго.—Но литовцы, соединясь съ войсками Витовта, нападали на польскіе отряды и истребляли ихъ. Преслѣдуя свои личныя цѣли, Витовтъ выставилъ на своемъ знамени возставовленіе самобытности великаго княжества Литовскаго и находилъ поэтому всеобщее сочувствіе и поддержку. Ягайло увидалъ себя въ необходимости пойти на уступки. Онъ попытался было отдѣлить дѣло литовцевъ отъ дѣла Витовта и, удовлетворивъ литовцевъ, заставить ихъ отступить отъ Витовта. Послѣдовало назначеніе Вигунта-Але-

³⁵⁾ Monumenta medii aevi, tomus VI, № XIII.

³⁶⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 36, 37.

³⁷⁾ См. *F. Koniecznego Jagiełło i Witołd*, str. 130, nota I. Срав. *Długosz, Opera omnia*, tomus XII, 479, 480. Kraków 1876; *Scarbicé diplomatów* I. № 578, 579, 583, 612, 613.

ксандра, кн. Керновскаго, великимъ княземъ Литовскимъ. Но Вигунтъ умеръ прежде, чѣмъ вступилъ во власть, и Ягайлу поневолѣ снова пришлось считаться съ Витовтомъ. Посовѣтовавшись съ Скиргайломъ, Ягайло рѣшился помириться съ Витовтомъ и назначить его великимъ княземъ. Это примиреніе состоялось на съѣздѣ въ Островѣ 5 августа 1392 года, на которомъ участвовала и королева Ядвига въ качествѣ представительницы интересовъ Польской короны³⁸⁾.

Ягайло вернулъ Витовту всю его отчину и сверхъ того пожаловалъ нѣсколько другихъ державъ и имѣній³⁹⁾. Онъ принялъ его къ соучастию въ управленіи государствомъ, вручивъ ему великое княженіе на Литвѣ и другихъ земляхъ своего государства по конецъ его жизни⁴⁰⁾. Съ своей стороны Витовтъ поповилъ записъ въ вѣрности, которую далъ при восшествіи Ягайла на польскій престолъ, обѣщавъ стоять неотступно при королѣ, коронѣ и земляхъ королевства Польскаго. Условлено было, что по смерти Витовта всѣ его владѣнія перейдутъ къ королю, его преемникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ тѣхъ, которыя Витовтъ выдѣлитъ съ согласія короля брату своему Сигизмунду; съ этихъ владѣній Сигизмундъ будетъ обязанъ повиноваться и служить королю, его преемникамъ и коронѣ Польской, подобно всѣмъ другимъ литовскимъ и русскимъ князьямъ. Кромѣ того, оговорено было, что король и его преемники по смерти Витовта не лишать жены его Анны тѣхъ имѣній, которыя онъ далъ ей въ пожизненное владѣніе «въ вѣнѣ»: эти имѣнія перейдутъ къ королю, его преемникамъ и коронѣ Польской только по смерти княгини Анны. По особому желанію Ягайла Витовтъ выдалъ особую записъ королевѣ Ядвигѣ, въ которой обѣщавъ никогда не покидать королевы и короны Польской, не искать мимо нея другой государыни, но способствовать совѣтомъ и дѣломъ ея возвышенію, пользѣ, чести и славѣ, и всѣми силами оборонять ее противъ всѣхъ непріятелей⁴¹⁾.

³⁸⁾ *A. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 15—17.

³⁹⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus VI, appendix № II, tomus XIV, appendix № 1.

⁴⁰⁾ «Nos in partem sue sollicitudinis assumpsit.—свидѣтельствуеть самъ Витовтъ въ одномъ изъ своихъ документовъ,—supremumque principatum terrarum suarum Littwaniae et ceterorum dominiorum suorum de manu sua nobi dedit et contulit ad tempora vite nostre. *Monumenta medii aevi* VI, № ССXXXIII. Срав. tomus XII, № 179.

⁴¹⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № ССXXXIII, appendix № II; tomus XIV, app. № 1.

Островское соглашеніе 1392 года, какъ видно изъ всего сказаннаго, если не измѣнило Кревскій договоръ 1385 года въ принципѣ, то внесло въ него существенную поправку и дополненіе въ интересахъ великаго княжества Литовскаго. Оставаясь соединеннымъ неразрывно съ Польшею, великое княжество приобрѣтало теперь извѣстную автономію, по крайней мѣрѣ, на время жизни Витовта, которому въ качествѣ великаго князя предоставлялось болѣе самостоятельная роль, чѣмъ простому старостѣ, хотя бы и генеральному (*wielkorządca*). Эта поправка, положившая начало возстановленію самостоятельности и самобытности великаго княжества Литовскаго, была результатомъ вмѣшательства литовскаго второстепеннаго князя и первостепеннаго боярства, обойденныхъ при заключеніи уніи 1385 года. Это было ихъ дѣло, въ которомъ они наглядно показали свою общественную силу и политическое значеніе.

§ 3.

Съ возстановленіемъ великаго княженія на Литвѣ сила и значеніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые болѣе другихъ поработали для этого дѣла, не только не уменьшились, но естественно должны были еще болѣе возрасти. Ближайшимъ образомъ этотъ ростъ стоялъ въ связи съ крушеніемъ того общественнаго класса, который до 1392 года возвышался надъ всѣми остальными,—я разумѣю областныхъ князей.

Какъ уже сказано было выше, уніа 1385 года, уничтожившая политическую индивидуальность великаго княжества Литовскаго, была дѣломъ крупныхъ князей и, кромѣ записи самого Ягайла, держалась *de jure* на тѣхъ отдѣльныхъ записяхъ, которые они дали на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской.

Движеніе 1389—1392 года, направленное противъ этой уніи, косвенно направлялось, такимъ образомъ, и противъ политическаго господства областныхъ князей, родственниковъ Ягайла. Островское соглашеніе 1392 г., внесшее существенную поправку къ договору 1385 года, было первымъ ударомъ, нанесеннымъ политическому господству Ягайловой родни. За этимъ ударомъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Областные князья не могли быть довольны возстановленіемъ великаго княженія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, это сдѣлалось безъ ихъ участія и вопреки тому, что было установлено ими въ 1385 году. Во-вторыхъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ могла быть неприятна самая личность новаго великаго князя, обошедшаго родныхъ братьевъ верховнаго государя Литвы. Но самое главное, — съ возстановленіемъ великаго княженія прекращалась и та свободная и независимая жизнь, къ ко-

торой они привыкли за семь лѣтъ, протекшихъ со времени заключенія уніи 1385 года. Унія 1385 года, втянувъ Ягайла въ кругъ интересовъ и заботъ новаго обширнаго государства, естественно заставила его предоставить областнымъ литовскимъ князьямъ болѣе свободы и независимости. Кромѣ того, унія измѣнила и ихъ матеріальное положеніе. Сдѣлавшись вассалами Польши, литовскіе областные князья перестали платить ту дань, которую они платили великому князю Литовскому⁴¹⁾; по крайней мѣрѣ, ихъ записи на вѣрность ничего не говорятъ о платежѣ этой дани. Поэтому, когда Витовтъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, захотѣлъ вступить во всѣ свои права, онъ натолкнулся на общее противодѣйствіе областныхъ князей: ему не хотѣли ни денегъ платить, ни помогать войскомъ противъ нѣмцевъ. Прежде другихъ поднялся князь Новгорода Сѣверскаго Димитрій - Корибутъ, который нѣкогда возставалъ и противъ Кейстута, сдѣлавшагося великимъ княземъ, и отказывалъ ему въ платежѣ дани. Корибутъ не сталъ ждать къ себѣ Витовта, но самъ пошелъ къ нему навстрѣчу. При Докудовѣ близъ Лиды Корибутъ потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ въ Новгородокъ и здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ съ женою и дѣтьми и отосланъ Витовтомъ къ Ягайлу. Заступничество тестя его, Рязанскаго князя Олега Ивановича, возвратило ему личную свободу, но не вернуло отчины⁴²⁾. Вслѣдъ за Корибутомъ отказали Витовту въ «покорѣ» князь восточнаго Подолья Ѳеодоръ Кориатовичъ и Кіевскій кн. Владиміръ Ольгердовичъ. Послѣдній отказался идти съ Витовтомъ въ походъ противъ непокорнаго князя Ѳеодора Кориатовича. Но когда Витовтъ взялъ у него Житомиръ и Овручъ, Владиміръ пріѣхалъ къ Витовту и покорился ему. Витовтъ пока оставилъ его въ Кіевѣ, но спустя нѣкоторое время вывелъ его изъ Кіева и далъ ему Копыль, а въ Кіевѣ посадилъ Скиргайла, гдѣ тотъ въ скоромъ времени и умеръ⁴³⁾. Ѳеодоръ Кориатовичъ также за непослушаніе лишился своей области и, взятый въ плѣнъ, посаженъ былъ въ заключеніе. Кромѣ этихъ князей лишился своей отчины, Витебской земли, и Свидригайло Ольгердовичъ. Свидригайло

⁴¹⁾ О платежѣ этой дани см., напр., рассказъ нѣмецкой хроники о борьбѣ Кейстута съ Ягайломъ и Корибутомъ. *K. Stadnickiego Olgierd i Kiejstut*, str. 181, nota 409. Срав. *St. Smolki Kiejstut i Jagiello*, str. 7, 68.

⁴²⁾ Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 38, 39. *Strujkowskiego Kronika*, tom. II, str. 100, 101. Warszawa 1846; *Scarbiec diplomatów I*, № 643.

⁴³⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 39. Это случилось уже въ 1394—1395 году. См. *Scarbiec diplomatów I*, № 623, 647.

жилъ при матери своей, великой княгинѣ Ульянѣ, въ Витебскѣ, который данъ былъ ей въ пожизненное владѣніе. Когда великая княгиня Ульяна умерла, Ягайло поручилъ управленіе Витебскою землею своему сокольничему Веснѣ. Но Свидригайлу хотѣлось самому править землею, и онъ убилъ Весну. Витовтъ, по порученію Ягайла, отправился на него съ войскомъ, взявъ его въ плѣнъ и отослалъ въ Краковъ ⁴⁵⁾. Изъ Волынской земли Витовтъ вывелъ въ 1393 году остававшагося тамъ Владимірскаго князя Ѳедора Любартовича и далъ ему взамѣнъ Владиміра Новгородскъ Сѣверскій. Ѳедоръ Любартовичъ пробылъ здѣсь, однако, недолго и въ 1398 году былъ уже въ Венгріи, около князя Свидригайла ⁴⁶⁾. Вся эта расправа съ областными князьями несомнѣнно была вмѣстѣ съ тѣмъ и подавленіемъ мятежей самихъ областей, населеніе которыхъ увлекалось въ борьбу съ князьями, а иногда и само увлекало ихъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою. Это справедливо, напр., относительно Свидригайла, Корибута и Ѳедора Коріатовича ⁴⁷⁾. Можно сказать поэтому, что побѣда Витовта надъ областными князьями знаменовала собою утвержденіе политическаго преобладанія поддерживавшей его Литовской земли (съ такъ называемою «Русью» включительно) надъ всѣми остальными землями порознь и въ совокупности.

Къ концу XIV в. сошли со сцены почти всѣ крупные князья Гедимновичи, игравшіе въ свое время первенствующую политическую роль, при чемъ мѣста ихъ большею частью остались незанятыми. Въ 1399 году погибъ въ битвѣ на Ворсклѣ бывшій Полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ. Протомивъ его въ заключеніи около семи лѣтъ, Ягайло и Витовтъ выпустили его на свободу, но не вернули ему его княженія, такъ что онъ вынужденъ былъ кормиться въ Псковѣ или подачками братьевъ; въ Псковѣ же кормился и сынъ его Иванъ, а въ Полоцкѣ послѣ удаленія оттуда Свидригайла стали править великокняжескіе наместники. Въ битвѣ же на Ворсклѣ погибъ и другой братъ Ягайла—Димитрій, князь Брянскій; послѣ его смерти сыновья его получили одинъ только Трубчевскъ. Третій братъ Ягайла—Константинъ умеръ (до 1393 года), не получивъ княженія, и только сыну его Василию данъ былъ Чорторыйскъ на Волыни. Владиміръ Ольгердовичъ умеръ княземъ Копыльскимъ, не возвративъ себѣ Кіева (послѣднее

⁴⁵⁾ Лѣтопись, стр. 39; *A. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 50.

⁴⁶⁾ *Wolffa Ród Gedimina*, str. 75.

⁴⁷⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 38—40, 45. *Срав. О. И. Леонтовича Очерки исторіи литовско-русскаго права*, стр. 160, прим. 4; 371, 372. Спб. 1894.

упоминаніе объ немъ относится къ 1398 г.). Его сыновья размѣщены были также на сравнительно мелкихъ владѣніяхъ: Александръ въ Слуцкѣ и Копыли, Иванъ въ Бѣлой, Андрей въ Каменцѣ и нѣсколькихъ другихъ волостяхъ Руси Литовской, а Кіевская земля перешла подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ. Въ 1399—1400 г. умеръ шестой братъ Ягайла—Федоръ, который по общей сложности своихъ владѣній былъ довольно крупнымъ княземъ (ему принадлежали Ратно, Любомль, Кобринъ, Жидачевъ и нѣкоторыя другія волости на Руси Галицкой). Сыновья его, подѣлившіе отцовскія владѣнія, да и то не всѣ (Жидачевъ, напр., отобравъ былъ отъ нихъ и отданъ кн. Федору Любартовичу), низшли уже въ разрядъ сравнительно мелкихъ князей (отъ нихъ пошли князья Кобринскіе, Сангушки-Ратненскіе и Гурковичи, владѣвшіе Красничиномъ въ Галицкой землѣ). Скиргайло Ольгердовичъ умеръ бездѣтнымъ, послѣ чего Кіевская земля перешла подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ; Дмитрій—Корибуть, хотя еще и жилъ, но не владѣлъ уже Сѣверскою землею. Не долго продержался въ ней и Федоръ Любартовичъ, которому Ягайло далъ ее взамѣнъ Владимірскаго княжества, такъ что и Сѣверская земля въ самомъ концѣ XIV в. была безъ князя. Федоръ Любартовичъ получилъ, какъ мы видѣли, кормленіе въ Галицкой землѣ. Прекратилось княжество и въ Керновѣ со смертію бездѣтнаго Вигунта-Александра. Великокняжескій намѣстникъ сидѣлъ въ Витебскѣ на мѣстѣ Свидригайла Ольгердовича, скитавшагося за границу ⁴⁰). Князь Семень Явнутьевичъ еще въ 1390 году попался въ плѣнъ къ крестоносцамъ и оттуда не вернулся, а братъ его Михайлъ погибъ въ битвѣ на Ворсклѣ въ 1399 году, оставивъ свое Заславское княжество не одному, а двумъ преемникамъ ⁴¹). Изъ прежнихъ значительныхъ князей оставался только князь Мстиславскій Семень-Лингвеній; кромѣ того, въ Пинскѣ на мѣстѣ умершаго князя Василья Михайловича сидѣлъ князь Юрій. Такимъ образомъ, политическія бури и бѣды, постигшія Литовско-Русское государство въ послѣднее десятилѣтіе XIV вѣка, смели и разсѣяли съ политической арены великаго княжества крупныхъ князей, родню и пріятелей Ягайла. Уцѣлѣли изъ нихъ только немногіе, большая же часть крупныхъ княжествъ оказалась въ рукахъ великаго князя Витовта. Его сила и значеніе вслѣдствіе этого должны были возрасти непомерно, ибо въ его непосредственномъ распоряженіи очутились и военныя, и финансовыя средства большей части земель Литовско-Русскаго государства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и

⁴⁰) *Wolffa* Kniazowie litewsko-ruscy, str. 336—339.

⁴¹) *Ibidem*, str. 587.

политическое значеніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые на своихъ плечахъ подняли Витовта на эту высоту.

Здѣсь прежде всего необходимо принять въ расчетъ самый фактъ объединенія этихъ классовъ, послѣдовавшаго вслѣдъ за крушеніемъ областныхъ княженій. Второстепенные литовскіе и русскіе князья и литовское боярство собрались теперь вокругъ одного вождя и; объединенные, естественно стали болѣе могущественною силою, чѣмъ были прежде. Съ устраненіемъ крупныхъ князей Гедиминовичей они заняли ихъ мѣсто при великомъ князѣ Литовскомъ, сдѣлались его главною опорою и поддержкою, главными совѣтниками и сотрудниками какъ въ будничной правительственной работѣ, такъ и въ рѣшенія чрезвычайныхъ и особо важныхъ вопросовъ государственной жизни. Если прежде, когда великимъ княземъ былъ Ягайло, «ко старымъ думамъ» пріѣзжалъ къ нему дядя его Кейстутъ, родные и двоюродные братья⁵⁰⁾, то теперь «рада» великаго князя стала наполняться преимущественно второстепенными литовско-русскими князьями и первостепенными литовскими боярами⁵¹⁾. Эти князья и бояре заступили мѣсто прежнихъ крупныхъ князей не только въ центрѣ государства, въ великокняжескомъ совѣтѣ, но и въ областяхъ въ качествѣ великокняжескихъ намѣстниковъ. Въ качествѣ великокняжескаго намѣстника бывшаго Виленскаго княжества сѣлъ въ Вильнѣ первостепенный литовскій бояринъ или, согласно польской терминологіи, панъ Монивидъ; на Троцкомъ княженѣ Скиргайла сѣлъ панъ Кимунтъ Гинвиль, на Полоцкомъ панъ Монтыгирдъ⁵²⁾; на Кіевскомъ—князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій⁵³⁾; на Смоленскомъ княженѣ послѣ изгнанія оттуда въ 1395 году туземныхъ князей сѣли литовскій князь Ямунтъ и бояринъ Василий Борейковичъ⁵⁴⁾ п т. д. Какъ замѣстители князей, эти областные намѣстники изъ князей и бояръ литовскихъ въ земляхъ - аннексахъ стали выше мѣстнаго

⁵⁰⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 29; Monumenta medii aevi. tomus II, № III. *Raczyński*go Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 59 60 и др.

⁵¹⁾ Терминъ «рада» перешелъ въ литовско-русскій словесный оборотъ изъ Польши почти одновременно съ униєю. Примѣръ наиболѣе ранняго его употребленія см. въ актѣ поручительства сѣверскихъ князей и бояръ за кн. Дмитрія Корибута отъ 26 апр. 1388. Archiwum Sanguszków I, № IX.

⁵²⁾ *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 44, 55, 72. Kraków 1885.

⁵³⁾ *Wolffa* Kniazowie litewsko-ruscy, str. 95.

⁵⁴⁾ *Ibidem*, str. 151. Срав. *Барбашева* Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы, стр. 91—92. Спб. 1885.

боярства, изъ котораго набирались только второстепенныя должностныя лица, ихъ помощники по управленію областями, и мѣстныя ополченія. Въ общемъ, такимъ образомъ, можно сказать, что боярство земель-аннексовъ подчинено было литовской знати. Даже сохраненіе и торжественное подтвержденіе областной старины, мѣстныхъ правъ и вольностей, при удаленіи областныхъ князей, косвеннымъ образомъ содѣйствовало политическому возвышенію литовскихъ князей и бояръ, ибо замыкало боярство земель—аннексовъ въ мѣстной жизни и въ мѣстныхъ интересахъ ⁵⁵⁾). Съ объединеніемъ вокругъ одного вождя, съ расширеніемъ сферы дѣятельности на все государство, и политическій кругозоръ, и чувства означенныхъ литовскихъ князей и бояръ должны были выйти изъ прежнихъ узкихъ рамокъ и обнять все государство. Они увидали и почувствовали себя до извѣстной степени хозяевами государства и вершителями его судебъ. Витовтъ, стремившійся къ независимости отъ Ягайла и Польши, какъ видно изъ всего его образа дѣйствій, только поощрялъ это самосознаніе и самочувствіе.

Въ 1398 году, въ бытность короля Ягайла въ Вильнѣ, въ Польшѣ пронесся слухъ, что Ягайло хочетъ вполне сравнять съ собою Витовта и провозгласить его королемъ. Слухъ этотъ порожденъ былъ, конечно, наблюденіями, имѣвшимися въ Польшѣ относительно стремленій Витовта къ независимости. Польскіе паны научили Ядвигу отвѣтить на это намѣреніе, грозившее разрывомъ уніи Литвы съ Польшею, требованіемъ къ Витовту объ уплатѣ дани съ Подолья, которое будто бы записалъ ей въ вѣнѣ Ягайло. На самомъ дѣлѣ Ягайло записалъ Ядвигѣ земли Куявскую и Русскую, т. е. Червонную Русь (25 января 1386 года) ⁵⁶⁾). Но Полаки къ составу этой послѣдней причислили и Подолье. Это требованіе страшно возмутило Витовта. Онъ собралъ своихъ бояръ и, прочтя имъ грамоту Ядвиги, спросилъ, желаютъ ли они быть данниками Польши. Буря негодованія разразилась тогда въ совѣтѣ литовскихъ бояръ, которые заявили, что ничьими данниками они не были и не будутъ ⁵⁷⁾). Витовтъ сталъ послѣ этого готовиться къ борьбѣ съ Польшею. Чтобы имѣть свободныя руки со стороны Ор-

⁵⁵⁾ О сохраненіи и подтвержденіи Витовтомъ областной старины см. наше изслѣдованіе «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», стр. 26—28, 30, 32, 37.

⁵⁶⁾ Codex diplomaticus Poloniae, ed. Ryszczewski et Muczkowski, tomus II, pars I, № CCCXXXIII. Varsaviae 1848.

⁵⁷⁾ *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 74, 75; *А. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 20; *Scarbicec diplomatów I*, № 689.

дена, Витовтъ послѣшилъ войти съ нимъ въ переговоры о мирѣ, при чемъ собственною властью, не спрашиваясь Ягайла, уступилъ Ордену часть Жмуди. Въ прелиминарномъ договорѣ отъ 23 апрѣля 1398 года было оговорено, что Орденъ обратится къ Ягайлу за подтвержденіемъ этой уступки лишь въ томъ случаѣ, если это не будетъ неприятно Витовту ⁵⁸⁾. Договоръ этотъ подтвержденъ былъ при личномъ свиданіи Витовта съ магистромъ на островѣ Салинѣ 12 октября 1398 г., при чемъ прибывшіе съ Витовтомъ литовцы дали ручательство въ томъ, что договоръ будетъ свято выполняться какъ самимъ Витовтомъ, такъ и его преемниками, что этому они будутъ содѣйствовать убѣжденіемъ и дѣломъ (*et ad quelibet tacta capitula predictum dominum nostrum Alexandrum, suos heredes, coheredes et successores fideliter hortabimur et efficaciter inducemus*) ⁵⁹⁾.

Кто же были эти поручители, взявшіе на себя столь авторитетное и властное обязательство? Договоры Витовта съ магистромъ перечисляютъ ихъ поименно. То были: Владиміръ, двоюродный братъ Витовта, слѣдовательно — Владиміръ Ольгердовичъ, князь Копыльскій; князь Сигизмундъ, родной братъ Витовта, князя: Юрій Пинскій, Михайлъ Заславскій (*dux de Salsa*), Александръ (Патрикѣвичъ) Стародубскій, Иванъ Гольшанскій (*de Gloschaw*), Иванъ Друцкій, Ямунтъ Клецкій; бояре (*bajoren*): Минигайло, намѣстникъ Опменскій (*capitaneus in Aschnim*), Монивидъ, намѣстникъ Виленскій, Бартошъ (*Bratusz de Mies*), извѣстный уже Василій Борейковичъ, Чупурно, маршалокъ двора, Гаштольдъ, намѣстникъ Кревскій, Кинмунтъ Гинвиль, намѣстникъ Троцкій (*in Tranken*), Сунгайло, намѣстникъ Ковенскій, Воимунтъ Бушкевичъ (*Wallmund filius Bussky*), Вежкгайло, намѣстникъ Вилькомирскій (*Wigaik capitaneus in Willkomir*), Остикъ, намѣстникъ Ушпольскій (*Astik capitaneus in Uffpale*), Корейка, намѣстникъ Мѣдницкій, конюшій Немиръ (*Namur marschalcus equorum*), Ройвидъ, намѣстникъ Пенянскій (*in Peunaw*), Гирдъ Скаматовичъ (*Girde Scammati filius*), Готардъ Толтигиндъ (*filius Gypcawi*), Гинтовтъ Мингайловичъ, Зайстольдъ и Сельвинъ ⁶⁰⁾. Такимъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ подручныхъ Витовту князей, мы видимъ здѣсь все лицъ изъ

⁵⁸⁾ *Scarbiec diplomatów I, № 690—694. Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.*

⁵⁹⁾ *Scarbiec diplomatów I, № 695. Raczyńskiego Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 253—257.*

⁶⁰⁾ *Raczyńskiego Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 256; Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.*

состава литовской правительственной знати, составлявшей высшій слой литовскаго боярства.

Итакъ, вотъ кто ручался за исполненіе договора 1398 года, вотъ кто считалъ себя вершителемъ судебъ государства. Какъ настроены были эти люди, очень хорошо показываетъ слѣдующій эпизодъ, происшедшій на этомъ же дипломатическомъ съѣздѣ. По окончаніи переговоровъ великій магистръ позвалъ Витовта съ женою и со всею свитою къ себѣ на пиръ. На пиру литовцы и русскіе провозгласили Витовта королемъ Литвы и Руси, торжественно показывая, что они сами себѣ господа и знать не хотятъ ни Ягайла, ни поляковъ съ ихъ претензіями ⁶¹⁾. Хотя это провозглашеніе и не имѣло практическихъ послѣдствій, такъ и осталось застольнымъ эпизодомъ, но оно во всякомъ случаѣ характерно для политическаго самочувствія и самосознанія бывшихъ съ Витовтомъ князей и бояръ.

Послѣ всего этого естественно ожидать, что судьбами великаго княжества Литовскаго уже не будутъ распоряжаться, не спрашиваясь этихъ князей и бояръ. И факты вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе.

§ 4.

Обстоятельства сложились для Витовта такъ неблагоприятно, что ему пришлось не только покинуть мысль объ отдѣленіи отъ Польши, но поновлять унію съ нею. Въ 1399 году умерла королева Ядвига, и Ягайлу, державшемуся въ Польшѣ въ качествѣ ея супруга, стала угрожать опасность лишиться Польской короны. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что опасенія на этотъ счетъ у него были ⁶²⁾. Эти опасенія имѣли свое основаніе въ томъ, что Ягайло не выполнилъ точно своихъ обязательствъ передъ Польшею, данныхъ въ 1385 году, и не соединилъ еще съ нею во одно великое княжество Литовское. Чтобы возстановить свое пошатнувшееся положеніе, Ягайло сталъ хлопотать о поновленіи уніи Литвы съ Польшею, дабы разсѣять всякія сомнѣнія поляковъ на этотъ счетъ. Въ данномъ случаѣ онъ вполнѣ сошелся и съ Витовтомъ, которому не могла улыбаться перспектива возвращенія въ Литву государя, посадившаго его вмѣсто себя на великомъ княженіи. Кромѣ того, погромъ на Ворсклѣ уже достаточно вразумилъ Витовта въ невыгодности отдаленія отъ Польши. Разсерженные предшествующимъ

⁶¹⁾ *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 87.

⁶²⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XII, p. 537, 538. Cracoviae MDCCLXXVI.

поведеніемъ Витовта поляки не оказали ему должной помощи въ борьбѣ съ татарами, и Витовтъ потерпѣлъ полное пораженіе ⁶³⁾. Пользуясь этимъ поднялъ голову и Свидригайло, незадолго предъ тѣмъ освобожденный изъ заключенія и получившій часть Подолья, и началъ обнаруживать непріязненные замыслы противъ Витовта. Опасность со стороны Свидригайла была тѣмъ значительнѣе, что онъ успѣлъ сдѣлаться популярнымъ у русскихъ людей великаго княжества ⁶⁴⁾. Все это заставило и Витовта искать сближенія съ Ягайломъ и Польшею и скрѣпленія уніи. Для этого Ягайло и Витовтъ обратились прежде всего къ старому, уже испытанному средству, — сбору записей на вѣрность королю и коронѣ Польской. Такая запись взята была (31 декабря 1400 г.) съ князя Александра Патрикѣевича Стародубскаго, который обязался по смерти господара своего Витовта не искать себѣ другихъ господарей, помимо короля Владислава, и не отлучаться отъ короны Польской «никоторымъ веремемъ» ⁶⁵⁾. Подобныя же записи выдали князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій (5 февраля 1401 г.), князь Юрій и Андрей Заславскіе (24 февраля 1401 г.), князь Юрій Довеговдъ (24 февраля 1401 г.), князь Семень Друцкой (11 мая 1401 г.) ⁶⁶⁾. Все это были князья, вновь выступившіе на политическое поприще къ 1401 году и не выдававшіе еще записей на вѣрность королю и коронѣ Польской, или обойденные при заключеніи уніи 1385 года (напр. кн. Иванъ Гольшанскій). Въ то же время (18 января) и самъ Витовтъ новою грамотою подтвердилъ свое прежнее соглашеніе съ Ягайломъ ⁶⁷⁾, состоявшееся въ Островѣ 5 августа 1392 года.

Въ 1392 году за исполненіе договора со стороны Литвы при жизни и по смерти Витовта поручилась его жена, княгиня Анна ⁶⁸⁾. Но въ 1401 году поляки уже не были столь наивными, какъ въ 1392 году, и потребовали гарантій въ соблюденіи уніи съ тѣхъ, кто уже показалъ на дѣлѣ свою силу и авторитетъ по этой части, и кто уже фигурировалъ въ качествѣ договаривающейся стороны въ 1398 году на островѣ Салинѣ. Я разумѣю второй слой литовско-русскихъ кня-

⁶³⁾ *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 101, 102.

⁶⁴⁾ *Scarbies diplomatów I*, № 731; ср. *A. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 52, 53.

⁶⁵⁾ *Акты Зап. Рос. I*, № 17.

⁶⁶⁾ *Акты Зап. Рос. I*, № 18, 19, 20; *Monumenta medii aevi*, tomus II, № XXVII—XXXII.

⁶⁷⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № CCXXXIII.

⁶⁸⁾ *Ibidem*, № XCII.

зей и литовское боярство. На ихъ долю и выпала теперь главная роль при возобновленіи той уніи, которая заключена была раише, въ 1385 г., областными князьями.

Съ этою цѣлью въ началѣ 1401 года ихъ собрали въ Вильнѣ. Въ одинъ день съ Витовтомъ (18 генваря) они выдали отъ себя письменныя гарантіи въ соблюденіи уніи. Они клятвенно обѣщались помогать королю, коронѣ и землянамъ королевства Польскаго противъ нападений враговъ и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, радѣть объ ихъ добрѣ и пользѣ, какъ о своемъ собственномъ; по смерти Витовта обязались не искать себѣ другого государя, помимо польскаго короля, къ которому согласно договору должно перейти великое княжество; но при этомъ оговорили, что въ случаѣ смерти короля Владислава поляки не выберутъ себѣ короля безъ ихъ и Витовтова вѣдома и совѣта (*sine scitu et consilio ejusdem domini ducis Wytowdi et nostra praeiiter*)⁶⁹⁾.

Въ записи довольно подробно обозначена совокушность тѣхъ лицъ, которые въ настоящемъ случаѣ были стороною, договаривавшеюся съ Ягайломъ и поляками. Тутъ были тѣ же самыя лица, которыя участвовали въ договорѣ съ Орденомъ въ 1398 году и другія того же круга, и кромѣ того масса второстепеннаго, рядоваго боярства Литвы и Руси. Здѣсь были: бискупъ Яковъ, князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій съ сыновьями Андреемъ, Семеномъ и прочими, Минигайло Гедигольдовичъ съ братомъ Свивилономъ, уже извѣстный Бартошъ съ сыномъ Зеновіемъ, Монивидъ съ братомъ Гедигольдомъ и прочими, маршалокъ Чупурна, князь Семень Ямонтовичъ, сынъ уже извѣстнаго намъ князя Ямонта, погибшаго на Ворсклѣ въ 1399 г., Федоръ Львовичъ съ братомъ Юшкомъ (князя Воротынскіе)⁷⁰⁾, Гашгольдъ съ сыномъ Тальвошемъ, Гинейтъ съ сыномъ Милусомъ и прочими, Кимунтъ съ сыномъ Давкшею (*Dawkha*), Стригивиль Борейковичъ, Гинтовтъ (*Gyntolt*), Остивъ съ братомъ Доркгеиъ, Застольдъ съ братомъ (*cum Przechgindo*), Немиръ съ братьями, Шугайло, Олизаръ Васильевичъ, Войнатъ Руссиловичъ, Кезгайло и Жвинвольтъ Волимунтовичи съ прочими братьями, Голигинъ, Романъ Милейковичъ съ братомъ Волчкомъ и прочими, Войшвидъ съ сыномъ Радвиломъ, Володеко Толтигиновичъ съ братьями, Бутовтъ, Монтигайло, Ганусъ Монтыгирдовичъ съ своими братьями, Довойно Вышигердовичъ, Дровмутисъ съ сыномъ Вешкомъ, Волчко Велутевичъ, Волчко Тонсовтовичъ (Контовтовичъ?), Довгердъ,

⁶⁹⁾ *Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIV.*

⁷⁰⁾ *Wolffa Kniaziewie litewsko-ruscy. str. 151, 585.*

Войнисъ, Водычъ съ братьями, Голыгиндъ (Голигунтъ?), Вындиминъ, Еписъ Шкливровичъ съ своею роднею (*cum cognacionibus et genealogiis suis*)⁷¹⁾. Сверхъ поименованныхъ лицъ, принадлежавшихъ, очевидно, къ первостепенной литовской знати, въ качествѣ участниковъ обязательства обозначается вся остальная знать и все вообще боярство Литвы и Руси, хотя и не перечисляемое поименно, но давшее свое согласіе (*quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa, tamen consensus ad subscripta adest*). Это боярство, такимъ образомъ, несомнѣнно было на собраніи, хотя, конечно, врядъ ли въ буквальный смыслѣ въ полномъ составѣ (*tota universitas*).

Какъ бы то ни было, въ 1401 году впервые на политической аренѣ Литовско-Русскаго государства выступаетъ собраніе князей и бояръ Литвы и Руси въ качествѣ *правоспособнаго* участника въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, съ извѣстною признанною по этой части *компетенціею*. По смыслу того договора, въ который вступили съ поляками перечисленные князья и бояре⁷²⁾, предполагалось и впредь ихъ участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, вытекающихъ изъ уніи, въ частности въ выборѣ общаго государя Польши и Литвы. Такимъ образомъ, собранія, подобныя настоящему, предполагались и на будущее время. Если такъ, то и собраніе 1401 года нельзя не признать народившимся новымъ учрежденіемъ, которому отнынѣ предстояло занять извѣстное мѣсто въ системѣ государственныхъ органовъ великаго княжества и отправлять извѣстныя политическія функціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію дальнѣйшей исторіи этого учрежденія, присмотримся сначала къ его фізіономіи въ данный моментъ и сравнимъ его черты съ чертами литовско-русскаго сейма въ послѣдней стадіи его развитія.

Прежде всего бросается въ глаза его мѣстный составъ. Хотя сеймъ выступаетъ въ роли общегосударственнаго представительнаго учрежде-

⁷¹⁾ Въ спискахъ акта 1401 года имена литовскихъ павовъ, его подтверждавшихъ, искажены. Наибольше исправный въ этомъ отношеніи списокъ напечатанъ Прохаскою въ *Monum. medii aevi, tomus VI, № ССXXXIV*. Приведенныя здѣсь имена ближе, чѣмъ въ другихъ спискахъ, подходятъ къ литовскимъ именамъ, приводимымъ въ болѣе позднихъ документахъ латинскихъ и русскихъ, ближайшимъ образомъ въ актахъ, выданныхъ въ 1413 году въ Городлѣ. *Zbiór praw litewskich, str. 7—24*.

⁷²⁾ Польскіе паны и шляхта съ своей стороны выдала литовско-русскимъ князьямъ и боярамъ аналогичную запись на сеймѣ въ Радомѣ 11 марта 1401 г. *Codex diplomaticus Poloniae, ed. Ryszczewski et Muczkowski, tomus I № CLI*.

денія, но въ немъ участвуютъ князья и бояре почти исключительно изъ собственной Литовской земли и тѣсно соединенной съ нею управленіемъ, землевладѣніемъ и населеніемъ «Руси» Литовской (по Березинѣ и ея притокамъ, по Припяти и ея лѣвѣмъ притокамъ, по среднему Днѣпру и Сожу). Кромѣ князей и бояръ изъ этихъ областей, на сеймѣ присутствуетъ, повидимому, еще только нѣсколько старшихъ бояръ изъ Жмудской земли (Кезгайло, Остикъ, Гинейтъ, Дровмутисъ)⁷³⁾ и князья Воротынскіе. Другихъ представителей отъ земель-аннексовъ великаго княжества на этомъ сеймѣ мы не видимъ. Эта особенность перваго литовско-русскаго сейма вполне объясняется тѣми обстоятельствами, о которыхъ было уже говорено выше. Въ ней сказанъ съ полною наглядностью тотъ же самый фактъ, который проявился въ уничтоженіи большинства областныхъ княженій и отчасти воспослѣдовалъ за этимъ уничтоженіемъ, т. е. политическій перевѣсъ и установленіе политическаго преобладанія земель, составлявшихъ государственное ядро великаго княжества Литовскаго, надъ всѣми остальными.

Присматриваясь къ наличному составу участвовавшей на этомъ сеймѣ первостепенной знати, мы открываемъ здѣсь родоначальниковъ нѣсколькихъ фамилій, члены которыхъ и позже приглашались на сеймы, принадлежали *viribus* къ «станамъ, сойму палежачимъ», какъ въ силу своего должностнаго и общественнаго значенія, такъ и въ силу традиціи, прецедентовъ. Таковы были: князья *Гольшанскіе*, потомки которыхъ чуть не до самой уніи занимали первостепенныя должности и высокое положеніе въ господарской радѣ; Зеновій Бартошевичъ, давшій начало роду пановъ хоруговныхъ *Зеновевичей*; *Гаитольдъ*, потомки котораго совмѣстно съ князьями Гольшанскими долгое время были первыми воротилами въ великомъ княжествѣ; Остикъ, отъ котораго пошли двѣ линіи первостепенныхъ фамилій—*Радивиловъ* и *Остиковичей*, члены которыхъ были и панами радными, и обязательными участниками сеймовъ; *Немиръ*, давшій начало роду пановъ Немировичей, изъ которыхъ выходили также члены рады господарской и разные урядники земскіе и дворные; Кезгайло, потомки котораго — *Кезгайловичи* были обязательными участниками сеймовъ въ качествѣ Жмудскихъ старостъ; *Монтымирдовичи*, потомки которыхъ также должны были участвовать на сеймахъ въ качествѣ пановъ радныхъ; Довойно, давшій начало роду пановъ хоруговныхъ *Довойновъ*, изъ котораго выходили и паны радные, и другія должностныя лица; Волчко, давшій начало подобному же роду па-

⁷³⁾ Срав. Monumenta medii aevi, tomus VI, № LXVII.

новъ *Волковичей* ⁷⁴⁾). Болѣе тщательныя генеалогическія розысканія, быть можетъ, откроютъ въ составѣ сойма 1401 года и еще какихъ-нибудь родоначальниковъ позднѣйшихъ фамилій изъ «становъ, сойму належачихъ».

Переходя къ компетенціи народившагося учрежденія мы видимъ, что здѣсь пока опредѣлилось только право его участвовать въ рѣшенія вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ самостоятельностью и самобытностью великаго княжества Литовскаго и намѣтилось право его избирать государя для этого государства. Эти права, какъ увидимъ ниже, составили прочное приобрѣтеніе литовско-русскаго сейма, съ которымъ онъ не разставался до самаго конца своего существованія.

§ 5.

Наблюденія, вынесенныя нами изъ разсмотрѣнія состава и дѣяній перваго литовско-русскаго сейма, находятъ себѣ полное подтвержденіе и въ томъ, что даетъ по этой части второй литовско-русскій сеймъ, собиравшійся въ 1413 году въ Городнѣ на Бугѣ вмѣстѣ съ польскимъ. Этотъ сеймъ былъ созванъ для пересмотра договора объ уніи и новаго ея подтвержденія. Новый договоръ понадобился вслѣдствіе переменъ, совершившихся къ тому времени во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи великаго княжества и въ его отношеніяхъ къ сосѣдамъ, и особенно къ Польшѣ. Къ тому времени великое княжество Литовское успѣло уже совершенно оправиться отъ послѣдствій пораженія на Борсклѣ. Оно возстановило свой престижъ среди татаръ и заняло твердое и внушительное положеніе по отношенію къ сѣверо-восточной Руси. Витовтъ, какъ и прежде, до битвы на Борсклѣ, сталъ вмѣшиваться въ борьбу, происходившую въ Ордѣ между разными претендентами на ханскій престолъ и вліять на ея исходъ въ интересахъ великаго княжества. Смоленская земля, выбившаяся было изъ-подъ власти великаго князя Литовскаго, въ 1405 году вновь была покорена и отдана въ въ управленіе литовскимъ намѣстникамъ; подчинились великому князю Литовскому и различные удѣльные князья ея, владѣнія которыхъ облегли ее съ сѣвера, востока и юга (Вяземскіе, Өоминско-Березуйскіе и др.) ⁷⁵⁾. Съ княжествами и землями сѣверо-восточной Руси, т. е. съ

⁷⁴⁾ *Wojennego Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem*, str. 48—50, 56—60, 76—83, 119—123, 185—187, 205—208, 223—227, 269—280, 417—419. Warszawa 1887.

⁷⁵⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 282—285.

Новгородомъ, Псковомъ, Московою и Рязанью послѣ нѣкоторыхъ столетовеній заключены были большею частью благопріятныя для великаго княжества договоры. Послѣ Грюнвальденской побѣды, которая припесла равную честь Польшѣ и великому княжеству Литовскому, послѣднее сдѣлалось крупною политическою величиною и въ мѣстѣ запада. Съ Витовтомъ завязалъ сношенія и старался сблизиться императоръ Сигизмундъ; Орденъ, хлопоча о мирѣ, больше всего обращался также къ Витовту прямо или черезъ посредство императора ⁷⁶⁾). Параллельно съ политическими успѣхами росло и чувство самостоятельности у Витовта и его подданныхъ, переходившее такъ или иначе и въ ихъ образъ дѣйствій, особенно во внѣшней политикѣ. И хотя Витовтъ въ общемъ держалъ себя корректно въ отношеніи къ Ягайлу, какъ своему сюзерену, тѣмъ не менѣе его поведеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ возбуждало въ Полякахъ тревогу и опасеніе. Поэтому въ 1403 году они заставили Витовта дать формальное обязательство въ томъ, что безъ вѣдома, воли и согласія Ягайла онъ не будетъ заключать договора съ Прусскимъ орденомъ и Ливонскимъ; въ слѣдующемъ же году заставили его подтвердить новымъ актомъ прежнія записи на вѣрность королю и коронѣ Польской, дабы разсѣять всякія сомнѣнія, опасенія и безпокойство на этотъ счетъ ⁷⁷⁾). Эти опасенія и безпокойство питались происками нѣмцевъ, всячески старавшихся разорвать унію Польши и Литвы. Въ этомъ направленіи дѣйствовали не только должностныя лица и агенты Прускаго и Ливонскаго Орденовъ ⁷⁸⁾, но даже самъ императоръ Сигизмундъ. Во время дипломатическаго сѣзда въ Кезмаркѣ въ 1410 году онъ предлагалъ Витовту возвести его въ королевское достоинство, освободить отъ всякой зависимости отъ Польши и оказывать ему, въ случаѣ нужды, помощь противъ Ягайла и всѣхъ другихъ враговъ ⁷⁹⁾). Хотя Витовтъ уклонился въ данномъ случаѣ отъ переговоровъ и даже довелъ до свѣдѣнія Ягайла о сдѣланномъ ему предложеніи, тѣмъ не менѣе нѣмцы не покидали своего намѣренія и въ послѣдующее время. Когда въ слѣдующемъ году Витовтъ отправился въ Венгрію на новый дипломатическій сѣздъ въ Шрамовицахъ, Ливонскій магистръ Фитингофъ писалъ великому магистру, что хорошо было

⁷⁶⁾ *Барбашева* Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 112—116; Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ княженія, стр. 103—113. Спб. 1891.

⁷⁷⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus II, № XXXI; VI, № CCLXVIII, CCCII.

⁷⁸⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № XDIII.

⁷⁹⁾ *Dlugosz Opera omnia*, tomus XIII, p. 5—7.

бы послать къ Витовту письмо съ жалобами на поляковъ, дабы оттолкнуть его отъ Польши ⁸⁰⁾. Всѣ эти махинаціи, направленные къ расторженію уніи Литвы съ Польшею, побудили поляковъ позаботиться о новомъ ея подтвержденіи и скрѣпленіи, тѣмъ болѣе, что отношенія къ нѣмцамъ послѣ Торунскаго мира 1411 года прогрессивно ухудшались и вели къ неизбѣжной войнѣ ⁸¹⁾.

Наученные событіями касательно того, отъ кого зависить поддержаніе добрыхъ отношеній Литвы къ Польшѣ, Ягайло и Поляки привлекли къ акту подтвержденія уніи не только самого Витовта, но также и литовскихъ вельможъ и весь военно-служилый классъ. Актъ этотъ состоялся въ Городнѣ на Бугѣ въ началѣ октября 1413 года, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ. По разсказу Кояловича, находящему себя подтвержденіе отчасти и въ самыхъ актахъ уніи, на этотъ сеймъ пріѣзжали изъ Литвы не только князья и вельможи, но и многіе изъ рыцарскаго класса (*equestris ordinis*) ⁸²⁾. Ягайло и поляки повели дѣло такимъ образомъ, чтобы литовцы скрѣпили унію въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Съ этою цѣлью они связали подтвержденіе уніи для литовскихъ «бароновъ» и «шляхты» (*barones et nobiles*) съ полученіемъ новыхъ правъ и вольностей, которыми пользовались польскіе паны и шляхта, мотивируя это тѣмъ, что подданные одного государства должны пользоваться и одними правами и вольностями. Кромѣ того, они сдѣлали уступку и автономическимъ привязанностямъ литовцевъ. Условлено было, что по смерти Витовта литовцы никого не возьмутъ себя въ великіе князья, помимо того, кого дастъ имъ король Ягайло по совѣту съ польскими и литовскими прелатами и баронами; съ своей стороны и поляки въ случаѣ прекращенія рода Ягайла не выберутъ никого въ короли безъ вѣдома и согласія великаго князя Литовскаго, прелатовъ, бароновъ и шляхты великаго княжества. До-

⁸⁰⁾ *Scarbiec diplomatów II*, № 960.

⁸¹⁾ *L. Gołębiowskiego Dzieje Polski*, tom. I, str. 209—230. Въ актѣ уніи 1413 года прямо указана причина новаго ея подтвержденія: *Volentes tamen terras praedictas Lyttwaniae, propter hostiles insultus et insidias cruciferorum et eis adhaerentium, ac aliorum quorumcunque inimicorum* (намекъ на Сигизмунда), *qui praefatas terras Lyttwaniae et regnum Poloniae demolliri nituntur et in ipsorum destructionem machinantur, in certitudine, securitate et tutela melioribus reponere et eis perpetuum commodum procurare...* *Zbiór praw litewskich*, str. 10.

⁸²⁾ *Kojalowicza Historiae Litwanae pars II*, p. 90, 91. *Antverpiae MDCLXIX*.

говоръ устанавливалъ, такимъ образомъ, что Литва всегда будетъ имѣть своего государя, отдѣльнаго отъ Польши, которому король Польскій будетъ делегировать свою власть. По сравненію съ предшествующими договорами, устанавливавшими особое великое княженіе на Литвѣ только на время Витовтовой жизни, здѣсь была сдѣлана крупная уступка литовскому сепаратизму. Тѣмъ сильнѣе старались поляки подчеркнуть въ подтвердительномъ документѣ фактъ уніи и вложили въ уста Ягайла и Витовта чуть не всѣ глаголы, какими только можно было обозначить соединеніе. Ягайло и Витовтъ заявляли въ документѣ, что свои земли, кои находились и до сихъ поръ находятся въ ихъ полномъ распоряженіи, на чистомъ и смѣшанномъ правѣ, они вновь инкорпорируютъ и видраютъ въ королевство Польское, присваиваютъ ему, соединяютъ и объединяютъ съ нимъ, связываютъ союзомъ и навсегда скрѣпляютъ и т. д. Весьма знаменательнымъ при этомъ является признаніе, что сдѣлано ими это по волѣ, одобренію и согласію пановъ и бояръ шляхты великаго княжества Литовскаго ³³⁾.

Итакъ, и на этотъ разъ въ качествѣ правоспособнаго политическаго дѣятеля выступаетъ собраніе литовскихъ «бароновъ» и «шляхты», т. е. вельможныхъ и знатныхъ бояръ. Извѣстная группа наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ этого класса выдала, какъ и въ 1401 году, за себя и за всю шляхту бояръ и обывателей великаго княжества формальную запись въ соблюденіи уніи съ Польшею и всѣхъ ея условій ³⁴⁾. Съ литовской стороны эта запись должна была служить эквивалентомъ подобной же записи, выданной литовцамъ сеймомъ польскихъ бароновъ,

³³⁾ *Easdem terras, quas semper cum pleno dominio, ac jure meo et mixto, hactenus habuimus et habemus, usque modo a progenitoribus nostris, et ordine geniturae, tanquam domini legitimi, baronum, nobilium, boyarorum voluntate, ratihabitione et consensu adhibitis, praedicto regno Poloniae iterum de nouo incorporamus, inuisceramus, appropriamus, jungimus, adjungimus, confoederamus et perpetue annectimus.. Zbiór praw litewskich, str. 11, 12.*

³⁴⁾ Кромѣ исполненія вышеизложенныхъ условій относительно избранія великаго князя Литовскаго и короля польскаго, литовцы клятвенно обѣщались никогда не покидать прелатовъ, пановъ, шляхту и все королевство Польское во всѣхъ ихъ бѣдахъ, помогать имъ противъ козней и нападеній враговъ совѣтомъ, дѣломъ и аспоженіемъ, не начинать ссоръ, войнъ и столкновеній безъ ихъ вѣдома и желанія, совѣта и разслѣдованія; не покидать никогда короля Ягайла и великаго князя Витовта и помогать имъ совѣтомъ, дѣломъ и расположеніемъ. *Zbiór praw litewskich, str. 20—24.*

или пановъ, и шляхты ⁸⁵⁾). Устанавливая унію съ Литвою, польскіе паны имѣли сначала дѣло только съ ея князьями. Но когда обязательства князей оказались недостаточными, польскіе паны вызвали къ договору и другія крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, сеймъ литовскихъ бояръ. Съ ними они намѣревались и впредь вершить всё дѣла, касающіяся общихъ интересовъ обѣихъ государствъ. Ягайло и Витовтъ объявляли поэтому въ своемъ привилеѣ, что прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго и земель Литовскихъ будутъ имѣть сеймы для совѣщаній (*conventiones et parlamenta*) о благѣ и пользѣ обѣихъ государствъ въ Люблинѣ или Парчовѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ, всякій разъ, когда будетъ необходимо, съ ихъ государева согласія и воли. Сеймы, такимъ образомъ, узаконялись и на будущее время, какъ для избранія государей Польши и Литвы, такъ и для рѣшенія другихъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ уніею Польши и Литвы.

По перечню лицъ, получившихъ въ Городлѣ польскіе гербы, можно до извѣстной степени судить и о томъ, кто былъ на сеймѣ 1413 года съ литовской стороны. Здѣсь были: воевода Виленскій Монивидъ, воевода Троцкій Явнисъ, каштелянъ, или панъ, Виленскій Мянвгайло, каштелянъ Троцкій Сунигайло; намѣстникъ, или староста, Полоцкій Немиръ; Остикъ, Бутримъ, Голигунтъ, Николай Былеминъ, Альбрехтъ Корейво, Вышегердъ, Петръ Монтигирдъ, Николай Тавтигердъ, Янъ Гаштольдъ, Волчко Кульва, Бутовтъ, Ядаты, Калонъ, Янъ Римовидовичъ, Гинейтъ Кончевичъ, Давкша, Николай Бойнаръ, Волчко Кокутовичъ, Гетовтъ, Дангель, Якубъ Мингайло, Войшнаръ Вилколевичъ, Юрій Сангавъ, Сака, Нацко, Твирбутъ, Монствиль, Станиславъ Вышигинъ, Войсымъ Данейковичъ, Монстольдъ, Андрей Девкнетовичъ, Мынимунтъ Сосниковичъ, Родивиль, Кочанъ, Мщугъ, Гербудъ, Чуппа, Войдыль Кусоловичъ, Кочанъ Суковичъ, Янъ Эвилдъ, Станиславъ Бутовтовичъ, Сируть (*Surgutas*) изъ Рѣшникъ и т. д.⁸⁶⁾. Изъ этого перечня видно, что на сеймѣ 1413 года въ Городлѣ участвовала чиновная литовская знать и другіе первостепенные бояре изъ собственной литовской земли. Все это были частью тѣ же самыя лица, которыя участвовали и на сеймѣ 1401 года, а частью новыя, но все же изъ того круга первостепеннаго литовскаго боярства. Среди нихъ можно узнать еще нѣсколько лицъ изъ фамилій, принадлежавшихъ повдѣе

⁸⁵⁾ Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muezkowski, tomus I, № CLXII.

⁸⁶⁾ Zbiór praw Litewskich, str. 20—24.

къ «станамъ, сойму належачимъ». Таковы: Янъ Римовидовичъ изъ рода, давшаго позже чиновныя фамиліи пановъ *Заберезинскихъ*, *Кухмистровичей*, *Дорогостайскихъ*, *Олехновичей*; Сака, родоначальникъ знатной фамиліи *Саковичей*, изъ которой выходили различные урядники земскіе и дворные⁸⁷⁾; Сируть, родоначальникъ фамиліи *Сирутевичей*, поднявшейся въ ряды литовской знати при Сигизмундѣ Августѣ⁸⁸⁾.

Сопоставляя то, что извѣстно намъ о составѣ литовско-русскаго сейма въ послѣдней стадіи его развитія, съ тѣмъ, что выяснилось относительно первоначальнаго его состава, приходимъ къ заключенію, что изъ всѣхъ «становъ, сойму належачихъ», раньше другихъ заняли въ немъ свои мѣста: католическіе бискупы, литовско-русскіе князья и литовскіе первостепенные бояре, или паны, состоявшіе и не состоявшіе въ разныхъ должностяхъ (позднѣе: паны рада, княжата, панята, или паны хоруговные), и рядовые литовскіе бояре (позднѣе—шляхта), въ случайномъ составѣ собиравшіеся на сеймъ. Послѣдніе, по всѣмъ признакамъ, играли на сеймѣ еще чисто пассивную роль, приглашались или допускались на сеймъ для моральной поддержки сейму, для приданія ващцаго авторитета его постановленіямъ. Эти постановленія исходили изъ круга князей и пановъ, а рядовое боярство, не имѣвшее еще постоянного и правильнаго представительства на сеймѣ, вѣроятно, давало только свое молчаливое или громкое (per acclamationem) согласіе или одобреніе. Поэтому и первоначальный литовско-русскій сеймъ по справедливости можно назвать сеймомъ литовско-русскихъ князей и литовскихъ пановъ.

Такой составъ первоначальнаго литовско-русскаго сейма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что именно съ этими князьями и панами главнымъ образомъ и пришлось считаться ихъ государямъ и полякамъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, касающихся политическаго бытія великаго княжества. Это были самые сильные люди въ литовско-русскомъ обществѣ, коимъ принадлежали власть и вліяніе, вожди, которые въ состояніи были подчинять себѣ и вести за собою остальное литовско-русское общество. Что такое значеніе принадлежало князьямъ, это очевидно, и едва ли требуетъ подробнаго разъясненія. Литовско-русскіе князья владѣли не однимъ только титуломъ, но и извѣстными населенными территориями, болѣе или менѣе значительными, гдѣ они были не только хозяевами, но и государями. Но на чемъ основывалось политическое значеніе того класса, который получилъ польское

⁸⁷⁾ *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 46, 160, 161, 218, 219, 290, 291, 391—395.

⁸⁸⁾ *Ibidem*, str. 313; *Wolffu* Senatorowie i dygnitarze, str. 243.

названіе пановъ? Договоръ съ нѣмцами 1398 года, гдѣ дается перечень этихъ пановъ, можетъ навести на мысль, что это значеніе основывалось на занимаемыхъ панами государственныхъ должностяхъ, что мы имѣемъ предъ собою литовскую чиновничью знать, достигшую своею службою высокаго положенія въ государствѣ и обществѣ. Но болѣе тщательныя розысканія въ источникахъ приводятъ къ мысли, что это правительственное значеніе литовскаго панства въ свою очередь было производное, что оно основывалось на томъ положеніи, которое помимо того занимали литовскіе паны въ окружавшемъ ихъ обществѣ, и которое во многихъ отношеніяхъ было близко къ положенію князей. Великій князь потому и окружалъ себя панами, потому и набиралъ изъ нихъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, что это были люди, независимо отъ того сильные и вліятельные въ обществѣ, его давнишніе и привычные вожди и руководители.

§ 6.

Такихъ людей мы встрѣчаемъ по источникамъ въ литовскомъ обществѣ еще въ XII в., до появленія великокняжеской власти, и затѣмъ въ теченіе всего XIII и XIV вѣка, уже при великихъ и областныхъ князьяхъ. Предъ созданіемъ великаго княжества Литовскаго Мендовгомъ общественный бытъ литовцевъ уже довольно далеко былъ отъ примитивности. Въ мелкихъ обществахъ, на которыя распадалась литовская народность, и которыя, по всѣмъ признакамъ, развились изъ родовыхъ союзовъ, чрезъ естественное размноженіе родичей и приселеніе чужеродцевъ⁹⁹⁾, господствовало уже имущественное и социальное раздѣленіе и неравенство¹⁰⁰⁾. Здѣсь были и мелкіе земледѣльцы, сами воздѣлывавшіе свои участки, и крупныя землевладѣльцы, владѣвшіе боль-

⁹⁹⁾ На это намекаютъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., *Корковичей*, которыхъ разорилъ Даниль Галицкій въ 1256 году (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 551—553. Спб. 1872). О томъ, что родовая организація общества предшествовала на Литвѣ организаціи политической, можно заключить по свидѣтельству Дюсбурга о существованіи у литовцевъ кровной мести, въ которой нельзя не видѣть переживанія родового быта (*Scriptores rerum prussicarum*, tomus I, p. 54).

¹⁰⁰⁾ О раздѣленіи земель у Пруссовъ въ XII в. сообщаетъ польскій хронистъ того же вѣка Мартинъ Галль (*Monumenta Poloniae historica*, tomus I, p. 455). О наслѣдственныхъ земляхъ, имуществѣ и рабахъ знати даетъ показанія Петръ Дюсбургскій (*Scriptores rerum prussicarum*, tomus I, p. 54, 132, 145, 146); съ этими показаніями согласуется вполне и свидѣтельство Генриха Латыша о литвинѣ Свелгатѣ, участвовавшемъ въ 1204 году въ походѣ на Ригу: homo

шими вотчинами со множествомъ челяди, коней, охотничьихъ собакъ и и птицъ и разныхъ предметовъ, потребныхъ для войны; были и рабы, и свободные, а среди послѣднихъ благородные и знатные люди. Эти сильные и знатные люди (*prepotentes, potiores domini, famosi domini, nobiles, die edelsten*, какъ называютъ ихъ хроника ⁹¹⁾ и были вождями окрестнаго населенія, около которыхъ оно собиралось для отраженія враговъ или для нападений ⁹²⁾, его старшинами и представителями въ сношеніяхъ съ другими обществами. Нѣкоторые изъ этихъ сильныхъ и знатныхъ людей, по всѣмъ признакамъ, даже успѣли уже подчинить себѣ окрестное населеніе и сдѣлаться настоящими князьками и царьками въ мѣстности. Трудно сказать, какимъ образомъ это произошло, путемъ ли преемственности и развитія власти родоначальниковъ или какъ-нибудь иначе. Очень можетъ быть, что этотъ фактъ стоялъ въ связи съ выдѣленіемъ особаго военнаго класса въ литовскихъ обществахъ. Дѣло въ томъ, что въ XII в. война сдѣлалась для литовцевъ не только актомъ обороны отъ нападений извнѣ, но и промысломъ. Польскія и нѣмецкія хроники и наши лѣтописи полны извѣстіями о набѣгахъ Литвы съ цѣлью грабежа. Литовцы стали воевать даже въ чужихъ войскахъ, иногда противъ своихъ. Такимъ образомъ, напр., Ятвяги и Жмудь ходили въ войскахъ Даниіла Романовича противъ Мендовга, наемные литовцы служили нѣмцамъ, польскимъ и поморскимъ князьямъ и т. д. ⁹³⁾. Изъ среды общества при этомъ естественно долженъ былъ выдѣлиться особый классъ военныхъ людей по ремеслу, соотвѣтствующій германской и славянской дружинѣ. Вожди этого класса, выходившіе изъ того же круга землевладѣльческой знати, изъ котораго выходили и общенародные вожди и старшины, обогащаясь на войнѣ ⁹⁴⁾

dives et praepotens (*Scriptores rerum livonicarum* I, p. 86. Riga und Leipzig 1853).

⁹¹⁾ *Scriptores rerum prussicarum* I, p. 64, 135, III, p. 284 и др.

⁹²⁾ Отсюда и названія ихъ: *duces, capitanei, castellani*. Петръ Дюсбургскій, говоря объ этихъ *capitanei*, прибавляетъ къ этому имени обыкновенно *homo* или *vir praepotens et dives*. *Scriptores rerum prussicarum*, tomus I, p. 143, 146.

⁹³⁾ Н. Ш. Дашкевича Княженіе Даниіла Галицкаго, стр. 133, прил. 3. Киевъ 1873 (Оттискъ изъ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1873 года).

⁹⁴⁾ По свидѣтельству Петра Дюсбургскаго у прусскихъ *nobiles* были *castra*, т. е. укрѣпленныя усадьбы, гдѣ они помѣщали свою добычу, домашній скотъ и другія вещи (*Scriptores rerum prussicarum*, tomus I, p. 132). Наша лѣтопись въ разсказѣ объ истребленіи и изгнаніи Мендовгомъ другихъ князей говоритъ о безчисленномъ имѣннѣ ихъ, захваченномъ Мендовгомъ (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 541).

и опираясь на свои дружины ⁹⁶⁾, легко могли покорять себѣ и все окрестное населеніе, становиться властителями, династами. Вслѣдствіе этого и хронисты называютъ перѣдко литовскую знать (*nobiles, die edelsten*) *королями, царями или царьками* (*kunige, reges, reguli*), мѣшая эти названія и употребляя одно вмѣсто другого) ⁹⁶⁾. Наши русскія лѣтописи говорятъ обыкновенно о литовскихъ князьяхъ. Но показаніе ихъ о многочисленности этихъ князей наводятъ на мысль, что это имя прилагается ими ко всѣмъ вообще вождямъ и старѣйшинамъ литовскихъ обществъ безъ различія ⁹⁷⁾.

Внутренняя борьба, сопровождавшая объединеніе Литвы подъ властью великаго князя, смела и разсѣяла извѣстную часть этихъ князей и старшинъ. Извѣстно, что Мендовгъ побилъ своихъ братьевъ и племянниковъ, а другихъ изгналъ вонъ изъ отечества. По смерти Мендовга, павшаго жертвою княжеской реакціи, сынъ его Войшелкъ началъ истреблять «вороги своѣ», т. е. тѣхъ же литовскихъ князьковъ и знатныхъ людей. По словамъ лѣтописи, онъ избилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались ⁹⁸⁾. Но было бы ошибкою ду-

⁹⁶⁾ Генрихъ Латышь подъ 1204 годомъ рассказываетъ, что въ Ригѣ подступалъ Свелгате *homo dives et praepotens cum suis sodalibus* (*Scriptores rerum Livonicarum I, p. 86*).

⁹⁶⁾ *Krumbholz Samaiten und der, deutsche Orden bis zum Frieden am Melnosee, s. 13, 14. Königsberg 1890.* Впрочемъ, хронисты иногда и различаютъ оба класса и говорятъ *de regibus et nobilibus et communi populo*, какъ напр. Петръ Дюсбургскій (*Scriptores rerum prussicarum, tomus I, 53—54*).

⁹⁷⁾ Подъ 1215 годомъ читаемъ въ Ипатьевской лѣтописи: «Божинимъ повеленнемъ прислаша князи Литовскіи къ великой княгинѣ Романовѣ и Данилови и Василкови, миръ дающе. Баху же имена Литовскихъ князей: се старѣйшей, Живиньбудъ, Довѣять, Довѣспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Довѣяловъ Великанль, а Жемюотскіи князи: Ерьдивиль, Выкынтъ; а Рушьковичевъ: Кинтибудъ, Вонибуть, Бутовитъ, Виждикъ и сынъ его Василій, Китений, Пликосова; а се Булевичи Вишимуть, его же уби Миндовгъ и жену его поялъ и братью его побилъ, Едивила, Сирудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: Юдьки, Пукѣикъ, Бикши, Ликинкъ. Ся жи вси миръ даша князю Данилови и Василку (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 492). Александръ Невскій въ 1245 году побилъ подъ Торопцомъ, по рассказу нашей лѣтописи, 8 князей (Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. VII, 152); а князь Даниль Романовичъ въ 1248 году побилъ сорокъ Ятяжскихъ князей (Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 531).

⁹⁸⁾ Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 541, 567, 569. Описывая этотъ фактъ, лѣтопись говоритъ: «И поведе въ силѣ тяжцѣ и нача города вяти по Дявелътвѣ,

мать, что истребленъ былъ весь этотъ классъ, и что вслѣдствіе этого великій князь и сдѣлался «самодержцемъ» въ Литовской землѣ, какъ выражается лѣтопись. Истребленіе постигло только противниковъ и конкурентовъ утверждавшагося великаго князя. Всѣ другіе остались и продолжали быть и при великомъ князѣ вождями мѣстныхъ обществъ, которые по временамъ дѣйствовали самостоятельно и независимо отъ великаго князя и даже увлекали его за собою. Такіе вожди остались, напр., въ Жмудской землѣ. Извѣстно, что Мендовгъ уступилъ эту землю Ливонскому Ордену. Но Жмудскіе князья и старшины знать не хотѣли этой уступки и мужественно боролись съ нѣмцами за самостоятельность своего племени, а въ концѣ концовъ увлекли въ эту борьбу и самого Мендовга⁹⁹⁾. Въ Литовской землѣ по смерти Мендовга встрѣчаемъ по источникамъ также не мало этихъ «князей». Въ 1266 году Псковскій князь Довмонтъ сдѣлалъ нападеніе на Литовскую землю, повоевалъ ее и поплѣнилъ, и между прочимъ захватилъ жену князя Гердена и двухъ княжичей, пользуясь тѣмъ, что самого Гердена и другихъ «князей» въ то время не было дома. Прослышавъ о нападеніи, «князья» вернулись домой и немедленно снарядились въ погоню за врагомъ. Кромѣ самаго Гердена тутъ были Гогоргъ, Люмбей, Люгайло и прочіе «князья» Литовскіе—всего въ общей сложности отправилось въ погоню до 700 человекъ. Такъ рассказываетъ наша лѣтопись¹⁰⁰⁾. Двѣнадцать лѣтъ спустя, по разсказу Петра Дюсбургскаго нѣкій Пелюза, отверженный своимъ отцомъ, знатнымъ княземъ литовскимъ, вторгся въ Литву, захватилъ въ одномъ мѣстѣ около семидесяти литовскихъ царьковъ (regulos), собравшихся на свадьбу, и истребилъ ихъ съ женами и дѣтьми¹⁰¹⁾. Такимъ образомъ, Мендовгъ и его сынъ Войшелъ истребили и разогнали далеко не всѣхъ литовскихъ князьковъ и знатныхъ людей. То же самое нужно сказать и про избіеніе Пелюзы. Три года спустя послѣ этого избіенія встрѣчаемъ по разсказу нашей лѣто-

въ Литвѣ. и въ Налшанехъ; города же изымавъ, а вороги своя избивъ, и тако придоша въ свояси» (стр. 570). Такимъ образомъ и въ собственной Литвѣ, какъ и въ Пруссіи, мѣстные князьки и знатные люди имѣли укрѣпленія (срав. стр. 613, 614).

⁹⁹⁾ *Krumbholtz Samaiten und der Deutsche Orden*, s. 21—43; *J. Latkowskiego Mendog, król Litewski*, str. 81—101. Kraków 1892 (Osobnie odbicie z tomu XXVIII Rozpraw i sprawozdań Wydz. historyczno-filozoficznego Ak. Umiej. w Krakowie).

¹⁰⁰⁾ Полное Собрание Русск. Лѣт., томъ VII, 166.

¹⁰¹⁾ *Scriptores rerum prussicarum*, tomus I, p. 149.

писи князей Бурдикида и Будивида, заключающихъ миръ съ Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Васильковичемъ и уступающихъ ему свой городъ Волковыйскъ ¹⁰²).

Изъ всего этого видно, что и съ установленіемъ великаго княженія остались на Литвѣ люди, управлявшіе или руководившіе мѣстными обществами. Нѣкоторая часть ихъ уцѣлѣла до самыхъ позднихъ временъ съ значеніемъ мѣстныхъ князей. Таковы были, напр., упоминавшіеся выше князья въ Гольшанахъ, Гедройти, Свирѣ и т. д. Но большинство вошло въ составъ военно-служилаго класса новообразовавшагося государства—бояръ, какъ высшій его слой, изъ котораго преимущественно набирались различныя должностныя лица. Такой переходъ съ полною ясностью даетъ себя выслѣдить по источникамъ въ Жмудской землѣ. Въ той роли народныхъ вождей, въ какой въ XIII-мъ и даже отчасти въ XIV вѣкѣ являются жмудскіе *царьки* (*kunige*) ¹⁰³, или *знатные люди* (*nobiles*) ¹⁰⁴, къ концу XIV-го и въ началѣ XV-го вѣка выступаютъ уже жмудскіе *бояре* ¹⁰⁵. Несомнѣнно, что подобное же превращеніе прежнихъ *сильныхъ, знатныхъ, благородныхъ* людей въ *бояръ* имѣло мѣсто и въ собственной Литовской землѣ. Совершилось это,

¹⁰²) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 612, 613.

¹⁰³) *Scriptores rerum livonicarum*, tomus I, p. 601—602 (*Reimchronik* 4625—4629, 4653—4671).

¹⁰⁴) Характеризуя дѣятельность Людвигъ фонъ Либенцеля, какъ командира Рагнеты, Петръ Дюбургскій говоритъ: *Infra sex annos (1294—1300), quibus dicto castro praefuit, coegit omnes Lethowinos, qui supra litus Memele habitabant a fluvio Nare usque ad terram Lamutinam, ut pacem cum christianis haberent sub hiis pactis, ut certum censum singulis annis darent ei, Ecce mira res, quantacunque iis, tamen diligebunt eum in tantum, ut etiam nobiles, per quos Samethia tunc regebatur, populum communem contra regem Lithowinorum provocarent... Nec unquam temporibus suis rex Lithowie cum Samethis poterat concordare, ut simul in bello procederent contra fratres* (*Scriptores rerum prussicarum* I, p. 159).

¹⁰⁵) См. выше перечень лицъ, выдавшихъ въ 1401 обязательство на вѣрность королю и король Польской. У Посяге подъ 1401 годомъ читаемъ: *Anno domini 1401 am sontage noch epyphanie domini quomen ken Marienburg die bestin bajorin der lande von Samaythin* (*Scriptores rerum prussicarum*, tomus III, p. 340). О дѣли ихъ прихода узнаемъ изъ фрагмента одного орденскаго мемуара, рассказывающаго объ измѣнѣ Витовта: „*woren czu Marienburg bei unserm homeister und boten in, das her die bajoren liesse bajoren bliben, die freien frei und die gebuwer gebuwer, und der maister gap das den landen allen einen brieff und gab in sulch recht als die Prussen in unsern landen haben* (*Monumenta medii aevi*, t. VI, № CCXLI).

по всѣмъ соображеніямъ, уже при Гедиминѣ, когда вслѣдствіе новыхъ территоріальныхъ присоединеній русской элементъ возобладалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала большіе успѣхи и культурная ассимиляція Литвы съ Русью, когда великій князь Литовскій сталъ именовать себя и Русскимъ и вошелъ, очевидно, въ чувства, воззрѣнія и права русскихъ князей по отношенію къ различнымъ классамъ литовскаго общества. Тогда-то, по всей вѣроятности, эти классы и получили русскія имена, тогда-то и появились на Литвѣ и *боаре*, и *смерды* ¹⁰⁶⁾. При Ольгердѣ и Кейстутѣ эти имена являются уже извѣстными и нѣмцамъ, изъ разсказовъ которыхъ почерпаемъ довольно опредѣленные данныя о боарахъ. Боаре выступаютъ по этимъ разсказамъ землевладѣльцами и при томъ иногда крупными. Такимъ землевладѣльцемъ является, напр., бояринъ Иванъ, захваченный въ плѣнъ рыцарями въ 1365 г. во время нападенія ихъ на Литву. У него былъ дворъ на р. Невяжѣ, были свои люди, которыхъ рыцари перебили на его дворѣ ¹⁰⁷⁾. Въ военныхъ столкновеніяхъ съ Литвою рыцарямъ приходится чаще всего имѣть дѣло именно съ боярами литовскими, которые являются, такимъ образомъ, и военнымъ классомъ ¹⁰⁸⁾. Нѣкоторые изъ этихъ бояръ являются даже начальниками въ тѣхъ укрѣпленныхъ городахъ, по близости отъ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Такъ, напр., въ Веленѣ въ моментъ нападенія на нее рыцарей въ 1368 году начальствовалъ бояринъ Гаштольдъ съ Сурминомъ и Маттевикомъ. Онъ погибъ во время этого нападенія, послѣ чего и родъ его переселился въ окрестности Вилькомира ¹⁰⁹⁾. Это свидѣтельство чрезвычайно любопытно, какъ указаніе на то, какъ рано великіе князья Литовскіе начали держаться обыкновенія отдавать въ держанье города мѣстнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ этомъ обыкновеніи нельзя не видѣть извѣстнаго компромисса центральной власти съ тѣмъ значеніемъ и вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которыми они изстари пользовались въ мѣстныхъ обществахъ. Впрочемъ, къ тому же могло приводить и простое удобство подобныхъ назначеній какъ для самой центральной власти, такъ и для этихъ землевладѣльцевъ, которые получали возможность нести свою службу государству въ привычной географической и общественной обстановкѣ, не удаляясь отъ своего дома, семьи и хозяйства. Какъ бы то ни было, но послѣдствіе отсюда

¹⁰⁶⁾ *Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 533.*

¹⁰⁷⁾ *Ibidem p. 552.*

¹⁰⁸⁾ *Ibidem, p. 536, 603 и др.*

¹⁰⁹⁾ *Ibidem, p. 540—547, 709—711.*

выходило одно: мѣстные крупные землевладѣльцы уже въ качествѣ уполномоченныхъ агентовъ центральной власти продолжали быть для мѣстныхъ обществъ тѣмъ же, чѣмъ были для нихъ въ старину, до созданія самой центральной власти,—т. е. вождями и руководителями, и даже сдѣлались болѣе того—правителями. Современные нѣмецкіе хронисты отчетливо замѣчали это значеніе мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ—бояръ, и потому иногда величаютъ ихъ *сатрапами* ¹¹⁰⁾.

Но въ центрѣ государства до поры до времени они играли малую роль. Ихъ заслонили собою князья Гедиминова рода, получившіе въ управленіе цѣлыя области государства. При Ольгердѣ и Кейстутѣ, какъ уже было сказано выше, всѣ важнѣйшіе общегосударственные вопросы разрѣшались частными и общими соглашениями этихъ князей. Такимъ образомъ, напр., вопросъ о разграниченіи съ Мазовіею въ 1358 году разрѣшенъ былъ по совѣту и соглашенію Кейстута съ Ольгердомъ, Явнотомъ, Коріатомъ, Юріемъ и другими старшими князьями. Услуги бояръ потребовались только при производствѣ самаго разграниченія на мѣстѣ: нѣкоторые изъ нихъ назначены были вмѣстѣ съ княземъ Патрикѣемъ (сыномъ Кейстута) членами разграничительной комиссіи съ литовской стороны ¹¹¹⁾. Но по смерти Ольгерда роль бояръ становится болѣе замѣтною и въ центрѣ государства. Они присутствуютъ при совершеніи нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ актовъ и перечисляются въ нихъ послѣ князей. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи Ягайломъ и Кейстутомъ договора съ нѣмцами въ 1379 году, кромѣ князей Лингвенья и Витовта, приложившихъ къ договорной грамотѣ свои печати, въ качествѣ свидѣтелей (*geszuge*) упоминается нѣсколько бояръ съ Ягайловой и Витовтовой стороны ¹¹²⁾. Но въ общемъ князья Гедиминовичи продолжаютъ попрежнему быть главными вершителями судебъ государства, какъ объ этомъ уже упоминалось выше, пока возгорѣвшаяся

¹¹⁰⁾ Германъ Вартбергскій, рассказывая подъ 1367 годомъ о нападеніи Ливонскаго магистра на землю Упитскую, говоритъ: *Excitus autem per hoc rex Letwinorum filium suum congregata malvia cum melioribus regni satrapis exploratum emisit...* Рассказывая подъ 1378 годомъ о другомъ нападеніи ливонскихъ рыцарей на Упитскую землю, говоритъ: *Fuit eciam tunc capta uxor Villegaylen satrape cum filia tribusque aliis filiis, item Schoweminne cum filio, item Monthewinne, item Rankene et Dunghela. Billene et Heghert (Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 88, 116).*

¹¹¹⁾ *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 207—209. Lwów 1870.

¹¹²⁾ *Jorge Kasusna*, Waydelo, Iwan Augmenten son, Buseke, Saymunt Girdutten son, Jadut Surkanten son unde andir vil unsir Baiaren... *Raczynickiego* Kodex dyplomatychny Litwy, str. 55.

между этими князьями междоусобная борьба и затѣмъ унія съ Польшею не вызываютъ къ политической самостоятельности и бояръ и не даютъ имъ возможность проявить на дѣлѣ свою силу и общественно-политическое значеніе. Крушеніе, постигшее областныхъ князей Гедиминовичей къ концу XIV в., бывшее отчасти послѣдствіемъ этого выступленія литовскаго боярства на политическое поприще, очищаетъ этому боярству мѣсто при великомъ князѣ, въ высшемъ совѣтѣ государства. Первостепенные литовскіе бояре становятся на ряду съ уцѣлѣвшими князьями ближайшими совѣтниками и сотрудниками великаго князя, а когда представляются особенно важныя дѣла, собирается весь сонмъ литовскаго боярства и рѣшаетъ судьбы государства.

Мы подошли теперь къ окончательному отвѣту касательно причинъ, обусловившихъ возникновеніе учрежденія, исторію котораго мы изучаемъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что когда сложилось литовско-русское государство, въ немъ оказалась значительная наличность крупныхъ землевладѣльцевъ съ политическимъ вліаніемъ и нерѣдко съ политическою властью (князья, великокняжескіе намѣстники изъ бояръ) въ мѣстныхъ обществахъ. Особенно много было такихъ людей въ собственной Литовской землѣ (включая сюда и Жмудь) и съ нею объединенной Руси. Внѣшнія опасности заставили всѣхъ этихъ мѣстныхъ вождей сомкнуться воедино и сплотиться вокругъ одного старшаго, или великаго, князя, и его родственниковъ. Пока этотъ князь и его родственники правильно служили національнымъ интересамъ, и мѣстные вожди охотно подчинялись имъ и служили вѣрою и правдою. Они не только ходили по ихъ зову на войну, но несли въ пользу ихъ и другія повинности, напр., давали имъ кормы, когда они останавливались въ мѣстности, строили и ремонтировали укрѣпленія, мосты и дороги, давали деньги на государственныя нужды и даже посылали своихъ людей работать въ ихъ усадьбахъ ¹¹³⁾. Великій князь вершилъ всѣ государственныя дѣла по совѣту и соглашенію съ своими родными, не встрѣчая со стороны другихъ князей и бояръ противодѣйствія. Но когда совѣтъ и согласіе покинули правящій княжескій родъ вмѣстѣ съ должнымъ пониманіемъ національныхъ интересовъ, тогда и мѣстные вожди литовско-русскаго общества проявили политическую самостоятельность и заставили своихъ государей признать за ними право на участіе при распоряженіи судьбами государства. Такъ и возникъ литовско-русскій сеймъ, какъ органъ, черезъ который это право должно было осуществляться въ жизни.

¹¹³⁾ Объ этомъ можно заключать по тѣмъ привилегіямъ, которые получили литовскіе бояре въ 1387 и 1413 г.

Возникновеніе этого учрежденія облегчено было двумя обстоятельствами: неразвитостью великокняжеской власти и воздѣйствіемъ порядка, дѣйствовавшаго въ томъ государствѣ, съ которымъ соединилась Литва. Не смотря на то, что великокняжеская власть на Литвѣ въ разсматриваемый моментъ считала за собою около полтора ста лѣтъ возраста, она все еще носила преимущественно военно-политическій, а не гражданскій характеръ. Великій князь Литовскій въ своемъ наскоро и слабо объединенномъ государствѣ не успѣлъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сталъ великій князь Московскій послѣ объединенія сѣверо-восточной Руси, и все еще былъ болѣе главнымъ вождемъ, самымъ сильнымъ и вліятельнымъ среди другихъ вождей, чѣмъ владѣтельнымъ государемъ своего государства. Этимъ и объясняется между прочимъ тотъ фактъ, что не существовало никакого порядка въ преемствѣ его власти, и на великокняжескій столъ садился всякій разъ тотъ, кто въ данный моментъ былъ сильнѣе и вліятельнѣе другихъ князей. При такихъ условіяхъ великіе князья не могли чувствовать себя и сознавать полными собственниками и устроителями своего государства, не могло признавать ихъ таковыми и литовское общество. Поэтому и всѣ важнѣйшія дѣла государства великіе князья должны были рѣшать по совѣту и согласію съ другими сильными и вліятельными вождями общества. Послѣ разгрома, постигшаго въ концѣ XIV вѣка крупныхъ, областныхъ князей, таковыми вождями оказались князья волостные и бояре, и великіе князья принуждены были сообща съ ними устроить судьбу государства, соединяя его съ Польшею. Ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ потребовалось тѣмъ болѣе, что съ польской стороны въ качествѣ договаривающейся стороны выступили не только лица, коимъ принадлежала корона, но также епископы и высшіе свѣтскіе сановники—паны. Эти епископы и высшіе сановники вмѣстѣ съ шляхтою и впредь имѣли на своихъ сеймахъ рѣшать важнѣйшіе вопросы, связанные съ униєю обоихъ государствъ. Ясное дѣло, что по требованіямъ равноправности, провозглашеннымъ въ актѣ уніи, и со стороны великаго княжества должно было въ рѣшеніи такихъ вопросовъ участвовать собраніе, подобное польскому сейму, благо что и въ литовскомъ обществѣ были налицо элементы, сходные съ польскими панами и шляхтою ¹¹⁴⁾.

¹¹⁴⁾ Польскій сеймъ прелатовъ, бароновъ, шляхты и представителей отъ крупныхъ «мість» въ то время уже собирался довольно часто и рѣшалъ важнѣйшіе вопросы внѣшней политики и внутренняго управленія. См. *A. Prochaski Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiełłonów*, str. 32—38, 44—46. Kraków 1898 (Osobnie odbicie z Rozpraw Wydz. histor.-filoz. Ak. Umiej., tomus XXXVIII).

Итакъ, литовско - русскій сеймъ былъ порожденіемъ особеннаго соціально-политическаго строя великаго княжества, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи находятъ сходство съ *феодализмомъ* западно-европейскихъ обществъ ¹¹⁵⁾. Въ этомъ уподобленіи нельзя не признать значительной доли истины, по скольку здѣсь разумѣется не феодализмъ въ собственномъ смыслѣ, а тотъ порядокъ, на почвѣ котораго выросъ настоящій феодализмъ. Если такъ, то и первоначальный литовско-русскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ князей и пановъ, является аналогіею къ тѣмъ собраніямъ епископовъ и бароновъ, изъ которыхъ развились западно-европейскія представительныя учрежденія. Какъ и въ этихъ учрежденіяхъ, такъ и въ литовско-русскомъ сеймѣ съ самаго начала получили мѣсто тѣ землевладѣльцы, за которыми была вооруженная сила, вліяніе и власть въ окружающемъ обществѣ. Но въ дальнѣйшемъ литовско-русскій сеймъ разошелся съ западно-европейскими представительными учрежденіями. Въ послѣднихъ съ теченіемъ времени получили мѣсто представители сословія, возвысившагося силою мирнаго труда, капитала, интеллекта и крѣпкой общинной организаціи. Въ литовско-русскомъ сеймѣ остались одни только военно-служилые землевладѣльцы разныхъ разрядовъ, если не считать католическихъ бискуповъ, которые выходили изъ того же класса, и въ концѣ концовъ онъ подошелъ близко къ польскому сейму, который съ теченіемъ времени также сдѣлался въ сущности односословнымъ учрежденіемъ.

¹¹⁵⁾ *Н. П. Дашкевича* Запѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 24—26 (Отгискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1885 года); *Малчановскаго* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г., стр. 312, 313 (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владимира, вып. VIII, Кіевъ 1886).

ГЛАВА II.

Национально-политическая борьба въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XV в. и происхожденіе „великаго вальнаго сойма“.

§ 1. Положеніе, занятое литовскою боярскою знатью и высшимъ католическимъ духовенствомъ въ обществѣ и государствѣ послѣ Городельской уніи; политическое господство собственной Литвы. — § 2. Разрывъ съ Польшею и сближеніе правящей литовской знати съ русскими князьями и боярами; возведеніе на великое княженіе Свидригайла и политическое возвышеніе русскихъ князей и бояръ. — § 3. Реакція со стороны Литвы: возведеніе на великое княженіе Сигизмунда Кейстутевича и новая унія съ Польшею; компромиссъ съ «Литовскою Русью»: привилей 15 окт. 1432 года. — § 4. Борьба Свидригайла и русскихъ областей великаго княжества съ Сигизмундомъ Кейстутевичемъ и Литвою; привилей, полученные литовцами и русскими во время этой борьбы и ихъ значеніе для дальнѣйшаго внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства. — § 5. Возведеніе на великое княженіе Казимира и неустойчивость его первоначальнаго положенія на Литвѣ; земскій привилей 2 мая 1447 года и его значеніе въ социальнo-политической исторіи великаго княжества Литовскаго. — § 6. Сепаратистическія движенія областей Литовско-Русскаго государства въ великокняженіе Казимира и ихъ усмиреніе; новые привилей областей и распространеніе въ нихъ польскаго шляхетскаго права. — § 7. Литовско-русскіе сеймы въ великокняженіе Казимира; начало «великаго вальнаго сойма». — § 8. Сеймы при Александрѣ; великіе вальные соймы 1492, 1499, 1505 и 1506 г. и ихъ составъ. — § 9. Социально-политическая организація областныхъ обществъ, какъ условіе происхожденія и первоначальнаго состава «великаго вальнаго сойма». — § 10. Резюме и общіе выводы.

§ 1.

Въ предшествующей главѣ мы установили, что въ поправкахъ Кревской уніи 1385 года выдающаяся роль, кромѣ самого Витовта и второстепенныхъ литовско-русскихъ князей, принадлежала и высшему литовскому боярству изъ Литвы и соединенной съ нею Руси, составлявшихъ великое княжество въ тѣсномъ и древнѣйшемъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ унія великаго княжества съ Польшею установилась окончательно на Городельскомъ сеймѣ 1413 года, социальнo-политическое значеніе высшаго литовскаго боярства, обусловливавшее его выдающуюся роль при установленіи уніи, еще болѣе возросло. Городель-

ская унія принесла съ собою этому классу цѣлый рядъ правъ и вольностей, которыя не только юридически оформили и закрѣпили, но до извѣстной степени и возвысили положеніе, занятое имъ въ обществѣ и государствѣ. Дарованіе правъ и вольностей было необходимымъ, такъ сказать, логическимъ постулатомъ уніи и потому вошло въ самый ея актъ. Унія устанавливала включеніе Литвы въ корону Польскую, если не полное уничтоженіе, то во всякомъ случаѣ большое ограниченіе политической самобытности великаго княжества. Чтобы такой сильный и вліятельный классъ великаго княжества, какъ высшее литовское боярство, могъ согласиться на подобную унію, необходимо было, чтобы эта унія давала ему какія-либо выгоды и во всякомъ случаѣ не ставила его въ положеніе низшее по сравненію съ соответствующимъ классомъ Польши. Къ сравненію высшаго литовскаго боярства въ правахъ и вольностяхъ съ польскою шляхтою и направлень актъ Городельской уніи.

Переходы къ частностямъ, мы прежде всего должны отмѣтить фактъ консолидаціи высшаго литовскаго боярства, какъ извѣстнаго *сословія*. Городельскій привилей превратилъ высшее литовское боярство изъ класса, *фактически* пользовавшагося властью, политическимъ вліяніемъ и почетомъ, въ сословіе, члены котораго получали на все это *право* въ силу своего рожденія, въ силу принадлежности къ той или другой фамилии. Совершилось это вслѣдствіе дарованія извѣстному числу видныхъ литовскихъ боярскихъ фамилій гербовъ и клейнотовъ польской шляхты вмѣстѣ съ разными правами и вольностями. Такимъ путемъ литовская боярская знать обособилась внѣшнимъ образомъ отъ остальной боярской массы и выдѣлилась, какъ привилегированный ея слой.

Данныя этому сословію права и вольности прежде всего укрѣпили и усилили его положеніе, какъ землевладѣльческаго класса. Привилей 1413 года гарантировалъ литовскимъ «баронамъ и знатнымъ боярамъ», принявшимъ католическую вѣру и получившимъ польскіе шляхетскіе гербы, ненарушимое владѣніе отчинными и пожалованными имѣніями и свободное распоряженіе ими, съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей. Конечно, фактически литовская боярская знать и прежде владѣла своими имѣніями наследственно, какъ о томъ было уже сказано нами въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Нѣкоторые изъ литовскихъ бояръ носили даже и прозвища отъ своихъ имѣній, напр. Юрій, или Бутримъ, съ Жирмунъ, Михаилъ, или Минигайло, съ Девенишекъ и

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 550, 551.

т. д.²⁾). Но при всемъ томъ, по всѣмъ признакамъ, недостаточно еще выяснилось самое *право* литовской боярской знати на свои земельныя имущества, и понятіе о земельной боярской собственности не отдѣлилось еще въ должной степени отъ владѣнія по допущенію или пожалованію верховнаго владѣтеля государственной территоріи—великаго князя. Это обстоятельство на практикѣ, вѣроятно, приводило иногда къ отобранію земель у того или другого владѣльца по простому желанію великаго князя, къ ограниченію въ распоряженіи ими. Теперь высшее литовское боярство получило отъ великаго князя удостовѣреніе въ томъ, что этого впредь не будетъ, что своими отчинами и выслугами оно будетъ владѣть неприкосновенно и свободно распоряжаться ими. Но эта гарантія въ свою очередь усиливала экономическую независимость литовской землевладѣльческой знати отъ великаго князя, а такимъ путемъ повышала и ея политическое значеніе, въ особенности если принять во вниманіе, что въ рукахъ этой знати были довольно крупныя имѣнія (привилей 1387 года предполагалъ во владѣніи литовскихъ бояръ *castra, districtus, villas atque domos*³⁾). Въ томъ же направленіи дѣйствовало и освобожденіе литовскихъ привилегированныхъ бояръ отъ барщинныхъ работъ въ великокняжескихъ дворцовыхъ хозяйствахъ. Увеличеніе экономической независимости литовской знати неизменно приводило къ возвышенію ея положенія и по отношенію къ другимъ классамъ литовско-русскаго общества, не пользовавшимся таковою же независимостью.

Привилей 1413 года укрѣпилъ и усилилъ положеніе литовской боярской знати не только, какъ землевладѣльческаго, но и какъ правительственнаго класса литовско-русскаго общества. Выше было уже указано на то, что съ устраненіемъ областныхъ князей отъ власти ихъ мѣсто при особѣ великаго князя и въ областяхъ заняли частью второстепенные литовско-русскіе князья, но главнымъ образомъ литовскіе бояре. Привилей 1413 года устанавливалъ, какъ правило, что на должности воеводъ, каштеляновъ и проч. должны назначаться изъ бояръ впредь только католики; они же исключительно должны допускаться и къ совѣщаніямъ при великомъ князѣ (*ad consilia nostra*), когда дѣло будетъ идти о благѣ государства. Но католикъ и знатный литовскій бояринъ въ данномъ случаѣ являются почти синонимами. Извѣстно, что еще 22 февраля 1387 года Ягайло приказалъ всѣмъ «родовитымъ»

²⁾ Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCXXI; *Długosz, Opera omnia*, tomus XIII, p. 173; *Scarbiec diplomatów I*, № 959.

³⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 1.

литовдамъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, принять католическую вѣру и присоединиться къ римской церкви подъ угрозою тѣлесныхъ каръ ⁴⁾. Русскія лѣтописи сохранили извѣстіе, что только «два большая литвина Ягайлова, крещени въ крестьянскую вѣру» не захотѣли принять латинскую вѣру и за то были наказаны смертію ⁵⁾. Остальные, по всѣмъ признакамъ, подчинились требованію Ягайла. Если такъ, то и вышеприведенныя политическія привилегіи, имѣвшія въ виду католиковъ, въ сущности распространялись на литовскую боярскую знать. Эти привилегіи несомнѣнно укрѣпляли и усиливали ея положеніе, какъ правительственнаго класса: то, чѣмъ она пользовалась прежде *de facto*, становилось ея достояніемъ *de jure*.

Если отъ анализа привилея 1413 г. перейдемъ къ практикѣ литовской государственной жизни послѣ 1413 г., то найдемъ не мало подтвержденій высказаннымъ соображеніямъ. Высшее литовское боярство въ теченіе всего великокняженія Витовта сохраняетъ занятую имъ и укрѣпленную привилеемъ 1413 года позицію. На всѣхъ видныхъ административныхъ постахъ великаго княжества источники послѣ 1413 г. указываютъ знатныхъ литовскихъ бояръ, вѣрѣдка князей. Такимъ образомъ, воеводою Виленскимъ является сначала панъ Войтехъ Монивидъ (до 1424—1425), а затѣмъ—панъ Юрій Гедигольдъ (съ 1425—1426 г.); воеводою Троцкимъ—Янъ или Явнисъ; каштеляномъ Виленскимъ—сначала панъ Минигаило (до 1416—1419), а потомъ Остикъ Кристинъ; каштеляномъ Троцкимъ—Янъ Сунигаило; старостою Жмудскимъ—Михаилъ Кезгаило; воеводою Кіевскимъ—кн. Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій ⁶⁾; намѣстникомъ Новгородскимъ—панъ Пеграшъ Монтыгирдовичъ ⁷⁾; Полоцкимъ—Товтко (Thoyto); Витебскимъ—Румбольдъ, Смоленскимъ—Янъ Бутримъ, а затѣмъ Юрій Гедигольдъ (въ 1424—1425 г.), Городенскимъ—Михайло Монтвидъ ⁸⁾, Ковенскимъ—сначала Сунгаило въ 1414 и 1415 гг.), а затѣмъ—Матисъ Шедиборъ (въ 1418 г.), поздиѣ являющійся намѣстникомъ Вилкомирскимъ; намѣстникомъ Подоль-

⁴⁾ *Wapowskiego Dzieje korony Polskiej i W. K. Litewskiego*, wyd. i tłumacz. Malinowskiego, tom. I, str. 74, nota I. Warszawa 1845.

⁵⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 95; V, 242.

⁶⁾ *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 18, 55, 56, 62, 72, 77, 91.

⁷⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № MCDXVIII; XII, № 180. *Senatorowie i dygnitarze*, str. 34.

⁸⁾ *Dogiel, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litwaniae*, tomus IV, p. 115. *Vilnae MDCCLXIV. Senatorowie i dygnitarze*, str. 49.

скимъ видимъ пана Юрія Гедигольда ⁹⁾, Солечницкимъ (1422 г.) Александромъ Монтовта; Дорсунишскимъ Ивашка Гапгольда ¹⁰⁾ и т. д. На вновь учрежденныхъ по польскому образцу придворныхъ должностяхъ видимъ также знатныхъ литовскихъ бояръ. Маршалкомъ земскимъ при Витовтѣ является Румбольдъ ¹¹⁾; маршалками дворными (*marschalci curiae*)—Юрій Бутримъ съ Жирмунъ, Петрашъ (Монтыгирдовичъ?), Радивилъ, Янъ Гапгольдъ ¹²⁾ и т. д.

Но не только на отдѣльныхъ должностяхъ и въ будничной правительственной работѣ сотрудничаетъ высшее литовское боярство съ великимъ княземъ. Послѣдній не рѣшаетъ безъ совѣщанія съ этимъ боярствомъ ни одного, сколько-нибудь изъ ряда выходящаго государственнаго дѣла. Въ 1421 году, въ бытность короля Ягайла въ Литвѣ, явилось торжественное посольство отъ гусситовъ съ предложеніемъ ему чешской короны. Когда Ягайло категорически отказался отъ нея, послы обратились съ тѣмъ же предложеніемъ къ Витовту. По разсказу Кояловича предложеніе пословъ слушалось публично въ собраніи литовской знати (*in senatu*), созванной тогда на сеймъ для рѣшенія разныхъ вопросовъ (*indicta ordinum Lithuaniae conventu*). Этотъ разсказъ подтверждается однимъ современнымъ извѣстіемъ, идущимъ со стороны ливонскихъ нѣмцевъ. Гонецъ, отправленный однимъ изъ орденскихъ начальниковъ къ воеводѣ Виленскому Монивиду, какъ онъ самъ доносилъ, нашелъ воеводу въ Трокахъ, гдѣ были Ягайло и Витовтъ со множествомъ бояръ и князей (*mit vil beiaeren und hertigen*) ¹³⁾. Вслѣдствіе заявленнаго литовскою знатію нежеланія впутываться въ международныя осложненія Витовтъ отвѣчалъ гусситскимъ посламъ, что онъ не отказывается отъ чешской короны, если только чехи примирятся съ господствующею церковью, а пока пусть возьмутъ къ себѣ его племянника Сигизмунда Корибутовича, который и будетъ защищать ихъ отъ

⁹⁾ Monumenta medii aevi, tomus VI, № DCVIII, DCXLV, DCLI, DCCLXXXIV, MCL, MCCVI; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 7.

¹⁰⁾ Dogiel, loco citato.

¹¹⁾ Monumenta medii aevi, tomus VI, № DLXI, MCCCLXII; tomus XII, № 180; *Raczyński*go Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317. Wrocław 1845.

¹²⁾ Senatorowie i dygnitarze, str. 173; Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317; *Daniłowicza* Scarbiec diplomatów II, № 1427, 1515, 1516; Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXXI; Dogiel, tomus IV, p. 115.

¹³⁾ Monumenta medii aevi, tomus VI, № CMLXXXII.

Сигизмунда. На этомъ же сеймѣ подтверждена была фундація бискупства Жмудскаго и католическихъ костеловъ на Жмуди, по словамъ Кояловича, для того, чтобы она имѣла болѣе силы и значенія у потомковъ ¹⁴⁾. Едва ли, однако, къ этому не привели соображенія политическаго характера. Дѣло въ томъ, что крестоносцы не переставали утверждать предъ папою и Констанцскимъ соборомъ, что Жмудь остается въ язычествѣ, хотя уже было въ 1417 году учреждено епископство въ Жмуди, поставлены костелы въ Эйраголѣ, Крожахъ, Росейняхъ, Видуляхъ, Веленѣ, Колтынянахъ, Лукникахъ и въ другихъ селеніяхъ, хотя съ заявленіемъ объ этомъ и съ просьбою объ утвержденіи новаго епископства ѣздили послы отъ самой Жмуди въ Констанць въ 1418 г. ¹⁵⁾. Утверждая, что Жмудь остается еще въ язычествѣ, крестоносцы хотѣли придать не только юридическое, но и религіозно-нравственное оправданіе своимъ стремленіямъ оторвать Жмудь отъ Литвы и утвердить въ ней свое господство, долженствующее повлечь и насажденіе въ пей христіанства. Въ своемъ утвержденіи крестоносцы опирались до извѣстной степени на дѣйствительное положеніе вещей. На другой же годъ послѣ утвержденія епископства въ Жмуди, когда вниманіе Витовта было отвлечено дѣлами внѣшней политики, въ Жмуди произошла сильная языческая реакція. Простой народъ, возбуждаемый бывшими жрецами частью перебилъ, частью повыгналъ изъ страны великокняжескихъ урядниковъ и католическихъ ксендзовъ, осквернилъ и поджогъ христіанскіе храмы. Витовтъ отрядилъ войско, которое подавило возстаніе и принудило жмудиновъ вернуться къ христіанству, при чемъ 60 зачинщиковъ были казнены. Но лишь только войско Витовта вышло изъ страны, простой народъ почти поголовно возсталъ на бояръ, которые оставались вѣрными христіанству и содѣйствовали усмиренію мятежа. Витовту вторично пришлось, и на этотъ разъ уже лично, подавлять мятежь въ Жмуди. Чтобы засвидѣтельствовать предъ западнымъ христіанствомъ о прочномъ насажденіи христіанства въ Жмуди, Витовтъ рѣшилъ подтвердить фундацію епископства Жмудскаго особымъ актомъ, совершеннымъ въ собраніи литовской знати и подкрѣпленнымъ ея свидѣтельствомъ. Его маневръ удался, и папа, признавъ совершившійся фактъ насажденія христіанства въ Жмуди, буллою отъ 3 октября 1421 года санкціонировалъ учрежденіе новаго епископства ¹⁶⁾.—Въ

¹⁴⁾ *Historiae Litvanæ pars II*, p. 111, 112.

¹⁵⁾ *Kojałowicza Historiae Litvanæ pars II*, p. 95, 104.

¹⁶⁾ *Ks. bis. M. Wołonczewskiego Biscupstwo Żmujdzkie*, str. 24—26. Kraków 1898.

1426 году Витовтъ съ своими князьями и старшими литовскими боярами (*cum omnibus Ducibus et Vojaris majoribus*) принималъ польскихъ пословъ, прибывшихъ къ нему по дѣлу объ уступкѣ Прусскому Ордену мельницы Любича. Витовтъ обѣщаль магистру выхлопотать для него эту мельницу у Ягайла и поляковъ. Но это возбудило сильное неудовольствіе Ягайла и его совѣтниковъ, что въ свою очередь разсердило Витовта, который обѣщаль магистру уступить ему Полонгу на Жмуди, если поляки не согласятся отдать ему Любичъ. Прослышавъ о посольствѣ Витовтъ и собралъ на всякій случай своихъ князей и бояръ, чтобы посовѣтоваться съ ними о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій въ случаѣ отказа поляковъ ¹⁷⁾.—Когда въ 1427 году прибыли къ Витовту новгородскіе послы съ богатыми дарами для него и его бояръ, Витовтъ, по донесенію орденскаго шпіона, собиралъ къ себѣ во дворецъ всѣхъ высшихъ бояръ для переговоровъ съ новгородскими послами ¹⁸⁾; до чего договорились на этомъ собраніи, шпіонъ не могъ разузнать, ибо совѣщанія велись въ строгой тайнѣ.—Въ 1429 году, послѣ того, какъ Ягайло отказалъ Витовту въ своемъ согласіи на вѣнчаніе его королевскою короною, ссылаясь на то, что это противорѣчитъ положенію, занимаемому великимъ княжествомъ въ силу уніи съ Польшею, Витовтъ, по его собственнымъ словамъ, сталъ вмѣстѣ съ своими подданными обсуждать, какимъ образомъ избѣжать того посрамленія и неволи, какими король Польскій пытался покрыть его самого и его земли ¹⁹⁾. Эти совѣщанія въ концѣ концовъ привели Витовта къ рѣшенію короноваться въ король вопреки волѣ Ягайла и поляковъ. Но и этого рѣшительнаго шага Витовтъ не захотѣлъ сдѣлать безъ поддержки своихъ бояръ. Поэтому къ назначенному дню коронаціи съѣхалось было много князей и пановъ изъ Литвы и Руси ²⁰⁾. Хотя самая коронація, какъ извѣстно, не состоялась, но во всякомъ случаѣ самый фактъ созыва на коронацію литовскихъ пановъ (*barones*) остается весьма характернымъ въ кругѣ явленій, подлежащихъ въ настоящемъ случаѣ нашему разсмотрѣнію.

По условіямъ уніи, подтвержденной въ Городлѣ, дѣла, касавшіяся общихъ интересовъ Польши и Литвы, впредь должны были обсуждаться и рѣшаться на совѣщаніяхъ или сеймахъ (*conventiones et parlamenta*) пановъ и шляхты соединенныхъ государствъ. Литовская боярская знать

¹⁷⁾ *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIII, p. 339.*

¹⁸⁾ *Und Vytovt hadde to der tid sin upersten beyaren all to hope gheladen. Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCLIX.*

¹⁹⁾ *Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCLVШ.*

²⁰⁾ *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIII, p. 406.*

дѣйствительно нерѣдко участвовала въ такихъ общихъ польско-литовскихъ сеймахъ послѣ 1413 г. Унія такъ тѣсно связала Литву съ Польшею, что все важное, происходившее въ Польшѣ и касавшееся ея интересовъ, такъ или иначе, но всегда довольно близко, затрогивало и интересы великаго княжества, и обратно. Поэтому Ягайло и его польскіе совѣтники довольно часто привлекали Витовта и литовскихъ «бароповъ» къ совмѣстному обсужденію и рѣшенію различныхъ государственныхъ вопросовъ, большею частью по внѣшней политикѣ Польши и Литвы, и довольно часто устраивали общіе польско-литовскіе «сеймы». Такой «валный сеймъ» (*dieta generalis*) происходилъ, напр., въ Люблинѣ, во второй половинѣ августа 1421 года. Ягайло и Витовтъ съѣхались туда, каждый съ большимъ числомъ пановъ радныхъ (*in frequentia consiliatorum*), для рѣшенія вопроса, какъ поступить относительно чеховъ, предлагавшихъ корону своего государства Ягайлу и потомъ, послѣ его отказа, Витовту²¹⁾.— Въ слѣдующемъ году литовскіе паны вмѣстѣ съ нѣсколькими литовско-русскими князьями и представителями столичнаго города Вильны сообщая съ польскими панами и представителями крупныхъ польскихъ мѣстъ участвовали въ заключеніи мирнаго договора съ Прусскимъ орденомъ при озерѣ Мельнѣ и выдавали поручительство въ томъ, что договоръ будетъ точно выполняться ихъ государями. Литовскіе князья, паны и Виленскіе мѣщане, участвовавшіе въ заключеніи договора, какъ сторона, очевидно, прибыли въ составѣ литовскаго войска, вмѣстѣ съ польскимъ воевавшимъ тогда съ Прусскимъ Орденомъ. Въ договорномъ актѣ показаны слѣдующія лица: Свиригайло-Болеславъ, князь Черниговскій, Сигизмундъ, князь Стародубскій; Матвѣй, бискупъ Виленскій, и Николай, избранный бискупъ Жмудскій (Мѣдницкій); Александръ (Олелько) Владиміровичъ, Иванъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Феодоръ Корибутъ, Юрій Лингвеневиць, Иванъ Святославичъ, Семень Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ, Михаилъ Ивановичъ, кievскій намѣстникъ, Григорій Семеновичъ и Иванъ Путята—князья изъ Литвы и Руса; бароны Литвы: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Кристинъ Остикъ, каштелянъ Виленскій (въ актѣ неправильно: *capitaneus*), Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Михаилъ Кезгайло (въ актѣ: *Skirgall*), староста Жмудскій, Янъ Сунигайло (въ актѣ: *Swidrigal*), каштелянъ Троцкій, староста Ковенскій; какой-то *Wiowe* Бартошевиць (*Bratoschec*), Янъ Немиръ (въ актѣ: *Weumier*), Михаилъ *Waszusz*, Юрій Бедигольдъ, староста Подольскій, Румбольдъ—Витебскій, Янъ Бутримъ—Смоленскій, Товтко Полоцкій; мар-

²¹⁾ *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIII, p. 274.*

шалокъ дворный Петръ, намѣстникъ Солечницкій Александръ Монтовтъ, Дорсунишскій (Durazenevis) Ивашко Гаштольдъ (Guzald), Городенскій Михаилъ Монтвидъ, Янъ Грихальдъ ²²⁾. Разбирая этотъ перечень, мы видимъ, что въ заключеніи договора съ нѣмцами принимали участіе все тѣ же классы литовско-русскаго общества, которые играли крупную роль въ поправкахъ уніи 1385 г. и послѣ разгрома областныхъ князей заняли первое мѣсто подлѣ великаго князя, то-есть, второстепенные литовско-русскіе князья и первостепенные литовскіе бояре. Изъ князей сравнительно крупнымъ владѣльцемъ былъ Свидригайло, незадолго предъ тѣмъ получившій отъ Витовта Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Трубчевскъ ²³⁾. Остальнымъ принадлежали маленькія княжества: Александру Владиміровичу Слуцкъ, брату его Ивану ²⁴⁾—Бѣлая въ Смоленской землѣ, Андрею Владиміровичу—имѣнья по близости отъ Слуцка, Семену Ивановичу съ братомъ Михаиломъ—Гольшаны; кн. Ивану Семеновичу, Григорію Семеновичу и Ивану Путятѣ—Друцкъ; кн. Юрій Лингвевьевичъ жилъ еще, вѣроятно, при отцѣ въ Мстиславлѣ; кн. Ѳеодоръ Корибутовичъ и Иванъ Святославичъ Смоленскій, шурины Витовта, едва ли не находились на изживеніи сего послѣдняго ²⁵⁾. Большинство должностныхъ лицъ великаго княжества, фигурирующихъ въ договорномъ актѣ 1422 года, являются все изъ того же круга знатнаго литовскаго боярства, которое и прежде выступало на политической аренѣ.—На слѣдующій годъ послѣ заключенія мира при озерѣ Мельнѣ литовскіе паны радные (consiliarii) вмѣстѣ съ Витовтомъ и польскими панами пріѣзжали въ Велюнь для заключенія дополнительнаго трактата съ уполномоченными Ордена и проведенія границъ между Польшею и Литвою съ одной стороны и Орденомъ съ другой согласно договору ²⁶⁾.—Лѣтомъ 1424 литовскіе паны участвовали въ общемъ польско-литовскомъ сеймѣ въ Сѣрадзи, на которомъ выработывались различныя мѣропріятія противъ распространенія гусситской ереси въ Польшѣ и Литвѣ. Сеймъ этотъ отличался, если судить по

²²⁾ *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115. Актъ напечатанъ или по неисправной или по плохо разобранной рукописи. Мы старались, по возможности, исправить чтеніе именъ, сообразуясь съ другими современными и позднѣйшими актами.

²³⁾ *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 65.

²⁴⁾ Иванъ ошибочно въ договорѣ 1422 года названъ Казимировичемъ.

²⁵⁾ *Wolffa* Kniazowie litewsko-rusey, str. 3, 59, 61, 96, 97, 263, 327, 337, 405, 459, 461.

²⁶⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 314.

эдикту его постановлений, экстраординарною полнотою. На немъ присутствовали прелаты, князья, паны и разные сановники (*proceres*) шляхта, бояре и земяне, слуги (*homagiales, vasalli*), мѣщане и посполство (*communitates*). Трудно сказать, въ какой мѣрѣ дѣйствительность соотвѣтствовала этому перечню, и въ какой степени этотъ перечень опредѣлился редакціоннымъ стремленіемъ придать эдикту особую обязательность и силу. Во всякомъ случаѣ участіе прелатовъ, князей, пановъ и шляхты на этомъ сеймѣ является несомнѣннымъ ²⁷⁾.—Литовская боярская знать участвовала и въ общемъ польско-литовскомъ сеймѣ (*conventio generalis*), собиравшемся осенью 1425 года въ Берестѣ Литовскомъ. Сюда съѣзжались, по словамъ Длугоша, Ягайло и Витовтъ съ прелатами, князьями, панами и боярами Польши и Литвы (*praelati, principes, barones, bojari*). Сеймъ собирався для суда надъ Мазовецкимъ княземъ Земовитомъ, который сталъ оказывать непослушаніе королю ²⁸⁾.

Всѣ эти факты въ общей сложности показываютъ, что высшее литовское боярство являлось постояннымъ участникомъ разнообразныхъ собраній, устранившихся для рѣшенія важныхъ государственныхъ вопросовъ Ягайломъ и Витовтомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ собраній по количеству участвовавшихъ въ нихъ лицъ были несомнѣнно *сеймами*, т. е. чрезвычайными съѣздами всѣхъ или большинства лицъ, имѣющихъ власть и значеніе въ обществѣ. На этихъ собраніяхъ съ литовской стороны участвовали и другіе общественные элементы—князья, высшее духовенство, а изрѣдка даже и мѣщане. Но постояннымъ и главнымъ участникомъ ихъ является знатное литовское боярство. Видно, что оно выросло и окрѣпло, какъ общественная сила, и сдѣлалась устойчивымъ факторомъ политической жизни страны. Въ этомъ отношеніи знатное литовское боярство, по всѣмъ признакамъ, начинало брать верхъ даже надъ литовско-русскими князьями. Послѣдніе также участвовали въ рѣшеніи различныхъ важныхъ вопросовъ государственной жизни, но гораздо рѣже, чѣмъ знатное литовское боярство. По мѣсту своего жительства большинство князей было болѣе удалено отъ государственнаго центра и развивавшейся въ немъ политической жизни, чѣмъ знатное литовское боярство. Разбросанные по своимъ имѣньямъ и сосредото-

²⁷⁾ Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCLV. Въ концѣ эдикта именно прелаты, князья, паны и шляхта заявляютъ, что настоящими постановленіями они не имѣютъ въ виду нарушить въ чемъ-нибудь или умалить свои земскія права. Ср. Monumenta medii aevi, tomus XII, № 147.

²⁸⁾ Dlugosz, Opera omnia, tomus XIII, p. 335.

чившіеся главнымъ образомъ на судебно-административной и хозяйственной дѣятельности въ своихъ имѣніяхъ, литовско-русскіе князья въ большинствѣ сравнительно мало имѣли дѣла съ центромъ и съ производившеюся въ немъ и около него правительственною дѣятельностью; мало имѣли и взаимнаго единенія и общихъ интересовъ. Прошло то время, когда великій князь Литовскій держалъ всѣ земли своего государства при помощи родственныхъ князей и сообщая съ этими родственниками и вершилъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Эта система оказалась, какъ мы уже говорили, неудобною и великій князь Литовскій сталъ держать земли великаго княжества главнымъ образомъ при помощи своихъ намѣстниковъ изъ знатнаго литовскаго боярства, которое въ трудную минуту оказало ему поддержку. Князьямъ же родственникамъ предоставлены были сравнительно небольшія волости, и притомъ не столько въ общегосударственныхъ интересахъ, какъ ранѣе давались князьямъ области, сколько въ ихъ личныхъ, для прокормленія ихъ. По этимъ владѣніямъ, разбросаннымъ по отдаленнымъ областямъ государства, Гедминовичи естественно стали соединяться не столько съ тѣмъ, что группировалась вокругъ великаго князя, сколько съ окружающими ихъ мѣстными землевладѣльцами, среди которыхъ не мало было также князей другихъ династій. Нѣкоторые изъ Гедминовичей позже прямо низшли на положеніе титулованныхъ землевладѣльцевъ областей великаго княжества и, какъ таковые, получили извѣстное мѣсто въ ихъ политической организаціи. Таковы были, напр., кн. Сапгушки, потомки кн. Федора Ольгердовича, кн. Чорторыйскіе, потомки Константина Ольгердовича, и кн. Корецкіе, потомки кн. Александра Патрикевича (Наримунтовича),—крупные землевладѣльцы Волынской земли, ходившіе съ своими отрядами въ ея ополченіи, участвовавшіе въ мѣстныхъ «соймахъ» и державшіе высшіе уряды въ этой землѣ²⁹⁾. Но если литовско-русскіе князья при Витовтѣ рассыпались по областямъ, литовская боярская знать, наоборотъ, сбивалась по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ центру, около котораго сосредоточивалось и ея землевладѣніе, и, все болѣе и болѣе сближаясь въ этомъ центрѣ и проникаясь общими интересами и стремленіями, выростала въ первенствующую послѣ великаго князя политическую силу.

При Ягайлѣ и Витовтѣ въ рядахъ правительственнаго класса великаго княжества Литовскаго нашло себѣ мѣсто и высшее католическое духовенство, т. е. «князья бискупы». Католическое епископство

²⁹⁾ О князьяхъ русской династіи и говорить нечего: тѣ издавна связаны были болѣе съ областями, чѣмъ съ центромъ.

учреждено было, какъ извѣстно сначала въ Вильнѣ (въ 1387 г.), потомъ во Владимірѣ на Волини (номинально католическое епископство учреждено было здѣсь еще въ 1375 году, но фактически существовало съ конца XIV или начала XV в.: первый епископъ Григорій упоминается подъ 1404 г.), затѣмъ въ Кіевѣ (первый епископъ Бориславъ упом. подъ 1405 г.) и наконецъ въ Мѣдникахъ въ землѣ Жмудской, въ 1417 г.; вмѣсто Владимірскаго въ 1429 году было учреждено епископство Луцкое ³⁰⁾. Католическіе епископы въ Польшѣ пользовались въ то время громаднымъ значеніемъ въ обществѣ и государствѣ. Они принадлежали къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся притомъ всевозможными изытіями отъ государственныхъ податей и повинностей, занимали первое мѣсто въ королевскомъ сенатѣ и принимали живѣйшее участіе въ политической жизни страны, можно сказать, давали ей общій тонъ и направленіе ³¹⁾. Уряжая великое княжество Литовское по образцу Польши, распространяя въ немъ католическую вѣру, Ягайло и Витовтъ постарались естественно поставить и новоназначенныхъ католическихъ епископовъ въ положеніе, приличествующее ихъ высокому сану и соотвѣтствующее положенію польскихъ епископовъ. Католическіе «бискупы» въ великомъ княжествѣ получили къ своимъ каѳедрамъ большія имѣнья ³²⁾ съ освобожденіемъ ихъ населенія отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей, въ томъ числѣ и отъ подсудности великому князю и его урядникамъ ³³⁾. Такимъ обра-

³⁰⁾ *Нагельскаю* Русско-ливонскіе акты, № CXI; *Scarbiec diplomatów*, tom I, № 538. 856; *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № CCCXX, DCCXLIII, DCCCXLV; tomus XII, № 89; *М. В. Довнаръ-Запольскаю* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5; *И. Чистовича* Очеркъ исторіи западно-русской церкви, ч. I, стр. 46. Спб. 1882.

³¹⁾ *А. Prochaski* Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiellonów, str. 20—22 (Особне odbicie z tomu XXXVIII Rozpraw Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie); *М. Во-брыньскаго* Dzieje Polski w zarysie, tom I, str. 258—312. Kraków 1887.

³²⁾ *Дługosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 536; *Scarbiec diplomatów* I, № 538, 540; *М. В. Довнаръ-Запольскаю* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5; *Кс. Биск. Wołoncewskiego* Biscopstwo żmudzkie, str. 27—29. Kraków 1898.

³³⁾ *Scarbiec diplomatów*, I, № 540; *Сtrykowski* Kronika, tom. II, str. 80—81: od wszelkich podatków, serepczn, podwód, wyprawy wojennej, strażej, opravowania mostów, dziaków i wszelkich inszych, ktorychkolwiek powinności świeckich. Имѣнья каѳедры Луцкой были освобождены отъ всѣхъ повинностей и податей, за исключеніемъ *боловщинъ*, которую епископскіе крестьяне

зомъ, католическіе епископы сдѣлались крупными землевладѣльцами съ княжескими правами на своихъ имѣніяхъ и даже безъ тѣхъ обязанностей, которыя несли въ пользу государства князья. Все это, помимо ихъ относительной образованности и духовнаго авторитета, придавало имъ большой вѣсъ въ обществѣ и государствѣ. Въ совѣтѣ великаго князя имъ отведено было почетное мѣсто, и они сдѣлались обычными участниками правительственныхъ актовъ, исходившихъ стъ великаго князя и его совѣта. Такимъ образомъ, напр., въ 1407 г. Витовтъ совершилъ мѣну имѣніями съ Виленскою капитулою въ присутствіи Григорія, бискупа Владимірскаго, Николая, избраннаго епископа Виленскаго, и пановъ: Миннигайла, Монивида, Румбольда и Видимина ³⁴); въ 1426 г. Витовтъ пожаловалъ войтовство въ Тыкотинскомъ мѣстѣ Петру съ Гумолка въ присутствіи Матвѣя, бискупа Виленскаго, Михаила, бискупа Кіевскаго, Гедигольда, воеводы Виленскаго, Яна или Явниса, воеводы Троцкаго, Якуба съ Кобылянъ и Ивашки, маршалковъ двора ³⁵) и проч. Въ тѣхъ случаяхъ, когда происходило общее польско-литовское совѣщаніе, литовскіе католическіе бискупы занимали мѣста между бискупами польскими, подобно тому, какъ свѣтскіе литовскіе сановники занимали мѣста среди польскихъ пановъ ³⁶). Церковные интересы, землевладѣніе и государственная дѣятельность очень рано сблизили католическихъ бискуповъ тѣснѣе всего именно съ литовскимъ знатнымъ боярствомъ, съ которымъ вмѣстѣ они и стали именоваться *панами* духовными и свѣтскими (*domini spirituales et saeculares*). Очень рано оба эти класса стали сплетаться другъ съ другомъ и генеалогическими связями; въ бискупы стали попадать люди изъ среды литовскихъ пановъ или шляхты; второй, напр., Жмудскій епископъ—Николай вышель, по видимому, изъ литовскаго шляхетскаго рода Держковичей ³⁷).

Что касается мѣщанства, то его участіе въ политической жизни страны было, можно сказать, ничтожнымъ. Изъ мѣщанъ только Впленскіе, среди которыхъ было не мало богатыхъ и вліятельныхъ купцовъ изъ нѣмцевъ и русскихъ, представляли болѣе или менѣе значительную

должны были платить в. князю. См. Акты литовско-русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5.

³⁴) Scarbiec diplomatów I, № 856.

³⁵) Scarbiec diplomatów II, № 1427.

³⁶) См., напр., перечень пановъ радныхъ, участвовавшихъ въ заключеніи сознаго договора съ королемъ датскимъ Эрикомъ 15 июня 1419 года. Monumenta medii aevi, tomus VI, № DCCCXLV.

³⁷) Wolonczewski, str. 29; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 45.

общественную силу. Это обнаружилось съ полною ясностью еще въ событіяхъ 1382 года, предшествовавшихъ вторичному утвержденію Ягайла на великомъ княженіи. «Мѣстичи» Виленскіе, въ частности «Ганюлева чадь», въ отсутствіе Кейстута, отправившагося противъ князя Новгородъ-Сѣверскаго Дмитрія-Корибута, «засѣли» Вильно для Ягайла³⁸⁾. Во вниманіе къ этимъ услугамъ и для преуспѣянія своей столицы Ягайло, даруя въ 1387 году высшему литовскому боярству права польской шляхты, счелъ справедливымъ и необходимымъ пожаловать и столичныхъ мѣщанъ правами польскихъ мѣщанъ, т. е. самоуправленіемъ по магдебургскому праву³⁹⁾. Позже, когда стали собираться общіе польско-литовскіе сеймы, въ виду того, что на этихъ сеймахъ участвовали иногда представители наиболѣе значительныхъ польскихъ мѣстъ⁴⁰⁾, и съ литовской стороны стали приглашаться къ участию въ нихъ Виленскіе мѣщане. Но это участіе было сравнительно рѣдкимъ и едва ли активнымъ среди подавляющаго большинства, набравшагося изъ среды военно-служилаго класса.

Итакъ, на мѣсто главныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ великаго князя, занимавшееся прежде князьями, при Витовтѣ стали знатные литовскіе бояре. вмѣстѣ съ этою перемѣною и политическое преобладаніе собственной Литвы въ составѣ земель великаго княжества Литовскаго опредѣлилось еще рѣзче и сильнѣе почувствовалось, чѣмъ прежде. Пока въ областяхъ были собственныя княженья, а общегосударственныя дѣла вершились великимъ княземъ по совѣту и согласію съ областными князьями, это политическое преобладаніе собственной Литвы не било рѣзко въ глаза. Областные князья Гедиминовичи нерѣдко проникались мѣстными интересами и привязанностями, берегли самобытность областей и въ общіе совѣты вносили не только свои личные голоса, но и голоса мѣстнаго правящаго класса, подчиненныхъ

³⁸⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 31. Этотъ самый «Ганюль» сдѣлался поэтому приближеннымъ лицомъ при Ягайлѣ и Скиргайлѣ и присутствовалъ вмѣстѣ съ князьями въ ихъ совѣтѣ. При подтвержденіи 1382 г. перемирія съ Орденомъ и совершеніи въ его пользу дарственнаго акта на Жмудь, кромѣ Ягайла и Скиргайла, были князья Корибутъ, Лингвеній, Коригайло, Вигантъ, Свидригайло, «und Hannike bürger zcur Wilne unser getruwer dyner». См. *Raczyńskiego Kodex dyplomatyczny Litwy*, стр. 57, 58, 61.

³⁹⁾ Scarbiec diplomatów, tom I, № 541.

⁴⁰⁾ Участіе мѣщанства въ польскихъ сеймахъ XIV и первой половины XV в. было довольно частымъ явленіемъ. См. *A. Prochaski Geneza i rozwój parlamentaryzmu*, стр. 36, nota I; стр. 44—46, 134.

ить князей и бояръ, съ которыми они думали свои думы ⁴¹⁾. Иное стало, когда области потеряли своих князей и стали болѣе, чѣмъ прежде, зависѣть отъ центральной власти, когда эта власть стала посылать для управленія ими литовскихъ пановъ и съ этими же панамн преимущественно рѣшать общегосударственные вопросы. При такихъ условіяхъ политическое преобладаніе собственной Литовской земли началось превращаться уже въ настоящее господство. Послѣдовавшія послѣ смерти Витовта общественно-политическія движенія въ вѣдрахъ великаго княжества Литовскаго привели сначала къ смягченію, а потомъ и къ извѣстному ограниченію политическаго господства собственной Литвы, что въ свою очередь сказалось и въ измѣненіи состава изучаемаго учрежденія, т. е. литовско-русскаго сейма.

§ 2.

Порядокъ вещей, утверждавшійся въ Литовско-Русскомъ государствѣ со времени Городельской унии со всѣми сопровождавшими его послѣдствіями, долженъ былъ породить и накапливать въ русскихъ людяхъ великаго княжества непріязненные къ себѣ чувства. Высшее боярство русскихъ областей, состоявшее изъ православныхъ людей, не могло быть довольно прямымъ исключеніемъ его отъ тѣхъ правъ и вольностей, которыя пожалованы были высшему литовскому боярству, состоявшему изъ католиковъ, не могло быть довольно и устраненіемъ его отъ высшихъ государственныхъ должностей и отъ участія въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ ⁴²⁾. Фактическое же предпочтеніе, оказывавшееся въ этомъ отношеніи высшему литовскому боярству, должно было по временамъ задѣвать непріятно и многочисленныхъ литовско-русскихъ князей, которые не стояли въ такомъ приближеніи къ Витовту, какъ знатные литовскіе бояре, или «паны», и во всякомъ случаѣ возбуждать во многихъ изъ нихъ чувства зависти и ревности. Наконецъ, многихъ русскихъ людей должны были задѣвать за живое и посягательства на ихъ религіозную совѣсть, исходившія отъ правительства, состоявшаго изъ католиковъ. Извѣстно, что Витовтъ

⁴¹⁾ *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły. str. 45. n. 16.

⁴²⁾ Боярству русскихъ областей оставлены были его прежнія должности, или «волости», въ областяхъ. Объ этомъ можно заключать по тѣмъ даннымъ, которыя находимъ въ позднѣйшихъ источникахъ, главнымъ образомъ въ уставныхъ грамотахъ областей, начало которыхъ восходитъ къ Витовту. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 30—32, 37, 240, 242, 243, 248, 249, 254, 267—269, 274 и др.

вмѣстѣ съ Ягайломъ прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы соединить съ римскою церковью своихъ подданныхъ греческой вѣры и высылала съ этою цѣлью на Констанцскій соборъ митрополита Григорія Цамблака съ русскими епископами ⁴³⁾. Но пока былъ живъ Витовтъ, недовольнымъ трудно было что-нибудь сдѣлать противъ всего этого. Витовтъ опирался не только на собственную Литву, но и на Польшу. Онъ былъ не только замѣстителемъ Ягайла на Литвѣ, но и его главнымъ и авторитетнымъ совѣтчикомъ по управленію польскимъ королевствомъ, любилъ поляковъ, пользовался ихъ услугами въ управленіи Литвы и самъ въ свою очередь пользовался ихъ симпатіями и уваженіемъ ⁴⁴⁾. Въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ замѣшательствъ Витовтъ всегда могъ рассчитывать на поддержку короля Ягайла и поляковъ.

Только по смерти Витовта русскіе люди получили возможность дѣятельно вмѣшаться въ устроеніе какъ внѣшней судьбы, такъ и внутренней жизни государства въ своихъ интересахъ. Благопріятнымъ обстоятельствомъ для этого послужилъ разрывъ правящей литовской знати съ Ягайломъ и поляками. Этотъ разрывъ начался еще при жизни Витовта, которому поляки помѣшали короноваться королевскою короною. Вмѣстѣ съ Витовтомъ въ натянутыя отношенія къ полякамъ стала и правящая литовская знать, которая сочувствовала планамъ Витовта, клонившимся къ охраненію великаго княжества, какъ отдѣльнаго отъ Польши и равноправнаго съ нею государства, горячо поддерживала его въ этихъ стремленіяхъ и должна была почувствовать себя оскорбленною и униженною наравнѣ съ великимъ княземъ ⁴⁵⁾.—Самъ Витовтъ, какъ извѣстно,

⁴³⁾ *Барбашева* Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ его княженія, стр. 131, 132; *A. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 27—31.

⁴⁴⁾ *A. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 26, 27, 29, 30; *Długosz, Opera omnia*, tomus XIII, p. 348, 365.

⁴⁵⁾ Польскій представитель на имперскомъ германскомъ сеймѣ 1430 года прямо указывалъ на то, что на коронаціи наставляли Витовтъ и литовскіе презаты, князья, паны и бояре шляхта, что это — общее ихъ дѣло. «*Nichilominus, —* говорилъ онъ, — *prefati dominus dux Alexander alias Wythowdus necnon prelati principes barones, bojari et nobiles terre Lithvanie etc, dictis eorum sponsionibus et promissionibus ut creditur obliti, preter et contra voluntatem dicti domini Wladislai regis Polonie suorumque regnicolarum, apud illustrissimum principem dominum Sigismundum regem Ungarorum, ut dicitur electum in regem Romanorum. institerunt ac instituunt, ut in dictis terris Lithvanie ad ipsum dominum Wladislaum regem Poloniae et ad suum regnum predictum spectantibus, regnum erigeret et dictum dominum Alexandrum alias Vitoldum in regem crearet et decerneret coronari*» и т. д. (*Monumenta*

передъ самую смертью († 27 окт. 1430 г.) помирился съ поляками и торжественно объявилъ Ягайлу, что возвращаетъ ему обратно изъ рукъ въ руки полученное отъ него великое княжество ⁴⁶⁾. Но не помирились съ Ягайломъ и поляками бывшіе совѣтники и сотрудники Витовта. Имъ вовсе не хотѣлось, чтобы великое княжество перешло подъ управленіе польскаго короля и такимъ путемъ утратило свою особность и самобытность. Поэтому они поспѣшили сблизиться съ русскими князьями и боярами и привлечь ихъ къ рѣшенію конфликта съ Ягайломъ и поляками. Эти князья и бояре во множествѣ наѣхали въ Вильну отчасти на предполагавшуюся коронацію Витовта, отчасти на зовъ Свидригайла, который хотѣлъ опереться на нихъ въ своемъ стремленіи получить великое княженіе. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, какъ только умеръ Витовтъ, польскіе паны, находившіеся при Ягайлѣ, начали настаивать, чтобы Ягайло никому не отдавалъ великаго княженія, а взялъ бы его въ свои руки. Но земли Руси и Литвы не захотѣли принять самого Ягайла на великое княженіе, указывая на то, что онъ уже покинулъ ихъ, принимая корону польскую ⁴⁷⁾. Русскіе люди выставили своего кандидата, который уже около тридцати лѣтъ тщетно добивался великаго княженія, — князя Свидригайла Ольгердовича. Къ нимъ примкнули и литовцы, не желавшіе стоять особнякомъ противъ поляковъ.

Свидригайло вмѣстѣ съ другими князьями и боярами пріѣхалъ въ Вильну на предполагавшуюся коронацію Витовта. Когда Витовтъ серьезно заболѣлъ, Свидригайло, по словамъ Длугоша, поднялъ голову и сталъ еще при жизни Витовта агитировать въ пользу своего избранія на великое княженіе, чѣмъ не мало огорчилъ умирающаго Витовта ⁴⁸⁾. Ему собственно надо было расположить въ свою пользу только литовскихъ пановъ, ибо русскіе князья и бояре были уже на его сторонѣ. Среди нихъ Свидригайло уже давно сталъ популярною личностью. Судьба много разъ бросала Свидригайла съ одного конца Литовско-

medii aevi, tomus XII, № 179). И Витовтъ въ письмахъ къ Ягайлу и полякамъ разсматривалъ ихъ поведеніе въ вопросѣ о коронаціи, какъ униженіе и порабощеніе его самого и литовскихъ бояръ, заявлялъ, что съ ними онъ совѣтуется, какъ бы избѣжать этого униженія и порабощенія (Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXLV, MCCCCLIII).

⁴⁶⁾ *Długosz*, Opera omnia. tomus XIII, p. 414; Monumenta medii aevi, tomus XII, № 191; Scriptorum rerum prussicarum, tomus III, p. 494.

⁴⁷⁾ Monumenta medii aevi, tomus XII, № 208.

⁴⁸⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 414.

Русскаго государства на другой, изъ одной области въ другую. Но больше всего пришлось ему имѣть дѣла съ русскими людьми великаго княжества. При самомъ началѣ великокняженія Витовта, въ 1392—1393 г. онъ самовольно вокняжился въ Витебскъ, откуда былъ прогнанъ Витовтомъ. Помирившись съ Ягайломъ и Витовтомъ, онъ получилъ отъ нихъ около 1398 года княженъе на Подольѣ, въ восточной его части. Здѣсь онъ пробылъ не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ, и въ 1402 году былъ уже въ Пруссіи, въ качествѣ претендента на великое княженіе, хлопотавшаго о помощи Ордена. Послѣ примиренія съ Ягайломъ и Витовтомъ, Свидригайло вторично получилъ восточное Подолье, а въ 1408 году переведенъ былъ въ Черниговскую область, на княженъе въ Стародубъ и Брянскъ. Отсюда онъ въ самомъ скоромъ времени ушелъ въ Москву. Воротившись въ Литву и помирившись съ братьями, Свидригайло снова завелъ тайныя сношенія съ Орденомъ, за что попалъ въ Кременецкій замокъ, гдѣ просидѣлъ около восьми лѣтъ. Года два послѣ освобожденія изъ Кременца онъ скитался на чужбинѣ, а затѣмъ, въ 1420 году, получилъ отъ Витовта Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Трубчевскъ ⁴⁹⁾. За время ихъ скитавій и перемѣнъ Свидригайло приобрѣлъ множество пріятелей и друзей между русскими князьями и боярами. Неумоимо стремясь къ великокняжескому престолу, Свидригайло заискивалъ у всѣхъ и дружилъ со всѣми, кто могъ быть ему полезнымъ. Русскихъ людей онъ привлекалъ къ себѣ своею щедростію, гостепримствомъ и расположеніемъ, какое оказывалъ ихъ вѣрѣ и обрядамъ, несмотря на то, что самъ оставался все время католикомъ, и повидимому вполнѣ искреннимъ ⁵⁰⁾. Неудивительно, поэтому, что русскіе люди горю стояли за Свидригайла и по временамъ жертвовали для него всѣмъ. Когда онъ, напр. въ 1408 г. бѣжалъ изъ Черниговской земли въ Москву, за нимъ послѣдовали владыка Брянскій, князья Патрикѣй и Александръ Звенигородскіе, Федоръ Александровичъ Путивльскій, Семень Перемышльскій, Михайлъ Хотетовскій, князь Урустай Минскій и бояре Черниговскіе, Брянскіе, Любуцкіе и Рославльскіе ⁵¹⁾. Въ то время, когда онъ сидѣлъ въ заключеніи въ Кременцѣ, его навѣщали постоянно русскіе князья и бояре. Эти же князья и бояре и освободили его въ концѣ концовъ изъ заключенія. Въ великую пятницу 1418 года князья Дашко, Александръ

⁴⁹⁾ *Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 50—65.

⁵⁰⁾ *Długosz, Opera omnia*, tomus XIII, p. 417; *Scarbiec diplomatów II*, № 1523; *Lewicki*, op. cit., str. 51.

⁵¹⁾ *Полн. Собр. Рус. Лѣт.* V, 257; VI, 136; VIII, 82.

Носъ и другіе вторглись въ замокъ, одолѣли мѣстнаго старосту, польскаго шляхтича Конрада Франкенберга, и вывели Свидригайла на волю ⁵³). Не только русскіе люди, но даже и литовское простонародье сочувствовало Свидригайлу: по донесенію нѣмецкихъ агентовъ изъ Литвы, простые люди заявляли постоянно, что они желали бы имѣть великимъ княземъ Свидригайла, а не Витовта, подъ управленіемъ котораго они сильно обнищали ⁵³). При такихъ условіяхъ литовскому панству не оставалось выбора, и оно *volens-potens* примкнуло къ Свидригайлу. Литовскіе и русскіе бояре, по свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, единодушно провозгласили его великимъ княземъ. Ягайлу въ виду этого ничего не оставалось дѣлать, какъ только дать свое согласіе, что онъ и выразилъ посылкою своего перстня Свидригайлу ⁵⁴).

Возведеніе на великое княженіе Свидригайла было крупнымъ ударомъ, нанесеннымъ жизнью уніи 1413 г. и положенію литовскаго панства, созданному этой уніею. Это возведеніе совершилось не только помимо воли Ягайла и польскихъ пановъ, но и съ участіемъ русскихъ людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельскимъ привилеемъ 1413 года. Собраніе, избравшее Свидригайла, не было сеймомъ польскихъ и литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты, а собраніемъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ, предвѣстникомъ позднѣйшаго «великаго вальнаго сойма» всѣхъ земель великаго княжества ⁵⁵). При этомъ ясно обнаружилось, что исключительность политическаго господства собственной Литвы въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, большая часть котораго была заселена русскими людьми, могла имѣть мѣсто только при тѣсномъ союзѣ собственной Литвы съ крупною внѣшнею силою и раздѣленіи общественныхъ силъ русскихъ областей. Но разъ собственная Литва теряла поддержку из-

⁵²) *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIII, p. 217.*

⁵³) *Monumenta medii aevi, tomus VI, № CMLXLIX: Ok ersame leve her meister,—писалъ динабургскій командоръ Ливонскому магистру,—so hebben se gehört von deme gemenen volke und geburen dat se Splyttergaglen lever to ereme herren hedden denne vyttowten, wente se clagen, dat se sere vorarmen bi desseme vorsten.*

⁵⁴) *Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 424; Dlugosz, Opera omnia, tomus XIII, p. 417.*

⁵⁵) Прусскій гротсейстеръ писалъ повѣренному Ордену въ Ригѣ: «По смерти же помянутаго князя Витовта. Литовскіе вельможи, съ общаго согласія всѣхъ князей и бояръ Русскихъ, избрали на великокняжескій престолъ Литовскій пресвѣтлѣйшаго князя Болеслава, иначе Свидригайла». См. *Коцебу* Свидригайло, стр. 105.

внѣ и становилась одинъ на одинъ съ подчиненною ей Русью, раз общественныя силы русскихъ областей такъ или иначе соединялись, то и судьбы великаго княжества должны были опредѣляться уже не исключительно одною Литвою, но Литвою и Русью вмѣстѣ, по общему ихъ согласію и рѣшенію.

Возведенный на великое княженіе при поддержкѣ русскихъ князей и боярь, Свидригайло опирался на нихъ и въ своей правительственной дѣятельности. Его «вѣрная рада» состояла не изъ однихъ только католиковъ-литовцевъ, но и изъ схизматиковъ, русскихъ. Онъ не держался того мнѣнія, что различіе вѣроисповѣданія можетъ порождать политическія разногласія и оглашеніе того, что должно храниться въ секретѣ⁵⁶⁾. Православные русскіе люди участвовали въ совершеніи всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ, исходившихъ отъ Свидригайла. Такимъ образомъ, напр., для заключенія оборонительно-наступательнаго союза съ Пруссимъ Орденомъ (19 іюня 1431 года) вмѣстѣ съ Свидригайломъ ѣздили въ Скерстомонь (Kirmemel) католическіе бискупы: Матвѣй Виленскій, Николай Жмудскій, Андрей Луцкій, и князья: Семень Ольгердовичъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Олелько Владиміровичъ, Ѳедоръ Корибутовичъ, Семень Ивановичъ, Михаилъ Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ и Путята Семеновичъ; паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, староста Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Явнисъ, воевода Троицкій, Сунгайло, панъ Троицкій, Румбольдъ, маршалокъ земскій, Ходко Юрьевичъ, Петрашко Монтыгирдовичъ, намѣстникъ Новгородскій, Ивашко Гаштольдъ, маршалокъ дворный. Всѣ эти лица и перечисляются въ договорномъ актѣ, какъ сторона, какъ представители и уполномоченные великаго княжества⁵⁷⁾. Правда, что большею частью здѣсь мы встрѣчаемъ литовскихъ князей и боярь, старыхъ сотрудниковъ и приближенныхъ Витовта. Но въ рядахъ ихъ, кромѣ русскихъ князей, мы видимъ и русскихъ боярь, выслужившихся уже у Свидригайла, каковъ, напр., упомянутый Ходко Юрьевичъ. Этотъ Ходко Юрьевичъ, родоначальникъ пановъ Ходкевичей, поднялся въ ряды литовской аристократіи изъ кievскихъ боярь⁵⁸⁾.—

⁵⁶⁾ Этимъ мнѣніемъ, какъ извѣстно, мотивировано въ Городельскомъ привилеѣ 1413 г. исключеніе православныхъ людей изъ государственныхъ совѣщаній. *Zbiór praw litewskich*, str. 15.

⁵⁷⁾ *H. Hildebrand*, *Liv-Est-und Curländisches Urkundenbuch*, B. VIII, № 462. Riga, Moscau 1884.

⁵⁸⁾ Древняя Россійская Вивлюнка, томъ XV, № 2: *Bonieckiego Poczet rodów*, str. 20, 21.

Прелиминарный договоръ, заключенный 8 сентября того же года съ поляками подъ Луцкомъ, скрѣпили своими печатями князья: Сигизмундъ Кейстутъевичъ, Олелько Владимировичъ, Юрій Лингвеневиичъ, Иванъ Владиміровичъ, Семко Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ, Ивалъ Путята, Василій Семеновичъ, и паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, воевода Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Яшко (Янъ) Мони-видовичъ, Ходко Юрьевичъ, Петрашъ Монтыгирдовичъ, Евлашко Дев, нетовичъ, Шедиборъ Волимунтовичъ, Судимонтъ Доржевичъ, Андрей Немировичъ (Niewogowicz), Монтовтъ, Монтримъ, Юрій Сольдовичъ (Soldowicz) Довгаль, хоружій Виленскій, Ягайло Gedoroskowicz (?), Судивой Волимунтовичъ, Тальятъ Вежгайловичъ (Wugayłowicz), Андрей Саковичъ, Нацко Квинвиловичъ (Giniwolowicz), Васко Довойновичъ, Яшко Корсаковичъ, Некрашъ Бутвидовичъ⁵⁹⁾. Все это также большею частью лица изъ литовской правительственной знати. Но, какъ видно изъ письма Ягайла къ магистру Прусскому, въ заключеніи договора принимали участіе князья и бояре не только литовскіе, но и русскіе, приславшіе къ Ягайлу парламентаровъ Андрушка Немировича и Рагозу для начатія переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи мира⁶⁰⁾. Перечисленныя же лица попали въ актъ договора не потому, что они одни участвовали въ его совершеніи, а потому, что только у нихъ нашлись съ собою печати.—Прелиминарный договоръ, заключенный подъ Луцкомъ, устанавливалъ новый съѣздъ польскихъ и литовскихъ уполномоченныхъ на Срѣтеніе Господне будущаго 1432 года между Берестьемъ и Парчовомъ. На этотъ съѣздъ, по извѣстію Длугоша, Свидригайло отправлялся не только съ литовскими, но

⁵⁹⁾ Supplementum ad historica Russiac monumenta, № CXVIII. Petropoli 1848.

⁶⁰⁾ *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 252—254: *Notificamus, писалъ Ягайло магистру, quomodo ejusdem Ducis nuncii videlicet Andruschko Nyemyrowycz et Bahosa milites die hesternâ ut prefertur ad nos uenientes uigore litterarum credencialium ex parte et nomine predicti ducis ac ceterorum Ducum et Boyarorum Magni Ducatus Littwanie et Russie petierunt Maiestatem nostram requirentes, quatenus ex utra parte in duodecim Consiliarios compromittere ipsorumque decisioni, discussioni et arbitrio stare et consentire dignemur*“. *Bagosa* въ настоящемъ мѣстѣ ошибоч. ви. *Rajosa*, какъ это оказывается изъ сравненія съ актомъ поручительства, даннымъ литовскими и русскими боярами за пановъ Петра Гаштольда, Протаса, Кореяву, Станислава и Першка попавшихся въ плѣнъ къ полякамъ. См. *Monumenta medii aevi*, tomus II. № LXXIII, LXXV.

и съ русскими боярами (cum suis bojaris Lithuanis et Ruthenis)⁶¹⁾. Еще яснѣе обозначается участіе русскихъ людей въ подтвержденіи договора съ Орденомъ въ 1432 году 15 мая. Договоръ этотъ обязались соблюдать и всячески содѣйствовать его выполненію князья: Иванъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Иванъ Путята Семеновичъ, Василій Семеновичъ (его братъ), Глѣбъ Киндеровичъ, Ѳедко Нессвицкій и паны (Маппе): Зиновой Братошичъ, Ивашко Монивидовичъ, Сакъ Тальятъ, Gudigort Волимунтовичъ, Шедиборъ Волимунтовичъ, Юшко Римовидовичъ, Довгяль Чижъ (Czysis), Андрей Саковичъ, Войнусъ Гедройтскій, Golgen Gostywoynowitz, Александръ Свирскій, Жыгмунтъ Дорктевичъ, Сакъ Дырмейтовичъ, Девелись Кимонтовичъ, Некрашъ Бутвидовичъ, Довмунтъ Волковичъ, Михайло Довгердовичъ, Юрій Кучукъ (Konschalk), Ивашко Коревиць, Иснадъ Шумоковичъ, Аврамъ Доброгостовичъ, Ивашко, Михайло Ясмановичъ, Ивашко Волотовичъ, Ананія Вашковичъ (Wyaschkowicz), Шило Кирдѣвичъ (Schidlo Kerdowicz), Иванъ Гулевичъ, Димитрій Непоковъ (Nepoakow), Александръ Полозовъ, Остафій Ѳедоровичъ, Іосифъ Synaw, Миколай Курейшовичъ, Веселый Корсакъ (Korsach), Ивашко Лававичъ, Григорій Патрикѣвичъ, Григорій Протасій, Sathar Jaschko, Хребеть (Threbet), Паць Гирдивидовичъ, Грицко Ясмановичъ, Андрейко Масковичъ, Волчко Строчевичъ, Васко Волчковичъ Скердо, судья земскій Дорогичинскій Насута, и мѣщане Виленскіе, Троцкіе, Жмудскіе, Кіевскіе, Черниговскіе, Владимірскіе, Луцкіе, Смоленскіе, Брянскіе, Витебскіе, Полоцкіе, Мценскіе, Новгородскіе, Брацлавскіе, Брестскіе, Ковенскіе, Дорогицкіе⁶²⁾. Перечень знакомыхъ намъ фамилій литовской боярской знати испещренъ здѣсь уже значительнымъ числомъ именъ русскихъ фамилій, изъ которыхъ нѣкоторые и позже занимаютъ видное положеніе въ областяхъ великаго княжества, каковы, напр., Шиловичи, Гулевичи (на Волини), Корсаковичи и Курейшовы (въ Полоцкой землѣ), Полозовичи (въ Кіевской землѣ)⁶³⁾ и т. д. Любопытнымъ является въ настоящемъ случаѣ участіе литовскихъ и русскихъ мѣщанъ, какъ общественныхъ элементовъ, на которые опирается Свидригайло. Впрочемъ, едва ли это участіе мѣщанъ не было вызвано стремленіемъ сообщить договору съ Орденомъ, такъ сказать, эквивалентную силу, ибо со стороны Ордена въ договорѣ участвовали, кромѣ должностныхъ лицъ (Kumpture, Voyte, Pflęgir) и ры-

⁶¹⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 470.

⁶²⁾ *Наньерскаго*. Русско-Ливонскіе акты, № ССXXXII.

⁶³⁾ *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 21; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 145, 251.

царей (Manne), также и города (Stete). Какъ бы то ни было, но участие русскихъ людей въ политической жизни центра при Свидригайлѣ является фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Свидригайло сталъ назначать русскихъ людей и на разныя должности, которыя согласно привилею 1413 года должны были отдаваться только литвинамъ-католикамъ. Такъ, на должность воеводы, или намѣстника, Витебскаго, которую при Витовтѣ занималъ Румбольдъ, Свидригайло назначилъ русскаго князя Василя Семеновича Краснаго (изъ Друцкихъ)⁶⁴); на должность старосты Луцкаго русскаго боярина Юршу⁶⁵); намѣстникомъ Мценскимъ при немъ былъ русскій бояринъ Григорій Протасій⁶⁶) и т. д. Въ январѣ 1432 года бискупъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій писалъ къ кардиналу Юліану Цезарини, что Свидригайло во всемъ слушается русскихъ схизматиковъ и роздалъ имъ почти всѣ важнѣйшія замки и уряды, чего не было при покойномъ Витовтѣ, ибо въ актахъ уни Литвы съ Польшею выразительно гарантировано, что русскіе схизматики не будутъ никогда держать замковъ на Литвѣ и не будутъ допускаться до государственныхъ совѣщаній⁶⁷).

Итакъ, политическій перевѣсъ отъ собственной Литвы сталъ уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Литовская правящая знать, чтобы удержать прибрѣтенную позицію, послѣшила примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великокняжескаго престола.

§ 3.

По донесенію одного изъ агентовъ Ордена великому магистру, низвергнувшіе Свидригайла воеводы и намѣстники жаловались, что онъ не имѣлъ надлежащаго почтенія къ римской вѣрѣ и тѣмъ болѣе ослаблялъ ее, что даже женѣ своей позволилъ жить по ея собственной волѣ и не по христіански; рассказывали, что жена его дошла до того, что издѣвалась надъ образомъ св. Георгія, присланнымъ ей въ

⁶⁴) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 85; Kniaziowie litewskoruscy, str. 58.

⁶⁵) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 436; Monumenta medii aevi, t. II, № LXXV.

⁶⁶) *А. Ковлеву* Свидригайло, великій князь Литовскій, стр. 222. Спб. 1835.

⁶⁷) Item etenim dux Switrigal in omnibus predictorum scismaticorum consiliis ducitur et uxorem eorum ritu viventem novissime duxit.. Quod in vita ducis Withandi noviter defuncti non fiebat, ymmo per expressum cautum fuit in litteris concordie inter regnum Polonie et ducatum Lythwanie

даръ отъ в. магистра ⁶⁸⁾). И преемникъ Свидригайла на великокняжескомъ столѣ-Сигизмундъ Кейстутевичъ въ письмѣ къ великому магистру объяснялъ низверженіе Свидригайла тѣмъ, что онъ не старался о распространеніи римской вѣры и благоволилъ болѣе къ греческой вѣрѣ, подъ влияніемъ своей жены, сестры князя Тверского ⁶⁹⁾). Конечно, все это были только благовидные предлоги, коими естественно старались оправдать свою измѣну Свидригайлу лица, устранившія его съ великаго княженія. Едва ли, напр., князя Александръ и Иванъ Владиміровичи (Ольгердовича), державшіеся греческой вѣры, принимали участіе въ низверженіи Свидригайла потому, что онъ благоволилъ болѣе къ греческой, чѣмъ къ римской вѣрѣ. Истинная и болѣе дѣйствительная причина переворота заключалась въ другомъ. По словамъ того же агента Ордена, литовскіе вельможи сверхъ неуваженія къ римской вѣрѣ ставили Свидригайлу въ вину испытанныя отъ него униженія и притѣсненія ⁷⁰⁾ Съ этимъ сходится и объясненіе, какое далъ перевороту въ своемъ разсказѣ о немъ Длугошъ ⁷¹⁾. Въ чемъ состояли эти униженія и притѣсненія литовскихъ вельможъ, на это прямой отвѣтъ даетъ на основаніи своихъ источниковъ Стрыйковский: Свидригайло допускалъ различныя жестокости по отношенію къ литовцамъ и болѣе благоволилъ къ русскимъ, которымъ раздавалъ уряды, по наущенію жены своей ⁷²⁾. Это объясненіе стоитъ весьма близко къ истинѣ, ибо подтверждается всѣми извѣстіями о характерѣ Свидригайла и его симпатіяхъ къ русскимъ, идущими отъ современниковъ ⁷³⁾. Если такъ, то, слѣдовательно, и низверженіе Свидригайла съ великокняжескаго престола было не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ литовской національно-политической реакціи противъ политическаго возвышенія Руси. Вѣроисповѣдныя мотивы выступали въ данномъ случаѣ только по тѣсной связи своей съ національно-политическими побужденіями.

facte, quod scismatici Rutheni nunquam castra in Lythwania tenere nec eciam ad consilium publicum et commune admitti debuerunt... Monumenta medii aevi, tomus XII, № 204.

⁶⁸⁾ А. Коцебу Свидригайло, стр. 142.

⁶⁹⁾ Scarbiec diplomatów II, № 1620.

⁷⁰⁾ Scarbiec diplomatów II, № 1622.

⁷¹⁾ Opera omnia, tomus XIII, p. 479, 480.

⁷²⁾ Kronika, tom II, str. 185.

⁷³⁾ Свидригайло, по словамъ Длугоша, былъ человекъ капризный и вспыльчивый, какъ вѣтеръ непостоянный и т. д. Opera omnia, tomus XIII, p. 417-

Такое пониманіе дѣла оправдывается и послѣдовавшими вслѣдъ за низверженіемъ Свидригайла событіями. Власть новаго великаго князя нашла себѣ скорое признаніе въ предѣлахъ собственной Литовской земли. На сторону его передались Вильна, Троки, Ковно, Городно и нѣсколько другихъ замковъ ⁷⁴⁾. Но почти вся Русь осталась вѣрна Свидригайлу, который изъ Полоцка, куда онъ бѣжалъ послѣ нападенія на него въ Опменѣ, писалъ магистру: «ежедневно къ намъ стекаются начальники и бояре изъ Смоленска, Витебска, Подолья и Луцка» ⁷⁵⁾. Свидригайло въ настоящемъ случаѣ не хвастался, ибо и агентъ Ордена доносилъ своему начальству, что всѣ русскіе вообще остаются при Свидригайлѣ ⁷⁶⁾. Такимъ образомъ Литва и Русь раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, и современный литовско-русскій лѣтописецъ довольно мѣтко изобразилъ тогдашнее положеніе дѣлъ, говоря, что Литва посадила на великое княженіе въ Вильнѣ и Трокахъ Сигизмунда Кейстутевича, а русскіе князья и бояре посадили Свидригайла на великое княженіе Русское ⁷⁷⁾.

Литовскіе вельможи отважились на государственный переворотъ, нарушавшій интересы большинства русскаго населенія великаго княжества, по подстрекательству Ягайла и польскихъ пановъ, которые обѣщались не только не мѣшать имъ въ этомъ дѣлѣ, но и оказывать прямую поддержку и помощь. При Свидригайлѣ великое княжество Литовское не только порвало свою унію съ Польшею, но выступило въ качествѣ соперника и врага Польши, стремившагося отнять у нея Подолье, которое Польша считала своимъ достояніемъ. Дѣло дошло до открытой войны между обоими государствами, тѣмъ болѣе опасной для Польши, что въ ней союзникомъ великаго княжества выступилъ Пруссійскій Орденъ. Поляки, такимъ образомъ, еще болѣе, чѣмъ литовскіе вельможи имѣли основаній быть недовольнымъ порядкомъ, порожденнымъ ихъ взаимною распріею и отчужденіемъ. Поэтому поляки при первомъ благоприятномъ случаѣ пошли на примиреніе и сближеніе съ литовцами. По разсказу Длугоша, Ягайло и поляки, прослышавъ о томъ, что литовцы сильно тяготятся Свидригайлѣ, дали тайное порученіе Зарембѣ, посланному въ Литву для переговоровъ съ Свидригайлѣ, войти въ сношенія съ литовскими панами и побудить ихъ къ низвер-

⁷⁴⁾ Scarbiec diplomatów II, № 1620.

⁷⁵⁾ *Hillebrand*, Urkundenbuch, Band VIII, № 624.

⁷⁶⁾ „Und die Rewssen gemeynlich bey im seyn bleben“. *Scriptores rerum prussicarum*, tomus III, p. 498.

⁷⁷⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 50.

женію Свидригайла. Заремба долженъ былъ отъ имени Ягайла завѣрить литовцевъ, что онъ не только ничего не будетъ имѣть противъ низверженія, но и окажетъ имъ затѣмъ всяческое содѣйствіе и помощь ⁷⁸⁾ Заремба успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, и Свидригайло въ ночь съ 31 августа на 1 сентября 1432 года подвергся внезапному нападенію въ Опшенѣ, которое заставило его бѣжать изъ Литвы въ Полоцкъ съ нѣсколькими панами, оставшимися ему вѣрными. Нападеніе на Свидригайла произвелъ Стародубскій князь Сигизмундъ Кейстутевичъ въ сообщничествѣ кн. Семена Ивановича Гольшанскаго, дяди и опекуна королевы Софьи, князей Александра и Ивана Владиміровичей, воеводы Новгородскаго Петрапа, Гаштольда и многихъ другихъ литовскихъ пановъ. Но главными организаторами заговора, по заявленію самого Свидригайла, были кн. Семень Ивановичъ и бискупъ Виленскій Матвѣй ⁷⁹⁾.

Послѣ низверженія Свидригайла литовцы очутились лицомъ къ лицу съ враждебною Русью, которая стояла за Свидригайла, и Ордемомъ, который не отказывалъ въ своей помощи Свидригайлу. Затруднительное положеніе, въ какое они попали, заставило ихъ покинуть старые счеты съ поляками и поскорѣе соединиться съ ними для полученія отъ нихъ помощи. Сигизмундъ Кейстутевичъ немедленно отправилъ посольство къ Ягайлу въ Люблинъ съ просьбою объ утвержденіи его великимъ княземъ на Литвѣ. Съ своей стороны Ягайло и поляки послѣдили воспользоваться случаемъ для восстановленія уніи великаго княжества съ короною Польскою. Король снарядилъ въ Литву торжественное посольство, которому далъ полномочія возобновить и подтвердить прежнія записи и документы, касавшіеся уніи обоихъ государствъ, поправить въ нихъ нѣкоторыя статьи, если то окажется нужнымъ, присутствовать при избраніи Сигизмунда на великое княженіе и дать на него согласіе отъ имени короля, а если Сигизмундъ уже выбранъ великимъ княземъ, подтвердить его въ этомъ званіи, церемоніально возвести его на престолъ и облечь властью (*intronizandi et investiendi*)⁸⁰⁾.

Въ началѣ октября 1432 г. польскіе уполномоченные съ Збигнѣвомъ Олесницкимъ во главѣ отправились въ Литву и прибыли въ Городно. Сигизмундъ выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу «со всѣми литовскими прелатами

⁷⁸⁾ Opera omnia, tomus XIII, p. 479, 480. Извѣстія, идущія со стороны Ордема, также приписываютъ инициативу въ дѣлѣ низверженія Свидригайла Ягайлу и полякамъ. См. *Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 328. nota 41.

⁷⁹⁾ *Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 147, 148, 328, nota 42, 43.

⁸⁰⁾ Monumenta medii aevi, tomus XII № 206.

и панамъ» (cum omnibus Praelatis et baronibus Lithuaniae)⁴¹⁾. Послѣ восьмидневныхъ переговоровъ польскіе уполномоченные заключили съ штовцами новый трактатъ уніи, въ основу котораго были положены, впрочемъ, прежніе договоры на этотъ счетъ. Сигизмундъ въ этомъ трактатѣ признанъ былъ великимъ княземъ, котораго Ягайло назначилъ пожизненно въ соправители (in partem sollicitudinis suae), по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ. Установлялось, что по смерти Сигизмунда великое княжество Литовское должно перейти къ королю Ягайлу, его намѣстникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ Троку и другихъ отчинныхъ владѣній Сигизмунда. Эти владѣнія переходятъ къ сыну его Михаилу и его законнымъ наслѣдникамъ, которые, однако, вмѣстѣ съ своими подданными должны повиноваться и служить королю, его преемникамъ, коронѣ Польской и будущимъ великимъ князьямъ Литовскимъ, подобно тому, какъ повинуются и служатъ и прочіе литовскіе и русскіе князья. Сигизмундъ отступался совершенно отъ Подолья, которое должно принадлежать Польшѣ; если поляки возьмутъ осаждавшійся ими замокъ Олеско, онъ будетъ принадлежать имъ, равно Ратно, Ветлы и Лопатинъ. Но Луцкъ, Владиміръ и другіе волынскіе замки по завоеваніи ихъ у Свидригайла поляки обязываются отдать Сигизмунду, который съ своей стороны обѣщается не отдавать эти замки никому, кто не присягнетъ и не дастъ записи, что будетъ служить ему вѣрно, а послѣ смерти его сдать ихъ королю Ягайлу или его преемникамъ въ Польшѣ. Сигизмундъ обязался никогда не покидать короля Ягайла, его преемниковъ и обывателей короны Польской и оказывать имъ помощь противъ нападеній враговъ, не требуя за то ничего, кромѣ необходимаго пропитанія для людей и пастбы для коней; въ особенности Сигизмундъ обязывался помогать совѣтомъ и дѣломъ противъ прусскихъ и ливонскихъ крестоносцевъ, разорвать всякія лиги съ ними и договорныя записи, сдѣланныя подъ давленіемъ Свидригайла. Въ заключеніе Сигизмундъ давалъ обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ на великомъ княженіи не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома, воли и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Въ исполненіи договора Сигизмундомъ и его преемниками дали ручательство отъ себя и за всѣхъ своихъ братьевъ, друзей и родичей— прелатовъ и бояръ-шляхту великаго княжества Литовскаго (de certa scientia, voluntate, mandato, ratihabitione et consensu aliorum omnium fratrum, amicorum et consanguineorum nostrorum praelatorum, boyaro-

⁴¹⁾ *Mugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 481.

gum et nobilium) бискупъ Виленскій Матвѣй, бискупъ Луцкій Андрей, князья Александръ и Иванъ Владиміровичи, Семень Ивановичъ, Федоръ Корибутовичъ; панъ Виленскій Остикъ, староста Жмудскій Михаилъ Кезгайло, воевода Троцкій Янъ, или Явнисъ, Зиновой Братошпичъ, маршалокъ Румбольдъ, Петрашъ Монтигирдовичъ, Гаптольдъ. Радивиль Остиковичъ, Гудигирдъ, Юрга, Нацко (Nacgus) Гинвилловичъ. Олехно Довойновичъ, Сакъ, хоружій Довгаль (Dorgal), Гойлимиръ Нардобовичъ *). Всѣ эти лица скрѣпили договоръ приложеніемъ своихъ печатей.

Такъ возстановлена была унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею. Это возстановленіе было дѣломъ литовскаго панства, которому разрывъ съ поляками сталъ угрожать потерю прибрѣтеннаго положенія. Источники опредѣленно указываютъ, что съ Сигизмундомъ въ Городнѣ находились литовскіе князья, паны и шляхта, которые участвовали въ переговорахъ объ уніи и тѣмъ присутствовали при торжественной интронизаци и инвеститурѣ Сигизмунда. Этотъ актъ совершенъ былъ въ тотъ же самый день, когда послѣдовало заключеніе уніи, т. е. 15 октября. Глава польскихъ уполномоченныхъ Збигнѣвъ Олесницкій отъ имени короля вручилъ Сигизмунду Кейстутевичу мечъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ лица папы объявилъ всѣмъ панамъ литовскимъ, русскимъ, жмудскимъ разрѣшеніе отъ присяги, которую они приносили Свидригайлу **).

Устраняя Свидригайла съ великаго княженія и возобновляя унію съ Польшею, литовскіе паны рассчитывали вмѣстѣ съ тѣмъ восстано-

*) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № ССХVII. Особымъ актомъ, составленнымъ того же 15 окт. 1432 года, Сигизмундъ отказался отъ всякихъ притязаній на Городло съ его повѣтомъ. Три дня спустя выдалъ грамоту сынъ Сигизмунда Михаилъ, коею обязывался соблюдать заключенный договоръ (Scarbiec diplomatów II, № 1632, 1633). Кроме того, по извѣстіямъ, идущимъ отъ прусскихъ нѣмцевъ, Сигизмундъ Кейстутевичъ обязался платить своему сюзерену ежегодную дань. Въ 1440 г. марта 14 маршалъ Ордена писалъ великому магистру: Ouch so hat uns derselbe knecht wol gesagt, wie das die Polen stargk beym grosfursten legen und vaste ab und zcu czihen und (er) sie sere kostlichen und gros pfleet zcu begoben, und manen von em huntert towsent schogk und sprechen, er habe dem konige zcu Polan edliche jar nicht seyne gerechtigkeit geben, also das sich der grossfurste wol edlicher masz dorin hat gegeben, dach nich gantcz dies (elb) uber sich genomen, sonder eyn teyls davon czu geben. *Bunge*, Urkundenbuch, B. IX, № 574.

**) *Strykowskiego Kronika*, tom II, str. 186.

вить и свое прежнее положеніе въ государствѣ. Это имъ удалось только отчасти. Русскіе люди оказались такою политическою силою, съ которою поляки и литовцы сочли за лучшее войти въ извѣстный компромиссъ. Результатомъ этого было уничтоженіе исключительности привилегій дарованныхъ высшему литовскому боярству въ 1413 году, распространеніе ихъ и на русское некатолическое боярство.

Уничтоженіе исключительности привилегій, дарованныхъ литовскому панству, по всѣмъ признакамъ, въ принципѣ рѣшено было въ Польшѣ, предъ отправленіемъ въ Литву уполномоченныхъ для возобновленія уніи. Ягайло и поляки хорошо понимали, что эта исключительность и породила оппозицію русскихъ князей и бояръ, которая, въ связи съ недовольствомъ самихъ литовцевъ, привела къ разрыву уніи великаго княжества съ Польшею. Для упроченія уніи необходимо было, чтобы она давала извѣстныя выгоды не одному только литовскому панству, но и русскимъ князьямъ и боярамъ великаго княжества. Этого можно было достигнуть распространеніемъ на русскихъ православныхъ князей и бояръ тѣхъ правъ и вольностей, которыя были пожалованы литовскимъ панамъ и боярамъ въ 1413 году. Поэтому Ягайло и поляки, отправляя своихъ пословъ въ Литву для возобновленія уніи, дали имъ полномочіе измѣнить нѣкоторыя статьи въ предшествующихъ записяхъ уніи. Въ силу этого полномочія польскіе послы въ тотъ же самый день, когда заключенъ былъ договоръ объ уніи, т. е. 15 октября, отъ имени короля Ягайла и съ согласія в. кн. Сигизмунда выдали привилей, коимъ русскіе князья и бояре (*principes, nobiles et bojari*), подданные Литовской земли, уравнивались въ правахъ съ католиками - литовцами. Имъ такъ же, какъ и литовскимъ князьямъ, панамъ и боярамъ гарантировалось неприкосновенное владѣніе отчинными и пожалованными имѣніями и право свободнаго распоряженія ими, съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей; давалось освобожденіе отъ всѣхъ повинностей, кромѣ постройки и ремонта укрѣпленій и военныхъ дорогъ и доставленія кормовъ проѣзжающему государю, его посламъ и гонцамъ; предоставлялось право брать у литовцевъ тѣ же самые гербы или клейноты, которые тѣ получили отъ польскихъ пановъ, а литовцамъ вмѣнялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства, по сношенію съ своими польскими одноклассниками (*habito cum illis fratribus sue geneologie de regno Polonie tractatu*). Въ привилей ясно обозначенъ и мотивъ всѣхъ этихъ уступокъ русской знати: дабы на будущее время не было между обоими народами раздѣленія или какого-нибудь неравенства (*dispendium*), коими можетъ наноситься ущербъ государству, но чтобы всѣ, утѣшенные одинаковыми милостя-

ми, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ. радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства и ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайла и брата его, великаго князя Сигизмунда⁶⁴).

Хотя въ привилеѣ прямо не указывалось на то, что русскимъ князьямъ и боярамъ предоставляется отнынѣ на ряду съ литовцами занимать важныя правительственныя должности и участвовать въ государственныхъ совѣщаніяхъ, но это разумѣлось само собою, вытекало изъ общаго положенія привилея, въ силу котораго русскимъ князьямъ и боярамъ предоставлялись тѣ же самыя права, какими пользовались и литовскіе князья, паны и бояре (*predictos principes nobiles et bojaros Ruthenorum eisdem graciis et libertatibus privilegiis et commodis gaudere et utifrui volumus quibus principes nobiles et bojari Lithuaniae pociuntur ac fruuntur*). Такимъ образомъ, привилей 1432 года, выданный уполномоченными короля Ягайла на сеймѣ литовской знати, устранялъ тѣ преграды, которыя ставилъ участію русскихъ бояръ въ политической жизни великаго княжества Литовскаго Городельскій привилей 1413 г., и открывалъ возможность государственныхъ совѣщаній съ участіемъ въ нихъ православныхъ русскихъ бояръ великаго княжества. Правда, что этотъ привилей относился собственно только къ такъ называемой Литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ и не распространялся еще на обывателей остальныхъ русскихъ областей великаго княжества. остававшихся вѣрными Свидригайлу, такъ что отъ него нельзя еще вести начало литовско-русскаго сейма въ обширномъ смыслѣ, или «великаго вальнаго сойма»; — но во всякомъ случаѣ онъ залагалъ въ государственную жизнь великаго княжества принципы, коими облегчилось установленіе этого учрежденія. Отъ уравниенія въ правахъ съ Литвою литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ былъ уже одинъ шагъ къ уравниенію въ правахъ и остальныхъ русскихъ земель. Этотъ шагъ очень скоро сдѣланъ былъ Ягайломъ по отношенію къ обывателямъ Луцкой земли. Когда король находился въ Львовѣ, къ нему явилась депутація отъ обывателей Луцкой земли съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ вѣчнаго подданства коронѣ Польской. Король принялъ это предложеніе и 30 октября 1432 года пожаловалъ князьямъ, прелатамъ, боярамъ и рыцарямъ земли Луцкой какъ римской, такъ и греческой вѣры, права и вольности, коими пользуются прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго, а мѣщанамъ право магдебургское, ко-

⁶⁴) *Monumenta medii aevi*, tomus XIV, № 17; *A. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły*, str. 155, 156.

имъ пользуются мѣщане Польскіе, жидамъ и армянамъ тѣ же самыя права, какими пользуются они и въ Польшѣ. Между прочимъ Ягайло общалъ не сносить церквей русскихъ греческаго закона и не превращать эти церкви въ костелы, не принуждать никого насильно къ переходу въ римскую вѣру, освобождалъ владѣльческихъ крестьянъ отъ доставленій кормовъ старостамъ, ограничивая эту повинность только на время пребыванія въ Луцкой землѣ самого короля ⁸⁵⁾ и т. д. Хотя этотъ привилей не вошелъ въ силу вслѣдствіе перехода обывателей Луцкой земли на сторону Свидригайла, во всякомъ случаѣ онъ является характернымъ предвозвѣстникомъ новаго положенія, которое готовились занять русскія области великаго княжества Литовскаго, и которое должно было отразиться перемѣнами и въ составѣ изучаемаго нами учрежденія. Если вѣрить извѣстію, занесенному въ такъ называемую Густынскую лѣтопись, король Ягайло въ томъ же 1432 году пожаловалъ и кievскимъ обывателямъ приблизительно тѣ же права, что и лудкииъ, въ частности гарантировалъ, что имъ не будетъ никакого насилья въ вѣрѣ, что никто не будетъ пакостить ихъ церквамъ и принуждать ихъ къ иной вѣрѣ ⁸⁶⁾. Это извѣстіе весьма правдоподобно, такъ какъ согласуется съ общимъ направленіемъ тогдашней польской политики, стремившейся задобривать русскихъ людей, разсѣвать въ нихъ предубѣжденія противъ возобновленія уніи съ Польшею и поваго великаго князя, выдвинутаго Польшею и католическою Литвою.

§ 4.

Недовѣріе русскихъ людей къ союзу великаго княжества съ Польшею и къ новому великому князю, выдвинутому Польшею и католическою Литвою, однако, прочно утвердилось въ нихъ, и они въ большинствѣ продолжали крѣпко держаться Свидригайла, несмотря на всѣ заискиванія поляковъ и Сигизмунда. Въ началѣ декабря 1432 года уполномоченный Ордена Людвигъ фонъ Ланзее доносилъ великому магистру, что русскіе цаны (*heren zu Rwsen*) находятся на сторонѣ Свидригайла и готовы съ нимъ жить и умереть ⁸⁷⁾. Свидригайлу оставались вѣрными земля Полоцкая, Витебская, Смоленская, Мстиславская, Чернигово-Сѣверская (здѣсь Сигизмунду удалось овладѣть только Брянскомъ), Кіевская, часть Волынской и восточное Подолье. Въ южной Руси интересы Свидригайла оберегали энергическіе и опытные въ во-

⁸⁵⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus II. № LXXXII.

⁸⁶⁾ *K. Stadnickiego Bracia Wł. Jagielly*, str. 134, nota 22.

⁸⁷⁾ *Hildebrand*, *Urkundenbuch*. B. VIII. № 650.

енномъ дѣлѣ люди — князь Оедько Несвицкій и воевода Кіевскій кн. Владиміръ. И на самой Литвѣ общественное настроеніе стало поворачиваться въ пользу Свидригайла. Въ первой половинѣ ноября агенты Ордена писали своему правительству, что «вся земля Литовская вопіетъ противъ поляковъ, и простолюдины говорятъ, что они покорились Сигизмунду, не зная, что Свидригайло живъ; многіе жители, оставивъ женъ и дѣтей, стекаются къ Свидригайлу»⁸⁸). Даже литовскіе паны, участвовавшіе въ низверженіи Свидригайла, начинали думать о его возвращеніи, и среди нихъ составилъ даже заговоръ противъ Сигизмунда. Гонецъ, отправленный заговорщиками къ Свидригайлу, былъ перехваченъ Сигизмундомъ и на пыткѣ выдалъ участниковъ заговора — воеводу Троцкаго Явнйса, марпалка Румбольда, пановъ Шедибора и Кезгайла. Первыхъ двухъ Сигизмундъ приказалъ умертвить, а Шедибора и Кезгайла посадилъ въ заключеніе⁸⁹). По всѣмъ признакамъ, часть литовскаго панства недовольна была уступками, сдѣланными полякамъ при возобновленіи уніи въ Городнѣ.

Все это въ общей сложности вызвало со стороны Свидригайла попытку вернуть себѣ великое княженіе. Съ своими приверженцами вступилъ онъ въ Литовскую землю, при чемъ города Борисовъ, Минскъ, Крево и другіе сдались ему безъ боя. Въ концѣ ноября онъ писалъ великому магистру изъ Опшмены, что по просьбѣ русскихъ и литовскихъ бояръ и вельможъ отправился онъ въ отеческое наслѣдіе свое въ Литву, гдѣ многіе города и крѣпости добровольно сдались ему⁹⁰). Но конецъ предпріятія не увѣнчался успѣхомъ.

Восьмого декабря 1432 года Свидригайло двинулся изъ Опшмены на Вильну и скоро натолкнулся на войско Сигизмунда, составленное изъ литовцевъ, жмудиновъ и поляковъ изъ Дорогичской земли⁹¹). Произошелъ бой, въ которомъ побѣда осталась на сторонѣ литовцевъ и поляковъ. И помогъ Богъ великому князю Сигизмунду, — говоритъ современный литовско-русскій лѣтописецъ, — и побили князя великаго Свидригайла и князей русскихъ, а иныхъ поймали: князя Юрья Лингвевича взяли въ плѣнъ, князя Василья Семеновича, Оедька Одинцевича, пана Гедигольда, воеводу Виленскаго, и другихъ⁹²). Въ числѣ этихъ другихъ полная литовско-русская лѣтопись перечисляетъ кн. Митка

⁸⁸) *Конецу* Свидригайло, стр. 151, 152.

⁸⁹) *A. Lewickiego Powstanie Świdrygielły*, стр. 159.

⁹⁰) *Конецу* Свидригайло, стр. 148—153.

⁹¹) *Długosz, Opera omnia*, tomus XIII, p. 491.

⁹²) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ. стр. 50. 51.

Зубревицкаго, пана Юшка Кгойцевича, пана Ивана Вязевича ⁹³⁾, а Сигизмундъ въ своемъ письмѣ къ великому магистру отъ 9 декабря еще и пана Ходка ⁹⁴⁾. Свидригайло слишкомъ понадѣялся на свои силы и двинулся въ Литву, не дождавшись обѣщанной ему помощи отъ князей Тверского и Московскаго, отъ Нѣмецкаго Ордена и татаръ. Вспомогательные отряды прибыли къ нему уже тогда, когда онъ потерпѣлъ поражение, и потому мало принесли ему пользы. Съ помощью ихъ Свидригайло произвелъ только сильныя опустошенія въ Литовской землѣ ⁹⁵⁾.

Положеніе Сигизмунда Кейстутьевича послѣ Опшненской побѣды казалось уже упрочившимся, и Ягайло счелъ возможнымъ утвердить прелиминарный договоръ увѣн, заключенный съ Сигизмундомъ польскими уполномоченными 15 октября 1432 года. 3 января 1433 года Ягайло выдалъ грамоту, подтверждавшюю Городенскій трактатъ ⁹⁶⁾. Но и Свидригайло не падалъ духомъ послѣ понесеннаго пораженія, и русскіе люди не покидали его. Въ началѣ апрѣля 1433 года на сторону Свидригайла перешелъ князь Александръ Носъ, оставленный поляками начальникомъ въ Луцкѣ, и передалъ этотъ городъ во власть Свидригайла ⁹⁷⁾. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на окрестное населеніе, и русскіе люди со всѣхъ сторонъ стали стекаться въ этотъ городъ. Тѣмъ временемъ и Прусскій Орденъ началъ открытую войну съ Польшею. Свидригайло успѣшилъ воспользоваться всѣмъ этимъ и лѣтомъ 1433 года съ ополченіями русскихъ земель, съ тверскими полками и ливонскимъ войскомъ вторгнулся снова въ Литовскую землю. Но и на этотъ разъ ему не удалось овладѣть главными литовскими городами — Вильною и Троками. Результатомъ похода было только страшное опустошеніе Литвы и соединной съ нею Руси. Привилей, выданный уполномоченными Ягайла въ Городнѣ, очевидно, достигъ своей цѣли и удержалъ эту Русь на сторонѣ Сигизмунда. Свидригайло изъ всѣхъ силъ постарался дать этой Руси почувствовать всѣ невыгоды ея вѣрности Сигизмунду. Онъ взялъ и сжегъ Крево, Заславъ, Минскъ

⁹³⁾ *Narbutta Pomniki do dziejów litewskich*, str. 46. Wilno 1846.

⁹⁴⁾ *Hildebrand*, *Urkundenbuch*, B. VIII, 645.

⁹⁵⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 51.

⁹⁶⁾ *Ryszczewski i Muczkowski*, *Codex diplomaticus Poloniae*, № CLXXV.

(съ своей стороны и Сигизмундъ выдалъ грамоту (въ Трокахъ, 20 января 1433 г.), подтверждающую прелиминарный договоръ 1432 г. (*Scarbiec diplomatów* II. № 1649).

⁹⁷⁾ *Конецу* Свидригайло, стр. 173.

и другіе здѣшніе города, побилъ и увелъ въ плѣнъ много народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей⁹⁸⁾. Дойдя до Лукомля Свидригайло распросился съ Ливонскимъ магистромъ, который ушелъ съ своимъ войскомъ домой, распустилъ русскихъ князей и бояръ, а самъ отправился въ Кіевъ⁹⁹⁾.

Послѣ этого вторженія Свидригайла Сигизмундъ находился въ критическомъ положеніи. Отъ него одинъ за другимъ отпадали вѣрнѣйшіе бояре и люди, дотолѣ бывшіе на его сторонѣ. Жмудины прямо отказались отъ участія въ борьбѣ и вернулись домой, чтобы защищать свою землю¹⁰⁰⁾. Сигизмундъ не зналъ, чѣмъ онъ будетъ платить «гостямъ», которыхъ держалъ у себя на службѣ и безъ помощи которыхъ не могъ обойтись: все, что было у него, онъ роздалъ имъ, а всѣ «данныя мѣста, медь, серебро, кунницы и всякую дань» у него отняли его соперники. Сообщая объ этомъ королю Ягайлу, Сигизмундъ просилъ его прислать какъ можно скорѣе помощь и извѣщалъ, что онъ идетъ уже на своего врага, что многія «данныя волости» прислали къ нему съ изъявленіемъ своей вѣрности, а намѣстники и старцы этихъ волостей находятся уже у него (рѣчь идетъ, очевидно, о Поднѣпрскихъ волостяхъ, составлявшихъ часть Руси Литовской въ тѣсномъ смыслѣ)¹⁰¹⁾. Поляки откликнулись на зовъ Сигизмунда и очень скоро прислали ему вспомогательный отрядъ. Съ польскимъ и литовскимъ войскомъ Сигизмундъ прошелъ почти черезъ всю «Литовскую Русь» и вернулъ подъ свою власть всѣ города и волости, которыя занялъ было Свидригайло. Только мстиславцы отсиѣлись въ своемъ городѣ и не поддались Сигизмунду, который, простоявъ подъ Мстиславлемъ три недѣли (съ 26 октября), вернулся въ Литву¹⁰²⁾.

Чтобы упрочить свое положеніе на Литвѣ Сигизмундъ упросилъ короля Ягайла пріѣхать въ Литву и лично вручить ему великое княженіе. Очевидно, что и на Литвѣ многіе недоумѣвали, почему Ягайло обопелъ своего родного брата и отдалъ великое княженіе двоюродному.

⁹⁸⁾ Между прочимъ пойманъ былъ въ Борисовѣ князь Михайлъ Ивановичъ Гольшанскій, котораго Свидригайло велѣлъ утопить въ Двинѣ въ Витебскѣ.

⁹⁹⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 51, 52. *Długosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 519, 520.

¹⁰⁰⁾ *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, 720.

¹⁰¹⁾ *Golebiowskiego* Panowanie Wł. Jagiełły, str. 549—551, nota 699.

¹⁰²⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52. Въ Мстиславлѣ, повидному, находился самъ князь Юрій Ливневичъ, бѣжавшій отъ Сигизмунда изъ заключенія вмѣстѣ съ 14 товарищами. *Коцебу* Свидригайло, стр. 186.

и склонны были питать на этотъ счетъ всякія сомнѣнія. Ягайло исполнилъ желаніе Сигизмунда Кейстутьевича и въ началѣ 1434 года отправился въ Литву. Встрѣченный Сигизмундомъ и литовскими панами въ Кринкахъ, Ягайло объявилъ имъ, что свою милость и помощь онъ даруетъ Сигизмунду, минуя своего брата, и облакаетъ его великокняжескою властью, а князьямъ, прелатамъ и панамъ литовскимъ приказываетъ повиноваться ему, какъ законному великому князю. Изъ Кринокъ Ягайло вернулся въ Польшу, и 10 февраля былъ уже въ Люблинѣ ¹⁰³⁾. Во время свиданія было условлено подтвердить новымъ актомъ унію великаго княжества съ Польшею, чтобы и на этотъ счетъ разсѣять всякія сомнѣнія. И съ той, и съ другой стороны унія подтверждена была актами, составленными одновременно, 27 февраля, въ Городнѣ и въ Корчинѣ. Оба акта были простымъ повтореніемъ предшествующихъ актовъ отъ 15 октября 1432 и 3 января 1433 г. Съ литовской стороны актъ утвердили, кромѣ Сигизмунда, 36 литовскихъ бояръ, а съ польской стороны, кромѣ Ягайла, польскіе прелаты и паны ¹⁰⁴⁾. Въ цѣляхъ большаго привлеченія на свою сторону князей и бояръ Литвы и Руси Сигизмундъ Кейстутьевичъ 6 мая того же года выдалъ имъ привилей на различныя права и вольности. Прежде всего Сигизмундъ обѣщаль, что не будетъ никого карать и наказывать по доносу тайному или явному, а только по суду, отправленному по обычаю земли (*nisi prius in iudicio manifesto juris ordine terre Lithwanie servato realiter fuerint convicti*). Очевидно, что его крутая расправа съ четырьмя панами, оговоренными въ заговорѣ, отшатнула отъ него многихъ литовскихъ пановъ, и Сигизмундъ старался теперь исправить послѣдствія своей несдержанности. Его преемники подтверждали эту гарантію въ издававшихся ими земскихъ привилеяхъ ¹⁰⁵⁾, и она сдѣлалась первымъ основнымъ закономъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ Литовскомъ Статутѣ ¹⁰⁶⁾. Всѣ остальные права и вольности, дарованныя Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, были ничѣмъ инымъ, какъ подтвержденіемъ и болѣе точнымъ обозначеніемъ того, что предоставлялъ литовскимъ и русскимъ князьямъ и боярамъ привилей отъ 15 октября 1432 года. Сигизмундъ гарантировалъ имъ ненарушимое владѣніе отчинными имѣніями и право

¹⁰³⁾ *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIII, p. 521, 522.*

¹⁰⁴⁾ *A. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły, str. 217, nota 17; Rzeczykowski i Muczkowski, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXVI.*

¹⁰⁵⁾ Акты Зап. Рос. I. № 61, 103, 204; II, № 30, 70; *Zbiór praw Litewskich, str. 59; Лит. Метр. кн. VIII, л. 135—137.*

¹⁰⁶⁾ Статутъ 1529, разд. I, арт. 1; Статутъ 1566, разд. I, арт. 2.

свободнаго распоряженія ими; гарантировалъ права вдовъ и законныхъ наслѣдниковъ по отношенію къ отчиннымъ имѣніямъ умершаго князя или боярина; имѣніями, пожалованными отъ князя Витовта, предоставилъ владѣть согласно его грамотамъ; освободилъ «кметей и подданныхъ» княжескихъ и боярскихъ отъ уплаты великому князю «дякла» и отъ всѣхъ работъ, за исключеніемъ постройки и ремонта укрѣпленій и военныхъ дорогъ; предоставилъ князьямъ и боярамъ русскимъ принять отъ литовцевъ, по соглашенію ихъ съ поляками-одногербовниками, гербы, или знаки шляхетства (*seu nobilitatis clenodia*), и наконецъ подтвердилъ князьямъ и боярамъ всѣ вообще права и вольности, дарованныя имъ его прелшественниками ¹⁰⁷⁾. Цѣль Сигизмунда была достигнута, и литовскіе паны заявляли уполномоченному Ордена Гансу Балгу, что они готовы умереть за Сигизмунда. «Посмотри,—говорили они ему,—какъ любить насъ нашъ государь», при чемъ показывали привилеи на «магдебургское право», выданные всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ отчинныя или пожалованныя отъ Витовта имѣнія; «этого Свидригайло намъ не даетъ»,—прибавляли они ¹⁰⁸⁾. Повидимому, Сигизмундъ сверхъ общаго привилея, выданнаго 6 мая 1434 года, выдавалъ еще отдѣльнымъ панамъ частныя привилеи, содержащія изъятія ихъ имѣній отъ податей и повинностей, шедшихъ на господаря ¹⁰⁹⁾. Гансъ Балгъ писалъ великому магистру, что ему показывали шесть такихъ привилеевъ, при чемъ прибавлялъ: этимъ онъ (Сигизмундъ) располагаетъ къ себѣ людей.

Смерть короля Ягайла, послѣдовавшая 1 іюня 1434 года, не колебала положенія Сигизмунда. Польскіе паны обратились именно къ нему, какъ къ настоящему великому князю, съ просьбою, чтобы онъ

¹⁰⁷⁾ *Monumenta medii aevi, tomus XIV, dod. № 22.* Сигизмундъ кроиъ того подтвердилъ особымъ листомъ права и вольности, пожалованныя Ягайломъ и Витовтомъ жмудинамъ. Жмудъ на ряду съ «верхнею» Литвою равнѣ другихъ земель признала его великимъ княземъ. Но затѣмъ въ ней не разъ, по свидѣльствамъ агентовъ Ордена, начиналась реакція въ пользу Свидригайла. Подтвердительная грамота дана была Сигизмундомъ, очевидно, для умиротворенія Жмуди. См. Акты Зап. Рос. I, № 103.

¹⁰⁸⁾ *Hildebrand, Urkundenbuch, B. VIII, № 855; Scarbiec diplomatów, II, № 1623.*

¹⁰⁹⁾ Такъ какъ изъятія отъ различныхъ государственныхъ податей и повинностей давались обыкновенно при пожалованіи магдебургскаго или вообще вѣмечкаго права, то Балгъ и назвалъ привилеи, данные литовскимъ панамъ, привилеями на магдебургское право, сообщая этому понятію общій смѣсль.

или самъ прѣѣхаль, или выслаль уполномоченныхъ для участія въ избраніи и коронованіи новаго короля, согласно съ условіями уніи обоихъ государствъ. Сигизмундъ только что оправился отъ тяжелой болѣзни и кромѣ того опасался нападенія Свидригайла и его союзниковъ. Поэтому онъ не поѣхаль лично въ Польшу, а выслаль своихъ уполномоченныхъ, — архидіакона Виленскаго Мартина съ Шадка и воеводу Виленскаго Довгерда, которые отъ его имени и изъявили согласіе на избраніе и коронацію Владислава III, а своимъ присутствіемъ на торжествѣ подтвердили единеніе Литвы съ Польшею ¹¹⁰⁾.

Тѣмъ временемъ дѣла Свидригайла шли все хуже и хуже. Лѣтомъ 1434 года онъ снова собрался было въ походъ на Литву съ русскими князьями и боярами и со всею силою русскою. На помощь къ нему подоспѣлъ и магистръ Ливонскій, соединившійся съ нимъ въ Браславлѣ Литовскомъ. Но пошли такіе дожди, установилась такая распутица, что не было никакой возможности совершать походъ въ такой странѣ, какъ Литва. Магистръ вернулся къ себѣ домой, а Свидригайло, распустивъ свое ополченіе, отправился въ Кіевъ ¹¹¹⁾. Къ этой неудачѣ вскорѣ присоединились другія огорченія. Браги Свидригайла завели сношенія съ его сторонниками и успѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ перетянуть на свою сторону. Свидригайлу измѣнилъ намѣстникъ Луцкій князь Александръ Носъ и предалъ Луцкъ Сигизмунду, который отправилъ для занятія его пана Гаштольда. Князь Олелько пытался занять Кіевъ на Сигизмунда, но его предупредилъ панъ Ивашко Монивидовичъ, отправленный Свидригайломъ, и Кіевъ остался за Свидригайломъ ¹¹²⁾. На Подольѣ измѣнилъ ему вѣрный дотолѣ соратникъ кн. Ѳедко Несвицкій. Самъ Свидригайло, повидимому, толкнулъ его въ объятія своихъ враговъ. Узнавъ о сношеніяхъ съ нимъ своихъ враговъ и «не досмотрѣвъ его вѣрной службы», Свидригайло, если вѣрить заявленію самого князя Ѳедка (отъ 14 сентября 1434 г.), вознамѣрился лишить его чести и жизни, жены, дѣтей и имущества, и только паны Викентій Шамотульскій и Михаилъ Буцацкій вмѣстѣ съ другими панами и землянами коронныхъ русскихъ земель избавили его отъ неволи и предстоявшей гибели. Вслѣдствіе этого Ѳедко присягнулъ на вѣрность королю и коронѣ Польской съ городами Кременцомъ и Брацлавомъ, находившимися въ его держаньѣ, и получилъ ихъ отъ короля въ доживотное держанье, а отчинныя его имѣнья—волости Збаражскую, Вин-

¹¹⁰⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 529, 542.

¹¹¹⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52.

¹¹²⁾ *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 855.

ницкую и Соколицу король утвердилъ за нимъ и его потомками навсегда ¹¹³⁾). Впрочемъ, Брацлавъ полякамъ не удалось занять въ то время, и онъ остался пока за Свидригайлomъ. Стремленіе къ отпаденію отъ Свидригайла проявилось и въ Бѣлоруссіи. Нѣкоторые русскіе князья и бояре, находившіеся въ лагерѣ Сигизмунда, дали знатъ Свидригайлу, что хотятъ передаться на его сторону, и выпросили у него разрѣшеніе повидаться съ митрополитомъ Герасимомъ, проживавшимъ въ Смоленскѣ, и переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Свидригайло не подозрѣвая злого умысла, далъ свое согласіе. На самомъ дѣлѣ князья и бояре пріѣзжали къ Герасиму для переговоровъ о занятіи Смоленска и Смоленской земли для Сигизмунда. Имъ удалось привлечь къ заговору какъ самого Герасима, такъ и другихъ сторонниковъ Свидригайла. Если вѣрить тому, что писалъ по этому поводу Свидригайло папѣ и Базельскому собору, заговорщики условились убить его и окружающихъ его лицъ. Но Смоленскій воевода Юрій Бутримъ во время провѣдалъ о заговорѣ, ворвался въ митрополичьи палаты, арестовалъ митрополита и его соучастниковъ и захватилъ листы, доказывающіе ихъ вину, или «перевѣтныя грамоты», какъ выражается псковскій лѣтописецъ ¹¹⁴⁾). Свидригайло приказалъ отослать арестованныхъ въ оковахъ въ Витебскъ. Дѣло это происходило въ марѣ 1435 года. Четыре мѣсяца спустя, 26 іюля 1435 года, будучи со всѣмъ войскомъ своимъ въ Витебскѣ, Свидригайло приказалъ съечь митрополита-измѣнника ¹¹⁵⁾.

Свидригайло останавливался въ Витебскѣ мимоходомъ, идя на соединеніе съ Ливонскимъ магистромъ для совмѣстнаго вторженія въ Литву. Съ нимъ были русскіе князья и бояре изъ Смоленска и его пригородовъ, изъ Кіевской земли, Витебской, Полоцкой и много татаръ. Около Браславля союзники соединились и направились въ глубь Литвы по Завилейской сторонѣ, по направленію къ Вилькомиру. 30 августа у Вилькомира они встрѣтили сына Сигизмунда Михаила съ войскомъ, состоявшимъ изъ литовцевъ, жмуди, небольшого числа татаръ и 15 тысячъ поляковъ подъ начальствомъ Якуба Кобылянскаго. Перваго сентября 1435 года на рѣкѣ Свентѣ произошло жестокое побоище, како-

¹¹³⁾ *Krupowicza* Zbiór dyplomatów rządowych i aktów prywatnych, № 16. Wilno 1858.

¹¹⁴⁾ *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 363—368. Издатель въ оглавленіи письма неправильно приписалъ его королю Польскому и поставилъ невѣрную дату—1432 г. По сопоставленію съ другими данными источниковъ, письмо относится къ 1435 году.

¹¹⁵⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 209; V, стр. 28.

вого уже давно не бывало въ Литовской землѣ, по словамъ псковскаго лѣтописца. Сраженіе кончилось полнымъ разгромомъ силъ Свидригайла. Въ битвѣ палъ племянникъ Свидригайла Сигизмундъ Корибутовичъ, пришедшій на помощь дядѣ вмѣстѣ съ нѣмцами; кн. Ярославъ Лингвевичъ, князь Михаилъ Болобанъ Семеновичъ, кн. Данило Семеновичъ, кн. Михаилъ Львовичъ Вяземскій и другіе—всего тринадцать князей; сорокъ два князя было взято въ плѣнъ, между ними князья Иванъ Владиміровичъ, перешедшій отъ Сигизмунда на сторону Свидригайла, и кн. Федоръ Корибутовичъ. Убиты были магистръ Ливонскій Керскорфъ, ландмаршалъ, много «коунторовъ» и рыцарей, такъ что ливонцевъ мало осталось въ живыхъ. Русскихъ болѣе всего погибло въ бѣгствѣ по дорогамъ и лѣсамъ, гдѣ ихъ около двухъ недѣль преслѣдовали и ловили побѣдители. Перебито было и много «гостей», нанятыхъ Свидригайломъ,—ракушанъ, силезцевъ, чеховъ и другихъ. Самъ Свидригайло съ кн. Юрьемъ Лингвевичемъ «въ малѣ дружинѣ въ 30 мужъ» убѣжалъ сначала въ Полоцкъ, а оттуда вскорѣ удаленъ въ Витебскъ, гдѣ мы и встрѣчаемъ его по источникамъ уже 24 сентября ¹¹⁶⁾.

Свидригайло передвинулся изъ Полоцка въ Витебскъ для того, чтобы оборонять его отъ Сигизмундовой рати. Недѣли три спустя послѣ битвы на р. Свентѣ Сигизмундъ собралъ всю свою литовскую силу и отправилъ съ нею сына своего Михаила на Русь. Когда онъ прибылъ въ Оршу, къ нему явились Смольняне съ изъявленіемъ покорности великому князю Сигизмунду, и во главѣ ихъ самъ воевода Юрій Бутримъ. Михаилъ, назначивъ въ Смоленскъ намѣстникомъ пана Януша Гаштольда, направился отъ Орши подъ Витебскъ. Шестъ недѣль простоялъ онъ подъ Витебскомъ, но безрезультатно: Витбляне не сдались, и Михаилъ вынужденъ былъ вернуться домой. Точно такъ же кончился и походъ на Полоцкъ, подъ которымъ рать Сигизмунда простояла понапрасну около недѣли: начальствовавшіе въ Полоцкѣ князья Михаилъ и Василій на предложеніе поддаться великому князю Сигизмунду отвѣтили отказомъ и заявленіемъ, что они головы свои положатъ за великаго князя Свидригайла ¹¹⁷⁾.

¹¹⁶⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 562—565; Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52, 53; Полное Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 209, 210; *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 981, 1006.

¹¹⁷⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 53; *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 998, 999.

Свидригайло послѣ того отправился на югъ и долгое время пропадалъ безъ вѣсти, такъ что разошлась даже молва о его смерти. По видимому, Свидригайло ѣздилъ къ татарамъ звать ихъ къ себѣ на помощь. Вслѣдствіе распространенныхъ слуховъ о его смерти отъ него отпали Стародубъ и Мценскъ, гдѣ воеводою былъ Григорій Протасій. Поэтому Свидригайло успѣшилъ объявиться. Панъ Немиръ и воевода Кіевскій Юрша вернули ему Стародубъ, а Мценскъ поддалъ самъ воевода Протасій ¹¹⁸⁾. Одновременно съ тѣмъ люди Свидригайла вмѣстѣ съ татарами напали на Подолье, побили и побрали разставленныхъ по городамъ поляковъ, опустошили страшно все «Малое Подолье» и много народа забрали въ неволю ¹¹⁹⁾. Самъ Свидригайло 1 апрѣля 1436 года сообщалъ великому магистру, что въ его власти находится городъ Кременецъ и вся Подольская земля, куда онъ послалъ намѣстникомъ пана Ивашка Монивидовича, что всѣ крѣпости, города и уѣзды и прочія владѣнія его въ Русской землѣ, которыя отклонились было и отторглись отъ его престола, съ помощью Божью снова возвращены и покорены, за исключеніемъ одного только Смоленска ¹²⁰⁾. Свидригайлу, однако, не долго пришлось утѣшаться всѣмъ этимъ. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что прусскіе и ливонскіе нѣмцы заключили миръ съ Польшею (31 декабря 1435 года) и обязались не поддерживать болѣе Свидригайла, русскіе люди потеряли вѣру въ успѣхъ его дѣла. Лѣтомъ 1436 года, — рассказываетъ литовско-русскій лѣтописецъ, — Полочане и Витбляне, «не чуя себѣ помочи ни отколе», сдались великому князю Сигизмунду, который сталъ теперь княжить на великомъ княженѣ Литовскомъ и Русскомъ ¹²¹⁾. Чтобы тѣснѣе привязать къ себѣ подавшіеся русскія земли, Сигизмундъ подавалъ имъ различныя «добровольства», по всѣмъ признакамъ далъ имъ письменныя обязательства держать ихъ по старинѣ, какъ были за великаго князя Витовта ¹²²⁾.

Послѣ отпаденія Полоцка и Витебска за Свидригайломъ оставались Волынь, Кіевщина, Подолье и Чернигово-Сѣверская земля. Лѣтомъ слѣдующаго 1437 года Сигизмундъ сдѣлалъ попытку ванести ему окон-

¹¹⁸⁾ *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 2; *Конецу* Свидригайло, стр. 220—222.

¹¹⁹⁾ Объ этомъ сообщалъ великому магистру Прусскому магистръ Ливонскій въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1436. *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 39.

¹²⁰⁾ *Конецу* Свидригайло, стр. 222, 223.

¹²¹⁾ Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 53.

¹²²⁾ Упомянутыя и намеки на это встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ привилеяхъ Полоцкой и Смоленской земель. См. Акты Зап. Рос. I, № 213; II, № 70.

чательный ударъ и отправилъ два сильныхъ отряда на Кіевъ и Луцкъ. Хотя люди Свидригайла храбро и успѣшно отбивались отъ Сигизмундовыхъ войскъ и совершенно уничтожили отрядъ ихъ, подступавшій къ Кіеву ¹²³⁾, тѣмъ не менѣе Свидригайло почувствовалъ, что одному ему, и при томъ съ уменьшенными силами, не удержаться противъ Сигизмунда и помогавшей ему Польши. Въ критическомъ положеніи Свидригайло съ своими князьями и боярами предпринялъ смѣлый шагъ— рѣшился во что бы то ни стало примириться съ Польшею. Съ этою цѣлью онъ лично отправился въ Польшу и 15 августа онъ былъ уже въ Краковѣ; при немъ находились и знатнѣйшіе люди изъ числа его сторонниковъ, между прочимъ панъ Юрша и Кіевскій архимандритъ Авраамій. Въ Краковѣ ихъ приняли холодно и отложили переговоры съ ними до сейма, который долженъ былъ собраться въ Сѣрадзѣ къ 15 октября ¹²⁴⁾. Свидригайло послѣ того отправился въ Львовъ для того, чтобы заручиться поддержкою на предстоящемъ сеймѣ русскихъ пановъ, среди которыхъ у него было, повидимому, не мало знакомыхъ и пріятелей. Его переговоры съ ними увѣнчались полнымъ успѣхомъ, выразившимся въ заключеніи письменнаго договора 4 сентября 1437 г. Свидригайло по волѣ и единодушному соизволенію своихъ князей и пановъ рады и всѣхъ земянъ (*de unaninique nostrorum principum, strepituosumque ac nobilium consiliariozum et terrigenarum consilio et assensu*) поддался королю и коронѣ Польской со всѣми своими подданными, замками, мѣстами и селами, а паны русскіе за себя и короля обязались помогать Свидригайлу совѣтомъ и дѣломъ противъ всѣхъ его враговъ, а на предстоящемъ сеймѣ въ Сѣрадзѣ хлопотать, чтобы ему дано было вознагражденіе за Луцкъ, который онъ уступаетъ Польшѣ. Если этого вознагражденія не удастся выхлопотать, Свидригайло обязывался удовлетвориться тѣмъ, что присудятъ четверо посредниковъ, выбранныхъ русскими панами, и четверо, назначенныхъ самимъ Свидригайломъ, и, несмотря ни на что, оставаться вѣрнымъ королю и коронѣ Польской. По смерти Свидригайла отчина его и всѣ владѣнія, которыя принадлежать и будутъ принадлежать ему, должны перейти къ королю и коронѣ Польской ¹²⁵⁾. Этотъ договоръ обязались соблюдать во всѣхъ статьяхъ воевода Кіевскій Юрша, староста Каменецкій и Подольскій Монивидъ (Ивашко), кн. Борисъ Глинскій, маршалокъ дворный Свидригайла Дашко Тубачовичъ

¹²³⁾ *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 227; *Конецъ* Свидригайло, стр. 229.

¹²⁴⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 579.

¹²⁵⁾ *Monumenta medii aevi*, tomus II, № XCI.

и Василий Полочанинъ за себя и за всѣхъ обывателей земли Кіевской (pro omnibus aliis in terra Kiioviensi et ejus districtibus manentibus)¹²⁶⁾.

Сѣрадзьскій сеймъ, однако, не принялъ договора, заключеннаго Свидригайлomъ съ русскими панами. Постановлено было только выслать посольство на Литву, постараться помирить Сигизмунда съ Свидригайлomъ и добиться отъ Сигизмунда согласія на матеріальное обезпеченіе Свидригайла отъ короны. Сигизмундъ выѣхалъ навстрѣчу отпавленнымъ посламъ въ Городно, принялъ ихъ съ честью, но категорически отказался отъ примиренія съ Свидригайлomъ и слезно умолялъ поляковъ не нарушать прежняго договора и не помогать его врагу. Послы,—очевидно, по данной имъ тайной инструкціи,—не стали настаивать на своихъ предложеніяхъ и 6 декабря 1437 г. заключили съ Сигизмундомъ договоръ, подтверждавшій и дополнявшій прежнее согласіе¹²⁷⁾. Сигизмундъ съ своими панами вновь призналъ, что по смерти его великое княжество должно перейти къ королю и коронѣ польской. Условлено было, что всѣ державцы литовскихъ замковъ безъ исключенія выдадутъ отъ себя письменныя обязательства въ томъ, что по смерти Сигизмунда сдадутъ эти замки только королю и коронѣ Польской, каковыя записи должны быть пересланы въ Польшу. Если бы королю и коронѣ Польской эти записи показались недостаточными, державцы должны будутъ принести въ томъ же присягу передъ польскимъ посломъ, специально съ этою цѣлю отпавленнымъ на Литву, и выдать ему записи¹²⁸⁾. Польскіе послы съ своей стороны обязались передъ Сигизмундомъ, что король отзоветъ бароновъ, рыцарей и другихъ людей, состоящихъ на службѣ у Свидригайла въ Луцкомъ замкѣ и иныхъ мѣстахъ, запретить имъ впредь поступать къ нему на службу, не будетъ пропускать къ нему черезъ королевство людей, оружіе и товары и даже будетъ помогать противъ него Сигизмунду вмѣстѣ съ князьями Мазовецкими, Луцкъ же согласно прежнему договору отдастъ Сигизмунду въ пожизненное владѣніе¹²⁹⁾.

По возвращеніи посольства польскіе паны пригласили русскихъ пановъ очистить Луцкъ для Сигизмунда. Но тѣ не послушались и

¹²⁶⁾ Ibidem, № XCII.

¹²⁷⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 580, 581.

¹²⁸⁾ Monumenta medii aevi, tomus II, № XCIII. Въ исполненіи договора давали свое ручательство: бискупъ Виленскій Матвѣй, панъ Виленскій Кристианъ Остивъ, воевода Виленскій Довгердъ и Кезгайло Волимутовичъ.

¹²⁹⁾ *Rzyszczeński i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXVII; *Kojalowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 171, 172.

продолжали занимать Луцкъ сообща съ Свидригайломъ; повидимому, и поляки не особенно настоятельно требовали отъ нихъ этого, несмотря на неоднократныя напоминанія Сигизмунда: имъ было удобнѣе, чтобы Луцкъ оставался при коронѣ и не переходилъ даже временно къ Литвѣ ¹²⁰⁾. Только въ январѣ 1439 года Сигизмундъ получилъ, наконецъ, Луцкъ. По его словамъ, обыватели Луцкой земли сами обратились къ нему съ просьбою прислать имъ своего старосту, и такимъ путемъ Богъ далъ ему Луцкъ помимо воли поляковъ, которые не хотѣли отдавать ему этого города ¹²¹⁾. Одновременно съ Луцкомъ и Кіевъ призналъ, наконецъ, надъ собою власть великаго князя Сигизмунда, который, по всѣмъ признакамъ, подтвердилъ при этомъ старину Кіевской земли, подобно тому, какъ сдѣлалъ это ранѣе относительно земель Полоцкой и Смоленской и, вѣроятно, Витебской ¹²²⁾. За Свидригайломъ послѣ того оставался, повидимому, только Кременецъ и восточная часть Подольской земли ¹²³⁾.

Такой исходъ имѣла борьба Сигизмунда Кейстутевича съ Свидригайломъ за власть въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Побѣда досталась Сигизмунду и поддерживавшимъ его литовцамъ не только цѣною человѣческихъ и денежныхъ жертвъ, принесенныхъ войнѣ, но и цѣною различныхъ уступокъ, данныхъ русскимъ князьямъ и боярамъ съ цѣлью отклонить ихъ отъ поддержки Свидригайла и расположить въ пользу Сигизмунда. Для русскихъ людей великаго княжества это былъ, можно сказать, положительный результатъ, совершенно иначе опредѣлившій ихъ положеніе въ этомъ государствѣ, чѣмъ Городельскій привилей 1413 года. Если русскимъ людямъ и не удалось удержать на великомъ княженіи Свидригайла, за то имъ удалось снести тѣ юридическія огражденія, коими привилей 1413 года обставилъ политическое преобладаніе въ великомъ княжествѣ литовскаго панства. Въ дальнѣйшемъ русскимъ людямъ открывалась дорога и къ высшимъ урядамъ, и въ господарскую раду, и въ раду «посполитую», общегосударственную, т. е. въ сеймъ великаго княжества.—Короче сказать, русскимъ людямъ

¹²⁰⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 601, 602.

¹²¹⁾ *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 414. Вѣроятно вмѣстѣ съ Луцкомъ подъ власть Сигизмунда, перешелъ и Владимір, который согласно договорамъ 1432 и 1434 долженъ былъ такъ же, какъ и Луцкъ, принадлежать Сигизмунду пожизненно.

¹²²⁾ Акты Зап. Рос. П, № 30. Соображенія о переходѣ Кіева подъ власть Сигизмунда см. у Левицкаго въ его *Powstanie Świdrygiełły*, str. 358, nota 38.

¹²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 36, 37; Акты Южн. и Зап. Россіи I, № 20.

удалось уничтожить въ привилеѣ 1413 года все, что придавало политическому господству Литвы націонало-исключительный характеръ.

Какъ уже было сказано выше, привилеи 1432 и 1434 г. уравнивали въ правахъ и вольностяхъ съ Литвою пока только Литовскую Русь въ тѣсномъ смыслѣ. Но при всемъ томъ они имѣли значеніе и для остальной Руси. Ихъ дѣйствіе распространялось и на тѣхъ князей и бояръ русскихъ областей великаго княжества, которымъ удавалось такъ или иначе пріобрѣтать земельныя имущества въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и примыкавшей къ ней Руси. Такимъ образомъ, ихъ принципиальное значеніе было гораздо шире ихъ прямого юридическаго содержанія и распространялось на великое княжество не въ тѣсномъ только, а и въ обширномъ смыслѣ.

Изъ сравненія этихъ привилеевъ съ привилеемъ 1413 года обнаруживается, кромѣ того, и еще одна крупная новость въ социальнополитической жизни великаго княжества—распространеніе различныхъ гарантій, данныхъ знатному боярству, и на князей, сравненіе обонхъ классовъ въ правахъ и вольностяхъ. Въ привилеяхъ 1387 и 1413 г. о князьяхъ не было помину, ибо правительство въ то время опиралось главнымъ образомъ на знатное литовское боярство, и кромѣ того самое положеніе князей до извѣстной степени могло казаться безспорнымъ, не требующимъ гарантій. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ политическое возвышеніе литовскаго панства и отгѣсненіе на задній планъ литовско-русскихъ князей наглядно показало неустойчивость положенія послѣднихъ. Поэтому литовско-русскіе князья приняли самое дѣятельное участіе въ разрушеніи порядка, созданнаго уніею 1413 года. Выше упоминалось о многихъ князьяхъ, дружившихъ съ Свидригайломъ и вмѣстѣ съ нимъ воевавшихъ съ поляками и Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ. Въ битвѣ подъ Вилькомпромъ подъ знаменемъ Свидригайла сражалось болѣе 50 князей, — изъ которыхъ тринадцать были убиты, сорокъ два князя взяты въ плѣнъ, одинъ бѣжалъ съ Свидригайломъ (сколько бѣжало самихъ по себѣ—неизвѣстно). По источникамъ можно насчитать свыше сорока именъ князей бывшихъ въ разное время сторонниками Свидригайла, такъ что и все политическое движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, пріобрѣтаетъ окраску какъ бы княжеской реакціи противъ политическаго возвышенія литовскаго панства. Сотрудниками и соратниками Свидригайла были и Гедиминовичи, и князья другихъ литовскихъ династій, и Рюриковичи. Изъ Гедиминовичей источники называютъ: племянниковъ Свидригайла — Ивана Владиміровича Бѣльскаго,

Александра Владиміровича Слуцкаго и брата ихъ Андрея ¹³⁴⁾, Ивана, Сигизмунда и Ѳедора Корибутвичей ¹³⁵⁾, кн. Юрія и Ѳедора Лингвевичей ¹³⁶⁾, кн. Сангушка Ѳедоровича ¹³⁷⁾; двоюроднаго племянника Андрея Михайловича Жеславскаго ¹³⁸⁾; внучатныхъ племянниковъ: Семена Романовича Кобринскаго ¹³⁹⁾, кн. Ивана, Михаила и Александра Чорторыйскихъ ¹⁴⁰⁾. Даже самъ Сигизмундъ Кейстутевичъ на первыхъ порахъ былъ сторонникомъ Свидригайла и поддерживалъ его въ борьбѣ съ поляками. Изъ князей другихъ литовскихъ династій источникъ называютъ: Михаила и Семена Ивановичей Гольшанскихъ, кн. Данила Семеновича Гольшанскаго ¹⁴¹⁾, Ягайла и Войнуса Гедройтскихъ, Александра Свирскаго ¹⁴²⁾. Изъ Рюриковичей въ числѣ сторонниковъ Свидригайла встрѣчаемъ по источникамъ: князей Друцкихъ—Михаила Семеновича Болобана, Димитрія и Василя Семеновичей, Ивана Семеновича Бабу, Ивана Семеновича Путату ¹⁴³⁾; Смоленскихъ—кн. Глѣба Киндеровича, кн. Ивана Романовича Крошинскаго, кн. Михаила Львовича Вяземскаго ¹⁴⁴⁾; Чернигово-Сѣверскихъ—кн. Михаила Ивановича Хотетовскаго, Патрикѣя и Александра Звенигородскихъ, Семена Перемышльскаго, Василя Одоевскаго ¹⁴⁵⁾; князей Пинскихъ и Волынскихъ—Константина Курча и сына его Михаила Ольшаницкаго, Ивана Александровича Четвертеньскаго, Митка Давидовича Городецкаго, Ѳедора Козеку, Ѳедка Несвицкаго, Александра Носа, Дашка и Андриушка Ѳедоровичей Острожскихъ, Григорія Кожановича ¹⁴⁶⁾ и др. Если классъ князей принималъ столь значительное участіе въ борьбѣ противъ порядка установившагося послѣ 1413 года, естественно, что и всѣ положительныя результаты борьбы должны были распространиться и на этотъ классъ. Вотъ почему и привилен 1432 и 1434 года даны были

¹³⁴⁾ *Wolffa* Kniazowie litewsko-ruscy, str. 3, 328, 337.

¹³⁵⁾ *Ibidem*, str. 178, 179.

¹³⁶⁾ *Ibidem*, str. 263.

¹³⁷⁾ *Ibidem*, str. 444.

¹³⁸⁾ *Ibidem*, str. 587.

¹³⁹⁾ *Ibidem*, str. 162.

¹⁴⁰⁾ *Ibidem* str. 18, 19, 22, 23.

¹⁴¹⁾ *Ibidem* str. 96, 97, 98.

¹⁴²⁾ *Ibidem* str. 65, 66, 505,

¹⁴³⁾ *Ibidem* str. 57, 58, 60, 61.

¹⁴⁴⁾ *Ibidem* str. 161, 186, 550.

¹⁴⁵⁾ *Ibidem* str. 17, 279.

¹⁴⁶⁾ *Ibidem* str. 14, 15, 35, 135, 180, 275, 276, 344, 548.

уже не однимъ только панамъ и шляхтѣ-боярамъ, но и князьямъ (*principibus, baronibus et bojaris*) литовскимъ и русскимъ. Князья нуждались въ такихъ привилеяхъ не меньше бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ по своему общественному положенію не возвышались надъ боярами, владѣли приблизительно такими же имѣніями, какъ и бояре, приобрѣтали боярскія имѣнія и несли боярскую службу. Размноженіе князей, измельчаніе ихъ владѣній, полученіе имѣній за службу все болѣе и болѣе сближали этотъ классъ съ боярствомъ, вслѣдствіе чего и гарантіи, права и вольности, даруемыя боярству, оказались не только не лишними, но даже потребными и для князей.

Итакъ, въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ съ 1392 года, въ составѣ и расположеніи высшихъ классовъ литовско-русскаго общества произошли большія перемѣны. Классъ крупныхъ областныхъ князей потерпѣлъ разгромъ отъ великаго князя, который въ борьбѣ съ нимъ опирался на второстепенныхъ, болѣе мелкихъ, князей, а главнымъ образомъ на первостепенное литовское боярство. Это боярство едва было не затерло и уцѣлѣвшихъ второстепенныхъ князей. Князьямъ по смерти Витовта удалось поправить свое положеніе, но въ общемъ имъ не удалось стать выше знатнаго боярства, а пришлось удовольствоваться приблизительно тѣмъ же общественнымъ и политическимъ положеніемъ, которое занимало и высшее боярство.

Сигизмундъ утвердилъ за собою великое княженіе Литовское не только черезъ компромиссъ съ русскими князьями и боярами, но и цѣною крупныхъ территоріальныхъ уступокъ Польшѣ и заключенія съ нею тѣсной уніи. Этой уніи какъ бы опредѣлено было судьбою возбуждать противъ себя литовцевъ всякій разъ послѣ того, какъ она устанавливалась. Очевидно, что при заключеніи ея поляки и литовцы стояли на различныхъ точкахъ зрѣнія, которыя они не желали или не умѣли другъ другу разъяснить. Такъ случилось и при Сигизмундѣ Кей-стутевичѣ. Въ октябрѣ 1439 года въ письмѣ къ римскому королю Альбрехту II Сигизмундъ жаловался на то, что поляки трактуютъ великое княжество, какъ несамостоятельное, подчиненное Польшѣ государство, и уже изъявлялъ готовность войти въ союзъ съ нимъ помимо и противъ поляковъ ¹⁴⁷⁾. Поэтому едва ли съ охотою и искренно онъ поновлялъ унію великаго княжества съ Польшею въ записи, выданной 31 октября того же года, по случаю достиженія совершеннолѣтія Владиславомъ III ¹⁴⁸⁾. Съ выдачею этой записи онъ медлилъ цѣлый годъ,

¹⁴⁷⁾ Monumenta medii aevi, tomus XII, № 261.

¹⁴⁸⁾ Ibidem № 262.

ибо Владиславъ III съ своей стороны выдалъ Сигизмунду подтвержденье всѣхъ прежнихъ привилеевъ еще 16 декабря 1438 года ¹⁴⁹⁾. Знаменательнымъ является и то обстоятельство, что въ подтвердительной записи Сигизмунда не упоминается о ручательствѣ князей и бояръ въ ея исполненіи. По всѣмъ признакамъ, готовился новый разрывъ съ Польшею, который и произошелъ на самомъ дѣлѣ, но уже не при жизни Сигизмунда, а послѣ его смерти.

§ 5.

По современнымъ извѣстіямъ, идущимъ съ разныхъ сторонъ, Сигизмундъ Кейстутевичъ послѣ окончательной побѣды надъ Свидригайломъ и подчиненія всѣхъ областей великаго княжества, въ своихъ отношеніяхъ къ князьямъ и панамъ сдѣлался настоящимъ тиранномъ. Предшествовавшая продолжительная борьба, богатая измѣнами и переходомъ князей и пановъ съ одной стороны на другую, накопила въ немъ большой запасъ раздраженія и недовѣрія къ этому классу. Отъ этихъ чувствъ онъ естественно не смогъ отдѣлаться и послѣ того, какъ всѣ князья и паны покорились ему и признали его великимъ княземъ. Ему казалось, что эта покорность чисто притворная, и что они постоянно замышляютъ противъ него что нибудь недоброе. Его подозрительность сдѣлалась въ концѣ концовъ настоящею маніею, и онъ охотно слушалъ не только доносчиковъ, но и разныхъ чародѣевъ и ворожбитовъ и каралъ невинныхъ людей согласно ихъ показаніямъ. Самого ничтожнаго повода было достаточно для того, чтобы попасть подъ опалу великаго князя, за которою слѣдовало тюремное заключеніе, пытки, конфискація имѣній и даже смертная казнь. На ряду съ жестокостью въ великомъ князѣ объявились и другія страсти, дававшія тяжело себя чувствовать окружающимъ людямъ, — любострастіе, несмотря на преклонный возрастъ, и необыкновенное корыстолюбіе заставлявшее его прибѣгать постоянно къ конфискаціямъ княжескихъ и панскихъ имуществъ. Стремясь жить и править на полной своей волѣ, Сигизмундъ началъ окружать себя преимущественно людьми низкаго званія, конюхами и холопами, и раздавать имъ разные уряды, а отъ князей и пановъ все болѣе и болѣе отдаляться и замыкаться. Онъ поселился въ крѣпкомъ Троцкомъ замкѣ и рѣдко кого допускалъ въ свои покои. Его тираннія въ концѣ концовъ сдѣлалась невыносимой и вызвала среди князей и пановъ дѣйствительное стремленіе избавиться отъ него. Князья и паны настолько

¹⁴⁹⁾ Volumina legum I, 63. Petersburg 1859; Zbiór praw litewskich, str. 25, 27; *Kojalowicza* Historiae Litvanæ pars II, p. 173.

были запуганы поведѣніемъ великаго князя, что въ свою очередь стали подозрѣвать его въ самыхъ злодѣйскихъ намѣреніяхъ. Послѣ того, какъ онъ посадилъ въ заключеніе Мстиславскаго князя Юрія Лингвевъевича и Кошылскаго князя Олелька Владиміровича съ женою и сыновьями Семеномъ и Мпхаиломъ и вслѣдъ затѣмъ сталъ созывать къ себѣ въ Троки князей и пановъ на сеймъ, прошелъ слухъ, что этотъ сеймъ и созывается для того, чтобы погубить всѣхъ князей и пановъ разомъ. Тогда среди князей и пановъ образовался заговоръ съ цѣлью избавиться отъ тиранна. Душею заговора были кн. Иванъ Чорторыйскій, правнукъ Ольгерда, воевода Вилепскій Довгердъ и воевода Троцкій Лелюшъ. Но и другіе князья и паны литовскіе и русскіе принимали участіе въ заговорѣ или, по крайней мѣрѣ, зная объ немъ, молчали. Заговоръ по убѣжденію поляковъ современниковъ, былъ дѣломъ чуть не всѣхъ литовскихъ и русскихъ князей и пановъ. Въ немъ участвовали даже такія лица, которыя обязаны были своимъ возвышеніемъ Сигизмунду Кейстутъевичу. Для всѣхъ его тираннія сдѣлалась невыносимою, въ высшей степени опасною, и всѣ рады были какъ можно скорѣе избавиться отъ нея¹⁵⁰). Заговоръ имѣлъ успѣхъ, и великій князь Сигизмундъ Кейстутъевичъ погибъ насильственною смертію въ вербное воскресенье 1440 г. (20 марта).

Не такъ согласны и единодушны оказались князья и паны относительно преемника Сигизмунду Кейстутъевичу. Пока зрѣлъ заговоръ противъ Сигизмунда, вопросъ о его преемникѣ не поднимался между участниками заговора. Всѣ они поглощены были одною мыслью — избыть наличнаго великаго князя и, вѣроятно, инстинктивно избѣгали переговоровъ о будущемъ его преемникѣ, чувствуя, что это можетъ породить между ними раздоры и несогласія и повредить успѣху заговора. Тѣмъ менѣе могли образоваться какіе-либо планы у тѣхъ, кто не участвовалъ въ заговорѣ и былъ застигнутъ врасплохъ событіями. Вотъ почему послѣ смерти Сигизмунда Кейстутъевича князья и паны

¹⁵⁰) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 619—621; Лѣтопись Быховца (*Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, Wilno 1846), str. 48—50; *Strykowskiego* Kroniczka, tom II, str. 202—204. Полн. Собр. Русск. Лѣт. Ш, 113. Въ недавнее время сдѣлана была попытка освѣщенія заговора противъ Сигизмунда Кейстутъевича, какъ реакціи со стороны православныхъ русскихъ людей противъ католическаго фанатизма и религіозныхъ притѣсненій Сигизмунда Кейстутъевича. О неосновательности этой попытки мы имѣли случай говорить въ разборѣ книги г. Ярушевича «Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій», помѣщ. въ июльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1898 г.

выдвинули нѣсколько кандидатовъ на великое княженіе. Главари заговора — кн. Чорторыйскій, Довгердь и Лелюшь имѣли въ виду вернуть на великое княженіе Свидригайла и заняли на его имя большой Троицкій замокъ и нижній Виленскій. Малый Троицкій замокъ, лежавшій на островѣ озера, занялъ сынъ покойнаго великаго князя — Михаилъ Сягизмундовичъ, а верхній Виленскій замокъ занялъ на его имя панъ Нарбутъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими панами прочившій его въ преемники отцу. Бискупъ Виленскій Матвѣй, Остикъ, Гаштольдъ, Монивидъ, Петръ Монтыгирдовичъ и нѣкоторые другіе старшіе паны литовскіе постановили было выполнить данныя обязательства, въ силу которыхъ по смерти Сигизмунда великое княженіе должно было перейти къ королю и коронѣ Польской, и позаняли нѣкоторые замки на имя Владислава. Но паны: Янъ Гаштольдъ, намѣстникъ Смоленскій, староста Жмудскій Кезгайло, Николай Немировичъ и маршалокъ земскій Радивиль съѣхались у князя Юрія Семеновича Гольшанскаго и положили взять господаремъ другого сына Ягайлова — королевича Казимира, доводившагося по матери двоюроднымъ племянникомъ (сыномъ двоюродной сестры) кн. Юрію Семеновичу ¹⁵¹⁾. Къ нимъ примкнуло много другихъ князей и пановъ. Свидригайло обрѣтался на чужбинѣ, и уже упала вѣра въ его счастье. Михаила Сягизмундовича боялись взять господаремъ, опасаясь, что онъ будетъ мстить многимъ за смерть отца. Владиславу III не хотѣли подчиняться непосредственно, ибо это влекло за собою потерю самостоятельности великаго княжества. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ вокругъ лицъ, выставившихъ кандидатуру королевича Казимира, собралась самая многочисленная и сильная партія.

Приверженцы Казимира, не медля долго, отрядили въ Польшу пословъ къ королю Владиславу съ просьбою отпустить Казимира на великое княженіе въ Литву, а сами поѣхали вслѣдъ за послами въ Берестье, чтобы встрѣтить и проводить Казимира въ Вильну. Владиславъ, собиравшійся въ то время уѣзжать въ Венгрію, гдѣ его избрали королемъ, согласился отпустить Казимира въ Литву, но не въ качествѣ великаго князя, а въ качествѣ простаго намѣстника польскаго короля. Этимъ онъ въ сущности нарушалъ условія договора 1432 года, который предусматривалъ въ этомъ случаѣ избраніе новаго великаго князя по обоюдному согласію Польши и Литвы. Поэтому и литовскіе князья уже не стѣснялись въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Съ прибытіемъ Казимира въ Литву паны, державшіе сторону Свидригайла и Владислава, примкнули къ сторонникамъ Казимира, и всѣ рѣшили возвести его на

¹⁵¹⁾ *Wolffa* Kniazowie litewsko-ruscy, str. 115.

великое княженіе. Когда въ Вильну собрались также и паны изъ разныхъ земель, подвластныхъ великому княжеству, литовцы стали просить прибывшихъ съ Казимиромъ польскихъ пановъ, чтобы они разрѣшили посадить Казимира на престолѣ и провозгласить его великимъ княземъ. По словамъ Длугоша, литовскіе паны опасались, что сторонники Михаила Сигизмундовича возведутъ на великое княженіе этого князя, если Казимиръ останется въ Вильнѣ только намѣстникомъ польскаго короля. Кромѣ того, они считали униженіемъ для великаго княжества, если Казимиръ лишень будетъ титула и власти великаго князя и будетъ подчиняться распоряженіямъ короля Владислава, который даже и въ Польшѣ не живетъ, а гдѣ-то на сторонѣ, въ Венгріи. Когда польскіе паны отвѣтили категорическимъ отказомъ на просьбу литовцевъ, послѣдніе самовольно провозгласили Казимира великимъ княземъ ¹⁵²⁾.

Такъ разорвана была унія Литвы съ Польшею, заключенная въ 1432 году. Поэтому естественно, что Владиславъ III, къ которому литовцы обратились за утвержденіемъ избраннаго ими великаго князя, отказалъ имъ въ своемъ согласіи и не призналъ Казимира великимъ княземъ Литовскимъ. По извѣстію Длугоша, у него созрѣлъ въ то время планъ раздѣлить великое княжество на нѣсколько частей, чтобы тѣмъ легче держать его въ подчиненіи, а именно: для себя и короны Польской удержать нѣкоторые замки, между прочимъ Берестье и Каменецъ; Михаила Сигизмундовича удовлетворить отдачею ему владѣній, гарантированныхъ договоромъ 1432 г. ¹⁵³⁾; Болеслава Мазовецкаго утвердить во владѣніи Дорогицкою землею, которую онъ захватилъ послѣ смерти Сигизмунда Кейстутевича, а остальные княжества Литвы и Руся отдать королевичу Казимиру ¹⁵⁴⁾.

Отказъ Владислава въ утвержденѣ усугубилъ и безъ того затруднительное положеніе новаго великаго князя. Уже не говоря о томъ,

¹⁵²⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 656, 580, 606—608; Лѣтопись Быховца, str. 50, 51. *Strzykowskiego* Kronika, tom. II, str. 206, 207.

¹⁵³⁾ Изъ этихъ владѣній Михаилъ Сигизмундовичъ въ 1435 году съ согласіемъ отца своего Сигизмунда, князей, прелатовъ, бароновъ и бояръ литовскихъ записалъ въ качествѣ вѣна женѣ своей Евфиміи Берестье, Каменецъ, Слонимъ и Волковыскъ. Евфимія получила право пожизненнаго пользованья этими имѣніями по смерти мужа; послѣ ея смерти ея прямые наслѣдники должны были получить 40 т. золотыхъ угорскихъ, а самыя имѣнья отойти къ великому княжеству; если бы она умерла prole non relicta, тогда 20 т. золотыхъ угорскихъ получалъ ея братъ, Мазовецкій князь Болеславъ. Monumenta medii aevi, tomus XII, № 232, 233.

¹⁵⁴⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 657, 658.

что отъ него отпало нѣсколько областей,—даже въ предѣлахъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и Руси Литовской, у Казимира все еще было много противниковъ, стоявшихъ за Михаила Сигизмундовича. На жизнь Казимира съ ихъ стороны было сдѣлано даже нѣсколько покушеній. Казимиръ попытался обезоружить эту партію примиреніемъ съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ. Онъ отдалъ ему значительную часть его отчины—Бѣльскъ, Брянскъ и Суражъ на Подляшѣ, Клецкъ и Койдановъ на Руси Литовской, Брянскъ и Стародубъ въ землѣ Чернигово-Сѣверской. Но это примиреніе не достигло цѣли. Михаилъ не пересталъ интриговать противъ Казимира и едва было не погубилъ его измѣннически на охотѣ, наставъ на него вооруженный отрядъ подъ начальствомъ князей Воложинскихъ¹⁵⁵). Но особенно затруднительнымъ стало положеніе Казимира, когда поляки на Сѣрадзскомъ сеймѣ 1445 года выбрали его королемъ Польши. Уѣхать въ то время изъ великаго княжества значило дать благоприятный случай своему противнику къ новымъ попыткамъ утвердиться на великомъ княженіи. Эти попытки, въ виду тогдашняго нерасположенія литовцевъ къ возобновленію уніи съ Польшею на основаніи договора 1432 года, могли кончиться успѣхомъ Михаила Сигизмундовича. Поэтому и самъ Казимиръ на первыхъ порахъ не рѣшался принять Польской короны и подъ разными предлогами оттягивалъ окончательный отвѣтъ на предложеніе поляковъ, и приверженные къ нему литовскіе паны не пускали его въ Польшу, опасаясь, что вмѣстѣ съ Казимиромъ они потеряютъ приобрѣтенную свободу¹⁵⁶). Казимиръ далъ утвердительный отвѣтъ лишь только тогда, когда избраніе въ польскіе короли мазовецкаго князя Болеслава, шурина Михаила Сигизмундовича, стало угрожать ему еще большею опасностью. Предъ отъѣздомъ изъ Литвы на коронацію, чтобы успокоить литовцевъ въ ихъ опасеніяхъ касательно предстоявшаго тѣснаго союза съ Польшею (подъ однимъ государемъ), а также, чтобы еще болѣе привязать ихъ къ своей персонѣ, Казимиръ 2 мая 1447 г. выдалъ новый привилей прелатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣщанамъ Литовской, Русской, Жмудской и другихъ земель великаго княжества. Этотъ привилей имѣетъ огромное значеніе какъ въ исторіи государственнаго развитія великаго княжества вообще, такъ въ частности и въ исторіи изучаемаго учрежденія.

¹⁵⁵) Лѣтопись Выховца, стр. 55; *Strykowskiego Kronika*, tom II, str. 211, 212.

¹⁵⁶) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 10: et transmigrare simul cum Kazimiro partam libertatem rebantur.

Въ вознагражденіе за испытанную вѣрность къ нему, какъ къ прирожденному государю и законному наслѣднику, а также, чтобы и на будущее время захотить ихъ къ тому же, Казимиръ пожаловалъ названнымъ чинамъ всѣ вообще права, вольности и изытія (*generaliter et omnino eadem jura, libertates et emunitates*), какими пользуются прелаты, князья, паны, шляхта и мѣщане королевства польскаго. Но, чтобы на будущее время не возникало никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, Казимиръ счелъ нужнымъ подробно и точно обозначить даруемыя права и вольности. Въ его грамотѣ сверхъ тѣхъ правъ и вольностей, которыя дарованы были предшественниками Казимира, и которыя онъ только подтверждалъ, распространяя ихъ на всѣхъ вообще военнотружениковъ землевладѣльцевъ великаго княжества, находимъ и нѣкоторыя новыя, и притомъ чрезвычайно важныя, права. Казимиръ освобождалъ всѣхъ княжескихъ, панскихъ, шляхетскихъ, боярскихъ и мѣщанскихъ крестьянъ (*kmethones et subditos principum, baronum, nobilium, boyarorum et civium*) не только отъ платежа натуральныхъ податей («дякла») и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати, «серебщаны»; обязывался не принимать на свои земли владѣльческихъ крестьянъ—отчичей и невольныхъ (*origenarios kmethones, manuscipiorum obnoxios*); запрещая то же самое владѣльцамъ въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ; устанавливалъ, что судъ надъ владѣльческими «подданными» принадлежитъ владѣльцамъ, и эти «подданные не должны впредь привлекаться къ суду великаго князя или его урядниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ управы, при чемъ судебныя пени во всякомъ случаѣ должны идти въ пользу владѣльцевъ. Католическому духовенству дана была гарантія въ томъ, что впредь вакантныя духовныя должности будутъ замѣщаться предпочтительно подходящими людьми изъ уроженцевъ великаго княжества и только при неимѣніи таковыхъ—иностранными. Въ интересахъ свѣтскихъ пановъ Казимиръ обязался за себя и своихъ преемниковъ не давать никому, помимо уроженцевъ великаго княжества, земель, замковъ и мѣсть въ полную собственность, временное владѣніе или въ держанье, равно не раздавать иноземцамъ уряды или почетныя званія (*officia sive personatus dignitates*). Наконецъ, въ виду притязаній поляковъ на Волинь и Подолье Казимиръ обязался не уменьшать владѣній великаго княжества, но сохранить его въ цѣлости въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ оно заключалось при великомъ князѣ Витовтѣ ¹⁵⁷⁾.

¹⁵⁷⁾ Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 16. *Golębiewskiego Dzieje Polski*, tom III, str. 38, nota 51. Этотъ же привилей напечатанъ въ разныхъ

Итакъ, сверхъ политическихъ гарантій, вытекавшихъ изъ призна- нія великаго княжества особымъ и независимымъ государствомъ, военно- служилый классъ получилъ отъ Казимира почти тѣ же права, которыя отецъ его пожаловалъ католическому духовенству, т. е. освобожденіе его «подданныхъ» отъ платежа всякихъ податей въ пользу великаго князя и о юрисдикціи великаго князя и его урядниковъ. Едва ли эти вольно- сти идутъ отъ предшественниковъ Казимира. По крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно утверждать это въ отношеніи пановъ, шляхты, бояръ и мѣщанъ. Извѣстно, что Городельскій привилей прямо подтвер- дилъ обязанность пановъ и шляхты платить великому князю подати съ своихъ имѣній согласно старому обычаю (*et tributa dare iuxta anti- quam consuetudinem*)¹⁵⁸). Привилей Сигизмунда Кейстутевича отъ 1434 г. освободилъ княжескихъ и боярскихъ подданныхъ отъ платежа одного только «дякла», которое предъ тѣмъ платилось ему самому и его предшественникамъ (*quos ab ante nobis et predecessoribus nostris dare consueverant et astricti fuerunt*)¹⁵⁹).—Что касается великокняже- ской юрисдикціи, то объ освобожденіи отъ нея панскихъ и боярскихъ людей не упоминаетъ ни одинъ изъ предшествующихъ привилеевъ. Это освобожденіе нельзя подразумѣвать, въ пожалованіи литовскимъ и русскимъ панамъ и шляхтѣ-боярамъ всѣхъ тѣхъ правъ и вольностей, коими пользуются паны и шляхта королевства Польскаго. Правда, что въ Польшѣ въ то время владѣльческіе «подданые» большею частью уже не подлежали юрисдикціи королевскихъ урядниковъ (за исключе- ніемъ уголовныхъ дѣлъ, составлявшихъ «старостинскіе артикулы»). Но это изъятіе гарантировалось *не общими законами, а частными приви- лееми*, полученными владѣльцами. Такъ какъ этихъ привилеевъ было роздано великое множество, то и владѣльческая юрисдикція стала *обыч- нымъ* содержаніемъ рыцарскаго права¹⁶⁰). Но въ общихъ писанныхъ узаконеніяхъ Польши владѣльческая юрисдикція опредѣлялась только позднѣе вышеуказаннаго привилея 1447 года, а именно: въ Нешав-

изданіяхъ подъ датю 2 мая 1457 года (см., напр., Акты Зап. Рос. I, № 61; *Zbiór praw litewskich*, str. 28—35; *Rzyszczewski i Muczkowski Codex diplomaticus Poloniae*, № CLXXXVIII). Неправильность этой даты доказалъ уже Капо (*Geschichte Poleus*, Theil IV, s. 278, Anmerk. 2).

¹⁵⁸) *Zbiór praw litewskich*, str. 13.

¹⁵⁹) *Monumenta medii aevi*, tomus XIV, appendix № 22:

¹⁶⁰) *Fr. Piekosińskiego Rycerstwo polskie wieków srednich*, tom I, str. 211—233, 331—333. Kraków 1896.

скомъ статутѣ (великопольскомъ) Казимира IV ¹⁶¹), въ Петрковскомъ статутѣ 1496 г. и послѣдующихъ сеймовыхъ конституціяхъ до конституціи 1573 года включительно ¹⁶²). Если такъ, то едва ли можно думать, что и литовскіе земскіе привилеи 1413 и 1434 г., уравнивавшіе литовцевъ въ правахъ съ поляками, шли далѣе того, что существовало въ польскомъ правѣ, и *implicite* содержали общій законъ о юрисдикціи свѣтскихъ владѣльцевъ надъ своими людьми, котораго еще не было у самихъ поляковъ. Въ силу этихъ соображеній мы считаемъ долгомъ отступить здѣсь отъ утверждения, высказаннаго нами ранѣе, на стр. 630 книги «Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства», и признать, что привилеи, предшествовавшіе привилею 1447 года, не опредѣляли еще юрисдикціи для всѣхъ свѣтскихъ владѣльцевъ даже въ предѣлахъ собственной Литвы, что даже и здѣсь эта юрисдикція не была еще правомъ, опредѣленнымъ въ общемъ законѣ.

Привилею 1447 г. принадлежитъ весьма важное мѣсто въ социальнополитической исторіи Литовско-Русскаго государства, и въ частности въ исторіи литовско-русскаго сейма. Прежде всего бросается въ глаза его особый характеръ. Привилей прямо и опредѣленно утверждаетъ извѣстныя права и вольности только Литвы, соединенной съ нею Руси и Жмуди, но глухо и, такъ сказать, принципиально и всѣхъ вообще земель великаго княжества Литовскаго. Вслѣдствіе этого его можно разсматривать, какъ *первый общеземскій привилей*, отъ котораго ведутъ начало права и вольности князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ (военно-

¹⁶¹) Статутъ, данный великопольскому рыцарству въ 1454 г., гласилъ: *Statuimus insuper, ne castellani, prout ante consueverunt, sua judicia exercent, quorum judiciis nobiles terrigenae aut ipsorum kmethones deinceps non parebunt neque aliquas poenas ratione contumaciae luant, sed castellani predicti coram iudicio terrestri jure convincant. Insuper pecunias quas antea ea pro capitibus a nostrorum terrigenarum hominibus recipiebant, a modo exigere non debebunt, sed unusquisque haeres hujusmodi pecuniam alias Glowne jure sibi id decernendo recipiat* (*R. Hułe Statuta Nieszawskie z 1454 roku. Warszawa 1876*).

¹⁶²) Статутъ 1496 г. опредѣлялъ, чтобы долги съ крестьянъ взыскивались предъ судомъ пана; конституція 1501 г. опредѣляла, чтобы старосты не привлекали къ своему суду владѣльческихъ крестьянъ про *injuria*, но направляли ихъ къ панскому суду; конституція 1573 г. подтверждала право каждаго пана карать своего хлопа по своему усмотрѣнію *tam in spiritualibus quam in saecularibus*. См. *М. Вобrzyński* Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce, str. 169—173. (*Rocznik Akad. Umiej. w Krakowie, Rok 1891/2*).

служилыхъ) великаго княжества въ обширномъ смыслѣ. Этотъ привилегей не только юридически оформилъ и укрѣпилъ ихъ положеніе, какъ землевладѣльцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ юридически опредѣлилъ и усилилъ то положеніе, которое успѣли къ тому времени занять военнослужилые землевладѣльцы по отношенію къ населенію своихъ имѣній. Великій князь не только обязался за себя и своихъ урядниковъ не принимать ихъ крестьянъ отчичей (*origenarios*) и невольныхъ людей (*mancipiorum obnoxios*)¹⁶³), но и отказался въ пользу военнослужилыхъ землевладѣльцевъ отъ важнѣйшихъ своихъ правъ по отношенію къ населенію ихъ имѣній—отъ права суда и взиманія судебныхъ пеней, отъ денежныхъ и натуральныхъ податей и барщинныхъ повинностей. По существу своему эти уступки были не чѣмъ инымъ, какъ раздѣленіемъ государственной власти надъ народною массою между великимъ княземъ и военнослужилыми землевладѣльцами. Благодаря этимъ уступкамъ добрая половина населенія, если не большинство, почти совсѣмъ вышла изъ подъ непосредственной власти великаго князя и попала подъ власть землевладѣльцевъ, которые стали въ отношеніи къ ней чуть не такими же *господарями*, какъ самъ великій князь по отношенію къ остальной части¹⁶⁴). Въ Литовско-Русскомъ государствѣ установился соціально-политическій строй, сильно напоминающій средневѣковой западно-европейскій *феодализмъ*. Въ тогдашней канцелярской латыни это сходство стало отмѣчаться западно-европейскою феодальною терминологіею еще ранѣе, чѣмъ названный строй установился окончательно. Въ различныхъ грамотахъ, писанныхъ въ первой половинѣ XV в., встрѣчаемъ упоминанія о «баронахъ», «рыцаряхъ», «вассалахъ», «присяжникахъ» (*homagiales*), «феодальныхъ службахъ»¹⁶⁵). Позже эта терминологія проникла и въ русскій канцелярскій языкъ великаго княжества¹⁶⁶).

¹⁶³) Населеніе боярскихъ имѣній уже въ началѣ XV в. составляли люди *zinshaftige und eigen*. Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCLI.

¹⁶⁴) Этотъ фактъ нашелъ себѣ выраженіе и въ официальномъ языкѣ: названіемъ «господарь» или «пань» стали одинаково именоваться какъ великій князь, такъ и землевладѣлецъ въ отношеніи къ людямъ, населявшимъ ихъ имѣнья и называвшимся одинаково ихъ «подданными». См., напр., Monumenta medii aevi, tomus XIV, appendix № 22; Zbiór praw litew., str. 28—35; Акты Зап. Рос. I, № 61, 67 и др.

¹⁶⁵) Zbiór praw litewskich, str. 7, 20, 195; Monumenta medii aevi, tomus XII, № 232.

¹⁶⁶) Лит. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 183, 184; XXXV, л. 144, 145, 263, 264; XXXVIII, л. 249, 250; XXXIX, л. 248, 249, 415; XLVIII, л. 16, 17.

Точно такъ же по западному феодальному обычаю, ближайшимъ образомъ по польскому примѣру, знатные литовскіе бояре стали обозначаться не только личными и родовыми именами, но и по имѣньямъ, имъ принадлежавшимъ. Такимъ образомъ, напр., въ актѣ поручительства Свидригайла и литовскихъ пановъ за Румбольда, Гаштольда и другихъ плѣнныхъ, выданномъ полякамъ 15 дек. 1431 г., перечислены: Протасій *съ Островака*, Корева *съ Солечникъ*, Станиславъ *съ Вязнина*, Першко *съ Домановичъ*. Самъ Румбольдъ въ своемъ личномъ письменномъ обязательствѣ (отъ 26 іюня 1432 г.) величалъ себя Румбольдомъ *съ Вильтова* ¹⁶⁷⁾. Въ привилей земскомъ 1447 г. выдававшей его канцлеръ Михаилъ Кезгайловичъ названъ *съ Дьялтова* ¹⁶⁸⁾. То же самое встрѣчаемъ и послѣ изданія этого привилея. Въ записи о приданомъ, выданномъ королемъ Казимиромъ за свою дочь Штетинскому князю Богуславу, обозначены присутствовавшіе при совершеніи ея паны: воевода Виленскій Олехно Судимонтовичъ *съ Хожова*, воевода Троцкій Богданъ Андреевичъ *съ Груздова*, панъ Виленскій Миколай Радивиловичъ *съ Мушникъ* ¹⁶⁹⁾. Та же самая претензія на княжеское значеніе, которая проявилась въ этихъ величаніяхъ по имѣньямъ, позже стала вскати себѣ болѣе опредѣленныхъ выраженій и привела къ принятію знатными литовскими панами соответствующихъ титуловъ. Такимъ образомъ, напр., извѣстный панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ актахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, величалъ себя *графомъ Обмурованныхъ Гераноинъ* (Groff de Murata Gieranon) ¹⁷⁰⁾; панъ Миколай Миколаевичъ Радивиль, воевода Виленскій и канцлеръ, во время пребыванія своего въ Австріи въ 1515 году (ѣздилъ съ королемъ Сигизмундомъ на Вѣнскій конгрессъ государей) досталъ себѣ отъ императора Максимилиана титулъ *князя Священной Римской имперіи на Ганяць и Мядель*. Императоръ Карлъ V въ 1547 году пожаловалъ титулъ *князей на Несвижъ и Олькъ* братьямъ Миколаю Яновичу Радивилу, маршалку земскому, и Яну Яповичу Радивилу, литовскому крайчю, а ихъ двоюродному брату Миколаю—*князя на Буржахъ и Дубинкахъ* ¹⁷¹⁾; въ 1568 году король Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ пану Яну Еро-

¹⁶⁷⁾ Monumenta medii aevi, tomus II, № LXXV, LXXIX.

¹⁶⁸⁾ Monumenta medii aevi, tomus XIV, app. № 76.

¹⁶⁹⁾ Monumenta medii aevi, tomus II, pars II, № CCLIV.

¹⁷⁰⁾ *Balińskiego i Lipińskiego Starożytna Polska*, tom IV, str. 185.

¹⁷¹⁾ *Bowieckiego Poczet rodów*, str. 271, 276, 279; *Wolffa* *Kniaziowie litewsko-rusey*, str. 675; *Strykowskiego Kronika*, tom II, str. 386; *Архивъ Юго-Зап. Россіи*, ч. V, т. I, № XIX; *Литов. Метр. кв. L*, л. 222.

нимовичу Ходкевича носить пожалованный ему отъ императора титулъ *графа на Шкловъ, Быховъ, Глуску и Мыши* ¹⁷²⁾ и т. д.

Соціально-политическій строй, закрѣпленный привилеемъ 1447 г., представилъ въ высшей степени благопріятную почву для дальнѣйшаго роста и преуспѣянія того учрежденія, зарожденіе котораго мы выслѣдили въ предыдущей главѣ. Если и до изданія привилея 1447 г. литовско-русскій государь долженъ былъ при рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ обращаться за совѣтомъ и согласіемъ къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ великаго княжества, къ князьямъ и знатымъ литовскимъ боярамъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ дѣлать это послѣ того, какъ подѣлился своею государственною властью надъ народною массою со всѣми военнотружильными землевладѣльцами и тѣмъ возвысилъ непомерно ихъ значеніе въ обществѣ. Съ того времени онъ, можно сказать, безповоротно утратилъ шансы на то, чтобы стать единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ, и *plenipotens* долженъ былъ для рѣшенія болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ государственной жизни созывать и другихъ «господарей», чаще всего, конечно, наиболѣе крупныхъ и знатныхъ, но въ особо важныхъ случаяхъ и всѣхъ остальныхъ. Въ этомъ отношеніи особенно была чревата послѣдствіями та статья привилея 1447 г., которая освобождала самихъ военнотружильныхъ землевладѣльцевъ и ихъ «поданныхъ» отъ платежа въ казну великаго князя постоянной «серебщины». Благодаря этому литовскій скарбъ очень скоро почувствовалъ нужду въ деньгахъ, и уже въ 1450 году Казимиръ долженъ былъ прибѣгнуть къ экстренному обложенію на военныя нужды ¹⁷³⁾. Позже, когда продолжительная борьба съ Москвою и татарами въ конецъ истощила финансовыя ресурсы литовско-русскаго государя, и когда чуть не ежегодно ему пришлось прибѣгать къ этому экстренному обложенію, онъ уже не считалъ возможнымъ дѣлать это единоличнымъ распоряженіемъ и даже

¹⁷²⁾ Лит. Метр. кн. Запис. I, л. 170—172. О другихъ аналогіяхъ соціально-политическаго строя великаго княжества Литовскаго съ западно-европейскимъ феодализмомъ см. «Областное дѣленіе и вѣстовое управленіе Литовско-Русскаго государства», стр. 614—624.

¹⁷³⁾ *Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae pars II, № 1835. Riga und Dorpat 1835.* Литовское правительство по примѣру западной Европы въ то время уже пользовалось наемными войсками въ своихъ войнахъ. Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ сообщаетъ, что «жолнеры» употреблялись Казимиромъ уже въ войнѣ, которую онъ въ началѣ своего великокняженія велъ съ Москвою. *Kronika, tom II, str. 210.*

съ согласія пановъ рады, а стали созывать для этого князей, пановъ и шляхту всѣхъ земель великаго княжества на великіе вальные соймы и заручаться ихъ соизволеніемъ какъ относительно сбора экстренной подати, или «серебщины», такъ и относительно размѣровъ ея и порядка взиманія. Но давая своему государю денежныя субсидіи на нужды государства, князья, паны и боаре шляхта съ своей стороны стали пользоваться случаемъ и выхлопывать отъ государя новыя права и вольности, а также обращаться къ нему съ требованіями разныхъ государственныхъ улучшеній, новыхъ законовъ и новыхъ учрежденій. Литовско-русскій великій вальный соймъ съ теченіемъ времени получилъ благодаря всему этому огромное значеніе въ государственной жизни великаго княжества Литовскаго, и сдѣлался высшимъ учрежденіемъ, которое сильно ограничивало власть литовско-русскаго государя.

§ 6.

Какъ было сказано выше, привилей 1447 года былъ первымъ общеземскимъ привилеемъ, который, хотя прямо и опредѣленно утверждалъ права и вольности только Литвы, Руси и Жмуди, но глухо—и всѣхъ остальныхъ земель великаго княжества. Такая особенность этого привилея объясняется тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ былъ выданъ. Казимиру приходилось располагать къ себѣ не только Литву и объединенную съ нею Русь, но и остальные земли великаго княжества, среди которыхъ въ самомъ началѣ его великокняженія обнаружались сепаратистическія движенія,—стремленія устроиться самостоятельно и независимо отъ господствующей земли, т. е. отъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ.

Области-аннексы великаго княжества Литовскаго не участвовали въ возведеніи Казимира на великое княженіе. Это возведеніе было собственно дѣломъ самой сильной партіи литовскихъ пановъ, совершено было наскоро и скорѣе въ формѣ *coup d'état*, чѣмъ правомѣрно, по общему совѣту и согласію. Что касается пановъ, пріѣхавшихъ къ Казимиру изъ разныхъ земель великаго княжества,—о которыхъ говоритъ Длугошъ,—то, по всѣмъ признакамъ, это были все тѣ же литовцы, державшіе намѣстничьи уряды, въ родѣ, напр., Яна Гаштольда, намѣстника Смоленскаго. И въ рассказѣ древнѣйшаго литовско-русскаго лѣтописца, современника описываемому событію, возведеніе Казимира на великое княженіе представлено, какъ дѣло литовскаго сейма въ тѣсномъ смыслѣ. «Радаж Литовская,—говоритъ онъ,—великаго княженья князи и панове и вся земля дорадившеса, и взяли з Ляховъ Казимира королевичъ на великое княженье Литовское». Въ другихъ земляхъ, судя

по его разсказу, литовскіе намѣстники брали съ обывателей присягу не отступать отъ того великаго князя, кого посадятъ на великомъ княженѣ въ Вильнѣ князя, паны и вся земля Литовская ¹⁷⁴). Слѣдовательно, представители этихъ земель не приглашались на сеймъ въ Вильну.

Такой образъ дѣйствій господствующей земли и на этотъ разъ, какъ и при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда Кейстутевича, вызвалъ въ областяхъ великаго княжества оппозицію, хотя на этотъ разъ оппозиція проявилась по разному и поэтому сравнительно легко была подавлена. Возмущеніе противъ Литвы поднялось прежде всего въ Смоленскѣ. Первоначально всѣ смольняне—владыка, князя, бояре, мѣстичи и черные люди цѣловали крестъ не отступать отъ Вильны и держать пана Андрея Саковича, пріѣхавшаго въ Смоленскъ на мѣсто Гаптольда, честно, какъ воеводу. Но уже въ среду на святой недѣлѣ (30 марта) настроеніе смоленской черни рѣзко измѣнилось. Черные люди—кузнецы, кожемяки, певники, мясники, котельники и др. ремесленники вооружились, собрались на вѣче и вступили въ бой съ намѣстникомъ и боярами, которые остались вѣрными Литвѣ. Хотя въ первой стычкѣ побѣда осталась за намѣстникомъ и боярами, но уже на другой день они принуждены были уѣхать изъ Смоленска, намѣстникъ—въ Литву, а бояре по своимъ имѣньямъ. Черные люди сначала посадили воеводою въ Смоленскѣ князя Андрея Дорогобужскаго, а затѣмъ призвали къ себѣ «государемъ» мстиславскаго князя Юрія Лигвевьевича. Послѣдній похваталъ смоленскихъ бояръ, посажалъ ихъ въ оковы, а имѣнья ихъ роздалъ своимъ мстиславскимъ боярамъ, намѣреваясь, по всѣмъ признакамъ, отдѣлиться совсѣмъ отъ великаго княжества и возстановить древнее Смоленское княжество въ полномъ объемѣ ¹⁷⁵). Въ то же время онъ, «возгордась», какъ говоритъ лѣтописецъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Полоцкъ и Витебскъ ¹⁷⁶). Точно такъ же и земля Волынская на первыхъ порахъ обнаружила стремленія устроить свою судьбу независимо отъ Литвы. Правда, что князя Сангушковичи и нѣкоторые бояре Волынскіе по полученіи вѣсти о смерти Сигизмунда Кейстутевича отправились въ Вильну и ударили челомъ на службу в. кн. Казимиру ¹⁷⁷), но это было меньшинство. Князя и бояре Луцкой земли приняли къ себѣ на княженіе

¹⁷⁴) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

¹⁷⁵) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

¹⁷⁶) Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 113.

¹⁷⁷) *Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, str. 51.

Свидригайла ¹⁷⁸⁾, который уже 6 июня принесъ вассальную присягу не великому князю Казимиру, а королю Польскому Владиславу III ¹⁷⁹⁾. Свидригайло еще въ мартѣ 1445 года распоряжался въ Луцкѣ, какъ вассаль Владислава III, — «съ приказаньемъ кроля Владислава Польского и Вгорского» ¹⁸⁰⁾. Есть данныя и на то, что и Владиміръ съ своимъ округомъ, равно и Кременецъ въ это время были подъ властью Польши, а не Литвы ¹⁸¹⁾. — Одновременно съ Смоленскою и Волинскою землею отторглося отъ великаго княжества Подлясье, или земля Дорогичская съ городами Дорогичиномъ, Бѣльскомъ и Мельникомъ. Начальствовавшій въ этой землѣ староста Дорогичскій и Мельницкій Носута, мазуръ по происхожденію, поддался со всѣми названными городами князю мазовецкому Болеславу, къ которому эта земля должна была перейти по смерти Сигизмунда Кейстутевича вслѣдствіе особаго договора съ нимъ ¹⁸²⁾. Вскорѣ и земля Жмудская не захотѣла подчиняться Казимиру. Жмудины прогнали отъ себя намѣстниковъ старосты Кезгайла, выбрали себѣ сами старосту — племянника Ковтовтова Довмонта, а княземъ надъ собою признали Михаила Сигизмундовича ¹⁸³⁾. Даже и Кіевская земля обнаружила склонность къ отдѣленію отъ великаго княжества. Послѣ неудавшейся попытки погубить Казимира на охотѣ Михаилъ Сигизмундовичъ бѣжалъ сначала въ Брянскъ, а затѣмъ въ Москву и отсюда съ вспомогательнымъ московскимъ войскомъ подступилъ къ Кіеву, при чемъ кіевляне легко поддались ему и приняли его намѣстниковъ и гарнизонъ ¹⁸⁴⁾.

¹⁷⁸⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 621.

¹⁷⁹⁾ Monumenta medii aevi, tomus II, pars I, № CXIII.

¹⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 45.

¹⁸¹⁾ Въ 1443 г. 19 мая Владиславъ III отобралъ у кн. Сангушка Кошерскъ, находившійся во Владимірскомъ повѣтѣ; въ 1442 г. тотъ же Владиславъ III подтверждалъ городу Кременцу магдебургское право. Scarbiec diplomatów II, № 1783, 1791.

¹⁸²⁾ *Narbutta* Pomniki, str. 51, 52; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 622. Мазовецкіе князья растли притязанія на Подлясье со временъ дарственныхъ записей на Подлясье, выданныхъ имъ Ягайломъ въ 1391 и 1396. См. *Caro* Geschichte Polens, Th. IV, s. 258—261.

¹⁸³⁾ *Narbutta* Pomniki, str. 52; Scarbiec diplomatów, II, № 1772.

¹⁸⁴⁾ *Strykowskiego* Kronika, tom II, str. 212. Случилось это, судя по всему ходу событій, въ 1442—1443 г., а не въ 1449—1451, какъ полагаетъ Каро (*Geschichte Polens*, Theil IV, s. 268).

Счастьемъ для Казимира было то, что ему не пришлось считаться съ тѣмъ единодушіемъ и солидарностью, которую проявили области въ борьбѣ съ его предшественникомъ. При Казимирѣ области дѣйствовали разнo и независимо другъ отъ друга, преслѣдуя разныя цѣли. Поэтому Казимиръ сравнительно легко справился съ ихъ сепаратистическими поползновеніями и подчинилъ ихъ своей великокняжеской власти. Прежде всего онъ выслалъ войско для усмиренія смольнянъ (въ Филипповъ постъ 1440 г.). Это войско подѣлало много зла Смоленской землѣ, но не выполнило своей миссіи, не покорило Смоленска. Казимиръ долженъ былъ для этого вторично снаряжать войско и лично повелъ его на Смоленскъ. На этотъ разъ походъ достигъ своей цѣли. Князь Юрій Лингвевъевичъ увидалъ, что онъ не въ состояніи будетъ удержаться на Смоленскомъ княженіи и покинулъ Смоленскъ ранѣе, чѣмъ подошелъ Казимиръ. Казимиръ взялъ Смоленскъ силою и посадилъ въ немъ воеводою Андрея Саковича ¹⁸⁵⁾. Для окончательнаго замиренія смольнянъ онъ выдалъ имъ грамоту, въ которой подтвердилъ ихъ старинныя права и вольности ¹⁸⁶⁾. Точно такъ же скоро раздѣлался Казимиръ и съ возстаніемъ Жмуди. Онъ собралъ было большое войско въ Ковнѣ съ намѣреніемъ вторгнуться отсюда въ Жмудь. Но сопровождавшій его Янъ Гаштольдъ посовѣтовалъ ему послать къ жмудинамъ того самаго Контовта, племянникъ котораго былъ избранъ ими въ старосты, и попытаться склонить ихъ къ покорности. Контовтъ успѣшно выполнилъ свое порученіе, и Жмудь «призолила» служить великому князю Казимиру, и всѣ «единодушно» пріѣхали въ Ковно, «вдарили чоломъ служить ему вѣрне» и принесли въ томъ присягу. Казимиръ съ своей стороны далъ имъ присягу «заховать ихъ въ ласце своей зo всими ихъ имѣніи» и выдалъ на то особый привилей. Въ этомъ привилейѣ онъ между прочимъ торжественно признавалъ, что жмудины не черезъ мечъ «альбо черезъ оныя валки были звалчоные, але зъ доброю волею пристали»; кромѣ того, пожаловалъ жмудинамъ право избирать себѣ старосту, оставляя за собою утвержденіе его, и обратно— право принимать отъ него только такого воеводу и тивуновъ, которые будутъ имъ любы. На этотъ разъ Казимиръ оставилъ у нихъ старостою пана Контовта ¹⁸⁷⁾. Легко удалось Казимиру вернуть подъ свою власть и Кіевъ. Кіевляне поддались Казимиру, какъ только прибыло къ нимъ литовское войско подъ начальствомъ Яна Гаштольда. Тѣмъ не менѣе

¹⁸⁵⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., III, 113; *Strykowskiego Kronika*, tom II, 209

¹⁸⁶⁾ Акты Запад. Рос. I, № 213.

¹⁸⁷⁾ *Narbutta Pomniki*. str. 53; Акты Зап. Рос. I, № 103.

Казимиръ и его рада сочли необходимымъ въ государственныхъ интересахъ великаго княжества удовлетворить желаніе кievлянъ имѣть у себя правителемъ князя. Поэтому, когда вскорѣ послѣ покоренія Кіева, въ Вильну пріѣхаль изъ Копыля кн. Олелько Владиміровичъ съ сыновьями Семеномъ и Михаиломъ и большою свитою и сталъ просить о возвращеніи ему отчины его Кіева, Казимиръ, по ходатайству панновъ рады, далъ ему Кіевъ со всѣми пригородками. По Стрыйковскому это имѣло мѣсто въ 1442 году ¹⁸⁸⁾. Больше хлопотъ доставило Казимиру и литовскимъ панамъ Подляшье. Сначала они пытались вернуть его мирнымъ путемъ, и съ этою цѣлью литовскіе паны сѣзжались съ поляками въ ноябрѣ 1441 г. въ Парчовѣ. Но происходившіе здѣсь переговоры не привели ни къ чему ¹⁸⁹⁾. Литовцы послѣ того не разъ пытались вернуть Подляшье силою оружія, но безуспѣшно. Имъ удалось сдѣлать это только въ 1444 году посредствомъ соглашенія съ мазовецкимъ княземъ Болеславомъ, которому они заплатили 6000 копъ широкихъ пражскихъ грошей. При этомъ для удовлетворенія мѣстныхъ землянъ польскаго происхожденія Казимиръ пожаловалъ имъ права и вольности, которыя содержатся въ статутахъ королевства Польскаго ¹⁹⁰⁾. Постѣ того, какъ всѣ эти области воротились къ великому княжеству Литовскому, и Свидригайло съ волянцами не захотѣли отставать отъ прочихъ. Мы видѣли, что въ мартѣ 1445 года Свидригайло все еще оставался вассаломъ польскаго короля. Но въ слѣдующемъ 1446 году Свидригайло уже увѣдомлялъ великаго магистра, что онъ сталъ вѣрнымъ слугою Казимира ¹⁹¹⁾; слѣдовательно въ концѣ 1445 г. или въ началѣ 1446 г. Волинская земля перешла на сторону Литвы. вмѣстѣ съ Волинью къ Литвѣ примкнуло и восточное Подолье, остававшееся, какъ было сказано, въ рукахъ Свидригайла послѣ погрома его силъ при Сигизмундѣ Кейстутевичѣ.

Итакъ, къ 1447 году подъ верховною властью Казимира собрались снова всѣ земли Литовско-Русскаго государства, разсыпавшіяся было въ началѣ его великокняженія въ разныя стороны. Выдавая 2 мая 1447 года привилей на различныя права и вольности для военнослужилаго класса великаго княжества, Казимиръ не могъ обойти въ немъ князей, бояръ и военнослужилыхъ мѣщанъ областей-аннексовъ. И эти

¹⁸⁸⁾ *Narbutta* Pomniki, str. 56; *Strykowskiego Kronika*, tom II, s. 212.

¹⁸⁹⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 670.

¹⁹⁰⁾ *Caro* Geschichte Polens, Theil IV, s. 269—279; *Zbiór praw litewskich*, str. 118—121.

¹⁹¹⁾ *Scarbiec diplomatów* II, № 1810.

области приходилось задобривать, располагать къ вѣрности разными пожалованіями, тѣмъ болѣе, что Михаилъ Сигизмундовичъ не прекращалъ своей борьбы съ Казимиромъ, не переставалъ наводить противъ него враговъ извнѣ и интриговать противъ него внутри государства ¹⁹²). Этимъ и объясняется та особенность привилея 1447 года, о которой упоминается выше. Но такъ какъ въ общеземскомъ привилеѣ 1447 года области-аннексы, за исключеніемъ Жмудской земли, не были названы прямо, а только подразумѣвались въ выраженіи «и прочихъ», то чтобы устранить всякія сомнѣнія, которыя могла порождать общность выраженія, Казимиръ счелъ нужнымъ удостовѣрить пожалованіе областямъ «вольныхъ, добрыхъ христіанскихъ правъ, какъ въ корунѣ Польской», въ тѣхъ самыхъ привилеяхъ, въ коихъ онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, подтверждалъ старину областей. Указанія на это встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ подтвержденіяхъ этихъ привилеевъ. «А которое право,—читаемъ въ подтвердительномъ привилеѣ Смоленской земли отъ 1505 г.,—далъ его милость княземъ и паномъ и бояромъ Литовскимъ, тое жъ право далъ его милость княземъ, паномъ, бояромъ Смоленскимъ» ¹⁹³). Подобныя же выраженія встрѣчаемъ и въ другихъ подтвердительныхъ грамотахъ, выданныхъ, напр., областямъ Кіевской въ 1507 году и Полоцкой въ 1511 году ¹⁹⁴). Что касается Витебской и Волынской земель, то самое содержаніе ихъ привилеевъ показываетъ, что и на эти области распространилось то самое право, которое было дано Литвѣ, Руси и Жмуди въ 1447 г., ибо нѣкоторыя статьи этихъ привилеевъ прямо соотвѣтствуютъ статьямъ привилея 1447 г. ¹⁹⁵).

Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская, по всей вѣроятности, получили отъ Казимира новые привилеи въ 1451 г. Въ началѣ этого года Казимиръ собиралъ въ Вильнѣ общій сеймъ земель великаго княжества (*conventionem generalem in Wilno omnium terrarum Lithuaniae egit*) для устроенія различныхъ внутреннихъ дѣлъ великаго княжества Литовскаго. Весьма возможно, что на этомъ общемъ сеймѣ Казимиръ и выдалъ привилеи Смоленской, Полоцкой и Витебской землямъ въ лицѣ ихъ представителей, пріѣзжавшихъ на сеймъ. Можетъ быть, впрочемъ, Казимиръ сдѣлалъ это и во время своего объѣзда названныхъ

¹⁹²) Въ самомъ началѣ 1446 года Мемельскій командоръ доносилъ великому магистру, что Литва и Жмудъ имѣютъ серьезное желаніе взять на великое княженіе Михаила Сигизмундовича. *Scarbiec diplomatów*, II, № 1808.

¹⁹³) Акты Зап. Рос. I, № 213.

¹⁹⁴) Акты Зап. Рос. II, № 30, 70.

¹⁹⁵) Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 54; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36.

земель, который онъ предпринималъ въ томъ же году, непосредственно послѣ роспуска сейма ¹⁹⁶⁾). Нѣкоторое подтвержденіе нашей догадкѣ относительно Полоцкой земли даетъ судная грамота Казимира отъ 1456 года, содержащая рѣшеніе спора между боярами Полоцкими съ одной стороны, мѣщанами и черными людьми Полоцка съ другой, касательно отправленія земскихъ повинностей. Изъ этой грамоты видно, что Казимиръ во время судебного разбирательства наводилъ справки не только въ «листѣ», данномъ полочанамъ Витовтомъ, но и въ своемъ листѣ, «которое жъ право мы имъ дали» ¹⁹⁷⁾). Этотъ «листъ» всего вѣроятнѣе полочане получили отъ Казимира именно въ 1451 году. Волынской землѣ, по всѣмъ даннымъ, Казимиръ выдалъ привилей съ новыми правами и вольностями въ 1452 г., когда эта земля по смерти Свидригайла добровольно отдалась подъ власть Литвы, а не Польши ¹⁹⁸⁾). Дарованіе новыхъ правъ и вольностей со стороны литовскаго правительства могло быть своего рода наградою за вѣрность, а можетъ быть было и средствомъ привлеченія на свою сторону волынскихъ князей и бояръ. Что касается Кіевской земли, то привилей съ новыми правами и вольностями выданъ былъ ей по смерти кн. Семена Олельковича въ 1471 г., какъ это видно изъ подтвержденія его отъ 1507 года. Судя по этому подтвержденію, привилей Казимира гласилъ между прочимъ: «А што придали князь Александръ и князь Семень, а не отчины чюжьи, и съ того ихъ не рушаемъ, а оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то подтвердимъ зъ ласки наше» ¹⁹⁹⁾). Утвержденіе за Кіевскою землею новыхъ правъ и вольностей было также средствомъ ея замиренія и привлеченія къ великому княжеству, ибо, какъ извѣстно, Кіевляне въ высшей степени были недовольны отчѣною у нихъ княженія и приняли къ себѣ литовскаго воеводу, только уступая силѣ.

Привилей, розданные при Казимирѣ областямъ великаго княжества, окончательнo выяснили и утвердили для высшихъ классовъ областныхъ обществъ положеніе, начертанное въ привилей 2 мая 1447 года для всего вообще военнoслужилаго класса Литовско-Русскаго государства. Какъ было уже сказано выше, это положеніе приводило этотъ классъ къ непремѣнному участію въ политической жизни страны, въ распоряженіи судьбами государства и въ его внутреннемъ управленіи.

¹⁹⁶⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 80, 81.

¹⁹⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 60.

¹⁹⁸⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 104, 105.

¹⁹⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

Другими словами, — права и вольности, дарованныя Казимиромъ военно-служилому классу, обеспечивали и на будущее время ту роль, которую при немъ игралъ этотъ классъ въ государственной жизни. Эта роль съ особенною ясностью сказывалась въ сеймахъ, которые созывались при Казимирѣ для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ.

§ 7.

Для рѣшенія различныхъ вопросовъ государственной жизни Казимиръ созывалъ на сеймы правительственную и землевладѣльческую знать Литвы и соединенной съ нею Руси, т. е. великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, а въ особо важныхъ случаяхъ также и областную знать. Области великаго княжества въ началѣ великокняженія Казимира настолько дали почувствовать Литвѣ ихъ силу и значеніе, что литовское правительство въ послѣдующее время уже не считало возможнымъ рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы безъ ихъ вѣдома и согласія и приглашало въ важныхъ случаяхъ ихъ звать на литовскій сеймъ.

Первый случай такого приглашенія имѣлъ мѣсто уже въ концѣ 1445 и началѣ 1446 года. 15 октября 1445 года прибыли къ Казимиру въ Городно польскіе послы съ предложеніемъ ему короны Польской. Хотя при Казимирѣ въ данное время находились литовскіе паны, съ которыми онъ и совѣщался тайно по поводу предложенія поляковъ, однако они сочли невозможнымъ дать польскимъ посламъ какой-либо положительный отвѣтъ. Условились только, что Казимиръ соберетъ вальный сеймъ Литовской, Жмудской и Русской земель (*conventionem generalem cum terris Lithuaniae et Samagittiae ac Russiae teneat*) для обсужденія предложенія поляковъ и отвѣтъ этого сейма передастъ полякамъ на Петрковскомъ сеймѣ, который долженъ былъ собраться къ 6 января 1446 г.²⁰⁰⁾ Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ сообщаетъ, что условленный сеймъ имѣлъ мѣсто въ Вильнѣ въ январѣ 1446 года, что съѣзжались на него *литовскіе и русскіе паны*²⁰¹⁾. Это извѣстіе подтверждается и сообщеніемъ самого Казимира въ письмѣ отъ 8 января 1446 г. къ великому магистру²⁰²⁾.

Сеймъ не разрѣшилъ Казимиру принимать корону Польскую. По словамъ Длугоша, литовцы опасались, что съ отъѣздомъ Казимира въ Польшу великимъ княженіемъ овладѣетъ Михаилъ Сигизмундовичъ,

²⁰⁰⁾ *Długosz, Opera omnia, tomus XVI, p. 11.*

²⁰¹⁾ *Kronika, tom II, str. 224.*

²⁰²⁾ *Scarbiec diplomatów II, № 1809.*

что этотъ князь будетъ имъ мстить за смерть отца, и они потеряютъ при немъ пожалованія, которыми съ юношескою щедростью одарилъ ихъ Казимиръ, а равно окажется напрасною и надежда ихъ вернуть къ великому княжеству земли Луцкую и Подольскую ²⁰³). Какъ бы то ни было, но литовскіе послы, прибывшіе на Петровскій сеймъ, отъ имени великаго князя Казимира заявили, что онъ не желаетъ себѣ другого государства, что вполнѣ доволенъ своимъ отчыннымъ великимъ княжествомъ, которымъ онъ править не временно и не въ качествѣ намѣстника, а какъ природный государь, по праву, полученному отъ предковъ ²⁰⁴).

Послѣ этого отказа поляки на вальномъ сеймѣ, собравшемся 27 марта въ Петровѣ, выбрали королемъ Болеслава мазовецкаго. Рѣшено было, однако, повременить съ оффиціальнымъ приглашеніемъ избранника и попытаться вновь склонить Казимира къ принятію Польской короны. Полякамъ во что бы то ни стало хотѣлось заполучить Казимира, чтобы такимъ путемъ спасти унию Польши съ Литвою. Кромѣ того, если вѣрить Длугошу, часть пановъ опасалась, что Болеславъ, при извѣстной его энергіи и оборотливости постарается отобрать у нихъ коронныя имѣнія въ интересахъ королевскаго скарба. Вслѣдствіе этого въ Литву отправлено было новое посольство къ Казимиру съ просьбою прибыть на съѣздъ съ польскими панами въ Парчовъ или, по крайней мѣрѣ, въ Берестье ко дню св. Михаила (29 сентября) для дальнѣйшихъ переговоровъ о коронѣ ²⁰⁵).

На этотъ разъ Казимиръ и его литовскіе совѣтники оказались болѣе благосклонными къ предложенію поляковъ. Избраніе Болеслава мазовецкаго, шурина и пріятеля кн. Михаила Сигизмундовича, грозило имъ большою опасностью: можно было ожидать, что Польша послѣ того будетъ поддерживать Михаила Сигизмундовича въ его стремленіяхъ получить свою отчину, а можетъ быть, — и великое княженіе. Поэтому къ назначенному времени Казимиръ отправился со множествомъ своихъ литовскихъ совѣтниковъ (*in frequenti consiliariorum Lithuaniae numero*) въ Берестье. Узнавъ о его прибытіи, поляки послали къ нему пословъ звать его въ Парчовъ вмѣстѣ съ литовскими панами. Но Казимиръ и литовцы не поѣхали и въ свою очередь запросили къ себѣ поляковъ. Поляки также не поѣхали, но выслали къ

²⁰³) *Długosz Opera omnia, tomus XIV, p. 16.*

²⁰⁴) *Ibidem, p. 12, 13.*

²⁰⁵) *Ibidem, p. 17—24.*

Казимиру делегатовъ съ полномочіемъ (*cum plena et omnimoda potestate*) условиться съ нимъ относительно принятія короны ²⁰⁶). Эти делегаты заключили съ Казимиромъ и литовцами договоръ и обмѣнялись взаимными письменными обязательствами. Обязательство, данное Казимиромъ 17 сентября 1446 года, гласило, что на Брестскомъ сеймѣ, имѣвшемъ мѣсто въ день Рождества Богородицы и въ послѣдующіе дни, по единодушному совѣту и изволенію всѣхъ присутствовавшихъ на немъ, онъ соединилъ оба государства въ братскій союзъ (*in unione fraterna*), желая по милости Божіей быть имъ государемъ и правителемъ и защищать ихъ по мѣрѣ возможности отъ нападеній враговъ, откуда бы они ни послѣдовали; для принятія же короны польской онъ обѣщается своимъ княжескимъ словомъ прибыть въ Краковъ ко дню Іоанна Крестителя, короноваться тамъ и подтвердить права и привилегіи, вольности и изыатія князей, прелатовъ, пановъ, шляхты и мѣщанъ и всѣхъ вообще обывателей обоихъ государствъ, королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго; въ томъ случаѣ, если бы онъ не прибылъ къ назначенному дню, поляки имѣютъ право дать ходъ своему рѣшенію на послѣднемъ Петровскомъ съѣздѣ (т. е. вручить корону Болеславу Мазовецкому); настоящая записка выдается съ согласія и утвержденія прелатовъ, князей, пановъ, шляхты и всѣхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, въ удостовѣреніе чего прилагаются ихъ печати (къ акту приложено было 19 печатей) ²⁰⁷). Съ своей стороны послы отъ имени всѣхъ прелатовъ, бароновъ, шляхты и посполства (*communitatum*) королевства Польскаго дали Казимиру записку въ томъ, что вольно ему будетъ держать при себѣ слугъ (*familiares*) какого угодно языка, пребывать въ Польшѣ, сколько ему будетъ угодно, отъѣзжать и снова пріѣзжать, когда будетъ угодно ²⁰⁸). Литовскіе паны, находившіеся на Брестскомъ сеймѣ, взяли съ Казимира предварительно «латвенную записку, въ силу которой онъ, соединяя оба государства постояннымъ союзомъ (*liga perpetua*) для борьбы съ врагами, въ качествѣ короля Польскаго признавалъ владѣніями великаго княжества земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Велки, Лопатинъ и Олеско, признавалъ право литовцевъ послѣ его смерти избрать себѣ отдѣльнаго или общаго съ поляками государя ²⁰⁹). Казимиръ потребовалъ, чтобы и поль-

²⁰⁶) *Diugosz*, Opera omnia, tomus XVI, p. 25, 26; *Caro*, Liber cancellariae Stanislai Ciołek, pars II, str. 245, appendix G.

²⁰⁷) *Monumenta medii aevi*, tomus XII, pars II, № VI.

²⁰⁸) *Liber cancellariae Stanislai Ciołek*, pars II, appendix G, str. 245.

²⁰⁹) *Monumenta medii aevi*, tomus XIV, № 5.

скіе уполномоченные скрѣпили эту запись и подтвердили содержащіяся въ ней уступки для великаго княжества. Но польскіе послы категорически отказались отъ этого и собрались уѣзжать изъ Берестя въ Парчовъ. Переговоры готовы были кончиться безъ всякаго результата. Тогда нѣкоторые изъ польскихъ уполномоченныхъ стали уговаривать Казимира не поднимать вопроса о территориальныхъ уступкахъ, выставляя ему на видъ, что, сдѣлавшись королемъ, онъ будетъ имѣть полную возможность (*plenam facultatem*) уступить и подарить Литвѣ эти земли, при чемъ указывали на примѣръ его отца, который отдавалъ Подолье Спытку Мельштынскому, Свидригайлу и, наконецъ, Витовту, и обѣщали къ тому свое полное содѣйствіе. Казимиръ поддался на лукавыя рѣчи, пересталъ ставить вопросъ объ уступкахъ, какъ *conditionem sine qua non*, надѣясь дѣйствительно уладить это дѣло впоследствии, и заявилъ о своемъ согласіи на принятіе короны ²¹⁰). Литовцы остались съ одною записью Казимира, не скрѣпленною поляками. О подтвержденіи этой земли они хлопотали потомъ въ теченіе всего царствованія Казимира, но безрезультатно. И самъ Казимиръ не могъ добиться отъ поляковъ подтвержденія своего обязательства, даннаго въ качествѣ избраннаго польскаго короля великому княжеству Литовскому ²¹¹).

²¹⁰) *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 26, 27.*

²¹¹) Покойный проф. Краковскаго университета Анатоій Левицкій въ статьѣ „*Wstąpienie na tron polski Kazimierza Jagiełłończyka (Rozprawy i sprawozdania z posiedzień Wydz. histor.-filozof. Akad. Umiej. w Krakowie, tom XX)*” высказалъ разныя соображенія въ пользу того, что запись Казимира будто бы подтверждена была польскими уполномоченными и только позже отвергнута была поляками. На основаніи этихъ соображеній Левицкій обвинилъ Длугоша въ утайкѣ истины, въ невѣрной передачѣ того, что происходило на Брестско-Парчовскомъ сеймѣ 1446 года. На нашъ взглядъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою ученую *Ueber-kritik*. Длугошъ вовсе не умалчалъ о записи Казимира. Онъ объ ней прямо говоритъ въ словахъ: „*Sed et ipse Dux Kazimirus consiliis et ingeniis Lithuanorum inescatus, veteribus quoque et novis juramentis de uniendis terris praefatis pro Ducatu Magno Lithuaniae constrictus, non nisi cessione per Regnum Poloniae de terris hujusmodi subsecuta, se regni Poloniae regimen declarabat suscepturum (tomus XIV, p. 26)*”. Какими это новыми присягами связанъ былъ Казимиръ? Очевидно, здѣсь подразумѣвается та самая запись Казимира, которая приведена выше, и которую Казимиръ обязался соблюдать *sub honore et fide et juramento*... Въ сокращеніи этой записи она прямо обозначена, какъ запись Казимира, безъ упоминанія о польскихъ панахъ. Точно такъ же и въ тѣхъ намекахъ источниковъ, которые приводитъ Левицкій, запись эта высту-

Итакъ, въ сентябрь 1446 г. въ Берестѣ собирався второй сеймъ для рѣшенія вопроса о принятіи Казимиромъ короны Польской. Судя по разсказу Длугоша и указанію акта, выданнаго польскими уполномоченными на этомъ сеймѣ, въ немъ участвовала главнымъ образомъ литовская правительственная и землевладѣльческая знать (*consilarii Lithwaniæ, praelati, principes, bojari et nobiles magni ducatus Lithwaniæ*). Присутствіе князей и бояръ изъ остальныхъ земель великаго княжества незамѣтно. Очень можетъ быть, что отношеніе остальныхъ земель великаго княжества къ вопросу объ уніи съ Польшею достаточно выяснилось уже на предшествующемъ общемъ сеймѣ въ Вильнѣ, вслѣдствіе чего Казимиръ не счелъ нужнымъ собирать вторично представителей русскихъ земель на сеймъ въ Берестѣ. Нѣтъ извѣстій и о томъ, чтобы передъ отъѣздомъ въ Польшу Казимиръ созывалъ новый сеймъ для подтвержденія того, что рѣшено было уже въ Берестѣ. Онъ ограничился только тѣмъ, что выдалъ великому княжеству извѣстный привилей 2 мая 1447 года, въ коемъ торжественно обѣщалъ не уменьшать предѣловъ великаго княжества и сохранять его такимъ, какимъ оно было при великомъ князѣ Витовтѣ.

Казимиръ сдѣлался королемъ польскимъ, не рѣшивъ предварительно вопроса объ отношеніяхъ между короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ. Запись, которую онъ выдалъ литовцамъ, не была еще подтверждена согласіемъ со стороны польскаго сейма. Вслѣдствіе этого Казимиръ на первомъ же вальномъ сеймѣ, собравшемся въ Петровѣ послѣ его коронаціи, отказался подтвердить права и вольности поляковъ, прежде чѣмъ не выяснятся отношенія между Польшею и Литвою, указывая на то, что требованія поляковъ—не отрывать отъ Польши земель Луцкихъ, Русскихъ и Подольскихъ не согласуются съ его обязательствами, данными Литвѣ. Недовольный новыми подданными, Казимиръ 14 августа 1447 года уѣхалъ изъ Польши въ Литву, гдѣ провелъ осень, зиму и весну до самой Троицы (12 мая) слѣдующаго 1448 г., предоставивъ свое новое государство на произволъ судьбы¹¹²). Поляки вынуждены были вступить съ литовцами въ переговоры относительно обоюдныхъ отношеній и съ этою цѣлью 25 мая 1448 года съѣхались съ ними въ Люблинѣ.

пааетъ въ качествѣ акта, выданнаго только Казимиромъ. На основаніи всего этого мы считаемъ ее обязательствомъ Казимира, не подтвержденнымъ, а только въ будущемъ долженствовавшимъ получить подтвержденіе поляковъ. Такое пониманіе вполне согласуется со всѣмъ тѣмъ, что сообщаетъ Длугошъ о дальнѣйшихъ пререканіяхъ литовцевъ съ поляками относительно уніи и уступки Волини и Подолья.

¹¹²) *Długosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 38—42.

На Люблинскій сеймъ съ литовской стороны прїѣзжали бискупъ Виленскій Матвѣй, кн. Юрій Лингвевичъ, кн. Юрій Семеновичъ (Гольшанскій), кн. Василій Красный (изъ Друцкихъ)²¹³⁾, князь Острожскій, воевода Виленскій Гаштольдъ, воевода Троцкій Монивидъ, маршалокъ великаго княжества Петръ Монтыгирдовичъ и много другихъ литовскихъ пановъ и шляхтичей. Слѣдовательно, на этомъ польско-литовскомъ сеймѣ представлены были отчасти и русскія области великаго княжества (князьями Юріемъ Лингвевичемъ, Василиемъ Краснымъ, Острожскимъ). Въ переговорахъ, происходившихъ на этомъ сеймѣ, ярко выступило различіе стремленій литовцевъ и поляковъ. Литовцы желали установить между обоими государствами ту самую «братскую унію», о которой говорили записи Казимира, данныя полякамъ и литовцамъ до коронаціи, другими словами — постоянный оборонительно-наступательный союзъ съ сохраненіемъ политической индивидуальности каждаго государства. Они заявили полякамъ, что считаютъ себя обязанными тѣми выраженіями предшествующихъ актовъ уніи, гдѣ говорится объ инкорпораціи Литвы въ Польшу, и требовали исключенія этихъ выраженій изъ текста договоровъ объ уніи. Литовцы желали не только сохраненія самобытности, но и цѣлостности великаго княжества въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ владѣлъ имъ Витовтъ, и потому требовали отъ поляковъ возвращенія Подольской земли, замка Олеска, Ветель, Лопатина и Городда. Поляки, выставляя на видъ литовцамъ неосновательность ихъ требованій съ юридической и исторической точекъ зрѣнія, предлагали имъ одинъ способъ, который, по ихъ мнѣнію, разомъ устранялъ всякія споры и недоразумѣнія между обоими государствами, а именно: пусть оба государства сольются въ одно, въ королевство Польское, пусть уничтожится самый титулъ великаго княжества, и литовскія области станутъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ и земли Краковская, Сандомирская, Сѣрадзская и т. д., т. е. воеводствами Польши; пусть литовцы возьмутъ себѣ тѣ же права и вольности, что и поляки, сдѣлаются подданными единаго государства, и тогда имъ не о чемъ будетъ спорить, не изъ-за чего ссориться. Способъ дѣйствительно былъ вѣрный, но онъ не понравился литовцамъ, которые заявили, что для нихъ будетъ позоромъ, потерю славы и имени уничтоженіе титула великаго княжества и полное сліаніе его съ Польшею. На этомъ и кончились переговоры въ Люблинѣ²¹⁴⁾.

²¹³⁾ *Wolffa* Kniazowie litewsko-rusey, str. 58, 98.

²¹⁴⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 45—49.

Въ томъ же 1448 году литовскіе паны еще разъ собирались на сеймъ въ Новгородѣ Литовскомъ, но уже безъ поляковъ, и тайно совѣщались съ Казимиромъ, нарочно пріѣзжавшимъ сюда къ условленному дню (24 августа). Какія приняты были здѣсь рѣшенія, осталось неизвѣстнымъ ²¹⁵⁾.

На Петрковскомъ сеймѣ, происходившемъ въ декабрѣ 1449 года, поляки снова приступили къ королю съ требованіемъ подтвержденія своихъ правъ. Казимиръ и на этотъ разъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что это подтвержденіе было бы въ ущербъ великому княжеству Литовскому ²¹⁶⁾. Полякамъ, слѣдовательно, предстояло такъ или иначе рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ къ Литвѣ и достигнуть какого-либо соглашения съ литовцами. Происшедшая въ слѣдующемъ году война съ Молдавіею отвлекла ихъ вниманіе отъ этого вопроса. Въ слѣдующемъ 1451 г. его подняли сами литовцы. Въ началѣ этого года Казимиръ въ Вильнѣ собиралъ *валыный сеймъ встѣхъ земель великаго княжества* (conventionem generalem in Wilno omnium terrarum Lithuaniae) для устроения различныхъ литовскихъ дѣлъ. На этомъ сеймѣ по инициативѣ нѣкоторыхъ литовскихъ пановъ поставленъ былъ для обсужденія вопросъ объ окончательномъ отторженіи отъ Польши Луцкой и Подольской земель. Въ виду трудности и опасности этого дѣла рѣшено было пока оставить вопросъ открытымъ и возобновить переговоры съ поляками на общемъ сеймѣ въ Берестѣ въ маѣ мѣсяцѣ, въ день св. Станислава. Но поляки отклонили это приглашеніе, ссылаясь на отдаленность и необычность назначеннаго мѣста съѣзда ²¹⁷⁾.

Отклонивъ приглашеніе литовцевъ, поляки не перестали, однако, настойчиво и шумно (non пресе solo, sed clamore) требовать отъ Казимира подтвержденія правъ и вольностей королевства Польскаго. Казимиръ отвѣчалъ на это требованіемъ, чтобы поляки предварительно пришли къ соглашенію съ литовцами относительно спорныхъ пунктовъ. Вслѣдствіе этого требованія въ сентябрѣ того же года состоялся въ

²¹⁵⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 56. М. Бѣльскій въ четвертой книгѣ своей хроникѣ (*Zbiór pisańców polskich, tom XIV, str. 14*) говоритъ, что здѣсь рѣшенъ былъ походъ противъ Тверскаго князя. Эта догадка—весьма вѣроятна въ виду того, что вслѣдъ затѣмъ литовское войско дѣйствительно отправлено было противъ Тверскаго князя. Но едва ли объ этомъ одномъ совѣщался Казимиръ въ Новгородѣ съ литовскими панами. Судя по тому, что совѣщанія велись тайнѣ, можно полагать, что главнымъ предметомъ ихъ были отношенія къ Польшѣ.

²¹⁶⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 70.

²¹⁷⁾ *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 80, 81.

Парчовѣ съѣздъ польскихъ и литовскихъ уполномоченныхъ, по 12 человекъ съ каждой стороны. Этотъ съѣздъ, какъ и предшествующіе, не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и только еще болѣе выяснилъ противоположность обоюдныхъ интересовъ и стремленій, взаимное недоувѣріе и подозрѣніе. Литовскіе делегаты сначала не хотѣли даже ѣхать въ Парчовъ безъ охранныхъ грамотъ отъ поляковъ, такъ что Казмиръ долженъ былъ самъ выѣхать къ нимъ навстрѣчу на границу и затѣмъ проводить ихъ до Парчова. На общемъ собраніи литовцы уже прямо и открыто потребовали кассациі прежнихъ актовъ уніи, которые ихъ предшественники утверждали, не зная объ ихъ содержаніи, по одному только приказу князя, и замѣны ихъ новымъ актомъ, изъ котораго должны быть исключены такіа выраженія, какъ *jugo servitutis obnoxios, incorporamus, in visceramus, appropriamus et unimus terras Lithuaniae et Russiae Regno Poloniae*, и который утверждалъ бы не инкорпорацию или подчиненіе Литвы, а союзъ ея съ Польшею (non incorporationem, aut subjectionem terrarum Lithuaniae et Russiae, sed societatem et ligam cum Regno Poloniae); кромѣ того, потребовали возвращенія великому князеству земель Луцкой, Подольской, Олеска, Ратна и Ветель съ ихъ повѣтами. Отъ имени поляковъ отвѣчалъ литовцамъ Збигнѣвъ Олесницкій. Онъ указалъ на то, что литовцы, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ настоящихъ делегатовъ (бискупъ Виленскій Матвѣй), не разъ подтверждали договоры объ уніи и потому не могли не знать ихъ содержанія; указалъ далѣе и на то, что поляки владѣли Волянью и Подольемъ, отбивъ ихъ у татаръ въ то самое время, когда о литовцахъ не было и слуха, и въ концѣ концовъ сослался на недавній договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутевичемъ, въ силу котораго эти земли по смерти его должны перейти къ Польшѣ, и который подтвержденъ былъ также согласіемъ литовскихъ панонъ, въ томъ числѣ и самихъ делегатовъ. Но всѣ эти доводы не убѣдили литовскихъ уполномоченныхъ, и они уѣхали изъ Парчова, не придя ни къ какому соглашенію съ поляками²¹⁸). Вслѣдъ за ними уѣхалъ въ Литву и Казмиръ.

Вопросъ о Волянни и Подольѣ принималъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Свидригайло ослабѣлъ совершенно отъ старости, и

²¹⁸) *Mugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 95—98. Если вѣрить сообщенію литовско-русской летописи, литовцы уѣхали изъ Парчова внезапно, прослышавъ о намѣреніи поляковъ захватить ихъ въ плѣнъ и перебить, при чемъ знатнѣйшіе литовскіе паны, какъ Янъ Гаштольдъ, Ивашко Монивидъ, Кезгайло, Петръ Монтыгардовичъ и Радивилъ отослали даже полякамъ полученные отъ нихъ гербы, не желая быть съ ними въ братствѣ. *Narbutta Pomniki*, str. 57, 58; *Strykowski* Kronika, tom II, str. 232, 233.

можно было съ часу на часъ ожидать его смерти. Предстояло уже не только *de jure*, но и *de facto* рѣшить, кому быть владѣльцемъ Волыни и Подолья, Литвѣ или Польшѣ, и это обстоятельство угрожало обоимъ государствамъ не только полнымъ разрывомъ, но даже и войною. Поэтому Казимиръ и его ближайшіе совѣтники не рѣшились взять на себя всю отвѣтственность въ предстоящемъ столкновеніи и въ концѣ 1451 года созвали *въ Вильнѣ сеймъ литовскихъ земель* (*conventionem terrarum Lithuaniae*) для рѣшенія вопроса о Волыни и Подольѣ. Рѣшено было заблаговременно, еще при жизни Свидригайла, занять Луцкъ литовскимъ войскомъ и съ этою цѣлью поскорѣе отправить въ Луцкъ князя Юрія Пинскаго, Радивила Остиковича и Юршу съ значительнымъ отрядомъ. Такая предусмотрительность литовцевъ получила себѣ должную награду. Съ прибытіемъ литовскаго войска симпатіи къ великому княжеству возобладали на Волыни. Самъ Свидригайло, умирая († 10 февраля 1452 г.), наказалъ волынскимъ князьямъ и боярамъ сдать замки Литвѣ и оставаться въ подданствѣ у великаго князя Литовскаго, что тѣ охотно и исполнили ²¹⁹⁾. Споръ о Волыни, а также и восточномъ Подольѣ, находившемся въ рукахъ Свидригайла, фактически рѣшился въ пользу Литвы. Теперь оставалось только оформить это рѣшеніе юридически и добиться отъ Польши уступки западнаго Подолья, которое она крѣпко держала въ своихъ рукахъ.

Съ этою цѣлью въ Польшу на Сѣрадзскій сеймъ, назначенный въ началѣ сентября 1452 г., отправлены были послы Андрушко Довойновичъ и Михайло Монтовтовичъ (*Mintoltowicz*). Но и это посольство кончилось безъ всякаго результата, какъ и предшествующе: поляки и литовцы стояли на прежнихъ точкахъ зрѣнія и не хотѣли уступать другъ другу ²²⁰⁾ Казимиръ отправился лично въ Литву и *въ мѣсяцъ слѣдующаго 1453 г. созвалъ въ Вильнѣ великій сеймъ* для переговоровъ съ своими подданными великаго княжества. По донесеніямъ агентовъ Ордена, зорко и внимательно слѣдившаго за всѣмъ, что происходило тогда въ Польшѣ и Литвѣ, совѣщанія на этомъ сеймѣ имѣли бурный характеръ. Литовцы обнаружили даже намѣреніе выбрать себѣ другого великаго князя; произошла даже вооруженная свалка, во время которой король былъ раненъ и едва не поплатился жизнью ²²¹⁾. Все это объясняется тѣмъ, что на Сѣрадзскомъ сеймѣ 1452 года поляки вывудили Казимира дать имъ письменное обязательство въ томъ, что черезъ годъ онъ

²¹⁹⁾ *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 102, 104, 105.*

²²⁰⁾ *Ibidem, p. 114, 115.*

²²¹⁾ *Scarbiec diplomatów II, № 1904, 1907, 1908.*

подтвердить права короны Польской. Казимиръ упорно отказывался было отъ этого, на тайномъ засѣданіи съ польскими панами представлялъ, что, какъ только литовцы узнаютъ объ этомъ подтвержденіи, откажутъ ему въ повиновеніи и явно и тайно будутъ посягать на его жизнь. Но всѣ эти доводы не помогли, и Казимиръ долженъ былъ уступить ²²²⁾). На Виленскомъ сеймѣ 1453 года, такимъ образомъ, готово было исполниться то, что предсказывалъ самъ Казимиръ въ сентябрѣ 1452 года. Какъ бы то ни было, ему удалось уговорить литовцевъ поѣхать на сеймъ въ Парчовѣ для новыхъ переговоровъ съ поляками.

На этотъ сеймъ, назначенный въ іюнѣ 1453 года, отправились не только литовскіе паны, но князья и бояре изъ областей великаго княжества. Въ Парчовѣ такимъ образомъ переѣзжалъ, хотя, быть можетъ и въ уменьшенномъ составѣ, тотъ же великій сеймъ, который засѣдалъ въ Вильнѣ. Впрочемъ, литовцы доѣхали только до Берестя и не захотѣли въ полномъ составѣ ѣхать въ Парчовѣ, опасаясь козней со стороны поляковъ. Они выслали въ Парчовѣ нѣсколькихъ князей и пановъ изъ Литвы и «пословъ отъ воеводствъ» (какъ выражается Стрыйковскій) для переговоровъ съ поляками. Длугошъ въ качествѣ делегатовъ съ литовской стороны называетъ князей Юрія Семеновича (Гольшанскаго) и Бориса, пановъ Онада, Андрея Саковича и Яна Немпровича, а Стрыйковскій — Яна Ходкевича (ошиб. вм. Кгойцевича), намѣстника Витебскаго, Радивила, Миколая Паца, старосту Лидскаго, маршалковъ изъ трехъ повѣтовъ и пословъ отъ воеводствъ. Переговоры и на этотъ разъ кончились безъ всякаго результата. Поляки предлагали предоставить рѣшеніе спора Казимиру, какъ общему государю и защитнику одинаково какъ Польши, такъ и Литвы, или, если пожелаютъ литовцы, цесарю, папѣ или кому-нибудь изъ другихъ христіанскихъ государей, заявляя, что въ противномъ случаѣ они будутъ добиваться своихъ правъ и справедливости и при благопріятномъ случаѣ напоминать литовцамъ о своихъ обидахъ. Литовцы не испугались угрозъ и въ свою очередь спросили поляковъ, не желаютъ ли они передать дѣло на судъ татарскаго хана. Поляки сочли для себя насмѣшкою подобное предложеніе и прекратили переговоры ²²³⁾.

Обстоятельства далѣе сложились для поляковъ такимъ образомъ, что имъ не только не приходилось напоминать литовцамъ объ ихъ

²²²⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 115, 116.

²²³⁾ *Długosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 135—137; *Strzykowskiego Kronika*, tom II, str. 236, 237; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 85.

«кривдахъ», а наоборотъ всячески стараться о томъ, чтобы литовцы позабыли о своихъ обидахъ. Началась продолжительная и упорная борьба съ Пруссіею, которая потребовала отъ Польши напряженія всѣхъ военныхъ и финансовыхъ силъ и заставила Казимира обращаться даже за помощью къ литовцамъ. Это обращеніе имѣло мѣсто уже въ самомъ началѣ войны. Въ началѣ апрѣля 1454 года король прибылъ въ Берестье на условленный сеймъ съ литовскими панамъ (*ad agendum conventionem cum Lithuanis institutam*). Объявивъ литовскимъ панамъ (*Lithuaniae baronibus*) о томъ, что Пруссія отдалась подъ власть Польши, Казимиръ приказалъ имъ не пропускать черезъ Литву ливонцевъ, которые пожелають отправиться на помощь къ великому магистру, и съ наступленіемъ лѣта быть готовыми, если будетъ нужно, къ войнѣ съ нѣмцами ²²⁴). По даннымъ Стрыйковского, литовцы посылали на помощь полякамъ пятитысячный отрядъ подъ главнымъ начальствомъ пана Судимонтовича (Олехна); этотъ отрядъ участвовалъ въ извѣстной битвѣ подъ Хойницами, кончившейся, какъ извѣстно, пораженіемъ поляковъ ²²⁵). При такихъ обстоятельствахъ полякамъ не время было возобновлять пререканія съ литовцами относительно записей уніи, Волыни и Подолья, и если споръ обо всемъ этомъ продолжался, то по инициативѣ уже самихъ литовцевъ, стремившихся воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши.

Главнымъ агитаторомъ по этой части явился Янъ Гаштольдъ. По разсказу Стрыйковского, почерпнутому изъ литовско-русскихъ лѣтописей и находящему себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ Длугоша, Гаштольдъ возбудилъ другихъ пановъ и литовскую шляхту къ добыванію Подолья и нѣкоторыхъ волынскихъ замковъ, занятыхъ поляками, вооруженною силою. Прослышавъ объ этомъ, Казимиръ поспѣшилъ на Литву (въ февралѣ 1455 г.) и не только уговорилъ литовцевъ отказаться отъ этого намѣренія, но и склонилъ ихъ къ обѣщанію военной помощи въ дальнѣйшей борьбѣ съ Пруссіею ²²⁶). Но уже въ слѣдующемъ году волненія въ Литвѣ возобновились. Литовцы подѣлились на двѣ партіи. Панъ Монивидъ (воевода Троцкій) вмѣстѣ съ канцлеромъ (Миханломъ Кезгайловичемъ) и нѣкоторыми другими панамъ оставались вѣрными Казимиру и не желали участвовать въ *сеймахъ и совѣщаніяхъ* (*conventionibus et consiliis communibus*), которыя устраивала партія,

²²⁴) *Długosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 174.*

²²⁵) *Kronika, tom II, str. 241—247.*

²²⁶) *Długosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 198; Strykowskiego Kronika, tom II, str. 248.*

враждебная Казимиру и полякамъ. Во главѣ этой партіи стояли воевода Виленскій Янъ Гаштольдъ, кн. Юрій Семеновичъ Гольшанскій и панъ Олехно Судимонтовичъ. Они поддерживали сношенія съ Пруссією и подстрекали литовцевъ къ окончательному разрыву съ Польшею и избранію отдѣльнаго отъ Польши государя въ особѣ кievскаго князя Семена Олельковича, зятя Гаштольда. Настроенные ими литовцы очень рѣзко и грубо заговорили съ Казимиромъ и поляками. Въ бытность короля въ Ленчицѣ 1 сентября прибыли къ нему изъ Литвы Тотвиль, Николай Немировичъ и Остафій и отъ имени прелатовъ, пановъ и всего народа литовскаго потребовали, чтобы король вернулся въ Литву и отдалъ великому княжеству землю Подольскую согласно присягѣ, которую далъ передъ отправленіемъ въ Польшу на коронацію. Къ этимъ требованіямъ они присоединили угрозу, что литовцы не будутъ долѣе терпѣть своихъ обидъ и оружіемъ напомнятъ о Подольѣ и другихъ владѣніяхъ, оторванныхъ отъ великаго княжества, а короля просили памятовать, что, слушаясь поляковъ, погибъ братъ его Владиславъ, и самъ онъ уже вовлеченъ былъ въ опасность, отъ которой избавилъ его Богъ; поэтому пусть лучше возвращается въ Литву, гдѣ его ожидаетъ безмятежная, спокойная и счастливая жизнь. Казимиръ не далъ никакого отвѣта посламъ, щедро одарилъ ихъ и отпустилъ, обѣщая прислать въ Литву собственныхъ пословъ²²⁷⁾. Но въ виду серьезности положенія вещей Казимиръ потомъ передумалъ и предпочелъ лично отправиться въ Литву для успокоенія литовцевъ. Поляки сильно противились этому и передъ самымъ отправленіемъ Казимира въ Литву, 25 октября 1456 г., взяли съ него письменное обязательство въ томъ, что онъ никому не уступитъ и не подаритъ земель, принадлежащихъ коронѣ Польской, и не измѣнитъ ничего въ актахъ уніи, утвержденныхъ его предшественниками²²⁸⁾.

Въ первой половинѣ ноября Казимиръ прибылъ въ Литву и къ Рождеству Христову собралъ въ *Вильнѣ вальный сеймъ* (conventionem generalem) *бояръ великаго княжества*. На этомъ сеймѣ король сдѣлалъ строгій выговоръ литовцамъ за то посольство, которое они снарядили къ нему въ Польшу. Большинство заявили, что они ничего не знаютъ объ этомъ посольствѣ, никому не давали никакихъ полномочій къ королю, и требовали строгаго разслѣдованія и наказанія виновныхъ. Га-

²²⁷⁾ *Długosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 227, 228, 235; Wolffa Senatorowie i dygnitarze, str. 56, 72, 160; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 98.*

²²⁸⁾ *Monumenta medii aevi, tomus II, pars II, № CLVII.*

потолюду приказано было дать объясненія по настоящему дѣлу. Но король поспѣшилъ замѣять все это дѣло, опасаясь, какъ бы не вспыхнулъ открытый мятежь, и распустилъ сеймъ. Вліятельныхъ литовцевъ онъ старался послѣ того умиротворить и расположить къ себѣ уговорами и щедрыми пожалованіями и въ началѣ марта 1457 года уѣхалъ въ Польшу ²²⁹).

На этотъ разъ королю удалось замирить Литву на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде. Въ данномъ случаѣ, по всей видимости, не осталась безъ вліянія и смерть главнаго вожака литовской оппозиціи Яна Гаштольда, послѣдовавшая въ 1458 году ²³⁰). Но въ 1460 году, когда король, въ поискахъ помощи для борьбы съ Пруссіею, прибылъ *на сеймъ въ Берестѣ (5 апрѣля)*, находившіеся тамъ литовскіе паны (*primoges*) опять подняли вопросъ о Подольѣ, и королю стоило большихъ трудовъ отговорить ихъ отъ начатія войны съ Польшею ²³¹). Не покинули литовцы и мысли своей объ отдѣльномъ отъ Польши государѣ. Поэтому, когда въ слѣдующемъ, 1461-мъ, году Казимиръ прибылъ въ Литву *и на Пасху (5 апрѣля) созвалъ сеймъ литовской и русской земель (conventum terrarum Lithuaniae et Russiae)*, участвовавшіе на немъ лица единогласно (*uniformi sententia*) просили Казимира, чтобы онъ или самъ постоянно пребывалъ въ Литвѣ, или отдалъ бы великое княженіе Кіевскому князю Семену Олельковичу. Казимиръ уклонился отъ отвѣта, отложивъ рѣшеніе вопроса на другое время ²³²). Два года спустя литовцы снова подняли вопросъ о Подольѣ и Волыни. На Петровскій сеймъ, происходившій въ январѣ 1463 года, прибыли отъ нихъ послы съ требованіемъ, чтобы поляки возвратили имъ землю Подольскую и повѣты Бѣльскій, Олесскій и Ратненскій и тѣмъ предупредили разлитіе крови христіанской. Это требованіе было въ сущности объявленіемъ войны. Поляки постановили отправить въ Литву особыхъ пословъ на предположенный тамъ *важный сеймъ (ad conventum generalem illic tenendum)* и опровергнуть притязанія литовцевъ. Послы дѣйствительно пріѣзжали въ Литву и имѣли переговоры съ литовскими панами, но, какъ и прежде, не договорились ни до чего. При посредничествѣ самого короля Казимира былъ только условленъ новый съѣздъ польскихъ и литовскихъ пановъ въ Парчовѣ на Михайловъ день (29

²²⁹) *Długosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 240, 241.*

²³⁰) *Narbutta Pomniki, str. 61.*

²³¹) *Długosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 304.*

²³²) *Ibidem, p. 314.*

сентября) 1463 г. или на Срѣтеніе 1464 г. (2 февраля)²³³). Но когда приблизился послѣдній срокъ, Казимиръ, находившійся тогда въ Городнѣ, отложилъ съѣздъ до Рождества Богородицы (8 сентября), а потомъ до Мартинава дня (11 ноября). Крайнее возбужденіе литовцевъ противъ поляковъ не обѣщало ничего хорошаго отъ предстоящаго съѣзда. По словамъ Длугоша, литовцы, видя, что борьба поляковъ съ Пруссіею приходитъ къ концу, спѣшили воспользоваться послѣднимъ благоприятнымъ случаемъ и хотѣли объявить Польшѣ войну. Насилу Казимиру удалось отклонить ихъ отъ этого намѣренія. Ко дню св. Мартина собрались польскіе паны въ Парчовѣ, а литовскіе въ Берестѣ. Такъ какъ литовцы не хотѣли ѣхать въ Парчовѣ, то съ той и другой стороны съѣхались делегаты въ Ломазахъ, на полпути между Парчовомъ и Берестьемъ, и вели здѣсь переговоры въ присутствіи самого короля Казимира. Переговоры и на этотъ разъ не привели ни къ какому результату²³⁴).

Съѣздъ въ Ломазахъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ. Хотя и послѣ того поляки и литовцы не отказывались отъ своихъ притязаній, взаимно исключавшихъ другъ друга, но споръ между ними уже утратилъ свою остроту. Съ своими требованіями они обращались уже теперь къ одному Казимиру²³⁵), избѣгая непосредственныхъ переговоровъ. Очевидно, что обѣ стороны уже утомились продолжительнымъ бесплоднымъ споромъ. При томъ же и дальнѣйшія историческія обстоятельства не позволяли ни той, ни другой сторонѣ выступать рѣзко и настойчиво съ своими требованіями. Вниманіе и силы поляковъ отвлечены были сначала прусскою войною, а по окончаніи ея широкою династическою политикою Казимира, слившагося посадить своихъ сыновей на престолахъ Чехіи и Венгріи. Литовцы послѣ того, какъ поляки развязались, наконецъ съ трудною прусскою войною, всецѣло ихъ поглощавшею, естественно должны были сдѣлаться скромнѣе въ своемъ поведеніи и понизить свой тонъ относительно поляковъ. Кромѣ того, пропаганда церковной уніи, начавшаяся съ 1458 года, съ назначенія въ митрополиты Кіевскіе Григорія Болгарина, принявшаго Флорентійскую

²³³) Ibidem, p. 366, 372.

²³⁴) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 385, 386, 408.

²³⁵) Это имѣло мѣсто, напр., на Петрковскоѣ сеймѣ 1470 г., на которомъ малопольяне требовали отъ Казимира, чтобы онъ вернулъ имъ, наконецъ, Волинь и Подолье. См. Хронику *Март. Бѣльскаю* (*Zbiór pisarzy polskich*, tom XV, str. 189).

ую, испортила отношенія между католическою Литвою и православною Русью въ великомъ княжествѣ и снова возбудила между ними улегшуюся было національно-политическую вражду. Нагляднымъ выраженіемъ этой вражды служить извѣстный заговоръ князей Михаила Оленьковича, Оедора Бѣльскаго и Ивана Юрьевича Гольшанскаго, которые хотѣли погубить Казимира или «отсѣсть» для великаго князя Московскаго часть литовской земли по р. Березину²²⁶). Эта вражда, какъ это явствуется изъ свидѣтельства самого Казимира, связывала руки Литвѣ въ ея отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Когда литовцы послѣ покоренія Новгорода великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1478 г. хотѣли взяться за оружіе и воевать съ Москвою, Казимиръ, по разсказу Длугоша, сталъ уговаривать ихъ, чтобы они не начинали войны, не обезпечивши себя предварительно польскою помощію, и не полагались на русскихъ людей, которые, какъ вѣдомо имъ самимъ, не благоволятъ къ нимъ по причинѣ различія вѣроисповѣданій (*quos sibi propter disparitatem ritus suapte infestos possent*)²²⁷). При такихъ условіяхъ никакія крайности въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ полякамъ стали невозможными для литовцевъ. Они уже не поднимали вопросовъ о Подольѣ и Волыни и ограничивались только тѣмъ, что по временамъ обращались къ Казимиру съ просьбою дать имъ въ великіе князья кого-либо изъ своихъ сыновей. И въ исторіи литовско-русскихъ сеймовъ эти отношенія перестаютъ играть ту главенствующую роль, какую они играли прежде.

Послѣ вальнаго сейма 1463 г. источники указываютъ на созывѣ *сейма въ Вильнѣ въ февраль 1468 года*. Это — тотъ самый сеймъ, на которомъ Казимиръ выдалъ цѣлый рядъ законовъ касательно отправленія правосудія въ великомъ княжествѣ, «съ князьями и съ паны радою... великаго князства Литовскаго и съ всимъ посольствомъ согдавши»²²⁸). Въ слѣдующемъ, 1469-мъ году, по сообщенію Длугоша, Казимиръ собиралъ *сеймъ въ Городнѣ на 8-е сентября*, но съ какою специальною цѣлью, — неизвѣстно, повидному для рѣшенія всѣхъ накопившихся текущихъ дѣлъ, такъ что и сеймъ былъ собраніемъ однихъ только должностныхъ лицъ²²⁹).

²²⁶) Объ этомъ заговорѣ см. *K. Stadnickiego Bracia Wł. Jagiełły*, str. 193—197; *Scarbies diplomatów II*, № 212; нашу статью о книгѣ г. Ярушевича въ июльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1898, стр. 187, 188.

²²⁷) *Długosz, Opera omnia*, tomus XIV, p. 698.

²²⁸) *Акты Зап. Рос. I*, № 67.

²²⁹) *Długosz, Opera omnia*, tomus XIV, p. 527.

Болѣ опредѣленныя свѣдѣнія имѣемъ мы о *Виленскомъ сеймѣ*, собиравшемся *въ мартѣ 1473 года*. На этомъ сеймѣ постановлено было дать королю субсидію со всѣхъ земель великаго княжества (de universis Magni Ducatus Lithuaniae terris) въ размѣрѣ шести пражскихъ грошей съ плуга. Эти деньги давались королю на войну съ Венгріею ²⁴⁰). Кроме денежной субсидіи, на этомъ сеймѣ, повидимому, рѣшено было оказать помощь и людьми. По крайней мѣрѣ, осенью того же года въ походъ съ Казимиромъ на выручку Силезіи ходило нѣсколько тысячъ литвы и татаръ подъ начальствомъ Витебскаго намѣстника Ивана Ходкевича ²⁴¹).

Въ 1478 году Казимиръ собиралъ на сеймъ литовскихъ пановъ (dy Littonwisschen hern) въ Берестѣ къ 15 марта. Судя по донесенію, полученному великимъ магистромъ Прусскаго Ордена, Казимиръ собиралъ этотъ сеймъ главнымъ образомъ для обсужденія того, что предпринять противъ великаго князя Московскаго, который захватилъ Новгородъ и во время похода подѣлалъ много зла и Литовской землѣ ²⁴²). На этомъ сеймѣ, по разсказу Длугоша, литовскіе паны (barones Lithuaniae) обратились снова къ Казимиру съ просьбою дать имъ въ правители (in suum vicarium) кого-нибудь изъ бывшихъ при немъ сыновей, Казимира или Альбрехта. Но Казимиръ наотрѣзъ отказалъ имъ въ этомъ, говоря, что при жизни своей онъ никому не сдастъ управленіе великимъ княжествомъ ²⁴³). Въ слѣдующемъ, 1480-мъ, году, когда Казимиръ послѣ Пасхи собрался уѣзжать изъ Литвы, литовцы усиленно стали просить его, чтобы онъ или самъ не уѣзжалъ изъ Литвы, или далъ имъ въ правители кого-либо изъ своихъ сыновей, но и на этотъ разъ получили отказъ ²⁴⁴). Ихъ желаніе имѣть отдѣльнаго отъ Польши правителя, исполнилось только по смерти Казимира, при чемъ, если вѣрнѣе разсказу полной литовско-русской лѣтописи, самъ Казимиръ

²⁴⁰) Ibidem, p. 578. Очевидно, въ счетъ этой субсидіи король и взялъ авансомъ изъ литовскаго скарба 24 т. золотыхъ червонныхъ, какъ сообщаетъ на основаніи своихъ источниковъ Стрыйковскій (Kronika, tom II, str. 277).

²⁴¹) Хроника Вѣльскаго (Zbiór pisarzyw polskich, tom XV, str. 212) и Стрыйковскаго (tom II, str. 277).

²⁴²) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 263.

²⁴³) Dlugosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 669, 670. Кояловичъ относитъ этотъ фактъ къ Виленскому сейму, происходившему въ мартѣ 1477 г. (Historiae Litvae pars II, p. 246). Мы отдаемъ предпочтеніе современнику-Длугошу.

²⁴⁴) Dlugosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 698.

передъ смертью рекомендовалъ имъ взять господаремъ сына его Александра ²⁴⁵).

Мы перечислили всѣ литовско-русскіе сеймы, собиравшіеся въ великокняженъе Казимира, относительно которыхъ встрѣтили прямыя указанія въ источникахъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ, число этихъ сеймовъ было гораздо значительнѣе, и они происходили почти что каждый годъ съ того времени, какъ Казимиръ сталъ королемъ Польскимъ. Сдѣлавшись государемъ двухъ государствъ, Казимиръ обыкновенно часть года проводилъ въ Польшѣ (большею частью лѣто и осень), а часть въ Литвѣ (зиму и весну). Какъ страстный охотникъ, Казимиръ значительную часть своего пребыванія въ Литвѣ отводилъ «ловамъ», разбѣгая по литовскимъ пушамъ и останавливаясь въ разбросанныхъ по всему государству великокняжескихъ дворахъ и дворцахъ. Благодаря этому накоплялся значительный запасъ текущихъ дѣлъ, которые ждали господарскаго рѣшенія. Чтобы покончить съ ними разомъ и по возможности скорѣе, Казимиръ обыкновенно назначалъ общій съѣздъ всѣмъ должностнымъ и вліятельнымъ лицамъ великаго княжества, литовско-русскимъ князьямъ и панамъ, въ Вильнѣ или какомъ-нибудь другомъ значительномъ городѣ, гдѣ онъ предполагалъ остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. На этотъ съѣздъ, или сеймъ, могли прибывать и всѣ тѣ, у кого было какое нибудь дѣло до господаря, такъ что, кромѣ князей и пановъ, на сеймахъ бывали нерѣдко и простые бояре-шляхта. На такихъ собраніяхъ Казимиръ и рѣшалъ всѣ накопившіяся дѣла, обращаясь въ нужныхъ случаяхъ къ совѣту и содѣйствію какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всей ихъ совокупности, всего сейма. Намеки на такія обычныя причины созыва сеймовъ при Казимирѣ встрѣчаются у Длугоша даже въ рассказъ его о такихъ сеймахъ, на которыхъ происходили какія либо чрезвычайныя совѣщанія о дѣлахъ, выходящихъ изъ сферы будничной правительственной дѣя-

²⁴⁵) *Narbutta Pomniki*, str. 62. Полная литовско-русская лѣтопись отличается значительною тенденціозностью въ своихъ сообщеніяхъ. Въ сущности эта лѣтопись не что иное, какъ историческій панегирикъ литовскому можновладству, имѣвшій своею цѣлью возвеличеніе и оправданіе политической дѣятельности и значенія литовскихъ пановъ—«властелей» великаго княжества. По нѣкоторымъ даннымъ, она составлена лицомъ, близкимъ, къ Гаштольдамъ, и потому съ особенною старательностью отмѣчаетъ дѣянія этой фамиліи, а также и всего круга ея родственниковъ (напр.: князей Гольшанскихъ) и пріятелей, удѣляя сравнительно мало мѣста для другихъ фамилій, напр., Радзивиловъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ подробнѣе надѣемся сказать въ другомъ мѣстѣ.

тельности. Такимъ образомъ, напр., сеймъ 1451 года, на которомъ обсуждался вопросъ объ отторженіи отъ Польши Волыни и Подолья, созванъ былъ, по словамъ Длугоша, для устройства литовскихъ дѣлъ (ad res Lithuaniae ordinandas); на Брестскомъ сеймѣ 1478 года Казимиръ, по его словамъ, урядилъ множество литовскихъ дѣлъ (rebus plurimis Lithuanicis... providit). Если такъ, то мы въ правѣ предполагать созывъ сеймовъ и въ другіе годы, сверхъ упомянутыхъ выше, и относить къ нимъ всѣ тѣ упоминанія объ устройствѣ литовскихъ дѣлъ, которыя встрѣчаются въ разсказѣ Длугоша и другихъ источниковъ. Такимъ образомъ, напр., мы въ правѣ предполагать, что въ началѣ 1466 года происходилъ въ Вильнѣ сеймъ, ибо Длугошъ прямо говорить, что король проводилъ святки въ Вильнѣ, занимаясь литовскими дѣлами (rebus Lithuanicis providendo)²⁴⁶). Такой же сеймъ несомнѣнно имѣлъ мѣсто и въ 1475 году въ Вильнѣ, гдѣ король проводилъ Пасху и слѣдующіе дни, уряжая государственныя дѣла великаго княжества и отвѣчая на посольства князей (publica negotia Lithuaniae Ducatus curando et legationibus Principum respondendo)²⁴⁷). Сеймы, можно сказать, собирались въ Литвѣ при Казимирѣ чуть не каждый годъ²⁴⁸). Въ данномъ случаѣ великое княжество Литовское шло по стопамъ Польши, гдѣ вслѣдствіе частаго отсутствія государей и постоянного передвиженія ихъ съ мѣста на мѣсто уже давно установился обычай устраивать ежегодныя съѣзды, или сеймы, прелатовъ и бароновъ съ участіемъ шляхты и даже мѣщанъ для разрѣшенія накопившихся текущихъ дѣлъ. Ту практику, которая установилась въ этомъ отношеніи въ Польшѣ, Казимиръ по необходимости, вслѣдствіе того, что ему приходилось разрываться на двѣ стороны, долженъ былъ примѣнять и въ великомъ княжествѣ. Здѣсь мы имѣемъ новый доводъ въ пользу того положенія, что увія съ Польшею оказала большое вліяніе на установленіе обычая сеймованія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. На ряду съ этимъ несомнѣнно, что нѣкоторые сеймы созывались ad hoc и всецѣло посвящались обсужденію и рѣшенію какого-нибудь одного важнаго вопроса,

²⁴⁶) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 424.

²⁴⁷) *Ibidem*, p. 621.

²⁴⁸) Литовско-русскій лѣтописецъ, разсказывая объ обращеніи Казимира къ литовскимъ панамъ за помощью, довольно ясно отмѣчаетъ обычность литовско-русскаго сейма того времени. «А в тот час,—говоритъ онъ,—никого не было панов Литовских, толко Ян Гаштолт, воевода Виленскій, у Вилни а Ивашко Монвид, воевода Троцкий, у Тропех, а иных панов не было, бо в тот час сейму не было» (*Narbutta Pomniki*, str. 60).

выдвинутого ходомъ событій на первую очередь. Такимъ образомъ, напр., на сеймъ, происходившемъ въ концѣ 1451-го и началѣ 1452 года, все время ушло на обсужденіе распри съ Польшею о Волини и Подольѣ (de negotiis cum Regno Poloniae in differentiam pro terra Podoliae et Luczensi et districtibus positis, omnis tractatus absumptus est)²⁴⁹).

Главными участниками всѣхъ этихъ сеймовъ были литовскіе паны, которые занимали высшіе уряды земскіе и дворные и считались спеціальными совѣтчиками господаря, составляли его *раду*. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ сеймовъ несомнѣнно были только болѣе или менѣе полными собраніями этихъ пановъ радныхъ (consilarii). Таковъ былъ, напр., сеймъ, собиравшійся въ Новгородѣ Литовскомъ въ 1448 году: на немъ, по словамъ Длугоша, присутствовали только прелаты и бароны; таковъ же и Берестейскій сеймъ 1460 года, на которомъ находились первѣйшіе люди государства (primoges)²⁵⁰). Но на нѣкоторыхъ сеймахъ тотъ же Длугошъ и другіе источники отмѣчаютъ сверхъ того шляхту-рыцарство великаго княжества; таковы были, напр., Берестейскій сеймъ 1446 года, Виленскій сеймъ 1456 года, Виленскій сеймъ 1468 года. Но сверхъ того, Длугошъ и другіе источники очень опредѣленно говорятъ и о созывѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ вальныхъ сеймовъ князей, пановъ и бояръ со всего великаго княжества, отъ всѣхъ его земель. Таковы вышеуказанные сеймы: Виленскій 1446 года, Виленскій 1451 года и Виленскій 1453 года и др.

Эти факты убѣждаютъ насъ, что уже при Казимирѣ возникло то самое учрежденіе, съ которымъ намъ придется встрѣчаться довольно часто въ дальнѣйшей исторіи Литовско-Русскаго государства: я разумѣю «великій вальный сеймъ». Въ настоящемъ случаѣ Литовско-Русское государство не отстало далеко отъ своего союзника—Польши, гдѣ въ то время также организовывалось учрежденіе, аналогичное и параллельное «великому вальному сейму» Литовско-Русскаго государства. Возникновеніе этого учрежденія при Казимирѣ подготовлено было, какъ уже сказано, тою національно-политическою борьбою, которая велась въ великомъ княжествѣ между господствующею землею и ея аннексами, между Литвою и Русью, подвластною Литвѣ, и знаменовало собою компромиссъ между ними. Необходимо, однако, отмѣтить, что народившееся новое учрежденіе не вытѣснило собою стараго, возникновеніе котораго было рассмотрѣно въ первой главѣ. Прѣжній литовско-русскій сеймъ

²⁴⁹) *Dlugosz, Opera omnia, tomus XIV, p. 102.*

²⁵⁰) *Ibidem, p. 56, 304.*

временъ Ягайла и Витовта продолжалъ собираться и при Казимирѣ, расширяясь въ великій вальный сеймъ въ особо важныхъ случаяхъ, когда согласіе и поддержка областей - аннексовъ великаго княжества были необходимы. Можно даже замѣтить значительное расширение дѣятельности этого первоначальнаго сейма, особенно въ его уменьшенномъ составѣ (т. е., господарской рады). Мы видѣли, что при Ягайлѣ и Витовтѣ компетенція этого сейма признана была по части устройства внѣшней судьбы государства и избранія господара, и сеймы собирались тогда именно для этихъ цѣлей. При Свидригайлѣ и затѣмъ при Казимирѣ эта компетенція перешла уже къ сеймамъ расширеннаго состава, или къ великимъ вальнымъ сеймамъ, какъ назывались они позже. Тѣмъ не менѣе не прекратилась дѣятельность по этой части и сеймовъ первоначальнаго состава. На нихъ велись предварительные переговоры и совѣщанія, обсуждались и рѣшались различные частные вопросы, такъ или иначе связанные съ предметами, подлежащими рѣшенію на великихъ вальныхъ сеймахъ, и такимъ путемъ подготавливались постановленія, состоявшіяся на этихъ послѣднихъ. Кромѣ того, компетенція и практика сеймовъ первоначальнаго состава расширилась въ другихъ направленіяхъ: на этихъ сеймахъ и съ ихъ участіемъ господарь сталъ издавать новые законы, налагать временныя подати, рѣшать разнообразныя вопросы внутренняго управленія и внѣшней политики. Привилеи, данные имъ князьямъ, прелатамъ, панамъ и боярамъ великаго княжества, какъ уже было сказано выше, поставили его въ сильную зависимость отъ этихъ классовъ, болѣе всего—отъ высшихъ классовъ собственной Литовской земли и тѣсно связанной съ нею Литовской Руси, которые представляли наиболѣе сплоченную массу наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Національно-политическая борьба, развивавшаяся въ XV вѣкѣ, привела такимъ образомъ, не къ уничтоженію политической гегемоніи Литвы, а только къ ограниченію исключительности литовскаго господства въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

§ 8.

Положеніе вещей, создавшееся въ великокняженіе Казимира продолжалось нѣкоторое время и послѣ его смерти, до начатія напряженной и продолжительной борьбы съ Москвою при Сигизмундѣ I. Великій князь Александръ въ привилеѣ, который онъ выдалъ въ 1492 году прелатамъ, князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ великаго княжества, обязался не дѣлать безъ совѣта съ панами радю довольно многихъ дѣлъ, а именно: не посылать пословъ въ чужія страны, не отнимать ни у кого урядовъ и державъ, не раздавать въ держанье пограничныхъ замъ-

ковъ, не производить расходовъ изъ земскаго скарба, не судить судовъ²⁵¹⁾. Вслѣдствіе этого онъ довольно часто собиралъ пановъ радныхъ и со-обща съ ними вершилъ всѣ накопившіяся къ данному времени дѣла. Надо замѣтить при этомъ, что подобно своему отцу Александръ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и потому не могъ регулярно, изо дня въ день, рѣшать государственныя дѣла. Въ теченіе своего великокняженія онъ постоянно кочевалъ съ мѣста на мѣсто, останавливаясь на болѣе или менѣе значительное время въ большихъ городахъ. Въ стольномъ городѣ Вильнѣ онъ живалъ чаще и дольше, чѣмъ въ другихъ городахъ и мѣстахъ, но все-таки не былъ тамъ постояннымъ жителемъ²⁵²⁾. Это—

²⁵¹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 61—66.

²⁵²⁾ По датамъ актовъ, содержащихся въ III, V и VI кн. Записей Лит. Метр. и въ Архивѣ кн. Сангушковъ, в. князь Александръ пребывалъ въ августѣ 1492 г. въ *Вильнѣ*, 3 и 4 сент. въ *Марковѣ*, 13 и 20—въ *Минскѣ*, 20 окт. въ *Лидѣ*, 30 окт. по 12 декабря въ *Трокахъ*, 19 декабря и далѣе въ *Вильнѣ*; 8 іюля 1493 г. и далѣе въ *Трокахъ*. 26 октября и далѣе въ *Вильнѣ*, 30 декабря и далѣе въ *Городнѣ*; 20 марта 1494 г. и далѣе въ *Вильнѣ*, 7 іюня и далѣе въ *Трокахъ*; 28 іюля въ *Ейшиникахъ*, 10 августа въ *Вожовыйскѣ*, 9 и 11 сентября въ *Берестѣ*, 14 сент. въ *Каменцѣ*, 1 окт. въ *Городнѣ*, 6 окт. въ *Меречи*, 14 окт. въ *Пуни*, 16 окт. въ *Биританахъ*, 26 окт. въ *Ковнѣ*, 12 ноября въ *Трокахъ*, 21 декабря и далѣе въ *Вильнѣ*; 26 августа 1495 г. въ *Волькиникахъ*, 30 авг. и 2 сент. въ *Меречи*, 16 сент. и далѣе до 1 марта 1496 г. включит. въ *Городнѣ*; съ 5 по 21 марта включит. въ *Берштахъ*; съ 23 марта по конецъ апрѣля въ *Меречи*; 13 мая по 10 іюня включит. въ *Трокахъ*; съ 15 мая по 31 августа включит. въ *Вильнѣ*; 28 и 29 сент. въ *Бѣльскѣ*; 6 окт. въ *Дорожичинѣ*; 10 ноября и далѣе въ *Берестѣ*; 6 янв. 1497 г. въ *Каменцѣ*, 29 янв. въ *Новгородкѣ*, 5 марта въ *Смоленскѣ*, 10 марта въ *Полоцкѣ*, 17 и по 28 включит. въ *Витебскѣ*, съ 5 по 11 апрѣля опять въ *Полоцкѣ*, 25 апр. и по 24 іюля включит. въ *Вильнѣ*; 27 іюля въ *Заславѣ* на Воыни, 11 сент. въ *Брацлавѣ* на *Подольѣ*, 30—въ *Топорищахъ*, 2 окт. въ *Походаковичахъ*, 6—въ *Овручи*, 13—въ *Мозыри*, 28—въ *Новгородкѣ*; 15 декабря и по 2 марта 1498 г. въ *Городнѣ*; 9 марта 1498 г. въ *Берштахъ*, 14 и 15—въ *Меречи*, 1 апр. и по 21 іюля включит. въ *Вильнѣ*; 27 іюля и по 12 сент. включит. въ *Трокахъ*; 2 ноября въ *Ковнѣ*, 14—въ *Омитѣ*, 19—въ *Меречи*, 21—въ *Перевалкѣ*; 26 ноября и по 16 февр. 1499 г. включит. въ *Городнѣ*, 12 марта 1499 г. и по 7 сент. въ *Вильнѣ*, 12—21 сент. въ *Воранахъ*; 29 сент. и по 26 окт. включит. въ *Вильнѣ*, 2 ноября въ *Ковнѣ*, 18—21 ноября въ *Слонимѣ*, 10 дек. въ *Городнѣ*; 9 янв. 1500 г. въ *Минскѣ*, 24 янв. и по 30 марта въ *Городнѣ*, 24 апрѣля и по 4 іюня включительно въ *Вильнѣ*; 6—8 августа въ *Обольцахъ*; 1 сент. въ *Городнѣ*, 14 сент. и по 6 окт. включит. въ *Полоцкѣ*, 20 октября въ *Браславѣ*; съ 21 окт. и по 6 марта 1501 г. включит. въ *Вильнѣ*; 17 марта и по 2 апр. 1501 г. въ *Тро-*

любопытная и чрезвычайно важная черта великокняжескаго быта, которая, несомнѣнно имѣла большое значеніе въ государственной жизни великаго княжества. Съ другой стороны, и тѣ совѣтники, паны радные, съ которыми ему нужно было совѣщаться, въ большинствѣ не были въ сборѣ, ибо они бывали обыкновенно въ то же время воеводами, старостами, державцами и намѣстниками по господарскимъ замкамъ, дворамъ и волостямъ. При такихъ условіяхъ вполне естественно должны были накапливаться государственныя дѣла, для рѣшенія которыхъ великій князь и собиралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ на сеймы.

Чаще всего это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда Александру приходилось принимать иностранныхъ пословъ или гонцовъ и вести дипломатическіе переговоры или же отправлять изъ Литвы пословъ и гонцовъ и снабжать ихъ инструкціями ²⁵³). Такой сеймъ имѣлъ мѣсто, напр., въ *Берштахъ* въ мартѣ 1496 года ²⁵⁴). На этомъ сеймѣ государь совѣщался съ панами радою относительно того, что отвѣчать брату своему королю Польскому Яну Альбрехту, матери королевѣ Елизаветѣ и братьямъ—королевицу Сигизмунду и кардиналу Фридриху по поводу домогательствъ королевича Сигизмунда получить «дѣлъ» въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Указаніе на это содержится въ тѣхъ самыхъ посольскихъ рѣчахъ, съ которыми отправленъ былъ къ назван-

калъ; 6 апр. и по 24 іюля включит. въ *Вильню*; 2 августа въ *Трокахъ*; 18—28 августа въ *Городню*; 20 сент. и по 6 ноября включит. въ *Мельникъ*; 5 янв. 1502 г. и по 25 апрѣля включит. въ *Краковъ*; 31 мая и 5 іюня въ *Вильню*; 17 іюня въ *Люблинъ*; 24—въ *Камецъ*; 27—въ *Новомъ Дворѣ*, 29—въ *Слонимѣ*; 2 іюля и по 26 включит. въ *Новгородкѣ*; 7 авг. и 9 сент. въ *Минскѣ*; 14 окт. 1502 г. и по 29 сент. 1503 г. включительно въ *Минскѣ*; 20 и 21 окт. 1503 г. въ *Мельникъ*; 7 ноябля въ *Люблинъ*; 4—22 января 1504 г. въ *Краковъ*; 3 февраля и по 14 марта включит. въ *Петрковѣ*; 1 апрѣля въ *Брестъ Куявскомъ*; 22—въ *Торунѣ*, 9 авг. и по 14 окт. включит. въ *Краковъ*; 21 окт. въ *Мельникъ*, 25 ноября въ *Городню*, 12—31 декабря въ *Краковъ*; 27 января 1505 г. въ *Ломогахъ*; 4 февр. и по 19 апр. включит. въ *Берестѣ*, 9 іюня и по 26 сент. включительно въ *Краковъ*; 12 октября въ *Сандомирѣ*, 21—въ *Люблинѣ*; 3 ноябля и по 13 дек. въ *Краковъ*; 15—24 дек. въ *Городню*; 12 января 1506 г. и по 5 марта включительно въ *Люблинѣ*; 7 апрѣля и по 23 іюля въ *Вильню*.

²⁵³) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 61, 62; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 46, 47, Симферополь 1898 г.

²⁵⁴) В. князь Александръ проживалъ въ Берштахъ съ 5 по 21 марта. Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58—62, 71; VI, л. 64; Акты Вилен. Археогр. Комм., т. VII, стр. 61.

нымъ лицамъ панъ Литаворъ Хребтовичъ въ первой половинѣ апрѣля ²⁵⁵⁾. «Ачь быхмо,—наказывалъ говорить королю Яну Альбрехту, в. кн. Александръ,—и хотѣли то вчинити для нашего брата, ино панове рада наша и вся земля никако не хотять того дозволити и допустити до горль своихъ, и то мовать завжды передъ нами, ижъ не звыкли двухъ пановъ мѣти ²⁵⁶⁾ и т. д. Очевидно, Александръ ссылался на то, что ему говорили паны рада въ Берштахъ (указаніе же *на всю землю*, вѣроятно, простая *licentia diplomatica*). Впослѣдствіи, когда Александръ сдѣлался польскимъ королемъ, паны рада собирались на сеймы и въ отсутствіе господаря, въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояло принимать или отпускать пословъ и гонцовъ ²⁵⁷⁾. Но кромѣ различныхъ вопросовъ внѣшней политики, на подобныхъ сеймахъ при в. князѣ Александрѣ вершились текуція дѣла и вырабатывались важнѣйшія мѣры по внутреннему управленію. Такъ, напр., на Новгородскомъ сеймѣ господарь съ прелатами и панами радою установилъ, чтобы впредь князья, паны, земяне и дворяне выставляли съ каждаго десяти служебъ крестьянъ ратника «у зброн, на кони, зъ древцомъ» ²⁵⁸⁾. Этотъ Новгородскій сеймъ прелатовъ и пановъ происходилъ, по всѣмъ даннымъ, въ іюль 1502 года, когда господарь около двухъ недѣль пребывалъ въ Новгородкѣ, направляясь въ Минскъ для личнаго руководства военными дѣйствіями противъ Москвы ²⁵⁹⁾. Въ это именно время, послѣ понесенныхъ территоріальныхъ утратъ и поражений, и требовалось особенное напряженіе военныхъ силъ государства ²⁶⁰⁾.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла внѣшней политики обсуждались на вальныхъ сеймахъ съ участіемъ не только пановъ рады, но и шляхты-рыцарства изъ Литвы и соединенной съ нею Руси. Такой «вальный соймъ», повидимому, имѣлъ мѣсто въ ноябрѣ 1493 г. ²⁶¹⁾. Въ это самое

²⁵⁵⁾ Рѣчи эти написаны были въ Меречи, куда Александръ пріѣхалъ прямо изъ Берштъ, и гдѣ онъ пробылъ съ 23 марта до конца апрѣля. Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 64, 65; 74—77; 170, 284.

²⁵⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 135, I.

²⁵⁷⁾ Литовскіе упоминки, стр. 42.

²⁵⁸⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 507.

²⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 111; VI, л. 208; Акты Зап. Рос. I, № 198; Акты Вилен. Археогр. Комм. VII, стр. 62.

²⁶⁰⁾ Любопытно, что и въ сосѣдней Мазовіи въ то время конный ратникъ шелъ на войну *de quibuslibet X mansis*. См. *Bandtkie Historia prawa polskiego*, str. 194.

²⁶¹⁾ Привялся воеводѣ Троцкому Петру Яновичу на имѣнье Душмяны выдавъ

время (6 ноября) литовское правительство снаряжало посольство для окончательнаго заключенія мира съ Москвою, который предполагалось скрѣпить брачнымъ союзомъ великаго князя Александра съ дочерью Ивана III—Еленою ²⁶²). Ясное дѣло, что и вальный сеймъ собирался въ Вильнѣ для полученія согласія на задуманное политическое предпріятіе. Это согласіе было тѣмъ болѣе необходимымъ, что великому князю, вопреки данному имъ обязательству (въ привилеѣ 1492 г.) не уменьшать предѣловъ великаго княжества, приходилось поступаться въ пользу Москвы значительною частью населенной государственной территоріи, которой неотступно добивалась Москва.

Но въ особо важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ устройствѣ судьбы всего государства, на вальный сеймъ приглашались князья, паны и бояре со всего государства, не только изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, но и изъ его земель-аннексовъ. Такіе *великіе* вальные сеймы въ разсматриваемое время собиравлись въ 1492, 1499, 1505 и 1506 г.г.

Первый изъ этихъ сеймовъ собиравлся для возведенія на великое княженіе Александра

Мы уже видѣли, какъ тяготились литовцы частыми и продолжительными отсутствіями Казимира изъ великаго княжества, какъ недовольны были уступкамъ, которыя онъ въ ущербъ великому княжеству дѣлалъ полякамъ, и какъ стремились заполучить себѣ отдѣльнаго отъ Польши правителя. Седьмого іюня 1492 года умеръ въ Городнѣ король Казимиръ, и литовцы поспѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ для осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній. Паны рада упростили королевича Александра не сопровождать тѣло отца въ Польшу. Они мотивировали свою просьбу «пригодами и нагабаніями» на великое княжество со стороны непріятелей, опасеніемъ, что враги нападутъ на великое княжество, оставшееся безъ главы ²⁶³). Въ этомъ была доля правды, ибо отношенія къ Москвѣ и Крыму въ послѣдніе годы великокняженія Казимира дѣйствительно были въ высшей степени натянуты. Но съ другой стороны несомнѣнно, что паны рада, оставляя у себя Александра, имѣли умыслъ возвести его на великое княженіе помимо поляковъ и вопреки ихъ желаніямъ. Паны рада не рѣшились само-

былъ въ 1493 году in conventione generali Vilmensi feria quinta post festum Omnium Sanctorum, т. е. 7 ноября. Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 35.

²⁶²) Г. Картова Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, ч. II, стр. 14; Акты Зап. Рос. I, 114.

²⁶³) Акты Зап. Рос. I, № 100, I.

лично предпринять такой шагъ, который грозилъ полнымъ разрывомъ съ Польшею, въ высшей степени опаснымъ при тогдашнемъ международномъ положеніи великаго княжества. Кромѣ того, памяты были и тѣ внутреннія замѣшательства, которыя произошли послѣ возведенія на великое княженіе Казимира вслѣдствіе того, что дѣло это рѣшено было одними литовцами, безъ участія земель-аннексовъ. Подобныхъ же внутреннихъ замѣшательствъ можно было опасаться и въ данное время, при существованіи въ государствѣ многочисленной партіи князей и бояръ, которые не прочь были возвести на великокняжескій столъ Семена Михайловича (Олельковича) Слуцкаго ²⁶⁴). Эти замѣшательства при тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, какія установились во вторую половину великокняженія Казимира между Литвою и подвластною ей Русью, могли быть еще болѣе опасными, чѣмъ въ началѣ великокняженія Казимира, могли повести къ отпаденію русскихъ областей великаго княжества и соединенію ихъ съ Москвою. Только избраніе великаго князя при участіи всѣхъ земель великаго княжества могло дать панамъ радѣ надлежащую опору при будущихъ переговорахъ съ поляками и устранить до извѣстной степени внутреннія замѣшательства. Поэтому уже изъ Городна разсланы были по всѣмъ землямъ великаго княжества грамоты отъ королевича Александра и пановъ рады съ извѣщеніемъ о смерти короля Казимира и съ приглашеніемъ на сеймъ для избранія новаго господара ²⁶⁵). Королевичъ Александръ въ грамотѣ своей напоминалъ князьямъ и панамъ о присягѣ, которую они дали его покойному отцу не имѣть никого своимъ господаремъ, «нижли сына его милости,... которого ваша милость, згодившися посполу зъ братьею своею, съ паны радою великаго княжества Литовского, обереге», и выражалъ увѣренность, что они будутъ вѣрны этой присягѣ. Это напоминаніе, очевидно, обращено было преимущественно къ тѣмъ, которые принадлежали къ партіи Олельковича. Паны рада съ своей стороны напоминали князьямъ, панамъ и земянамъ, что они были «завжды за одинъ посполу зъ великимъ князьствомъ Литовскимъ» и выражали надежду, что и на этотъ разъ они будутъ также «посполу» съ великимъ князьствомъ и сообща съ нимъ выберуть одного изъ сыно-

²⁶⁴) *Kojalowicza* Historiae Litwanae pars II, p. 259.

²⁶⁵) «По смерти короля Казимира въ Городне початы посольства писа(ти): до Клева Петромъ Ѳедковичомъ, до Смоленска паномъ Сенкомъ Олизаровичомъ, а до Витебска княземъ Михайломъ Ивановичомъ Жеславскимъ, а до Полоцка паномъ Войтехомъ Ивашковичомъ, а до Луцка»... (Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 126). Эти посольства запечатаны въ Актахъ Зап. Рос., т. I, № 100.

вей покойнаго короля. Паны извѣщали затѣмъ, что для этого избранія они положили сеймъ въ Вильнѣ — «землямъ всимъ зѣхатися на день святаго Ильи» (20 іюля) и просили старшихъ изъ этихъ земель, «десять або двадцать, або колько ся вамъ увидить» пріѣхать на сеймъ, а остальныхъ — остаться при замкѣ на всякій случай, «для часу пригоды».

Когда собрался сеймъ, приверженцы кн. Семена Олельковича выставили было кандидатуру. Самъ князь пріѣхалъ съ цѣлымъ отрядомъ въ 500 человекъ для большей внушительности. Но паны рада объявили сейму, что послѣднимъ желаніемъ покойнаго короля, высказаннымъ предъ смертью, было, чтобы литовцы выбрали себѣ на великое княженіе сына его Александра, а поляки Яна Альбрехта. Это заявленіе разбило всѣ шансы Олельковича, и сеймъ единодушно провозгласилъ Александра великимъ княземъ ²⁶⁶).

30 іюля совершился обрядъ возведенія Александра на великое княженіе. При этомъ литовскіе паны дали повяты новому господарю, чего они желаютъ отъ его правленія. Маршалокъ земскій, подавая ему мечъ и скипетръ, обратился къ нему съ рѣчью, въ которой призывалъ новаго господаря быть мужественнымъ, строго карать за дурныя дѣла и милостиво награждать за добрыя. «Въ заключеніе, — сказалъ маршалокъ, *по изволенію встѣхъ становъ великаго княжества* просимъ тебя рядить и судить насъ не по римскому или чешскому, или нѣмецкому обычаю, но по правдивому литовскому и Витовтову обычаю ²⁶⁷). Великій князь благодарилъ и далъ обѣщаніе поступать именно такъ, какъ его просили. Станы сейма, и паны рада прежде всего, не удовольствовались, впрочемъ, этою неопредѣленною просьбою и обѣщаніемъ: 6 августа новый господарь, очевидно, по ихъ настоянію выдалъ прелатамъ, князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ великаго княжества привилей, въ которомъ подтвердилъ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками, и съ своей стороны придалъ цѣлый рядъ новыхъ, конми, какъ уже было сказано, въ значительной степени ограничилъ свою власть обязательнымъ совѣтомъ и согласіемъ пановъ рады великаго княжества ²⁶⁸). Присутствовавшіе на сеймѣ жмудскіе паны и бояре

²⁶⁶) Хроники М. Бѣльскаго (Zbiór pisarzy polskich. tom XVI, str. 31, 32); Стрыйковскаго (tom. II, str. 293); Кояловича (pars II, p. 259).

²⁶⁷) J. Lodowici Decii De Jagiellonum familia (Pistorii Polonicae historiae corpus, tomus II, p. 294); Strykowskiego Kronika, tom II, str. 295.

²⁶⁸) Zbiór praw litewskich, str. 58—66; Reyszczewski i Muczkowski, Codex diplomaticus Poloniae tomus I, № CXCIV; Hr. de Broel-Plater Zbiór pamiętników do dziejów polskich, tom I, str. 17—29. Warszawa, 1858.

помимо того выпросили у новаго господара подтвержденіе правъ и вольностей Жмудской земли, дарованныхъ в. княземъ Витовтомъ и Казимиромъ ²⁶⁹).

Итакъ, въ концѣ іюля 1492 года въ Вильнѣ собирався общегосударственный сеймъ великаго княжества Литовскаго, въ которомъ участвовали паны рада и «старшіе» землевладельцы—князья, паны и бояре изъ всѣхъ областей-аннексовъ. Сеймъ собирався для избранія новаго господара, и на немъ происходили совѣщанія какъ относительно самаго кандидата на великокняжескій престолъ, такъ и относительно тѣхъ требованій, которыя имѣлось въ виду къ нему предъявить. Результатомъ этихъ совѣщаній и было избраніе великимъ княземъ королевича Александра и тѣ ограниченія великокняжеской знати, на которыя онъ согласился, и которыя подтвердилъ въ земскомъ привилеѣ 1492 г. ²⁷⁰).

Такіе же общегосударственные сеймы, какъ сеймъ 1492 г., собирались въ 1499 и 1505 годахъ для заключенія уніи съ Польшею. Мы видѣли, что въ теченіе всего царствованія Казимира поляки добивались возобновленія уніи, заключенной при его предшественникахъ между Польшею и Литвою. Но литовцы упорно отказывались отъ подтвержденія прежнихъ записей и предлагали взамѣнъ договора, устанавливавшего инкорпорацію великаго княжества въ Польское государство, простой оборонительно-наступательный союзъ обоихъ государствъ при полной внутренней самостоятельности и самобытности великаго княжества. Такую именно унію они признали, давая свое согласіе на коронацію Казимира королемъ польскимъ, и такую унію подтвердилъ имъ самъ Казимиръ въ качествѣ избраннаго польскаго короля. Но поляки, какъ мы видѣли, не дали своей санкціи Казимировой записи, вслѣдствіе чего между обоими государствами установились неопредѣленные и даже враждебныя отношенія, хотя у нихъ и былъ общій государь. Съ избраніемъ Александра на великое княженіе, а Яна Альбрехта на королевство Польское, порвалась и эта единственная связь, поддерживавшая нѣкоторое единеніе между обоими государствами. Но отношенія къ сосѣдямъ въ самомъ скоромъ времени заставили и Польшу, и

²⁶⁹) Привилей выданъ былъ 22 августа 1492 г. Zbiór praw litewskich, str. 67—72.

²⁷⁰) Приведенныя нами подробности возведенія на великое княженіе Александра не оправдываютъ представленія этого факта, какъ дѣла тѣснаго круга литовско-русской знати. Срав. *М. В. Довнар-Запольскаго* «Польская унія на сеймахъ до 1569 года», стр. 4. Москва 1897 (Труды Славянской Комиссіи при Импер. Моск. Археол. Общ., т. II).

Литву болѣзненно почувствовать взаимный разрывъ и предпринять шаги въ возобновенію уніи.

Уже въ мартѣ 1493 года великій князь Александръ отправилъ Литавора въ Польшу съ просьбою о помощи. Онъ извѣщалъ брата и коронную раду о томъ, что великій князь Московскій многихъ людей своихъ «моцне вослалъ» въ великое княжество Литовское, побралъ замки и полонилъ многихъ людей. Ссылаясь на прежнее обѣщаніе короля и пановъ рады, великій князь просилъ ихъ, чтобы они были теперь «радни и помощни великому княжеству», и выражалъ надежду, что они не покинутъ великое княжество на произволъ судьбы и помогутъ ему деньгами и людьми. Въ заключеніе великій князь просилъ увѣдомить его, какое количество людей и денегъ онъ можетъ расчитывать получить отъ Польши ²⁷¹⁾.

Поляки дали отвѣтъ на это посольство только въ концѣ 1493 г. Они извинялись тѣмъ, что весь годъ заняты были важными дѣлами и не имѣли времени отвѣтить на посольство великаго князя: нужно де было устроить миръ съ турками, столь необходимый для безопасности не только Польши, но и Литвы, сѣзжаться съ королемъ Венгерскимъ для переговоровъ объ общихъ дѣлахъ обоихъ государствъ, вести переговоры съ маркграфомъ Бранденбургскимъ и т. д. Что касается помощи великому княжеству, король и паны рада, отвѣчали, что они будутъ помогать противъ всякаго непріятеля, какъ это условлено въ старыхъ «записахъ», но только необходимо возобновить эти «записы»; обозначать же размѣры помощи нѣтъ надобности, разъ будетъ условлено, что одно государство должно всѣми силами помогать другому ²⁷²⁾.

Польскій посоль прібылъ въ Литву въ то время, когда уже начались переговоры съ Московскимъ государемъ о заключеніи съ нимъ мира и брачнаго союза литовскаго господаря съ дочерью Ивана Васильевича. Въ помощи поляковъ не было теперь нужды, и литовцы не обнаружили готовности возобновить «старые записы», существовавшіе между Польшею и Литвою.

Переговоры о возобновеніи этихъ «записовъ» начались снова въ 1495 году, и на этотъ разъ уже по инициативѣ поляковъ, которые въ свою очередь почувствовали нужду въ помощи Литвы. Въ концѣ сентября 1494 г. большіе татарскіе отряды вторглись на Волынь и Подолье, сожгли много селеній и набрали множество добычи и плѣн-

²⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 140.

²⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 150—152.

ныхъ. Янъ Альбрехтъ отправилъ въ погоню за ними своихъ дворянъ и небольшое число жолнеровъ; къ нимъ примкнула и мѣстная шляхта. Поляки нагнали татаръ подъ Вишневецемъ. Произошла ожесточенная битва, въ которой поляки, подавленные числомъ, потерпѣли полное поражение²⁷³⁾. И послѣ того татарскіе загоны безпрестанно тревожили украинныя области Польши и Литвы. Для болѣе успѣшной борьбы съ ними необходимо было войти въ соглашеніе съ Литвою и дѣйствовать противъ нихъ общими силами. Поэтому Янъ Альбрехтъ отправилъ къ брату въ Литву своего приближеннаго совѣтника Филиппа Каллимаха съ предложеніемъ сдѣлать «записы» между обоими государствами «слухнымъ а раднымъ обычаемъ, безъ ображенья чсти и безъ шкгоды» какъ короны Польской, такъ и великаго княжества Литовскаго, и «споломъ» чинить отпоръ поганству татарамъ.

Съ отвѣтомъ на это предложеніе великій князь Александръ отправилъ въ Польшу пана Станислава Петрашковича. Онъ извѣщалъ брата, что обо всемъ онъ «намовлялъ» съ панами радою великаго княжества, и тѣ изъявили согласіе на предложеніе короля. Александръ просилъ брата только сообщить ему, какого рода «записовъ» онъ желаетъ. Касательно совмѣстной обороны отъ татаръ Александръ выражалъ мнѣніе, что въ виду трудности находить татарскаго царя въ полѣ лучше всего будетъ разставить постоянныя войска на пограничныхъ замкахъ и, кромѣ того, занять Бѣлгородъ и Килію: отсюда удобно будетъ перенимать татарскіе загоны²⁷⁴⁾.

Послѣ этого король и паны рада отправили въ Литву пановъ Поповскаго и Миколая Тенчинскаго съ условіями уніи²⁷⁵⁾. Они предложили возобновить старыи «записы»; существовавшій между обоими государствами, на основаніи котораго они были «злучены равнымъ злученьемъ», и прислали копію этого «записа» прося поправить его, если въ немъ окажется какой-нибудь «выступъ и противность» для великаго княжества. Поляки настоятельно просили литовцевъ возобновить унію въ виду страшной опасности, угрожающей отъ турокъ: находясь въ мирѣ съ Польшею, они постоянно направляютъ татаръ на корону и великое княжество, пустошатъ и обезсиливаютъ оба государства; что же будетъ съ ними, когда выйдетъ перемирье, и когда Турец-

²⁷³⁾ Хроника Ваповскаго (*Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 20, 21*); *K. Pulaskiego Stosuńki z Mendli-Girejem, str. 42, 43. Kraków-Warszawa 1881.*

²⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис V, л. 161.

²⁷⁵⁾ «Посольства» эти внесены въ книгу Литов. Метр. среди актовъ 1496.

кій царь 'нападетъ на нихъ, обезсиленныхъ и истомленныхъ предшествующею борьбою?' ²⁷⁶⁾

Александръ и паны рада вел. княжества выразили полную готовность подтвердить имъ старый «запись», копію котораго принесли послы, находя, что въ немъ нѣтъ ничего «шкоднаго» обомъ государствамъ. Паны рада только оговорили, что они согласны подтвердить тотъ именно старый «запись», копія котораго имъ доставлена, но не другіе старыя «записи», которые были составлены прежде «нераднымъ а неслухнымъ обычаемъ, чсти внимаючи а чсти нарушаючи одное стороны» (паны рада, очевидно, разумѣли акты уніи, предшествующіе Городельскому и послѣдующіе, времени Сигизмунда Кейстутевича). Поповскій заявилъ по этому поводу, что онъ не знаетъ этихъ другихъ «записовъ» и не уполномоченъ вести объ этомъ какіе-либо переговоры ²⁷⁷⁾. Въ виду того, что литовцы выставили новое, непредусмотрѣнное условіе, Поповскій не пожелалъ кончать дѣла и не взялъ у литовцевъ «записа», составленнаго ими на основаніи присланной изъ Польши копіи ²⁷⁸⁾. Поэтому въ августѣ 1496 г. литовская рада отправила въ Польшу новыхъ пословъ — бискупа Лудскаго Яна и пана Семена Олизаровича ²⁷⁹⁾ съ полномочіемъ заключить унію на предложенныхъ уже поляками условіяхъ. Посламъ дана была и «минута», т. е., проектъ того акта, который долженъ былъ содержать договоръ объ уніи съ Польшею ²⁸⁰⁾. Но и на этотъ разъ тому дѣлу «конца не стало» ²⁸¹⁾. Очевидно, указаніе литовской рады на старыя «записи» между Литвою и Польшею навело поляковъ на раздумье и возбудило въ нихъ желаніе пересмотрѣть акты уніи и составить новый проектъ, болѣе выгодный для Польши, чѣмъ проектъ «ровнаго злученья» обоихъ государствъ.

Какъ бы то ни было, но унія на этотъ разъ не состоялась. Обстоятельства, впрочемъ, скоро заставили поляковъ не откладывать этого дѣла. Весною 1498 года на границахъ Польши появились страшные

²⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 171—174.

²⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 174—175.

²⁷⁸⁾ Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 422. Актъ этотъ составленъ in conventione Vilnensi отъ имени пановъ радныхъ, которые давали обязательство и за свою братью-шляхту.

²⁷⁹⁾ Предположено было послать пана Станька Костевича, но посланъ былъ Сенько Олизаровичъ. Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 176.

²⁸⁰⁾ Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 423.

²⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 323. 324.

турки. Они опустошили Подолье и Галицкую землю и увели въ полонъ до 100 т. человѣкъ. Пораженная паническимъ ужасомъ страна не защищалась; нѣсколько тысячъ шляхты собралось уже тогда, когда турки повернули во-свояси. Это шляхетское ополченіе ознаменовало себя лишь тѣмъ, что опустошило окрестности Сандомира. Польша нуждалась въ посторонней помощи, и потому, когда въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыли послы отъ Венгерскаго короля Владислава съ предложеніемъ союза противъ турокъ, Янъ Альбрехтъ съ большею готовностью принялъ это предложеніе. Въ союзъ принять бытъ и воевода Волошскій Стефанъ; кромѣ того постановлено было пригласить къ союзу и третьяго брата—в. князя Литовскаго Александра. Послѣ того, какъ турки глубокою осенью того же 1498 г. повторили свое нападеніе на Польшу, Владиславъ отправилъ въ Краковъ новое посольство для окончательнаго утвержденія союза и привлеченія къ нему Александра. Вслѣдствіе настояній брата Янъ Альбрехтъ отправилъ въ Литву архіепископа Львовскаго Розу и каштеляна Сврадзьскаго Поповскаго съ приглашеніемъ къ союзу противъ турокъ⁸²⁾.

Александръ съ своей стороны выразилъ полную готовность помогать брату и лично выступить въ походъ «со всеми модами своими», если на лѣто турокъ самъ вздумаетъ напасть на Польшу или пошлетъ своего пашу. Но паны рада не соглашались быть своей братьи-полякамъ «зупелне радни и помощны», такъ какъ между обоими государствами нѣтъ «ровныхъ и слушныхъ записовъ», и требовали, чтобы такіе «записы» были, наконецъ, сдѣланы «безъ уйму почестности обѣихъ панствъ». Кромѣ того, паны рада требовали, чтобы польскіе прокураторы, пребывающіе въ Римѣ, не мѣшались въ назначеніе бискуповъ на Литву, и чтобы поляки выслали, наконецъ, своихъ комиссаровъ для разбора жалобъ пограничныхъ съ Польшею волынскихъ землевладѣльцевъ на обиды и «шкody», починенныя имъ сосѣдями-поляками.

Съ предложеніями въ этомъ смыслѣ въ началѣ февраля 1499 г. отправлены были изъ Литвы послы — бискупъ Жмудскій Мартинъ и воевода Троцкій Янъ Заберезинскій на сеймъ, собравшійся въ Люблинѣ⁸³⁾. Посольство на этотъ разъ увѣнчалось успѣхомъ, и поляки приняли то «ровное злученъе», которое предлагали имъ литовцы. Шестого и четырнадцатаго мая на Краковскомъ вальномъ сеймѣ составлены были

⁸²⁾ *D-r Fr. Czerny*, Panowanie Jana Ołbrachta i Alexandra Jagiełłończyków, str. 69—78. Kraków 1871.

⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 322—325; Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 442—444; *L. Golebiowski* Dzieje Polski, tom III, str. 390, nota 55.

«реверсалы», т. е. грамоты, содержащія согласіе поляковъ на условія, предложенныя литовцами, и обязательство ихъ составить актъ уніи въ этомъ смыслѣ со включеніемъ въ него, если пожелаютъ литовцы, и старыхъ «записовъ» уніи. Теперь литовцамъ предстояло съ своей стороны написать подобный актъ и тѣмъ окончательно закрѣпить договоръ ²⁸⁴).

Для рѣшенія этого дѣла литовское правительство распорядилось созвать въ Вильнѣ въ іюлѣ 1499 г. сеймъ всѣхъ земель великаго княжества. Это дѣло было такой первостепенной важности, что великій князь и паны рада не сочли возможнымъ взять его всецѣло на свою отвѣтственность, а обратились за согласіемъ, ко всѣмъ землямъ великаго княжества. Это обращеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что какъ разъ въ это самое время сказывалось въ русскихъ областяхъ великаго княжества сильное неудовольствіе на Литву по поводу церковной политики правительства, принуждавашаго православныхъ къ уніи съ Римомъ. При такихъ обстоятельствахъ заключать унію съ Польшею безъ согласія земель великаго княжества значило еще болѣе усиливать неудовольствіе, національно-политическій антагонизмъ въ государствѣ, и толкать русскихъ подданныхъ в. княжества въ объятія Москвы. Поэтому литовское правительство и распорядилось созваніемъ великаго сейма въ Вильнѣ для окончательнаго подтвержденія заключенной уніи.

Станы сейма дали свое согласіе на эту унію, и 24 іюля написана была грамота, подтвердившая актъ Городельской уніи, съ болѣе точнымъ обозначеніемъ порядка избранія королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. Въ грамотѣ опредѣлялось, что литовцы на будущее время не будутъ приступать къ избранію великаго князя безъ вѣдома и участія поляковъ, лишь бы они пожелали прибыть въ Литву ко времени избранія; точно такъ же и поляки съ своей стороны не будутъ обходить литовцевъ при выборѣ королей ²⁸⁵).

Полоцкіе бояре воспользовались приглашеніемъ ихъ на сеймъ для того, чтобы получить отъ господара «вырокъ», опредѣляющій ихъ отношенія къ мѣщанамъ, которые отдѣлились отъ земства вслѣдствіе пожалованья имъ магдебургскаго права ²⁸⁶).

Вѣчный союзъ, подтвержденный въ 1499 году, въ сущности мало гарантировалъ и Польшѣ, и Литвѣ взаимную поддержку. Оба государ-

²⁸⁴) *L. Golębiowskiego Dzieje Polski, tom III, str. 432, nota 93; Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 448, 449*

²⁸⁵) *Zbiór praw litewskich, str. 72—76.*

²⁸⁶) *Акты Зап. Рос. I, № 175.*

ства обязывались не покидать другъ друга во всѣхъ превратностяхъ, помогать другъ другу совѣтомъ и дѣломъ по мѣрѣ всѣхъ силъ—*omni consilio, auxilio et fauore*. Но пока сохранялось ихъ отдѣльное существованіе, пока они не сливались въ одно государство съ однимъ правительствомъ, эта поддержка всегда должна была сводиться до *minimum'a*, а иногда и на нѣтъ. У каждаго государства были свои враги, которыхъ оно должно было остерегаться; каждое государство естественно должно было всячески щадить и приберегать свои силы для самого себя. Все это обнаружилось въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ заключенія уніи 1499 года и заставило на этотъ разъ уже литовцевъ сдѣлать попытку къ болѣе тѣсному соединенію съ Польшею.

Весною 1500 г. московскія войска вторгнулись въ великое княжество Литовское и заняли множество городовъ и волостей. Высланное противъ нихъ литовское войско 14 іюля потерпѣло полное пораженіе на р. Ведрошѣ, близъ Дорогобужа. Поляки не оказали никакой помощи великому княжеству, потому что собирались въ это время идти въ походъ на турокъ и должны были оборонять свои земли отъ татаръ, два раза въ этомъ году,—лѣтомъ и осенью, вторгавшихся въ юго-западную Русь²⁸⁷⁾. Янъ Альбрехтъ оказалъ своему брату Александру только дипломатическое содѣйствіе въ переговорахъ съ великимъ княземъ Московскимъ, отправивъ въ Москву своего посла хлопотать о мирѣ,—помощь, по размѣрамъ и значенію своему не превышавшую того, что сдѣлалъ для Александра и другой его братъ, Венгерскій король Владиславъ²⁸⁸⁾.

Борьба съ Москвою продолжалась, когда умеръ король Янъ Альбрехтъ (17 іюня 1501 г.). Хотя Литва успѣла къ тому времени приобрести союзниковъ въ лицѣ ливонскаго магистра Шлеттенберга и заволжскаго хана Шигъ-Ахмата, тѣмъ не менѣе литовцы приложили всѣ старанія къ тому, чтобы для этой борьбы соединиться болѣе тѣсными узами съ Польшею. По обстоятельствамъ времени этого можно было достигнуть возведеніемъ на польскій престолъ великаго князя Александра и заключеніемъ новой уніи съ Польшею. Литовскій сеймъ, собравшійся въ Городнѣ, отправилъ въ концѣ августа 1501 года пословъ на Петровскій сеймъ для поддержанія кандидатуры Александра и съ полномочіями на заключеніе новой уніи²⁸⁹⁾. Перспектива этой уніи, ко-

²⁸⁷⁾ *Fr. Czerny*, op. cit., str. 82; *Карпова* Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, ч. II, стр. 69, 70.

²⁸⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 186.

²⁸⁹⁾ Въ качествѣ пословъ отъ в. князя Александра и отъ прелатовъ, пановъ

торую предлагали литовцы полякамъ въ случаѣ избранія Александра, болѣе всего подѣйствовала на избирателей, и Александръ восторжествовалъ надъ своими соперниками ²⁹⁰).

Еще ранѣе формальнаго избранія Александра литовскіе послы вмѣстѣ съ поляками уложили прелиминарныя статьи договора, который имѣлъ быть заключенъ между Польшею и Литвою. Постановлено было, что Польша и Литва впредь будутъ имѣть одного общаго государя; этотъ государь будетъ избираться въ Польшѣ, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ; оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастіи; будутъ имѣть одну монету, но отдѣльные суды и должности; прежніе договоры, заключенные однимъ государствомъ, будутъ имѣть обязательную силу и для другого; съ той и другой стороны договоръ уніи долженъ подтверждаться присягою; новоизбранный государь долженъ подтверждать права и вольности обоихъ государствъ. Когда уже состоялось избраніе и провозглашеніе Александра королемъ Польскимъ, написанъ былъ актъ уніи на основаніи вышеизложенныхъ прелиминарныхъ статей и подтвержденъ присягою чиновъ польскаго сейма. Литовскіе послы съ своей стороны дали клятвенное обѣщаніе въ томъ, что склоняютъ великаго князя и остальныхъ братьевъ своихъ—литовцевъ къ принятію, подтвержденію присягою и выполненію заключеннаго договора ²⁹¹).

Это обѣщаніе на дѣлѣ исполнено было только отчасти. Литовскіе послы и польскіе, отправленные звать Александра на королевство, нашли его по близости отъ Польши, въ Мельникѣ, куда онъ нарочно прибылъ для того, чтобы въ случаѣ избранія поскорѣе явиться въ

и рыцарства шляхты (praelatorum, baronum, procerum, militum et nobilium) отправились: Войтехъ, бискупъ Виленскій, кн. Александръ Юрьевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій; Янъ Заберезинскій, воевода Троицкій и маршалокъ земскій; Миколай Миколаевичъ, подчашій, староста Бѣльскій; Петръ Олехновичъ, кухмистръ. См. *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № СХСVII.

²⁹⁰) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum tom II, p. 44—47), *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzy polskich, tom XVI, str. 65—68), *Стрыйковскаго* (II, str. 314—316), *Кояловича* (pars II, p. 288—290); *Golębiowskiego Dzieje Polski*, tom III, str. 457, nota 7. 8.

²⁹¹) *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № СХСVI, СХСVII; *Golębiowskiego*, Dzieje Polski, tom III, str. 457—459, nota 7, 8; *D-ra Augusta Mossbacha* Początki unii Lubelskiej, str. 102—105. Poznań 1872.

Польшу. При немъ находились паны рада и различные урядники великаго княжества. Но это собраніе далеко не отличалось полнотою сейма. На немъ не было даже нѣкоторыхъ первостепенныхъ пановъ радныхъ, напр., воеводы Виленскаго пана Миколая Радивиловича, пана Троцкаго и старосты Жмудскаго Станислава Яновича и др., не говоря уже о томъ, что отсутствовали представители отъ русскихъ земель великаго княжества. По смыслу того обязательства, которое дали полякамъ литовскіе послы, для подтвержденья заключенной уніи слѣдовало созвать великій сеймъ изъ всѣхъ «становъ» великаго княжества. Этого нельзя было сдѣлать по случаю продолжавшихся военныхъ дѣйствій съ Москвою. Кромѣ того, и самъ Александръ торопился какъ можно скорѣе прибыть въ Польшу для принатія короны и тѣмъ парализовать возможные попытки къ ея захвату со стороны своихъ соперниковъ. Поэтому 23 октября (*sabbato proximo ante beatorum Simonis et Iudae apostolorum*) онъ принималъ и подтвердилъ своею присягою новозаключенную унію только съ тѣми панами, которые находились при немъ въ Мельникѣ, и обѣщалъ привести къ тому же и всѣхъ остальныхъ и побудить ихъ выдать соотвѣтственныя записи, скрѣпленныя ихъ печатами ²⁹²).

Это обѣщаніе Александра осталось неисполненнымъ, хотя и по независящимъ отъ него причинамъ. Продолжавшаяся война съ Московскимъ государствомъ и Крымомъ не давала возможности литовскому правительству созвать на сеймъ князей, пановъ и бояръ-шляхту всѣхъ земель великаго княжества. Мало того, даже опасно было для государственной цѣлости великаго княжества поднимать такой щекотливый вопросъ, какъ вопросъ объ уніи съ Польшею. И безъ того много русскихъ княжествъ отпало отъ великаго княжества и добровольно пошло подъ власть Москвы. Провозглашеніе національно-политическаго единства съ католическою Польшею, — *ut sit una gens, unus populus, et communia consilia eidemque corpori unum caput*, могло сдѣлаться поводомъ къ еще большому отпаденію православнаго русскаго населенія, могло толкнуть въ объятія Москвы цѣлыя русскія земли, особенно пограничныя съ Москвою, какъ, напр., Полоцкая, Витебская и въ особенности Смоленская, больше другихъ расплачивавшаяся за свою вѣрность литовскому государю. Поэтому все время, пока продолжалась война, литовское правительство не созывало великаго сейма для подтвержденія заключенной уніи. И поляки съ своей стороны не торопили литовцевъ, очевидно, понимая ихъ положеніе. Когда же окончилась война,

²⁹²) *Zbiór praw litewskich*, str. 77—81.

и заключено было перемиріе съ Москвою (25 марта 1503 г.), сами литовцы охладѣли къ униі и не прочь были кассировать сдѣланныя уже записи. Униі вовсе не принесла великому княжеству той помощи со стороны Польши, на которую рассчитывали литовскіе паны при ея заключеніи. Правда, вернувшись изъ Польши лѣтомъ 1502 г.²⁹³), Александръ привелъ съ собою вспомогательный польскій отрядъ, который и отправилъ вмѣстѣ съ наемными «служебными» на театръ военныхъ дѣйствій впередъ себя. Но уже съ дороги онъ принужденъ былъ вернуть этотъ отрядъ назадъ въ Польшу, такъ какъ отъ Волошскаго воеводы Стефана была получена вѣсть о движеніи турокъ въ предѣлы Польши. Это обстоятельство въ связи съ пораженіемъ литовскаго союзника—Шигъ-Ахмата и склонило литовское правительство къ заключенію перемирія съ Москвою²⁹⁴). Поляки не только не помогли литовцамъ, но даже оказали на нихъ давленіе, понуждая ихъ къ миру во что бы то ни стало²⁹⁵). Перемиріе, заключенное при ихъ посредничествѣ, стоило Литвѣ множества городовъ и волостей, которыя она должна была уступить Москвѣ. Естественно, что литовскіе паны потеряли всякую охоту доводить до конца начатое дѣло и, по всѣмъ даннымъ, стремились даже къ уничтоженію того, что уже было сдѣлано.

Какъ бы то ни было, по заключеніи перемирія съ Москвою поляки не преминули напомнить Александру о его обѣщаніи, данномъ въ Мельникѣ въ 1501 году. Кромѣ того, польскіе послы, пріѣзжавшіе въ 1505 году звать литовскихъ пановъ на Люблинскій сеймъ, долженствовавшій собраться въ концѣ 1505 года для устройства совмѣстной обороны государствъ²⁹⁶), также потребовали отъ литовцевъ присылки желанныхъ «реверсаловъ». Изъ отвѣта литовской рады, отправленнаго па Люблинскій сеймъ, узнаемъ, какой конецъ имѣло дѣло, начатое въ 1501 г., при избраніи Александра королемъ польскимъ. Оказывается, что Александръ обращался за этими «реверсалами» какъ къ панамъ

²⁹³) По актамъ Александръ находился въ Люблинѣ 17 іюня 1502 года, а затѣмъ направился чрезъ Каменецъ, Новый Дворъ, Слонимъ, Новгородокъ къ Минску, куда прибылъ въ началѣ августа (Archiwum Sanguszków III, № LII; Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. V, т. I, 20; Archiwum Sanguszków I, № CXXII; Акты Вилен. Археогр. Ком. VII, 62; Акты Зап. Рос. I, № 198; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 111; VI, л. 207—209).

²⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 241—243.

²⁹⁵) *Caro, Geschichte Polens, V Theil, II Hälfte, s. 909—913. Gotha 1888.*

²⁹⁶) *Fr. Czerny, op. cit., str. 131.*

радѣ, такъ и ко всѣмъ землямъ великаго княжества. Но «тыи, которые при тыхъ записехъ не были, и тежъ многии земли, которые жъ прислухаютъ къ великому князству, тыхъ реверсаловъ послати не хотѣли для некоторыхъ причинъ, въ которыхъ же ся ихъ милости трудно видело»²⁹⁷). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ литовцы отвергли унію, заключенную ихъ послами и подтвержденную ихъ господаремъ въ 1501 году. Этимъ и объясняются тѣ хлопоты и старанія, которыя прилагали поляки къ заключенію уніи на основаніяхъ, установленныхъ въ 1501 г., какъ въ царствованіе Сигизмунда I, такъ и въ послѣдующее время до 1569 г. включительно. Унія 1501 г. вовсе не разрушалась въ 1506 г., при избраніи Сигизмунда на великое княженіе, какъ принято утверждать въ исторической литературѣ, ибо унія не была принята подданными великаго княжества²⁹⁸).

Но когда и при какихъ обстоятельствахъ могли вестись переговоры объ уніи съ подданными великаго княжества? По сображенію со всѣми обстоятельствами времени и данными источниковъ выходитъ, что это происходило на Берестейскомъ сеймѣ, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1505 года²⁹⁹). Послѣ заключенія перемирія съ Москвою, въ концѣ 1503 г. Александръ уѣхалъ въ Польшу и оставался тамъ до начала 1505 года³⁰⁰). Въ свое отсутствіе изъ Литвы онъ едва ли могъ собирать вальный сеймъ для рѣшенія такого дѣла, которое требовало его личнаго вліянія и воздѣйствія. Всего вѣроятнѣе, требованіе дать реверсалы предъявлено было на Берестейскомъ сеймѣ 1505 года. Мы знаемъ, что на этомъ сеймѣ находился Янъ Ласкій, коронный канцлеръ. Этотъ Ласкій вмѣстѣ съ нареченнымъ бискупомъ Холмскимъ Костелецкимъ отправленъ былъ въ Литву звать литовскихъ пановъ на Люблинскій сеймъ и между прочимъ потребовать у нихъ обѣщанныхъ «реверсаловъ» на унію³⁰¹). Очевидно, что полученіе этихъ реверсаловъ и

²⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. 254—255.

²⁹⁸) См., напр. *K. Pułaskiego Przyczynek de elekcji Żygmunta I w Litwie i w Polsce (Szkice i poszukiwania historyczne. Serya I. Kraków 1887, str. 76—79).*

²⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 236—242; Акты Зап. Рос. I, № 213, 214; Archiwum Sanguszków I, № CXXVIII; III, № LIX, LX, LXII; *M. B. Дюнарь-Запольскаго* Литовскіе упоминки, стр. 44.

³⁰⁰) Акты Зап. Рос. I, №, 208—210; *Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 54, 276* (выѣхалъ изъ Кракова 11 января 1505 г.).

³⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 254—255.

было главною причиною созыва Берестейскаго сейма 1505 г.³⁰²). Этот сеймъ не былъ только сеймомъ пановъ радныхъ, какъ онъ изображается въ хроникахъ³⁰³), но великимъ сеймомъ, на которомъ присутствовали и землевладѣльцы изъ разныхъ земель великаго княжества. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что на немъ были смольняне, выпросившіе у своего господара подтвержденіе всѣхъ правъ и вольностей своей земли³⁰⁴). Но, по всѣмъ даннымъ, и на этотъ сеймъ пріѣзжали преимущественно, если не исключительно, «старшіе» изъ областей великаго княжества. Гурскій въ своемъ комментарий о дѣяніяхъ Сигизмунда прямо говоритъ, что въ Берестье съѣзжались *optimates et consilarii*, отмѣчая такимъ образомъ аристократическій характеръ сейма³⁰⁵).

По смерти Александра, послѣдовавшей 19 августа 1506 года въ Вильнѣ, паны-рада назначили сеймъ всѣмъ землямъ великаго княжества для избранья и «поднесенья» на великое княженіе новаго господара. Уже вошло въ обычай рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы на великихъ сеймахъ. Въ данномъ случаѣ былъ и прямой прецедентъ—избраніе великаго князя Александра, которое совершено было также на великомъ сеймѣ, при участіи землевладѣльцевъ всѣхъ земель великаго княжества. При томъ же и обстоятельства разсматриваемаго момента были таковы, что заставляли литовское панство, какъ и при избраніи Александра, искать опоры въ другихъ общественныхъ силахъ великаго княжества, избирать господара по общему согласію и рѣшенію князей, пановъ и бояръ всѣхъ земель великаго княжества. Въ государствѣ существовала многочисленная партія, которая не прочь была посадить на великокняжескомъ столѣ кн. Михаила Львовича Глинскаго. Поляки настаивали на обязательности для Литвы уніи, заключенной въ 1501 году, и теперь должны были предпринять новую попытку къ ея осуществленію на дѣлѣ. Избраніе господара общенародною волею въ значительной мѣрѣ парализовало и ту, и другую опасность.

³⁰²) Кроме того, побужденіемъ къ созыву этого сейма могли быть и новыя домогательства Сигизмунда на полученіе «дѣла» въ великомъ княжествѣ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что какъ разъ въ это самое время (2 февраля) король Владиславъ Чешскій выдавалъ ему привилей на свою часть въ великомъ княжествѣ. См. *Hr. de Broel-Plater, Zbiór pamieŋników*, tom I, str. 32—34.

³⁰³) Хроники *Вановскаго* (*Scriptores rerum polonicarum*, tomus II, p. 54, 55); *М. Бельскаго* (*Zbiór pisarzy polskich*, tom XVI, str. 71—79); *Стрыйковскаго* (II, str. 321, 322).

³⁰⁴) Акты Зап. Рос. I, № 213.

³⁰⁵) *Acta Tomiciana* I, p. 16.

Коронные сенаторы получивъ извѣстіе о смерти Александра и приготовленіяхъ литовцевъ къ избранію новаго господара, отправили въ Вильну Краковскаго хоружія Фирлея напомнить литовцамъ о договорѣ 1501 г. и просить, чтобы они не приступали отдѣльно отъ поляковъ къ избранію господара ³⁰⁶). Но литовцы не послушались. Впослѣдствіи ихъ послы, которымъ поручено было просить помощи у поляковъ, увѣряли ихъ, что литовцамъ невозможно было медлить съ избраніемъ господара и дожидаться собранія общаго польско-литовскаго сейма въ виду тѣхъ опасностей, которыя угрожали великому княжеству какъ извнѣ, такъ и внутри ³⁰⁷) Въ этомъ дипломатическомъ объясненіи несомнѣнно была доля правды, но далеко не вся правда. Мы уже знаемъ, какъ относились литовцы къ униі 1501 года, и потому едва ли одна только необходимость заставила ихъ приступить къ избранію господара безъ поляковъ.

Какъ бы то ни было, 20 октября 1506 года всѣ литовскіе «паны и князата со всеми землями, прислухающими къ великому князству», «единогласною волею» избрали на великое княженіе королевича Сигизмунда, дѣдичнаго и прироченаго господара своего ³⁰⁸). Земли великаго княжества представлены были на этомъ сеймѣ, по словамъ Стрыйковскаго, *послами отъ воеводствъ и повѣтовъ*. Эти послы послѣ избранія принесли вмѣстѣ съ князьями и панами присягу новому господарю ³⁰⁹). Врядъ ли здѣсь можно разумѣть пословъ въ собственномъ смыслѣ, для избранія которыхъ по отдѣльнымъ землямъ слишкомъ мало было времени. Скорѣе всего это были такіе же «старшіе» землевладѣльцы, которые участвовали и въ избраніи великаго князя Александра, и которые могли пріѣхать на сеймъ безъ процедуры избранія, немедленно по полученіи приглашенія.

Передъ торжественнымъ «поднесеніемъ» Сигизмунда на великое княженіе паны - рада духовные и свѣтскіе и всѣ подданные великаго княжества, присутствовавшіе на сеймѣ, били Сигизмудомъ челомъ о подтвержденіи правъ и вольностей, дарованныхъ имъ его предшествен-

³⁰⁶) Acta Tomiciana, tomus I, № VI, VII.

³⁰⁷) *Kaz. Pułaskiego Przyczynek de elekcji Żygmunta I* (Szkice i poszukiwania historyczne, str. 78—83).

³⁰⁸) Рѣчь литовскихъ пословъ кн. Войтеха, бискупа Луцкаго, Станислава Петровича и Яна Заберезинскаго, отправленныхъ въ Польшу послѣ избранія Сигизмунда великимъ княземъ. Литов. Мерр. кн. Запис. VII, л. 104, 105. Срав. комментарий Станислава Гурскаго въ Acta Tomiciana I, № XIII.

³⁰⁹) Kronika, tom II, str. 338, 339.

никами. Сигизмундъ обѣщаль исполнить эту просьбу и 18 октября выдалъ письменное обязательство въ этомъ смыслѣ ³¹⁰⁾, а затѣмъ уже послѣ восшествія на великое княженіе, 7 декабря 1506 г., находясь въ Городнѣ, на пути въ Польшу, выдалъ подтвердительный привилей князьямъ, прелатамъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ на права и вольности, утвердивъ его личною присягою предъ св. евангелиемъ ³¹¹⁾. Между прочимъ Сигизмундъ обѣщаль не рѣшать вопросовъ о сохраненіи старинныхъ постановленій и обычаевъ и объ изданіи новыхъ законовъ и распоряженій ко благу господарскому и земскому безъ зрѣлаго обсужденія и согласія съ панами радою великаго княжества Литовскаго ³¹²⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ относительно общегосударственнаго литовско-русскаго сейма въ промежутокъ времени отъ 1492 г. по 1506 г. включительно обнаруживается съ полною ясностью, что это учрежденіе окрѣпло и окончательно установилось въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и что выяснилась и опредѣлялась извѣстная его компетенція. Компетенція эта признана была въ двухъ дѣлахъ: въ дѣлѣ избранія новаго господара и въ дѣлѣ установленія уніи съ Польшею. Ни тотъ, ни другой вопросъ паны рада великаго княжества Литовскаго, державшіе кормило правленія въ своихъ рукахъ, не считали возможнымъ рѣшать безъ совѣта и согласія съ князьями и боярами всѣхъ земель великаго княжества и поэтому созывали ихъ въ такихъ случаяхъ на «посполитую раду». Ходъ вещей въ дальнѣйшемъ привелъ къ расширенію компетенціи этой «посполитой рады», къ обязательному ея участию въ обложеніи населенія военными и денежными повинностями и въ выработкѣ новыхъ законовъ. Первое опредѣлилось уже при Сигизмундѣ какъ фактически, такъ и юридически, а второе — только фактически, юридически же только при Сигизмундѣ - Августѣ (въ статутѣ 1566 г.).

³¹⁰⁾ *Rzyszczewski et Muczkowski, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I № СХСVIII.*

³¹¹⁾ *Acta Tomiciana I, appendix № 8; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 391, 392; Rzyszczewski et Muczkowski, Codex diplomaticus Poloniae I, № СС; Hr. de Broel-Plater, Zbiór pamiełników, tom I, str. 35—40.*

³¹²⁾ *Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis, antiquis servandis aut novis condendis promulgandisque et plurimis, quae erunt ordinanda pro communi utilitate Reipublicae ac Nostra, non nisi cum matura deliberatione ac cum scitu et consilio consensuque dominorum consiliariorum Nostrorum Magni Ducatus Lithuaniae tractabimus ac disponemus.*

§ 9.

Великій вальный сеймъ Литовско-Русскаго государства былъ порожденіемъ компромисса, въ который господствующая Литовская земля вынуждена была вступить съ областями-аннексами великаго княжества. Въ той борьбѣ, которую эти области вели противъ господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст., онѣ наглядно показали свою силу и не разъ угрожали Литвѣ отпаденіемъ. Чтобы примирить ихъ съ собою и уничтожить ихъ сепаратистическія наклонности, Литва должна была поступиться своимъ исключительнымъ господствомъ и привилегированнымъ положеніемъ, сдѣлать имъ рядъ уступокъ въ смыслѣ уравненія ихъ съ собою и привлеченія къ совмѣстному рѣшенію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Источникъ той силы, которую обнаружили области великаго княжества въ борьбѣ съ господствующею землею, заключался въ ихъ социальную-политическую организацію. Эта организація сложилась частью еще до литовскаго владычества, частью уже при князьяхъ Гедиминовичахъ, и продолжала существовать и послѣ упраздненія областныхъ княженій, при великокняжескихъ намѣстникахъ. Благодаря этой организаціи населеніе областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать изъ центра, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имѣвшихъ своихъ мѣстныхъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы.

Въ предшествующемъ нашемъ трудѣ «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства» мы привели не мало доводовъ въ подтвержденіе этого положенія. Отсылая читателя за этими доводами къ названной книгѣ, въ настоящемъ случаѣ ограничимся только общимъ изображеніемъ социальную-политическую организаціи областей, дополняя его нѣкоторыми фактическими указаніями, не нашедшими себѣ мѣста въ предшествующемъ нашемъ трудѣ.

Мы видѣли, что въ оппозиціи къ господствующей землѣ стояла по временамъ и единоплеменная ей Жмудская земля. Предшествующая исторія выработала въ этой землѣ вліятельный и солидарный классъ землевладѣльческой аристократіи, которая подчинила своей власти и престижу народную массу и, опираясь на нее, крѣпко отстаивала мѣстную самобытность и мѣстные интересы. Это были тѣ самые знатные люди, которые, по выраженію Петра Дюсбургскаго, управляли Жмудью, тѣ «благородные люди, царьки», которые по свидѣтельству нѣмецкихъ

хроникъ XIII—XV вв. сѣзжались часто для защиты страны и для обсужденія и рѣшенія различныхъ политическихъ вопросовъ, объявляли войну, вели переговоры и заключали миръ;—тѣ самые *бояре*, или *пань*, которые владѣли крѣпостными и оброчными людьми въ своихъ имѣньяхъ³¹³). Когда Жмудская земля окончательно соединилась съ великимъ княжествомъ, классъ этотъ не потерялъ въ ней своего прежняго значенія. Это значеніе подтверждено было за нимъ отчасти,—а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже усилено,—тѣми грамотами на права и вольности, которыя выданы были Жмудской землѣ. Попрежнему онъ остался правящимъ классомъ въ Жмудской землѣ. Какъ главный правитель Жмудской земли—староста, такъ и второстепенные—тивуны назначались господаремъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ мѣстной землевладѣльческой знати и угодныхъ боярамъ Жмудской земли. Всѣ эти лица чувствовали и вели себя не столько великокняжескими намѣстниками, сколько земскими правителями, призванными землею радѣть о земскомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого по временамъ они становились въ прямую оппозицію по отношенію къ центральному правительству, на стражѣ правъ и интересовъ Жмудской земли³¹⁴). Для рѣшенія различныхъ вопросовъ мѣстной жизни они собирались вмѣстѣ и сообща вершили различныя дѣла³¹⁵), собирая въ экстренныхъ случаяхъ на мѣстный сеймъ и остальныхъ военнотружениковъ землевладѣльцевъ. Въ военное время эти лица (староста и старшій тивунъ, носившій хоругвь земскую) собирали и вели на войну всѣхъ военнотружениковъ землевладѣльцевъ Жмудской земли, которые въ общемъ войскѣ («въ гурѣ вальномъ») стояли особымъ полкомъ³¹⁶).

Много общаго съ этою организаціею имѣла социальна-политическая организація и остальныхъ земель-аннексовъ великаго княжества. Въ нихъ также имѣлся въ наличности извѣстный контингентъ болѣе

³¹³) *Krumholz*, *Samaiten und der deutsche Orden*, str. 13—18, 47; 88. Anmerk. I; 137, 165.

³¹⁴) Областная дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, прилож. № 37, 28, 50; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 89.

³¹⁵) По уставѣ 1529 года староста и тивуны должны были сѣзжаться четыре раза въ годъ для отправленія судовъ «посполитыхъ». На этихъ сѣздахъ они рѣшали, однако, и другія дѣла. Такъ, въ 1530 году старосты и тивуны на одномъ изъ такихъ сѣздовъ написали господарю представленіе о пожалованіи тивуновства Шовдовскаго Якубу Юшковичу. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 329.

³¹⁶) Акты Запад. Рос. III, № 14 (стр. 40), 24 (стр. 101); *Strykowskiego Kronika*, tom II. str. 390.

ли менѣе крупныхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ, которые принимали участіе въ мѣстномъ управленіи, были душею мѣстныхъ собраній, или сеймовъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались различныя дѣла областей, командирами въ областныхъ ополченіяхъ и т. д., короче сказать—были вождями и заправилами въ областныхъ обществахъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдавалась Волынская земля, гнѣздо многочисленныхъ князей Рюриковичей и Гедиминовичей и значительнаго числа крупныхъ панскихъ родовъ. Къ нимъ принадлежали князья: Острожскіе и Заславскіе, Сангушки, Дубровицкіе, Чорторыйскіе, Збаражскіе и Вишневецкіе, Четвертеньскіе и Сокольскіе, Корецкіе, Курцевичи и Буремскіе, Ружинскіе, Козеки, Любецкіе, Велицкіе; паны: Кирдѣвичи, Резановичи, Монтовтовичи, Хребтовичи, Боговитиновичи, Чапличи, Гулевичи, Мукосѣвичи, Гостьскіе, Козинскіе, Джусичи, Бѣликовичи, Волотовичи, Еловичи и др.³¹⁷⁾. Изъ круга этихъ фамилій вышло много лицъ, занимавшихъ правительственныя должности въ Волынской землѣ, когда тамъ существовало особое княженіе, и составлявшихъ «вѣрную раду» Свидригайла. Таковы были: панъ Немиръ Резановичъ, *староста Луцкій* (въ 1445—1451)³¹⁸⁾; панъ Козаринъ Резановичъ, *маршалокъ Луцкой земли* (1438—1446)³¹⁹⁾; панъ Петрашъ (Кирдѣвичъ) Мыльскій, *маршалокъ земскій* (1446—1451)³²⁰⁾; князь Михайло Константиновичъ Ольшаницкій (родоначальникъ Курцевичей), *староста Владимірскій* (1451)³²¹⁾, панъ Ѳедко Козловскій, *канцлеръ* (1446—1451)³²²⁾; кн. Борисъ Глинскій, *подканцлеръ* (1446)³²³⁾; панъ Ѳедко Хомичъ, *крайчій* (1446—1451)³²⁴⁾; панъ Юшко Войдатовичъ, *ключникъ Луцкій*³²⁵⁾; панъ Юрій, *маршалокъ* (1438—1444)³²⁶⁾; панъ Бернатъ, *маршалокъ* (1438 —

³¹⁷⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 209—235; *Wolffa* Kniazowie litewsko-ruscy; *Bonieckiego* Poczet rodów; Акты Вил. Археогр. Комм. XIII, № 6; Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCXL.

³¹⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII.

³¹⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIV; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18.

³²⁰⁾ Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII; III, № VIII.

³²¹⁾ Archiwum ks. Sanguszków III, № VII.

³²²⁾ Ibidem, № VII—X; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18.

³²³⁾ Archiwum ks. Sanguszków I, XLIV.

³²⁴⁾ Ibidem, № XLVII, XLIX; tom III, № VIII; *Wolffa* Kniazowie litewsko-ruscy, str. 19, nota 20.

³²⁵⁾ Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIX.

³²⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 36; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLI.

1445)³²⁷⁾; князь Михайло (*маршалокъ дворный*) и Иванъ Васильевичъ Чорторыйскіе; князя Василій (*державца Бряславскій*) и Александръ Сангушковичи, кн. Иванъ Четвертепскій, кн. Ѳеодоръ Козека, кн. Александръ Носъ, князя Василій Андреевичъ и Андрей Васильевичъ—*маршалки* (1438 г.); паны: Иванъ и Маско Гулевичи, Иванъ Волоотовичъ, Ивашко и Дениско Мукосѣевичи, Грицко и Гаврило Шило Кирдѣевичи, Андрей Джуса, Семашко Елифановичъ, Богушъ, Севастьянъ и др.³²⁸⁾. Когда со смертью Свидригайла прекратилось особое княженіе на Волини, волинскіе уряды тѣмъ не менѣ продолжали замѣщаться лицами изъ мѣстной княжеской и панской аристократіи. Старостами Луцкими, Владимірскими и Кременецкими, маршалками Волинской земли являются по актамъ представители княжескихъ родовъ—Острожскихъ, Сангушковъ, Чорторыйскихъ, Дубровицкихъ, панскихъ—Монтовтовичей, Кирдѣевичей, Хребтовичей, Боговитиновичей; на болѣе мелкихъ урядахъ видимъ представителей второстепенныхъ родовъ изъ мѣстной аристократіи, напр., на *ключъ Луцкомъ* пановъ Гостьскихъ, на *городничествъ* Луцкомъ—Мушатичей и т. д.³²⁹⁾. Всѣ эти лица и другіе, принадлежавшіе къ мѣстной землевладѣльческой аристократіи, попрежнему составляли ту раду земли, *при обязательномъ участіи* которой отправлялись мѣстные суды³³⁰⁾ и рѣшались различные вопросы мѣстной жизни. Участіе въ политической жизни области спланивало эту землевладѣльческую знать въ солидарный классъ, стоявшій на стражѣ областныхъ интересовъ. Господствующая земля, державшая въ своихъ рукахъ центральное управленіе государствомъ, поэтому не могла не считаться съ этимъ классомъ и при рѣшеніи важнѣйшихъ общегосударственныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе что этотъ классъ имѣлъ за собою и всѣхъ вообще военнотружениковъ землевладѣльцевъ Волинской земли, съ которыми онъ встрѣчался и соединялся на мѣстныхъ сеймахъ и въ войскѣ. На областные сеймы, собиравшіеся въ главномъ городѣ земли для отправленія судовъ и соотвѣтствовавшіе польскимъ «вѣчамъ» или «генеральнымъ рокамъ», съѣзжались не только князья и паны, но и простые земляне, имѣвшіе тяжбы или какіе-нибудь другія

³²⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 36, 45.

³²⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 36, 37; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18, 24, 25; Archiwum ks. Sanguszków I, № XXXVI, XXXVIII, XLI, XLIV, XLVII—XLIX; tom III, № VII—XI.

³²⁹⁾ *Boniieckiego Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników*; Archiwum ks. Sanguszkow I, № XCIX, CXXXI.

³³⁰⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36; Акты Зап. Рос. II, № 54.

дѣла ³³¹⁾. Здѣсь они приобщались къ политической жизни страны, входили въ курсъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ интересовъ и сообщаясь князьями и панами рѣшали различные вопросы, выдвигавшіеся на очередь областною или общегосударственною жизнью ³³²⁾. Кромѣ мѣстныхъ сеймовъ, князья, паны и земяне шляхта соединялись и въ мѣстномъ ополченіи, которое собиралъ и водилъ на театръ военныхъ дѣйствій маршалокъ земли Волынской ³³³⁾. Это ополченіе при общегосударственной мобилизаціи не разбивалось по частямъ, а составляло особый полкъ земли Волынской, стоявшій подъ своею земскою хоруговью ³³⁴⁾. Такая военная организація, бывшая прямымъ наслѣдіемъ той эпохи, когда Волынская земля была особымъ княжествомъ, также содѣйствовала сближенію мѣстныхъ землевладѣльцевъ и развитію среди нихъ чувствъ товарищества и солидарности, общности интересовъ какъ внѣ, такъ и внутри великаго княжества.

Мѣстную аристократію находимъ и въ землѣ Кіевской. Ея существованіе констатируетъ самый привилей выданный *князьямъ, панамъ и боярамъ* Кіевской земли ³³⁵⁾. Къ этой аристократіи по актамъ принад-

³³¹⁾ Участіе въ отправленіи правосудія представляло и матеріальный интересъ, ибо, судя по одному акту отъ 23 марта 1523 года, участники получали отъ суда нѣкоторые доходы — «помочное». Это «помочное» съ теченіемъ времени отошло къ одному маршалку Волынской земли. Archiwum ks. Sanguszków III, № CCLV. О значеніи помочнаго см. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 684.

³³²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 869—872. Въ дополненіе къ приведеннымъ здѣсь фактамъ уважемъ еще на нѣкоторые случаи собранія мѣстныхъ «соймовъ» гъ Волынской землѣ. Въ декабрѣ 1536 года господарь приказалъ своимъ волынскимъ урядникамъ собрать на «соймѣ» князей, пановъ и всю шляхту Волынской земли и произвести на этомъ соймѣ «обыскъ и каранье» всѣхъ тѣхъ, кто занимался разбоями и кражами или не унималъ отъ этого своихъ людей, отобрать со всѣхъ присягу въ томъ, что не будутъ передерживать у себя въ имѣньяхъ разбойниковъ и воровъ и будутъ тщательно слѣдить за своими людьми, «ябы ся злодѣйство не множило» (Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 55 об.—57). Въ 1544 году мѣстные владыки, старосты, князья и паны на сеймѣ избрали кандидата для замѣщенія вакантной должности архимандрита Жидичинскаго монастыря (кн. Запис. XXIV, л. 215 об.—216).

³³³⁾ Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCCLIX; tom IV, № I, LXV, LXXXI, LXXXII, CIV, CV; Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 96 об.—97, XLV, л. 15.

³³⁴⁾ Эта хоругвь находилась въ рукахъ хоружія земли Волынской, который по временамъ заступалъ маршалка. См. Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 231, 232; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 708.

³³⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

лежали князья Глинскіе и Капусты, паны Полозовичи, Кмиты, Калениковичи, Тышкевичи, Дашковичи (родон. Дашко Тубачевичъ, маршалокъ Свидригайла), Горностаи и др.³²⁶). Изъ этого класса выходили различные урядники Кіевской земли, намѣстники пригородовъ и волостей³²⁷), *тивунъ, ключникъ, городничій, ловчій*. Это, какъ извѣстно, гарантировано было привилеемъ Кіевской земли, который утверждалъ, что городки кіевскіе, а равно и волости будутъ раздаваться только кіевлянамъ и никому иному. Такимъ образомъ, мѣстная землевладѣльческая знать осталась правящимъ классомъ въ Кіевской землѣ и съ отмѣною тамъ княженія. Ей же принадлежало первое мѣсто и руководящая роль на мѣстныхъ сеймахъ, въ которыхъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, принимали участіе даже мѣщане главнаго города земли—Кіева³²⁸). Эти сеймы, а равно военная служба подъ однимъ знаменемъ объединяли эту знать со всею остальною массою военнотруженикаго люда и превращали ее въ значительную политическую силу, съ которою должна была считаться литовская правящая знать при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ.

Въ Смоленской землѣ, болѣе многолюдной, чѣмъ Кіевская земля, существовала и болѣе многочисленная княжеская и боярская аристократія. Къ ней принадлежали — кн. Вяземскіе, Козловскіе, Жилинскіе, Глинскіе, Крошинскіе, Глазыничі, Глушонки и другіе потомки смоленскихъ Рюриковичей, а также князья Черниговскаго рода—Воротынскіе, Одоевскіе, Перемышльскіе, Мосальскіе, Мезецкіе, получившіе владѣнія въ Смоленской землѣ; бояре — Сопѣги, Басичи, Полтевы, Плюсковы, Баки, Кошки, Синцовы, Плѣшкины, Скипорева, Чертовы и др.³²⁹). Изъ лицъ этихъ фамилій назначались намѣстники смоленскихъ пригородовъ и волостей и различные урядники, оставшіеся въ главномъ городѣ земли отъ того времени, когда тамъ сидѣли князья Рюриковичи, какъ-то:

³²⁶) *Wolffa* *Kniaziowie litewsko-rusey*, str. 19, n. 20; 77, 78, 86—88, 157, 158; *Bonieckiego* *Poczet rodów*, str. 42, 46, 86, 115, 116, 132, 133, 354—356 и др.; *Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства*, стр. 237—247; *Archiwum ks. Sanguszków I*, № XLVII.

³²⁷) На старостахъ Черкасскомъ и Каневскомъ въ концѣ XV и нач. XVI в. мы видимъ, напр., представителей родовъ кн. Глинскихъ и Капустъ, пановъ Кнѣзь Дашковичей, Полозовичей, Горностаевъ, Тышковичей и т. д. *Bonieckiego* *op. cit.*, *Spis dygnitarzy i urzędników*.

³²⁸) *Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства*, стр. 868, 874.

³²⁹) *Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи*, стр. 19, 20—24, 33—36.

окольнічій, казначей, конюшій, городничій, ловчій, тивунъ, чашиникъ, данничій и писарь³⁴⁰⁾. Всѣ эти лица не только отправляли свои спеціальныя должности, но и составляли обычный совѣтъ Смоленскаго намѣстника, съ которымъ онъ судъ судилъ и рѣшалъ различныя дѣла; подобно тому, какъ нѣкогда ихъ предшественники составляли думу Смоленскаго князя³⁴¹⁾. Слѣдовательно, и въ Смоленской землѣ мѣстная землевладѣльческая знать осталась правящимъ и руководящимъ классомъ по отношенію къ остальному населенію³⁴²⁾. Служба въ различныхъ должностяхъ по мѣстному управленію, а равно и участіе въ мѣстномъ ополченіи, которое собиралось подъ знаменемъ намѣстника, соединяли и сплачивали эту знать и остальную массу военнотруженикаго люда области въ одно областное общество, которое въ состояніи было постоять за свои права и интересы, какъ это не разъ обнаруживалось и на дѣлѣ. Съ этимъ фактомъ Литвѣ приходилось считаться тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ Смоленскою землею лежало великое княжество Московское, сильно ее къ себѣ притягивавшее. Все это должно было обезпечивать и Смоленской землѣ участіе въ собраніяхъ, на которыхъ рѣшались общегосударственные вопросы первостепенной важности.

Своя мѣстная аристократія существовала и въ землѣ Витебской. Здѣсь находилось гнѣздо сильно размножившагося и развѣтвившагося рода князей Друцкихъ, къ которому, кромѣ собственно Друцкихъ, въ XV в. принадлежали кн. Путятичи, Зубревицкіе, Прихабскіе, Соколинскіе, Озерецкіе, Сѣвскіе, Шишевскіе, Горскіе, Толочинскіе и др.³⁴³⁾. Впрочемъ, вслѣдствіе измелечанія своихъ владѣній и бѣдности страны кн. Друцкіе большею частью уходили въ другія области великаго княжества, приобрѣтали тамъ выслугою, бракомъ и покупками имѣнья и

³⁴⁰⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 267—284, 334, 456, 650, 651, 838—843; *Bonieckiego* op. cit., *Spis dygnitarzy i urzędników*.

³⁴¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 864. Въ составъ этого совѣта входилъ и староста мѣста Смоленскаго, представитель мѣщанъ главнаго города земли.

³⁴²⁾ Это положеніе гарантировано было ей и впредь въ привилеѣ Смоленской земли: «А што волости держивали бояре Смоленскіе, то таки держати имъ по старому, какъ пожалуешъ которою боярина Смоленскаго которою волостью». Акты Зап.-Рос. I, № 213.

³⁴³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 253, 254; *Wolffa* *Kniaziowie litewsko-ruscy*, стр. 55—64, 135, 136, 360, 361, 396, 456, 457, 536, 537 и др.

сплетались службою и интересами съ тамошними владѣльцами, а на родинѣ у себя, за небольшими исключеніями, не играли видной роли. Гораздо большее значеніе имѣли въ Витебской землѣ нѣкоторые боярскіе роды, какъ, напр., Глѣбовичи, Ильиничи, Немировичи, Ромейковичи, Шапъи, Ольферьевичи, Олехновичи, Митковичи, Коптевичи, Володковичи, Дашковичи, Милошевичи, Зелепуги³⁴⁴⁾ и др. Глѣбовичи, Немировичи и Ильиничи поставляли Витебскихъ намѣстниковъ-воеводъ и Оршанскихъ старостъ³⁴⁵⁾; изъ другихъ фамилій выходили лица, которымъ раздавались мелкія витебскія волости въ держанье, какъ, напр., Жижець, Велижь, Дубна, а равно и земскіе уряды, сохранявшіеся здѣсь отъ княжеской эпохи, какъ-то: *конюшее, городничее, ключництво, ловчее, бобровничее и сокольничее*³⁴⁶⁾. Всѣ эти должностныя лица, кромѣ отправленія своихъ специальныхъ обязанностей, обыкновенно присутствовали вмѣстѣ съ другими князьями и боярами и старшими витебскими мѣщанами на судѣ намѣстника-воеводы и составляли его совѣтъ, съ которымъ онъ совѣщался по разнымъ дѣламъ земли. Князья и старшіе бояре Витебской земли дорожили своимъ политическимъ значеніемъ въ области, ибо оно удовлетворяло не только ихъ любви къ мѣстной самобытности и старинѣ, но и сопряжено было для нихъ съ существенными матеріальными выгодами. Всѣ должности, которыя они отправляли въ области, приносили имъ извѣстный доходъ; въ пользу ихъ шла даже часть «пересуда», который взимался воеводою или его намѣстникомъ, на судѣ которыхъ они присутствовали. Поэтому они ревниво оберегали свои права отъ нарушенія со стороны центрального правительства или его органовъ³⁴⁷⁾. Этой мѣстной ари-

³⁴⁴⁾ Документы Москов. Архива Мвн. Юстиціи, т. I, стр. 10, 11, 16; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе стр. 249—254; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109; XVI, л. 4, 7—11, 16—21, 22, 24, 34, 35, 45—49, 69, 74, 75 и др.

³⁴⁵⁾ *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 85, 86; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 252.

³⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109; XVI, л. 7—11, 16—19, 21—24, 34, 35, 45—49, 74, 75 и др.; *Bonięckiego Poczet rodów*, str. 96, 283: *Spis dygnitarzy i urzędników*.

³⁴⁷⁾ Въ 1516 году, жалуюсь господарю на воеводу Януша Костевича, витебскіе князья и бояре заявляли, «што жъ съ першими воеводами Витебскими всякие дела наши и земскіи справовали и тежъ съ ними суживали и ряживали и пересудъ съ ними на полы деливали, одна половица пересуда на воеводу, а другая половица имъ, и зъ намѣстникомъ воеводанымъ тая жъ дельница, намѣстнику его што и боярину, который при суде будетъ». Это показаніе было подтверждено предшествен-

стократія принадлежала и руководящая роль на областныхъ сеймахъ, которые собирались въ Витебской землѣ для рѣшенія, кого просить у господаря въ воеводы, для составленія различныхъ просьбъ и жалобъ господарю, касающихся общихъ интересовъ, и для выработки постановлений, вводящихъ какія-нибудь новыя обязанности. На эти сеймы собирались всѣ вообще князья и бояре, кто хотѣлъ и могъ пріѣхать, и мѣщане главнаго города земли ³⁴⁸). Сеймы, какъ и военная служба подъ однимъ знаменемъ, носившимся хоружимъ Витебской земли ³⁴⁹), сблизжали князей, бояръ и мѣщанъ въ одно солидарное общество и образовывали изъ нихъ крупную политическую силу.

Въ Полоцкой землѣ къ составу мѣстной аристократіи принадлежали князья Лукомскіе, отчина которыхъ находилась въ Полоцкомъ повѣтѣ, и пришлые князья Соколинскіе, Подберезскіе, Озерецкіе, Глинскіе, Осовицкіе и нѣкоторые другіе, пріобрѣтшіе тамъ имѣнья ³⁵⁰); изъ боярскихъ родовъ—Корсаковичи, Зеновьевичи, Быстрейскіе, Федьковичи, Рагозы, Епимаховичи, Коробовичи, Радковичи, Селявы, Быковскіе, Невельскіе и нѣкоторые другіе ³⁵¹). Изъ этихъ фамилій выходили второстепенные урядники Полоцкой земли — *хоружій, городской тивунъ, городничій, ключникъ, бобровничій и мостовничій*, а также *наместники*

никами Януша Костевича по Витебскому воеводству, панами Юріемъ Глѣбовичемъ и Ивановъ Сопегою, вслѣдствіе чего господарь съ панами радю постановилъ, что и впредь такъ должно быть. Кромѣ того, по жалобѣ князей и бояръ, рѣшено было, чтобы уряды Витебскіе—городничее, конюшее, ключъ и ловчее не отдавались воеводою своимъ слугамъ, а витебскимъ князьямъ и боярамъ. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 204 об.—206. Сравни. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 865—868.

³⁴⁸) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 873—875. Сравни. Памятники Временной Киевской Комм., т. I, отд. 2-е, стр. 1—7.

³⁴⁹) *Bonieskiego Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników*, стр VII; Въ Витебской землѣ многіе мѣщане владѣли земскими имѣньями и потому обязаны были вмѣстѣ съ боярами отправлять военную службу. Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I, л. 216—219.

³⁵⁰) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 255—261; *Wolffa* *Kniazizowie litewsko-ruscy*, стр. 163, 168, 169, 461—463; Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 210—216; Записей XVI, л. 118, 134, 135, 183, 184, 207—210, 247, 248, 270, 271 и др.

³⁵¹) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 13, 15; Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I, л. 210—216; кн. Записей XVI, л. 114, 115, 118, 140, 141, 145, 147, 149, 150, 173, 174, 178, 179, 183, 184, 207, 210 и др.

нѣкоторыхъ Полоцкихъ волостей ³⁵²). Полоцкіе князья и старшіе бояре такъ же, какъ и въ другихъ земляхъ, обязательно присутствовали на судѣ наместника-воеводы и составляли совѣтъ, съ которымъ онъ совѣщался и относительно другихъ дѣлъ ³⁵³). Они же главнымъ образомъ собирались и на сеймы, или вѣча, когда приходилось рѣшать какія-нибудь важныя дѣла области, напр., кого просить у господаря въ воеводы (это было, какъ извѣстно, право Полоцкой земли) или на освобожденную архіерейскую каеэдру ³⁵⁴), кого и съ какимъ отвѣтомъ послать къ нѣмцамъ въ Ригу,—когда приходилось издавать постановленія, вводившія что-нибудь новое и т. д. ³⁵⁵). На сеймахъ, или вѣчахъ, Полоцкой земли кромѣ князей и бояръ участвовали войтъ, старшіе мѣщане и все «поспольство» города Полоцка ³⁵⁶). Итакъ, верхніе слои населенія въ Полоцкой землѣ, стоявшіе надъ народною массою и державшіе ее въ разнообразной отъ себя зависимости, организованы были въ довольно сплоченное и потому сильное политическое общество. Литва не могла не принимать во вниманіе желанія и симпатіи этого общества и должна была поэтому въ важныхъ случаяхъ выслушивать и его голосъ.

Вниманія къ своему голосу требовала и земля Подляшская. Въ этой землѣ испомѣстилось огромное количество мелкаго военно-служилого люда—землянъ, переселившихся сюда большею частью, изъ сосѣдней Мазовіи и тяготѣвшихъ къ этому княжеству ³⁵⁷). Весь этотъ людъ организовался въ три провинціальныхъ общества, пользовавшихся значительною долею самоуправленія. Земляне Дорогичкаго, Мельницкаго и

³⁵²) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 255, 798, 799, 809, 850, 865, 866; *Wonięckiego* op. cit., spis dygnitarzy i urzędników.

³⁵³) Акты Зап. Рос. II, № 69; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 865, 866. Намѣстникъ-воевода съ старшими Полоцкими боярами и мѣщанами отправлялъ, напр., пословъ. Акты Зап. Рос. I, № 175.

³⁵⁴) Въ 1531 году, по смерти архіепископа Наваманга, воевода, князья и бояре Полоцкіе ходатайствовали за архимандрита Островскаго Предтеченскаго монастыря въ Полоцкѣ Мисаила (Литов. Метр. кн. Записей XVII, л. 72, 73). Подобныя же ходатайства представлялись и при замѣщеніи игуменствъ въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ (Запис. XXXV, л. 229 об.—230).

³⁵⁵) Русско-Ливонскіе акты, № CCLXV; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 872; Памятники Врем. Кіев. Кошм. I, отд. 2-е, стр. 1—7.

³⁵⁶) Акты Зап. Рос. I, № 60.

³⁵⁷) Земляне Подляшскихъ повѣтовъ въ 1528 г. выставляли на войну 1539 коней, слишкомъ вдвое болѣе, чѣмъ бояре и мѣщане Полоцкой земли. См. Литов. Метр. кн. Публ. дѣль I, л. 117—193, 210—216.

Бѣльскаго повѣтовъ получили право выбирать изъ среды себя кандидатовъ для представленія господарю на освободившіяся мѣста *земскаго суды, подсудка и писаря* (per liberam electionem indigenarum et omnium nobilium *conventionaliter* congregatorum); изъ среды нихъ же обязательно назначались и другіе второстепенные урядники, какъ, напр., *хоружіе, войскіе* ³⁵⁸⁾, *льстичіе, гасники, бобровничіе*. Это обѣщано было уже въ грамотѣ, выданной Казимиромъ Дорогичской землѣ послѣ возвращенія ея отъ Мазовіи ³⁵⁹⁾. Акты конца XV и начала XVI в. показываютъ, что это обѣщаніе дѣйствительно исполнялось: перечисленные уряды замѣщались лицами изъ видныхъ землянскихъ родовъ Подляшья, каковы были: Грималы, Сѣкирки, Лубы, Цыбулки, Корицкіе, Вольскіе, Пучидкіе, Водынскіе, Сарнецкіе, Копытовскіе, Малиновскіе, Гусовскіе, Вербичкіе, Рачковскіе, Фальковскіе, Дубровскіе, Свентицкіе, Оленьскіе, Борыховскіе, Каменьскіе, Щитовичи, Заранковичи, Скирминовичи, Мишкевичи, Ковалевичи ³⁶⁰⁾ и др. Нѣкоторые изъ этихъ родовъ возвышались даже до старостинскихъ урядовъ въ области, каковы были Грималы. Но вообще же на должности мѣстныхъ старостъ назначались лица изъ стороннихъ княжескихъ и панскихъ родовъ (изъ Литвы, Волыни, Кіевской земли и даже Витебской), приобрѣтшихъ имѣнья на Подляшѣ. Таковы были: кн. Глинскіе, Гаштольды, Радивилы, Забережнскіе, Ильничичи, Кишки, Сопѣги, Хребтовичи, Довойновичи, Боговитиновичи, Стецковичи ³⁶¹⁾. Эти фамиліи, составлявшія мѣстную землевладѣльческую аристократію, держались особнякомъ отъ остальной массы военнослужаго люда и не играли роли мѣстныхъ вождей и руководителей. Они занимали въ области привилегированное и изолированное положеніе, освобождались обыкновенно отъ присуда мѣстныхъ

³⁵⁸⁾ Обязанность *войскаго* довольно ясно опредѣлена въ привилеѣ на эту должность въ Берестѣ, выданномъ землянину Мартину Туру 20 февраля 1534 года: «часть овъ тое войское держати и въ небытности старосты нашего Берестейского часовъ небезпечныхъ отъ неприятелей, або естли бы служба наша и земская зашла, при томъ замку нашомъ мешкати и въ доброй опатрности его мети и во всемъ справоватися такъ, яко иншии войскии на замкахъ нашихъ ся справують» (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 469 об.—470).

³⁵⁹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 118—121.

³⁶⁰⁾ *Bonięckiego* Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 188, 189, 637, 653, 672, 700, 806 и др.; Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 117—193.

³⁶¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 183—190; *Bonięckiego* op. cit., spis dygnitarzy i urzędników.

замковыхъ и земскихъ урядниковъ, несли военную повинность не въ ополченіи земли, а равно не несли сообща съ землею замковыхъ, денежныхъ и другихъ повинностей ³⁶²). Но подляшкіе земяне и помимо этихъ пришлыхъ пановъ, съ которыми они пребывали большею частью во враждебныхъ отношеніяхъ, въ своей собственной средѣ находили вождей и руководителей и группировались въ сплоченныя и солидарныя общества, собираясь на земскіе «роки» (суды) и сеймы, совершая вмѣстѣ военные походы подъ своими повѣстовыми хоругвями и т. д.

Изложенная нами социальнo-политическая организациa областей-аннексовъ великаго княжества Литовскаго уясняетъ не только происхожденіе, но и первоначальный составъ великаго вальнаго сойма. На этотъ соймъ, по нѣкоторымъ указаніямъ источниковъ, съѣзжались изъ областей великаго княжества первоначально только «старшіе» люди. Послѣ ознакомленія съ социальнo-политическою организациею областей, мы можемъ сказать, кто эти были «старшіе», можемъ добавить далѣе, что такой составъ первоначальнаго общегосударственнаго сейма былъ вполне естественнымъ. Старшину областей составляли мѣстные крупнѣйшіе землевладѣльцы, князья и бояре, или паны, державшіе различныя уряды въ областяхъ и вообще бывшіе заправилами въ мѣстныхъ обществахъ. Эти люди имѣли больше другихъ интереса, средствъ и досуга посѣщать общегосударственныя сеймы и предпринимать для

³⁶²) Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1517 году 2 ноября за паномъ Миколаешъ Радивилошъ имѣнья Ганязъ, Ванево и Райгородъ, изъялъ владѣльца и его подданныхъ „ab omni jurisdictione, coheritione et angaria ceterisque servitijs, quibuscunque nominibus vociferentur, et alimentorum seu stationum provisione palatinorum, castellanorum, capitaneorum, marschalcorum et pignoratōrum alias dziecki ab eis que in id ministerium deputatorum et generaliter ab omnibus et singulis officialibus, magistratibus tam terrestribus, quam etiam curiae nostrae, juribusque et consuetudinibus districtuum eximimus, libertamus; itaque de se querulantibus non coram alio, quam coram nobis successoribusque nostris aut nostris et illorum commissariis ad id specialiter deputatis per literas nostras evocati tam ipse Nicolaus cum conjuge et legitima posteritate sua et incolis praedictorum bonorum tenebitur et tenebuntur respondere... Volumus, ut etiam ad expeditionem bellicam, quam etiam ad exactionem pecuniariam ex quacunque necessitate Reipublicae ejus Magni Ducatus Lithuaniae institutam et instituendam... non per alios cogi et compelli praedictaque bellica expeditio et exaccio imposita seu ponenda denunciari, quam per nos et eos, quibus nos eius rei ministerium et curationem literaliter vel vivae vocis oraculo duxerimus committendum“... Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 175 об.—177.

этого отдаленныя и дорогія путешествія въ Вильну и другіе города, гдѣ собирались эти сеймы. Съ другой стороны и центральному правительству важнѣе всего было имѣть на своей сторонѣ этихъ властныхъ и вліятельныхъ въ мѣстныхъ обществахъ людей, за которыми шла и остальная масса населенія. Поэтому и на великихъ вальныхъ соймахъ первоначально фигурируетъ только эта областная аристократія. Но потребности государственной жизни съ теченіемъ времени заставили привлечь на общегосударственный сеймъ великаго княжества и остальную массу военнотружлага люда. Такъ какъ эта масса не могла всегда и въ полномъ составѣ являться на сеймы, то съ теченіемъ времени стало вырабатываться шляхетское правительство на общегосударственныхъ сеймахъ, которое и установилось окончательно въ 1565 году.

§ 10.

Резюмируемъ теперь все, что мы пытались установить въ настоящей главѣ.

Со времени Городельской уніи возросло социальное - политическое значеніе литовской боярской знати, принимавшей наиболѣе дѣятельное участіе въ поправкахъ уніи 1385 и въ установленіи уніи 1413 года. Прежде всего эта знать консолидировалась, какъ высшее сословіе, выдѣлялась явственно изъ остальной массы военнотружлага люда. Случилось это вслѣдствіе дарованія извѣстному числу знатныхъ литовскихъ фамилій гербовъ и клейнотовъ польской шляхты. Вслѣдствіе дарованія этимъ фамиліямъ правъ польской шляхты юридически оформилось и укрѣпилось ихъ положеніе, какъ землевладѣльческаго класса, увеличилась ихъ экономическая независимость отъ великаго князя и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно поднялось и ихъ политическое значеніе. Односторонность привилей 1413 года, предоставлявшихъ права и вольности польской шляхты только боярамъ - католикамъ, получившимъ польскіе гербы, и только такихъ бояръ допускавшихъ до высшихъ должностей въ государствѣ и до политическихъ совѣщаній, расширила социальное - политическое значеніе литовской боярской знати въ ущербъ высшему боярству русскихъ областей великаго княжества. Съ упраздненіемъ областныхъ княженій это боярство потеряло возможность косвеннаго воздѣйствія на ходъ общегосударственныхъ дѣлъ, черезъ областныхъ князей, которые думали съ нимъ свои думы. Привилей 1413 года лишилъ это боярство возможности принять и прямое участіе въ высшемъ государственномъ управленіи и въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ на общегосударственныхъ совѣщаніяхъ. Поэтому главными сотрудниками и совѣтчиками великаго князя по управленію государ-

ствомъ сдѣлались знатные литовскіе бояре. По источникамъ они являются постоянными и главными участниками разнообразныхъ совѣщаній, созывавшихся Ягайломъ и Витовтомъ для обсуждения и рѣшенія различныхъ политическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи они стали даже брать верхъ надъ уцѣлѣвшими литовскими и русскими князьями. Князья, хотя и не исключались отъ государственныхъ совѣщаній, но участвовали въ нихъ гораздо рѣже, чѣмъ знатное литовское боярство. По своимъ владѣніямъ князья удалены были отъ государственнаго центра и развивавшейся въ немъ политической жизни, имѣли мало единенія другъ съ другомъ и общихъ интересовъ и соединялись не столько съ тѣмъ, что группировалось вокругъ великаго князя, сколько съ областными землевладѣльцами. Между тѣмъ литовская боярская знать наоборотъ — сбивалась по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ центру, около котораго сосредоточивалось и ея землевладѣніе, и все болѣе и болѣе сближаясь въ этомъ центрѣ и проникаясь общими интересами и стремленіями, выростала въ первенствующую послѣ великаго князя политическую силу. Прочное и постоянное мѣсто въ рядахъ этой знати нашли только католическіе бискупы великаго княжества, выходившіе жерѣдко изъ среды той же литовской знати. При такихъ условіяхъ и политическое преобладаніе собственной Литовской земли въ великомъ княжествѣ начинало превращаться въ настоящее господство.

И высшее боярство русскихъ земель, и многочисленные литовско-русскіе князья не могли быть довольны порядкомъ вещей, который устанавливался со времени Городельской уніи. Но пока при жизни Витовта поддерживалось тѣсное единеніе Литвы съ Польшею, они ничего не могли предпринять противъ этого порядка. Подъ конецъ великокняженія Витовта, однако, произошелъ разрывъ между Польшею и правящею Литвою по вопросу о коронаціи Витовта. Этотъ разрывъ продолжался и по смерти Витовта вслѣдствіе желанія Ягайла и поляковъ присоединить великое княжество непосредственно къ коронѣ Польской, не выбирая преемника Витовту. Литовско-русскіе князья и русскіе бояре воспользовались этимъ конфликтомъ, поставившимъ литовскую правящую знать въ изолированное положеніе, для того, чтобы дѣятельно вмѣшаться въ устройство судьбы государства и обезпечить себѣ въ немъ лучшее положеніе. Ихъ соединила въ общемъ дѣйствиі личность кн. Свидригайла, добивавшагося и на этотъ разъ великаго княженія. Этотъ князь давно уже сталъ популярнымъ лицомъ среди русскаго населенія великаго княжества. Въ теченіе предшествовавшей бурной жизни судьба перебрасывала Свидригайла изъ одной русской области великаго княжества въ другую и сталкивала со многими рус-

скими князьями и боярами. Добиваясь во что бы то ни стало великаго княженія, Свидригайло дружился съ ними и привлекалъ ихъ къ себѣ своею щедростью, радушіемъ и уваженіемъ къ греческой религіи. Поэтому, когда открылась наконецъ великокняжеская вакансія, русскіе люди выдвинули своего любимца, надѣясь, что при немъ пойдутъ иные порядки въ великомъ княжествѣ, и они не будутъ въ такомъ пренебреженіи, какъ при его предшественникѣ. Литовская боярская знать съ своей стороны пошла навстрѣчу желанію русскихъ князей и бояръ, которое при данныхъ условіяхъ обезпечивало государственную самобытность великаго княжества. Литовскіе и русскіе бояре на общемъ собраніи единодушно провозгласили Свидригайла великимъ княземъ. Избраніе Свидригайла на великое княженіе на общемъ литовско-русскомъ сеймѣ наглядно показало, что въ государствѣ, населенномъ преимущественно русскими людьми, исключительное господство Литвы могло имѣть мѣсто только при тѣсномъ союзѣ Литвы съ крупною виѣшнею силою и раздѣленіи общественныхъ силъ русскихъ областей. Но разъ эти условія исчезали, то и судьбы великаго княжества должны были уже опредѣляться не одною только Литвою, но Литвою и Русью вмѣстѣ, по общему ихъ согласію.

Возведенный на великое княженіе при поддержкѣ русскихъ князей и бояръ, Свидригайло опирался на нихъ и въ своей правительственной дѣятельности. Его рада состояла не только изъ литовцевъ, но и русскихъ людей; русскіе люди участвовали при немъ въ различныхъ государственныхъ совѣщаніяхъ, рѣшавшихъ важныя политическіе вопросы; русскихъ людей онъ назначалъ и на различныя государственныя должности. По извѣстіямъ, идущимъ отъ современниковъ, онъ даже отдавалъ во всемъ предпочтеніе православнымъ русскимъ людямъ. Политическій перевѣсъ отъ собственной Литвы сталъ уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Тогда литовская правящая знать, чтобы удержать пріобрѣтенную при Витовтѣ позицію, успѣшила примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великокняжескаго престола. На великое княженіе литовцами при моральной поддержкѣ Ягайла и поляковъ возведенъ былъ Сигизмундъ Кейстутевичъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ восстановлена была тѣсная унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею.

Но при всемъ томъ литовскимъ панамъ не удалось восстановить въ полной мѣрѣ свое прежнее привилегированное положеніе въ обществѣ и государствѣ. Русскіе люди оказались такою политическою силою, такъ стойко держались и боролись за Свидригайла, что литовцы по инициативѣ поляковъ сочли за лучшее войти съ ними въ извѣстный

компромиссъ. Результатомъ этого было уничтоженіе исключительности привилегій, дарованныхъ высшему литовскому боярству, и распространеніе ихъ на православныхъ русскихъ князей и бояръ великаго княжества.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Ягайломъ, какъ наивысшимъ государемъ Литвы. Его уполномоченные, заключавшіе съ Сигизмундомъ Кейстутевичемъ договоръ объ уніи Польши съ Литвою, 15 октября 1432 г. выдали отъ его имени грамоту, въ силу которой русскіе князья и бояре получали тѣ же права и вольности, что и католики литвины. Этимъ имѣлось въ виду устранить основную причину междоусобія, происходившаго въ нѣдрахъ великаго княжества, и на будущее время обезпечить миръ и согласіе между обоими народами. Примѣру Ягайла послѣдовалъ вскорѣ и великій князь Сигизмундъ Кейстутевичъ. Почувствовавъ настоятельную необходимость упрочить свое положеніе въ великомъ княжествѣ предоставленіемъ новыхъ правъ и вольностей князьямъ и боярамъ этого государства, Сигизмундъ Кейстутевичъ 6 мая 1434 года выдалъ привилей всѣмъ князьямъ и боярамъ великаго княжества,—какъ литовцамъ, такъ и русскимъ. По этому привилею князья и бояре сверхъ тѣхъ правъ и вольностей, которые были дарованы въ 1413 году и подтверждены въ 1432 году, получали гарантію личной неприкосновенности и освобожденіе ихъ крестьянъ отъ платежа натуральныхъ податей великому князю. Хотя этотъ привилей, какъ и предшествующій (1432 года) распространялся только на Русь Литовскую въ тѣсномъ смыслѣ и не относился къ русскимъ областямъ-аннексамъ, все еще сохранявшимъ вѣрность Свидригайлу, но при всемъ томъ онъ имѣлъ значеніе и для этихъ послѣднихъ. Содержащимися въ немъ правами и вольностями могли пользоваться и всѣ тѣ князья и бояре изъ областей-аннексовъ, которымъ удалось бы приобрести имѣнья на Литвѣ и соединенной съ нею Руси. Такимъ образомъ принципиальное значеніе привилеевъ 1432 и 1434 года было гораздо шире ихъ прямого юридическаго содержанія и распространялось на русскихъ людей великаго княжества не въ тѣсномъ только, но и въ широкомъ смыслѣ слова. Эти привилеи совершенно иначе опредѣлили положеніе русскихъ людей въ этомъ государствѣ, чѣмъ привилей 1413 года. Тѣ юридическія огражденія, коими привилей 1413 года обставилъ социальное-политическое преобладаніе литовскаго панства были свесены, и въ дальнѣйшемъ русскимъ людямъ открывалась уже свободная, закономъ не воспрещенная, дорога и къ высшимъ должностямъ, и въ господарскую раду, и въ раду «посполитую», т. е. въ сеймъ великаго княжества.

Тираннія Сигизмунда Кейстутевича кончилась его гибелью. По смерти его правая литовская знать распорядилась судьбами государства без совѣта и согласія съ областями-аннексами великаго княжества и возвела на великое княженіе королевича Казимира. Это обстоятельство въ связи съ новымъ разрывомъ Литвы съ Польшею вызвало сепаратистическія движенія въ областяхъ - аннексахъ великаго княжества, которыя обнаружили стремленія устроиться отдѣльно и независимо отъ великаго княжества подъ управленіемъ собственныхъ государей. Даже и въ предѣлахъ собственной Литовской земли оказалось много вліятельныхъ людей, державшихъ сторону Казимира соперника Михаила Сигизмундовича. Хотя Казимиру на первыхъ порахъ и удалось справиться со всѣми враждебными движеніями въ великомъ княжествѣ, но положеніе его въ этомъ государствѣ вскорѣ сдѣлалось неустойчивымъ вслѣдствіе того, что ему пришлось *volens-polens* принять и корону Польскую при враждебномъ настроеніи литовско-русскаго общества по отношенію къ Польшѣ. Для упроченія своего положенія въ великомъ княжествѣ, Казимиръ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ дарованію высшимъ классамъ литовско-русскаго общества новыхъ правъ и вольностей. Это было сдѣлано имъ сначала въ общеземскомъ привилеѣ отъ 2 мая 1447 года, а затѣмъ и въ привилеяхъ, которыя онъ выдавалъ отдѣльно областямъ-аннексамъ великаго княжества. Этимъ привилеямъ принадлежитъ весьма важное мѣсто въ соціально-политической исторіи литовско-русскаго государства, и въ частности въ исторіи литовско-русскаго сейма. Въ этихъ привилеяхъ Казимиръ отказался не только отъ барщинныхъ работъ и сбора натуральныхъ податей съ владѣльческихъ крестьянъ, но и отъ сбора съ нихъ денежной подати, или серебщины, въ великокняжескую казну, а равно и отъ юрисдикціи по отношенію къ владѣльческимъ крестьянамъ. По существу своему всѣ эти уступки были не чѣмъ инымъ, какъ раздѣленіемъ государственной власти надъ народною массою между великимъ княземъ и военнослуживыми землевладѣльцами. Значеніе послѣднихъ послѣ этого сильно должно было возрасти и въ области общегосударственнаго управленія. Послѣ изданія общеземскаго привилея 1447 г. и подтвержденія его силы для областей великаго княжества литовско-русскій наивысшій государь, можно сказать, безповоротно утратилъ шансы на то, чтобы стать единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ и долженъ былъ для рѣшенія болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ государственной жизни созывать и другихъ «господарей», чаще всего наиболѣе крупныхъ и знатныхъ, но въ особо важныхъ случаяхъ и всѣхъ остальныхъ. Благодаря освобожденію вла-

дѣльческихъ крестьянъ отъ платежа податей въ государственную казну литовско-русскій господарь скоро сталъ терпѣть нужду въ деньгахъ и вынужденъ былъ прибѣгать къ экстренному обложенію владѣльческихъ имѣній. Но повторять это часто единоличными распоряженіями или даже съ согласія пановъ рады было невозможно, не нарушая дарованныхъ привилегій. Поэтому съ теченіемъ времени, когда финансовая пужда приняла уже хроническій характеръ, и въ скарбѣ великаго княжества стало постоянно не хватать денегъ на удовлетвореніе неотложныхъ государственныхъ нуждъ, литовско-русскій господарь сталъ созывать князей, пановъ и шляхту бояръ на сеймъ и заручаться ихъ согласіемъ на сборъ серебщины въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ какъ новыя права и вольности распространялись уже не только на великое княжество въ тѣсномъ смыслѣ, но и на области - аннексы, то и къ сеймовымъ совѣщаніямъ стали привлекаться, кромѣ прелатовъ, князей, пановъ и шляхты Литвы и объединенной съ нею Руси, также и военнослужилые землевладѣльцы областей - аннексовъ великаго княжества. Вслѣдствіе этого и «вальный соймъ» Литовско-Русскаго государства превратился въ «великій вальный соймъ».

Образованіе великаго вальнаго сойма Литовско-Русскаго государства знаменовало собою уничтоженіе исключительности политическаго господства собственной Литовской земли. Это уничтоженіе было результатомъ той энергической борьбы, которую вели области-аннексы великаго княжества противъ господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст. Во время этой борьбы они наглядно показали свою силу и значеніе и заставили господствующую землю пойти на компромиссъ и сдѣлать имъ рядъ уступокъ въ смыслѣ уравниенія въ правахъ и вольностяхъ и участія въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Источникъ той силы, которую обнаружили области великаго княжества въ борьбѣ съ господствующею землею, заключался въ ихъ социальнo-политической организаціи. Благодаря этой организаціи населеніе областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имѣвшихъ своихъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы. Военнослужилые землевладѣльцы областей, державшіе въ зависимости отъ себя мѣстное крестьянство и отчасти даже и мѣщанство, объединялись въ мѣстныхъ ополченіяхъ и на мѣстныхъ сеймахъ, гдѣ рѣшались различные вопросы областной жизни, въ солидарныя общества, способныя къ дѣятельному вмѣшательству въ общегосударственныя дѣла въ своихъ интересахъ. Эти общества имѣли своихъ вождей и руководителей въ лицѣ мѣст-

ныхъ князей и старшихъ бояръ, или пановъ, владѣвшихъ относительно крупными имѣніями и участвовавшихъ въ мѣстномъ управленіи на разныхъ урядахъ частью по назначенію господара, а частью по выбору своей братьи.

Эти князья и старшіе бояре естественно и попали прежде всего въ качествѣ представителей отъ областей на великіе вальные соймы Литовско-Русскаго государства. Соймы эти, какъ показываетъ государственная практика великаго княжества за великокняженіе Казимира и Александра, сначала созывались только въ особо важныхъ случаяхъ, а именно: когда приходилось избирать новаго господара и заключать договоры, рѣшавшіе судьбу государства. Всѣ другія важныя дѣла государства рѣшались либо на сеймахъ господара съ панами-радою, либо на сеймахъ съ участіемъ шляхты бояръ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Обычныя текуція дѣла господарь рѣшалъ частью единолично, частію по совѣту съ тѣми панами - радою, которыя въ данный моментъ находились при его особѣ.

Сопоставляя приведенныя здѣсь факты и указанія, съ фактами и указаніями, данными въ первой главѣ, приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ касательно происхожденія изучаемаго нами учрежденія.

1. Литовско-русскій сеймъ былъ порожденіемъ особой организаціи литовско-русскаго общества, въ составѣ котораго оказалось съ одной стороны много аристократическихъ элементовъ изъ крупныхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ съ вліаніемъ и властью въ обществѣ, а съ другой стороны рядъ крѣпкихъ и сильныхъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ съ своими вождями и руководителями.

2. Его возникновеніе облегчилось тѣмъ обстоятельствомъ, что владѣльческій элементъ недостаточно еще былъ развитъ въ составѣ великокняжеской власти, носившей преимущественно военно-политическій характеръ, и великій князь, имѣвшій значеніе національнаго вождя, ни въ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ общества не былъ еще собственникомъ и полнымъ хозяиномъ государства, могущимъ распоряжаться его судьбами.

3. Литовско-русскій сеймъ возникъ во время установленія уніи великаго княжества Литовскаго съ Польшею. Событія этой эпохи вызвали къ политической самостоятельности крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ политическихъ правъ и на будущее время за ихъ совокупностью въ лицѣ литовско-русскаго сейма.

4. Фактъ этотъ опредѣлился первоначально только по отношенію къ великому князеству Литовскому въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Литвѣ и объединенной съ нею Руси. Но дальнѣйшій ходъ событій привелъ къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ и относительно областей - аннексовъ, которыя нашли въ себѣ силы и средства ограничить политическое преобладаніе Литвы и отнять у ея господства характеръ исключительности.

5. Унія съ Польшею не только приостановила дальнѣйшій ростъ власти литовско-русскаго господара надъ обществомъ, но даже стала прогрессивно умалять эту власть и увеличивать общественную силу и политическое значеніе военнoслужилаго класса литовско-русскаго общества, чѣмъ содѣйствовала росту и преуспѣянію изучаемаго учрежденія.

6. Благодаря уніи великокняжеская династія въ Литовско-Русскомъ государствѣ вообще потеряла твердую позицію, не успѣвъ еще, какъ слѣдуетъ, и утвердить ее за собою. Унія воспрепятствовала установленію какого-либо опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія, предоставивъ замѣщенія великокняжескаго стола избранію князей, пановъ и бояръ-шляхты великаго княжества; тѣхъ великихъ князей, которые становились одновременно и королями Польши, унія отвлекала отъ великаго княжества и оставляла въ немъ хозяевами и распорядителями его судебъ все тѣхъ же прелатовъ, князей, пановъ и шляхту, чѣмъ косвенно содѣйствовала развитію изучаемаго учрежденія.

7. Это содѣйствіе было не только косвенное, но и прямое. Со стороны Польши договоръ объ уніи заключалъ сеймъ, который избиралъ литовскихъ князей на королевскій престоль и рѣшалъ разные другіе вопросы, касавшіеся отношеній Польши къ Литвѣ; по требованіямъ равноправности, вытекавшимъ изъ самыхъ договоровъ уніи, и со стороны великаго княжества должно было въ такихъ случаяхъ выступать и дѣйствовать аналогичное съ польскимъ сеймомъ учрежденіе.

ГЛАВА III.

Великіе вальныя соймы при Сигизмундѣ I, ихъ составъ и функціи.

§ 1. Приготовленія къ войнѣ съ Москвою и неудовлетворительное состояніе литовскаго скарба; великій вальный соймъ 1507 г. и постановленія объ отбываніи военной службы и сборѣ серебщины.—§ 2. Великій Виленскій соймъ по окончаніи войны съ Москвою: судъ надъ сторонниками Глинскаго и устава объ виѣннѣхъ государственныхъ измѣнниковъ; уставы о «виѣнѣ» и «пересудахъ»; назначеніе комиссіи для разбора пограничныхъ столкновеній съ поляками и подтвержденіе привилеевъ Витебской и Волинской земель.—§ 3. Обостреніе борьбы съ татарами и вопросъ о совмѣстной съ Польшею оборонѣ Украины и подтвержденіи уніи обохъ государствъ; великій Берестейскій соймъ 1510 г. и мѣры по оборонѣ и внутреннему замиренію государства. Великій Виленскій соймъ 1512 г. и неудачные переговоры о подтвержденіи уніи; первые признаки шляхетскаго представительства.—§ 4. Возобновленіе борьбы съ Москвою и трудное положеніе великаго княжества; великій Виленскій соймъ 1514 г. и его постановленія о сборѣ поголовщины и военной службѣ; уклоненіе литовцевъ отъ подтвержденія уніи съ Польшею и просьба о сводѣ законовъ.—§ 5. Потеря Смоленска и старанія Сигизмунда о его возвращеніи; великій Берестейскій соймъ 1515—1516 г. и отказъ литовцевъ господарю въ денежной субсидіи; «застава» господарскихъ виѣннѣй. Великій Виленскій соймъ 1516 и его постановленія о мобилизаціи земскаго ополченія и сборѣ серебщины; назначеніе комиссіи для разбора пограничныхъ дѣлъ съ поляками и подтвержденіе привилея Дорогичской земли.—§ 6. Новыя военныя и политическія неудачи и финансовыя затрудненія литовцевъ; великій Берестейскій соймъ 1518—1519 г. и его постановленія о сборѣ поголовщины; дальѣйшія «заставы» господарскихъ виѣннѣй.—§ 7. Вторженія москвитянъ въ Литву и уклоненіе шляхты отъ военной службы; созывъ великаго сойма въ 1519—1520 г. для принятія мѣръ по защитѣ государства и постановленія этого сойма; сеймъ въ лагерѣ подѣ Минскомъ въ 1520 г. и «ухвала» серебщины.—§ 8. Перемиріе съ Москвою и вопросъ о дальѣйшей борьбѣ; великій Виленскій соймъ 1521 г. и уклоненіе шляхты отъ военныхъ тягостей. Вопросъ объ оборонѣ отъ крымскихъ татаръ; сеймъ въ лагерѣ подѣ Минскомъ.—§ 9. Великій Городенскій соймъ 1522 г.; «ухвала» серебщины для продолженія борьбы съ Москвою и постановленія противъ уклоненія отъ военной службы и захвата господарскихъ виѣннѣй; просьбы о дарованіи писаныхъ законовъ и разграниченіи съ Мазовіею.—§ 10. Великій Виленскій соймъ 1522 г. и его участіе въ составленіи статута; «ухвала» новой серебщины и мѣры по оборонѣ отъ татаръ; избраніе Сигизмунда Августа наслѣдникомъ престола. Просьба о разграни-

ченіи съ Польшею и тяжба Жмудской земли съ своимъ старостою.—§ 11. Вопросъ о дальнѣйшемъ содержаніи служебныхъ на украинѣ и отправленіи Шихъ-Ахмата къ погаямъ; великій Виленскій соймъ 1524 г. и «ухвала» новой сребщины; отсрочка введенія новосоставленнаго статута. Великіе Виленскіе соймы 1525 и 1526 г. по вопросамъ объ оборонѣ отъ татаръ и борьбѣ съ Москвою; отказъ литовцевъ рѣшать ихъ въ отсутствіе господаря.—§ 12. Приближеніе турецкой грозы и нападеніе татаръ на польско-литовскую Украину въ 1526—1527 гг.: хлопоты Сигизмунда объ установленіи постоянной обороны этой Украины. Великій Виленскій соймъ 1528—1529 г. и его постановленія о военной службѣ, о «пописѣ» имѣній, о сборѣ сребщины и дополненія къ статуту; уставы объ управленіи госполарскими дворами и волостями; подтвержденіе привилей Кіевской земли. Участіе шляхты въ дѣлахъ вѣдшей политики. Великій Виленскій соймъ осенью 1529 г.: опредѣленіе новой денежной субсидіи, установленіе судебныхъ сеймовъ и возведеніе на великое княженіе Сигизмунда-Августа.—§ 13. Вопросы о совѣстной съ поляками оборонѣ отъ татаръ, о помощи противъ Волошскаго воеводы и дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ Москвѣ; великій Виленскій соймъ 1532 г. Отправка посольства для переговоровъ съ поляками о защитѣ отъ татаръ и отказъ въ помощи противъ Волошскаго воеводы; жалобы становъ сейма на нарушеніе правъ и просьба объ облегченіи военной повинности.—§ 14. Смерть великаго князя Московскаго Василія Ивановича; великій Виленскій соймъ 1534 г. и его постановленія о войнѣ съ Москвою и сборѣ сребщины; организація шляхетскаго представительства. Война и ея требованія; великій Виленскій соймъ 1536 г. и нерасположеніе литовцевъ къ несенію военныхъ тягостей: перемиріе съ Москвою.—§ 15. Усиленіе опасности отъ крымскихъ татаръ и вопросъ о дальнѣйшей борьбѣ съ Москвою; великій Виленскій соймъ 1538 г. и «ухвала» новаго «податка». Предложенія, посланныя на обсужденіе «становъ» сейма въ лагерѣ подъ Новгородкомъ: ихъ просьбы къ господарю о ненарушеніи различныхъ правъ и вольностей великаго княжества и замѣщеніи вакансій въ радѣ госполарской; политическое воспитаніе шляхты.—§ 16. Великій Виленскій соймъ 1540 г. и «ухвала» сребщины.—§ 17. Наступленіе турокъ и хлопоты Сигизмунда объ организаціи совѣстной обороны отъ нихъ Польши и Литвы: великій Берестейскій соймъ 1544 г. и его постановленія на этотъ счетъ. Просьбы становъ сейма о порядкѣ обложенія военною повинностью, о пополненіи госполарской рады и раздачѣ урядовъ въ великомъ княжествѣ, объ исправленіи статута и различныхъ улучшеніяхъ въ отправленіи правосудія; тенденціи къ ограниченію власти господаря и расширенію правъ сейма и начало шляхетской оппозиціи можновладству.—§ 18. Общіе выводы о составѣ, дѣятельности и значеніи великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I.

§ 1.

Трудная борьба, которую вело Литовско-Русское государство съ Москвою и крымскими татарами при великомъ князѣ Александрѣ, до конца исчерпала финансовыя средства этого государства и обременила его значительными долгами. Когда умеръ Александръ и на великокня-

жескій престоль вступилъ братъ его Сигизмундъ, эта борьба возобновилась съ новою силою и съ извѣстными промежутками продолжалась въ теченіе всего великокняженія Сигизмунда. При недостаткѣ финансовыхъ средствъ литовскому правительству во время этой затажной борьбы пришлось много разъ обращаться за помощью къ военнослужилымъ землевладѣльцамъ великаго княжества и привлекать ихъ къ различнымъ жертвамъ въ пользу государства, сверхъ ихъ обычныхъ повинностей. Это обстоятельство привело къ расширенію значенія и вѣкорнымъ измѣненіямъ въ организаціи того политическаго учрежденія, происхожденіе котораго мы выслѣдили въ предшествующей главѣ, т. е. великаго вальнаго сойма Литовско-Русскаго государства. Фактъ этотъ опредѣлился до извѣстной степени уже въ самомъ началѣ борьбы, на первомъ великомъ вальномъ соймѣ, созванномъ въ началѣ 1507 года въ Вильнѣ.

Къ концу 1506 г. обстоятельства сложились въ высшей степени благопріятно для великаго княжества Литовскаго. Новый господарь его—Сигизмундъ 6 декабря избранъ былъ королемъ польскимъ. Это избраніе подавало надежды на союзъ съ поляками и помощь ихъ въ будущей борьбѣ. Изъ Крыма прибылъ посоль Якубъ Ивашендовичъ, отправленный туда еще при Александрѣ для заключенія союза съ Менгли-Гиреємъ, и привезъ извѣстіе о полномъ успѣхѣ своей миссіи. Ханъ заключилъ съ посломъ и подтвердилъ присягою договоръ, въ которомъ онъ обязывался за себя, своихъ сыновей и всѣхъ своихъ людей не нападать на Польшу и Литву и на предстоящее дѣло быть готовымъ къ вторженію въ предѣлы Московскаго государства, если на то будетъ королевская воля; для себя онъ выговаривалъ обычные «упоминки». вмѣстѣ съ литовскимъ посломъ прибыли и послы ханскіе, въ присутствіи которыхъ предстояло самому польско-литовскому государю подтвердить присягою заключенный договоръ. Одновременно съ крымскими послами прибылъ посоль и отъ Казанскаго царя Мегметъ-Амниа съ предложеніемъ союза противъ Москвы. Литвѣ, такимъ образомъ, представлялся удобный моментъ для возобновленія борьбы съ Москвою и возвращенія того, что было утрачено при Александрѣ. Но съ другой стороны предстояло потратить не мало денегъ на упоминки хану, его сыновьямъ и мурзамъ, татарскимъ посламъ и гонцамъ, и потратить съ рискомъ, въ виду обычнаго вѣроломства татаръ. Сигизмундъ находился въ то время въ Мельникѣ, куда онъ прибылъ въ ожиданіи своего избранія королемъ Польскимъ, съ тѣмъ, чтобы по полученіи обѣщанія извѣстія поскорѣе явиться въ Польшу. При немъ находились ли-

товскіе паны и польскіе, прїѣхавшіе звать его на коронацію ¹⁾). Всѣ они и привлечены были Сигизмундомъ къ обсужденію вопроса о союзѣ съ татарами. Въ Литовской Метрицѣ сохранилась запись совѣтовъ, какіе дала Сигизмунду соединенная литовская и польская рада въ настоящемъ случаѣ. Паны единодушно посовѣтовали войти въ тѣсный союзъ съ обонми царями, Перекопскимъ и Казанскимъ, и затѣмъ ударить со всѣхъ сторонъ на Москву. Воевода Познанскій совѣтовалъ даже прибавить что нибудь царю Перекопскому, лишь бы заохотить его къ войнѣ съ Москвою, а другіе сенаторы предлагали призвать на помощь Ливонскаго магистра и войти по этому поводу въ переговоры съ шведскимъ «губернаторомъ».—Сигизмундъ послѣдовалъ совѣту и въ присутствіи крымскихъ пословъ и казанскаго гонца принесъ присягу въ соблюденіи договора. Въ Крымъ и въ Казань отправлены были гонцы съ извѣщеніемъ о принятіи договора и съ просьбою на весну быть готовыми къ вторженію въ Москву ²⁾ На этомъ же Мельницкомъ «сеймѣ» литовскіе паны рѣшили отправить пословъ къ полякамъ на коронаціонный сеймъ съ просьбою, чтобы они не задерживали долго Сигизмунда въ Польшѣ, дабы онъ имѣлъ возможность не нарушить своей «умовы» съ Перекопскимъ царемъ, которая «черезъ долгій часъ и презъ великіе наклады ледве справена» и весною же, съ Божьєю помощію, могъ начать расправу съ непріателемъ Московскимъ. Сверхъ того, посламъ было поручено просить у поляковъ для предстоящей войны помощи людьми или деньгами, въ виду того, что литовцы съ своей стороны всегда помогали полякамъ въ ихъ войнахъ, просить также и о пріятіи участія въ расходахъ великаго княжества на татаръ Перекопскихъ, Заволжскихъ и Ногайскихъ, такъ какъ эти расходы дѣлаются не только въ интересахъ великаго княжества, но и въ интересахъ короны, ибо одинаково вредятъ татары какъ Литвѣ, такъ и Польшѣ ³⁾).

Итакъ, война съ Москвою была рѣшена на Мельницкомъ сеймѣ конца 1506 и нач. 1507 г., по совѣщаніи господара съ панами радю великаго княжества Литовскаго и присутствовавшими польскими па-

¹⁾ *Strykowskiego Kronika*, tom II, str. 341. По датамъ актовъ, Сигизмундъ находился въ Мельницѣ съ 20 декабря по 7 января включительно. Литов. Метр. кн. Запис. VIII. л. 140—144; 260—267; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 1—8.

²⁾ *K. Pułaskiego Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów Perekopskich*, str. 102—112; Acta, № 76. Kraków 1881.

³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 3—4; VIII, л. 54—55; *K. Pułaskiego Stosunki z Mendli-Girejem*, str. 82, 113; Acta № 84.

нами. Предстояло затѣмъ снаряжаться къ этой войнѣ, готовить для нея средства. Въ то время Литва въ большихъ и продолжительныхъ войнахъ уже привыкла пользоваться услугами наемныхъ войскъ, по примѣру Польши и другихъ западноевропейскихъ государствъ ⁴⁾. Люди, посвящавшіе себя военному ремеслу, солдатской профессіи, оказывались въ битвахъ болѣе искусными и стойкими, чѣмъ рыцарская дворянская или городская милиція. Съ другой стороны съ этою милиціею трудно было оперировать во всѣхъ сколько-нибудь продолжительныхъ и затягивавшихся войнахъ. На западѣ, какъ извѣстно, существовали прямые сроки, по истеченіи которыхъ рыцари могли уѣхать съ войны. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ такихъ сроковъ, правда, не было, но собиравшіеся на войну бояре сплошь и рядомъ развѣзжались по домамъ по необходимости, вслѣдствіе истощенія привезенныхъ изъ дома сѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и денегъ, или просто для свиданья съ семьями. Поэтому уже при Казимирѣ и Александрѣ въ войнахъ съ Москвою употреблялись наемные *«служебные»* или *«жолнеры»*. Какимъ цѣннымъ элементомъ въ войскѣ они считались лучше всего показываетъ порученіе, данное великимъ княземъ Александромъ послу Литавору, отправленному въ Польшу въ мартѣ 1493 г. съ просьбою о помощи противъ Москвы. Поручая послу войти въ предварительные переговоры съ ротмистрами касательно найма на службу жолнеровъ, на тотъ случай, если въ нихъ будетъ нужда, Александръ приказывалъ послу, чтобы на этотъ разъ онъ нанялъ хотя бы триста жолнеровъ и привелъ ихъ въ Берестье, гдѣ они и получаютъ приказъ о дальнѣйшемъ движеніи ⁵⁾. Итакъ, и триста жолнеровъ считались цѣннымъ вспомогательнымъ отрядомъ. Очевидно, ихъ цѣнили не за количество, а за качество, за то моральное дѣйствіе, которое оказывали они въ битвахъ своимъ искусствомъ и стойкостью на остальное войско. Это были передовые бойцы, увлекавшіе въ атаку остальныхъ и удерживавшіе ихъ на полѣ битвы въ случаѣ встрѣчнаго натиска. Какъ важно было ихъ участіе въ бою, показала Ведрошская битва, въ которой сражалось одно только земское ополченіе великаго княжества Литовскаго: въ этой битвѣ литовцы, какъ извѣстно, не обнаружили стойкости, были разбиты на-голову, много людей было побито, много побрано въ плѣнъ

⁴⁾ Въ Польшѣ наемныя войска были въ ходу уже съ начала XV в., а можетъ быть и ранѣе. См. *D-ra Alfreda Blumenstoka* *Planu reform skarbowo-wojskowych w pierwszej połowie panowania Żygmunta Starego*, str. 20, 27. Lwów 1888.

⁵⁾ Литов. Метр. кв. Запис. V, л. 141.

москвитянами. Хотя съ литовской стороны это поражение объяснялось превосходствомъ непріятельскихъ силъ, превосходившихъ литовскія будто бы болѣе, чѣмъ въ десять разъ (40 т. противъ 3½ тыс.) ⁶⁾, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ недостаткѣ стойкости земскаго ополченія великаго княжества Литовскаго. Этотъ недостатокъ обнаружился и въ другихъ пораженіяхъ, испытанныхъ въ томъ же году литовскими войсками, напр., подъ Мстиславлемъ ⁷⁾. Вотъ почему Александръ послѣ этихъ поражений на вербовалъ для продолженія войны множество служебныхъ людей въ Польшѣ, Моравіи и Силезіи за дорогую цѣну ⁸⁾. Хотя эти служебные на первыхъ порахъ не принесли пользы (вслѣдствіе наступившей осенней непогоды и распутицы москвитяне ушли домой) и только починили грабежи и опустошенія литовскимъ подданнымъ, тѣмъ не менѣе Александръ не разочаровался въ нихъ, и въ послѣдующее время мы видимъ у него на службѣ этихъ жоннеровъ. Въ 1501 г. онъ обѣщаль Ливонскому магистру, собиравшемуся ударить на Исковъ, выслать на помощь шляхту Полоцкаго повѣта подъ начальствомъ намѣстника Станислава Глѣбовича и 5000 жолнеровъ (stipendiariogum) подъ начальствомъ чеха Цырпа (Сурпа). Во время лѣтняго похода противъ москвитянъ въ 1502 г. Александръ, лично участвовавшій въ походѣ, напередъ себя послалъ служебныхъ людей ⁹⁾. Служебные люди въ то же время были разставлены на пограничныхъ замкахъ, напр., въ Полоцкѣ и Смоленскѣ и оставались тамъ и по окончаніи войны съ Московскимъ государемъ, на всякій случай ¹⁰⁾. Польское правительство уже давно пользовалось услугами наемныхъ войскъ въ своихъ войнахъ вслѣдствіе систематическаго уклоненія шляхты отъ военной службы. Такимъ образомъ и чужой, и собственный опытъ при-

⁶⁾ Хроника *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzy polskich, tom XVI, str. 59) и *Стрыйковскаго* (tom II, str. 311).

⁷⁾ *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, т. V, 1467. Изд. Т-ва «Общественная Польза».

⁸⁾ Хроника *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 39, 40).

⁹⁾ Supplementum ad historica Russiae monumenta, № CXXIV; Литов. Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 1; Акты Зап. Рос. I, № 199.

¹⁰⁾ Изъ квитанціи, выданной 1505 г. 28 июня лентвойту Полоцкому Якубу Кезмарковичу, видно, что онъ изъ 400 копъ грошей, собираемыхъ ежегодно съ мѣста Полоцкаго на господаря, выдалъ «за жолнировъ» Склеvesкому 15 копъ, вѣмцу Якубу Рикку Барберу 15 копъ безъ 2 грошей, Харвнтону 5 копъ. Метр. кн. Запис. V, л. 241—243.

водиль Сигизмунда и пановъ раду къ мысли употребить наемныя войска въ замышляемой войнѣ съ Москвою.

Для наема «служебныхъ» нужны были деньги, и деньги не малыя. Между тѣмъ покойный Александръ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ оставилъ въ наслѣдство своему брату одни долги ¹¹⁾. Война съ Москвою не только поглотила всю наличность литовскаго скарба, но и повлекла за собою уменьшеніе поступленій вслѣдствіе уступки Москвѣ множества городовъ и волостей по договорамъ 1494 и 1503 г. ¹²⁾ и вслѣдствіе того разстройства, которое она внесла въ хозяйственную жизнь страны. Въ послѣдніе годы своего правленія для покрытія текущихъ расходовъ Александръ принужденъ былъ отдавать «въ заставу» государственныя имѣнія, т. е. занимать деньги у частныхъ лицъ съ предоставленіемъ имъ права взимать въ свою пользу вмѣсто процентовъ господарскіе доходы съ извѣстныхъ господарскихъ замковъ или дворовъ съ волостями до уплаты долга ¹³⁾. Такимъ образомъ, напр., у маршалка земскаго Яна Юрьевича Александръ занялъ для своей и земской потребности 3000 золотыхъ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворы Олиту и Немовойти. Въ 1506 г. онъ погасилъ 1000 золотыхъ тѣмъ, что пожаловалъ Яну Юрьевичу дворъ Олиту съ дворцомъ Симномъ на вѣчность. Въ то же время, взявъ у него еще 300 копъ грошей въ добавленіе къ остававшемуся долгу, 2000 золотымъ, Александръ всю эту сумму записалъ на дворѣ Немовойтахъ ¹⁴⁾. Въ 1505 г. Александръ взял у охмистра королевы Войтеха Яновича 1000 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ Кормялово Ковенскаго повѣта ¹⁵⁾. У старосты Владимірскаго пана Федора Янушевича Александръ занялъ «для великое земское потребности» 1000 золотыхъ, предоставивъ ему

¹¹⁾ Въ Польшѣ 94132 золотыхъ угорскихъ. *Lubomirskiego Trzy rozdziały historyi skarbowości w Polsce*, str. 4. Kraków 1868.

¹²⁾ Уступлены были волости, бывшія хорошими плательщиками скарба, напр. Задвинскія волости Торопецкаго повѣта, населенныя «данщиками».

¹³⁾ И въ данномъ случаѣ оказала свое вліяніе практика государственной жизни Польши, гдѣ этотъ способъ удовлетворенія финансовымъ нуждамъ государства практиковался въ широкихъ размѣрахъ въ XV вѣкѣ. *A. Blumenstoka Płany reform*, str. 26—31.

¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Записн. VI, л. 13.

¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Записн. VI, л. 1, 2. Этотъ долгъ по смерти Александра оставался непогашеннымъ; Сигизмундъ могъ только продолжать «заставу» и 23 ноября 1507 г. выдалъ Войтеху Яновичу соотвѣтствующій привилей (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186).

получать вмѣсто процентовъ господарскіе доходы съ замка Владиміра и всего Владимірскаго повѣта ¹⁶⁾). Несмотря на всѣ эти займы, текущіе расходы въ послѣдніе годы великокняженія Александра не покрывались, и Александръ умеръ, не расплатившись, напр., съ служебными за ихъ службу. Сигизмундъ долженъ былъ занять у краковскаго бурмистра Бонара 5000 золотыхъ, чтобы заплатить служебнымъ людямъ за ихъ «старую службу» покойному Александру ¹⁷⁾). Но и этимъ расчеты съ «служебными» не были покончены, и послѣ приходилось нѣсколько разъ расплачиваться мелкими суммами ¹⁸⁾).

Итакъ, денегъ, необходимыхъ для веденія войны въ литовскомъ скарбѣ не было. Правительство рѣшилось прибѣгнуть въ данномъ положеніи къ испытанному уже средству — къ полученію субсидіи отъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Мы видѣли, что къ этому средству прибѣгалъ уже король Казимиръ: въ 1473 г. сеймъ, собиравшійся въ Вильнѣ, опредѣлилъ дать ему субсидію со всѣхъ земель великаго княжества по 6 пражскихъ грошей съ плуга. Это средство литовскому господарю подсказывалось и логикою вещей, и хорошо знакомою ему государственною практикою Польши. Тамъ уже давно, со времени освобожденія шляхты отъ платежа постоянной подати (за исключеніемъ 2 гр. съ лана въ знакъ подданства) правительство обращалось къ шляхтѣ за денежными субсидіями ¹⁹⁾). Литовскіе князья, папы и бояре съ 1447 г. были также освобождены отъ платежа въ скарбъ постоянной серебщины съ своихъ людей. Естественно поэтому, что и литовскій государь вынужденъ былъ съ теченіемъ времени обратиться къ нимъ за субсидіею на нужды государства, какъ это дѣлалось и въ Польшѣ. При Казимирѣ, по всѣмъ даннымъ, субсидія опредѣлена была

¹⁶⁾ Archiwum Sanguszków. III, № LXXXVI. По смерти пана Федора Янушевича король Сигизмундъ 26 мая 1508 г. дозволилъ кн. Андрею Александровичу Сангушку отложить 1000 золотыхъ вдовѣ Янушевича, взять Владиміръ къ своимъ рукамъ и держать его въ «заставѣ» до уплаты ему долга. Отъ кн. Андрея Владиміръ перешелъ въ «заставѣ» къ сыну его Федору въ 1529 г. Кн. Федоръ Андреевичъ нашелъ выгоднымъ для себя «спустить» долгъ (21 авг. 1531 г.) королю и получить отъ него взаменъ привилей на «держанье» замка Владиміра до живота съ правомъ пользоваться одними только старостинскими доходами (Ibidem, № CCCLVI, CDXIX).

¹⁷⁾ Деньги были уплачены Бонару подскарбіемъ земскимъ Авраомъ Езофовичемъ въ 1509 г. декабря 13 (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 112).

¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115.

¹⁹⁾ А. *Blumenstoka* *Planu reform skarbowo-wojskowych*, str. 26, 27.

на простомъ литовскомъ сеймѣ, панами радою и литовскою шляхтою, собравшеюся на сеймъ. При Сигизмундѣ рѣшено было оборудовать это дѣло на великомъ вальномъ соймѣ, при участіи землевладѣльцевъ изъ областей-аннексовъ. Слишкомъ серьезно было положеніе вещей, слишкомъ близко затрогивало оно интересы всего государства, чтобы можно было рѣшать предстоящіе вопросы безъ участія князей и бояръ изъ областей-аннексовъ. И безъ того эти князья и бояре недовольны были дѣйствіями правительства, связанными съ пропагандою церковной уніи, и безъ того во время предшествующей борьбы съ Москвою обнаруживали по временамъ шатость и стремленія къ отпаденію отъ Литвы. Привлечь ихъ къ жертвамъ для государства, и притомъ тяжелымъ, легче всего, конечно, было, войдя съ ними въ переговоры, заручившись ихъ добровольнымъ согласіемъ. И это тѣмъ болѣе справедливо, что, кромѣ «ухвалы» серебщины, правительство вознамѣрилось, по примѣру Польши, составить на сеймѣ и военную «уставу» относительно снаряженія на войну и мобилизаціи и придать ей больше авторитета и силы въ формѣ опредѣленія сейма²⁰⁾. Въ виду всего этого разослано было приглашеніе на сеймъ князьямъ, панамъ и боярамъ всѣхъ земель великаго княжества.

Сеймъ собрался къ началу февраля 1507 г. и продолжился въ теченіе всего этого мѣсяца²¹⁾. На немъ прежде всего выработаны были строгія постановленія касательно отбыванія военной службы. Рѣшено было, чтобы всѣ паны, князата, земляне, вдовы и вся шляхта переписали своихъ людей и списки отдали господарю подъ присягою, что ничего не утаили, дабы господарь могъ точно знать, какъ кто долженъ служить²²⁾. Постановлено затѣмъ, что неявившійся къ сроку на войну, въ назначенное заблаговременно господаремъ мѣсто, подвергается штрафу въ 100 рублей; а кто не выѣдетъ на войну недѣлю спустя послѣ срока «надѣючися на свое богатство и упоромъ своимъ», тотъ «шью тратитъ»; вдовы, не приславшія своихъ людей къ сроку, также наказываются штрафомъ въ 100 рублей, а если не пришлютъ

²⁰⁾ Обычай выработывать на сеймѣ «ординаціи» на предстоящую войну утвердился въ Польшѣ при Казимирѣ Ягеллончикѣ. См. *A. Blumenstoka* *Planu reform*, str. 15—19; его же *Ordinatio bellicae motionis ex anno 1506*. Kraków 1888.

²¹⁾ *М. В. Довнар-Затольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 56.

²²⁾ Очевидно, что постановленіе, сдѣланное на Новгородскомъ сеймѣ 1502 г. о томъ, чтобы съ каждыя 10 службъ людей выставлялся кованный ратникъ, оставалось въ силѣ, и съ нимъ-то и долженъ былъ сообразоваться господарь.

недѣлю спустя послѣ срока, лишаются имѣній, которыя спадаютъ на ихъ дѣтей или ближнихъ; кто уѣдетъ съ войны безъ вѣдома господара или гегмана, наказывается смертію. Всѣ эти постановленія мотивированы «сплошенствомъ и нерядомъ», которые распространились въ средѣ подданныхъ великаго княжества за прежніе годы. Наконецъ, всѣмъ приказано быть готовыми ко дню Пасхи, съ тѣмъ, чтобы по первому зову господара выступить въ походъ въ назначенное имъ мѣсто. Такой короткій срокъ положенъ для того, чтобы имѣть возможность отразить непріятеля, если бы онъ, прослышавъ о намѣреніяхъ господара, захотѣлъ предупредить его и вторгнулся въ великое княжество. Эту «уставу», по словамъ записи сеймовыхъ постановленій, уставили паны-рада, воеводы и княжата, бывшіе на сеймѣ.

Другое постановленіе сдѣлано уже при несомнѣнномъ участіи всѣхъ «становъ», бывшихъ на Виленскомъ сеймѣ 1507 г. Князь бискупъ и паны-рада, воеводы и княжата, земляне, вдовы (sic!) и вся шляхта, бывшіе на сеймѣ, «зволили» дать господарю серебщину съ своихъ людей за текущій годъ, съ воловой сохи по 6 грошей, а съ конской по 3 гроша; съ тѣхъ, кто не имѣлъ ни воловъ, ни клячъ, но держалъ землю, также по 3 гроша²³⁾. Срока отдачи серебщины не было установлено, но рѣшено просить господара собирать эту серебщину не ранѣе осени, когда поспѣетъ хлѣбъ, на день «Матки Божьей послѣднее» въ виду того, что теперь хлѣбъ дорогъ, и притомъ же землевладѣльцу приходится снаряжаться на войну. Присутствовавшіе на сеймѣ жмудскіе землевладѣльцы заявили, что и они въ этомъ не отстанутъ отъ другихъ, но теперь не могутъ дать своего согласія «безъ иныхъ пановъ, старшихъ своихъ, которыхъ на тотъ часъ на сеймѣ не было»²⁴⁾.

Послѣднее заявленіе чрезвычайно важно. Оно указываетъ на то, что на сеймѣ были не одни только «старшіе» изъ разныхъ земель великаго княжества, какъ бывало на вальныхъ сеймахъ при Алексан-

²³⁾ Любопытно, что и въ размѣрахъ своихъ денежныхъ субсидій правительству литовцы старались придерживаться размѣровъ субсидій, ассигнуемыхъ польскими сеймами (6—12 грошей съ нахотнаго лана). См. *A. Blumenstoka Płany reformy*, str. 25. О степени тяжести этого обложенія можно получить нѣкоторое представленіе по дѣнамъ на продовольствіе, которое закупалось ратными людьми. Для 1507 г. цѣны были установлены такія: за вола 30 грошей, за яловицу 20, за вепря 12, за барана 2 гроша, за пару гусей 1 грошъ, за четыре курицы 1 грошъ, за копу ржи 3 гр., за копу овса 2 гроша. См. Акты Зап. Рос. II, № 25. Срав. № 31.

²⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 12.

дрѣ и при избраніи самого Сигизмунда, но и простая рядовая шляхта. Вообще великій Виленскій соймъ 1507 г. открываетъ собою новую эпоху въ исторіи литовско-русскаго сейма. «Великіе вальные соймы» съ этого времени созываются главнымъ образомъ для полученія денежныхъ субсидій отъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Рядовая шляхта, которая на ряду съ знатью привлекается къ платежу этой субсидіи, принимаетъ въ этихъ соймахъ постоянное участіе. На первыхъ порахъ рядовая шляхта изъ областей-аннексовъ присутствуетъ, повидимому, *viritim*, поголовно, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ. Но съ теченіемъ времени вырабатывается правильное представительство ея. Правительство, созывая великіе соймы для полученія субсидіи, начинаетъ относиться къ «станамъ» сойма съ особою предупредительностью и привлекать ихъ къ участію въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятій. Высшіе станы сойма въ свою очередь начинаютъ проявлять интересъ къ государственнымъ вопросамъ, составляютъ и подаютъ различныя просьбы правительству какъ о своихъ сословныхъ, такъ и о общегосударственныхъ нуждахъ. Въ этомъ частомъ сеймованіи совершается политическое воспитаніе шляхты, которая входитъ понемногу въ курсъ внутренней и вѣшной политики, сознаетъ свою сословную солидарность, свои сословные интересы и начинаетъ предъявлять требованія государственныхъ преобразованій въ духѣ этихъ интересовъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи фактической исторіи литовско-русскихъ сеймовъ читатель найдетъ подтвержденіе всему сказанному.

§ 2.

Великій князь Московскій предупредилъ Сигизмунда, и уже въ апрѣлѣ 1507 года московскія войска вторглись въ предѣлы великаго княжества. Начавшаяся война оказалась въ высшей степени несчастливою для великаго княжества Литовскаго. Она осложнилась опаснымъ мятежомъ Глинскаго и его многочисленной партіи и нападеніями Крымскихъ татаръ въ предѣлы великаго княжества лѣтомъ 1508 г.²⁵⁾ Вслѣдствіе всего этого Сигизмундъ принужденъ былъ заключить съ Москвою вѣчный миръ и при этомъ уступить Москвѣ окончательно города и волости, завоеванныя Иваномъ III ²⁶⁾.

По заключеніи мира (8 октября 1508 г.) Сигизмундъ распустилъ войска и 8 ноября 1508 года прибылъ въ Вильну ²⁷⁾. По прибытіи въ

²⁵⁾ *K. Pulaskiego Stosunki z Mendli-Girejem*, str. 138, 139.

²⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 43.

²⁷⁾ *Acta Tomiciana I*, № XI.

Вильну король назначилъ «станамъ» великаго княжества сеймъ въ Вильнѣ. Объ этомъ сообщаетъ извѣстіе Кояловичъ ²⁸⁾, и оно вполне подтверждается показаніями актовыхъ датъ о «великомъ Виленскомъ сеймѣ» конца 1508 и начала 1509 г. ²⁹⁾. По этимъ показаніямъ сеймъ продолжался съ 13 декабря 1508 г. по 16 февраля 1509 г. ³⁰⁾.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о цѣляхъ, для которыхъ созывался этотъ сеймъ, и можемъ заключать о нихъ на основаніи косвенныхъ указаній источниковъ. Сигизмундъ желалъ имѣть въ полномъ сборѣ свою раду великаго княжества, чтобы сообща съ нею рѣшить государственные вопросы великой важности, стоявшіе на очереди. Литвѣ трудно было помириться съ своею неудачею въ войнѣ съ Москвою. Но для того, чтобы возобновить борьбу, надо было устранить все, что могло тормозить будущіе успѣхи, а именно: надо было покончить съ внутреннимъ политическимъ броженіемъ, поднятымъ Глинскимъ, уладить прочно отношенія къ Крыму, и наконецъ заручиться согласіемъ и готовностью землевладѣльцевъ великаго княжества нести новыя финансовыя и военныя тягости. Полученіе этого согласія тѣмъ болѣе было необходимо, что не улеглась еще окончательно смута, возбужденная Глинскимъ. Но для полученія этого согласія недостаточно было полного сбора рады; необходимо было пополнить ее и другими военнотружениками землевладѣльцами государства. Вотъ почему Сигизмундъ и созвалъ не простой, а великій сеймъ.

Вопросъ о денежныхъ средствахъ вообще былъ тогда самымъ главнымъ. Въ только что кончившейся войнѣ великому княжеству пришлось держать 5000 человекъ наемнаго польскаго войска подъ начальствомъ Фирлея ³¹⁾. Расходы по содержанію этихъ служебныхъ не были еще оплачены, такъ какъ серебряныя, ухваленной на сеймѣ 1507 г., не хватило для расплаты съ служебными, а «пенязей» въ литовскомъ скарбѣ не было ³²⁾. Значить, нужно было расплачиваться по этимъ

²⁸⁾ Vilnam deinde ordinibus Lithuaniae comitia indicta (Historiae Litvanae pars II, p. 335).

²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291, 292.

³⁰⁾ Литов. Метр. Судн. дѣлъ кн. II, л. 35; Записей кн. III, л. 94; Stosunki z Mendli-Girejem, Acta, № 106.

³¹⁾ Хроника *Вановскаю*, годъ 1509 (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 77, 78).

³²⁾ Косвенное указаніе на это даетъ постановленіе короля и пановъ-рады относительно приѣма польской монеты отъ поляковъ-жолнеровъ въ уплату «за живность» (Акты Зап. Рос. II, № 31).

долгамъ. Кромѣ того, деньгами же предстояло убогаторять крымскаго хана, его сыновей и мурзъ. Въ первую половину 1508 г. литовское правительство воздерживалось отъ посылки въ Крымъ «упоминковъ», желая повудить хана исполнить его обѣщанія относительно вторженія въ московскіе предѣлы ³³⁾. Но это привсло только къ тому, что ханъ помирился съ Московскимъ государемъ и послалъ значительные отряды для грабежа и полова въ литовскихъ и польскихъ областяхъ. Литовское правительство должно было измѣнить тактику и уже осенью 1508 года израсходовало на татаръ Крымскимъ около 4000 к. гр. ³⁴⁾. Эти расходы предстояло продолжать и въ будущемъ, чтобы сколько-нибудь обезопасить государство съ этой стороны.

Когда собрался сеймъ, состоялся прежде всего судъ надъ соучастниками заговора Глинскаго. Арестованы были панъ Альбрехтъ Гаштольдъ ³⁵⁾, Мартинъ Хребтовичъ, конюшій дворный, Оедко Хребтовичъ, подскарбій земскій, Александръ Ходкевичъ, князь Полубенскій и много другихъ, которыхъ оговорили казначей Глинскаго Ульрихъ, Видра, Колонтай и кн. Лукомскій. По разсказу Кояловича, всѣ означенныя лица рѣшеніемъ «становъ» сойма (ex publico ordinum consilio) были присуждены къ лишенію рыцарской чести и затѣмъ брошены въ тюрьмы, а имѣнья ихъ отобраны на господаря и затѣмъ съ утвержденья сейма (auctoritate comitiogum) розданы господаремъ разнымъ заслуженнымъ особамъ ³⁶⁾. Кояловичъ, очевидно, внесъ въ этотъ разсказъ черты современной ему сеймовой практики, не подходящія для разсматриваемаго времени. Въ разсматриваемое время раздача имѣній всецѣло была дѣломъ господаря, и никакой санкціи сейма для нея не требовалось ³⁷⁾. Точно также и судъ производился господаремъ совмѣстно съ панамі-радою, безъ участія другихъ «становъ» сойма. Современникъ Сигизмунда, близко стоявшій къ описываемымъ событіямъ, Станиславъ Гурскій въ

³³⁾ До 1508 г. правительство Сигизмунда уже истратило на хана, его сыновей и мурзъ, пословъ и гонцовъ около 7000 копъ грошей. См. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 52—74.

³⁴⁾ Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 75—80.

³⁵⁾ Гаштольду, впрочемъ, удалось оправдаться, и онъ былъ выпущенъ на свободу (*Acta Tomiciana VII, № XXXVI*).

³⁶⁾ *Historiae Litvanae* pars II, p. 335.

³⁷⁾ Имѣнья, конфискованныя у Глинскихъ, раздавались королямъ не только на сеймѣ 1509 г., но и гораздо ранѣе. См. *Wolffa* *Kniaziowie litewsko-rusey*, str. 85, 86.

своемъ комментарий о дѣяніяхъ Сигизмунда прямо говоритъ, что соучастниковъ Глинскаго судили король и паны-рада (*rex et senatus*)³⁸⁾.

Измѣна Глинскаго и судъ надъ соучастниками въ его заговорѣ дали поводъ господарю и панамъ-радѣ выработать и обнародовать на сеймѣ общую «уставу» относительно имѣній измѣнниковъ. Господарь «разговлялъ» съ панами-радою, «о имѣнныя зрадецкіи, што ся дотычетъ зрадець», и постановили: если отецъ учинить измѣну, тогда имѣнье его отходить на господаря, а отдача его дѣтямъ измѣнника уже будетъ «въ ласцѣ господарской»; если учинить измѣну одинъ изъ братьевъ, тогда на господаря отбирается только та доля, которая принадлежитъ или приходится измѣннику, а остальные не терпятъ отъ измѣны брата. Дѣйствіе этой уставы предположено на два года³⁹⁾. Это законоположеніе выработано было даже не въ полномъ собраніи пановъ-рады, не говоря уже о другихъ «станахъ» сойма.

Точно также и вопросы виѣшной политики, и въ частности объ отношеніяхъ къ Крыму, въ своихъ деталяхъ разрабатывались на совѣщаніяхъ господаря съ панами-радою. Господарь съ панами-радою рѣшили возобновить переговоры съ Менгли-Гиреемъ о союзѣ на условіи ежегодной уплаты отъ Польши и Литвы упоминковъ по 5—6 т. золотыхъ. Вести переговоры объ этомъ поручено было литовскимъ посламъ, пребывавшимъ въ Крыму, — Ратомскому и Абрагиму, къ которымъ съ этимъ порученіемъ долженъ былъ отправиться писарь Юхно Дашкевичъ⁴⁰⁾.

Король и паны-рада рѣшили вести переговоры въ этомъ направленіи, уже заручившись, повидному, согласіемъ князей, пановъ и шляхты дать новую серебряницу господарю. Для полученія этого согласія пришлось, конечно, знакомить «станы» сойма въ общихъ чертахъ съ положеніемъ политическихъ дѣлъ и съ настоятельными государственными нуждами. Можно сказать поэтому, что и остальные «станы» сойма участвовали въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, насколько они связаны были съ опредѣленіемъ денежныхъ субсидій правительству.

На сеймѣ 1508—1509 г. состоялись какія-то постановленія относительно военной службы. Повидному, въ связи съ этими постановленіями стоитъ разсылка великокняжескихъ писарей по областямъ и повѣтамъ великаго княжества для «пописанья» земель. Запись объ этой разсылкѣ внесена «про память» въ книгу Метрики и стоитъ тамъ

³⁸⁾ Acta Tomiciana I, № XVIII.

³⁹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 114; Акты Зап. Рос. II, № 51.

⁴⁰⁾ Stosunki z Mendli-Girejem, str. 139—141.

какъ разъ среди актовъ, совершенныхъ во время великаго сейма 1509 г.⁴¹⁾.

Разбирательство одного казуснаго дѣла дало поводъ господарю и панамъ-радѣ выработать на этомъ сеймѣ «уставу» относительно «оправы» женамъ на имѣньяхъ. Постановлено было, что впредь женамъ можно записывать въ вѣнѣ не всѣ имѣнья, а только третью часть ихъ по оцѣнкѣ. Вдова по смерти мужа имѣетъ право удерживать за собою эту третью часть, а двѣ другихъ части идутъ къ дѣтямъ; по смерти ея и эта третья часть идетъ на дѣтей; если по смерти мужа не останется дѣтей, вдова его, если пожелаетъ остаться на вдовьемъ столыцѣ, можетъ владѣть всѣми имѣньями мужа «до живота», а по смерти ея имѣнья спадаютъ на близкихъ мужа, которые должны выплатить записанную ей въ вѣнѣ на третьей ихъ части сумму тому, кому она откажетъ⁴²⁾.

На этомъ же сеймѣ господарь съ панами-радою отмѣнили «не-слухное» взиманье «пересуда» въ великомъ княжествѣ. Этотъ пересудъ прежде взимался въ размѣрѣ 10% съ суммы иска отъ всякаго, выигрывшаго процессъ, будь то истецъ или отвѣтчикъ. Теперь постановлено не брать пересуда съ отвѣтчика, отведшаго отъ себя судебнымъ порядкомъ искъ, а исключительно только съ истца, доисказавшаго своего по суду⁴³⁾. Это постановленіе, судя по аналогіи съ тѣмъ, что происходило на сеймахъ послѣдующаго времени, сдѣлано было едва ли не по просьбѣ становъ сейма.

Новидимому, по просьбѣ же становъ сейма господарь съ панами-радою назначили комиссаровъ-судей «на разграниченье и поправенье границъ» между великимъ княжествомъ и короною Польскою и для разбора сообщая съ польскими комиссарами-судьями дѣла о пограничныхъ обидахъ и столкновеніяхъ между подданными обоихъ государствъ⁴⁴⁾. По крайней мѣрѣ позже подобныя просьбы очень часто подавались «станами» на сеймахъ.

Пріѣзжавшіе на этотъ сеймъ князья и бояре Витебскіе совокупно съ слугами и мѣщанами подавали господарю отъ имени всей земли просьбу о подтвержденіи ихъ правъ и вольностей. Господарь удовлетворилъ ихъ просьбу и выдалъ имъ соотвѣтствующій привилей уже на

⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291.

⁴²⁾ Scarbiec diplomatów II, № 2207. Это постановленіе съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями вошло потомъ въ Статутъ 1529 (раздѣлъ IV, арт. I).

⁴³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 52.

⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291—292.

пути своемъ въ Польшу, во время остановки въ Городнѣ, 18 февраля. Повидимому, и выданный въ томъ же году подтвердительный привилей Волынской землѣ обязанъ своимъ появленіемъ просьбамъ Волынскихъ князей, пановъ и землянъ, прѣзжавшихъ на сеймъ ⁴⁵⁾.

§ 3.

Переговоры съ Крымскимъ ханомъ о мирѣ и союзѣ затянулись надолго. Сигизмундъ въ теченіе всего 1509 г. занятъ былъ войною съ Волошскимъ воеводою Богданомъ и сравнительно мало уже удѣлялъ вниманія другимъ дѣламъ короны и великаго княжества. Съ другой стороны обѣ стороны никакъ не могли договориться объ упоминкахъ. Литовскіе послы согласно инструкціямъ своего правительства предлагали платить хану ежегодно по 5000 золотыхъ отъ великаго княжества и короны. Ханъ запрашивалъ какъ разъ втрое—15000 золотыхъ, указывая на то, что пятью тысячами ему не удовлетворить своихъ сыновей, внуковъ, улановъ и князей и не удержать ихъ отъ нападений на королевскія державы. Въ этомъ заявленіи была значительная доля правды. У хана было девять сыновей, множество взрослыхъ внуковъ и родственниковъ, помимо улановъ и князей. Всѣ они съ обычною татарамъ жадностью стремились поживиться на счетъ сосѣднихъ государствъ. Такими же чувствами и стремленіями преисполнена была и вся остальная орда.

Неудивительно поэтому, если, несмотря на продолжавшіеся переговоры и обѣщанія Менгли-Гирея, осенью 1510 года его сыновья съ 50 тысячами татаръ ворвались въ глубь великаго княжества. Сигизмундъ принялъ мѣры предосторожности на Подольѣ, въ сосѣдствѣ съ которымъ весною показывались татары. Но татары обманули его бдительность и вторглись съ той стороны, откуда ихъ не ожидали, съ лѣваго берега Днѣпра, чрезъ который они переправились выше Кіева. Великое княжество было застигнуто врасплохъ этимъ нападеніемъ, и татары, разбившись на отряды, страшно опустошили страну. Набравъ множество плѣнныхъ и всякой добычи, они ушли безпрепятственно къ себѣ домой, не встрѣтивъ сопротивленія. Одновременно съ тѣмъ другой татарскій отрядъ подъ начальствомъ царевича Беты-Гирея вторгнулся въ Молдавію и страшно опустошилъ ее, уведя до 70 т. человекъ

⁴⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54; Zbiór praw litewskich, str. 99—101. Прѣмѣръ въ данномъ отношеніи подали обыватели Жмудской земли, которые еще въ 1507 году (23 ноября) выхлопотали себѣ подтвердительный привилей на права и вольности (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 35—37).

въ асырь. Правда, что вскорѣ затѣмъ Менгли-Гирей прислалъ къ королю гонца съ увѣреніями, что нападеніе сдѣлано помимо его воли и вѣдома, что онъ посылалъ своихъ сыновей собственно воевать Волоховъ, но злые де люди соблазнили ихъ и увлекли въ другую сторону, что, наконецъ, онъ готовъ вернуть королю весь полонъ и награбленное имущество, но Сигизмунду и его подданнымъ мало было въ томъ успокоенія. Изъ Крыма предупреждали короля, чтобы онъ не вѣрилъ хану; ходили даже грозныя слухи, что нападеніе сдѣлано было татарами по наущенію турокъ. Но даже если бы въ увѣреніяхъ хана и была правда, все равно становилось очевиднымъ, что отъ татаръ нельзя ожидать покоя, несмотря ни на какіе договоры съ ихъ ханомъ. Приходилось поэтому серьезно заняться вопросомъ объ организаціи обороны украинныхъ земель Польши и Литвы со стороны татаръ и объ оказаніи помощи воеводѣ Волошскому, который просилъ ее у Сигизмунда на основаніи заключеннаго въ началѣ 1510 г. трактата ⁴⁶⁾.

Для рѣшенія этихъ вопросовъ Сигизмундъ въ началѣ 1511 года созвалъ польскій сеймъ въ Петровѣ. На этомъ сеймѣ рѣшено было поставить на Подольѣ 3000 наемнаго войска, а на слѣдующій годъ 2000 для защиты края отъ нападенія татаръ и для оказанія помощи Волошскому воеводѣ. Кромѣ того, опредѣлено согласиться на требованіе хана объ уплатѣ ежегодныхъ поминковъ въ 15 т. золотыхъ, съ тѣмъ, чтобы половину этой суммы выплачивала корона, а другую половину великое княжество. Для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ чины Петровскаго сейма установили сборъ съ рыцарскихъ имѣній, духовенства и мѣщанъ на два года. Рѣшено было затѣмъ, чтобы король отправился на лѣто въ Берестье Подляшское для того, чтобы тамъ устроить оборону великаго княжества и имѣть возможность при первыхъ вѣстияхъ о нападеніи татаръ выступить противъ нихъ съ дворомъ своимъ ⁴⁷⁾.

Въ половинѣ мая король въ сопровожденіи нѣкоторыхъ коронныхъ сенаторовъ ⁴⁸⁾ прибылъ въ Берестье ⁴⁹⁾. Здѣсь короля уже до-

⁴⁶⁾ *K. Pułaskiego Stosunki z Mendli-Girejem*, str. 124—156.

⁴⁷⁾ Хроника *Вановскаго* (*Scriptores rerum polonicarum*, tomus II, p. 100); *М. Бьявскаго* (*Zbiór pisarzy polskich*, tom XVI, str. 128—130); *Спрыйковскаго* (tom II, str. 361, 362); *K. Pułaskiego Stosunki z Mendli-Girejem*, str. 156, 157; *Acta Tomiciana I*, № CCXL; *A. Blumenstoka Płany reform*, str. 68—69.

⁴⁸⁾ Съ королевемъ поѣхали въ Берестье: кн. Деревницкій, бискупъ Перемышльскій; панъ Криштофъ Шидловецкій, канцлеръ, панъ Судомирскій и охмистръ; панъ Селицкій, подканцлеръ, панъ Воинскій, охмистръ и староста Рапельскій (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 66).

⁴⁹⁾ По сообщенію Гурскаго, 15 мая (*Acta Tomiciana I*, № CLVII,

жидались паны-рада великаго княжества Литовскаго, вѣроятно, уже заранее вызванные королемъ. Но такъ какъ предстояло рѣшать вопросы, связанные съ наложеніемъ новыхъ финансовыхъ и военныхъ тягостей, то король призвалъ въ Берестѣ на сеймъ и другіе «станы» великаго княжества, и Берестейскій сеймъ такимъ образомъ превратился въ «великій соймъ»⁵⁰⁾.

По прибытіи въ Берестѣ Сигизмундъ началъ совѣщаться съ панами-радою великаго княжества о послыжкѣ ежегодныхъ упоминковъ хану въ 15 т. золотыхъ, согласно съ опредѣленіемъ Петровскаго сейма. Всѣ они одобрили это опредѣленіе и изъявили согласіе на уплату половины этой суммы изъ скарба великаго княжества. Но при этомъ стали настаивать, чтобы и другіе расходы на татаръ поляки несли пополамъ съ великимъ княжествомъ. Между прочимъ они потребовали, чтобы поляки выслали къ Кіеву 2000 войска для сопровожденія пословъ, которые повезутъ хану упоминки. По уговору съ ханомъ послѣдній долженъ былъ выслать одного изъ своихъ сыновей и внуковъ въ качествѣ заложниковъ къ Кіеву въ сопровожденіи пословъ. Здѣсь царевичи должны были встрѣтиться съ послами, везшими упоминки, которые, сдавъ упоминки посланнымъ хана, сами вмѣстѣ съ царевичами должны были ѣхать къ королю. По прибытіи въ Берестѣ король получилъ извѣстіе, что заложники выѣзжаютъ къ Кіеву, но въ сопровожденіи 6000 татаръ. Это возбудило опасенія и сомнѣнія, и паны-рада рѣшили, чтобы и господарскихъ пословъ, которые повезутъ упоминки, сопровождать сильный отрядъ въ 4000 человекъ. Но не желая, чтобы эта тягость пала исключительно на великое княжество, паны-рада потребовали, чтобы и поляки съ своей стороны выслали съ Подолья 2000 человекъ къ Кіеву для обереганья пословъ. Сигизмундъ, не имѣя на то разрѣшенія польскаго сейма, не могъ удовлетворить требованію литовцевъ. Послѣдніе обращались къ сенаторамъ короннымъ, находившимся съ королемъ въ Берестѣ, предполагая, что они уполномочены постановлять сообща съ литовцами о подобныхъ вещахъ, но тѣ также уклонились, и дѣло было отложено до полученія согласія отъ остальныхъ сенаторовъ, остававшихся въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что и ханъ, какъ оказалось, еще не выслалъ заложниковъ.

ССХХVIII). По актамъ Литовской метрики король былъ въ Берестѣ уже 13 мая (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42).

⁵⁰⁾ Акты говорятъ о великомъ Берестейскомъ соймѣ съ 23 мая 1511 года. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 65.

Паны-рада великаго княжества настаивали, чтобы король перешелъ изъ Берестя въ Вильну. Но король не согласился на ихъ просьбы, желая въ точности выполнить то, что рѣшено было на Петревскомъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что приходили извѣстія о движеніяхъ татаръ по направленію къ Волынской землѣ и Подолью, объ опасномъ союзѣ Менгли-Гирея съ сыномъ турецкаго султана Селимъ-беемъ. Литовцы послѣ того приступили къ совѣщаніямъ относительно обороны великаго княжества. Когда король сообщилъ имъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Польшѣ предъ самымъ отъѣздомъ его на случай вторженія большихъ татарскихъ силъ ⁵¹⁾, то и литовцы постановили ко дню св. ап. Петра и Павла собрать войско въ Петриковичахъ около Мозыря. Это мѣсто выбрано было потому, что отсюда удобно было идти противъ татаръ въ разныя стороны, откуда бы они ни показались ⁵²⁾. Во главѣ войска поставленъ былъ гетманъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій. Король «съ порадою пановъ-рады» далъ ему «зуполную мочь» надъ всѣми тѣми, кто будетъ подъ его начальствомъ, на все время, пока войско будетъ находиться въ полѣ. Всѣ воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники, тивуны, дворяне и все рыцарство шляхта должны были слушаться его, какъ самого господаря; князь-гетманъ съ своей стороны долженъ былъ ласково обходиться съ ними, держать въ чести и представлять къ наградамъ всѣхъ «цнотливыхъ», а упорныхъ и непослушныхъ карать заключеніемъ и даже смертною казнью, кто чего заслужилъ. Чтобы подданные великаго княжества вмѣсто обороны не приняли отъ войска «скаву и впадку большого», господарь съ панами-радою выдали особую уставу относительно реквизиціи провіанта и цѣнъ, по которымъ разрѣшалось забирать у населенія съѣстные припасы ⁵³⁾.

И потомъ все лѣто приходили тревожные слухи о движеніяхъ татаръ на украины великаго княжества. Хотя эти слухи не оправда-

⁵¹⁾ На малопольскомъ сеймикѣ въ Новомъ Корчинѣ рѣшено было въ такомъ случаѣ на первый зовъ воеводы собираться третьей части шляхты, а въ крайности собираться и идти на татаръ посполитымъ ружьемъ (Acta Tomiciana I, № ССХХVI, ССХХVII).

⁵²⁾ Acta Tomiciana I, № ССXL.

⁵³⁾ Эта «устава» въ записи Литов. Метрики датирована «лѣта Божьего тысяча пятьсотъ второгонадесять месеца июн. 13 индик. 14 (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 281—282). Эта дата, конечно, ошибочна. Въ июнѣ 1512 г. не было никакого «великаго сойму Берестейскаго»: король пребывалъ въ то время въ Краковѣ (Лит. Метр. кн. Запис. VII, л. 553, 554; л. 40); индиктъ 14 приходится какъ разъ на 1511 годъ. Съ ошибочными датами напечатана эта устава и въ изданіи Дзялынскаго Zbiór praw litewskich, str. 115—117.

лись, тѣмъ не менѣ литовское войско до глубокой осени простояло въ Петриковичахъ. «Для шкюдливыхъ частыхъ новыхъ непріятельскихъ и для небезпеченства вторгненія въ землю поганьства» многіе не могли быть на великомъ соймѣ Берестейскомъ, который, такимъ образомъ, не отличался полнотою своего состава. Вслѣдствіе всего этого, хотя соймъ продолжался въ теченіе всего іюня, іюля, августа, сентября и до 10 октября включительно ⁵⁴⁾, на немъ не состоялось никакихъ окончательныхъ постановленій объ оборонѣ государства отъ татаръ, подобныхъ постановленіямъ Петрковскаго сейма въ Польшѣ. Король въ виду малолюдности сейма не захотѣлъ «радыть въ конецъ» «о способѣ, што ся дотычетъ обороны отъ всихъ непріятелей на прийдучое лѣто и напотомъ» ⁵⁵⁾. Коронные сенаторы, прибывшіе съ королемъ, имѣли порученіе въ связи съ вопросомъ объ общей оборонѣ отъ татаръ начать переговоры объ уніи великаго княжества съ короною. Но по малолюдству сейма и эти переговоры не состоялись ⁵⁶⁾.

На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. господарю подавались различныя просьбы отъ становъ сейма. Прежде всего кн. бискупъ Виленскій и паны-рада литовскіе и польскіе ходатайствовали предъ королемъ о прощеніи лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу Глинскаго, и по этому ходатайству король освободилъ ихъ изъ заключенія и возвратилъ имъ свои милости ⁵⁷⁾. Затѣмъ, повидимому, по просьбѣ шляхты Дорогицкой земли король по совѣщанію съ панами-радою опредѣлилъ точно компетенцію старостинскаго суда въ Дорогицкой землѣ («члонки, которые маеть судити староста») ⁵⁸⁾. Высшее православное духовенство, а также князья и паны греческаго закона, бывшіе на соймѣ, просили господара о подтвержденіи правъ духовныхъ митрополита, владыкъ и всѣхъ людей греческой вѣры, и 2 іюля получили соотвѣтствующій привилей ⁵⁹⁾. Полоцкіе бояре и вся земля Полоцкая ходатайствовали о подтвержденіи своего земскаго привилея и получили таковое 23 іюля ⁶⁰⁾. Всѣ

⁵⁴⁾ Акты Зап. Россіи II, № 65, 68, 69—71, 73, 75; Лит. Метр. кн. Запис. VII, л. 174; VIII, л. 486—503.

⁵⁵⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506. Москва 1897 г.

⁵⁶⁾ Acta Tomiciana II, № XXXVI.

⁵⁷⁾ Хроника *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 101); комментарий Гурскаго (Acta Tomiciana I, № CLVI); *Kojarowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 342.

⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 64.

⁵⁹⁾ Тамъ же, № 65.

⁶⁰⁾ Тамъ же, № 70.

эти правительственныя мѣры, при всемъ ихъ разнообразіи, клонились къ одной цѣли,— къ внутреннему умиротворенію государства, потрясеннаго пропагандою уніи и мятежомъ Глинскаго.

Опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ убѣдилъ Сигизмунда, что татаръ можно удержать отъ нападеній только устройствомъ надлежащей обороны въ украинныхъ областяхъ. Несмотря на продолжавшіеся переговоры съ ханомъ о заключеніи союза, несмотря на его дружественныя завѣренія, татары и лѣтомъ 1511 года кружились около польскихъ и литовскихъ украинныхъ селеній съ намѣреніемъ поживиться на счетъ христіанъ. Но узнавъ, что поляки и литовцы готовы къ ихъ встрѣчѣ, не посмѣли вторгнуться въ предѣлы короны и великаго княжества. Сигизмундъ вознамѣрился поэтому поставить дѣло государственной обороны на прочныхъ основаніяхъ какъ въ великомъ княжествѣ, такъ и въ Польшѣ. Такъ какъ на великомъ Берестейскомъ сеймѣ относительно этого не состоялось никакихъ окончательныхъ рѣшеній, то король при своемъ отъѣздѣ въ Польшу ⁶¹⁾ разслалъ всѣмъ державцамъ, князьямъ, панамъ и дворянамъ великаго княжества оповѣщеніе о прибытіи въ Вильну на сеймъ къ 1 января 1512 года. Воеводы и державцы пограничныхъ замковъ должны были приказать землянамъ своихъ повѣтовъ съѣхаться въ одно мѣсто, выбрать двухъ землянъ отъ повѣта и послать ихъ на сеймъ, давши имъ «суполную моцъ»; сами же съ остальными землянами должны были оставаться на мѣстѣ для береженія отъ непріятелей. Державцы «неграничные» съ землянами должны были пріѣхать лично на сеймъ и тамъ «споломъ» съ панами-радою совѣщаться объ оборонѣ рѣчи посполитой. «И што колвекъ на томъ сейме врядите,—гласилъ универсалъ короля,—... ку обороне посполитое речи земское, абы они вси ку тому зволили» ⁶²⁾.

Одновременно съ тѣмъ вопросъ объ оборонѣ земской долженъ былъ разсматриваться и поляками, которыхъ Сигизмундъ созывалъ на сеймъ въ Краковъ къ 14 февраля 1512 года. Въ посольскихъ рѣчахъ, отправленныхъ на сеймики, король обращалъ особенное вниманіе на то, что татары, по слухамъ, соединяются съ турками, что скудныхъ силъ, стоящихъ на Подольѣ, не хватитъ для ихъ отраженія ⁶³⁾.

Такимъ образомъ, въ созывѣ сеймовъ 1512 года мы опять встречаемся съ фактомъ взаимодѣйствія во внутренней политической жизни

⁶¹⁾ Выѣхалъ изъ Берестя 10 окт. 1511 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 174, 175, 177).

⁶²⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506, 507.

⁶³⁾ *K. Pułaskiego Stosunki z Mendli-Girejem*, str. 168, 169.

Польши и Литвы, которое вызывалось тѣснымъ сближеніемъ этихъ государствъ. Общій государь Польши и Литвы прибѣгалъ къ одному и тому же средству, чтобы рѣшить вопросъ, касавшійся обоихъ государствъ и одинаково для нихъ важный.

Въ половинѣ декабря король отправилъ изъ Кракова гонца въ Вильну съ особымъ посланіемъ къ прелатамъ и панамъ-воеводамъ—своей высокой радѣ, княжатамъ, панамъ, державцамъ, намѣстникамъ и тивунамъ, дворянамъ и землянамъ всѣхъ повѣтовъ великаго княжества, которые должны были собраться на сеймъ въ Вильнѣ къ первому января 1512 года. Въ этомъ посланіи король обращаетъ вниманіе чиновъ сейма на то, что великое княжество Литовское со всѣхъ сторонъ имѣетъ «тяжкихъ великихъ моцныхъ» непріятелей, которые день и ночь мыслятъ о томъ, какъ бы привести это государство въ совершенный упадокъ и забрать его землю, въ чемъ при королѣ Александрѣ они не мало и успѣли. Все это, по словамъ королевскаго посланія, произошло отъ того, что своевременно не обращалось на это должнаго вниманія и не было думы о томъ, чтобы противъ непріятелей найти «слушный а готовый способъ»... Король изъявлялъ поэтому горячее желаніе, чтобы на престоющемъ сеймѣ станы тщательно обдумали и измыслили «способъ ку обороне» какъ на ближайшее лѣто, такъ и на будущее время, чтобы каждый зналъ, какъ ему служить съ своего имѣнья и какъ отправлять своихъ людей на войну. Указавъ далѣе на то, что король Александръ на Новгородскомъ сеймѣ установилъ съ прелатами и панами радою, чтобы всѣ землевладѣльцы съ 10 служебъ выставляли въ поле пахолка «въ зброи», на конѣ, съ древцомъ,—Сигизмундъ писалъ, что «зъ стакое выправы» едва ли можно учинить отпоръ «такowymъ моцнымъ» непріятелямъ, и предлагалъ установить, чтобы каждый князь и панъ, урядникъ, дворянинъ, землявинъ, вдова на военную службу всегда, когда понадобится, изъ своихъ имѣній выставляли съ десяти дымовъ пахолка «на кони в зброи з древцомъ»; если же это покажется обременительнымъ, то съ десяти служебъ два молодца—конно и зброино. Кромѣ того король предлагалъ сейму рѣшить вопросъ относительно военной повинности мѣстъ великаго княжества, «которымъ бы обычаемъ на нихъ выправа мяла бы положона быти, пенязми або людми». Свою «ухвалу» сеймъ долженъ дать записать «въ реестры», дабы каждый зналъ, какъ ему поступать во время войны согласно съ сеймовою уставою ⁶⁴).

⁶⁴) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506, 507.

Король желалъ такимъ образомъ, чтобы и великое княжество, и Польша одновременно устроили у себя надлежащую оборону противъ ихъ общаго врага. Но желанія его коронныхъ совѣтниковъ пошли дальше: они захотѣли, чтобъ эта оборона была устроена сообща, по совмѣстному совѣту и рѣшенію, захотѣли на этой почвѣ тѣснѣе соединить оба государства. Вмѣстѣ съ королевскимъ посланіемъ они отправили на Виленскій «вальный сеймъ» свое особое посланіе къ литовскимъ панамъ раднымъ ⁶⁵⁾. Въ этомъ посланіи коронные сенаторы указывали литовцамъ, что необходимо блюсти установленіе братства и соединенія, которое урядили ихъ предки между обоими государствами, и особенно въ настоящее тревожное время, необходимо показать неприятелю, что поляки и литовцы подданные одного государя. Они напоминали литовцамъ, какія тѣ понесли потери отъ того, что не соблюдали должнымъ образомъ прежнія постановленія объ уніи между обоими государствами, и предлагали поновить и поправить эти постановленія и на основаніи ихъ сообща установить такую оборону, которая предохранила бы оба государства отъ упадка. Поэтому они просили, чтобы литовцы на своемъ собраніи подумали обо всемъ этомъ и прислали четырехъ или шестерыхъ пановъ съ письменными полномочіями для подтвержденія уніи и постановленія объ оборонѣ земской ⁶⁶⁾. Такимъ образомъ Виленскій великій сеймъ 1512 г. долженъ былъ заняться и щекотливымъ вопросомъ касательно взаимныхъ отношеній Польши и Литвы. Королю, повидимому, не хотѣлось возбуждать этого вопроса, обыкновенно служившаго яблокомъ раздора между поляками и литовцами. Въ своемъ посланіи къ панамъ-радѣ великаго княжества онъ не поддерживалъ предложенія коронныхъ сенаторовъ и просилъ только прислать на предстоящую свадьбу его двухъ пановъ знаменитыхъ «отъ рады обравши», и имъ же поручить отказъ на посольство польской рады ⁶⁷⁾.

Намъ не удалось найти указаній на то, какое постановленіе принято было на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1512 г. относительно военной службы. Среди записей Литовской Метрики, относящихся къ 1512 году, находится только списокъ мѣстъ великаго княжества, которыя должны были посылать на войну конныхъ ратниковъ съ обозначеніемъ

⁶⁵⁾ Съ этимъ посланіемъ отправлены были въ Вильну воевода Подольскій Отто Ходецкій и Юрій Крупскій, каштелянъ и староста Бельскій (Acta Tomiciana II, № XXXVI).

⁶⁶⁾ Acta Tomiciana I, № CCCXIV.

⁶⁷⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 508.

числа ратниковъ. Повидимому, эта роспись сдѣлана была именно на основаніи «ухвалы» сейма. Сеймъ высказался, повидимому, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ настоятельной необходимости мѣста должны посылать конныхъ ратниковъ; а если можно обойтись и безъ нихъ, тогда должны платить деньгами. Въ 1512 г. многія мѣста были освобождены отъ посылки конныхъ ратниковъ, но зато должны были заплатить въ скарбъ деньги. Перечень этихъ мѣстъ съ показаніемъ того, что ими уплачено, стоитъ въ записи Литовской Метрики какъ разъ рядомъ съ вышеуказаннымъ обозначеніемъ военной повинности тѣхъ же мѣстъ ⁶⁸⁾.

Что же касается предложенія поляковъ относительно подтвержденія уніи и установленія совмѣстной обороны противъ непріятелей, то эти вопросы обсуждались только въ кругу пановъ-рады и, по всѣмъ признакамъ, не были предметомъ совѣщаній остальныхъ «становъ» сойма. Послы, отправленные къ полякамъ въ мартѣ 1512 года ⁶⁹⁾, передали отъ имени пановъ-рады великаго княжества, но не отъ имени всего сойма, «артикулы», на основаніи которыхъ должна быть поновлена унія и установлена совмѣстная оборона. Эти артикулы очень мало удовлетворили поляковъ, такъ какъ не содержали того, чего добивались поляки,—желанія дѣйствительнаго соединенія обонхъ государствъ въ одно на основаніи договора 1501 г. Литовцы предлагали простой оборонительно-наступательный союзъ съ обязанностью взаимно помогать другъ другу, и притомъ по мѣрѣ возможности, нести издержки по оборонѣ отъ татаръ пополамъ, сообща стараться о возвращеніи потерянныхъ земель и дѣлить пополамъ вновь прибрѣтенныя. Коронные паны-рада прямо объявили литовскимъ посламъ, что они ждали не такого отвѣта отъ своихъ братьевъ-литовцевъ; что они, поляки, желаютъ возобновленія той уніи, которая уже была заключена при королѣ Александрѣ, ибо отъ несоблюденія ея и обрушились всѣ бѣды какъ на корону, такъ и на великое княжество. Поэтому они вновь настаивали, чтобы литовцы прислали уполномоченныхъ для заключенія уніи на сеймъ, который долженъ былъ собраться въ Краковѣ ко дню св. Іоанна Крестителя (24 іюня) ⁷⁰⁾. Посылка этихъ пословъ, однако, не состоялась. Но обстоятельства вскорѣ дали возможность полякамъ пбставить этотъ вопросъ снова на очередь.

⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 509; *М. В. Довнар-Запольскаго* Агты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 134.

⁶⁹⁾ Иванъ Солѣга, воевода Витебскій, Янъ Литаворъ, староста Дорогицкій, и Янъ Кунцевичъ, державца Радунскій.

⁷⁰⁾ Acta Tomiciana II, № XXXV. XXXVI.

§ 4.

Отношенія великаго княжества къ татарамъ сложились довольно благопріятно. Разгромъ татарскихъ полчищъ, произведенный соединенными польско-литовскими войсками подъ Вишневецомъ 28 апрѣля 1512 года, на время обуздалъ дерзость татаръ и принудилъ ихъ оставить въ покоѣ западную Русь. Менгли-Гирей прислалъ заложникомъ внука Джелаль-аль-дина и пословъ для заключенія мира и союза съ польско-литовскимъ государемъ, что, наконецъ, и состоялось на условіи ежегодной посылки хану 15 т. золотыхъ отъ Литвы и Польши ⁷¹⁾. Но въ то самое время, какъ миновала одна опасность, надвинулась другая, и притомъ еще большая. Въ Москвѣ узнали о союзѣ Литвы съ Крымскимъ ханомъ и этому союзу приписали нападеніе крымскихъ татаръ на приокскую Украину, произведенное въ маѣ 1512 года. Это дало поводъ московскому государю къ возобновленію военныхъ дѣйствій противъ великаго княжества. Въ самомъ концѣ 1512 года, московскія войска подъ личнымъ начальствомъ великаго князя вступили въ литовскіе предѣлы, облегли Смоленскъ и пытались взять его приступомъ. Литва застигнута была врасплохъ этимъ нападеніемъ. Не было даже господара, который пребывалъ въ Польшѣ, занятый проведеніемъ своихъ проектовъ объ оборонѣ государства на сеймахъ и сеймикахъ. Поэтому паны-рада великаго княжества отправили въ Польшу пословъ, воеводу Полоцкаго Альбрехта Мартиновича Гаштольда и маршалка Александра Ивановича Ходкевича, съ извѣстіемъ о нападеніи москвитянъ и съ просьбою, чтобы поляки отпустили поскорѣе короля въ великое княжество и были «радни и помощни напроотивко тому неприятелви королевского маестату» ⁷²⁾. Коронные паны выразили сожалѣніе относительно «пригоды жалобливое», которая стала въ великому княжеству отъ неприятеля Московскаго, заявили, что они принимаютъ эту «пригуду» такъ же близко къ своему сердцу, какъ если бы она случилась съ ихъ собственною страной, и обѣщали въ томъ случаѣ, если неприятель не отстанетъ отъ своего злого умысла, съ королемъ и со всѣми землями «ся поразумѣти и радити», какъ учинить ему отпоръ, и помочь великому княжеству по мѣрѣ возможности. Но короля они отказались отпустить подъ тѣмъ предлогомъ; что въ данный мо-

⁷¹⁾ К. *Pulaskiego Stosunki z Mendli-Girejem* str. 175—183.

⁷²⁾ Это посольство было принято въ Познани, гдѣ находился тогда король, около половины марта (*Acta Tomiciana II, № CCIV*).

ментъ его прїѣздъ въ Литву будетъ бесполезенъ: непріятель врядъ ли можетъ долго вести свое предпріятіе въ такое неудобное время; между тѣмъ король чрезвычайно нуженъ Польшѣ. При этомъ коронные сенаторы не преминули напомнить литовцамъ о томъ, что надо наконецъ привести къ доброму концу «зъедноченье» короны съ великимъ княжествомъ: чѣмъ большая «ласка и милость певнейшая» будетъ сохраняться съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ успѣшнѣе и славнѣе будетъ и оборона обоимъ государствамъ, которою будетъ устрашонъ каждый непріятель ⁷³⁾.

Москвитане дѣйствительно отстали отъ своего предпріятія и отступили отъ Смоленска, какъ только стала приближаться весенняя распутица. Но въ іюнѣ 1513 г. московскія войска снова подошли къ Смоленску подъ личнымъ начальствомъ великаго князя и возобновили попытки овладѣть этимъ городомъ ⁷⁴⁾. На этотъ разъ поляки ужъ не удерживали Сигизмунда, и король 27 іюня прибылъ въ Мельникъ съ небольшимъ числомъ своихъ дворянъ. Здѣсь короля уже встрѣтили паны-рада великаго княжества, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе его возвращенія. Безъ малаго мѣсяць король пробылъ въ Мельникѣ, совѣщаясь съ панами-радою о положеніи дѣлъ, и продолжалъ это въ Вильнѣ, куда прїѣхалъ 11 августа ⁷⁵⁾. Кояловичъ говорить, что король въ Мельникѣ и Вильнѣ совѣщался *cum ordinibus*, такъ что по разсказу его выходитъ, что въ Мельникѣ и Вильнѣ въ 1513 г. собирався великій сеймъ ⁷⁶⁾. Но всѣ данныя заставляютъ думать, что въ Мельникѣ и Вильнѣ во вторую половину 1513 года происходилъ сеймъ только пановъ-рады, а не великій сеймъ. Акты Литовской Метрики говорятъ только о бытности при господарѣ пановъ-рады и не упоминаютъ о другихъ «станахъ» великаго княжества ⁷⁷⁾. Съ ихъ показаніями вполне сходится и извѣстіе Мартина Бѣльскаго, который говорить, что король, прибывъ изъ Польши въ Литву въ августѣ, созвалъ на сеймъ литовскихъ пановъ (*w Wilnie na Pany Litewskie seym złożył*), и совѣщался съ ними сначала о мирѣ, а потомъ о войнѣ съ Московскимъ государемъ; на совѣщаніи рѣшено было нанять 10 т. польской конницы и 2 тысячи пѣхоты, а ранѣе наемнаго войска двинуть земское ополченіе великаго княжества ⁷⁸⁾.

⁷³⁾ Acta Tomiciana II, № CCIV.

⁷⁴⁾ Карамзинъ, т. VII, стр. 35 по изд. Эйнерлинга.

⁷⁵⁾ Acta Tomiciana II, № CCLVI—CCLXXXIX; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 572, 573, 575; IX, л. 41, 69—71, 169.

⁷⁶⁾ Historiae Litvanae pars II, p. 351.

⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 143, 145, 156.

⁷⁸⁾ Zbiór pisarżów polskich, tom XVI, str. 144. Изъ посланія короля Сигизмунда на Петровскій сеймъ, собиравшійся въ мартѣ 1514 года, видно, что

Кояловичъ на основаніи своихъ источниковъ дополняетъ это извѣстіе въ томъ смыслѣ, что первѣйшіе паны радные (*principes senatus*) убѣдили короля предварительно испробовать мирныя средства и послать къ великому князю Московскому гонца съ просьбою объ опасной грамотѣ для великихъ пословъ, которыхъ и уполномочить вести переговоры о мирѣ ⁷⁸⁾). Все это такія совѣщанія, которыя обыкновенно имѣли мѣсто въ кругѣ пановъ-рады. Великаго сойма не было еще и въ январѣ 1514 года. Въ этомъ мѣсяцѣ господарь съ панами-радою разбиралъ одно сложное дѣло о наслѣдствѣ. На это наслѣдство предъявляли притязанія нѣсколько лицъ, и у каждаго изъ нихъ было духовное завѣщаніе умершаго владѣльца, который, кромѣ того, одному изъ нихъ двѣ трети имѣнья записалъ «въ сумѣ пенязей». Король, прослушавъ съ панами-радою это казусное дѣло, не постановилъ по немъ рѣшенія, но отложилъ его «до великаго сойму»: «маемъ то с паны и со всею землею обмовити, которымъ обычаемъ то встановити, какъ бы и на потомъ потому жъ было сужено» ⁷⁹⁾). Итакъ, великому сойму, имѣвшему собраться въ непродолжительномъ времени, предстояло установить новый законъ. Фактъ—въ высшей степени знаменательный, какъ новое свидѣтельство того, что компетенція великаго сойма расширялась по инициативѣ самого правительства, передававшего на обсужденіе и рѣшеніе князей, пановъ и шляхты различные вопросы, близко касавшіеся ихъ интересовъ.

Въ настоящемъ случаѣ главными такими вопросами, которыми предстояло заняться великому сойму, были вопросы, связанные съ предстоящею войною. Хотя высланныя противъ москвитянъ войска одержали надъ ними нѣсколько побѣдъ, освободили отъ осады Полоцкъ и заставили великаго князя Московскаго удалиться отъ Смоленска во свояси ⁸¹⁾, но все это еще не предвѣщало окончанія войны. Сигизмунду было извѣстно, что Московскій государь надѣется на помощь цесаря Максимилиана, съ которымъ у него уже давно шли переговоры о союзѣ противъ Польши, а также на помощь Альбрехта Прусскаго,

литовскіе паны остановились на нѣсколько меньшей цифрѣ, на 7000 жолнеровъ (*Acta Tomiciana III, № XLVII*).

⁷⁸⁾ *Historiae Litvanae pars II, p. 351*. Гонецъ былъ посланъ, и съ нимъ вѣстѣ паны радные отправили письмо къ московскимъ боярамъ съ просьбою о содѣйствіи имъ въ заключеніи мира между обоими государствами (*Акты Зап. Рос. II, № 84*).

⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 149, 150.

⁸¹⁾ *Acta Tomiciana II, № CCCXXIII, CCCXXV, CCCI, CCCLIX*.

желавшаго вернуть Ордену земли Поморскую и Прусскую, завоеванныя Казимиромъ IV, и освободиться отъ вассальнаго подчиненія Польшѣ. Приходилось, слѣдовательно, готовиться къ борьбѣ, и притомъ, по всѣмъ признакамъ, еще болѣе тяжкой, чѣмъ предыдущая. Мы видѣли, что на совѣщаніи съ панами-радою рѣшено было нанять польскую конницу и пѣхоту. Но для расплаты нужны были деньги, а денегъ въ скарбѣ не было, какъ это видно изъ письма польскаго подканцлера Томицкаго, находившагося при королѣ въ Вильнѣ, къ воеводѣ Кравовскому и коронному гетману Николаю Каменецкому ⁸²⁾. Поэтому еще въ началѣ ноября 1513 г. Сигизмундъ съ панами-радою рѣшили созвать въ Вильнѣ вальный сеймъ (*conventum generalem*), который долженъ былъ дать правительству денежную субсидію для предстоящей борьбы ⁸³⁾.

Великій сеймъ собрался къ началу февраля 1514 года и, судя по датамъ актовъ, продолжался весь февраль и въ первыхъ числахъ марта ⁸⁴⁾. Король предложилъ станамъ сейма вопросъ, желаютъ ли они продолжать войну съ великимъ княземъ Московскимъ или принять миръ на тяжелыхъ и поворныхъ условіяхъ. Тѣ отвѣчали, что они предпочитаютъ бороться до послѣднихъ силъ, чѣмъ покупать миръ цѣною уступки Смоленска или перемирія цѣною выдачи плѣнныхъ. Для веденія войны постановили нанять семь тысячъ польскихъ жолнеровъ, а для уплаты имъ жалованья дать *поголовщину* въ размѣрѣ одного гроша съ крестьянъ обоюго пола и всѣхъ возрастовъ, двухъ грошей съ бояръ и золотого съ урядниковъ и сановниковъ государства (*ex prosequim demum et primoqum omnium per florenum*) ⁸⁵⁾. Другое постановленіе, состоявшееся на томъ же сеймѣ, касалось отправления военной службы. Король съ панами-радою «и тежъ со всеми землями и подданными великаго князства Литовскаго» установили строгую «уставу» относительно

⁸²⁾ Acta Tomiciana III, № С.

⁸³⁾ Acta Tomiciana III, № III.

⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 252, 580, 581; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII.

⁸⁵⁾ Acta Tomiciana III, № XLVII, С. Срав. С. А. Бершадскаго Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 60. Спб. 1882. Здѣсь эта поголовщина названа *серебщиною*. 26 мая того же 1514 г. были уставовлены слѣдующія цѣны для закупки продовольствія жолнерамъ: за вола 40 гр., за яловицу 20, за вепра 15, за барана 6, за три курицы 1 грошъ, за пару гусей 1 грошъ, за копу жита стараго 6 грошей, новаго — 3 гроша, за копу овса 3, за бочку овса 5, за бочку жята 8 гр. (Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 653).

тѣхъ, кто не поспѣеть къ сроку на господарскую службу: постановлено было карать таковыхъ «шіями и имѣнны»⁸⁶⁾.

На этомъ сеймѣ, по сообщенію бывшаго тогда въ Вильнѣ бискупа Перемышльскаго Петра Томницкаго, станы сойма подали господарю три просьбы, а именно: чтобы при господарѣ въ бытность его въ великомъ княжествѣ отправляли свои должности литовскіе урядники, а не польскіе; чтобы господарь далъ имъ писанныя права и законы, и наконецъ, чтобы оставался въ Литвѣ до тѣхъ поръ, пока не прекратится война⁸⁷⁾. Такъ уже рано заявлены были тѣ требованія, съ которыми выступала шляхта и на послѣдующихъ сеймахъ до самой Люблинской уніи. Просьба о дарованіи писаныхъ правъ и законовъ едва ли не была внушена обращеніемъ правительства къ станамъ сейма по поводу разныхъ казусныхъ дѣлъ, встрѣтившихся въ судебной практикѣ, на подобіе того, о которомъ было сообщено выше. При этомъ съ особою рѣзкостью обнаружилась необходимость для судебной практики имѣть руководство въ кодексѣ писанныхъ законовъ. Что касается перваго требованія, то инициатива его, конечно, вышла изъ среды тѣхъ самыхъ урядниковъ, которые оскорблены были предпочтеніемъ, оказываемымъ полякамъ, и станы сейма только поддерживали ихъ требованіе. Такъ разнообразно сеймовая практика будила въ станахъ сейма политическую мысль, развивала въ нихъ политическіе интересы и стремленія. Все работало въ этомъ направленіи: и тѣ предложенія, которыя дѣлали на сеймѣ господарь, и тѣ желанія, которыя предъявляли государственные сановники, и то вообще знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, которое выносилось съ сейма.

Сильная опасность, угрожавшая великому княжеству, заставила литовцевъ обратиться за помощью въ Польшу и вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости отвѣтить и на послѣднее предложеніе коронныхъ сенаторовъ касательно подтвержденія уніи. Паны-рада, бывшіе на сеймѣ, отправили съ этою цѣлью въ Польшу пословъ, пана Александра Ивановича Ходкевича и каноника Стефана (Щепана), господарскаго секретаря. Чрезъ этихъ пословъ литовцы напоминали полякамъ, что предки ихъ всегда помогали коронѣ Польской, и не только деньгами, но и «сами своими перьсунами», отъ каковой помощи корона польская получила много чести и пользы. Поэтому они просили поляковъ оказать помощь, не откладывая ее на другое время, «безъ жадное вымовы», такъ

⁸⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 88.

⁸⁷⁾ Acta Tomiciana III, № С.

какъ обстоятельства не терпятъ промедленія, и обѣщали съ своей стороны впредь оказывать такую же помощь полякамъ. Что касается «стародавнихъ списовъ» и утверженія уніи обоихъ государствъ, то пань-рада великаго княжества обѣщали устроить все это на свободѣ, когда кончится война, «порозумене оземши с княжаты и паняты и з землями, которыи суть привлацоны ку панству господаря нашого великому князству Литовскому», и притомъ такъ, «какъ бы было на обе стороне равно, безъ пониженя чти обоихъ панствъ какъ коруны Польское, такы великаго князства Литовскаго».

Коронные сенаторы съ отвѣтомъ на эти рѣчи въ половинѣ марта отправили въ Вильну Люблинскаго воеводу и маршалка королевства. Послы должны были напомнить литовцамъ, что и великое княжество получило не мало помощи отъ поляковъ, особенно противъ Москвы и татаръ, и выставить на видъ, что о поновленіи уніи надо де стараться прежде всего, такъ какъ «черезъ тое розлучене панове литовские смѣльшихъ непрятелей чынять напротивку себе и напротивку насъ»; когда же узнана будетъ «слупная едность панствъ», тогда и непрятели будутъ страшиться. Что касается помощи великому князству, то коронные сенаторы объявляли, что у нихъ на предстоящій годъ принято на службу людей больше, чѣмъ вужно для короны; этими людьми королю предоставлено распоряжаться такъ, какъ если бы они наняты были на собственные средства короля, и направлять ихъ всюду, «гдѣ бы большіе шкоды были»; кромѣ того, если бы король, «некакою великою и квалтовною потребою тамъ бы былъ утискаемъ», то многіе изъ пановъ-рады и рыцарства обѣщали лично придти на помощь къ королю ⁸⁸⁾.

Дѣло о подтвержденіи уніи и на этотъ разъ не пошло далѣе предварительныхъ переговоровъ. Литовцамъ дѣйствительно было не время совѣщаться объ этомъ предметѣ, когда необходимо было все вниманіе обратить на востокъ, откуда съ наступленіемъ весны приходилось ожидать нападенія.

§ 5.

Въ апрѣлѣ 1514 года король отправилъ Польшу листы къ извѣстнымъ тогда «ротмистрамъ» съ порученіемъ на вербовать 2200 конныхъ и 2000 пѣшихъ жолнеровъ и привести ихъ въ Берестье къ 20 мая ⁸⁹⁾.

⁸⁸⁾ *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569, прил. № 1. Москва 1897 (Оттискъ изъ II тома Трудовъ Славянской Комиссіи при Импер. Москов. Археол. Общ.); *Acta Tomiciana* II, № XLIX.

⁸⁹⁾ *Feria proxima post festum ascensionis Domini proximum*. Но этотъ день въ 1514 году приходился какъ разъ на 20-е мая.

Каждому конному жолнеру обѣщано было по десяти золотыхъ польскихихъ на четверть года, а ротмистрамъ за труды и службу по десяти золотыхъ за каждые 30 коней; пѣшимъ жолнерамъ обѣщано было по 6 золотыхъ за каждую четверть года. Король отправилъ подскарбія дворнаго Ива-шка съ деньгами для уплаты аванса жолнерамъ и ротмистрамъ. Главнымъ начальникомъ надъ всѣми ними онъ назначилъ Яна Свирчевскаго, которому поручилъ произвести жолнерамъ смотръ и перепись въ Берестѣ⁹⁰⁾ и вести ихъ подъ своею командою на театръ военныхъ дѣйствій⁹¹⁾. Но прежде, чѣмъ это произошло, московскія войска вторгнулись въ предѣлы великаго княжества и осадили Смоленскъ («по святомъ Николѣ о тѣйждень»). Сигизмундъ немедленно (20 мая) послалъ въ Польшу деньги и листы новымъ ротмистрамъ съ порученіемъ наwerbовать еще 1600 конницы и 1000 пѣхоты и привести ихъ въ Берестѣ ко дню ап. Петра и Павла (29 іюня)⁹²⁾; тѣмъ же, которые уже собрались въ Берестѣ, король приказалъ двинуться къ Минску, куда ко дню Іоанна Предтечи (24 іюня) должно было собраться и земское ополченіе великаго княжества⁹³⁾. Это ополченіе собиралось, по словамъ Томицкаго, медленно и лѣнливо. Отъ литовской шляхты не отставали въ этомъ отношеніи и жолнеры. Послѣ смотра, произведеннаго въ Минскѣ, оказалось, что многіе изъ нихъ остались въ Берестѣ: Король, скрѣпя сердце, принужденъ былъ посылать съ нимъ особый листъ съ приказомъ поспѣшить на службу⁹⁴⁾. Въ концѣ іюля король самолично прибылъ къ войску въ Минскъ съ тѣмъ, чтобы вести его на выручку Смоленска. Но оказалось уже поздно. Пока литовцы не спѣша собирались на войну, Московскій государь лично выступилъ въ походъ на помощь своему войску, осаждавшему Смоленскъ. Съ удвоенными усиліями москвитяне принялись теперь осаждать Смоленскъ, который и сдался имъ, наконецъ, 30 іюля.

Извѣстіе о взятіи Смоленска тронуло поляковъ, которые теперь ясно поняли серьезную опасность, угрожающую великому княжеству. Опасались, что примѣръ смолнянъ подѣйствуетъ заразительно и на другихъ русскихъ подданныхъ великаго княжества и побудить ихъ также отдаться подъ власть могущественнаго единовѣрнаго государя. Поэтому поляки поспѣшили на помощь къ своему королю въ Минскъ.

⁹⁰⁾ Acta Tomiciana III, № LXXIII, LXXV, CXXII, CXXXI.

⁹¹⁾ Acta Tomiciana III, № CLXXI; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 653.

⁹²⁾ Acta Tomiciana III, № CXXXI.

⁹³⁾ Acta Tomiciana III, № LXXXI; Акты Зап. Рос. II, № 88.

⁹⁴⁾ Acta Tomiciana III, № CLXXVI.

Кромѣ войска, нанятаго на счетъ короннаго скарба, къ королю прибыли добровольцы изъ знатныхъ польскихъ фамилій съ отрядами своихъ слугъ. Со всѣмъ этимъ войскомъ король двинулся изъ Минска къ Борисову. Произведя здѣсь смотръ и подсчетъ войску, король отправилъ его противъ непріятеля подъ главнымъ начальствомъ кн. Константина Ивановича Острожскаго, а самъ остался въ Борисовѣ ожидать исхода борьбы.

На этотъ разъ счастье повезло литовцамъ, и они нанесли москвитянамъ страшное поражение подъ Оршею 8 сентября 1514 года и заставили великаго князя московскаго поспѣшно отступить во-свои. Но всѣ усилія ихъ отвоевать обратно Смоленскъ остались тщетными. Наступившая зима, утомленіе и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, заставили литовцевъ снять осаду Смоленска и разойтись по домамъ. Король по представленію гетмана кн. Константина Ивановича Острожскаго разрѣшилъ ему распустить земское ополченіе великаго княжества. Но наемныя войска на всякій случай разставлены были по украиннымъ городамъ ⁹⁵).

Пораженіе, нанесенное москвитянамъ подъ Оршею, заставило ихъ на время прекратить военныя дѣйствія, и король, не предвидя въ ближайшемъ будущемъ большой опасности для великаго княжества со стороны Москвы, въ началѣ января 1515 года уѣхалъ въ Польшу. За этотъ годъ ему удалось достигнуть одного существеннаго результата въ своей внѣшней политикѣ — расположить въ свою пользу цесаря Максимилиана. Въ іюлѣ 1515 г. Сигизмундъ и братъ его Владиславъ, король Венгерскій и Чешскій, съѣхались въ Вѣнѣ съ Максимилианомъ для совѣщанія объ установленіи общаго союза христіанскихъ государей противъ турокъ. На этомъ конгрессѣ Максимилианъ, по своимъ политическимъ видамъ на Венгрію и Чехію желавшій дружить съ обоими братьями, обѣщала Сигизмунду свое посредничество въ примиреніи съ Москвою. Кромѣ того, литовцамъ оказали не малую услугу Крымскіе татары, которые весною 1515 года сдѣлали вторженіе въ Сѣверскую украину Московскаго государства и вывели оттуда много полона ⁹⁶). Москва казалась столь обезсиленной и неопасной, что наемныя войска, разставленныя по украиннымъ городамъ великаго княжества, перешли въ наступленіе и начали вторгаться въ пограничныя москов-

⁹⁵) Acta Tomiciana III, № CCCXXXV, CCCLXXXI.

⁹⁶) К. *Putaskiego* Machmet-Cirej, chan Tatarów perekopskich i stonsunki jego z Polską (Szkice i poszukiwania historyczne; serya II, str. 285, 286. S. Petersburg 1898).

скія волости, жечь селенія, грабить жителей и уводить ихъ въ плѣнъ⁹⁷⁾. Но несмотря на все это, борьба съ Московскимъ государствомъ продолжала ставить такія трудныя задачи литовскому правительству, для рѣшенія которыхъ оно нуждалось въ содѣйствіи общественныхъ силъ великаго княжества. Поэтому къ началу декабря 1515 года Сигизмундъ созвалъ въ *Берестъ великій соймъ*, на который и самъ лично прибылъ 5 декабря⁹⁸⁾.

Хотя не всѣ еще станы сойма были въ сборѣ (по словамъ одного изъ лицъ польской свиты, прибывшей съ королемъ, боялись ѣхать въ Берестье по случаю мародеровъ), но собраніе все-таки было многолюдное. Прибывшіе съ королемъ поляки едва могли найти себѣ помѣщенія, такъ какъ всѣ уголки въ городѣ были заняты литовцами. Съѣстные припасы страшно вздорожали. Народу стеклось множество, а подвозъ почти прекратился по случаю зимней распутицы и блужданія мародеровъ. Кромѣ становъ сойма, въ Берестѣ находились ротмистры и другіе офицеры наемныхъ войскъ. Давно уже не получая условленнаго жалованья, они свели свои роты съ украинскихъ замковъ въ глубь государства, а сами прибыли въ Берестье и здѣсь вымаливали у пановъ радныхъ свое «заслуженное». Денегъ въ скарбѣ по обычаю не было, а между тѣмъ государство и впредь не могло обойтись безъ услугъ этихъ жолнеровъ. Необходимость въ полученіи для этой цѣли новой субсидіи и была, очевидно, причиною созыва *великаго Берестейскаго сойма конца 1515 и начала 1516 года*.

Станиславъ Гурскій въ своемъ комментарий о дѣяніяхъ Сигизмунда I и вслѣдъ за нимъ М. Бѣльскій въ своей хроникѣ рассказываютъ, что по прибытіи въ Литву король нашелъ настроеніе умовъ, неблагоприятное войнѣ: истощенные продолжительною войною и частыми поборами, литовцы не согласились устанавливать никакого побора для военныхъ надобностей, стараясь отдѣлаться отъ польскихъ жолнеровъ, и рѣшили продолжать борьбу собственными силами. Очевидно, что это имѣло мѣсто именно на великомъ Берестейскомъ соймѣ, который созывался для полученія субсидіи на содержаніе жолнеровъ. Вслѣдствіе этого король, расплатившись съ жолнерами, распустилъ ихъ, тѣмъ болѣе, что надѣялся на скорое заключеніе мира при посредствѣ цесаря Максимилиана⁹⁹⁾.

⁹⁷⁾ Acta Tomiciana III, № CDXXXIII.

⁹⁸⁾ Acta Tomiciana III, № DXCVII, DXCVIII.

⁹⁹⁾ Acta Tomiciana IV, № I; Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 170.

Акты Литовской Метрики даютъ намъ возможность узнать, откуда король досталъ средства для расплаты съ жолнерами. Оказывается, что король прибѣгъ въ настоящемъ случаѣ къ займамъ у отдѣльныхъ лицъ литовской аристократіи, которымъ въ обезпеченіе долга «заставилъ» свои земли и дворы съ правомъ получать съ нихъ господарскіе доходы въ качествѣ процентовъ, впредь до уплаты долга. Такимъ образомъ, у воеводы Новгородскаго, старосты Дорогичскаго Яна Яновича Заберезинскаго король взялъ 1000 золотыхъ угорскихъ, «добрыхъ а важныхъ», и въ обезпеченіе этой суммы заставлялъ ему дворъ *Немонойти* съ волостью (23 дек. 1515 г.)¹⁰⁰⁾; у него же король взялъ 900 копъ грошей подъ заставу замка *Дорогичина* съ волостью¹⁰¹⁾. У маршалка Яна Якубовича Щитовича король взялъ 600 копъ грошей и заставилъ ему дворъ Троцкаго повѣта *Василишки* со всѣми людьми Василишскаго повѣта (29 декабря 1515 г.); у подкоморія, намѣстника Ейшишскаго, пана Андрея Якубовича Довойновича—500 коп. гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ *Ейшишки* со всѣми людьми Ейшишскаго повѣта (3 января 1516 г.)¹⁰²⁾; у маршалка и писаря пана Богуша Боговитиновича 600 копъ гр. съ заставою ему двора Троцкаго повѣта *Довковъ* (5 янв. 1516 г.); у пана Миколая, старостича Жомойтскаго, намѣстника Оникштенскаго, 1000 копъ гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ *Оникшты* (7 янв. 1516 г.)¹⁰³⁾; у подчашія, старосты Городенскаго, пана Юрія Миколаевича Радивиловича—500 к. грошей съ правомъ держать въ заставѣ дворъ Троцкаго повѣта *Скидель* (9 января 1516 г.)¹⁰⁴⁾; у конюшія дворнаго и Троцкаго, намѣстн. Волкницкаго и Лепунскаго, пана Якуба Кунцовича—400 к. гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворы *Волкиники* и *Лепунъ* (25 янв. 1516 г.)¹⁰⁵⁾.

¹⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229.

¹⁰¹⁾ Судья и всѣ земляне Дорогичскаго повѣта, узнавъ объ этомъ, выпресли было у короля дозволеніе отложить пану Заберезинскому 900 копъ и въ погашеніе этого долга брать господарскіе доходы съ Дорогичина въ теченіе пяти лѣтъ, по окончаніи которыхъ Дорогичинъ долженъ былъ снова вернуться въ пользованіе господаря (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118). Но этотъ выкупъ почему-то не состоялся, и Дорогичинъ отъ Заберезинскаго перешелъ въ заставу къ пану Яну Миколаевичу Радивиловича, а послѣ его смерти, въ 1522 г., къ воеводѣ Подляшскому Янушу Костевича (*Wnieckiego* *Poczet rodów*, str. 148).

¹⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229—231.

¹⁰³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. прилож. № 25, 26.

¹⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 111.

¹⁰⁵⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. № 27.

у кн. Василья Андреевича Полубенскаго 600 копь гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ Троцкаго повѣта *Жолудокъ* (26 янв. 1516 года) ¹⁰⁶⁾; у воеводы Троцкаго 300 копь грошей ¹⁰⁷⁾. Кромѣ займовъ у отдѣльныхъ лицъ, король распорядился собрать серебщину съ своихъ имѣній «на середопостье прийдучье». Объ этомъ можно заключить по записямъ Литовской Метрики. Первая изъ этихъ записей гласить: «Въ Берестьи на сойме великомъ Берестейскомъ, месеца генв. 24 день, индык. 4 господарь корол его милость взял к великой потребе и земьской въ пана воеводы Троцкого трыста копь грошей литовскихъ; на то даль ему листъ до подскарбего пана Аврама, абы заплатилъ съ скарбу съ *серебщинныхъ пенязей* на рокъ на *середопостье прийдучое*» ¹⁰⁸⁾. Ясно, такимъ образомъ, что къ середопостью должна была собраться въ скарбѣ серебщина. Но другая запись, относящаяся къ той же самой серебщинѣ, приводитъ къ заключенію, что ее положено было собрать только съ господарскихъ имѣній, съ земскихъ же имѣній взамѣнъ ея предполагалось выставить определенное число ратниковъ для постоянной службы. Запись эта гласить: «Господарь король его милость казалъ про память записати: што положилъ его милость—на свою землю, отчизну его милости великое князьство Литовское, *серебщину* брати, ино татарамъ его милость всимъ, которыи суть у великомъ князьстве, серебщину отпустилъ; нишли мають они тымъ разы выправити на службу его милости сто коней, какъ слушитъ къ службе, а на весну за ся мають быти готовы на службу его милости и земьскую безъ всякого датку его милости и вымовенья» ¹⁰⁹⁾. Хотя эта запись относится къ татарамъ, но она, очевидно, имѣеть въ виду приравненіе ихъ въ отношеніи повинностей къ остальнымъ военнотруженикамъ землевладѣльцамъ, какъ это всегда бывало и до, и послѣ настоящаго случая. Распоряженіе господаря имѣло въ виду распространить сеймовую ухвалу и на татаръ, которые, не принадлежа къ станамъ сейма, были, однако, съ ними равны въ отношеніи государственныхъ повинностей. Такое толкованіе вполнѣ сходитъ съ извѣстіями Гурскаго и Бѣльскаго и дополняетъ ихъ существенною подробностью. Выходить, такимъ образомъ, что станы сейма, отказавъ королю въ серебщинѣ на содержаніе польскихъ жолнеровъ, взялись замѣнить ихъ и нести гарнизонную постоянную службу въ определенномъ числѣ ратниковъ.

¹⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113—114.

¹⁰⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 593, 594.

¹⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 593, 594.

¹⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 334.

Ходъ событій въ самомъ непродолжительномъ времени вызвалъ созывъ новаго великаго вальнаго сейма. Послы императора Максимилиана, отправленные къ великому князю Московскому для переговоровъ о заключеніи мира между воюющими сторонами, привесли отъ него такія условія мира, на которыя Сигизмунду, недавнему побѣдителю, было трудно согласиться: Васплій требовалъ, чтобы король по старинѣ прислалъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Не желая исполнять это унижительное требованіе и предвидя продолженіе борьбы, Сигизмундъ *въ мѣсяцъ того же 1516 года созвалъ второй великій сеймъ въ Вильнѣ* ¹¹⁰⁾. Очевидно, Сигизмундъ хотѣлъ заручиться и на этотъ разъ поддержкою землевладѣльцевъ великаго княжества. Изъ письма короля Сигизмунда къ короннымъ сенаторамъ мы узнаемъ, что станы сейма (*consiliarii et subditi*) взялись кровью и достояніемъ своимъ нести бремя войны и приняли извѣстныя рѣшенія, чтобы во всеоружіи встрѣтить врага, откуда бы онъ ни появился ¹¹¹⁾. Эти рѣшенія касались сбора и отправленія на войну земскаго ополченія великаго княжества. Между прочимъ здѣсь была выработана такса, по которой военные люди имѣли право брать у населенія съѣстные припасы реквизиціоннымъ путемъ ¹¹²⁾. Кромѣ того, станы сейма рѣшили дать господарю серебницу на наемъ служебныхъ людей ¹¹³⁾.

На Виленскомъ сеймѣ 1516 г. королю, очевидно, подавались жалобы отъ пограничныхъ съ Польшею землевладѣльцевъ на различныя насилія и обиды, чинимыя съ польской стороны. Поэтому король для разбирательства этихъ дѣлъ назначилъ на этомъ же сеймѣ комиссаровъ со стороны великаго княжества. Комиссарами по границѣ начиная отъ Тыкотина и далѣе до Дорогичина, Мельника, Берестя и Ратна должны были быть пограничные литовскіе старосты, т. е. Городенскій, Бѣльскій, Дорогичкій, Мельницкій и Ковельскій, судьи подляшскихъ повѣтовъ и подсудки и земляне добрые старые, знающіе границы; комиссарами для разбирательства дѣлъ по границѣ отъ Ратна и далѣе на югъ

¹¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 124, 125; *М. Довнар-Запольскаго Акты Литовско-Русскаго государства* (XIV—XVI ст.), № 141.

¹¹¹⁾ *Acta Tomiciana* IV, № XXXVIII.

¹¹²⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 117.

¹¹³⁾ Объ этомъ сообщаетъ самъ Сигизмундъ въ письмѣ къ польскимъ сенаторамъ изъ-подъ Полоцка, куда онъ прибылъ съ войскомъ въ августѣ 1517 г.: *confecimusque non vulgarem exercitum militum mercenariorum nullo alio adminiculo quam contributione horum subditorum nostrorum* (*Acta Tomiciana* IV, № CCXLIII). Справ. *Lubomirskiego Trzy rozdziały w history, Scarbowisci*, str. 57.

назначены были кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, панъ Юрій Миколаевичъ Радзивилевича и староста Владимірскій кн. Андрей Сангушковицъ. Извѣстіе объ этомъ назначеніи, содержащееся въ записи Литовской Метрики ¹¹⁴⁾, является прямымъ опроверженіемъ сообщенія Кояловича, будто на великомъ Виленскомъ соймѣ 1516 года Сигизмундъ даровалъ коронѣ Польской землю Дорогицкую, и будто бы эта уступка санкціонирована была старши сойма ¹¹⁵⁾. Кояловичъ, очевидно, понялъ, какъ актъ присоединенія къ коронѣ, привилей, выданный въ мартѣ 1516 года, въ силу котораго въ Дорогицкой землѣ должны были дѣйствовать польскія узаконенія, появившіяся послѣ выдачи этой землѣ первыхъ привилеевъ при Казимирѣ и Александрѣ ¹¹⁶⁾.

§ 6.

Заручившись денежною субсидіею на наемъ служебныхъ, господа и паны-рада великаго княжества отправили въ Польшу уполномоченныхъ вербовать жолнеровъ. Но по этой части они встрѣтили большія затрудненія въ постановленіи польскаго сейма, чтобы монета литовская принималась въ Польшѣ по ея нарицательной стоимости, между тѣмъ какъ дѣйствительная ея цѣнность была выше. Жолнеры не хотѣли принимать литовскую монету по ея вѣсовой цѣнѣ, и это обстоятельство затормозило наборъ ¹¹⁷⁾. Великое княжество въ теченіе всего 1516 г. оставалось безъ наемныхъ войскъ, что въ свою очередь отразилось самымъ невыгоднымъ образомъ на ходѣ войны. Въ августѣ этого года бояре Витебской земли вздумали отправиться въ Вильну съ жалобами на притѣсненія своего воеводы Януша Костевича. Москвитяне, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, напали на Витебскъ, сожгли мѣсто, окрестныя села и жатву и едва было не овладѣли замкомъ, гдѣ оставалась горсть людей, было мало провіанта и боевыхъ припасовъ. Только вѣсть о вторженіи Крымскихъ татаръ въ предѣлы Московскаго государства ¹¹⁸⁾ и приближеніи земскаго ополченія великаго княжества Литовскаго заставила москвитянъ снять осаду Витебска. Освободивъ Витебскъ, литовское войско отправилось добывать Гомель, но не имѣло

¹¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣль II, л. 350.

¹¹⁵⁾ *Historiae Lytvanae pars II*, p. 367.

¹¹⁶⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 118—121.

¹¹⁷⁾ *Acta Tomiciana IV*, № LXVI.

¹¹⁸⁾ Объ этомъ вторженіи см. *K. Pułaskiego Szkice i poszukiwania historyczne*, serya II, str. 300, 301.

усиѣха въ этомъ предпріятіи по неопытности и нераспорядительности начальниковъ, по отсутствію стойкости въ рядовыхъ войнахъ. Кроме того, при отсутствіи наемныхъ войскъ оказывалось невозможнымъ сосредоточивать военныя силы великаго княжества: приходилось нѣкоторыя мѣстныя ополченія держать въ предѣлахъ ихъ собственныхъ земель. Такимъ образомъ, Жмудская шляхта должна была подъ команду своего старосты оберегать свою землю отъ магистра Прусскаго, придвинувшаго къ ней свое войско, Волынская шляхта и Кіевская—стеречь свои земли отъ татаръ, которые, несмотря на договоръ, заключенный съ Махметъ-Гиреемъ въ 1516 г., вторгались въ польскія и литовскія украинныя области и натворили въ нихъ не мало бѣдъ ¹¹⁹⁾. Дѣла литовцевъ поправились нѣсколько только къ началу 1517 г., когда устранены были затрудненія съ приѣмомъ монеты, и въ ихъ распоряженіи оказалось значительное наемное войско подъ начальствомъ все того же Яна Свирчевскаго ¹²⁰⁾.

Съ наступленіемъ весны предполагалось возобновить военныя дѣйствія съ Москвою. Готовясь къ войнѣ, паны-рада великаго княжества отправили къ коронной радѣ на Петровскій сеймъ, собиравшійся къ 10 февралю, пословъ съ просьбою о помощи и съ требованіемъ, чтобы поляки участвовали въ платежѣ поминковъ и другихъ расходовъ на Крымскихъ татаръ въ половинной суммѣ, какъ было нѣкогда условлено ¹²¹⁾. Поляки отказали литовцамъ по обоимъ пунктамъ: въ помощи—потому, что самой Польшѣ угрожаютъ враги, магистръ Прусскій и татары, въ уплатѣ расходовъ на татаръ—потому, что татары не перестаютъ нападать на Польшу, а слѣдовательно и поляки не обязаны уплачивать имъ поминковъ ¹²²⁾. Литовцамъ слѣдовательно приходилось рассчитывать исключительно на свои собственные силы и средства. Несмотря на это Сигизмундъ и его литовскіе совѣтники рѣшили возобновить наступательныя дѣйствія, чтобы заставить великаго князя Московскаго быть сговорчивѣе въ переговорахъ о мирѣ. Этимъ и объ-

¹¹⁹⁾ Ibidem, str. 297, 298, 302—304.

¹²⁰⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, tomus II, p. 151; *Acta Tomiciana* IV. № CCLXXX. По извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, въ литовскомъ войскѣ въ 1517 г. были «Чахи, Ляхи и Угрове, Литва и Нѣмцы... да иныхъ земель много Мураве. Мозшане. Волохи и Сербове и Татарове». См. Полное Собр. Рус. Лѣт. IV, 291, 292. Срав. также *Scarbiec diplomatów* II, № 2272.

¹²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 356—359.

¹²²⁾ *Acta Tomiciana* IV. № CCIII, CCIV; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 359—362.

ясняется тотъ странный, на первый взглядъ, фактъ, что почти одновременно съ посылкою въ Москву Яна Щита и Богуша для переговоровъ о мирѣ, Сигизмундъ изъ подѣ Полоцка ¹²³⁾ отправилъ свою рать въ предѣлы Московскаго государства для завоеванія Опочки. Въ этомъ войскѣ кромѣ земскаго ополченія великаго княжества были и наемные отряды подѣ начальствомъ Яна Свирчевскаго.

Но эта диверсія не только не достигла своей цѣли, но имѣла, можно сказать, прямо противоположные результаты,—затянула переговоры о мирѣ и сдѣлала москвитянъ еще болѣе неуступчивыми. Василий, получивъ свѣдѣнія о вторженіи литовскаго войска, не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ литовскими послами, пока его воеводы не перевѣдаются съ литовскими людьми; когда же это случилось, и литовскіе люди вездѣ понесли уронъ, сдѣлался еще неуступчивѣе въ переговорахъ о мирѣ. Цесарскій посоль Герберштейнъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы, не добившись никакихъ положительныхъ результатовъ въ своей примирительной миссіи ¹²⁴⁾. Точно также уѣхали ни съ чѣмъ и вторые послы, присланные Максимилианомъ, Францискъ да Колло и Антоній де Конти. Василий требовалъ отъ короля присылки въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ, непрѣмѣннымъ условіемъ котораго онъ ставилъ уступку Смоленской земли; для заключенія же перемирія требовалъ также присылки пословъ и взаимнаго обмѣна цѣнными. Сигизмундъ считалъ эти условія унижительными для великаго княжества Литовскаго и опасался, что всякія уступки Москвѣ поведутъ къ еще большимъ притязаніямъ съ ея стороны ¹²⁵⁾. Въ переговорахъ прошелъ конецъ 1517 года и почти весь 1518 годъ, въ теченіе которыхъ происходили стычки между литовскими войсками, находившимися въ Полоцкой землѣ, и московскими отрядами, вторгавшимися въ предѣлы великаго княжества ¹²⁶⁾. Къ концу 1518 года выяснилось, что нѣтъ надежды на скорое заключеніе мира или перемирія. Можно

¹²³⁾ Полоцкъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Сюда пріѣзжалъ и самъ король въ началѣ августа 1517 г. и пробылъ здѣсь до конца сентября; здѣсь онъ производилъ ревизію войску и назначилъ главныхъ его вождей, кн. К. И. Острожскаго и Яна Свирчевскаго (Acta Tomiciana IV, memorab. anni 1517, p. 194; Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 157).

¹²⁴⁾ С. М. Соловьева Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. I, 1621—1625.

¹²⁵⁾ Acta Tomiciana IV, № CCCLXXXVI.

¹²⁶⁾ С. М. Соловьева Исторія Россіи, кн. I, 1029; К. Pulaskiego Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 309—310.

было даже предвидѣть, что въ слѣдующемъ году война возгорится съ новою силою. Магистръ Прусскій Альбрехтъ объявилъ императору, что онъ не можетъ дальше отлагать разрѣшенія своей распри съ Польшею и будетъ добиваться своего при помощи оружія. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ переговоры съ Московскимъ государемъ, у котораго просилъ денежной субсидіи для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Сигизмунда. Съ другой стороны и въ Крыму взяли верхъ сторонники Московскаго государя, и ханъ Махметъ-Гирей помирился съ великимъ княземъ Василемъ и заключилъ съ нимъ союзъ¹²⁷⁾. Литвѣ, такимъ образомъ, приходилось опять усиленно готовиться къ войнѣ.

Въ этой войнѣ, конечно, нельзя было обойтись безъ наемныхъ «служебныхъ» людей. Между тѣмъ средства литовскаго скарба были уже исчерпаны, и правительство расплачивалось съ «служебными», занимая у богатыхъ пановъ деньги подъ заставу господарскихъ имѣній. Очевидно, что серебрины, ухваленной на сеймѣ 1516 года, далеко не хватило на расплату съ служебными. Такимъ образомъ еще 25 апр. 1518 года король взялъ у пана Богуша Боговитиновича, маршалка и писаря, 400 копѣ грошей въ добавленіе къ прежнимъ 600 копамъ, взятымъ на великомъ Берестейскомъ соймѣ 1516 г. подъ заставу двора *Дожковъ*, и во всей суммѣ—1000 копахъ заставилъ ему дворъ *Каменець* съ правомъ получать большую часть господарскихъ доходовъ и всѣ намѣстничьи¹²⁸⁾; 12 мая король взялъ у кн. Матѳея Микитинича, намѣстника Бирштанскаго, 2500 копѣ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Бирштаны*¹²⁹⁾; 4 іюля того же года господарь заставилъ въ 700 копахъ грошей пану Юрью Немировичу дворъ Троцкаго повѣта *Дожки*, спущенный ему паномъ Богушемъ Боговитиновичемъ, пану Станиславу Григорьевичу Остику дворъ Троцкаго повѣта *Меречь* въ 1000 копахъ грошей¹³⁰⁾; 7 іюля 1518 года заставленъ былъ пану

¹²⁷⁾ К. Pułaski, op. cit., str. 311.

¹²⁸⁾ М. Любавскаго Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 28.

¹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 6, 7. Кн. Матѳея Микитиничъ «спустилъ» королю сумму, записанную на Бирштанахъ, 4 сентября 1536 г. См. Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 216.

¹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 10, 11. По смерти Станислава Григорьевича, въ 1519 году, Меречь перешелъ въ той же суммѣ къ пану Яну Яновичу Заберезинскому (Тамъ же, л. 27). Въ слѣдующемъ году 2 іюня король дозволялъ пану Юрью Николаевичу отложить пенязи Яну Яновичу Заберезинскому и взять Меречь въ держанье до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40—41).

Гринку Исаевичу Громыкѣ, намѣстнику Свислоцкому, замокъ *Свислочь* съ волостью въ 600 копахъ грошей ¹³¹⁾; въ то же время паны-рада взяли у старосты Городенскаго пана Юрія Миколаевича тысячу копъ гр. и заставили ему дворы Городенскаго повѣта *Озера и Кринки* ¹³²⁾; у него же взяли еще 200 копъ грошей въ добавленіе къ 400 копамъ и 300 золотымъ червонцамъ, которые взяты были у него подъ заставу *Мойшаголы* ¹³³⁾; у пана Яна Заберезинскаго, воеводы Новгородскаго и державцы Марковскаго, господарь взялъ 2 августа 1000 копъ и заставилъ ему въ этой суммѣ дворъ *Марково* ¹³⁴⁾; у пана Юрія Ивановича Ильинича 1 октября взято было 500 копъ грошей подъ заставу «замка *Берестья* з мѣстомъ и з иншими пожитки» ¹³⁵⁾; у воеводы Троцкаго пана Григорія Станиславовича Остика господарь взялъ 600 копъ грошей и заставилъ ему въ этой суммѣ дворъ *Дорсунгишки* съ мѣстомъ и волостью ¹³⁶⁾; тогда же перезаставленъ былъ замокъ *Свислочь* съ мѣстомъ и волостью уже въ 1000 копахъ грошей пану Войтеху Носиловскому ¹³⁷⁾. Но всѣхъ этихъ средствъ не хватало для расплаты съ служебными, которые грозили уходомъ съ украинныхъ замковъ, буде не получатъ во время своего заслуженнаго. Сигизмундъ долженъ былъ въ концѣ концовъ обратиться за субсидіею къ своимъ подданнымъ великаго княжества *и ко дню св. Мартина (11 ноября) 1518 г. созвалъ великій соймъ въ Бересть, куда и самъ прибылъ 15 ноября* ¹³⁸⁾. На этомъ соймѣ, продолжавшемся до 3 января 1519 г. ¹³⁹⁾, господарь съ панами-радою и со всѣми подданными великаго княжества для тогдашней великой «потребы» господарской и земской «ухвалили» собрать *полюовщину* не только въ срединныхъ областяхъ великаго княжества, но и въ украинныхъ. Каждый панъ и каждый урядникъ долженъ былъ дать съ головы своей, жены и дѣтей по золотому, т. е. по 30 грошей; каждый шляхтичъ—по 2 гроша; простые люди по грошу ¹⁴⁰⁾. Урядники

¹³¹⁾ Лит. Метр. кн. Запис. X, л. 12.

¹³²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, прил. № 29.

¹³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 14.

¹³⁴⁾ Тамъ же, л. 13.

¹³⁵⁾ Тамъ же, л. 16.

¹³⁶⁾ Тамъ же, л. 16, 17.

¹³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 18.

¹³⁸⁾ Acta Tomisiana V, № I, II.

¹³⁹⁾ Archiwum Sanguszków III, № CXCI, CXCI, CXCV; Acta Tomisiana V, № 1.

¹⁴⁰⁾ Въ предшествующемъ 1517 г. цѣны продовольствія для жолнеровъ таксировались такимъ образомъ: вошь 60 грошей, корова дойная 40, яловица 20, ба-

господарскіе должны были сами выбрать съ своихъ людей поголовщину и отнести ее въ Вильну «вступивши въ постъ две недели», при чемъ должны были представить списки людей, съ которыхъ брали поголовщину, и принести присягу въ томъ, что ничего не утаили. Всѣ остальные землевладѣльцы должны были такимъ же порядкомъ вручить поголовщину особымъ бирчимъ, которыхъ должны были установить намѣстники господарскихъ дворовъ, а бирчіе должны были представить собранныя деньги панамъ Янушу Костевичу и Павлу Нарушевичу вмѣстѣ съ полученными отъ землевладѣльцевъ реестрами и принести присягу въ томъ, что отдають сполна собранную поголовщину. За утайку поголовщины опредѣлено было отнимать имѣнье и отдавать тому, кто донесетъ объ этой утайкѣ ¹⁴¹⁾.

Кояловичъ рассказываетъ, что на этомъ же Берестейскомъ сеймѣ 1518 г. станы позволили пану Миколаю Радвильовичу II, воеводѣ Виленскому, принять княжескій титулъ, пожалованный ему цесаремъ Максимилианомъ, какъ дядѣ князей Мазовецкихъ по матери ¹⁴²⁾. Но въ данномъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ современнаго Кояловичу порядка вещей на болѣе раннее время. Въ дѣйствительности подобныя дозволенія до самой Люблинской уніи давались только господаремъ ¹⁴³⁾.

Но служебнымъ надо было платить прежде, чѣмъ могла поступить въ скарбъ поголовщина, опредѣленная на великомъ Берестейскомъ соймѣ. Поэтому господарь на этомъ же соймѣ, «вчинившы рагу с паны радами», сдѣлалъ новые займы подъ заставу своихъ имѣній «на выплаченье и для захованья служебныхъ». У пана Юрія Николаевича Радвильовича, старосты Городенскаго и «гетмана дворянскаго», господарь взялъ 2800 копѣ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему *Городенъ* со всѣмъ повѣтомъ, дворами и волостями, кромѣ тѣхъ, которыя

ранъ 4, вепрь 8, пара гусей 1 гр., три курицы 1 грошъ, копа жита стараго 6 гр. новаго—4 гр., копа пшеницы 8 гр., ячменю 4 гр., овса 3 гроша (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 345).

¹⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 262—264; *Scarbies diplomatów II*, № 2279.

¹⁴²⁾ *Historiae Litvanae pars II*, p. 174. Миколай Радвильовичъ сталъ лично извѣстнымъ Максимилиану со времени Вѣнскаго конгресса 1515 года, на которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ представителя великаго княжества (*Acta Tomisiana III*, p. 310).

¹⁴³⁾ См. напр., привилей пану Яну Еронимовичу Ходкевича на «грабство» отъ 10 іюня 1568 года (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 170—172).

были отданы ему въ заставу особо ¹⁴⁴⁾; у пана Якуба Кунцовича господарь взялъ 1000 копъ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Василишки* ¹⁴⁵⁾; кн. Василью Семеновичу Жилинскому заставилъ замокъ *Кричовъ* въ 733 копахъ грошей (8 янв. 1519 г.) ¹⁴⁶⁾; у кн. Василья Андреевича Полубенскаго взялъ (29 дек. 1518 г.) еще 100 копъ грошей подъ заставу двора *Жолудка*, уже заведеннаго раньше въ 600 копахъ грошей ¹⁴⁷⁾; у кн. Петра Масальскаго 60 копъ грошей въ добавленіе къ 1000 копамъ, взятымъ подъ заставу двора *Стоклишекъ* (28 дек. 1518 г.) ¹⁴⁸⁾; у пана Яна Завишича—500 копъ, которыя тотъ долженъ былъ выбрать съ *Любошанъ* въ теченіе шести лѣтъ ¹⁴⁹⁾; у Яна Юрье-

¹⁴⁴⁾ Позже, въ мартѣ 1523 г., король взялъ у него въ добавленіе къ первоначальной суммѣ еще 200 копъ. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 78, 79.

¹⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19. Въ 1523 году ноября 12 король разрѣшилъ пану Якубу Кунцовичу взять 1000 копъ у подчашія пана Яна Миколаевича Радивиловича и передать ему дворъ *Василишки* въ заставу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ самъ держалъ (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 54—56).

¹⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44. Въ 1521 г. іюля 22 князь Жилинскій получилъ Кричевъ «на выбирать пенязей», т. е. съ правомъ погашать получаемыми доходами капитальную сумму долга, въ теченіе трехъ лѣтъ, а затѣмъ уже «врядомъ», т. е. на правахъ державцы «до живота» (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 53).

¹⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29.

¹⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 25, 26. Въ 1521 мая 1 король дозволялъ пану Якубу Кунцовичу отложить пенязи кн. Масальскому и взять дворъ *Стоклишки* въ заставу, а по уплатѣ ему долга держать «въ держаньѣ» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 41, 42). Вскорѣ, однако, король варушилъ этотъ привилей, отобралъ у Кунцовича *Стоклишки* и отдалъ ихъ въ держанье кн. Рязанскому. Кунцовичу король велѣлъ выдать деньги изъ скарба. Но Кунцовичъ умеръ, не получивъ своихъ денегъ, такъ какъ «зъ скарбу иныше а многіе и пыльные потребы справованы». Вдова его 18 окт. 1524 г. получила право выбрать эти деньги съ корчомъ въ дворахъ Мерецкихъ, Ейшицкихъ, Коневскихъ, Дубицкихъ, Волкиницкихъ и Пуньскихъ (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 79, 80).

¹⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44, 45. Но уже 7 іюля 1519 г. Янъ Завишичъ долженъ былъ взять свои 500 коп. грошей у кн. Васпя Соломерецкаго и уступить ему *Любошаны*. Кн. Соломерецкій взялъ *Любошаны* «на выбирать пенязей» въ теченіе трехъ лѣтъ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 42, 43). 21 февраля 1520 волость *Любошаны* перешла въ заставу къ пану Юрію Немировичу въ 500 коп. грошей; въ слѣдующемъ году онъ получилъ ее на выбирать пенязей въ теченіе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ въ держанье до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 40).

вича Глѣбовича также 500 копъ грошей подъ заставу *Жижморъ*¹⁵⁰⁾; у воеводы Троцкого пана Григорія Станиславовича Остиковича 1000 копъ грошей подъ заставу двора *Утены*¹⁵¹⁾; у сына его, крайчія Станислава Григорьевича, 2000 копъ грошей подъ заставу *Ушполь и Пенянь*¹⁵²⁾; у маршалка Миколая Станиславовича, старостича Жмудскаго, 600 к. гр. подъ заставу двора *Ошмены*¹⁵³⁾; у пана Александра Ивановича Ходкевича 500 копъ подъ заставу *Острины*¹⁵⁴⁾; у пана Яна Юндиловича 600 копъ грошей подъ заставу дворовъ *Конецы и Дубичъ*¹⁵⁵⁾; у пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда (20 марта 1519 г.) 1500 копъ грошей подъ заставу замка *Мозыря* съ волостью Мозырскою и Бчицкою¹⁵⁶⁾. Повидимому, тогда же заставленъ былъ въ 1100 копахъ грошей *Высокій дворъ* Янушу Свиршовскому, гетману наемныхъ «служебныхъ»¹⁵⁷⁾; *Ковенъ* пану Авраму Езофовичу въ 10 ты-

¹⁵⁰⁾ Въ 1519 ав. 18 король дозволилъ пану Яну Завишчы отложить эту сумму Глѣбовичу и взять у него Жижмору на выбранье пенязей въ теченіе 5 лѣтъ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 56, 57).

¹⁵¹⁾ По смерти его, въ 1519 г., король дозволилъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду выкупить Утену у наслѣдниковъ покойнаго воеводы и держать ее въ заставѣ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 38).

¹⁵²⁾ Въ 1519 году 9 сентября король дозволилъ пану Мик. Мик. Радивиловича, воеводѣ Виленскому, отложить пенязи вдовѣ умершаго Станислава Григорьевича и выбирать съ Ушполь и Пенянь эти пенязи въ теченіе 9 лѣтъ, а затѣмъ держать ихъ «врядомъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 57, 58).

¹⁵³⁾ Въ 1521 г. іюля 29 король дозволилъ пану Яну Юндиловичу отложить Миколаю Станиславовичу пенязи и взять Ошмену «на выбранье пенязей» въ теченіе семи лѣтъ, а затѣмъ держать «врядомъ» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 55). Въ 1522 году дворъ Ошмена попалъ было въ заставу къ панѣ Войтеховой Юрьевича Носиловской въ 800 копахъ грошей, но панъ Янъ Яновичъ Забережанскій выхлопоталъ у короля дозволенье отложить ей пенязи и взять дворъ въ заставу въ 500 копахъ грошей, «спустивъ» такимъ образомъ королю 300 копъ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 85).

¹⁵⁴⁾ Въ 1520 іюня 11 король далъ Ходкевичу Острину «на выбранье пенязей» въ теченіе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ «въ держанье» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 45).

¹⁵⁵⁾ Въ 1520 іюня 20 король дозволилъ пану Андрею Якубовичу Довойновича выкупить эти дворы и держать ихъ «врядомъ» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54).

¹⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 37.

¹⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 10.

счахъ золотыхъ «черленыхъ»¹⁵⁸⁾; *Бильскъ*—пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду¹⁵⁹⁾.

§ 7.

Опасенія Сигизмунда касательно москвитянъ вполне оправдались. Какъ только магистръ Прусскій началъ готовиться къ войнѣ съ Польшею, и московскія войска усилили свои наступательныя дѣйствія. Въ теченіе 1519 г. они съ разныхъ сторонъ вторгались въ предѣлы великаго княжества и опустошили страну до самой Вильны¹⁶⁰⁾. Изъ посланія пановъ-рады великаго княжества, отправленнаго къ королю въ началѣ 1520 г., видно, чѣмъ въ значительной степени обусловились успѣхи москвитянъ. Оказывается, что противъ москвитянъ выходили почти одни только паны-рада съ своими «почтами» и боролись «безъ жадного способу» другихъ военнослужимыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества¹⁶¹⁾; изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что въ борьбѣ принимали участіе и наемныя войска, разставленныя по украиннымъ замкамъ и состоявшія подъ главнымъ начальствомъ Яна Свирчевскаго¹⁶²⁾. Но большинство литовскаго служилаго люда уклонилось отъ военной службы, пользуясь тѣмъ, что гетманъ наивысшій кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій въ качествѣ маршалка Волынской земли долженъ былъ въ этомъ году сообщая съ поляками отбивать нападенія татаръ на Волынь и Подолье¹⁶³⁾. Поэтому, какъ только съ наступленіемъ зимы прекратились военныя дѣйствія, господарь назначилъ *самый сеймъ* панамъ-радѣ и другимъ станамъ великаго княжества, на которомъ они должны были принять соотвѣтствующія мѣры для защиты государства на будущее время¹⁶⁴⁾.

На этотъ «сѣмъ» король отправилъ маршалка дворнаго пана Юрія Ивановича Ильинича и подскарбія земскаго, маршалка и писаря, пана

¹⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, 26, 27. Отъ наслѣдниковъ Аврама Езофовича Ковенъ перешелъ къ пану Яншу Костевичу.

¹⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 104.

¹⁶⁰⁾ С. М. Соловьева Исторія Россіи, кн. I, 1628, 1629; Acta Tomiciana V, № LXXVIII; Хроника *Вановскаго* (Scriptores regum polonicarum, tomus II, p. 162, 163).

¹⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 379—383.

¹⁶²⁾ Acta Tomiciana V, № LXXIX.

¹⁶³⁾ Хроника *Вановскаго* въ Script. rer. polon. II, p. 159—162; К. Риласкиего Szkice i poszukiwania historyczne. serya II, str. 313—316.

¹⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 28. Гдѣ происходилъ этотъ сеймъ конца 1519 и начала 1520 г., по актамъ не видно: всего вѣроятнѣе въ Вильнѣ.

Богуша Боговитиновича съ своими предложеніями. Прежде всего король предлагалъ панамъ - радѣ «згодливѣ, одностойною радою и одностайнымъ умысломъ радити и мыслити», какъ бы учинить отпоръ неприятелю Московскому въ томъ случаѣ, если онъ снова пошлетъ свое войско подъ украинныя замки. При этомъ король заявлялъ, что въ настоящую минуту онъ не можетъ прибыть въ великое княжество: до него дошли достовѣрные слухи о томъ, что магистръ Прусскій нанялъ множество солдатъ въ нѣмецкихъ земляхъ и собирается начать съ нимъ войну; поэтому и онъ съ своей стороны идетъ съ войскомъ на прусскую границу въ Торунь и будетъ воевать съ нимъ и добиваться отъ него той же «повинности», которую онъ чинилъ прежде его предкамъ и ему самому. Король предлагалъ затѣмъ «мыслити и радити» на вальномъ соймѣ, какимъ бы образомъ и на какихъ условіяхъ заключить миръ или перемирье съ Московскимъ, а если вести войну, то «какимъ способомъ ее вести». Король предлагалъ далѣе подумать «объ оборонѣ и наспижованѣ» украинскихъ замковъ Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, о расплатѣ съ служебными, находящимися на украинскихъ замкахъ и отставными за нихъ прежнюю службу, объ уплатѣ поминковъ Крымскимъ татарамъ ¹⁶³⁾, о содержаніи царя Заволжскаго и т. д. Король просилъ заняться обсужденіемъ этихъ вопросовъ, не взырая на его отсутствіе: какъ извѣстно, онъ не жалѣлъ своихъ средствъ для государственныхъ надобностей и позаставлялъ почти всѣ свои дворы и волости; поэтому теперь онъ уже ничего не можетъ дать на военныя надобности, развѣ только заставить Могилевъ. Король просилъ пановъ-раду взять у кого-нибудь тысячи три или четыре подъ заставу Могилева и обернуть эти деньги на земскія потребности. Кромѣ того онъ просилъ, чтобы паны, держащіе въ заставѣ господарскіе дворы и волости, прибавили пенязей къ первоначальной суммѣ, у нихъ взятой, заплатили за жмудскія куницы и этими пенязями какъ можно скорѣе «оправили» замковыхъ служебныхъ. Король предлагалъ также взыскать черезъ дѣцкихъ поголовщины съ тѣхъ, кто ихъ не уплатилъ, а въ случаѣ надобности конфисковать у такихъ землевладѣльцевъ имѣнья; тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не явились прошлый разъ на войну, король совѣтовалъ разложить на зиму по украиннымъ замкамъ. Наконецъ, король предлагалъ, чтобы староста Жмудскій въ виду того, что магистръ Прусскій началъ войну, отобралъ у него людей и земли, «какими

¹⁶³⁾ Съ Крымомъ какъ разъ въ то время возобновились мирныя переговоры. К. *Pułaskiego Szkice i poszukiwania*, seria II, str. 312—321.

магистръ прусскій черезъ границы забралъ», и снова бы привернулъ ихъ къ великому княжеству ¹⁶⁶⁾.

Паны-рада не только обсудили на соймѣ предложенія короля, но и по собственной инициативѣ вмѣстѣ съ другими станами сойма приняли нѣкоторыя рѣшенія, касающіяся злобы дня. Съ отвѣтомъ на предложенія короля и съ своими собственными предложеніями и просьбами они отправили къ королю въ Польшу пановъ Юрія Миколаевича и Яна Миколаевича Радивиловъ. Указывая на «некарность» и «непослушенство» военнослуживыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, паны-рада просили короля приказать гетману кн. Конст. Иван. Острожскому ѣхать къ своему уряду, а поданнымъ разослать листы, чтобы они ѣхали на мѣсто положенное къ гетману и становились на службу господарскую: и прежде всегда подданные великаго княжества— «земля» — «къ земскому гетману на рокъ положенный збирали, а за тымъ панове-рада ежчивали и споломъ отпоръ неприятелю давали». На предложеніе короля изыскать средства для уплаты упоминковъ татарамъ и жалованья служебнымъ паны-рада отвѣчали, что они въ отсутствіе короля «такъ великимъ рѣчамъ досыть вчинити» не могутъ и отлагаютъ это до пріѣзда господарскаго въ Литву. Предложеніе же короля о возвращеніи людей и земель, забранныхъ у великаго княжества магистромъ Прусскимъ, паны-рада отклонили совсѣмъ, на томъ основаніи, что неудобно навлекать на себя третьяго врага, когда имѣешь двухъ сильныхъ—Москву и татаръ; притомъ же, по слухамъ, и магистръ Ливонскій стоитъ на границахъ съ людьми и орудіями, намѣреваясь вторгнуться въ великое княжество, какъ только литовцы начнутъ непріязненные дѣйствія по отношенію къ магистру Прусскому. Затѣмъ паны-рада сообщали господарю о своемъ постановленіи касательно тѣхъ землевладѣльцевъ которые не были на войнѣ въ прошлое лѣто: они должны уплатить по 30 гр. съ человѣка. Поэтому паны-рада предлагали господарю разослать всѣмъ державцамъ распоряженіе о взисканіи этихъ 30 грошей и пересылкѣ ихъ въ скарбъ, «которыми жъ пенязьми служебныи замковыи и посполитая речъ можетъ справована быти». Замокъ *Момилевъ* они заставили кн. Василью Ивановичу Соломерецкому на выбирать пенязей на три года ¹⁶⁷⁾. Въ заключеніе паны-рада настоятельно просили короля поскорѣе пріѣхать въ отчину свою великое княжество: война съ Прусскимъ магистромъ, по милости Божіей пошла удачно,

¹⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 190—192.

¹⁶⁷⁾ Въ 1520 февр. 21 король выдалъ ему въ Торунн соотвѣтствующій привилей (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28).

и король «за тою ласкою Божіей можетъ беспечно хотя на малый часть да здешнего панства приехать и уставить рады и способъ и оборону»¹⁶⁸⁾.

Но король не пріѣхалъ даже и на короткое время въ великое княжество, вслѣдствіе чего панамъ-радѣ пришлось однимъ безъ господара устроить «рады и способъ и оборону». Они собрали земское ополченіе великаго княжества въ Минскѣ, куда и сами прибыли головами своими. Отсюда они отправили въ Москву пословъ, воеводу Подляскаго Януша Костевича и подскарбія земскаго Богуша Боговитиновича, для веденія переговоровъ о мирѣ. Пока послы ѣздили въ Москву, паны-рада, пользуясь сборомъ рыцарства - шляхты въ Минскѣ, стали склонять его къ ухвалѣ серебщины на военныя издержки. Большинство шляхты, бывшей на этомъ *колевои сеймѣ*, согласилось дать серебщину съ своихъ подданныхъ; только земля Жмудская не хотѣла дать серебщину, «выламаючи своими права»¹⁶⁹⁾. Тѣмъ временемъ и послы, отправленные въ Москву, заключили перемиріе на полгода (въ концѣ 1520 г.)¹⁷⁰⁾. Москвитяне, утомленные борьбою и обезпокоенные враждебными шагами Крымскаго хана, который интриговалъ противъ Москвы въ Казани и возобновилъ союзный договоръ съ Сигизмундомъ¹⁷¹⁾, охотно согласились на перемиріе.

§ 8.

Но этимъ не устранялись заботы о государственной безопасности великаго княжества, и потому Сигизмундъ, получивъ увѣдомленіе отъ пановъ-рады касательно всего, что имъ удалось сдѣлать, назначилъ снова *великій соймъ въ Вильнѣ въ началѣ 1521 года*. На этотъ соймъ Сигизмундъ отправилъ подчашія Яна Миколаевича Радивила съ своими предложеніями и просьбами, адресованными къ панамъ-радѣ и отчасти къ другимъ станамъ сойма¹⁷²⁾.

Первое предложеніе касалось необходимыхъ приготовленій къ войнѣ. Въ Москву посланъ былъ дворянинъ Миколай Шостаковичъ съ ко-

¹⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 379—383.

¹⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 192—195.

¹⁷⁰⁾ С. М. Соловьева Исторія Россіи, кн. I, 1629.

¹⁷¹⁾ К. Pułaskiego Szkice i poszukiwania, serya II, str. 326—335.

¹⁷²⁾ Отвѣтъ на посланіе короля былъ отправленъ панами-радою съ тѣмъ же паномъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиломъ передъ самою Пасхою, которая въ 1521 г. была 31 марта. Паны-рада въ то время уже разъѣзжались изъ Вильны; сеймъ, слѣдовательно, къ тому времени уже кончился.

ролевскою грамотою къ великому князю Московскому. Король предлагалъ панамъ-радѣ ознакомиться съ содержаніемъ отвѣта, который долженъ былъ привести гонецъ, и смотря по тому, куда будетъ клониться дѣло — къ войнѣ или миру, намѣтить, кого отправить въ Москву въ посольствѣ, или же принимать мѣры къ оборонѣ государства. Для этой цѣли король рекомендовалъ какъ можно скорѣе снабдить украинныя замки людьми и провіантомъ и приказать воеводамъ и державцамъ украинскихъ замковъ ѣхать туда «самимъ своими головами»; всѣмъ военнотружильнымъ землевладѣльцамъ объявить, чтобы собрались въ одно назначенное мѣсто для того, чтобы чинить отпоръ неприятелю. Король предлагалъ и на украинныя замки послать часть тѣхъ же землевладѣльцевъ; если же они не послушаются, паны-рада должны дать знать о таковыхъ ему, королю, а онъ уже будетъ знать, какъ поступать ему съ такими непослушными подданными. Затѣмъ король извѣщаль пановъ-раду, что Перекопскій царь Махметъ-Гирей плетъ къ нему посла своего Авляръ-мурзу со свитою въ 104 человекъ, кромѣ слугъ, и предлагаетъ ему заключить вѣчный миръ и союзъ противъ всякаго врага, при чемъ обѣщаетъ ближайшимъ же лѣтомъ вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства; онъ требуетъ, чтобы король далъ ему немедленно отвѣтъ и отпустилъ его пословъ, но пріятели изъ Крыма совѣтуютъ королю позадержать пословъ. Король просилъ пановъ-раду посовѣтовать, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ, подъ какими предлогами задержать пословъ и гдѣ ихъ содержать, и свой отвѣтъ поскорѣе прислать ему, чтобы онъ имѣлъ возможность переговорить объ этомъ съ коронными панами-радою. Увѣдомляя о томъ, что въ данное время онъ вступилъ съ магистромъ Прусскимъ въ переговоры о мирѣ и слѣдовательно не можетъ прибыть въ великое княжество, король просилъ пановъ-раду, чтобы они, принимая во вниманіе его великія затрудненія, «рачили на томъ соймѣ въ справы вступить и дѣла его милости и земскія згодливѣ справовати, какъ бы было зъ его милости господарскимъ добрымъ и пожиточнымъ зѣмскимъ».

Въ частности король предлагалъ снабдить приличнымъ гарнизономъ изъ служебныхъ или прибылыхъ людей замокъ Кіевъ, на которомъ, по слухамъ, пребываетъ не болѣе 30 человекъ. Увѣдомляя о томъ, что ему часто докучаютъ ротмистры служебныхъ ѣздныхъ—паны Миколай Пилецкій, Мышковскій, Баратынскій, Вильжинскій и другіе «о службы свои, абы имъ заплата ся стала», и грозятъ въ противномъ случаѣ съ товарищами своими «тягнути» до великаго княжества «и сами себе за свою службу мети», король предлагалъ панамъ-радѣ войти съ ними въ соглашеніе и заплатить имъ хотя бы часть изъ той серебцины, кото-

рая ухвалена на Минскомъ съѣздѣ. Король просилъ собрать эту серебщину какъ можно скорѣе и установить наказаніе для тѣхъ, кто не отдастъ во время, пбо «за тѣхъ непослушествомъ а омешканемъ датковъ» многіе подданные подляшскіе за послѣдніе годы отъ служебныхъ «у великии шкоды и впады» пришли. Къ панамъ и землянамъ жмудскимъ король предлагалъ послать листы, чтобы и они дали «датокъ», разъ вся земля рѣшила его дать; этотъ «датокъ» пойдетъ вѣдь не на господаря, а на потребу рѣчи посполитой, и они не имѣютъ права отказываться отъ этой жертвы; если же будутъ упорствовать, пусть паны-рада пошлютъ дворянъ «править» на нихъ этотъ «датокъ». Такъ какъ поголовщины и серебщины, ухваленныя раньше, поступали въ свое время неисправно, господарь предлагалъ панамъ-радѣ по реестрамъ навести справки о недоимщикахъ и забрать ихъ имѣнья на господаря. Паны-рада должны были снабдить инструкціею пана Халецкаго, отправлявшагося въ Крымъ, и принять извѣстное рѣшеніе на тотъ случай, если бы ханъ Крымскій, отправляясь на войну съ Москвою, потребовалъ, чтобы съ нимъ шелъ воевода Кіевскій или старороста Черкасскій; на замки украинныя король предлагалъ разослать листы, чтобы были въ великой «опатрѣности и въ осторожности», а старостѣ Жмудскому принять мѣры къ тому, чтобы изъ Ливоніи не переходили люди черезъ Жмудскую землю въ Пруссію ¹⁷³).

Всѣ эти предложенія короля и были предметомъ совѣщаній пановъ радныхъ, собравшихся на вальномъ сеймѣ въ началѣ 1521 года, при чемъ по нѣкоторымъ пунктамъ паны-рада обращались и къ собравшейся шляхтѣ рыцарству. Отвѣтъ паны-рада отправили къ королю черезъ того же пана Яна Миколаевича Радвила, который привезъ предложенія короля. Такъ какъ гонецъ Миколай Шостакъ все еще не возвращался изъ Москвы, то паны-рада не стали и совѣщаться о томъ, кого послать въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Они уполномочили рѣшить это дѣло бискупа Виленскаго, воеводу Виленскаго и воеводу Троцкаго, которые должны съѣхаться съ этою цѣлью въ Городнѣ, и отписать о своемъ рѣшеніи господарю, какъ только пріѣдетъ Шостакъ и привезетъ вѣсти. Принимая во вниманіе, что, сидя на коняхъ, и о мирѣ удобнѣе толковать, п войну начинать, чѣмъ сидя дома, паны-рада назначили всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества сборъ въ Минскѣ, откуда легче отражать непріятеля, съ какой бы стороны не явился; срокъ сбора назначенъ былъ спустя десять недѣль послѣ Пасхи, когда можно рассчитывать на траву для коней. Урядникамъ украиннымъ паны-

¹⁷³) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ Ш, л. 192—195.

рада приказали ѣхать на свои замки. Но что касается снабженія этихъ замковъ провіантомъ, то паны-рада не могли найти, гдѣ достать его. Они спрашивали городничихъ, но тѣ объявили, что у нихъ нѣтъ ни жита, ни овса, такъ какъ господарскіе дворы «мало не вси» въ заставѣ. Паны-рада предлагали королю написать тѣмъ панамъ, у которыхъ дворы въ заставѣ, чтобы они послали по нѣскольку бочекъ въ Полоцкъ, откуда провіантъ легко распредѣлить и по другимъ замкамъ. На предложеніе короля «посилить» украинныя замки людьми паны-рада отвѣчали, что тамъ стоятъ служебные люди; что же касается отправки шляхты на эти замки, то *они не хотѣли призоумитъ для того, ижъ дали серебщину сами зъ себе, которою серебщиною вжо тыхъ служебныхъ отравили*. Паны-рада представляли королю, что разъ шляхта будетъ находиться съ ними въ сборѣ въ Минскѣ, они всегда могутъ отправить часть ея туда, гдѣ понадобится. Относительно Кіева паны-рада увѣдомляли короля, что мѣры для снабженія его людьми и провіантомъ приняты: панъ Александръ Солтановичъ далъ изъ скарба денегъ на полтора ста драбовъ; другіе полтора ста отправилъ изъ Берестя маршалокъ дворный Юрій Ильиничъ; воевода Кіевскій съ своей стороны обязался на вербовать 200 коней, по 5 копъ грошей на коня, и уже послано ему изъ скарба на это дѣло 500 копъ; провіантъ отправленъ въ Кіевъ изъ Подгѣпрскихъ волостей. Пословъ Крымскихъ меньшихъ, прибывшихъ отъ царицъ, мурзъ, улановъ и другихъ князей татарскихъ, паны-рада совѣтовали королю отпустить съ подарками, а Авліарь-мурзу задержать подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя отпустить его, не переговоривъ съ панами-радою великаго княжества; держать его паны-рада предлагали королю при себѣ, въ Польшѣ, ибо великое княжество и безъ того много расходуетъ на содержаніе царя Заволжскаго, его племянника и слугъ. Паны-рада думали, что воеводѣ Кіевскому не слѣдуетъ идти съ ханомъ въ походъ, а послать вмѣсто себя старосту Черкаскаго съ двумя сотнями конницы и пѣхоты и съ двумя гаковницами, большую же часть гарнизона и пушки оставить при себѣ; если нельзя будетъ отговориться, то идти самому въ такомъ же «маломъ» почтѣ, а въ Кіевѣ оставить своего брата Юрія. На предложеніе короля расплатиться съ служебными изъ серебщины, ухваленной въ Минскѣ, паны-рада отвѣчали, что этой серебщины не хватитъ, если ее не будетъ платить Жмудская земля. Они просили короля написать о томъ старостѣ Жмудскому, который скорѣе послушается господара, чѣмъ пановъ-раду. Относительно взысканія недоимокъ по прежнимъ поголовщинамъ и серебщинамъ паны-рада отвѣчали королю, что это дѣло нельзя исполнить въ отсутствіе господара: требуется тщательное раз-

слѣдованіе, а между тѣмъ реестры сборовъ не всѣ въ наличности, нѣкоторые остались у покойнаго подскарбія Аврама Езофовича и хранятся за господарскою печатью. На приглашеніе господаря «згодливимъ обычаемъ» справлять господарскія и земскія дѣла,—такъ, чтобы онъ могъ быть спокоенъ, паны-рада отвѣчали, что они всегда «охотне а пилне» дѣла господарскія и земскія дѣлали и стерегли, многократно выносили на своихъ плечахъ тяжкія бремена, оберегая государство отъ великихъ и сильныхъ непріятелей, посылавшихъ по 70 и 80 тысячъ войска, но тѣмъ не менѣе не могутъ взять на себя всецѣло отвѣтственности, возлагаемой на нихъ господаремъ, при столь продолжительномъ отсутствіи господаря: вѣдь не только въ такомъ обширномъ государствѣ, но и въ монастырѣ «безъ небытности старшого не могутъ ся добре законы справовати». Поэтому они усердно просили господаря прибыть въ великое княжество и сообща съ ними найти «способъ», какъ бы учинить «конецъ» съ непріателемъ Московскимъ. При этомъ паны-рада указывали, что и прусской войны, которая теперь удерживаетъ короля въ Польшѣ, не было бы, если бы своевременно господарь покончилъ дѣло съ Московскимъ: магистръ Прусскій набрался смѣлости не отъ чего другого, какъ отъ того, что король въ такое продолжительное время не учинилъ никакого конца съ Московскимъ¹⁷⁴⁾.

Но король не тронулся и этимъ вѣскимъ доводомъ. Лѣтомъ 1521 г. до него дошли «новины», что царь Перекопскій вошелъ въ соглашеніе съ царемъ Турецкимъ и покинулъ свое намѣреніе помогать королю противъ Московскаго, а наоборотъ хочетъ заодно съ Московскимъ опустошать великое княжество. Король съ извѣщеніемъ объ этомъ отправилъ къ панамъ-радѣ Павла Нарушевича и просилъ ихъ, чтобы они, отложивши на сторону всѣ свои личныя «розтырки и мерзачки», совѣтавались и мыслили о томъ, «какъ бы речъ наша (господарская) и земская въ добромъ станѣ и покою отъ непріятелей нашихъ захована была»; въ частности, король просилъ позаботиться о снабженіи украинскихъ замковъ живностью и боевыми снарядами и о заплатѣ служебнымъ ихъ жалованья, чтобы они не сошли прочь съ замковъ. Король предлагалъ затѣмъ послать къ магистру Ливонскому посла и постараться завязать съ нимъ дружественныя отношенія¹⁷⁵⁾.

Слухи о союзѣ Крымскаго хана противъ великаго княжества Литовскаго не подтвердились. Махметъ-Гирей прислалъ къ Сигизмунду гонца съ извѣстіемъ, что онъ согласно данному слову идетъ войною на

¹⁷⁴⁾ Документы Московскаго Архива Минист. Юстиціи, т. I, стр. 509—514.

¹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 420, 421.

великаго князя Московскаго, и съ требованіемъ, чтобы и Сигизмундъ съ своей стороны пошелъ съ войскомъ въ его землю и чтобы прислать съ его посломъ немедленно упоминокъ, 15 т. золотыхъ. Находившійся у Сигизмунда посолъ хана—Авліарь-мурза совѣтовалъ королю во что бы то ни стало исполнить требованіе хана, такъ какъ въ противномъ случаѣ отъ хана не будетъ никакой пріязни королю, и ханъ склонится къ Турецкому султану противъ короля. И польская рада, въ виду надвигавшейся опасности со стороны турокъ, посовѣтовала королю исполнить требованіе хана и приготовила свою половину требуемой ханомъ суммы. Все дѣло теперь стояло за тѣмъ, заплатить или нѣтъ свою долю великое княжество. Поэтому Сигизмундъ отправилъ въ великое княжество посла Скопа къ панамъ-радѣ, которые, по его расчету, должны были уже съѣхаться въ Минскѣ вмѣстѣ съ подданными земель и повѣтовъ великаго княжества. Посолъ отъ его имени долженъ былъ изложить положеніе дѣлъ и настоятельно просить пановъ-раду, чтобы они «о томъ-то поминку и отправе того посла рачили на томъ зезде вси весполокъ панове-рада наша и со всеми землями подданныи нашими мыслити и радити такъ, какъ бы тая речъ загамована не была, а тотъ бы посолъ убордзе со всимъ былъ отправленъ». Король желалъ, чтобы паны-рада на этомъ съѣздѣ обсудили, изъ какихъ средствъ уплачивать этотъ упоминокъ и на будущіе годы, и кромѣ того, чѣмъ расплатиться съ служебными, которые стоятъ по украиннымъ замкамъ, и наконецъ, какъ укрѣпить Кіевъ, который, по слухамъ, хочетъ взять себѣ Перекопскій царь. При этомъ король объяснялъ, что онъ имѣлъ уже давно намѣреніе пріѣхать въ великое княжество «для великихъ а потребныхъ справъ» этого государства, но «злая пригода» задержала его въ Польшѣ: Турецкій султанъ придвинулся съ войскомъ къ границамъ королевства Угорскаго и добываетъ замки; а поэтому ему, королю, согласно «стародавнымъ записамъ» приходится помогать своему племяннику, королю Угорскому, и сообща отражать врага, угрожающаго и Польшѣ¹⁷⁶⁾.

Итакъ, собравшееся подъ Минскомъ земское ополченіе великаго княжества Литовскаго и на этотъ разъ должно было превратиться въ великій сеймъ и заняться обсужденіемъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди. Мы не знаемъ, какія постановленія состоялись на этомъ *полевоиъ сеймѣ*. Но главное желаніе короля—относительно изысканія средствъ на уплату 7½ тысячъ золотыхъ Крымскому хану было удовлетворено, и въ концѣ 1521 года въ Крымъ

¹⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 421. 422.

отправились литовскіе послы Оникей Горностай и Остафій Дашковичъ съ Авляръ-мурзою и съ 15 т. золотыхъ для хана ¹⁷⁷⁾.

§ 9.

Къ началу 1522 г. королю удалось покончить со всѣми главными дѣлами въ Польшѣ. Съ магистромъ Прусскимъ заключенъ былъ миръ еще въ мартѣ 1521 года. Турки отхлынули изъ Венгріи и болѣе не тревожили поляковъ. Для обороны отъ татаръ сеймъ, собиравшійся въ Петровѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1521 года, опредѣлилъ дать королю налогъ съ мѣщанъ и крестьянъ, достаточный для содержанія 4000 жолнеровъ. Теперь предстояло устроить дѣла великаго княжества, и король назначилъ *великій соймъ* всѣмъ станамъ великаго княжества въ *Городнѣ*, куда и самъ прибылъ 2 февраля 1522 года ¹⁷⁸⁾.

Первый вопросъ, обсуждавшійся на этомъ соймѣ, касался дѣла съ Москвою. Рѣшено было отправить въ Москву посла съ предложеніемъ, чтобы великій князь, если согласенъ на вѣчный миръ или перемирье, прислалъ своихъ пословъ въ Вильну для переговоровъ ¹⁷⁹⁾. Въ виду неизвѣстности отвѣта рѣшено было готовиться къ войнѣ. Господарь со всѣми панами — радю и со всѣми землями великаго княжества Литовскаго для великой потребности господарской и земской положили на все великое княжество, не исключая и украинныхъ областей, *серебщину*. Всѣ землевладѣльцы какъ свѣтскіе, такъ и духовные должны были отъ каждой сохи воловой дать 15 грошей, отъ конской вдвое меньше, отъ людей, не имѣющихъ сохъ, но держащихъ землю, по 6 грошей съ челоуѣка (хозяина?), отъ огородниковъ по три гроша. Опредѣленъ былъ и самый порядокъ сбора серебщины: съ господарскихъ людей должны были собирать серебщину державцы, съ боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ — хоружіе, съ людей князей и пановъ-радныхъ — ихъ намѣстники. Сборщики должны были представить серебщину въ скарбъ не позднѣе 12 недѣль «отъ масленыхъ русскихъ запусъ», при чемъ должны были передъ подскарбіемъ земскимъ принести присягу, что выбрали серебщину правильно и не утаили ни одной сохи, ни одного гроша. Всѣхъ, кто утаитъ какое-либо изъ своихъ имѣній или часть своихъ людей и отдастъ серебщину не сполна, господарь съ панами-радю постановили наказывать отнятіемъ утаеннаго имѣнья или людей,

¹⁷⁷⁾ К. *Putaskiego Szkice i poszukiwania*, serya II, str. 339.

¹⁷⁸⁾ Хроника *Ванозскаго* (*Scriptores rerum polonicarum*, tomus II, p. 183, 186, 187).

¹⁷⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 111.

а имѣнья и людей отдавать въ вѣчное владѣніе лицамъ, донесшимъ объ утайкѣ ¹⁸⁰⁾.

Серебщина, ухваленная на сеймѣ, могла только частью и притомъ временно покрыть государственные расходы. Между тѣмъ постоянный источникъ для покрытія государственныхъ расходовъ—скарбъ великаго княжества почти совершенно изсякъ вслѣдствіе прекращенія притока въ него государственныхъ доходовъ, а это произошло отъ того, что почти всѣ господарскія имѣнія и мыта «въ долзѣхъ зашли». Положеніе дѣлъ становилось невозможнымъ, такъ какъ у господаря не было средствъ на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ и неотложныхъ государственныхъ нуждъ. Тогда нѣкоторые паны и державцы, державшіе въ заставѣ господарскія имѣнія, принесли патріотическія жертвы, и спустили господарю свои «заставы», такъ что господарскіе доходы съ ихъ державъ съ того момента должны были поступать уже въ скарбъ. Такимъ образомъ вернулись снова господарю доходы съ Утены, Дорсунішокъ, Мозыря, Мельника, Ейшишокъ, Вилкомира, Меречи, Пуни, Жижморъ, Лиды и Бѣлицы, Оникшггъ, Перевалки, Острыни, Крева, Любошанъ, Могилева, Кричова, Ушполь и Пенянь ¹⁸¹⁾. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ изъ кредиторовъ, спустившихъ господарю свои пенязи, жертва была не такъ тяжела, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что должность державцевъ въ нѣкоторыхъ господарскихъ имѣніяхъ была настолько доходна, что паны, получившіе эти имѣнія въ заставу, находили для себя выгоднымъ освободить господаря отъ уплаты данной ему суммы, лишь бы господарь обезпечилъ имъ «держаніе» извѣстнаго имѣнія до живота съ правомъ получать одни только на мѣстничьи доходы. Такая сдѣлка въ сущности была замаскированной дачею господарю «челобитья» за пожалованіе держанья. Такимъ образомъ, напр., въ 1520 году іюня 20, господарь дозволилъ пану Андрею Якубовичу Довойновича отложить 600 копъ грошей пану Яну Юндловичу и взять у него дворы Коневу и Дубичи; при этомъ панъ Ан-

¹⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 17. Издатели отнесли этотъ актъ къ 1507 году на томъ основаніи, что онъ носитъ дату 10 индикта, не обративъ вниманія на то, что актъ вписанъ въ книгу Литовской Метрики среди актовъ 1522 года, когда тоже былъ 10-й индиктъ. Въ первые мѣсяцы 1507 г. (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и маѣ) Сигизмундъ находился въ Краковѣ и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не могъ издавать окружной грамоты, въ которой говорится: «тыми разы. будущи на соймѣ въ Городнѣ» (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 89—95; 147—155, 268, 272; Судныхъ дѣлъ II, л. 9; Acta Tomiciana I, p. 14).

¹⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 234, 235.

дрей спустилъ господарю свои пенязи, а господарь обѣщалъ не «рушать» его съ державы до живота его ¹³²⁾. Но большею частью паны заставленные у нихъ имѣнья брали со всѣми доходами «на выбиратье пенязей» на нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ господарь обязывался отдать имъ эти имѣнья «въ держаніе» до живота съ намѣстничьими доходами. Въ такую сдѣлку съ королемъ вошелъ, напр., панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, получившій въ 1520 г. дворъ Острину, заставленный у него въ 600 к., на выбиратье пенязей на три года ¹³³⁾. Какъ бы то ни было, но извѣстныхъ пожертвованій со стороны литовской знати въ данномъ случаѣ нельзя отрицать. Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, напр., спустилъ королю съ Утены, Дорсунишокъ и съ Мозыря въ общей сложности болѣе 3000 копъ грошей, при чемъ держаніе Мозыря до живота обезпечено было ему независимо отъ этого пожертвованія, а Утена и Дорсунишки совсѣмъ отошли отъ него. Дворы Ушполи и Пеняны поступили въ 1519 г. 9 сентября къ пану Миколаю Миколаевичу Радивилевичу «на выбиратье пенязей» на 9 лѣтъ ¹³⁴⁾. Между тѣмъ сынъ его Станиславъ пересталъ выбирать эти пенязи уже въ 1522 году и т. д.

Кромѣ пополненія скарба денежными средствами, великому Городенскому сойму 1522 года пришлось принимать мѣры противъ повальнаго уклоненія литовскихъ военнослужившихъ землевладѣльцевъ отъ военной службы. Мы видѣли, что на это жаловались королю въ началѣ 1520 года паны-рада. Въ 1521 году обнаружилось то же самое «непослушенство», которое подвергло серьезной опасности государство. Вслѣдствіе этого господарь съ панами-радою и всѣми землями ухватили и установили наказывать отнятемъ имѣнья всѣхъ тѣхъ, кто не явится къ сроку на положенное мѣсто конно и збройно, или кто, заявившись предъ гетманомъ и записавшись въ его реестръ, потомъ самовольно уѣдетъ домой или отошлетъ часть своихъ людей, а самъ останется «у маломъ почте»; имѣнья такихъ лицъ постановлено отдавать тѣмъ отличившимся лицамъ, за кого будетъ ходатайствовать панъ гетманъ. Въ виду того, что война продолжалась, всѣмъ землевладѣльцамъ предписано было быть готовыми съ тѣмъ, чтобы по первому требованію ѣхать съ своими почтами къ гетману на положенное мѣсто ¹³⁵⁾.

¹³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54.

¹³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 45.

¹³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 57—58.

¹³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 275, 276.

Конфискація имѣній опредѣлена была Городенскимъ сеймомъ 1522 года и за захватъ господарскихъ земель. Постановлено было отбирать на господаря и присоединять къ господарскимъ дворамъ отчинныя, пожалованныя и купленныя имѣнія у тѣхъ лицъ, которыя захватятъ къ нимъ неправильно часть господарскихъ земель ¹⁸⁶⁾. Это постановленіе потомъ вошло и въ статутъ 1529 (раздѣлъ I, арт. 8).

Просьба о дарованіи статута подана была господарю вновь на этомъ же Городенскомъ сеймѣ 1522 г. Незадолго предъ тѣмъ, на Петрковскомъ сеймѣ 1519 г., поляки предъявили Сигизмунду требованіе о составленіи полнаго свода законовъ. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ назначилъ цѣлую комиссію, которая должна была редактировать сводъ законовъ, исправить въ нихъ несоотвѣтствія и противорѣчія, устранить вышедшіе изъ употребленія, *привести къ единообразію обычаи и формы судопроизводства во вѣсѣхъ земляхъ и воеводствахъ королевства Польскаго* ¹⁸⁷⁾. И на Петрковскомъ сеймѣ конца 1521 и начала 1522 г. снова поднимался тотъ же самый вопросъ и состоялось постановленіе, *ut jura, statuta et consuetudines regni in meliorem formulam redigerentur* ¹⁸⁸⁾. Повидимому, въ связи съ этимъ шляхта поднимала вопросы о своихъ привилегіяхъ и домогалась расширенія своихъ правъ ¹⁸⁹⁾. Литовцы не хотѣли въ данномъ случаѣ отстать отъ своей братьи-поляковъ и съ своей стороны предъявили подобное же требованіе, воспользовавшись тѣмъ, что правительство такъ сильно нуждалось въ общественной помощи и содѣйствіи. Господарь съ панами-радою «право имъ прирекли дати и тыи вси члонки, какъ ся подданыи наши мають справовати и радити, казали... выписати» ¹⁹⁰⁾.

Кромѣ этой общей просьбы, пограничные съ Мазовіею землевладѣльцы великаго княжества подавали господарю жалобу на подданныхъ князей Мазовецкихъ, которые, перейдя старинную границу, позабирали у нихъ земли пашныя, сѣножати и дерево бортное и подѣляли имъ много другихъ кривдъ. Такъ какъ одновременно съ тѣмъ и князья Мазовецкіе прислали подобную же жалобу на пограничныхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, то господарь назначилъ вѣкоторыхъ пановъ радныхъ комиссарами «на поправенъе стародавнихъ справедливыхъ границъ». Эти комиссары должны были сѣхаться съ

¹⁸⁶⁾ *Hr. Broel-Plater* Zbiór pamieŋników, tom I, str. 147.

¹⁸⁷⁾ *Acta Tomiciana*, V, № XV.

¹⁸⁸⁾ *Acta Tomiciana* VI, p. 1.

¹⁸⁹⁾ Хроника *Вановскаго* (*Scriptores rerum polonicarum* II, p. 187).

¹⁹⁰⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516.

уполномоченными князей Мазовецких и на мѣстѣ разобрать всѣ тяжбы и провести границы. При этомъ литовскимъ комиссарамъ рекомендовалось не принимать во вниманіе тѣхъ привилеевъ, которые князья Мазовецкіе подавали своимъ подданнымъ на имѣнья въ Бѣльско-й и Дорогичкой землѣ, когда держали ихъ въ заставѣ ¹⁹¹⁾).

§ 10.

По актовымъ указаніямъ великій Городенскій соймъ 1522 г. продолжался въ теченіе февраля и марта ¹⁹²⁾. Прошло два мѣсяца послѣ этого, и въ Вильнѣ снова былъ собранъ «*великій вальный соймъ*» ¹⁹³⁾. Этотъ соймъ продолжался по актовымъ указаніямъ до самаго отъѣзда Сигизмунда въ Польшу, послѣдовавшаго 9 или 10 декабря 1522 г. ¹⁹⁴⁾.

Почему этотъ сеймъ затянулся на столь продолжительное время? Отвѣтъ на это даютъ посланіе Сигизмунда на слѣдующій великій соймъ, происходившій въ концѣ 1523 и въ началѣ 1524 г., и эдиктъ того же Сигизмунда, предписывающій, чтобы всѣ подданные великаго княжества какъ духовные, такъ и свѣтскіе судились однимъ писаннымъ правомъ. Оказывается, что на этомъ сеймѣ читались «члонки» составлявшагося статута и подвергались обсужденіямъ, поправкамъ и дополненіямъ, и вся предварительная редакція статута была одобрена общимъ голосованіемъ становъ сейма ¹⁹⁵⁾. Вотъ почему впоследствии статутъ саммъ

¹⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 280—282.

¹⁹²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 17, 109, 110; Archiwum Sanguszków III, № ССXXX, ССXXXI; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; XII, л. 494.

¹⁹³⁾ На этомъ сеймѣ между прочимъ былъ выработанъ законъ «о выводѣ шляхетства за примовою». Запись этого закона въ книгѣ Литовской Метрики стоитъ среди актовъ начала іюня 1522 г. (Судныхъ дѣлъ II, л. 309). Воплотивъ определенно о великомъ соймѣ Виленскомъ 1522 г. начинаютъ говорить акты за іюль мѣсяць (кн. Запис. XI, л. 64—67).

¹⁹⁴⁾ Acta Tomiciana VI, р. 191; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 90, 103, 109; Судн. IV, л. 24.

¹⁹⁵⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516; Zbiór praw litewskich, str. 121—123. Эдиктъ Сигизмунда гласить: *Imo de singulari pietate innataque benignitate et virtute regia nostra decrevimus omnibusque et singulis incolis et indigenis, quacunq̄ nobilitate et praerminentia fulgentibus, unum ius scriptum atque unam legem sub constitutionibus et statutis certis in scripta redactis, communi deliberatione atque consilio ultro citroque communicato, pro celeriore ac aequiore administratione iustitiae unicuique sancitis laudatis, et omni voto approbatis dicere, dare et largiri in perpetuum*

правительствомъ признавался учиненнымъ «за ухвалою всей земли»¹⁹⁶). Повидимому, и самый созывъ великаго сойма въ такомъ непродолжительномъ времени послѣ распушенія Городенскаго сойма объясняется именно тѣмъ, что правительство имѣло въ виду подвергнуть на разсмотрѣніе становъ сойма составившійся статутъ, который они себѣ выпросили.

Такъ великій вальный соймъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ началъ принимать участіе въ законодательствѣ гораздо ранѣе, чѣмъ формальнымъ образомъ было признано его право на это участіе¹⁹⁷). Правительство сильно нуждалось въ содѣйствіи князей, пановъ и шляхты великаго княжества и потому не только отыкивалось на ихъ просьбы и заявленія, но и привлекало ихъ къ участію въ выработкѣ мѣръ, въ которыхъ они такъ или иначе были заинтересованы. Землевладѣльцы великаго княжества несли на себѣ тягости и бремена не меньшія, но гораздо большія, чѣмъ польская шляхта, и потому государь естественно сталъ съ такимъ же вниманіемъ и предупредительностью относиться къ литовцамъ, какъ и къ полякамъ. Практика польской государственной жизни вліяла въ одинаковой мѣрѣ какъ на литовскую шляхту, такъ и на государя: если первая, заражаясь примѣромъ сосѣдей, становилась притязательнѣе, то второй, стремясь одинаково относиться къ подданнымъ обоихъ государствъ, долженъ былъ становиться уступчивымъ. Такъ какъ въ Польшѣ шляхта уже давно принимала участіе въ законодательствѣ, и это участіе гарантировано было ей даже закономъ¹⁹⁸), то и въ Литвѣ государь счелъ справедливымъ подвергнуть издававшіеся законы разсмотрѣнію и обсужденію великаго сойма.

Кромѣ статута на Виленскомъ вальномъ соймѣ 1522 г. подвергались обсужденію и другіе вопросы, поставленные жизнью, и приняты были по нимъ извѣстныя рѣшенія. Отъ Волошскаго воеводы и литовскихъ пословъ, отправленныхъ въ Крымъ, еще раннею весною пришли тревожныя вѣсти о намѣреніяхъ турокъ и татаръ вторгнуться въ предѣлы королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. Сигизмундъ мобилизовалъ польскую шляхту для обороны украины¹⁹⁹). Но въ Литвѣ сдѣлать этого было нельзя, такъ какъ нужно было держать

¹⁹⁶) Акты Зап. Рос. II, № 4.

¹⁹⁷) Это было сдѣлано, какъ извѣстно, только во второмъ статутѣ (раздѣлъ III, арт. 12).

¹⁹⁸) Радомскою конституціею 1505 г. „Nihil novi“.

¹⁹⁹) *K. Pułaskiego Szkice i poszukiwania historyczne*, serya II. str. 340—344.

на готовѣ войско противъ Москвы. Сеймъ по предложенію короля рѣшилъ послать на украину для обороны отъ татаръ 2000 коней съ земель и повѣтовъ ²⁰⁰⁾. Остальному же войску король велѣлъ собираться въ Минскѣ ко дню св. Спаса, т. е. 1 августа ²⁰¹⁾.

9 сентября 1522 года литовскіе послы, отправленные въ Москву, заключили пятилѣтнее перемиріе отъ Рождества Христова 1522 до Рождества Христова 1527 года. Но тягости войны вмѣстѣ съ этимъ еще не снимались съ великаго княжества, такъ какъ приходилось расплачиваться съ служебными за прошлую службу и часть ихъ на всякій случай удерживать и на будущее время. Непрекращавшіяся, несмотря на заключенное перемиріе, пограничныя столкновенія всегда могли привести къ возобновленію войны до срока ²⁰²⁾. Поэтому Виленскій сеймъ ухвалилъ дать господарю новую *серебщину* въ томъ же размѣрѣ, какъ опредѣлено было на прошломъ Городенскомъ сеймѣ. Серебщина должна была собираться тѣмъ же порядкомъ, какъ и предшествующая; для взноса ея въ скарбъ установлены были два срока — на Крещенье 1523 года и спустя недѣлю, «уступившы в постъ». За «омешканье» въ платежѣ серебщины установленъ былъ штрафъ въ размѣрѣ 20 грошей съ каждой сохи, а за утайку — отнятіе имѣнья; сборщикамъ за утайку серебщины и присвоеніе ея въ свою пользу опредѣлено было «каранье шиєю» ²⁰³⁾. Паны-рада обязались дать серебщину не только съ своихъ людей, но и съ своего капитала («съ своихъ пенязей»): кн. Янъ, бискупъ Виленскій, 100 золотыхъ, кн. Павелъ, бискупъ Луцкій 100 золотыхъ, кн. бискупъ Жомойтскій 50 золотыхъ, панъ Виленскій, гетманъ кн. Константинъ 100 золот. и т. д., всего—960 золотыхъ ²⁰⁴⁾.

Сигизмундъ воспользовался настоящимъ сеймомъ для того, чтобы обезпечить будущее положеніе своего малолѣтняго сына Сигизмунда-

²⁰⁰⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 515. Срав. «Списокъ именъ тыхъ панятъ и дворянъ, которые мають въ заставу до Киева ехати», помѣщенный среди актовъ за июль (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 89).

²⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

²⁰²⁾ *Kojalowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 381; Acta Tomiciansia VII, № LI; Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 521; Акты Зап. Рос. II, № 134, 143.

²⁰³⁾ *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты литовско-русскаго государства (XIV—XVI ст.), вып. I, № 163.

²⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 320, 321. У Даниловича (*Scarbiec diplomatów II*, № 2282) обложение пановъ рады серебщиною съ капитала отнесено неправильно къ 1519 г.

Августа (родился 1 августа 1520 г.). Не задолго до окончания сейма, 4 декабря, господарь въ многолюдномъ собраніи пановъ-рады духовныхъ и свѣтскихъ предложилъ имъ, чтобы они въ случаѣ его смерти не признавали и не принимали никого другого своимъ господаремъ, кромѣ его возлюбленнаго сына. Вельможи (*optimates*) единодушно и согласно (*unanimi consensu et voluntate*) дали просимое обѣщаніе и принесли присягу вмѣстѣ со всѣмъ рыцарствомъ (*consilarii tam spirituales quam seculares, barones, proceres et tota nobilitas*) не признавать и не выбирать никого въ господари, кромѣ Сигизмунда-Августа ²⁰⁵).

На этомъ же сеймѣ Волинскіе землевладѣльцы подавали господарю просьбу объ исправленіи границъ между землею Волинскою и короною Польскою и о судѣ съ поляками «о квалты и кривды», ими подѣланныя. Король назначилъ для разбирательства этихъ дѣлъ комиссаромъ со стороны Волинской земли кн. Константина Ивановича Острожскаго ²⁰⁶).

Паны, тивуны и бояре Жмудской земли воспользовались благоприятнымъ случаемъ ²⁰⁷) для того, чтобы принести жалобу на своего старосту Станислава Яновича, который нарушалъ ихъ права и вольности, подтвержденныя предками господаря и имъ самимъ. Во-первыхъ, они указывали на то, что по привилеямъ дворы и тивунства въ Жмудской землѣ долженъ раздавать господарь, а не панъ староста; во-вторыхъ, жаловались на то, что староста, раздавая тивунства, отбираетъ ихъ назадъ безъ всякой вины; въ третьихъ, указывали на то, что староста возбраняетъ имъ пользоваться ихъ стародавними «входами и пожитками» въ господарскихъ пущахъ, рѣкахъ и озерахъ; и наконецъ, жаловались на то, что намѣстники старосты вѣзды по волостямъ Жмудской земли съ женами, дѣтьми и слугами, «въ великомъ подчтѣ» и людей господарскихъ судятъ и радятъ безъ тивуновъ и вины великія на нихъ берутъ, обременяютъ ихъ подводами, чего прежде не бывало. Эти жалобы господарь разсматривалъ съ панами-радою и выслушивалъ по поводу ихъ объясненія старосты. По поводу первой жалобы староста объяснилъ, что предшественники его раздавали тивунства въ Жмудской землѣ, за исключеніемъ дворовъ Вилькен, Велены, Скврстомони, Ясвоини и волости Шовленской, которые раздавалъ господарь, и противъ этого

²⁰⁵) Acta Tomiciana VI, № CXV, CLXIII; Zbiór praw litewskich, str. 121—123; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 103 (присяга становъ сойма).

²⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 110, 111.

²⁰⁷) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 38.

никто не протестовалъ. Господарь съ панамн - радою постановили не нарушать установившагося обычая, относительно котораго паны, тивуны и бояре земли Жмудской «такъ отъ давнихъ часовъ у молчаньи были». Чтобы не нарушать, однако, привилея земли, господарь облекъ это постановленіе въ форму пожалованія по особой милости пану Станиславу Яновичу ²⁰⁸⁾. По поводу второй жалобы господарь съ панамн-радою постановили, что староста не долженъ самовольно отбирать тивунства: если кто изъ тивуновъ въ чемъ-нибудь учинить «выступъ», староста долженъ, «седши посполъ с паны тивуны», рассмотретьъ и учинить справедливость ²⁰⁹⁾. На третью жалобу староста отвѣчалъ, что онъ не возбраняетъ Жмудскимъ землевладѣльцамъ пользоваться своими пожитками и входами въ господарскихъ пушахъ, рѣкахъ и озерахъ, а возбраняетъ имъ только касаться господарскихъ лововъ, гдѣ ловили звѣря великій князь Витовтъ и другіе предки господаря. Господарь подтвердилъ, что и впредь такъ должно быть ²¹⁰⁾. Но относительно намѣстниковъ старосты предписалъ ему, чтобы онъ «повстягнулъ» ихъ отъ того, на что жаловались Жмудскіе паны и бояре, и приказалъ имъ, чтобы они ѣздили по волостямъ «самотреть або самочетверть», безъ тивуновъ суда не судили, не обременяли жителей подводами ²¹¹⁾.

§ 11.

Перемиріе, заключенное съ Москвою, какъ уже было сказано, не избавило великое княжество отъ необходимости содержать служебныхъ по украиннымъ замкамъ. Серебщина, ухваленная на Вилейскомъ сеймѣ 1522 г., ушла на расплату съ ними, и къ началу 1524 г. литовское правительство снова должно было изыскивать средства для уплаты служебнымъ «заслужоного» и для удержанія ихъ на украинныхъ замкахъ на будущее время. Кромѣ того, предстояли расходы по отправленіи хана Шигъ-Ахмата къ Заволжскимъ и Ногайскимъ татарамъ, которые просили литовское правительство отпустить къ нимъ царя. Для великаго княжества былъ большой интерес поставитъ во главѣ Заволжскихъ и Ногайскихъ татаръ исконнаго врага Гиреевъ. Незадолго предъ тѣмъ Заволжскіе и Ногайскіе татары перебили Перекопскихъ татаръ,

²⁰⁸⁾ *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, прил. № 34.

²⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 13—14.

²¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 10.

²¹¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, прил. № 35.

пришедшихъ подъ начальствомъ своего хана Махметъ-Гирея добывать Астрахань, при чемъ погибъ и самъ Махметъ-Гирей съ сыномъ Богатыремъ и многими мурзами ²¹²). Отношенія между татарскими ордами установились самыя враждебныя. Это было какъ разъ на руку великому княжеству Литовскому, потому что преемникъ Махметъ-Гирея—Саадеть-Гирей скоро взялъ высокоумѣрный и угрожающій тонъ въ сношеніяхъ съ литовскимъ правительствомъ, писалъ Сигизмунду «вельми прикро, праве с отповедью». Но при такихъ обстоятельствахъ нельзя было отправить Шигъ-Ахмата съ пустыми руками. Надо было ублаготворить исполнѣ не только его самого, но и всѣхъ татарскихъ князей и мурзъ, которые его приглашали, надо было дать ему средства упрочить свое положеніе въ ордѣ. Между тѣмъ, по сознанию самого господаря, въ скарбѣ пенязей не было, «а коморы и мыта и инши доходы... вси у долзехъ зашли, которши браны и даваны на земскую посполитую потребу». Господарю ничего не оставалось дѣлать въ такомъ положеніи, какъ снова обратиться къ содѣйствію землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому *въ началъ 1524 года* онъ созвалъ великій соймъ въ Вильнѣ ²¹³).

На этотъ сеймъ Сигизмундъ отправилъ своего секретаря Михаила Вежкгайла съ особымъ посланіемъ. Въ этомъ посланіи господарь, изложивъ положеніе дѣлъ, обращался къ панамъ-радѣ духовнымъ и свѣтскимъ, князатамъ, панятамъ и всему рыцарству съ предложеніемъ, чтобы они на сеймѣ «радили и мыслили и то нашли, чѣмъ быхмо мяли первое царя Завольского выправили и тымъ служебнымъ на тотъ рокъ имъ положеный за ихъ службу заплату вчинити и тежъ служебныхъ по замкамъ украиннымъ заховати». Затѣмъ, напомнивъ постановленіе прошлаго великаго сойма Виленскаго объ отправкѣ на Украину 2000 коней съ земель и повѣтовъ, господарь просилъ на теперешнемъ соймѣ эти 2000 коней «установити и зготовити» и назначить надъ ними старшого—въ виду враждебнаго настроенія Перекопскаго царя и въ виду того, что поляки рѣшили не посылать ему упоминковъ, а содержать вмѣсто того наемныя войска на украинѣ. Панамъ-радѣ король поручалъ по связи съ этимъ привести Кіевъ въ оборонительное состояніе, послать туда орудія и боевые запасы, а также хлѣбныя за-

²¹²) К. *Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 348—350.

²¹³) Объ этомъ Виленскомъ соймѣ находимъ упоминанье въ одномъ актѣ, писанномъ въ Краковѣ 7 іюня 1524 (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 96).

пасы съ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ и людей для починки укрѣпленій съ Подняпрскихъ волостей.

На этомъ же сеймѣ посоль короля долженъ былъ вручить канцлеру великаго княжества статуть въ окончательной редакци. Канцлеръ въ свою очередь въ присутствіи пановъ-рады долженъ былъ «выдать» статуть поданнымъ великаго княжества, бывшимъ на сеймѣ, и приказать господарскимъ словомъ, «абы вже тымъ правомъ справовалися и радилы».

Вопросъ объ «отправѣ» Заволжскаго царя не былъ рѣшенъ на Виленскомъ сеймѣ 1524 года. Литовское правительство отправило къ Заволжскимъ и Ногайскимъ татарамъ дворянина Заморенка съ предложениемъ, чтобы сынъ Шигъ-Ахмата вышелъ въ степь съ обѣими ордами на встрѣчу своему отцу. Но Заморенка задержали въ ордѣ, и не было никакихъ извѣстій, на чемъ порѣшили татары. Для расплаты съ служебными за прошлую службу и для содержанія ихъ на будущее время сеймъ ухвалалъ *серебщину*. Эту серебщину должны были заплатить всѣ землевладѣльцы великаго княжества. Исключеніе сдѣлано было господаремъ для бояръ Витебской земли, которые упросили господара отпустить имъ эту серебщину, такъ какъ «имѣнья и люди ихъ собраны и сказаны отъ людей неприятельскихъ». Кромѣ того, господарь отпустилъ мѣщанамъ Витебскимъ 30 рублей грошей изъ той же серебщины ²¹⁴). Ухвала серебщины и дала возможность господарю и панамъ-радѣ снова «нанять» служебныхъ людей для украинскихъ замковъ ²¹⁵) и послать вмѣсто 2000 коней съ земель и повѣтовъ, какъ рѣшено было на предыдущемъ соймѣ, 2000 господарскихъ дворянъ «на пенязехъ». — Что касается статута, то паны-рада и другіе станы сойма «на тотъ часъ того для некоторыхъ члонковъ» не приняли и отложили до пріѣзда господара въ великое княжество ²¹⁶).

Въ концѣ 1524 года господарь, оставаясь въ Польшѣ, снова созывалъ *великій соймъ въ Бересты*. Къ этому времени накопилось много важныхъ государственныхъ дѣлъ, но которымъ ему нужно было имѣть «пораду» отъ пановъ-рады, сдѣлать распоряженія и напоминанія мѣст-

²¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 106, 107.

²¹⁵) Напр., 28 июня 1524 года король принялъ на службу ротмистра Несецкаго съ 50 пѣхотинцами для гарнизонной службы въ Полоцкѣ ab eo tempore, quo per consiliarios nostros M. D. Lithuaniae servitium est indictum usque ad in finem (Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 462).

²¹⁶) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 521, 522, 524.

нымъ урядникамъ, предостереженія землевладѣльцамъ великаго княжества; къ послѣднимъ, кромѣ того, необходимо было обращаться за субсидіею при безденежѣ скарба и неспособности его удовлетворить настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ. Всѣ эти побужденія и заставили господаря созвать не простой сеймъ пановъ-рады, а великій вальный соймъ въ Берестѣ²¹⁷⁾.

На этотъ сеймъ господарь отправилъ съ своимъ посланіемъ все того же кн. Вежкгайла, къ тому времени назначеннаго бискупомъ Кіевскимъ. Прежде всего посоль долженъ былъ говорить съ панами-радою объ отпускѣ къ Ногаямъ Заволжскаго царя. Дѣло въ томъ, что отправленный къ Ногаямъ дворянинъ Заморенокъ все еще не вернулся; не вернулись и послы самого Шигъ-Ахмата, отправленные къ Ногаямъ встѣдъ за Заморенкомъ. Поэтому король просилъ пановъ-раду подумать о томъ, что ему дѣлать въ томъ случаѣ, если эти послы и далѣе «ошешкаютъ». На тотъ случай, если бы они вернулись отъ Ногаевъ съ новою просьбою отпустить къ нимъ Шигъ-Ахмата, король просилъ пановъ-раду заблаговременно рѣшить, кого послать вмѣстѣ съ нимъ въ орду, чтобы сдѣлать это уже безъ всякаго промедленія. Затѣмъ король выставлялъ на видъ панамъ-радѣ, что Крымскій ханъ, не дождавшись послловъ отъ короля, со множествомъ людей своихъ и съ помощью отъ царя Турецкаго вторгнулся въ корону Польскую, разлилъ много христіанской крови и починилъ подданнымъ короля великія «шкоды»²¹⁸⁾; то же самое, по слухамъ, намѣревается онъ сдѣлать и на будущее лѣто. Король указывалъ на то, что полякамъ и литовцамъ необходимо

²¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. л. 208, 210. Сеймъ пановъ-рады имѣлъ мѣсто въ іюлѣ и августѣ того же года, и также въ Берестѣ, гдѣ назначенъ былъ сборъ всѣхъ военнослужившихъ землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ и пановъ-рады, по случаю ожидавшагося вторженія въ великое княжество Крымскаго хана Сайдегъ-Гирея (Акты Зап. Рос. II, № 129). Этотъ сеймъ совѣщался объ отпускѣ къ Ногаямъ Заволжскаго царя Шигъ-Ахмата и требованіяхъ Крымскаго хана объ уплатѣ ему тѣхъ самыхъ ежегодныхъ упоминковъ, которые платились его отцу и брату, о вознагражденіи въ 5000 золотыхъ за разрушеніе казаками его города Ослама и о возвращеніи пограбленныхъ съ кораблей пушекъ, 4000 золотыхъ и 90 т. аспръ (Документы Москов. Арх. Мин. Юстиціи т. I, стр. 518).

²¹⁸⁾ Лѣтомъ 1524 года турки и Бѣлгородскіе татары въ числѣ 12 т., а затѣмъ Крымскіе татары въ количествѣ 40 т. повоевали и опустошили земли Львовскую, Савоцкую, Бельскую, Подольскую и отчасти Воынь. Хроника *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 193—197); *Мартина Бѣльскаго* (Zbiór pisanzów polskich, tom XVI, str. 222—224); *Стрыйковскаго* (tom II, str. 393); Acta Tomiciana VII, № XXXIX.

устроить оборону отъ татаръ и турокъ сообща: ни поляки одни безъ литовцевъ, ни литовцы безъ поляковъ противъ этихъ сильныхъ поганскихъ царей и ихъ войскъ ничего не могутъ подѣлать. Поэтому онъ просилъ пановъ-раду подумать и посовѣтоваться о томъ, какимъ бы образомъ сообща устроить отпоръ непріятелю и оборону обоимъ государствамъ, при чемъ извѣщаль, что онъ, король, о томъ же самомъ будетъ совѣтоваться съ панами-радою коронными. Въ частности король просилъ пановъ-раду посовѣтовать, что отвѣчать хану на его требованіе относительно вознагражденія за разрушеніе казаками Осламова города и ограбленіе кораблей. Далѣе король указывалъ панамъ-радѣ на большую пользу, которую принесли казаки, стоявшіе прошлое лѣто на низу Днѣпра около Тавани подъ начальствомъ пановъ Семена Полозовича и Криштофа Кмитича, и просилъ пановъ-раду снарядить и на будущее лѣто такую же сторожу на низовые перевозы, для чего заблаговременно отправить въ Кіевъ сукна и нѣсколько сотъ копѣ грошей.

Кромѣ опасности отъ татаръ, король обращалъ вниманіе пановъ-рады на опасности, которымъ великое княжество подвергается со стороны восточнаго сосѣда: вопреки перемирному договору пограничные намѣстники Московскаго государя вступаются во владѣнія великаго княжества, побрала не мало людей и земель Рѣчицкой и другихъ волостей и чинятъ себѣ рубежъ по Днѣпръ ²¹⁹⁾. Король предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ выбрать «кого годного а доброго челоувѣка» и послать его къ великому князю Московскому съ напомниманьемъ, чтобы онъ «слова и присяги свое и листу перемирного полнилъ». Затѣмъ король выражалъ желаніе, чтобы паны-рада, пока стоитъ перемирье, обсудили, какъ бы привести къ доброму концу дѣло съ Московскимъ государемъ, ибо объ этомъ уже поздно будетъ думать, когда выйдутъ перемирныя лѣта.

Предлагая панамъ-радѣ заняться обсужденіемъ мѣръ по оборонѣ и безопасности государства, Сигизмундъ съ своей стороны указывалъ на плохое состояніе украинныхъ замковъ Кіева, Полоцка, Витебска, Орши и другихъ, которые недостаточно оправлены и снабжены провіантомъ и боевыми припасами. Все это, по словамъ короля, произошло отъ нерадѣнья и недосмотрѣнія урядниковъ, которые, несмотря на неоднократныя приказанія, не посылали ни людей на работу къ этимъ

²¹⁹⁾ О наступательныхъ дѣйствіяхъ Московскаго государя сообщали Сигизмунду сами паны-рада въ посланіи отъ 10 августа 1524 г. (Acta Tomiciana VII, № LI).

замкамъ, ни живность. Поэтому король предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ «грозно» приказать урядникамъ, чтобы они озаботились посылкою людей на работы къ замкамъ и хлѣбныхъ припасовъ. Сверхъ того король выражалъ желаніе, чтобы паны-рада подумали о средствахъ для содержанія по примѣру прошлаго года двухъ или трехъ тысячъ дворянъ господарскихъ на украинныхъ замкахъ. Наконецъ, король указывалъ на то, что князата, панята, урядники и шляхта оказываютъ мало послушанія господарю, не являются во время или даже совсѣмъ не прѣзжаютъ на службу въ назначенное мѣсто, когда господарь обсылаетъ ихъ своими листами. Король предлагалъ панамъ-радѣ на этомъ же сеймѣ «грозно» приказать всѣмъ имъ, чтобы они явились на службу «з великою спешностью безъ каждаго замешканья на первшии листы», и объявить, что за непослушаніе господарь будетъ карать «безъ каждаго милосердья», «горлы и именьи ихъ».

Князата, панята, урядники и шляхта приглашались на этотъ сеймъ не для того только, чтобы выслушать всѣ эти грозные приказы и предостереженія. Король имѣлъ въ виду обратиться къ нимъ и за денежною помощію на предстоящіе государственные расходы, т. е. на уплату жалованья служебнымъ, службъ которыхъ кончился срокъ, и на посылку нѣсколькихъ тысячъ дворянъ и казаковъ на будущее лѣто на украинные замки. Посоль долженъ былъ отъ имени господаря просить пановъ-раду духовныхъ и свѣтскихъ, князатъ, панятъ и все рыцарство, чтобы они на сеймѣ «радили, мыслили и то напли», чѣмъ бы можно было заплатить служебнымъ за ихъ службу, а также и о томъ, на какія средства можно было бы содержать на украинѣ нѣсколько тысячъ дворянъ и казаковъ на предстоящее лѣто.

Послѣднее порученіе, данное послу на сеймъ, касалось статута. Посоль долженъ былъ предложить станамъ сейма принять статутъ безъ тѣхъ «члонковъ», которые не приняты были на прошломъ Виленскомъ сеймѣ и которые господарь обѣщала «поправити», когда прѣдетъ въ великое княжество ²²⁰⁾.

Великій соймъ въ Берестѣ едва ли состоялся. Король рассчитывалъ, повидимому, на то, что изъ Берестя не разѣхалось еще земское ополченіе великаго княжества, и поэтому рѣшился воспользоваться сборомъ военнослуживыхъ землевладѣльцевъ для сеймоваго совѣщанія. Повидимому, этотъ планъ не удался, потому что вскорѣ послѣ того король долженъ былъ назначить сеймъ въ Новгородкѣ. И этотъ сеймъ,

²²⁰⁾ Документы Москов. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 517—524.

какъ кажется, приурочивался къ собранію земскаго ополченія великаго княжества, которое должно было имѣть мѣсто съ наступленіемъ весны 1525 г. въ виду ожидавшагося нападенія со стороны Крымскихъ татаръ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что на этотъ сеймъ прибылъ первымъ гетманъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій. Но другіе станы сейма собрались тѣмъ временемъ въ Вильнѣ, гдѣ и состоялись совѣщанія по поводу текущихъ государственныхъ вопросовъ, такъ что сеймъ и въ Новгородѣ не состоялся.

По словамъ пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, дѣло это произошло такимъ образомъ. Гаштольд написалъ королю, что необходимо собрать сеймъ въ Вильнѣ и, не сомнѣваясь въ согласіи короля, чтобы не тратить времени, разослалъ приглашеніе панамъ-радѣ и всѣмъ станамъ прибыть на сеймъ въ Вильну. Тѣмъ временемъ пришло распоряженіе короля о собраніи сейма въ Новгородѣ. Но выполнить его было уже невозможно. Въ Вильнѣ уже находились въ сборѣ одиннадцать пановъ-радныхъ, маршалки, старосты, хоружіе, подкоморіе, державцы и почти вся Литовская и Жмудская шляхта. Ъхать изъ Вильны въ Новгородокъ всему этому собранію было крайне затруднительно. Прибывшіе на сеймъ отослали по домамъ подводы, на которыхъ привезли себѣ съѣстные припасы: пришлось бы все бросать въ Вильнѣ, а въ Новгородѣ покупать все дорогою цѣною. При томъ же въ Новгородѣ собрались только трое пановъ радныхъ и немного шляхты, и большинство не хотѣло въ угоду меньшинству переѣзжать въ Новгородокъ. Поэтому рѣшено было продолжать совѣщанія въ Вильнѣ ²²¹⁾. Отсюда паны-рада и отправили отвѣтъ королю на его предложенія ²²²⁾. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точно, въ чемъ состоялъ этотъ отвѣтъ, и какія сдѣланы были постановленія на этомъ Виленскомъ сеймѣ начала 1525 года.

Есть основаніе думать, что отвѣтъ, посланный королю панамъ-радою съ Виленскаго сейма начала 1525 г., не содержалъ какихъ-либо опредѣленныхъ рѣшеній по поводу предложеній короля. По крайней мѣрѣ приблизительно черезъ годъ король снова назначилъ сеймъ въ Вильнѣ ²²³⁾, на которомъ предлагалъ обсудить почти тѣ же самые во-

²²¹⁾ Гаштольд разсказалъ объ этомъ въ письмѣ къ королевѣ Бовѣ, посланномъ 3 іюня 1525 г., въ которомъ онъ просилъ ее защитить его предъ королемъ отъ наветовъ князя Острожскаго. Acta Tomiciana, tomus VII, anno MDXXV, № XXXVI.

²²²⁾ Документы Москов. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 524.

²²³⁾ Король назначилъ этотъ сеймъ, находясь на Петровскомъ сеймѣ. Этотъ

просы, которые должны были обсуждаться на предшествующемъ сеймѣ: «первое—о московскомъ, какъ уже перемирье борздо выйдетъ, другое—о границахъ Лиелаянтскихъ и о цари Заволжскомъ и тежъ о цари Переопскомъ и о замкохъ украинскихъ, абы были всеми речыи осмотрены,... и тежъ о служебныхъ, чимъ бы маяла имъ служба плачона быти». Последнее предполагаетъ, что на сеймъ вызывались не одни паны-рада, но и другіе станы. Съ тѣми же самыми послами, которые привезли предложеніе короля, паны-рада отвѣчали, что они «такъ великихъ а важныхъ справъ... безъ небытности его милости господарское жадною мерою на томъ сойме справити не могли а не могутъ».. Поэтому они просили короля, чтобы онъ, видя такія нетерпяція отлагательства дѣла, соблаговолилъ «на тое панство Великое князство Литовское ласкаве а милостиве възрети» и безъ замедленія пріѣхать съ королевою и королевичемъ, чтобы сообща съ ними мыслить обо всѣхъ этихъ дѣлахъ ²²⁴). Едва ли не подобный же отвѣтъ послали королю паны-рада и съ предшествующаго Виленскаго сейма начала 1525 года. Между панами-радою не было согласія и единодушія. Самыя знатныя и вліятельныя лица среди нихъ враждовали другъ съ другомъ и при всякихъ случаяхъ сводили личные счеты. Воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ враждовалъ съ кн. Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, который вопреки установившемуся порядку пересѣлъ его въ радѣ господарской (кн. Константинъ Ивановичъ, будучи воеводою Троцкимъ, занялъ первое мѣсто среди свѣтскихъ пановъ радныхъ, на которомъ обыкновенно сѣживали воеводы Виленскіе) ²²⁵). Радивилы не могли помириться съ возвышеніемъ Гаштольда и дѣйствовали противъ него заодно съ Острожскимъ и его партіею ²²⁶). При такихъ условіяхъ паны-рада оказывались не въ состояніи придти къ согласнымъ рѣшеніямъ, иногда, какъ мы видѣли выше, не могли даже съѣхаться на сеймъ. При отсутствіи авторитетнаго и властнаго руководства, какое принадлежало на сеймахъ господарю и панамъ-радѣ, и

последній происходилъ въ декабрѣ 1525 г. и въ январѣ 1526. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 287, 290, 292, 293; XIV, л. 164, 166, 170, 172, 174; Судныхъ дѣлъ IV, л. 125—128; Acta Tomiciana VIII, № XIV.

²²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 487—489.

²²⁵) Archiwum Sanguszków III, № CCXXX; Acta Tomiciana, t. VI, № XVIII, CLXVII.

²²⁶) Судныхъ дѣлъ IV, л. 107: «Зарука воеводе Виленскому пану Краштолту противъ подчашаго пана Яна Николаевича Радивила о безпечностъ здоровья». Краковъ 1525 іюля 14.

другіе станы не могли содѣйствовать рѣшенію текущихъ государственныхъ вопросовъ. Паны-рада совершенно справедливо представляли королю, что въ его отсутствіе они не могутъ ничего «справовати на соймахъ».

Королю между тѣмъ трудно было и почти невозможно вырваться изъ Польши и пріѣхать въ великое княжество. Сначала его задерживало прусское дѣло—необходимость во что бы то ни стало уладить отношенія къ магистру Прусскому и возстановить суверенитетъ Польши надъ Пруссіею. Кончилось это дѣло, и сейчасъ же появилось другое: пришлось заняться усмиреніемъ мятежа, возникшаго въ польской Пруссіи въ связи съ распространеніемъ реформаціи. Тѣмъ временемъ подоспѣли хлопоты по принятію наслѣдства отъ Мазовецкихъ князей, умершихъ безъ потомковъ мужского пола. Поэтому, несмотря на неоднократныя представленія пановъ-рады, что они безъ короля ничего не могутъ рѣшать и дѣлать, Сигизмундъ отправилъ къ нимъ снова тѣхъ же пословъ, какихъ посылалъ на Виленскій сеймъ, съ просьбою, чтобы паны-рада во всѣхъ дѣлахъ, какія будутъ касаться великаго княжества, «рачыли пилне а охотне справоваться и радити такъ, какъ бы было зъ его милости господарскимъ и вашее милости пановъ-радъ и земскимъ пожиткомъ». Съ своей стороны король обѣщалъ «то паметовати ласкою своею господарскою и всимъ добримъ, яко паномъ-радамъ своимъ вернымъ».

Въ то время при посредствѣ пословъ папскаго, цесарскаго и австрійскаго возобновились уже переговоры съ Москвою о мирѣ²²⁷⁾. Сигизмундъ просилъ пановъ-раду, чтобы они, какъ только получатъ извѣстіе отъ этихъ пословъ, къ чему склоняется Московскій государь, къ миру или перемирію, немедленно рѣшили, кого послать къ нему въ посольствѣ и дали знать обо всемъ ему, господарю, а онъ уже пришлетъ отъ себя инструкцію для веденія переговоровъ. Затѣмъ Сигизмундъ просилъ пановъ-раду назначить магистру Ливонскому срокъ, когда должны съѣхаться съ обѣихъ сторонъ комиссары для исправленія границъ, въ виду того, что срокъ предложенный самимъ магистромъ оказался неудобнымъ «для небезпечности отъ поганства татаръ». Си-

²²⁷⁾ Папскій посолъ Іоаннъ, епископъ Скаренскій, былъ принятъ королемъ въ Мариенбургѣ и снабженъ надлежащею инструкціею (Acta Tomiciana VIII, № XXXII). Это происходило въ промежутокъ времени между 24 и 30 іюля 1526 г. (Acta Tomiciana VIII, № CXXIX). Къ панамъ-радѣ великаго княжества король отправилъ пословъ, очевидно, уже послѣ ухода папскаго посла, въ первой половинѣ августа 1526 г.

гизмундъ увѣдомлялъ далѣе о томъ, что, по достовѣрныхъ слухамъ, Татары предпринимаютъ вторженіе въ украинныя области, и что онъ отдалъ уже приказъ полякамъ быть готовыми къ войнѣ съ ними ²²⁸⁾, а на Подолье послалъ впередъ нѣсколько тысячъ служебныхъ людей. Онъ просилъ, чтобы и паны-рада разослали по великому княжеству тѣ военные листы, которые король ранѣ прислалъ, обозначивъ въ нихъ мѣсто и время сбора ополченія, а по украиннымъ городамъ наказали «великую чуйность мети», чтобы непріятель безвѣстно не вторгся въ великое княжество. Въ заключеніе король приказывалъ отпустить немедленно царя Заволжскаго, какъ только за нимъ придутъ люди отъ сына его, давши ему «датоку» изъ скарба земскаго, какой ранѣ былъ назначенъ, и небольшой отрядъ войска для сопровожденія его до Кіева ²²⁹⁾.

Но еще прежде, чѣмъ прибыли эти послы отъ короля, паны-рада съ своей стороны отрядили къ королю кн. Яна, бискупа Виленскаго, и пана Юрія Миколаевича Радивила, звать короля въ великое княжество. Эти послы приняты были королемъ въ бытность его въ Варшавѣ, въ концѣ августа или въ сентябрѣ 1526 года. ²³⁰⁾ Отъ имени своей братьи, они настаивали, что королю необходимо прибыть въ великое княжество для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся этого государства. Прежде всего необходимо имѣть совѣтъ о томъ, пропускать или нѣтъ въ Москву папскаго посла, который ѣдетъ съ обѣщаніемъ великому князю Московскому короны и, по всѣмъ признакамъ, съ этою именно цѣлью, а не «для еднанья покою», и посланъ въ Москву ²³¹⁾. Паны-рада выражали мнѣніе, что допускать великаго князя Московскаго «къ такому повышенью чти» едва ли удобно и ссылались при этомъ на то, какъ поступилъ въ подобномъ же случаѣ король Казимиръ, когда папа Сильвестръ посылалъ въ Москву своего легата, и самъ Сигизмундъ, когда пріѣзжалъ отъ папы Льва X легатъ Захарія. Затѣмъ паны-рада указывали на необходимость имѣть совѣщанія относительно требованій Перекопскаго царя, который домогается упоминковъ, платившихся его предкамъ. При этомъ сообщали, что, по слухамъ, царь Турецкій согласился съ Перекопскимъ царемъ добывать Кіева, а потому

²²⁸⁾ Acta Tomiciana VIII, № СХХХІІ, СХХХІІІ.

²²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 487—489.

²³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531; XII, л. 314—333; XIV, л. 264—275.

²³¹⁾ Это опредѣляетъ время отправленія пословъ литовской рады. Повидимому, это имѣло мѣсто въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1526 г., предъ ожидавшимся прибытіемъ въ Вильну папскаго посла.

надо во что бы то ни стало озаботиться укрѣпленіемъ этого замка, снабженіемъ его провіантомъ и боевыми запасами, что не можетъ стать «достаточно» въ отсутствіе господара. Кромѣ того, въ отсутствіе господара не можетъ быть «добрѣ отправленъ» и царь Заволжскій: приближается срокъ отправки его къ Ногайскимъ и Заволжскимъ татарамъ, а онъ не желаетъ уѣхать изъ великаго княжества, не повидавъ господара; если отпустить его безъ этого, онъ усмотритъ въ томъ недостатокъ къ нему милости королевской и обиду, вслѣдствіе чего врядъ ли будетъ полезнымъ великому княжеству, и всѣ расходы на него, такимъ образомъ, пойдутъ даромъ. Наконецъ, паны-рада указывали королю, что приближается конецъ перемирію съ Московскимъ государемъ, который, по всѣмъ признакамъ, не хочетъ прекращать войны, и даже во время перемирія дѣлаетъ великія и частыя кривды подданнымъ в. княжества; подобное же терпитъ великое княжество и отъ магистра Ливонскаго: всѣ эти дѣла также требуютъ прибытія господара въ великое княжество.

Намѣреніе папы предложить Московскому государю корону сильно взволновало и обезпокоило литовскихъ пановъ. Они поручили своимъ посламъ наединѣ передать королю, чтобы онъ никоимъ образомъ не пропуская въ Москву этой короны. Все это дѣло поляковъ, которые стараются унижить великое княжество, чтобы тѣмъ легче «втѣлнить» его въ корону, господарское «дѣдитство» присоединить къ польскому государству. Указывая на то, что великое княжество Литовское настоящій оплотъ династіи, что литовцы давно «обрали» себѣ «за пана» королевича Сигизмунда, между тѣмъ какъ поляки до сихъ поръ и не подумали объ этомъ, паны-рада предлагали королю вытребовать у нихъ корону, которую они нѣкогда перехватили у Витовта, и вѣнчать ею королевича Сигизмунда: тогда и поляки не будутъ имѣть «жадности» унижать великое княжество и присоединять его къ коронѣ, но будетъ «ровное братство и пріязнь» противъ всѣхъ непріятелей; если же поляки не выдадутъ короны, пусть король пошлетъ за нею къ папѣ, а они, литовцы, не пожалѣютъ никакихъ «накладовъ» на это дѣло. вмѣстѣ съ тѣмъ литовская рада совѣтовала королю присоединить Мазовецкое княжество не къ Польшѣ, а «къ парсунѣ» своей и посадить въ немъ своего сына: тогда поляки—рады-не рады—должны будутъ признать его своимъ государемъ—, чтобы не потерять Мазовіи²²²).

²²²) Акты Зап. Россіи II, № 144. Литовцы, повидимому, предпринимали нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи и въ самой Мазовіи. Быть можетъ, не безъ ихъ совѣтовъ мазовецкіе чины въ слѣдующемъ году подавали королю просьбу от-

§ 12.

Но и это приглашеніе не ускорило прїѣздъ короля въ великое княжество. Осенью 1526 года надвинулась на Польшу страшная гроза со стороны турокъ, которые разгромили венгровъ и ихъ союзниковъ, въ томъ числѣ и польскій отрядъ, подъ Могачемъ, при чемъ погибъ и племянникъ Сигизмунда, Чешско-Венгерскій король Людовикъ. Сигизмундъ долженъ былъ усиленно готовиться къ защитѣ Польши отъ турокъ и ихъ союзниковъ татаръ. Завѣтнымъ желаніемъ короля была организація прочной и постоянной обороны украинны силами и средствами всего государства. Въ 1525 году ему удалось добиться отъ Петровскаго сейма постановленія (11 апрѣля) о производствѣ таксаціи всѣхъ имѣній королевства съ цѣлью равномернаго обложенія военными тягостями. Таксаціи не подлежали одни только столовыя имѣнья короля, доходъ съ которыхъ и безъ того шелъ на нужды государства. Къ концу 1525 года таксація была окончена, и всѣ переписныя книги представлены были на сеймъ, собравшійся также въ Петровѣ. На этомъ сеймѣ шляхетскіе послы подняли цѣлую бурю протестовъ противъ этихъ книгъ и добились того, что таксація была отвергнута, а книги сожжены²³³⁾. Сеймъ, какъ всегда, установилъ временный поборъ на содержаніе на украинѣ наемныхъ отрядовъ, которые должны были на вербовать воеводы подъ своею отвѣтственностью. Поборъ установленъ былъ на два года, а количество войска опредѣлено было въ 2000 человекъ²³⁴⁾.

Опытъ скорѣ доказалъ ничтожность этого средства обороны. Въ то самое время, когда часть этого войска (1500 человекъ) отправлена была на помощь Венгерскому королю, выступившему противъ турокъ, крымскіе татары перешли черезъ Днѣпръ и жестоко опустошили Волынскую, Бѣльскую и Люблинскую земли²³⁵⁾. Въ началѣ 1527 года татары въ количествѣ 26 тысячъ ворвались въ великое княжество Литовское и, пользуясь зимнимъ временемъ, проникли до Пинска, въ самую глубь болотистаго Полѣсья, а отсюда проникли до Бѣльской и

устить къ нимъ на княженіе королевича Сигизмунда-Августа (Acta Tomiciana IX, № 80).

²³³⁾ Acta Tomiciana VII, anno MDXXV, № XXXI.

²³⁴⁾ Acta Tomiciana VIII, № VI.

²³⁵⁾ Хроника *Ватовскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 213, 214).

Люблинской земель. Въ этихъ областяхъ, а также на Подгорьѣ и Подольѣ они набрали до 40 тысячъ полону, множество скота и всякой добычи. За ними погнался кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ кн. Слуцкимъ, князьями и панами Волынской земли, нагналъ ихъ подъ Каневомъ, положилъ на мѣстѣ болѣе 20 тысячъ человекъ и отнял весь полонъ и добычу³³⁶). Эта побѣда одержана была отчасти благодаря тактикѣ Острожскаго, который напалъ на татаръ, когда они спѣшились въ глубокомъ снѣгу, и не допустилъ ихъ до своихъ коней, а отчасти благодаря содѣйствию плѣнныхъ, которые при нападеніи Острожскаго бросились на татаръ и стали вырывать у нихъ оружіе. Хотя король и его подданные были въ восторгѣ отъ этой побѣды, тѣмъ не менѣе самый фактъ безпрепятственнаго вторженія татаръ въ самыя нѣдра Литвы и Польши въ связи съ угрожающею опасностью отъ турокъ заставилъ снова взяться за рѣшеніе вопроса о постоянной и надежной оборонѣ южной украины.

На Краковскомъ сеймѣ, собравшемся въ началѣ 1527 года, снова былъ поднятъ вопросъ о таксаціи имѣній для установленія равномѣрнаго обложенія военными тягостями. Рѣшено было произвести эту таксацію тѣмъ же порядкомъ, какъ опредѣлено было на Петровскомъ сеймѣ два года тому назадъ. Воевода, каштеляны, урядники и вся шляхта воеводства должны были съѣхаться въ назначенный срокъ на сеймикъ и выбрать двухъ шляхтичей на каждый повѣтъ, который вмѣстѣ съ каштеляномъ повѣта или другимъ урядникомъ по выбору (тамъ, гдѣ не было каштеляна) и должны производить таксацію, предварительно принеся присягу въ томъ, что будутъ дѣйствовать при этомъ вполне безпристрастно и добросовѣстно. Начало долженъ былъ положить воевода съ старшимъ каштеляномъ и двумя избранными таксаторами. Они должны были объѣхать главный повѣтъ воеводства, осматривая, оцѣнивая и таксируя имѣнье каждого владѣльца, какое бы оно ни было—отчинное или заставное. Они должны были заѣхать въ каждый приходъ, а если нужно, то и въ села, мѣстечки и города, тщательно взвѣшивая доходность каждого имѣнья и изслѣдуя его стоимость, для чего

³³⁶) Хроники *Вановскаго* (*Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 212*) и *М. Бельскаго* (*Zbiór pisażów polskich, tom XVII, str. 1, 2*). *Стрыйковский* (*tom II, str. 394*) и *Коллоуичъ* (*pars II, p. 385*) число отбитыхъ плѣнныхъ опредѣляютъ въ 80 тысячъ; но это число преувеличено. О 40 тысячахъ отбитыхъ плѣнныхъ говорил папѣ въ своей рѣчи епископъ Францискъ на благодарственной мессѣ, которую служилъ папа по полученіи отъ Сигизмунда извѣстія о пораженіи татаръ (*Acta Tomiciana IX, № 82*).

должны спрашивать плебана или его викарія и другихъ окольныхъ людей, благородныхъ и простыхъ. Всѣ добытыя данныя они должны были вѣрно записать и помѣтить въ книгѣ. Такимъ же порядкомъ должна была производиться таксація и въ другихъ повѣтахъ воеводства. Чтобы дать возможность тѣмъ землевладѣльцамъ, которые имѣютъ земли въ разныхъ повѣтахъ, лично присутствовать при таксаціи всѣхъ своихъ имѣній, положено было начинать таксацію не одновременно во всѣхъ повѣтахъ, а постепенно, черезъ недѣлю по очереди. Таксація подлежали и церковныя имѣнья, такъ какъ духовные владѣльцы рѣшили заодно со свѣтскими нести жертвы на оборону государства. Вслѣдствіе этого постановлено было, чтобы архіепископы и епископы выбрали для каждаго воеводства двухъ лицъ, которые и должны были участвовать въ таксаціи вмѣстѣ съ свѣтскими таксаторами, переѣзжая изъ одного повѣта въ другой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда таксаторы разойдутся въ своихъ мнѣніяхъ, они должны были составить подробный протоколъ и доложить его королю на вальномъ сеймѣ для окончательнаго рѣшенія дѣла. Таксаціи не подлежали столовыя королевскія имѣнія, съ которыхъ доходы и безъ того шли на нужды государства. Но имѣнія королевскія, заставленныя кому-либо въ известной суммѣ, заодно съ другими владѣльческими имѣніями подлежали таксаціи и обложенію военною повинностью, которую король имѣлъ въ виду установить на вальномъ сеймѣ послѣ окончанія таксаціи ²³⁷⁾. Пока не былъ еще установленъ новый способъ обороны, сеймъ, какъ всегда, опредѣлялъ временный поборъ на содержаніе на украинѣ постояннаго войска ²³⁸⁾.

Кромѣ хлопотъ объ устройствѣ постоянной и надежной защиты украины отъ татаръ Сигизмунда удерживали въ Польшѣ и чешско-венгерскія дѣла. Послѣ смерти короля Людовика чехамъ и венграмъ предстояло выбрать себѣ короля. Сигизмундъ, какъ ближайшій родственникъ покойнаго короля Людовика, могъ быть избранъ королемъ, хотя съ своей стороны онъ не хлопоталъ объ этомъ и прямо заявлялъ, что не желаетъ новыхъ коронъ. Какъ бы то ни было, но приходилось дожидаться результата выборовъ. Чехи избрали королемъ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда, а большинство венгровъ седмиградскаго воеводу Яна Заполюю. Но Фердинандъ не хотѣлъ помириться съ этимъ фактомъ и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы овладѣть и венгерскимъ престоломъ. Заполья съ своей стороны искалъ себѣ союзниковъ на сторонѣ и между прочимъ сносился съ Турецкимъ султаномъ,

²³⁷⁾ См. универсалъ отъ 19 марта 1527 г. Acta Tomiciana IX, № 73.

²³⁸⁾ Ibidem, № 74.

объщая ему платить дань. Это соперничество, такимъ образомъ, принимало оборотъ, небезопасный и для Польши, которая находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Венгріею. 27 сентября 1527 года Янъ Заполя проигралъ битву подъ Токаемъ и удалился въ Седмиградье, а отсюда на Подолье; Фердинандъ занялъ Венгрію и Седмиградье и короновался венгерскою короною ²³⁹).

Послѣ того, какъ рѣшился такимъ образомъ вопросъ о чешско-венгерскомъ наслѣдїи, Сигизмундъ долженъ былъ снова заняться вопросомъ объ оборонѣ украины, для чего созвалъ вальный сеймъ въ Петровѣ ко дню св. Екатерины (25 ноября) ²⁴⁰). На этомъ сеймѣ по примѣру предшествующихъ лѣтъ установленъ былъ временный поборъ на содержаніе наемнаго войска; отъ побора избавлена была только русская и подольская шляхта, обязанная во всякое время являться на войну съ татарами и турками ²⁴¹). По распущенїи сейма король воротился въ Краковъ, а оттуда отправился, наконецъ, въ великое княжество Литовское, гдѣ не былъ уже пять лѣтъ, и куда, по собственнымъ словамъ, призывала его величайшая необходимость (*summa necessitas*). Къ этому времени въ великомъ княжествѣ накопилось не мало важныхъ государственныхъ вопросовъ, при рѣшенїи которыхъ нельзя было обойтись безъ содѣйствїя князей, пановъ и шляхты великаго княжества. Поэтому къ концу апрѣля 1528 года въ Вильнѣ созванъ былъ великій вальный сеймъ ²⁴²). Этотъ сеймъ былъ самый продолжительный изъ всѣхъ, какіе собирались въ великомъ княжествѣ, ибо продолжался до конца 1528 г. и въ теченіе января и февраля 1529 года ²⁴³). Такая продолжительность сейма объясняется во-первыхъ тѣмъ, что господарь и паны-рада слишкомъ долго заняты были разбирательствомъ тяжбъ и взаимныхъ обвиненїй, порожденныхъ партійною враждою въ средѣ лив-

²³⁹) *J. Szujskiego Dzieje Polski*, tom II, str. 210, 211. Kraków 1862.

²⁴⁰) *Acta Tomiciana IX*, № 285, 286.

²⁴¹) Хроника *Вановскаю* (*Scriptores rerum polonicarum, tomus II*, p. 225); *Acta Tomiciana X*, № 72, 73.

²⁴²) Въ 1527 году король пытался собрать «вальный сеймъ» въ Берестѣ. Но этотъ сеймъ, по всѣмъ признакамъ, не состоялся по случаю мобилизаціи всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества для обороны государства отъ татаръ. *Archivum ks. Sanguszków III*, № CCCXXI.

²⁴³) *Koźalowicza Historiae Litvanæ pars II*, p. 386, 387, 389; *Акты Зап. Рос. II*, № 152, 161; *Литов. Метр. кн. Запис. XII*, л. 384, 386, 409, 417, 418, 513, 519, 520; *XIV*, л. 332; *XV*, л. 31; *Судныхъ дѣлъ XV*, л. 224.

товской аристократіи ²⁴⁴⁾, во-вторыхъ, болѣзнью государя, во время которой приостанавливались всѣ дѣла на сеймѣ ²⁴⁵⁾, и наконецъ, многочисленностью и важностью вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на сеймѣ.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ оборонѣ государства. Хотя перемиріе съ Москвою въ 1526 году продолжено было до 25 декабря 1532 года ²⁴⁶⁾, тѣмъ не менѣе при безпрестанно повторяющихся пограничныхъ столкновеніяхъ всегда возможно было ожидать возобновленія войны съ Москвою. Съ другой стороны татары и турки угрожали въ одинаковой мѣрѣ великому княжеству Литовскому, какъ и коронѣ Польской. Сигизмундъ задумалъ поэтому и въ великомъ княжествѣ, какъ и въ Польшѣ, поставить дѣло государственной обороны на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, на почвѣ опредѣленнаго и равномернаго обложенія военною повинностью землевладѣльцевъ государства. Государь съ панами-радою на совѣщаніи на сеймѣ 1 мая 1528 года постановили, что паны-рада, княжата, панята и вся шляхта должны «въ службѣ земской завжды поготову быти» и съ каждаго 8 служебъ людей выставлять въ поле «пахолка на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечъ або кордъ, сукня цвѣтная, павеза и остроги двѣ» ²⁴⁷⁾. Дѣйствіе этой ustawy предположено было на десять лѣтъ. Чтобы привести въ извѣст-

²⁴⁴⁾ Дворянинъ королевскій Янъ Шамбоцкій 20 іюня 1528 г. писалъ польскому подканцлеру Петру Томицкому: *Interim usque in diem hodiernam praeter innumeras querelas, calumnias, clamores et quidvis potius, quam judicia, effectum hic est nihil. audivi aliquoties regem ipsum ea se molestia affici queritantem. Summa rerum multorum et pene omnium iudicio penes Gastoldum. Conventus jam pridem semel atque iterum Lithuanis indictus nondum initium cepit, ajunt proximo die Lunae inchoandum, ad quem quidem conventum satis frequens multitudo provincialium huc confluit teritque tempus non sine molestia...* (Acta Tomiciana X, № 292). 30 іюля Шамбоцкій писалъ ему же: *Occultis inimicitiiis, simultatibus, technis et calumniis plena sunt omnia. Contra Gastoldum omnes fere vociferantur... Illud certum est, eundem Gastoldum velut rupem Marpesiam hactenus firmum et fixum in sua dignitate subsistere* (Ibidem, № 361).

²⁴⁵⁾ 20 декабря Шамбоцкій писалъ Томицкому о болѣзни короля: *Durabat malum illud continuum paene mensem. Interea omnes actiones intermissae erant et tam miserabilis rerum facies, ut interregnum esse quispiam suspicaretur* (Acta Tomiciana X, № 471).

²⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 143—145.

²⁴⁷⁾ Акты Зап. Россіи II, №, 152.

ность, кто какъ долженъ служить, а равно въ цѣляхъ правильнаго поступленія денежныхъ «податковъ», устанавливаемыхъ на сеймахъ, господарь съ панами-радою «и со всеми подданными вснхъ паньствъ великаго князства Литовскаго» умыслили и установили произвести во всемъ государствѣ «попись» земскихъ имѣній. Для этого въ каждомъ повѣтѣ державца долженъ былъ выбрать двухъ землянъ, «годныхъ вѣры», которые должны были вмѣстѣ съ дьякомъ объѣхать всѣ имѣнья, переписать владѣльцевъ ихъ и отобрать у нихъ подъ присягою свѣдѣнія относительно количества людей въ ихъ имѣньяхъ, ихъ воловыхъ и конскихъ сохъ и вообще относительно «маемости» каждаго человѣка. Державцы вмѣстѣ съ выбранными землянами и дьяками должны были представить реестры «попису» воеводѣ или главному старостѣ (въ Жмудской, напр., землѣ) и принести присягу въ томъ, что производили опись справедливо и никого и ничего не утаили. Для переписи господарскихъ людей, которые подлежали обложенію серебщиною и отчасти военной повинности (слуги путные, бояре посѣдные въ Жмудской землѣ) разосланы были особые переписчики изъ центра ²⁴⁸).

Къ концу 1528 года «попись» былъ оконченъ, и принесены были къ господарю реестры съ обозначеніемъ, кто какъ долженъ служить ²⁴⁹). Господарь съ панами-радою великаго князства 21 января 1529 года подтвердили окончательно и разъяснили такимъ образомъ новую уставу объ «оборонѣ земской»: съ каждаго 8 служебъ долженъ выставляться ратникъ «конно и збройно, водлѣ уставы и ухвалы земское»; у кого имѣется только 8 служебъ, тотъ обязанъ выѣзжать только лично (женщина - землевладѣлица выставляетъ пахолка добраго); у кого имѣется менѣе восьми служебъ или даже совсѣмъ нѣтъ людей, тотъ обязанъ выѣзжать на войну «не водлѣ уставы, але водле можности своее»; въ счетъ служебъ за-одно съ тяглыми людьми должны идти слуги путные, данники и службы волочныя Подляшскія; исключались мѣщане, бояре, огородники князей, пановъ и шляхты; но мѣщане Подляшскіе, сидѣвшіе на волокахъ, должны были идти въ счетъ за-одно съ крестьянами; за неавку на военную службу и за неисправность постановлено было отбирать имѣнья на господаря цѣликомъ или частью ²⁵⁰). Такъ рѣшенъ былъ въ великомъ князствѣ Литовскомъ вопросъ объ оборонѣ, поста-

²⁴⁸) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 44.

²⁴⁹) Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I.

²⁵⁰) Акты Зап. Рос. II, № 161; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI в.), № 198.

вленный на очередь по примѣру союзнаго съ нимъ государства. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, вопросъ былъ только поставленъ, но не рѣшенъ, и хотя таксація имѣній была произведена, но никакого новаго «способа» обороны на основаніи этой таксаціи не было установлено. Благія намѣренія короля разбились о сопротивленіе шляхты, которая требовала всего отъ государства, но всячески уклонялась отъ жертвъ на благо государства ²⁵¹⁾).

«Попись» земскихъ и господарскихъ имѣній, производившійся въ 1528 г., долженъ былъ служить основаніемъ не только для обложенія военною повинностью, но и для раскладки «податка», который былъ установленъ на этомъ сеймѣ для расплаты съ «служебными» и выкупа замковъ и дворовъ господарскихъ. Сигизмундъ съ большими усиліями добился отъ становъ сейма «ухвалы» новой серебряины въ концѣ іюля 1528 года ²⁵²⁾. На сеймѣ обнаружилось сильное неудовольствіе противъ тѣхъ магнатовъ, которые воспользовались затруднительнымъ положеніемъ скарба для собственной наживы и, ссужая правительство деньгами подъ заставу господарскихъ имѣній, выхлопотали вмѣстѣ съ тѣмъ право держать эти имѣнья «до живота». Нѣкоторые изъ этихъ государственныхъ кредиторовъ усовѣстились и поспѣшили отступить отъ своего права, несмотря на то, что оно гарантировано было въ заставныхъ привилеяхъ; но другіе ни за что не хотѣли отказаться отъ своего. Въ виду этого паны радные, у которыхъ не было подобныхъ привилеевъ, вмѣстѣ съ прочею шляхтою не хотѣли давать серебряину на выкупъ господарскихъ имѣній, если государь не согласится исполнить слѣдующихъ условій: во-первыхъ, кассировать всѣ заставные привилеи, предоставляющіе кредиторамъ право держать господарскія имѣнья «до живота» и даже «до дву животовъ», т. е. пожизненно для себя и для одного изъ наслѣдниковъ; во-вторыхъ, не отдавать въ держанье «врядомъ» выкупленныхъ имѣній тѣмъ самымъ лицамъ, у кого эти имѣнья находились «въ заставѣ», а отдавать ихъ другимъ заслуженнымъ людямъ; въ-третьихъ, взыскивать въ пользу скарба на расплату съ служебными все, что кредиторы собрали съ заставныхъ имѣній не

²⁵¹⁾ *M. Bobrzyńskiego Dzieje Polski w zarysie, tom II, str. 59. Kraków 1890.*

²⁵²⁾ Упомянувшійся выше Шамбоцкій 30 іюля 1528 г. писалъ Томицкому: *In conventu, qui tot dies actus est, magna demum contentione id perfectum est, pro quo omnes fere conventus agi solent, videlicet contributio, que Serepczina dicitur decreta. Hodie pronuntiari debent conventus decreta, ita heri regiam Mtem narrantem audivi (Acta Tomiciana X, № 261).*

по уставѣ и не по условіямъ заставы, и наконецъ, конфисковать отчинныя, пожалованныя или купленные имѣнія у тѣхъ, кто къ своимъ имѣніямъ прихватывалъ земли больше, чѣмъ слѣдовало, расширяя ихъ границы на счетъ господарскихъ земель. Станы сейма упорно стояли на этихъ требованіяхъ. Сигизмундъ, принимая во вниманіе, что онъ не можетъ наложить серебщину вопреки ихъ волѣ и правамъ, даннымъ имъ самимъ и его предками (*non subditos ultra privilegia per nos et praedecessores nostros eis concessa ad aliquas contributiones invitos compellere*), не можетъ и обойтись безъ этой серебщины, и находя требованія становъ сейма резонными и клонящимися къ пользѣ государства, изъявилъ свое согласіе на поставленные условія. По совѣту и соизволенію многихъ пановъ радныхъ (*de unanimi consensu et voluntate plurimorum consiliariorum*) 1 августа 1528 г. онъ выдалъ грамоту, въ коей обязывался предъ станами сейма (*ducibus, nobilibus totique communitati*) выполнять всѣ эти условія (*cautelae et conditiones superius expressas in omnibus punctis clausulis*), въ свою очередь обязывая и станы сейма собрать сумму, необходимую для выкупа господарскихъ имѣній²⁵³). Этотъ *договоръ*, заключенный литовско-русскимъ государемъ съ своими подданными, какъ нельзя лучше подтверждаетъ наши соображенія о томъ значеніи, которое имѣлъ общеземскій привилей 1447 г. въ исторіи государственнаго развитія великаго княжества Литовскаго, и въ частности въ исторіи изучаемаго учрежденія. Этотъ привилей, поставивъ литовско-русскаго государя въ зависимость отъ добровольныхъ субсидій князей, пановъ и шляхты, обезпечилъ послѣднимъ возможность самаго дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи, во внутренней и внѣшней политикѣ, и приобрѣтенія широкіихъ политическихъ правъ.

Станы сейма опредѣлили собирать серебщину въ размѣрѣ 11 грошей и 2 $\frac{1}{2}$ пенязей со службы, или полторы копы съ 8 службъ, представляющихъ одного коннаго ратника на военную службу. При этомъ обложенію подлежали только тѣ службы, которыя шли въ счетъ при обложеніи военною повинностью. Шляхтичи, не имѣвшіе людей, ничего не платили, ибо вообще съ барской запашки («съ домовыхъ сохъ») не взималось никакихъ налоговъ²⁵⁴). Землевладѣльцы должны были собрать деньги и представить въ скарбъ не позднѣе двухъ недѣль «по Велицѣ дни», о чемъ рѣшено было немедленно же объявить по всей

²⁵³) *Hr. Brocl-Plater, Zbiór pamieŋników do dziejów polskich, tom I, str. 144—149. Warszawa 1858.*

²⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 96, 97.

землѣ и разослать листы по повѣтамъ и хоружимъ.—Кромѣ того, господарь, паны и вся земля «зволили» «не въ обычай серебщизнѣ а ни ордынщинѣ, але къ помочи посполитоѣ рѣчи земскоѣ» положить платъ на всѣ мѣста господарскія и на всѣхъ частновладѣльческихъ людей, живущихъ въ этихъ мѣстахъ. На каждое мѣсто наложена была опредѣленная сумма, которую оно обязано было внести въ скарбъ; раскладка же этой суммы между обывателями была уже дѣломъ мѣстскихъ властей. Всѣ жидаы, жившіе въ господарскихъ мѣстахъ,—Троцкіе, Городенскіе, Пинскіе, Берестейскіе, Кобринскіе, Клецкіе, Луцкіе, Владимірскіе и Новгородскіе, должны были всѣ вмѣстѣ внести въ скарбъ на Великъ день 1000 копъ грошей, разложивъ эти деньги «сами на себе, якъ вѣдаючи, водлѣ возможности кождого». Изъ всѣхъ этихъ денегъ 3¼ тысячи копъ должны были пойти въ уплату служебнымъ (другія 3¼ тысячи сеймъ просилъ короля выдать изъ скарба), а все остальное — на выкупъ заставленныхъ замковъ, мѣстъ и дворовъ господарскихъ ²⁵⁵). Для пополненія недостающей суммы паны — рада духовные и свѣтскіе «вси зволили и прирекли» дать платъ съ своихъ людей «повторнѣ» на будущую осень «о святомъ Мартинѣ»; тогда же обѣщались внести въ скарбъ «готовыми пѣнязми» за сукна, выданныя служебнымъ людямъ. Двадцать перваго января 1529 года эта «ухвала» получила окончательную санкцію господара, какъ и военная устава ²⁵⁶).

Воздѣйствіе Польши на государственную жизнь великаго княжества Литовскаго проявилось въ рассматриваемое время не въ одной только постановкѣ вопроса объ организаціи государственной обороны. Какъ уже было сказано, литовскіе князья, паны и бояре по примѣру польской шляхты стали добиваться отъ своего государя кодификаціи, дополненія и исправленія дѣйствующихъ законовъ. Въ удовлетвореніе этой просьбы и составленъ былъ статутъ великаго княжества Литовскаго. Но князья, паны и бояре не были довольны его редакціею и не приняли его для нѣкоторыхъ «члонковъ», вслѣдствіе чего статутъ все еще не былъ введенъ въ дѣйствіе. На сеймѣ 1528 и 1529 года продолжалась работа надъ окончательною редакціею статута. Въ нашемъ распоряженіи есть нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить, почему станы

²⁵⁵) На великомъ Городенскомъ сеймѣ 1522 г. далеко не всѣ заставы «слущены» были королю. Кромѣ того, нѣкоторыя державы отданы были въ заставу и послѣ Городенскаго сейма, напр., дворъ *Ошмена* (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 85), *Радунь*, *Ожа* и *Переомъ* (Archivum Sanguszków III, № CCCLIII).

²⁵⁶) Акты Зап. Рос. II, № 161; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 198.

сейма не приняли первую редакцію статута, и чего они добивались. Изъ листа господарскаго отъ 30 августа 1530 г., адресованнаго къ земьянамъ Волковыйскаго повѣта, видно, что на этомъ сеймѣ господарь съ панами-радою «намыслили, ухвалили и установили», чтобы каждый державца въ своемъ повѣтѣ выбралъ двухъ земьянъ для постоянного присутствованія на судѣ его собственномъ и на судѣ его намѣстника ²⁵⁷⁾. Такое постановленіе сдѣлано было въ интересахъ шляхты для обезпеченія ей правосудія, и можно съ увѣренностью утверждать, что это постановленіе состоялось въ отвѣтъ на просьбу шляхты. Весьма вѣроятно, что были и другіе подобные же «члонки», внесенія которыхъ въ статутъ добивалась литовская шляхта, стремившаяся оградить себя отъ судебного неустройства и произвола магнатовъ ²⁵⁸⁾. Слишкомъ уже былъ удобенъ моментъ для расширенія правъ и вольностей шляхты, ибо отъ согласія этой шляхты зависѣло исполненіе завѣтнаго желанія, съ которымъ король обращался тогда къ станамъ сейма—вовведенія на великокняжескій престолъ малолѣтнаго королевича Сигизмунда-Августа. Какъ бы то ни было, на Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 г. была выработана окончательная редакція статута и принята станами сейма. Господарь послѣ того приказалъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что «новыя права» входятъ въ силу со дня св. Михаила, т. е. съ 29 сентября 1529 года, и когда наступило 29 сентября, вновь подтвердилъ свое распоряженіе ²⁵⁹⁾.

Господарь воспользовался сборомъ старостъ и державцевъ для того, что объявить имъ новую «уставу» относительно управленія господарскими дворами и волостями (прежняя была выдана въ 1514 г.) ²⁶⁰⁾. Устава предназначалась для обезпеченія интересовъ господарскаго скарба съ одной стороны и господарскихъ подданныхъ съ другой. Выдача ея,

²⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 23.

²⁵⁸⁾ Королевскій секретарь Шамбоцкій 20 декабря 1528 г. писалъ польскому подканцлеру Томщскому: *De neglectu justitiae etiam lamentantur multi, at hoc ipsum negligi justitiam multis profuit. Itaque, ut ubique terrarum, sic hic in Lithuania divites regnant, pauperes famo pereunt, mediocres mussant, judicant, majoribus se taciti invident—sic se res habent* (Acta Tomiciana X, № 471).

²⁵⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 165. Такимъ образомъ великое княжество Литовское въ данномъ случаѣ опередило Польшу. Въ Польшѣ новый статутъ также былъ составленъ, но единогласно отвергнутъ чинами Петровскаго сейма 13 декабря 1534. Archiwum Sanguszków V, № CCIV.

²⁶⁰⁾ М. Любавскаю Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. прилож. № 23.

очевидно, вызвана была предстоящимъ возвращеніемъ изъ-подъ «заставы» господарскихъ дворовъ и волостей, для выкупа которыхъ станы сейма ассигновали извѣстную сумму²⁶¹⁾. Очень можетъ быть, что и составилась эта устава при содѣйствіи самихъ державцевъ, для которыхъ она предназначалась. Заботясь о правильномъ и возможно большемъ поступленіи доходовъ скарба, Сигизмундъ рѣшилъ дать такую же уставу державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, подданные которой терпѣли «великое утисненье и обтяжливость» отъ старосты и тивуновъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ «велико собѣ стоскнули» и «зъ мѣстець своихъ прочь ся разошли и земли многіе опустили»²⁶²⁾. Эта устава также объявлена была на великомъ Виленскомъ соймѣ въ началѣ 1529 года.

На этомъ соймѣ князья, паны, бояре и земляне—вся шляхта Кіевская били челомъ господарю о подтвержденіи правъ и вольностей Кіевской земли и о выдачѣ имъ новаго привилея (старые привилеи—короля Казимира, Александра и самаго Сигизмунда—сгорѣли въ Берестѣ вмѣстѣ съ вещами писаря господарскаго пана Ивашка Горностаевича, у котораго они были «въ захованьи»). Король исполнилъ ихъ просьбу и выдалъ имъ новый привилей 1 сентября 1529 г.²⁶³⁾

На великомъ вальномъ соймѣ 1528—1529 г. подвергались обсужденію и рѣшенію не только дѣла внутренняго управленія, но и отчасти внѣшней политики. Магистръ Ливонскій прислалъ пословъ къ Сигизмунду съ просьбою, «абы чимъ налелей былъ впокой вчиненъ и границы бы были поправены стародавными». Господарь «зъ суполными радами его милости якъ духовными, такъ и свѣтцкими, паны хоругвенными, рыцерствомъ и шляхтою и со всеми земляны, подданными того великого князства Литовского», «согленувши въ стародавний звычай», котораго держались его предки по отношенію къ магистру Лифляндскому, «умысливши зъ паны радами и зъ волею рыцерства шляхты», «для поправленья границъ и утвержденья старозвычайного покою» послалъ въ условленное мѣсто пана Троцкаго, старосту Жмудскаго

²⁶¹⁾ Акты Зап. Рос. П, № 159.

²⁶²⁾ Тамъ же, № 160.

²⁶³⁾ Акты Зап. Рос. П, № 164. Въ книгѣ Судныхъ дѣлъ Литовской Метрики № IV, л. 267—270 привилей Кіевской земли датироваль 24 октября 1529 года. Вѣроятно, что привилей былъ изготовленъ къ 1 сентября и тогда же вписанъ въ книгу Метрики. Но выдача его состоялась на сеймѣ, который собрался къ 15 октября 1529 г., при чемъ онъ вторично былъ внесенъ въ книгу Метрики другимъ писаремъ.

Станислава Станиславовича, подчашаго пана Яна Миколаевича Радивиловича и подскарбія земскаго Богуша Боговитиновича. Въ этотъ моментъ, когда состоялась эта посылка, на сеймѣ, какъ гласить запись Литовской Метрики, находились всѣ паны-рада великаго княжества Литовскаго, князья, паны-рада земли Русской—Кіевляне, Смольняне, Полочане, Витбляне и Жмудь ²⁶⁴).

Въ настоящемъ случаѣ сказалась необычная предупредительность въ отношеніи рыцарства шляхты, ибо подобные вопросы разрѣшались обыкновенно господаремъ на совѣщаніяхъ съ панами-радою. Эта необычная предупредительность находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ это время господарь сильно нуждался въ содѣйствіи шляхты по осуществленію своего намѣренія — возвести еще при жизни своей на великое княженіе королевича Сигизмунда-Августа. Въ послѣдніе годы Сигизмундъ сталъ прихварывать и даже на этотъ разъ по приѣздѣ въ Литву болѣлъ сильнѣйшею горячкою, грозившею опасностью его жизни ²⁶⁵). Въ виду этого и въ виду уже довольно преклоннаго возраста своего король вознамѣрился обезпечить за сыномъ своимъ, по крайней мѣрѣ, отчивное свое государство и возвести его на великое княженіе Литовское. Судьба сына беспокоила его тѣмъ болѣе, что поляки не дали ему никакихъ обѣщаній относительно сына его на подобіе тѣхъ, какія дали ему литовцы на Виленскомъ сеймѣ 1522 года ²⁶⁶). Возведя сына на великое княженіе, Сигизмундъ рассчитывалъ, что и поляки посигѣшатъ избрать его королемъ, чтобы сохранить единеніе съ Литвою. Сигизмунда въ его намѣреніяхъ горячо поддерживала его супруга Бона, привыкшая къ власти, роскоши и почету и не желавшая со смертію мужа вернуться въ частную жизнь. Но въ данномъ случаѣ приходилось дѣйствовать исподволь, осторожно и секретно, чтобы безъ нужды не раздражать поляковъ и заставить ихъ считаться уже съ совершившимся фактомъ. Приходилось готовить литовцевъ къ совершенію акта въ частныхъ и тайныхъ совѣщаніяхъ. За всѣмъ этимъ должно было пройти не мало времени. Шляхтѣ, бывшей на сеймѣ, трудно было

²⁶⁴) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199; *Hr. Broel - Plater*, *Zbiór pamiećników* I, str. 150—154.

²⁶⁵) Хроника *Вановскаго* (*Scriptores rerum polonicarum*, tomus II, p. 225). По свидѣтельству Шамбоцкаго, король хворалъ чѣмъ-то въ родѣ ишиаса или остраго ревматизма: *Defluserat suae Mti nescio quid mali in dextram coxam, quod eam adeo cruciabat, ut innixa duobus rugatissima fronte vix se e lectulo movebat* (*Acta Tomiciana* X, № 471).

²⁶⁶) Акты Зап. Рос. II, № 144.

выносить продолжительное сеймованіе безъ перерыва, ибо на сеймѣ она должна была жить на собственномъ издивеніи, и поэтому естественно, что къ веснѣ 1529 года простые шляхтичи развѣхались съ сейма. Государь не препятствовалъ этому, ибо ему важно было добиться согласія собственно литовской знати, за которой слѣдовала рядовая шляхта.

Такимъ образомъ, великій вальный соймъ 1529 года на лѣто прервался. Но паны-рада и знатнѣйшіе землевладѣльцы (*proceres*) оставались въ Вильнѣ при королѣ, и съ ними государь велъ интимныя совѣщанія о задуманномъ торжествѣ, выдавалъ различные привилеи и разбиралъ текущія судебныя дѣла. Къ осени 1529 года Сигизмундъ увидаль, что уже достаточно подготовлена почва для открытаго и рѣшительнаго дѣйствія и разослалъ всѣмъ «станамъ» приглашеніе явиться на сеймъ въ половинѣ октября 1529 года ²⁶⁷⁾.

Когда сеймъ собрался, то въ публичныхъ общихъ собраніяхъ его стали обсуждаться и рѣшаться различныя текущія дѣла. Король съ панами-радою «вмыслили и положили» платъ на людей господарскихъ, княжескихъ и панскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ съ каждой службы людей по 2 гроша, т. е., съ коня по 16 грошей, «на выправенъе служебныхъ ку обороне» ²⁶⁸⁾. Обложенію не подлежали земляне-шляхта, которые не имѣли людей. Новый «платъ» должны были собрать хоружіе безвозмездно, по своей должности («съ ураду») ²⁶⁹⁾. Кромѣ того, «панове рады какъ духовныи и свѣтскии, такъ и вси земли подданыи его милости Великого князьства Литовского обецали и прырекли тыи города и дворы, и волости его милости, которые суть еще у заставе, с подданныхъ своихъ платъ положить и то его милости окупити». Тогда же король съ панами-радою «и со всими землями подданыи» установили ежегодный «съемъ судовый» въ Вильнѣ, «уступившы у постъ великий, у дву неделяхъ» ²⁷⁰⁾. Въ тайныхъ и частныхъ собраніяхъ тѣмъ временемъ рѣчь шла о предстоящемъ возведеніи Сигизмунда-Августа на великое княженіе. Всѣ станы сейма отнеслись къ этому съ сочувствіемъ,

²⁶⁷⁾ *Kojałowicza Historiae Litvanae* pars II, p. 386—389.

²⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 119—122; Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 525—530. 30 октября 1529 г., по записи Литовской Метрики, разосланы были дворяне съ листами, «што положенъ платъ на вся земли ку обороне земьской, с коня по шестнадцати грошей» (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 232).

²⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 330.

²⁷⁰⁾ Документы Московскаго Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 525—530.

и 18 октября состоялся этот торжественный актъ. При этомъ князья, паны и шляхта-рыцарство просили Сигизмунда выдать отъ себя и отъ сына новое подтвержденіе всѣхъ правъ и вольностей, которыми пользовалось все великое княженіе, отдѣльныя его земли и отдѣльныя лица. Сигизмундъ исполнилъ эту просьбу и выдалъ соотвѣтствующій эдиктъ, въ которомъ торжественно обязался сохранять въ неприкосновенности всѣ права великаго княжества какъ публичныя, такъ и частныя и объявлялъ, что и сынъ его дастъ подобное же обязательство, какъ только придетъ въ совершенный возрастъ ²⁷¹⁾.

§ 13.

Въ началѣ ноября 1529 года ²⁷²⁾ Сигизмундъ уѣхалъ въ Польшу на Петровскій сеймъ. Его расчеты на то, что возведеніе сына на великое княженіе Литовское заставитъ и поляковъ поторопиться его избраніемъ, оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Петровскій сеймъ объявилъ Сигизмунда-Августа королемъ Польскимъ ²⁷³⁾. По окончаніи сейма король прѣѣхалъ въ Краковъ, и здѣсь 20 февраля состоялась торжественная коронація Сигизмунда-Августа.

Внѣшнія и внутреннія дѣла Польши надолго задержали короля въ этомъ государствѣ. Приходилось съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за исходомъ борьбы за венгерское наслѣдство, въ которой принимали участіе турки, и которая могла затянуть въ себя и Польшу. Въ 1531 году подоспѣла война съ Волошскимъ воеводою Петрилою, которая затянулась и на 1532 годъ. Тѣмъ временемъ и татары продолжали тревожить своими набѣгами польскую Украину. Для устройства обороны королю приходилось попрежнему собирать сеймы и выпрашивать у нихъ субсидій, такъ какъ прочной и постоянной обороны государства,

²⁷¹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 124—126.

²⁷²⁾ 5 ноября король былъ еще въ Вильнѣ, но 10-го уже въ Городнѣ, 20—28 въ Мельникѣ. 10 декабря мы видимъ его уже въ Петровѣ. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 278—296; Запис. XV, л. 220; XVII, л. 30.

²⁷³⁾ Этотъ сеймъ по составу своему не былъ избирательнымъ, на который съѣзжалась шляхта *viritim*. Въ виду этого старый король 26 марта 1530 года далъ чинамъ королевства письменную гарантію въ томъ, что избраніе его сына не служить прецедентомъ на будущее время, что впредь, какъ бывало и прежде, короли будутъ избираться на избирательныхъ соймахъ, а не на обыкновенныхъ. Королева Бона съ своей стороны гарантировала чинамъ королевства, что сынъ ея, какъ только придетъ въ совершенный возрастъ, подтвердитъ присягою права и вольности королевства Польскаго (Archiwum ks. Sanguszków V, № CC, CCI).

составлявшей завѣтную мечту Сигизмунда, все еще не было установлено на сеймахъ. Нужно было, наконецъ, кончить такъ или иначе дѣло съ изданіемъ новаго кодекса, котораго требовала шляхта ²⁷⁴). Всѣ эти дѣла продержали короля въ Польшѣ до 11 іюня 1533 года, когда онъ счелъ возможнымъ отправиться въ великое княжество ²⁷⁵).

Во время своего отсутствія изъ Литвы король въ частныхъ случаяхъ поручалъ принятіе мѣръ по охраненію великаго княжества панамъ-радѣ. Но для рѣшенія главныхъ вопросовъ по охранѣ государства Сигизмундъ, какъ и прежде, созывалъ великій вальный сеймъ. Таковой собирался *въ Вильнѣ въ началѣ 1532 года.*

На этотъ сеймъ Сигизмундъ отправилъ съ своими предложеніями подскарбія земскаго Горностая ²⁷⁶). Упомянувъ о томъ, что Крымскій ханъ Сайдегъ-Гирей требуетъ тѣхъ же самыхъ «упоминковъ», которые платились его брату Махметъ-Гирею, король сообщалъ, что по этому поводу онъ имѣлъ совѣщанія съ панами-радою коронными, и они рѣшили не давать болѣе поминковъ Крымскому хану въ виду бесполезности этого средства для обороны государства и постановили взаимнѣ

²⁷⁴) Хроники *Вавовскаго* (Scriptores rerum polonicarum tomus II, p. 230—247) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzy polskich, tom XVII, str. 9—30); *J. Szujskiego Dzieje Polski*, tom II, str. 219—223.

²⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 335; Scriptores rerum polonicarum II, p. 247.

²⁷⁶) Г. Довнаръ-Запольскій, напечатавшій «посольство» Горностая въ I томѣ Документовъ Архива Министерства Юстиціи, отнесъ его къ 1528 году (стр. 525, прил. I). Основаніемъ для него послужило указаніе, находящееся въ текстѣ «посольства», на то, что перемирію съ Московскимъ царемъ «отъ Божьего нароченья, што минуло, остаточный годъ выходить». Но этимъ остаточнымъ годомъ не могъ быть 1528 годъ, такъ какъ первое первое перемиріе съ Москвою истекло уже 25 декабря 1527 года (Акты Зап. Рос. II, № 120; *Н. Горбачевскаго* Археографическій Календарь, стр. VII). Другія указанія, находящіяся въ текстѣ разсматриваемаго документа, заставляють здѣсь видѣть «остаточный» годъ второго перемирія, заключеннаго до 25 дек. 1532 (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 143—145; Акты Зап. Рос. II, № 172), а самый документъ приурочить къ концу 1531 г. Въ немъ говорится о коронаціи Сигизмунда, какъ уже о фактѣ прошломъ, и притомъ имѣвшемъ мѣсто въ «минуломъ» году, а эта коронація, какъ извѣстно, состоялась 20 февраля 1530 г.; говорится далѣе о войнѣ съ Волошскимъ воеводою, которая началась въ 1531 г. (въ 1528 г. не дѣлалось никакихъ приготовленій къ Волошской войнѣ, ибо незадолго передъ тѣмъ Петрило возобновилъ союзный договоръ съ Польшею) и т. д. И въ самой книгѣ Литовской Метрики это «посольство» записано среди документовъ 1531 года.

того держать на украинѣ служебныхъ «а къ тому прилеглимъ землямъ къ тымъ служебнымъ конно и збройно ку помочы поготову быти». Такъ какъ вслѣдствіе этого надо опасаться, что Перекопскій царь, «доводячы собе тыхъ впоминокъ», вторгнется съ большимъ войскомъ въ великое княжество и можетъ надѣлать тамъ большіе убытки и разоренія, то король предлагалъ панамъ-радѣ и всѣмъ поданнымъ, которые будутъ на сеймѣ, принять такое же рѣшеніе, какое приняли поляки. При этомъ Сигизмундъ счелъ своимъ долгомъ предупредить станы, чтобы они не рассчитывали на помощь изъ господарскаго скарба: всѣмъ имъ вѣдомо, что господарь для земскихъ потребъ не только не щадилъ наличныхъ средствъ скарба, но и позаставлялъ свои города, дворы, мыта и волости, которые вернулись къ его рукамъ «вельми скажены и субожены», а иные и совсѣмъ еще не вернулись, такъ что надолго ему не будетъ съ нихъ прежнихъ «пожитковъ». При этомъ господарь напоминалъ объ обѣщаніи, данномъ на прошломъ сеймѣ касательно выкупа заставленныхъ господарскихъ имѣній и просилъ станы сейма, чтобы они согласно своему обѣщанію соблаговолили «на подданныхъ своихъ тую суму пенязей на томъ то сойме встановити и разложить» и выкупить эти города, дворы и волости. Затѣмъ господарь указывалъ на то, что онъ потратилъ массу денегъ изъ скарба на поправленіе Кіевскаго замка, разорилъ совсѣмъ свои Поднѣпрскія волости ежегодными посылками на работы этого замка и все-таки не могъ привести его въ надлежащее оборонительное состояніе. Такъ какъ въ старину этотъ замокъ въ виду его особой важности исправлялся всѣми поданными великаго княжества Литовскаго, то господарь предлагалъ и на этотъ разъ обсудить и рѣшить, какъ и на какія средства достроить этотъ замокъ Кіевъ, чтобы можно было быть спокойными на случай непріятельскаго нападенія. Въ связи съ этимъ король предлагалъ панамъ-радѣ объявить князьямъ, панамъ и землянамъ Кіевской земли, чтобы они безъ замедленія пріѣзжали къ воеводѣ на замокъ «часу прыгоды» и занимали свои мѣста. Державцамъ замковъ Рошскаго, Мстиславскаго и Кричевскаго господарь предлагалъ приказать, чтобы они поправляли замки тамошними людьми и на деньги, которыя отпущены имъ изъ скарба, позаботились о снабженіи ихъ провіантомъ «и тамъ мешкали въ добромъ осмотреніи и осторожи». Въ заключеніе господарь предлагалъ объявить собравшейся на сеймъ шляхтѣ всѣхъ земель и грозно приказать, подъ страхомъ конфискаціи имѣнья, чтобы каждый изъ нихъ снарядился къ войнѣ «конно и збройно» съ тѣмъ, чтобы немедленно отправиться на назначенное мѣсто, какъ только разосланы будутъ господарскіе военные листы. Въ цѣляхъ безопасности государства король

предлагалъ панамъ-радѣ грозно приказать урядникамъ пограничныхъ съ Пруссіею и Ливоніею имѣній, чтобы они не занимали земель и водъ и не чинили никакихъ «зачепокъ» сосѣдямъ. Такъ какъ купцамъ Виленскимъ и Полоцкимъ стали въ послѣднее время чиниться въ Ригѣ притѣсненія и «новины», то король предлагалъ въ качествѣ временной мѣры «загамовати» дорогу изъ Полоцка и Вильны до Риги, другими словами — прервать непосредственныя торговыя сношенія съ Ригею, пока купцамъ великаго княжества не дано будетъ удовлетворенія.

Король желалъ далѣе, чтобы паны-рада на сеймѣ «мыслили и радѣли» о томъ, посылать ли пословъ къ великому князю Московскому для заключенія новаго перемирья, ибо заключенное ранѣе кончается черезъ годъ, и если посылать, то на какихъ условіяхъ мириться, и кого отправить послами. На необходимость рѣшать всѣ эти дѣла указывали господарю сами паны-рада, собиравшіеся предъ этимъ на сеймѣ въ Меречи, для чего приглашали господаря пріѣхать хотя бы въ Берестье. Въ настоящемъ случаѣ, предлагая панамъ-радѣ заняться обсужденіемъ этихъ вопросовъ, господарь объявлялъ имъ, что онъ не можетъ исполнить ихъ просьбу и лично явиться въ великое княжество, такъ какъ на этотъ разъ «справы великии того паньства коруны Полское его милости упередили», именно—война съ Волошскимъ воеводою.

Дальнѣйшія предложенія короля касались нѣкоторыхъ вопросовъ внутренняго управленія. Сигизмундъ предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ измѣнить состоявшееся ранѣе постановленіе относительно судового сейма,—вмѣсто одного установить два судовыхъ сейма ежегодно: первый на Рождество Христово, такъ какъ въ это время бываетъ хорошая зимняя дорога, и всѣ подданные съ замковъ украинскихъ: съ Полоцка, и съ Витебска, съ Кіева, Жмуди и Волыни могутъ къ тому времени прибыть на этотъ сеймъ и привести съ собою съѣстные припасы, а побывъ на сеймѣ вернуться до домовъ своихъ по хорошей дорогѣ; а второй—на седьмую субботу, въ виду того, что въ то время бываютъ вѣсти о вторженіи людей непріятельскихъ, и паны-рада могутъ лично объявить собравшейся на сеймѣ шляхтѣ, чтобы готовились идти на войну, и такимъ образомъ избѣгать лишней проволоочки. Король предлагалъ панамъ-радѣ въ томъ случаѣ, если они рѣшаютъ вопросъ о судовыхъ сеймахъ въ смыслѣ его предложеній, объявить о своемъ рѣшеніи собравшейся шляхтѣ. Далѣе король обращалъ вниманіе пановъ-рады на неисправное поступленіе «плата», установленнаго на прошломъ сеймѣ въ размѣрѣ 2 грошей со службы, такъ что воевода Виленскій на собранныя деньги могъ выправить на Украину только 200 коней. Король предлагалъ панамъ-радѣ призвать къ себѣ бирчихъ и довѣ-

даться отъ нихъ, кто не заплатилъ, а затѣмъ доправить «моцно» намиѣньныхъ таковыхъ неисправныхъ плательщиковъ²⁷⁷⁾.

Вслѣдъ за Горностаемъ король, по желанію коронныхъ сенаторовъ, отправилъ въ Литву пана Холмскаго просить литовцевъ, чтобы они оказали помощь Польшѣ противъ Волошскаго воеводы и прислали уполномоченныхъ для установленія «обороны зуполное коруны Полской и великому князству».

Всѣ эти предложенія и были предметомъ совѣщаній пановъ-рады и отчасти другихъ становъ, собравшихся на сеймъ 1532 года. Какія рѣшенія были приняты на этомъ сеймѣ, и что отвѣчала королю литовская рада, объ этомъ мы узнаемъ изъ отвѣтовъ короля, данныхъ на письмо пановъ-рады и на рѣчи, которыя говорили отъ имени литовской рады послы—кн. Миколай, бискупъ Жомойтскій, и панъ Иванъ Сошга, воевода Подляскій²⁷⁸⁾.

По вопросу объ оборонѣ отъ татаръ литовцы уполномочили своихъ пословъ войти въ соглашеніе съ поляками. По поводу другихъ предложеній короля, касающихся обороны границъ, паны рада отвѣчали, что они во всѣхъ этихъ дѣлахъ «силность и печу великую мають», но не могутъ «тымъ справамъ досыть вчинити», такъ какъ многіе урядники ихъ не слушаютъ, и прежде всего подскарбій земскій, который не выдаетъ денегъ на земскія потребности, вслѣдствіе чего украин-

²⁷⁷⁾ Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 525—530.

²⁷⁸⁾ Г. Довнаръ-Запольскій отнесъ прибытіе этихъ пословъ и «отказъ» отъ короля сначала къ 1537 году (Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569 г., стр. 7). Но если бы этотъ «отказъ» данъ былъ дѣйствительно въ 1537 году, въ немъ не могло бы находиться никакой фразы; «што ся дотычетъ речи з Московскимъ, с которымъ вже перемирье выходитъ». Въ 1537 году перемирье не выходило, а вновь устанавливалось на пять лѣтъ послѣ военныхъ дѣйствій. Точно такъ же невѣрна и другая дата (1529 г.), установленная г. Довнаръ-Запольскимъ для того же «отказа» позже, въ «Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.)», гдѣ напечатанъ и самый документъ (№ 199). Сигизмундъ почти весь 1529 г. пробылъ въ великомъ княжествѣ (въ Польшу попалъ въ началѣ декабря), и панавъ-радѣ не зачѣмъ было переговариваться съ нимъ черезъ пословъ. Второй датѣ г. Довнаръ-Запольскаго противорѣчитъ и содержаніе документа, изъ котораго явствуетъ, что паны-рада звали господаря въ великое княжество. Такой призывъ едва ли могъ быть посланъ вслѣдъ за уѣзавшимъ господаремъ. Вообще все содержаніе документа связываетъ его хронологически съ «посольствомъ Горносталя», относящимся къ 1531 г., и притомъ такъ, что «отказъ» могъ быть данъ только послѣ, а не до этого «посольства». Наконецъ, и волошская война, о которой говорится въ «отказѣ», началась только въ 1531 г.

ные замки очень опали и не снабжены никакими запасами. Что касается предложенія короля достраивать Кіевъ силами и средствами всѣхъ землевладѣльцевъ государства, то паны-рада совѣмъ уклонились отъ отвѣта, видимо считая постройку Кіева обязанностью господаря. На приказаніе короля не чинить никакихъ «зачепокъ» Прусскимъ и Ливонскимъ нѣмцамъ, паны-рада отвѣчали заявленіемъ, что съ земель нѣмецкихъ, съ Ливоніи и Пруссіи, «кривды ся великие деють в забраньи земель и въ инших речахъ», и просьбою, чтобы король выслалъ поскорѣе на границы комиссаровъ, которыхъ выбрали паны-рада. Къ этому паны-рада присоединили просьбу, чтобы таковые же комиссары высланы были и для исправленья границъ съ короною Польскою, причѣмъ съ польской стороны должны быть назначены для этого паны радные, у которыхъ по этимъ границамъ нѣтъ ни староствъ, ни имѣній. Такъ какъ приказъ короля о томъ, чтобы со стороны великаго княжества не чинилось никакихъ «зачепокъ» нѣмцамъ, адресованъ былъ ко всѣмъ станамъ сейма, то мы въ правѣ предположить, что и паны-рада въ настоящемъ случаѣ передавали общія заявленія и желанія землевладѣльцевъ великаго княжества, выраженные на сеймѣ, ближайшимъ образомъ тѣхъ, у кого были имѣнья на границахъ съ Ливонією, Пруссією и Польшею. Такимъ же общимъ заявленіемъ со стороны становъ сейма является, очевидно, и представленіе, которое дѣлали королю паны-рада по поводу того, что въ данное время землевладѣльцы не могутъ выѣзжать на войну съ тѣмъ «почтомъ», который установленъ за ними на основаніи произведеннаго пописа ихъ имѣній, такъ какъ «мало не половицу того почту отмерло». Это заявленіе сдѣлано было, очевидно, по поводу предложенія короля, чтобъ всѣ готовились къ отправкѣ на войну по первому приказу короля. Кромѣ того, княжата, паната и все рыцарство, по сообщенію пановъ-рады, жаловались на сеймѣ, что «много речей повстало» вопреки тѣмъ вольностямъ, которыя король далъ имъ во время «поднесенія» на великое княженіе его сына.

Паны-рада совѣщались на сеймѣ и о московскомъ дѣлѣ. Въ то время отъ украинскихъ урядниковъ получены были вѣсти, что въ землѣ Московскаго государя «великій замятокъ ся сталъ», у великаго князя произошелъ «розтыркъ» съ братьями, изъ которыхъ одинъ, Андрей, захватилъ Бѣлоозеро съ великокняжескою казною, а другой, Юрій, взялъ Рязань и другіе украинные города и поднялъ на старшаго брата татаръ. Вслѣдствіе этихъ вѣстей паны-рада не могли согласиться между собою, заключать ли миръ или перемирье съ Москвою или же начинать войну. Они отправили въ Москву дворянина Бокея для провѣрки на мѣстѣ полученныхъ извѣстій, а господаря просили поторо-

питься прїѣздомъ въ великое княжество для рѣшенія этого важнаго вопроса. На просьбу поляковъ о помощи противъ воеводы Волошскаго паны-рада отвѣчали, что они «около того намовляли зъ землю, то есть, рыцерствомъ великаго князства», но оно «произволить на то» не хотѣло, принимая во вниманіе «записы стародавныи покою звечыстого и прысаги между великимъ княжествомъ а воеводствомъ Волошскимъ».

Изъ всего этого видно, что совѣщанія, происходившія на сеймѣ въ началѣ 1532 г., не были богаты положительными результатами въ смыслѣ желаній короля. Единственнымъ результатомъ была посылка уполномоченныхъ для соглашенія съ поляками касательно совмѣстной обороны отъ татаръ. Мы не знаемъ къ какимъ результатамъ привели эти переговоры; повидимому, ни къ какимъ ²⁷⁹⁾.

Итакъ, королю не удалось получить отъ литовцевъ, чего онъ желалъ, а наоборотъ—пришлось самому исполнять разныя ихъ просьбы и давать разныя обѣщанія. Такимъ образомъ, король долженъ былъ приказать подскарбію земскому снабдить припасами замокъ Кіевскій и служебнымъ тамошнимъ за службы заплатить изъ скарба земскаго. Для ремонта замка Орши король также долженъ былъ дать деньги изъ скарба и послать людей Любошанской волости, а для снабженія провіантомъ замковъ Полоцкаго и Витебскаго приказать нѣкоторымъ державцамъ отослать туда жита по нѣскольку бочекъ. Относительно поправленія границъ съ Ливонією и Пруссією король предложилъ панамъ-радѣ снестись предварительно съ обоими магистрами и установить по взаимному соглашенію мѣсто и время для съѣзда комиссаровъ съ той и другой стороны, которые и должны будутъ исправить границы и учинить «розсудокъ» обо всѣхъ «кривдахъ» тамошнимъ поданнымъ. Точно такъ же король предлагалъ панамъ-радѣ выбрать комиссаровъ и на польскую границу, обѣщая сдѣлать то же самое со стороны Польши съ коронными панами-радою. Выразивъ недоумѣніе по поводу жалобъ становъ литовскаго сейма на то, что будто бы нарушаются ихъ права и вольности, король тѣмъ не менѣе обѣщаль по прїѣздѣ своемъ въ великое княжество «ширей о томъ мовити» какъ съ панами-радою, такъ и со всѣмъ рыцарствомъ великаго князства

²⁷⁹⁾ Г. Довнаръ-Запольскій въ своей статьѣ «Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1589 года» (стр. 6) сообщаетъ, что литовскіе уполномоченные 26 марта 1532 года заключили формальный договоръ о совмѣстной оборонѣ отъ татаръ, ссылаясь на запись, помѣщенную на 14 и 15 лл. IV книги Коронной Метрики Архива Мин. Иностр. дѣлъ. Но помѣщенная тамъ запись излагаетъ не договоръ, а кондіціи, предложенныя литовскими уполномоченными 26 марта 1512, а не 1532 года.

Литовскаго. Въ одной только просьбѣ король далъ литовцамъ категорическій отказъ, именно, не согласился уменьшить размѣръ «почтовъ», съ которыми литовскіе землевладѣльцы должны являться на войну. Король мотивировалъ свой отказъ тѣмъ соображеніемъ, что землевладѣльцу, у котораго умеръ подданный, достается «домъ и вси статки его и земля и вси пожитки»: «и онъ, того вживаючи, про которую бы причину не мѣя сполна того почту водле попису и ухвалы земское ку службе становити».

На просьбу пановъ-рады пріѣхать въ великое княжество для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ съ Московскимъ государемъ или, по крайней мѣрѣ, дать имъ инструкцію относительно этого дѣла король отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, онъ никоимъ образомъ не можетъ въ данное время прибыть въ великое княжество: воевода Волошскій безъ всякой причины началъ съ нимъ войну и уже занялъ не малый край государства Польскаго; не перевѣдавшись съ этимъ непріателемъ, ему нельзя уѣхать изъ Польши и «опустить» свое дѣло, которое потомъ трудно будетъ и поправить. Указавъ на неподготовленность великаго княжества Литовскаго къ войнѣ и на оборонительный союзъ, который Московскій государь, по слухамъ, заключилъ съ магистромъ Ливонскимъ, король посовѣтовалъ панамъ-радѣ отправить въ Москву великихъ пословъ для заключенія перемирія года на три-на четыре, чтобы тѣмъ временемъ можно было надлежащимъ образомъ приготовиться къ войнѣ. Король совѣтовалъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе выяснилось положеніе дѣла съ Москвою ²⁸⁰⁾.

Литовская рада поступила согласно совѣту короля и немедленно отправила въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ. Имъ удалось только продолжить перемиріе до 25 декабря 1533 года ²⁸¹⁾. Но и это въ положеніи Сигизмунда было великимъ благомъ, потому что дало ему возможность на время развязаться съ волошскою войною, и подготовиться къ войнѣ съ Москвою.

§ 14.

Въ концѣ іюня 1533 года король пріѣхалъ въ великое княжество ²⁸²⁾. Его встрѣтило съ великою радостью множество собравшейся

²⁸⁰⁾ *М. В. Довнар-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 199.

²⁸¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 172.

²⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 385, 386, 390.

литовской знати. Послѣдовало совѣщаніе короля съ панами-радою, находившимися въ полномъ составѣ (*frequenti senatu*, какъ выражается Ваповскій). Рѣшили отправить въ Москву новыхъ пословъ для заключенія мира на условіи возвращенія Смоленска и другихъ, оторванныхъ отъ Литвы областей. Но Москва не имѣла обыкновенія выпускать легко то, что разъ уже попало въ ея руки, и послы скоро вернулись изъ Москвы ни съ чѣмъ ²⁸³).

Въ концѣ 1533 г. паны-рада еще разъ попытались возобновить съ Москвою переговоры о мирѣ. Въ началѣ ноября они отправили къ боярамъ московскимъ кн. Димитрію Ѳедоровичу Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу Захаряину посланника Клиновскаго съ просьбою уговорить великаго князя отправить къ королю пословъ для заключенія вѣчнаго мира или новаго перемирія или же прислать опасную грамоту для великихъ пословъ литовскихъ. Клиновскій уже не засталъ Василія въ живыхъ. Хотя новое правительство московское и выразило желаніе установить между обоими государствами такія же отношенія, какія существовали при в. князѣ Иванѣ Васильевичѣ и королѣ Казимирѣ, но въ Литвѣ настроеніе уже измѣнилось не въ пользу мира ²⁸⁴). Обстоятельства въ Московскомъ государствѣ сложились такимъ образомъ, что побуждали литовцевъ къ началю войны. Новый великій князь былъ ребенокъ; при дворѣ происходили смуты и несогласія между боярами; готовилась удѣльная усобица со стороны дядей малолѣтняго великаго князя. Литвѣ представлялся удобный случай вернуть назадъ все то, что Москва оторвала отъ великаго княжества. Внѣшнія обстоятельства сложились также благопріятно для великаго княжества. Война съ волохами прекратилась; охмистръ молодого короля Сигизмунда-Августа Опалинскій заключилъ перемиріе съ турками «до дву животовъ», т. е. до конца жизни Сигизмунда и его сына съ одной стороны, султана и его сына съ другой ²⁸⁵). Однако, государь не рѣшился взять на свою отвѣтственность возобновленіе войны, тѣмъ болѣе, что у него не было для нея и необходимыхъ средствъ, и потому для рѣшенія этого вопроса постановилъ съ панами-радою созвать великій соймъ.

Въ началѣ января 1534 года разосланы были «соймовые» листы, въ которыхъ государь приглашалъ пановъ радныхъ и всѣхъ урядниковъ, княжатъ, панятъ и рыцарство-шляхту всѣхъ земель великаго княжества на вальный сеймъ въ Вильну на масленое заговѣнье (15 фев-

²⁸³) Хроника *Ваповскаю* (*Scriptores rerum polonicarum* II, p. 247).

²⁸⁴) Акты Зап. Рос. II, № 175.

²⁸⁵) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VII, л. 91, 92.

раля). Приглашеніе мотивировано кратко: «бо маемъ некоторые дела наши и земьские пилные справовати». Шляхта не вся приглашалась на сеймъ, но хоружіе въ своихъ повѣтахъ должны были выбрать двухъ «добрыхъ» землянъ и съ ними пріѣхать на сеймъ; въ нѣкоторыхъ земляхъ, напр., въ Полоцкой, этотъ выборъ предписывалось сдѣлать воеводамъ. Воеводамъ и державцамъ украинныхъ замковъ предписывалось не пріѣзжать на сеймъ, но оставаться на своихъ замкахъ съ служебниками, пребывать «у доброй опатрности и в осторожы», урять все такъ, чтобы было «з нашимъ господарскимъ добромъ и земскимъ пожиточнымъ» ²²⁶).

На сеймѣ господарь съ панамп-радою рѣшили воевать съ Москвою, для чего мобилизовать земское ополченіе великаго княжества. Крайнимъ срокомъ для сбора войска назначена была седьмая суббота, приходившаяся въ тотъ годъ на 23 мая; мѣстомъ для сбора земскаго ополченія великаго княжества назначенъ былъ Минскъ. Въ половинѣ марта разосланы были о томъ листы по всему великому княжеству ²²⁷). Но такъ какъ въ предстоящей войнѣ нельзя было обойтись безъ наемныхъ войскъ, то господарь съ панами-радою и со всѣми подданными великаго княжества, находившимися на сеймѣ, положили «платъ» на всѣхъ подданныхъ господаря, королевы, духовенства, княжескихъ, панскихъ и землянскихъ. «Платъ» этотъ опредѣленъ былъ въ такомъ размѣрѣ: съ каждаго рабочаго вола или коня—6 грошей ²²⁸); кто имѣетъ землю, но не имѣетъ ни вола, ни коня, долженъ заплатить 6 грошей; огородники платятъ по три гроша; побору подлежать и люди, сидящіе «на воляхъ». Землевладѣльцы должны были сами собрать съ своихъ людей поборъ и вручить его особымъ бирчимъ, присланнымъ отъ господаря въ каждый повѣтъ, при чемъ принести присягу въ томъ, что поборъ выбрали правильно и ничего не утаили. Повѣтовые бирчіе должны были отдагъ собранныя суммы главнымъ бирчимъ — пану Александру Ивановичу Ходкевичу, старостѣ Берестейскому, державцѣ Вилькейскому, Остринскому и Кнышинскому, и секретарю Павлу Нарушевичу, державцѣ Жижеморскому, и въ свою очередь присягнуть, что взяли поборъ правильно и ничего не утаили. Съ тѣхъ, кто не отдастъ во время поборъ, опредѣлено было взыскивать его вдвойнѣ. Бирчимъ за труды положено было

²²⁶) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 96—99.

²²⁷) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 115.

²²⁸) Вариантъ: съ каждой сохи воловой по 12 грошей, а съ конской по 6 гр. (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201; Судн. VIII, л. 165—167).

вознагражденіе въ размѣрѣ одного гроша съ двухъ воловъ ²⁸⁹). Поборъ былъ ухваленъ на три года. На мѣста господарскія серебщина положена была общемо суммою ²⁹⁰).

Лѣтомъ 1534 года начались военныя дѣйствія между великимъ княжествомъ и Москвою. Въ войнѣ участвовало не только земское ополченіе великаго княжества, но и «пеняжные дворяне» и «служебные жолнеры», на вербованные за деньги въ Польшу ²⁹¹). Война въ общемъ пошла успѣшно для литовцевъ, которымъ удалось не только вытѣснить московскія войска, но и перенести войну въ предѣлы Московскаго государства, сжечь нѣсколько городовъ и разбить московскую рать подъ Стародубомъ ²⁹²). Но едва только литовскія войска послѣ того разошлись по домамъ, москвитяне опять вторглись въ Литву, сожгли Полоцкъ и Витебскъ, нѣсколько сель и безнаказанно удалились во свояси. Сигизмундъ почувствовалъ съ особенною силою необходимость увеличить количество наемнаго постоянного войска для обороны украинныхъ замковъ. Этого нельзя было достигнуть безъ увеличенія средствъ, ассигнованныхъ сеймомъ на веденіе войны. Но такъ какъ вновь собирать вальный сеймъ было несвоевременно, Сигизмундъ рѣшилъ извернуться такимъ образомъ: увеличить размѣръ второй серебщины и уменьшить размѣръ третьей — въ надеждѣ, что новый сеймъ дастъ средства для покрытія расходовъ, которые не покроетъ третья серебщина. 20 ноября 1534 года онъ разослалъ по всему великому княжеству листы съ приказаніемъ, чтобы землевладѣльцы вторую серебщину заплатили въ размѣрѣ 15 грошей съ воловой сохи и 7½ съ конской; кто не имѣетъ ни воловъ, ни коней, а одну только землю, платить также 7¼ гр.; кто не имѣетъ земли, но однихъ только рабочихъ воловъ, платить по 7½ гр. съ вола; съ огорода должно платить 3 гроша ²⁹³). Срокомъ отдачи новой серебщины король назначалъ 6 ян-

²⁸⁹) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 125, 126. Срав. хроники *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 247) и *Бѣльскаго* (Zbiór pisarzy polskich, tom XVII, str. 31).

²⁹⁰) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 164; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

²⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

²⁹²) Хроники *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 251); *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzy polskich, tom XVII, str. 34, 35); *Kojałowski* Historiae Litvanae pars II, p. 394, 395.

²⁹³) Изъ сопоставленія настоящаго универсала съ предшествующимъ можно вывести заключеніе, что воловая соха обладалась вдвое по сравненію съ конской потому, что въ нее впрягалась пара воловъ.

варя 1535 года. Каждый державца съ хоружимъ долженъ былъ объѣхать свой повѣтъ, переписать въ каждомъ имѣньѣ людей и количество ихъ сохъ и по этому реестру выбрать серебщину. Такимъ же порядкомъ они должны были собрать серебщину и съ господарскихъ людей. Эту серебщину вмѣстѣ съ реестрами они должны были привезти лично и вручить главнымъ бирчмъ, учинивъ присягу, что выбрали ее правильно и ничего не утаили. Въ повѣтахъ, составлявшихъ держанія воеводъ, перепись шляхетскихъ людей и сохъ и сборъ съ нихъ серебщины должны были произвести хоружіе съ земляниномъ, «вѣры годнымъ», а съ господарскихъ и собственныхъ людей воеводъ ихъ—урядники. Все это они должны сдѣлать даромъ, не взимая ни съ кого «жадного пенязя бирчого и пишого». Господарь обѣщаль на будущій годъ брать серебщину въ размѣрѣ только 10 грошей съ воловой сохи и такимъ недоборомъ погасить настоящій переборъ. Въ виду предстоящей необходимости при сборѣ серебщины принимать и польскую монету, которая приливалась разнообразными путями въ великое княжество, между прочимъ приносилась и польскими жолнерами, господарь счелъ нужнымъ опредѣлить точно отношенія между польскимъ и литовскимъ грошемъ. Онъ объявлялъ, что пять польскихъ грошей будутъ приниматься за четыре литовскихъ, такъ что въ копѣ литовской будетъ считаться 75 польскихъ грошей ²⁴⁴).

Чрезвычайное напряженіе финансовыхъ и военныхъ силъ великаго княжества и помощь, полученная отъ поляковъ, приславшихъ семь тысячъ войска подъ начальствомъ гетмана Яна Гарновскаго и каштеляна Калишскаго Андрея Горки, принесли свои плоды. Лѣтомъ 1535 г. литовцы взяли Гомель и Стародубъ, при чемъ въ послѣднемъ городѣ погибло около 13 т. человекъ москвитянъ и множество захвачено было въ плѣнъ ²⁴⁵). Тѣмъ не менѣе москвитяне не обнаруживали желанія прекратить войну, и ихъ войска съ другой стороны, съ сѣвера, наступали на великое княжество и воздвигали укрѣпленія на занимаемыхъ земляхъ, между прочимъ построили городокъ Себежъ при озерѣ того же имени и крѣпко засѣли въ этомъ городкѣ. Литовцы тщетно пытались выбить ихъ оттуда. 27 февраля 1536 года литовскія войска потерпѣли сильное поражение подъ Себежомъ и вернулись во свояси съ большимъ

²⁴⁴) Литов. Метр. кн. Суда. дѣлъ VIII, л. 157—258; 164—167; 172—173; 267—269.

²⁴⁵) Хроника *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 256) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzy polskich, tom XVII, str. 42, 43).

урономъ ²⁹⁶⁾. Войнѣ не предвидѣлось конца, и Сигизмундъ вскорѣ послѣ этого созвалъ вальный сеймъ въ Вильнѣ ²⁹⁷⁾.

Въ источникахъ мы находимъ только одно извѣстiе о дѣяніяхъ сейма 1536 года. На этомъ сеймѣ въ день св. Марка Евангелиста (25 апрѣля) молодой король Сигизмундъ-Августъ принесъ торжественно присягу въ соблюденіи правъ и вольностей великаго княжества ²⁹⁸⁾. Весьма возможно, что это сдѣлано было согласно просьбѣ становъ сейма, какъ бывало въ подобныхъ случаяхъ и ранѣе, и послѣ того. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ былъ побочнымъ, произошелъ кстати и не былъ причиною созыва сейма. Сеймъ, очевидно, созывался для рѣшенія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ текущею войною. Какъ разъ наканунѣ торжественной присяги Сигизмунда-Августа, 24 апрѣля, написанъ былъ универсалъ ко всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества, чтобы они ѣхали на службу «конно и збройно», имѣя въ полной исправности коней и вооруженіе, съ достаточнымъ количествомъ припасовъ, и становились на Друцкихъ поляхъ подъ команду гетмана наивысшаго ко дню св. Петра (29 іюня) ²⁹⁹⁾. Этотъ универсалъ, повидимому, былъ результатомъ тѣхъ совѣщаній относительно войны, которыя имѣли мѣсто на сеймѣ. По всѣмъ признакамъ, станы сейма не обнаружили уже того патріотическаго воодушевленія и готовности къ продолженію борьбы, какія проявили на сеймѣ 1534 года. Новой серебряины не было ухвалено на этомъ сеймѣ ³⁰⁰⁾. Поэтому правительству представился трудный вопросъ, — какъ отбиваться отъ нападений москвп-

²⁹⁶⁾ Соловьева Исторія Россіи кн. II, т. VI, стр. 15, 16.

²⁹⁷⁾ Сеймъ былъ въ сборѣ уже 4 апрѣля. Archiwum Sanguszków IV. № XXVI; Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. V, т. I, стр. 42.

²⁹⁸⁾ Хроника *Мартина Бельскаго* (Zbiór pisarzy polskich, tom XVII, str. 46.

²⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 258—260.

³⁰⁰⁾ Въ мартѣ 1537 г., по заявленію Сигизмунда, въ скарбѣ совершенно не было денегъ и не на что было нанять служебныхъ людей для обереганья пограничныхъ замковъ. Поэтому Сигизмундъ предлагалъ панамъ-радѣ посылать въ заставы повѣты, т. е. части земскаго ополченія, согласно старому обычаю (Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 82, 83). «На отъправу жолнеровъ» на замки украинные король въ 1536 году принужденъ былъ брать взаймы у Виленскихъ мѣщанъ на 2000 копъ грошей суконъ (Запис. XIX, л. 274). Война быстро поглощала наличность скарба. Изъ отчета, представленнаго подскарбіемъ земскимъ Иваномъ Горностаемъ 20 мая 1535 г., видно, что уже въ то время одна серебряина изъ трегъ, ухваленныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1534 г., была израсходована безъ остатка, всего 26345 копъ 40 гр. Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

тянь прежде, чѣмъ соберется «великое войско». 23 мая государь имѣлъ относительно этого совѣщаніе съ панами - радою. Онъ предложилъ имъ, чтобы они «зъ себе початокъ тое поволности вчнили и тыхъ часовъ, ничего не мешкая, выправили и послали половицу почтовъ своихъ, колко повиненъ хто ставити, а затымъ къ великому войску на светый Петръ другую половицу послали *водлузъ уфалы земское*». Паны-рада, обсудивъ предложеніе короля, выразили готовность сдѣлать это, но подъ условіемъ, чтобы государь приказалъ сдѣлать то же самое и другимъ урядникамъ и державцамъ, заявляя, что въ противномъ случаѣ они не пошлютъ на войну ни одного служебника ранѣе срока. Этотъ отвѣтъ характеризуетъ достаточно настроеніе и отношеніе литовцевъ къ текущей войнѣ. Государь согласился на требованіе рады и составилъ роспись тѣхъ державцевъ, которые должны были лично отправиться на войну или послать половину своихъ почтовъ ³⁰¹⁾.

Утомленіе войною и неохота продолжать ее, обнаружившіяся на Виленскомъ сеймѣ 1536 года, заставили Сигизмунда завязать снова мирные переговоры съ Москвою. Къ тому же побуждали короля и враждебные поступки со стороны Волошскаго господара Петра. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ пересылокъ съ московскимъ правительствомъ Сигизмундъ отправилъ въ Москву великихъ пословъ, воеводу Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича съ товарищами, которымъ удалось заключить перемиріе на пять лѣтъ отъ 25 марта 1537 года до 25 марта 1542 года, на условіяхъ удержанія каждою стороною того, чѣмъ она владѣла ³⁰²⁾.

§ 15.

Прекращеніе войны съ Москвою дало возможность королю уѣхать изъ великаго княжества (въ концѣ октября 1536 г.) ³⁰³⁾ въ Польшу и заняться внутренними и вѣшними дѣлами этого государства. Но едва лишь устранилась одна опасность, выдвинулась на мѣсто ея другая. Въ теченіе послѣдней войны съ Москвою великое княжество Литовское пребывало въ покоѣ со стороны Крымскихъ татаръ. Крымская орда въ то время раздѣлилась между Саишъ-Гиреемъ и братомъ его Осламомъ, и это раздѣленіе, сопровождавшееся усобицею, обезсиливало орду и не давало ей возможности нападать на украинны русскихъ го-

³⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621.

³⁰²⁾ С. М. Соловьева Исторія Россіи, кн. II, т. VI, 15—18.

³⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 533; XIX, 274—278; XXI, л. 2—4; *J. Szujskiego Dzieje Polski*, том II, str. 226.

сударствъ, Литовскаго и Московскаго. Въ 1537 году одинъ изъ Ногайскихъ князей, дружившій съ Саипъ-Гиреемъ, нечаянно напалъ на Ослама и убилъ его. Вся орда соединилась послѣ того подъ властью Саипъ-Гирея, который, почувствовавъ теперь свою силу, отправилъ одновременно въ Москву и Литву пословъ съ предложеніемъ своей дружбы и съ требованіемъ уплаты упоминковъ. Отъ литовскаго правительства ханъ требовалъ уплаты упоминковъ и за прошлые три года. Но такъ какъ по опыту предшествующихъ лѣтъ было извѣстно, что платежъ упоминковъ былъ плохую гарантіею безопасности государства, то Сигизмундъ рѣшился созвать въ Вильнѣ вальный сеймъ на середопостье (22 марта) 1538 г. для обсужденія и принятія мѣръ по оборонѣ государства. Онъ приказалъ разослать по всему государству листы, чтобы каждый воевода, староста и державца выбралъ въ своемъ повѣтѣ двухъ землянъ и отправилъ ихъ на сеймъ вмѣстѣ съ хоружимъ повѣта. Къ панамъ-радѣ король отправилъ въ половинѣ февраля подскарбія земскаго Ивана Горностая съ предложеніемъ, чтобы они, будучи на сеймѣ со всѣми князьями, панами и рыцарствомъ-пляхтою «обмову коло того вчынили и пильне о томъ мыслили и радили», какъ дать отпоръ царю Перекопскому и оборонить отъ нападенія татаръ государство.—Кромѣ этого главнаго вопроса король предлагалъ заблаговременно, пока стоитъ перемирье, подумать и о будущей войнѣ съ Московскимъ государствомъ и изыскать средства для веденія ея, ибо, когда возобновится война, уже поздно будетъ совѣщаться обо всемъ этомъ ³⁰⁴).

Изъ посланія короля къ войску, собравшемуся въ Новгородѣ осенью 1538 года, узнаемъ, что паны-рада, княжата, панята и земляне, бывшіе на Виленскомъ сеймѣ 1538 года, «зволили» дать «на оборону земскую» платъ съ своихъ людей и выбрали для сбора этого плата особыхъ «бирчихъ» ³⁰⁵). Платъ этотъ установленъ былъ въ размѣрѣ 20 грошей съ коня, т. е. съ восьми служебъ, съ которыхъ выставлялся конный ратникъ. На эти деньги отправлены были 1000 конныхъ ратниковъ на украинные замки. Но такъ какъ этихъ людей было мало, паны-рада послали къ королю просьбу, чтобы и онъ съ своей стороны выставилъ 1000 коней на средства скарба. Король согласился и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ распоряженіе подскарбію земскому ³⁰⁶). Кромѣ того рѣшено

³⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 147—149. Срав. *Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, 19—22.

³⁰⁵) Акты Южн. и Зап. Рос. № I, № 101.

³⁰⁶) Акты Зап. Россіи II, № 221; Литов. Метр. кн. Запис. LXIII, л. 32.

было въ случаѣ настоящей необходимости собраться всему земскому ополченію великаго княжества въ назначенномъ мѣстѣ для отраженія общими силами врага. Такъ рѣшенъ былъ одинъ изъ двухъ вопросовъ, предложенныхъ господаремъ Виленскому сейму 1538 года. Но въ обсужденіе другого вопроса сеймъ, по всѣмъ даннымъ, вовсе не входилъ. Обстоятельства вскорѣ возбудили опасеніе, что и первая задача рѣшена не совсѣмъ удовлетворительно и во всякомъ случаѣ требуетъ новыхъ совѣщаній и новыхъ мѣръ.

Посоль Сигизмунда Михаилъ Тишковичъ, ѣздившій къ Сантъ-Гирею съ предложеніемъ союза и полученія тѣхъ же упоминковъ, какія давались его предкамъ, Менгли-Гирею и Махметъ-Гирею, выслушалъ отъ хана гордую и суровую отвѣдь и вернулся, не успѣвъ умротворить хана ³⁰⁷⁾. Лѣтомъ 1538 года староста Черкасскій и воевода Кіевскій писали панамъ-радѣ, что стража ихъ «на око» видѣла огромное татарское войско, которое переправлялось черезъ Днѣпръ «зъ дѣлы и гаковницами», и что, по всѣмъ признакамъ, съ войскомъ двигался и самъ царь ³⁰⁸⁾. По полученіи этихъ вѣстій созвано было земское ополченіе великаго княжества въ Новгородѣ ³⁰⁹⁾, которое должно было оставаться здѣсь до полученія новыхъ вѣстей о татарахъ съ тѣмъ, чтобы или двинуться противъ нихъ, или расходиться по домамъ, если извѣстія будутъ успокоительныя. Сигизмундъ и задумалъ воспользо-ваться сборомъ пановъ-рады, княжатъ, панятъ и шляхты для того, чтобы вновь предложить на ихъ обсужденіе тѣ самые вопросы, которые предлагались имъ на обсужденіе Виленскаго вальнаго сойма 1538 г.

Въ сентябрѣ король отправилъ въ Новгородокъ пана Ивана Горностая съ своими предложеніями. Указавъ на то, что черезъ три года съ небольшимъ кончается перемиріе съ Московскимъ государемъ, Сигизмундъ выставлялъ на видъ, что необходимо заблаговременно приготовляться къ будущей войнѣ, дабы не повторилось то же самое, что произошло въ послѣднюю войну, которую начали, «не способившись на то за часу»: хотя на эту войну и давались деньги, но такъ какъ «впередъ не былъ скарбъ запоможенъ пѣнязми», то и пришлось, начавъ войну, прекратить ее. Король полагалъ, что обыватели великаго княжества не могутъ чинить оборону «безъ помочи прибылыхъ людей», и потому изъявлялъ желаніе («волю нашу господарскую, ижъ што ся намъ видить»), чтобы въ теченіе оставшихся трехъ лѣтъ собиралась

³⁰⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 192.

³⁰⁸⁾ Справ. Archiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII.

³⁰⁹⁾ Archiwum Sanguszków IV, № CXXXI.

серебщина съ господарскихъ и владѣльческихъ людей: въ первый годъ по 15 грошей съ сохи, во второй—по 12, въ третій—по 10. Король обѣщаль хранить эти деньги въ скарбѣ и не обращать ихъ ни на какіе другіе государственные расходы. Впрочемъ, король отдаваль все это на разсужденіе пановъ-рады и просилъ, чтобы они «къ тому пильно и хтиво причинили и на теперешнемъ спольномъ собранью со всею землею обмову въ томъ учинили, и тую рѣчь обороны земскоѣ на доброй мѣрѣ и бонцы постановили». «И што ся въ томъ вашой милости будетъ видѣти,—просилъ король,—абы ваша милость панове-рада наша, съ княжаты и панаты и зъ земяны обмовившися, на чомъ тую рѣчь хочете застановити, и на который рокъ, и по чому тую серебщизну зволите, если большъ або мѣй, естли зъ сохъ або зъ служобъ людей маеть давана быти,—о томъ о всемъ намъ черезъ листъ свой не мѣшкая вѣдомо дали».

Король вновь указываль и на угрожающую опасность со стороны Перекопскаго царя, опасность тѣмъ большую, что въ данное время ханъ не испытываетъ никакихъ внутреннихъ затрудненій и помѣхъ въ своей ордѣ и кромѣ того пользуется довѣріемъ и расположеніемъ Турецкаго царя. Сигизмундъ полагаль поэтому, что его нельзя ублажить легкими упоминками, да едва ли полезно будетъ прибѣгать къ этому средству въ виду отношеній его къ султану Турецкому: какъ вассаль султана, ханъ принужденъ будетъ идти туда, куда ему велить его властелинъ, а этотъ властелинъ собирается на многія христіанскія государства и уже выступилъ съ 250 тысячами войска и съ 300 пушками въ Валахію и Молдавію, откуда намѣревается вторгнуться въ Венгрію. Король выражалъ опасеніе, какъ бы онъ послѣ занятія этихъ земель не направилъ хана на Польшу и Литву и самъ съ нимъ не прибылъ. Поэтому онъ предлагаль панамъ-радѣ «о томъ съ пильностью мыслити, и то въ себе найти и постановити», какъ и какимъ образомъ защищать великое княжество отъ всѣхъ непріятелей и давать имъ отпоръ, посылать или не посылать упоминковъ хану и предаться на милость Божью. Въ заключеніе король просилъ пановъ-раду принять мѣры по исправленію украинныхъ замковъ и снабженію ихъ всякими запасами: расписать волостныхъ людей и на будущее лѣто разослать ихъ на работы къ Києву, Полоцку, Витебску и Мстиславлю, а хлѣбные запасы послать изъ господарскихъ дворовъ или же, продавъ жито въ господарскихъ дворахъ, послать въ украинные замки деньги для закупки хлѣбныхъ припасовъ ³¹⁰⁾.

³¹⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 191.

Предложенія короля не обсуждались въ лагерѣ подъ Новгородкомъ. Прежде, чѣмъ прибылъ посоль короля, здѣсь получены были вѣсти, что татары, на этотъ разъ навѣстившіе Волошскую землю, возвращаются домой по направленію къ Очакову ³¹¹⁾. Паны - рада послѣ того стали развѣздаться изъ-подъ Новгородка по домамъ, и Горностаи не засталъ уже никого изъ нихъ въ лагерѣ. Но и независимо отъ того, королевскія предложенія едва ли могли подвергнуться обсужденію и вызвать какія-либо окончательныя постановленія собравшихся подъ Новгородкомъ князей, пановъ и шляхты. Дѣло въ томъ, что въ Новгородкѣ собралось только ополченіе великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ. Отсутствовали ополченія земель Полоцкой и Витебской, которыя стерегли свои замки; князья, паны и земляне Кіевскіе также не пріѣхали въ Новгородокъ, потому что были «напереді противъ поганьству татаръ»; ополченіе Волинской земли по распоряженію господаря должно было оберегать свои земли отъ татаръ ³¹²⁾. Изъ земли Жмудской пріѣхали только четыре тивуна, а остальные не явились подъ тѣмъ предлогомъ, что они уже дали серебщину на оборону земскую по 20 грошей съ коня ³¹³⁾. Кромѣ того, и старшихъ пановъ радныхъ съѣхалось только пять: воевода Виленскій, панъ Виленскій ³¹⁴⁾, староста Жмудскій, воеводы Новгородскій и Подляшскій; воеводы Кіевскій, Полоцкій и Витебскій оставались на своихъ замкахъ.

Но хотя предложенія короля и не поспѣли во время въ Новгородокъ, тѣмъ не менѣе въ Новгородкѣ имѣли мѣсто продолжительныя и оживленныя совѣщанія среди собравшихся пановъ радныхъ, княжатъ, панятъ и рыцарства-шляхты. Паны-рада, прибывшіе въ войско, воспользовались сборомъ шляхты для того, чтобы составить и адресовать королю отъ имени всей земли, всего великаго княжества, рядъ просьбъ объ удовлетвореніи различныхъ государственныхъ нуждъ, объ устраненіи разныхъ неурядковъ и о ненарушеніи правъ и вольностей великаго княжества.

Первою просьбою пановъ-рады, княжатъ, панятъ и шляхты, собравшихся въ Новгородкѣ, была просьба, чтобы господарь, принимая во вниманіе великія опасности, угрожающія странѣ отъ хана Крымскаго и великаго князя Московскаго, прибылъ въ свое государство и

³¹¹⁾ Archiwum Sanguszków IV, № CXXXII.

³¹²⁾ Aschiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII.

³¹³⁾ Акты Зап. Рос. П., № 221, арт. 3.

³¹⁴⁾ Въ Актахъ Южн. и Зап. Рос. (т. I, № 101) напечатано ошибочно «староста Виленскій». Сравни. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ II, л. 15.

поставилъ его «въ покою и въ оборонѣ», чтобы оно и на будущее время отъ этихъ непріятелей «въ цѣлости было заховано». Станы сейма выражали увѣренность и надежду, что король свое «дѣдичное» государство будетъ цѣнить не менѣе, чѣмъ корону Польскую, о безопасности которой онъ за все это время постоянно и ревностно хлопоталъ, мыслилъ и совѣщался, и прибудетъ въ великое княжество, ибо всѣ дѣла, касающіяся обороны земли, не могутъ быть надлежащимъ образомъ справлены ни «черезъ писанье листовъ», ни черезъ пословъ «для многихъ нѣкоторыхъ причинъ». Нельзя не видѣть въ этой просьбѣ открытаго протеста противъ того, что господарь ради Польши сталъ забывать Литву.

Къ этой просьбѣ примыкаетъ нѣсколько другихъ, проникнутыхъ тѣмъ же чувствомъ національной ревности, заботою, чтобы великое княжество ни въ чемъ не терпѣло ущерба отъ поляковъ. До какой степени приподнято было это чувство у литовцевъ, показываетъ отношеніе ихъ къ поступку вдовы пана Богуша, бывшаго подскарбія земскаго. Вдова эта сосватала одну изъ дочерей своихъ за польскаго пана Тенчинскаго. Невѣста должна была принести съ собою въ приданомъ нѣсколько имѣній, перешедшихъ къ ней по наслѣдству отъ отца. Но въ статутѣ, выданномъ великому княжеству, было опредѣлено, что панны, выходящія замужъ въ Польшу или Мазовію, не могутъ съ своими мужьями чужеземцами владѣть имѣніями («дѣдичити») по отцѣ или матери, а должны получить съ своихъ родныхъ четвертую часть стоимости имѣнья, а самое имѣнье уступить имъ. Поэтому паны-рада еще ранѣе собранья въ Новгородѣ обратили на это сватовство вниманіе короля и просили, «абы ся тою одною персоною право всее земли не рушило». Король отвѣчалъ, что онъ не хочетъ нарушать правъ земли и приказалъ обослать листомъ вдову Богуша, чтобы она въ своемъ сватовствѣ во всемъ поступала «подлѣ права». Паны-рада согласно этому приказу объявили ей, чтобы она не отдавала имѣній въ «посагѣ», если хочетъ выдать дочь замужъ въ Польшу, а только деньгами четвертую часть стоимости. Это объявленіе сдѣлано было официально передъ вознымъ Бѣльскаго повѣта, въ присутствіи стороннихъ людей, лично панѣ Богушовой, подъ закладомъ на господаря въ 10 т. копъ грошей. Всѣмъ этимъ, повидимому, имѣлось въ виду разстроить бракъ. Но вдова Богуша, тѣмъ не менѣе, выдала дочь за Тенчинскаго почти въ то самое время, когда происходилъ сборъ войска въ Новгородѣ, и «за веселіемъ» даже не выправила «почтовъ» съ своихъ и дочернихъ имѣній. Это привело литовцевъ въ негодованіе, и они просили короля взискать съ нихъ за «такое непослушенство» 10 т. копъ

грошей и до уплаты этой суммы повернуть ее имѣнья къ замкамъ господарскимъ и держать ихъ къ рукѣ господарской. Любопытно, что мотивомъ этой просьбы выставлена не неисправность въ военной службѣ, а то, что вдова Богуша выдала замужъ дочь за поляка, хотя изъ обстоятельствъ дѣла не видно, чтобы она преступила при этомъ объявленное ей повелѣніе и такимъ образомъ законно подлежала взысканію «заклада» въ 10 т. копѣ гр. Станы сейма настойчиво требовали, чтобъ господарь не «пропускалъ» ей этого заклада: ибо, если не наказывать за такое ослушаніе, то не только панамъ-радѣ, но и самому господарю не будетъ впредь оказываться повиновенія; притомъ же и «закладъ» настоящей принесетъ не малый «пожитокъ» господарскому столу. По поводу настоящаго случая паны-рада и «все посполство» вообще обращали вниманіе короля на то, что никакой пользы нѣтъ великому княжеству отъ ляховъ, берушихъ себѣ женъ съ имѣньями въ Литвѣ: сами они лично не ѣздятъ и людей не выправляютъ на военную службу; а если жены ихъ и выправляютъ «почты», то обыкновенно «досытъ надзвѣ, на клячахъ на боронницахъ, зъ рогатинками», почты, которые не годятся ни на сторожу, ни на бой. Притомъ же, будь мужьями такихъ владѣлицъ литовцы, и съ имѣній ихъ шла бы не одна военная служба, а и всякая другая, какъ, напр., посольства въ земскихъ дѣлахъ до постороннихъ земель, а равно и всякія другія государственныя обязанности, которыхъ ляхи не хотятъ и не могутъ выполнять.

Станы сейма указывали королю, что отъ подобныхъ брачныхъ связей можетъ происходить ущербъ великому княжеству и другимъ путемъ. Они приводили королю на память слѣдующее обстоятельство. Пани Тенчинская, тетка кн. бискупа Виленскаго, выпросила себѣ у короля Александра нѣсколько сель во Владимірскомъ повѣтѣ, съ которыхъ она обязалась выполнять всѣ повинности «до великого князства», а обо всѣхъ обидяхъ «права достоинать» передъ старостою Луцкимъ; позже на этихъ селахъ сталъ замокъ Крыловъ, и тогда «овые вси повинности перестали», и села присоединены къ коронѣ. Указывая на этотъ примѣръ, паны-рада представляли королю, что то же самое можетъ случиться и съ имѣньемъ Семятицкимъ, лежащимъ на границѣ съ Польшею, если бы оно досталось по женѣ пану Тенчинскому. Поэтому паны-рада и всѣ присутствовавшіе въ собраніи просили короля не допускать подобныхъ вещей, которыя клонятся къ ущербу великаго князства, такъ какъ король обѣщаль «не помножати коруны князствомъ, а ни тежъ коруною князства».

Паны-рада и «все посольство» указывали затѣмъ королю, что воевода Люблинскій въ качествѣ опекуна дѣтей пана Немиры забралъ много земель и людей Мельницкаго повѣта; а когда староста Мельницкій, согласно господарскому листу, потребовалъ отъ него документовъ на владѣніе, онъ отказался представить ихъ, такъ какъ господарь вызволилъ его какъ отъ земскаго суда, такъ и отъ суда пановъ-рады великаго княжества, и заявилъ, что документы будутъ представлены имъ господарю на Петрковскомъ сеймѣ. Признавая, что король, «яко панъ звирхный», могъ взять его подъ свой присудъ, паны-рада, княжата, панята и шляхта просили короля не допускать злоупотребленія этимъ изытіемъ, чтобы никто не смѣлъ такимъ путемъ «втеляться въ присудъ корунный», и чтобы такіе новые обычаи не заводились въ великомъ княжествѣ,—чтобы не выдавались грамоты, нарушающія дѣйствующій законъ, и сохранялся въ силѣ статутъ, «который есть ясьнѣ описанъ».

Указывая на то, что король пожаловалъ въ вотчину силезцу Претвицу имѣнье Воначичи недалеко отъ Вѣнницы, и что это село, по слухамъ, имѣеть быть «втѣлено въ корону», литовцы просили короля разсудить, не будетъ ли это нарушеніемъ правъ и статута всего великаго княжества Литовскаго. Съ своей стороны они выражали вѣру и надежду, что король «ласковѣ а милостивѣ» сохранитъ великое княжество при его правахъ и вольностяхъ.

Далѣе литовцы дѣлали представленіе королю по поводу пожалованья чашничества ляху Ясеньскому. Это, по ихъ словамъ, фактъ новый, небывалый при предкахъ короля и въ его собственное царствованіе. Литовцы просили короля не вводить такихъ «новинъ», тѣмъ болѣе, что у короля много княжатъ, панятъ и рыцарства, болѣе достойныхъ, нежели этотъ «ляшокъ», не только на такой урядъ, но и на высшій. Поэтому,—заклучали они свою просьбу,—пусть господарь отдастъ этотъ урядъ «прироженцу» великаго княжества Литовскаго; они же надѣются, что господарь не допуститъ противнаго къ ихъ сожалѣнію.

Затѣмъ идетъ рядъ «просьбъ», касающихся различныхъ внутреннихъ неурядковъ, и прежде всего по поводу неавки на военную службу. Литовцы указывали господарю, что въ Новгородокъ собралось мало войска, при чемъ много землевладѣльцевъ не явилось безъ всякихъ уважительныхъ причинъ: изъ Жмудской земли прибыло всего три-четыре тивуна, тогда какъ прежде изъ этой земли выходило въ поле около 12 т. человекъ; не выставили «почтовъ» съ своихъ литовскихъ имѣній нѣкоторые княжата и панята Волинскіе, напр., староста Владимірскій съ имѣнья Полоной, кн. Андрей Кошпрскій съ имѣнья

Лушева, Миритичъ, Серебряной, Кустина. Эти князья не только не прислали почтовъ, но и не пожелаали явиться къ гетману для объясненія причинъ своей неисправности, хотя и были отъ Новгорода въ двадцати съ небольшимъ миляхъ «на весельѣ» у паны Богушовой. «Пильнѣйшая, подобно, имъ была речъ, милостивый королю,—прибавляли литовцы,—веселья помогать, нижили за панство-вашое милости противъ непріятелю ваше милости застановатися». Паны-рада «и все посольство» просили короля не спускать имъ безъ должнаго наказанья такого «непослушенства», чтобы и другіе впредь не брали «похопу» къ такому же «непослушенству», и чтобы на всѣхъ одинаково ложились «бремена» государства, какъ военная служба, такъ и податокъ.

Относительно тѣхъ, кто не заплатилъ податковъ, опредѣленныхъ на прошломъ вальномъ сеймѣ, паны-рада предлагали королю навести справку по реестрамъ, и покарать таковыхъ по своей волѣ, прибавляя, что кара должна быть «съ милосердьемъ». Съ своей стороны паны-рада находили достаточнымъ взыскать съ нихъ недоимку вдвойнѣ: «то станеть имъ истѣ за особливое каранье»,... и кромѣ того прибавится пенязей «на потребу земскую».

Слѣдующая просьба касалась вызова на судъ господарскій. Паны-рада представляли господарю, что многіе князья, паны и земляне жалуются на великое «обтяженье» по части вызова на судъ господарскій: ихъ не только вызываютъ «позвами» изъ великаго княжества до короны, но даже ставятъ приводомъ черезъ дѣцкихъ, а пныхъ даже сводятъ со службы земской, вслѣдствіе чего они подвергаются не только большимъ расходамъ и матеріальнымъ тратамъ, но и различнымъ опасностямъ на дальней дорогѣ. Если это продолжится и далѣе, то, по мнѣнію пановъ-рады, и безъ непріятельской «сказы» все государство обнищаетъ и придетъ «къ сильному убозству». Вѣдь можетъ статься, что какой-нибудь упорный «сутяжій» будетъ вызывать въ корону изъ-за нѣсколькихъ копъ, вызванному придется израсходовать на путешествіе вдвое, втрое; а кто поважнѣе, тотъ и нѣсколькими десятками копъ не обойдется; пану же радному тяжба можетъ обойтись и въ тысячу копъ. Деньги такимъ образомъ будутъ уплывать изъ страны, государство будетъ бѣднѣть, и служба земская не будетъ отправляться въ исправности. Паны-рада усматривали въ такомъ порядкѣ и «ущипокъ» права земскаго», выданнаго великому княжеству при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда-Августа. Если, — аргументировали они, — отъ суда урядниковъ земскихъ по статуту можно апеллировать къ господарю на первый сеймъ его съ панами-радою или, при отсутствіи господаря, на первый сеймъ пановъ-рады, но нельзя апеллировать къ господарю

въ Польшу, то тѣмъ болѣе никого нельзя прямо вызывать на судъ въ Польшу. Этого «шкодливаго» обычая, по словамъ пановъ-рады, не было ни при королѣ Ягайлѣ, ни при Казимирѣ, ни при Александрѣ, ни при самомъ Сигизмундѣ, и завелся онъ съ прошлаго года, когда кн. Илья Острожскій вызвалъ пана Виленскаго на судъ передъ господаря въ Польшу, и когда за паномъ Виленскимъ, не явившимся по болѣзни, даже посланъ былъ дѣцкій. Этотъ панъ Виленскій сверхъ того повѣдалъ передъ панами-радою и всѣмъ посольствомъ «тяжкость и жаль свой великій» по поводу того, что господарь приказалъ ему поставить на свой судъ господарскій нѣкоторыхъ его служебниковъ по жалобѣ на нихъ подданныхъ королевы, при чемъ не обсылалъ его предварительно и не требовалъ у него, какъ папа этихъ служебниковъ, суда на нихъ, какъ того требуетъ все то же «посполитое право». Указывая на всѣ эти факты, паны-рада отъ своего имени и отъ имени всѣхъ князей, пановъ и всего посольства просили господаря, чтобы онъ, памятуя объ ихъ вѣрной службѣ ему самому и предкамъ его, благоволилъ держать ихъ при вольностяхъ, имъ данныхъ, и при давныхъ обычаяхъ великаго княжества.

Паны-рада еще ранѣе Новгородскаго сейма выражали господарю свое неудовольствіе по поводу вызова на судъ въ Польшу. Король черезъ подскарбія Горностая отвѣчалъ имъ, что въ этомъ они виноваты сами, такъ какъ не съѣзжаютъ на «роки судовые» и не чинятъ справедливости. Паны-рада теперь заявляли королю, что они не пропускали судебныхъ «роковъ», но мало кто судился предъ ними: однихъ дѣцкіе уводили въ Польшу, а другіе предъявляли листы господарскіе, чтобы ихъ паны не судили; и хотя «подлѣ права», они, паны-рада, не обязаны были принимать такіе листы (вѣдь не принимаютъ же такіе листы суды Подляшскіе; а если это въ правѣ дѣлать повѣтъ великаго княжества, тѣмъ болѣе такое право можно признать за всѣмъ великимъ княжествомъ),—тѣмъ не менѣе, не желая оказывать господарю «непослушенства», они принимали эти листы и отсылали предъявителей къ господарю. Поэтому пусть господарь не думаетъ объ нихъ, будто они не чинятъ справедливости обывателямъ великаго княжества: этого никогда не было и, дастъ Богъ, не будетъ.

Паны-рада передавали затѣмъ королю жалобу старосты Жомойтскаго, заявленную на сеймѣ, на намѣстника Брянскаго и Суражскаго Миколая Корицкаго, который прислалъ старостѣ «листъ позовный» съ приказомъ явиться на судъ предъ нимъ или его урядникомъ и тѣмъ оскорбилъ званіе старосты Жмудскаго, «непоследнѣйшее рады» господаря. По этому поводу паны-рада обращали вниманіе короля на то,

что они находятся подъ правомъ «посполитымъ», которое король пожаловалъ всему великому княжеству и имъ судятся, а подъ право польское, которое себѣ земляне повѣту Бѣльскаго выпросили, не подданы ни паны-рада, ни вся земля Литовская. Вслѣдствіе этого и панъ староста Жмудскій,—согласно правилу, признанному и въ духовномъ и въ цесарскомъ правѣ, что истецъ долженъ преслѣдовать отвѣтника по тому праву, подъ которымъ состоитъ отвѣтникъ, а не самъ истецъ,—обязанъ отвѣчать на «рокахъ судовыхъ» передъ панами радными, а не передъ Корицкимъ. Со стороны де Корицкаго вызовъ старосты Жмудскаго — дерзость, «зельженье стану»; и дай Богъ, чтобы паны-рада болѣе не подвергались «такому зниженью становъ своихъ». Поэтому пусть государь грозно прикажетъ своимъ урядникамъ Бѣльскаго повѣта, чтобы они были учтивы по отношенію къ особамъ господарской рады и не посылали къ нимъ «позвоу»: если кому-нибудь изъ обывателей Бѣльскаго повѣта станется обида отъ пана раднаго, пусть преслѣдуетъ его по суду «посполитымъ правомъ великаго князства», ибо нельзя же допустить, чтобы государь тѣмъ особливымъ правомъ, которое далъ одному повѣту, могъ нарушать право всей земли Литовской.

Наконецъ, паны-рада, княжата, панята и вся шляхта, указывая на то, что на вальныхъ сеймахъ бываетъ мало пановъ радныхъ, такъ какъ воеводы Кіевскій, Полоцкій и Витебскій постоянно проживаютъ на замкахъ своихъ воеводствъ, просили короля раздать вакантныя должности воеводы Троцкаго, пана Троцкаго и маршалка земскаго и тѣмъ помножить свою раду, чтобы тѣмъ лучше рѣшалось каждое государственное дѣло, ибо, по старинной пословицѣ, «гдѣ много головъ, тамъ больше розумовъ».

Свои просьбы паны-рада, княжата, панята, шляхта-рыцарство и «все посполство» заключали выраженіемъ увѣренности, что государь во вниманіе къ ихъ постояннымъ и вѣрнымъ службамъ, къ тѣмъ жертвамъ, которыя они приносятъ для государства, давая плату на военныя нужды и лично выѣзжая на войну, ласково и милостиво выслушаетъ и исполнитъ ихъ просьбы, а въ особенности «о речи слушныя и праву посполитому онога панства пристойныя». Съ своей стороны, просители обѣщали «то заслуговать ещо повольнѣйшими послугами своими» самому королю и сыну его «до надолжшихъ животовъ своихъ» и постоянно молить Бога «за счастное здоровье и за долгое панованье» государя.

Таковы были просьбы, составлявшіяся въ собраніи литовскаго войска въ Новгородѣ осенью 1538 г. Эти просьбы, инициаторами которыхъ были несомнѣнно находившіеся въ войскѣ паны-рада, живо изо-

бражаютъ намъ, какіе политическіе уроки получала отъ своихъ «старшихъ братьевъ», пановъ радныхъ, литовская шляхта. Паны - рада въ совѣщаніяхъ съ шляхтою ставятъ и обсуждаютъ довольно тонкіе вопросы государственнаго права, при чемъ пропагандируютъ мысль, что великое княжество Литовское—самостоятельное и отдѣльное отъ Польши государство, живущее само по себѣ и само для себя, по своимъ законамъ и обычаямъ, которыхъ не можетъ нарушать даже великій князь, какъ государь христіанскій. Всѣ просьбы проникнуты идеею правоваго государства, въ которомъ не должно быть ни произвола власти, ни нарушенія чьихъ-либо правъ, ни уклоненія отъ обязанностей, въ которомъ господствуетъ законъ и обычай.

Съ посольствомъ отъ пановъ-рады и всего рыцарства поѣхали къ королю въ Краковъ паны Станиславъ Орвидъ и Миколай Юндиль. Они прибыли въ Краковъ 1 ноября, а 20 были отправлены обратно съ отвѣтами короля на вышеизложенныя просьбы. Король отказался прибыть лично въ великое княжество Литовское, такъ какъ де не увѣренъ въ мирѣ со стороны воеводы Волошскаго и кромѣ того занять неотложными и важными дѣлами въ коронѣ, которыя касаются не только короны Польской, но и другихъ окрестныхъ государствъ,—всего христіанства ³¹⁵). Онъ обѣщаль прибыть въ великое княжество, какъ только управится съ этими дѣлами. Относительно дѣла паньи Богушовой король объявилъ, что онъ не освободитъ панью отъ платежа заклада, если онъ наложенъ панами-радою законно, согласно статуту, и вообще намѣренъ держаться въ этомъ дѣлѣ статута: пусть паны-рада обошлютъ ближнихъ пана Богуша и назначать имъ срокъ, когда они должны отложить деньги пану Тенчинскому и его женѣ; если они въ этотъ срокъ не выкупятъ имѣній, то панъ Тенчинскій будетъ держать ту часть имѣній пана Богуша, которая приходитъ на его жену, до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ заплачено за нее деньгами. Относительно замка Крылова король обѣщаль произвести слѣдствіе по пріѣздѣ своемъ въ великое княжество и разсмотрѣть привилей, на основаніи которыхъ имъ владѣетъ панъ Тенчинскій, прибавляя, что никакого «ущипку» великому княжеству онъ не допуститъ въ настоящемъ случаѣ. По поводу жалобы литовцевъ на то, что съ имѣній, находящихся въ рукахъ

³¹⁵) Король разумѣлъ, очевидно, дѣла венгерскія, въ которыхъ Польша особенно была заинтересована какъ по близкому сосѣдству и завязывавшимся родственными отношеніями короля съ обоими тогдашними государями Венгрии, такъ и по внимательству въ эти дѣла турокъ. См. *Szujskiego Dzieje Polski*, tom II, str. 223, 233, 234.

поляковъ, не отбывается полностью земская служба, король разъяснить, что вдовы, вышедшія замужъ за поляковъ, тѣмъ, что замужъ пошли, не выступили еще изъ предписаній статута; если же съ ихъ имѣній несправно отбывается земская служба, пусть паны-рада поступаютъ съ ними по статуту. На жалобы литовцевъ по поводу вызововъ на судъ господарскій въ Польшу, король отвѣчалъ, что самъ онъ лично никого не вызываетъ въ Польшу, но имѣетъ «великое набѣганье и доуки» отъ самихъ литовцевъ, «яко зъ высокихъ преложонныхъ домовъ, такъ и отъ шляхты посполитого челоувѣка», которые просятъ у него суда въ «кривдахъ своихъ» и берутъ у него «позовные листы». Онъ де не можетъ имъ отказывать въ судѣ, потому что было бы несправедливо, если бы король не обращалъ вниманія «на доуки» подданныхъ своихъ и возбранялъ имъ добиваться справедливости. Хотя онъ и выдалъ имъ статутъ, но въ немъ не сказано, чтобы государь не могъ вызывать на судъ въ Польшу. Притомъ же не безъ основаній онъ говорилъ черезъ Горностая панамъ-радѣ «о нечастое зѣбѣдчанье ихъ милости на роки судовые»: ему на это много разъ жаловались подданные великаго княжества, прося, чтобы онъ самъ учинилъ имъ справедливость. И наконецъ, если нѣкоторые паны-рада, владѣющіе имѣньями на Подляшѣ, считаютъ себя подсудными только государю, тогда и король обязанъ каждому изъ подданныхъ своихъ, а особливо тѣмъ, которые съ жалобами своими къ нему приходятъ, справедливость дѣлать «зъ вирхности своее господарское», и паны - рада и рыцарство не могутъ за то претендовать на короля. Относительно жалобы старосты Жмудскаго на намѣстника Брянскаго и Суражскаго, который вызывалъ старосту на свой судъ, король разъяснлялъ, что самъ староста «початкомъ тое речи есть»: онъ вызывалъ многихъ земянъ до урада Бѣльскаго и тамъ доходилъ на нихъ справедливости; а если такъ, то и самъ долженъ «о кривды ихъ», которыя имъ отъ него дѣлаются «въ правѣ тамошнемъ отказывати и правъ быти»; а уряду Бѣльскому можно его судить, и въ томъ для него нѣтъ никакой «обтяжливости». По поводу отказа опекуна дѣтей Немриныхъ представить документы на владѣніе, мотивированнаго тѣмъ, что будто бы государь изъялъ его изъ присуда великаго княжества, король заявилъ, что такого изъятія опекуну не было дано. О Претвицѣ король сообщилъ, что имѣнье Вонячинъ дано ему королевою Боною только «до часу». По поводу отдачи чашничества Ясеньскому король велѣлъ передать, что онъ сдѣлалъ это «за причинами и жеданьемъ высокихъ радъ его милости тамошнего панства великаго князства Литовскаго». Съ неявившимися на сборъ войска въ Новгородкѣ безъ уважительныхъ причинъ король предлагалъ

поступить по статуту—отобрать имѣнья на господаря и привернуть къ ближайшимъ замкамъ господарскимъ. Тѣхъ, кто не внесъ плату, положеннаго на прошломъ вальномъ сеймѣ, король соглашался покарать взысканіемъ недомки вдвойнѣ. Точно также соглашался и даже благодарилъ за совѣтъ помножить раду свою и раздать вакантныя должности воеводы и пана Троцкихъ ³¹⁶⁾.

Такимъ образомъ, если паны-рада указывали королю на нѣкоторыя нарушенія правъ и обычаевъ великаго княжества, то и король съ своей стороны указывалъ на то, что паны-рада неправильно толкуютъ права великаго княжества, и сами повинны въ неисполненіи своихъ обязанностей. Это препирательство короля съ своею радою должно было оставлять извѣстное впечатлѣніе въ умахъ князей, пановъ и землянь-шляхты, должно было порождать мысль, что въ государствѣ творится много неладнаго, что необходимо самимъ князьямъ, панамъ и шляхтѣ заботиться о государствѣ и охранять свои права, въ виду того, что правящія сферы не дѣлаютъ этого, какъ слѣдуетъ. Здѣсь и лежитъ отчасти корень той оппозиціи, которую проявляли на послѣдующихъ сеймахъ княжата, панята и земляне-шляхта по отношенію не только къ королю, но и къ самимъ панамъ-радѣ, корень тѣхъ стремленій къ «направѣ речи посполптой» и къ расширенію политическихъ правъ шляхты, которые оказались на этихъ сеймахъ.

Ни на одномъ изъ предшествовавшихъ вальныхъ сеймовъ, насколько намъ извѣстны ихъ дѣянія, не составлялось столько просьбъ къ королю, сколько было отправлено ихъ съ Новгородскаго военно-полевого сейма. И весьма знаменательно, что литовцы обнаружили наибольшую притязательность, наибольшій оппозиціонный духъ какъ разъ въ то самое время, когда и польская шляхта съ особенною настойчивостью стала добиваться отъ короля различныхъ уступокъ, съ особенною рѣзкостью выступила противъ королевской власти. Очевидно, что въ Литвѣ сказалось моральное воздѣйствіе того шляхетскаго движенія, которое разыгралось въ Польшѣ въ 1536—1538 годахъ, и наиболѣе яркимъ симптомомъ котораго былъ шляхетскій «рокошъ» подъ Львовомъ, окрещенный именемъ «пѣтушиной войны» ³¹⁷⁾.

§ 16.

Предложенія короля, отправленные на Новгородскій сеймъ, какъ уже было сказано выше, остались неразсмотрѣнными. Поэтому король

³¹⁶⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 101.

³¹⁷⁾ *Szujskiego Dzieje Polski*, tom II, str. 255—233.

заявить посламъ Новгородскаго сейма, что онъ назначаетъ сеймъ великій вальный панамъ-радѣ и всей землѣ въ Вильнѣ для обсужденія тѣхъ предложеній, которыя повезъ Иванъ Горностаѣ. О времени сбора на сеймъ король обѣщаль объявить особыми листами. Время шло, а между тѣмъ обѣщанные листы не присылались. Воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, всегда старавшійся заявить себя передъ королемъ первымъ радѣтелемъ государственныхъ интересовъ, отправилъ къ королю гонца съ листомъ, въ которомъ писалъ, что необходимо созвать вальный сеймъ «для многихъ великихъ и пилныхъ потребъ». Король въ началѣ марта отвѣчалъ ему, что онъ самъ желалъ того же самаго, но замедлилъ потому, что отъ старость украинныхъ приходятъ тревожныя вѣсти о татарахъ, которые перешли на правую сторону Днѣпра и готовятся вторгнуться либо въ Польшу, либо въ великое княжество: при такихъ обстоятельствахъ, когда нужно идти противъ врага, неудобно созывать вальный сеймъ. Король извѣщаль, что онъ разослалъ листы военные по всему великому княжеству съ приказомъ готовиться къ походу¹ противъ татаръ. Сеймъ же обѣщаль созвать тогда, когда миуетъ опасность, и просилъ своевременно дать ему о томъ знать³¹⁸⁾.

Одновременно съ этимъ отвѣтомъ король дѣйствительно послалъ въ великое княжество листы съ приказомъ готовиться къ походу. Въ началѣ мая король отправилъ къ панамъ-радѣ новые листы съ приказомъ всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества выступать въ походъ; мѣсто и время сбора должны были обозначить въ этихъ листахъ паны-рада и разослать ихъ немедленно, какъ только получатся вѣсти о приближеніи татаръ³¹⁹⁾. Хотя уже въ іюнѣ пришли успокоительныя вѣсти, тѣмъ не менѣе приказъ быть наготовѣ противъ татаръ оставался въ силѣ³²⁰⁾, и сеймъ не созывался поэтому въ теченіе всего 1539 года. Тѣмъ временемъ переговоры, которые велись съ Саипъ-Гиреемъ, приняли благопріятный оборотъ. Ханъ отпустилъ Сигизмундова посла Михаила Тишковича и съ нимъ отправилъ своего великаго посла съ докончальною грамотою. Въ Краковѣ въ началѣ 1540 г. заключенъ былъ договоръ съ ханомъ, по которому онъ обязался быть за одинъ съ королемъ Сигизмундомъ и его сыномъ противъ всѣхъ непріятелей ихъ, отобрать у великаго князя Московскаго всѣ города и волости, отторгнутыя имъ

³¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 72—74.

³¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 54—56, 84—89; Archiwum Sanguszków IV, № CLIV.

³²⁰⁾ Archiwum Sanguszków IV, № CLIX.

у Литвы, и не отдавать ихъ великому князю Литовскому, не всылать своихъ войскъ въ великое княжество Литовское и королевство Польское, а король съ своей стороны обязался выплачивать ежегодно поминки сукнами на 15 т. золотыхъ въ два срока 24 іюня и 1 ноября ³²¹⁾. Теперь можно было и не опасаться въ ближайшемъ будущемъ татаръ. Король рѣшилъ, наконецъ, привести въ исполненіе свое обѣщаніе относительно созыва великаго вальнаго сейма. Къ тому времени и въ Польшѣ улеглась внутренняя политическая буря, поднятая шляхтою. Равно и внѣшнія дѣла Польши приняли благопріятный оборотъ вслѣдствіе успокоенія сосѣдняго Венгерскаго государства и заключенія брачныхъ союзовъ съ обоими Венгерскими государями ³²²⁾. Въ виду всего этого король счелъ возможнымъ лично отправиться въ великое княжество Литовское и заняться дѣлами этого государства на предстоявшемъ вальномъ сеймѣ.

Около 20 мая 1540 г. король прибылъ въ Вильну ³²³⁾ и разослалъ «соймовые листы» по всѣмъ землямъ великаго княжества. Вальный сеймъ состоялся въ іюнѣ и въ началѣ іюля 1540 г. ³²⁴⁾. О его постановленіяхъ мы узнаемъ изъ грамоты короля отъ 6 іюля 1540 г., разосланной по всѣмъ державцамъ господарскихъ волостей ³²⁵⁾ и отчасти изъ привилея, выданнаго въ томъ же году 13 ноября Луцкимъ мѣщанамъ. Господарь съ панами-радою и со всѣми землями «для великихъ а пилныхъ потребъ земскихъ, а наболей для обороны» великаго княжества отъ непріятелей «призволили и установили» серебщину съ людей, слугъ путныхъ и конюховъ господарскихъ и королевъ Боны, равно съ людей бискупныхъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ и духовныхъ римскаго и греческаго закона, «кромъ ихъ слугъ путныхъ, бояръ и слугъ бояръ ихъ». Серебщина должна была собираться подъ-рядъ три года въ такомъ размѣрѣ: кто пашеть одною сохою на двухъ волахъ или клячахъ, долженъ дать 12 грошей; кто пашеть одною сохою на одномъ волѣ или клячѣ,—шесть грошей; у кого нѣтъ воловъ и клячь, а есть только земля, съ земли шесть грошей; у кого есть только ого-

³²¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 200; Scarbiec diplomatów II, № 2328, 2329.

³²²⁾ Сигизмундъ выдалъ свою дочь Изабеллу за Яна, короля Венгерскаго, и сосваталъ за своего сына Сигизмунда-Августа Елизавету, дочь Фердинанда Австрійскаго, владѣвшаго частью Венгріи. *Szujskiego Dzieje Polski* II, str. 234.

³²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 28.

³²⁴⁾ Тамъ же, л. 40.

³²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 24—26. Справ. *Archiwum Sanguszków* IV, № CCXLI.

родъ, и нѣтъ ни скота, ни другой земли, три гроша; «воляне», которые «ново осѣли», но пашню уже запахали и хлѣбъ съ своей земли ѣли платять по общему праву; тѣ же изъ нихъ, которые еще не ѣли хлѣба съ пашни своей, не должны платить ничего. Сроки для взноса первой серебщины установлены были слѣдующіе: первый—на римскій праздникъ Всѣхъ Святыхъ или на русскій праздникъ Козьмы и Демьяна, второй — на день Николы зимняго, третій — на Рождество Христова, которое придется въ 14 индиктѣ (1540 г.). Съ господарскихъ людей серебщину должны были собирать старосты и державцы, а съ боярскихъ старосты и державцы совмѣстно съ хоружими. Они должны были составить реестръ имѣній бояръ, слугъ путныхъ, вдовъ и татаръ, находящихся въ той или другой державѣ, переписать поименно людей въ этихъ имѣньяхъ, и чѣмъ кто изъ нихъ пашеть, и согласно съ этимъ выбрать серебщину. Переписи и платежу серебщины подлежали и люди землянскіе и мѣщанскіе, живущіе по фольваркамъ ихъ. Земляне, владѣющіе имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, должны были вносить серебщину тому старостѣ или державцѣ, «подъ которымъ поветомъ именье свое головнейшее мети будетъ». Каждый землянинъ, отдавши серебщину съ своихъ людей, долженъ былъ передъ державцею и хоружимъ присягнуть, что онъ никого изъ людей и слугъ путныхъ не утаилъ и серебщину отдалъ сполна. Собравши серебщину, державцы должны были лично вмѣстѣ съ хоружими отвозить ее въ скарбъ и отдавать въ руки подскарбіа земскаго, подъ присягою, что серебщину собирали сполна, «никому не фольгуючи». При сборѣ серебщины державцы и хоружіе не должны были брать «писчее»; господарь обѣщаль впоследствии вознаграждать ихъ за трудъ «слушнымъ даткомъ». Что касается подданныхъ пановъ—радъ духовныхъ и свѣтскихъ, княжатъ, панятъ, княгинь, паней вдовъ, «преложныхъ особъ», съ нихъ должны были собирать серебщину урядники владѣльцевъ и относить ее къ двумъ «зацнѣйшимъ» урядникамъ, «которые бы были люди добрыи, годныи вери, шляхта», и присягать передъ ними, что собрали платъ вѣрно, ничего не утаивая, со всѣхъ людей пановъ своихъ и съ людей бояръ ихъ и мѣщанскихъ отъ всѣхъ сохъ, а эти два урядника-шляхтичи должны зъ свою очередь относить серебщину къ подскарбію земскому и присягать тѣмъ же порядкомъ, какъ и господарскіе урядники. Послѣднимъ предоставлено было «мощно» ввязываться въ имѣнья тѣхъ землянъ шляхты, вдовъ и татаръ, которые окажутся неисправными въ платежѣ серебщины, и держать эти имѣнья къ рукѣ господарской до тѣхъ поръ, пока серебщина не будетъ получена вдвойнѣ («совито»). Кто утаитъ людей или сохи ихъ, и не сполна отдастъ серебщину, будь это князь, панъ или

кто-нибудь другой изъ подданныхъ великаго княжества, тотъ тратить «вѣчно» свое имѣнье. Урядниковъ своихъ, которые будутъ виновны въ утайкѣ или присвоеніи серебщины, государь опредѣлилъ карать «безъ всякаго милосердыя ничимъ инымъ, только шнею».

Изъ грамоты, выданной въ ноябрѣ того же года .Лудкимъ мѣщанамъ, узнаемъ, что одновременно съ тѣмъ государь положилъ серебщину и на свои мѣста, какъ обычно, общою суммою на каждое мѣсто. На .Лудкѣхъ мѣщанъ, какъ на христіанъ римскаго и греческаго закона, такъ на армянъ и жидовъ государь положилъ было 60 копѣ грошей. Но такъ какъ они предъ этимъ получили вольность на шесть лѣтъ отъ даванья серебщинъ, ордынщинъ и подводъ по случаю своего «впада», который приняли отъ огня, и такъ какъ вольность эта въ то время еще не вышла, то король и освободилъ ихъ отъ платежа серебщины, ухваленной на сеймѣ 1540 г., и выдалъ имъ соотвѣтствующій листъ³²⁶). Для тогдашняго отношенія королевской власти къ постановленіямъ вальнаго сейма характеренъ также и привилей, выданный королемъ Сигизмундомъ въ декабрѣ того же года (17 числа) владыкѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому Симеону. Владыка просилъ короля отпустить ему серебщину «на оправенье церкви Божее светого Соеея въ Полоцку, которая ся розърысовала». Челобитье поддержалъ воевода Полоцкій и другіе паны-рада, и король пожаловалъ ему серебщину³²⁷). Это пожалованье въ существѣ своемъ противорѣчило обѣщанію, данному королемъ въ посланіи къ Новгородскому сейму, не употреблять серебщину, ухваленную сеймомъ, на что либо иное, кромѣ обороны земской. Но, какъ видно, король и ходатайствовавшіе паны-рада не замѣчали этого противорѣчія или не хотѣли замѣчать.

Литовское правительство накопляло денежные средства, какъ уже было сказано, на случай возобновленія войны съ Москвою по истеченіи перемирія, которому истекалъ срокъ 25 марта 1542 г. Эта война не возобновилась. Литовскіе послы, отправленные въ Москву въ началѣ 1542 г., заключили новое перемиріе на семь лѣтъ, отъ 25 марта 1542 г. до 25 марта 1549 г. Москвѣ тогда въ пору было управляться только съ Крымскими и Казанскими татарами, соединившимися подъ властью Гиреевъ. Съ юга и востока огромныя татарскія полчища вторгались въ предѣлы Московскаго государства и производили страшныя опустошенія. Лѣтомъ 1541 года Крымскій ханъ Саипъ-Гирей со всею своею ордою, съ турецкимъ вспомогательнымъ войскомъ, съ ногаями, астра-

³²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 87.

³²⁷) Тамъ же, л. 90—91.

ханскими и бѣлгородскими татарами, съ цѣлю сотнею тысячъ въ общей сложности, подходилъ къ Окѣ и едва было не напалъ на самую Москву. Татары связали руки Москвѣ, и потому Московское правительство оказалось миролюбивымъ по отношенію къ западному сосѣду и согласилось на предложеніе перемирія, послѣ того какъ переговоры о заключеніи вѣчнаго мира не привели ни къ какимъ результатамъ²²⁸⁾.

Съ заключеніемъ новаго перемирія съ Москвою всѣ важнѣйшія дѣла великаго княжества Литовскаго были покончены. Въ скорбѣ, какъ обнаружилось изъ отчета подскарбія земскаго Ивана Горноста, накопились значительные остатки отъ поступленій предшествующихъ 6 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, а именно: 29499 копѣ, 38 грошей и 1 пенязь отъ обыкновенныхъ доходовъ и 58386 копѣ 53 гр., 3 пенязя отъ четырехъ предшествующихъ серебщинъ²²⁹⁾. Съ этой стороны великое княжество было готово ко всякой случайности. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ счелъ возможнымъ покинуть великое княжество и уѣхать въ Польшу, гдѣ онъ не былъ уже два года, съ мая 1540 года²³⁰⁾. Отъѣзжая въ Польшу, Сигизмундъ счелъ нужнымъ удовлетворить просьбу, которую посылали къ нему литовцы съ Новгородскаго сейма 1538 года. Мая 23 онъ велѣлъ записать въ книги и объявить всѣмъ княжатамъ, панятамъ и всѣмъ подданнымъ великаго княжества, что никто изъ нихъ не долженъ позывать своихъ противниковъ на судъ господаря въ корону; каждый долженъ доискиваться своего передъ судомъ воеводы, старосты или державцы, въ повѣтѣ котораго находится имѣнье отвѣтчика; позванный на судъ старосты (за исключеніемъ Жмудскаго, равнаго воеводамъ) или державцы, можетъ, «не вступаячи въ рѣчь» или «по сказаньи» отозваться до воеводы, а отъ воеводы «по сказаньи» до пановъ-рады «на роки судовые», а отъ пановъ-рады «по сказаньи» до господаря, согласно съ статутомъ, ни въ чемъ отъ него не отступая²³¹⁾. Эта устава «о непозываньи» съ великаго княжества до короны сначала имѣла значеніе личнаго распоряженія господаря, сдѣланнаго ad hoc. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. она «ухвалена» была, какъ постоянный законъ и затѣмъ подтверждена Сигизмундомъ - Августомъ на Виленскомъ сеймѣ 1547 года²³²⁾.

²²⁸⁾ Соловьева Исторія Россія, кн. II, т. VI, стр. 52—56.

²²⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 220.

²³⁰⁾ По датамъ актовъ, содержащихся въ XXIV и XXVIII книгахъ Записей Литов. Метр. Сигизмундъ пребывалъ въ Вильнѣ съ 20 мая 1540 г. по 24 мая 1542 года.

²³¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 222.

²³²⁾ Акты Зап. Рос. III, № 4, арт. 12.

§ 17.

Сигизмундъ вызванъ былъ въ Польшу специальнымъ посольствомъ, которое отрядили къ нему коронные сенаторы и шляхта, собиравшіеся на Петрковскомъ сеймѣ въ февралѣ 1542 года. Дѣло въ томъ, что незадолго предъ тѣмъ на имперскомъ сеймѣ въ Шпейерѣ и чешскомъ сеймѣ въ Прагѣ рѣшено было начать борьбу съ турками, которые въ предшествующемъ году заняли Буду и Пешть съ большею частью Венгріи. Ихъ призвали опекуны малолѣтняго внука Сигизмундова—Яна Сигизмунда (сынъ Яна Заполн и Изабеллы, дочери Сигизмунда) на помощь противъ австрійцевъ, осаждавшихъ вдовствующую королеву Изабеллу въ Будѣ. Турецкій султанъ Солиманъ лично привелъ въ Венгрію большое войско, отогналъ австрійцевъ, провозгласилъ Яна Сигизмунда королемъ Венгріи, а до совершеннолѣтія его занялъ большую часть Венгріи и подѣлилъ ее на санджаки. Турки, такимъ образомъ, врѣзались въ средину христіанскаго міра и грозили распространить свое иго далѣе. Вслѣдствіе этого христіанскія государства начали готовиться къ борьбѣ съ ними. Все это сильно встревожило поляковъ, которые опасались, что турки начнутъ свои погромы съ ихъ страны. Поэтому они и отрядили къ королю въ Литву пословъ съ приглашеніемъ пріѣхать въ Польшу для принятія необходимыхъ мѣръ по оборонѣ государства ³³³).

Къ этому приглашенію поляки присоединили просьбу, чтобы съ Польшею соединено было и великое княжество Литовское для борьбы съ общимъ врагомъ и для поддержанія добраго сосѣдства и братства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ³³⁴). Въ виду того, что эта просьба не содержала опредѣленныхъ предложеній, Сигизмундъ и съ своей стороны ограничился общими обѣщаніями постараться объ этомъ дѣлѣ. На всякій случай предъ отъѣздомъ въ Польшу онъ условился съ паннами-радою «съесть мѣти у Вильни», на праздникъ Новолѣтія, т. е. 1 сентября 1542 г. ³³⁵). На этомъ сеймѣ, очевидно, и предполагалось заняться обсужденіемъ предложеній поляковъ послѣ того, какъ оно достаточно выяснится въ деталяхъ.

³³³) Хроника *Мартина Бѣльскаго* (*Zbiór pisarzy polskich*, tom VII, str. 65—67).

³³⁴) *Volumina legum* I, 277.

³³⁵) *Акты Зап. Рос. II*, № 224.

Намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, состоялся ли этотъ сеймъ и какія сдѣланы были на немъ постановленія. Если этотъ сеймъ и собирался, то едва ли на немъ приняты были какія-либо положительныя рѣшенія касательно союза съ Польшею. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что на Краковскомъ сеймѣ въ началѣ 1543 года поляки снова поднимали вопросъ объ уніи съ Польшею и устройствѣ общей обороны государствъ. Сигизмундъ отвѣчалъ имъ, что, такъ какъ сами они не пришли еще къ рѣшенію относительно постоянной обороны государства и установили ее только на годъ, то нельзя пока рѣшать вопроса и объ уніи Польши и Литвы, которая предполагаетъ постоянную оборону обоихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что и пановъ-рады великаго княжества въ настоящее время при немъ нѣтъ. Сигизмундъ обѣщалъ полякамъ склонить литовцевъ къ тому, чтобы на предстоящій годъ они приняли такія же мѣры по оборонѣ своей украины, какія приняли и поляки ³²⁶).

Хотя опасенія поляковъ относительно турокъ оказались преувеличенными, и турки не трогали Польши, тѣмъ не менѣе нельзя было ручаться, что этого не будетъ въ ближайшемъ же будущемъ. Вопросъ объ оборонѣ отъ нихъ государства не сходилъ поэтому съ очереди и подвергался обсужденію и на слѣдующемъ Петровскомъ сеймѣ, собиравшемся въ декабрѣ 1543 и въ началѣ января 1544 (съ 30 ноября по 7 января) ³²⁷). На этомъ же сеймѣ сенаторы и послы снова подали просьбу королю о соединеніи Литвы съ Польшею въ цѣляхъ общей обороны. Изъ письма каноника Станислава Гурскаго къ своему приятелю узнаемъ, что противъ плана уніи сильно агитировала королева Бона. Бона опасалась, что если унія осуществится, ей придется нести большія военныя тягости съ своихъ огромныхъ имѣній въ Литвѣ, что поляки не дозволятъ ей уклоняться отъ повинностей, которыхъ до сихъ поръ она счастливо избѣгала. Поэтому она отговаривала и короля, и пановъ радныхъ отъ того, чтобы поднимать вопросъ объ уніи ³²⁸), и, повидимому, имѣла въ томъ успѣхъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что на великомъ Берестейскомъ соймѣ 1544 г. литовцамъ сдѣланы были предложенія только объ устройствѣ сообща съ поляками обороны отъ турокъ и татаръ, а не объ уніи обоихъ государствъ.

³²⁶) Volumina legum I, 277, 278.

³²⁷) Хроника *М. Бельскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 70—72).

³²⁸) *J. U. Niemciewicz* Zbiór pamiętników, tom IV, str. 31, 34.

Великій Берестейскій сеймъ собрался къ половинѣ іюня 1544 г. и продолжился до половины октября ³³⁹). Берестье выбрано было мѣстомъ сбора отчасти во вниманіе къ старости короля, которому уже не под силу были дальнія поѣздки въ Литву, а отчасти вслѣдствіе царившаго въ Литвѣ голода, недостатка «живности» для людей и скота ³⁴⁰). Станы собрались на сеймъ въ многолюдномъ числѣ (*frequentes ordines*, по выраженію Кояловича) ³⁴¹).

На обсужденіе собравшагося сейма и былъ предложенъ королевъ вопросъ объ организаціи совмѣстной съ Польшею обороны отъ турокъ. Указавъ станамъ сейма на грозящую опасность отъ врага Креста Христова—Турецкаго султана который, покоривъ сосѣднія съ нимъ государства и жестоко разоряя Венгрію, набирается все большей и большей смѣлости по отношенію къ другимъ христіанскимъ государствамъ, король выставлялъ на видъ, что необходимо заранѣе принять мѣры противъ всякихъ случайностей и поставить государство въ оборонѣ противъ возможнаго нападенія султана, сдѣлавшагося уже почти сосѣдомъ Польши и Литвы. Поэтому король просилъ станы сейма, чтобы они «едностанными умысла радили и около того мыслили», какииъ образомъ съ Божьею помощію обороняться сообща съ панамъ коронными, братьями и сосѣдями ихъ, противъ этого врага.

Станы сейма прежде всего выразили свою великую благодарность королю за то, что онъ, не щадя своего здоровья и лѣтъ, изъ любви къ своимъ государствамъ потрудился пріѣхать въ великое княжество по вышеизложенной общей надобности. Но въ своемъ отвѣтѣ по существу на предложенія короля литовцы не приминули посчитаться съ поляками. Они указывали королю, что ихъ предки никогда не покидали поляковъ, своихъ братьевъ и сосѣдовъ, и помогали имъ противъ всѣхъ непріятелей, безъ всякаго вознагражденія и заплаты, не щадя своей крови и даже жизни. Это де не только значитъ на письмѣ, но даже происходило у всѣхъ на памяти, въ счастливое царствованіе короля.

³³⁹) *Strykowskiego Kronika*, tom II, str. 400; Лит. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 219, 221, 223, 225, 226, 229, 231, 232, 234; *Archiwum Sanguszkow IV*, № CCCXVIII, CCCXXIII, CCCXXVI, CCCXXVIII.

³⁴⁰) Сообщение Ст. Гурскаго (*Niemciewiczza Zbiór pamiętników*, tom IV, str. 29, 30). Гурскій сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что короля направила въ Берестье Бона, не желавшая свиданія его съ Фердинандомъ, королевъ Римскимъ, который собирался въ Польшу, чтобы уладить отношенія своей дочери Елизаветы съ мужемъ, молодымъ королевъ Сигизмундомъ-Августомъ.

³⁴¹) *Historiae Litvanæ pars II*, p. 404.

Великое княжество за это время имѣло не мало великихъ затрудненій и невзгодъ, но поляки съ своей стороны не благоволили оказывать ему помощи ни людьми, ни деньгами, хотя о томъ къ нимъ всегда посылались послы. Только въ самое недавнее время, на Стародубскую войну, поляки выслали за свои деньги на помощь великому княжеству тысячу конныхъ и пятьсотъ пѣшихъ ратниковъ, при чемъ просить о помощи къ нимъ ѣздили изъ Литвы знаменитыя особы, важные сановники. Такъ какъ поляки съ своей стороны не прислали пословъ просить о помощи, то и предложеніе короля они, литовцы, склонны понимать, какъ личное дѣло короля, желающаго добра обонимъ государствомъ. Не видя пословъ и не слыша желаній пановъ коронныхъ они, литовцы, полагали бы, что и о помощи нечего принимать какихъ-либо рѣшеній. Но такъ какъ они привыкли охотно исполнять волю и приказъ короля, и по пріятельски относиться къ панамъ короннымъ, братьямъ и сосѣдямъ своимъ, чтобы и ихъ къ себѣ расположить на будущее время, то общають на нынѣшнее время оказывать такую помощь: если турки покажутся со стороны Бѣлгорода или Волынской земли, то литовцы всѣ сядутъ на коней своихъ и всѣми силами своими будутъ помогать полякамъ; но если турки будутъ вступать въ Польшу черезъ Силезію или отъ Кошиць, литовцы не пойдутъ всѣмъ ополченіемъ на помощь полякамъ, такъ какъ иначе имъ пришлось бы покинуть безъ защиты собственное государство, окруженное могущественными непріятелями: въ такомъ случаѣ они пошлютъ полякамъ 4000 наемной конницы на полгода; если же въ это время сами будутъ нуждаться въ людяхъ, то пошлютъ полякамъ денегъ на 4000 человекъ по 10 золотыхъ польскихъ на человекъ. Въ заключеніе станы сейма просили короля, чтобы онъ склонилъ и поляковъ къ подобному же постановленію о помощи великому княжеству, особенно противъ Москвы; если же они въ этомъ дознають отъ господара ласку, а отъ пановъ поляковъ пріятельскую «вчинность», то еще съ большею готовностью и усердіемъ будутъ помогать полякамъ, когда прикажетъ государь, и пожелаютъ сами поляки.

Такова была «одноставная воля и вмсль» пановъ-рады, княжатъ, панягъ и всего рыцарства, собравшихся на сеймъ въ Берестѣ. Свое рѣшеніе чины сейма просили короля выслушать благосклонно и все это обнять своею государскою милостью ³⁴²).

Это рѣшеніе сейма было сообщено королю 11 сентября. Между тѣмъ по указаніямъ актовъ видно, что сеймъ былъ въ сборѣ уже

³⁴²) Zbiór praw litewskich, str. 414—417.

14 июля. Значить и совѣщанія о совмѣстной оборонѣ отъ турокъ велись довольно продолжительное время. Впрочемъ, предметомъ сеймовыхъ совѣщаній было не одно только вышензложенное предложеніе короля. Княжата, панята и земане-шляхта воспользовались случаемъ, чтобы выработать и представить королю рядъ коллективныхъ просьбъ относительно сохраненія ихъ правъ и вольностей и устраненія изъ правительственной практики различныхъ неурядковъ. Эти коллективные просьбы являются какъ бы итогами политическаго воспитанія, которое литовская правительственная знать при Сигизмундѣ и отчасти самъ государь давали собиравшимся на сеймъ князьямъ, панамъ и землянамъ, знакомя ихъ съ государственными нуждами и интересами, вовлекая ихъ во взаимныя препирательства по вопросамъ государственнаго права и практики.

Первыя просьбы князей, пановъ и шляхты рыцарства касались обороны земской. Король съ панами - радою постановилъ, чтобы всѣ землевладѣльцы выправляли съ девяти людей десятаго на военную службу. Чины сейма указывали королю, что какъ при предкахъ его, такъ и при немъ самою подобныя постановленія дѣлались на вальныхъ сеймахъ, на которые созывались всѣ паны-рада, княжата, панята, старосты, хоружіе и шляхта, «съ которыхъ призволеніемъ и радою завжды оборона была доконывана». Поэтому они просили, чтобы король какъ теперь, такъ и на будущее время оставилъ ихъ при правахъ ихъ и вольностяхъ, и чтобы паны-рада, «безъ оповѣданья и призволенья княжатъ, панатъ, всего рыцарства», и особливо въ данное время, когда не всѣ мѣста ихъ «осажены», будучи при государѣ не соизволяли на такія тяжкія бремена. Впрочемъ, они изъявляли готовность повиноваться королю и просили только увеличить количество людей, съ которыхъ долженъ выставляться ратникъ, а если этого нельзя, то опредѣлить срокъ дѣйствія этой «уставы».

Отвѣчая на эту просьбу, король выразилъ удивленіе по поводу такого «непотребнаго напоминанья»: онъ де съ того времени, какъ осѣлъ на отчинѣ своей, великомъ княжествѣ Литовскомъ, всегда «оборону панства своего и вишне речи, прислухаючие того панства, рядель и справоваль» вмѣстѣ съ панами - радою; все что онъ устанавливалъ съ ними, устанавливалъ для общаго блага, и уставу объ оборонѣ земской онъ учинилъ для ихъ же спокойнаго «мѣшканья». «И на томъ его милость есть нине и на потомные часы,—заклучался отвѣтъ короля,—ижь его милость хочеть всякие речи и о васъ подданныхъ своихъ съ паны радами своими справовати, яко здавна бывало».

Отвѣтъ короля бросаетъ свѣтъ на предшествующую практику по части постановленій объ оборонѣ земской. Очевидно, что эти постановленія выходили отъ господаря и пановъ-рады, а остальные станы сейма только выслушивали ихъ и, такъ сказать, молча давали согласіе. Весьма возможно, что иногда запрашивали предварительно ихъ мнѣнія о таго-сти устанавливаемой повинности. Такимъ образомъ, и уставы объ оборонѣ были въ сущности рѣшеніями господаря и пановъ-рады, хотя и назывались «земскими», въ виду того, что создавались на вальномъ сеймѣ, при нѣкоторомъ участіи остальныхъ чиновъ сейма. Теперь эти чины стали добиваться, чтобы это участіе было постояннымъ и непремѣннымъ, чтобы уставы объ оборонѣ были дѣйствительно, а не номинально только «земскими». Хотя король и далъ имъ суровую отвѣдь, но все-таки сдѣлалъ и нѣкоторую уступку въ смыслѣ участія ихъ въ окончательной формулировкѣ уставы. Во-первыхъ, по предложенію ихъ король опредѣлилъ срокъ дѣйствія новой уставы въ 8 лѣтъ; во-вторыхъ, хотя и не измѣнилъ количества людей, съ котораго долженъ выставляться ратникъ, но сослался при этомъ на ихъ же согласіе. Наконецъ, по инициативѣ становъ сейма король издалъ разныя дополнителныя постановленія, касающіяся обороны земской, такъ что въ общемъ вся «устава» вышла плодомъ совмѣстной работы господаря, пановъ-рады и другихъ становъ сейма.

Князья, паны и шляхта просили, чтобы никто не назначался переписывать людей въ ихъ имѣньяхъ, такъ какъ каждый изъ нихъ въ такой же мѣрѣ заслуживаетъ вѣры, какъ и тотъ, кого пошлютъ переписывать; если же кто позволитъ себѣ дать неправильное показаніе, пусть наказывается такъ же, какъ и за неисполненіе военной повинности. Согласно этой просьбѣ король опредѣлилъ, что всѣ князья, паны и земяне, хоружіе и всѣ шляхтичи, а также хоружіе татарскіе должны сами переписать своихъ людей и реестры отдать старостамъ и державцамъ, въ чьихъ повѣтахъ лежатъ ихъ имѣнья, и принести предъ ними присягу, что правильно переписали своихъ людей. Старосты и державцы должны передать эти реестры воеводамъ, въ повѣтахъ которыхъ находятся ихъ державы; а сами воеводы и тѣ старосты, которые присягали королю «на раду», должны передать эти реестры въ скарбъ вмѣстѣ съ реестрами собственныхъ имѣній. Всѣ землевладѣльцы на день св. Креста осеняго должны показываться съ «почтами» своими передъ воеводами и старостами повѣтовыми; князья, паны и вся земля Волянская передъ маршалкомъ Волянской земли; а князь Слуцкій, Друцкіе и Лукомскіе и иные княжата и панята передъ воеводою Виленскимъ въ Минскѣ; земли Подляшскія—передъ старостами въ своихъ

повѣтахъ, причемъ «отъ попису» должны платить по полугрошку съ коня. Король обѣщаль издать специальное распоряженіе о томъ, какъ должна быть «заступована» военная служба, какіе должны быть кони, вооруженіе и цвѣтъ одежды.

Князья, паны и шляхта просили далѣе, чтобы государь, на обязанности котораго лежитъ давать оборону и справедливость своимъ подданнымъ, далъ что-нибудь изъ скарба своего на это дѣло и несъ военную службу съ земскихъ имѣній, которыя на него спали. Въ отвѣтъ на это король выразилъ удивленіе, что ему напоминаютъ о томъ, что онъ всегда дѣлалъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ несъ и несетъ охрану великаго княжества отъ непріятелей московскаго и татарскаго «съ великимъ утисненемъ и ущипкомъ» скарба своего, что для этого онъ позаставлялъ многія мѣста и дворы свои. Что касается службы со спадковыхъ имѣній, то ему, государю, дивно, что осмѣливаются его имѣнья равнять съ другими: «бо то есть речь необычайная ани пристойная государю, жебы его милость мель зъ вами, подданными своими въ оной службѣ зъ имень спадковыхъ быти ровнанъ». Впрочемъ, противъ врага Креста Христова, Турка король обѣщаль учинить «выправу» со спадковыхъ имѣній, какая ему заблагоразсудится (sic!)

Слѣдующая просьба становъ сейма состояла въ томъ, чтобы духовные римскаго и греческаго закона отправляли военную службу съ своихъ отчинныхъ и церковныхъ имѣній и съ десятины по оцѣнкѣ наравнѣ съ шляхтою: ибо, если вторгнется непріятель, особливо Турокъ, онъ одинаково не спуститъ какъ свѣтскому, такъ и духовному, а отъ его разоренья и десятины не съ чего будетъ брать. Король отвѣчалъ, что онъ объ этомъ говорилъ съ князьями бискупами, и они отложили это дѣло до собора духовнаго, который будетъ въ Петровѣ; на чемъ рѣшить по этой части коронное духовенство, на то же и они согласятся и будутъ нести вмѣстѣ съ другими оборону земскую. Съ имѣній же отчинныхъ, купленныхъ и заставныхъ духовенство и теперь обязано нести военную службу по той уставѣ, которую государь установилъ съ панами-радою.

Князья, паны и шляхта пожелали, чтобы и мѣщане, которые владѣютъ земскими имѣньями, наравнѣ съ другими несли военную службу, а съ куплей и маетностей своихъ по оцѣнкѣ и приказу короля. Государь выразилъ на это согласіе и постановилъ, что на смотрѣ мѣщане должны являться къ тѣмъ воеводамъ, въ чьихъ повѣтахъ они владѣютъ имѣньями.

Наконецъ, станы сейма просили, чтобы земская служба отправлялась и съ воеводствъ, староствъ и всякихъ урядовъ по стародавнему,

«водле важностей вьрадовъ», а особливо съ имѣній стола господарскаго, данныхъ въ заставу или въ какое-нибудь другое держанье. Король отложилъ рѣшеніе этого вопроса до другого времени и только объявилъ, что отнынѣ воеводы, старосты, державцы, намѣстники, войскіе, гаевники, тивуны жмудскіе и всѣ урядники должны быть на службѣ земской «головами своими», «водле тое уфалы земское».

Слѣдующій радъ просьбъ касался пополненія господарской рады и назначенія на разныя должности. Станы сейма въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ просили господаря, «абы его королевская милость завжды суполное рады того панства его милости рачиль мети, а звлаща жадного сойму абы кролевская милость николи не рачиль починати, али жбы зуполна панове рада на местцахъ своихъ были осажоны». Свою просьбу станы сейма мотивировали не только тѣмъ общимъ соображеніемъ, что гдѣ много головъ, тамъ много совѣта, но и спеціально шляхетскимъ интересомъ,—чтобы шляхтѣ было у кого служить и тѣмъ богатѣть и множитья. «А теперь,—прибавляли проентели,—хотя бы и хотели, але не мають кому» служить. Станы сейма настаивали на томъ, чтобы господарь осадилъ мѣста въ радѣ прежде, «нижли бы черезъ вырокъ свой господарскій тую оборону замкнути рачиль». На это король отвѣчалъ, что такія вещи ему приходится выслушивать еще впервые, и онъ не радъ ихъ слушать; онъ хорошо самъ знаетъ, какъ править своимъ государствомъ и держать свою раду: когда будетъ на то его воля, онъ раздастъ эти уряды, кому слѣдуетъ.

Затѣмъ станы сейма просили, чтобы господарь не раздавалъ урядовъ въ великомъ княжествѣ чужеземцамъ полякамъ, и чтобы урядники коронные, приѣзжающіе съ господаремъ, не мѣшались въ правительственныя дѣла великаго княжества, но слагали бы съ себя всякую власть на границахъ этого государства. Король отвѣчалъ, что при немъ таковыхъ урядниковъ и не бываетъ, а приѣзжаютъ съ нимъ обыкновенно урядники дворные, какъ, напр., подчашій, подкоморій, «што въ ложницахъ на впокою при его милости бывають», для личныхъ услугъ королю, а не для какихъ-либо государственныхъ потребностей. Такихъ де урядниковъ мѣнять неудобно: то было бы «съ трудностію и невчастностію» для господаря. При томъ же дворные урядники великаго княжества—кухмистръ, подчашій, подстолий, конюшій всегда находятся при королѣ и «врадовъ своихъ догледають и ими справують, водле давного звычаю». Станы сейма просили, кромѣ того, чтобы господарь не раздавалъ свѣтскихъ урядовъ духовнымъ лицамъ, хотя бы и туземцамъ, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ ихъ сану, и кромѣ того отъ нихъ «большее утисненіе люди мають, нижли отъ светскихъ, для того, ижъ

ихъ право не есть сконченное». Король взявъ эту просьбу на размышленіе и волю свою.

Всѣ эти просьбы, очевидно, вышли изъ круга тѣхъ «княжатъ и панятъ», которые сами рассчитывали на мѣста въ лавицѣ рады господарской и на различные уряды. Политическая притязательность, которую обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ литовско-русскій сеймъ, объясняется именно тѣмъ, что въ его составѣ былъ тотъ аристократическій кругъ, изъ котораго господарь набиралъ своихъ совѣтниковъ и чиновниковъ.

Дальнѣйшія просьбы касались матеріальныхъ интересовъ «становъ» сейма. Они просили, чтобы въ тѣ годы, пока будетъ продолжаться дѣйствіе новой ustawy объ оборонѣ, господарь не привлекалъ ихъ къ платежу серебщины, просили, чтобы на ихъ имѣньяхъ не устанавливались господарскія мытныя коморы. Господарь обѣщалъ не привлекать ихъ къ платежу серебщины, «кромя наглое, квалтовное и великое потребности» великаго княжества: тогда они обязаны будутъ не только исполнять уставу объ оборонѣ земской, но и все другое, что потребуется отъ нихъ, какъ отъ добрыхъ и вѣрныхъ слугъ и подданныхъ господаря. По поводу коморъ мытныхъ господарь выразилъ недоумѣніе, какой можетъ быть отъ нихъ вредъ владѣльцамъ. Коморы уставлены «ку розмноженю скарбу и пожитковъ его милости господарскихъ»; если же кому-нибудь дѣлается отъ нихъ «кривда», пусть жалуется господарю и получить отъ него «справедливость».

Группа слѣдующихъ просьбъ относится къ судопроизводству и судоустройству. Во главѣ ихъ стоитъ просьба, чтобы былъ исправленъ статутъ и въ исправленномъ видѣ напечатанъ, «абы черезъ писаные статута не были люди омылены и справедливость ни передъ кимъ не была закрыта». Станы сейма просили ввести въ статутъ и привилен земскіе, «для того, абы всимъ яко скарбъ посполитый былъ ведомъ, и для того тежъ, абы черезъ старость, моль и иные пригоды, которыхъ много есть на свете, не были скажоны». Король изъявилъ свое согласіе на поправленіе статута и выразилъ желаніе, чтобы станы сейма выбрали изъ среды себя десять особъ «людей добрыхъ, поважныхъ» какъ греческаго, такъ и римскаго закону. Эти выборные должны «тые артыкулы водле потребности и водлугъ Бога и речи справедливое поправити, а инше учинити» и представить ихъ на первомъ сеймѣ передъ панами-радою и всѣми княжатами, панятами и рыцарствомъ. На сеймѣ эти артикулы должны быть «уфалены» «черезъ посполитый съемъ, на што вся земля зволить», и приняты «зъ его милости господарскимъ дозволенемъ, што ся его милости слушнаго будетъ видети». Но вписы-

вать въ статутъ земскіе привилеи господарю «не видѣлося для многихъ причинъ»; привилеи всегда находятся при панахъ радѣ и во всякое время могутъ быть представлены, когда только потребуется.

Къ общей просьбѣ о «поправѣ» статута примыкаетъ рядъ частныхъ просьбъ. Станы сейма просили, чтобы изъ канцеляріи не выдавались заручные листы «на заочные повести», и чтобы это было гарантировано статутомъ, ибо благодаря заочной выдачѣ заручныхъ листовъ многіе терпятъ великое «утисненіе», поступаютъ даже своими имѣньями, чтобы какъ-нибудь не преступить «заруки»; съ другой стороны, слуги и люди, «зрадивши пана своего и его невчтивши», взявъ заруки, смѣло ходятъ предъ глазами своихъ пановъ, а тѣ имъ ничего не могутъ сдѣлать. Поэтому пусть заруки будутъ устанавливаемы только на тѣхъ, «кто бы не хотѣлъ речи осужоное платити або суду досыть чивити». Король отвѣчалъ, что отнынѣ не будутъ выдаваемы изъ канцеляріи заручные листы на заочную жалобу, если дѣло касается имѣній давняго владѣнія. Заручные листы будутъ выдаваться на тѣхъ, кто не захочетъ подчиняться судебнымъ рѣшеніямъ или кто будетъ угрожать жизни другихъ. Что касается слугъ, которые прибѣгаютъ къ господарю съ жалобами на пановъ своихъ, господарь не будетъ отказывать имъ въ защитѣ, и оставляетъ «тую речь водлугъ давного обычая, яко и передъ онымъ бывало». Впрочемъ, тѣ слуги, которые будутъ защищаться заручными листами отъ своихъ пановъ, должны въ теченіе четырехъ недѣль отъ предъавленія заручнаго листа во всемъ «ся усправедити» панамъ своимъ «передъ стороною, людьми добрыми», если паны въ чемъ-нибудь ихъ будутъ обвинять.

Затѣмъ станы сейма просили господаря издать распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ позывать другаго «о речь светскую» до духовнаго суда, а особливо духовные, которые это обыкновенно дѣлаютъ; чтобы мѣщане согласно статуту отвѣчали шляхтѣ «о раны ихъ самихъ и подданныхъ ихъ и о грабежи» правомъ земскимъ, а не своимъ нѣмецкимъ; чтобы шляхтичъ, «не будучи правомъ поконанъ», т. е. до суда, «не былъ иманъ и каранъ». Король постановилъ такъ, какъ того желали станы сейма.

Дальнѣйшая просьба ихъ состояла въ томъ, чтобы въ земскихъ гѣбахъ съ господаремъ доводъ не шель за одною стороною господарскою, но чтобы доказывать листами или свидѣтелями предоставлено было той сторонѣ, которая будетъ имѣть на то большее право по статуту, и чтобы при этомъ съ господарской стороны въ качествѣ свидѣтелей выставлялись не одни только хлопы, но по крайней мѣрѣ двое шляхтичей, достойныхъ вѣры и ни въ чемъ не заподозрѣнныхъ. Король

отвѣчалъ, что это дѣло великое и важное, ближе всего его касающееся, и потому надобно объ немъ подумать.

Затѣмъ станы сейма указывали господарю, что многіе самозванно зовутся и пишутся дворянами господарскими, «въ чомъ великіе омыльности и потвары въ справедливостяхъ людскихъ ся деють», и просили положить этому конецъ: пусть маршалокъ дворный составитъ реестръ настоящихъ дворянъ, и кто послѣ того будетъ самозванно величаться дворяниномъ, пусть горло тратить, а настоящіе дворяне уже служатъ только господарю и никакому другому пану подъ страхомъ той же кары. Король сдѣлалъ постановленіе въ томъ родѣ, какъ просили станы сейма.

Далѣе они просили, чтобы въ каждомъ господарскомъ дворѣ были установленныя вижи, достойныя вѣры и присяжныя, которые бы брали необременительную плату за свой трудъ. Король отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ возможности въ данное время учинить по этому поводу постановленіе «для иншихъ большихъ а важнѣйшихъ справъ» и передаетъ это дѣло тѣмъ, кто будетъ исправлять статутъ: пусть они выработаютъ этотъ артикулъ и представятъ его на первомъ сеймѣ для того, чтобы вписать въ статутъ «съ призволениемъ всея земли».

Шляхта, присутствовавшая на сеймѣ, представила королю на письмѣ рядъ своихъ особенныхъ просьбъ и желаній, чрезвычайно характерныхъ для ея настроенія. Видно, что, хотя во многомъ она и солидарна была съ княжатами и панятами и вмѣстѣ вырабатывала различныя просьбы, но эта солидарность простиралась только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми начинался антагонизмъ, оппозиція, стремленіе къ расширенію и обезпеченію собственныхъ правъ, и къ ограниченію преимуществъ высшаго класса и огражденію отъ его злоупотребленій.

Прежде всего шляхта просила, чтобы въ каждомъ повѣтѣ были избраны отъ нея судья и писарь, съ которыми воеводы, старосты и державцы могли бы судить каждаго князя, пана и духовнаго въ своемъ повѣтѣ. Господарь отвѣчалъ, что онъ не видитъ надобности измѣнять первое постановленіе по этой части, содержащееся въ статутѣ. Шляхта требовала далѣе, чтобы воеводы, старосты и державцы давали ей судъ въ своихъ повѣтахъ, а не по своимъ имѣніямъ. Господарь послѣ «обмовы» съ панами-радою постановилъ такъ, какъ того требовала шляхта, исключивъ тѣ случаи, когда тяжущіеся по доброй волѣ захотятъ стать предъ судьей въ его имѣніи. Въ связи съ этимъ шляхта просила, чтобы воеводы, старосты и державцы не увозили съ собою изъ повѣтовъ судовыхъ книгъ, и господарь высказался опять согласно съ же-

ланіемъ шляхты. Шляхта предлагала далѣе измѣнить постановленіе о вижахъ, указывая на то, что многіе сильные и своевольные люди укрываются отъ «позвовъ» на судъ или не допускаютъ до себя этихъ позвовъ. Государь, оставляя въ силѣ прежнее постановленіе о вижахъ, разъяснилъ, что вижи въ тѣхъ случаяхъ, когда кто уклоняется отъ вызова въ судъ, могутъ «позвы» вручить урядникамъ, тивунамъ и «рыкунамъ» имѣній, «съ которыхъ ся кривда деетъ»; а если и эти послѣдніе не захотятъ принять, могутъ просто положить ихъ въ имѣнїѣ при свидѣтеляхъ. Шляхта просила государя издать уставу относительно платы за листы въ канцеляріи и за присягу въ костелѣ. Государь обѣщаль издать уставу о платѣ въ канцеляріи съ установленіемъ присяжнаго писаря, а отъ присяги въ костелѣ постановилъ платить по два гроша. Наконецъ, шляхта жаловалась, что паны воеводы, старосты и державцы при взысканіи «винъ» сажаютъ шляхтичей «у везень» и всылаютъ въ домъ ихъ разныхъ лицъ на постои («лежви»). Король опредѣлилъ, что воеводы, старосты и державцы не должны впредь этого дѣлать «безъ слухныхъ причинъ и безправне»; взыскивать «вины» они должны «зъ милосердьемъ, побожне, безъ крику и тяжкости людское, чинячи ласку»; кто не захотѣлъ бы платить «винну» господарскую, у того должны взять людей до заплагы; а у кого нѣтъ людей, того самого должны посадить въ заключеніе, но не всылатъ къ нему въ домъ лежней³⁴³).

Какъ видно, всѣ эти просьбы шляхты имѣютъ въ виду огражденіе ея отъ притѣсненій администраціи. Но такъ какъ персоналъ этой администраціи выходилъ преимущественно изъ среды «княжатъ» и «панятъ», то и въ просьбахъ нельзя не видѣть нѣкоторой соціально-политической оппозиціи шляхты противъ высшаго класса, тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ просьбъ сказывается прямо и стремленіе къ юридической нивеллировкѣ различныхъ разрядовъ военнотружлага класса, къ приравненію князей и пановъ съ рядовою шляхтою.

Кромѣ общихъ просьбъ отъ князей, пановъ и шляхты всего великаго княжества, на Берестейскомъ сеймѣ подавались господарю представленія и отъ отдѣльныхъ земель. Такъ, паны и земляне Полоцкой земли жаловались господарю на своего владыку Симеона, который управляетъ свою должность «нерадно и неслучно», чинить «кривды и шкоды великіе» церквамъ Божимъ и въ монастыряхъ архимандритамъ, игуменамъ и старцамъ, крылошанамъ святой Софіи, попамъ и мірянамъ въ мѣстѣ и по селамъ, по всей своей епархіи (слѣдуетъ перечень этихъ

³⁴³) Zbiór praw litewskich, str. 397—413.

шкодь и кривдъ). Король отрядилъ дворянина своего Александра Дмитриевича и землянина Полоцкаго Войну Петровича, которымъ поручилъ доувѣдаться «о тыхъ всихъ кривдахъ и шкодахъ и тяжькостяхъ» владыки Полоцкаго, списать ихъ на реестръ и пригласить владыку дать по нимъ полное удовлетвореніе. На тотъ же случай, если бы владыка ослушался и не «справился» передъ посланцами господарскими, король распорядился, чтобы паны-рада, «будучи на первомъ року судовомъ», пригласивъ къ себѣ митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Руси, вызвали владыку Полоцкаго, «о томъ о всемъ межъ ними досмотрѣли, и разузнали и справедливость тому на конецъ безъ отволоки учинили, во дѣ обычаю закону ихъ и права писаного земскою». Если бы владыка не захотѣлъ стать передъ судомъ, король уполномочивалъ пановъ-раду заочно обвинить его и «моцно» отправить на немъ всѣ шкоды и кривды, показанныя жалобщиками»³⁴⁴).

Послѣ того, какъ разсмотрѣны были и рѣшены всѣ вопросы, поднятые на сеймѣ, Сигизмундъ торжественно передалъ управленіе великимъ княжествомъ молодому королю Сигизмунду-Августу, съ согласія становъ сейма (*de consensu ordinum*)³⁴⁵). Эта передача состоялась недѣлю спустя послѣ Покрова Богородицы, т. е. 8 октября³⁴⁶). Недѣлю спустя старый король уѣхалъ въ Польшу, а молодой съ женою въ Вильну.

Берестейскій сеймъ 1544 г. былъ послѣднимъ въ правленіе Сигизмунда I въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Прежде чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію сеймовъ, бывшихъ при его преемникѣ, полезно будетъ остановиться нѣсколько и дать себѣ отчетъ въ пройденной уже сеймомъ стадіи развитія, подвести общіе итоги его успѣхамъ какъ по внѣшней формировкѣ, такъ и по значенію въ политической жизни страны, отмѣтить зародившіяся въ немъ тенденціи и такимъ образомъ подготовиться къ уясненію послѣдняго фазиса въ развитіи этого учрежденія.

§ 18.

Начнемъ прежде всего съ состава великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I. Наблюденія, сдѣланныя нами въ этомъ отношеніи надъ великими вальными соймами предшествующаго времени, привели

³⁴⁴) Акты Зап. Рос. II. № 234.

³⁴⁵) *Kojałowicza* Historiae Litvanæ pars II. p. 404.

³⁴⁶) *Strujkowskiego* Kronika, tom II, str. 400.

насть къ заключенію, что первоначально на эти соймы, кромѣ князей, пановъ и бояръ шляхты изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, приглашались только «старшіе» изъ областей - аннексовъ, крупные и родовитые землевладѣльцы, составлявшіе областную аристократію. При Сигизмундѣ I на великомъ вальномъ соймѣ получила мѣсто и рядовая шляхта изъ областей - аннексовъ. Мы видѣли, что такіе шляхтичи изъ Жмудской земли находились уже на первомъ великомъ сеймѣ, собиравшемся послѣ возведенія Сигизмунда на великое княженіе. Простые рядовые земляне по выбору своей братьи находилсь и на Виленскомъ сеймѣ 1512 года. О военно-полевыхъ сеймахъ 1520 и 1521 годовъ и говорить нечего въ виду того, что тамъ находились, по словамъ актовъ, подданные великаго княжества изъ земель и повѣтовъ. На великомъ Виленскомъ сеймѣ 1522 г. изъ Жмудской земли находились не только паны и тивуны, но и простые бояре, что съ полнымъ правомъ можемъ предполагать и относительно другихъ земель. Жмудская рядовая шляхта находилась и на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1525 г. На великомъ Виленскомъ сеймѣ 1534 года кромѣ чиновной аристократіи находились также и рядовые шляхтичи изъ всѣхъ земель великаго княжества, по два отъ каждаго повѣта по выбору своихъ хоружихъ. Всѣ эти факты приводятъ къ заключенію, что рядовая шляхта изъ земель-аннексовъ заняла постоянное и прочное мѣсто на великомъ вальномъ соймѣ на ряду съ своею братьею изъ собственной Литовской земли. Эта новость въ исторіи литовско-русскаго сейма находитъ себѣ объясненіе въ той преобладающей цѣли, для которой стали созываться великіе вальные соймы при Сигизмундѣ I. До Сигизмунда I великіе вальные соймы созывались для рѣшенія политическихъ вопросовъ, имѣвшихъ для большинства шляхетской массы отдаленный интересъ. Поэтому и правительство не считало нужнымъ привлекать на эти соймы рядовую шляхту изъ областей-аннексовъ и ограничивалось только вызовомъ мѣстной аристократіи. Съ самаго начала великокняженія Сигизмунда великіе вальные соймы стали созываться для рѣшенія преимущественно такихъ вопросовъ, которые близко касались шляхетскаго кармана, а именно: обложенія шляхетскихъ имѣній серебриною на военныя нужды и размѣровъ военной повинности съ этихъ имѣній, т. е. съ какого количества крестьянскихъ «службъ» долженъ выставляться конный ратникъ. Естественно, поэтому, что правительство стало считать необходимымъ присутствіе на великихъ вальныхъ соймахъ и рядовой шляхты какъ изъ великаго княжества въ собственномъ смыслѣ, такъ и изъ областей-аннексовъ, для отобранія отъ нея имѣній и заявленій по этимъ вопросамъ и для полученія согласія какъ на

сборъ серебщины, такъ и на обложеніе новыми военнослужебными тягостями. Такая политика литовскаго правительства, какъ мы уже имѣли случай указывать, была естественнымъ послѣдствіемъ распространения на все государство привилей 1447 года, освободившаго всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества Литовскаго отъ платежа въ казну постоянной денежной подати, или серебщины. По отношенію къ землевладѣльцамъ окраинныхъ областей-аннексовъ эта политика предписывалась и тѣмъ страхомъ, который внушали національно-религіозныя симпатіи русскихъ подданныхъ великаго княжества къ Москвѣ³⁴⁷⁾. Литовскому правительству *volens-nolens* приходилось быть предупредительнымъ къ русскому военнослужилому люду, принимать въ расчетъ его настроеніе, считаться съ его мнѣніями и желаніями. Можно сказать, поэтому, что результаты московской политики въ отношеніи къ западной Руси были далеко не тождественны съ ея территоріальными приобрѣтеніями. Эта политика сильно вліяла на улучшеніе положенія западно-русской народности, остававшейся и въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго, и тѣмъ парализовала свои дальнѣйшіе успѣхи по части территоріальныхъ присоединеній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нѣкоторыхъ великихъ вальныхъ сеймахъ, собиравшихся при Сигизмундѣ I рядовая шляхта присутствовала поголовно, *viritim*. Таковы были военно-полевые сеймы подъ Минскомъ въ 1520 и 1521 г. и подъ Новгородкомъ въ 1538 г. На сеймахъ, собиравшихся въ первые годы великокняженія Сигизмунда I,

³⁴⁷⁾ О значеніи этого фактора мы имѣли случай говорить въ предшествующей главѣ. Въ дополненіе къ даннымъ тамъ указаніямъ приведемъ въ настоящемъ мѣстѣ свидѣтельство Станислава Гурскаго, показывающее, что страхъ предъ русскою извѣною былъ распространенъ въ Литвѣ и Польшѣ во время борьбы съ Москвою: „*Quod vero Ruthena gens,—*пишетъ Гурскій,—*imperio regi in Lithuania tam facile ad Moscos deficiat, plures sunt ejus rei cause, prima: quod Russi ipsi, gens barbara, nature vitio insitam habet lubricitatem in fide et mutandi dominos studium, secunda causa: quod Russiis cum Moscis lingua est communis, communis morum feditas, communis religio, communis in Moscovia patriarchia, commune odium in sedem ac religionem romanam contraque gentem Polonam victoriosam, a qua sepe olim fusi sunt, tertia: quod prefecti regii sevum in eos exercent imperium et in spoliandis eis inhumanam crudelitatem idque impune... Hinc fit, ut homines male tractati ab imperio regis ad Moscum deficiant. Nec dubium est, quid universi, quicumque sunt ruthene religionis in Lithuania, malint Moscum dominum quam suum. nisi eos a dedendo se seivissima tyrannis moscicia deterreret*“. См. *Acta Tomiciana* III, № I.

шляхетское представительство, по всѣмъ даннымъ, еще не было правильно организовано, и изъ рядовой шляхты пріѣзжалъ на сеймъ, кто хотѣлъ и имѣлъ возможность или какую-нибудь надобность до господаря. Вотъ почему и на Виленскомъ сеймѣ 1507 г. имѣлъ мѣсто тотъ инцидентъ, о которомъ разсказано выше: присутствовавшіе въ случайномъ составѣ жмудскіе боаре не рѣшились дать согласія на сборъ серебины, такъ какъ имъ не дано было на то полномочія, а на свою отвѣтственность, безъ своихъ «старшихъ», они не рѣшились принять такое дѣло. Представительство отъ шляхты не было организовано и на великомъ Берестейскомъ сеймѣ 1511 г. Въ противномъ случаѣ мобилизація шляхты не помѣшала бы совѣщаніямъ на этомъ сеймѣ, какъ было это въ дѣйствительности. Испытанныя неудобства отъ поголовнаго привлеченія шляхты на сеймы не замедлили повести къ организаціи правильнаго шляхетскаго представительства. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ уже въ томъ же 1511 г., когда мобилизація разстроила великій вальный соймъ, собравшійся въ Берестѣ. Задумавъ собрать новый сеймъ въ Вильнѣ для рѣшенія вопросовъ, не конченныхъ въ Берестѣ, Сигизмундъ распорядился, чтобы державцы собрали шляхту въ своихъ повѣтахъ и предложили ей выбрать двоихъ представителей, давши имъ «зуполную моць». Съ того времени избраніе шляхетскихъ пословъ входитъ въ обычай и окончательно устанавливается въ сеймовой практикѣ. Въ 1534 г. выборъ шляхетскихъ представителей поручено было произвести не державцамъ, а хоружимъ, которые для этого, конечно, должны были собирать мѣстную шляхту. Но это едва ли не былъ исключительный случай. По крайней мѣрѣ, двадцать пять лѣтъ спустя хоружіе на Виленскомъ сеймѣ добивались себѣ, какъ права, «абы шляхта на съемъ при хоружихъ братью свою обирали и на съемъ слали»³⁴⁸). Господарь отвѣчалъ, что онъ хочетъ сохранять въ этомъ отношеніи давній обычай (т. е. чтобы шляхта выбирала своихъ пословъ подъ руководствомъ мѣстныхъ державцевъ). Однако, несмотря на организацію правильнаго представительства, шляхтѣ не возбранялось присутствовать на сеймахъ и лично. Вслѣдствіе этого нѣкоторые сеймы, какъ, напр., Берестейскій 1515—1516 г. и Берестейскій 1544 г. отличались большимъ многочисленіемъ. Господарь, пользуясь собраніемъ своей рады, рѣшалъ на сеймахъ множество текущихъ дѣлъ, выдавалъ пожалованія на имѣнья, производилъ судъ и т. д.³⁴⁹). Поэтому на сеймы

³⁴⁸) Акты Зап. Рос. III, № 24.

³⁴⁹) См., напр., относительно Виленскаго сейма 1522 г. кн. Запис. X, л. 79—89; XI, л. 41—109; XII, л. 1—52; XXV, л. 46, 94; Судн. дѣлъ кн. II, л. 311,

събжалось множество шляхты по своимъ личнымъ дѣламъ. Эту шляхту также привлекали къ занятіямъ сейма.

Документы, относящіеся къ великимъ вальнымъ соймамъ Сигизмундовой эпохи, даютъ возможность ознакомиться ближе и съ аристократическими элементами, входившими въ составъ этихъ соймовъ. Оказывается, что, кромѣ высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, составившихъ господарскую раду, на сеймы собирались и другіе урядники: старосты и державцы (на сеймахъ 1512 и 1525 г.), тивуны Жмудскіе (на Виленскомъ сеймѣ 1522 года), хоружіе и подкоморіе (на сеймѣ 1525 г.), всѣ вообще княжата и панята (на Виленскихъ сеймахъ 1524 и 1538, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.), такъ что въ общемъ великій сеймъ составляли: паны-рада, урядники, княжата, панята и рыцарство-шляхта всѣхъ земель великаго княжества (такъ обозначается въ актахъ составъ великаго Виленскаго сойма 1534 г.). Запись о томъ, кому разсылались приглашенія на сеймъ 1534 г. («листы соймовые») даетъ возможность судить о томъ, кто входилъ въ категорію «княжатъ и панятъ». Оказывается, что сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ различныхъ должностяхъ и званіяхъ и по этимъ должностямъ и званіямъ имѣвшихъ мѣсто на сеймѣ, туда вызывались князья Слуцкій и Дубровицкій, всѣ князья Друцкіе, Лукомскіе, Свирскіе, Гедройтскіе, Сангушковици, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, паны Хребтовичи, Кухмистровичи, Довойны, Сологубовичи, Зеновьевичи ²⁵⁰⁾, и др. Все это лица старинныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій, предки которыхъ участвовали на сеймахъ временъ Витовта и Свидригайла. Очевидно, что по отношенію къ этимъ фамиліямъ установилась уже извѣстная политико-юридическая традиція, признававшая ихъ «станами сойму належачими». Эти князья и паны были крупными землевладѣльцами великаго княжества (многіе изъ нихъ выводили даже свои «почты» на войну подъ собственными, а не повѣтовыми хорутвями, какъ мелкая, рядовая шляхта). Они принадлежали къ тому соціальному слою, изъ котораго набирался правящій классъ,—«властели» великаго княжества, и потому вызывались на сеймы лично, какъ и эти «властели».

Сопоставляя то, что мы узнали о составѣ великаго вальнаго сейма Сигизмундовой эпохи, съ тѣмъ, что извѣстно намъ о его составѣ предъ Люблинской уніей, приходимъ къ заключенію что уже при Си-

323; IV, л. 1—24; Archiwum Sanguszków III, № CCXL—CCXLII, CCXLV; Археографическій сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 10, 11.

²⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VШ, л. 96—99.

гизмундъ этотъ составъ опредѣлился въ полномъ объемѣ. Позднѣйшія реформы коснулись только организациі шляхетскаго представительства, но не коснулись самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ, если не считать введеніе на сеймъ Виленскихъ бурмистровъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, относившимся до Виленскаго мѣста.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I.

Мы видѣли, что до Сигизмунда I общегосударственные сеймы со- зывались въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда приходилось избирать новаго государя; во-вторыхъ, когда приходилось заключать унію съ Польшею. Рѣшеніе этихъ вопросовъ было уже признано правомъ общегосударственнаго сейма. Это ясно обнаруживается изъ грамоты паны-рады, содержащей приглашеніе областныхъ землевладѣльцевъ на сеймъ по смерти короля Казимира, а также изъ объясненій, которыя дали паны-рада полякамъ по поводу уніи 1501 г. Въ первомъ случаѣ паны-рада заявляли, что господаремъ будетъ тотъ изъ сыновей Казимира, кого эти землевладѣльцы выберутъ сообща съ панами-радою великаго княжества; во второмъ случаѣ объясняли полякамъ, что не могутъ принять окончательно договоръ объ уніи, заключенной въ 1501 г., потому что этого не хотятъ нѣкоторыя земли, «которыя жъ прислу- хають къ великому князству». Въ разсматриваемое время право это оставалось въ силѣ, и общегосударственному сейму, какъ и ранѣе, приходилось избирать господара и выступать въ качествѣ договаривающей стороны въ переговорахъ объ уніи съ Польшею. Сигизмундъ-Августъ избранъ былъ преемникомъ своему отцу на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 года, а на великомъ Виленскомъ соймѣ 1529 года уже былъ возведенъ на великое княженіе, «за вольнымъ обраньемъ тыхъ же всихъ становъ и обывателей великаго князства», по позднѣйшему со- знанію самого Сигизмунда-Августа ³⁵¹). Переговоры о подтвержденіи

³⁵¹) См. Бѣльскій привилей 1564 г. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493; Временникъ Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 4—11). Ср. Статутъ 1566 г., раздѣлъ III, арт. 2. Въ книгѣ Записей королевы Боны известная статья Городельскаго привилея объ избраніи великаго князя передана въ сокращеніи, очевидно, съ точки зрѣнія распространенныхъ тогда въ литовскомъ обществѣ понятій: *Item Praelati, Barones et Nobiles Magni Ducatus Lithuaniae Magnum Ducem suum sine liberis et successoribus legitimis decedentem Magnum Ducem Lithuaniae libera electione quem voluerint eligent* (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 10; *Θ. И. Леонтовича* Акты Литовской Метрики, вып. I, № 1).

униі велись на Берестейскомъ сеймѣ 1511, на великихъ Виленскихъ соймахъ 1512, 1514, 1532 г., и если это подтвержденіе не состоялось, то только потому, что Сигизмунду и полякамъ не удалось взять «порозумене» съ панами-радою великаго княжества, съ княжатами, панятами и со всѣми землями, которыя «привлацоны» къ великому княжеству.

При Сигизмундѣ общегосударственный сеймъ рѣшалъ и такіе вопросы, которые при Казимирѣ и Александрѣ рѣшались на сеймахъ пановъ-рады и военнотруженихъ землевладѣльцевъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить вопросъ о веденіи войны. Мы видѣли, что въ 1514 году продолженіе войны съ Москвою рѣшено было на великомъ Виленскомъ соймѣ; подобное же рѣшеніе состоялось и на великомъ Виленскомъ соймѣ 1516 г. Точно также и въ 1534 году рѣшеніе о началіи войны съ Москвою состоялось на великомъ Виленскомъ соймѣ, который опредѣлилъ собрать для этой цѣли серебщину со всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Можно сказать что за великимъ вальнымъ соймомъ стало уже признаваться извѣстное *право* въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что война съ Волошскимъ воеводою въ 1532 году не состоялась потому, что ея не захотѣла шляхта-рыцарство, собранное на великомъ Виленскомъ соймѣ.

Расширеніе компетенціи великаго вальнаго сойма въ этомъ направленіи было вполне естественно. Войны для литовскаго правительства въ XVI в. были уже почти немислимы безъ денежныхъ субсидій, безъ наложенія экстраординарныхъ военныхъ тягостей на землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому правительство и старалось заручиться предварительнымъ согласіемъ ихъ на началіе или продолженіе войны для того, чтобы легче было получить и самую субсидію или согласіе на болѣе тяжкое обложеніе военною повинностью въ натурѣ. Большая часть великихъ вальныхъ соймовъ въ правленіе Сигизмунда созывалась именно съ этою послѣднею цѣлью. Казимиръ, какъ мы видѣли, наложилъ одинъ разъ (въ 1450 г.) чрезвычайную подать на военныя нужды собственною властью, но въ другой разъ (въ 1473 г.) собиралъ для этого сеймъ князей, пановъ и бояръ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Его преемникъ издалъ новую «уставу» касательно количества крестьянскихъ служебъ, съ которыхъ долженъ выставляться конный ратникъ, на Новгородскомъ сеймѣ 1502 г. по совѣту съ панами-радою. Но Сигизмундъ уже не считалъ возможнымъ обходиться въ такихъ случаяхъ безъ великаго вальнаго сойма и предоставлялъ эти вопросы рѣшенію не мѣстнаго литовскаго сейма, а общегосударствен-

наго. Вопросы эти близко касались землевладельцевъ всѣхъ земель великаго княжества, добрымъ расположеніемъ которыхъ литовское правительство въ эпоху борьбы съ Москвою, какъ было уже сказано, должно было поневолѣ дорожить. «Ухвала» серебщины и военныхъ «уставъ» на великихъ вальныхъ соймахъ изъ области практики перешла въ право, признана была законнымъ порядкомъ. Сигизмундъ въ своей грамотѣ 1528 г., изданной по поводу выкупа господарскихъ имѣній на субсидію сейма, торжественно призналъ, что онъ не можетъ, не нарушая законовъ, облагать серебщиною военнотружителей землевладельцевъ великаго княжества безъ ихъ воли и согласія; но эта воля и согласіе могли быть получены, конечно, только на великомъ вальномъ соймѣ. Статутъ 1529 г. косвеннымъ образомъ призналъ дѣломъ великаго вальнаго сойма и опредѣленіе размѣровъ военной службы съ земскихъ имѣній. Первый артикулъ II раздѣла этого статута гласилъ, что каждый человекъ, владѣющій земскимъ имѣніемъ, долженъ служить съ него и исправлять на войну ратниковъ «подле уфалы земское, яко на тотъ часъ будетъ потреба указывати». Станы сейма признавали за собою это право и дорожили имъ. Поэтому, когда господарь, уже послѣ изданія статута 1529 г., сталъ отступать отъ установившагося порядка и опредѣлять размѣры военной службы по совѣту съ панами-радою, станы сейма, собравшагося въ Берестѣ въ 1544 г., не преминули сдѣлать господарю по поводу этого представленіе. Они заявили, что и при предкахъ Сигизмунда, и при немъ сама оборона устанавливалась не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, при участіи княжатъ, панатъ, старостъ, хоружихъ и шляхты, «съ которыхъ произвольемъ и радою завжды оборона быта доконывана». Поэтому они просили, чтобы и на будущее время соблюдался тотъ же порядокъ. Хотя правительство дало суровую отповѣдь на эту просьбу, какъ на неумѣстное притязаніе, но тутъ же косвенно признало за станами сейма то право, на которое они претендовали. Господарь объявилъ, что онъ оставляетъ въ силѣ свое прежнее постановленіе о посылкѣ на войну съ девяти десяткаго, «на што вжо сами есте зволили». Позже постановленіе объ оборонѣ земской дѣлалось не иначе, какъ въ формѣ земскихъ «ухвалъ». Статутъ 1566 года уже устранилъ всякія недоразумѣнія и неясности въ этомъ отношеніи, опредѣливъ, что господарь съ панами радою не имѣютъ «мочы» одни, безъ вальнаго сейма, устанавливать оборону земскую, налагать серебщину или какой-либо «поплатъ».

При участіи великаго вальнаго сойма и съ его одобренія изданъ былъ при Сигизмундѣ и сводъ законовъ великаго княжества, извѣстный подъ именемъ Литовскаго Статута. Самая инициатива этого дѣла

принадлежитъ станамъ сейма, которые подавали объ этомъ господарю просьбы въ 1514 и 1522 гг. Мы видѣли, что новосоставленный статутъ читался по статьямъ и подвергался обсужденію на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 г. и до тѣхъ поръ не вошелъ въ законную силу, пока не принять былъ окончательно, во всѣхъ «артикулахъ» станами сейма (въ 1529 г.)³⁵²⁾. Привлеченіе сейма къ этой законодательной работѣ было почти необходимостью. Статутъ имѣлъ свою цѣлью кодифицировать и пополнить всѣ наличныя права и вольности военно-служилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, всѣ дѣйствующіе законы и обычаи, конми регулировались отношенія ихъ къ господарю, между собой и къ другимъ классамъ общества³⁵³⁾. При кодификаціи легко было нарушить въ чемъ-нибудь эти законы, а потому и производить эту работу необходимо было подъ контролемъ тѣхъ, кого эти законы, ближайшимъ образомъ касались. Кромѣ того, поскольку эта работа состояла въ формулировкѣ существующихъ юридическихъ обычаевъ, требовалось и прямое содѣйствіе становъ сейма. Мы видѣли, что уже Казимиръ издавалъ свой судебникъ, «согадавши» съ князьями и панами радою великаго княжества и «со всѣмъ посольствомъ». Подобнымъ же образомъ поступалъ и Сигизмундъ. Разбирая въ январѣ 1514 года одно казусное дѣло и не зная, какъ его рѣшить согласно съ существующими обычаями, Сигизмундъ отложилъ его рѣшеніе до будущаго великаго сейма, на которомъ пожелалъ переговорить объ этомъ «со всею землею». Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ дѣлѣ экспертизою становъ сейма и прямымъ ихъ участіемъ въ составленіи свода законовъ. Въ данномъ случаѣ со стороны литовско-русскаго господаря обнаружилось признаніе за станами сейма права слѣдить за сохраненіемъ своихъ правъ и вольностей и допускать измѣненіе и отступленіе отъ нихъ не иначе, какъ по добровольному согласію, за свою «ухвалою», т.-е. обнаружилось то же самое признаніе, которое проявлялось и въ обращеніи къ станамъ сойма за «ухвалою» серебряныя и опредѣленіями обороны земской. Но дальше этого пока еще не шли уступки господаря сейму. Шестой артикулъ третьяго раздѣла статута 1529 г., обязывая господаря соблюдать старинныя законы и обычаи, въ то же время предоставлялъ ему издавать

³⁵²⁾ Слѣды участія сейма въ составленіи статута отразились и въ самой редакціи нѣкоторыхъ статей. Первый артикулъ втораго раздѣла гласитъ: «Уставуемъ с призволенемъ рад нашихъ суполныхъ и всихъ подданныхъ» и т. д.

³⁵³⁾ См. предисловіе отъ имени господаря къ Статуту.

новые законы ко благу государства «з ведомостью и порадю и с произволениемъ» однихъ только пановъ-рады, но не всѣхъ становъ сейма. Можно сказать поэтому, что при Сигизмундѣ выяснилось и установилось право великаго вальнаго сойма участвовать въ законодательствѣ постольку, поскольку съ этимъ связано было сохраненіе существующихъ законовъ и обычаевъ или отступленіе отъ нихъ ³⁵⁴). Право же участвовать въ созданіи всѣхъ вообще новыхъ законовъ опредѣлилось гораздо позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, въ статутѣ 1566 г.

Вирочемъ, фактическое участіе великаго вальнаго сойма въ законодательствѣ уже при Сигизмундѣ I было гораздо шире его признанаго права по этой части. Оно проявлялось въ «ухвалахъ» тѣхъ предложеній, которыя правительство считало нужнымъ вносить на разсмотрѣніе сейма, и въ тѣхъ «уставахъ», которые устанавливалъ господарь съ панами-радою по просьбѣ становъ сейма. Такимъ образомъ, напр., на Городенскомъ сеймѣ 1522 г. по предложенію правительства опредѣлена была конфискація имѣній за уклоненіе отъ военной службы и неправильный захватъ господарскихъ имѣній; на Виленскомъ сеймѣ 1529 г. установленъ былъ ежегодный судебный сеймъ въ Вильнѣ пановъ-рады для разбора накопившихся тяжбъ. На Виленскомъ сеймѣ 1509 г. по просьбѣ становъ сейма издана была господаремъ и панами-радою новая «устава» о пересудахъ. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. господарь издалъ «уставу» относительно порядка переписи шляхетскихъ имѣній въ томъ именно родѣ, въ какомъ пожелали станы сейма, и такія же уставы относительно несенія мѣщанами военной службы съ земскихъ имѣній, о прекращеніи выдачи изъ канцеляріи за ручныхъ листовъ по заочной жалобѣ, о неподсудности шляхты суду духовному по свѣтскимъ дѣламъ, о привлеченіи мѣщанъ къ земскому суду по дѣламъ о грабежахъ и ранахъ, нанесенныхъ шляхтѣ и ея подданнымъ, о прекращеніи вызововъ на судъ въ Польшу и т. д.

Просьбамъ становъ сейма обязаны были своимъ происхожденіемъ не только извѣстныя законодательныя опредѣленія, соотоявшіяся при Сигизмундѣ I, но и нѣкоторыя частныя правительственныя распоряженія. Можно сказать, поэтому, что великій вальный сеймъ принималъ нѣкоторое участіе и въ административной дѣятельности центральнаго

³⁵⁴) Сами станы сейма сознавали себя стражами старинныхъ правъ и вольностей и считали своимъ правомъ и обязанностью указывать господарю на нарушенія этихъ правъ и вольностей, какъ это имѣло мѣсто, напр., на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1532 г., на Новгородскомъ военно-полевоиъ сеймѣ 1538 г. и великомъ Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.

правительства. Такимъ образомъ, напр., по просьбѣ становъ сейма не разъ назначались комиссіи для разбора пограничныхъ столкновений землевладѣльцевъ великаго княжества съ поляками и вѣмцами, для исправленія границъ съ Польшею, Мазовіею, Пруссіею и Ливоніею, а одинъ разъ (въ 1528 г.) назначеніе такой комиссіи состоялось въ формѣ сеймоваго постановленія господаря, пановъ-рады духовныхъ и свѣтскихъ, пановъ хоругвовныхъ и шляхты-рыцарства; по просьбѣ становъ Берестейскаго сейма 1544 г. господарь приказалъ составить реестръ своихъ дворянъ и т. д.

Особенно много различныхъ требованій и просьбъ подано было станами на послѣднихъ великихъ соймахъ, собиравшихся въ великокняженіе Сигизмунда I. Къ тому времени подъ влияніемъ частаго сеймованія сдѣлало уже значительные успѣхи политическое воспитаніе сеймовыхъ сословій. Эти сословія отчасти самимъ господаремъ, отчасти свсими «старшими братьями», панами-радою великаго княжества, по-немногу втянуты были въ курсъ политической жизни, черезъ правительство и другъ черезъ друга ознакомились съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, прониклись политическими интересами и стремленіями. Эти стремленія въ общемъ направились къ обезпеченію національно-политической особости великаго княжества отъ Польши, къ утвержденію и развитію въ немъ порядка, гарантированнаго земскими привилеями, къ дальнѣйшему «размноженію» шляхетскихъ правъ и вольностей. Проводникомъ этихъ политическихъ стремленій и сталъ великій вальный соймъ къ концу Сигизмундова правленія.

ГЛАВА IV.

Составъ и политическое значеніе господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

§ 1. Роль литовско-русской аристократіи въ лицѣ пановъ-рады на великихъ вальныхъ соймахъ при Сигизмундѣ I.—§ 2. Генезисъ господарской рады, какъ особаго правительственнаго учрежденія; должности и званія, соединившіяся съ мѣстами въ радѣ господарской, и іерархія этихъ мѣстъ.—§ 3. Фамильный составъ великокняжеской рады; преобладаніе князей и пановъ литовскаго происхожденія и историко-соціальныя основанія этого преобладанія.—§ 4. Правительственная роль и политическое значеніе господарской рады; сеймы пановъ-рады.—§ 5. Учрежденія при господарѣ и радѣ великаго княжества: канцелярія и скарбъ.—§ 6. Высшіе земскіе и дворные уряды.—§ 7. Общія заключенія.

§ 1.

Въ концѣ предшествующей главы мы подвели итогъ тѣмъ политическимъ успѣхамъ, которые сдѣлало изучаемое нами учрежденіе за время великокняженія Сигизмунда Стараго. Сравнивая въ этомъ отношеніи литовско-русскій сеймъ съ современнымъ ему польскимъ, на первый взглядъ открываемъ между ними значительное сходство. Подобно послѣднему литовско-русскій сеймъ избираетъ государей, заключаетъ договоры уніи, устанавливаетъ поборы съ землевладѣльцевъ на военныя нужды, издаетъ военныя «уставы», по временамъ рѣшаетъ вопросы о войнѣ или мирѣ, издаетъ законы и даже правительственныя распоряженія частнаго характера. Было бы, однако, ошибкою заключать отсюда, что великое княжество Литовское уже при Сигизмундѣ I ассимилировалось политически съ Польскимъ королевствомъ. Сходство между литовско-русскимъ сеймомъ и польскимъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается пока только внѣшнимъ, формальнымъ, а не внутреннимъ. Правда, что оба учрежденія дѣлаютъ одно государственное дѣло; но при этомъ и то, и другое выполняютъ не одинаковое назначеніе съ общественной точки зрѣнія. Польскій сеймъ является органомъ, черезъ который проявляется политическая сила и осуществляется политическое

значеніе преимущественно шляхетскаго класса. Шляхта доминируетъ на польскомъ сеймѣ, смѣло и энергично выступаетъ противъ короля и чиновныхъ магнатовъ, горячо и упорно отстаиваетъ свои интересы и въ оборонѣ ихъ является могущественною союзницею можновладства противъ королевской власти и королевской власти противъ можновладства. Рѣшенія на сеймахъ ставятся большею частью по ея волѣ, согласно ея требованіямъ и желаніямъ. Она оказывается въ высшей степени неподатливымъ элементомъ, отъ котораго приходится имѣть много хлопотъ и неприятностей какъ королю, такъ и чиновной аристократіи ¹⁾. Шляхта, можно сказать, даетъ тонъ и направленіе всей государственной жизни Польши при Сигизмундѣ I. Не то мы видимъ за это время въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Литовско-русскій сеймъ является органомъ, черезъ который проявляется въ наибольшей полнотѣ и осуществляется политическое значеніе преимущественно крупной земледѣльческой знати, князей и пановъ. Шляхта имѣетъ на этомъ сеймѣ постоянное мѣсто, но не играетъ на немъ первенствующей роли. Ее приглашаютъ на сеймъ для того, чтобы ознакомиться съ ея настроеніемъ, мнѣніями и желаніями по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ, заручиться ея одобреніемъ для принимаемыхъ мѣропріятій и тѣмъ сообщить имъ большую юридическую обязательность и фактическую силу, какъ «ухваламъ земскимъ». Но починъ, главная роль и рѣшающій голосъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ принадлежатъ по большей части панамъ радѣ, составлявшимъ государственный совѣтъ великаго княжества. Даже тѣ постановленія, инициатива которыхъ исходитъ отъ шляхты, вырабатываются большею частью въ кругу пановъ-рады и сообщаются шляхтѣ къ свѣдѣнію. Въ этомъ кругу лежитъ пока центръ политической тяжести литовско-русскаго сейма. Великій вальный сеймъ по существу своему въ рассматриваемое время является полнымъ собраніемъ господарской рады, пополненнымъ всѣми аристократическими элементами, не вошедшими въ ея составъ, совѣщающимся въ присутствіи шляхты и до известной степени прислушивающимся къ ея голосамъ. Свои голоса шляхта, впрочемъ, не всегда подаетъ, молчаливо соглашаясь или подчиняясь рѣшеніямъ своей старшей братьи, князей и пановъ.

¹⁾ *M. Bobrzyńskiego Dzieje Polski w zarysie, tom I, str. 329—342; II, str. 1—61, wyd. 3-ie; Wł. Grabieńskiego Dzieje narodu Polskiego, część I, str. 97—117. Kraków 1897. Срав. А. Pawińskiego Sejmiki ziemskie. Warszawa. 1895.*

Этотъ фактъ даетъ себя выслѣдить съ полною ясностью по источникамъ, относящимся къ сеймамъ Сигизмундовой эпохи. Возьмемъ первый изъ великихъ вальныхъ соймовъ, собиравшихся въ великокняженіе Сигизмунда, — Виленскій 1507 г., происходившій въ отсутствіе господаря. На немъ, какъ извѣстно, выработана была военная устава и сдѣлано постановленіе о сборѣ серебщины. Военную уставу, по словамъ официальной записи, устали «князь бискупъ Виленскій и панове рада, воеводы, княжата», бывшіе на этомъ сеймѣ. Что касается сбора серебщины, то онъ рѣшенъ былъ также, по всѣмъ признакамъ, въ этомъ же кругу, а «земане, вдовы, и вся посполите шляхта, которые на тотъ часъ на томъ сеймѣ были, зволили», т. е. дали свое согласіе ³⁾. На Виленскомъ сеймѣ 1509 г. цѣлый рядъ законовъ былъ выработанъ господаремъ и панамъ-радою, остальные станы только приняли ихъ къ свѣдѣнію. Таковы были уставы, касающіяся записи вѣна женамъ, имѣній государственныхъ измѣнниковъ и взиманія «пересуда» ⁴⁾. На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. чрезвычайно важная устава, близко касающаяся всѣхъ военнотруженихъ землевладѣльцевъ, — о правахъ и власти гетмана и реквизиціи провіанта и фуража установлена была «съ порадомъ пановъ-радъ», а другіе станы только приняли ее къ свѣдѣнію и руководству ⁵⁾. Въ виду такого значенія пановъ радныхъ и господаря, пересылая свои предложенія на сеймы, собиравшіеся въ его отсутствіе, обращался главнымъ образомъ къ панамъ-радѣ, имъ предлагалъ обсудить и рѣшить различные вопросы, стоящіе на очереди, «вземши порозумене» съ княжатами, панятами и шляхтою-рыцарствомъ въ особо важныхъ случаяхъ. Такъ было дѣло, напр., передъ сеймами 1520 г., 1521, 1525 и 1526 г. На сеймахъ 1520 и 1521 г. паны рада приняли самостоятельно цѣлый рядъ мѣръ по оборонѣ государства, а къ шляхтѣ обращались только по поводу предложенія короля послать ее на украинные замки на гарнизонную службу и касательно сбора серебщины ⁶⁾. На Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 г. уставу о размѣрахъ военной повинности съ земскихъ имѣній устали господарь и паны рада великаго княжества, духовные и свѣтскіе. Даже въ постановленіи о сборѣ серебщины, состоявшемся на этомъ же сеймѣ, починокъ несомнѣнно принадлежалъ панамъ-радѣ, вслѣдствіе чего и офици-

³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

⁴⁾ Scarbiec dyplomatów II, № 2207, 2209, 2210; Акты Зап. Россіи II № 50, 52.

⁵⁾ Zbiór praw litewskich, str. 115—117.

⁶⁾ См. выше, стр. 217—224.

ціальная запись говорить объ этомъ постановленіи, какъ объ уставѣ господаря и пановъ-рады (изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что эта устава съ большимъ трудомъ получила признаніе остальныхъ становъ сейма ⁶⁾). Точно такимъ же постановленіемъ господаря и пановъ-рады является въ официальной записи и ухвала новаго «плата», состоявшаяся на осеннемъ сеймѣ 1529 ⁷⁾). Эта неточность и неустойчивость официальной терминологіи находитъ себѣ объясненіе именно въ томъ, что постановленіе пановъ-рады и сеймовая ухвала фактически перѣдко совпадали. Какую роль играла знать на великихъ вальныхъ сеймахъ того времени, объ этомъ даетъ понятіе заявленіе пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, чрезвычайно характеристическое и въ самомъ своемъ преувеличеніи факта. На вопросъ, предложенный ему однимъ полякомъ, почему въ Литвѣ не должно быть такихъ же судей, какъ въ Польшѣ, Гаштольд отвѣчалъ, что шляхта занимаетъ тамъ другое положеніе, чѣмъ въ Польшѣ, и между прочимъ заявилъ: «И сеймы наши отправляются совершенно иначе: что рѣшается господаремъ и панами, то шляхтою обязательно принимается къ исполненію. Мы вѣдь приглашаемъ шляхту на наши сеймы какъ будто бы для чести, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы всѣмъ было явно то, что мы рѣшимъ» ⁸⁾). Это заявленіе не совсѣмъ точно изображаетъ положеніе вещей. Шляхта приглашалась на сеймы не для того только, чтобы принимать къ свѣдѣнію постановленія господаря и пановъ, но и для того, чтобы дать свое согласіе на эти постановленія. Шляхта вовсе не держала себя такъ пассивно, какъ это выходитъ по заявленію Гаштольда, и по временамъ отказывала въ своемъ согласіи, разстраивая

⁶⁾ Очень хорошо отмѣчается этотъ починъ пановъ-рады при наложеніи серебряныя въ подтвердительномъ привилеѣ Волинской земли, выданномъ въ 1509 году: «коли панове-рада наша великого князства Литовского, для которой великоѣ потребы земскоѣ, звольятъ который платъ съ своихъ людей дати: тогда князи и панове и вся шляхта Волинскоѣ земли мають намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати» (Акты Зап. Рос. II, № 54).

⁷⁾ См. выше, стр. 255.

⁸⁾ Acta Tomiciana, ks. XII, Repts. R. 1529. Ratione Gastoldi, cur iudices in Lithuania non sint constituendi, ut est in Polonia... Nostrae longe aliter absolvuntur conventiones et quidquid per Mtem Regiam concluditur et Dominos, Nobilitas hoc nostra exequatur necesse est. Vocamus quidem ad nostros conventus etiam nobilitatem tanquam honoris gratia, revera autem, ut singulis palam sit quidquid concluderimus. См. Ks. L. Trzy rozdziały z historyi skarbowości w Polsce, str. 35, n. 2. Kraków 1868.

планы господара и пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., на Виленскомъ сеймѣ 1521 г. шляхта отвергла проектъ посылки ея въ украинныя замки на гарнизонную службу на томъ основаніи, что она уже дала серебщину для найма на эту службу жолнеровъ ⁹⁾). Въ 1532 г. рыцарство великаго княжества не захотѣло «призволить» на войну съ Волошскимъ воеводою, для которой король просилъ у литовцевъ помощи, и великое княжество осталось въ мирѣ съ Волошскимъ воеводою ¹⁰⁾). Очень можетъ быть, что и отказъ господарю въ денежной субсидіи на Виленскомъ сеймѣ 1515—1516 г. вышелъ изъ рядовъ той же шляхты, находившейся на сеймѣ ¹¹⁾). Какъ мы уже говорили въ предшествующей главѣ, частое сеймованіе въ великокняженіе Сигизмунда несомнѣнно должно было содѣйствовать политическому воспитанію шляхты, пробужденію въ ней политическихъ интересовъ и стремленій, превращенію ея въ активную политическую силу. Къ концу великокняженія Сигизмунда шляхта, какъ мы видѣли, выступаетъ на сеймѣ уже вполне самостоятельно и независимо. Но съ отдѣльными проявленіями этой самостоятельности приходится встрѣчаться и ранѣе. Какъ бы то ни было, но въ общемъ нельзя не признать, что при Сигизмундѣ I на великихъ вальныхъ соймахъ Литовско-Русскаго государства князья и паны, если не господствовали безраздѣльно, то имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ шляхтою. Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельстве, что эти князья и паны и внѣ великаго вальнаго сойма оставались въ то время первенствующею политическою силою. Имъ замѣщались всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ; они же составляли и такъ называемую раду, т. е. государственный совѣтъ великаго княжества. Главнымъ органомъ ихъ политическаго преобладанія внѣ великаго вальнаго сейма была именно господарская рада великаго княжества. Эта рада, какъ мы видѣли, занимала главное мѣсто и играла руководящую роль и въ составѣ «посполитой рады», т. е. великаго вальнаго сейма. Если это справедливо относительно Сигизмундова великокняженія, тѣмъ съ большимъ правомъ можно предполагать это относительно предшествующихъ великокняженій Александра и Казимира, когда шляхта не призывалась такъ часто и въ такомъ количествѣ на сеймы, когда она не получала еще постояннаго и правильного представительства. Въ виду всего этого намъ необходимо поближе ознакомится съ этимъ учрежденіемъ, съ которымъ такъ тѣсно

⁹⁾ См. выше, стр. 221.

¹⁰⁾ См. выше, стр. 262.

¹¹⁾ См. выше, стр. 203.

сплетается предметъ нашего спеціальнаго изученія, т. е. великій валь-ный сеймъ Литовско-Русскаго государства.

§ 2.

Господарская рада, какъ *особое учрежденіе* съ извѣстнымъ составомъ членовъ и призванною компетенціею, народилась уже при Казимирѣ, но окончательно сформировалась только въ началѣ великокняженія его сына Сигизмунда I. Къ этому времени постепенно установилась наличность должностей и званій, соединенныхъ съ мѣстами въ «лавицѣ» рады господарской. Къ этому же времени выяснилось окончательно и ея политическое значеніе, а отчасти даже и закрѣпилось юридически, въ земскихъ правилеяхъ 1492 и 1506 гг.

Предшественница господарской рады — великокняжеская дума XIV в. не была еще самостоятельнымъ, обособленнымъ отъ великаго князя, учрежденіемъ и потому не представляла изъ себя какой-либо опредѣленной корпораціи. Это былъ совѣтъ, составившійся при великомъ князѣ, такъ сказать, нарочито, изъ разныхъ лицъ, кого онъ считалъ полезнымъ или возможнымъ имѣть около себя въ данное время, при совершеніи того или другого правительственнаго акта. Такимъ образомъ, напр., въ совѣтъ Гедимина въ 1324 г. постоянно засѣдалъ доминиканецъ Николай, а годъ тому назадъ Виленскіе минориты, которые въ 1324 г. уже не пользовались этою честью¹²⁾. Сынъ Гедимина Ольгердъ и ввукъ Ягайло совѣтовались съ своими родичами, областными князьями, какіе при нихъ въ данное время находились или какихъ они считали нужнымъ пригласить. Такимъ образомъ, напр., посылка уполномоченныхъ для заключенія мира съ Орденомъ въ 1358 г. рѣшена была на совѣтъ Ольгерда съ братьями Кейстутомъ, Явнутомъ, Коріатомъ и племянникомъ Юріемъ¹³⁾. Больше всего Ольгердъ совѣтовался съ братомъ своимъ Кейстутомъ, который часто пріѣзжалъ къ нему на думу, былъ его правою рукою, главнымъ совѣтчикомъ и помощникомъ по управленію государствомъ¹⁴⁾. При Ягайлѣ такое же положеніе занималъ братъ его Скиргайло¹⁵⁾. Но и другіе князья при-

¹²⁾ Н. П. Дашкевича Забѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 142, прим. 3.

¹³⁾ К. *Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 208, 469.

¹⁴⁾ Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, изд. Поповымъ, стр. 27—29.

¹⁵⁾ См. нашу статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в.» (Изданія Историч. Общества при Импер. Москов. Университетѣ, годъ I, стр. 86, 87. Москва 1896).

нимали участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ 1379 году въ заключеніи мира съ Орденомъ, кромѣ Ягайла, участвовали братья его Лингвеній и дяди Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, которые привѣсили къ договорному акту и свои печати ¹⁶⁾. Въ 1382 году отдача Жмуди Ордену рѣшена была на совѣтѣ Ягайла съ братьями—Скиргайломъ, Корибутомъ, Лингвеньемъ, Коригайломъ, Вигунтомъ, Свидригайломъ (въ этомъ совѣтѣ принималъ также участіе и мѣщанинъ Виленскій Гавнеке) ¹⁷⁾. Выше (стр. 11) мы указывали на то, что и унія съ Польшею была принята окончательно па совѣщаніи Ягайла съ Скиргайломъ, Корибутомъ, Витовтомъ и Лингвеньемъ, происходившемъ въ Кревѣ въ августѣ 1385 года. Выдача извѣстнаго привилея 1387 г., предоставлявшаго разнымъ права и вольности боярамъ-католикамъ, состоялась на совѣщаніи, въ которомъ, кромѣ Ягайла и пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Польши князей (Олесницкаго и Мазовецкихъ) и паповъ, принимали участіе и литовскіе князья—Скиргайло Троцкій, Витовтъ Городенскій, Корибутъ Новгородскій, Казимиръ-Коригайло Мстиславскій и Александръ-Вигунтъ Керновскій ¹⁸⁾. Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на то, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XIV в. не происходило еще настоящаго удѣльнаго дѣлежа территоріи, что въ рукахъ великихъ князей сосредоточивалась сильная центральная власть надъ всѣмъ неразъединеннымъ, хотя и плохо еще сплоченнымъ комплексомъ земель и владѣній, что областные князья были не столько самостоятельными владѣтелями, сколько помощниками великихъ князей по управленію отдѣльными частями государства, ихъ намѣстниками ¹⁹⁾. Съ этими ближайшими своими сотрудниками и помощниками великіе князья рѣшали по совѣту и соглашенію и важнѣйшія общія дѣла, касавшіяся всего государства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великіе князья совѣтовались по временамъ и съ своими боярами. Не всѣ области государства раздавали они въ управленіе своимъ родичамъ, — часть оставляли подъ своею непосредственною властью. Каждый великій князь былъ не только верховнымъ главою всего государства, но и правителемъ извѣстной его части, такимъ же областнымъ княземъ, какъ и другіе его родичи. Ве-

¹⁶⁾ Scarbiec diplomatów I, № 464.

¹⁷⁾ Ibidem, № 480; *Raczyńskiego* Kobex dyplomatyczny Litwy, str. 56—60.

¹⁸⁾ Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

¹⁹⁾ См. цитированную статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в.».

ликіе князья имѣли значеніе областныхъ князей въ Виленскомъ княженіи, обвинявшемъ восточную половину собственной Литовской земли и западную часть такъ называемой Руси Литовской. Въ управленіи этимъ княженіемъ они пользовались услугами своихъ бояръ: ихъ они посылали намѣстничать по пригородамъ этого княженія и тивунить по волостямъ въ своихъ дворахъ или дворцахъ, имъ же поручали завѣдывать пѣкоторыми спеціальными отраслями управленія, каковы были: *городниче, конюшее, подконюшее, ключъ, подключничице* ²⁰⁾ и т. подоб. Весьма вѣроятно, что съ этими боярами великій князь совѣтовался въ разныхъ вопросахъ правительственной практики, касавшихся Виленскаго княженія, какъ объ этомъ можно заключать по аналогіи съ другими областными княженіями ²¹⁾ и отчасти по фактамъ позднѣйшаго времени. Но при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ участіе бояръ въ великокняжескомъ совѣтѣ не замѣтно до Витовта. Какъ было уже сказано выше (стр. 43), вершителями судебъ государства до эпохи Витовта были князья Гедиминовичи. Одинъ разъ, при заключеніи договора съ Орденомъ въ 1379 г. выступаютъ и бояре, но пока только въ качествѣ простыхъ свидѣтелей (*geszuge*).

Съ утвержденіемъ на великокняжескомъ престолѣ Витовта крупныхъ областныхъ князей Гедиминовичей, какъ мы уже видѣли, постигъ настоящій погромъ. Нѣкоторые изъ нихъ лишились совершенно владѣній, нѣкоторые перемерли безъ потомства, нѣкоторые измелъчали, низошли на положеніе второстепенныхъ князей. Какъ бы то ни было, уцѣлѣвшіе изъ этихъ князей или ихъ потомки продолжали участвовать въ великокняжескомъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи договора съ нѣмцами въ 1398 году около великаго князя находились между прочимъ кн. Владиміръ Ольгердовичъ, кн. Сигизмунтъ Кейстутевичъ, князья Юрій Пинскій, Михаэль (Яввутьевичъ) Заславскій, Але-

²⁰⁾ Эти уряды, бывшіе несомнѣннымъ наслѣдіемъ эпохи областныхъ княженій, сохранялись въ XV и XVI ст. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 841—844, 852.

²¹⁾ «Раду» князья Новгородъ-Сѣверскаго Корибута въ 1388 г. составляли слѣдующія лица: князь Давидъ Дмитріевичъ, князь Русанъ Плаксычъ и бояре: Василій Данильевичъ, Федоръ Евлашковичъ, Хвороща съ братомъ Иваномъ, *воевода* Глѣбъ Евдокимовичъ, Скушь, *воевода Новгородскій* и т. д. (*Archiwum Sanguszków* I, № IX, X). Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій жаловалъ вѣнья духовенству, погадавъ съ своими боярами, съ своєю вѣрною радю (Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 227, 228). О думахъ областныхъ князей см. также выше, стр. 153—160.

ксандръ (Патрикѣвичъ) Стародубскій ²²⁾). При заключеніи договора съ Орденомъ въ 1422 году въ совѣтъ великаго князя присутствовали между прочимъ кн. Свидригайло Черниговскій, Сигизмундъ Стародубскій, Александръ, Иванъ и Андрей Владиміровичи (Ольгердовича), Ѳедоръ Корибутовичъ, Юрій Ливневичъ ²³⁾). Витовтъ привлекалъ къ совѣщаніямъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ не однихъ только Гедиминовичей, но и другихъ литовскихъ и русскихъ князей, которые помогали ему въ достиженіи великаго княженія на Литвѣ и охраненіи дѣлности и самобытности Литовско-Русскаго государства. Таковы были: князья Гольшинскіе, кн. Вейшишскій, кн. Клецкій, кн. Юрій Довговдъ, кн. Друцкіе, Воротынскіе и др. (см. выше, стр. 16, 17, 25, 27, 28, 54). Но чаще всего и больше всего совѣтъ Витовта составлялся изъ первостепенныхъ литовскихъ бояръ, или пановъ. Эти бояре играли главную роль въ возведеніи Витовта на великое княженіе и въ дальнѣйшемъ сдѣлались его главною опорою и поддержкою. Въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя они заступили мѣсто прежнихъ областныхъ князей; ими стали замѣщаться нѣкоторыя высокія должности, созданныя по примѣру Польши, какъ, напр., уряды маршалковъ, каштеляновъ и т. д. Всѣ эти бояре, сдѣлавшіе Витовта великимъ княземъ и сами сдѣлавшіеся его сотрудниками по управленію великимъ княжествомъ, естественно сдѣлались обычными и частыми его совѣтниками. Число этихъ совѣтниковъ необходимо должно было увеличиться вслѣдствіе того политическаго объединенія, которымъ сопровождалось возведеніе Витовта на великое княженіе. Передъ тѣмъ, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, собственная Литва и та часть Руси, гдѣ распространено было землевладѣніе литовскаго боярства, распалось на четыре княжества: Виленское, находившееся въ непосредственной власти Ягайла, Троцкое, отданное имъ брату Скиргайлу, Керновское, принадлежавшее другому брату Вигунту, Городецкое, принадлежавшее Витовту. Съ утвержденіемъ Витовта на великомъ княженіи это дѣленіе уничтожилось и все знатное литовское боярство, отправлявшее различныя должности и участвовавшее въ совѣтахъ при четырехъ князьяхъ, собралось теперь вокругъ одного господаря и стало участвовать въ его совѣтахъ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи договора съ Орденомъ въ 1398 г., кромѣ князей, въ совѣтъ великаго

²²⁾ *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 256; *Monumenta medii aevi*, tomus VI, № CLXXIX.

²³⁾ *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115.

князя участвовали: намѣстникъ Ошменскій Мпнигайло, намѣстникъ Виленскій Монивидъ, маршалокъ двора Чупурна, намѣстникъ Кревскій Гаштольдъ, намѣстникъ Троцкій Кинмунтъ Гипвилъ, намѣстникъ Ковенскій Сунгайло, намѣстникъ Вилькомирскій Вежгайло, намѣстникъ Ушпольскій Остикъ, намѣстникъ Мѣдницкій Корейка, конюшій Немиръ, намѣстникъ Пенявскій Ройвидъ ²⁴⁾ и др. Знатное литовское боярство, какъ было уже сказано, преобладало въ совѣтѣ великаго князя при заключеніи договоровъ объ уніи съ Польшею въ 1401 и 1413 году (см. выше стр. 28, 29, 35). Перемиріе съ Орденомъ въ 1410 г. Витовтъ подтверждалъ сообща (mitsamt) съ бискупомъ Виленскимъ Николаемъ, намѣстникомъ Виленскимъ Альбертомъ, или Монивидомъ, маршалкомъ Станиславомъ, или Чупурною, намѣстникомъ Вилькомирскимъ Михайломъ, или Кезгайломъ, намѣстникомъ Ковенскимъ Сунгайломъ, или Ганусомъ ²⁵⁾. Въ заключеніи договора съ датскимъ королемъ Эрихомъ въ 1419 г. съ литовской стороны, кромѣ Витовта и бискуповъ Петра Виленскаго, Матвѣя Мѣдницкаго, Григорія Владимірскаго, Михаила Кіевскаго, участвовали: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Станиславъ Ивановичъ, воевода Троцкій, Христинъ Остикъ, панъ (каштелянъ) Виленскій, Сунгайло, панъ Троцкій ²⁶⁾. Миръ, заключенный съ Орденомъ при озерѣ Мельнѣ, съ литовской стороны, кромѣ Витовта и нѣкоторыхъ князей, подтвердили: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Христинъ Остикъ, панъ Виленскій, Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Михаилъ Кезгайло, староста Жмудскій, Янъ Сунгайло, панъ Троцкій, староста Ковенскій, Юрій Гедигольдъ, староста Подольскій, Румбольдъ—Витебскій, Янъ Бутримъ—Смоленскій, Товтко — Полоцкій; маршалокъ дворный Петръ, намѣстникъ Солечницкій Александръ Монтовтовичъ, намѣстникъ Дорсунишисскій Ивашко Гаштольдъ, намѣстникъ Городенскій Михаилъ Монтвидъ ²⁷⁾ и др. При заключеніи договора съ Орденомъ въ 1425 году о границахъ, съ литовской стороны, кромѣ Витовта, присутствовали: Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Остикъ, панъ Виленскій, Сунгайло, панъ Троцкій, Кезгайло, староста Жмудскій, Румбольдъ, маршалокъ Литовскій, Якубъ Кобылянскій, маршалокъ двора ²⁸⁾. При выдачѣ великимъ княземъ при-

²⁴⁾ *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 256.

²⁵⁾ *Monumenta mediae aevi*, tomus VI, № CCCCXLI.

²⁶⁾ *Ibidem*, № DCCCXLV.

²⁷⁾ *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, tomus IV, p. 115.

²⁸⁾ *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317.

вляе на войтовство въ Тыкотинѣ нѣкоему Петру съ Гумолка 31 декабря 1426 года находились: бискупы Виленскій Матвѣй и Кіевскій Михаилъ, воевода Виленскій Гедигольдъ, воевода Троцкій Янъ, или Явнисъ, маршалки двора Якубъ Кобылянскій и Ивашко (Гаштольдъ) ²⁹⁾. Въ 1430 году, октября 21, Витовтъ записалъ каедрѣ Виленской свое имѣнье Гумень въ присутствіи Юрія Гедигольда, воеводы Виленскаго, и Явниса, воеводы Троцкаго, маршалка Литовскаго Румбольда и маршалка двора Гаштольда ³⁰⁾. — Кромѣ князей и знатнаго литовскаго боярства, совѣтниками Витовта, какъ было уже сказано выше (стр. 59) и какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, бывали нерѣдко и католическіе бискупы.

Весь этотъ кругъ лицъ, изъ которыхъ составлялся совѣтъ Витовта, пока еще не былъ очерченъ точно и замкнутъ. По временамъ въ этотъ совѣтъ входили и разныя другія лица, обычно въ немъ не участвовавшія, которыхъ великій князь считалъ полезнымъ или возможнымъ имѣть при себѣ при совершеніи того или другого правительственнаго акта. Такимъ образомъ, напр., дарственную запись на замокъ Соколовъ въ землѣ Дорогицкой съ селами Купятиномъ и Роговомъ въ пользу своего секретаря и совѣтника (*secretario et consiliario*) Николая Дембинскаго Витовтъ совершилъ въ Городнѣ 9 апр. 1422 г. въ присутствіи Яна, воеводы Троцкаго, Гнѣвоша изъ Далевичъ, подстоля Краковскаго, Гинтовта изъ Жирунтна, Довгерда, маршалка двора, Андрушка, подчашія, Бартоломея изъ Горки, писаря, и др. ³¹⁾. Дарственную запись на имѣнья бискупству Луцкому Витовтъ совершилъ въ Городнѣ 1 апр. 1428 г. въ присутствіи находившихся у него на службѣ польскихъ шляхтичей: Петра Медвѣдскаго, Мщуга Скржинскаго, Якуба Кобылянскаго, маршалка двора, Николая Цибульки Чеховскаго, секретаря; Юрія Стромила, ложничія (*supremus cubicularius*), и литвина Юрія съ Жирмунъ, маршалка двора ³²⁾, и др. При этихъ же лицахъ, со включеніемъ маршалка двора Радивила, совершилъ Ви-

²⁹⁾ Scarbiec diplomatów II, № 1427.

³⁰⁾ Ibidem, № 1514.

³¹⁾ Praesentibus magnificis et strenuis Ioanne Palatino Trocensi, Gnielbosio de Dalenicz subdapifero cracoviensi, Gintoldo de Ziruntin, Dorigerdo marschalco curiae, Andruskone suppincerna, Bartholomeo de Gorka notario alysqe pluribus fidelibus nostris dilectis. Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 265—267.

³²⁾ М. В. Довнаръ-Запольская Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5.

товтъ тогда же и вѣновную запись въ пользу жены своей Ульяны ³³⁾. Въ 1429 году, 28 декабря, въ Городнѣ Витовтъ пожаловалъ Станиславу Дзядку войтовство въ Дорогичинѣ въ присутствіи Гнѣвоша изъ Далевичъ, Николая Сланки, маршалка двора Якуба Кобылянского, Гаштольда, ложничія Юшка Стромпла, Радивила, Николая Мальдржика, секретаря и совѣтника и др. ³⁴⁾. Всѣ эти факты находятъ себѣ объясненіе во-первыхъ въ томъ, что великокняжескій совѣтъ при Витовтѣ не организовался еще въ особое, отдѣльное отъ господаря учрежденіе. Великокняжескій совѣтъ составлялся при господарѣ, существовалъ для его потребностей и естественно набирался изъ всѣхъ тѣхъ, кого господарь считалъ для себя полезнымъ или возможнымъ допустить къ совѣщаніямъ. Строгаго ограниченія по этой части не существовало еще и потому, что въ то время роль великокняжескаго совѣтника не отдѣлялась еще рѣзко отъ роли простого свидѣтеля при совершеніи того или другого правительственнаго акта ³⁵⁾. То или другое правительственное распоряженіе великій князь издавалъ нерѣдко по единоличному усмотрѣнію, безъ совѣщанія съ находившимися при немъ лицами. Эти лица были, такимъ образомъ, простыми свидѣтелями акта, который благодаря ихъ присутствію пріобрѣталъ большую обязательность и юридическую силу. Это сліяніе роли совѣтника съ ролью простого свидѣтеля, продолжавшееся долгое время и послѣ Витовта, нашло себѣ выраженіе и въ языкѣ актовъ, которые заканчиваются нерѣдко стереотипною фразою: «А при томъ были свѣдоки паны-рада ваша» ³⁶⁾. Но если совѣтъ великаго князя игралъ нерѣдко такую чисто пассивную роль, то естественно, что и доступъ въ него былъ широкій и открытый. До роли «свѣдоковъ» легко допускались и стороннія лица, не принадлежавшія къ великокняжескимъ совѣтникамъ въ собственномъ смыслѣ ³⁷⁾. При простотѣ тогдашнихъ отношеній могло случаться, что эти «свѣдоки» принимали участіе и въ совѣщаніяхъ, происходившихъ

³³⁾ Monumenta medii aevi, tomus VI, № МСССХХІ.

³⁴⁾ Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 6. Срав. № 7.

³⁵⁾ На это обстоятельство уже обращено было вниманіе въ исторической литературѣ. См. В. О. Ключевскаго Боярская дума древней Руси, стр. 153—157, изд. 2-ое.

³⁶⁾ См., напр., Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 2: Акты Зап. Рос. I, № 36, 37, 53, I и др.

³⁷⁾ Это бывало и въ послѣдующее время, когда великокняжескій совѣтъ сложился уже въ учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ. См., напр., Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 88; Акты Зап. Рос. II, № 231.

при господарѣ, и изъ простыхъ свидѣтелей превращались въ совѣтниковъ великаго князя.

Но хотя великокняжескій совѣтъ при Витовтѣ не представлялъ еще установившейся корпорации, тѣмъ не менѣе уже при этомъ государѣ за нѣкоторыми лицами утвердилось званіе господарскихъ совѣтниковъ, или пановъ рады. Этотъ фактъ обнаруживается прежде всего изъ заявленій въ различныхъ актахъ, изданныхъ отъ имени Витовта. Выше было указано на то, что Николай Мальдржикъ, *секретарь* Витовта, величается въ грамотѣ, выданной Дзядку на войтовство Дорогичкое, «совѣтникомъ» Витовта (*Datum per manus nobilis Nicolai Maldrzyk, secretarii et consiliarii nostri fidelis dilecti*). Въ грамотѣ, выданной на различныя имѣнья пану Ильѣ Вячковичу, читаемъ: «А при томъ были светки, рада наша: *воевода виленскій* панъ Дидыголдь, панъ Остигъ (*панъ Виленскій*), панъ Бутримъ (*маршалокъ двора*), панъ Кгезьгалъ (*староста Жмудскій*)» ⁸⁸). Въ письмѣ къ Ягайлу отъ 14 июня 1430 г. Витовтъ называетъ своими совѣтниками (*consiliarii*) *маршалка земскаго* Румбольда, *намѣстника Новгородскаго* Петраша, *маршалка двора* Гаштольда и *секретаря* Мальдржика ⁸⁹). Признаніе нѣкоторыхъ высшихъ должностныхъ лицъ совѣтниками господара открывается также изъ дарованія имъ титуловъ, съ которыми въ Польшѣ связано было званіе пана раднаго. Таковы были титулы *воеводъ*, которые присвоены были при Витовтѣ намѣстникамъ Виленскому, Троцкому, Новгородскому, Кіевскому, и титулы *каштеляновъ* Виленскаго и Троцкаго, которыя жаловались (съ 1413 года) наиболѣе заслуженнымъ лицамъ послѣ воеводъ Виленскаго и Троцкаго ⁹⁰).

Итакъ, при Витовтѣ званіе господарскихъ совѣтниковъ упрочилось за лицами, занимавшими высшія должности въ государствѣ, каковы были: намѣстники, замѣнившіе собою областныхъ князей, и придворные сановники, заведенные по польскому примѣру и состоявшіе въ Польшѣ въ званіи пановъ радныхъ, каковы были маршалки земскій и дворные и др. Съ этими лицами великій князь чаще другихъ совѣщался по дѣламъ управленія, и они фактически сдѣлались его спеціальными совѣтчиками, что должно было привести и къ юридическому признанію ихъ въ этомъ званіи.

⁸⁸) *М. В. Довнар-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 2. Грамота эта выдана не въ 1407 г., а гораздо позже, въ концѣ великокняженія Витовта, ибо Гедигольдь сталъ воеводою Виленскимъ около 1426 г. Сл. *Scarbiec diplomatów II*, № 1427.

⁸⁹) *Monumenta medii aevi*, tomus XII, № 181.

⁹⁰) Сл. *Bandtkie* *Historya prawa polskiego*, str. 320.

Подводя итогъ всему, что даютъ источники относительно совѣта Витовта, приходимъ къ заключенію, что при этомъ государѣ, хотя и не образовалось великокняжескаго совѣта въ смыслѣ корпоративнаго учрежденія, но все-таки намѣтился извѣстный персоналъ государевыхъ совѣтниковъ по званію или должности, послужившій ядромъ, изъ котораго при благопріятныхъ обстоятельствахъ выросла господарская рада, какъ особое учрежденіе въ ряду правительственныхъ органовъ великаго княжества. Этотъ персоналъ составился изъ князей, католическихъ бискуповъ и высшихъ свѣтскихъ сановниковъ великаго княжества.

Такое же положеніе вещей наблюдаемъ и при преемникахъ Витовта, при Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ. Тѣ же самыя лица, которыя были совѣтниками Витовта, были на первыхъ порахъ совѣтниками и у Свидригайла, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ знатныхъ русскихъ бояръ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи оборонительно-наступательнаго союза съ Орденомъ въ 1431 году 19 июня около Свидригайла находились: бискупъ Виленскій Матвѣй, бискупъ Жмудскій Николай, бискупъ Луцкій Андрей и князя: Семень Ольгердовичъ, Сигизмундъ Кейстутевичъ, Олелько Владиміровичъ, Фѣдоръ Корнбутовичъ, Семень и Михаилъ Ивановичи (Гольшанскіе), Иванъ и Путята Семеновичи (Друцкіе); паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, воевода Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Явнисъ, воевода Троцкій, Сунгайло, панъ Троцкій, Румбольдъ, маршалокъ земскій, Ходко Юрьевичъ, Петрашко Монтыгирдовичъ, намѣстникъ Новгородскій, Ивашко Гаштольдъ, маршалокъ двора⁴¹⁾. Послѣ низверженія Свидригайла его рада перешла по наслѣдству къ Сигизмунду Кейстутевичу. Такимъ образомъ, напр., при пожалованіи Виленскому мѣсту магдебургскаго права 17 сентября 1432 г. около новаго великаго князя встрѣчаемъ прежнихъ совѣтниковъ Свидригайла: князя Олелька, князя Семена Ивановича (Гольшанскаго), пана Виленскаго Остика, старосту Жмудскаго Кезгайла, маршалка земскаго Румбольда, воеводу Троцкаго Явниса, пана Троцкаго Сунгайла, воеводу Новгородскаго Петраша Монтыгирдовича, Ивашка Гаштольда, Радвила Остиковича и др.⁴²⁾. Эти старые совѣтники, какъ было уже указано выше (стр. 73, 74), подтверждали приложеніемъ своихъ печатей и договоръ объ уніи съ Польшею, заключенный Сигизмундомъ 15 окт. 1432 года. Въ 1434 году Сигизмундъ выдавалъ Виленской каедрѣ привилей на

⁴¹⁾ *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 462.

⁴²⁾ *Scarbiec diplomatów II*, № 1626.

имѣнья въ повѣтѣ Мѣдницкомъ въ присутствіи пана Виленскаго Остика, воеводы Виленскаго Довгерда, воеводы Троцкаго Лелюша, Кезгайла съ Дявилтова, Петрашка Монтыгирдовича, Ходка Юрьевича, Ивашка Гаштольдвича, Олехна Довойновича и писаря дворнаго Николая ⁴³⁾. Въ 1436 году Сигизмундъ совершалъ дарственную запись капитулѣ Виленской на имѣнье Войняговъ въ присутствіи воеводы Виленскаго Довгерда, Троцкаго Лелюша, маршалка земскаго Петрашка Монтыгирдовича, Андрушка Саковича, Олехна Довойновича ⁴⁴⁾. Все это лица того же ранга, какъ и совѣтники Витовта.

Какъ извѣстно, Свидригайло послѣ низверженія своего съ престола не покидалъ притязаній на великое княженіе, такъ что съ осени 1432 года въ великомъ княжествѣ Литовскомъ было собственно двое великихъ князей, оспаривавшихъ другъ у друга власть надъ всѣмъ государствомъ. У Свидригайла такъ же, какъ и Сигизмунда Кейстутевича, была своя «вѣрная рада», съ которою онъ совѣтовался въ своей правительственной дѣятельности. Эта новая рада составила преимущественно изъ русскихъ людей; но помимо этого отличія, въ общемъ походила на раду Витовта и Сигизмунда. Главную, основную часть ея составляли князья, высшія духовныя лица и высшіе свѣтскіе сановники,—придворные урядники и намѣстники областей, оставшихся вѣрными Свидригайлу. Такимъ образомъ, напр., въ составъ той «вѣрной рады», съ которою Свидригайло совѣтовался въ Кіевѣ 17 окт. 1437 года при пожалованіи пану Каленику Мишковичу имѣній, входили: *архимандритъ Печерскій Аврамій, князь Иванъ Путята, воевода Кіевскій панъ Юрша, князь Борисъ Глинскій, староста Каменецкій, панъ Ластавскій; паны: Петръ Войницкій, Войдило, Гринко Сурвилевичъ, Еско Мишковичъ, Ромейко, Михайло Мошенскій* ⁴⁵⁾. Въ составъ той рады, съ которою Свидригайло совѣщался 4 февраля 1438 года, при пожалованіи своему кухмистру Петру Мышчичу имѣній въ Кременецкомъ повѣтѣ, находились: *панъ Монивидъ, староста Подольскій и Кременецкій, воевода Кіевскій панъ Юрша, староста Луцкій и Олеській панъ Янь Войницкій, маршалокъ панъ Юрій, панъ Хохлевскій, панъ Иванъ Гулевичъ, маршалокъ Луцкой земли панъ Козаринъ; паны: Маско Гулевичъ, Иванъ Волотовичъ, Иванъ Чорный, Иванко Мукошевичъ* ⁴⁶⁾. При пожалованіи пану Григорію Сгреченовичу имѣній

⁴³⁾ Ibidem, № 1692.

⁴⁴⁾ Ibidem, № 1726.

⁴⁵⁾ Archiwum Sanguszków I, № XXXV; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 19.

⁴⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 36.

2 сентября 1438 года находились «свѣдоки», рада Свидригайла: *владыка Луцкій* Θεодосій, *староста Подольскій и Кременецкій* панъ Монивидъ, *маршалокъ* князь Васплій Андреевичъ, *маршалокъ* князь Андрей Васильевичъ, панъ Окушко Толкачевичъ ⁴⁷⁾.

Эта рада осталась при Свидригайлѣ приблизительно въ такомъ же составѣ и послѣ того, какъ на великомъ княженіи утвердился Казимиръ, а Свидригайло остался областнымъ Волинско-Подольскимъ княземъ подъ рукою своего племянника. Надо сказать, что Свидригайло, хотя и низошелъ на положеніе областного князя, продолжалъ титуловаться великимъ княземъ и въ обстановкѣ своего двора замѣтно старался не отставать отъ великаго князя. Онъ держалъ у себя тѣхъ же должностныхъ лицъ, какія были у великаго князя въ Вильнѣ, и учреждалъ новыя должности по образцу Виленскаго двора. Такимъ образомъ, при немъ появились новыя должности канцлера и даже подканцлера, подскарбія, крайчаго, и т. д. Естественно, что и его «вѣрная рада» была довольно точною копіею рады настоящаго великаго князя. Въ составъ ея съ 1442 года и по 1452 годъ входили: *владыка Луцкій* Θεодосій и затѣмъ Ефремъ, различные *волинскіе князья*, какъ-то: князья Михайло и Иванъ Васильевичи Чорторыйскіе, кн. Иванъ Четвертеньскій, кн. Александръ Сангушковичъ, кн. Иванъ и Семень (Романовичи) Звягольскіе, кн. Александръ Носъ; намѣстники областей Волинской земли, какъ-то: *староста Луцкій* Немиръ Резановичъ, *староста Владимірскій*—кн. Михайло Константиновичъ, а затѣмъ панъ Пашко Дахновичъ, *староста Подольскій и Кременецкій* панъ Монивидъ; придворные сановники, какъ-то: *канцлеръ* панъ Ѳедко Козловскій, *подканцлеръ* кн. Борисъ Глинскій, а затѣмъ панъ Сенько Калениковичъ, *подскарбіи* панъ Сенько Калениковичъ, *крайчій* панъ Ѳедко Хомпчъ, *маршалокъ земскій* панъ Козаринъ Резановичъ, а затѣмъ Петрашъ Кирдѣвичъ Мыльскій; *маршалки*: панъ Андрей Джуса, панъ Юрій, панъ Бернатъ, панъ Пѣшко, панъ Сава Стоянъ; *ключники Луцкій* панъ Юшко Войдаговичъ; паны: Иванъ и Маско Гулевичи, Иванъ Волотовичъ, Ивашко и Дениско Мукосѣвичи, Грицкс и Гаврило Шило Кирдѣвичи, Семашко Елифановичъ, Богушъ, Севастьянъ, Васюта, Тептюковичъ, принадлежавшіе къ тому же кругу мѣстной землевладѣльческой аристократіи, къ которому принадлежали и перечисленные сановники и должностныя лица ⁴⁸⁾.

⁴⁷⁾ Archiwum Sanguszków I. № XXXVI: Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 20.

⁴⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 45; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 21, 24; II, № 69: Археографическій сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 3; Акты Литовской Метрики.

Обращаясь теперь къ радѣ самого Казимира, находимъ въ ней тѣ же категоріи признанныхъ совѣтниковъ, съ какими мы встрѣчались уже при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ. Такимъ образомъ, раду Казимира въ 1441 году 7 апрѣля, при подтвержденіи привилея мѣсту Виленскому, составляли: *князья Глѣбъ Довгольдовичъ и Юрій Семеновичъ (Гольшанскій), воевода Виленскій Довгердъ, воевода Троцкій Ивашко Гаштольдъ, маршалокъ земскій Петрашъ Монтигирдовичъ, Судивой Волимунтовичъ (намѣстникъ Ковенскій?), Андрейко Немировичъ, Андрейко Саковичъ (намѣстникъ Смоленскій), Ивашко Кгойцевичъ (намѣстникъ Витебскій?) и др.* ⁴⁹⁾. Въ 1443 году 23 марта, при подтвержденіи князю Сангушку его отчины Ратна и Ветель, «раду литовскую» составляли: панъ Гаштольдъ, *воевода Виленскій, панъ Монивидъ, воевода Троцкій, панъ Петрашъ, маршалокъ земскій и др.* ⁵⁰⁾. Въ 1450 году 24 іюля, при пожалованіи имѣнья пану Олизару Шиловичу, Казимиръ совѣщался съ своею «вѣрною радю», въ составъ которой входили: *князь Юрій Семеновичъ, воевода Троцкій панъ Монивидъ, намѣстникъ Полоцкій панъ Андрей Саковичъ* ⁵¹⁾. Въ составѣ рады, съ которою Казимиръ совѣщался 2 и 9 ноября того же года, при пожалованіи имѣній пану Немиру Резановичу, находились: *воевода Виленскій Гаштольдъ, Троцкій—Монивидъ; воевода Новгородскій, маршалокъ земскій панъ Петрашъ; намѣстникъ Ковенскій панъ Судивой, намѣстникъ Смоленскій панъ Сенько Гедигольдовичъ, канцлеръ панъ Михайлъ* ⁵²⁾. При выдачѣ грамоты митрополиту Іонѣ на управленіе Кіевскою митрополіею въ совѣтѣ Казимира были: *«стрыйко нашъ князь Швитригайло, братъ князь Александръ Володимировичъ; князь Матей, бискупъ Виленскій; воевода Виленскій панъ Кгастовтъ; воевода Троцкій панъ Монивидъ; воевода Новгородскій, маршалокъ земскій панъ Петрашъ Монтигирдовичъ; панъ Судивой, намѣстникъ Ковенскій, панъ Виленскій; намѣстникъ Смоленской панъ Семень Кредикгольдовичъ; панъ Ондрей Немировичъ; панъ Ондрей Исаковичъ, намѣстникъ Полоцкій; панъ Юрша, староста Брянскій, панъ Михайло, канцлеръ и иныхъ многихъ нашихъ князей и*

изд. Леонтовичемъ, выш. I, № 10; Archiwum Sanguszków I, № XXXVIII, XLI, XLIV, XLVII, XLVIII, XLIX; tomus III, № VII—XI; *Wolffa* Kniazowie litewsko-rusey, str. 18, 19, nota 20.

⁴⁹⁾ Scarbiec diplomatów II, № 1768.

⁵⁰⁾ Archiwum Sanguszków I, № XXXIX.

⁵¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 53, I.

⁵²⁾ Тамъ же, № 54.

пановъ»⁵³). При пожалованіи имѣній различнымъ лицамъ 3, 4 и 8 января и 2 марта 1452 г. раду Казимира составляли: *бискупъ Виленскій* Матвѣй; князя Андрей Владиміровичъ (Ольгердовича) и Юрій Семеновичъ; упомянутые уже воеводы Виленскій, Троцкій и Новгородскій, *панъ Виленскій* (намѣстникъ Ковенскій) Судивой, *панъ Троцкій* Паць, намѣстникъ Полоцкій Андрей Саковичъ, *панъ Радивиль* Остиковичъ (*маршалокъ*, намѣстникъ Пенянской), *панъ Олехно* Довойновичъ (*староста Берестейскій*), *панъ Ивашко* Кгойцевичъ (*намѣстникъ Витебскій*), *панъ Лелюшь* (*намѣстникъ Городенскій*), *панъ Михаилъ*, канцлеръ и намѣстникъ Смоленскій, *панъ Андрей* Немировичъ (староста Дорогицкій?), *панъ Миколай* Немировичъ, *панъ Станко* Мордасъ и др.⁵⁴). Перечисленные здѣсь лица обозначены панами радою и въ подтвердительномъ привилеѣ на отчину, выданномъ Казимромъ въ 1455 году 28 марта князю Оедору Воротынскому⁵⁵). По актамъ 1483 и 1484 годовъ составъ господарской рады обозначается такимъ образомъ: *бискупъ Виленскій* Андрей; воевода Виленскій и канцлеръ *панъ Олехно* Судимонтовичъ; воевода Троцкій *панъ Мартинъ* Гапшольдъ; *панъ Виленскій*, *староста Жмудскій* *панъ Янъ* Кезгайловичъ; *панъ Троцкій*, намѣстникъ Новгородскій *панъ Михайло* Монтовтовичъ; *маршалокъ земскій*, намѣстникъ Полоцкій *панъ Богданъ* Андреевичъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Берестейскій *панъ Якубъ* Немировичъ; намѣстникъ Витебскій *панъ Иванъ* Ильиничъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Лидскій *панъ Петрашко* Пашковичъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Слонимскій *панъ Солтанъ* Александровичъ; *маршалокъ*, *панъ Станиславъ* Михайловичъ; *намѣстникъ Бѣльскій* *панъ Бартошь* Монтовтовичъ⁵⁶). Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при Казимирѣ совѣтниками великаго князя считались католическіе бискупы, нѣкоторые значительные князья, намѣстники, заступившіе мѣсто князей въ областяхъ и получившіе титулъ воеводъ и старостъ, а равно и вообще правители крупныхъ территорій, позже также названные старостами (намѣстники Берестейскій, Дорогицкій, Бѣльскій, Ковенскій), нѣкоторые высшіе сановники, состо-

⁵²) Акты Историческіе, т. I, № 42.

⁵⁴) Archiwum Sanguszków I, № L: Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28, 29; Акты Литовской Метрики. вып. I, № 14; Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 10, 11; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 267, 268. См. *Bonieckiego* *Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników; Wolffa* *Senatorowie i dygnitarze*, str. 8, 85, 174.

⁵⁵) Акты Зап. Рос. I, 57.

⁵⁶) Акты Зап. Рос. I, № 80, 81, 85; Archiwum Sanguszków I, № LXXXVII.

явшіе при господарѣ для потребностей центральнаго управленія и придворнаго величія, каковы были: маршалокъ земскій, маршалокъ дворный, маршалки, канцлеръ и др. Такимъ образомъ, тѣ элементы, которые намѣтились въ составѣ великокняжескаго совѣта при Витовтѣ, при Казимирѣ окончательно въ немъ утвердились.

Образованіе извѣстнаго контингента великокняжескихъ совѣтниковъ по званію или должности облегчило господарской радѣ превращеніе въ самостоятельное, отдѣльное отъ господаря правительственное учрежденіе. Это обособленіе произошло уже при Казимирѣ и было естественнымъ послѣдствіемъ той чисто личной уніи, какая установилась при немъ между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою. При частыхъ отсутствіяхъ Казимира изъ великаго княжества его рада по необходимости становилась и выступала въ роли высшаго правительства страны. Такимъ образомъ, напр., въ 1474 году паны рада, а не самъ Казимиръ, увѣдомляли начальство Прусскаго Ордена о томъ, что по случаю морового повѣтрія не можетъ состояться съѣздъ уполномоченныхъ для заключенія вѣчнаго мира между великимъ княжествомъ и Орденомъ⁵⁷⁾. И самъ Казимиръ признавалъ до извѣстной степени за своею радою вышеуказанное значеніе. Выданный имъ въ 1468 году судебникъ предписывалъ подавать жалобы на тѣхъ, кто будетъ самовольно захватывать земли и наѣзжать на имѣнья, непосредственно самому господарю, а въ его отсутствіе панамъ-радѣ, которые должны разслѣдовать дѣло, по существу и посадить виновнаго «у казнь» до прибытія господаря, когда долженъ рѣшиться окончательно вопросъ о наказаніи⁵⁸⁾. Паны рада признавались при Казимирѣ высшимъ правительствомъ страны въ отсутствіе господаря и за границею. Заключая договоръ съ Казимиромъ въ 1470 году, новгородцы между прочимъ внесли въ договорную грамоту слѣдующую статью: «А коли, господине честный король, не умиривъ Великаго Новагорода съ Великимъ Княземъ (Московскимъ), а поѣдешь въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую; а безъ тебя, господине, пойдетъ Князь Великій или его

⁵⁷⁾ То были: Янъ, бискупъ Виленскій; воевода Виленскій и канцлеръ панъ Михайль Кезгайловичъ, маршалокъ земскій и воевода Троцкій Радивилъ Остикевичъ, староста Жмудскій Янъ Кезгайловичъ, намѣстникъ Полоцкій панъ Олехно Судимонтовичъ, маршалокъ и намѣстникъ Городенскій Станько Судивоевичъ, маршалокъ и намѣстникъ Браславскій Богданъ Андреевичъ, маршалокъ и намѣстникъ Лядскій Янъ Кучукъ и другіе князья и паны. См. Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 188.

⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 67.

сынъ, или его братъ, или кою землю подойдет на Великій Новгородъ, ино *твоей Радѣ Литовской* всѣсти на конь за Великій Новгородъ по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ». Литовская рада въ глазахъ новгородцевъ является отдѣльною отъ великаго князя политической силою, за которую Казимиръ даетъ имъ различныя обязательства. «А на томъ на всемъ, честный король,—пишутъ они въ концѣ договорной грамоты,—крестъ цѣлуй ко всему великому Новгороду за все свое Княжество и за всю Радѣ Литовскую въ правду безъ всякаго извѣта»⁵⁹⁾.—Можно сказать, такимъ образомъ, что подарская рада стала не только личнымъ великокняжескимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго. Это обстоятельство въ свою очередь должно было закрѣпить тверже составъ рады, сообщить ему большую устойчивость и опредѣленность. Членами этого государственнаго совѣта, дѣйствовавшаго не только при господарѣ, но и безъ него, и признаны были всѣ тѣ элементы, которымъ удалось ко времени Казимира занять болѣе или менѣе постоянное мѣсто въ великокняжескомъ совѣтѣ. По примѣру Польши, гдѣ основное ядро государственнаго совѣта составляли воеводы, и литовскіе паны радные стали называться *воеводами*, тѣмъ болѣе, что главные изъ нихъ по своему должностному рангу (вышіе правители и военачальники областей) близко подходили къ польскимъ воеводамъ, а нѣкоторые даже и носили титулы воеводъ⁶⁰⁾. Съ примѣромъ наименованія пановъ рады воеводами встрѣчаемся уже въ судебникѣ Казимира. Вслѣдъ за предписаніемъ о подачѣ жалобъ на самовольный захватъ земель и наѣздъ на имѣнья непосредственно самому господарю, а въ его отсутствіе «панамъ радѣ», судебникъ говоритъ: «и паномъ воеводамъ нашимъ по того послати и велѣти предъ собою мощно поставити, а и досмотрѣти»⁶¹⁾. Такое словоупотребленіе, въ которомъ имя глав-

⁵⁹⁾ *Карамзина* Исторія государства Россійскаго, томъ VI, прим. 42, по изд. Эйнерлинга; Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, № 87.

⁶⁰⁾ Титулъ воеводы утвердился за Виленскимъ, Троцкимъ и Кіевскимъ наѣстниками. Но это же имя прилагалось иногда и къ старостѣ Жмудскому, наѣстнику Новгородскому, а при Александрѣ по временамъ къ наѣстникамъ Смоленскому, Полоцкому и Витебскому, пока не утвердилось за ними окончательно. См. *Wolffa* *Senatorowie i dygnitarze*, str. 18, 19, 34, 45, 49, 51, 56, 72, 86; Акты Зап. Рос. I, № 103, 189.

⁶¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 67. Срав. также привилей, выданный въ 1450 году пану Нешврѣ Резановичу на различныя имѣнья, въ которомъ читаемъ между прочимъ: «и при насъ были воеводы: Троцкій панъ Монвить, а намесникъ Смоленскій—

ной части относится ко всему цѣлому, по временамъ встрѣчается и въ актахъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, напр., въ записи постановленій Виленскаго сейма 1507 года читаемъ: «Съ полецанья господаря короля его милости Жьлгимонта, князь бискупъ Виленскій и панове рада, воеводы, княжата, на томъ соймѣ нынѣшнемъ оную уставу уставили»⁶²⁾. Несомнѣнно, что не одни только воеводы въ собственномъ смыслѣ составляли въ то время раду господарскую, и тѣмъ не менѣе этимъ названіемъ обозначается вся рада господарская⁶³⁾.

Положеніе господарской рады, какъ самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ господаря, правительственнаго учрежденія окончательно закрѣплено было земскими привилеями 1492 и 1506 г. По этимъ привилеямъ рада получила значеніе учрежденія, ограничивающаго власть господаря и стоящаго на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества противъ возможнаго нарушенія ихъ отъ великокняжескаго произвола и усмотрѣнія. То политическое значеніе, которымъ до этого времени рада пользовалась фактически, закрѣплено было за нею юридически, и рада выдѣлилась окончательно, какъ особый правительственный органъ въ системѣ государственныхъ учреждений великаго княжества. За это время окончательно сформировался и ея составъ т. е. опредѣлилась вся наличность должностей и званій соединенныхъ съ мѣстами въ радѣ господарской.

панъ Семень Медыггордовичъ, панъ Михайло Кезькайло канцлеръ». Впрочемъ. быть можетъ, правильнѣе чтеніе: «воевода Троцкій» и т. д. Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, стр. 10.

⁶²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 12. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что король Александръ при смерти, староста Луцкій, маршалокъ Волынской земли панъ Федоръ Янушевичъ послалъ слугу своего «до князя бискупа и до пановъ воеводъ рады господарской» и приказалъ ему передать: «будучи на томъ замьку господарскомъ со всеми князи и паны земли Волыньское, ихъ милости пановъ рады господарской ни въ чомъ есмо не отступни». Этимъ заявленіемъ имѣлось въ виду поддержать партію, противную Глинскому, и потому слуга долженъ былъ сдѣлать это заявленіе лишь въ томъ случаѣ, если узнаетъ, что кн. Михайлъ Львовичъ Глинскій «не въ згодѣ» съ *маршалкомъ земскимъ* паномъ Яномъ Юревичемъ, съ паномъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ, съ паномъ Александромъ Ходковичемъ и другими панями (Литов. Метр. кн. Судн. дѣль II, л. 26).

⁶³⁾ Въ другихъ актахъ получаемъ прямое указаніе, что воеводы составляли только часть господарской рады. Послы этой рады, отправленные по смерти короля Казимира къ польскимъ панамъ, говорили: «Велебный отецъ, князь бискупъ Виленскій, и княжата и вельможныи панове воеводы, и иньшии вси панове рада великаго князства Литовскаго казали вашей милости, братьѣ своей, повѣдати» и т. д. (Акты Зап. Рос. I, № 101, I).

По актамъ, выданнымъ изъ великокняжеской канцеляріи въ правленіе Александра и въ первую половину правленія Сигизмунда и совершеннымъ въ присутствіи пановъ рады, можно выслѣдить детально всю наличность этихъ должностей и званій. Въ составъ рады великаго княжества прежде всего входили князья *бискупы* въ такомъ порядкѣ: *Виленскій* ⁶⁴⁾, *Луцкій и Берестейскій* ⁶⁵⁾, *Жмудскій или Мѣдницкій* ⁶⁶⁾, *Кіевскій* ⁶⁷⁾. Изъ свѣтскихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ первыя мѣста въ радѣ господарской занимали лица, замѣнившія собою до извѣстной степени прежнихъ областныхъ князей, каковы были: *воевода Виленскій* обыкновенно также и *канцлеръ* ⁶⁸⁾, *панъ, или каштелянъ, Виленскій* ⁶⁹⁾, *воевода Троцкій* ⁷⁰⁾, *панъ Трои-*

⁶⁴⁾ *Вотехъ Таборъ* до 1507 г. и *Войтехъ Радивиль* до 1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, II; 120, 126, 159, 163; II, № 4, 8, 65, 93; Акты Литовской Метрики, изд. *Θ. И. Леонтовичемъ*, вып. I, № 85, 287; Акты Литовско-Русскаго государства, изд. *М. В. Довнаръ-Запольскимъ*, № 141: Archiwum Sanguszków III, № СХСII; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 276; IX, л. 17; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 56, 60, 179; *Воніескіе* Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników.

⁶⁵⁾ *Войтехъ Радивиль* до 1507 г., а затѣмъ *кн. Павелъ Гольшанскій* до 1536 г. См. Акты Зап. Рос. II, № 8, 109, 164; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków III, № СХСII, CDVI; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 130; XV, л. 4; XVII, л. 551; Судн. дѣлъ кн. II, л. 179; XII, л. 60; *Воніескіе* Poczet rodów.

⁶⁶⁾ *Мартинъ* до 1513 г. включительно, а затѣмъ *Николай Радивиль*. См. Акты Зап. Рос. I, № 213; Archiwum Sanguszków I, № СХVII; том III, № СХХХIV; *Воніескіе* Poczet rodów.

⁶⁷⁾ Въ 1507 г. *Бартломей*, въ 1522 г. *Янъ*. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 276; Акты Зап. Рос. II, № 110; *Воніескіе* Poczet rodów.

⁶⁸⁾ *Миколай Радивиловичъ* до 16 іюля 1509 г. и *Миколай Миколаевичъ Радивиловичъ* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 101, II; 120, 126, 144, I; 163, 213; томъ II, № 8, 64, 99, 112; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 85, 203, 287, 380; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 147; Archiwum Sanguszków III, № СХХХVIII, СХСII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 54; IX, л. 17; X, л. 51; Судн. дѣлъ кн. II л. 56, 179; XII, л. 60.

⁶⁹⁾ *Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій* до 4 мая 1510 г., а затѣмъ *кн. Константинъ Яв. Острожскій* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 163; II, № 4, 8, 90, 93, 109; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 203, 238, 246, 380; Archiwum Sanguszków III, № СХХХVIII, СХСII; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 580; Судн. дѣлъ II, л. 179; XII, л. 60; *Воніескіе* Poczet rodów.

⁷⁰⁾ *Петръ Яновичъ Монтырдовичъ* до 1497 г., *Янъ Юрьевичъ Забрезинскій* до 1504 г., *Миколай Миколаевичъ Радивиловича* до 20 іюня 1510 г.,

кій ⁷¹⁾), староста Жмудскій ⁷²⁾), воевода Кіевскій ⁷³⁾), староста Луцкій ⁷⁴⁾), намѣстникъ Смоленскій, переименованный въ 1508 году въ воеводу ⁷⁵⁾), намѣстникъ, съ 1505 года воевода, Полоцкій ⁷⁶⁾), намѣст-

Григорій Станиславовичъ Остиковича до 1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, 120, 159, 163; II, № 8, 53, 65, 99; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 203; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 80; VIII, л. 232; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 179; XII, л. 60; *Wnieściego Poczet rodów*.

⁷¹⁾ Янъ Юрьевичъ Заберезинскій до 1498 года, Станиславъ Яновичъ Кезайло до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 120, 126, 213; II, № 4, 8, 31, 53, 65, 93, 99, 101; Акты Литов. Метр., вып. I, № 287; *Archiwum Sanguszków* III, № СХХХVIII, СХСII; Акты Литовско-Русскаго государства, № 141; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232; IX, л. 17; X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. XII, л. 60; *Wnieściego Poczet rodów*.

⁷²⁾ Станиславъ Яновичъ Кезайло, удержавшій эту должность и съ возведеніемъ въ званіе пана Троцкаго, а затѣмъ Виленскаго до самой смерти своей въ 1527 году. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, II, 120, 126, 170; Акты Литов. Метрики, вып. I, № 287, 355, 380. *Wnieściego Poczet rodów*.

⁷³⁾ Кн. Димитрій Путятичъ съ 1492 и по 1505 г., кн. Иванъ Лазовичъ Глинскій до 1507 года, панъ Юрій Михайловичъ Монтовтовича, кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій съ 24 окт. 1508 г. до 1511 г.. Юрій Миколаевичъ Радивилъ до 1514 или 1515 года, Андрей Якубовичъ Немировича до 1541 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 145, 165, 207; II, № 79; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 72; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 100; *Archiwum Sanguszków* III, № СХХХVIII—CCCLIV; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 19, 20; *Wnieściego Poczet rodów*.

⁷⁴⁾ Кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій до 1500 г., кн. Михаилъ Ивановичъ Острожскій въ 1500—1501 гг., снова кн. Семенъ Юрьевичъ до 1505 г., Федоръ Янушевичъ въ 1505—1507 гг., кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ конца 1507 и до 1522 года включительно. См. Акты Литов. Метрики, вып. I, № 246; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 22, 23.

⁷⁵⁾ Панъ Юрій Глбовичъ до 1499 г., Миколай Ивановичъ Ильинича въ 1499—1500 г., Станиславъ Петровичъ Кшишка въ 1500—1503 г., Юрій Андреевичъ Солоубъ въ 1503—1507 г., Юрій Ивановичъ Зеновевича въ 1507—1508 г., снова Юрій Глбовичъ въ 1508—1514 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 172; Акты Литов. Метр., вып. I, № 403; *Archiwum Sanguszków* III, № XCI, СХХХVIII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 95, 119; VI, л. 231; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 50, 51.

⁷⁶⁾ Янъ Юрьевичъ Заберезинскій, бывшій одновременно паномъ Троцкимъ, до іюля 1496 г.; Юрій Пацевичъ до 1501 г., Станиславъ Глбовичъ въ 1502—1513 г., Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ 1513—1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 172, 209, 213; II, № 65; *Archiwum Sanguszków* I,

никъ, или староста, *Городенскій* ⁷⁷⁾, *нампѣтникъ—воевода Новгородскій* ⁷⁸⁾, *нампѣтникъ, съ 1511 года воевода, Витебскій* ⁷⁹⁾. Съ 1513 года къ этимъ сановникамъ присоединился еще воевода *Подляшскій* ⁸⁰⁾.

Если въ составъ рады входили лица, замѣнявшія собою областныхъ князей, то естественно встрѣтить въ ней удѣлѣвшихъ значи-

№ СXXXVIII, СXCII; Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 119; IX, л. 17; XI, л. 44; XXV, л. 118; Судныхъ дѣлъ II, л. 14, 56, 179; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 44, 45.

⁷⁷⁾ *Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій*, одновременно панъ Виленскій, до 1505 года; *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, маршалокъ земскій, въ 1505—1507 г., *Станиславъ Петровичъ Кишка* въ 1508—1512 г., *панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича*, занимавшій эту должность вмѣстѣ съ другими высшими до самой смерти въ 1541 году. См. *Zbiór praw litewskich*, str. 72; Акты Эм. Рос. II, № 31, 53, 64, 65, 112; Акты Южн. и Зап. Рос. I. № 49, I; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 56; *Woińskiego Roczet rodów*.

⁷⁸⁾ *Юрій Пацевичъ* въ 1492—1496, *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, панъ Троцкій, въ 1496—1498, *Янъ Литаворъ Хрептовичъ* въ 1498—1500 г., *кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій*, гетманъ наивысшій, въ 1500—1501 г., *Петръ Гльбовичъ* въ 1502 г., *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1503—1506 г., *кн. Иванъ Львовичъ Глинскій* въ 1507—1508 г., вторично *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1508—1509 г., *Янъ Яновичъ Заберезинскій* съ 26 фев. 1509 г. и до конца 1530 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 126; II, № 65, 93, 99, 112; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 290; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; *Archiwum Sanguszków III*, № СXXXVIII, СXCII; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 1; VIII, л. 232; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 19—22, 56, 179; XII, л. 60; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 35, 36.

⁷⁹⁾ *Кн. Федоръ Ивановичъ Жеславскій* въ 1492—1494 г., *кн. Михаилъ Ивановичъ Жеславскій* въ 1494—1495 г., *Станиславъ Гльбовичъ* въ 1495—1501 г., *Юрій Гльбовичъ* въ 1503—1508 г., *Иванъ Семеновичъ Сопега* въ 1508—1514 г., *Янушъ Станиславовичъ Костевича* въ 1514—1520 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 70; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 125, 202, 325; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 136; *Archiwum Sanguszków III*, № XCI; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 45, 310; IX, л. 17; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 134; *Senatorowie i dygnitarze*, str. 86, 87; *Woińskiego Roczet rodów*.

⁸⁰⁾ *Иванъ Семеновичъ Сопега* до 1517 г., *Янушъ Станиславовичъ Костевича* въ 1514—1520 г. См. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 575; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 179; *Archiwum Sanguszków III*, № СXXXVIII; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; *Senatorowie i dygnitarze*, str. 42.

тельныхъ князей. И дѣйствительно, какъ при Александрѣ, такъ и при Сигизмундѣ источники въ числѣ пановъ рады называютъ и этихъ князей. Князь Семень Ивановичъ Бѣльскій въ своей складной грамотѣ, адресованной велъкому князю Александру, писалъ между прочимъ: «Служилъ есми твоеи милости отцу, королю небожчику, дрѣжалъ мя его милость во чти, въ ластцѣ и въ данинѣ своей, а мѣстьца у его милости въ радѣ мѣвалъ есми... А опослѣ отца твоеи милости, короля небожчика, служилъ есми твоеи милости государю вѣрно и справедливо, и у твоеи милости, государя, мѣстьца въ радѣ мѣвалъ есми»⁸¹⁾... Въ радѣ короля Сигизмунда занималъ извѣстное мѣсто князь Юрій Семеновичъ Слуцкій⁸²⁾. Сына его кн. Юрія коронная рада обопла было приглашеніемъ на конвокаціонный сеймъ по смерти Сигизмунда-Августа, на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ сенаторскаго уряда, а слѣдовательно и не принадлежалъ къ числу пановъ рады. Тогда князь Юрій подалъ сейму письменную жалобу, въ которой доказывалъ, что онъ въ силу данной имъ присяги и давняго своего привилея, который служилъ ему самому и его предкамъ, и который былъ подтвержденъ королемъ Сигизмундомъ, всегда имѣлъ мѣсто въ радѣ господарской. Сеймъ постановилъ, чтобы и впредь онъ засѣдалъ въ радѣ Рѣчи Посполитой, какъ присяжный *сенаторъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, которое и прежде ему принадлежало, т. е. подлѣ князя бискупа Виленскаго⁸³⁾.

Изъ остальныхъ мѣстныхъ правителей въ радѣ великаго княжества въ разсматриваемое время видимъ уже только тѣхъ, которымъ сверхъ того пожалованы были высшіе земскіе уряды и придворныя званія. Обзоръ такихъ лицъ приводитъ къ заключенію, что эти именно высшіе уряды и придворныя званія, а не должности ихъ по мѣстному управленію, дали имъ мѣста въ радѣ господарской. Такимъ образомъ, членами этой рады были: *гетманъ наивысшій, или великій*⁸⁴⁾; *гетманъ*

⁸¹⁾ Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общества, т. XXXV, стр. 994, 995.

⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 196, 202; XVII, л. 492; Archiwum Sanguszków III, № CCCXXIII.

⁸³⁾ *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły, str. 183.

⁸⁴⁾ *Кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій*, намѣстникъ Браславскій и Вѣнцкій, въ 1497—1500 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 132, 133). По возвращеніи изъ плѣна въ 1507 году онъ сдѣланъ былъ сверхъ того старостою Луцкимъ и маршалкомъ Волынской земли, въ 1511 г. сверхъ того паномъ Виленскимъ, а въ 1522 г. воеводою Троцкимъ. Во время его плѣна гетманами великими были лица, и безъ того уже занимавшіе мѣста въ радѣ господарской: *кн. Семень Юрьевичъ Гольшанскій*, воевода Новгородскій, намѣстникъ Каменецкій, въ 1500—

польный, или дворный ⁸⁵⁾; маршалокъ земскій, или наивысшій ⁸⁶⁾; маршалокъ дворный ⁸⁷⁾ и маршалки господарскіе, число которыхъ въ разсматриваемое время было довольно значительное (при великомъ князѣ Александрѣ это званіе въ разное время носило болѣе 30 лицъ ⁸⁸⁾,

1501 г., *Станиславъ Яновичъ Кезайло*, панъ Троцкій, староста Жомойтскій, въ 1501—1502 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 189; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 148, 149).

⁸⁵⁾ *Станиславъ Петровичъ Кишка*, намѣстникъ Василишскій, въ 1503—1507 г., *Юрій Миколаевичъ Радзивилъ*. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 149, 154; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 130; Судныхъ дѣлъ II, л. 25; XII, л. 224.

⁸⁶⁾ *Янъ Миколаевичъ Радзивилъ*, державца Слонимскій, а затѣмъ также Дорогицкій, въ 1514—1522 г. (Акты Зап. Рос. II, № 93, 109; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; *Archiwum Sanguszków III*, № СХСII; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. XII, л. 60, 179, 279). До него эту должность занимали лица, уже вошедшія въ раду господарскую: *Петръ Яновичъ Монтырдовичъ*, воевода Троцкій, въ 1490—1497 г., *Янъ Юревичъ Заберезинскій*, панъ Троцкій, намѣстникъ Новгородскій, затѣмъ воевода Троцкій, позже староста Городенскій, въ 1498—1508 г.; *Станиславъ Петровичъ Кишка*, староста Городенскій, въ 1512—1513 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 168).

⁸⁷⁾ *Григорій Станиславовичъ Остиковича*, намѣстникъ Оникштенскій, а затѣмъ Мерецкій и Оникштенскій, въ 1494—1500 г.; кн. *Михаилъ Львовичъ Глинскій*, намѣстникъ Утенскій, затѣмъ Мерецкій и Утенскій и, наконецъ, Бѣльскій и Утенскій, въ 1500—1507 г.; вторично *Григорій Станиславовичъ Остиковича* въ 1509—1518 г.; *Юрій Ивановичъ Ильинича*, староста Берестейскій, Лидскій и Ковенскій, въ 1519—1526 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 159, 163, 191, 213; II, № 112, 118; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 238; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 206, 239; XXIII, л. 50; XLI, л. 372; *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 178.

⁸⁸⁾ *Станиславъ Михайловичъ Петковича*, староста Берестейскій (1498—1503),—въ 1483—1503 г.; *Солтанъ Александровичъ*, намѣстникъ Слонимскій (1483—1492), Бѣльскій (1493—1494),—въ 1483—1494 г.; *Янъ Литаворъ Хребтовичъ*, намѣстникъ Утенскій (1489—1492), Слонимскій (1493—1500). Дорогицкій (1509—1512), Кобринскій (1512—1513),—въ 1483—1513 г.; *Григорій Станиславовичъ Остиковича*, намѣстникъ Оникштенскій, въ 1492—1494 годахъ; *Станиславъ Глѣбовичъ*, намѣстникъ Мерецкій (1492—1495), Витебскій (1495—1501), Полоцкій (1502—1513),—въ 1492—1513 годахъ: *Станиславъ Яновичъ Заберезинскій*, подстолий (1487—1500), намѣстникъ Браславскій (1500—1502), Мерецкій (1506—1507),—въ 1492—1507 годахъ; *Станиславъ Костевичъ*, намѣстникъ Ковенскій,—въ 1492—1499 годахъ; *Янъ Довойновичъ*, намѣстникъ Волковыяскій (1484—1497), Дорсунишскій (1499),—въ

а при Сигизмундѣ сверхъ маршалковъ, назначенныхъ при Але-

1492—1499 годахъ: *Станиславъ Бартошевичъ* (Монтовтовичъ), намѣстникъ Пуньскій (1493—1499),—въ 1493—1516 годахъ; *Бартошъ Таборовичъ*, намѣстникъ Мойшагольскій и Дубинскій,—въ 1494—1505 годахъ; *Войтехъ Кучковичъ*, намѣстникъ Волкиницкій,—въ 1494—1505 годахъ; *Юрій Зеновевичъ*, намѣстникъ Браславскій (1494—1499, 1503), Смоленскій (1507—1508), Могилевскій (1514—1516),—въ 1494—1516 г.; *Миколай Ивановичъ Ильинича*, намѣстникъ Минскій,—въ 1495—1498 годахъ; *Янъ Миколаевичъ Радивиль*, намѣстникъ Вилейскій (1495—1505), Слонимскій (1505—1514),—въ 1495—1514 годахъ; *Войтехъ Яновичъ Клочко*, охмистръ королевы (magister curiae regipalis), намѣстникъ Утенскій (1493—1499), Ковенскій (1499—1512) и Бѣльскій (1506—1512),—въ 1495—1512 годахъ; *Янъ Юрьевичъ Глѣбовича*, намѣстникъ Жижморскій (въ 1519 г.), Мстиславскій и Радунскій (1527), въ 1498—1529; *Янъ Петровичъ Кишка* Телоновскій въ 1498 году; *Якубъ Довойновичъ*, намѣстникъ Дорогицкій,—въ 1499—1501 годахъ; *Александръ Монтыширдовичъ*, *Юрій Монтовтовичъ* и *Некраиъ Володковичъ*, намѣстникъ Бѣлицкій,—въ 1499 году; *Немира Грималичъ*, намѣстникъ Мельницкій,—въ 1499—1533 годахъ; *Миколай Юндилевичъ*, кухмистръ королевы, намѣстникъ Коневскій и Дубицкій,—въ 1499—1505 годахъ; *Юрій Ивановичъ Ильинича*, намѣстникъ Лядскій (1501—1510), Берестейскій и Лядскій (1510—1526), въ 1501—1526 г.; *Янъ Степковичъ*, намѣстникъ Дорогицкій (1501—1508), Минскій (1533—1541),—въ 1501—1541 годахъ; *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ*—въ 1501—1502 годахъ, въ 1511—1514 годахъ; *Юрій Остиковичъ*; *Юрій Якубовичъ Довойновичъ*, намѣстникъ Довговскій (1517 г.), Вилкомирскій (1517—1522),—въ 1501—1522 годахъ; *кн. Иванъ Львовичъ Глинскій*, намѣстникъ Ожскій и Переломскій (1495—1507), хоружій земскій (1501), воевода Киевскій (1505—1506), воевода Новгородскій (1507 г.),—въ 1495—1507 годахъ; *Иванъ Семеновичъ Сопца*, секретарь, намѣстникъ Жижморскій (1500—1507), Браславскій (1502—1517), Витебскій (1508—1513), воевода Подляшскій (1513—1517),—въ 1505—1517 годахъ; *Янъ Щитовичъ*, намѣстникъ Васишскій,—въ 1506—1518 годахъ; *Войтехъ Нарбутевичъ*, намѣстникъ Ясвоинскій (1498—1509), Ожскій и Переломскій (1507—1509),—въ 1506—1509 годахъ; *Янъ Яновичъ Заберезинскій*, намѣстникъ Кричевскій (1506—1507) и Волковыйскій (1506—1509),—въ 1506—1511 г.; *Александръ Ивановичъ Ходкевича*, намѣстникъ Пуньскій (1501—1506), Остринскій (1518—1549), Вилейскій (1522—1549), Берестейскій (1529—1549), Клышинскій (1530—1549), воевода Новгородскій (1544—1549),—въ 1506—1549 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 159, 163, 165, 167, 183, 189, 199, 207, 224; II, № 22, 29, 61, 70, 79, 89, 164; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37, 56, 57; Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. V, т. I, стр. 16; Акты Литов. Метрики, вып. I, № 83, 85, 106, 153, 154, 157, 211, 236, 325, 371, 374, 378, 381, 390, 405, 417, 418; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 47, 83, 141, 142; Zbiór praw litewskich, str.

ксандрѣ, вновь получили званіе маршалка господарскаго около 20 лицъ)⁸⁹⁾.

72, 73, 81; Archiwum Sanguszków I, № CL; III, № XCI, XCVIII, CLXXXI, CXCVI; Литовской Метр. кн. Запис. III л. 80; V, л. 12, 17, 19, 21, 33, 38, 45, 50, 51, 52, 61, 72, 93, 110, 119, 121, 298; VI, л. 2, 5, 11, 37, 44, 46, 53, 54, 61, 72, 74, 77, 88, 110, 111, 134, 135, 151, 154, 163, 190, 242; VII, л. 555, 561, 564, 572, 575; VIII, л. 130, 135, 137, 139, 182, 209, 227, 232, 256, 273, 305, 354; IX, л. 17; X, л. 51; XII, л. 326, 416; XXIII, л. 50; XXV, л. 118, 125, 127, 260; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 19—22, 56, 105, 124, 134, 179, 297; IV, л. 192; XII, л. 60; *Bonieckiego Poczet rodów; Wolffa* Kniaziowie litewsko-rusey, str. 80.

⁸⁹⁾ *Янушъ Костевичъ*, намѣстникъ Радунскій (1498—1527), воевода Витебскій (1514—1520) державца Ожскій и Переломскій (1520—1527), староста Ковенскій (1523—1525), воевода Подляшскій (1520—1527).—въ 1510—1527 годахъ; *Богушъ Боговитиновичъ*, писарь (1500—1530), намѣстникъ Довговскій (1509—1518), Каменецкій (1518—1530), Слопимскій (1522—1530).—въ 1511—1530 годахъ; *Венцлаъ Костевичъ*—въ 1511—1532 годахъ; *Миколай Станиславовичъ Яновича Кезайло*—въ 1513—1520 г. и братъ его *Янъ* въ 1513 году; *Иванъ Богдановичъ Сопца*, писарь, городничій Троцкій, воевода Витебскій (1520—1528), Подляшскій (1529—1541), староста Дорогицкій (1532—1541 г.).—въ 1515—1541 годахъ; *Миколай Михновичъ Рачковичъ*, секретарь, намѣстникъ Шовленскій, —въ 1515—1519 г.; *Александръ Солтановичъ*, —въ 1519—1541 годахъ; *Павелъ Ивановичъ Сопца*, державца Браславскій (1517—1547).—въ 1520—1556 годахъ; *Копоть Васильевичъ*, писарь, державца Перевальскій (1516—1529).—въ 1522—1529 годахъ; *Матей Войтеховичъ Клочко*, державца Волковъскій (1522—1543), Мерецкій (1532—1533), воевода Витебскій (1532—1542), староста Жмудскій (1542—1543).—въ 1522—1543 годахъ; кн. *Андрей Михайловичъ Самушковичъ Кошерскій*, староста Луцкій (1542—1560).—въ 1522—1547 годахъ; кн. *Василій Андреевичъ Полубенскій*, державца Жолудскій (1518—1535), Колевскій и Дубицкій (1523—1527), староста Мстиславскій (1535—1550).—въ 1521—1550 годахъ; *Юрій Немировичъ*, державца Любошанскій, —въ 1523—1533 годахъ; *Миколай Юрьевичъ Заберезинскій*, державца Дорсунишскій, —въ 1524—1527 годахъ; *Мартинъ Хребтовичъ*, конюшій Троцкій, —въ 1524—1526 годахъ; *Миколай Щитовичъ* въ 1524—1531 г.; *Иванъ Горностай*, писарь, державца Дорсунишскій (съ 1527 г.), Слопимскій (съ 1531), Мстиславскій (съ 1534) и Зельвенскій (съ 1535), подскарбій земскій (съ 1531 г.).—въ 1530—1541 годахъ; *Янъ Яновичъ Заберезинскій* младшій, державца Сошлянскій (1538—1546).—въ 1533—1546 годахъ; *Матей Юндиль* въ 1537 году; *Миколай Войтеховичъ Нарбутъ*, державца Мозырскій, —въ 1542—1547 годахъ. См. Акты Зап. Рос. II, № 164; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 128, 136; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 572; IX, л. 224; XII, л. 76, 520;

Многочисленность господарскихъ маршалковъ объясняется тѣмъ, что *маршалство* и раздавалось главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы провести того или другого пана въ раду господарскую (маршальскія обязанности лежали на земскомъ и дворномъ маршалкахъ). Это ясно можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: панъ Оедоръ Янушевичъ получилъ отъ короля Александра староство Луцкое и маршалство земли Волинской въ держанье до живота и вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и мѣсто въ радѣ господарской. Когда возвратился изъ плѣна кн. Конст. Иван. Острожскій, державшій эти уряды до Янушевича, король Сигизмундъ счелъ справедливымъ вернуть ему эти уряды, а Янушевичу отдалъ взамѣнъ Луцка Владиміръ съ мѣстечкомъ Литовижемъ, съ монастыремъ св. Спаса, со всѣми дворами, фольварками и волостями. Но такъ какъ Владимірское намѣстничество само по себѣ не давало мѣста въ радѣ великаго княжества, то Сигизмундъ, чтобы не лишить его этого мѣста, возвелъ его въ званіе маршалка и написалъ въ привилеѣ (отъ 23 декабря 1507 года): «Такожъ напротивъ тое чти, староства Луцкого, маршалства Волинское земли, дали есмо ему *маршалство* наше до живота его держати, а *местце даемъ въ раде* нашей *седати* *межи паны радами нашими*»⁹⁰). Кромѣ маршалковъ, членами господарской рады сдѣлались также *подскарбій земскій*⁹¹) и *подскарбій дворный*⁹²), а также такъ называемые *столовые* и *дворные* урядники:

XXIV, л. 32; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 200; IV, л. 199; VII, л. 88; *Wojnickiego* *Poczet rodów*, str. 29, 86, 112, 131, 148, 207, 306, 331, 344, 370, 371, 392; *spis dygnitarzy i urzędników*; *Wolffa* *Kniaziowie litewsko-rusecy*, str. 438—441.

⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.

⁹¹) *Андрей Александровичъ Солтанъ* въ 1492—1497 г.; *Оедко Бодановичъ Хребтовичъ*, намѣстникъ Бѣлицкій (1502), Берестейскій и Остринскій (1507),—въ 1501—1506 г.; *Богушъ Боговитиновичъ*, намѣстникъ Жижморскій и Довговскій,—въ 1509 году; *Аврамъ Езобовичъ*, староста Ковенскій, въ 1510—1519 годахъ. См. *Wolffa* *Senatorowie i dygnitarze*, str. 184, 185; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 307; XXV, л. 127; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 200; VIII, л. 207.

⁹²) *Оедко Бодановичъ Хребтовичъ* въ 1493—1501 г.; *Мартинъ Бодановичъ Хребтовичъ*, конюшій дворный, намѣстникъ Жолудскій, въ 1501—1504; *Иванъ Андреевичъ Солтанъ*, намѣстникъ Мойшакгольскій (1507—1508), Веленскій (1509—1554),—въ 1505—1554 годахъ. См. *Wolffa* *Senatorowie i dygnitarze*, str. 101; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 125; Акты Зап. Рос. II, № 164.

подчасий⁹³⁾, крайчий⁹⁴⁾, крайчий великой княгини⁹⁵⁾, кухмистръ⁹⁶⁾ кухмистръ великой княгини⁹⁷⁾, стольникъ⁹⁸⁾, подстолій⁹⁹⁾, подкомо-

⁹³⁾ *Миколай Миколаевичъ Радивиловича*, наместникъ Бѣльскій, въ 1493—1504; *Альбрехтъ Мартыновичъ Гаитольдъ*, наместникъ Новгородскій (1505—1506),—въ 1505—1509 г.; *панъ Юрій Миколаевичъ Радивиль*, наместникъ Мерецкій и Утенскій (1508—1514), воевода Кіевскій (1511—1514), староста Городевскій (1514—1540),—въ 1510—1520 годахъ. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 289; Акты Зап. Рос. I, № 213; II, № 31, 93; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; *Archiwum Sanguszków I*, № CL; III, № СХСII; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 82; VIII, л. 354; IX, л. 202; X, л. 35; Судныхъ дѣлъ кн. VIII, л. 178.

⁹⁴⁾ *Кн. Янушъ Александровичъ Гольшанскій*, наместникъ Слоишскій (1501—1504),—въ 1496—1505 г.; *кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій*, воевода Кіевскій (1508—1510),—въ 1507—1509 годахъ; *Станиславъ Григорьевичъ Остиковича*—въ 1518—1519 годахъ; *Григорій Григорьевичъ Остиковича*—въ 1519—1542 годахъ. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 226; *Kniaziowie litewsko-ruscy*, str. 102, 103; *Archiwum Sanguszków III*, № ХСI, ХСII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 72; VI, л. 3; XXV, л. 122; Судныхъ дѣлъ кн. VIII, л. 207.

⁹⁵⁾ *Кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій* въ 1506 году. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37.

⁹⁶⁾ *Петръ Олехновичъ*, наместникъ Олитскій и Немононтскій (1494—1503). Скерстемоньскій (1505—1512), Утенскій (1512—1516),—въ 1494—1516 г.; *Юрій Миколаевичъ Едко*, мечникъ, наместникъ Мойшакгольскій, въ 1522—1531 годахъ. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 231; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 111; VI, л. 2; XXV, л. 125; Акты Зап. Рос. II, № 79; *Wonicckiego Poczet rodów*.

⁹⁷⁾ *Миколай Юндиловичъ*, наместникъ Коневскій и Дубицкій, въ 1415—1505 годахъ. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 231.

⁹⁸⁾ *Станиславъ Яновичъ Заберезинскій* въ 1501 г., *Янъ Завиша* въ 1524—1529 г., *Янъ Войтеховичъ Нарбутъ* въ 1529 г. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 317; *Wonicckiego Poczet rodów*.

⁹⁹⁾ *Станиславъ Яновичъ Заберезинскій*, наместникъ Браславскій (1500—1501), въ 1487—1501 годахъ; *кн. Василій Львовичъ Глинскій*, наместникъ Васялишскій (1501—1504), Слоишскій (1505—1506), Берестейскій (1506—1507), въ 1501—1507 годахъ; *Юрій Александровичъ* въ 1508 г.; *Янъ Завишичъ*, державца Жижгорскій, въ 1519—1524 годахъ. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 300; *Kniaziowie litewsko-ruscy*, str. 85, 86; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232; Судн. дѣлъ кн. XII, л. 224.

рій ¹⁰⁰⁾, ловчий ¹⁰¹⁾, конюшій дворный ¹⁰²⁾, хоружій земскій ¹⁰³⁾, хоружій дворный ¹⁰⁴⁾, мечникъ ¹⁰⁵⁾. Помимо частныхъ указаній актовъ, приведенныхъ нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, мы имѣемъ и общее указаніе на то, что всѣ эти столовые дворные урядники имѣли мѣста въ радѣ господарской. Пожаловавъ въ 1569 году пану Лаврину Войнѣ подскарбство дворное великаго княжества, король Сигизмундъ писалъ въ выданномъ ему (19 января) привилеѣ: «маеть онъ подскарбство дворное великаго князства Литовского во владности, справе, въ держанью и заведыванью мети и местце свое въ раде зъ врадниками нашими дворными столовыми заседати, такъ же и всякие справы, тому владу нашому належачии, за волею и ведомостью нашою радити и

¹⁰⁰⁾ Яношичъ Петръ, намѣстникъ Марковский,—въ 1493 году; Петръ Радимловичъ, намѣстникъ Ейшишскій,—въ 1496—1500; Петръ Нарбутовичъ—въ 1506 г.; Андрей Якубовичъ Довойловича, намѣстникъ Ейшишскій,—въ 1506—1527 годахъ. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 295; *Archiwum Sanguszków III*, № XCII; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 569.

¹⁰¹⁾ Векшевичъ Левъ въ 1496 году; Мартинъ Хребтовичъ, конюшій дворный, намѣстникъ Жолудскій, въ 1504—1508 году; Миколай Юревичъ Пацевича, намѣстникъ Ожскій и Переломскій (1510—1516), подкоморій (1527—1542), державца Каменецкій (1532—1546),—въ 1510—1542 г. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 236; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 354; Судн. дѣлъ кн. VIII, л. 178; XII, л. 224.

¹⁰²⁾ Мартинъ Хребтовичъ, намѣстникъ Изблянскій (1497 г.), Жолудскій (1501—1508), подскарбій дворный (1501—1504), ловчий (1504—1508),—въ 1495—1509 годахъ; Якубъ Куцевичъ, конюшій Троицкій (1509—1524), намѣстникъ Волкиницкій и Лепунскій (1511—1527), Василичскій (1518—1524), Стокляшскій (1520—1524), лѣсничій Городенскій (1511—1524),—въ 1511—1524 г. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 221; *Bonięckiego Poczet rodów*; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 564; X, л. 35; Судныхъ дѣлъ кн. VIII, л. 207.

¹⁰³⁾ Кн. Иванъ Львовичъ Глинскій—въ 1501—1502 г.; Миколай Юндилевичъ, намѣстникъ Коневскій и Дубицкій,—въ 1509—1511 г.; Добекъ Скимондовичъ—въ 1514—1522 г. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 201; *Bonięckiego Poczet rodów*.

¹⁰⁴⁾ Войтехъ Нарбутовичъ, державца Ясвоянскій,—въ 1501—1505 г. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 204.

¹⁰⁵⁾ Войтехъ Ивашковичъ, намѣстникъ Дорсунишскій и Ездненскій,—въ 1499 году; Янушъ Станиславовичъ Костевича, намѣстникъ Радунскій,—въ 1505—1508 г.; Янъ Щитовичъ—въ 1509 г.; Юрій Миколаевичъ Едко, намѣстникъ Мойшакольской, —въ 1514—1537 г. См. *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 242, 243; *Bonięckiego Poczet rodów*; *Archiwum Sanguszków III*, № XCII.

справовати потому, яко першие подскорбие дворные владности, тому владу належачини, вживали, радили и справовали и мѣста свои заседали»¹⁰⁶). Изъ приведенной выдержки явствуетъ, что участіе подскарбія дворнаго, какъ и другихъ дворныхъ столовыхъ урядниковъ, въ господарской радѣ въ 1569 году было уже давняшимъ фактомъ, обычаемъ, установившимся со времени учрежденія самыхъ урядовъ. Наконецъ, въ составѣ господарской рады акты обозначаютъ въ разсматриваемое время и нѣкоторыхъ *секретарей*¹⁰⁷), *писарей*¹⁰⁸), а также *тивуна Виленскаго*¹⁰⁹).

Итакъ, рада великаго княжества составилаь изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ Литовско-Русскаго государства, отправлявшихъ высокія должности и носившихъ высокія званія. Такой составъ господарской рады, помимо многочисленныхъ частныхъ свидѣтельствъ актовъ, указанныхъ нами въ предшествующихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, отмѣчается и въ нѣкоторыхъ общихъ выраженіяхъ актовъ, относящихся къ радѣ господарской. Такимъ образомъ, напр., въ привилеѣ на воеводство Виленское, выданномъ 20 іюня 1510 года пану Николаю Николаевичу Радивиловича, читаемъ между прочимъ: «А для того вамъ всимъ и посполитымъ *прелатомъ духовнымъ и светскимъ честникомъ и врадникомъ рады нашею великаго князства Литовскаго* тое наше дарованье объявляемъ»¹¹⁰)... Съ перечисленными должностями и званіями уже связалось званіе члена господарской рады, такъ что всякій, получившій какой либо урядъ или «достоинство» изъ перечисленныхъ выше, вмѣстѣ съ тѣмъ становился и членомъ господарской рады. Пожаловавъ въ 1532 году пану Петру Станиславовичу, воеводѣ Полоцкому, званіе пана Троцкаго, Сигизмундъ писалъ въ выданномъ ему привилеѣ (10 ноября); «Маемъ его заховати въ той чти и важности и достойности и на томъ мѣстцы *въ радѣ промежку пановъ*

¹⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 249, 250.

¹⁰⁷) Напр., пробоща Виленскаго *Эразма Тцолка* (Ciołek) въ 1503 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 231), державцу Скерстомоньскаго *Станислава Скота* и державцу Дорсунишкаго *Ивана Горностая* въ 1528 году (Запис. кн. XII, л. 520).

¹⁰⁸) Напр., *Коптя Василевича*, державцу Жижморскаго, въ 1512—1513 г. (Запис. кн. VII, л. 564, 572).

¹⁰⁹) Напр., *Бутрима Якубовича Немировича*—въ 1502—1506, *Шимко Мацкевича*—въ 1536 г. См. Акты Южн. и Зап. Рос. I. № 37; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 135; XXIV, л. 27.

¹¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 353, 354.

радъ нашихъ предложеныхъ и высокихъ и важныхъ справъ нашихъ господарскихъ земскихъ всякихъ потому, какъ и предковъ его, первыхъ пановъ Троцкихъ, ажъ до его живота»¹¹¹). Въ привилеѣ, выданномъ 18 декабря 1542 года кн. Андрею Михайловичу Сангушковичу Кошерскому, Сигизмундъ гарантировалъ ему: «Маеть онъ тотъ замокъ нашъ Луцкий... держати... и место свое такъ при бытности нашей господарской въ тамошнемъ паньстве нашомъ, князстве великомъ Литовскомъ, яко и безъ бытности нашею, межи паны радами нашими оного панства, водле давного обычая маеть мети, яко и предкове его, старостове Луцкии, местца межи паны радами нашими мевали»¹¹²). Связь перечисленныхъ должностей и званій съ мѣстами въ лавицѣ радъ господарской уже настолько упрочилась въ рассматриваемое время, что даже лица незнатнаго происхожденія, пожалованныя однимъ изъ перечисленныхъ урядовъ и «достоинствъ» за свои заслуги, попадали вмѣстѣ съ тѣмъ въ господарскую раду. Такимъ путемъ проникали въ господарскую раду такія лица, какъ крещенный еврей Аврамъ Езофовичъ, сдѣлавшійся подскарбіемъ земскимъ великаго княжества¹¹³), или Сапеги, составившіе себѣ карьеру въ великокняжеской канцеляріи, позже Иванъ Горностаѣй, выслужившійся изъ дьяковъ великокняжеской канцеляріи, и др.

Всѣ перечисленные сановники и должностныя лица разсаживались «въ лавицѣ» рады господарской въ извѣстномъ порядкѣ, опредѣлявшемся важностью занимаемыхъ ими должностей и носимыхъ ими званій. Чѣмъ выше былъ урядъ или «достоинство» пана раднаго, тѣмъ ближе къ господарю было и его мѣсто¹¹⁴). Въ этомъ отношеніи уже

¹¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 268, 269.

¹¹²) Archiwum Sanguszków IV, № CCLXVI.

¹¹³) Его карьера была предметомъ специальныхъ монографій *г. Волфа* (*Żyd ministrem króla Zygmunta*) и покойнаго проф. *С. А. Бершадскаго* (Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества Литовскаго, въ *Кіевской Старинѣ* 1888, № 9, 10, 11, 12).

¹¹⁴) Поэтому и въ привилеѣ, выданномъ пану Григорію Александровичу Ходкевичу на каштелянію Троцкую 16 октября 1559 года читаемъ между прочимъ: «Даемъ пану Григорію Александровичу Ходкевичу паньство, а польскимъ языкомъ названное каштелянство Троцкое, то есть *звоеводства Кіевскаго помкнувшию ею милость на тое вышнее достоинство, ближней боку нашего господарского переносимъ*, хотечи мети и пожиточнаго его ялость разумеючи, уставичные абы былъ пры насъ господары для обмышленья важныхъ а завжды потребъ и справъ великихъ нашихъ господарскихъ и земскихъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 228, 229).

въ разсматриваемое время можно замѣтить дѣйствіе нѣкотораго обычая, который съ годами все болѣе и болѣе упрочивался, все менѣе и менѣе нарушался господаремъ, пока, наконецъ, не отвердѣлъ окончательно къ началу великокняженія Сигизмунда-Августа. Такимъ образомъ, первыя мѣста въ радѣ господарской занимали католическіе бискупы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они перечислены выше, т. е. Виленскій, Луцкій и Берестейскій, Жмудскій или Мѣдницкій, Кіевскій ¹¹⁵⁾. Изъ свѣтскихъ сановниковъ первое мѣсто въ радѣ господарской занималъ воевода Виленскій, за нимъ панъ Виленскій, далѣе воевода Троцкій, панъ Троцкій, староста Жомойтскій, воевода Кіевскій, староста Луцкій, намѣстникъ-воевода Смоленскій, намѣстникъ-воевода Полоцкій, намѣстникъ-староста Городенскій, намѣстникъ-воевода Новгородскій, Витебскій и воевода Подляшскій. Такой порядокъ мѣстъ открывается изъ перечисленій пановъ радныхъ, содержащихся въ различныхъ актахъ: писари обыкновенно перечисляли пановъ радныхъ, присутствовавшихъ при совершеніи акта, въ порядкѣ занимавшихся ими мѣстъ. Кромѣ того, этотъ порядокъ констатируется и самымъ движеніемъ пановъ радныхъ по службѣ: панъ Виленскій возводился только въ воеводы Виленскіе, воевода Троцкій въ паны или воеводы Виленскіе, панъ Троцкій въ воеводы Троцкіе, паны и воеводы Виленскіе ¹¹⁶⁾ и т. д. Высшіе земскіе уряды, какъ гетманство, маршалство земское и дворное раздавались большею частью лицамъ, уже имѣвшимъ мѣсто въ радѣ господарской, и вліяли только на повышеніе этого мѣста, сообразно степени знатности и заслугамъ пожалованнаго ими лица. Такимъ образомъ, напр., *староста Луцкій* кн. Константинъ Ивасовичъ Острожскій по возвращеніи изъ плѣна въ званіи гетмана наивысшаго занялъ въ радѣ господарской мѣсто *выше пана Троцкаго* ¹¹⁷⁾. Выше пана Троцкаго занималъ мѣсто въ радѣ господарской и *староста Городенскій* Янъ Юрьевичъ Заберезинскій въ званіи маршалка земскаго ¹¹⁸⁾. Но Янъ Николаевичъ Радивиль, державца Слонимскій, сдѣлавшійся маршалкомъ земскимъ въ 1514 году, занималъ мѣсто въ радѣ уже

¹¹⁵⁾ Въ такомъ порядкѣ они, вѣроятно, вошли хронологически въ составъ великокняжескаго совѣта.

¹¹⁶⁾ См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Kęstwa Litewskiego, str. 6—96. Этотъ порядокъ мѣстъ былъ принятъ во вниманіе и при составленіи порядка мѣстъ въ соединенной польско-литовской радѣ, образовавшейся въ силу Люблинской уніи 1569 года (*Volumina legum* II, p. 93).

¹¹⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 31, 53; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232.

¹¹⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 224; II, № 8, 29.

ниже пана Троцкого, но выше воеводы Полоцкаго ¹¹⁹⁾; воевода же Новгородскій Янъ Яновичъ Заберезинскій, сдѣлавшійся маршалкомъ земскимъ въ 1522 году, занималъ мѣсто въ радѣ великаго княжества ниже старосты Городенскаго, сидѣвшаго въ радѣ большею частію ниже воеводы Полоцкаго ¹²⁰⁾. Державца Бѣльскій и Утенскій князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, любимецъ короля Александра, въ качествѣ маршалка дворнаго занималъ мѣсто въ радѣ великаго князя выше воеводы Полоцкаго ¹²¹⁾. Но староста Берестейскій, Ковенскій и Лидскій Юрій Ивановичъ Ильинича въ званіи маршалка дворнаго сидѣлъ ниже воеводы Полоцкаго ¹²²⁾ и т. д. Званіе маршалка господарскаго только вводило въ раду господарскую, но мѣсто каждаго маршалка, при ихъ многочисленности, опредѣлялось уже степенью его знатности и личныхъ заслугъ. Въ общемъ можно сказать, что маршалки въ радѣ сидѣли ниже воеводъ, каштеляновъ, гетмана и маршалковъ земскаго и дворнаго. Въ среду маршалковъ, а иногда и выше ея вдвигались придворные сановники, какъ подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій, ловчій. Такимъ образомъ, напр., намѣстникъ Бѣльскій Миколай Миколаевичъ въ званіи подчашія сидѣлъ въ радѣ ниже маршалка дворнаго Григорія Станиславовича Остиковича и выше маршалка Якуба Довойновича, Станислава Петрашковича ¹²³⁾ и т. д. Но подчашій Альбрехтъ Мартиновичъ Гапгольдъ въ 1508 г. сидѣлъ ниже маршалка Станислава Петровича ¹²⁴⁾. Крайчій кн. Янушъ Александровичъ занималъ мѣсто въ радѣ ниже маршалка Войтеха Кучуковича, выше маршалка Ивана Сопеги ¹²⁵⁾, братъ его Юрій Александровичъ—выше маршалка Яна Яновича Заберезинскаго, Александра Ивановича Ходкевича, Ивана Сопеги ¹²⁶⁾ и т. д. Кухмистръ Петръ Олехновичъ въ 1502 году сидѣлъ ниже маршалка Юрія Ивановича Ильинича, а въ 1505 выше маршалка Яна Стецковича, въ 1512 году

¹¹⁹⁾ Акты Южной и Западной Россіи I, № 60; Акты Зап. Рос. II, № 93, 109; Archiwum Sanguszków III, № CXLIX, CXCI.

¹²⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 112.

¹²¹⁾ Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 115.

¹²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 47, 48.

¹²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 163; Zbiór praw litewskich, str. 73.

¹²⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 31.

¹²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 72; VI, л. 3; Archiwum Sanguszków III, № XCI, XCII.

¹²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V; л. III; XXV, л. 125.

выше маршалка и писаря Богуша Боговитиновича ¹²⁷⁾. Подстолій Станиславъ Яновичъ Заберезинскій въ 1446 году сидѣлъ въ радѣ ниже крайчія кн. Януша и маршалка Войтеха Кучуковича. Его преемникъ кн. Василій Львовичъ Глинскій сидѣлъ въ 1504 году выше маршалка, охмистра королевы Войтеха Яновича Клочка, маршалка Ивана Солеги, а слѣдующій подстолій—Юрій Александровичъ въ 1508 году сидѣлъ выше маршалковъ Александра Ивановича Ходкевича, Войтеха Нарбутовича. Подкоморій Петръ Радивиловичъ сидѣлъ въ 1499 году ниже маршалка Некраша Володковича и выше маршалковъ Немиры Грималича, Миколая Юндиловича, Юрія Монтовтовича, Александра Монтыгирдовича ¹²⁸⁾. Его преемникъ Якубъ Довойновичъ въ 1508 году сидѣлъ ниже маршалка Немиры Грималича, но выше маршалка Богуша Боговитиновича ¹²⁹⁾. Ловчій Миколай Юрьевичъ Пацевича въ 1510 году сидѣлъ ниже маршалка Яна Богдановича, Литавора Хреботовича и выше Немиры Грималича ¹³⁰⁾. Въ такомъ же положеніи находился и подскарбій земскій. Аврамъ Езофовичъ, напр., въ 1518 году сидѣлъ въ радѣ ниже маршалка Юрія Ивановича Ильинича, по выше маршалка Богуша Боговитиновича ¹³¹⁾. Что касается остальныхъ должностей и званій, каковы были: конюшій дворный, подскарбій дворный, хоружій земскій, хоружій дворный, мечникъ, секретари и писари, тивунъ Виленскій, то носившія ихъ лица въ актахъ перечисляются обыкновенно въ концѣ пановъ рады, ниже маршалковъ. Къ этому нужно присовокупить, что придворные сановники, сидѣвшіе въ рядахъ маршалковъ, разсаживались такимъ образомъ, что между ними соблюдалась извѣстная іерархія: подчашій, напр., сидѣлъ выше крайчія, крайчій выше кухмистра, кухмистръ выше стольника, стольникъ выше подстоля, подстолій выше подкоморія, подкоморій выше ловчія, ловчій выше конюшаго дворнаго и т. д.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что извѣстный порядокъ мѣстъ держался наиболѣе устойчиво въ той части господарской рады, которая носила названіе *передней* или *наивысшей рады* ¹³²⁾, и которая состояла

¹²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V; л. 72; XXIII, л. 50; VIII, л. 232.

¹²⁸⁾ Zbiór praw litewskich, str. 73.

¹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 569; Archiwum Sanguszków III, № XCII.

¹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 354.

¹³¹⁾ Archiwum Sanguszków III, № CLXXXI.

¹³²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 93; Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 167; L, л. 1, 2.

изъ воеводъ, каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго, старостъ Жмудскаго, Луцкаго и Городенскаго, гетмановъ и маршалковъ земскаго и дворнаго. Но и здѣсь этотъ порядокъ нарушался иногда специальными распоряженіями государя, сдѣланными во вниманіе къ заслугамъ того или другого лица. Князь Иванъ Львовичъ Глинскій, будучи въ 1505—1507 годахъ воеводою Кіевскимъ, по установившемуся обычаю сидѣлъ подлѣ старосты Жмудскаго. Въ 1507. году Сигизмундъ взялъ у него Кіевъ и далъ ему Новгородъ. Не желая «рушать» его «во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ водлѣ годности и заслуги своее... мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ», король оговорилъ въ выданномъ ему привилеѣ: «и тежъ мѣстца его отъ него не отдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ писати; а мѣстцо въ радѣ, межѣ пановъ рады наше великого князства Литовского, дали есмо ему подлѣ пана старосты Жомонтского»¹³³). Такимъ образомъ, благодаря специальному распоряженію государя воевода Новгородскій оказался въ радѣ великаго князства на необычномъ мѣстѣ. Въ 1522 году, пожаловавъ кн. Константину Ивановичу Острожскому, бывшему передъ тѣмъ паномъ Виленскимъ, воеводство Троцкое и не желая его понижать въ чести и въ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ радѣ господарской, а наоборотъ—повысить, король Сигизмундъ далъ ему первое мѣсто среди свѣтскихъ пановъ радныхъ, выше воеводы Виленскаго, которому ранѣе принадлежало это мѣсто. Такое отступленіе отъ установившагося обычая сдѣлано было для кн. Острожскаго лично, во вниманіе къ его великимъ военнымъ заслугамъ, и не имѣло служить прецедентомъ по отношенію къ его преемникамъ¹³⁴).

§ 3.

Мѣста въ господарской радѣ связались съ извѣстными званіями и должностями, такъ что лица, достигшія этихъ званій и должностей, вмѣстѣ съ тѣмъ садились и въ лавицѣ рады господарской. Бывали, какъ мы видѣли, случаи, что такимъ путемъ проникали въ господарскую раду люди, выдвинувшіеся впередъ исключительно своими способностями и заслугами на службѣ господарской. Таковъ былъ, напр., при Сигизмундѣ крещеный еврей Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій великаго князства, снискавшій расположеніе Сигизмунда своимъ

¹³³) Акты Зап. Рос. II. № 7.

¹³⁴) Archiwum Sanguszkow III, № CCXXX; Acta Tomiciana, tomus VI, № XVII, CLXVII. Подробности объ этомъ эпизодѣ см. наши рецензіи на книгу г. Ярушевича въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1898, № 7 и 1899, № 10.

усердіемъ и радѣніемъ, своимъ безкорыстіемъ при завѣдываніи таможенными пошлинами и другими статьями казенныхъ доходовъ. Но такіе случаи сравнительно рѣдки. Большею же частью при пожалованіи званій и должностей, дававшихъ мѣста въ радѣ господарской, обращалось вниманіе не только на «послуги» жалуемаго лица, но и на «защитность» его дома и «послуги знаменитыя» его предковъ. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1532 году староство Жмудское пану Петру Станиславовичу Книшкѣ, усмотрѣвъ «доброе и цѣлотливое захованье» его предковъ къ предшествующимъ господарямъ, въ частности службу его покойнаго отца пана Станислава, равно такъ же и его самого «доброе захованье» къ господарю и «важныя и накладныя послуги», которыя онъ оказывалъ господарю и рѣчи посполитой, не щадя своей жизни и имущества,—принимая затѣмъ во вниманіе, что за такія «важныя послуги» предки его «на высокихъ и важныхъ мѣстахъ и въ почтивостяхъ были хованы» «и бачачи его къ тому цѣлоту и годность»¹³⁵). Если при назначеніи на высшія государственныя должности дѣйствовали соображенія, подобныя только что приведенному, то и рада господарская неминуемо должна была выйти аристократическою корпораціею а не простымъ совѣтомъ изъ преуспѣвшихъ чиновниковъ-служакъ. Наблюденія надъ личнымъ составомъ господарской рады за время великокняженія Казимира и его сыновей вполне подтверждаютъ это предположеніе.

Присматриваясь къ этому составу, открываемъ въ немъ преобладаніе извѣстныхъ фамилій, которыя преемственно, въ цѣломъ радѣ поколѣній, занимаютъ мѣста въ радѣ господарской. Такимъ образомъ, членами господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ являются князья *Гольшанскіе*, ведущіе свое происхожденіе отъ кн. Ивана Ольгимуштовича, сподвижника Витовта: Юрій Семеновичъ, сыновья его—Александръ и Семень Юрьевичи, внуки: Янушъ, Юрій и Павелъ Александровичи (Юрьевича); правнукъ Янушъ Юрьевичъ (Александровича)

¹³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 269—271. Въ 1542 году 20 мая Сигизмундъ пожаловалъ пану Станиславу Альбрехтовичу Гаштольду воеводство Троцкое, «узнавши верное а цѣлотливое захованье и послуги предковъ и отца воеводы Новгородского пана Станислава Ольбраховича Каштолта, которые они завжды уставичне предкомъ нашимъ, первшимъ господаремъ и великимъ княземъ, за животовъ своихъ справедливо оказывали, такъ тежъ и папа воеводы его милости самого захованье и верныя послуги, которое онъ къ намъ, господарю и пану своему прирочному, текежъ уставичне, не преслѣдуючи ни въ чомъ послугъ и захованья предковъ своихъ, указуетъ»—и т. д. Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 83.

Гольшанскій-Дубровицкій; паны *Радивиловичи*, ведущіе свое происхождение отъ другого сподвижника Витовта—Остика: Радивиль Остиковичъ; его сыновья—Миколай и Петръ; внуки—Миколай, Янъ, Войтехъ, Юрій Николаевичи; правнуки—Янъ и Миколай Николаевичи, Миколай и Янъ Яновичи; паны *Остиковичи*, младшая вѣтвь Радивиловъ: внукъ Остика—Григорій Станиславовичъ; правнуки—Станиславъ, Юрій и Григорій Григорьевичи; *Гаштольды*, потомки маршалка Витовта: Янъ, сынъ Мартинъ, внукъ Альбрехтъ Мартиновичъ, правнукъ Станиславъ Альбрехтовичъ; *Кезгайловичи*, ведущіе свое происхождение отъ старосты Жмудскаго при Витовтѣ Кезгайла Волимунтовича: Михайлъ, Добеславъ и Янъ Кезгайловичи; сынъ Яна—Станиславъ, внуки—Миколай и Станиславъ Станиславовичи; одного съ ними происхожденія—Судивой Волимунтовичъ и сынъ его Станко Судивовичъ; *Монивидовичи*, ведущіе свое происхождение отъ намѣстника Виленскаго при Витовтѣ Монивида: Янъ, сынъ его Войтехъ, и одного съ ними рода Сенько Гедигольдовичъ; *Заберезинскіе*, ведущіе свое происхождение отъ знатнаго боярина Витовтова Римовида: Янъ Юрьевичъ (Римовидовича), сыновья его Янъ и Станиславъ, внуки—Миколай Юрьевичъ, Станиславъ Яновичъ; *Олехновичи-Кухмистровичи*, идущіе отъ одного съ Заберезинскими родоначальника: Олехно Римовидовичъ, сынъ его Петръ, внукъ Миколай Петровичъ Дорогостайскій; *Саковичи*, идущіе отъ знатнаго Витовтова боярина Сака: Сачко, Адрей Саковичъ, сынъ его Богданъ; повидимому, одного съ ними рода Якубъ *Кунцевичъ*; *Монтыгирдовичи*, ведущіе свое происхождение отъ намѣстника Полоцкаго при Витовтѣ: Якубъ Ганусовичъ, внукъ Монтыгирда, Петръ Яновичъ, правнукъ его, Александръ; *Кишки*: Станиславъ и Янъ Петровичи, Петръ Станиславовичъ, Никодимъ Яновичъ Техоновскій; *Пацы*, идущіе отъ знатнаго боярина Свидригайлова Паца Гирдивидовича ¹²⁶⁾: Паць, сынъ его Юрій, внукъ Миколай Юрьевичъ Пацевича; *Ходкевичи*, ведущіе свое происхождение отъ знатнаго боярина Свидригайлова Ходка Юрьевича: Иванъ Ходкевичъ, сынъ его Александръ, внукъ Еронимъ; одного съ ними рода Гринко *Воловичъ*; *Монтовтовичи*, ведущіе свое происхождение отъ намѣстника Дорсунишскаго при Витовтѣ Монтовта: Михайлъ, Бартошъ и Тотвиль Монтовтовичи, сынъ Михайла Юрій, сынъ Бартоша Станиславъ; *Немировичи*, ведущіе свое происхождение отъ конюшаго Витовта Немира: Миколай и Андрей Немировичи, ихъ племянникъ Якубъ Яновичъ, сыновья Якуба Бутримъ и Андрей, двоюродный племянникъ Юрій; *Довойновичи*, ведущіе свое происхождение

¹²⁶⁾ См. выше, стр. 68.

отъ одного изъ сподвижниковъ Витовта: Олехно, Янъ, Якубъ; Андрей и Юрій Якубовичи, Станиславъ Станиславовичъ; *Ильиничи*, ведущіе свой родъ отъ выслужившагося при Витовтѣ могилевскаго боярина Ильи ¹³⁷⁾: Иванъ Ильиничъ, сыновья его Миколай и Юрій; *Гмбовичи*: Юрій, Петръ, Станиславъ; Янъ Юрьевичъ; одного съ ними рода: Ивашко *Вяжевичъ*, сынъ его Войтехъ Ивашковичъ; *Нарбутовичи*, ведущіе свое происхождение отъ знатнаго боярина вел. князя Сигизмунда: Войтехъ и Петръ Нарбутовичи; сыновья Войтеха—Войтехъ, Миколай и Янъ; *Костевичи*: Станиславъ, его сыновья Янушъ и Венцлавъ; *князья Жеславскіе*: Иванъ Юрьевичъ, сыновья его Ѳедоръ и Михаилъ; *Вешпортовичи*: Мишко и сынъ его Янъ; *Соллогубы*: Андрей и сынъ его Юрій; *Стромилы*, потомки ложничія Витовта: Петрашко Пашкевичъ, Станиславъ Петрашковичъ ¹³⁸⁾; *Сопеи*, ведущіе свое происхождение отъ выслужившагося при Казимирѣ писаря Семена: Иванъ Семеновичъ, его сынъ Павелъ, племянникъ Иванъ Богдановичъ; *Солтаны*: Солтапъ Александровичъ и сынъ его Александръ; *Стретовичи*, другая линія того же рода: Александръ Юрьевичъ, родоначальникъ; Андрей и Иванъ Александровичи, Иванъ Андреевичъ; *Петъкевичи*: Станиславъ Михайловичъ, Юрій Миколаевичъ; *Клюко*: Войтехъ Яновичъ и его сынъ Матей; *Юндилловичи*: Миколай, его племянникъ Матей Яновичъ; *Костевичи*: Станиславъ, его сыновья Янушъ и Венцлавъ. Къ этимъ фамиліямъ надо присоединить еще нѣсколько родовитыхъ фамилій, которыя въ разсматриваемое время представлялись въ господарской радѣ спорадически, отдѣльными лицами: Таковы были: Олехно *Судимонтовичъ*, сынъ знатнаго боярина в. кн. Сигизмунда Судимонта; Миколай *Гинвилловичъ*, вѣроятно, потомокъ намѣстника Троцкаго при Витовтѣ Гинвила ¹³⁹⁾; Ивашко *Юрша*, вѣроятно, потомокъ извѣстнаго сподвижника Свидригайлова, воеводы Юрши; Янъ *Насутичъ*, сынъ знатнаго пана Свидригайлова Насуты; Олизаръ *Шиловичъ-Курдѣвичъ*, отецъ котораго принадлежалъ къ правительственной знати при Свидригайлѣ ¹⁴⁰⁾; *Гойцевичъ* Иванъ, вѣроятно, сынъ сподвижника Свидригайлова Юшка, павшаго въ битвѣ подъ Ошменою въ 1432 году ¹⁴¹⁾; *Хрбтовичи*, ведущіе свое происхождение отъ Свидригайлова знатнаго боярина Хрбта: Иванъ, Мартинъ, Ѳедко Богдановичи; кн. Димитрій

¹³⁷⁾ Акты Южн. в Зап. Рос. I, № 26.

¹³⁸⁾ Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 47.

¹³⁹⁾ См. выше, стр. 25, 67.

¹⁴⁰⁾ См. выше, стр. 68.

¹⁴¹⁾ *Narbutta* Pomniki, str. 46.

Путятичъ, изъ рода Друцкихъ князей, находившихся въ приближеніи у Витовта; князья *Глинскіе*, родъ которыхъ началъ подниматься уже при Витовтѣ: Иванъ, Михайль и Василій Львовичи ¹⁴²); князья *Острожскіе*: Константинъ и Михайль, потомки знаменитаго Ѳедора Даниловича Острожскаго, выслужившагося у Ягайла и Витовта ¹⁴³); Богущъ *Боговитиновичъ*, внукъ одного изъ знатныхъ бояръ Свидригайла; Юрій *Зеновьевичъ*, потомокъ одного изъ сподвижниковъ Витовта—Зиновія Братошича, участвовавшаго въ первомъ литовско-русскомъ сеймѣ ¹⁴⁴); Василій Богдановичъ *Чижа*, вѣроятно потомокъ хоружія Виленскаго при Свидригайлѣ Довгяла Чижы; Миколай *Вежжайло*, потомокъ одного изъ Витовтовыхъ бояръ,—наи́стника Вилькомирскаго ¹⁴⁵); князь *Ѳедоръ Михайловичъ Чорторыйскій*, потомокъ кн. Константина Ольгердовича ¹⁴⁶); кн. Андрей Михайловичъ *Самушковича*, потомокъ кн. Ѳедора Ольгердовича ¹⁴⁷); Юрій *Волчковичъ*, вѣроятно одинъ изъ тѣхъ Волчковичей, предки которыхъ фигурировали на политической аренѣ еще при Витовтѣ ¹⁴⁸). Сверхъ перечисленныхъ 142 лицъ въ радѣ Казимира и его сыновей можно насчитать лишь около 40 лицъ частью неизвѣстныхъ, частью новыхъ фамилій, впервые поставившихъ своихъ представителей въ раду господарскую ¹⁴⁹).

Итакъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія на 35—50 мѣстахъ въ лавицѣ рады господарской разсизивались большею частью представители какихъ-нибудь 50 княжескихъ и панскихъ фамилій. Всматриваясь въ ихъ контингентъ, замѣчаемъ сравнительно небольшое число фамилій завѣдомо русскаго происхожденія. Таковы были: Ходкевичи, происходившіе отъ Кіевскихъ бояръ ¹⁵⁰), и родственная имъ фамилія Воловичей; Ильичи, Глѣбовичи и родственная имъ фамилія Вяжевичей, происходившіе изъ Витебской земли ¹⁵¹); Сопеги, происходившіе по всѣмъ даннымъ изъ бояръ Смоленской земли ¹⁵²); Кирдѣвичи, происходившіе изъ

¹⁴²) *Wolffa* Kniazowie litewsko-ruscy, str. 77—86.

¹⁴³) Ibidem, str. 343—354.

¹⁴⁴) См. выше, стр. 28.

¹⁴⁵) См. выше, стр. 25, 67, 68.

¹⁴⁶) *Kniazowie litewsko-ruscy*, str. 18, 24.

¹⁴⁷) Ibidem, str. 422, 437—441.

¹⁴⁸) См. выше, стр. 28.

¹⁴⁹) См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze; Ronieckiego Poczet rodów.

¹⁵⁰) См. выше, стр. 66.

¹⁵¹) См. выше, стр. 156.

¹⁵²) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 270, 271, 278.

Волынской земли ¹⁵³⁾; кн. Друцкіе, Острожскіе, Глинскіе; быть можетъ, Юрши, Стромилы, Солтаны, Стретовичи и Петъкевичи. Изъ остальныхъ фамилій—двѣ, Кишки и Насуты, по всѣмъ даннымъ мазовецко-подляскаго происхожденія ¹⁵⁴⁾, всѣ же прочія,—изъ которыхъ вышло большинство членовъ господарской рады въ разсматриваемое время (100 изъ 182)—происхожденія литовскаго.

Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что Казимиръ и его сыновья набрали свой совѣтъ преимущественно изъ литовскихъ князей и павовъ? Въ исторической литературѣ долгое время господствовалъ взглядъ, что русскіе люди попадали въ господарскую раду только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, что по отношенію къ пополненію ея при Казимирѣ и его сыновьяхъ и до самаго 1563 года дѣйствовало многократно подтверждавшееся постановленіе Городельскаго привилея, предоставлявшее мѣста въ радѣ господарской только католикамъ ¹⁵⁵⁾. Этотъ взглядъ опровергается прежде всего самою грамотою 1563 г., отмѣнившою названное постановленіе. Изъ этой грамоты видно, что это постановленіе, несмотря на неоднократное подтвержденіе Городельскаго привилея, не соблюдалось, и не только «Римского костела послушныи, але и Грецкого» бывали въ лавицѣ рады какъ при предшественникахъ Сигизмунда-Августа, такъ и при немъ самомъ ¹⁵⁶⁾. Подробное ознакомленіе съ личнымъ составомъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ вполне подтверждаетъ это замѣненіе привилея 1563 г.: оказывается, что православные русскіе люди въ радѣ великаго княжества Литовскаго все-таки были далеко не рѣдкимъ исключеніемъ. Да это и понятно. Со времени сравненія православныхъ русскихъ людей во всѣхъ правахъ и вольностяхъ съ литвинами-католиками въ земскихъ привилеяхъ 1432 и 1434 годовъ, статья Горородельскаго привилея, преграждавшая имъ доступъ въ господарскую раду, утратила свою юридическую силу и сдѣлалась уже отжившимъ закономъ. Этотъ отжившій законъ по извѣстной редакціонной косности, а не потому, что

¹⁵³⁾ См. выше, стр. 153.

¹⁵⁴⁾ О Насутѣ см. выше, стр. 106; родовое владѣніе Кишковъ—Техановець находился на Подляшѣ.

¹⁵⁵⁾ *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 127, Кіевъ 1885; *П. Д. Брянецва* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ, стр. 330, 353. О мнѣніяхъ, высказывавшихся ранѣе, см. *А. Ярушевича* Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, стр. 163, 164, прик. 414.

¹⁵⁶⁾ Акты Зап. Рос. III, № 32.

бы онъ имѣлъ дѣйствительное значеніе, повторялся въ Городельскомъ привилеѣ всякій разъ, когда этотъ привилей подтверждался, подобно тому, какъ повторялся при этомъ и другой также отжившій (послѣ выдачи земскаго привилея 1447 года) законъ—о платежѣ податей великому князю съ панскихъ и шляхетскихъ имѣній. Литовско-русскіе паны и шляхта считали Городельскій привилей родоначальникомъ своихъ правъ и вольностей, цѣнили его, какъ политическое сокровище («скарбъ посполитый»), какъ своего рода святыню и реликвію, и потому-то и упрашивали своихъ государей вписывать его въ свои земскіе привилеи, несмотря на то, что въ этихъ привилеяхъ уже содержались тѣ права и вольности, которыя содержалъ и Городельскій привилей, и даже болѣе того. Городельскій привилей подтверждался литовско-русскими государями не какъ дѣйствующій законъ (послѣдній содержался въ ихъ собственныхъ земскихъ привилеяхъ), а какъ его историческое оправданіе, какъ санкціонирующій этотъ законъ голосъ старины. Не только въ названныхъ двухъ статьяхъ, но и въ другихъ, напр., въ статьѣ, предоставлявшей шляхетскія права и вольности только боярамъ-католикамъ получившимъ гербы отъ поляковъ, въ статьяхъ, касающихся взаимныхъ отношеній между Польшею и Литвою, Городельскій привилей былъ уже анахронизмомъ, противорѣчившимъ дѣйствительному положенію вещей, и тѣмъ не менѣе этотъ привилей продолжалъ подтверждаться литовско-русскими государями. Объясняется это именно тѣмъ, что при этомъ преслѣдовалась не юридическо-практическая цѣль, — признаніе обязательной силы за всѣми статьями Городельскаго привилея, а юридическо-моральная, — признаніе вѣщей силы и обязательности за статьями, содержащимися въ собственномъ привилеѣ подтверждавшаго государя и имѣвшими столь давнее происхожденіе. Если такъ, то неудивительно, что въ общей совокупности правъ и вольностей вмѣстѣ съ другими статьями повторялись и статьи, несомнѣнно утратившія свою юридическую обязательность, противорѣчившія позднѣйшимъ узаконеніямъ. Возможно, впрочемъ, что во временахъ имъ старались придать и дѣйствительную силу, какъ это было, напр., во время борьбы честолюбивъ, вызванной въ 1522 году назначеніемъ князя Острожскаго на первое мѣсто въ лавицѣ рады господарской. Протестовавшіе противъ этого назначенія паны, и во главѣ нихъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, въ разгарѣ борьбы могли схватиться и за это археологическое оружіе и указывать королю, что въ сущности онъ не имѣетъ права даже допускать схизматиковъ въ раду господарскую, а не то что назначать ихъ на первое мѣсто. Мы считаемъ рассказъ объ этомъ Кояловича весьма правдоподобнымъ

и сомнѣваемся только въ томъ, чтобы Сигизмундъ дѣйствительно выдалъ обязательство впредь не назначать схизматиковъ въ раду господарскую. Дошедшій до насъ въ сборникахъ Скарги и Гарасевича привилей Сигизмунда, содержащій это обязательство, мы считаемъ простымъ проектомъ, составленнымъ Гаштольдомъ и его партіею, а не официальнымъ документомъ, получившимъ санкцію короля (если только дошедшій привилей не есть иезуитское сочиненіе, составленное въ эпоху установленія уніи, съ цѣлью доказать, что православные не имѣютъ историческаго права на сенаторскія кресла въ Рѣчи Посполитой), ибо въ дошедшихъ до насъ, и дѣйствительно официальныхъ, документахъ нѣтъ ничего подобнаго въ этомъ смыслѣ ¹⁵⁷⁾.

Итакъ, преобладаніе князей и пановъ литовскаго происхожденія въ радѣ Казимира и его сыновей не можетъ быть объясняемо дѣйствіемъ Городельскаго привилея, преграждавшаго доступъ въ раду господарскую православнымъ русскимъ людямъ. Это преобладаніе выросло не изъ мертваго, отжившаго закона, сдѣлавшагося, какъ мы видѣли, простымъ историческимъ переживаніемъ, политическою реликвіею, а изъ живыхъ историческимъ традицій, державшихся своими корнями и въ почвѣ тогдашней общественной дѣйствительности.

Казимиръ и его сыновья вполнѣ естественно набирали своихъ совѣтниковъ, своихъ сотрудниковъ и помощниковъ по устройенію государства преимущественно изъ тѣхъ же фамилій, съ которыми строили свое государство ихъ предшественники, изъ фамилій, которыя обладали для этого сотрудничества наибольшими духовными и матеріальными ресурсами, и за которыми прецеденты установили нѣкоторое право на это сотрудничество. Мы видѣли, что князья и знатные литовскіе бояре представляли при Витовтѣ самыя значительныя общественныя силы въ Литовско-Русскомъ государствѣ,—классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и властью въ мѣстныхъ обществахъ, настоящихъ герцоговъ и бароновъ, какъ нерѣдко величаютъ ихъ современные нѣмецкіе и польскіе источники. Это же значеніе классъ этотъ сохранялъ и въ рассматриваемое время, а отчасти даже и увеличилъ его. Литовскіе князья и паны не только сохранили свои имѣнья, но даже и расширили ихъ отчасти покупкою, но главнымъ

¹⁵⁷⁾ Подробнѣе объ этомъ см. *А. Прушевича* Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, стр. 163—169, 236, 237; наши рецензіи на эту книгу въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1898. № 7, стр. 205, 206, за 1899, № 10, стр. 166—168; *Archiwum Sanguszków* III, № CCXXX: *Acta Tomiciana*, tomus VI, № XVIII, CLXVII.

образомъ благодаря щедрымъ пожалованіямъ своихъ господарей, покупавшихъ такимъ путемъ и вознаграждавшихъ ихъ службу и вѣрность. Въ этомъ отношеніи, кромѣ частныхъ указаній источниковъ на крупныя имѣнія литовскихъ князей и пановъ разсматриваемаго времени ¹⁵⁸⁾, весьма характерны показанія реестра 1528 г. относительно количества ратниковъ, которые должны были выставяться съ различныхъ «земскихъ» имѣній. Эти показанія даютъ ясно понять, кто такое по общественному своему положенію были паны-рада, и почему господарь набиралъ свой совѣтъ преимущественно изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія. Оказывается, что кругъ фамилій, изъ которыхъ преимущественно выходили паны-рада, представлялъ собою классъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Приведемъ относящіяся сюда цифры.

Первѣйшая княжеская фамилія изъ этого круга—*кн. Гольшанскіе* выставляютъ въ общей сложности съ своихъ имѣній 154 коня ¹⁵⁹⁾; *паны Радивилы*—621 конь ¹⁶⁰⁾; родственная имъ фамилія *Остиковичи*—337 коней ¹⁶¹⁾; *Гаимольды*—466 коней ¹⁶²⁾; *Кезайлы*—768 коней ¹⁶³⁾; *Забережинскіе*—258 коней ¹⁶⁴⁾; ихъ младшая вѣтвь *Олехновичи-Кухмистровичи*—36 коней ¹⁶⁵⁾; младшая вѣтвь Саковичей *Кунцевичи*—47 коней ¹⁶⁶⁾; *Костевичи* (Венцлавъ и вдова Януша) — 124 коня

¹⁵⁸⁾ Эти указанія сгруппированы въ значительномъ количествѣ во второмъ очеркѣ нашего труда «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства».

¹⁵⁹⁾ Кн. Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій—122; кн. Юрій Ивановичъ Дубровницкій—28 коней, а его сыновья Иванъ и Федоръ—4 коня.

¹⁶⁰⁾ Юрій Николаевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій,—261 конь; его племянникъ, подчашій Янъ Николаевичъ—69; братъ послѣдняго (таниславъ, державца Пеняскій—39 коней, а мать ихъ Елизавета—260 коней.

¹⁶¹⁾ Григорій Григорьевичъ—116 коней; братъ его Юрій—131, а мать Елизавета—90 коней.

¹⁶²⁾ Альбрехтъ Мартиновичъ съ сыномъ Станиславомъ.

¹⁶³⁾ Панъ Троцкій, староста Жмудскій, Станиславъ Станиславовичъ—371 конь; его жена съ падчерицею—246 коней; двоюродный братъ Николай Николаевичъ—151 конь.

¹⁶⁴⁾ Панъ Янъ Яновичъ, маршалокъ земскій—197 коней; вдова его племянника Николая—61 конь.

¹⁶⁵⁾ Николай (Петровичъ) Кухмистровичъ—12 коней; Станиславъ Петровичъ 7 коней; Юрій Михайловичъ Олехновича—17 коней.

¹⁶⁶⁾ Мацко Кунцевичъ, намістникъ Лепунскій и Волкиницкій,—7 коней; вдова Якуба Кунцевича, конюшаго дворнаго,—38 коней; Касперъ Кунцевичъ—2 коня.

Кишки—224 коня ¹⁶⁷⁾; *Пацы*—97 коней ¹⁶⁸⁾; *Ходкевичи*—198 коней ¹⁶⁹⁾; *Монтовты*—37 коней ¹⁷⁰⁾; *Немировичи*—115 коней ¹⁷¹⁾; *Довоины*—33 коня ¹⁷²⁾; *Ильиничи*—160 коней ¹⁷³⁾; *Глбовичи*—279 коней ¹⁷⁴⁾; *Нарбуты*—65 коней ¹⁷⁵⁾; *Солоубы*—45 коней ¹⁷⁶⁾; *Сопети*—153 коня ¹⁷⁷⁾; *Солтаны*—37 коней ¹⁷⁸⁾; *Стретовичи*—46 коней ¹⁷⁹⁾; *Петьковичи*—72 коня ¹⁸⁰⁾; *Клочко*—66 коней ¹⁸¹⁾; *Юндиловичи*—46 коней ¹⁸²⁾; *Хрбетовичи*—112 коней ¹⁸³⁾; *Боговитиновичи*—125 коней ¹⁸⁴⁾;

¹⁶⁷⁾ Петръ Станиславовичъ, воевода Полоцкій.

¹⁶⁸⁾ Панъ Миколай Папевичъ, подкоморій.

¹⁶⁹⁾ Александръ Ивановичъ, маршалокъ, староста Берестейскій.

¹⁷⁰⁾ Якубъ Михайловичъ Монтовтовича, намѣстникъ Кременецкій.

¹⁷¹⁾ Воевода Кіевскій Андрей—43 коня; его жена—17 коней; панъ Юрій, маршалокъ—16, Миколай, братъ его,—4; Бутримъ Якубовичъ—2; дочери Вацлава Немировича—33.

¹⁷²⁾ Панъ Станиславъ, коморникъ королевы, 33 коня.

¹⁷³⁾ Янъ Юрьевичъ—55 коней; Станиславъ—55 коней; съ нихъ недѣлеваго илѣнья 7 коней; Шчасный Юрьевичъ—32; Миколай Миколаевичъ, ихъ двоюродный братъ,—6 коней; его жена—5 коней.

¹⁷⁴⁾ Янъ Юрьевичъ, воевода Витебскій,—148, его жена—88; Миколай Глбовичъ, воеводичъ Полоцкій,—31 коня; братъ его Янъ Станиславовичъ—12 коней.

¹⁷⁵⁾ Войтехъ—16 коней; Петръ—13; Станиславъ Станиславовичъ—3 коня; Миколай Войтеховичъ—15; вдова Матуша Нарбутовича—1 коня; дочь Войтеха—Ганна—17 коней.

¹⁷⁶⁾ Миколай, Войтехъ и Станиславъ Юрьевичи—43 коня; Юрій Миколаевичъ—2 коня.

¹⁷⁷⁾ Павелъ Ивановичъ—21 конь; Иванъ Васильевичъ—9; Янушъ Сопета съ тещею—26; Михаилъ Ивановичъ—47; Федоръ Ивановичъ—19; Иванъ Васильевичъ—4; Иванъ Богдановичъ—27.

¹⁷⁸⁾ Александръ Солтановичъ.

¹⁷⁹⁾ Иванъ Андреевичъ, подскарбій дворный, 25 коней; вдова Книгы Стретовича—21.

¹⁸⁰⁾ Матей Михайловичъ—25 коней; братъ его Мартинъ—16; Станиславъ—13; Станиславъ Яновичъ съ Андрушкою Рыковичемъ—5 коней; Григорій Петковичъ—4 коня; вдова Бартоша Петковича Екатерина—6 коней; вдова Януша Богдана—3 коня.

¹⁸¹⁾ Матей Охмистровичъ.

¹⁸²⁾ Павелъ Юндиловичъ—28 коней; жена его—10; Матей и Миколай—8.

¹⁸³⁾ Богдавъ Мартиновичъ—20; Иванъ Олехновичъ—3; Юрій Федковичъ—8; вдова Яна Литавора—76; вдова Федка—5.

¹⁸⁴⁾ Богушъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій—78; Боговитинъ—14; Иванъ Боговитиновичъ—32; его жена—1.

Вежкгайлы—80 коней ¹⁸⁵); *Чижи*—38 коней ¹⁸⁶); *Зеновьевичи*—155 коней ¹⁸⁷); вдова Петра Яновича *Монтыгирдовича*—32 коня.—Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо знать, что немного княжескихъ фамилій въ Литовско-Русскомъ государствѣ выставляли «почты», подобныя только что приведеннымъ. Таковы были: князь *Слуцкій*, выставлявшій съ своихъ имѣній 433 коня, кн. Конст. Ивановичъ *Острожскій*, выставлявшій 426 коней, князь *Мстиславскій*—152 коня, *Сануки*—въ общей сложности—170 коней ¹⁸⁸); князя *Вигневейки*—84 коня ¹⁸⁹); кн. Матѳей *Микитиничъ*—79 коней; кн. *Полубенскіе*—55 коней ¹⁹⁰); кн. *Чорторыйскіе*—55 коней ¹⁹¹); кн. *Жеславскіе*—45 коней ¹⁹²); кн. *Лукомскіе*—65 коней ¹⁹³); кн. *Соколинскіе* (изъ Друцкихъ)—40 коней ¹⁹⁴); *Одинцевичъ* Богданъ Ѳедоровичъ—33 коня; кн. *Свирскіе*—41 коня ¹⁹⁵) и только. Всѣ остальные княжескія фамиліи выставляютъ уже меньшіе «почты»: кн. *Подберезскіе - Ямонтовичи* (Семень)—24 коня; князя *Горскіе и Бауриновскіе*—35 коней ¹⁹⁶); князя

¹⁸⁵) Кн. Николай, бискупъ Жмудскій,—79 коней: Войтехъ Вежкгайлъ—1.

¹⁸⁶) Василій Богдановичъ—25 коней; Левъ Чижевичъ—13 коней.

¹⁸⁷) Михайло—28 коней: его жена—1 конь; Юрій—38; Янъ Хрщоновичъ—19; Янъ Юрьевичъ—41; всѣ они сверхъ того—3 коня; вдова Николая—30.

¹⁸⁸) Кн. Андрей Михайловичъ Коширскій—85 коней; его сынъ Александръ—5 коней; кн. Василій Михайловичъ Ковельскій—38; кн. Андрей Александровичъ—42.

¹⁸⁹) Кн. Иванъ—52 коня; Александръ—15; Ѳедоръ—12; Ѳедоръ—5.

¹⁹⁰) Кн. Василій Андреевичъ—43 коня; Иванъ Андреевичъ—6 коней; его жена—4.

¹⁹¹) Кн. Ѳедоръ Михайловичъ—33 коня; вдова его двоюроднаго брата Семена Александровича—22 коня.

¹⁹²) Кн. Ѳедоръ—31 конь; Богданъ—14 коней.

¹⁹³) Кн. Андрей Андреевичъ—10 коней; кн. Михайло—2 коня; кн. Семень—1; Петръ—1; Юрій—1; кн. Андрей Ивановичъ—9; кн. Семень Романовичъ—5; кн. Михайло Романовичъ—5 коней; его жена—13; Петръ Романовичъ—14; кн. Богущъ—4.

¹⁹⁴) Кн. Андрей Соколинскій съ племянниками и племянницами—23 коня; княжна Гальшка Ѳедоровна—2 коня; вдова Василія—9. вдова Ивана—4; Павелъ—2 коня.

¹⁹⁵) Богданъ Дмитріевичъ—5 коней; вдова хоружія Якуба—11 коней; Петръ Духничъ—7 коней; Андрей Юхновичъ—3 коня; вдова Романа—5 коней; Жданъ Александровичъ—5 коней; Михайлъ Мартиновичъ—4 коня; Янъ Мартиновичъ—1 коня.

¹⁹⁶) Вагриновскіе—6 коней; Горскіе Ѳедоръ и Иванъ—21; Иванъ Дуда—14.

Спнскіе—8 коней ¹⁹⁷⁾; князя *Толочинскіе*—18 коней; кн. *Соломерецкій*—15 коней; *Озерецкіе*—12 коней ¹⁹⁸⁾; князя *Жижемскіе*—13 коней; князя *Глинскіе*—11 коней ¹⁹⁹⁾; кн. *Крошинскіе*—17 коней ²⁰⁰⁾; кн. *Жилинскіе* (Василій)—12 коней; *Кропотка* (Василій)—2 коня; *Вяземскіе* (Янъ)—4 коня; кн. *Барятинскіе* (Иванъ)—7 коней; кн. *Пузыня* (Тимоѳей)—10 коней; кн. *Масальскіе*—17 коней ²⁰¹⁾; кн. *Пронскіе*—25 коней ²⁰²⁾; кн. *Четвертинскіе*—22 коня ²⁰³⁾; *Сокольскіе*—9 коней ²⁰⁴⁾; кн. *Капусты*—15 коней ²⁰⁵⁾; кн. *Козеки*—10 коней ²⁰⁶⁾; кн. *Любецкіе и Веденицкіе*—18 коней ²⁰⁷⁾; кн. *Роговицкіе*—4 коня ²⁰⁸⁾; кн. *Збаражскіе* (Андрей Семеновичъ)—14 коней; кн. *Порыцкіе* (Василій)—5 коней; кн. *Великій*—1 коня; кн. *Заславскіе*, младшая вѣтвь *Острожскихъ*,—29 коней; кн. *Корецкіе*—20 коней ²⁰⁹⁾; кн. *Курцевичи*—8; кн. *Буремскіе*—4; кн. *Галичнскіе*—3 ²¹⁰⁾; вдова кн. Андрея Ивановича *Можайскаго*—14 коней; кн. Богданъ Дмитриевичъ—3; Володко Ивановичъ—3; вдова князя Тура—6 коней; кн. *Бердибыка*—1 коня; кн. *Лыко*—1 коня. Такимъ образомъ, большинство князей въ Литовско-Русскомъ государствѣ по сравненію съ вельможными панамъ были средними и мелкими землевладѣльцами. Еще болѣе станетъ яснымъ значеніе вышеприведенныхъ цифръ, если мы примемъ, напр., во вниманіе, что паны Кезгайлы (трое владѣльцевъ) выставляли на войну только на 53 ратника меньше, чѣмъ всѣ князья (за исключеніемъ *Острожскаго*) паны и земляне (282 владѣльца), водившіе свои «почты» на войну подъ хоругвою земли *Волинской* (всего они выставляли

¹⁹⁷⁾ Сыновья Ивана—6 коней; Иванъ—2.

¹⁹⁸⁾ Кн. Андрей—8; Семень—4.

¹⁹⁹⁾ Кн. Семень—5; братъ его Михайль—4; вдова Ѳедора—2.

²⁰⁰⁾ Кн. Тимоѳей.

²⁰¹⁾ Кн. Юрій Тимоѳеевичъ—3; Иванъ Тимоѳеевичъ—2; Богушъ—8; Василій—4.

²⁰²⁾ Вдова кн. Глѣба Пронскаго.

²⁰³⁾ Василій Ѳедоровичъ—12; Андрей—4; Ѳедоръ—6.

²⁰⁴⁾ Солтанъ—3; Юрій—2; Андрей—4.

²⁰⁵⁾ Андрей Тимоѳеевичъ—14; Петръ—1 коня.

²⁰⁶⁾ Андрей Михайловичъ—5; Иванъ—5.

²⁰⁷⁾ Василій и Богданъ Любецкіе—15 коней; Дмитрій Романовичъ *Виденицкій*—3 коня.

²⁰⁸⁾ Иванъ—2; Василій—1; Ѳедоръ 1 коня.

²⁰⁹⁾ Княгиня *Корецкая*—12 коней; князь Иванъ *Масальскій Корецкій*—8 коней.

²¹⁰⁾ Кн. Иванъ—1 коня; Григорій—1 коня; Григорій Ивановичъ—1 коня.

821 коня),—на 36 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ паны и земляне (245 семей), составлявшіе хоругвь земли Дорогицкой (всего они выставляли 732 коня), на 56 ратниковъ больше чѣмъ князья, бояре и мѣщане (194 владѣльца), составлявшіе хоругвь Полоцкой земли (всего они выставляли 712 ратниковъ), и на цѣлыхъ 80 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ земляне и бояре (1995 владѣльцевъ), составлявшіе хоругвь Бѣльскаго повѣта (выставляли всѣ вмѣстѣ 688 коней). Одинъ панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гапгольдъ съ сыномъ выставлялъ съ своихъ имѣній на 64 ратника больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы (331 человекъ), составлявшіе хоругвь Вилкомирскаго повѣта (выставляли 402 ратника) и приблизительно въ $7\frac{1}{2}$ разъ болѣе всѣхъ бояръ и мѣщанъ (59 человекъ) служившихъ подъ хоругвь Витебской земли и выставлявшихъ въ общей сложности 91 ратника. Одинъ панъ Станиславъ Станиславовичъ Кезгайло выставлялъ ратниковъ только на пять человекъ меньше, чѣмъ всѣ бояре (364 владѣльца), составлявшіе хоругвь Ошменскаго повѣта, и на 21 ратника болѣе, чѣмъ всѣ бояре (255 землевладѣльцевъ), служившіе подъ хоругвь повѣта Новгородскаго (выставляли 350 коней) и т. д., и т. д. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы продолжить это сравненіе прилагаемъ здѣсь данныя о числѣ землевладѣльцевъ и выставляемыхъ ими ратниковъ подъ другими повѣтовыми хоругвями ²¹¹⁾. Изъ сравненія наглядно обнаруживается, какими

²¹¹⁾ 114 бояръ *Мѣдницаго* хоружства выставляли 139 коней: 34 владѣльца *Мѣнскаго* повѣта—79 коней: 13 бояръ *Аинскаго* повѣта—14 коней: 80 бояръ *Лидскаго* повѣта—86 коней: 19 бояръ *Марковскаго* повѣта—27 коней: 40 князей и бояръ *хоружства Кревскаго и Свирскаго*—96 коней: 222 боярина *Рудоминскаго* хоружства—329 коней: 49 бояръ *Мемижскаго* хоружства—92 коня: 188 бояръ и слугъ путныхъ *Керновскаго* повѣта—262 коня: 55 бояръ хоружства *Мойшакольскаго*—98 коней: 166 бояръ *Пенянскаго* хоружства—169 коней: князья и бояре *Гедройтскіе*, 84 персоны,—234 коня: 25 бояръ *Судеревскихъ*—47 коней: 23 боярина *Неменчинскаго* повѣта—40 коней: 21 бояринъ *Оникштенскаго* повѣта—24 коня: 15 бояръ *Браславскаго* повѣта—32 коня: 314 бояръ *Ковенскаго* хоружства—321 конь: 56 бояръ *Жижморскаго* повѣта—116 коней: 135 бояръ *Сомилинскаго* хоружства—151 конь: 45 бояръ *Лепунскаго* хоружства—46 коней: 111 бояръ *Высокодворскаго* хоруж.—117 коней: 238 бояръ *Бѣштинскаго* хоружства—263 коня: 118 бояръ *Радунскаго* повѣта—122 коня: 26 бояръ *Перелайскихъ*—26 коней: 17 бояръ *Коневскихъ*—17 коней: 31 бояръ *Дорсунинскаго* повѣта—31 конь: 32 бояръ *Бирштанскаго* хоружства—32 коня: 49 землевладѣльцевъ *Мерецкаго* хоружства—59 коней: 96 бояръ *Василинскаго* хоружства—193 коня: 69 бояръ *Остринскаго* хор.—73 коня: 36 бояръ *Жолуд-*

крупными величинами были въ окружавшемъ ихъ обществѣ княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ набиралась рада великаго княжества Литовскаго. Эти князья и паны дѣйствительно, а не по одному только титулу, были «вельможными», настоящими «магнатами» среди окружавшей ихъ землевладѣльческой мелкоты, такими же *reguli, homines graepotentis, viri famosi*, какими были ихъ предки въ XII—XIII в., тѣмъ же «баронами», какими были ихъ прадѣды, дѣды и отцы въ XIV и XV в., а со времени выдачи привилея 1447 г., предоставившаго въ ихъ руки государственную власть надъ нанесеніемъ ихъ имѣній, даже и болѣе того.

Итакъ, великокняжеская рада при Казимирѣ и его сыновьяхъ набиралась преимущественно изъ извѣстнаго круга князей и пановъ потому, что эти князья и паны были самыми крупными землевладѣльцами, самыми знатными, сильными и вліятельными людьми въ литовско-русскомъ обществѣ. До какой степени этотъ факторъ дѣйствовалъ при подборѣ членовъ господарской рады, видно изъ того, что объединившія, хотя бы и знатныя фамиліи, переставали ставить господарю со-вѣтныковъ, которые набирались изъ новыхъ, но непременно уже богатыхъ фамилій. Такимъ образомъ, напр., перестала посылать своихъ представителей въ господарскую раду знатная волынская фамилія Кирдѣевъ. Кирдѣи въ XV в. принадлежали къ крупнымъ землевладѣльцамъ Волынской земли и имѣли мѣсто и въ радѣ Свидригайла, и въ

скаго повѣта—36 коней: 189 боярь *Городенскаго* повѣта—243 коня: 216 боярь *Волковыйскаго* повѣта—248 коней: 32 боярина *Слонимскаго* повѣта—96 коней: 44 боярина *Каменецкаго* повѣта—69 коней; 106 землянь *Берестейскаго* повѣта—165 коней: 294 бояр. *Унитскаго* повѣта—379 коней; 51 бояр. *Троицкаго* хоружства—55 коней: 43 боярина *Курклеускаго хоружства*—69 коней. Литовскіе татары выставляли: 75 владѣлецъ *хоружства князя Ивана*—126 коней: 96 татаръ *Абрамови хоружства*—118 коней: 53 человекъ *хоружства князя Сейчалы*—82 коня: 116 татаръ *хоружства Дмитръ-Влана Санчуковича*—133 коней; 78 татаръ *хоружства Олишкова*—85 коней: 24 *Новгородскихъ* татарина—51 коня: 38 татаръ *хоружства Банна Сенковича*—66 коней. Земляне *Мельницкаго* хоружства, 36 семей, выставляли 116 коней: 89 боярь *Шинскаго* повѣта—102 коня: 49 боярь и татаръ *Клецкаго* повѣта—57 коней: 19 боярь и татаръ *Городецкаго* повѣта—21 коня: 3 боярь и слугъ путныхъ *Рогачовскихъ*—3 коня: 30 боярь *Кобринскаго* повѣта—83 коня: 8 боярь *Грушовскихъ и Черевачицкихъ*—14 коней: 1748 боярь изъ 24 волостей *Жмудской земли* выставляли въ общей сложности 1839 коней. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ 1. Эта книга, сколько намъ извѣстно, напечатана Археографическою Коммиссіею и выйдетъ въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ.

радѣ Казимира. Но въ 1529 году эта фамилія выставляла въ поле уже всего 7 коней; ясное дѣло, что она захудала, разорплась и потому потеряла свое мѣсто въ государственномъ совѣтѣ великаго княжества. Присматриваясь теперь къ тѣмъ *homines novi*, которые проскальзываютъ въ среду пановъ радныхъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ, открываемъ, что и эти лица выходятъ большею частью изъ крупныхъ сравнительно землевладѣльцевъ, выдающихся изъ средняго уровня. Такъ, конюшимъ дворнымъ при Казимирѣ является Михаилъ *Вагановскій* изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Берестейскаго повѣта (его сынъ Ѳеодоръ въ 1529 году выставлялъ съ своего родового имѣнья Ваганова 19 коней)²¹²) маршалокъ Александра и Сигизмунда Немира *Грималичъ* вышелъ также изъ крупныхъ сравнительно землевладѣльцевъ Подляшья (въ 1528 году двое землевладѣльцевъ изъ этого рода, Немира и Щастный, выставляли 44 коня); подскарбій земскій Сигизмунда Иванъ *Горностай* вышелъ изъ рода старшихъ кievскихъ бояръ, въ 1528 году выставлявшаго 26 коней (самъ Иванъ—22 и братъ его Оникей—4); хоружій дворный Сигизмунда Иванъ Савичъ *Корсакъ* вышелъ изъ богатой, хотя и сильно разросшейся, полоцкой боярской фамиліи Корсакъ (по переписи 1528 г. 16 землевладѣльцевъ этой фамиліи выставляли 275 коней изъ всѣхъ 712 коней, которыхъ выставляла Полоцкая земля); маршалокъ и секретарь Сигизмунда Михаилъ Васильевичъ *Копоть* вышелъ тоже изъ «старшихъ» бояръ Витебской земли и въ 1528 году выставлялъ 38 коней; Янъ *Стецковичъ*, маршалокъ Александра и Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи Цыбулька, ставившей по переписи 1528 года 39 коней (Янъ—30 коней; Станиславъ 6; Матей 3); Янъ *Завишичъ*, подстолий и затѣмъ стольникъ Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи, бывшей въ состояніи выставлять въ 1528 году 63 коня (самъ Янъ—29, братъ его Юрій—34); кухмистръ и мечникъ Сигизмунда Юрій Николаевичъ *Еджо* вышелъ изъ фамиліи, ставившей въ 1528 году 29 коней; Миколай Михновичъ *Рачковичъ*, маршалокъ и секретарь Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи, въ 1528 году выставлявшей 23 коня; Юрій Войтеховичъ *Носиловскій*, въ концѣ царствованія Сигизмунда сдѣлавшійся воеводою Витебскимъ, вышелъ изъ рода, съ котораго въ 1528 г. шло 56 коней (съ 6 владѣльцевъ).

Теперь мы можемъ объяснить и фактъ преобладанія въ радѣ господарской князей и пановъ литовскаго происхожденія. Это преобладаніе объясняется именно тѣмъ, что главнымъ образомъ въ собственной

²¹²) См. областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 181.

Литовской землѣ создалось и держалось крупное землевладѣніе, здѣсь народилась и выросла крупная землевладѣльческая аристократія, съ теченіемъ времени охватившая своими владѣніями и области—аннексы. Литовско-русскій госпдарь въ разсматриваемое время набиралъ себѣ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія не потому, что они были литовцы и католики, а потому, что они были самые богатые и знатные землевладѣльцы. Какъ скоро находились таковые среди русскихъ князей и бояръ, онъ привлекалъ и ихъ къ совѣту и правительственному сотрудничеству, и мы видѣли, что нѣкоторые первостепенные паны радные при Казимирѣ и его сыновьяхъ вышли изъ среды русскихъ князей и бояръ. Да иначе и быть не могло. Не нужно забывать того, что въ то время не было постоянныхъ окладовъ для членовъ господарской рады. Ихъ вознаграждали отдѣльными «дачами», раздававшимися по усмотрѣнію госпдаря²¹³), и пожалованіемъ староствъ и державъ. При такихъ условіяхъ и участіе въ господарской радѣ, особенно на первыхъ порахъ, въ званіи маршалка или какого нибудь придворнаго сановника въ родѣ подстоля или крайчія, было не однимъ почетнымъ отличіемъ, но и «накладною» службою, требовавшею значительной предварительной затраты собственныхъ средствъ (въ особенности, если примемъ еще въ расчетъ кочевой образъ жизни литовскаго двора, эти постоянные переѣзды по государству, частые сеймы и т. д.). Но эта затрата могла быть подѣлана только состоятельными фамиліямъ.

Зная преобладающій составъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, мы можемъ объяснить себѣ, почему не получило въ ней мѣста высшее православное духовенство. Одной католической нетерпимости едва ли достаточно для объясненія факта. Мотивъ этотъ былъ достаточно силенъ только на первыхъ порахъ, при Ягайлѣ и Витовтѣ и, быть можетъ, при Сигизмунтѣ Кейстутевичѣ. Но затѣмъ, съ того времени, когда западнорусская церковь начала обнаруживать склонность къ подчиненію папѣ, этотъ мотивъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и едва ли оказался бы въ состояніи самъ по себѣ, безъ содѣйствія другого фактора, преградить православнымъ архіереямъ доступъ въ раду господарскую. Этимъ факторомъ мы считаемъ относительную бѣдность и незнатность русскихъ архіереевъ. Католическіе бискупы выходили большею частью изъ тѣхъ же князей и пановъ, изъ какихъ набирались и ихъ свѣтскіе коллеги по господарской радѣ. Они

²¹³) См. Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15: Литов. Метр. кн. Запис. IV.

ѣли не только свой «духовный хлѣбъ», но и «хлѣбъ» доставлявшійся имъ съ ихъ обширныхъ свѣтскихъ имѣній. При такихъ условіяхъ они легко могли состоять и членами государственнаго совѣта великаго княжества, имѣя свои каѳедры въ Мѣдникахъ, Луцкѣ и Кіевѣ, проживать въ Вильнѣ и переѣзжать за господаремъ по разнымъ замкамъ и дворамъ. Они чувствовали себя въ своей средѣ, и среда эта видѣла въ нихъ своихъ людей, которые не пестрили ея. Православные архіереи выходили большею частію изъ мелкаго люда, изъ духовенства или простонародья, мѣщанъ и крестьянъ, и изрѣдка изъ мелкой или средней шляхты. Какъ на исключеніе, можно указать только на владыку Смоленскаго, сдѣлавшагося митрополитомъ, Іосифа Солтана, происходившаго изъ фамиліи, хотя и не первостепенной, пановъ-радныхъ. Но большинство русскихъ архіереевъ,—всѣ эти Глѣзны, Болгариновичи, Пестручи, Окушквичи-Боскіе и т. д.—невѣдомые люди, поднявшіеся на архіерейскія каѳедры своими личными качествами и заслугами, а не знатностію и богатствомъ. Они питались исключительно своимъ «духовнымъ хлѣбомъ», который, надо полагать, не былъ обильнѣе хлѣба католическаго духовенства, получавшаго въ числѣ другихъ доходовъ «десятину» со многихъ господарскихъ и частновладѣльческихъ имѣній на Литвѣ, Жмудѣ, Подляшѣ, Волыни и отчасти даже на «Руси». При такихъ условіяхъ и у литовско-русскаго господаря не могло являться побужденій къ привлеченію православныхъ архіереевъ въ свою раду, и сами они не могли туда особенно стремиться. По своему соціальному происхожденію и положенію они слишкомъ не подходили къ тому обществу, которое засѣдало въ лавицѣ рады господарской, и едва ли могли бы чувствовать себя хорошо среди богатыхъ, знатныхъ и проникнутыхъ спѣсью богатства и знатности католическихъ бюскуповъ, князей и пановъ. Поэтому православные архіереи вполне довольствовались частными приглашеніями на совѣщанія къ господарю, когда дѣло касалось ихъ «правъ духовныхъ» (чаще всего приглашался митрополитъ, проживавшій въ Вильнѣ или Новгородѣ)²¹⁴⁾ и не стремились занять постоянныя мѣста въ радѣ господарской. Эти стремленія православная іерархія обнаружила въ то время, когда до епископскихъ каѳедръ какъ до хлѣбныхъ мѣстъ, добралась знатная русская и даже литовская шляхта, когда епископін стали получать Гулевичи²¹⁵⁾, Борзобогатые-Крас-

²¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 67, 212.

²¹⁵⁾ Въ 1541 году король Сигизмундъ «за причиною» королевы Боны, князей и пановъ Волынской земли «осмотрѣлъ» хлѣбомъ духовнымъ пана Федора Гулевича, далъ ему епископію Луцкую и Острожскую. Гулевичъ умеръ въ 1548 г.

ненскіе ²¹⁶), Жоравницкіе ²¹⁷), Протасовичи²¹⁸), Корсаки, Воловичи²¹⁹) и Хребтовичи по чьему либо ходатайству и въ видѣ вознагражденія за государственную службу, — когда на епископскія кафедры стали выдаваться «экспектативы», когда изъ за нихъ стали вестись даже войны и заключаться договоры и т. д. «Шляхотные» и «борзобогатые» владыки и стали скучать тою скромною политическою ролью, которая отводилась

(Литов. Метр. кн. Зап. XXIV, л. 107, 108; Акты Зап. Рос. III, № 7). Его сынъ Михаилъ 4 ноября 1554 года получилъ отъ Сигизмунда-Августа привилей «на владыцтво Луцкое або Володимерское зъ Берестейскимъ, которое бы се первой отворило» (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVШ, л. 65).

²¹⁶) Борзобогатые-Красненскіе попали въ среду Волынскихъ пановъ изъ богатыхъ Красновоставскихъ мѣщанъ. Въ 1546 году Сигизмундъ-Августъ выдалъ Олехну Борзобогатому привилей «на епископю Володимерскую або Луцкую по смерти владыки которого». (Литов. Метр. кн. Зап. XXX, л. 66). Въ 1548 году привилей на кафедру Владимирскую получилъ его братъ Иванъ Яцковичъ, который, однако, не посвятился въ духовное званіе. По жалобѣ князей, пановъ и земянъ Волынской земли на то, что онъ расточаетъ церковныя имѣнья, король отнялъ у него владычество и отдалъ Іосифу. Іосифъ отказался въ 1562 году отъ кафедры по старости, и король, по ходатайству воеводы Виленскаго отдалъ епископю Владимирскую снова Борзобогатому, бывшему въ то время ключникомъ, городничимъ, мостовничимъ Луцкимъ, справцею мытъ коморы Волынской. Борзобогатый и на этотъ разъ не принялъ духовнаго сана. Въ 1564 году его позвалъ на судъ короля владыка Холмскій Феодосій, получившій на Владимирскую епископю «экспектативу» раньше Борзобогатого. На судѣ между ними состоялось полюбовное соглашеніе: Феодосій уступилъ кафедру за 1000 золотыхъ (считая по 30 грошей въ золотомъ, а въ грошѣ по 8 пенязей «бѣлыхъ»). Борзобогатый не исполнилъ «угоды», и Феодосій въ 1565 году съ 2500 человекъ и 9 пушками взялъ замокъ Владимирскаго епископа и выгналъ оттуда Борзобогатого. Послѣдній въ 1568 г. сдѣлался Луцкимъ епископомъ. См. *И. Чистовича* Очеркъ исторія Западно-Русской церкви, часть I, стр. 165, 174; *Wnieckiego* Roczet rodów, str. 153—155; Литов. Метр. кн. XLIV, л. 66, 67; Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 371—376, 424—426.

²¹⁷) Панъ Маркъ Васильевичъ Жоравницкій получивъ отъ короля привилей «на владыцтво Луцкое» до живота 16 мая 1559 года (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVШ, л. 208, 209).

²¹⁸) Изъ этого рода выслужившихся бояръ Пинскихъ (см. *Wniecki*, str. 236) происходилъ *Иона*, сдѣлавшійся митрополитомъ въ 1568 году.

²¹⁹) Въ 1558 году марта 18 король пожаловалъ пану Глѣбу Ивановичу Корсаку архіепископю Полоцкую за его службу и по просьбѣ воеводы и бояръ Полоцкихъ (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVШ, л. 139, 140). Его преемникомъ былъ Григорій Марковичъ *Воловичъ* (кн. Запис. XLIV, л. 64, 65). См. *И. Чистовича* Очеркъ исторія западно-русской церкви, стр. 155, 156.

доселѣ ихъ предшественникамъ. Поэтому на Городенскомъ сеймѣ 1568 года митрополитъ Іона и подалъ просьбу, чтобы и владыки греческаго закона, по примѣру князей бискуповъ «римскаго послушенства» одержали «мѣсто и вотумъ» въ радѣ господарской. Хотя митрополитъ и сослался при этомъ на «обычай звыкльй», по которому имѣли мѣсто въ радѣ господарской его предшественники, но, какъ видно, это не представлялось господарю обычнымъ явленіемъ, и потому онъ отложилъ все дѣло «на иншіи часть» ²²⁰). По актамъ разсматриваемой эпохи не видно, чтобы православные архіереи имѣли мѣста въ радѣ господарской. Они довольствовались тѣмъ участіемъ, которое отводилось имъ въ областномъ управленіи. Здѣсь имъ принадлежали первыя и почетныя мѣста въ совѣтахъ, дѣйствовавшихъ при главныхъ правителяхъ областей, а равно и на мѣстныхъ сеймахъ ²²¹). Но пока не произошло извѣстной аристократизаціи православной іерархіи, въ ея средѣ не зарождалось притязаній на болѣе высокую политическую роль, на участіе въ высшемъ общегосударственномъ управленіи.

Вышеприведенныя конкретныя данныя объ общественномъ положеніи нѣкоторыхъ княжескихъ и панскихъ фамилій вполнѣ объясняютъ намъ не только личный составъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, но и рѣшительный перевѣсъ, какой имѣла рада на великихъ вальныхъ соймахъ разсматриваемаго времени. Мы не станемъ удивляться тому, что рѣшающій голосъ на сеймахъ принадлежалъ панамъ радѣ, если примемъ во вниманіе, что ихъ сравнительно немногочисленныя фамиліи располагали такими же военными и матеріальными ресурсами, какими располагали всѣ остальные землевладѣльцы Литвы и объединенной съ ней Руси, являвшіеся лично на сеймъ или посылавшіе своихъ представителей, и больше, чѣмъ землевладѣльцы земель-аннексовъ, взятыхъ вмѣстѣ. По переписи 1528 года княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ выходили паны радные, выставляли въ общей сложности 7190 коней, на 21 коня больше, чѣмъ всѣ остальные князья, «значнѣйшая шляхта» и рядовое боярство изъ собственной Литовской земли и примыкавшей къ ней Руси, включенныхъ въ границы двухъ воеводствъ, Виленскаго и Троцкаго, и на 2023 человекъ болѣе, чѣмъ всѣ остальные земли, взятые вмѣстѣ, за исключеніемъ Кіевской, реестръ которой до насъ не дошелъ. Отсутствие этого реестра, впрочемъ, не можетъ измѣнить вывода. Полагая даже, что

²²⁰) Акты Зап. Рос. III, № 43.

²²¹) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 864, 865, 869, 871.

Кіевская земля выставляла такую же сумму коней, какъ и Волинская,—что невѣроятно, ибо Кіевская земля въ то время была не въ примѣръ рѣже населена, чѣмъ Волинская,—получимъ такой итогъ для всѣхъ областей аннексовъ, который все таки далеко будетъ ниже общаго числа коней, выставлявшагося фамиліями князей и пановъ радныхъ. При томъ же часть въ этомъ итогѣ приходится на долю все тѣхъ же фамилій князей и пановъ (въ Полоцкой землѣ, и особенно Волинской, отчасти на Подляшѣ), переписанныхъ вмѣстѣ съ другими землевладѣльцами земель. Понятно теперь, почему рѣшенія сейма обусловливались главнымъ образомъ голосами князей и пановъ-рады. Въ такихъ вопросахъ, напр., какъ вопросы о началѣ или продолженіи войны, раскладкѣ серебрины или обложеніи военною повинностью, князья и паны рада съ княжатами и панятами бросали на вѣсы не только свой правительственный авторитетъ, но и свои «почты» и свои «пенязи». Естественно, что господарь больше всего внималъ и слѣдовалъ голосу этихъ князей и пановъ, которые по временамъ въ состояніи были вести войну своими собственными средствами, «безъ жадного способу» другихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, какъ это было, напр., въ 1519 году (стр. 215). Естественно затѣмъ, что эти послѣдніе, пока не сблизились и не сплотились въ солидарный общественный классъ, большею частью слѣдовали за своими «старшими братьями», а если по временамъ и обнаруживали противодѣйствіе, то не всегда съ успѣхомъ (см. выше стр. 218, 220).

Знакомство съ общественнымъ положеніемъ фамилій, изъ которыхъ набиралась господарская рада, помогаетъ уясненію и того значенія, которое съ теченіемъ времени пріобрѣла господарская рада внѣ великаго вальнаго сойма въ своихъ отношеніяхъ къ господарю. Состоя изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, въ рукахъ которыхъ находилась большая военная сила и денежные средства, а также в государственная власть надъ многочисленнымъ населеніемъ ихъ имѣній (со времени изданія земскаго привилея 1447 года), господарская рада носила въ себѣ тенденцію стать болѣе, чѣмъ простымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при господарѣ. Эта тенденція при благопріятныхъ обстоятельствахъ повела къ превращенію рады въ учрежденіе, раздѣлявшее съ господаремъ верховную власть и формально его ограничивавшее.

§ 4.

Господарская рада въ первоначальномъ значеніи своемъ была совѣтомъ, къ содѣйствію котораго великій князь обращался, *когда чувствовалъ въ этомъ нужду*, при обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ

вопросовъ внѣшней политики и внутренняго управленія. Такое значеніе имѣла господарская рада при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ выше фактовъ. Такое же значеніе господарская рада сохраняла отчасти и при Казимирѣ. По совѣту съ панами радою Казимиръ велъ внѣшнюю политику, заключалъ договоры, давалъ «отказы» на присылаемыя къ нему посольства. Такимъ образомъ, напр., сообщая съ панами радою Казимиръ заключилъ союзный договоръ съ Молдавскимъ воеводою Ильею въ 1442 году²²²). Выслушавъ рѣчи Псковскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ августѣ 1480 года въ Троки, Казимиръ отвѣчалъ имъ: «о всемъ томъ хотимъ помыслити съ паны радою нашою, и своимъ посломъ откажемъ»²²³). По совѣту съ панами радою Казимиръ жаловалъ и подтверждалъ различнымъ лицамъ крупныя имѣнья. Такимъ образомъ, напр., въ 1442 году онъ пожаловалъ пану Дениску Мукосѣвичу Збаражъ съ прилегающими селами въ пожизненное владѣніе, «погадавши съ князьями, съ рицеры—съ паны, со всею радою»²²⁴). Въ 1450 году онъ утвердилъ за панами Олизаромъ Шилловичемъ и Немирою Резановичемъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ имѣній, выслуженныхъ ими у Свидригайла, — «подумавши съ князьями и паны, съ вѣрною радою»²²⁵). Важнѣйшія судебныя дѣла, въ которыхъ замѣшаны были интересы сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, или которыя были новыми казусами, требовавшими тщательнаго разсмотрѣнія и авторитетнаго рѣшенія, Казимиръ также рѣшалъ, совѣщаясь съ панами радою. Такимъ образомъ, напр., въ 1456 году Казимиръ совмѣстно съ панами радою разсматривалъ жалобу Полоцкихъ мѣщанъ, городскихъ бояръ и черныхъ людей на бояръ, которые будто бы мало, не соразмѣрно съ своимъ достаткомъ, помогали имъ въ платежѣ субсидій, требовавшихся на государственныя нужды со всего мѣста Полоцкаго, при чемъ не приносили установленной присяги. Казимиръ съ панами радою не только постановилъ извѣстное рѣшеніе по этой жалобѣ, но и выдалъ рядъ другихъ предписаній, имѣвшихъ цѣлью урегулировать взаимныя отношенія между различными классами Полоцкой общины²²⁶).—Въ 1459 году

²²²) «И слюбили есмо и цѣловали (крестъ), зъ нашими паны и зъ нашою радою, съ нимъ быти у прыязни и въ единачествѣ».—гласить договорная грамота Казимира. См. Акты Зап. Рос. I, № 40, П.

²²³) Акты Зап. Рос. I, № 74, П.

²²⁴) Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 73.

²²⁵) Акты Зап. Рос. I, № 53, 54. Срав. также Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28, 29.

²²⁶) Акты Зап. Рос. I, № 60.

Казимиръ съ панами радою судилъ княгиню Марью, жену кн. Андрея Владиміровича, тягавшуюся съ своею племянницею изъ-за имѣнья Полозовичей, и присудилъ это имѣнье племянницѣ²²⁷⁾.—Въ 1483 году 17 апрѣля Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ князей Андрея и Семена Ивановичей къ Полоцкому намѣстнику Богдану Андреевичу объ имѣньяхъ Даниловичахъ, Дуровичахъ и Волосовичахъ, выслуженныхъ отцомъ Богдана у князя Свидригайла, и присудилъ имѣнья пану Богдану²²⁸⁾.—Въ слѣдующемъ 1484 году 25 августа Казимиръ съ панами радою разбиралъ тяжбу князя Семена Ивановича Владиміровича (Бѣльскаго) съ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ объ имѣньяхъ Айгѣ, Могильной, Словенскѣ, Ильменицѣ и Полоной, на которыя первый объявлялъ притязанія, какъ племянникъ прежняго владѣльца ихъ—кн. Андрея Владиміровича, а второй, какъ мужъ его внуки; Казимиръ присудилъ имѣнья женѣ кн. Ивана Семеновича²²⁹⁾.—Въ 1486 году 24 мая Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ игумена Архангельскаго монастыря въ Смоленскѣ къ окольнічию Борису Семеновичу, отецъ котораго выпросилъ у Казимира монастырское селище Мокѣвское, утаивъ, что оно церковное. Казимиръ рѣшилъ тяжбу въ пользу монастыря²³⁰⁾.—Въ 1490 году 30 марта Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ Смоленскаго владыки Іоакима къ писарю Ваську Басѣ, получившему отъ короля имѣнье Погоновичи, въ которомъ прежняя владѣлица, вдова Богдана Свирунича Настасья, записала на церковь 5 человѣкъ и «мутвицу» на Колоднѣ. Казимиръ отказалъ владыкѣ въ искѣ на томъ основаніи, что Настасья по смерти мужа не имѣла права распоряжаться его имѣньемъ²³¹⁾. Въ сложныхъ и запутанныхъ дѣлахъ приходилось не только рѣшать данный казусъ, но и устанавливать преюдикутъ, который долженъ былъ служить руководствомъ и на будущее время,—другими словами: не только судить, но и законодательствовать. По этому къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ Казимиръ и считалъ нужнымъ привлечь свою раду.

Но сохраняя значеніе вспомогательнаго учрежденія, къ содѣйствію котораго господарь прибѣгалъ при обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики и внутренняго управленія, господарская

²²⁷⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 72. II.

²²⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 81.

²²⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 85.

²³⁰⁾ Тамъ же, № 87.

²³¹⁾ Тамъ же, № 70. Относительно даты акта см. Senatorowie i dygnitarze, str. 57.

рада при Казимирѣ на ряду съ этимъ, какъ было уже указано выше, приобрѣла значеніе самостоятельнаго учрежденія, представлявшаго собою въ отсутствіе господаря высшее правительствѣ страны. Дипломатическими сношеніями въ отсутствіе господаря стала завѣдывать рада великаго княжества. Ей же стало принадлежать и распоряженіе военными силами государства. Паны-рада стали раздавать даже имѣнья военнослужилымъ людямъ²²²⁾, творить высшій судъ и т. д. Значеніе рады, какъ самостоятельнаго учрежденія, пошло даже далѣе простого замѣстительства господаря въ его отсутствіе, подъ его верховнымъ надзоромъ и руководствомъ. Рада стала при Казимирѣ не только господарскимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго, который взялъ на себя попеченіе объ его интересахъ и за щиту ихъ не только отъ посягательствъ извнѣ, но и отъ возможнаго нарушенія со стороны самого господаря, бывшаго одновременно и великимъ княземъ Литовскимъ, и королемъ Польскимъ. Такую роль играла рада въ эпоху продолжительнаго конфликта съ Польшею, въ которомъ Казимиръ не прочь былъ по временамъ становиться на сторону Поляковъ. Только энергіи и патриотизму пановъ-рады удалось отстоять цѣлостность и самобытность великаго княжества. Личная унія, установившаяся при Казимирѣ между Литвою и Польшею, поставила на стражъ государственныхъ интересовъ великаго княжества господарскую раду преимущественно и тѣмъ способствовала ея эмансипации отъ господаря, приобрѣтенію ею извѣстной самостоятельности и независимости. Благодаря этой унії паны-рада изъ господарскихъ совѣтниковъ выросли во «властелей» великаго княжества, которые стали считать себя настоящими его хозяевами и распорядителями его судьбы²²³⁾.

²²²⁾ Въ записи земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: «Васку Радивоновичу десеть чоловековъ к'отъчине его придал князъ бискупъ, а панъ Довкгирдь. Сопега». См. Документы Москов. Архива Мин. Юст., т. I, стр. 8.

²²³⁾ Этимъ сознаниемъ проникнута полная литовско-русская лѣтопись, напечатанная Нарбутомъ (см., напр., *Polniki do dziejów litewskich*, str. 57). Вся начальная исторія Литвы въ этой лѣтописи обнаруживаетъ стремленіе составителя доказать, что знатнѣйшіе панскіе роды на Литвѣ одинаковаго происхожденія съ великокняжескою династією и вообще съ княжескими литовскими родами, что паны издавна распоряжались судьбами государства, выбирали великихъ князей и т. д. Такимъ образомъ, напр., по его генеалогіи выходятъ, что великокняжеская династія ведетъ происхожденіе отъ того же рода Колюмновъ, отъ котораго происходятъ и Гаштольды (*Polniki*, str. 4, 13). Ихъ общій предокъ Прешпоръ Цезаринусъ при-

По смерти Казимира порвалась та личная унія, которая существовала при немъ между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою, и Литва получила для себя особаго, отдѣльнаго отъ Польши государя въ лицѣ Александра Казимировича. При такомъ условіи радѣ великаго княжества предстояло вернуться къ своей первоначальной роли совѣщательнаго учрежденія при господарѣ. Но панн-рада уже слишкомъ привыкли чувствовать себя и распоряжаться, какъ самостоятельные хозяева въ государствѣ, и потому никакъ не могли помириться съ тою подчиненною ролью, которая ихъ ожидала. Поэтому, избирая Александра на великое княженіе, они воспользовались случаемъ для того, чтобы оградить юридически пріобрѣтенное ими политическое значеніе и ограничить формально власть великаго князя въ свою пользу. По ихъ настоянію великій князь Александръ не только подтвердилъ обывателямъ великаго княжества различныя права и вольности, пожалованныя его предшественниками и суммированныя въ земскомъ привилеѣ 1447 года, но и «отъ своей щедрости», какъ выражается его грамота, придалъ къ нимъ новыя права и вольности. Эти права и вольности содержали цѣлый рядъ ограниченной великокняжеской власти совѣтомъ и согласіемъ пановъ-рады. — Александръ обязался вести дипломатическія сношенія съ иностранными государствами не иначе, какъ по совѣщанію съ панами-радою, по обычаю, наблюдавшемуся его предшественниками. Въ дѣлахъ внутренняго управленія великій князь прежде всего обязался помимо пановъ-рады не измѣнять и не поправлять ничего, что уже было постановлено имъ вмѣстѣ съ панами-радою; въ случаѣ несогласія пановъ-рады съ его мнѣніемъ при обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ не держать на нихъ за это гнѣва и дѣлать то, что они посовѣтуютъ ему для его же и земской пользы. Затѣмъ Александръ обязался не отнимать ни у кого урядовъ и державъ безъ вины и безъ совѣта съ панами-радою, раздавать державы по представленію воеводъ, а въ украинскихъ областяхъ по совѣщанію съ панами-радою; всѣ доходы съ мытъ, корчомъ, судебныхъ штрафовъ, или винъ, и другіе обращать на государственныйя

шелъ въ Литву въ составѣ дружины Палемона изъ Италіи; къ составу этой дружины принадлежали Довспрункъ, герба Китоврасовъ (Hippocentaureus), родоначальникъ князей Гедройтскихъ и Гольшанскихъ, Юліанъ герба Урсиновъ, отъ котораго пошли Довойны, Таурусъ герба Розъ, отъ котораго пошли Монявиды (str. 1, 4, 11) и т. д. «Паны», по его разсказу, выбирали великихъ князей послѣ прекращенія династіи Палемона, по смерти Тройдена изъ династіи Довспрунка и т. д. (str. 10, 13).

нужды по совѣту пановъ-рады и не расходовать ихъ безъ надобности, не вывозить изъ страны безъ воли пановъ-рады. Наконецъ, привилей 1492 года утверждалъ и участіе пановъ-рады въ господарскомъ судѣ при разбирательствѣ важныхъ дѣлъ (*causae graues*) ²³⁴).

Всѣ эти ограниченія великокняжеской власти подтверждены были и въ земскомъ привилей, выданномъ преемникомъ Александра, Сигизмундомъ, въ 1506 году. Этотъ привилей даже яснѣе и категоричнѣе, чѣмъ привилей 1492 года, подтверждалъ непремѣнное участіе пановъ-рады въ законодательствѣ. Земскій привилей 1492 года устанавливалъ только, что господарь не властенъ единолично измѣнять постановленія, сдѣланныя имъ совмѣстно съ панами-радою, а только съ совѣта и согласія пановъ-рады; но привилей не говорилъ прямо, что господарь обязанъ всѣ важнѣйшія постановленія дѣлать непремѣнно совмѣстно съ панами-радою. Привилей Сигизмунда устранилъ эту недомолвку: на основаніи его всѣ законы и распоряженія общаго характера, направленные ко благу государства, должны издаваться не иначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи съ панами-радою, съ ихъ вѣдома, совѣта и согласія ²³⁵). Позже, въ Статутѣ 1529 года Сигизмундъ, сверхъ всѣхъ этихъ обязательствъ, далъ еще новое—выдавать привилеи на вѣчное владѣніе («на вечную реч») только въ бытность свою на вальномъ сеймѣ съ панами-радою («олижъ кгда будемъ весполкъ с паны радами нашими на валномъ сойми») ²³⁶).

Итакъ, съ теченіемъ времени господарская рада стала самостоятельнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, которое стало охранять государственные интересы великаго княжества отъ возможнаго нарушенія ихъ господаремъ, которое ограничило власть господара и изъ его помощника превратилось въ равноправнаго товарища и носителя верховной власти. Но быть можетъ, этотъ переворотъ произошелъ только на бумагѣ, въ земскихъ привилеяхъ, а не въ жизни, какъ это не разъ случалось съ разными конституціями? Утвержденіе въ этомъ родѣ было высказано въ исторической литературѣ покойнымъ проф. С. А. Бершадскимъ въ его изслѣдованіи о литовскихъ евреяхъ. Поэтому намъ необходимо остановиться на немъ и провѣрить, насколько оно согласуется съ данными источниковъ.

²³⁴) *Zbiór praw litewskich*, str. 61—66.

²³⁵) *Zbiór praw litewskich*, str. 98; *Acta Tomiciana* I, app. № 8; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 391, 392.

²³⁶) Раздѣлъ I, артикулъ 25.

Констатировавъ ограниченія великокняжеской власти въ земскихъ привилеяхъ 1492 и 1506 годовъ, Бершадскій говоритъ: «Ограниченія великокняжескихъ правъ, находящіяся въ земской привилегіи Александра, не перешли, однако, въ жизнь. Не только король Сигизмундъ, но и самъ Александръ отдають таможенные откупа, раздають земли, принимаютъ отчеты отъ мытниковъ и проч. безъ всякаго участія пановъ радъ. Въ царствованіе Сигизмунда I еще яснѣе можно видѣть, что стремленія Литовскихъ магнатовъ къ обращенію Литовскаго княжества въ аристократическую республику, а В. Князя въ предсѣдателя Рады не осуществились. В. Князь раздаетъ высшія и низшія должности, не испрашивая совѣта пановъ Радъ, какъ того требуетъ земская привилегія 1492 года... Какъ въ старину, одному только В. Князю принадлежать права на открытіе ярмарокъ, торговъ, постройку корчомъ, мостовъ, перевозовъ и пр. Установленіе и взиманіе таможенныхъ пошлинъ какъ на границахъ, такъ и внутри государства, а равно и отдача этихъ пошлинъ на откупъ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ прерогативъ В. князя. Доходы съ откуповъ, монетнаго дѣла и вообще королевскихъ регалій собираются и расходуются по королевскому усмотрѣнію. Король и его подскарбій распоряжаются этимъ дѣломъ безотчетно, какъ это, напр., видно изъ того, что откупныя контракты выдаются отъ имени Короля и за скрѣпою только королевскаго секретаря... То же слѣдуетъ сказать и о монетной регаліи. Чеканка монеты разсматривалась, какъ одинъ изъ личныхъ доходовъ В. Князя, и завѣдываніе монетнымъ дѣломъ В. князя поручали, по своему усмотрѣнію то частнымъ лицамъ, то кому либо изъ земскихъ членовъ, иногда же отдавали чеканку монеты на откупъ... Точно также въ безотчетное распоряженіе В. Князя поступали: какъ разъ навсегда опредѣленные, огульные, денежныя взносы съ городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, такъ чинши и поборы натурою съ небольшихъ городовъ, не имѣвшихъ магдебургскаго права. Къ этимъ же источникамъ доходовъ должны быть причислены сверхъ того исключительное Вел. Князя право разрѣшать основаніе и постройку монастырей, костеловъ, церквей, синагогъ и мечетей, а равнымъ образомъ назначеніе къ нимъ, въ особенности же къ монастырямъ, настоятелей, архимандритовъ и проч., или, какъ выражается литовское право, «подаванье хлѣбовъ духовныхъ... Пошлины съ суда, а также пени и штрафы отъ преступленій и проступковъ поступаютъ, по прежнему, въ В. княжескую казну... Не слѣдуетъ думать, что на В. княжескомъ судѣ участіе В. Князя было номинальное; нѣтъ, мы знаемъ изъ актовъ, что Рада, рѣшавшая дѣла въ отсутствіе В. Князя въ нарочно для того назначен-

ные сроки, обращалась во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ къ рѣшенію В. Князя,—тоже было, если стороны подавали жалобу на самихъ пановъ Радъ или же вопросъ касался противорѣчія въ Вел. Княжескихъ привилегіяхъ... В. Князь не только безотчетно распоряжался государственными доходами и расходами, но и собраніе оныхъ производилось не членами Рады, а В. Княжескими чиновниками, т. е. «державцами и хорунжими», какъ показываетъ универсалъ Сигизмунда I отъ 18 марта 1508 г... В. Князь былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ В. Княжества. По его приказанію собиралось какъ земское ополченіе, такъ точно на его «послуги» и за его приказаніемъ нанимались въ службу иностранные полки, по королевскимъ распоряженіямъ содержались спеціальныя роды войскъ, напр., въ замкахъ пушкари и постоянное замковое войско... Что касается законодательной власти, то здѣсь права В. Князя были фактически ограничены участіемъ «Рады» В. Княжества Литовскаго... Главное право Рады Вел. Княжества Литовскаго было совмѣстное съ В. Княземъ: обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, безъ ограниченія какою бы то ни было областію. Соотношеніе правъ В. Князя и Рады въ сферѣ законодательства не было опредѣлено точнымъ образомъ: неизвѣстно также, насколько при изданіи того или иного закона В. Князь былъ связанъ согласіемъ Рады. Изъ дошедшихъ къ намъ актовъ мы можемъ заключить, что согласіе Рады требовалось безусловно лишь въ случаѣ назначенія чрезвычайныхъ податей, падавшихъ на имѣнья пановъ Радъ. Въ остальныхъ случаяхъ, согласіе или несогласіе Рады не имѣло для В. Князя юридическаго значенія. Вліяніе Рады было поэтому обусловлено не столько закономъ, сколько фактическимъ значеніемъ ея членовъ»²²⁷).

По поводу всей этой аргументаціи приходится прежде всего замѣтить, что она идетъ гораздо далѣе того, что содержится въ земскихъ привилеяхъ 1492 и 1506 г. Высказывая свои положенія, Бершадскій считается не столько съ тѣми прямыми ограниченіями великокняжеской власти, которыя устанавливаютъ названныя привилеи, сколько со всѣми возможными ограниченіями ея, другими словами: оспариваетъ то, что привилеи и не утверждаютъ. Большинство его указаній таково, что между ними и содержаніемъ земскихъ привилеевъ 1492 и 1506 г. по существу нѣтъ противорѣчій, ибо эти привилеи вовсе не стремятся ограничить великокняжескую власть во всѣхъ, а только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Таково, напр., указаніе Бершадскаго на то, что великій

²²⁷) С. А. Бершадскаго Литовскіе евреи, стр. 274—288. Спб. 1883.

князь начальствовалъ надъ военными силами страны. Привилеи 1492 и 1506 г. совершенно не касаются этого права господаря и не ставятъ ему въ этомъ отношеніи никакихъ препонъ. Тѣмъ ограниченіямъ великокняжеской власти, которыя содержатся въ названныхъ привилеяхъ, Бершадскій придаетъ такой общій смыслъ, котораго они не имѣли. Такъ, статью о раздачѣ пограничныхъ замковъ въ держаніе по совѣту съ панами радою, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія господаря при раздачѣ всѣхъ высшихъ и низшихъ должностей вообще и въ этомъ смыслѣ строитъ и свои возраженія, доказывающія, что ограниченія этого на практикѣ не было. Статью, ограничивающую господаря по части *расходовъ* государственныхъ средствъ, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія финансовой власти господаря вообще и въ опроверженіе фактическаго значенія этого ограниченія приводитъ цѣлый рядъ указаній на то, что великій князь единолично и по своему усмотрѣнію принималъ различныя мѣры къ полученію государственныхъ *доходовъ* и т. д.

Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, необходимо замѣтить, что съ чисто внѣшней стороны аргументація Бершадскаго покоится на шаткомъ основаніи. Бершадскій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ единоличныхъ распоряженій господаря въ такихъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, на основаніи земскихъ привилеевъ 1492 и 1506 г. требовалось согласіе пановъ-рады. Эти примѣры Бершадскій извлекаетъ изъ тѣхъ записей Литовской Метрики, въ которыхъ не упоминается объ участіи рады въ томъ или другомъ распоряженіи господаря. Но ненужно забывать того, что эти записи далеко не всегда съ полною аккуратностью и точностью излагали тотъ или другой правительственный актъ. Писарь иногда вносилъ въ книгу только содержаніе правительственнаго распоряженія, не упоминая о томъ, въ какой обстановкѣ оно состоялось, при чемъ участіи и въ чемъ присутствіи (особенною краткостью отличаются записи *расходовъ*, сдѣланныхъ по распоряженію высшей власти). Сплошь и рядомъ въ копіяхъ Литовской Метрики не имѣется перечня пановъ-рады, каковой имѣютъ подлинныя акты, вышедшіе изъ великокняжеской канцеляріи.

Аргументація Бершадскаго представляется намъ несостоятельною и по существу дѣла. Возможно, что великій князь распоряжался иногда единолично въ такихъ вещахъ, гдѣ по смыслу привилеевъ 1492 и 1506 г. требовались совѣщаніе и соглашеніе съ панами-радою. Но чтобы доказать надлежащимъ образомъ свое положеніе о неограниченности власти литовско-русскаго господаря, Бершадскій долженъ былъ бы доказать, что господарь въ этихъ случаяхъ распоряжался не только

единолично, но и вопреки волѣ пановъ-рады. Но такого доказательства мы не находимъ у Бершадскаго. Что же показываютъ приводимые имъ примѣры единоличныхъ распоряженій великаго князя, если только они были дѣйствительно единоличныя? Эти примѣры показываютъ только то, что ни самъ государь, ни паны-рада не понимали содержащихся въ привилеяхъ 1492 и 1506 г. ограниченій великокняжеской власти въ смыслѣ обязанности пановъ-рады постоянно участвовать въ распоряженіяхъ государя, слѣдить, такъ сказать, за каждымъ шагомъ въ его правительственной дѣятельности. Привилеи гарантировали участие пановъ-рады въ правительственной дѣятельности для обезпеченія государственныхъ интересовъ отъ возможнаго нарушенія ихъ государемъ. Естественно; поэтому, что въ будничномъ текущемъ дѣлопроизводствѣ, шедшемъ по обычной колѣѣ, государь считалъ возможнымъ обходиться и безъ участія пановъ-рады, а паны-рада съ своей стороны не считали нужнымъ вмѣшиваться въ такія распоряженія, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакого ущерба ни для нихъ самихъ, ни для государства. Высказывая свои соображенія, Бершадскій прилагаетъ къ литовскимъ панамъ ригористическую мѣрку современнаго конституціонализма, слишкомъ многого требуетъ отъ нихъ, не по ихъ политической зрѣлости и развитости, не по степени того интереса, который они могли имѣть къ государственнымъ дѣламъ. Не нужно, кромѣ того, забывать, что ни государь, ни паны-рада не жили постоянно въ Вильнѣ. Государь проживалъ часто въ другихъ городахъ великаго княжества или въ Польшѣ, а паны-рада въ своихъ имѣніяхъ или въ замкахъ и дворахъ господарскихъ, находившихся въ ихъ держаніи. При такихъ условіяхъ нерѣдко случалось, что при государѣ не было никого изъ пановъ радныхъ, и онъ по необходимости долженъ былъ распоряжаться единолично. Примѣры, приводимые Бершадскимъ, относятся къ текущей административной практикѣ великаго князя. Но онъ не указалъ ни одного закона, изданнаго великимъ княземъ безъ совѣта и соглашенія съ панами-радою. Съ своей стороны мы можемъ указать, что паны-рада, какъ только государь своими единоличными распоряженіями нарушалъ по существу ихъ права, вступались и ограничивали великокняжескій произволъ. Великій князь Александръ позволилъ было себѣ отнять волость Лиду у пана Ильинича и передать эту волость Дрожжѣ, по ходатайству своего любимца кн. Михаила Львовича Глинскаго. «И панъ Ильиничъ,—разсказываетъ литовско-русская лѣтопись,—втекся до пановъ рады великаго княства Литовскаго... И тыи вси панове подлугъ привилыя своего земскаго, што имъ король далъ, садечися на великое княженіе, и Лиды не поступили Дрожжы, простому

человику, а Ильнича пры ней зоставили, бо на то бачыли, ижъ въ привилеи описано, ижъ никому не маеть чты и владу отняты, толко з гербомъ»²³⁸⁾ Едва ли въ виду этого можно говорить, что ограниченія, содержащіяся въ земскомъ привилеѣ 1492 года не перешли въ жизнь. Самъ Бершадскій, наконецъ, долженъ былъ признать, что господарь всѣ важнѣйшіе вопросы обсуждалъ и рѣшалъ совмѣстно съ панамп-радою.

Фактическія указанія и нѣкоторыя признанія, разсѣянные въ источникахъ отъ эпохи Александра и Сигизмунда, ясно обнаруживаютъ, что, хотя литовскимъ панамъ и не удалось превратить великое княжество въ магнатскую республику, а великого князя въ предсѣдателя рады, все же удалось въ большой мѣрѣ ограничить его власть въ свою пользу. Въ 1497 году великій князь Александръ по тайному уговору съ братомъ своимъ, Польскимъ королемъ Яномъ-Альбрехтомъ, «безъ ведомости всихъ пановъ радъ своихъ», отправился было въ походъ на воеводу Волошкаго Стефана. Паны-рада, не знавшіе о намѣреніяхъ великаго князя, стали спрашивать его, куда онъ ихъ ведетъ. Александръ отвѣчалъ: «если бы о томъ вѣдала моя рубаха, я и ту сжегъ бы». Тогда паны-рада заявили: «колижъ ты, господарь нашъ, намъ рады а вмыслу своего не поведашъ, мы, вои, не хочемъ за реку Бугъ иты». Это заявленіе сильно напоминаетъ то, что говаривала въ подобныхъ случаяхъ древне-русскимъ князьямъ ихъ дружина: «о собѣ еси, княже замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали»²³⁹⁾. Вслѣдствіе оппозиціи пановъ рады походъ всею землею не состоялся, и Александръ смогъ только отправить брату вспомогательный отрядъ изъ княжатъ и дворянъ²⁴⁰⁾. Тайный договоръ съ Польскимъ королемъ, безъ участія пановъ-рады, былъ нарушеніемъ земскаго привилея 1492 года, и потому паны-рада сочли себя въ правѣ не послушаться господара въ данномъ случаѣ, и господарь оказался не въ состояніи привести въ исполненіе свое единоличное рѣшеніе. Наученный опытомъ, Александръ уже ничего не рѣшалъ въ дѣлахъ виѣшной политики безъ совѣщанія съ панами-радою. Въ 1503 году, въ бытность свою въ Мельникѣ, Александръ рѣшилъ отпустить домой прибывшихъ къ нему Ногайскихъ пословъ. Но предварительно онъ счелъ нужнымъ запросить объ этомъ мнѣнія пановъ-рады. Поэтому онъ отправилъ къ бискупу Виленскому, воеводѣ Виленскому, пану Виленскому, воеводѣ

²³⁸⁾ *Narbutta* Pomniki, str. 74.

²³⁹⁾ Ипатьевская лѣтопись, стр. 367.

²⁴⁰⁾ *Narbutta* Pomniki, str. 65.

Троцкому и пану Троцкому письмо, въ которомъ, высказавъ свои соображенія о необходимости отпустить пословъ, окончательное рѣшеніе предоставлялъ этимъ панамъ. «Намъ ся такъ видѣло,—писаль онъ:—ино пакъ все покладаемъ на розумъ и умысль ваше милости: што ся лѣпшого о томъ дѣлѣ увидите, пустити ль, задержати ль ихъ, ваша милость такъ и вчините: *бо мы безъ порады вайшой милости ничего въ земскомъ дѣлѣ не справуемъ*»²⁴¹). Подобное же признаніе слышимъ и отъ преемника Александра, короля Сигизмунда. На Петрковскомъ сеймѣ 1543 г. Поляки между прочимъ добивались подтвержденія уніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Королевское резюме дѣяній этого сейма гласитъ: «Что же касается договоровъ и общихъ записей между этимъ княжествомъ и королевствомъ, въ томъ мы ничего еще определеннаго не могли сдѣлать, ибо не имѣли при насъ пановъ-рады этого княжества»²⁴²). Не только въ дѣлахъ вѣшной политики, но и въ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по внутреннему управленію Сигизмундъ считалъ для себя обязательною «пораду» пановъ-рады. Въ 1539 году онъ писалъ панамъ-радѣ, что не надо отпускать людей съ работъ на украинныхъ замкахъ, пока не сдѣлаютъ все «добре», что не стоитъ посылать на эти замки, въ такую даль, «живность» изъ господарскихъ дворовъ, а гораздо лучше продать эту живность и вырученные деньги переслать на украинные замки для закупки провіанта на мѣстѣ. Это предложеніе король сдѣлалъ, однако, только въ видѣ выраженія своего мнѣнія, предоставивъ окончательное рѣшеніе панамъ-радѣ: «И будетъ ли ся то и вашей милости видети, ваша бы милость о томъ до насъ отписали и раду свою намъ ознаймили». Согласно съ этою «радою» король обѣщаль сдѣлать и свое распоряженіе²⁴³). Сигизмундъ признавалъ необходимымъ совѣщаніе съ панами-радою и въ важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ. Въ 1511 году, въ бытность на Берестейскомъ сеймѣ, Сигизмунду пришлось разбирать мѣстническую тяжбу владыки Полоцкаго съ владыкою Владимірскимъ: Владимірскій хотѣлъ садиться выше Полоцкаго, а послѣдній не хотѣлъ сидѣть ниже его. Владыка Владимірскій не хотѣлъ на этотъ разъ «правоваться» передъ королемъ. Тѣмъ не менѣе король счелъ возможнымъ поставить рѣшеніе, допросивъ князей Друцкихъ и бояръ Полоцкихъ, которые показали въ пользу владыки Полоцкаго. Но при этомъ король оговорилъ, что это рѣшеніе не окончательное: «а будетъ владыцѣ Володимерскому о томъ которое

²⁴¹) Акты Зап. Рос. I, № 206.

²⁴²) Volumina legum I, p. 277.

²⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 33.

до него дѣло: ино, коли будемъ мѣти иного часу съемъ великій со всеми пань радами нашими, а митрополить и вси владыки въ насъ же будутъ: и онъ нехай ся намъ на него жалуетъ, мы хотимъ тому межъ ними справедливость вчинити»²⁴⁴). Поручая въ 1539 году панамъ-радѣ разыскивать по еврейскимъ домамъ людей, перешедшихъ изъ христіанства въ жидовскую вѣру, Сигизмундъ просилъ извѣщать его о такихъ людяхъ съ присовокупленіемъ «порады», «какого бы каравья тыг люди винны заслужили». «А кгды мы,—заклучалъ король,—съ писанья и порады вашей милости справу въ томъ воземъ, тогда таквыи люди винны тамъ же, водлѣ выступовъ своихъ, будутъ караны»²⁴⁵).

Источники даютъ множество указаній на участіе пановъ-рады въ высшей правительственной дѣятельности при Александрѣ и Казимирѣ. Непосредственно по смерти Казимира рада великаго княжества выступаетъ въ роли высшаго правительства страны, которое задерживаетъ въ Литвѣ королевича Александра, какъ кандидата на великокняжескій престоль, организуетъ его избраніе на великое княженіе и сносится по этому поводу съ польскою радою²⁴⁶). Въ подобной же роли выступаетъ рада и по смерти Александра, до избранія на великое княженіе королевича Сигизмунда²⁴⁷). Когда господарь уѣзжалъ изъ великаго княжества, высшая распорядительная власть оставалась обыкновенно въ рукахъ пановъ-рады. Рада принимала мѣры по оборонѣ государства²⁴⁸), руководила военными дѣйствіями²⁴⁹), отправляла пословъ за границу и составляла для нихъ инструкціи²⁵⁰), распоряжалась въ важнѣйшихъ внутреннихъ дѣлахъ, напр., раскладывала на мѣста серебщину и ордынщину²⁵¹), отдавала въ заставу господарскія имѣнья для

²⁴⁴) Акты Зап. Рос. II, № 68.

²⁴⁵) Акты Зап. Рос. II, № 194.

²⁴⁶) Акты Зап. Рос. I, № 100, 101

²⁴⁷) См. выше, стр. 148, 149.

²⁴⁸) Акты Зап. Рос. II, № 10.

²⁴⁹) Тамъ же, № 93.

²⁵⁰) Тамъ же, № 11.

²⁵¹) 27 апрѣля 1524 г. король писалъ изъ Кракова подскарбію земскому Богушу Боговитиновичу: «Присылали къ намъ войтъ и бурмистры и рядцы и вси мещане места Берестейского, чоломъ бьючи о томъ, што жъ коли мы и панове рады великаго князства Литовского безъ небытности наше покладываютъ на места наша серебщизну и ордынщизну, ино деи дворане наши, которые приежчаютъ тое серебщины и ордынщины на нихъ правити, они деи того часу, скоро прыехавши, правятъ на нихъ децкованей своихъ и кажутъ деи имъ собе и кони свои тамъ у места stravovati, и на то деи имъ много накладу выходить, и тяжесть ся

пополненія скарба ²⁵²) и проч. Въ руках пановъ-рады въ отсутствіе господаря сосредоточивался и высшій судъ, на разсмотрѣніе котораго поступали тяжбы между родственниками объ имѣннѣяхъ, жалобы на наѣзды, ктвалты, грабежи и т. д., жалобы на неправый судъ мѣстныхъ судей, на разореніе господарскими урядниками имѣній, взятыхъ на господаря временно, до окончанія изъ-за нихъ тяжбы ²⁵³) и т. д. Постановленіе, сдѣланное на этотъ счетъ въ судебникѣ Казимира, статутъ 1529 года расширилъ и усилилъ. Въ статутѣ было опредѣлено, что никто не имѣетъ права уклоняться отъ суда пановъ-рады,—даже тѣ, у кого есть листы, «абы его ни хто не судил, кромѣ нас господара»: «бо мы,—гласитъ постановленіе короля,—з рамени нашего господарского оставляемъ комисарми панов рад наших, абы справедливость подданым нашим чинили» ²⁵⁴).—Когда господарь оставался въ великомъ княжествѣ, то всѣ важнѣйшія дѣла онъ дѣлалъ обыкновенно по совѣту съ панамъ-радою. Мы уже слышали на этотъ счетъ призваніе самихъ великихъ князей по поводу дѣлъ внѣшней политики и суда по важнѣйшимъ дѣламъ ²⁵⁵). По совѣщанію съ панамъ господарь жаловалъ имѣнья, особенно если эти имѣнья были крупныя. Такъ въ 1505 году 15 декабря, въ бытность свою въ Городнѣ, король Александръ по просьбѣ Азяхмата, царя Заволжскаго, «сз порады и воли пановъ радъ», пожаловалъ пану Яну Заберезинскому людей Некрашевичей, Голагодовичей, Шилипковичей, Комснчей и Терешковичей съ братьею ихъ «обалоль рекъ Сервца» на вѣчность съ полнымъ правомъ распоряженія ²⁵⁶). «Зъ умысломъ и порадою пановъ радъ» господарь

ниъ въ томъ великая дееть»... Король приказывалъ подскарбію извѣщать мѣщанъ о сборѣ серебрины и ордынщины заблаговременно, чтобы они могли сами представлять ее. Литов. Метр. кн. Судн. дѣль IV, л. 61.

²⁵²) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 29: Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 147.

²⁵³) Статутъ 1529, раздѣлъ IV, арт. 7; разд. VI, арт. 1, 6; разд. VIII, арт. 23.

²⁵⁴) Раздѣлъ VI, арт. 8.

²⁵⁵) Въ дополненіе къ указанному уже случаю судебного разбирательства господаря совмѣстно съ панамъ-радою можно указать, напр., еще на приведенные въ Актахъ Зап. Рос. I, № 126, 163, 173, 191; II, № 53; Актахъ Южн. и Зап. Рос. I, № 62, II: Актахъ Литовско-Русскаго государства, № 69, 191, 193, 195, 196. Срав. также Статутъ 1529 г., раздѣлъ I, арт. 14, 20.

²⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 223, 224. «Пры томъ были вельможныи и врожонны панове: Миколай Миколаевичъ, воевода Троцкий, Михайло Львовичъ, маршалокъ дворный Литовский, Станиславъ Глѣбовичъ, староста Полоцкий,

отдавалъ обыкновенно и въ заставу свои имѣнья «ку великой потребе господарской и земской, а наболей для заплаты служебныхъ»²⁵⁷). Сообща съ панами-радою принималъ отчетъ въ государственныхъ приходахъ и расходахъ отъ подскарбія земскаго²⁵⁸), вѣдалъ монетное дѣло и вообще все свое финансовое хозяйство²⁵⁹), принималъ мѣры по оборонѣ страны постройкою замковъ и укрѣпленій²⁶⁰) и т. д. Всѣ постановленія законодательнаго характера издавались господаремъ не иначе, какъ по совѣту съ панами-радою. Такимъ образомъ, напр., въ 1500 году Александръ выдалъ новую «уставу», опредѣляющую взаимныя отношенія между Полоцкими мѣщанами, сельскими путниками и владѣльческими людьми и ремесленниками, живущими въ мѣстѣ Полоцкомъ, по части отбыванія повинностей и присуда, «помысливши съ паны радами»²⁶¹). Въ 1507 году 13 августа, отпуская пана Станислава Петровича съ войскомъ на театръ военныхъ дѣйствій, король сообщалъ съ панами-радою установилъ уставу, которая опредѣляла права и власть гетмана, распорядокъ въ войскѣ, наказанія за нарушеніе военной дисциплины и грабежи, а также цѣны на провіантъ, забираемый у жителей²⁶²). Подобная же устава вмѣстѣ съ опредѣленіемъ курса польской монеты, принимаемой въ Литвѣ, выработана была господаремъ, «помысливши съ паны радами», и въ 1508 году 5 іюня, передъ отправленіемъ въ походъ гетмана кн. Константина Ивановича Острожскаго²⁶³). Уставу Поднѣпрскимъ волостямъ относительно сбора дани Сигизмундъ выдалъ 2 окт. 1511 года также «съ паны радами помысливши»²⁶⁴). Выше (стр. 184, 185) приведены были примѣры выработки господаремъ совмѣстно съ радою уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Эта работа производилась обыкновенно при разбирательствѣ казусныхъ судебныхъ дѣлъ, при которыхъ обнаруживался недостатокъ

Станиславъ Петровичъ, *гетманъ польный* и маршалокъ великаго князства Литовскаго, Василей Львовичъ, *подстолій* и державца Слонимскій, Мартинъ Хребтовичъ, *ловчий* тогожъ князства Литовскаго и иньшыя *панове рада* наши».

²⁵⁷) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 145. См. выше, стр. 212.

²⁵⁸) Тамъ же, № 133, 136.

²⁵⁹) Акты Зап. Рос. III, № 4, стр. 6, 7, 13.

²⁶⁰) Тамъ же, № 11, стр. 26.

²⁶¹) Акты Зап. Рос. I, № 185.

²⁶²) Акты Зап. Рос. II, № 25.

²⁶³) Тамъ же, № 31.

²⁶⁴) Тамъ же, № 75.

или неясность закона. Вѣроятно, результатомъ такой работы былъ законъ, на который ссылалась въ 1529 году панья Литаворова при разбирательствѣ ея дѣла господаремъ, а именно, что вдовы, оставшіяся по смерти мужа безъ «вѣна» и «оправы», получаютъ во всемъ имѣньѣ мужа равную долю съ дѣтьми въ пожизненное владѣніе²⁶⁵). Этотъ законъ, какъ и указанные выше, вошелъ въ статутъ 1529 г. (раздѣлъ 4, арт. 4). Вообще постановленія или «уставы» господара и пановъ-рады послужили не маловажнымъ источникомъ при составленіи Статута. Многія изъ его статей такъ прямо и обозначены, какъ «уставы», выработанныя господаремъ и панами-радою²⁶⁶). Статутъ предусматривалъ и въ будущемъ совмѣстную законодательную дѣятельность господара и пановъ-рады. Шестой артикулъ VI раздѣла между прочимъ устанавливаетъ, что всѣ дѣла, относительно которыхъ въ статутѣ нѣтъ статей, должны рѣшаться «подле старого обычая» до тѣхъ поръ, «поколемы господаръ с паны радами нашими тые дела уфалим и тые права уписать кажемъ». Статутъ предписывалъ судьямъ (арт. 37), чтобы они о такихъ дѣлахъ докладывали господарю или панамъ-радѣ на первомъ сеймѣ: «и если бы мы або панове рада наша тые члонки уфалят, тогда мают теж приписаны быти к тым правамъ». Статутъ, такимъ образомъ, допускаетъ возможность законодательной дѣятельности пановъ-рады и въ отсутствіе господара.

Въ обычное время господарскую раду составляли всѣ тѣ члены ея, которые въ данный моментъ находились при господарѣ, а въ отсутствіе господара—въ Вильнѣ²⁶⁷). Чаще всего поэтому господарская рада составлялась изъ бискуповъ Виленскаго и Жмудскаго, воеводы и пана Виленскихъ, воеводы и пана Троцкихъ, старосты Жмудскаго, маршалковъ земскаго и дворнаго и подскарбія земскаго, которые пребывали либо въ Вильнѣ, либо въ недалекомъ отъ нея разстояніи и потому легче и скорѣе другихъ могли быть въ сборѣ. Но по временамъ Сигизмундъ выдавалъ спеціальныя распоряженія, кому изъ пановъ

²⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 55, 56: «Такежъ пани Литаворова: била нашъ чоломъ о томъ, ижъ мы съ паны радами нашими перво сего такъ семь летъ установили: которая вдова по мужу своемъ останеть и вена записаного ани жадное оправы отъ мужа мети не будеть, таковая межы детми часть ровную маеть, мети и тую часть маеть держати а вживати до своего живота, а по е смерти тая часть зася на дети маеть спасти».

²⁶⁶) Раздѣлъ I, арт. 17; разд. III, арт. 6.

²⁶⁷) Акты Зап. Рос. II, № 229. Въ актѣ Сигизмундъ обращается къ панамъ-радѣ великаго княжества, «которые тыхъ часовъ у Вильни будутъ».

рады оставаться въ Вильнѣ. Поэтому, напр., и свой приказъ разсудить пана Юрія Миколаевича Радивиля съ его невѣсткою объ имѣньяхъ Сигизмундъ отдалъ (7 окт. 1530 г.) панамъ-радѣ великаго княжества «тымъ, котрымъ тыхъ часовъ для справъ земскихъ казали есьмо зѣхати ся до Вильни»²⁶⁶).

Въ особо важныхъ случаяхъ, или, какъ говорилось тогда, «для великихъ а пильныхъ потребъ земскихъ», рада собиралась въ болѣе или менѣе полномъ составѣ. Такой *сеймъ пановъ-рады* имѣлъ, напр., мѣсто въ Городнѣ въ августѣ 1501 года. Паны-рада съѣзжались сюда для обсужденія вопроса о поддержкѣ кандидатуры великаго князя Александра на польскій престолъ и объ условіяхъ новой уніи между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою²⁶⁷). Такой же сеймъ пановъ-рады собирался въ Городнѣ и въ ноябрѣ 1506 года для обсужденія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ²⁶⁸). Этотъ сеймъ переѣхалъ вслѣдъ затѣмъ вмѣстѣ съ господаремъ въ Мельникъ, гдѣ совѣщался о начатіи войны съ Московскимъ государемъ (см. выше, стр. 174). Въ Мельникѣ же собирался сеймъ пановъ-рады въ іюнѣ и іюлѣ 1513 года для обсужденія положенія дѣлъ, созданнаго этою войною; этотъ сеймъ переѣхалъ затѣмъ вмѣстѣ съ господаремъ въ Вильну (стр. 196, 197). Сеймъ пановъ-рады господарь собиралъ и въ 1530 году, послѣ полученія извѣстія отъ державцы Кричевскаго Василя Богдановича Чижя о нарушеніи перемирія Московскимъ государемъ, который вслалъ въ волость Кричевскую нѣсколько тысячъ людей, чтобы вывести оттуда измѣнника Ивана Ботвиньевича со всѣмъ его имуществомъ, и причинилъ тамошнимъ обывателямъ черезъ этихъ людей «шкоды велики»²⁶⁹). Лѣтомъ 1532 года паны-рада съѣзжались на сеймъ по приглашенію короля для обсужденія вопросовъ, въ какихъ размѣрахъ платить хану Сайдетъ-Гирею упоминки, кого и съ какимъ «посольствомъ» къ нему отправить²⁷⁰). Но и помимо «великихъ и пильныхъ потребъ», паны-рада съѣзжались обыкновенно къ господарю, какъ только онъ пріѣзжалъ въ великое княжество, для рѣшенія всѣхъ накопившихся дѣлъ. Мы уже видѣли, что при Александрѣ такіе сеймы пановъ-рады были обыч-

²⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 75. 76.

²⁶⁷) *A. Mosbacha* Początki unii Lubelskiej, str. 101.

²⁷⁰) *Ibidem*, str. 115.

²⁷¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 91. 92.

²⁷²) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VII, л. 29—31. Грамота съ предложеніемъ короля была написана въ Краковѣ 28 мая 1532 г. (тамъ же, л. 20, 21).

нымъ явленіемъ. Собирались въ такихъ случаяхъ сеймы пановъ-рады и при Слгизмундѣ (см. выше, стр. 263, 265). На великомъ Виленскомъ соймѣ 1529 года, какъ уже было сказано выше, сверхъ всѣхъ этихъ экстренныхъ сеймовъ, установленъ былъ ежегодный судебный сеймъ пановъ-рады въ Вильнѣ для разбирательства накопившихся важныхъ дѣлъ (какъ выражается Статутъ: «для кривдѣ шляхты, которые ся от пановъ деють або урядников наших панских в землях в грабежах у квалтехъ и въ головщинахъ, або теж и межи паны самими и их поддаными») ²⁷³). Сеймовое постановленіе объ этомъ вошло и въ Статутъ 1529 г. Позже государь, какъ мы видѣли, добивался установленія вмѣсто одного двухъ судебныхъ сеймовъ, одного на Рождество Христово, другого на седьмую субботу. Какъ показываютъ нѣкоторые списки статута 1529 года и акты, его желаніе было удовлетворено,— съ тою отмѣною, что первый сеймъ былъ назначенъ не на Рождество Христово, а на Покровъ ²⁷⁴). Это измѣненіе произведено было на Виленскомъ соймѣ 1532 года; до этого же времени, какъ показываютъ судебные акты, оставалось въ силѣ прежнее постановленіе на этотъ счетъ ²⁷⁵).

§ 5.

Присматриваясь къ правительственной работѣ, которую производила господарская рада совмѣстно съ государемъ и въ его отсутствіе, въ обычномъ неполномъ составѣ и на своихъ сеймахъ, поражаетъ разнообразіемъ и порою незначительностью дѣлъ, которыми ей приходилось заниматься.

Государственному совѣту великаго княжества приходилось не только законодательствовать, обсуждать сложные вопросы внѣшней политики, устраивать оборону государства и руководить военными дѣйствіями, но и разбирать множество судебныхъ дѣлъ лишь потому, что тяжущіяся стороны не захотѣли судиться у низшихъ судей, а отозвались до самого государя,—непосредственно распоряжаться такими вещами, какъ посылка мужиковъ съ топорами изъ Поднѣпрскихъ волостей на работу къ украинскимъ замкамъ или спускъ по рѣкамъ хлѣба изъ господарскихъ дворовъ для снабженія провіантомъ этихъ замковъ, сыскъ

²⁷³) Раздѣлъ VI, арт. 5— по изд. Дзялынскаго—Zbiór praw litewskich, str. 347.

²⁷⁴) См. 5 арт. VI раздѣла по изданію Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. (Временникъ, кн. XVIII, стр. 44); Archiwum Sanguszków IV, № CCLXX, CCLXXIX; Акты Зап. Рос. II, № 234.

²⁷⁵) Archiwum Sanguszków III, № CCCLXXV, CCCLXXX, CDVI.

по еврейскимъ дворамъ христіанъ, перешедшихъ въ жидовскую вѣру и т. д. Это разнообразіе дѣлъ объясняется тѣмъ, что господарская рада, не считая самого господаря, въ разсматриваемое время была въ сущности единственнымъ органомъ центрального управленія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Здѣсь не произошло такого раздѣленія занятій и обособленія вѣдомствъ, какое замѣчается въ то время въ Московскомъ государствѣ, не образовалось и такихъ органовъ управленія, какими были московскіе приказы даже въ первую пору своего существованія. Правда, что и въ Литовско-Русскомъ государствѣ большинство членовъ рады имѣло свои спеціальныя обязанности, но эти обязанности либо совсѣмъ не относились къ высшему центральному управленію государства, либо имѣли въ виду чисто техническую, исполнительную сторону дѣла, а не распорядительную и рѣшающую. Къ такому выводу приводитъ ближайшее разсмотрѣніе спеціальныхъ обязанностей членовъ господарской рады.

Мы видѣли, что высшую или «предвѣдшую» раду господарскую составляли главные правители областей великаго княжества, замѣнившіе собою областныхъ князей, воеводы и нѣкоторые старосты. Этихъ воеводу и старостъ нельзя приравнивать къ начальникамъ московскихъ областныхъ приказовъ, въ родѣ, напр., начальника приказа Казанскаго дворца. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ областные «дворцы», какъ мы уже имѣли случай указывать прежде, съ упраздненіемъ областныхъ княженій не переносились въ центръ государства, а оставались на мѣстѣ, въ стольныхъ городахъ бывшихъ областныхъ княжествъ. Въ этихъ городахъ продолжала совершаться большая часть той правительственной работы, какая шла и при князьяхъ, при содѣйствіи преимущественно мѣстныхъ силъ. Областное управленіе Литовско-Русскаго государства съ этой точки зрѣнія было болѣе мѣстнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ приказнымъ управленіемъ, и главные областные правители были не только органами центральной государственной власти и поборниками ея интересовъ въ областяхъ, но и главами областного самоуправления и поборниками мѣстныхъ земскихъ интересовъ, которые далеко не всегда совпадали съ общегосударственными.

Воевода Виленскій, какъ мы видѣли, былъ обыкновенно въ то же время и *канцлеромъ*. Но въ этомъ значеніи онъ не былъ начальникомъ самостоятельнаго вѣдомства, а только правителемъ государственной канцеляріи великаго княжества Литовскаго, состоявшей при господарѣ и его радѣ. Чиновники этой канцеляріи облекали въ письменную форму, регистрировали и выдавали по адресу всѣ постановленія и распоряженія господаря и пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., писарь

Мартинъ съ Лужка изготовлялъ по приказанью канцлера Михаила Кезгайла извѣстный земскій привилей 1447 года, который и выданъ былъ панамъ радѣ ²⁷⁶⁾ черезъ руки канцлера, приложившаго къ нему государственную печать ²⁷⁷⁾. И позже выдача общеземскихъ привилеевъ производилась такимъ же порядкомъ. Когда въ 1547 году станы сейма были челомъ Сигизмунду-Августу о подтвержденіи ихъ правъ и вольностей, король отвѣчалъ, что онъ благосклонно принялъ ихъ просьбу и уже приказалъ канцлеру «справити» «тотъ свой новый привилей» ²⁷⁸⁾. Писари подъ надзоромъ и руководствомъ канцлера изготовляли и областные привилеи, которые канцлеръ также скрѣплялъ приложеніемъ государственной печати «для лепшого свѣдомья и большее твердости» ²⁷⁹⁾. Чиновники государственной канцеляріи облекали въ письменную форму и «уставы», выработанныя на совѣщаніяхъ господаря съ панами-радою, и «земскіе ухвалы», состоявшіяся на великомъ вальномъ соймѣ, послѣ того какъ господарь съ панами-радою окончательно утверждалъ эти «ухвалы», — «замыкалъ свою раду господарскую». Этими же чиновниками записывались вмѣстѣ съ просьбами становъ сейма и тѣ отвѣты, какіе давалъ на нихъ господарь лично или по совѣту съ панами-радою. О состоявшихся на сеймахъ «уставахъ», «ухвалахъ» и рѣшеніяхъ первоначально рассылались изъ канцеляріи оповѣщенія, или «листы», по областямъ и повѣтамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти «ухвалы» и рѣшенія подлежали немедленному исполненію, какъ напр., ухвалы о сборѣ серебщины, о мобилизаціи земскаго ополченія ²⁸⁰⁾. Впослѣдствіи, когда шляхта стала надобѣдать правительству повтореніемъ однихъ и тѣхъ же просьбъ, на которыя господарь уже далъ отвѣтъ, Сигизмундъ-Августъ распорядился, чтобы шляхтскіе послы брали изъ канцеляріи письменные отвѣты на ихъ просьбы и относили ихъ до своей братьи ²⁸¹⁾. Въ государственной канцеляріи подъ «справкою» канцлера изготовлялись и различные дипломатическіе документы, грамоты

²⁷⁶⁾ О томъ, что паны рада были хранителями земскихъ привилеевъ, см. выше стр. 296.

²⁷⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 61.

²⁷⁸⁾ Акты Зап. Рос. III, № 4, просьба I.

²⁷⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 190, 204, 214; II, № 70 и т. д.

²⁸⁰⁾ Въ 1552 году листы о мобилизаціи противъ Крымскаго хана король прислалъ воеводѣ Виленскому, канцлеру, Миколаю Радивилу съ приказаньемъ: «А панъ воевода ку розославню ихъ не мешкаючи отошлетъ, яко ся сдавна заховывало». Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 16—17.

²⁸¹⁾ Акты Зап. Рос. III, № 13, просьба 3.

къ сосѣднимъ государямъ и правительствамъ, «науки», или инструкции посламъ и гонцамъ, отправлявшимся за границу и т. д. Такъ какъ грамоты къ сосѣднимъ государямъ посылались за подписью руки господарской, то государь иногда, находясь въ Польшѣ, пересылалъ канцлеру «марбрамъ», т. е. бланкъ съ своею подписью для вписанія въ него текста грамоты ²⁸²). Чиновниками государственной канцелярии изготовлялись привилеи на магдебургское право, жалуемое городамъ, привилеи на различныя льготы, даруемыя городамъ или волостямъ, дипломы на разныя должности и званія, жалуемыя отдѣльнымъ лицамъ, привилеи на имѣнья, пожалованныя посподаремъ разнымъ лицамъ, заставныя листы на имѣнья, отданныя «въ сумѣ пенязей», арендные листы на мыта, коморы, корчмы, «мынцу», рыбныя озера и другія регалии и доходныя статьи, протоколы судебныхъ разбирательствъ господаря и пановъ-рады и состоявшіяся по нимъ рѣшенія. Наконецъ, изъ государственной канцелярии исходили такъ называемые «мандаты», т. е. судебныя повѣстки къ отвѣтчикамъ о явкѣ на судъ къ господарю на «року завитомъ» (на первый и окончательный срокъ) по дѣламъ, разбиравшимся господаремъ въ первой инстанціи ²⁸³), листы «вглейтовныя», гарантирующіе безопасность лицамъ, желающимъ очиститься судомъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій ²⁸⁴); листы «заповѣдныя», отсрочивающіе частнымъ лицамъ явку на судъ по уважительнымъ причинамъ ²⁸⁵); листы «желѣзные», отсрочивающіе по уважительнымъ причинамъ расплату съ долгами ²⁸⁶); листы «заручныя», гарантирующіе имущественную и личную безопасность со стороны противника до суда и послѣ суда, подъ «закладомъ» на господаря извѣстной суммы, которая должна была выплачиваться лицомъ, нарушившимъ заруку ²⁸⁷); листы «закривальныя», освобождающіе отъ подсудности всѣмъ судьямъ, кромѣ господаря ²⁸⁸) и т. д. Всѣ эти листы писались отъ имени господаря.

Всѣ документы, изготовлявшіеся чиновниками великокняжеской канцелярии, а равно и присылавшіеся къ господарю и панамъ-радѣ

²⁸²) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, № 527.

²⁸³) Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 9.

²⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 79, 80.

²⁸⁵) Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 9.

²⁸⁶) Тамъ же, арт. 23.

²⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 275; Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 21. Въ Статутѣ 1529 года эти листы названы «заповѣдными».

²⁸⁸) Статутъ 1529 г., раздѣлъ VI, арт. 8.

отъ мѣстныхъ агентовъ или изъ за границы, въ копiяхъ вносились въ особыя книги, которыя составляли архивъ этой канцелярiи, или такъ называемую Метрику великаго княжества Литовскаго. Эти книги стали вестись настоящимъ образомъ только во второй половинѣ великокняженiя Казимира ²⁸⁹). До этого же времени въ великокняжеской канцелярiи хранились только нѣкоторыя подлинныя документы и отдѣльныя копiи исходящихъ документовъ ²⁹⁰), а также краткiя записи состоявшихся пожалованiй и судебныхъ рѣшенiй самого Казимира и пановъ рады ²⁹¹). Въ книги Метрики вносились всевозможныя документы: и договоры съ чужеземными государствами, и грамоты, полученныя отъ сосѣднихъ государей или посланныя къ нимъ отъ в. князя, и «рѣчи» чужеземныхъ пословъ, и «рѣчи» литовскихъ пословъ, отправленныхъ за границу, и отписки украинскихъ воеводъ и старостъ по внѣшнимъ дѣламъ, и общеземскiе привилеи, привилеи областныя, привилеи, выданныя городамъ, уставы, выданныя волостямъ объ ихъ повинностяхъ и льготахъ, привилеи на должности, званiя и имѣнiя, выданныя отдѣльнымъ лицамъ, записи о состоявшихся судебныхъ рѣшенiяхъ господаря или пановъ-рады, сеймовыя ухвалы, просьбы становъ, поданныя на сеймахъ, и отвѣтъ господаря на эти просьбы, различныя «уставы» по вопросамъ уголовного и гражданскаго права, выработанныя господаремъ и панами-радою, инвентари или описи господарскихъ замковъ и волостей, составленныя на мѣстѣ по порученiю господаря или пановъ-рады. Въ книги Метрики вносились, наконецъ, и тѣ заявленiя, которыя дѣлали господарю и панамъ радѣ частныя лица, согласно закону, — о продажахъ своихъ имѣнiй, мѣнахъ ими, даренiяхъ или завѣщанiяхъ, о дѣлѣжѣ и другихъ имущественныхъ сдѣлкахъ, которыя черезъ это приобрѣтали юридическую силу ²⁹²).

²⁸⁹) Первою книгою въ этомъ смыслѣ можно считать IV книгу Записей.

²⁹⁰) Это видно по перечню документовъ Метрики, составленному во второй половинѣ XVI в. (кн. Записей I и II). Въ этомъ перечнѣ попадаются и древнiе документы, отъ конца XIV и первой половины XV в.

²⁹¹) Эти краткiя записи, или реестры, при заведенiи книгъ Метрика были переписаны въ одну книгу въ хронологическомъ безпорядкѣ. На оставшихся бѣлыхъ листахъ этой книги при Александрѣ написаны были копiи нѣсколькихъ документовъ, вышедшихъ изъ канцелярiи въ его время, и нѣсколькихъ документовъ, посланныхъ въ канцелярiю. Литов. Метр. кн. Запис. III.

²⁹²) Областное дѣленiе и мѣстное управленiе Литовско-Русскаго государства, стр. 585, 586. См. Статутъ 1529, раздѣлъ I, арт. 15.

Первоначально не было никакой сортировки при внесении документовъ въ книги Литовской Метрики, и въ одну и ту же книгу вписывались въ перемежку разнородные документы: и привилеи на имѣнья, и дипломатическіе документы, и судебныя рѣшенія господаря и пановъ рады и т. д. Книга состояла не при столѣ, завѣдывавшимъ дѣлопроизводствомъ извѣстнаго рода, а при писарѣ, который вносилъ въ нее копіи всевозможныхъ оффиціальныхъ бумагъ, выданныхъ при его посредствѣ отъ господаря и пановъ-рады или поступившихъ къ господарю въ бытность его при немъ ²⁹²). Этимъ и объясняется необыкновенное разнообразіе древнѣйшихъ книгъ Литовской Метрики. Позже, съ послѣднихъ лѣтъ великокняженія Сигизмунда стали дѣлаться нѣкоторыя попытки группировать документы по ихъ роду. Такимъ образомъ, стали составляться книги «справъ судебныхъ», книги посольствъ ²⁹³), сеймовыхъ «ухвалъ» ²⁹⁵), книги «листовъ поточныхъ», разсылавшихся во время Ливонской войны о мобилизаціи, сборѣ серебщины, къ гетманамъ и т. под. ²⁹⁴). Эта классификація документовъ по роду очевидно стояла въ связи съ нѣкоторою спеціализаціею и раздѣленіемъ труда самихъ писарей. Но такъ какъ эта спеціализація и раздѣленіе труда не проявились еще рѣзко, то и классификація документовъ не выдерживалась строго. Въ нѣкоторыхъ книгахъ «справы судебныя» являются среди привилеевъ на имѣнья и должности, универсаловъ о сеймовыхъ «ухвалахъ», отвѣтовъ сеймовымъ посламъ и разныхъ листовъ «поточныхъ» ²⁹⁷).

Всѣ исходившія отъ господаря и пановъ-рады бумаги а также и поступавшія къ нимъ переписывались въ книги Метрики для различныхъ справокъ по копіямъ и для возстановленія по нимъ актовъ въ случаѣ утраты подлинниковъ. Такимъ образомъ, напр., при приѣмѣ от-

²⁹²) На это прямо указывается въ нѣкоторыхъ книгахъ. Напр., книга V Записей въ началѣ содержитъ слѣдующее заявленіе: «Какъ господарь его милость великій князь Александръ сель на великомъ княжени Литовскомъ августа 1 дня индиктъ 10, розказывалъ мнѣ его милость листы судебныя и даннну свою писати писарю своему Федку Янушковичу. И я, што отъ того часу листовъ написалъ ажъ до тыхъ часовъ судебныхъ и данины его милости, то тыми разы въ тии книги вписываю».

²⁹³) Книга Публичныхъ дѣлъ II, а также книги Литовской Метрики, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностраныхъ дѣлъ.

²⁹⁵) Публичныхъ дѣлъ кн. IV и V.

²⁹⁶) Переписей Литовскихъ кн. VII; Публичныхъ дѣлъ VII, IX, X.

²⁹⁷) См., напр., книги Судныхъ дѣлъ XII, XLIV, LII, LIII.

чета отъ державцевъ и тивуновъ, которымъ пожалована была часть господарскихъ доходовъ сверхъ обычныхъ намѣстничьихъ, подскарбій земскій провѣрялъ заявленія державцы или тивуна по записямъ Метрики ²⁹⁸). На основаніи этихъ записей возстановленъ былъ и текстъ областного привилея Кіевской земли, подлинники котораго, выданные Казимиромъ, Александромъ и Сигизмундомъ и находившіеся у писаря Ивашка Горностая въ господарскомъ домѣ въ Берестѣ, сгорѣли во время бывшаго тамъ пожара ²⁹⁹). На основаніи этихъ же записей и частныя лица возстановляли выданные имъ документы, подлинники которыхъ у нихъ сгорѣли, подмокли или изъѣдены были мышами. Частныя указанія на это разсѣяны въ записяхъ различныхъ подтвержденій, внесенныхъ въ тѣ же книги Метрики ³⁰⁰).

Насколько можно судить по различнымъ указаніямъ, содержащимся въ документахъ Литовской Метрики, дѣлопроизводство государственной канцеляріи великаго княжества Литовскаго шло по извѣстному заведенному порядку. Находившійся въ данное время при господарѣ писарь или секретарь, т. е. тотъ же писарь, но умѣвшій писать по латини и по польски ³⁰¹), изготовлялъ тотъ или другой документъ по приказу самого господара ³⁰²) или канцлера ³⁰³), или кого-либо изъ

²⁹⁸) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 30.

²⁹⁹) Акты Зап. Рос. II, № 164.

³⁰⁰) Въ 1566 г. такимъ путемъ возстановилъ свой привилей на усадьбу въ Вильнѣ, на улицѣ Онтокольской, господарскій «юркгельтвникъ» Мальхеръ Граница «зе Спизжы и Кгермарку», у котораго этотъ привилей сгорѣлъ «пригодне» съ другими вещами. «А такъ мы, господарь,—читаемъ въ подтвердительномъ привилейѣ (отъ 3 марта 1566 г.),—делаючи ему въ томъ ласку нашу господарскую и казавши углянути у книги метрики канцлерей нашео, велели есмо оный листъ нашъ, перво сего ему на тотъ домъ его даный, съ книгъ канцлерей нашео вынемши, слово отъ слова въ сесь нашъ листъ уписати... (Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 658—660; XLIV, л. 107—109).

³⁰¹) *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 251—266.

³⁰²) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 3, 4, 25, 29, 33, 38, 48; Акты Зап. Рос. II, № 185; Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 76.

³⁰³) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 3, 16, 27, 32, 46; Акты Зап. Рос. I, № 64, 129, 130, 144, 146, 158; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 45, 47, 54, 57, 77, 177, 191, 206, 213, 214, 235, 244, 245, 277, 301, 318; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 21, 31.

остальныхъ пановъ радныхъ ³⁰⁴), уполномоченнаго на то господаремъ ³⁰⁵), а иногда даже и всѣхъ пановъ, находившихся при совершении акта ³⁰⁶). Со времени Сигизмунда писари и секретари при вступлении въ должность приносили присягу между прочимъ и въ томъ, что не будутъ писать никакихъ листовъ безъ приказанья канцлера или самого господаря ³⁰⁷). Документъ писарь составлялъ или на основаніи устныхъ сообщений лица, отдававшего приказъ, или на основаніи того, что самъ слышалъ, присутствуя въ радѣ господаря. Если документъ былъ составленъ писаремъ, на основаніи устнаго сообщенія кого-либо изъ пановъ радныхъ, писарь отмѣчалъ это стереотипною формулою: «правиль» такой-то, а писалъ такой-то ³⁰⁸); или: «справа» такого-то, писарь такой-то ³⁰⁹). Правиль или канцлеръ ³¹⁰), или кто-нибудь другой изъ пановъ радныхъ ³¹¹), или сразу нѣсколько лицъ ³¹²). Но очень часто

³⁰⁴) «А писати приказал панъ Станко Судивоевич, маршалъко». См. Документы Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 10. Срав. тамъ же, стр. 2, 4, 7, 17, 18, 29, 30, 52; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 18, 43, 71, 73, 129, 134, 168, 174, 185, 284, 286; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 43, 137.

³⁰⁵) Землю пустую въ Кременецкомъ повѣтѣ Березъ пожаловалъ Кузміъ Волошину самъ король. «а указал пану Довкшю розказати грамоту», которую и написалъ писарь Копоть. См. Документы Московскаго Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 30.

³⁰⁶) «Приказъ усих пановъ»; или «А при тыхъ же панех, а приказъ тыхъ же пановъ. Якубъ». См. тамъ же, стр. 42, 43, 51; срав. стр. 32.

³⁰⁷) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 156.

³⁰⁸) Въ записи о пожалованіи Казимиромъ пану Ивашку Вяжовичу 12 челоуѣкъ на Уздѣ читаемъ: «Правил панъ Михайло канцлер, а пис. Якубъ»; въ записи о пожалованіи нѣсколькимъ лицамъ крестьянъ въ Браславлѣ Подольскомъ читаемъ: «И всникъ тыхъ правил панъ Юрьша у Вильни о сойме». Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 43, 46.

³⁰⁹) Акты Зап. Рос. II, № 121, 122.

³¹⁰) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 83, 113, 115, 120, 124, 158, 166, 289, 308, 311; Акты Зап. Рос. II, № 17; Документы Московскаго Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 7, 26, 56.

³¹¹) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 121, 127, 130, 136, 137, 140, 211, 226, 229, 250, 389, 422; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 20, 42, 80, 96.

³¹²) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 125, 126, 141, 142, 160; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 34, 149; Документы Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 7, 24.

писари составляли документы на основаніи того, чему были сами свидѣтелями въ радѣ господарской. Какъ видно изъ различныхъ привилеевъ на писарство и секретарство, писари и секретари допускались «до таемницъ» рады господарской, но не постоянно, а когда господарь считалъ это возможнымъ, «водлѣ уподобанья» своего ³¹³). Объ этомъ же свидѣтельствуесть и самая формула присяги, которую они приносили при вступленіи въ должность, — быть вѣрными господарю «и вси рады его, которые бы колвекъ мне были допуцены або объявены, таемне заховати а жадному человѣку ихъ... не объявляти» ³¹⁴). Нѣкоторые секретари и писари, впрочемъ, какъ уже было сказано выше, имѣли постоянное мѣсто и голосъ въ радѣ господарской. Изготовленный документъ скрѣплялся приложеніемъ или большой, «маестатной», печати великаго княжества, находившейся у канцлера, или малой «сыгнетной» ³¹⁵), находившейся всегда при господарѣ, и подписью писаря, изрѣдка канцлера. Сигизмундъ, кромѣ того, многіе документы сталъ скрѣплять подписью своей господарской руки ³¹⁶). Послѣ скрѣпы документъ поступалъ къ тому же писарю, который вписывалъ его копію въ метрическую книгу. Эту работу онъ поручалъ большею частью уже своему дьяку ³¹⁷). Въ тѣхъ случаяхъ, когда при писарѣ не было

³¹³) Въ привилеѣ на секретарство, выданномъ пану Ивану Харитоновичу 28 февраля 1567 г., читаемъ: «А мы тежъ, господарь, во всякой учтивости пристойной его, яко присягаго и привилееванаго вранника нашего мети и до рады наше припускати и таемницъ нашихъ водле уподобанья нашего зверитися ему маемъ». Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 90, 91.

³¹⁴) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 156.

³¹⁵) Акты Зап. Рос. Ц, № 14.

³¹⁶) Акты Зап. Рос. Ц, № 106, 108, 109, 115, 118, 127, 136, 139, 160; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 145, 152, 154, 161, 166, 180, 181, 192, 196.

³¹⁷) Поэтому и въ книгахъ Метрики встрѣчаются такія помяты: «То справа пана Громычина жъ (писаря), которая почалася въ тые книги писати за *Митка* дьяка, лета Божего тысяча пятсотъ пятагонадесять месеца марта 13 дня, индиктъ 4. (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 101). Или: «Тые sprawy початы въ тыхъ книги быть записываны, будучы господарю и великому князю его милости Жикгимонту у Кракове, за пана Михайла писара, державцу Упитского. Лета Бож. Нарож. 1540 ица мар. 7 дня индиктъ 13». (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XC, л. 1). «Привѣтавши господарю королю и великому князю его милости Жикгимонту съ Кракова до здешнего панства своего князства великаго Литовскаго къ Вилни тые sprawy почалесе въ тую книгу быть записованы за пана Михайла писара, державцу Упитского» 1540 г. 10 іюля (тамъ же, л. 7). «По выеханью пана Михайла писара, державцы

метрической книги, онъ присылалъ всѣ изготовленные имъ документы въ канцелярію, гдѣ они и вписывались въ книгу по приложенному къ нимъ реестру²¹⁵⁾. Вообще по правилу писари должны были всѣ подлинники сдавать въ государственную канцелярію, откуда они и выдавались уже на руки просителямъ. Писарь Нарушевичъ, позволившій себѣ выдать пану Янушу Костевичу привилей на державу Ковенскую непосредственно, минуя канцелярію, по жалобѣ канцлера получилъ жестокую головомойку отъ короля Сигизмунда. Изъ листа короля, написаннаго по этому поводу Нарушевичу, узнаемъ отчасти и объ основаніяхъ указаннаго порядка. Подлинныя документы направлялись въ канцелярію для взысканія при ихъ выдачѣ съ просителей канцлерскаго дохода²¹⁶⁾. Кромѣ того, несомнѣнно имѣлась при этомъ въ виду

Упитского, зъ Вильни до Волини тые речы за росказаньемъ пана Горностая подскарбега справованы и вписываны *черезъ дьяка его Бенедыкта*. 1540 г. 20 окт. (тамъ же, л. 22). «Потомъ, кгда панъ Михайло писарь зъ Волиня до двора господарского zase приехалъ, тогда тые справы початы бытъ справованы». 1540 генваря 20 (тамъ же, л. 30).

²¹⁵⁾ Поэтому и въ книгахъ Метрики встрѣчаемся, напр., съ такими помятами: «Тые *листы*—справа пана Богушова Боговитиневича—уписаны зъ реестровъ Сопотковыхъ, которые Сопотко привезъ зъ Ляховъ». (Литов. Метр. кн. Запис. IX. л. 60). «Тотъ вырокъ короля его милости прислалъ до мене панъ Горностая, подскарбій земский, въ себе справивъши и подъ печатью господарскою, абы былъ уведень у книги господарские, который жо былъ справенъ тымъ обычаемъ, яко ниже описано». (Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79).

²¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 76. Безъ уплаты этой пошлины канцлеръ не выдавалъ документовъ не только частнымъ лицамъ, но и городамъ, какъ это видно изъ жалобы «посольства» мѣста Виленскаго на свое начальство, которое, проигравъ тяжбу съ этимъ «посольствомъ» у господаря, не хотѣло выкупать у канцлера «за посольские пенези местские» выданный по сему случаю всему мѣсту Виленскому привилей (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 51, 52). Въ этомъ порядкѣ сдачи подлинниковъ въ канцелярію надо искать объясненія нѣкоторыхъ особенностей книгъ Литовской Метрики. Сплошь и рядомъ документы повторяются въ одной книгѣ или въ двухъ и даже въ трехъ (см., напр., X и XI книги Записей). Очевидно одинъ и тотъ же документъ попадался два раза въ руки одному и тому же дьяку или по разу нѣсколькимъ дьякамъ и записывался ими въ книги нѣсколько разъ по ошибкѣ. Впрочемъ, это могло дѣлаться и по просьбѣ частныхъ лицъ, желавшихъ вѣрнѣе гарантировать себѣ и потомкамъ возможность возстановленія своихъ привилеевъ. Нѣкоторые документы въ подлинникахъ и копіяхъ писари сдавали, повидимому въ неготовомъ видѣ, безъ дать времени и мѣста, которыя отгибались позднѣе. Этимъ и объясняются хронологическія несообразности, встрѣчающіяся въ актахъ Метрики. Документъ, напр., писанъ въ Краковѣ, а помяченъ та-

и канцлерская провѣрка. Въ 1536 году писарь Горностай прислалъ въ канцелярію господарскій «вырокъ» по дѣлу между паномъ Патеємъ Тишковичемъ и паномъ Николаемъ Пацемъ «о показене границъ» имѣнья. Канцлеръ, осмотрѣвъ документъ, не нашелъ въ немъ подписи Горностая и доложилъ объ этомъ королю, указавъ, «же бы въ томъ вырокѣ» рука писарская была подписана. Король велѣлъ подписать вырокъ находившемуся при немъ писарю Михаилу ³²⁰⁾. По формулѣ присяги, установленной при Сигизмундѣ-Августѣ для канцлера и подканцлера, ни тотъ, ни другой не имѣли права выдавать пергаментовыхъ листовъ и мембранъ (бланокъ за подписью господара) безъ вѣдомости, воли и устнаго приказанья господара, не имѣли права выдавать никакихъ листовъ и бумажныхъ («паперевыхъ») ко вреду королю, великому княжеству и посполитымъ правамъ и вольностямъ и къ уменьшенію «достоинства, зацности и поваги» государя и государства ³²¹⁾.

Изъ приведенныхъ выше подробностей обнаруживается, что государственная канцелярія великаго княжества Литовскаго съ канцлеромъ во главѣ, со всѣмъ ея штатомъ секретарей, писарей ³²²⁾ и дья-

книъ числомъ, когда господарь тамъ уже не находился. Очевидно, что дата была проставлена впоследствии по памяти или же въ моментъ выдачи изъ канцеляріи подлинника.

³²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79.

³²¹⁾ Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VІІІ, л. 3.

³²²⁾ Писарей было довольно много. Они дѣлялись на *русскихъ и латинскихъ*; кромѣ того упоминаются и *писари татарскіе*, или *арабскіе*, для переписки съ восточными государями и перевода ихъ грамотъ (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 115, 116). Писарямъ такъ же, какъ и канцлеру, въ видѣ вознагражденія за службу давались «въ держанье» господарскіе дворы и волости, съ которыхъ они пользовались намѣстничьими доходами, такъ что писарь часто былъ въ то же время и державцею. (*Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 255—266). Кромѣ того, они имѣли и свои *писарскіе доходы* съ документовъ, которые они по просьбѣ частныхъ лицъ вносили въ книги Метрики, и съ «выписовъ», которые они давали со вписанныхъ уже документовъ (Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 6). По временамъ имъ давались «отправы», когда приходилось ѣхать съ господаремъ въ Польшу (Литов. Метр. кн. Запис. XLVІІ, л. 106, 107), или жаловались за службы небольшія суммы денегъ, сукна, шубы, хлѣбъ, лошади и т. под. Король Сигизмундъ-Августъ сталъ давать нѣкоторымъ изъ нихъ въ видѣ награды за службу ежегодное жалованье, или «юркельтъ», до живота. (Литов. Метр. кн. Запис. XLVІІІ, л. 383, 384; LI, л. 296). Въ секретари и писари попадали перѣдко отличившіеся *дьяки*, какъ, напр., при Сигизмундѣ-Августѣ Матеей Ивановичъ Протасовичъ, Иванъ Андреевичъ Харитоновичъ (кн. Судныхъ дѣлъ ІІІ, л. 90, 91, 205, 206). Дьяки

ковъ не была особымъ органомъ управленія, а состояла при господарѣ и радѣ, какъ вспомогательное, технически-исполнительное учрежденіе. Эта канцелярія была только канцеляріею и ничѣмъ инымъ, не походила, напр., на разрядъ, посольскій и помѣстный приказы Московскаго государства, которые также были отдѣленіями государственной канцеляріи при боярской думѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли и самостоятельную распорядительную и судебную власть.

Такимъ же вспомогательнымъ, технически-исполнительнымъ учрежденіемъ, былъ въ разсматриваемое время и *скарбъ* великаго княжества съ *подскарбіемъ земскимъ* во главѣ и его помощниками—*скарбными*.

Необходимо прежде всего замѣтить, что скарбъ въ разсматриваемое время соединенъ былъ самыми тѣсными узами съ государственною канцеляріею великаго княжества. Это были какъ бы два отдѣленія одного и того же учрежденія, состоявшаго при господарѣ и панахъ-радѣ. Скарбъ собственно былъ только хранилищемъ разныхъ цѣнностей, которыя стягивалъ господарь въ свое и пановъ-рады распоряженіе, для удовлетворенія «потребъ его милости государскихъ и земскихъ». Но письменное дѣлопроизводство по приходу и расходу государственныхъ суммъ велось писарями великокняжеской канцеляріи, къ числу которыхъ съ 1509 года принадлежалъ обыкновенно и самъ подскарбій земскій. За главнымъ же начальникомъ канцеляріи канцлеромъ, признавалась «повинность тыхъ доходовъ государскихъ и земскихъ стечечы»²²³). Для этой канцеляріи скарбъ былъ архивомъ, въ которомъ хранились ея документы и книги. До 1547 года въ скарбѣ сохранялись привилеи земскіе, выданные всему великому княжеству. На Виленскомъ сеймѣ, происходившемъ въ этомъ году, шляхта просила господаря для облегченія доступа къ этимъ привилеямъ хранить ихъ не въ скарбѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, подъ печатью пановъ-рады, и господарь изъявилъ свое согласіе, предоставивъ шляхтѣ створиться о подробностяхъ съ панами-радою²²⁴). Но по всѣмъ даннымъ, перемѣщеніе привилеевъ земскихъ въ другое мѣсто не состоялось. Этимъ, вѣроятно, объясняется просьба становъ Виленскаго сейма 1554 года, чтобы господарь приказалъ дословно переписать привилеи зем-

получали обыкновенно небольшое постоянное жалованье, «юркгельтъ», изъ скарба (кн. Судныхъ дѣлъ ЛП, л. 45, 46).

²²³) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 32.

²²⁴) Акты Зап. Рос. III, № 4, просьба 3.

скіе въ статутъ ³²⁵⁾. Формула присяги, которую при Сигизмундѣ-Августѣ приносили подскарбій земскій, выражала между прочимъ и обѣщаніе его сохранять въ числѣ другихъ цѣнностей и привилей великаго княжества ³²⁶⁾. Кромѣ привилеевъ земскихъ, въ скарбѣ сохранялись подлинники договоровъ съ иностранными государствами, разные другіе подлинныя акты, а также и книги Метрики, уже заполненныя записями ³²⁷⁾. Изъ формулы присяги, которую приносили подскарбій земскій, узнаемъ затѣмъ, что скарбъ былъ не только государственнымъ архивомъ, но и хранилищемъ государственныхъ регалій, «клейнотъ и оздобъ» великаго княжества, подъ которыми, вѣроятно, разумѣются шапка Гедимина, скипетръ или «ласка», мечъ, хоругвь земская и проч. Скарбъ былъ и главнымъ арсеналомъ, въ которомъ хранилось огнестрѣльное оружіе и боевые припасы—дела, гаковницы, салетра, свинець, аркебузы, формы желѣзныя для литья куль, сѣра» и т. д. ³²⁸⁾. Отсюда государь и пань-рада, по мѣрѣ надобности, рассылали орудія и боевые припасы на украинныя и другіе замки. Въслѣдствіе этого при скарбѣ состояли различные мастера, которые изготовляли для него «слесарскіе рѣчи» и т. под. ³²⁹⁾.

³²⁵⁾ Тамъ же, № 13, просьба 1.

³²⁶⁾ Эта формула внесена была въ книгу Литов. Метрики гораздо позднѣе, въ царствованіе Владислава IV. Литов. Метр. Публичныхъ дѣлъ VIII, л. 3.

³²⁷⁾ С. Л. Пташицкаю Описание книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 4, 5; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 465, 466.

³²⁸⁾ Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 138; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 33—35.

³²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 57, 58. При этомъ арсеналѣ позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, находился особый *оружничій*, получавшій жалованье изъ скарба. Его обязанности въ привилей, выданномъ (1 января 1568 года) на эту должность Андрею Матысу, опредѣляются такъ: „Tenebitur praefatus Andreas Matys armamentarii nostri Vilmensis., munitiones ac omnem suppellectilem atque apparatus ad armamentarium pertinentem fideliter custodire ac nil eorum negligere, quae ad officium armamentary spectare videntur. Tenebitur quosque proficisci in singulas et omnes expeditiones bellicas atque itinera quotiescunque id ei a nobis injunctum fuerit, ita tamen, ut in itinere pro tot equis atque famulis, quod ei a nobis concessi fuerint, solvatur ei tantum, quantum alijs ex thesauro nostro solui consuevit, qui in eo servitio apud tormenta nostra versantur. Debetit quoque et obligatus erit spatulas armamentarias, globos tormentarios quotquot iis opus erit et id ejusmodi alia sine villo pretio nobis conficere, saltem materiam resque necessarias ei operi nos ipsi dare atque praestare debemus. Insuper tenebitur semper in

Но главнымъ образомъ скарбъ былъ все таки государственнымъ казначействомъ, куда сдавались остатки всѣхъ государственныхъ доходовъ, не израсходованныхъ на мѣстѣ,—въ распоряженіе господаря и пановъ-рады, «на потребности господарскіе и земскіе». Кромѣ серебщины, собиравшейся экстренно, большею частью для военныхъ нуждъ, въ скарбъ поступали разнообразныя таможенныя пошлины (*sensus thelo-neogum*), «корчомные пенязи» (*sensus tabernacum*), судебныя пошлины («вины и пересуды») и разные другіе доходы³²⁰⁾, какъ то: дань, чинши, пенязи осадные, пенязи за проданный хлѣбъ съ господарскихъ гумень, за проданный скоть и животныя продукты съ господарскихъ «стаенъ», табуновъ и «оборъ»; пенязи, вырученныя отъ распродажи или заимъ натуральныхъ сборовъ съ господарскихъ крестьянъ и мѣщанъ (дякла, мезлевы и т. д.), отъ сдачи въ аренду разныхъ хозяйственныхъ статей, какъ напр., лѣсныхъ «куповъ» или «будъ» (производства смолы, дегтя, клепокъ и поташа), «рыбныхъ озеръ³²¹⁾, доходы съ «мынцы», т. е. монетнаго двора³²²⁾. Короче сказать: въ скарбъ земскій въ разсматриваемое время шли всевозможныя доходы, которые только получалъ литовско-русскій государь на свои и государственныя надобности. Высказывая это утверженіе, мы сильно расходимся съ тѣмъ, что высказалъ по этому поводу покойный С. А. Бершадскій въ своей статьѣ «Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій Великаго княжества Литовскаго». По словамъ г. Бершадскаго, тѣ доходы съ господарскихъ дворовъ и волостей, какіе собирались и частными владѣльцами въ своихъ имѣньяхъ, собирались не въ земскій скарбъ, а въ

armamentario famulum vnum expensis suis proprijs alere, qui opera et seruitio nostro facienda esse videbuntur“. (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VIII, л. 47, 48).

³²⁰⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 64

³²¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 12, 23; Акты Зап. Рос. II, № 159; III, № 19; Архивъ Юго-Зап. Рос. часть VI, т. I, № VII.

³²²⁾ Мѣщанинъ Краковскій Ульрихъ Гоца биялъ монету въ Вильнѣ съ 9 февраля 1509 г. по 24 августа 1510 г. «И положилъ передъ нами,—читаемъ въ записи Метрики,—на личбѣ, ижъ въ тые годы далъ ему подскарбій нашъ земскій панъ Аврамъ Езофовичъ серебра до мынцы тринадцать тисечей гривенъ и шестьсотъ гривенъ и девятнадцать гривенъ и дванадцать лотовъ и квинтъ о пенязь. И выивши тое серебро все, и далъ прибитка съ того дванадцать тисечей золотыхъ, личачи золотыя по полукопѣ грошей, до скарбу нашего въ руки подскарбеу жъ пану Авраму кромѣ того, што на работники выдалъ и на вишни всякия обыходы тое-то мынцы наше». Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 114.

дворный, находившійся въ завѣдыванъ подскарбія дворнаго, считались не государственными, а собственными господарскими доходами. Этому противорѣчатъ и факты, и прямыя заявленія источниковъ. Въ запискахъ Литовской Метрики разсматриваемаго времени можно найти множество примѣровъ расходованія на государственныя нужды тѣхъ статей, которыя по классификаціи г. Бершадскаго были собственными господарскими доходами. Въ видѣ жалованья за службу урядникамъ, дворянамъ и разнымъ лицамъ раздавались, напр., жита, овсы, сѣна дякольные, лошади и жеребята съ господарскихъ дворовъ ³³³); для «великихъ а пильныхъ потребъ земскихъ», на уплату жалованья наемнымъ солдатамъ, заставлялись господарскіе дворы не только съ государственными, но и вотчинными доходами господара ³³⁴). Съ господарскихъ дворовъ отправлялся на «оспичованье» украинскихъ замковъ дякольный хлѣбъ и т. д. ³³⁵). Устава на волоки, выданная при Сигизмундѣ-Августѣ прямо заявляетъ, что всѣ пожитки съ господарскихъ дворовъ шли въ скарбъ земскій ³³⁶). Самъ Бершадскій долженъ былъ ограничить свое сужденіе въ томъ смыслѣ, что принципъ раздѣленія государственныхъ и господарскихъ доходовъ въ началѣ XVI вѣка не проводился съ безусловною послѣдовательностью ³³⁷). Съ своей стороны мы должны заявить, что этого раздѣленія въ то время вовсе не было, не замѣтно даже и «тенденціи къ ихъ разграниченію», вопреки утверженію г. Довнаръ-Запольскаго ³³⁸). Эта тенденція стала обнаруживаться только при Сигизмундѣ-Августѣ. Когда Ливонская война стала поглощать всѣ средства земскаго скарба, и господарю нечѣмъ стало содержать себя и свой дворъ, Сигизмундъ-Августъ въ отношеніи «спадковыхъ» имѣній, доставшихся ему по смерти частныхъ владѣльцевъ, сталъ приравнивать себя къ остальнымъ землевладѣльцамъ великаго княжества. Такія имѣнія стали считаться не столовыми господарскими, а личными, «власной особе его королевской милости надлежащими». Съ такихъ имѣній вотчинные доходы и стали идти непосредственно въ скарбъ дворный, минуя скарбъ земскій, прямо въ руки

³³³) Акты Литовско Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15.

³³⁴) Тамъ же, № 147, 163; Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, прил. № 25—29, 33.

³³⁵) См. выше, стр. 221, 234, 262, 272; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 197.

³³⁶) Акты Зап. Рос. III, стр. 82.

³³⁷) Кіевская Старина за 1888 г., № II, стр. 236—241.

³³⁸) Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 3.

подскарбія дворнаго. До этого же времени скарбъ дворный черпалъ свои средства на личные расходы господара изъ средствъ того же земскаго скарба ³³⁹), и подскарбій дворный вель только отчетность по этимъ поступленіямъ общегосударственныхъ средствъ на нужды двора, или расходамъ земскаго скарба, былъ въ этомъ отношеніи простымъ помощникомъ подскарбія земскаго, котораго онъ и замѣщалъ собою въ его отсутствіе ³⁴⁰).

Какъ уже было сказано выше, въ скарбъ приливали только остатки государственныхъ доходовъ, не израсходованныхъ на мѣстѣ. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ разсматриваемое время практиковался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ способъ уплаты жалованья и разныхъ казенныхъ долговъ путемъ выдачи ассигновокъ, или «квитовъ», на мѣстныя кассы, по соображенію съ удобствами жалуемаго лица или кредитора и по соображенію со средствами, которыми располагали мѣстныя кассы. Такіе «квиты» выдавались на старость, державцевъ и тивуновъ господарскихъ дворовъ и волостей, на казначеевъ (въ Смоленскѣ и Брянскѣ), на ключниковъ, городничихъ, арендаторовъ разныхъ мытъ и корчомъ или на лицъ, державшихъ мыта и корчмы «къ вѣрной

³³⁹) Великій князь Александръ на мытныя пенязи Кіевскіе покупалъ между прочимъ у кафинскихъ купцовъ «перла, шолки, тафты, ковры, чомлоты» для великой княгини. Изъ этихъ же мытныхъ пенязей оплачивались «квитацен», выданныя разнымъ лицамъ, упоминки Перекопскому царю и его посламъ, пушкари Кіевского замка и «городовые речи». Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 64.

³⁴⁰) Такъ было въ Польшѣ. Конституція Петровскаго сейма 1504 г. называетъ подскарбія дворнаго прямо *vicethesaurarius Regni, tanquam thesaurogum Curiae secretarius* (Volumina legum 1, 136). Такъ какъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ центральные уряды земскіе и дворные заводились по польскому образцу, надо полагать, что и здѣсь подскарбій дворный значилъ то же, что и въ Польшѣ. Это подтверждается и фактами. Подскарбій дворный Станиславъ Влошекъ въ маѣ 1561 года, когда мѣсто подскарбія земскаго оставалось вакантнымъ, является завѣдующимъ земскимъ скарбомъ, принимаетъ въ скарбъ земскій листы пана Миколая Юрьевича Радивила на имѣнье Роконтишки, которое панъ «спустилъ» королю, и выдаетъ передавшему эти листы пану Остафью Воловичу «квитъ» въ полученіи (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 465, 466). Въ роля завѣдующаго скарбомъ земскимъ выступаетъ Влошекъ и ранѣе того, въ 1559 г., когда также не было подскарбія земскаго: король извѣщаетъ его и писаря Маковецкаго о томъ, что хлѣбъ съ господарскихъ гуменъ, отправленный бывшимъ старостою Бранскимъ и Саражскимъ Сеньковскимъ, дошелъ по назначенію и не подлежитъ взыскаю съ этого старосты (Тамъ же, л. 232).

руцѣ». Въ этихъ квиткахъ содержались приказы названнымъ урядникамъ и арендаторамъ о выдачѣ известному лицу жалованья или о заплатѣ ему казеннаго долга изъ тѣхъ средствъ, какія были въ ихъ распоряженіи: съ «винъ», т. е. судебныхъ пошлинъ (у старостъ, державцевъ и тивуновъ), съ «ключа» (у ключниковъ), съ «дякла» (у городничихъ), съ мытныхъ и корчомныхъ пенязей и т. д. Такъ какъ господарскіе доходы мѣстными урядниками и арендаторами собирались не только деньгами, или «готовизною», но и натурою—хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ (дякло), медомъ и мѣхами (дань), воскомъ, солью, сукнами (мыто), то и ассигновки писались не только на деньги, но и на эти натуральныя статьи: на известное число бочекъ жита или овса, на известное число возовъ сѣна, на шубы, на то или другое количество меду и соли, на сукна и т. д. Всѣ эти выдачи опредѣлялись господаремъ лично или по совѣту съ панами радою, а «квиты» изготовлялись и выдавались писарями государственной канцеляріи великаго княжества. Каждый писарь велъ реестръ «квитамъ», выданнымъ при его посредствѣ³⁴¹⁾, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія, а иногда, когда этотъ реестръ становился значительнымъ, чтобы возстановить его въ случаѣ утраты, приказывалъ своему дяку переписать его въ книгу Метрики. Поэтому среди записей разнообразныхъ документовъ въ книгахъ Метрики встрѣчаемъ и копіи этихъ реестровъ³⁴²⁾.

³⁴¹⁾ Поэтому и въ реестрахъ господарскихъ «отправъ» встрѣчаемъ такія пошты: «При Богуши писари на квитацияхъ почато давати у Смоленску княжатоу, панятоу Волинскимъ съ соленыхъ пенязей Луцкихъ месеца сентебря 8 индиктъ 12» (1508 г.). Или: «Отправка, давана маршалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопогою, княземъ и паномъ, и дворяномъ лета Божьего 1509 месеца февраля 18 день, индиктъ 12, какъ король его милость ехалъ зъ Литвы до Польски» (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 426, 431).

³⁴²⁾ «Федковъ реестръ» квитовъ, выданныхъ въ разное время Казимиромъ, заполняетъ большую половину книги Записей № IV (часть его напечатана г. Довнаръ-Запольскимъ въ Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15). Такіе же реестры попадаются и въ книгахъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, напр., «отправы» короля Сигизмунда князьямъ, панамъ, дворянамъ «и всимъ землямъ» великаго княжества въ промежуткѣ времени отъ 1506 г. по 7 ноября 1511 г. записаны въ VIII книгѣ Записей (л. 413—416). Сравнительно небольшое число этихъ реестровъ въ книгахъ Метрики объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что не всѣ реестры «отправъ» вносились въ книги Метрики, а оставались въ особыхъ тетрадахъ, которые и уничтожались по мнваніи въ нихъ надобности, т. е. послѣ принятія отчета отъ тѣхъ, на кого выданы были квиты.

Квиты, оплаченные мѣстными урядниками и арендаторами господарскихъ доходовъ, предъявлялись ими при сдачѣ отчета въ доходахъ и расходахъ и остаточныхъ суммъ въ скарбъ земскій великаго княжества³⁴³). Но кто принималъ эти отчеты отъ мѣстныхъ финансовыхъ агентовъ? Естественно ожидать, что это было дѣло земскаго подскарбія великаго княжества. На самомъ дѣлѣ въ рассматриваемое время было не такъ. Подскарбіемъ земскімъ принималъ только участіе, и притомъ сравнительно ограниченное, какъ одинъ изъ нѣсколькихъ контролеровъ, въ учетѣ мѣстныхъ финансовыхъ агентовъ. Этотъ учетъ производилъ прежде всего самъ господарь одинъ или съ панами-радою. Такимъ образомъ, король Казимиръ 20 мая 1489 года въ Краковѣ «бралъ личбу» у мытниковъ Кіевскихъ и Путивльскихъ, при чемъ не только ничего не получилъ отъ нихъ, но и остался долженъ 324 копы³⁴⁴). Великій князь Александръ въ бытность свою въ Берестѣ въ 1497 году дѣлалъ «личбу» съ ключникомъ Берестейскимъ Левкомъ Боговитиновичемъ и Немирою, «што держали отъ его милости мыто Берестейское къ верной руке»³⁴⁵). Онъ же принималъ «личбу» отъ ключника и мытниковъ Кіевскихъ, державшихъ мыто «къ верной руке», въ Вильнѣ 2 мая 1499 г. и выдалъ имъ «квитацію», по которой признавалъ себя должникомъ ихъ въ суммѣ 10 копъ 16 грошей³⁴⁶); 9 іюля того же года Александръ принималъ личбу отъ маршалка Литавора Хребтовича «зъ минцы» и выдалъ ему «квитацію»³⁴⁷); 7 іюня 1508 года въ Слупѣ принималъ «личбу» отъ арендатора мыта Луцкаго Никеля Прокоповича и выдалъ ему «квитацію» въ удостовѣреніе, что остался ему долженъ 41½ копу грошей³⁴⁸); 28 іюня того же года принималъ отчетъ отъ лентвойта Полоцкаго Якуба Кезмарковича въ израсходованіи той суммы, которую лентвойтъ собиралъ на господаря съ мѣста Полоцкаго, по 400 копъ грошей въ годъ, и выдалъ соотвѣтствующую «квитацію»³⁴⁹). Король Сигизмундъ 26 іюня 1508 года въ Минскѣ считался съ откупщикомъ Ковенской соляной коморы Авраомомъ Езофовичемъ въ деньгахъ, которыя у него побрали

³⁴³) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 60.

³⁴⁴) С. А. Бершадская Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 22.

³⁴⁵) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 52.

³⁴⁶) Тамъ же, № 64.

³⁴⁷) Тамъ же, № 67.

³⁴⁸) Тамъ же, № 89.

³⁴⁹) Тамъ же, № 90.

паны-рада въ отсутствіе господаря «для господарское великое потребности и земское»³⁵⁰); 29 іюня 1509 года въ Краковѣ король принималъ «личбу» отъ того же Аврама Езофовича въ израсходованіи пенязей съ корчомъ Смоленскихъ³⁵¹); 27 марта 1513 года въ Вильнѣ Сигизмундъ дѣлалъ «личбу» съ восковничими Берестейскими Данькомъ и Михелемъ Ребичковичемъ, которые держали отъ него «къ вѣрной рудѣ» восковую и соляную комору въ Берестѣ, и выдалъ имъ квитацію, удостовѣряющую, что за выдачею ими денегъ «на послы и на квитаціи и на иншіи потребности» король остался имъ долженъ 1068 копей и 24 гроша, каковую сумму они имѣютъ выбрать съ мыта Берестейскаго на будущіе годы³⁵²). Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ король принималъ отчетъ единолично, въ присутствіи только писаря, который записывалъ въ книгу Метрики результатъ «личбы» или копію той «квитаціи», которую онъ выдавалъ лицу, представлявшему отчетъ, подъ печатью господарскою. Но иногда король принималъ «личбу» совмѣстно съ панами-радою, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось учитывать расходы, сдѣланные по приказанію пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., въ 1528 году 25 октября въ Вильнѣ Сигизмундъ вмѣстѣ съ панами-радою принималъ отчетъ отъ Андрея Прокоповича и Огрона Нахимовича въ приходахъ съ коморы восковой и соляной Ковенской и въ расходахъ, сдѣланныхъ на «потребы» земскія по приказанью господаря или пановъ-рады, и выдалъ имъ соответствующую квитацію³⁵³).

Сплошь и рядомъ, однако, господарь поручалъ сведеніе счетовъ съ мѣстными агентами разнымъ лицамъ, и между ними *иногда и подскарбію земскому*. Такимъ образомъ, напр., подскарбій Андрей и писарь Ивашко Владыка 12 ноября 1494 года учитывали откупщика мыта Смоленскаго; 7 февраля 1495 года—ключника Кіевскаго Сенька Полозовича и его товарища, завѣдывавшихъ Кіевскимъ мытомъ, и одного Сенька Полозовича съ ключа Кіевскаго. Тѣ же лица 2 апрѣля 1495 года принимали «личбу» отъ ключника Берестейскаго «з восковыхъ грошей, што ему дано на воскъ»; 6 мая—отъ дьяка Зенька съ «чижового» Ковенскаго; того же числа—отъ городничія Троцкаго³⁵⁴),

³⁵⁰) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 110.

³⁵¹) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, томъ I. № 56. См. еще для 1509 г. Акты Южн. и Зап. Рос. II. № 94—96.

³⁵²) Документы и регесты, т. I. № 81.

³⁵³) Тамъ же, № 126.

³⁵⁴) Литов. Метр. кв. Запис. VI. л. 165; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 26—28.

Но въ 1496 году 20 августа ключникъ Кіевскій Сенько Полозовичъ представлялъ отчетъ о приходахъ и расходахъ ключа Кіевскаго одному уже *писарю* Ивашкѣ Владыкѣ, который результатъ отчета и внесъ въ книгу Метрики съ помѣтою: «Ключникъ Кіевскій Сенько Полозовичъ делалъ личбу мне, Ивашку Владыце»³⁵⁵). Въ томъ же году 27 сентября великій князь приказалъ принять «личбу» отъ мытниковъ Минскихъ Евлашка и Ѳедора *маршалку* Григорію Остиковичу и писарю Ивашкѣ Владыкѣ³⁵⁶). Въ слѣдующемъ 1497 году «личбу» отъ Сенюты и войта Владимірскаго Ѳедора Лудовича въ израсходованіи Владимірскаго мыта, капщивныхъ (корчомныхъ) пенязей, верховщины и «циншовыхъ» Литовижскихъ пенязей принималъ одинъ *писарь* Ѳедко³⁵⁷). Въ томъ же году отчетъ отъ Кіевскаго ключника и мытниковъ Кіевскихъ брали *маршалокъ* Литаворъ Хребтовичъ и писарь Ѳедко³⁵⁸). Въ 1503 году 24 марта государь приказалъ у мытника Луцкаго Лерина Гереша «личбу взяти маршалку своему князю Михайлу и писарю своему Янушу»³⁵⁹). Въ слѣдующемъ 1504 году маршалокъ кн. Михайло, писарь Ивалко Сопега и *подскарбій* (дворный) Ивашко усчитывали того же мытника Луцкаго, «што давалъ въ тьи два годы княземъ, паномъ, двораномъ, земяномъ, капланомъ, пушкаремъ, роботникомъ»³⁶⁰). При Сигизмундѣ въ 1507 году подобный же отчетъ отъ восковничихъ Полоцкихъ принимали *маршалокъ* Иванъ Сопега и *подскарбій* (земскій) панъ Ѳедко³⁶¹). Въ 1521 году Сигизмундъ поручалъ принять личбу отъ мытника Михеля Шписа съ коморы восковой и соляной въ Луцкѣ и Владиміръ *подскарбію дворному* Ивану Андреевичу и *маршалку и писарю* Коцтю³⁶²) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что подскарбій земскій иногда усчитывалъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ доходовъ, но не въ силу своей должности, а въ силу спеціальнаго порученія государя. Непремѣннымъ членомъ такихъ комиссій былъ одинъ изъ писарей великокняжеской канцеляріи, который результатъ провѣрки вписывалъ «на память» въ книгу Метрики.

³⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 170.

³⁵⁶) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 78.

³⁵⁷) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 53.

³⁵⁸) Тамъ же, № 54.

³⁵⁹) Тамъ же, № 79.

³⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 180.

³⁶¹) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 98.

³⁶²) Тамъ же, № 151. Срав. № 153.

До сихъ поръ рѣчь шла большею частью о мытникахъ, ключникахъ, городничихъ и войтахъ мѣстъ. Но то же самое наблюдаемъ и въ отношеніи другихъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ податей. Въ числѣ этихъ агентовъ были между прочимъ *старцы* Задвинскихъ и Поднѣпрскихъ волостей, населенныхъ данниками и платившихъ дань въ опредѣленной суммѣ, по «розметамъ» и «розрубамъ» между своими членами. Отъ этихъ старцевъ принимали дань и считывали ихъ писари великокняжеской канцеляріи. Такимъ образомъ, напр., въ 1496 году въ бытность свою въ Берштахъ великій князь Александръ приказалъ писарю Ивашку Яцковичу побрать дань съ волостей Задвинскихъ, которую, очевидно, принесли господарю старцы этихъ волостей (и отчасти прислалъ дьякъ Зенько). Писарь принялъ и по приказанью господаря записалъ въ книгу Метрики. Часть собранной дани «готовизною» и мѣхами писарь отослалъ въ скарбъ, а часть израсходовалъ по приказамъ короля ³⁶³). Въ томъ же году въ Трокахъ дань отъ намѣстниковъ и старцевъ Поднѣпрскихъ волостей принималъ деньгами и куницами писарь Ѳедко, который и записалъ въ книгу Метрики приходъ и расходъ этой дани и остатокъ куницами, который онъ сдалъ подскарбію (дворному) Ѳедку ³⁶⁴). Въ тѣхъ случаяхъ, когда дань приносилась не сполна, тѣ же писари великокняжеской канцеляріи посылались господаремъ «править недополнковъ» ³⁶⁵). По исполненіи своей миссіи писари отдавали отчетъ передъ комиссіей, которую назначалъ господарь, и въ составъ которой далеко не всегда входилъ подскарбій земскій, принимавшій отъ нихъ деньги, бобры и куницы ³⁶⁶).

³⁶³) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 38.

³⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 376, 377.

³⁶⁵) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 342, 343; прил. № 10, 12, 16, 51; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 92.

³⁶⁶) «Панъ Копоть Васильевичъ, писарь господара короля его милости, выдалъ личбу передъ паномъ Ивановъ *подскарбеэмъ (двортмлэмъ)* и передъ паномъ Ивановъ Сопегою зъ доходовъ, которые жъ бралъ на волостехъ его милости Поднѣпрскихъ зъ недополнковъ зъ дани грошовое и медовое, и бобровъ, и съ куницъ, што до подскарбего земского пана Ѳедка Хребтовича готовизною далъ и на квитациахъ роздалъ, а иное до господара привезъ: тисеча копъ безъ пятидесяти копъ грошей и безъ полупята копы; а бобровъ карихъ до подскарбего жъ земского далъ семьдесятъ и одинъ, а чорныхъ бобровъ пять, а куницъ шерстью сто и девятнадцать; а до ключа Виленского выгналъ дани медовое сорокъ уставовъ, а до ключа Троцкого сто колодь безъ четырехъ колодь меду. И на то на все вызнанье отъ пана подскарбего и отъ ключниковъ и квитациахъ на личбе положилъ и со всего съ

Что касается старость, державцевъ и тивуновъ, которые были также сборщиками доходовъ, поступавшихъ въ своихъ остаткахъ въ скарбъ, то и этихъ агентовъ учитывалъ не подскарбій земскій. Это дѣло выполняли паны радные, которыхъ государь разсылалъ для отобранія отъ старость и державцевъ своихъ доходовъ и взысканія недоимковъ³⁶⁷⁾, отчасти писари, великокняжеской канцеляріи, которыхъ государь разсылалъ «пописывать и устанавливать пожитки своихъ дворовъ»³⁶⁸⁾, маршалокъ дворный и, наконецъ, постоянныя комиссіи, образованныя по уставѣ 1529 года и состоявшія: изъ воеводы, въ воеводствѣ котораго находились староства и державы, маршалка дворнаго и подскарбія земскаго³⁶⁹⁾.

Если подскарбій земскій даже не учитывалъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ доходовъ великаго княжества, тѣмъ менѣе могъ онъ оказывать какое-либо вліяніе на ихъ выборъ и назначеніе. Это дѣло въ разсматриваемое время выполнялось государемъ и отчасти панами-радою. На должности старость, державцевъ и тивуновъ, городничихъ, ключниковъ, конюшихъ и др. назначалъ государь частью по единоличному усмотрѣнію, частью по совѣщанію съ панами-радою, частью по представленію отдѣльныхъ пановъ радныхъ (воеводъ). На должности мытниковъ, которые собирали дань «къ верной руке», назначалъ также самъ государь; онъ же сдавалъ въ аренду мыта, корчмы, «мынцу», «купы» или «буды» въ лѣсахъ, рыбныя озера и разныя другія хозяйственныя статьи³⁷⁰⁾, избиралъ агентовъ по продажѣ своихъ товаровъ³⁷¹⁾ и т. д. Точно также государь назначалъ

того личбу выдалъ» (1508 г.). Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 102; Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 91.

³⁶⁷⁾ См. земскій привилей в. кн. Александра 1492 г.

³⁶⁸⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, прилож. № 23.

³⁶⁹⁾ Тамъ же, прилож. № 49.

³⁷⁰⁾ Многочисленные примѣры этихъ назначеній и сдачъ въ аренду см. въ «Актахъ Южной и Западной Россіи», т. II, «Документахъ и регестахъ по исторіи литовскихъ евреевъ», т. I, а также въ «Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.)»; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19—35; V, л. 326, 327; VI, л. 163—185; 263—290; VIII, л. 84—118; XIV, л. 15—16, 28, 204—205; XV, л. 163—168; XVII, л. 130—131, 137—139, 139—141, 344—345; XIX, л. 191—192; XXIV, л. 127; XXV, л. 128, 129; XXVIII, л. 74, 75, 79; Судныхъ дѣлъ IV, л. 10—11, 24, 118, 123—124, 143—144, 183, 332; VIII, л. 209, 210.

³⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 135.

и тѣхъ агентовъ, на которыхъ возлагалась обязанность не только собирать, но и находить господарскіе «пожитки», устанавливать ихъ вновь. Таковы были писари, которые по уставѣ 1529 г. стали назначаться для отдѣльныхъ областей: для дворовъ и волостей Виленскаго повѣта и Троцкаго, для Жмудской земли, для Поднѣпрскихъ волостей ³⁷²). Письменное дѣлопроизводство по этимъ назначеніямъ велось писарями великокняжеской канцеляріи, которые изготовляли привилеи на указанныя выше должности, а также и арендные листы, и вносили ихъ въ книги Метрики.

Всѣ мѣстные агенты по сбору государственныхъ доходовъ, назначаемые господаремъ при участіи пановъ-рады, и подчинялись непосредственно господарю и панамъ-радѣ. Мы уже видѣли, что распоряженія о выдачѣ разнымъ лицамъ находившихся въ ихъ распоряженіи государственныхъ цѣнностей они получали отъ господаря или пановъ-рады; господарю и панамъ-радѣ или назначеннымъ отъ нихъ комиссарамъ они сдавали отчетъ по приему и выдачѣ государственныхъ доходовъ. Господарю и панамъ-радѣ всѣ эти лица были и подсудны по должностнымъ упущеніямъ и злоупотребленіямъ. Старосты, державцы и тивуны, заявившіе себя «шкодниками» и «роспрошителями» господарскихъ «пожитковъ», судились господаремъ и лишались своихъ мѣсть по приговору пановъ-рады ³⁷³); арендаторы мытъ, корчомъ и другихъ доходныхъ статей, собиравшіе доходы не по уставѣ, по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ судились господаремъ единолично ³⁷⁴) или съ панами-радою ³⁷⁵), или, наконецъ, одними панами-радою «по комиссен» отъ господаря ³⁷⁶). Когда должность подскарбія земскаго получилъ (въ 1530 г.) писарь Ивашко Горностай, Сигизмундъ по особому довѣрію къ его уму распорядительности и радѣнію о государственныхъ интересахъ, сталъ поручать ему судъ надъ арендаторами государственныхъ доходовъ въ свое отсутствіе ³⁷⁷) и выдачу на нихъ кви-

³⁷²) Акты Зап. Рос. П, № 149, П: Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 540—542; XXI, л. 1, 2, 81, 82; Судныхъ дѣлъ IV, л. 295, 311, 333, 339—340, 346—347.

³⁷³) См. земскіе привилеи 1492 и 1506 г.

³⁷⁴) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, томъ I, № 14, 47, 53, 81, 108, 109; Акты Южн. и Зап. Рос. П, № 81, 93.

³⁷⁵) Документы и регесты т. I, № 130.

³⁷⁶) Тамъ же, № 134, 135.

³⁷⁷) Тамъ же, № 142.

товъ 378). Поэтому и въ арендныхъ листахъ короля стало содержаться предписаніе мытникамъ, чтобы они были послушны пану подскарбію 379) и выдавали деньги на квитанціи за его подписью 380). Но это подчиненіе продолжалось сравнительно не долго: въ концѣ 1536 года Сигизмундъ отдалъ всѣ мытныя коморы въ завѣдыванье женѣ своей, королевѣ Бонѣ, а та съ своей стороны пораздала ихъ дворянамъ «къ верной руще» 381). Эти агенты королевы Боны, разумѣется, уже подчинялись непосредственно ей, а не подскарбію земскому великаго княжества.

Подведя итогъ всему, что сказано выше, приходимъ къ заключенію, что въ рассматриваемое время, помимо господаря и пановъ-рады, не создано еще никакого другого постоянного органа для центрального управленія финансовою частью Литовско-Русскаго государства. Подскарбій земскій въ рассматриваемое время не былъ министромъ финансовъ, а только главнымъ казначеемъ при центральной государственной кассѣ, куда поступали изъ мѣстныхъ кассъ всѣ средства, не израсходованныя на мѣстѣ. Его функціи состояли въ приѣмѣ этихъ остатковъ, въ выдачѣ ихъ по приказанью господаря или пановъ-рады и веденію кассовой отчетности. Подскарбій, принимая деньги или вещи, выдавалъ лицу, доставившему ихъ, росписку или «вызнанье» въ полученіи, которое тѣмъ и предъявлялось при сдачѣ отчета господарю или лицамъ, на то уполномоченнымъ отъ господаря. Выдачи изъ скарба денегъ и вещей подскарбій производилъ или «на устное розказанье» господаря или пановъ-рады, но чаще всего на «листы» и «квиты», взятые получателемъ отъ великокняжескихъ писарей. Реестръ сдѣланнымъ расходамъ вмѣстѣ съ листами и квитами подскарбій предъявлялъ при сдачѣ «личбы» господарю и панамъ-радѣ, какъ оправдательные документы, при чемъ писарь результатъ личбы вносилъ въ книгу Метрики 382). Кассовыя вѣдомости скарба велъ особый *скарбный писарь*,

378) Тамъ же, № 82.

379) Тамъ же, № 141.

380) Тамъ же, № 142.

381) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 12—14.

382) «Какъ вжо мы сели господаремъ на великомъ князьствѣ Литовскомъ,—гласить запись Сигизмунда—отъ 4 января 1508 г.,—ино отъ тыхъ мѣсть и до сихъ часовъ, што пришло до него до скарбу нашего (до подскарбія Ѳедка Хреbtовича) пенязей восковыхъ, соляныхъ, серебряныхъ и иныхъ, со всего съ того опъ намъ личбу выдавши, и назвышъ того положилъ передъ нами на личбе, што бралъ въ долгъ на свои руки зъ нашего розказанья и на погребъ тела брата нашего

всегда находившійся при скарбѣ. Такимъ писаремъ былъ, напр., при Сигизмундѣ Мановскій Ѳеодоровичъ, «справца коморы восковое Виленское». Писаремъ скарбнымъ его опредѣлили подскарбій Богущъ Боговитиновичъ и поручилъ ему «яко приходы, такъ и росходы скарбу... на регистра записывати». Мановскій оставался въ должности писаря скарбнаго и справцы коморы Виленской и при преемникѣ Богуша—Горностаѣ, при чемъ за свой трудъ получалъ изъ скарба «врочистый

Александра короля и великого князя его милости и тежъ ку потребе земской готовыми пенязми и оксамиты, отласы и одамашки и сукны и иными речми, того всего набралъ за тисечу копъ безъ тридцати и безъ трехъ копъ грошей». (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 97, 98). 20 октября 1511 г. король съ панами радою на сеймѣ въ Берестѣ принималъ личбу отъ подскарбія земского Аврама «у великой свѣтлицы». Результатъ личбы: «И онъ вси тые пенези до того дня, до светого Франтишка, роздалъ *на листы и на устное росказанье* нашо княземъ и паномъ, и служебнымъ, и дворяномъ нашомъ и на иные потребности наши; и назвышь того остави есмо ещо ему винни семь тисечъ копъ грошей и двадцать копъ грошей». Деньги получались подскарбіемъ съ «мыщы» и мытныхъ коморъ восковыхъ и соляныхъ: Ковенской, Виленской, Полоцкой, Смоленской, Берестейской, Владимірской, Бѣльской, а также съ корчомъ и другихъ источниковъ (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 116). 20 мая 1535 года подскарбій земскій Иванъ Горностаѣ сдавалъ господарю отчетъ въ израсходованіи серебрянныхъ пенязей, собранныхъ бирчию земскими паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ и писаремъ Павломъ Нарушевичемъ на основаніи «ухвалы» Виленскаго сейма 1534 г. и переданныхъ ими подскарбію въ сумѣ 26345 копъ грошей. «Гдѣ жъ онъ,—гласитъ запись Метрики,—съ тыхъ всихъ пенязей, што кому выдалъ на росказанье нашо яко на дворянъ пенязныхъ и на служебныхъ жолнерей и на иныи многии росходы, што *въ реестрехъ* своихъ ясьне оказалъ, и водле тыхъ реестровъ своихъ личбу онымъ пеняземъ всимъ... передъ нами вчынилъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200). См. Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 189; Акты Зап. Рос. II, № 220. Эти скарбные реестры послѣ сдачи отчета, очевидно, становились уже не нужными, а потому и не сохранялись такъ тщательно, какъ, напр., книги Метрики, а быть можетъ даже прямо уничтожались. Этимъ, по всей вѣроятности, и объясняется малочисленность дошедшихъ до насъ прихода-расходныхъ записей скарба, на которую жалуется г. Довнаръ-Запольскій (Литовскіе упоминки, стр. 1). Напечатанная имъ прихода-расходная записка скарбнаго сохранилась потому, что она внесена была въ книги Метрики для руководства прецедентами на будущее время при рассылкѣ упоминковъ татарамъ. Другія прихода-расходныя записи, сохранившіяся въ книгахъ Метрики,—вовсе не кассовыя вѣдомости скарба, какъ склоненъ думать г. Довнаръ-Запольскій, а записи доходовъ, принятыхъ черезъ посредство чиновъ канцеляріи, и расходовъ, сдѣланныхъ черезъ нихъ же наличностью и «на кви-тацезы».

платъ» сначала по 80 копъ грошей въ годъ, а потомъ по 60 копъ и сукна для себя и слугъ³⁸³). Повидимому, такіе скарбные писаря существовали и ранѣе при подскарбіяхъ земскихъ³⁸⁴). Кромѣ писаря скарбнаго въ Вильнѣ, въ качествѣ помощника при подскарбіи земскомъ состоялъ *скарбный*, хранитель той кладовой скарба, которая находилась въ крѣпкомъ Троцкомъ замкѣ³⁸⁵). Этотъ скарбный, по противоположенію съ Виленскимъ помощникомъ подскарбія, въ актахъ называется иногда, хотя и не всегда, скарбнымъ Троцкимъ³⁸⁶). Его обязанности было хранить порученныя ему цѣнности и выдавать ихъ по устному или письменному приказу подскарбія земскаго, а также, конечно, и вести приходо-расходные «реестры» по своей кладовой³⁸⁷).

Итакъ, роль подскарбія земскаго въ финансовомъ управленіи Литовско-Русскаго государства въ рассматриваемое время была незначительная. Въ этомъ отношеніи, не говоря уже о господарѣ и радѣ великаго княжества, его по временамъ затмѣвалъ собою даже канцлеръ великаго княжества. Вотъ, напр., характерный въ этомъ отношеніи фактъ. Въ 1520 году произошли нѣкоторыя измѣненія во внѣшней торговлѣ великаго княжества вслѣдствіе войны съ Пруссіею: соль и другіе товары, которые прежде шли изъ-за границы на Ковно и здѣсь облагались пошлиною, повернулись на Бугъ и Наревъ и пошли въ

³⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 73.

³⁸⁴) Этотъ скарбный писарь, очевидно, и составлялъ тотъ реестръ, который напечаталъ г. Довнаръ-Запольскій (Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ). Изъ этого реестра видно, что, когда писарь уѣзжалъ изъ Вильны, писарь иногда по его приказанію, выдавалъ изъ скарба разныя вещи (стр. 81).

³⁸⁵) С. Л. *Иташикаго* Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 4.

³⁸⁶) Просто скарбный—на л. 35 и 69 книги Запис. IV; скарбный Троцкій—Литовскіе упоминки, стр. 71; кн. Запис. VIII, л. 319. *Bonickiego* *Poczet* *rodów*, *spis* *dygnitarzy*, стр. XXIV.

³⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 9. Г. Довнаръ-Запольскій въ предисловіи къ напечатанному имъ скарбовому реестру высказалъ утверженіе, что во время передвиженій господаря передвигался за нимъ и скарбъ, изъ котораго производились выдачи. Что часть скарба слѣдовала за господаремъ для текущихъ расходовъ, это несомнѣнно, и на это имѣются указанія въ самомъ документѣ, напечатанномъ г. Довнаръ-Запольскимъ (Литовскіе упоминки, стр. 81). Но совершенно невѣроятно, чтобы двигался за господаремъ весь скарбъ, и чтобы онъ не имѣлъ такимъ образомъ, постоянного мѣстопробыванія. Скарбъ несомнѣнно находился постоянно въ Трокахъ и въ Вильнѣ, а отсюда, по мѣрѣ надобности, и посылались къ господарю и подскарбію деньги и вещи (Литовскіе упоминки, стр. 81).

великое княжество черезъ Подляшье; равно такъ же и воскъ, шедшій изъ великаго княжества за границу черезъ Ковно и здѣсь облагавшійся вывозною пошлиною, направился другими путями за границу. Чтобы не лишиться тѣхъ доходовъ, которые получались прежде съ Ковенскихъ мытныхъ «коморъ», Сигизмундъ позаботился объ учрежденіи новыхъ мытныхъ коморъ на Подляшьѣ. Онъ поручилъ временно собирать мыто съ соли, воска и другихъ товаровъ въ Техоновцѣ и Высокомъ земянину Миклашу Скирвину и мѣщанину Бѣльскому Іонѣ Сегеневичу, а въ Тыкотинѣ—дворянину Ленарту Косинскому и мѣщанину Бѣльскому Ивану Сегеневичу, придавъ имъ на помощь своихъ дворянъ для преслѣдованія контрабанды. Но затѣмъ онъ счелъ болѣе удобнымъ передать коморы Подляшскія въ завѣдываніе одному лицу, приставивши къ нему дѣяка или двухъ. Это окончательное устройство таможеннаго дѣла на Подляшьѣ король поручилъ воеводѣ Виленскому пану Николаю Николаевичу Радивиловича, который, какъ канцлеръ, по заявленію короля, имѣлъ «повинность тыхъ доходовъ нашихъ господарскихъ и земскихъ стеречи». По приказанію короля канцлеръ долженъ былъ пригласить къ себѣ подскарбія земскаго пана Богуша Боговитиновича и вмѣстѣ съ нимъ выбрать одного или двухъ грамотныхъ дворянъ и приставить ихъ къ Ганусу Судорману для помощи по сбору мытъ на Подляшьѣ, давъ имъ предварительную инструкцію о порядкѣ сбора и храненія таможенныхъ пошлинъ и уполномочивъ ихъ устанавливать въ подходящихъ мѣстахъ коморы для сбора пошлинъ съ воска, съ общимъ наказомъ «пильне» стеречь господарскіе доходы. Король мотивировалъ свой приказъ канцлеру тѣмъ, что «ничія иная речъ того смотрети, только твоее милости, канцлера нашего, а наболѣй безъ небытности нашей у великомъ князьствѣ Литовскомъ». Король просилъ канцлера приложить все стараніе къ устройству таможеннаго дѣла на Подляшьѣ и извѣщалъ, что Судорману приказано въ томъ во всемъ быть послушнымъ канцлеру. Листъ короля заканчивался порученіемъ канцлеру принять отчетъ отъ временныхъ мытниковъ, установленныхъ королемъ, и передать собранныя ими деньги въ скарбъ; этотъ отчетъ канцлеръ долженъ былъ принять, призвавъ къ себѣ подскарбія земскаго ³⁸⁸). Въ качествѣ главнаго послѣ короля лица, которому подвѣдомственно было таможенное дѣло, канцлеръ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ (1522—1539) по уполномочію короля или пановъ-рады судилъ мытниковъ въ ихъ заимныхъ тяжбахъ другъ съ дру-

³⁸⁸) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 32.

гомъ³⁸⁹); ему же король отдавалъ въ присудъ мытниковъ по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ³⁹⁰) и т. д. Болѣе значительную роль сталъ играть подскарбій земскій съ того времени, какъ эту должность принялъ маршалокъ и писарь Иванъ Горностай (съ 1530 г.). Ему, какъ выше было уже указано, король сталъ отдавать въ «послушенство» и присудъ мытниковъ; только ему одному сталъ предоставлять право дѣлать распоряженія о выдачѣ денегъ изъ центральной и мѣстныхъ кассъ³⁹¹). Но это возвышеніе пока еще было болѣе личнаго, чѣмъ должностнаго характера. Король сталъ облекать подскарбія земскаго такими высокими полномочіями болѣе по особому къ нему довѣрію и расположенію, чѣмъ во вниманіе къ его должности³⁹²). Должностное возвышеніе

³⁸⁹) Документы и регесты по исторіи литовскихъ евреевъ, т. I. № 103, 120, 121.

³⁹⁰) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 192.

³⁹¹) Документы и регесты, томъ I, № 142, Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, листъ 9.

³⁹²) Какимъ довѣріемъ пользовался Горностай у короля Сигизмунда, объ этомъ ясное представленіе можно получить хотя бы изъ слѣдующей записи Литовской Метрики: «По Божемъ Нароженью на завтрее у пятницу месеца декабря 26 дня (1539 года) отправленъ коморникъ Стреть Солтановичъ зъ листы до пановъ великаго князства въ тыхъ речахъ: напервей, о послепохъ Нагайскихъ и о князя Белскаго, и тежъ о гонцахъ Перекопскихъ, съ чымъ они приходили (и ярыки до пановъ радъ посланы),—абы ихъ милость въ томъ во всемъ порадѣ и выслѣ свой до короля его милости отписали, што бы ся ихъ милости въ томъ видело. *А особливее тая вся речъ на пана Горностая подскарбего уложена*, абы онъ у пана воеводы Виленскаго былъ и около тыхъ всякъ речей зъ его милостью намовилъ и достаточную порадѣ въ томъ отъ его милости взялъ, а къ тому, жебы тежъ и иншихъ пановъ радъ обослалъ и на одно местцо звелъ и такъ же въ томъ во всемъ обмову зъ ихъ милостью учинилъ, абы ихъ милость вотумы и зданье свое, што ся имъ въ томъ будетъ видети, до короля его милости не мешкая отписали, што жъ за пильностью пана подскарбего маеть ся справити»... «А потомъ по выеханью оногъ гонца, у неделю, отправленъ тежъ коморникъ Яско Коробичъ до пана подскарбего въ Лиелянтскихъ речахъ, которая справа, вся зряжоная, первой была послана до пана воеводы Виленскаго. Ино, егда тая вестъ до господаря его милости пришла, же пана воеводы Виленскаго въ животе не стало, тогда его милость король, обоваячы ся того, же бы оная справа чимъ не змешкала, рачилъ его милость то на пана подскарбего узложити и велелъ оную отправу, естли будетъ панъ воевода за живота своего то не отправилъ, до себе взяти и оны листы того жъ часу отослати до тыхъ, кому они служатъ, и комисаремъ на страву подавати и тую всю речъ водлугъ потребы отправить такъ, яко и панъ воевода Виленскій мелъ то отправить». (Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 170, 171). Изъ этого видно, что

подскарбія земскаго, превращеніе его въ настоящаго министра финансовъ, имѣло мѣсто въ послѣдующее время, при Сигизмундѣ-Августѣ, и стояло въ связи съ общими финансовыми преобразованіями, совершенными при этомъ государѣ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. До Сигизмунда же Августа такого органа не выдѣлялось еще въ центральномъ управленіи Литовско-Русскаго государства. Финансовою частью завѣдывалъ самъ государь съ панами-радою, прибѣгая въ частныхъ случаяхъ къ назначенію разныхъ комиссій или передавая отдѣльныя полномочія разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и подскарбію земскому, который собственно былъ только казначеемъ при центральной государственной кассѣ.

§ 6.

Органомъ центральнаго управленія не былъ и *гетманъ найвысшій* великаго княжества Литовскаго. Военною частью такъ же, какъ и финансовою, въ разсматриваемое время завѣдывалъ въ центрѣ государства государь съ панами-радою. Государь и паны-рада заботились о комплектованіи арміи ³³³), обращаясь къ сейму въ особо важныхъ случаяхъ, когда надо было увеличивать военную повинность шляхты или облагать ее новыми налогами на содержаніе «служебныхъ» ³³⁴). По

Горностай по смерти Альбрехта Мартиновича Гаштольда сдѣлался «справцею» не только воеводства Виленскаго, но и канцлерства (срав. *Senatogowie i dygnitarze*, str. 73). Если Сигизмундъ возлагалъ на него уже такія порученія, какъ сборъ пановъ-рады и переговоры съ ними о политическихъ дѣлахъ (очевидно, канцлеръ Гаштольдъ былъ въ то время уже боленъ), посылку комиссаровъ для разбора пограничныхъ столкновеній, тѣмъ болѣе онъ могъ поручать ему такія дѣла, какъ судъ надъ мытниками и выдачу «квитовъ» на мѣстныя кассы. Возвышеніе Горностая въ качествѣ подскарбія земскаго, вѣроятно, не осталось безъ вліянія и на положеніе его преемниковъ, какъ извѣстнаго рода прецедентъ. Всмотриваясь въ причины этого возвышенія, открываемъ, что, кромѣ личныхъ свойствъ Горностая, этому несомнѣнно способствовало и соединеніе съ должностью подскарбія писарской должности, начавшаяся еще при предшественникѣ Горностая—Богущѣ Боговитиновичѣ. Въ подскарбіе земскіе сталъ назначаться одинъ изъ писарей великокняжеской канцеляріи, и это продолжалось и послѣ Горностая. Такой подскарбіи естественно сталъ чаще бывать при государѣ, чѣмъ подскарбіе временъ Казимира и Александра, гораздо болѣе ихъ находиться въ курсѣ финансовыхъ дѣлъ и общаго управленія. Это обстоятельство облегчило превращеніе подскарбія изъ казначея въ министра финансовъ, что произошло при Сигизмундѣ-Августѣ подъ вліяніемъ новаго направленія въ государственномъ хозяйствѣ великаго княжества Литовскаго.

³³³) См. выше, стр. 196.

³³⁴) См. выше, стр. 198.

ихъ порученію разныя лица вербовали «служебныхъ» на военную службу ³⁹⁵). Господарь и паны-рада распоряжались и выдачею «заслужонгс» этимъ наемнымъ войскамъ ³⁹⁶). Кроме того, господарь со-вмѣстно съ панами-радою раздавалъ на военную службу земли разнымъ лицамъ, переводилъ на военную службу съ таглой или подтверждалъ распоряженія касательно этого, сдѣланныя мѣстными правителями—воеводами, старостами и державцами, или намѣстниками ³⁹⁷). Отъ господаря и пановъ-рады непосредственно выходили распоряженія о мобилизаціи военнотружильныхъ землевладѣльцевъ великаго княжества ³⁹⁸) о ремонтѣ укрѣпленій, о снабженіи ихъ боевыми и съѣстными припасами ³⁹⁹), о переписи имѣній военнотружильныхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе исправнаго и равномѣрнаго отбыванія военной повинности ⁴⁰⁰) и т. д. Все письменное дѣлопроизводство по этой части велось чинами государственной канцеляріи великаго княжества, въ архивѣ которой—скарбѣ хранились и всѣ нужные документы, какъ-то: «реестры попису» военнотружильныхъ землевладѣльцевъ ⁴⁰¹), копіи военныхъ листовъ, разосланныхъ по великому княжеству и разныхъ другихъ указовъ господаря и пановъ-рады, привилеевъ на имѣнья, полученные на военную службу и т. д. Гетманъ наивысшій великаго княжества Литовскаго принималъ во всемъ этомъ участіе только, какъ членъ великокняжеской рады, и не болѣе, чѣмъ и всякой другой панъ-радный. Его роль собственно гетманская начиналась въ сборномъ пунктѣ, гдѣ подъ его команду становилось земское ополченіе великаго княжества, продолжалась затѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и оканчива-

³⁹⁵) См. выше, стр. 175, 200, 201, 207.

³⁹⁶) См. выше, стр. 203, 221; Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 14, 45, 60, 62; Запис. XXIII, л. 32; Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 77, 89.

³⁹⁷) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 343—346, 601—604, 856—861; Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 102, 103; XXIV, л. 117, 118 и др.

³⁹⁸) Акты Зап. Рос. II, № 88, 129, 173; Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 258—260; XXIII, л. 54, 56, 84—89; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 275—276; VII, л. 9, 10; VIII, л. 49, 50, 115, 167—169, 242—245; Archiwum Sanguszków IV, № СХХIV, СХХVII, CLIV, CLIX, CLXXI, ССХХIX—ССХХV, ССLXXXVIII—ССХС, ССХС, СССХIII—СССХV.

³⁹⁹) См. выше, стр. 216, 219, 237. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 523, 525.

⁴⁰⁰) См. выше, стр. 179, 184.

⁴⁰¹) См. выше, стр. 293.

лась съ прекращеніемъ войны и съ распущеніемъ войска. Гетманъ вступалъ въ свои права съ того дня, который былъ назначенъ для сбора подъ хоругвою земскою всѣхъ военнотруженихъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Этимъ военнотруженнымъ землевладѣльцамъ гетманъ прежде всего дѣлалъ смотръ и перепись, кто явился и съ какимъ «почтомъ» слугъ и на какихъ копяхъ ⁴⁰²). Гетманскій реестръ служилъ потомъ справочнымъ документомъ при наложеніи наказанія на тѣхъ, кто опоздалъ явкою на службу или не явился вовсе безъ уважительныхъ причинъ, или былъ на службѣ «не воле ухвалы земское», т. е. не съ надлежащимъ «почтомъ» ⁴⁰³). Это наказаніе налагалось господаремъ и панами-радою по закону или, — въ экстренныхъ случаяхъ, — по особому соглашенію господара и пановъ-рады ⁴⁰⁴), или «водлугъ ухвалы земское» ⁴⁰⁵). До сдачи господарю и панамъ-радѣ гетманскій реестръ служилъ для гетмана средствомъ повѣрять наличность служившихъ людей и отмѣчать тѣхъ, кто «по шихованью и полису» самовольно уѣхалъ со службы. Общая повѣрка производилась гетманомъ при роспускѣ войска, когда снова составлялся реестръ всѣхъ военнотруженихъ землевладѣльцевъ, оставшихся при гетманѣ ⁴⁰⁶). Обо всѣхъ, самовольно оставившихъ службу, гетманъ докладывалъ господарю для наложенія на нихъ кары ⁴⁰⁷). Гетману предоставлялось тѣхъ лицъ, которые оказались больными на предварительномъ смотрѣ («на шиху») или позже, отпускать домой, оставляя слугъ ихъ въ войска ⁴⁰⁸), а также разрѣшать здоровымъ военнотруженнымъ людямъ ставить вмѣсто себя неотдѣленныхъ сыновей, если гетманъ найдетъ ихъ годными къ службѣ ⁴⁰⁹). О всѣхъ, выказавшихъ особое рвеніе къ службѣ и храбрость, гетману предоставлялось писать къ господарю для раздачи имъ награды ⁴¹⁰). Какъ главному военачальнику, гетману во время похода давалась большая власть. Всѣ, находившіеся подъ его

⁴⁰²) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 1, 4; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

⁴⁰³) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 1, 7; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76.

⁴⁰⁴) См. выше, стр. 216; Литов. Метр. кн. Записей XIX, л. 258—260.

⁴⁰⁵) См. выше, стр. 179, 180, 198, 199, 226.

⁴⁰⁶) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 9.

⁴⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; Судныхъ дѣлъ II, л. 275, 276.

⁴⁰⁸) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 5, 11.

⁴⁰⁹) Тамъ же, арт. 6.

⁴¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

командою, безъ различія званія: воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники, тивуны, дворяне и все рыцарство-шляхта должны были слушаться его такъ же, какъ самого господаря, все время, «пока войско... того лета будетъ въ поли». Непослушныхъ и виновныхъ въ нарушеніи военной дисциплины гетманъ имѣлъ право карать «ликою або вьзеньствомъ», кто чего заслужилъ, руководствуясь при этомъ особою «уставою», которую давали ему господарь и паны-рада, снаряжая его въ походъ. Гетману принадлежалъ судъ надъ всѣми, состоявшими подъ его командою, по жалобамъ ихъ другъ на друга и по жалобамъ на нихъ со стороны мѣстныхъ обывателей, при чемъ въ пользу его шли судебныя пени («вины») ⁴¹¹). Кромѣ этого дохода, гетманъ собиралъ деньги со всѣхъ военнотруженихъ землевладѣльцевъ «отъ пописа», за работу писаря (по статуту 1529 года не болѣе полугроша съ коня) ⁴¹²). Наконецъ, по свидѣтельству акта 1567 г., существовалъ «обычай, здавна звыкльй»—давать гетману «на выправу военную» 1000 копъ грошей, шесть поставовъ сукна «люньского» и аксамиту «на шату» ⁴¹³).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда должность гетмана оставалась незамѣщенной, гетмана наивысшаго замѣщалъ *гетманъ дворный, или польный*. Такъ было, напр., въ то время, когда гетманъ наивысшій князь Константинъ Ивановичъ находился въ плѣну; въ это время его замѣнял гетманъ польный, или обозный, Станиславъ Петровичъ Кишка, пользовавшійся тѣми же правами и полномочіями, какъ и гетманъ наивысшій ⁴¹⁴).

Въ войскѣ при гетманѣ всегда находился *хоружій земскій* съ хоруговью земскою ⁴¹⁵). Въ пользу этого хоружаго шла часть дани съ нѣкоторыхъ Подиѣпрскихъ волостей, напр., съ Бобруйской ⁴¹⁶). Хору-

⁴¹¹) Zbiór praw litewskich, str. 115—117; Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 228—229.

⁴¹²) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 9.

⁴¹³) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 126, 127.

⁴¹⁴) Акты Зап. Рос. II, № 25.

⁴¹⁵) Въ привилеѣ, выданномъ 1 сентября 1544 года дворянину Николаю Третьяку на хоружство земское за его «верные, пыльные и противные заслуги» по званію дворянина, читаемъ: «маеть онъ хоругвь земскую великого князства Литовского въ себе мети и завжды у войску съ хоруговью земскою при гетмане нашемъ великомъ быти и его справовати, а намъ господару своему верне а справедливе служыти; а доходы и пожитки всякие маеть сполна выбирати потому, яко и первы хоружыи нашы земскыи бирали» (Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 232).

⁴¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 34.

жія земскаго во время его отсутствія замѣнялъ *хоружій дворный*. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстояло дѣло въ Польшѣ, откуда была заимствована эта должность.

Итакъ, гетманъ наивысшій великаго княжества Литовскаго былъ собственно фельдмаршаломъ, который пользовался властью только во время похода, и не былъ начальникомъ военнаго вѣдомства, военнымъ министромъ. Только позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, гетманъ сталъ болѣе, чѣмъ фельдмаршаломъ. Затянувшаяся Ливонская война потребовала отъ гетмана дѣятельнаго участія въ комплектованіи арміи, которою онъ командовалъ, въ снабженіи ея жизненными средствами, въ распоряженіи ея бюджетомъ, и гетманъ, оставаясь фельдмаршаломъ, въ то же время сталъ отправлять нѣкоторыя функціи военнаго министра. Но фактъ этотъ опредѣлился уже незадолго до Люблинской уніи.

Нельзя считать органомъ центральнаго управленія и *маршалка земскаго* великаго княжества Литовскаго. Довольно значительная власть, которою пользовался этотъ урядникъ, не шла однако, далѣе того мѣста, гдѣ въ данное время пребывалъ государь, такъ что въ этомъ смыслѣ маршалка земскаго можно считать органомъ мѣстнаго, а не центрального управленія. Въ чемъ состояла эта должность, объ этомъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ опредѣленія ея, даннаго на Петровскомъ сеймѣ 1504 года въ Польшѣ, откуда этотъ урядъ былъ заимствованъ литовскимъ дворомъ. Согласно этому опредѣленію, маршалокъ земскій былъ блюстителемъ порядка и этикета при дворѣ и начальникомъ дворянъ (*omnium segetoniagum et sigiensium magister*). Онъ устанавливалъ этотъ порядокъ, издавая съ соизволенія короля соотвѣтствующія обязательныя постановленія, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы этотъ порядокъ соблюдался во всѣхъ помѣщеніяхъ и службахъ королевской квартиры и наказывалъ за его нарушеніе. Маршалокъ земскій устанавливалъ таксу на всѣ стѣстные припасы, привозившіеся на продажу въ мѣстопробываніе короля, и собиралъ съ продавцевъ торговыя пошлины. На обязанности его лежало принимать всѣхъ гостей, пріѣхавшихъ къ королю, и пановъ-радныхъ и предварительно выслушивать ихъ для доклада королю, дабы король могъ почтить каждаго по достоинству. Маршалокъ земскій набиралъ королевскихъ дворянъ, расплачивался съ ними и велъ имъ реестръ, отмѣчалъ прилежныхъ и нерадивыхъ, устранялъ дурныхъ и непослушныхъ. Въ отсутствіе маршалка земскаго во всѣ права его и обязанности вступалъ *маршалокъ дворный*. Вслѣдствіе этого конституція 1504 года предписывала маршалку земскому при отправленіи своей должности приглашать къ себѣ всегда маршалка дворнаго (разумѣется, если

онъ находился при дворѣ), чтобъ этотъ послѣдній былъ всегда въ курсѣ дѣлъ и, заступая маршалка земскаго, дѣйствовалъ послѣдовательно и согласно съ его распоряженіями ⁴¹⁷⁾. Всѣ свѣдѣнія, какія даютъ намъ источники о маршалкахъ земскомъ и дворномъ великаго княжества Литовскаго, въ общемъ согласуются съ только что приведеннымъ опредѣленіемъ этихъ должностей въ Польшѣ. Такимъ образомъ оказывается, напр., что маршалокъ земскій отводилъ квартиры (ставилъ на постой къ обывателямъ) посламъ, гостямъ, панамъ-раднымъ, прибывавшимъ къ господарю, и господарскимъ дворянамъ, находившимся при господарѣ ⁴¹⁸⁾. Тоже самое дѣлалъ и маршалокъ дворный, какъ это видно, напр., изъ привилея, выданнаго 9 августа 1527 года мѣщанину Виленскому Ивану Семеновичу на освобожденіе его дома отъ постоя: «не мають маршалкове наши земскіи и дворныи и иныи вранники наши князей и пановъ и дворянъ и бояръ нашихъ и слугъ своихъ и пословъ въ томъ дому его становити... вечне» ⁴¹⁹⁾. Эта фраза наводитъ на мысль, что маршалки земскій и дворный уже въ разсматриваемое время размѣщали по квартирамъ лицъ всѣхъ «становъ», съѣхавшихся на сеймъ, какъ это дѣлали они при Сигизмундѣ-Августѣ ⁴²⁰⁾. Мар-

⁴¹⁷⁾ Volumina legum I, p. 135.

⁴¹⁸⁾ Маршалокъ земскій Янъ Яновичъ Заберезинскій поставилъ на квартиру къ бурмистру Виленскому Андрею Великой Головѣ московскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ 1527 г., въ то самое помѣщеніе, гдѣ жилъ самъ бурмистръ, при чемъ «жону его и дети изъ дому выпудили и шкodu ему въ дому его и легкость самому не малую вчинили». Между тѣмъ бурмистръ имѣлъ еще отъ короля Казимира привилей, подтвержденный и его преемниками, — «вжъ жаденъ панъ ани дворянниъ нашъ, ани гость, ани который посоль въ его домехъ, которые онъ маєтъ въ месте нашомъ Виленскомъ, становитися не мають». Но жалобѣ бурмистра король подтвердилъ маршалку земскому: «абы твоя милость впередъ въ домехъ его въ месте Виленскомъ жадныхъ пановъ и дворянъ ани которыхъ гостей и пословъ становити не казалъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 23).

⁴¹⁹⁾ Этотъ привилей выданъ мѣщанину по его челобитью, въ которомъ онъ «поведилъ, вжъ онъ человекъ купецкый а ездитъ съ куплями частокротъ по ярмаркамъ, ино деи въ небытности его и при немъ саможъ многии князи и панове и дворане наши хотять въ дому его, где онъ самъ мешкаетъ, становитися, для чого жъ онъ, коли отъедеть, небезпечонъ товаровъ и статковъ своихъ». Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 152.

⁴²⁰⁾ Въ привилей, выданномъ 6 марта 1556 г. мѣщанину Виленскому Васку Нефедьевичу Русину на «вызволенье» его дома отъ постоя до живота его самого, жены и сыновей его, читается между прочимъ: «И вжо отъ того часу панове маршалкове земскіи и дворныи и тежъ становничие наши дворные польскіи и литов-

шалку земскому на сеймахъ и всякихъ политическихъ собраніяхъ принадлежала главенствующая роль. По выраженію одного официального документа 1566 г., маршалокъ земскій носилъ на себѣ «зверхность господарскую» «подъ каждымъ часомъ, але еще тымъ болшей на зъездехъ соймовыхъ»; съ своею маршалковскою «ласкою» (жезломъ) онъ имѣлъ право «росказанья и владности» надъ головами рыцарства; въ отсутствіе господаря держалъ между панамъ-радными мѣсто самого господаря ⁴²¹⁾. Онъ раздавалъ голоса панамъ-раднымъ, допускалъ говорить передъ королемъ пословъ, пановъ-радныхъ и другихъ лицъ, объявлялъ о господарскихъ рѣшеніяхъ и пожалованіяхъ, судилъ участниковъ сейма и ихъ слугъ по преступленіямъ и правонарушеніямъ, совершеннымъ на сеймѣ, устанавливалъ таксу на съѣстные припасы въ мѣстѣ и на время сбора сейма ⁴²²⁾. Маршалокъ земскій слѣдилъ, чтобы на господарскомъ дворѣ и на сеймахъ не было никакихъ ссоръ, столкновеній, дракъ, оскорбленій, распутства и т. д. и наказывалъ за все это по закону и «водле воли и росказанья» господаря ⁴²³⁾.

Изъ привилея на званіе маршалка дворнаго, выданнаго 20 іюня 1569 года пану Миколаю Христофору Радивилу, видно, что и въ Литвѣ маршалокъ дворный за отсутствіемъ маршалка земскаго выполнялъ всѣ его обязанности ⁴²⁴⁾. Но при всемъ томъ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, какъ кажется, существовало между ними и нѣкоторое разграниченіе вѣдомствъ. Непосредственнымъ начальникомъ господарскихъ дворянъ по источникамъ является *маршалокъ дворный*, а

ские и ихъ служебники у томъ дому его такъ *у соймъ вальный*, яко и безъ сойму, при бытности и въ небытности нашей господарской въ месте нашомъ Виленскомъ некоторымъ пословъ и тежъ кнежатъ и панятъ и земянъ и дворянъ нашихъ такъ поляковъ и Литвы и никого зъ иныхъ становъ и гостей приездчихъ становити и ему въ томъ нѣкоторое трудности и вѣтисненья чинити не мають». Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 247. Срав. кн. XLVIII, л. 168.

⁴²¹⁾ Мандатъ, адресованный маршалку Яну Шимковичу, который на Берестейскомъ сеймѣ 1561 г. оскорбилъ маршалка земскаго Яна Ходкевича «слова неповсѣжливими съ покиваньемъ руки». Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 24, 25.

⁴²²⁾ *Hr. de Broel-Plater, Zbiór pamiętników do dziejow polskich*, tom II, str. 17, 18. Warszawa 1858.

⁴²³⁾ Литов. Метр. кн. Пуб. дѣлъ VIII, л. 2. (Формула присяги маршалка земскаго при Сигизмундѣ-Августѣ).

⁴²⁴⁾ Привилей гласить: «Quod quidem paulo ante publice viva voce per magnificum Ioannem Chodkewicz capitaneum Samogitiae et Magni Ducatus Lithuaniae supremum marschalcum fecimus, et nunc hisce titeris nostris facimus, marschalcatum curiae nostrae eundem ac aulae nostrae disciplinam et

не маршалокъ земскій. Онъ ведетъ имъ реестръ ⁴²⁵⁾, посылаетъ ихъ на «послуги» господарскія ⁴²⁶⁾ и т. д. Дворянъ при господарскомъ дворѣ было довольно много (въ 1565 году 118 человекъ). Изъ реестровъ, составленныхъ при Сигизмундѣ I (около 1509 г.) и при Сигизмундѣ-Августѣ (около 1565 г.), видно, что въ дворяне опредѣлялись обыкновенно молодые литовскіе паны, мелкіе князья и молодые люди изъ областной аристократіи, стремившіеся выслужиться на глазахъ у господаря и получить какой-нибудь урядъ или имѣнье, а также и совсѣмъ бѣдные безземельные шляхтичи, выходцы со стороны (изъ Польши и Москвы), служившіе изъ-за куска хлѣба и въ надеждѣ выслужить имѣнье ⁴²⁷⁾. Эти надежды очень часто оправдывались, и огромное число привилеевъ на имѣнья и уряды, занесенныхъ въ книги Метрики, даны на имя дворянъ. Дворянская служба такимъ образомъ, была для многихъ началомъ служебной карьеры ⁴²⁸⁾ и имущественнаго возвышенія. Кромѣ имѣній и доходныхъ должностей, дворяне получали «датокъ» и натурою въ видѣ суконъ, хлѣба, соли, лошадей, овса и сѣна ⁴²⁹⁾:

regimen, tum sententiarum rogandarum, hospitiorum assignandorum foraliumque pro usus suos exigendorum, jus et potestatem eidem dantes et committentes cum caeteris omnibus negotiis et muneribus, quae sub ditione huius magistratus *antiquitus*, ac potissimum magnifico Eustachio Wołowicz illum gerente, erant, ac cum omnibus privilegijs, praerogatiuis et emolumentis, quae ad eum ex legibus vel consuetudine pertinent vel deinceps pertinebunt, nullis omnino exceptis, idque ad extremum vitae ejusdem illustris Nicolai Christophori Radziwił tempus, vel donec alium altiorem dignitatis gradum a nobis consecutus fuerit. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 61—63.

⁴²⁵⁾ Zbiór praw litewskich, str. 410.

⁴²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 35, 36.

⁴²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 119—124; XLV, л. 129—131.

⁴²⁸⁾ Такое значеніе имѣла, напр., дворянская служба для пана Александра Ивановича Ходкевича. Ходкевичъ, кончившій свое служебное поприще воеводою Новгородскимъ, въ 1495 году былъ дворяниномъ (Литов. Метр. кн. Записей V, л. 51). Точно такъ же и кв. Иванъ Васильевичъ Соломерецкій, назначенный 16 марта 1566 г. въ лавицу рады господарской въ званіи каштеляна Мстиславскаго, началъ свою службу въ дворянствѣ. Въ 1541 г. 21 октября король Сигизмундъ, узнавъ «цотпливое захованье и послуги», «которые онъ черезъ немалый часъ у двора нашего обещне мешкаючи чинилъ», «на причину» королевы Боны, пожаловалъ ему въ держанье дворъ Айну (Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 1). Срав. Акты Зап. Рос. III, № 7, просьба 6.

⁴²⁹⁾ Большое число раздачь короля Казимира и Сигизмунда I, записанныхъ въ книги Метрики, приходится на долю дворянъ.

когда число ихъ превышало въ данный моментъ потребности двора, или когда государь уважалъ въ Польшу, дворянъ разсылали на «лежи» по господарскимъ дворамъ, гдѣ имъ отводилась квартира и выдавался кормъ имъ самимъ и ихъ конямъ. Нѣкоторымъ дворянамъ за особыя заслуги давалось ежегодное жалованье изъ скарба ⁴³⁰⁾. Дворяне состояли при господарскомъ дворѣ для исполненія разныхъ порученій государя и пановъ-рады. Ихъ разсылали по областямъ съ военными листами, соймовыми и серебрянными, посылали къ отдѣльнымъ лицамъ съ листами «позовными» и «мандатами» ⁴³¹⁾; имъ поручали вводить разныхъ лицъ во владѣніе имѣньями по пожалованью государя или по суду ⁴³²⁾, производить различныя слѣдствія ⁴³³⁾, собирать «къ вѣрной рудѣ» мыто и корчомные пенязи ⁴³⁴⁾ и т. д. При исполненія этихъ

⁴³⁰⁾ Въ 1538 году 9 сентября Сигизмундъ приказалъ подскарбію земскому выдавать ежегодно по 20 копъ грошей дворянину кн. Андрею Мосальскому до живота его, по челобитью его, «што жъ зъ молодости лѣтъ своихъ, будучы у двора нашего, верне а справедливе намъ служылъ и на многихъ послугахъ нашихъ военныхъ противъ людей неприятельскихъ бывалъ и тамъ не мало крови своею розлилъ и раны обличныи прынялъ, а тепере вжо есть пры старости» Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 211. Срав. Запис. кн. XLVIII, л. 12, 13.

⁴³¹⁾ «Месеца марта 11 дня (1542 г.) у суботу на третей недели посту посланъ дворянинъ Богданъ Левковичъ Мертвецъ зъ листы господарскими позывать князя Слуцкого, пани воеводиную Виленскую панию Николаевую, паню воеводиную Троцкую паню Петровую, паню Юревою Зеновьевича, пана Заберезинского о забраньи земель, людей и пуци Марковское, абы стали и листы твердости на тамешние именья свои у повете Марковскомъ передъ господаремъ его милостью положили». Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 75.

⁴³²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, стр. 805.

⁴³³⁾ «Месеца марта у 13 день (1542 г.) у понеделокъ на четвертой недели поста порану посланъ дворянинъ королевое ея милости и великое кнегини Боны Григорей Андреевичъ зъ листы господарскими знайдовати тыхъ шкодниковъ, которые товаръ купцовъ цара Турецкого покрали у Веницы. Дано ему одинъ листъ до всихъ князей и пановъ во всемъ великомъ князстве, другой листъ до намѣстника Новгородского о вижа, о сторону и о помочъ, третий листъ подводный». Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 75.

⁴³⁴⁾ Въ 1530 г. 9 июля Сигизмундъ писалъ войтамъ, бурмистрамъ, рядцамъ и всѣмъ мѣщанамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: «Зрозумели есмо, што ся намъ въ плате нашомъ, то есть, въ пенезехъ капщызныхъ, шкода великая дееть, николи бо до скарбу нашего сполна не относятъ, а то ни для чою, одно для частыхъ поездковъ дворянъ нашихъ, которые болши пожитку своего смотрять, а не нашего господарского». Король увѣдомляетъ, что онъ поручилъ этотъ платъ выбирать «и о

порученій дворяне получали нѣкоторые доходы въ свою пользу, напр., «увязчее» отъ ввода во владѣніе имѣньями, *выгонное*, когда дворяне посылались выгонять людей изъ господарскихъ волостей на работы къ украиннымъ замкамъ, *постъкерцину*, когда ихъ посылали наблюдать за этими работами ⁴³⁵), доходъ при сборѣ капщины на господаря и т. д. Дворяне, повидимому, имѣли еще значеніе дворцовой гвардіи, охранявшей личную безопасность господаря. Они участвовали въ походахъ, составляли въ войскѣ особый отрядъ («гуфъ») и несли болѣе трудныя службы, чѣмъ простые шляхтичи ⁴³⁶). Всѣ эти дворяне находились подъ «свѣдомомъ и справою» маршалка дворнаго лишь при господарскомъ дворѣ и въ чисто служебномъ отношеніи. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они подвѣдомственны были мѣстнымъ властямъ, въ округахъ которыхъ находились ихъ имѣнья, или непосредственно самому господарю.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не было налицо ни маршалка земскаго ни маршалка дворнаго, на господарскомъ дворѣ распоряжались, по всѣмъ признакамъ, *маршалки господарскіе*. Нѣкоторыя указанія на это даютъ привилеи, выданныя на маршалство, въ которыхъ читаемъ: «маеть онъ, въ томъ вrade будучи, на дворѣ нашомъ господарскомъ справовати такъ, какъ иншыя маршалки наши» ⁴³⁷). Впрочемъ, возможно, что маршалки состояли помощниками маршалковъ земскаго и дворнаго по отдѣльнымъ отраслямъ дворцовой администраціи. На эту мысль наводитъ, напр., челобитье пана Юрія Немировича, просившаго въ 1523 году, чтобы господарь пожаловалъ ему маршалство, «которое отъ насъ держалъ панъ Миколай Станиславовичъ, старостичъ

той шкоде нашей справне доведатся» одному лицу, дворянину Бокею, на два года, и приказывалъ отдавать ему капщину, — «и доходъ его бы есте велели ему отдавати, и ести, и пити ему и слугамъ его и конешъ ихъ давали потому, какъ передъ тымъ бывало... водле давного обычая; тежъ давали бы есте ему самому по шести подводъ зъ возы и съ проводники—езде по дорозе отъ места до места ажъ до Вилни до скарба нашего» (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 350).

⁴³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 451; XV, л. 102, 103.

⁴³⁶) Акты Зап. Рос. III, № 4, прос. 6; № 33, просьба 14.

⁴³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 102. Въ привилеѣ, выданномъ князю Лукашу Болеславовичу Свирскому 3 іюня 1565 года, читаемъ между прочимъ: «На которомъ маршалствѣ будучи, маеть ся онъ на дворе нашомъ въ томъ панствѣ нашомъ великомъ князьствѣ Литовскомъ и на всякихъ иныхъ мѣстахъ радити и справовати и почтивости уживати потому, яко и иншыя маршалки наши, маршалствы ему равныя, здавна радяли, справовали и теперъ радять и спра-

Жомонтскій ⁴³⁸⁾. Возможно, наконецъ, что маршалки господарскіе были и замѣстителями, и помощниками маршалковъ земскаго и дворнаго по отдѣльнымъ отраслямъ дѣлъ. Болѣе опредѣленныхъ и ясныхъ указаній на ихъ значеніе намъ не удалось найти въ источникахъ. Мы знаемъ только, что господарь иногда поручалъ имъ разборъ разныхъ судебныхъ дѣлъ вмѣсто себя, «по комисеи», и среди книгъ Литовской Метрики есть книги и «маршалковскаго» суда (I и VI книги Судныхъ дѣлъ). Но дѣла по комиссиіи отъ господаря разбирали и другіе паны равные, такъ что это не было какою-либо спеціальностью маршалковъ.

Тѣ обязанности, которыя при господарѣ выполнялъ тотъ или другой маршалокъ, при великой княгинѣ выполнялъ ея *охмистръ* (гофмейстеръ) называющійся въ актахъ, писанныхъ по латыни, *magister sigillae reginalis* ⁴³⁹⁾. Вѣроятно, подъ его «справкою» находились дворяне великой княгини, коморники, ключникъ двора, о которыхъ упоминаютъ источники, и разные другіе дворцовые служители ⁴⁴⁰⁾.

Исключительно придворное значеніе имѣли и остальные дворные уряды великаго княжества, заведенные по образцу польскаго двора, чтобы не отставать отъ него въ «светности». *Подчашій* (*subpincerna*, *rosillator*) имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи напитки, подаваемые къ господарскому столу, наливалъ господарю вино и предварительно пробовалъ его ⁴⁴¹⁾. Такъ бывало въ торжественныхъ случаяхъ; обычно же эту роль выполнялъ *чашиникъ* (*pincerna*). *Крайчій* (*insisor*) на торжественныхъ обѣдахъ разрѣзалъ кушанья, подаваемые королю ⁴⁴²⁾. *Стольникъ* (*darifer*, *трукцась*) завѣдывалъ сервировкою господарскаго стола, а равно и *подстолій* (*subdarifer*) ⁴⁴³⁾; *кухмистръ*, какъ показываетъ самое названіе его, завѣдывалъ господарскою кухней; *конюшій дворный*

вуютъ, и почтливость маршалствъ своихъ на дворе нашемъ господарскомъ и на вше-
ляхъ иныхъ мѣстцахъ уживають». (Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 623).

⁴³⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 102.

⁴³⁹⁾ Должность эта была уже при Казимирѣ, который пожаловалъ «охмистру королевое Марцышу» шубу лясью завыйковую съ ключа Минскаго. (Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 14).

⁴⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 10; VIII, л. 346—348; XXVIII, л. 75
и другіе.

⁴⁴¹⁾ *Starożytności Polskie*, tom II, str. 253. Poznań 1852.

⁴⁴²⁾ *Ibidem*, tom I, str. 488.

⁴⁴³⁾ *Wolffa Senatorowie i dygnitarze*, str. 299, 316.

завѣдываль придворною конюшнею; *лосчій*—придворною охотою ⁴⁴⁴); *подкоморій* (*sussamegarius*)—порядкомъ и убранствомъ въ жилыхъ покояхъ господаря; *ложничій*—господарскою опочивальнею ⁴⁴⁵); *мечный*—держаль королевскій мечъ на различныхъ торжествахъ. Всѣ эти уряды существовали для того, чтобы, какъ выражается одинъ привилей на «стольництво», «здоровья и учтивости маестату нашего господарьского перестерегати» ⁴⁴⁶),—другими словами для личныхъ услугъ королю и для оказанія ему почета.

Подъ «справою» этихъ придворныхъ чиновъ находились низшіе придворные служители, какъ то: *скатертные* ⁴⁴⁷) и *убрусные* ⁴⁴⁸) (вѣроятно подъ «справою» стольника); *кухари дворные* (подъ справою кухмистра) ⁴⁴⁹) и *пекари* (вѣроятно, также подъ справою кухмистра); *конюхи дворные, возницы* ⁴⁵⁰), *машталеры* (подъ справою конюшаго дворпаго); *нагончій, ловцы псарцы, сокольники* и иные «*мысливцы*» (подъ справою ловчаго) ⁴⁵¹); *коморники* и *одверные* (вѣроятно, подъ

⁴⁴⁴) Ibidem, str. 220, 231, 235, 242.

⁴⁴⁵) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 92.

⁴⁴⁶) Привилей, выданный 20 марта 1566 года пану Миколаю Кухмистровичу Дорогостайскому, державцѣ Веленскому, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Припустивши его ку службамъ столу нашего господарского, дали есмо ему и снѣгъ листомъ нашимъ даемъ стольництво наше великого князства Литовского, на которомъ враде стольницкомъ, на него отъ насъ преложеномъ, будучи, маеть онъ всякого достоинства и владности, тому враду належачое, вживати и съ пильностью *здоровья и учтивости маестату* нашего господарьского перестерегати, яко ему, веркому враднику столу нашего господарского пристойть, и яко продкове его, столникове великого князства Литовского, зъ стародавва на томъ достоенстве заковалися и его вживали». (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 3; Судныхъ дѣлъ XLVIII, л. 4).

⁴⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 30.

⁴⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 236, 237; XLII, л. 36, 37, 77, 78. Убрусные служили между прочимъ при господарскомъ серебря столу. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, 168, 169).

⁴⁴⁹) Въ 1562 году король пожаловаль кухарю Филиппу Матысовичу на кухарскую службу «*за дингемъ справы пана кухмистровы*». Литов. Метр. кн. Записей XLII, л. 76.

⁴⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 12, 15, 33.

⁴⁵¹) Тамъ же. л. 8, 17, 67, 54, 84. Въ привилей, выданномъ пану Григорію Воловичу 3 ноября 1566 года «на ловчье» великаго князства, читаемъ между прочимъ: «Маеть панъ Грыгорей Воловичъ тотъ врадъ ловчое со вснѣгъ потому, яко и перныше ловчые держали, отъ насъ держати и заведати и вси *люди и иные вси мысливцы* у справе, моцы и владности своей маючы». (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 84).

справою подкоморія)⁴⁵²⁾, *лазбные* (банщики)⁴⁵³⁾ и др. Всѣ эти служители вербовались изъ крестьянъ, владѣвшихъ землями, или жаловались крестьянскими землями на ту или другую службу, напр., на службу одверницкую, конюшскую, царецкую, кухарскую и т. д., съ освобожденіемъ отъ всѣхъ другихъ или отъ части крестьянскихъ повинностей, навсегда или на то время, когда они несли свою специальную службу при дворѣ. У литовско-русскаго господаря по областямъ разсѣяно было довольно много дворцовыхъ служителей, которые выполняли свои спеціальныя обязанности при дворѣ лишь въ то время, когда ихъ туда вызывали, въ другое же время, и при томъ большею частью, исполняли крестьянскія повинности; нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того служили военную службу⁴⁵⁴⁾. Всѣ эти служители подвѣдомственны были дворнымъ урядникамъ лишь въ то время, пока находились при дворѣ и несли свою спеціальную службу; въ другое же время ихъ вѣдали судошь и управою мѣстные правители, при чемъ дворные урядники не были посредствующею инстанціею между этими мѣстными правителями и господаремъ.

Трудъ всѣхъ этихъ дворцовыхъ служителей, кромѣ владѣнія землею, вознаграждался отдѣльными дачами денегъ, суконъ, шубъ, хлѣба, соли, овса, сѣна и т. д. Что касается ихъ начальниковъ при дворѣ, то и они получали эти отдѣльныя дачи, какъ это видно изъ расходной записи короля Казимира. Кромѣ того, эти урядники за свою службу получали обыкновенно въ держанье господарскіе дворы и волости съ правомъ получать въ свою пользу намѣстничьи доходы. Нѣкоторые же изъ нихъ пользовались сверхъ того и нѣкоторыми «пожитками» отъ своего уряда, какъ, напр., стольникъ⁴⁵⁵⁾. Въ чемъ состояли эти пожитки, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ.

⁴⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 9, 12, 17, 28, 40, 42, 65, 67; XII, л. 76; XXXI, л. 166; XXXIX, л. 233, 234; XLII, л. 24, 25.

⁴⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26, 55, 72; XVI, л. 4.

⁴⁵⁴⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 325, 327. Военную службу вмѣстѣ съ боярами Новгородскаго повѣта несли сокольники и кухари (Литов. Метр. кн. Публ. дѣль I, л. 26—34).

⁴⁵⁵⁾ Въ привилеѣ на «стольництво», выданномъ пану Юрію Александровичу Ходкевича (1 сентября 1556 г.) читаемъ между прочимъ: «маеть павъ Юри тотъ врьдъ стольництво отъ насъ держати и въсякихъ *пожитковъ* и справъ, тому врьду належачихъ, вживати, радечи и справуючнсе потому, яко и першие стольникове, будучи на томъ врьде, рядили и справовали се». Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 190—191.

§ 7.

Итакъ, все центральное управленіе Литовско-Русскаго государства находилось въ разсматриваемое время въ рукахъ господаря и рады великаго княжества. Невольно возникаетъ вопросъ: почему и какимъ образомъ господарь и его рада могли обходиться безъ помощи другихъ постоянныхъ органовъ въ центральномъ управленіи такимъ обширнымъ государствомъ, какъ великое княжество Литовское? Этотъ вопросъ тѣмъ настоятельнѣе ждетъ своего отвѣта, если мы примемъ къ тому же во вниманіе, что и господарь часто отсутствовалъ въ великомъ княжествѣ, и паны-рада далеко не всегда были въ сборѣ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ былъ покойнымъ проф. С. А. Бершадскимъ въ такой формѣ: «Управленіе Литвы въ XV и XVI в. отличалось самою широкою децентрализаціею. Единственнымъ центральнымъ органомъ управленія для всей Литвы служили время отъ времени происходившія засѣданія рады. Постоянныхъ же органовъ центрального управленія вовсе не существовало. Всякая земля, входившая въ составъ в. княжества Литовскаго управлялась своими мѣстными властями на основаніи жалованныхъ грамотъ и мѣстныхъ земскихъ обычаевъ, различныхъ для Волини Жмуди, Полоцка и т. д.»⁴⁵⁶⁾ Итакъ, господарь и его рада управлялись съ дѣлами потому, что этихъ дѣлъ приливало къ нимъ сравнительно мало, ибо судъ и управа творились преимущественно на мѣстахъ, органами мѣстнаго управленія и самоуправленія. Это объясненіе, на нашъ взглядъ, требуетъ не столько исправленія, сколько нѣкотораго дополненія. Кромѣ децентрализаціи управленія, для объясненія дѣла необходимо еще принять во вниманіе и тотъ социальнo-политическій строй, который утвердило въ великомъ княжествѣ польское шляхетское право. Благодаря распространенію этого права громадная часть населенія вышла почти совсѣмъ изъ вѣдѣнія государственной власти и ея органовъ. Владѣльческіе крестьяне перестали судиться у господарскихъ судей (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ панъ не давалъ управы, и за исключеніемъ самыхъ важныхъ уголовныхъ дѣлъ), перестали платить подати въ господарскій скарбъ, стали нести множество повинностей въ пользу господаря и государства. Все это неминуемо должно было сокращать правительственную работу не только мѣстныхъ властей, но и центральной государственной власти. Развитію государственной централиза-

⁴⁵⁶⁾ Киевская Старина 1888, № 9, стр. 488.

ции въ великомъ княжествѣ Литовскомъ помѣшала не только та областная «старина», которую литовское правительство силою историческихъ обстоятельствъ вынуждалось сохранять и подтверждать, но и тѣ «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ Польской», — которыя это правительство роздало военнослуживымъ землевладѣльцамъ великаго княжества. Эти два фактора, главнымъ образомъ, парализовали и развитіе соответствующихъ органовъ и учрежденій въ центрѣ государства, давая возможность литовско-русскому государю обходиться съ помощью только одного учрежденія, да и то дѣйствовавшаго не непрерывно, — рады великаго княжества.

Чтобы понять, какимъ образомъ и при всемъ томъ государь и паны-рада справлялись со всѣми дѣлами, которыя задавало имъ высшее управленіе государствомъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что между государемъ и радю фактически существовало нѣкоторое раздѣленіе труда. Государь и въ бытность свою въ Польшѣ чинилъ судъ и управу по многимъ дѣламъ великаго княжества, одинъ или вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ пановъ-радныхъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Польшу или впослѣдствіи. Въ то же самое время паны радные, собиравшіеся въ Вильнѣ или другихъ городахъ, съ своей стороны вершили рядъ дѣлъ: отправляли, напр. пословъ къ татарамъ ⁴⁵⁷⁾, судили судъ и проч. Кроме того, въ центральномъ управленіи Литовско-Русскаго государства въ широкихъ размѣрахъ примѣнялась система частныхъ порученій, за недостаткомъ постоянныхъ органовъ. Мы видѣли, что для пріятія денежныхъ отчетовъ отъ арендаторовъ и сборщиковъ государственныхъ доходовъ назначались очень часто комиссіи изъ пановъ-радныхъ и писарей. Такія же комиссіи назначались сплошь и рядомъ для разбора накопившихся судебныхъ дѣлъ, которыя государь почему-нибудь не въ состояніи былъ рѣшать въ данное время ⁴⁵⁸⁾ и т. д. При такихъ условіяхъ литовско-русскій государь

⁴⁵⁷⁾ Литовскіе упоминки, стр. 36—38, 42, 56.

⁴⁵⁸⁾ Въ Метрику Литовской есть цѣлая книга, содержащая записи рѣшеній пановъ рады, «на sprawy судовы высажовыхъ». Такова, напр., кн. Записей XXVII, которая начинается слѣдующимъ заголовкомъ: «Лет. Бож. Нарож 1541 пядикт 14. Зъ росказани государя его милости, короля и великаго князя Жыкгимонта, панове рада великаго князства: князь Павелъ, князь Юрий, князь Венцлавъ—бискупове Виленскій, Луцкій а Жомотскій, а панъ Янъ Миколаевичъ Радивиль, староста Жомотскій, подчашый господарскій, державца Васляшскій, панъ Янъ Юревичъ Глебовича, воевода Полоцкій, панъ Станиславъ Олбрахтовичъ Кгаштолтъ, воевода Новгородскій, панъ Матей Войтеховичъ Яновича, воевода Витебскій, а панъ Иванъ

легко обходился безъ услугъ приказной бюрократіи, которая въ то время все больше и больше получала значеніе въ Московскомъ государствѣ, и могъ довольствоваться сотрудничествомъ только своей рады.

Сводя все, что мы узнали о составѣ, правительственной роли и политическомъ значеніи господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, приходимъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ, имѣющимъ отношеніе къ специальному предмету нашего изученія.

1. На великихъ вальныхъ соймахъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ активная роль и рѣшающій голосъ принадлежали преимущественно панамъ-радѣ великаго княжества. Шляхта большею частью слѣдовала за панами-радою и сравнительно рѣдко проявляла инициативу и самостоятельность, и при томъ главнымъ образомъ уже къ концу разсматриваемой эпохи.

2. Преобладаніе пановъ радныхъ на великихъ вальныхъ соймахъ обуславливалось частью ихъ политическимъ авторитетомъ, которымъ они пользовались въ качествѣ постоянныхъ совѣтниковъ и правительственныхъ сотрудниковъ литовско-русскаго государя на высшихъ государственныхъ должностяхъ, а частью ихъ социальнымъ преобладаніемъ въ качествѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, располагавшихъ въ общей сложности огромными ресурсами по части людей и денегъ, подавлявшими ресурсы шляхты отдѣльныхъ земель; не исключая и собственной Литвы.

3. Это преобладаніе на литовско-русскомъ сеймѣ господарскихъ совѣтниковъ и высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ не отразилось однако на его самостоятельности и не сузило его роли до роли простого совѣщательнаго учрежденія. «Посполитая рада» великаго княжества Литовскаго, какъ показываютъ факты, собиралась не затѣмъ только, чтобы ознакомить государя съ положеніемъ дѣлъ и общественнымъ настроеніемъ, дать ему совѣтъ и изъявить готовность на жертвы для государства, но для того, чтобы активно рѣшать государственные вопросы первостепенной важности, стоявшіе на очереди.

4. Такая самостоятельность сейма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что и преобладавшая на немъ господарская рада въ рассматри-

Богдановичъ, воевода Подляшскій, маршалковѣ господарскіи, а особно князь бискупъ Луцкій, князь бискупъ Жомойтскій, панъ староста Жомойтскій, а панове воеводове Полоцкій а Витебскій, на справы судовыи высажоныи, судили за дѣлыи позовными и за дѣцкими господарскими, а записывалъ суды тыи зъ росказанья его жъ милости господарского секретарь его милости Венцлавъ Николаевичъ. А то ся дѣяло у Вилни на палацы господарскомъ лета Божего, индикта вышеписаного, месеца апрѣля. въ пятый день во вѣторокъ».

ваемое время вышла изъ роли простого совѣщательнаго учрежденія при господарѣ, сдѣлалась не только господарскимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго, который отдѣльно и независимо отъ господаря сталъ на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества отъ возможнаго ихъ нарушенія не только со стороны, но и самимъ литовско-русскимъ господаремъ, до извѣстной степени ограничилъ власть этого господаря.

5. При такихъ условіяхъ не удивительно, если сеймованіе оказалось въ концѣ концовъ политическою школою для рыцарства шляхты, содѣйствовало извѣстной консолидаціи этого сословія и пробужденію въ немъ разнообразныхъ сословныхъ и политическихъ стремленій, нашедшихъ себѣ въ послѣдствіи осуществленіе. Шляхта несомнѣнно въ данномъ отношеніи слѣдовала примѣру своей «старшей братьи» — пановъ радныхъ, которые на сеймахъ обращались съ различными требованіями къ литовско-русскому господарю, хотя и облеченными въ форму «просьбъ», смѣло и твердо выступали съ заявленіями о различныхъ правонарушеніяхъ и не порядкахъ, допускаемыхъ господаремъ, и *in suo motu* предлагали разнообразныя государственныя улучшенія.

Г Л А В А V.

Организація шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ къ половинѣ XVI вѣка.

§ 1. Составъ шляхты по привилеямъ 1387 и 1413 годовъ; расширеніе этого состава въ силу послѣдующихъ привилеевъ и отсутствіе рѣзкой сословной грани.—
§ 2. «Выводъ шляхетства» въ судебно-административной практикѣ и законодательствѣ.—
§ 3. Значеніе «земскаго пописа» 1528 и «уставы дворовъ» 1529 года въ выдѣленіи и обособленіи шляхетскаго сословія.—
§ 4. Значеніе въ этихъ отношеніяхъ волочной «помѣры» и «уставы» и аналогичныхъ мѣропріятій въ украинскихъ областяхъ.—
§ 5. Привилеи на шляхетство.—
§ 6. Права и вольности шляхты до Сигизмунда-Августа; разнообразіе владѣльческихъ правъ князей, пановъ и бояръ.—
§ 7. Военная служба шляхты; привилегія крупныхъ землевладѣльцевъ.—
§ 8. Разнообразіе подсудности шляхты.—
§ 9. Представительство шляхты на великихъ вальныхъ соймахъ.—
§ 10. Условія и данныя для развитія сословныхъ и политическихъ стремленій и домогательствъ шляхты.

§ 1.

Предшествующая глава посвящена была ознакомленію читателя съ тѣми «станами», которые доминировали на литовско-русскомъ сеймѣ при Казимирѣ и его сыновьяхъ, и выясненію самыхъ основаній, на которыхъ утверждалось ихъ политическое преобладаніе. Теперь у насъ на очереди ознакомленіе съ тѣмъ «станомъ», который при Казимирѣ и его сыновьяхъ игралъ второстепенную роль на сеймовыхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ, а при Сигизмундѣ-Августѣ наоборотъ—главную и первостепенную, т. е. съ шляхтою-рыцарствомъ великаго княжества Литовскаго. Что бы понять политическое возвышеніе этого стана и тѣ сословныя и политическія стремленія, съ которыми онъ выступилъ на сеймахъ въ великокняженіе Сигизмунда-Августа, необходимо ознакомиться съ его успѣхами по части сословной консолидаціи и съ его сословною организаціею, какъ они опредѣлились къ тому времени.

По своему общественному положенію рыцарство-шляхта великаго княжества Литовскаго представляло изъ себя низшій слой того приви-

легированнаго класса, верхнимъ слоемъ котораго были панскія фамиліи, и который можно назвать шляхетскимъ сословіемъ въ обширномъ смыслѣ слова. Юридическое опредѣленіе этого класса восходитъ ко временамъ Ягайла и Витовта. Начало ему положили извѣстный привилей 1387 года, признавшій права и вольности польской шляхты за всѣми литовскими боярами, или военнослужилыми людьми, принявшими католическую вѣру ¹⁾. Значить, шляхетское званіе по смыслу перваго земскаго привилея должно было утвердиться за всѣми литовскими боярами католической вѣры. Привилей 1413 года очертилъ болѣе точнымъ образомъ и даже, повидимому, сузилъ тотъ общественный кругъ, на который должны были распространяться имя, права и вольности польской шляхты. Согласно этому привилею не всѣ вообще литовскіе бояре, или военнослужилые люди, должны были впредь пользоваться правами польской шляхты, а только избранныя фамиліи, которыя получили отъ поляковъ гербы и клейноты съ «прокламаціями» (гербовыми фамиліями) и адоптированы были польскою шляхтою въ свои гербовыя братства ²⁾. Такое суженіе круга будущей литовской шляхты объясняется стремленіемъ придать шляхетскимъ привилегіямъ значеніе награды за присоединеніе къ униі съ Польшею: шляхтою признавы были именно тѣ бояре, отъ которыхъ въ данный моментъ болѣе всего зависѣло установленіе «братскаго соединенія» Литвы съ Польшею, которые вели объ этомъ переговоры съ польскими панами и шляхтою и давали свое согласіе на правахъ равной стороны, братались съ польскими панами и шляхтою и приняли отъ нихъ гербы, какъ символъ этого братства. Впрочемъ, по всѣмъ признакамъ, кругъ шляхты, очерченный въ привилей 1413 года, не имѣлось въ виду оставить разъ навсегда замкнутымъ. На сеймѣ 1413 года Витовтъ сдѣлалъ только *починъ* въ формировкѣ шляхетскаго сословія, предоставляя будущему пополненію его новыми фамиліями тѣмъ же путемъ, какимъ это сдѣлалось на сеймѣ 1413 года. Къ такому заключенію приводитъ статья Городельскаго привилея, оставляющая въ силѣ прежніе привилеи на этотъ счетъ, изданные въ 1387 г. (*circa coronationem*) ³⁾.

Какъ бы то ни было, но въ силу Городельскаго привилея кругъ литовской шляхты долженъ былъ оставаться точно очерченнымъ. Этотъ

¹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

²⁾ Ibidem, str. 7—20.

³⁾ Справ. А. *Maleckiego* Znaczenie unii Horodelskiej w roku 1413, z punktu widzenia heraldycznego (Kwartalnik historyczny 1898, zeszyt IV, str. 751—762).

привилей клалъ ясную и опредѣленную грань, кою шляхетское сословіе имѣло впредь отдѣляться отъ другихъ классовъ общества: предполагалось, что каждый шляхтичъ для обозначенія своего шляхетства (*ad insigniendum nobilitatis*) будетъ имѣть гербъ, усвоенный отъ какаго-либо шляхетскаго рода въ Польшѣ). Но такая опредѣленность продолжалась не долго. Въ 1432 году послы короля Ягайла по уполномочію своего государя выдали отъ его имени новый привилей, по которому и русскіе князья, паны и бояре великаго княжества получали тѣ же шляхетскія права и вольности, какія получили литовскіе князья, паны и бояре, при чемъ имъ дозволялось, но не предписывалось обязательно, брать себѣ гербы отъ литовцевъ, по соглашенію послѣднихъ съ своими польскими одногербовниками. То же самое подтвердилъ и привилей, выданный великому князеству Литовскому два года спустя великимъ княземъ Сигизмундомъ Кейстутевичемъ⁴). Въ силу этихъ новыхъ привилеевъ кругъ шляхты великаго княжества Литовскаго сразу сильно расширился; но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и та ясная черта, которая отдѣляла прежде этотъ кругъ отъ другихъ классовъ общества. Признакомъ шляхетства стала не только принадлежность къ тому или другому шляхетскому гербу, но и простая боярская служба, безъ герба. Какъ увидимъ ниже, этотъ послѣдній признакъ не всегда различалъ достаточно шляхтича, благороднаго, отъ «простога» челоуѣка, такъ что и шляхетское сословіе въ боярствѣ стало сливаться незамѣтно съ низшими классами общества.—Новое расширение шляхетскаго сословія послѣдовало при Казимирѣ, который даровалъ «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ Польской», князьямъ, панамъ и боярамъ не только Литвы и объединенной съ нею Руси, но и областей—аннексовъ великаго княжества. Въ привилеяхъ Казимира нѣтъ даже и упоминанія о гербахъ, и боярское званіе остается совершенно достаточнымъ для пользованія шляхетскими правами и вольностями. Такое положеніе вещей продолжалось и при преемникахъ Казимира, несмотря на то, что всѣ эти государя подтверждали Городельскій привилей, и между прочимъ статью его, представлявшую шляхетскія права только тѣмъ боярамъ, которые взяли себѣ у поляковъ шляхетскіе гербы. Такая несообразность и противорѣчіе въ законодательствѣ устранены были по просьбѣ становъ Виленскаго сейма 1563 года. Когда предстояло вписывать земскіе привилеи въ новый статутъ, станы сейма обратили вниманіе господаря на то, что въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года находятся нѣкоторыя

⁴) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 17; dodatek № 22.

статьи, противорѣчація дѣйствующему праву и требующія «слушнаго поровнанья», а именно: что шляхетскія права и вольности предоставляются только католикамъ, и при томъ получившимъ польскіе шляхетскіе гербы. Вслѣдствіе этого государь выдалъ особый привилей, коимъ призналъ, что шляхетскими правами и вольностями впредь должны пользоваться и наслаждаться не только паны и бояре-шляхта римской вѣры, предки которыхъ въ свое время взяли гербы и клейноты въ коронѣ Польской, но и всѣ иныя «стану рыцарского и шляхетского» какъ литовской, такъ и русской національности, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, и предки которыхъ не брали гербовъ или клейнотовъ изъ Польши, «яко передъ тымъ, здавна и до того часу, тыхъ всихъ вольностей станъ рыцарскій шляхетскій обоего народу, такъ Литовского яко и Руского, уживали и съ того ся веселили»⁵⁾. Сигизмундъ-Августъ, такимъ образомъ, подтвердилъ дѣйствовавшее право и уничтожилъ всякія сомнѣнія, вытекавшія изъ статей Городельскаго привилея.

Итакъ, съ теченіемъ времени въ шляхетскомъ сословіи кромѣ лицъ, получившихъ отъ государя спеціальныя привилеи на шляхетство, и ихъ потомковъ, стали признаваться всѣ тѣ, кто «зъ вековъ» были боярами и несли рыцарскую боярскую службу. Но на первыхъ порахъ кругъ этихъ лицъ не отграничивался еще явственно отъ смежныхъ съ нимъ низшихъ слоевъ общества. Поэтому и шляхетское сословіе, созданное привилеями Ягайла и Витовта, Сигизмунда Кейстутевича и Казимира, фактически долгое время не выдѣлялось рѣзко и не обособлялось отъ остальной народной массы въ своемъ низшемъ слоѣ, т. е. рыцарствѣ. Это обособленіе совершалось только исподоволь, по мѣрѣ того, какъ судебнымъ и административнымъ порядкомъ пересматривались права состоянія разныхъ военнотруженихъ землевладѣльцевъ, и значительныхъ успѣховъ достигло только къ началу великокняженія Сигизмунда-Августа.

Дѣло въ томъ, что литовско-русское боярство, признанное въ привилеяхъ первой половины XV вѣка шляхтою, благороднымъ и знатнымъ сословіемъ, въ своихъ низшихъ слояхъ весьма близко подходило по общественному положенію къ верхнимъ слоямъ крестьянскаго престолярства и по временамъ сливалось съ ними почти до неразличаемости. Главнымъ признакомъ боярскаго «стана» была военная служба съ земли, или земская служба. Но потребности государственной обороны давнымъ давно заставили литовско-русское правительство

⁵⁾ Акты Зап. Рос. Ш, № 32.

привлекать на эту специально боярскую службу и зажиточныхъ крестьянъ, снимая съ нихъ часть или даже всѣ тяглыя повинности. Военную службу на ряду съ боярами отправляли поэтому и различные разряды крестьянъ, промышленниковъ и ремесленниковъ, какъ, наприм., соленики, угольщики, сапники, клепахи, садовники, кухари, кравцы, сокольники, осочники и т. д. Кромѣ того, изъ зажиточныхъ же крестьянъ вербовался особый разрядъ военнотружениковъ, называвшихся *слугами* съ прибавленіемъ именъ: путные (главнымъ образомъ на Литвѣ и въ Полоцкой землѣ), панцирные (въ Киевской и Витебской землѣ), доспѣшные и щитные (въ Смоленской) и конные (въ Киевской, Подольской и Волынской земляхъ). Эти слуги особенно близко подходили къ боярамъ, ибо часто не несли никакихъ другихъ повинностей, кромѣ военной службы⁶⁾, и подобно боярамъ лично считались людьми вольными, которыхъ нельзя было закрѣпить въ чьемъ либо подданствѣ, и которые при пожалованіи ихъ земель имѣли право сойти съ нихъ прочь вмѣстѣ съ своими «статками», т. е. движимостью. Близко подходя по своему общественному положенію къ боярамъ, эти слуги и назывались по временамъ боярами съ прибавленіемъ «панцирный», «путный», въ Жмудской землѣ «посѣдный» (т. е. несущій нѣкоторыя тяглыя службы)⁷⁾. Вербовка на военную службу создавала даже классъ военнотружениковъ землевладѣльцевъ, приравнивавшихся къ путнымъ или панцирнымъ слугамъ, но называвшихся просто боярами. Такіе бояре по имени являлись въ результатѣ освобожденія разныхъ лицъ отъ всѣхъ повинностей съ возложеніемъ на нихъ и ихъ потомковъ исключительно военной боярской службы. Примѣры подобной вербовки бояръ идутъ отъ временъ Витовта. Такъ, напр., Витовтъ нѣкоему Крупусу, который ходилъ съ нимъ «въ Немцы» и выслужился передъ нимъ, разрѣшилъ не давать дани и не дѣлать «никогого дела съ посполитыми людьми», но служить великому князю «доспехомъ а конемъ, какъ же то добрый слуга»⁸⁾. Витовтъ же вызволилъ предковъ Городицкихъ земянъ на Подляшѣ Сабней и Головенекъ отъ городской службы съ тяглыми людьми, отъ «порубовъ» (раскладокъ крестьянскихъ

⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 219; Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257; XXIII, л. 102, 103.

⁷⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 343—356, 542; прилож. № 44; Акты Зап. Рос. II, № 159; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 257; Записей XXXVII, л. 140—144; XXXIX, л. 494—497; Публичныхъ дѣлъ X, л. 44, 45.

⁸⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 83—88.

новинностей) и даяла и предоставилъ имъ «однымъ конемъ на войну ходить, какъ и наши бояре ходять»⁹⁾. Онъ же освободилъ отъ тяглой службы предковъ нѣкоторыхъ Жорославскихъ бояръ Городенскаго повѣта и велѣлъ имъ служить военною службою вмѣстѣ съ другими боярами Городенскими¹⁰⁾. Великій князь Сигизмундъ Кейстутевичъ во время своего похода къ Брянску вызволилъ съ тяглой службы предка нѣкоего Яна Ганцевича и велѣлъ ему «боярскою службою служить»¹¹⁾. Переводъ съ тяглыхъ и другихъ службъ совершался иногда по инициативѣ самихъ «людей». Такимъ образомъ, напр., въ 1514 году королю Сигизмунду билъ челомъ слуга съ Кіева Лавринъ Станкевичъ и просилъ короля вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «они дѣй люди достаточныи, могутъ... гораздо службу земскую заступовати». Король исполнилъ эту просьбу, вызволилъ Станька и его сыновей Янка и Мартина отъ трехъ тяглыхъ службъ, отпустилъ имъ даяла и всѣ «дачки», которыя они давали господарю и его урядникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они заступали земскую службу «у трехъ зброяхъ» и имѣли коней, «зброй и брони такъ достаточне, какъ и инымъ подданымъ нашимъ шляхтѣ рассказали есмо къ службе нашей достаточне ся мети»¹²⁾. Въ 1541 году тому же королю Сигизмунду билъ челомъ сокольникъ Сташко Тузиковичъ, прося вызволить его отъ службы соколицкой и дать ему земли, коими онъ владѣеть въ волости двора Пенянскаго, «на службу боярскую земскую». По справкѣ, данной державцею Пенянскимъ, что это двору господарскому не будетъ «шкодно», король перевелъ просителя на военную земскую службу, обязывая отправлять ее такъ, «яко иншие бояре наши намъ служить», и добавляя: «а иншихъ службъ служить и никоторыхъ подачокъ онъ самъ и его потомки давати не мають»¹³⁾. Достаточные люди изъ податныхъ классовъ переводились на боярскую службу не только господаремъ, но и мѣстными правителями, напр., Жмудскими старостами, у которыхъ они «ввупались на боярство»¹⁴⁾. Всѣ эти лица, служившіе вмѣстѣ съ боя-

⁹⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 331, 332.

¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209, 210.

¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 218.

¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 117, 118.

¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

рами, и слыли обыкновенно за бояръ ¹⁵⁾, хотя и не приравнявались къ настоящимъ извѣчнымъ боярамъ, благороднымъ людямъ. Поэтому, напр., когда вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ захотѣлъ получить съ прибывшаго его боярина Михайла Рымковича «шляхетское безчестье», т. е. 12 рублей грошей, на томъ основаніи, что великій князь Сигизмундъ вызволилъ его предка отъ тяглой службы и велѣлъ ему служить боярскою службою, король Сигизмундъ, разбиравшій его жалобу, отказалъ ему въ искѣ—на томъ основаніи, что хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но шляхетства ему не далъ. Поэтому король присудилъ Яну Ганцевичу безчестье «какъ которому путному слугѣ», т. е. рубль грошей ¹⁶⁾. Если къ исконнымъ боярамъ не приравнявались бояре, переведенные съ тяглой на боярскую службу самимъ господаремъ, тѣмъ болѣе не признавались въ боярскомъ «станѣ» люди, обоярившіеся черезъ мѣстныхъ правителей, воеводъ и старостъ. Поэтому и по уставѣ 1557 года шляхтичами, настоящими боярами, въ Жмудской землѣ признаны были лишь тѣ, кто былъ въ этомъ «станѣ» «за староства пана Станислава Яновича, рекомаго Кезкайла, и за сына его пана Станислава Станиславовича (1486—1532), а тѣ, которые сдѣлались боярами по смерти ихъ «за вкушы своими», не были признаны «ровного права зъ шляхтою» ¹⁷⁾. Благодаря тому, что не всѣ, носившіе имя бояръ, считались настоящими боярами, благородными людьми, мы встрѣчаемъ въ актахъ случаи *возведенія въ шляхетство бояръ*. Такой случай имѣлъ, напр., мѣсто въ 1529 г. 9 сентября на великомъ Виленскомъ сеймѣ: король Сигизмундъ зачислилъ въ шляхту боярина Курклевского повѣта Николая Кгайдомовича и далъ ему «знамя шляхетское», т. е. гербъ, освободивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, «отъ всякъ особливыхъ послугъ, подачоекъ и обтяжливости, которыя кольвекъ на него часу нешляхетства на него належали» ¹⁸⁾.

Итакъ, боярское званіе сверхъ благородныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, съ незапамятныхъ временъ бывшихъ боярами, носили и простые люди, освобожденные отъ «дачоекъ» и «тяглей» и обложенные военною повинностью. Сближеніе благородныхъ военнослужилыхъ людей съ «простыми» совершалось и обратнымъ путемъ, т. е.

¹⁵⁾ Потомки вышеупомянутаго Крупоса именовались боярами Круповичами и служили военную службу подъ хоругвью Радуньскаго повѣта.

¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

¹⁷⁾ Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 142—145.

не восхожденіемъ простыхъ людей до боярства, а нисхожденіемъ «извѣчныхъ» боярь до податного и тяглаго состоянія. Происходило это разнообразными путями. Въ Жмудской землѣ, напр., многіе бояре-шляхта «за великими упадками своими» перестали съ своихъ домовъ служить военную службу и начали давать «подачки» великому князю съ своихъ земель. Ихъ перестали уже различать отъ податныхъ людей, и король Сигизмундъ долженъ былъ поручить старостѣ Жмудскому Станиславу Яновичу произвести специальное «выведанье», кто изъ нихъ «правые» бояре ¹⁹⁾. Очень часто бояре или земляне—шляхта тѣмъ или другимъ путемъ приобретали крестьянскія земли и вмѣстѣ съ ними принимали на себя и крестьянскія повинности, не переставая въ то же время быть боярами, а иногда даже нести одновременно и военную службу. Такимъ образомъ, напр., при великомъ князѣ Александрѣ бояринъ Коневскій Юргелисъ Некрашевичъ, получивъ отъ господара землю конюшскую Яновщину, обязался нести съ нея службу конюшскую и давать дякло, и только преемникъ Александра—Сигизмундъ освободилъ его отъ этихъ повинностей и велѣлъ служить военною службою ²⁰⁾. Тотъ же Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1511 году землянину Бѣльскому Николаю Петрыковскому двѣ крестьянскія пустощины, Пухмовщину и Гриневщину, давныя ему еще при Александрѣ мѣстнымъ державцею, обязалъ его съ этихъ земель, кромѣ военной службы, «порубы до гаевника давати и куницу, и дань медовую,—и обѣдъ нашъ (господарскій) зъ иными людьми поднимати» ²¹⁾. Землянамъ же Бѣльскимъ Андрею Брезынскому и Войтку Петровичу Сигизмундъ пожаловалъ восемь крестьянскихъ пустощинъ, составлявшихъ въ общей сложности два жеребья, съ обязанностью платить съ этихъ земель ежегодно по 48 грошей и полтора ведра меду, давать дякла и служить земскую службу ²²⁾.—Человѣкъ господарскій Ковенскаго повѣта Юшко Кинбутовичъ, будучи при старости и не имѣя дѣтей, съ разрѣшенья мѣстнаго державцы взялъ себѣ «за сына мѣсто» боярина Ковенскаго Балтромея Яновича. По челобитью боярина король Сигизмундъ утвердилъ его наслѣдникомъ земли и «статковъ» Юшка Кинбутовича съ условіемъ: «а намъ зъ нее службу служить тую, которую намъ передъ тымъ тотъ Юшко съ тое земли служылъ» ²³⁾. Крестьянскія земли

¹⁹⁾ Акты Вилен. Комм. XXIV, № 19—21.

²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.

²¹⁾ Тамъ же. л. 94.

²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.

²³⁾ Тамъ же, л. 125.

съ крестьянскими повинностями брали обыкновенно измельчавшіе и обѣднѣвшіе бояре, которымъ не подь силу было съ однихъ своихъ отчинъ нести военную службу, или которые даже совсѣмъ сошли съ своихъ отчинъ. Результатомъ такого сближенія бояръ съ «простыми» людьми на почвѣ землевладѣнія и повинностей и появились такіе разряды бояръ, которыхъ нельзя было причислить ни къ настоящей шляхтѣ, ни къ «людямъ» господарскимъ, которые не укладывались въ рамки существовавшихъ законоположеній о боярахъ. Таковы были, напр., бояре Рудоминскаго повѣта, которые обязаны были косить сѣно на господарскій дворъ ²⁴⁾, несмотря на то, что уже привилея 1387 года освободилъ литовскихъ бояръ отъ барщинныхъ работъ на господара, а привилея 1447 года выразительно подтвердилъ это для бояръ всѣхъ земель великаго княжества ²⁵⁾.

Итакъ, хотя привилея, даровавшіе литовско-русскимъ боярамъ права и вольности польской шляхты, и создали въ Литовско-Русскомъ государствѣ особое шляхетское сословіе, но это сословіе не выдѣлилось сразу и не обособилось рѣзко отъ остальной народной массы. Причина этому была та, что составъ литовско-русскаго боярства, изъ котораго создано это сословіе, былъ въ дѣйствительности шире тѣхъ сословныхъ рамокъ, которыя ставила шляхетская идея исконной знатности, благородства и рыцарскихъ «вчинковъ».

§ 2.

Вслѣдствіе того, что шляхетское сословіе своими нижними слоями тѣсно сплеталось съ верхними слоями крестьянства какъ на почвѣ землевладѣнія и повинностей, такъ и въ самомъ названіи, и правительственные органы, и крестьянскія власти, и частныя лица по временамъ не различали бояръ-шляхту отъ «простыхъ людей», нарушали ихъ шляхетскія права или унижали ихъ шляхетское достоинство. Боярамъ-шляхтѣ приходилось нерѣдко возстаивать судебнымъ порядкомъ свою принадлежность къ шляхетскому сословію, или «выводить»

²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 9, 401. Въ 1537 году королю Сигизмунду былъ челомъ секретарь латинскій Венцлавъ Миколзевичъ о томъ, «што жъ котории пашни и люди свои маеть у повете Рудоминьскомъ, яко даннну нашу и куплю, такъ и по жоне своей, абыхмо его съ тыми его пашнями вызволили отъ кошенья сеножатей двора нашего Рудоминского, котории косять бояре тамоннии Рудоминскіи, и на то дали ему нашъ листъ». Король исполнилъ его просьбу. Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 75.

²⁵⁾ Zbiór praw litewskich, str. 1, 2; Акты Зап. Рос. I, № 61.

свое шляхетство. Заслуживаютъ поэтому вниманія тѣ доводы, которые приводились въ доказательство шляхетства, ибо они проливаютъ свѣтъ на то, какіе слои боярскаго класса составили основной контингентъ шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Въ 1473 году предъ королемъ Казимиромъ нѣкоторые десятники «прискивали» въ тяглую службу бояръ Невойновичей, Виштортовичей, Кгинцевичей и Ейдикгиновичей, указывая на то, что они давали дякла при великомъ князѣ Витовтѣ. Бояре въ доказательство противнаго сослались на пановъ Радивила Остиковича и Михаила Монтовтовича, которые засвидѣтельствовали, «што жъ дедъ ихъ—пана Якуба Раловича деду рожоный братъ, а дякла не давали за великого князя Витовта и за великого князя Жикгимонта». Казимиръ, разсмотрѣвъ дѣло съ панами-радою, урядилъ, «штожь имъ на надобе дяколь давати, ани иншихъ которыхъ служебъ съ селяны служити: потому, какъ которыхи шляхтичи служатъ, такъ имъ служити»²⁶).—Въ 1495 году предъ великимъ княземъ Александромъ приставъ и вся волость Немонитская «прискивали посполъ съ собою сена косити» бояръ Немонитскихъ Юрія Динкгайлловича, Юшка Николаевича, Каца Айнаревича, Мацка Бутримовича и Радивила Немировича. Бояре заявили, что ихъ о томъ «смотрѣлъ» воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ Яновичъ (1491—1497), нашель ихъ въ томъ правыми и выдалъ имъ свой судебный листъ. Этотъ листъ они предъявили великому князю. Великій князь, не удовольствовавшись этимъ, спросилъ ихъ: «маете ль вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре?» Бояре указали на то, что у нихъ есть братья шляхта—бояре Новкуновцы въ Ейшишскомъ повѣтѣ. Великій князь поручилъ тогда державцѣ Ейшишскому Петру Радивилевичу допросить Новкуновцовъ, дѣйствительно ли вышеупомянутые бояре имъ братья, и сами они «зъ роду бояре ль суть». Новкуновцы подтвердили ихъ показаніе, а въ доказательство того, что сами они бояре, представили судебные листы пана Радивила, въ которыхъ упомянуто, «што жъ они зъ века бояре шляхта суть». Державца отписалъ обо всемъ этомъ господарю, который на основаніи всѣхъ доводовъ нашель бояръ Немонитскихъ правыми и присудилъ: «не надобе имъ сена зъ волостью косити и иныхъ служебъ служити: нехай они службу намъ служить боярскую, какъ и инши которыхи бояре шляхта»²⁷).—Въ 1496 году великому князю Александру жаловались бояре Радунскіе Олехно Андреевичъ, Андрей Нецевичъ и Мацко съ братею,—всего

²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 14, 15.

²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 50.

семь человекъ, на намѣстника Радуньскаго Януша Костевича, «штожь имъ велель сено косити и дякла давати и за то ихъ былъ самихъ поималъ и въ нятстве держалъ и дома ихъ пограбилъ», между тѣмъ какъ они «зъ роду суть бояре шляхта, сена не кошивали и дяколь не даивали». Въ доказательство этого бояре представили, во-первыхъ, судебный листъ воеводы Троцкаго пана Андрея Саковича (быль воеводою въ пятидесятихъ годахъ XV ст.), который судилъ ихъ по дѣлу о невыполненіи этихъ же повинностей съ приставомъ и волостью Радуньскою и нашель, что они, какъ бояре, не обязаны выполнять этихъ повинностей; во-вторыхъ, судебный листъ другого воеводы Петра Яновича, который судилъ ихъ съ приставомъ Радуньскимъ Кирвелою и на основаніи представленныхъ ими судебныхъ листовъ пана Андрея Саковича и самого короля Казимира, подтвердившаго судъ Саковича, нашель ихъ также правыми. На основаніи всѣхъ этихъ листовъ и великій князь Александръ призналъ: «не надобе имъ сена косити и дяколь давати, и мають они намъ служити службою тою, какъ и иншіе бояре шляхта»²⁸⁾.—Въ 1509 году королю Сигизмунду жаловались Смоленскіе бояре Ена и Михей Досуговы на боярина же Ѳедора Мирославича, который выпросилъ ихъ у короля Александра «за щитныхъ людей», между тѣмъ какъ они «суть бояре, и предки ихъ волости держивали». Въ доказательство Досуговы представили листы великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича и пана Ивана Гаштольдвича, а также листъ самого короля Александра, который, довѣдавшись, что Ѳедко выпросилъ ихъ «негораздо», писалъ намѣстнику Смоленскому Юрію Андреевичу, «ажьбы онъ тому Ѳедку не казалъ въ нихъ са вступати». Сигизмундъ, выслушавъ эти листы, допрашивалъ еще Смоленскихъ окольныхчихъ, что за люди Досуговы. Окольные показали, «нижъ они люди добрыи, бояре». Тогда король, «порозумѣвши съ паны радами», нашель Досуговыхъ правыми, приказалъ имъ служить по давнему и запретилъ Ѳедку въ нихъ вступаться, а все, что онъ побралъ съ нихъ, приказалъ имъ вернуть²⁹⁾.—Бояринъ Полоцкій Костюшко Вареоломеевичъ «примовилъ ку чти» боярамъ Барiboldовичамъ, говоря, что они вовсе не бояре, а слуги городовые. По жалобѣ Барiboldовичей король поручилъ рассмотреть это дѣло воеводѣ Виленскому, канцлеру, пану Николаю Николаевичу (1510—1522). Въ доказательство своего шляхетства Барiboldовичи представили: листъ великаго князя Витовта, удостовѣряющій, что прадѣдъ ихъ Михалко

²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XII, л. 78—80.

²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 285, 286.

держалъ отъ него волость Полоцкаго повѣта Мородно; листъ короля Казимира, удостовѣряющій, что дѣдъ ихъ Сурвило выбиралъ на господаря куницы варныя; другой листъ Казимира, удостовѣряющій, что Сурвило держалъ ключъ медовый; и наконецъ, листъ державцы Полоцкаго Олехна Судимонтовича, изъ котораго видно, что онъ по приказанью короля Казимира до вѣдывался, «если бы деду ихъ Сурвилу зъ братомъ Ивашкомъ годно тотъ ключъ держати», и предоставилъ ему «ключъ» на два года послѣ Сенка Яцкевича Епимаховича. По докладу объ этомъ пана Миколая Миколаевича Сигизмундъ, «съ паны радами порозумевши», рѣшилъ, «ижъ они суть бояре, люди добрыи, а не слуги путныи», и выдалъ имъ на то свой листъ ³⁰⁾. Вопросъ о шляхетствѣ рѣшался и простыми показаніями околичныхъ бояръ-сосѣдей, что извѣстные землевладѣльцы «зъ вѣковъ бояре шляхта». На основаніи такихъ показаній оставлялъ при шляхетствѣ разныхъ Жмудскихъ бояръ панъ Станиславъ Яновичъ, посланный въ 1522 году «на выведане шляхты, которые за великими упадками своими, не могучи послуги военной служити зъ домовъ своихъ почали великому князю податки давати» ³¹⁾.

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ обнаруживается, что литовско-русское правительство склонно было признавать въ шляхетскомъ сословіи лишь тѣхъ бояръ, которые были въ боярскомъ званіи уже давно, въ тѣ самыя времена, когда выдавались первые привилеи, возводившіе литовско-русскихъ бояръ въ шляхетское сословіе. Въ этомъ смыслѣ выработана была господаремъ и панами радою на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1522 года общая «устава» «о выводѣ шляхетства за примовою» для руководства на будущее время. Назрѣвшая потребность въ изданіи особаго закона о «выводѣ шляхетства» какъ нельзя лучше подтверждаетъ высказанное выше утвержденіе, что въ боярскомъ классѣ благородное шляхетское сословіе въ разсматриваемое время сливалось съ простонародьемъ, съ крестьянствомъ, почти до неразличаемости. Господарь и паны-рада постановили: шляхтичъ, которому «приганено на честь», имѣеть выводить свое шляхетство двумя шляхтичами, которые должны подъ присягою показать, что онъ отъ прадѣда и дѣда одного съ ними рода и братъ имъ по крови; если не можетъ поставить двухъ, а только одного, то долженъ самъ лично подтверждать его показаніе присягою; если же не можетъ поставить на судъ ни одного свидѣтеля, то долженъ представить по крайней

³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 483—484.

³¹⁾ Акты Вилен. Коми., т. XXIV, № 19—21.

мѣрѣ старинные листы великаго князя Витовта, Сигизмунда и Казимира или въ некоторыхъ высокихъ пановъ-рады, въ которыхъ его предки или самъ онъ писаны боярами независимо отъ ихъ собственнаго показанія ³³⁾. Такимъ образомъ, новый законъ по существу лишь формулировалъ, хотя и не вполне, доказательства шляхетства, которыя и прежде фигурировали въ судебно-административной практикѣ. Вматриваясь въ общую тенденцію этого закона, видимъ, что, какъ и предшествующая практика онъ стремится утверждать въ шляхетскомъ словѣ только тѣхъ бояръ, предки которыхъ были въ этомъ званіи во время дарованія шляхетскихъ правъ и вольностей, и не признаетъ шляхтою бояръ, попавшихъ на боярскую службу позже, разумѣется, если только эти бояре не возведены въ шляхетство специальными привилеями.

Повидимому, на основаніи новаго закона рѣшено было 16 іюня 1522 года дѣло бояръ Любецкой волости Новгородскаго повѣта Першка и Андрея Игнатовичей, Павла и Петра Яцковичей. Этихъ бояръ привернулъ было къ своему имѣнью Любчу и съ землями ихъ, какъ простыхъ людей, дворянинъ Мартинъ Мелешковичъ. Бояре подали жалобу господарю, утверждая, что они шляхтичи и готовы «родъ братью свою поставити и съ того ся вывести». Они поставили на судѣ Кмиту Стретовича, Ивана Никоновича, Юрья Андреевича, которые показали, что прадѣдъ этихъ бояръ былъ ихъ дѣду родной братъ. Выслушавъ это

³³⁾ Описане артыкулу о выводе шляхетства за примовою.

Господаръ король съ паны радами на валномъ сойме Виленскомъ казалъ тотъ чловокъ у книги уписати: Естли хто кому приганить, ижъ бы не былъ шляхтичомъ, тогда тотъ, кому бы было приганено, маеть двама шляхтичы выводитися тымъ обычаемъ: естли кому бы было приганено, маеть двама шляхтичы выводитися тымъ обычаемъ: естли бы тые два шляхтичы повелили, ижъ тотъ, кому приганено. съ одного роду отъ прадеда, отъ деда, съ одное крови ииъ естъ братъ, а на томъ бы присягнули, таковой маеть таковою братьею родъ свой шляхетський очистити.

А естли жъ бы хто одного мель шляхтича и ровного себе, а двухъ не могъ достарчити, тогда тотъ маеть шляхтичъ съ тымъ, кому наганено, присягнути такимъ же обычаемъ, какъ и тыи веруписаныи шляхтичы присягнуть. Пакли жъ бы тотъ, кому наганено, не могъ ни одного шляхтича на то себе мети, а естли бы на то мель листъ у себе старый великаго князя Витолта и Жикгимонта або отца нашего Казимира короля его милости або некоторыхъ пановъ радъ высокихъ, а въ томъ бы листе писано его бояриномъ не подле его поведанья, нишли або у праве съ кимъ будетъ стоялъ або отъ кого до него листъ будетъ писанъ шляхтичомъ, тымъ онъ листомъ маеть шляхетство свое вывести». Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 309.

показанье, Сигизмундъ оставилъ названныхъ бояръ при шляхетствѣ и при ихъ земляхъ и постановилъ: «нехай они тые поля свои старыи и сѣножати держати, а намъ съ того службу земскую служить посполъ зъ бояры Новгородскими»³³⁾. Нужно сказать, однако, что какъ прежде, такъ и послѣ изданія вышеприведеннаго закона, практика по части доказательствъ шляхетства была шире этого закона, въ чемъ можно убѣдиться, напр., изъ слѣдующихъ случаевъ. Въ 1524 году 23 апрѣля воевода Троцкій князь Константинъ Ивановичъ Острожскій разсматривалъ тяжбу хоружія Ейшишскаго Станка Радивиловича и его братьи съ Ейшишскимъ бояриномъ Яномъ Юшковичемъ, говорившимъ, что они простые люди, а не шляхтичи³⁴⁾. На судѣ Янъ Юшковичъ сослался на мѣстнаго державцу пана Андрея Якубовича, который будто бы въ письмѣ своемъ къ господарю назвалъ ихъ простыми людьми. Хоружій съ братьею съ своей стороны представили листъ пана Богдана Андреевича, бывшаго воеводою Троцкимъ при королѣ Казимирѣ (1486—1490), листы королей Александръ и Сигизмунда и листъ тогдашняго державцы Ейшишскаго Андрея Якубовича, въ которыхъ сказано, «якъ они зъ веку суть бояре шляхта и хоружимъ родъ ихъ и они сами Ейшишскимъ». Этихъ доводовъ было вполне достаточно для доказательства шляхетства на основаніи закона 1522 года. Но князь воевода, не довольствуясь этимъ, произвелъ еще *опросъ вѣстьмъ боярамъ Ейшишскимъ*, «есть ли они шляхтичи, або ни». Послѣ того, какъ бояре показали, «же они здавна, еще за Казимера короля его милости, ажъ до сихъ часовъ не простые, але шляхтичи», воевода изрекъ свой приговоръ, коимъ оставилъ ихъ при шляхетствѣ. Судъ воеводы подтвердилъ король своимъ листомъ³⁵⁾. Въ томъ же 1524 году 9 августа дѣло о шляхетствѣ бояръ Пинскихъ Протасовичей было рѣшено на основаніи простого показанія *двухъ стороннихъ шляхтичей* Ивана Полоза и Матѳея Гричина, засвидѣтельствовавшихъ, что Матѳея Ивановичъ Протасовича «зъ роду зъ потужняками своими есть шляхтичомъ»³⁶⁾.

Итакъ, внесенное въ книгу Метрики «описане артикулу о выводе шляхетства» недостаточно полно и точно формулировало дѣйствовав-

³³⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 313.

³⁴⁾ На судѣ воеводы присутствовали: панъ Янушъ Богдановичъ Сопежича и панъ Войтехъ Нарбутовичъ, дворяне господарскіе, панъ Янъ Юндилъ и панъ Павелъ Зубовичъ, бояре Ейшишскіе.

³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XII, л. 73—75.

³⁶⁾ Акты Вилен. Кош., т. XXIV, № 29.

шее въ этомъ отношеніи право. Въ статутѣ 1529 года сдѣлана была попытка дать этому артикулу новую, болѣе удовлетворительную, редакцію. Одиннадцатый артикулъ III раздѣла этого статута постановлялъ, что шляхтичъ, о которомъ сказано кѣмъ-нибудь, что онъ не шляхтичъ, долженъ поставить въ качествѣ свидѣтелей двухъ шляхтичей изъ рода отца и матери, которые должны подтвердить подъ присягою, что онъ шляхтичъ; если же родъ его перевелся, тогда онъ долженъ поставить бояръ-шляхту околичныхъ, которые знаютъ, что онъ шляхетскаго рода, и тѣ также должны подтвердить это присягою; если же онъ чужеземецъ, прїѣзжій человекъ, тогда онъ долженъ съѣздить къ себѣ на родину и привезти оттуда официальное удостовѣреніе, что онъ благороднаго происхожденія; если бы онъ не могъ сдѣлать этого по случаю войны съ тою страной, откуда онъ родомъ, то можетъ поставить двухъ шляхтичей изъ одной съ нимъ страны, которые подъ присягою должны подтвердить его шляхетство. Эта новая редакція закона «о выводѣ шляхетства» при сопоставленіи ея съ дѣйствовавшимъ правомъ оказывается столь же неудовлетворительною, какъ и редакція 1522 года. Правда, что въ новой редакціи въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью расширенъ кругъ свидѣтелей, показаніями которыхъ можно выводилъ свое шляхетство. Но зато въ ней пропущенъ цѣлый отдѣлъ доказательствъ, коими также выводилось шляхетство, т. е. письменные документы. Между тѣмъ письменные документы, какъ до статута 1529 года, такъ и послѣ статута въ дѣйствовавшей судебно-административной практикѣ принимались на доводъ шляхетства. Хоружій Мстиславскій Мурза Маскевичъ побилъ и поранилъ «безвинно» боярина Мстиславскаго Радка Щолкановича и его жену. По жалобѣ боярина староста Мстиславскій кн. Василій Андреевичъ Полубенскій вмѣстѣ съ тамошними боярами присудили ему на Маскевичѣ 12 рублей шляхетскаго безчестья, а женѣ его 24 рубля, согласно статуту. Но хоружій, «хотячи съ того вынигнути а ничимъ его въ томъ отбыти и ку болшой шкоде его привести», назвалъ его «простымъ клопомъ», а не шляхтичемъ. Тогда Радко поставилъ бояръ тамошнихъ, людей добрыхъ-шляхту, которые признали его своимъ «кровнымъ», и кромѣ того положилъ *листы* князей Мстиславскихъ, князя Ивана Юрьевича и князя Михаила, въ которыхъ предки его и онъ самъ описаны «бояриномъ, человекомъ добрымъ, шляхтою». Староста не посмѣлъ учинить этому дѣлу конецъ и перенесъ его на судъ самого господара, который призналъ доводы Радка достаточными, оставилъ его при шляхетствѣ и приказалъ старостѣ взыскать съ хоружія какъ шляхетское безчестье въ пользу Радка и его жены, такъ и всѣ его протори и

убытки, которые онъ потерпѣлъ въ этой тяжбѣ (7 окт. 1537 года)³⁷⁾.— Старостѣ Жмудскому, державцѣ Плотельскому и Тельшевскому, пану Ерониму Александровичу Ходкевичу приставъ, поприставъ и нѣкоторые люди волости Полонгской донесли на боярѣ той же волости Юрія Ездайтиса и Луку Миникайтиса, будто бы они обязаны давать ему, какъ державцѣ Плотельскому, стацію, ибо они давали стацію его предшественникамъ. Но бояре, ставъ передъ старостою, заявили, что они шляхта и никогда не давали стаціи старостамъ и не платили подарка господарю, но всегда служили господарю службу военную конно и збройно, какъ и другіе бояре-шляхта. Въ доказательство они представили *листы* Яна Рекутя и его сына Станислава Яновича и прежнихъ старостъ Жмудскихъ, въ которыхъ написано, что этимъ боярамъ розданы имѣнья въ волости Полонгской на службѣ военной съ освобожденіемъ отъ всякихъ другихъ повинностей, какія выполняютъ простые люди. Пристава въ свою очередь подтвердили, «ижь они суть зъ вековъ бояре шляхта и жадного плату господарю его милости не даютъ, одно службу земскую господарю его милости служатъ». На основаніи всѣхъ этихъ показаній староста не сталъ требовать съ боярѣ стаціи и выдалъ имъ листъ (3 мая 1547 года), коимъ они навсегда освобождались отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной службы господарю³⁸⁾. Всѣ эти факты въ общей сложности убѣждаютъ, что дѣйствовавшее право въ отношеніи «вывода шляхества» не формулировано полностью ни въ законѣ 1522 года, ни въ статутѣ 1529 года, что оба закона въ данномъ отношеніи не исключаютъ, а только взаимно пошолняютъ другъ друга. Можно, слѣдовательно, сказать, что по дѣйствовавшему въ Литовско-Русскомъ государствѣ праву шляхтою признавались тѣ бояре и земляне, военно-служилые землевладѣльцы, которые показаніями родственниковъ и стороннихъ шляхтичей и официальными документами могли доказать древность и знатность своего рода.

Изъ рѣшеній, ставившихся по дѣламъ о шляхетствѣ, видно, что основной контингентъ шляхетского сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ данъ былъ тѣми боярскими фамиліями, которыхъ застали на боярской службѣ и при боярскихъ имѣньяхъ первые привилеи, насадившія шляхетскія права и вольности въ великомъ княжествѣ. Военно-служилые землевладѣльцы, попавшіе на боярскую службу позже, не

³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 210, 211.

³⁸⁾ Акты Вилен. Ком. XXIV, № 65. Срав. также № 80.

всегда попадали въ шляхетское сословіе, если не имѣли специальныхъ привилеевъ на шляхетство.

§ 3.

Разборъ дѣлъ о шляхетствѣ исподоволь выяснялъ наличность благороднаго шляхетскаго класса въ Литовско-Русскомъ государствѣ и тѣмъ способствовалъ его обособленію отъ военно-служилаго и тяглаго простонародья. Лица, возстановившія судебнымъ порядкомъ свои шляхетскія права, получали соответствующіе «листы», которые они хранили, какъ свои шляхетскіе «клеюты», какъ фамиліное сокровище, могущее пригодиться для ихъ потомковъ. При помощи этихъ листовъ потомки уже сравнительно легко возстановляли свое шляхетское достоинство, если оно попадало подъ сомнѣніе или униженіе. Такимъ образомъ, напримеръ, при помощи листа, выданнаго въ 1473 году королемъ Казимиромъ боярамъ Виштортовичамъ и Кгинцевичамъ, возстановили въ 1537 году свое шляхетское достоинство ихъ потомки—Стась Мицейковичъ съ братьею, Андреемъ Милковичемъ и Станиславомъ Стедевичемъ, Виштортовичи и Петръ Андреевичъ Кгинцевича, которыхъ державца Ейшишскій, Левъ Семеновичъ Чижъ, сталъ было «приворочать» въ тяглую службу «посполь зъ иными людьми Ейшышскими»³⁹⁾. На основаніи документовъ, полученныхъ боярами Радуньскаго повѣта Олехномъ Андреевичемъ, Андреемъ Нецевичемъ и Мацкомъ съ братьею, возстановили въ 1541 году свои шляхетскія права ихъ потомки, которыхъ мѣстный державца, панъ Шимко Мацковичъ, сталъ было чинить «крьвды и втисненья великии», а именно, приказывалъ имъ вмѣстѣ съ тяглыми людьми стоять на стражѣ у воротъ большого Троцкаго замка, «а въ ночи на замку кликати», «приворочалъ» ихъ къ другимъ работамъ дворнымъ Радуньскимъ и за неисполненіе ихъ всылалъ въ ихъ дома дѣцкихъ и «грабилъ» ихъ, тогда какъ они обязаны были только служить военную службу, оправлять замокъ Троцкій, стеречь вязней Москвичей въ замкѣ и ходить въ заставу до Минска, «яко и ивпше бояре шляхта повету Троцкога»⁴⁰⁾ и т. д. Помимо судебныхъ дѣлъ о шляхетствѣ, возникавшихъ спорадически и болѣе или менѣе случайно, выясненію наличности шляхетскаго сословія и обособленію его отъ низшихъ классовъ общества помогли не мало и нѣкоторыя общія административныя мѣры, принятыя въ великокняженіе Сигизмунда Старога.

³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 14, 15.

⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 78—80.

На первомъ планѣ здѣсь нужно поставить регистрацію шляхты, произведенную въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго и исправнаго отбыванія военной службы. Въ реестрѣ «попису земского» 1528 года почти вся наличная шляхта была перечислена по именамъ и фамиліямъ ⁴¹⁾. Мы не знаемъ, насколько полно и правильно сдѣлано было исчисленіе шляхты въ этомъ реестрѣ. Какъ бы то ни было, этотъ реестръ считался правильнымъ и вѣрнымъ, и къ нему стали обращаться за справками при разборѣ дѣлъ о шляхетствѣ. Такимъ образомъ, на примѣръ, когда приставы Ейшишскіе стали приискивать въ тяглую службу бояръ Святка Рафаловича, Матея Ганцовича, Анцупка Войтковича и братью ихъ, разбиравшій это дѣло воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій (1530—1537), не ограничившись опросомъ Ейшишскаго хоружія и бояръ-шляхты, «у реистрахъ, где вся шляхта суть списана, смотрель и тамъ знаполь, же ихъ зъ бояры шлихтою суть описано». Эта справка окончательно убѣдила воеводу, что вышеназванные бояре—шляхта, и онъ выдалъ имъ соотвѣтствующій листъ ⁴²⁾. Но что особенно важно,—помѣщеніе въ списокъ шляхты въ реестрѣ 1528 года въ глазахъ самихъ бояръ стало считаться официальнымъ признаніемъ ихъ шляхетскаго достоинства и основаніемъ для его возстановленія. Великій князь Александръ далъ Охрему и Ивану Сенковичамъ землю пустоховскую Андреевщину и Омельяновщину въ Остринской волости, «где передъ тымъ два брата Ондреецъ и Омельянъ седили», и велѣлъ имъ съ этой земли «службу земскую служити, на войну посполу зъ бояры Остринскими ездити». Но при Сигизмундѣ писарь дворовъ Троцкаго повѣта Богданъ Мацковичъ сталъ имъ «кривду чинити», за одно съ путными слугами править на нихъ «копъ осадныхъ» (согласно съ уставою 1529 г.) и свои писарскіе пожитки, за что «детей ихъ поималъ и у вязенье посажалъ, и грабежи имъ поделалъ». Тогда Сенковичи обратились съ жалобою къ господарю, при чемъ указывали, что съ пожалованной имъ земли они всегда служили земскую службу вмѣстѣ съ боярами Остринскими, «а иныхъ жадныхъ служобъ и подачокъ не знавали», а когда по приказанью короля было «пописывано» все великое княжество, тогда и они записаны были въ реестръ вмѣстѣ съ боярами Остринскими; вмѣстѣ съ боярами же Остринскими писались они обыкновенно и въ гетманскихъ реестрахъ. Согласно съ этимъ указаніемъ король писалъ подскарбію земскому Ивану Горностаю: «ажъ

⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I; Акты Виленской Комиссіи, т. XXIV. № 31; Archiwum Sanguszków III, № CCCXLV,

⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 92.

бы еси тые рейстра, яко все панство наше великое князство пописывано, которые у тебе суть у скарбе нашомъ, передь собою отвориль, а къ тому и въ рейстра гетманскии угленулъ и попису бояръ Остринскихъ огледалъ и межы оными бояры имени ихъ осмотрель». Если бы имена ихъ оказались дѣйствительно на одномъ реестрѣ съ Остринскими боярами, особо отъ слугъ путныхъ и тяглыхъ людей, подскарбій долженъ былъ дать имъ выпись изъ этого реестра съ приложеніемъ своей руки и печати и приказать писарю, чтобы онъ не взыскивалъ съ нихъ своихъ «пожитковъ» и «копъ осадныхъ», а если бы именъ ихъ въ этомъ спискѣ не оказалось, подскарбій долженъ былъ увѣдомить писаря, чтобы онъ поступалъ съ ними, какъ съ путными слугами⁴³⁾. И позже реестръ «попису земского» 1528 года служилъ для справокъ о шляхетствѣ, и выписями изъ него доказывали свое шляхетское происхожденіе разныя лица⁴⁴⁾. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что онъ уцѣлѣлъ въ книгахъ Метрики до настоящаго времени, въ копіи, сдѣланной въ концѣ XVI вѣка.

Итакъ, въ 1528 году составлена была своего рода дворянская книга, опредѣлившая, хотя бы и приблизительно, наличность шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Вскорѣ послѣ регистраціи шляхетскаго сословія приняты были нѣкоторыя другія мѣры, которые въ результатѣ своемъ должны были еще рѣзче отграничить шляхту отъ простонародья, чѣмъ это сдѣлалъ земскій «попись» 1528 г. Бояре-шляхта, какъ видно изъ приведенныхъ выше актовыхъ свидѣтельствъ, очень мало различались отъ такъ называемыхъ путныхъ бояръ или слугъ. По новой уставѣ, данной въ 1529 году въ руководство державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, а также дворовъ и волостей Жмудской земли⁴⁵⁾, путные бояре взамѣнъ военной службы обложены были «осадными копами» и барщинными повинностями въ размѣрѣ двѣнадцати дней въ году⁴⁶⁾. Послѣ такого перевода на «тяглую службу»⁴⁷⁾ уже нельзя было смѣшивать бояръ-шляхту и бояръ путныхъ. Этотъ переводъ производился писарями господарскихъ дво-

⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 28, 29.

⁴⁴⁾ Акты Виленской Комиссіи, т. XXIV, № 30, 32.

⁴⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, 160; Архивъ Юго-Западной Россіи, часть VI, т. I, № VII.

⁴⁶⁾ Правительство, очевидно, сознало малую пригодность для военной службы путныхъ бояръ-земледѣльцевъ и предпочло перевести ихъ повинность на деньги въ расчетѣ замѣнять путныхъ бояръ наемными «служебными».

⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 339—340.

ровъ, которые согласно съ новою уставою стали объѣзжать эти дворы, устанавливая и пописывать господарскіе «пожитки» ⁴⁸⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда писари по недоразумѣнію облагали тяглыми повинностями бояръ-шляхту, послѣдніе доходили до господаря и восстанавливали свое шляхетство. Такимъ образомъ, напр., когда писарь дворовъ Троцкаго повѣта Богданъ Мацковичъ привернулъ къ работамъ дворнымъ и вписалъ съ тяглыми людьми нѣкоторыхъ бояръ Вилкейской волости, послѣдніе обратились сначала за ходатайствомъ къ прежнему державцѣ пану Александру Ходкевичу, а затѣмъ непосредственно къ королю съ заявленіемъ, «ижь они суть люди добрые, шляхта, и зъ вековъ посполь зъ иными бояры тамошними земанскою службою служить, на войну ездять, а николи поседей не чынивали и служобъ до двора нашего никоторыхъ не служывали». Въ доказательство они представили листы старосты Жмудскаго Яна Кезьгайла (1451—1485), бывшаго державцы Вплькейскаго Александра Ходкевича и самого короля Сигизмунда. Поручивъ писарю Жмудскихъ дворовъ Андрею Мацкевичу для окончательнаго разьясненія дѣла допросить мѣстныхъ бояръ-шляхту, Сигизмундъ распорядился о томъ, чтобы писарь не принуждалъ ихъ къ тяглымъ работамъ, буде они выведутъ свое шляхетство «братъею своею шляхтою» (23 июня 1530 года) ⁴⁹⁾. Писарь дворовъ Виленскаго повѣта Миколай Андрошевичъ наложилъ «копы осадныя» на Пенянскихъ бояръ Бетикгольцевъ — Миколая Сядковича, Петра Станевича, Станислава Нарбутовича и Юрія Янковича, какъ на путныхъ слугъ. Бояре, не имѣя должныхъ доказательствъ своего шляхетства, обратились къ панамъ раднымъ, прося ихъ ходатайства передъ королемъ и указывая, что они всегда служили службою военною вмѣстѣ съ боярами-шляхтою. Паны-рада написали королю, пребывавшему въ то время въ Польшѣ, и просили оставить Бетикгольцевъ на шляхетской боярской службѣ въ виду того, что по гетманскимъ реестрамъ они всегда служили вмѣстѣ съ боярами-шляхтою и что для господаря отъ этой ихъ службы будетъ «лепшая послуга, нижли тые копы». «А то бы, ваша милость, — заключали паны-рада свое ходатайство, — господарь нашъ милостивый, для чоломбятъ нашего вчинити рачылъ». Король исполнилъ эту просьбу и выдалъ боярамъ Бетикгольцамъ листъ (отъ 24 мая 1541 года), утвер-

⁴⁸⁾ Писарей было установлено четверо: для дворовъ Виленскаго повѣта, для дворовъ Троцкаго повѣта, для Жмудской земли, для Поднѣпрскихъ волостей. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 540—542; XXI, л. 1—2, 81—82; Судныхъ дѣлъ IV, л. 295, 311, 333. 339—340, 346—347.

⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 343.

ждавшій ихъ въ шляхетскомъ сословіи ⁵⁰⁾. Можно сказать, слѣдовательно, что введеніе въ дѣйствіе новой «уставы» по управленію господарскими дворами и волостями псдвинуло впередъ сословную дифференціацію въ великомъ княжествѣ. Въ силу этой ustawy производилась регистрація тяглаго населенія и переводъ въ его составъ военно-служилыхъ людей нешляхетскаго происхожденія. Все это содѣйствовало, разумѣется, въшщему обособленію и выдѣленію собственнаго шляхетскаго сословія. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что этотъ процессъ сословной дифференціаціи совершался усиленно лишь тамъ, гдѣ дѣйствовали «новыя уставы», т. е. въ предѣлахъ собственной Литвы, въ Жмудской землѣ и отчасти на «Руси» и Подляшѣ.

§ 4.

Процессъ сословной дифференціаціи, сопровождавшій введеніе «уставы» 1529 года и дѣятельность учрежденныхъ по этой уставѣ писарей господарскихъ дворовъ, продолжался и въ великокняженіе Сигизмунда-Августа въ связи съ производствомъ волочной «помѣры», введеніемъ новой хозяйственной «уставы» и дѣятельностью ревизоровъ, замѣнившихъ собою писарей господарскихъ дворовъ. При волочной помѣрѣ еще тщательнѣе, чѣмъ при введеніи ustawy 1529 года, производился пересмотръ правъ состоянія. Въ это время окончательно установился взглядъ на крестьянскія земли и на самихъ крестьянъ, какъ на собственность господара: «кгда жъ кметъ и вся его маетность наша есть». Поэтому крестьянскія земли, какого бы они происхожденія не были, отчинныя ли, купленныя или «заставныя», отбирались у ихъ владѣльцевъ, мѣрились на волоки и сдавались на новыхъ условіяхъ тѣмъ же владѣльцамъ или другимъ. Крестьяне не имѣли права претендовать на какое-либо вознагражденіе въ тѣхъ случаяхъ, если не получали своихъ земель обратно полностью. «Отмена», или вознагражденіе, давалось только землянамъ, или боярамъ-шляхтѣ, у которыхъ при новой помѣрѣ по техническимъ причинамъ занимались части ихъ имѣній. Естественно, слѣдовательно, что при производствѣ волочнаго измѣренія долженъ былъ производиться тщательный пересмотръ правъ различныхъ землевладѣльцевъ. Чтобы не лишиться своихъ имѣній или получить за земли, помѣренныя на волоки, «отмену», бояре и земляне должны были передъ «мѣрчими» или «ревизорами» доказывать свои владѣльческія и шляхетскія права. Они обыкновенно представляли

⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 128, 129.

свои «клейноты», т. е. документы, подтверждающіе ихъ «шляхетство»³¹⁾, или выводили шляхетство своею «братъею шляхою». Послѣдній доводъ не всегда принимался ревизорами или мѣрчими, и шляхетскіе грунты по временамъ попадали въ волочную помѣру. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы обращались къ господарю и старались вывести передъ нимъ свое шляхетство и свое право на землю. Такой случай имѣлъ мѣсто, напр., въ 1551 году. Согласно съ показаніемъ Ейшишскаго державцы пана Богдана Хребтовича, что бояре Ейшишскіе Якубъ Балтроевичъ съ братьями Блажеемъ и Валентомъ «съ предковъ своихъ» люди тяглые, а не шляхта, и передъ тѣмъ всегда служили тяглою, а не боярскую службу, помѣрчій Иванъ Михайловичъ помѣрилъ ихъ земли на волоки. Тогда бояре обратились съ жалобой къ господарю, который поручилъ разобрать ихъ дѣло маршалкамъ, «на sprawy судовыи высажонымъ»,—пану Василью Тишковичу, державцѣ Минскому и Волковийскому, Криштофу Юрьевичу Завишѣ и Яну Шимковичу, державцѣ Коневскому и Дубицкому. На доводъ своего шляхетства бояре поставили двухъ шляхтичей со стороны отца, Щастнаго Довкпевича и Миколая Кондратовича—герба Сренева, и двухъ со стороны матери, Андрея Михайловича и Щастнаго Невойновича—герба Павдивца. Эти шляхтичи подъ присягою показали, что вышеупомянутый Якубъ съ братъею—шляхтичи, а не люди тяглые. Судьи доложили объ этомъ господарю для окончательнаго приговора. Господарь «не для присягы и сведецтва» вышеупомянутыхъ бояръ (очевидно, ихъ собственное шляхетство было сомнительнымъ), но «зъ особливое ласки своее» и по просьбѣ пановъ-рады дворныхъ оставилъ Якуба Балтроевича и братъевъ его при шляхетствѣ и предоставилъ имъ печататься гербомъ Среневою «и всихъ вольностей шляхетскихъ вживати потому, яко жѣ иншии бояре шляхта». Что же касается забранныхъ у нихъ земель, король приказалъ мѣстному державцѣ возвратитъ ихъ по принадлежности и впредъ не приворочать ихъ и ихъ потомковъ въ тяглою службу. Все это король сдѣлалъ только для Якуба Балтроевича и его родныхъ братъевъ. «А што ся дотычетъ иншое братъи ихъ кровное, не рожное,—читаемъ въ листѣ короля,—которые тамъ жо у волости нашей Ейшишской суть, тые предъся службою тяглою ку двору нашему Ейшишскому службыти и платы волочныи намъ давати

³¹⁾ Ревизоры переписывали всѣ эти документы въ особую книгу какъ бы въ оправданіе, почему они не помѣрили извѣстныхъ земель на волоки. См. «Ревизію пущъ и переходовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ»: Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 197—204.

мають»⁶²).—Вопросы о шляхетствѣ рѣшались иногда до помѣры боярскихъ земель на волоки, послѣ предварительнаго опроса мѣстныхъ властей о томъ, кто состоитъ въ шляхетскомъ сословіи. Такимъ образомъ, напр., въ 1558 году бискупъ Виленскій Валеріанъ по комиссіи отъ господара разсматривалъ цѣлый рядъ дѣлъ о шляхетствѣ разныхъ бояръ Ейшишскихъ, земли которыхъ предстояло помѣрять на волоки. Въ числѣ этихъ бояръ оказались и родственники вышеупомянутыхъ Якуба, Блажея и Валента Балтроевичей, которые въ 1551 году показывали подъ присягою, что эти бояре-шляхта гербу Сренява, а теперь сами хотѣли вывести собственное шляхетство, опираясь на привилей, полученный Якубомъ Балтроевичемъ и его братьями. Но ихъ тактика не удалась. Присутствовавшіе на судѣ князя бискупа ревизоры Станиславъ Райскій и Война объяснили, что господаръ оставилъ при шляхетствѣ только одного Якуба Балтроевича и его родныхъ братьевъ «зъ ласки своее, а не на тую присягу ихъ», всѣмъ же остальнымъ боярамъ этого рода—Лапикламъ велѣлъ служить тяглою службою по давнему. Съ другой стороны хоружій Ейшишскій Янъ Станиславовичъ и нѣкоторые бояре-шляхта Себестіанъ Кгабріяловичъ, Лавринъ Янковичъ, Матей Митковичъ, Петръ Монтовиль и Бенедиктъ Янковичъ заявили, что они не шляхта, «але простыи люди, мужики», и что они не хотятъ имѣть ихъ въ своей средѣ. Въ виду всего этого князь бискупъ не «припустилъ» Лапикловъ къ шляхетству и отложилъ окончательное рѣшеніе объ нихъ «на розсудокъ и на вырокъ его милости господарскій». Король подтвердилъ снова, что они должны служить тяглою службою и, кромѣ того, распорядился, чтобы канцелярія впредь до его распоряженія задержала привилей на шляхетство, выданный Якубу Балтроевичу, въ виду того, что онъ ссудилъ его своимъ родственникамъ «для подпору» ихъ неосновательныхъ притязаній и показалъ своимъ роднымъ братомъ Блажея, который въ дѣйствительность не родной ему братъ.—Точно такъ же не довели своего шляхетства передъ княземъ бискупомъ и бояре Адамъ, Марко и Янъ Андроновичи Войсети. Хоружій Ейшишскій и шляхтячи Лавринъ Онцкевичъ, Юрій Петковичъ, Павелъ Спортикъ и Григорій Фодоровичъ показали, что эти люди «суть простое хлопство, а не шляхта, а батько ихъ десятникомъ бывалъ надъ волостью господарскою Ейшишскою». Войсети съ своей стороны не представили никакихъ доказательствъ своего шляхетства, и князь бискупъ велѣлъ имъ служить службою тяглою ко двору Ейшишскому. Но бояре Мижанцы, вызван-

⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 67, 68.

ные также на судъ князя бискупа, на доводъ своего шляхетства представили листы королей Казимира, Александра, Сигизмунда и Сигизмунда-Августа и много разныхъ другихъ листовъ, изъ которыхъ ясно оказалось, что они «суть со всемъ домомъ своимъ люди бояре, шляхта господарская». Хоружій и другіе шляхтичи показали, что всѣ эти бояре «одинъ родъ есть и тѣ листы, которые покладали, съ предковъ ихъ имъ служить». На основаніи всего этого князь бискупъ возвратилъ имъ всѣ представленные ими документы «и на службы тяглы ани на жадные иныше повинности, окромъ боярское шляхетское службы, не казалъ ихъ вернути»⁵³).—Признапіе въ шляхетствѣ во время волочнаго измѣренія, полученіе тѣмъ или другимъ землевладѣльцемъ «отмены» за занятую и помѣренную на волоки землю въ свою очередь стало служить доказательствомъ шляхетства въ послѣдующее время. Такимъ образомъ, напр., земляне Браславскаго повѣта Довборовичи въ 1562 году доводили свое шляхетство между прочимъ тѣмъ, что при помѣрѣ земель на волоки мѣрчіе дали имъ «отмену» за занятія у нихъ земли⁵⁴).

Такъ, помѣра на волоки дворныхъ и крестьянскихъ земель въ господарскихъ имѣніяхъ проводила рѣзкую границу между крестьянскимъ и шляхетскимъ сословіями. Вводившаяся послѣ помѣры такъ называемая волочная устава также содѣйствовала сословной дифференціаціи. По этой уставѣ военнотружильные крестьяне, какъ, напр., бояре путные, «вкупные» (въ Жмудской землѣ), борти, стрѣльцы, либо переводились совсѣмъ съ военной службы на чиншъ и тяглыя повинности, либо облагались въ половинномъ или третнемъ размѣрѣ по сравненію съ другими крестьянами, либо въ полномъ, за исключеніемъ тѣхъ годовъ, когда они отправляли свою специальную службу. Введеніе волочной уставы сопровождалось кромѣ того подробною и точною регистраціею тяглаго населенія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ ревизорскія книги, относящіяся къ нѣкоторымъ староствамъ, какъ, напр., Городенскому, Берестейскому, Пинскому и Кобрынскому. Эта регистрація должна была въ сильной степени содѣйствовать взаимному отграниченію и обособленію шляхетства и хлопства.

Весь этотъ интензивный процессъ сословной дифференціаціи происходилъ, однако, не во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ, а только въ тѣхъ областяхъ его, гдѣ производилось волочное измѣреніе и вво-

⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 197—204.

⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 13, 14.

дидась волочная устава, т. е. въ собственной Литвѣ, Жмуди, на Подляшьѣ, въ Полѣсьѣ и частью на «Руси» и Волини (въ Кременецкомъ и Владимірскомъ повѣтахъ). Но и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства одновременно съ этимъ приняты были нѣкоторыя мѣры, которыя должны были до извѣстной степени сходиться въ своихъ результатахъ съ волочною помѣрою и уставою. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ правленія Сигизмунда-Августа, въ 1545 году, произведена была ревизія Волевскихъ и Подольскихъ замковъ—Владимира, Луцка, Кременца, Брацлава, Винницы и Житомира, приведены были въ извѣстность и зарегистрированы всѣ мѣстные землевладѣльцы шляхетскаго званія и ихъ имѣнія, на которыхъ лежали замковыя повинности⁵⁵⁾. Въ 1552 году ревизія была повторена и распространена на замки Кіевской земли—Мозырскій, Остерскій, Чернобыльскій, Кіевскій, Каневскій и Черкасскій, при чемъ приведены были въ извѣстность и зарегистрированы мѣстные обыватели и нешляхетскаго происхождения, обязанные разными службами и повинностями къ перечисленнымъ замкамъ. Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ производилось межеванье земель и распредѣленіе ихъ по родамъ службъ въ русскихъ волостяхъ—Могилевѣ, Мстиславлѣ, Кричевѣ, Чечерскѣ, Пропойскѣ, Кричевѣ, Гомѣ, Рѣчицѣ, Мозыри, Бобруйскѣ и Свислочи. Во главѣ этого дѣла сначала поставлены были державца Чернобыльскій Скуминъ Львовичъ Тишковичъ и секретарь Миколай Нарушевичъ⁵⁶⁾. Но затѣмъ, по случаю отъѣзда Тишковича посломъ въ Крымъ (въ 1559 г.), «поставовленіе волостей русскихъ» поручено было маршалку, старостѣ Слонимскому, Григорію Воловичу и Миколаю Нарушевичу⁵⁷⁾. Ихъ помощниками въ Могилевской волости были намѣстникъ мѣстнаго державцы Боркулабъ Ивановичъ Корсагъ и дьякъ Андрей⁵⁸⁾. Изъ указаній, разсѣянныхъ въ актахъ Литовской Метрики, видно, въ чемъ состояло дѣло этихъ лицъ. Они помѣряли на волокн мѣстскія земли⁵⁹⁾ и раздавали ихъ на чиншъ⁶⁰⁾ и на разныя замковыя службы, напр., на службу «служковскую», пушкарскую

⁵⁵⁾ *Źródła dziejowie*, tom VI.

⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 155, 156.

⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 45, 46.

⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 420; XLI, л. 126—132; XLIV, л. 27, 28; XLIX, л. 15.

⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 420; XLI, л. 126—132; XLIX, л. 15.

⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLIX, л. 19—20.

и т. под. ⁶¹⁾; въ волостяхъ они производили «поровнанье «грунтовъ» господарскихъ крестьянъ и ихъ платежей и повинностей ⁶²⁾, обмеживали точными границами господарскіе грунты, пустые и населенные, отъ имѣній папскихъ и боярскихъ ⁶³⁾ и раздавали пустощины на платѣ ⁶⁴⁾ или на военной службѣ (по порученію господара) ⁶⁵⁾. Вся эта дѣятельность необходимо должна была сопровождаться извѣстнымъ пересмотромъ правъ состоянія и владѣнія и приводить къ вѣщшему разграниченію различныхъ классовъ общества, а слѣдовательно и къ большому выдѣленію и обособленію шляхетскаго сословія.

Итакъ, при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ въ государственномъ хозяйствѣ великаго княжества Литовскаго принятъ былъ рядъ мѣръ, которыя въ конечныхъ своихъ результатахъ способствовали выдѣленію и обособленію шляхетскаго сословія, его консолидаціи, какъ извѣстнаго общественнаго класса. Но и помимо того, всѣ эти «пописы» и «ревизіи», сопровождавшіяся наложеніемъ новыхъ податныхъ или барщинныхъ тягостей и даже редукаціею земель для всего нешляхетскаго населенія господарскихъ волостей, а по временамъ угрожавшія тѣмъ же самымъ и шляхтѣ, должны были обострять въ шляхтѣ сословное самосознаніе и самосохраненіе, заставлятъ шляхту дорожить своими сословными привилегіями и принимать мѣры къ огражденію ихъ отъ измѣненій и нарушеній. А отсюда уже недалеко было и до попытокъ къ ихъ умноженію и расширенію. Ниже мы увидимъ, что эти попытки обнаружались въ самый разгаръ дѣятельности господарскихъ ревизоровъ и мѣрчичъ, и это совпаденіе по времени едва ли было случайнымъ, безъ внутренней связи между самыми фактами. Все, наоборотъ, заставляетъ думать, что рѣзкое подчеркиваніе господаремъ своихъ правъ по отношенію къ населенію великаго княжества, заставляло привилегированный слой этого населенія выставлать впередъ и свои права и вольности, добиваться отъ господара разныхъ новыхъ льготъ, какъ естественныхъ послѣдствій прежнихъ и т. д. Эта психологическая связь между реформами государственнаго хозяйства и сословными домогательствами шляхты на сеймахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ представляется намъ фактомъ, неподлежащимъ сомнѣнію.

⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 420; Судн. дѣлъ XLIV, л. 74, 75.

⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 356—357, 418—419; XLI, л. 126—132; 150—152; L, л. 151, 152.

⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 126—132, 150—152; L, л. 15, 216—217; Судныхъ дѣлъ III, л. 190, 191.

⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 428—429, 445; XLI, л. 276—277.

⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 27, 28.

§ 5.

Обособленіе и отграниченіе шляхетскаго сословія отъ другихъ классовъ общества не преграждало, однако, доступа въ него лицамъ изъ разныхъ слоевъ общества. Шляхетское сословіе продолжало пополняться всѣми тѣми элементами, которые присоединялись къ нему и ранѣе. Разница была лишь та, что всѣ эти сторонніе элементы стали входить черезъ спеціальныя пожалованія господаря въ шляхетское сословіе, а не сами собою, черезъ одну боярскую службу, на которую попадали тѣмъ или другимъ образомъ, какъ это бывало ранѣе. Поэтому параллельно съ обособленіемъ шляхетскаго сословія умножалось и количество спеціальныхъ привилеевъ на шляхетство, которыя господарь раздавалъ разнымъ лицамъ въ видѣ награды за какія либо особенныя заслуги и для удержанія ихъ на шляхетской боярской службѣ. И это умноженіе констатируется по актамъ Литовской Метрики какъ разъ съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, когда произведенъ былъ уже «попись» шляхты, и введена въ дѣйствіе извѣстная «устава» 1529 года, оказавшая, какъ сказано выше, большое вліяніе на обособленіе шляхетскаго сословія.

Возведеніе въ шляхетство совершалось, впрочемъ, и ранѣе и входило обыкновенно въ составъ разныхъ официальныхъ торжествъ. Такимъ образомъ, король Александръ на торжественномъ приѣмѣ Заволжскаго царя Шигъ-Ахмата подъ Берестьемъ въ 1505 году, сидя съ царемъ въ богато убранномъ шатрѣ, возвелъ въ рыцари множество поляковъ, литовцевъ и татаръ, при чемъ въ этомъ актѣ принималъ участіе и татарскій царь ⁶⁴⁾. Король Сигизмундъ на торжествѣ, которое отправлялось по случаю принесенія ленной присяги Прусскимъ герцогомъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ въ 1525 году, возвелъ въ шляхетское сословіе своего мытника Михеля Езофовича, во вниманіе къ заслугамъ его покойнаго брата Аврама Езофовича, бывшаго подскарбія земскаго, и къ его собственнымъ. При этомъ король выдалъ ему особыя привилеи, въ силу котораго Михель Езофовичъ долженъ былъ пользоваться всѣми правами, вольностями, милостями и льготами, которыми пользовались и остальные шляхтичи, и между прочимъ гербомъ, перстнемъ, цѣпью и другими рыцарскими знаками. Что касается герба, то Сигизмундъ утвердилъ за нимъ гербъ Лелюва, въ который принялъ его панъ Юрій Глѣбовичъ, намѣстникъ Смолен-

⁶⁴⁾ *Strykowskiego Kronica*, tom II, str. 322.

ский, и предоставилъ изображать его знакъ всюду, гдѣ изображаются гербовые знаки шляхтою (этотъ знакъ красками написанъ былъ въ подлинникѣ привилея) ⁶⁷⁾. Изъ всего этого видно, что и на Литовско-Русское государство черезъ Польшу распространялось влияние различныхъ обычаевъ и установлений западно-европейскаго средне-вѣковаго рыцарства, и что названіе «рыцарь», фигурирующее довольно часто въ официальномъ языкѣ Литовской Руси, не пустой звукъ, а слово, обозначающее извѣстное реальное, жизненное явленіе. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ дѣйствительно было свое рыцарское благородное сословіе на манеръ западно-европейскаго, съ его инсигніями и, по всѣмъ даннымъ, также съ его сословными понятіями и предразсудками.

Съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ возведеніе въ шляхетство сдѣлалось уже будничнымъ правительственнымъ актомъ, который сталъ совершаться и не на однихъ только торжествахъ. По вышеуказаннымъ причинамъ понадобилось чаще выдавать привилеи на шляхетство, что и стало дѣлаться сплошь и рядомъ безъ всякой торжественной процедуры и обстановки. Такимъ образомъ, напр., выданъ былъ 9 сентября 1529 года привилей на шляхетство боярину Курклевскому Миколаю Кгайдомовичу. Узнавъ его «годность, заслуги и цноты» и желая, чтобы онъ съ своими потомками причислялся и приравнивался къ остальной шляхтѣ, король выдалъ ему особый листъ на шляхетство, коимъ освобождалъ его и потомковъ его «отъ всихъ особливыхъ послугъ, подачокъ и обтяжливостей, которыи кольвекъ на него часу нешляхетства належали», подавалъ ихъ подъ «право и обычай земскій посполитый, зъ стародавна на иншую шляхту прислухающій», и жаловалъ имъ «знамя шляхецкое оброне», т. е. гербъ («рожу белую, пять цветовъ, на червономъ полю поставеныхъ»), коимъ предоставлялъ пользоваться «водлугъ обычая и захованья иншого шляхты», т. е. изображать на печатахъ, коврахъ и другихъ предметахъ; всѣмъ же стороннимъ лицамъ приказывалъ, чтобы они вышеупомянутаго Миколая Кгайдомовича съ его потомками «за правдивого шляхтича, черезъ насъ вчыненого, мели». Этотъ привилей выданъ былъ въ присутствіи нѣсколькихъ пановъ радныхъ ⁶⁸⁾. Пригодился онъ въ самомъ не-

⁶⁷⁾ Scutum celestini coloris, in cujus medio dimidium lunae ceruleae cornibus sursum erectis, et stella etiam cerulea in ejusdem lunae medio superius fixa extat. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 472—488.

⁶⁸⁾ «Пры томъ были хвалебные въ Крыстусе отцове: Янъ съ князять Литовскихъ, Павелъ Яновичъ, Миколай Киевскій бискупове; а врожовныи и учливны: Янъ

продолжительномъ времени. По смерти Миколая Кгайдомовича приставъ и вся волость Курклевская стали прискивать къ себѣ въ тяглую службу его сыновей Петра, Матея, Станислава, Балтроемъ, Юрія, Яна и Мартина и требовать, чтобы они сообща съ ними давали дякло и другія подачки и весли всѣ повинности, называя ихъ своими «потужниками»; а «за ихъ повестями» и намѣстники Курклевскіе стали дѣлать имъ «великии тяжкости и грабежи». Тогда Кгайдомовичи предъ-звали королю привилей на шляхетство, выданный ихъ отцу, и просили короля избавить ихъ отъ всѣхъ обидъ и притѣсненій. Король грозно приказалъ воеводѣ Троцкому, его Курклевскому намѣстнику и приставамъ, чтобы они «жадное трудности тымъ бояромъ нашимъ не задавали и пожитковъ себе на нихъ не вымышляли и ку службамъ и подачкамъ и ку всимъ повинностямъ тяглымъ ихъ не приворочивали и дали имъ во всемъ покой: нехай они зъ отчизны своею службу земскую намъ служить потому, яко ишше бояре шляхта повету Троцкого»⁶⁹⁾.—Какъ видно изъ выше-приведенныхъ подробностей, мы имѣемъ предъ собою въ настоящемъ случаѣ примѣръ вступленія въ шляхетское сословіе крестьянской семьи, которая благодаря своей состоятельности попала на военную боярскую службу.—Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи привилей дошелъ до насъ отъ 8 декабря 1554 года. Приставъ (старшина) волости Упитской Юшко Вачевичъ еще при королѣ Сигизмундѣ купилъ за 400 копъ грошей у боярина Упитскаго Миколая Бутькевича, жены его Анны и дѣтей—Адама, Петра, Захара и Станислава дворъ Кгокишки надъ рѣкою Мушою близъ мѣста Посвольскаго со всѣми постройками, съ пашнею дворною и со всѣми людьми, у бояръ Жюдевичей часть землицы ихъ отчинной тамъ же, въ волости Упитской, за 30 копъ грошей, а сверхъ того нѣсколько земель у «подданныхъ» волости Упитской. Его сыновья Балтроемъ, Миколай, Станиславъ и Мархель Юшкевичи обратились къ королю Сигизмунду-Августу съ просьбою подтвердить за ними особымъ листомъ куплю ихъ отца. Король взялъ у нихъ къ своимъ рукамъ земли, купленныя ихъ отцомъ у «подданныхъ» волости Упитской, «кгдажь отецъ ихъ неслухне то у подданныхъ нашихъ покуилъ, чемъ они не мели моцы шафовати», но оставилъ за ними земли, купленныя у бояръ-шляхты. Принимая за-тѣмъ во вниманіе, что отецъ ихъ «прадою и пильностью своею ку

Стецко зъ Долобова, Миколай Шыть—маршалковѣ наши; Янъ Хоенскій, ардыяконъ Краковскій и Станиславъ Тарло, ардыяконъ Люблинскій и каноникъ Краковскій—секретарове наши».

⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 142—145.

таковой маестности пришло и именья шляхетские, съ которыхъ служба земская завжды была, посель», король приказалъ имъ впредь навсегда служить службу земскую, «не хотечи того привлащати ку столу нашему, абы служба земская не гинула». При этомъ король разрѣшалъ имъ употреблять знакъ того самого герба, въ который принялъ ихъ секретарь, пробощъ и каноникъ Виленскій, Янъ съ Доманова, «паметаючи на повольные службы отца ихъ Юшка и тежъ ихъ самыхъ», и предоставлялъ имъ пользоваться всякою «почтивостью», «свободами и вольностями», «яко иные шляхта въ паньствахъ нашихъ и во всемъ хрестьянстве вживають и зъ нихъ се веселятъ»⁷⁰⁾. Приобрѣтеніе «земскихъ» имѣній, съ которыхъ шла военная служба, было обычнымъ путемъ, по которому тяглые люди «доступали» шляхетства. Но бывали экстренные случаи, когда тяглые люди получали за разъ и землю, съ которой они могли нести военную службу, и шляхетство. Такой случай, напр., имѣлъ мѣсто въ 1561 году 6 августа. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ хлопцу, своему коморнику, Фодору Мартиновичу Миленскому, его отцу и братьямъ и ихъ потомкамъ на службу земскую двѣ волоки земли въ волости Скидельской, которыя они до этого времени держали на чиншѣ, и возвелъ ихъ всѣхъ въ шляхетское сословіе въ награду за указаніе чловѣка, прибывшаго на замковыхъ воротахъ «цедулу зъ написомъ на здоровье господарское» (то былъ сынъ войта Тростянского—Томась Пухловичъ)⁷¹⁾.—Подданный волости Курклевской Якубъ Яновичъ Савримовича принялъ войтовство волостное въ волости Курклевской въ селѣ Кропштахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ три волоки земли, двѣ на чиншѣ, а третью на войтовство. Воевода Троцкій Миколай Юрьевичъ Радивиловича, къ державѣ котораго принадлежала Курклевская волость, видя его «быти годного ку службе земской», придалъ ему къ этимъ тремъ волокамъ еще пустую землю Миканьскую, лежавшую среди частновладѣльческихъ земель и содержавшую пять волокъ, съ застѣнкомъ Бортковщиною, «до воли и ласки господарской». По ходатайству воеводы, король изьялъ Якуба и его потомковъ «съ права, повинности тяглое и послушенства хлопского» и пожаловалъ его титуломъ, вольностью и «заволанемъ» шляхетскимъ, а «ку оздобе и подпору» его шляхетства далъ ему особый гербъ («въ чирвономъ поли роза, а въ ней пять кветовъ»); земли, состоявшія въ его владѣніи, король подтвердилъ за нимъ и его потомками на вѣчность, съ тѣмъ, чтобы они служили съ нихъ «потому, яко и ивние

⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 204—205.

⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 217—218.

бояре шляхта хоружства Курклевого, будучие подь присудомъ тамошнимъ, служить»⁷²⁾.

Чаще всего лица изъ крестьянства попадали въ шляхетское словие не прямо, а съ панцyrной, путной или какой-нибудь другой военной службы, давшей имъ возможность отличиться и доказать свою пригодность для рыцарской профессіи. Король Сигизмундъ предоставилъ слугамъ Кіевскимъ Давиду и Ѳедку Петровичамъ служить конемъ и гарантировалъ имъ особеннымъ привилеемъ, что ни они, ни ихъ потомки не будутъ никому отданы въ подданство; въ другомъ листѣ, приказывая воеводѣ Андрею Якубовичу Немировича (1514—1541) оборонять ихъ отъ землянина Ѳодора Ельца и недопускать чинить имъ обиды въ отчинѣ ихъ Выговщинѣ, Сигизмундъ назвалъ ихъ боярами. Сыновья ихъ, «бояре, слуги панцyrные Кіевскіе» Хвалько Давидовичъ съ братьями Яномъ, Оеонасомъ, Иваномъ и Игнатомъ, Богданъ, Хома и Василій Хведковичи въ 1560 году били челомъ королю Сигизмунду Августу, прося выволить ихъ съ панцyrной службы и подтвердить имъ отчину ихъ Выговщину «на службу земскую шляхетскую». Державца Овруцкій князь Андрей Тимошеевичъ Капуста съ своей стороны ходатайствовалъ за нихъ передъ господаремъ, указывая, что они на той украинѣ, при замкѣ Овруцкомъ, «поспешне и охотне» служили господарю и речи посполитой «и потребны суть овде, на той украинѣ». Король, чтобы поощрить ихъ и другихъ, «въ томъ стане имъ равныхъ», исполнилъ ихъ просьбу и ходатайство державцы и подтвердилъ имъ ихъ отчину уже на земской военной службѣ, которую они должны были впредь отправлять «обычаемъ иное шляхты бояръ повету Кіевского, потому, яко и они служатъ» (10 октября 1560 года)⁷³⁾.— Въ слѣдующемъ году 25 апрѣля король особымъ привилеемъ поддалъ «подъ право шляхетское» Полоцкаго *козака* Клима Остапковича, который передъ тѣмъ съ своей земли, «яко иные путники тамошние уживался». Король сдѣлалъ это по докладу воеводы Полоцкаго Станислава Станиславовича Довойна, «же онъ черезъ весь часъ тамъ при замку и въ службахъ нашихъ добре и верне заховался», при чемъ, предоставляя ему и его потомкамъ «правомъ шляхетскимъ судити и радитися», оставилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ на прежней козацкой службѣ⁷⁴⁾.—Бояринъ Витебскій Яцко Ѳедоровичъ Наршоновичъ приобрѣлъ отъ псарцовъ господарскихъ село Рѣшетники, купленное

⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 614—616.

⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 282—283.

⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 180.

ими у боярина Тимоея Алферьевича и его племянника Василья Григорьевича, и обратился къ господарю съ просьбою подтвердить за нимъ на вѣчность это село на службѣ земской военной и «припустить» его самого «ку тытулу, права, вольности и свободе шляхетской». Воевода Витебскій князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій, будучи на этотъ разъ при господарѣ, съ своей стороны ходатайствовалъ за Яцка и указаль, что этотъ Яцко, хотя онъ только слуга панцырный путный, до сихъ поръ «на всемъ ся добре, съ пристойностью шляхетскою, заховаль», мужественно обороняль замокъ Витебскій, когда приходили подъ него московскіе люди, и, будучи взать ими въ плѣвъ, убѣжалъ отъ нихъ и вернулся на службу къ своему прироженому господарю. Король уважилъ просьбу Яцка и ходатайство воеводы и 22 августа 1563 года выдалъ Яцку особый листь, коимъ утверждалъ за нимъ въ вѣчное владѣніе село Рѣшетники на службѣ земской военной, а самого его и потомковъ его объявляль шляхтичами и предоставляль имъ «тытулу, учтивости и всехъ правъ и вольностей шляхетскихъ вживати»⁷⁵⁾. За заслуги и отличія на военной службѣ получилъ шляхетство и Адамъ Былинскій, служебникъ пана Миколая Тальвоша, посланнаго во главѣ отряда для обороны Ливоніи. Тальвошъ доложяль объ немъ королю, что онъ мужественно сражался въ двухъ битвахъ со шведами и въ одной битвѣ съ москвитянами, не жалѣя своей жизни и здоровья, всегда держаль себя «верне и статечне», и за эти заслуги просиль короля одарить его правомъ шляхетскимъ, заявляль вмѣстѣ съ тѣмъ, что готовъ принять его въ гербъ своего дома «Лабедзь». Паны рада поддержали ходатайство Тальвоша, и король 18 ноября 1567 года выдалъ Былинскому особый привилей, коимъ признаваль за нимъ и его потомствомъ шляхетство и разрѣшилъ употреблять знакъ герба «Лабедзь» съ добавленіемъ къ нему меча изъ шлема⁷⁶⁾. — По ходатайству другого военачальника во время Ливонской войны, кн. Романа Сангушца, получилъ шляхетство съ гербомъ «поданный» господарскій Микита Кондратовичъ. Сангушко представиль его королю лично и доложиль объ немъ, какъ гласить привилей короля, что онъ, «будучи при его милости на послугахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ военныхъ, войска наши противку войскъ неприятеля нашего великого князя Московского часто зводиль, также въ сторожи войскъ нашихъ и во всякихъ потребахъ военныхъ чуйне и мужне ся оказываль», и въ особенности оказалъ большія услуги во время битвы,

⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 431, 432.

⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 119.

кончившейся поражениемъ Москвитянъ и взятіемъ въ плѣнъ ихъ воеводъ Іосифа Щербатаго и Юрія Бяратинскаго и множества другихъ «взней». Сангушко усиленно ходатайствовалъ, чтобы король «подвысилъ» его въ чести и «осмотрелъ» какимъ-нибудь «хлебокормленьемъ». Король исполнилъ просьбу военачальника и, «учтивостью шляхетства обдаровавши», «влучилъ» Микиту «во всякие свободы, права и вольности шляхетские», давъ ему на печать особый гербъ, дерево «Ель»; сверхъ того пожаловалъ въ вѣчное владѣніе ему и всѣмъ его нисходящимъ потомкамъ мужскаго пола село Макановичи въ волости староства Рѣчицкаго съ четырьмя службами людей ⁷⁷⁾.—Въ 1569 году 21 февраля Сигизмундъ Августъ пожаловалъ шляхетство «подданному» Матею Петровичу Молтужевича, который, находясь въ землѣ Лифляндской при старостѣ Динабургскомъ и Новомлинскомъ Янѣ Левонѣ, неоднократно показалъ свою храбрость, отвагу и находчивость въ стычкахъ и битвахъ съ Москвитянами и не разъ приводилъ «взней и языки»; вмѣстѣ съ тѣмъ король утвердилъ за нимъ гербъ «Дембно», въ который его принялъ по матери своей вышеупомянутой Янъ Левонъ и «нимъ печатovati ему дозволилъ и допустилъ» ⁷⁸⁾.

Кромѣ военной службы, ступеню къ достиженію шляхетства была также придворная и канцелярская служба. Господарь возводилъ въ шляхетское сословіе не только своихъ «подданныхъ», отличившихся на ратномъ полѣ, но и своихъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей и канцелярскихъ чиновниковъ, происходившихъ изъ «простыхъ» же людей. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ, «маючи ласковый взглядъ на цноты и верности и тежъ на верныи послуги» своего «одвернаго» (служителя при дверяхъ) Мартина Константиновича Чижъ съ Нетечи, на Троицынъ день 1533 года пожаловалъ его самого съ сыновьями и дочерьми и со всѣмъ потомствомъ шляхетствомъ и выдалъ ему особый привилей, коимъ предоставлялъ ему «вси привилія и волности и чти такъ духовныи, яко и светскыи», которыми привилей пользоваться и «веселитися» «рыцери и шляхта» въ коронѣ Польской, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ другихъ христіанскихъ государствахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король утверждалъ за нимъ и его потомствомъ тотъ самый гербъ, въ который припустили его дворянинъ Павелъ Грива, его родичи и пріятели, и позволялъ употреблять его знаки на печатяхъ, перстняхъ, клейнотахъ, на щитахъ «и на инъшихъ которыхъ кольве рыцерскихъ знаменахъ» («на чирвономъ поли одну

⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 131, 132.

⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 297.

стрелу золотое фарбы, а на остатку тое-то стрелы немного двакротъ на доль зведено, и тежъ на той же стреле два крижи золотомъ написаны) ⁷⁹⁾.—Въ 1547 году 12 октября король Сигизмундъ-Августъ, въ уваженіе къ заслугамъ «машталера дворнаго» (старшаго конюха) Ареста Михайловича Соболя, выпустилъ его и его потомковъ со службы машталерской, которую онъ несъ съ своего имѣнья Бердова и Клепачовщины въ повѣтъ Городенскомъ, и велѣлъ ему впредь служить съ этого имѣнья «службою шляхетскою боярскою», предоставляя со всѣмъ потомствомъ своимъ «отъ сего часу всихъ вольностей земскихъ вживати, яко иншая шляхта вольностей шляхетскихъ вживають и зъ нихъ се веселятъ». Вмѣстѣ съ этимъ король дозволилъ ему принять отъ конюшія дворнаго польскаго Яроша Корицкаго и его пріятелей гербовныхъ гербъ «Телокъ», который они предоставляли ему по своей доброй воли, желая, чтобы онъ и его потомки имѣли «певный знакъ» своего шляхетства, и печататься этимъ гербомъ такъ же, какъ и самъ Корицкій и его пріятели ⁸⁰⁾.—Въ томъ же году 29 октября король пожаловалъ «коморнику» (лакею) королевы Боны Миску Олтуховичу четыре волоки земли въ волости Вольковойской «на службу земскую боярскую» съ освобожденіемъ отъ всякихъ другихъ повинностей, службы и платовъ, и предоставилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ «всихъ вольностей земскихъ шляхетскихъ вживати по тому, яко и иншие бояре шляхта» великаго княжества Литовскаго ⁸¹⁾.—Въ 1563 году 20 октября Сигизмундъ Августъ выдалъ дьяку своей канцеляріи Михайлу Васильевичу привилей на шляхетство, «узнавши добрыхъ, цнотливыхъ и верныхъ послугъ», которыя онъ «пыльне а охотне» обнаруживалъ будучи «зъ детинства своего» на службѣ въ господарской канцеляріи. Этимъ привилеемъ король включалъ его самого, потомковъ и его родныхъ братьевъ «подъ вольность, свободу и право шляхетское», утверждалъ за ними гербъ («три делии съ червоннымъ полемъ»), въ который привялъ ихъ маршалокъ, городничій Владимірскій Тихно Козинскій, и приказывалъ всѣмъ, «кто бы якого кольвекъ стану и достоинства быть», чтобы «за добре врожоную а правую шляхту ихъ мели и на нихъ ся жадными таковыми причинами, штобы имъ и доброй почтливости ихъ шляхетской ныне и на потомные часы усчищлого быти

⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 41, 42. Подобный же привилей получилъ отъ короля Сигизмунда Августа 24 февраля 1562 года «одверный» Филиппъ Ооновасовичъ (Запис. XLІ, л. 239—241).

⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 140, 141.

⁸¹⁾ Тамъ же, л. 142

мело, не сегали, але во всемъ заховывали ся ку нимъ, яко ку врожонной а правой шляхте» ⁸²⁾).

Изъ приведенныхъ выше привилеевъ видно, что въ шляхетское сословіе жаловались иногда лица не за свои собственные заслуги, а за заслуги своихъ близкихъ, братьевъ, сыновей и т. д. Наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ изъ себя возведеніе въ шляхетское сословіе сыновей владыки Туровскаго и Пинскаго Васяна Каплича, Ивана и Яцка. По ходатайству королевы Боны, король Сигизмундъ 4 сентября 1540 года выдалъ имъ особый привилей, коимъ призналъ ихъ шляхтичами во вниманіе «ку цнотливому жытью и годности» ихъ отца и пожаловалъ имъ особый гербъ («сосну зеленую съ трема верхи, съ одного пня идучими, и съ кореньемъ въ щыте черленомъ, а на верхъ щыта гельмъ округлый, на немъ полчеловека збройного, голова въ него безъ збронъ зъ роспуцонными волосы, а держыть оную сосну руками за коренье») ⁸³⁾.

Гербы, какъ охранительные знаки («знамя обронне») шляхетскаго достоинства, съ теченіемъ времени приобрѣли большую цѣну въ глазахъ шляхты, и ихъ стали выхлопатывать себѣ лица, состоявшія уже въ шляхетскомъ сословіи, въ особенности если шляхетство ихъ не было очевиднымъ для всѣхъ фактомъ. Такимъ образомъ, король Сигизмундъ 20 февраля 1536 года подтвердилъ гербъ, прозывающійся «Божездаржъ» придворному служителю молодого короля Сигизмунда Николаю Одланицкому и его сыну Себестіану, которые происходили отъ шляхтичей, пользовавшихся этимъ гербомъ (очевидно, это были поляки-чужеземцы) ⁸⁴⁾. Король Сигизмундъ Августъ 22 ноября 1551 года утвердилъ за боярами Полоцкими Васильемъ Митковичемъ и Василіемъ Гридковичемъ гербъ «Левъ зъ Муру», которымъ одарилъ ихъ воевода Полоцкій Станиславъ Станиславовичъ Довойно въ вознагражденіе за ихъ службу его покойному названному отцу, воеводѣ Кіевскому Андрею Якубовичу Немировича, и ему самому и во вниманіе къ ихъ военнымъ доблестямъ, «ижъ они, бываючи съ паномъ своимъ у многихъ и частыхъ потребахъ противъ неприятелей нашихъ въ битвахъ съ татарами и москвичи то чинили, што на правыхъ добрыхъ рыцарскихъ людей прыслушить». Всѣмъ этимъ не имѣлось въ виду возвести ихъ въ шляхетское достоинство, ибо они «зъ роду своего» были «люди добрые шляхта», а только сдѣлать это достоинство болѣе очевиднымъ,

⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. ХLI, л. 224—225.

⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. ХХIV, л. 68—69.

⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. ХХIV, л. 26—27.

чтобы никто не смѣлъ «на ихъ шляхетство... ганити або што ку ихъ шляхетству ущипливого подъ которыми же кольвекъ мовы мовити»⁸⁵⁾).

Всѣ эти привилеи на шляхетство и гербы, раздававшіеся отдѣльнымъ лицамъ, показываютъ, что шляхетское сословіе въ достаточной степени обособилось и замкнулось отъ другихъ классовъ общества, что доступъ въ него разночинцевъ сталъ возможнымъ только въ единичныхъ случаяхъ, по особой милости господара. Шляхетское сословіе, такимъ образомъ, выяснилось окончательно, какъ извѣстный общественный классъ. Этотъ классъ, какъ показываютъ вышеприведенныя выдержки изъ актовъ, пользовался особыми правами и вольностями по сравненію съ низшими классами общества, былъ привилегированнымъ сословіемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Необходимо теперь рассмотреть, въ чемъ состояли эти права и вольности, чтобы конкретнымъ образомъ представить себѣ положеніе, какое занимала шляхта въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и уяснить смыслъ и значеніе ея стремленій на великихъ вальныхъ соймахъ въ великокняженіе Сигизмунда Августа.

§ 6.

Родоначальникомъ шляхетскихъ правъ и вольностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ былъ извѣстный привилей Ягайла отъ 20 февраля 1387 года, выданный литовскимъ боярамъ католикамъ. Уже въ этомъ привилей намѣтились въ зародышѣ тѣ самыя вольности, которыя принадлежали къ кардинальнымъ правамъ шляхетскаго сословія: вольность личная, ненарушимое владѣніе извѣстными имѣньями и право свободного распоряженія ими, свобода отъ тяглыхъ повинностей. Привилей 1387 года гарантировалъ литовскимъ боярамъ, что впредь они могутъ выдавать своихъ дочерей, племянницъ и другихъ родственницъ замужъ по своей волѣ и усмотрѣнію, лишь бы только за католиковъ; а вдовы ихъ вольны оставаться въ имѣнѣ мужа до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ замужъ, послѣ чего имѣнье отходить къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго мужа. Эти опредѣленія несомнѣнно обнаруживаютъ признаніе бояръ католиковъ людьми вольными, свободными, имѣющими право устраивать свои семейныя отношенія независимо отъ интересовъ и соображеній господара. Подобное же признаніе обнаруживается отчасти и въ той статьѣ, которая предоставляетъ этимъ боярамъ ненарушимо владѣть имѣньями полученными по наслѣдству и

⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 68—70. Срав. также кн. Запис. LI, л. 238—240.

свободно продавать ихъ, мѣнять, дарить и вообще распоряжаться ими по своей доброй волѣ и усмотрѣнію. Сверхъ вольности въ устройствѣ семейныхъ связей и распоряженіи своими отчинами привилей 1387 года устанавливалъ для литовскаго боярства вольность отъ всякихъ хозяйственныхъ работъ на господаря, кромѣ постройки и ремонта замковъ для защиты всего государства ⁸⁶).

Всѣ эти вольности подтвердилъ и точнѣе опредѣлялъ Городельскій привилей 1413 года, дополнивъ ихъ нѣкоторыми существенными правами политическаго характера. Вольность въ выдачѣ дочерей и родственницъ замужъ этотъ привилей связалъ для литовскихъ пановъ и бояръ съ правомъ выдѣлять имъ изъ отчинъ и выслуженныхъ на вѣчность имѣній приданое (*dotalicia*). Право ненаружимаго владѣнія и свободного распоряженія отчинами привилей 1413 года распространилъ и на имѣнья, выслуженныя на вѣчность и утвержденныя за владѣльцами письменными документами, ограничивая его соблюденіемъ необходимыхъ юридическихъ формальностей, т. е. заявленіемъ господарю или его уряду. Подтверждая косвенно освобожденіе пановъ и бояръ шляхты отъ барщинныхъ хозяйственныхъ работъ на господаря, Городельскій привилей вмѣнялъ имъ въ обязанность по прежнему строить и исправлять замки и военныя дороги и платить господарю подати. Сверхъ перечисленныхъ правъ Городельскій привилей устанавливалъ для пановъ и бояръ-шляхты право участія въ обсужденіи важныхъ государственныхъ вопросовъ и избраніи господаря на сеймахъ ⁸⁷).

Привилей великаго князя Сигизмунда Кейстутевича отъ 6 мая 1434 года увеличилъ количество шляхетскихъ правъ и вольностей гарантіею личной неприкосновенности шляхты и освобожденіемъ ея отъ уплаты въ пользу господаря натуральныхъ податей. Въ этомъ привилеѣ великій князь торжественно обѣщалъ князьямъ и боярамъ никого изъ нихъ не казнить и не наказывать по явному или тайному доносу и простому подозрѣнію, безъ суда и слѣдствія; всѣхъ ихъ кметей и подданныхъ освобождалъ отъ всякихъ «дачекъ» и платежа мѣръ, называемаго дякломъ ⁸⁸).

Привилей Казимира отъ 2 мая 1447 года еще точнѣе и подробнѣе опредѣлялъ права и вольности, содержащіяся въ привилеяхъ его предшественниковъ, распространяя ихъ на прелатовъ, князей, пановъ,

⁸⁶) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

⁸⁷) Ibidem, str. 12—16.

⁸⁸) Monumenta medii aevi, tomus XIX, dod. № 22.

боярь-шляхту и мѣщанъ великаго княжества. Подтверждая гарантію личной неприкосновенности названныхъ сословій, привилей установлялъ, что впредь никто изъ нихъ не будетъ наказываемъ безъ суда и слѣдствія ни тѣлеснымъ наказаніемъ, ни заключеніемъ въ тюрьмѣ, ни лишеніемъ имѣнья, ни денежнымъ штрафомъ; никто не будетъ терпѣть за чужую вину: ни жена за мужа, ни мужъ за жену, ни отецъ за сына, ни сынъ за отца, за исключеніемъ преступленій противъ особы господаря («ображена маестату»). Подтвержая право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженія отчинами и выслугами, привилей Казимира къ категоріи послѣднихъ причислялъ не только имѣнья, на которыя имѣлись письменные документы, но и имѣнья, на которыя можно представить «светковъ достаточное и слушное сведеніе».— Освобожденіе отъ натуральныхъ поборовъ и работъ на господаря привилей относилъ не къ самимъ владѣльцамъ (это, очевидно, разумѣлось само собою), а къ ихъ подданнымъ, причисля къ этимъ работамъ подводную повинность, воженье камня, бревень, дровъ и мѣла для обжиганія кирпичей и извести для замковъ, кошенье сѣна и другія въ томъ же родѣ повинности, и оговаривал, что подданные съ имѣній, пожалованныхъ самимъ Казимиромъ, по прежнему обязаны давать господарю стаціи и поборы, мостить и поправлять мосты и дороги.— Сверхъ давныхъ уже правъ и вольностей, привилей Казимира предоставлялъ князьямъ, панамъ и боярамъ вольность выходить за границу, кромѣ непріятельскихъ странъ, для пріобрѣтенія состоянія и для упражненія въ рыцарской профессіи, подъ условіемъ исправнаго отбыванія военной повинности съ имѣній; подданныхъ князей, пановъ, боярь и мѣщанъ привилей Казимира освобождалъ не только отъ платежа натуральныхъ податей, но и отъ денежной подати, называемой серебщиною; юрисдикцію надъ ними предоставлялъ ихъ владѣльцамъ, устанавливая, что дѣцкій за ними будетъ посылаться отъ господаря или его урядниковъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ суда и управы, при чемъ судебныя пени съ нихъ во всякомъ случаѣ будутъ идти въ пользу владѣльцевъ; наконецъ, привилей гарантировалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ, что господарь и его урядники не будутъ принимать въ господарскія имѣнья ихъ «извѣчныхъ селянитыхъ» и «невольныхъ» людей, обязывая и самихъ князей, пановъ, боярь и мѣщанъ держаться того же правила въ отношеніи къ господарскимъ подданнымъ ⁸⁹⁾.

⁸⁹⁾ Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 7; *Bzyszczewski i Mucz-*

Земскій привилей великаго князя Александра подтвердилъ все, что содержалъ привилей Казимира, и сверхъ того добавилъ одну существенную для шляхты гарантію, именно, что государь не будетъ простыхъ людей возвышать надъ шляхтою ⁹⁰⁾.—Эта гарантія обезпечивала косвенно за лицами шляхетскаго сословія всѣ важныя должности въ государствѣ, ограждала политическое первенство и господство этого сословія. Подтвержденіе Городельскаго привилея въ 1499 году по случаю возобновленія уніи съ Польшею имѣло своимъ результатомъ новое подтвержденіе политическихъ правъ шляхты—участвовать въ избраніи литовско-русскаго государя и въ обсужденіи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ ⁹¹⁾.

Земскій привилей великаго князя Сигизмунда Казимировича не прибавлялъ уже ничего по существу къ перечисленнымъ правамъ и вольностямъ шляхты. Въ немъ новый государь общалъ только—ни въ чемъ не уменьшать чести и достоинства прелатовъ, князей и пановъ радныхъ, пановъ и рыцарства-шляхты, и подтверждалъ имъ всѣ права, вольности, привилегіи и грамоты, выданныя его предшественниками, начиная съ Ягайла и Витовта ⁹²⁾. Составленный при Сигизмундѣ статутъ великаго княжества Литовскаго повторилъ всѣ законоположенія относительно шляхты, содержащіяся въ привилеяхъ Казимира и Александра, и дополнилъ ихъ нѣкоторыми правами и преимуществами, которыми шляхта и прежде пользовалась фактически, по установившемуся обычаю, но которыя не были еще обняты писанными законами. Такимъ образомъ, статутъ подтвердилъ личную вольность тѣхъ шляхтичей, которые держали свои имѣнья подъ князьями или панами, право ихъ покинуть эти имѣнья и уйти съ нихъ прочь, захвативъ съ собою свои «статки», т. е. движимое имущество ⁹³⁾. Какъ показываютъ акты, эта личная вольность шляхты признавалась и до Статута 1529 года ⁹⁴⁾. Статутъ подтверждалъ подсудность шляхты воеводамъ, старостамъ, маршалкамъ земскому и дворному (на сеймахъ) и освобождалъ отъ обязательной юрисдикціи новыхъ державцевъ, кото-

kowski, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXXVIII; Zbiór praw litewskich, str. 28—35; Акты Зап. Рос. I, № 61.

⁹⁰⁾ Zbiór praw litewskich, str. 58—66.

⁹¹⁾ Ibidem, str. 72—76.

⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 135—137.

⁹³⁾ Статутъ 1529 года, раздѣлъ III, арт. 15.

⁹⁴⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 310, 311.

рые недавно получили это названіе, а прежде назывались тивувами ⁹⁵). Эта вольность, очевидно, обусловилась тѣмъ, что ранѣе того шляхтичи не подлежали юрисдикціи тивуновъ. Статутъ устанавливалъ затѣмъ, что шляхтичи должны привлекаться къ суду «позвами», черезъ судебныя повѣстки, а не приводомъ черезъ «дѣтскихъ»; дѣцкій за шляхтичемъ долженъ посылатся лишь послѣ того, какъ шляхтичъ не сталъ на судъ за двумя позвами ⁹⁶). Это, повидимому, также было уже давнишнее преимущество шляхты, равно какъ и размѣръ вознагражденія за шляхетскую рану (12 рублей и 30 копѣ грошей), увѣчье (50 копѣ) и непредумышленное убійство (100 копѣ грошей). Наконецъ, статутъ 1529 года, исходя изъ признанія шляхтичей людьми «добрыми», «вѣры годными», во многихъ случаяхъ принималъ шляхетскую присягу за «доводъ», т. е. судебное доказательство ⁹⁷). Какъ показываютъ акты, право доказывать присягою свою или чужую правоту или чужую виновность признавалось за шляхтою и ранѣе изданія статута 1529 года, такъ что послѣдній основывался уже на существующихъ юридическихъ обычаяхъ ⁹⁸).

Итакъ, при Казимирѣ и его сыновьяхъ выяснились окончательно и опредѣлились слѣдующія права и вольности литовско-русской шляхты: свобода и неприкосновенность личности, которая подлежала ограниченіямъ и карамъ только по закону и по суду; право ненарушимого владѣнія отчинными и прибрѣтенными на вѣчность имѣніями и свободнаго распоряженія ими въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ; свобода отъ податей и повинностей, кромѣ военной, замковой и дорожной; право юрисдикціи по отношенію къ населенію своихъ имѣній; право судиться не у всѣхъ, а только извѣстныхъ судей. Всѣ эти права и вольности были признаны не только за шляхетскимъ сословіемъ, но и за мѣщанствомъ и духовенствомъ. Сверхъ того, за шляхетскимъ сословіемъ, формально признаннымъ первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ, признаны разныя преимущества почетнаго характера, какъ, напр., право носить гербы и другіе знаки «рыцарскаго» достоинства, право на усиленное вознагражденіе или возмездіе за посягательства на честь, здоровье и жизнь его членовъ, право привлекаться на судъ не приводомъ, а «позвами», въ нѣкоторыхъ случаяхъ очищаться отъ взводимыхъ обвиненій или доказывать правоту своихъ требованій простою присягою отвѣтника, истца и «светковъ» и,

⁹⁵) Раздѣлъ VI, арт. 33.

⁹⁶) Раздѣлъ VI, арт. 4.

⁹⁷) Раздѣлъ I, арт. 4; III, арт. 11; VII, арт. 21, 22; XI, арт. 7, 8, 9, 16.

⁹⁸) См., напр., выше «уставу» о выводѣ шляхетства.

наконецъ, право участвовать въ избраніи господаря и обсужденіи разныхъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Таковы были общія шляхетскія права, какъ они выяснились и опредѣлились послѣ изданія статута 1529 года. Но при всей этой общности существовало и значительное разнообразіе въ юридическомъ положеніи отдѣльныхъ слоевъ шляхетскаго сословія. Въ этомъ отношеніи были крупныя различія между князьями и панами съ одной стороны и рыцарствомъ-шляхтою, т. е. боярами и землянами съ другой, равно также и между боярами и землянами господарскихъ волостей, княжескихъ и панскихъ.

Различіе обнаруживается прежде всего въ сферѣ землевладѣнія. Независимо отъ того, что всѣмъ землевладѣльцамъ шляхетскаго сословія предоставлено было право ненарушимого владѣнія и свободнаго распоряженіями своими отчинами и прибрѣтенными на вѣчность имѣніями, существовало три категоріи этихъ самыхъ имѣній. Къ первой категоріи можно отнести имѣнія, принадлежавшія ихъ владѣльцамъ <со всѣмъ правомъ и панствомъ> (*cum pleno jure et dominio*), т. е. на такомъ правѣ, на какомъ владѣль своими доменами самъ господарь великій князь. Таковы были въ большинствѣ крупныя княжескія и панскія отчины и выслуги на вѣчность. Къ числу ихъ можно отнести и мелкія имѣнья, оторвавшіяся отъ княжескихъ и панскихъ волостей путемъ покупки или даренія съ правомъ для владѣльца служить съ этихъ имѣній, кому угодно. По отношенію ко всѣмъ этимъ имѣніямъ у господаря оставалось единственное право—требовать исправнаго отбыванія государственныхъ повинностей. Ко второй категоріи можно отнести имѣнья, которыя владѣльцы держали *подъ господаремъ*. Господарь былъ верховнымъ собственникомъ этихъ имѣній, входившихъ въ составъ его доменъ, или волостей. Онъ не только имѣлъ право требовать съ владѣльцевъ этихъ имѣній исправнаго отбыванія лежавшихъ на нихъ государственныхъ повинностей, но и жаловать эти имѣнья вмѣстѣ съ другими землями, другими словами—передавать свой доминиумъ надъ ними въ частныя руки. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы сохраняли всѣ свои права по отношенію къ этимъ имѣніямъ, если только соглашались нести съ нихъ новому пану ту же службу, которую несли прежде самому господарю великому князю, въ противномъ случаѣ должны были сойти съ нихъ прочь, взявши свое движимое имущество. Таковы были въ большинствѣ отчинныя выслуженныя имѣнія бояръ и землянъ шляхты⁹⁹). Опытъ, однако, съ теченіемъ времени

⁹⁹) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 310—312, 614—619.

показалъ, что передача господарскаго доминиума надъ такими имѣньями въ частныя руки не рѣдко приводила ихъ владѣльцевъ къ необходимости покидать эти имѣнья, была, слѣдовательно, косвеннымъ отнятіемъ этихъ имѣній, что противорѣчило общему шляхетскому праву ¹⁰⁰⁾. Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. правительство пришло къ сознанию этого противорѣчія и признало, что «шляхта не маеть, ани можетъ быти никому въ мощъ подана» ¹⁰¹⁾. Съ того времени, хотя и бывали случаи пожалованія разнымъ лицамъ въ составѣ волости или крупнаго имѣнья бояръ съ ихъ землями, но собственно бояре-шляхта съ ихъ отчинами перестали включаться въ это число ¹⁰²⁾. По отношенію къ выслугамъ господарь остался на прежней точкѣ зрѣнія и передавалъ свой доминиумъ надъ ними въ чужія руки, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда въ привилеяхъ на такія имѣнья было прямо оговорено, что владѣльцы ихъ обязаны служить съ нихъ только одному господарю ¹⁰³⁾. Такимъ образомъ имѣнья отчинныя господарскихъ бояръ и землянь значительно приблизились къ княжескимъ и панскимъ, хотя и не сравнивались съ ними вполне. Дѣло въ томъ, что собственники княжескихъ и панскихъ имѣній de jure могли служить съ нихъ «кому хотя», самому господарю или его подданнымъ, т. е. другимъ князьямъ и панамъ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что такое право они передавали нерѣдко своимъ слугамъ, жалуя ихъ частями своихъ имѣній ¹⁰⁴⁾. Но этого права не имѣли бояре и земляне шляхта, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ. Они не могли поддаваться съ своими имѣньями на службу къ князьямъ, панамъ или къ своей же братьѣ—шляхтѣ, а когда это случалось, господарь возвращалъ ихъ «въ повѣты», т. е. подъ свой доминиумъ ¹⁰⁵⁾. Такимъ образомъ, если самому госпо-

¹⁰⁰⁾ Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 12.

¹⁰¹⁾ Тамъ же, № 14.

¹⁰²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, прилож. № 34, 37, 38; Литов. Метр. кн. Судн. дѣль II, л. 313—34.

¹⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣль IV, л. 205—206. Въ 1528 году 23 октября Сигизмундъ не вызволилъ отъ службы князю Мих. Ивановичу Мстиславскому Тетеринскихъ бояръ Ивана Борисовича Суморока и Ѳедка Нестеровича, имѣнья которыхъ пожалованы были князю въ составѣ Тетеринской волости, на томъ основаніи, что въ привилеѣ на эти имѣнья, выданномъ боярамъ, не оговорено, что они обязаны служить съ нихъ только господарю.

¹⁰⁴⁾ Статутъ 1529, раздѣль III, арт. 15; Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 75—77.

¹⁰⁵⁾ Акты Зап. Рос. III. № 33, отказъ 4.

дарю стало нельзя передавать свой доминиумъ надъ отчинами бояръ-шляхты, при наличности ихъ владѣльцевъ, то съ другой стороны и за этими послѣдними не было признано право добровольнаго выхода съ своими имѣньями изъ подъ этого доминиума. Они могли, конечно, продать или какимъ-нибудь другимъ образомъ передать свои имѣнья въ чужія руки, но новые владѣльцы вмѣстѣ съ тѣмъ становились на ихъ мѣсто въ повѣтъ, и имѣнья не выходили такимъ образомъ изъ подъ господарскаго доминиума.—Къ третьей категоріи можно отнести имѣнья, которыя бояре и земляне-шляхта держали подъ князьями и панами ¹⁰⁶⁾. Верховными собственниками такихъ имѣній признавались князья и паны, которые имѣли право передавать свой доминиумъ надъ ними въ другія руки, при чемъ владѣльцы этихъ имѣній могли удерживать ихъ за собою лишь въ томъ случаѣ, если соглашались служить съ нихъ новымъ панамъ, въ противномъ же случаѣ должны были покинуть ихъ и отойти на сторону съ своимъ движимымъ имуществомъ ¹⁰⁷⁾. Если бояре, державшіе имѣнья подъ князьями и панами, переходили подъ господарскій доминиумъ съ своими имѣньями, они не приравнивались по своимъ правамъ къ стародавней шляхтѣ, но продолжали оставаться при тѣхъ же правахъ и вольностяхъ, какъ и при прежнихъ панахъ, «кдыжъ вольность имень шляхты наше стародавнее отъ бояръ, которми подъ паны именья мають, розная въ той речи есть» ¹⁰⁸⁾. Очевидно, что и свой пріобрѣтенный доминиумъ надъ имѣньями такихъ бояръ господарь могъ въ свою очередь передавать въ другія руки.

Изъ всего этого видно, какъ равнообразно было юридическое положеніе различныхъ разрядовъ шляхетскаго сословія. Даже общее шля-

¹⁰⁶⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства стр. 614, 615: Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 84, 85; IV, л. 205, 206, XII, л. 190—199; Запис. XXIV, л. 159—161.

¹⁰⁷⁾ Такимъ образомъ, напр., воевода Троцкій, маршалокъ земскій панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій бояръ своихъ Юрья Битейка, Стеквила и Козельскаго, которые сидѣли «на звечныхъ Деснянскихъ земляхъ», «Кгодачевскому въ послугу дажъ тымъ обычаемъ, ижъ они съ тыхъ земель Деснянскихъ мають ему служыти; а естли бы служыти ему не хотели, тогда земли Декснянски оставивши, мають отъ него прочъ полти, а тыи земли Кгодачевскій вечно держати маєтъ». Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 179.

¹⁰⁸⁾ «Листъ до державцы Трабского бояромъ Трабскимъ Ейкгирдовичомъ, зоставуючы ихъ при службе боярской, яко было за пана Краштолта, до воли господарской». Городно 1555 года, марта 31. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 11—12.

хетское право въ примѣненіи къ различнымъ разрядамъ шляхты имѣло не одинаковое значеніе и силу, допускало извѣстныя ограниченія и варіаціи въ пониманіи. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, нѣкоторые разряды этого класса сверхъ общихъ шляхетскихъ правъ и вольностей пользовались еще своими особыми правами, а другіе наоборотъ— не пользовались нѣкоторыми изъ общихъ правъ и вольностей шляхты, гарантированныхъ въ земскихъ привилеяхъ.

§ 7.

Сообразно съ количественнымъ и юридическимъ разнообразіемъ въ сферѣ шляхетскаго землевладѣнія, существовало извѣстное разнообразіе и въ порядкѣ отбыванія общей повинности, лежавшей на различныхъ разрядахъ шляхетскаго сословія, т. е., военной службы. И въ данномъ отношеніи крупные землевладѣльцы—князья и паны отличались отъ среднихъ и мелкихъ—боярѣ и землянъ-шляхты, бояре и земляне шляхта господарскихъ волостей отличались отъ боярѣ и землянъ княжескихъ и панскихъ ¹⁰⁹⁾).

Крупные землевладѣльцы, князья и паны, выѣзжали сами лично и выводили свои «почты» (отряды слугъ) подъ собственную хоругвь, съ которою они ставились въ общемъ ополченіи той или другой земли или воеводства. Поэтому и приказы о снаряженіи или выступленіи на войну эти землевладѣльцы получали непосредственно, тогда какъ бояре и земляне шляхта оповѣщались о томъ своими хоружими, а гдѣ ихъ не было,—мѣстными державцами и тивунами (въ Жмудской землѣ). Это былъ обычный порядокъ, который по временамъ находилъ себѣ и формальное подтвержденіе ¹¹⁰⁾. Крупныя княжескія и панскія имѣнья составляли свои ополченія подъ особыми хоругвями даже и тогда, когда раздроблялись на мелкія части между многими владѣльцами. Таково было, напр., княжество Гедройтское, владѣльцы котораго—князья и бояре (въ 1528 году 84 человекъ) ставились съ своими «почтами» подъ одною хоругвью ¹¹¹⁾. На этихъ хоругвяхъ, какъ позволяетъ за-

¹⁰⁹⁾ Косвенное признаніе этого факта содержится въ статутѣ 1529 года. Второй артикулъ II раздѣла этого статута можетъ быть понятенъ только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ особыя княжескія и панскія хоругви, подъ которыми становились вассалы князей и пановъ. Статутъ 1566 г. (раздѣлъ II, арт. 7, 11) говоритъ объ этомъ уже вполне опредѣленно.

¹¹⁰⁾ См. выше, стр. 162, прим. 362.

¹¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV. л. 159—161; Публичныхъ дѣлъ I, л. 64—65.

ключать привилей, выданный пану Яну Еронимовичу Ходкевичу на графскій титулъ и новый гербъ (земли Лифляндской), изображались гербы князей и пановъ: пожалованіе новаго герба въ добавленіе къ четыремъ, уже принадлежавшимъ Ходкевичу, мотивировано здѣсь тѣмъ, что «его милость и продки его милости зъ народу своего суть паны хоруговными», слѣдовательно, имъ есть гдѣ изображать и пятый гербъ ¹¹²⁾.

О наличности всѣхъ этихъ князей и пановъ хоруговныхъ даютъ понятіе перечни лицъ, коимъ посылались особые листы, наравнѣ съ «повѣтами» (такіе перечни встрѣчаются въ книгахъ Литовской Метрики съ 30-хъ годовъ XVI ст.). По этимъ перечнямъ оказывается, что къ составу князей и пановъ, выводившихъ свои «почты» отдѣльно отъ повѣтовыхъ ополченій, въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ принадлежали слѣдующія лица: кн. *Литовскій* Янъ (бискупъ Виленскій, побочный сынъ Сигизмунда); кн. Павелъ *Гольшанскій*; кн. *Слуцкій*; кн. *Острожскіе*: вдова Константина Ивановича Александра; его сыновья—Илья и Василій-Константиъ, вдова Ильи Беата; кн. *Дубровицкіе*: Юрій, сынъ его Янушъ, вдова Януша Елизавета; кн. *Санушковичи*: Ѳедоръ Андреевичъ, Андрей и Василій Михайловичи и другіе; вдова кн. Михаила Ивановича *Мстиславскаго* Василиса; кн. *Вишневецкіе*; вдова кн. Матѳея Микитивича Томила и кн. Ярославъ Матѳеевичъ *Микитинича*; кн. *Полубенскіе*: Василій Андреевичъ, Иванъ Васильевичъ; кн. *Чорторыйскіе*: Ѳедоръ Михайловичъ и другіе; вдова кн. Богдана *Жеславскаго* Аграфена; кн. *Лукомскіе*; кн. *Соколинскіе*; кн. *Друцкіе*; кн. *Одинцевичи*; кн. *Севрскіе*; кн. *Гедройтскіе*; княгиня *Крошинская*; кн. *Жилинскіе*; кн. *Пронскіе*: Андрей и Фридрихъ; кн. *Четвертинскіе*; кн. *Збаражскіе*; кн. *Заславскіе*; кн. *Корешкіе*; кн. Семень *Бльскій* (московскій выходецъ); кн. *Деречинскіе*. Къ панамъ хоруговнымъ принадлежали слѣдующія лица: паны *Радивилы*: вдова Миколая Николаевича Елизавета, братъ его Юрій, сынъ—Янъ, племянники—Миколай и Янъ Яновичи, Миколай Юрьевичъ; паны *Остиковичи*: вдова Григорія Станиславовича Елизавета, сыновья—Юрій (Сирпутій) ¹¹³⁾ и Григорій; вдова Юрія Марина и дѣти—паны *Сирпутъевичи*; паны *Гаштольдъ*:

¹¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. Л, л. 170—172.

¹¹³⁾ Сынъ Юрія Григорьевича Остиковича Миколай прозывался Сирпутъемъ (*Bonieckiego Roczet rodów*, str. 228). Но уже въ 1533 году посылался военный листъ «до пана Сирпутъя», каковой по времени едва ли могъ относиться къ Миколаю Юрьевичу Остику (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 49—50). Поэтому мы полагаемъ, что уже отецъ Миколая—Юрій носилъ это прозвище.

Альбрехтъ Мартиновичъ и сынъ его Станиславъ; паны *Кезайлы*: вдова Станислава Станиславовича Анна и двоюродный племянникъ Станиславъ Миколаевичъ; паны *Заберезинскіе*: Янъ Яновичъ и его вдова Варвара; паны *Кухмистровици*; паны *Костевичи*: вдова Януша Марина и вдова Венцлава Анна; паны *Кишки*: Петръ Станиславовичъ, его вдова Анна, сыновья—Станиславъ и Миколай; *Пацы*: Миколай Юрьевичъ, его вдова Александра и дѣти; паны *Ходкевичи*: Александръ Ивановичъ, его сыновья Еронимъ, Григорій, Юрій; паны *Воловичи*: Иванъ Гринковичъ и др.; паны *Немировичи*: Андрей Якубовичъ, Юрій и другіе; паны *Довойны*: Станиславъ и другіе; паны *Ильминчи*: Янъ и Щастный, вдова Яна Гальшка; паны *Гмбовичи*: Янъ Юрьевичъ, его вдова Анна; паны *Нарбутовичи*: Миколай и другіе; паны *Солоубовичи*; паны *Сопеги*: Иванъ Богдановичъ, его двоюродный братъ Павелъ Ивановичъ и другіе; панъ *Солтановичъ* Александръ; паны *Петьковичи*: Матысъ и другіе; панъ Матей Яновичъ *Охмистровичъ* (Ключко); паны *Юндилловичи*; паны *Хрестовичи*: вдова Яна Литавора и другіе; вдова Богуша *Боговитиновича*; панъ Василій *Чижъ* и его вдова; паны *Зеновевичи*; вдова Петра Яновича *Монтыгирдовича*; паны *Немиричи* (отъ Немиры Грималича); панъ Иванъ *Горностай* и братъ его Оникей; вдова Михаила Васильевича *Коптя*; Янъ *Стецковичъ Цыбулька*; вдова Андрея Завишича и другіе паны *Завиши*; панъ Юрій Войтеховичъ *Носиловскій* и его вдова; Миколай Якубовичъ и другіе паны *Щитовичи*; паны Петръ и Богданъ *Семашковичи*; панъ Щастный *Сирутевичъ*; панъ Иванъ Михайловичъ, староста Пинскій, и его вдова; панъ Василій *Тишкевичъ* (изъ Волинскаго рода Мишковичей); Янъ *Комаевскій*, Янъ *Шимковичъ* (Мацкевича), Василій Петровичъ *Загоревскій* (сынъ Петра Богдановича, ключника, мостовничія и городничія Луцкаго); Янъ *Андрушевичъ* (бискупъ Кіевскій); Венцлавъ *Вербицкій* (бискупъ Жмудскій), Валеріанъ Протасовичъ *Сушковскій* (бискупъ Луцкій), Иванъ *Ляцкій* (московскій выходецъ), Лавринъ *Вольскій*, Войтехъ *Ясемскій*, Ярошь *Корицкій*, *Веселовскій* ¹¹⁴⁾. Сравнивая этотъ перечень съ вышеприведенными данными о князьяхъ и панахъ, видимъ, что наличность разсматриваемаго разряда шляхетскаго сословія въ подавляющемъ большинствѣ состояла все изъ тѣхъ же фамилій, изъ которыхъ выходили члены господарской рады, и которыя по переписи 1528 г. выставляли значительные «почты». Всѣ новые люди, попавшіе въ составъ этого высшаго класса, также сдѣлались уже болѣе или

¹¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 49—50, 242—243; кн. Запис. XIX, л. 258—260; XXX, л. 114—115; XXXVII, л. 20—22.

менѣ крупными землевладѣльцами. Таковъ былъ, напр., бывшій московскій окольничій Иванъ Васильевичъ Ляцкій, прибывшій въ Литву по смерти вел. кн. Василя Ивановича вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Бѣльскимъ: король Сигизмундъ пожаловалъ ему двѣ волости, Высокій дворъ и Жолудокъ, «противъ отчины его, которую онъ имель на Москве» ¹¹⁵).

Судя по разсказу Длугоша о Грюнвальденской битвѣ, литовско-русскіе князья издавна выводили свои отряды на войну подъ собственными хоругвями, которые и назывались ихъ именемъ: хоругвь Сигизмунда Корябутовича, Семена Липгвеньевича, кн. Юрія и т. д. Это былъ стародавній обычай какъ на Руси, такъ и на Литвѣ. Что касается собственно пановъ, то, по всѣмъ даннымъ, этотъ обычай перенять былъ ими у своихъ польскихъ собратій, выѣзжавшихъ на войну подъ своими родовыми знаменами, какъ это видно изъ разсказа Длугоша о Грюнвальденской битвѣ ¹¹⁶). На основаніи этого же разсказа можно заключить, что этотъ обычай усвоенъ былъ литовскими панами не ранѣе 1413 года, когда получены были ими гербы: въ Грюнвальденской битвѣ 1410 г. литовскіе и русскіе воины сражались либо подъ княжескими, либо подъ повѣтовыми хоругвями. Панскихъ хоругвей еще не было въ Грюнвальденской битвѣ, и это обстоятельство подчеркивается въ разсказѣ Длугоша, какъ особенность литовско-русскаго войска по сравненію съ польскимъ. Такимъ образомъ, въ 1410 г. литовскіе паны наравнѣ съ остальными боярами стояли еще на полѣ битвы подъ земскими и повѣтовыми хоругвями. Этихъ хоругвей Длугошъ насчитываетъ восемнадцать: Троцкая, Виленская, Городенская, Ковенская, Лидская, Мѣдницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Кіевская, Пинская, Новгородская, Берестейская, Волковийская, Дорогичская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская ¹¹⁷). По всѣмъ даннымъ, это только примѣрный, а не полный перечень всѣхъ повѣтовыхъ хоругвей ¹¹⁸). Позже

¹¹⁵) Сигизмундъ-Августъ въ 1558 году 9 августа пожаловалъ его сыну Ивану эти имѣнья «правомъ мужского рожаю». Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 182—183.

¹¹⁶) Польскіе паны въ свою очередь переняли этотъ обычай у западно-европейскихъ крупныхъ феодаловъ, ближайшимъ образомъ у своихъ чешскихъ собратій (páni korouhevni). См. *O. Balzera* *Historya ustroju Austrii*. str. 132, 133. Lwów 1899.

¹¹⁷) *Dlugosz*, *Opera omnia*, tomus XIII, p. 41, 42.

¹¹⁸) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 533.

крупные землевладѣльцы шляхетскаго сословія, или паны, уже вышли изъ подъ повѣтовыхъ хоругвей и стали ставить свои отряды, или «почты» въ ополченія воеводствъ или земель подъ собственными хоругвями, а подъ повѣтовыми хоругвями остались только средніе и мелкіе землевладѣльцы, обязанные служить военную службу непосредственно самому господарю.

Распредѣленіе этихъ землевладѣльцевъ по отдѣльнымъ хоругвямъ основывалось на территоріальномъ началѣ: каждый становился съ своимъ почтомъ подъ хоругвою того повѣта, въ которомъ лежало его имѣнье; кто владѣлъ имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, обязанъ былъ становиться лично съ извѣстнымъ почтомъ подъ хоругвою того повѣта, въ которомъ лежало его отчинное «головное» имѣнье¹¹⁹⁾; подъ хоругвями же другихъ повѣтовъ такіе землевладѣльцы обязаны были ставить одни свои «почты»¹²⁰⁾; кто заразъ владѣлъ имѣньями подъ господаремъ, князьями и панами, тотъ лично долженъ былъ становиться подъ повѣтовою хоругвою, поставивъ на свое мѣсто при князѣ или панѣ кого-либо другого, «войнѣ неповинного»¹²¹⁾; сами князья и паны, владѣвшіе имѣньями въ господарскихъ волостяхъ, выставляли съ этихъ имѣній «почты» подъ повѣтовыми хоругвями, а съ собственныхъ имѣній, какъ сказано, вели почты подъ собственными хоругвями¹²²⁾.

¹¹⁹⁾ Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 2.

¹²⁰⁾ Разумѣется, подобный порядокъ вещей создавалъ иногда большія затрудненія для военно-служивыхъ землевладѣльцевъ. Поэтому землевладѣльцы выхлопывали себѣ у господаря право служить со всѣхъ имѣній подъ какою-нибудь одною хоругвою. «Былъ намъ чоломъ,—читаешь въ одномъ актѣ отъ 19 марта 1557 г.,—справца дворовъ Городенскихъ, державца Новодворскій и Озерскій Себестьянъ Дыбовскій и поведилъ передъ нами, ижъ дей онъ именья свои въ разныхъ поветехъ, то есть въ Новгородскомъ и въ Клецкомъ, маеть и часу потребы службы наше господарское и земское военное водлугъ повинности своей зъ оныхъ имень почотъ слугъ своихъ въ тыхъ поветехъ подъ розными хоругвями ставити мусать, въ чомъ дей трудность великую прииметь; и былъ намъ чоломъ, абыхо зо всихъ имень его дозволили ему на одномъ местцу *въ повете Новгородскомъ подъ хоругвою тамошнею службу нашу земскую служити и заступовати*». Король дозволилъ.—Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 552. См. также Запис. XXXVII, л. 457—458.

¹²¹⁾ Статутъ 1529. раздѣлъ II; арт. 2.

¹²²⁾ Такимъ образомъ, напр., князь Василій Андреевичъ Полубенскій, выводившій отрядъ въ 43 человекъ, ставилъ сверхъ того 2 коня подъ хоругвою повѣта Берестейскаго, панъ Станиславъ Довойновичъ, выводившій отрядъ въ 31 коня, ставилъ сверхъ того 2 коня подъ хоругвою повѣта Берестейскаго. Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ I, л. 7, 8, 100, 101.

По переписи 1528 г. и современнымъ актовымъ свидѣтельствамъ господарскіе бояре-шляхта и земляне, выѣзжавшіе на войну, составляли слѣдующія хоружства и отряды сообразно съ распредѣленіемъ ихъ землевладѣнія: въ воеводствѣ Виленскомъ—хоружства Опшменское и Мѣдницкое, отряды Минскаго повѣта и Аннской волости, хоружства Лидское (и Бѣлицкое) и Новгородское, отрядъ Марковской волости, хоружства Кревское и Свирское, Рудоминское, Мемижское, Керновское, Утенское, Мойшакогльское, Вилкомирское, (Ушпольское) и Пеняньское, Кледройтское, Судеревское, Неменчпнское, отряды Овикштенскій и Браславскій; въ Троцкомъ воеводствѣ—хоружства Ковенское, Жижморское, Сомилишское, Лепунское и (Вольницкое), Высокодворское, Ейшишское, отряды Радунскій, Перелайскій, Коневскій (и Дубяцкій), Пуньскій, хоружства Дорсунишское, Бирштанское, Мерецкое, Василишское, Острынское, отрядъ Жолудской волости, хоружства Городенское, Словинское, Волковыйское, Каменецкое, Берестейское, Упитское, Троцкое и Курклево; въ воеводствѣ Подляшскомъ—хоружства Дорогичское, Мельницкое и Бѣльское; на Волыни—хоружство земли Волынской; на Полѣсьѣ: отряды Цинскій, Клецкій, Городецкій, Кобринскій, Грушевскій и Черевачицкій; въ Полоцкой землѣ—хоружство земли Полоцкой; въ Витебской землѣ—хоружство земли Витебской; на Руси Литовской—отрядъ Мстиславскаго княжества; въ Жмудской землѣ—хоружства Вилкейское, Веленское, отряды волостей Ойракогльской, Росенинской, Видукльской, Коршовской, Поюрской, Шовдовской, Ретовской, Кгондинской, Вешванской, Телшовской, Биржавянской, Дирванской, Медикгонской, Жорянской, Потумшинской, Корклянской, Ужвентской, Бержанской, Крожской, Кеменской, хоружства Ясвоинское и Тондякогльское ¹²³⁾.

Повѣтовья ополченія боярь-шляхты и землянь выводились на войну своими *хоружими*. Изъ тѣхъ повѣтовъ, гдѣ этихъ должностныхъ лицъ не было, боярь и землянь выводили на войну мѣстные державцы и тивуны. Поэтому, напр., въ 1535 году 1 февраля среди другихъ военныхъ листовъ посланъ былъ листъ «до державцы Мѣстиславскаго, абы замки людьми осадивъшы, а сами съ конными людьми до пана гетмана ехали, какъ ихъ обоплеть» ¹²⁴⁾. Листъ отправленъ былъ къ державцѣ потому, что въ Мстиславлѣ въ то время еще не было хоружія. Изъ

¹²³⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I; Запис. XVII, л. 115—117; 180, 181; 390—391, 414—416; 458; Судныхъ дѣлъ VIII, л. 267—269; *Bonieskiego* *Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników*.

¹²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 242—243.

большинства Жмудскихъ волостей выводили бояръ на войну мѣстный староста и тивуны. Поэтому и военные листы въ 1536 году 1 мая были посланы между прочимъ старостѣ Жмудскому и тивунамъ: Бержаньскому, Шовдовскому, Биржанявскому, Тверскому, Вешвеньскому, Дирванскимъ обѣихъ половинъ, Тельшевскому, Кгондинскому, Ойрагольскому, Ретовскому, Поюрскому, Коршовскому¹²⁵). Съ теченіемъ времени обыкновенно ставились хоружіе и въ тѣ повѣты, гдѣ ихъ не было. Державцами по большей части бывали крупные паны, которые должны были вести на войну свои «почты» подъ собственными хоругвями, и притомъ нерѣдко держали за разъ не одну господарскую волость, а нѣсколько. При такихъ условіяхъ они лично не могли выводить бояръ и землянь изъ своихъ державъ, а должны были все равно поручать это дѣло уполномоченнымъ лицамъ. Но самое главное—отъ лицъ, обязанныхъ выводить бояръ и землянь даннаго повѣта, требовалось точное и подробное знаніе всей ихъ наличности, семейнаго и имущественнаго положенія, кто именно и какъ обязанъ служить, т. е. въ какомъ «почтѣ» и вооруженіи. Этому условію далеко не всегда удовлетворяли державцы, которые сравнительно мало имѣли общенія съ мѣстнымъ военно-служилымъ людомъ, не служили съ нимъ подъ одною хоругвью, иногда были родомъ изъ другихъ мѣстностей государства. Въ интересахъ военной службы поэтому удобнѣе было возлагать обязанность выводить на войну бояръ и землянь на надежныхъ лицъ изъ ихъ же собственной среды, которые по сосѣдству и совмѣстной службѣ имѣли больше возможности знать всѣхъ своихъ одноповѣтниковъ, кто и какъ изъ нихъ служилъ прежде и обязанъ впредь служить, и сообразно съ этимъ предъявлять къ нимъ и служебныя требованія. Вотъ почему уже при Витовтѣ существовали по разнымъ повѣтамъ особые хоружіе, выводившіе на войну мѣстныхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ¹²⁶). Должности этихъ хоружихъ учреждались и впоследствии, по мѣрѣ того, какъ разрасталось боярское и землянское землевладѣніе въ господарскихъ волостяхъ и увеличивалась самая наличность бояръ и землянь. Въ началѣ Ливонской войны, въ 1561—1565 годахъ, хоружіе были не только въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ они являются по переписи 1528 года и современнымъ ей актамъ, но и въ многихъ другихъ, частью упоминаемыхъ въ переписи 1528 г., а частью новыхъ, въ этой переписи не записанныхъ. Военные и сереб-

¹²⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 260; Запис. XXXVII, л. 20—22.

¹²⁶) *Długosz*, *Opera omnia*, tomus XIII, p. 41, 42; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 533.

щинные листы въ 1561—1565 г. разсылались между прочимъ хоружимъ: Аннскому, Минскому, Марковскому, Оникштенскому, Браславскому, Радуньскому, Перелайскому, Коневскому и Дубицкому, Пуньскому, Жолудскому, Волковыйскому, Бѣльскому, Пинскому, Кобринскому, Мстиславскому, т. е. хоружимъ такихъ повѣтовъ, которые по переписи 1528 года и другимъ современнымъ актамъ являются еще безъ хоружихъ (возможно, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ повѣтовъ, напр., въ Волковыйскомъ и Бѣльскомъ хоружіе были и въ то время и только случайно не встрѣчаются въ актахъ). Сверхъ того военные листы въ 1561—1565 г. разсылались хоружимъ: Довговскому, Кормяловскому, Красносельскому, Геранонинскому, Ляховицкому, Новодворскому, Ожскому и Переломскому, Скерстомоньскому, Стоклишскому, Трабскому¹²⁷⁾, т. е. хоружимъ такихъ повѣтовъ, которые совсѣмъ не упоминаются еще въ переписи 1528 года либо потому, что въ нихъ мало еще было развито боярское землевладѣніе, и существовавшіе въ нихъ бояре¹²⁸⁾ несли военную службу подъ хоругвами сосѣднихъ повѣтовъ, либо потому, что эти повѣты не принадлежали еще тогда господарю, какъ, напр., Геранонинскій и Трабскій¹²⁹⁾. Даже въ Жмудской землѣ, гдѣ обязанности хоружихъ выполняли большею частью тивуны¹³⁰⁾, увеличилось, повидимому, число этихъ должностныхъ лицъ. Изъ листа, адресованнаго тивуну Шовдовскому, относительно сбора серебщины, ухваленной на сеймѣ 1551 г., видно, что въ тивунствѣ Шовдовскомъ былъ особый повѣтовый хоружій, на котораго и возложена была обязанность собирать серебщину съ имѣній мѣстныхъ боярь-шляхты¹³¹⁾.

¹²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Переписей Литов. VII, л. 1—3, 20—22, 30—32, 70—72, 75—76, 92, 99—100, 131—133, 135, 138—139, 146; Публичныхъ дѣлъ VII, л. 3, 8, 23, 24, 35—38, 59—63, 82—84.

¹²⁸⁾ Это справедливо, напр., относительно Стоклишской и Довговской волостей. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 144, 145, 147; прилож. № 25.

¹²⁹⁾ Геранонны и Трабы принадлежали въ 1528 году Гаштольдамъ. См. тамъ же, стр. 115, 116, 119.

¹³⁰⁾ Старшій тивунъ носилъ хоругвь земли Жмудской. См. Акты Зап. Рос. III, № 11, пр. 13.

¹³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 125—127. Кромѣ этого листа, намъ не попадалось еще никакихъ указаній на повѣтовыхъ хоружихъ въ тивунствахъ Жмудской земли. Акты упоминаютъ только о хоружихъ въ Жмудскихъ державкахъ—Вилкейской, Веленской, Скерстомоньской и Ясвинской. Вотъ почему мы и не высказываемся рѣшительно за увеличеніе числа Жмудскихъ хоружихъ.

Хоружіе назначались на свою должность господаремъ по чьей-либо рекомендаціи. Чаще всего господарь руководился въ данномъ случаѣ рекомендаціею воеводы и старосты, которая выражалась иногда не только въ формѣ простого ходатайства за того или другого лица, но и въ формѣ предварительнаго порученія ему исправлять должность «до воли и ласки господарской». Господарь въ такихъ случаяхъ только подтверждалъ распоряженія воеводы или старосты. Такимъ образомъ, напр., староста Лидскій Юрій Ивановичъ Ильничка, найдя, что назначенный господаремъ хоружій Лидскаго повѣта Богданъ «неслушне и перядне въ томъ ся справуеть», отставилъ его отъ этой должности, далъ «хоружое Лидское» боярину Мицку Нарковичу и написалъ объ немъ господарю, «ижь тотъ Мицко есть годнѣйшый, вижли тотъ Богданъ». Согласно съ этимъ представленіемъ и по челобитью самого Мицка Нарковича король утвердилъ его въ должности хоружія ¹³²⁾. Въ 1538 году король по ходатайству пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда утвердилъ въ должности хоружія Сомилишскаго Ивана Селпцкаго, которому далъ хоружество покойный воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій «до воли и ласки господарской» ¹³³⁾. Какъ видно изъ этого факта, хоружества получались по временамъ и по протекціи стороннихъ вліательныхъ лицъ. Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ имѣемъ отъ 23 марта 1541 года, когда господарь пожаловалъ хоружество Мойшавгольское боярину Щастному Жоравскому по просьбѣ королевы Боны ¹³⁴⁾. Извѣстное вліаніе въ настоящемъ случаѣ оказывали также и желанія самихъ бояръ и землянь, къ которымъ господарь назначалъ хоружія. Король Сигизмундъ назначилъ было хоружимъ Городенскимъ своего дворянина Марка Гринко-

¹³²⁾ Тамъ же, прилож. № 36.

¹³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 140—141.

¹³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 109: «Княземъ и паномъ, и кнегинямъ, панямъ вдовамъ, бояромъ и двораномъ нашимъ тымъ, которые именья свои мають въ Мойшокгольскомъ повете. Билъ намъ чоломъ бояринъ Мойшокгольскій Щастный Жоравскій и просилъ у насъ хоружого Мойшокгольского, которое первой сего отъ насъ держалъ бояринъ нашъ Мартинъ Белевичъ и тыхъ часовъ змеръ, о чомъ же и королева наша ее милость, великая кнегиня Бона, насъ за нимъ жедала. Ино мы на жеданье королевое се милости и на чоломбитье его то вчинили—оный врадъ, хоружое Мойшокгольское, што оный Мартинъ отъ насъ держалъ, ему дали и тымъ его пожаловали со всимъ потому, якъ и первшия хоружие отъ насъ его мевали. И вы бы о томъ ведали и его во всемъ были послушни потому, какъ и первшихъ хоружихъ тамошнихъ, конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1541. месеца марта 23 день, индиктъ 14. Михайло писаръ».

вича. Но бояре Городенскіе не пожелали имѣть его на этомъ урядѣ. Тогда мѣстный староста панъ Юрій Николаевичъ Радивилловича далъ этотъ урядъ боярину Городенскому Яну Николаевичу Толонковича «до воли господарской» и просилъ господаря утвердить его распоряженіе. При этомъ и нѣкоторые бояре Городенскіе били челомъ господарю, чтобы онъ далъ ему хоружство Городенское. Согласно этимъ ходатайствамъ король 12 сентября 1526 года утвердилъ хоружство за Толонковичемъ ¹³⁵⁾. Встрѣчаются даже случаи прямого выбора хоружія цѣлою волостью. Бояре и слуги путные Упитскаго повѣта принесли жалобу на своего хоружія Миколая Буткевича, который «кривды и шкоды, невымовне великии» имъ подѣлалъ и «платы неомервныи» съ нихъ побралъ. Разбравшій эту жалобу король Сигизмундъ нашель Буткевича виновнымъ и приказалъ своему дворянину разыскать съ него въ пользу жалобщиковъ все ихъ убытки. Тогда Буткевичъ пошелъ съ ними на мировую и «спустилъ» имъ свое хоружство, обязываясь отдать и самую хоругвь. Бояре просили господаря отдать хоружство Андрею Товтегиновичу, что господарь и исполнилъ. Когда же Буткевичъ, невзирая на то, попытался обманомъ вернуть себѣ хоругвь, бояре отравили своего избранника къ господарю съ листомъ, скрѣпленнымъ цѣлою сотнею подписей, въ которомъ, разоблачая махинаціи Буткевича и его недобросовѣстность, просили оставить при хоружствѣ Андрея Товтегиновича. Господарь и на этотъ разъ уважилъ ихъ просьбу ¹³⁶⁾.

Главная обязанность хоружихъ состояла въ томъ, чтобы выводить бояръ и землянь своихъ повѣтовъ на войну. Они оповѣщали своихъ повѣтниковъ о снаряженіи и выступленіи на войну, собирали ихъ въ одно мѣсто и провѣряли наличность ихъ «почтовъ», а затѣмъ подъ своею хоругвью вели въ сборный пунктъ на смотръ къ гетману; о всѣхъ, уклонившихся отъ службы, хоружіе (а гдѣ ихъ не было, — державцы) обязаны были по прибытіи въ сборный пунктъ докладывать гетману, подъ страхомъ конфискаціи имѣнья за утайку ¹³⁷⁾. Дальнѣй-

¹³⁵⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 42.

¹³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 180, 181.

¹³⁷⁾ Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 10. Статутъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, формулировалъ только дѣйствовавшую практику. Въ военныхъ листахъ, разосланныхъ въ концѣ іюня 1522 года, читаемъ между прочимъ: «Накъ ли жъ бы есте, и о сее розказанье нашо не дбаючи, и на тотъ рокъ до Меньска не были и гетьману нашому ся не оказали, и въ реестръ гетьманскій

шая обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы водить своихъ повѣтниковъ на битвы и удерживать ихъ въ войскѣ. Они обязаны были доносить гетману о тѣхъ своихъ повѣтникахъ, которые уѣзжали самовольно изъ войска или отсылали домой часть своего «почта»; въ противномъ случаѣ наказывались конфискаціею имѣнья. Таковы были спеціальныя обязанности хоружихъ¹³⁸⁾. Сверхъ того, на хоружихъ, какъ на должностныхъ лицъ, знающихъ наличность и имущественное положеніе бояръ и землянъ своего повѣта, возлагалась обыкновенно обязанность собирать серебщину съ ихъ людей и вносить въ скарбъ¹³⁹⁾.

Выше было указано на то, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ размноженія боярскаго и землянскаго класса и распространенія его землевладенія увеличивалось и число хоружихъ. При всемъ томъ, однако, число это никогда не доходило до числа всѣхъ вообще господарскихъ волостей, даже если не брать въ расчетъ волостей Жмудской земли съ ихъ тивунами въ роли хоружихъ. Число господарскихъ волостей и повѣтовъ всегда превышало число хоружихъ¹⁴⁰⁾; точно также и число

который се зъ васъ не написалъ або бы хто зъ васъ, зъ державецъ нашихъ, або хоружий которого земеняна дома оставилъ и гетману нашему о немъ не поведилъ, а если се князь гетьманъ его милость о таковыхъ доведаетъ, мы розказали его милости въ таковыхъ именья на насъ ся уязывати». Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75—76.

¹³⁸⁾ Статуть 1529, раздѣлъ II, арт. 10.

¹³⁹⁾ См. выше, стр. 224, 250, 251, 255, 285.

¹⁴⁰⁾ Это ясно обнаруживается изъ перечня господарскихъ волостей въ волочной уставѣ 1557 года и изъ другихъ актовыхъ данныхъ, современныхъ началу Литовской войны. Кромѣ тѣхъ волостей, въ которыхъ являются по современнымъ извѣстіямъ хоружіе и тивуны Жмудскіе, волочная устава отмѣчаетъ еще слѣдующія господарскія волости: Плотеде, Крожи и Ботоки—въ Жмудской землѣ; Милейчичи, Лосичи, Высокое, Тыкотинъ, Кпышинъ, Забѣлье, Мстибоговъ, Зельву, Волпу, Лысково, Межпрѣчь, Лососиную, Байковичи, Перевалку, Вороны, Ситно, Румшишки, Жосли—въ Тропкомъ повѣтѣ; Друю, Дисну, Довкялишки, Мяделе, Лебедево, Дуниловичи, Обели, Воложинъ, Больники, Любово, Роконтяшки, Виршупы—въ Виленскомъ повѣтѣ; Русскія волости: Рѣчицу, Мозырь, Бобруйскъ, Чичерскъ, Пропойскъ, Оршу, Любечъ, Гомій, Глускъ, Могилевъ, Свислочь, Борисовъ, Любошаны (Акты Зап. Рос. III, № 19). Въ актахъ 1561—1565 годовъ сверхъ того упоминаются: Августовъ, Бойсакгола, Бранскъ, Берзники, Брацлавъ, Бѣлавичи, Воинъ, Владиміръ, Вистинцы, Воложинт, Вонячинъ, Вѣница, Городокъ (на Подляшѣ), Городокъ (въ Полѣсьѣ), Добучинъ, Девенишки, Довкялишки, Житомиръ, Здитовъ, Каневъ, Кременецъ, Кмещелеги, Красница, Квасовка, Кузница, Котра, Кринки, Кретинга, Купишки, Куренець, Контяжинъ, Лабно, Лемазы, Лоздеи, Локница, Липившки, Лун-

державцевъ было обыкновенно больше числа хоружихъ ¹⁴¹⁾. Такое несоотвѣтствіе объясняется во-первыхъ тѣмъ, что не во всѣхъ господарскихъ волостяхъ или державахъ распространено было боярское землевладѣніе; во-вторыхъ—тѣмъ, что бояре и земляне нѣсколькихъ волостей и державъ сплошь и рядомъ составляли одно хоружство (напр., бояре Ковенской державы и Румшишской составляли хоружство Ковенское; бояре Городенской волости, Скидельской, Озерской, Кринской, Мостовской, Молявицкой, Квасовской, Котренской, Рожанской—хоружство Городенское; земляне Берестейскіе, Мплейчпцкіе, Вонньскіе, Ломазскіе—хоружство Берестейское; земляне Бѣльской державы, Саражской, Бранской, Кнышинской, Тыкотинской—хоружство Бѣльское; земляне Дорогичской державы, Городецкой и Высоцкой—хоружство Дорогичское); и наконецъ, тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ господарскихъ волостяхъ никогда не учреждалось должности хоружихъ, и мѣстные бояре и земляне всегда находились въ вѣдѣніи и распоряженіи мѣстныхъ державцевъ. Такъ обстояло дѣло въ такъ называемыхъ Русскихъ, или Поднѣпрскихъ, волостяхъ и въ державахъ Кіевской и Подольской земли, короче сказать—въ украинскихъ волостяхъ. Въ этихъ волостяхъ, по всѣмъ признакамъ, шляхетское землевладѣніе было очень мало распространено ¹⁴²⁾,

ная, Лынкмяны, Метель. Молчадь, Молявица, Мосгы, Новая Воля, Нарва, Нобель, Немоноты, Олита, Овручъ, Озеры, Остеръ, Пищадка, Порозово, Полонга, Перстунъ, Рожанка, Ротница, Рогаčovъ, Роконтшкы, Селець, Святковъ, Симно, Саражъ. Стобинки, Сейвы, Скидель, Трокели, Торчинъ, Цѣрлнъ, Чернобыль, Черкасы, Черячичи, Шерешовъ, Швинтаны, Яловка (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 78—81, 88—89, 94; Публич. дѣль VII, л. 55, 73, 78, 82, 105 и др.).

¹⁴¹⁾ Сверхъ державцевъ, одноименныхъ съ хоружаия, въ актахъ 1561—1565 г. упоминаются, напр., еще слѣдующіе державцы: Бержинцкій, Бранскій, Бобруйскій, Воложинскій, Воранскій, Владимірскій (староста), Вонячинскій, Высоцкій, Волпенскій, Гомейскій, Городецкій (на Подляшѣ), Жосельскій, Житомирскій (староста), Забельскій, Здитовскій, Зельвенскій, Кормяловскій, Краснацкій, Кретингскій, Кнышинскій, Котренскій, Квасовскій, Кременецкій (староста), Кринскій, Любечскій, Лобенскій, Лысковскій, Лосицкій, Любошанскій, Могилевскій, Межирѣцкій, Молявицкій, Мядельскій, Мозырскій, Мостовскій, Мстибоговскій, Немонотскій, Олитскій, Озерскій, Обельскій, Оршанскій, Овруцкій, Острскій, Перстунскій, Плотельскій, Полонгскій, Пропоискій, Перевальскій, Рогаčovскій, Рѣчицкій, Росинскій, Роконтшанскій, Румшишскій, Саражскій, Стобинскій, Сейвенскій, Симненскій, Скидельскій, Чечерскій, Чернобыльскій, Шерешовскій (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 20—22, 30—32, 34, 36, 53—57, 99, 101, 105, 118, 119, 122; Публич. дѣль VII, л. 12, 32, 39, 66—69).

¹⁴²⁾ По ревизіи 1545 года въ Вѣницкомъ повѣтѣ насчитывалось около

и небольшіе контингенты мѣстныхъ бояръ и землянь отправляли военную службу на мѣстѣ, составляя тѣ отряды, съ которыми украинныя державцы защищали свои замки и отправлялись въ погоню за непріателемъ ¹⁴³⁾. Когда происходила общая мобилизація литовскаго войска,

30 землевладѣльцевъ шляхетскаго званія; въ Браславскомъ повѣтѣ 47, изъ которыхъ двое было князей, 23 человекъ «старшихъ землянь», а остальные, не будучи «уроженнымъ бояриномъ шляхтою и нѣтъ вѣдома одколъ пришедши», назывались землянами и держали подъ собою селища «безъ данины господарское»; въ Житомирскомъ повѣтѣ насчитывалось князей, пановъ и бояръ 21 землевладѣлецъ (Zgodnia dziejowie, tom VI). По ревизіи 1552 года землянь и бояръ въ Чернобыльскомъ повѣтѣ насчитывалось 20 землевладѣльцевъ, въ Острскомъ повѣтѣ—27 бояръ; въ Каневскомъ—11 землевладѣльцевъ (князей, пановъ и бояръ); въ Черкасскомъ—4 (Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, № XIV, XV, XVII, LXXXII, LXXXIII). Точно такъ же, по всѣмъ признакамъ, мало распространено было боярское землевладѣніе и въ Подиѣпрскихъ волостяхъ. Поэтому, напр., когда въ шестидесятыхъ годахъ понадобилось вспоможать Полоцкихъ бояръ, лишившихся своихъ отчинъ вслѣдствіе оккупации Полоцкой земли Москвою, имъ раздавались имѣнья по большей части въ этихъ волостяхъ (въ Могилевской волости—15 сель, въ Мозырской—13, въ Рогачовской—2, въ Свислоцкой—2). См. «реестръ, где паномъ Полочаномъ оселости розданы» отъ 13 августа 1563 г. (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 84—87). Вслѣдствіе недостатка въ военно-служилыхъ людяхъ въ шестидесятыхъ годахъ державцы и ревизоры Подиѣпрскихъ волостей довольно часто раздавали здѣсь землю на военную службу (См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 356—357, 418—419, 428—429; XXXVIII, л. 539—540, 542—543; XLI, л. 276—277; XLIV, л. 95—96; XLIX, л. 15; L, л. 15, 151—152, 209; LI, л. 190—191; Судныхъ дѣлъ кн. XLIV, л. 74—75).

¹⁴³⁾ Въ ревизіяхъ украинныхъ замковъ 1552 г. встрѣчаемъ такія отиѣтки: «Повинни Черкасыцы бояре служити коньно, збройно и ездити съ старостою, або и безъ старосты съ служебниками его противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними. А хотябъ и не было слуху о людехъ непріятельскихъ, одьнакже, для осторожности отъ нихъ повинни бояре съ старостою, або съ слугами его ездити на поле разъ и два, и три на лето».—«Земяне Чернобыльские повинни противъ людей непріятельскихъ ездити при воеводѣ Киевскомъ и лежати при немъ в Киевѣ въ часъ непокойный».—«Бояре шляхта, которые имѣни свои мають (въ Мозырскомъ повѣтѣ), шляхта одно дома свои мають у мѣсте, винни на послугу ѣзати при воеводѣ Киевскомъ, яко обошлетъ» (Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, стр. 81, 82, 588, 617. Срав. также стр. 95, 594). Подобныя повинности несли и бояре Подиѣпрскихъ волостей. Утвердивъ за бояриномъ Могилевскимъ Ермолюю Федоровичемъ Стародубцевича землю, данную ему ревизорами, господарь въ выданномъ ему привилеѣ (отъ 20 мая 1562 года) обязалъ его служить службу земскую военную самотворъ «конно и збройно» и сверхъ того въ мирное время «четырохъ молодцовъ

этихъ бояръ и земянъ обыкновенно не тревожили, и къ нимъ не посылались военные листы. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что эти бояре и слуги уцѣлѣли отъ обложенія военною повинностью сообразно съ количествомъ крестьянскихъ служебъ, «водлѣ ухвалы земское», и несли эту повинность по старинному, въ фиксированныхъ размѣрахъ съ земли ¹⁴⁴⁾, ибо обложеніе военною повинностью «водлѣ ухвалы земское» распространялось только на тѣхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ, которые подлежали мобилизаціи. Вотъ почему эти бояре и земяне не попали и въ земскій «пописъ» 1528 года, который былъ собственно спискомъ всѣхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ, подлежащихъ мобилизаціи. Не подлежа общей мобилизаціи, эти бояре и земяне за то часто подлежали призыву въ мѣстныя ополченія, сваряжавшіяся въ погоню за татарами.

Бояре и земяне шляхта, державшіе имѣнья подѣ князьями и панами, выходили на войну подѣ ихъ начальствомъ. Князья и паны раздавали въ своихъ волостяхъ имѣнья боярамъ и земянамъ съ тою именно цѣлью, чтобы пополнять ими свои «почты» во время мобилизаціи. Такимъ образомъ, напр., панъ Михайло Нацевичъ (XV в.) подтвердилъ боярину Юрью Мимейковичу его отчину, которую тотъ держалъ въ его имѣньѣ Межирѣчьѣ, «а съ того казалъ службу боярскую шляхетскую конемъ служить потому, яко и иншии бояре шляхта служатъ» ¹⁴⁵⁾. Панъ Григорій Григорьевичъ Остиковича далъ боярину Николаю Войтеховичу имѣнье въ Мусникахъ съ условіемъ служить съ него службу конно и збройно на трехъ коняхъ ¹⁴⁶⁾. Вдова пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда дала нѣкоему Андрею Петелю три службы людей Койдановскихъ на вѣчность, при чемъ Петеля далъ такое обязательство: «А такъ и съ тыми людьми моими куплеными маю ен милости, паней моей милостивой, я самъ и потомки мои службу военную конно а збройно служить такъ, якъ и иншии бояре ен милости шляхта, ен милости самой и потомкомъ ен милости на вечность» ¹⁴⁷⁾. Военную службу шляхты подѣ хоругвью князей и пановъ предусматривалъ и статутъ 1529 года, обязывая тѣхъ шляхтичей, которые одновременно съ тѣмъ держали имѣнья подѣ господаремъ, лично

зъ ручницами уставичне при зажку нашомъ тамошнемъ Могилевскомъ мети» (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 27—28).

¹⁴⁴⁾ См. предшествующее примѣчаніе.

¹⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 24, 25.

¹⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 126--127.

¹⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Корони. Перепис. XXIV, док. 41.

становиться непременно подъ хоруговью повѣтвою, замѣщая себя при князѣ или панѣ кѣмъ-либо другимъ, войнѣ не повиннымъ ¹⁴⁸⁾). Въ тѣхъ случаяхъ, когда княжескія и панскія имѣнья спадали на господаря, бояре и земяне, испомѣстившіеся въ этихъ имѣньяхъ, ходили на войну подъ начальствомъ тѣхъ лицъ, которымъ господарь жаловалъ эти имѣнья «въ держаніе» ¹⁴⁹⁾). Бывали, впрочемъ, случаи, когда господарь ставилъ имъ особыхъ хоружихъ. Такъ было дѣло, наприм., въ Мстиславлѣ, Кгераноинахъ и Трабахъ.

Князья и паны съ своими «почтами», хоружіе и державцы (въ Жмудской землѣ также тивуны) съ повѣтвыми отрядами боярѣ и земянѣ-шляхты въ составѣ войска группировались по воеводствамъ и землямъ, въ особые территоріальные полки. Начальниками этихъ полковъ считались мѣстные воеводы ¹⁵⁰⁾, въ Жмудской землѣ—староста ¹⁵¹⁾, а въ Волинской—маршалокъ земли Волинской. Впрочемъ, видную роль эти военачальники играли только при частныхъ мобилизаціяхъ, когда военнoслужилые землевладѣльцы собирались не въ общегосударственное ополченіе, а въ мѣстное, для отраженія врага, угрожавшаго той или другой землѣ ¹⁵²⁾).

§ 8.

Въ неодинаковомъ положеніи находились различные классы шляхетскаго сословія и въ отношеніи подсудности. Первостепенныя княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ набирались паны радные, обыкновенно пользовались привилегіею неподсудности мѣстнымъ правителямъ—воеводамъ, старостамъ и державцамъ. Фактъ этотъ обнаруживается изъ нѣкоторыхъ опредѣленій статута 1529 года и частныхъ указаній различныхъ актовъ. Первый артикулъ VI раздѣла статута 1529 г. опредѣлялъ, что за неправый судъ каждый державца можетъ быть позванъ «передъ воеводу повету своего» и повиненъ передъ нимъ «судъ свой оказывати», за исключеніемъ пановъ радныхъ, воеводъ и старостъ, «которые не сунъ в поветехъ»: такіе державцы отвѣчаютъ «на першомъ сойме або на року земскомъ», т. е. передъ господаремъ и па-

¹⁴⁸⁾ Раздѣлъ II, арт. 2.

¹⁴⁹⁾ Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 27.

¹⁵⁰⁾ См. выше, стр. 293.

¹⁵¹⁾ Акты Зап. Рос. III, № 14 (стр. 40), 24 (ст. 101).

¹⁵²⁾ См., напр., относительно маршалка Волинской земли Archiwum Sanguszków IV, № I, LXV, LXXXI, LXXXII; Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 96—97; XLV, л. 15.

нами-радою, собравшимися на сеймъ экстренный или судебный. Статутъ предписывалъ вызывать на судъ «панов, которые не судятся у поветехъ», господарскими «позвами» за четыре недѣли до срока какъ изъ Литвы, такъ и изъ земель далекихъ—Кіевской, Волынской, Полоцкой, Витебской, Жмудской (арт. 4 шестого раздѣла). Судовые сеймы пановъ-рады устанавливались статутомъ главнымъ образомъ для разбирательства исковъ шляхты къ панамъ и тяжбъ пановъ между собою (арт. 5 того же раздѣла). Поэтому паны отказывались становиться на судъ повѣтовыхъ урядниковъ, когда ихъ приглашали на этотъ судъ. Въ 1558 году дворянинъ господарскій панъ Степанъ Сопега позвалъ на судъ судей Городенскаго повѣта брата своего Димитрія. Послѣдній заявилъ судьямъ: «я не повиненъ пану Степану передъ вами, судьями, отказывати с тыхъ причинъ, ижъ дей с предковъ своихъ не есть поветницы и в каждыхъ земскихъ речахъ о войны и о серебщизны и о иншие речн, особливые речн (листы?) господарские до домовъ Сопежиныхъ завжды писаны бывають отъ господара его милости, што дей есть вамъ самымъ и всимъ явно и подобно того и в справахъ тугошнихъ судовыхъ не есть, абы ся коли в томъ повете Сопегъ суживали, кроме комисей господарскихъ, где дей ихъ милость панове воеводове Троцкие суживали не обычаемъ поветнымъ, але за комисеею господарскою насъ завжды суживали»¹⁵³). Первостепенные паны радные обыкновенно освобождались отъ подсудности повѣтовымъ урядникамъ даже и съ тѣхъ имѣній, которые они получали изъ состава военнотружильныхъ имѣній того или другого повѣта, или державы. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ въ 1517 году 2 ноября выдалъ пану Миколаю Миколаевичу Радивилу привилей, коимъ навсегда освобождалъ его самого и всѣхъ его потомковъ отъ подчиненія и подсудности повѣтовымъ урядникамъ съ имѣнья Ванева, пожалованнаго ему еще покойнымъ королемъ Александромъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Ганязя и Райграда, пожалованныхъ ему самимъ Сигизмундомъ въ томъ же повѣтѣ. Въ силу этого привилея панъ Миколай Радивиль и его потомки по жалобамъ на нихъ или людей ихъ изъ этихъ имѣній должны были отвѣчать не передъ кѣмъ инымъ, какъ только передъ господаремъ или его комиссарами, специально для того назначенными¹⁵⁴). По-

¹⁵³) Акты Виленской Комиссии, т. XXI, № 553.

¹⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 175—177: «ab omni iurisdictione, coheritione et angaria caeterisque seruitijs, quibuscunque nominibus vociferentur, et alimentorum seu stationum provisione palatinorum, castellanicorum, capitaneorum, marschalcorum et pignorum alias dziecki ab eisque

добныя изъятія были распространены въ отношеніи къ панамъ раднымъ и высшему духовенству. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года шляхтарьцарство просила было короля установить, чтобы паны-рада и «все преложонные духовные» съ имѣній своихъ, которыя держатъ подъ земскимъ правомъ, отвѣчали передъ повѣтовыми судьями. Но господарь на отрѣзъ отказалъ въ этомъ и заявилъ, что онъ не станетъ заводить такой новости въ своемъ государствѣ: никогда передъ тѣмъ не бывало, чтобы паны радные и духовные іерархи отвѣчали передъ повѣтовыми урядниками, и впредь этого не будетъ; паны радные и духовные іерархи будутъ отвѣчать шляхтѣ «о кривды» передъ самимъ господаремъ, а въ его отсутствіе передъ панами-радою, «на рокахъ судовыхъ господарскихъ великихъ, о святомъ Мартинѣ»¹⁵⁵). Отклонивъ просьбу шляхты, господарь продолжалъ выдавать панамъ спеціальныя привилеи, освобождавшіе ихъ отъ подсудности повѣтовымъ урядникамъ. Такимъ образомъ, напр., 30 сентября 1558 года король выдалъ привилей вдовѣ покойнаго воеводы Витебскаго пана Станислава Петровича Кишки, Ганнѣ Радивиловиѣ, и ея дѣтямъ, коимъ изъялъ все ихъ подляшскія имѣнья¹⁵⁶) изъ присуда повѣтовъ земли Подляшской и включилъ ихъ «у право посполитое земское» великаго княжества Литовскаго. Привилей гласилъ: «съ которыхъ именовъ пани воеводиная и сынове ее въ томъ правѣ Подляское земли неповинни вжо отъ того часу никому отповедати и передъ судомъ становитися, але судити и справоватися будутъ звыклымъ правомъ у великомъ князствѣ Литовскомъ передъ нами господаремъ, а въ небытности нашей у-въ ономъ паньствѣ, ино передъ паны радами нашими ихъ милостью, яко зъ иныхъ именовъ своихъ они повинни передъ судомъ становитися»¹⁵⁷).

in id ministerium deputatorum seu surrogatorum, et generaliter ab omnibus et singulis officialibus, magistratibus tam terrestribus, quam etiam curiae nostrae, iuribusque et consuetudinibus districtuum eximimus, libertamus, itaque de se quaerulantibus non coram alio, quam coram nobis successoribusque nostris aut nostris et illorum commissarijs, ad id specialiter deputatis, per literas nostras evocati tam ipse Nicolaus cum coniuge et legitima posteritate sua et incolis praedictorum honorum tenebitur et tenebuntur respondere».

¹⁵⁵) Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 12. Срав. тамъ же, № 13, просьба 3; № 24, просьба 6.

¹⁵⁶) «Утровъ и села къ нему прислухаючие: Рухва, Гартыполы, Вархолтовича, Якшновичи, Борыхи, Жузолка, Кавечиня а место Соколовъ, такъ же съ селами Земпековомъ и Деретномъ».

¹⁵⁷) Литов. Метр. кв. Запис. XXXVII, л. 188.

Далеко, однако, не всё князья и паны пользовались правомъ не судиться въ повѣтахъ, передъ мѣстными правителями. Поэтому и въ привилеѣ Кіевской земли читаемъ: «А о грабежи безправные такъ уставляемъ: коли бы ся который князь, або панъ, або человекъ нашъ пожаловалъ нашему воеводѣ на князя, або на пана, або на боярина Кіевского: ино ему обослати его листомъ, абы передъ нимъ къ праву сталъ; а паць ли бы на листъ его не сталъ, ино послати дѣцкого и поставити къ праву, и, сѣдшы съ князи и съ бояры Кіевскими, того досмотрѣти: и хто въ томъ останеть винень, на виноватомъ суженое отправить»¹⁵⁸⁾. Подобныя опредѣленія встрѣчаемъ и въ привилеѣ Волынской земли¹⁵⁹⁾. Нѣкоторые князья и паны судились не только главными правителями областей, воеводами и старостами, но и державцами тѣхъ самыхъ повѣтовъ, гдѣ они приобрѣли имѣнья «подъ земскимъ правомъ». Въ заставномъ листѣ, выданномъ 25 апрѣля 1518 года пану Богушу Боговитиновичу на Каменецъ, Сигизмундъ между прочимъ гарантировалъ ему: «А которые князи и панове, и земляне, и духовные имѣнья свои мають въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маеть судити и радити подлугъ того, какъ первши державцы Каменецкіе»¹⁶⁰⁾. Къ числу нихъ навѣрное принадлежали измелчавшіе князья и паны, выставлявшіе свои почты подъ хоругвями повѣтовыми и въ повѣтовыхъ отрядахъ боярь и землянь шляхты¹⁶¹⁾, а по всей вѣроятности также и нѣкоторые крупные землевладѣльцы, выводившіе свои почты подъ собственными хоругвями.

Бояре и земляне-шляхта, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ въ разныхъ повѣтахъ, и судились обыкновенно въ этихъ повѣтахъ. Здѣсь судьями ихъ являлись прежде всего мѣстные господар-

¹⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. П, № 30.

¹⁵⁹⁾ Тамъ же, № 54.

¹⁶⁰⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 28.

¹⁶¹⁾ Такихъ князей и пановъ встрѣчаемъ не мало въ земскомъ «пописѣ» 1528 года. По этому «попису» въ составѣ боярь-шляхты Новгородскаго повѣта являютя: князь Иванъ Крошинскій (2 коня), князь Иванъ Люхидевскій (конь), панъ Колпеницкій (6 коней); въ отрядѣ Мойшакогьскаго повѣта—князь Глинскій (конь); въ отрядѣ Ейшишскомъ—князь Павелъ Бердибяка (конь), князь Василій Лыко (2 коня); въ отрядѣ Мерецкомъ—кв. Богушъ Масальскій (5 коней); въ Василшскомъ—кв. Михайло Лукомскій (2 коня), кв. Василій Масальскій (4 коня); въ Остринскомъ—князь Семень Лукомскій (конь), князь Петръ (конь), кв. Юрій Лукомскій (конь); въ Городенскомъ—панъ Митавъ Халецкій и т. д. (Литов. Метр. кв. Публ. дѣль I, л. 26—34, 51—53, 79—83, 88—95).

скіе намѣстники-державцы. Указанія на это во множествѣ разсѣяны въ актахъ первой половины XVI в. Такимъ образомъ, напр., въ заставномъ листѣ на дворъ Оникшты, выданномъ 7 января 1516 года пану Миколаю, старостичу Жмудскому, встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующую гарантію: «А бояръ нашихъ Оникштинскихъ маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ»¹⁶²). Подобныя же гарантіи встрѣчаемъ и въ другихъ заставныхъ листахъ, выданныхъ въ томъ же году на разные господарскіе дворы и волости, напр., въ заставныхъ листахъ на Волкиники и Лепунь, на Довкги, а также въ заставныхъ листахъ, выданныхъ въ 1518 году на дворы Василюшки и Стоклишки¹⁶³). Юрисдикцію державцевъ наравнѣ съ юрисдикціею старостъ и воеводъ по отношенію къ боярамъ и землянамъ-шляхтѣ предполагалъ и статутъ 1529 года, предписывая всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ выбирать двухъ землянъ добрыхъ и вѣры годныхъ для ассистированія на судѣ ихъ намѣстниковъ и маршалковъ въ отсутствіе самихъ воеводъ, старостъ и державцевъ¹⁶⁴). Статутъ только оговаривалъ, что новые державцы, недавно названные державцами, а прежде именовавшіеся тивунами, не имѣютъ права привлекать бояръ-шляхту къ своему суду. Бояре ставятся передъ ними на судъ по своей доброй волѣ; а если не захотятъ, могутъ отозваться до воеводы или старосты, «в которомъ повете хто з нихъ будетъ», и державцы не должны имъ возбранять этого¹⁶⁵). На неправый судъ державцевъ бояре и земляне шляхта могли жаловаться воеводѣ того повѣта, въ которомъ находилась держава; если же державцею былъ кто-либо изъ пановъ радныхъ, воеводѣ и старостѣ, не судившейся въ повѣтахъ, тогда жалоба должна была подаваться самому господарю или панамъ-радѣ на ближайшей сеймъ или на «рокъ земскій» (судовый сеймъ)¹⁶⁶). Въ Жмудской землѣ роль главнаго судьи для бояръ-шляхты игралъ мѣстный староста, который въ данномъ отношеніи пользовался тѣми же правами и полномочіями,

¹⁶²) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 26.

¹⁶³) Тамъ же, стр. 625.

¹⁶⁴) Раздѣлъ VI, арт. 3.

¹⁶⁵) Раздѣлъ VI, арт. 33. Вотъ почему и тяжбу боярина Ошменскаго Юрія (Шашковича съ бояриномъ же Павломъ Янковичемъ «о примовку ему до шляхетства» разбиралъ воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ (1522—1539), а не одинъ изъ тогдашнихъ державцевъ (Миколай и Янъ Заберезинскіе, Ерониль Ходкевичъ). См. Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 30—32.

¹⁶⁶) Раздѣлъ VI, арт. 1.

какъ и воеводы Виленскій и Троцкій ¹⁶⁷⁾. Для разбора претензій шляхты къ тивунамъ и тивуновъ къ шляхтѣ, тяжбъ тивуновъ между собою и жалобъ господарскихъ подданныхъ на шляхту и тивуновъ устава 1529 г. опредѣлила четыре сѣзда въ году, на которые должны были сѣзжаться староста и тивуны и разбирать всѣ накопившіяся дѣла ¹⁶⁸⁾. Подобные же суды отправлялись и въ Волынской землѣ на областныхъ сеймахъ, на которые сѣзжались мѣстныя должностныя лица, князья, паны и земяне. Здѣсь, кромѣ сложныхъ и запутанныхъ дѣлъ, выдвигавшихъ вопросы не только о приложеніи права, но и о самомъ правѣ, заставлявшихъ не только судить, но и вмѣстѣ законодательствовать, разбирались также и дѣла по апелляціи отъ суда мѣстныхъ судей. Первое мѣсто на этихъ судахъ принадлежало вообще старостѣ «столечного» города земли—Луцка ¹⁶⁹⁾. Но когда предстояло разбирать дѣла по апелляціи отъ суда мѣстныхъ судей, предсѣдательствовалъ уже маршалокъ земли Волынской. Въ привилеѣ на эту должность, выданномъ князю Ѳеодору Андреевичу Сангушковичу 1 января 1535 года, читаемъ поэтому: «А што ся дотычетъ отзыватья в судехъ подданымъ нашимъ, кому бы ся с кривдою видело, тогда вольно будетъ каждому князю и пану и земяномъ отозватися до него, маршалка земьского, потому, яко передъ тымъ за предковъ и за отца его небожника князя Андрея Александровича, бывало» ¹⁷⁰⁾. Этотъ судъ маршалокъ производилъ не единолично, а такъ же, какъ и староста

¹⁶⁷⁾ Въ привилеѣ на староство Жмудское, выданномъ 10 ноября 1532 года пану Петру Станиславовичу Кишкѣ, послѣ перечисленія дворовъ и волостей, которыя господарь оставлялъ въ своемъ «подаванѣ», читаемъ: «А панъ староста своихъ наместниковъ и тивуновъ, и поседы ани жадныхъ податковъ въ тыхъ дворехъ и волостехъ не маеть метя, але, кгдась кто отзоветъ у право передъ пана старосту, онъ маеть таковыхъ судити и радити и на непослушныхъ децкихъ своихъ посылати и въ присуде своемъ яко тивуновъ, такъ и всю землю Жомойтскую маеть мети водлугъ давного обычая, какъ у правехъ ихъ выписано; и какъ тежъ панове воеводы наши Виленскій и Троцкій у великомъ князстве ся справують зъ двори нашими Виленскими и Троцкими, онъ потому жъ маеть ся справовати тамъ въ земли Жомойтской» (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 269—271).

¹⁶⁸⁾ Акты Зап. Рос. Ц, № 160.

¹⁶⁹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, стр. 869—872.—Панья Тенчинская, выпросившая у короля Александра нѣсколько сель *во Владимірскомъ повѣтѣ*, «обо вси кривды мѣла права достовать *передъ старостою Луцкимъ*». См. Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 101 (стр. 89).

¹⁷⁰⁾ Archiwum Sanguszków IV, № I.

Луцкій,—съ владыкою, князьями и панами ¹⁷¹⁾, и скорѣе всего на областныхъ сеймахъ, когда, вообще рѣшались всякія судебныя и другія «земскія дѣла». За свой трудъ маршалокъ получалъ въ свою пользу половину пересуда, такъ же, какъ и староста Луцкій ¹⁷²⁾.—Подсудность рыцарства шляхты державцамъ, старостамъ и воеводамъ, какъ она обрисовывается по статуту 1529 г. и другимъ современнымъ источникамъ, въ существенныхъ чертахъ просуществовала до самаго введенія градскихъ и земскихъ судовъ (на основаніи Бѣльскаго привилея 1564 г.). Изъ жалобы, поданной землянами Вѣницкими въ 1551 году на своего старосту князя Богуша Корецкаго, видно, что земляне судились не только у самого старосты, но и у его урядника (намѣстника) ¹⁷³⁾. Точно такъ же судилъ мѣстныхъ землянъ и староста Кременецкій, между прочимъ «о некоторые розницы и зайстыя о земли, дубровы и сеножати», какъ это видно изъ господарскаго листа отъ 15 января 1554 года, выданнаго землянину Ивану Березецкому ¹⁷⁴⁾. Отдавая кн. Юрью Юрьевичу Слуцкому замокъ Пинскъ въ заставу, въ случаѣ неуплаты въ срокъ занятыхъ еще у отца его 7000 копъ грошей, король Сигизмундъ-Августъ писалъ въ своемъ листѣ (отъ 4 іюня 1559 года): «И держачи тотъ замокъ нашъ Пинскій въ той сумѣ пенезей, князь Юрей тою жъ владностью мѣды и звирхности наше господарское, яко иные старостове, отъ насъ постановленные, землянъ шляхту оного повету правомъ посполитымъ земскимъ въ ихъ справахъ на томъ замку судяти... маеть» ¹⁷⁵⁾. Отдавая въ 1561 году тому же князю Юрью Слуцкому замокъ Бобруйскій съ волостью въ заставу въ 12000 копахъ грошей, Сигизмундъ-Августъ въ своемъ заставномъ листѣ предоста-

¹⁷¹⁾ Поэтому-то владыка Луцкій, князья и паны Волинской земли и вступались въ доходъ маршалка, т. е. помочное, или пересудъ, который приходился въ половинной долѣ на маршалка. Archiwum Sanguszków III, № CCLV.

¹⁷²⁾ Archiwum Sanguszków III, № CCXCIV, CCCIV.

¹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 120—122: «И къ тому дей ты берешъ на нихъ самыхъ и на подданныхъ ихъ помочные непомерные, отъ копы по шести грошей, чого дей передъ тымъ не бывало тамъ; вижли, естли бы хто кого въ которой сумѣ пенезей передъ тобою утегаль, тогда помочного маеть дати три гроши, а коли ся оттежеть, тогда тежъ паметного три гроши дати маеть... А служебнику врадника твоего дванадцать грошей они за то даютъ, где они слугъ его на тые потребности свои (поднятье шапки на судѣ, опросъ свидѣтелей) въ него берутъ, а того дей передъ тымъ не бывало...

¹⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 137—139.

¹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVI, л. 241—242.

влялъ ему между прочимъ «и бояръ шляхту оного замку въ присуде своемъ мети»¹⁷⁶⁾ и т. д.

Въ одной только области Литовско-Русскаго государства, бояре и земляне шляхта были на особомъ положеніи въ отношеніи подсудности, именно на Подляшѣ. Здѣсь уже въ XV вѣкѣ дѣйствовали въ этомъ отношеніи польскіе порядки, и мѣстные бояре и земляне-шляхта судились особыми земскими судьями, избранными изъ ихъ же среды, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ такъ называемыхъ старостинскихъ артикуловъ¹⁷⁷⁾, т. е. разбоя и грабежа на дорогѣ, нападенія на домъ, изнасилованія женщины и поджога¹⁷⁸⁾. Эти земскіе урядники (судья, подсудокъ, писарь и подкоморій) *de jure* избирались самими землянами на мѣстныхъ сеймикахъ и утверждались господаремъ¹⁷⁹⁾, но на практикѣ нерѣдко прямо назначались господаремъ, безъ предварительнаго избранія самими землянами, либо по простому челобитью того или другаго землянина¹⁸⁰⁾, либо по ходатайству вліятельныхъ лицъ¹⁸¹⁾. Впрочемъ, такое нарушеніе земскихъ привилеевъ не всегда имѣло мѣсто, и господарь назначалъ на земскіе уряды въ Подляшскіе повѣты и лицъ, избранныхъ мѣстными землянами. Таковы были, напр., Войтехъ Корневскій, назначенный писаремъ земскимъ Мельницкаго повѣта 17 мая 1534 года по ходатайству королевы Боны и по просьбѣ судьи, подсудка и всѣхъ землянъ Мельницкаго повѣта¹⁸²⁾; землянинъ Алексій Кросновскій, назначенный подкоморіемъ Мельницкамъ 8 августа 1548 г. по просьбѣ нословъ Мельницкаго повѣта, предъявленной господарю отъ имени всей шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1547 года¹⁸³⁾ и т. д.

Итакъ, существовали нѣкоторыя различія въ сферѣ подсудности даже одного и того же разряда шляхетскаго сословія—бояръ и зе-

¹⁷⁶⁾ Тамъ же, л. 482—483.

¹⁷⁷⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. стр. 19, 20, 637, 638.

¹⁷⁸⁾ Азты Зал. Рос. I, № 189; II, № 64.

¹⁷⁹⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 118—124.

¹⁸⁰⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 14; Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 485, 486; XXIV, л. 121; XXXI, л. 11. 88.

¹⁸¹⁾ Такимъ образомъ, напр., въ 1531 году 12 іюня Сигизмундъ выдалъ землянину Николаю Корицкому листъ на полученіе подсудства Бѣльскаго по смерти здравствовавшаго въ то время Андрея Рытеля по ходатайству королевы Боны и пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 83, 84).

¹⁸²⁾ Литов. Метр. кн. XVII, л. 488.

¹⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 216—217.

мянъ, державшихъ свои имѣнья подъ господаремъ. Что касается бояръ и землянъ, державшихъ свои имѣнья подъ князьями и панами, то они подсудны были, какъ и другіе «подданные» князей и пановъ, этимъ послѣднимъ. Поэтому, когда княгиня Елена Заславская съ сыномъ Кузьмою пожаловались королю Сигизмунду, что урядникъ кн. Ильи Острожскаго Тупило съ другими слугами его, наѣхавъ «моцно, кгвалтомъ», съ пушками, гаковницами и ручницами на замокъ ихъ Заславль, слугъ и людей ихъ побилъ и поранилъ «и многіи шкоды» починилъ, король написалъ кн. Ильѣ (16 февраля 1536 года), чтобы онъ «на тых бояр и слуг и людей» своихъ «право ему (кн. Кузьмѣ) и справедливость вчинилъ»¹⁸⁴). Поэтому же и бояринъ господарскій Витебскаго повѣта Михно Плюсковъ жаловался въ 1530 году на боярина Сервечскаго Ивана Бороду «о кони» не господарю великому князю, а пану Яну Юрьевичу Глѣбовича, владѣльцу Сервечи¹⁸⁵). Княжескіе и панскіе бояре привлекались на судъ господаря лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы не давали на нихъ суда и управы, по общему положенію относительно княжескихъ и панскихъ подданныхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда княжескія и панскія имѣнья спадали на господаря, шляхта, имѣвшая въ нихъ осѣдлость, поступала въ присудъ тѣхъ лицъ, которымъ господарь отдавалъ эти имѣнья въ держанье. Поэтому и замокъ Ковель¹⁸⁶) король Сигизмундъ-Августъ заставилъ въ 1560 г. 17 окт. пану Тарлу «со всеми платы, доходы, пожытки, зъ серебщызнами, и особливе съ присудомъ бояръ-шляхты»¹⁸⁷).

§ 9.

Какъ уже было сказано выше, за всѣми разрядами шляхетскаго сословія было признано право участія въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ на великихъ вальныхъ [соймахъ]. Но этимъ общимъ правомъ они пользовались не въ одинаковой мѣрѣ, а нѣкоторые и совсѣмъ не пользовались. Крупные землевладѣльцы, князья и паны, независимо отъ того, занимали ли они или не занимали какія-

¹⁸⁴) Archiwum Sanguszków IV, № XXIV.

¹⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 2—3.

¹⁸⁶) Замокъ Ковель былъ отданъ его вотчинникомъ кн. Василюмъ Михайловичемъ Сангушкою королефѣ Бонѣ въ 1543 г. въ обмѣнъ на имѣнья Оболицы, Горволь и Смоляны, а по отъѣздѣ Боны въ Италію спалъ на господаря. См. *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 450.

¹⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 408—409.

либо государственныя должности, вызывались на сеймы лично. Такимъ образомъ, напр, на Виленскій сеймъ 1534 года вызывались: воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ *Гаштольдъ*; воевода Троцкій Янъ Яновичъ *Забережинскій*; панъ Виленскій Юрій Николаевичъ *Радивилъ*; панъ Троцкій Петръ Станиславовичъ *Кишка*; бискупъ Виленскій Янъ, изъ князей *Литовскихъ*; бискупъ Луцкій кн. Павелъ *Гольшанскій*; бискупъ Жмудскій; воевода Новгородскій Станиславъ Альбрехтовичъ *Гаштольдъ*; воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ *Гмбовича*; воевода Витебскій Матей Войтеховичъ *Клочко*; воевода Кіевскій Андрей *Немировичъ*; подчашій Янъ Николаевичъ *Радивилъ*; крайчій Григорій Григорьевичъ *Остиковича*; державца Горвольскій кн. Юрій Ивановичъ *Дубровицкій*; староста Луцкій кн. Ѳедоръ Михайловичъ *Чорторыйскій*; староста Владимірскій кн. Ѳедоръ Андреевичъ *Самушковичъ*; староста Брацлавскій и Вѣнцкій кн. Илья *Острожскій*; подскарбій дворный Иванъ Андреевичъ *Солтанъ*; подскарбій земскій Иванъ *Гурюстай*; державца Мстиславскій Юрій *Зеновевичъ*; державца Оршанскій кн. Ѳедоръ Ивановичъ *Жеславскій*; державца Могилевскій кн. Василій Ивановичъ *Соломерецкій*; державца Рѣчицкій кн. Александръ Михайловичъ *Вишневецкій*; маршалокъ, староста Берестейскій, державца Остринскій, Вилькейскій и Гнышинскій Александръ Ивановичъ *Ходкевича*; конюшій Василій *Чижъ*; подкоморій Николай *Пауъ*; староста Пинскій Иванъ Михайловичъ; маршалокъ, державца Брацлавскій, Павелъ *Сопега*; маршалокъ Александръ *Солтимовичъ*; маршалокъ, державца Минскій, Янъ Стецковичъ *Цыбулька*; маршалокъ, державца Любошанскій, Юрій Немировичъ; маршалокъ Юрій Григорьевичъ *Остикъ* (Сирпуть); маршалокъ Николай *Щитъ*; секретарь Станиславъ *Скопъ*; тивунъ Виленскій Шимко Мацкевичъ; писарь Ставиславъ *Коморовскій*; секретарь Павелъ *Нарушевичъ*; чашникъ Войтехъ *Андрушевичъ*; маршалокъ, державца Жолудскій, кн. Василій Андреевичъ *Полубенскій* и, кромѣ того: кн. Юрій Семеновичъ *Слуцкій*, не занимавшій никакой должности, всѣ князья *Друцкіе*, всѣ князья *Лукомскіе*, князья *Свирскіе*, князья *Кнедроитскіе*, князья *Самушковичи*, *Збаражскіе*, *Заславскіе*, *Корецкіе*, паны *Ходкевичи*, паны *Зеновевичи*, *Кухмистровичи*, *Хребтовичи*, панъ Остафій (*Яцыничъ*, выставлявшій по переписи 1528 года 17 коней), панъ Янъ Петровичъ *Пенко* (выставлявшій по переписи 1528 годъ 19 коней), панъ Лавривъ *Вольскій* ¹⁸⁸⁾. Двадцать

¹⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 96—99; *Wotnieckiego* Poczet rodów; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego; *Kniazowie litewsko-ruscy*.

лѣтъ спустя видимъ то же самое. На Виленскій сеймъ 1554 года вызывались особыми листами: бискупъ Виленскій кн. Павелъ *Гольшанскій*, бискупъ Луцкій Валерьянъ Протасовичъ *Сушковскій*, бискупъ Жмудскій Венцлавъ; воевода Виленскій, маршалокъ земскій, Миколай Яновичъ *Радивиль*, воевода Троцкій Миколай Юрьевичъ *Радивиль*, панъ Троцкій Еронимъ Александровичъ *Ходкевича*, воевода Витебскій, подкоморій, Григорій Александровичъ *Ходкевича*, воевода Кіевскій кн. Фридрихъ Глѣбовичъ *Пронскій*, воевода Новгородскій, маршалокъ дворный, Иванъ *Горностай*, воевода Подляскій Миколай *Нарбутъ*, маршалокъ земли Волынской, староста Владимірскій, кн. Василій-Константинъ *Острожскій*, крайчій Миколай *Кишка*, стольникъ кн. Семень Юрьевичъ *Дубровицкій*, кухмистръ Войтехъ *Ясеньскій*, конюшій и подконюшій Виленскій Юрій *Волчковичъ*, конюшій Городенскій, конюшій дворный Ярошъ *Корыцкій*, конюшій Троцкій, маршалки: Василій *Тимковичъ*, кн. Иванъ Андреевичъ *Полубенскій*, панъ Богдѣя *Семашко*, Янъ *Шимковичъ*, Петръ *Нарбутъ*, Оникей *Горностай*, Криштофъ *Завиша*, кн. Ярославъ Матѣевичъ *Микитиничъ*, панъ Иванъ Александровичъ *Солтановичъ*, панъ Василій Петровичъ *Загоровскій*, панъ Павелъ Ивановичъ *Сопега*; староста Луцкій кн. Андрей Михайловичъ *Саягушковичъ Коширскій*, староста Кременецкій Петръ *Семашко*, хоружій земли Волынской. и кромѣ того, князья: *Слуцкіе, Пронскіе, Чорторийскіе, Вишневецкіе, Четвертеньскіе, Ружинскіе, Самушковичи, Збаражскіе, Курцевичи, Любежкіе, Друцкіе, Соколинскіе, Крошинскіе, Лукомскіе, Жилинскіе, кн. Андрей Ивановичъ Нелединскій*; панята: *Сирнутъевичи, Сологубовичи, Щитовичи, Довойновичи, Глѣбовичи, Завишичи, Немировичи, Хребтовичи, Воловичи, Зеновьевичи, Сопеги, Пачевичи, Шеметовичи*, старостичъ Пинскій ¹⁸⁹⁾. Обозрѣвая этотъ перечень, видимъ, что на сеймы вызывались лично почти все тѣ же крупные землевладѣльцы шляхетскаго сословія, которые по переписи 1528 года составляли самые крупные «почты», и которые вызывались на войну особыми листами, какъ вожди особыхъ хоругвей. На ряду съ ними вызывались на сеймы и вожди средней и мелкой шляхты, державшей имѣнья подъ господаремъ, т. е., хоружіе и тивувы Жмудскихъ волостей, выходившіе изъ среды той же шляхты. Что касается самой этой шляхты, то и она первоначально приглашалась на сеймы *viribus*, хотя, едва ли вся съѣзжалась на самомъ дѣлѣ. Но съ теченіемъ времени, какъ уже было сказано выше, призвано было неудоб-

¹⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 97—100; *Bonickiego Poczet rodów; Wolffa Senatorowie i dygnitarze: Kniazizowie litewsko-ruscy.*

нымъ собирать на сеймы всю шляхту, и организовано было извѣстное представительство ея. На сеймы стали ѣздить двое шляхтичей отъ каждаго повѣта по выбору своей братьи. Впрочемъ, по всѣмъ даннымъ, не возбранялось ѣздить на сеймы и другимъ шляхтичамъ, кто хотѣлъ. Кромѣ того, шляхта принимала по временамъ массовое участіе въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ, именно, когда эти совѣщанія устраивались въ военномъ станѣ. Но это были сравнительно рѣдкіе и исключительные случаи. Чаще же шляхта представлялась на сеймахъ своими хоружими (въ Жмудской землѣ тивунами) и повѣтовыми послами. Но такъ какъ еще не существовало обычая предварительно оповѣщать шляхту въ подробностяхъ, зачѣмъ собирается сеймъ (объ этомъ государь писалъ обыкновенно только панамъ-радѣ), то и шляхта не имѣла еще возможности при выборѣ своихъ пословъ обсуждать предстоящіе вопросы и пересылать съ послами свои мнѣнія. Она должна была въ настоящемъ случаѣ полагаться главнымъ образомъ на своихъ пословъ и беспрекословно принимать рѣшенія сейма. По этой части, слѣдовательно, шляхта находилась въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ князья и паны, лично собиравшіеся на сеймы и подававшіе на нихъ свои голоса. Но еще въ менѣе выгодномъ положеніи находилась та часть шляхты, которая держала имѣнья подъ князьями и панами и не имѣла таковыхъ подъ государемъ. По актамъ совершенно не видно, чтобы эта шляхта участвовала на сеймахъ. Очевидно, на нее смотрѣли, какъ на зависимый классъ, не имѣющій свободнаго голоса и въ достаточной степени представляемый на сеймахъ своими «панами».

§ 10.

Изъ всего, что рассказано въ послѣднихъ двухъ главахъ, читатель можетъ видѣть, что въ нѣдрахъ благороднаго военнотружлага сословія Литовско-Русскаго государства въ связи съ экономическимъ неравенствомъ создалось и держалось неравенство юридическое и политическое. Крупнѣйшіе землевладѣльцы этого сословія изъ извѣстныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій отправляли военную службу особо отъ рыцарства-шляхты, не состояли вмѣстѣ съ нимъ подъ начальствомъ повѣтовыхъ хоружихъ и не несли никакихъ расходовъ на этихъ должностныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ даже и не судились въ повѣтахъ воеводами, старостами, державцами и земскими судьями (на Подляшьѣ), а только самими государемъ, панами-радою или специальными комиссарами государя, тогда какъ рыцарство-шляхта привлекалось обыкновенно къ суду вышеупомянутыхъ

мѣстныхъ судей. Князья и паны извѣстнаго круга замѣщали большую часть государственныхъ должностей, наполняли господарскую раду, которая играла такую важную роль въ высшемъ управленіи и доминировали на великихъ вальныхъ соймахъ, созывавшихся для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ государственной жизни великаго княжества. Бояре и земяне-шляхта замѣщали сравнительно не много, и при томъ чисто второстепенныхъ, государственныхъ должностей, чрезвычайно рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, проникали въ лавицу рады господарской, а на великихъ вальныхъ соймахъ большею частью подчинялись рѣшеніямъ своей «старшей братьи», т. е., князей и пановъ. Такой порядокъ вещей по временамъ давалъ себя тяжело чувствовать какъ отдѣльнымъ лицамъ изъ рыцарства-шляхты, такъ и всему классу. Убогіе бояре и земяне-шляхта сплошь и рядомъ должны были сносить обиды и насилія отъ вельможныхъ князей и пановъ и отказываться отъ возстановленія своихъ правъ судебнымъ порядкомъ, такъ какъ для этого надо было доходить до самого господаря или пановъ-рады, не будучи при томъ увѣреннымъ въ безпристрастіи этихъ послѣднихъ къ отвѣтчикамъ изъ ихъ же собственнаго круга. Неудивительно поэтому, если бояре и земяне-шляхта по временамъ «для обороны» закладывались съ своими имѣньями за вельможныхъ князей и пановъ, своихъ сосѣдей, надѣясь такимъ путемъ избѣжать обидъ и насилій отъ нихъ самихъ, ихъ урядниковъ и «подданныхъ», а равно обезпечить себѣ защиту отъ обидъ и притѣсненій со стороны другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ¹⁹⁰⁾. Отъ магнатовъ, составлявшихъ господарскую раду, исходили по временамъ рѣшенія и

¹⁹⁰⁾ Въ дополненіе къ фактамъ, указаннымъ на 624 и 625 стр. нашей книги «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства» приведемъ еще слѣдующее заявленіе одного акта отъ 24 августа 1560 г.: «Билъ намъ чоломъ бояринъ нашъ Кгерановинский Грышко Комаевичъ и зъ братьею своею о томъ, ижъ дей кумистръ нашъ, державца Ушпольский, Пенянский, Ожский и Переломский панъ Войтегъ Ясеньский, держачи отъ насъ замокъ Кгерановинский и менючи ихъ нешляхтою, земли именья ихъ Кузева на волокн померыты казалъ и одно дей пять волокъ за то имъ дати казалъ и съ тыхъ цыншь платити велель, а они дей суть здавна *бояре шляхта повету Лидского, одно за небоцька пана Олбрахта Мартиновича Краштолта для обороны съ тымъ именьемъ у службу поддалися до Кгерановинъ*. И билн намъ чоломъ, абымо ихъ при вольности шляхетской zostавили». Король исполнилъ просьбу и далъ соотвѣтствующее распоряженіе державцѣ Кгерановинскому Ярошу Корицкому и ревизору Яну Стецковичу (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 386—387).

постановленія, которыя рыцарство-шляхта считало для себя обременительными. Такова была, напр., военная устава, изданная на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года господаремъ и панами-радою, «безъ оповѣданья и призволенья» другихъ становъ сейма. Рыцарство-шляхта жаловалось на эту уставу, какъ на «тяжкія бремена», возложенныя на него, безъ его согласія.

Сравнивая свое положеніе съ положеніемъ польскаго рыцарства-шляхты, литовско-русскіе бояре и земяне должны были еще болѣе проникаться чувствомъ недовольства на свои домашніе порядки. Въ Польшѣ уже не было такого юридическаго и политическаго неравенства между магнатами и рыцарствомъ-шляхтою, какое царило въ Литвѣ. Тамъ не было землевладѣльцевъ, которые не судились въ своихъ повѣтахъ: на всѣхъ можно было тамъ искать суда и управы частью у земскихъ судей, избранныхъ всѣми землевладѣльцами повѣта, частью у мѣстныхъ городовыхъ и генеральныхъ старостъ, а также на судебныхъ сѣздахъ всѣхъ судей воеводства, или такъ называемыхъ «вѣчахъ»¹⁹¹⁾. Безъ предварительнаго обсужденія на повѣтовыхъ сеймикахъ шляхты, безъ участія ея пословъ на вальныхъ сеймахъ не рѣшались сколько-нибудь важныя вопросы государственной жизни, не издавались никакія новыя постановленія и законы¹⁹²⁾. Всѣ эти преимущества польской шляхты не могли оставаться въ тайнѣ отъ литовско-русскихъ бояръ и земянъ. Личная унія, фактически установившаяся между Польшею и Литвою, обусловила живое и тѣсное общеніе между подданными обоихъ государствъ. Литовско-руссіе бояре и земяне-шляхта ѣздили по дѣламъ къ своему господарю не только въ Вильну, но и въ Краковъ, завязывали съ поляками знакомство и даже семейныя связи. Съ другой стороны и польскіе шляхтичи пріѣзжали къ своему королю по дѣламъ или въ его свитѣ въ Литву и здѣсь также заводили знакомство и родственныя связи. При такихъ условіяхъ литовско-русскіе бояре и земяне-шляхта не могли оставаться въ невѣдѣніи, какіе порядки существуютъ въ Польшѣ. Съ этими порядками они могли знакомиться отчасти даже въ предѣлахъ великаго княжества, именно на Подляшѣ, гдѣ дѣйствовали польское право и учрежденія. Сравненіе ихъ съ домашними литовскими, говорило имъ не въ пользу послѣднихъ, и поэтому естественно, что въ литовско-русскомъ рыцарствѣ-шляхтѣ рано или поздно должно было пробудиться стремленіе къ уравниенію своего положенія въ государствѣ съ положеніемъ польской шляхты. По усло-

¹⁹¹⁾ *O. Balzera* Geneza trybunału koronnego, str. 80.

¹⁹²⁾ *Volumina legum* I, 137.

виямъ предшествующаго историческаго воспитанія и сложившейся сословно-политической организаціи рыцарства шляхты, это стремленіе не могло остаться на ступени мечты немногихъ наиболѣ развитыхъ личностей, а должно было охватить широкіе круги бояръ и земянъ и выразиться въ прямыхъ и настойчивыхъ просьбахъ и ходатайствахъ отъ лица всего рыцарства-шляхты, чѣмъ—*caeteris paribus*—и обусловилось въ концѣ концовъ осуществленіе этого стремленія.

Надо сказать, что по отдѣльнымъ областямъ и повѣтамъ литовско-русскіе бояре и земяне уже давно привыкли сговариваться между собою относительно общихъ нуждъ и интересовъ и подавать коллективныя просьбы и жалобы своему правительству. Военная служба, собиравшая бояръ и земянъ въ отряды и полки по мѣсту жительства, областныя и повѣтовые сѣзды, или сеймы, на которые бояре и земяне собирались для выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, между прочимъ и пословъ на вальныя сеймы, для суда и рѣшенія различныхъ вопросовъ мѣстной жизни, такъ или иначе сплотили бояръ и земянъ въ солидарныя общества, чувствительныя къ своимъ интересамъ и всегда готовые постоять за нихъ. Это обнаруживаютъ многочисленные факты, удостоверяемые официальными свидѣтельствами актовъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Въ 1516 году князя и всѣ Витебскіе бояре приносили жалобу на своего воеводу Януша Костевича, который де поотнималъ у нихъ «чти ихъ, которыи они съ предковъ своихъ мели», а именно: пересталъ совмѣстно съ ними дѣлать всякія земскія дѣла и судить суды, пересталъ дѣлиться съ ними «пересудомъ» (судебною пошлиною) и, наконецъ, сталъ раздавать своимъ слугамъ земскіе уряды, которые прежде всегда раздавались въ держанье Витебскимъ князьямъ и боярамъ, т. е. городничее, конюшее, ключъ, ловчее. Жалоба эта имѣла полный успѣхъ, и господарь, справившись о порядкахъ Витебской земли у одного изъ предшественниковъ Костевича по воеводству, оставилъ Витебскихъ князей и бояръ при старинѣ¹⁹²⁾.

¹⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 204—206: «Мають они зъ воеводою Витебскимъ внешнимъ и потомъ будучими воеводами всякии дела, наши земскии посполъ справовати и при нихъ судати и рядити и кожного пересуда первый грошь мають давати на церковь светого Михаила, а того жъ пересуда половица маеть быти пану воеводе Витебскому, а другая половица княземъ и бояромъ Витебскимъ, которое жъ половицы мають князи и бояре намѣстнику Витебскому пана воеводину такую жъ долици давати, какъ имъ и бояромъ, которыи коли при суде будутъ; а коли панъ воевода осудитъ (на себе) вину, тая вина маеть быти на него жъ, а на то мѣсть пересуда ему ничего не маеть быти, тая половица, што бы мела на

Въ 1523 году земляне Овруцкіе, обязавшіеся ставить 30 коней на сторожу и пожалованные за то доходами съ Овруцкой корчмы, заявляли правительству, что они не стануть выставять этихъ 30 коней, такъ какъ государь велѣлъ имъ дѣлиться доходами съ корчмы пополамъ съ мѣстными мѣщанами. И это заявленіе привело къ желаемому результату: государь взялъ назадъ свое жалованье мѣщанамъ и отдалъ доходы съ корчмы полностью землянамъ ¹⁹⁴⁾. Въ 1526 году бояре Городенскіе не захотѣли имѣть у себя хоружимъ дворянина Марка Гринковича, назначеннаго государемъ, и пожелали имѣть на этомъ урядѣ мѣстнаго боярина Яна Миколаевича Толонковича. Согласно ихъ заявленію мѣстный староста отдалъ урядъ ихъ избраннику, а государь утвердилъ распоряженіе старосты ¹⁹⁵⁾.—Въ 1538 году земане Берестейскаго, Каменецкаго и Мельницкаго повѣтовъ ходатайствовали передъ государемъ, чтобы онъ поставилъ къ нимъ хоружимъ Марка Заранковича и государь уважилъ ихъ ходатайство ¹⁹⁶⁾. Въ 1541 году князья, паны и бояре-шляхта повѣта Мстиславскаго ходатайствовали, чтобы государь освободилъ ихъ людей отъ платежа «подводнаго» мыта при продажѣ ими въ селахъ лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, соли, меда прѣснаго «и иныхъ дробныхъ речей», указывая на то, что благодаря сбору этого мыта «многие люди зъ имень ихъ прочь ся расходять»; просили кромѣ того, чтобы государь городничее Мстиславское отдавалъ имъ, а «иного, обчого, не родича тамошняго» не назначалъ на этотъ урядъ. Государь исполнилъ эти просьбы во вниманіе къ ихъ особеннымъ «послугамъ», которые они оказываютъ ему и рѣчи посполитой, не жалѣя своей жизни и имущества, — освободилъ ихъ людей отъ платежа «подводнаго» по селамъ ¹⁹⁷⁾ и утвер-

него принять, маеть быти наместнику его Витебскому, а другая половина князень и бояромъ Витебскимъ, хто зъ нихъ при суде будетъ... Мають они тые вышнейписанные вриды—городничее, конюшое, ключъ, ловчее держати, кому зъ нихъ мы дадигъ, а воеводы Витебские не мають въ то ни во што ся вступати».

¹⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 32.

¹⁹⁵⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 42.

¹⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 126—127.

¹⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 98: «подъ тымъ обычаемъ, ижъ, кгда оныя люди у селехъ ихъ будутъ кони або быдло и тежъ медъ пресный и соль продавати, тогда жадного мыта мытникамъ Мстиславскимъ отъ того не повинни давати, а мытники тежъ некоторое обтяжливости черезъ то не мають ижъ въ томъ чинити, леть, кгда у месте Мстиславскомъ або Радомскомъ кони и быдло и иныше

диль за ними навсегда городничее Мстиславское, а на этотъ разъ отдалъ его боярину тамошнему Войтеху Стаховскому, «которого они и сами призволили и городничимъ его обрали»¹⁹⁸⁾.—Но еще болѣе, чѣмъ въ приведенныхъ случаяхъ, выступаетъ солидарность шляхты, ея заботливость о своихъ интересахъ въ цѣломъ рядѣ просьбъ, поданныхъ тивунами и боярами Жмудской земли въ 1542 году. Жмудскіе тивуны и бояре припомнили цѣлый рядъ нарушеній ихъ правъ и вольностей со стороны самого господаря или его урядниковъ и просили объ устраненіи ихъ и огражденіи отъ нихъ на будущее время. Въ частности они указывали, что въ послѣднюю войну съ Москвою, когда литовское войско ходило къ Стародубу, господарь «отлучилъ» ихъ отъ остального войска и послалъ подъ начальствомъ старосты «въ заставу» на Полоцкъ, при чемъ они должны были ѣздить и на сторожу и слугъ своихъ посылать, чего прежде никогда не водилось; указывали затѣмъ, что прежде старшій изъ тивуновъ имѣлъ при себѣ хоругвовъ земскую и переписывалъ ихъ, когда они являлись на войну, а реестры сдавалъ старостѣ, не взимая за то никакого вознагражденія, а при старостѣ Янѣ (Миколаевичѣ Радивилѣ, въ 1535—1542) введена убыточная для нихъ «новина», переписывать ихъ стали его писари, взимая «писчого» съ коня по два и по три гроша; жаловались, что паны-рада приказывали имъ подъ страхомъ смертной казни («подъ горлы») ѣхать на войну послѣ того, какъ они по приказанью господаря дали серебщину съ коня по двадцати грошей (въ 1538), «а сами вжо на войну не мѣли ѣхати»¹⁹⁹⁾; просили затѣмъ, чтобы ихъ не обязывали встрѣчать и провожать комиссаровъ, посылаемыхъ для разграниченія и разбора пограничныхъ столкновеній, на литовско-ливонской границѣ, а только на жмудско-ливонской, чтобы не всылались дѣцкіе къ нимъ за рѣку Невязу, вопреки ихъ вольностямъ; жаловались далѣе на новоустановленныя мыта, «въ чомъ они великую обтяжливость собѣ мѣнили»;—на то, что вопреки ихъ правамъ и вольностямъ тивунства роздаются Литвѣ, Руси и Ляхамъ, а не мѣстнымъ уроженцамъ, что нѣкоторые тивуны держатъ сразу по двѣ волости; просили, чтобы никто по заочному доносу не наказывался отнятіемъ уряда и имѣнья, а только по судебному рѣшенію; жаловались, что со временъ старостъ Петра Кишки и Яна Миколаевича (1532—1542) уставлены вновь въ

речи будуть продавати, тогда вжо отъ того мыта звичайное повинни давати, а съ того за тымъ листомъ нашымъ не мають ся ничимъ выламовати».

¹⁹⁸⁾ Тамъ же, л. 97.

¹⁹⁹⁾ См. выше, стр. 270, 271.

Жмудской землѣ лѣсниціе, «въ чомъ они кривду себе мѣнили»; что изъ Шовлей и другихъ мѣстечекъ и «воль» не выдаютъ имъ ихъ людей отчинныхъ и челяди невольной, а если и выдаютъ, то берутъ за это съ владѣльцевъ по рублю грошей, а имущества бѣглыхъ не возвращаютъ; что духовные по мірскимъ дѣламъ налагаютъ на нихъ клятвы, что дѣцкованье, вижовое, пошлыны отъ записовъ и позвоовъ собираются съ нихъ непомѣрные, «не водлугъ справедливости и давного обычая», что урядники старосты въ ничтожныхъ тяжбахъ, если, напр., кто кого позоветъ на судъ «о нивку на полбочки» или «о сѣножатку» на возъ сѣна, берутъ за проѣздъ съ виноватаго по рублю грошей, а отъ праваго пересуду по рублю грошей, чего прежде не бывало; что староста и его урядники берутъ неравномѣрный выкупъ «за лицо» (вещь отобранную у вора): за вещь, стоящую дорого, десять или двадцать копѣ грошей, берутъ столько же, а за вещь, стоящую дешево, десять или двадцать грошей, берутъ цѣлую полтину (50) грошей; что слуга старостинъ, установленный для поимки воровъ и разбойниковъ, безъ предупрежденія владѣльцевъ въѣзжаетъ въ домъ ихъ подданныхъ, грабитъ и забираетъ ихъ имущество; просили, наконецъ, чтобы по заочному доносу на нихъ не выдавались заручные листы изъ господарской канцеляріи, чтобы староста Жмудскій не судилъ ихъ братью одинъ, безъ тивуновъ и бояръ-шляхты, и не позволялъ этого своему уряднику въ свое отсутствіе.

Выслушавъ эти жалобы и просьбы, господарь отвѣчалъ, что онъ посылалъ въ Полоцкъ не одно Жмудское войско, а немало и другихъ князятъ и панятъ, и при томъ не «въ ваставу», а по стратегическимъ соображеніямъ другого рода, ибо въ то время онъ съ панами-радоку выразумѣлъ, «ижь того потреба великая вказывала»; относительно серебщины и призыва на войну объяснилъ, что и серебщизна собиравлась, и землевладѣльцы вызывались на войну не по его желанію, а по настоятельной государственной необходимости, и что не одни Жмудскіе, но и всѣ остальные землевладѣльцы великаго княжества были въ такомъ же положеніи; по поводу раздачи тивунствъ Литвѣ, Руси и Ляхамъ господарь заявилъ, что это исходило не отъ него, а отъ самихъ же жалобщиковъ. На всѣ остальные жалобы и просьбы господарь отвѣчалъ обѣщаніями оставить въ силѣ «давній обычай», дѣлать такъ, какъ желаютъ просители, произвести разслѣдованіе, отмѣнить «новины» и держать ихъ «при старинѣ», поступать «водлугъ статуту земского» (въ вопросахъ о судебныхъ пошлинахъ) и т. д. Въ общемъ, можно сказать, что по большинству жалобъ и просьбъ Жмудской шляхты обѣщано было удовлетвореніе господаремъ, приказавшимъ за-

писать свои отвѣты въ книги Метрики²⁰⁰). По этимъ жалобамъ и просьбамъ Жмудская шляхта обрисовывается солидарнымъ общественнымъ классомъ, который живетъ сознательною политическою жизнью, твердо знаетъ свои права и вольности, ревниво оберегаетъ ихъ отъ нарушенія, а подъ часъ не прочь и отъ ихъ расширенія.

Съ такими же качествами являются по источникамъ бояре и земляне шляхта и въ другихъ областяхъ великаго княжества. Въ 1546 году къ господарю въ Вильну прибылъ цѣлый рядъ депутацій отъ землянъ южныхъ областей Кіевщины и Подолья съ жалобами на различныя «кривды» и «новины», которыя чинятъ имъ мѣстные правители (староста и воевода Кіевскій). Особенною обстоятельностью и подробностями отличаются жалобы землянъ Вѣницкихъ, которыя принесли господарю отъ ихъ имени Семень Кмитичъ, намѣстникъ Воячинскій, и земляне Василій Дешковскій и Иванъ Яцковскій. Земляне жаловались, что староста разсылаетъ по ихъ имѣньямъ своихъ слугъ и собираетъ съ ихъ людей «кликовщину», будто бы на содержаніе замковой сторожи, а на дѣлѣ въ свою пользу, такъ что замокъ остается безъ сторожи; этого, по ихъ словамъ, прежде не было: земляне не платили прежде никакой «кликовщины», но складывались и сами нанимали сторожу. Земляне указывали далѣе, что староста сумѣлъ обернуть въ свою пользу и добровольную ихъ жертву, которую они приносили «для лучшего безпечности и осторожности», а именно: въ трехъ миляхъ отъ замка, на рѣчкѣ Рову, они содержали на свой счетъ, по своей доброй волѣ, сторожу; староста взялъ у нихъ эту сторожу и сталъ посылать своихъ слугъ въ ихъ имѣнья для сбора денегъ на содержаніе этой сторожи, на самомъ дѣлѣ не выставляя ея на указанномъ посту. Кромѣ того, земляне жаловались на то, что, когда имъ приходится бывать съ старостою въ степи, онъ приказываетъ отбирать у ихъ людей коней и отдаетъ ихъ подъ своихъ слугъ, а людей ихъ оставляетъ въ степи пѣшими, отчего многіе изъ нихъ не доходятъ домой, погибая въ степи или попадаясь въ плѣнъ. Выслушавъ эти жалобы, господарь запретилъ старостѣ кн. Оедору Андреевичу Сангушковича собирать съ землянъ деньги на содержаніе сторожи въ замкѣ и въ полѣ и предоставилъ самимъ землянамъ по старому складываться и ванимать эту сторожу, запретилъ также отбирать коней у землянскихъ людей, предоставивъ владѣльцамъ отобранныхъ и невозвращенныхъ коней взыскивать съ старосты судебнымъ порядкомъ ихъ убытки, а родственникамъ покиннутыхъ въ степи и пропавшихъ людей взыскивать за нихъ

²⁰⁰) Акты Зап. Рос. П, № 221.

головщину ²⁰¹⁾.—Въ тотъ же самый день, когда происходило это разбирательство, т. е., 20 апрѣля, господарю приносили жалобу земляне Житомирскіе Грицко Вороничъ и Жданъ Щеневскій отъ себя и отъ всѣхъ землянъ замка Житомирскаго на «трудности и обтяженья великии», которыя дѣлалъ имъ мѣстный староста кн. Богушъ Федоровичъ Корецкій. Они докладывали королю, что староста вопреки листу короля Сигизмунда заставляеть ихъ держать сторожу при замкѣ по цѣлымъ недѣлямъ или нанимать ее, чего прежде никогда не бывало, и чего они никакъ снести не могутъ; заставляеть ихъ строить замковый мостъ, чего они прежде никогда не дѣлали; собираеть десятину съ тѣхъ землянъ и ихъ людей, которые пашутъ на себя господарское поле, не позволяеть имъ продавать медъ прѣсный и другія «живности» нигдѣ, кромѣ замка Житомирскаго, при чемъ устанавлиеть самъ и цѣны и отбираеть товаръ у тѣхъ, кто не подчиняется его распоряженіямъ; выгоняеть на свои работы людей ихъ, которые проживають при замкѣ, вѣзжаеть въ ихъ собственныя селища и всылаеть своихъ стрѣльцовъ (очевидно, охотиться). Король, выслушавъ жалобу ихъ и «отпоръ» державцы и переговоривъ съ панами-радою, постановилъ: державца самъ долженъ содержать на замкѣ четырехъ сторожей «добрыхъ, веры годныхъ и неподозрѣныхъ», такъ какъ онъ получаетъ не малую сумму денегъ съ корчмы и мыта Житомирскаго и, кромѣ того, сто копѣ грошей изъ скарба, а землянамъ не съ чего содержать эту сторожу; земляне освобождаются и отъ мостовой работы во вниманіе къ тому, что они люди украинныя «и отъ поганьства татаръ на именьяхъ и на маетностяхъ скажонны»; тѣ изъ нихъ, которые «для далекости своихъ селищъ» пашутъ поля замковыя, обязаны давать десятину старостѣ, такъ какъ имъ въ томъ «обтяжливости нѣтъ»; земляне и ихъ люди имѣють полное право продавать вездѣ медъ прѣсный и всякія другія вещи, а староста и его урядники не должны имъ ставить въ этомъ никакихъ препятствій и затрудненій; староста не долженъ всылатъ слугъ въ ихъ селища и вступаться въ ихъ владѣнія: ему предоставляется пользоваться только пустовскими землянскими имѣніями, къ которымъ не окажется наслѣдниковъ ²⁰²⁾.

Успѣхъ всѣхъ этихъ жалобъ побудилъ Вѣницкихъ землянъ въ самомъ непродолжительномъ времени черезъ того же Семена Кмитича подать господарю рядъ новыхъ жалобъ на того же старосту кн. Федора Андреевича Сангушковича. Земляне жаловались: староста «надъ

²⁰¹⁾ Archiwum Sanguszków IV, № CCCLXI.

²⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 64, 70.

стародавний обычай) собираетъ «винны» съ ихъ людей, чего прежде никогда не бывало, посылаетъ ихъ людей съ подводами дальше, чѣмъ они обязаны (люди ихъ прежде ѣзжали только до Браслава и до Полонаго, давая вѣдомость о поганствѣ татарахъ), налагаетъ и беретъ на ихъ людяхъ «заруки», нарушая ихъ панское право выдавать на своихъ людей заруки; принуждаетъ ихъ самихъ съ людьми ходить вмѣстѣ съ нимъ «на лежанье» подъ татарскіе шляхи, тогда какъ ихъ обязанность—ходить съ нимъ въ поговю за появившимися татарами; отбираетъ у ихъ людей добычу, коней и воловъ, «менуючи за якое побережное», караетъ ихъ людей за неявку на войну, что прежде всегда дѣлали сами паны; староста позволяетъ себѣ имѣть «выходы» въ ихъ имѣнья къ своему «пожитку» и допускаетъ дѣлать это и мѣщанамъ, безъ дозволенья владѣльцевъ; въ то же время самимъ землянамъ и людямъ ихъ запрещаетъ проживать въ мѣстѣ и имѣть тамъ земли и другіе пожитки, тогда какъ ранѣе всегда было вольно ихъ людямъ жить въ мѣстѣ и промыслять тамъ, «а подачку» господарскую вмѣстѣ съ мѣстомъ «полнити»; не дозволяетъ имъ принимать въ свои имѣнья людей, которые приходятъ къ нимъ отъ другихъ пановъ или изъ заграничья, препятствуетъ искать своихъ «шкодь и пошлнѣ» на тѣхъ людяхъ, которые бѣгаютъ отъ нихъ за границу и потомъ снова возвращаются и основываются на жительствѣ въ мѣстѣ или какомъ-нибудь землянскомъ имѣньѣ; передъ тѣмъ у нихъ всегда былъ обычай брать съ тѣхъ людей, которые переходятъ къ другимъ панамъ, по двѣ кони грошей «выходу», а съ казаковъ, имѣющихъ 30 пчель, «поклоу» копу грошей, а теперь староста возбраняетъ имъ взимать эти «выходы и пошлны»; прежде ихъ люди въ нужныхъ случаяхъ брали впововъ у своихъ пановъ, а теперь посылаетъ староста; прежде всякое «лицо», найденное у землянскаго человѣка, шло въ пользу пана, чье было имѣнье, а «лицо», найденное въ мѣстѣ Вѣницкомъ у землянскаго человѣка, дѣлилось пополамъ между паномъ и урядникомъ Вѣницкимъ, а теперь староста беретъ лицо всегда въ свою пользу; прежде «неприличны» (безъ поличнаго) разбой землянскихъ людей судили паны обвиняемыхъ и брали на себя «вину», а старосты Вѣницкіе судили ихъ только «о квалтъ, пожогу и разбой приличный», теперь же староста судить и «неприличные разбой»; прежде, когда землянамъ или ихъ людямъ удавалось поймать татарина, они обыкновенно сами держали его у себя и отвозили до господара, за что и получали отъ него жалованье, а теперь староста отнимаетъ у нихъ плѣнниковъ и пересылаетъ господарю самъ отъ себя. Господарь, выслушавъ эту жалобу и объясненія державцы, сдѣлалъ такое постановленье: земляне обязаны

ходить съ старостою подъ шляхи татарскіе «на послугу господарскую и земскую», но не на ловы, при чемъ должны вести съ собою и свои «почты» согласно земской «ухвалѣ», съ девяти «дымовъ» людей—десятого; а если татары появятся подъ самыми замками господарскими, тогда земляне должны идти противъ нихъ со всѣми людьми своими, «яко на квалтъ»; земляне обязаны сдавать плѣнныхъ татаръ старостѣ; но, если бы староста захотѣлъ доставить «языка» господарю, онъ долженъ поручить это сдѣлать тому землянину, который добылъ языка, «для прислуги» передъ господаремъ; земляне имѣютъ право искать судомъ чередъ старостою своихъ «шкодъ и поклоновъ» съ отошедшихъ отъ нихъ людей, и староста не долженъ отказывать имъ въ справедливости; кто съ жалобою своею обратится къ старостѣ и будетъ требовать отъ него вижа на имѣнье землянина, староста обязанъ давать такового, а кто будетъ требовать вижа отъ самого пана, и панъ воленъ будетъ посылать вижа, какъ было и прежде; всякій разбой, «приличный и неприличный» долженъ судить замокъ, а не земляне; во всемъ остальномъ старосты должны соблюдать старину: не должны брать съ землянскихъ людей никакихъ «винъ» и «зарукъ», не должны посылать ихъ съ подводами далѣе Браслава и Полонаго, не должны ни сами, ни мѣщане имѣть «входы» въ ихъ имѣнья безъ ихъ воли, брать у людей ихъ коней и воловъ «за побережное»²⁰³). Три дня спустя послѣ выдачи этого листа, 20 іюля 1546 года, господарь выдалъ подобный же листъ князьямъ, панамъ и землянамъ Кіевской земли, которые въ свою очередь черезъ своихъ депутатовъ Солтана Стецковича и Стася Суриновича привесли жалобу на своего воеводу кн. Фридриха Глѣбовича Пронскаго, который де, наѣхавъ на воеводство Кіевское (въ 1544 г.), «почалъ кривды и втисненья великии имъ чинити и новины уводити черезъ привилія и вольности ихъ». Въ частности Кіевляне жаловались, что воевода приказываетъ по селищамъ ихъ гнать на себя бобровъ, чего прежде никогда не бывало; отнялъ у нихъ замокъ Чернобыль, который прежде обыкновенно держали по годамъ князья, паны и бояре Кіевскіе, и поставилъ въ немъ своего урядника, которому далъ полномочіе судить и рядить тамошнихъ господарскихъ подданныхъ; приказываетъ имъ постоянно находиться при немъ въ Кіевѣ, безъ надобности, тогда какъ прежде они выѣзжали на войну, когда того требовала «господарская послуга», а по минованіи этой «послуги», проводивъ воеводу съ поля до Кіева, разѣзжались по своимъ домамъ. Кіевляне представили господарю и свой земскій при-

²⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 128—130.

вилей, выданный имъ Сигизмундомъ I «съ привесистою маестатною печатью», и били челомъ, чтобы онъ оставилъ ихъ при этомъ привилеѣ и запретилъ чинить имъ «кривды» и вводить «новины» въ нарушеніе этого привилея. Король, осмотрѣвъ и выслушавъ этотъ привилей и переговоривъ съ панами-радою, приказалъ воеводѣ, чтобы онъ во всемъ сообразовался съ этимъ привилеемъ: не гналъ на себя бобровъ по ихъ имѣніямъ, не вступался въ замокъ Чернобыль и отозвалъ оттуда своего урядника, не вызывалъ ихъ въ Кіевъ «кромя потребы послуги нашею господарское и земское» и не вводилъ ихъ по напрасну въ убытки ²⁰⁴).

Одновременное появленіе нѣсколькихъ депутацій отъ шляхты южныхъ повѣтовъ съ жалобами, которыя сходны во многихъ пунктахъ, заставляетъ предполагать предварительный обмѣнъ мнѣніями и уговоръ между шляхтою этихъ повѣтовъ. Все это могло имѣть мѣсто въ военномъ станѣ. Изъ господарскаго приказа о мобилизаціи, разсланнаго въ іюнѣ 1546 года, узнаемъ, что весною 1546 года («недавно мнущихъ часовъ») подъ замки Кіевъ, Черкасы, Каневъ, Браславль и Вѣницу приходили Бѣлгородскіе и Добрынскіе (изъ Добруджи) татары, увели много людей въ полонъ и надѣлали много опустошеній; эти татары расположились потомъ кочевать подъ замками Браславлемъ и Вѣницею. Вслѣдъ за ними выходилъ въ поле царевичъ Перекопскій съ великимъ войскомъ, къ которому со всѣхъ сторонъ подходили люди, и которое шло на соединеніе съ первою ордою, съ тѣмъ, чтобы сообща напасть на украину во время жатвы ²⁰⁵). Въ такихъ случаяхъ, когда на украинѣ появлялись большія полчища татаръ, земляне южныхъ повѣтовъ соединялись для ихъ отраженія въ два ополченія подъ начальствомъ Кіевскаго воеводы и маршалка Волинской земли, которыя по временамъ сливались въ одно ополченіе. Повидимому, такъ было и въ 1546 году. Собравшіеся вмѣстѣ украинскіе военно-служилые люди, отразивъ общими силами внѣшняго врага, надумали также и общій походъ противъ своихъ старостъ, которые стали разорять ихъ не хуже татаръ, и отправили своихъ депутатовъ съ вышеизложенными жалобами къ господарю.

Мобилизація могла давать случаи къ подобнымъ же совѣщаніямъ и обмѣну мнѣніями и въ болѣе широкихъ кругахъ рыцарства-шляхты. Эта мобилизація происходила довольно часто даже по тѣмъ годамъ, когда не было войны съ Москвою. Кромѣ Москвы у Литовско-Рус-

²⁰⁴) Литов. Метр. кн. XXX, л. 135—137.

²⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 114—116.

скаго государства былъ еще назойливый врагъ, который не давалъ ему покою—Крымъ. Земское ополченіе великаго княжества собиралось довольно часто по слухамъ о движеніи большихъ татарскихъ полчищъ въ предѣлы государства²⁰⁶). Собиравшаяся въ военномъ лагерѣ шляхта въ ожиданіи непріятеля, подчасъ тщетномъ, естественно толковала между собою о томъ, что у нея больше всего болѣло, и о возможномъ улучшеніи своего положенія. Здѣсь и могли зарождаться тѣ самыя «просьбы», съ которыми шляхетскіе послы стали обращаться къ правительству на великихъ вальныхъ соймахъ. Къ коллективнымъ совѣщаніямъ о своихъ дѣлахъ въ военномъ лагерѣ приучалъ шляхту до извѣстной степени самъ государь, привлекая ее къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ, близко касавшихся интересовъ шляхты, какъ это было, напр., въ военномъ лагерѣ подъ Минскомъ въ 1520 и 1521 году, а также и паны-рада, какъ это было, напр., въ 1538 году подъ Новгородкомъ. Паны-рада привлекали шляхту не только къ коллективному обсужденію разныхъ государственныхъ вопросовъ, но и къ подачѣ различныхъ просьбъ и ходатайствъ государю. Чаше всего это бывало на великихъ вальныхъ соймахъ, которые, какъ мы имѣли уже случай замѣтить раньше, вообще сдѣлались политическою школою для шляхты-рыцарства. На этихъ сеймахъ происходило сближеніе и взаимный обмѣнъ мнѣніями представителей рыцарства-шляхты, ея вождей, въ результатѣ чего и вышелъ цѣлый рядъ просьбъ и ходатайствъ, предъявленныхъ правительству отъ лица рыцарства-шляхты. Мы видѣли, что рыцарство-шляхта выступило съ цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ желаній уже на послѣднемъ сеймѣ, собиравшемся въ правленіе Сигизмунда Стараго. Всмариваясь въ эти желанія, замѣчаемъ въ нихъ уже тѣ самыя тенденціи, которыя съ такою полнотою выразились въ просьбахъ шляхты на позднѣйшихъ сеймахъ, а именно: стремленіе къ вѣщему огражденію своихъ личныхъ правъ и имущественнаго положенія, стремленіе къ расширенію сословныхъ правъ на счетъ прерогативъ государя и привилегій магнатовъ и, наконецъ, стремленіе къ облегченію себя отъ государственнаго бремени на счетъ государя, магнатовъ, духовенства и мѣщанъ.

²⁰⁶) См., напр., Литов. Метр. кн. Судн. дѣль VII, л. 9—11; XXIII, л. 54—56, 84—89; Археографич. Сборникъ, издан. въ Вильнѣ, т. I, № 33.

IV.

СМЪСЪ.

НОВЫЯ ДАННЫЯ О ВИБЛЮТЕКЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНА (Верховника).

Французская пословица «Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es» съ успѣхомъ можетъ быть переименована по отношенію ко многимъ лицамъ въ такую форму: «Скажи мнѣ, что ты читаешь, и я тебѣ скажу, кто ты таковъ». Выборъ книгъ для чтенія настолько же опредѣляетъ личность человѣка, какъ и выборъ его знакомствъ, и нерѣдко сухой перечень книгъ въ библіотекѣ того или другого лица живѣй и ярче рисуешь намъ его образъ, чѣмъ сотни свидѣтельствъ его современниковъ. Тѣмъ большій интересъ получаетъ въ нашихъ глазахъ такой перечень, когда книги, въ него внесенныя, принадлежали человѣку, оставившему слѣды въ исторіи своей страны или выдавшемуся своими знаніями изъ среды своихъ современниковъ и сумѣвшему эти знанія приложить къ дѣлу. Такого именно человѣка имѣемъ мы въ лицѣ кн. Д. М. Голицына.

«Кн. Д. М. Голицынъ—двулицый Янусъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ нашей цивилизаціи, московской и европейской; однимъ лицомъ своимъ онъ вдумчиво глядитъ въ былое Руси, другимъ—самонадѣянно привѣтствуетъ будущее». Такъ характеризуетъ его проф. Д. Корсаковъ ¹⁾. Дѣятельность его при Петрѣ Великомъ, первенствующее участіе его въ попыткѣ ограниченія самодержавія при восшествіи на престолъ имп. Анны Иоанновны, паденіе его жертвою нѣмецкой партіи—все это дѣлаетъ судьбу его предметомъ живого интереса, какъ судьбу человѣка, не только присутствовавшего при главныхъ событіяхъ исторіи Россіи въ первой половинѣ XVIII в., но и принимавшего въ нихъ непосредственное участіе. Но не въ однихъ внѣшнихъ событіяхъ его жизни заключается весь высокій интересъ, возбуждаемый личностью Голицына; подобная же судьба постигла многихъ изъ его современниковъ, «птенцовъ гнѣзда Петрова», и біографія cadaго изъ нихъ представила бы аналогичныя съ его біографіей черты. Помимо всей важ-

¹⁾ Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань, 1891 г., стр. 222.

ности эпохи, въ которую онъ жилъ, личность Голицына привлекаетъ вниманіе историка и по своимъ внутреннимъ свойствамъ, раскрывающимся въ его убѣжденіяхъ и въ дѣйствіяхъ, которыя онъ старался направлять согласно этимъ убѣжденіямъ. Въ данномъ случаѣ конечно лѣдуетъ разумѣть его политическіе взгляды. Слагались они подъ двумя вліяніями — симпатіями «родословнаго» человѣка къ до-Петровскому строю государственной жизни и вызваннымъ Петровскою реформою стремленіемъ усвоить себѣ современную западно-европейскую политическую и философскую мудрость. И то, и другое направленіе сказалося въ дѣятельности Голицына, но трудно опредѣлить, какое изъ нихъ въ данный моментъ превозмогало. Мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ въ виду выяснитъ лишь вопросъ о томъ, какого рода взгляды и впечатлѣнія могъ вынести кн. Д. М. Голицынъ изъ знакомства съ западно-европейскою литературою; этимъ самымъ опредѣлится, съ большею или меньшею точностью, какъ степень вліянія послѣдней на него, такъ и широта его познаній. Средствомъ къ тому служить доселѣ неизвѣстный памятникъ — каталогъ ввостранныхъ книгъ библіотеки кн. Д. М. Голицына, составленный въ 1722-мъ году.

Библіотека кн. Д. М. Голицына давно привлекала вниманіе историковъ. Наболѣе подробныя свѣдѣнія о ней находимъ мы у Певарскаго (Наука и литература при Петрѣ В. т. I, 257—263), въ составленной проф. Д. Корсаковымъ біографіи Голицына (Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII-го вѣка—Д. Корсакова) и въ Опытѣ русской исторіографіи проф. В. Иконникова (стр. 1078—1082). Печальная судьба, постигшая Голицына въ царствованіе Анны, отразилась и на судьбѣ его книжнаго собранія: оно было конфисковано и расхищено, и только остатки его сохранились въ собраніи книгъ гр. Ѳ. А. Толстого (въ Имп. Публичной Библіотекѣ) и въ нѣкоторыхъ другихъ. Между тѣмъ, библіотека эта была одною изъ наиболѣе богатыхъ частныхъ библіотекъ Россіи въ началѣ XVIII-го вѣка, богатыхъ не только печатными книгами, но и рукописями. При конфискованіи книгъ и рукописей кн. Голицына въ 1737 году оказалось, что «у него князь Дмитрея имѣлось на чужестранныхъ діалектахъ, такожъ и переведенныхъ на русской языкъ около 6000 книгъ»¹⁾. Все это книжное сокровище разсыялось по разнымъ рукамъ; рукописи въ количествѣ 335-ти попали въ Академію Наукъ, которая ходатайствовала объ оставленіи въ ея библіотекѣ 61 рукописи; остальные передавы Синоду для распредѣленія

¹⁾ Библіогр. Записки 1861 г. № 11.

между духовными учебными заведеніями и школами, «гдѣ онымъ книгамъ весьма быть потребно»¹⁾). Но большая часть печатныхъ и рукописныхъ книгъ перешла въ Кабинетъ Ея Величества. Редакція «Библиографич. Записокъ», гдѣ напечатана была въ 1861 году переписка по поводу книгъ кн. Голицына, по матеріаламъ, сообщеннымъ И. Е. Забѣлиннымъ, прибавляетъ отъ себя въ подстрочномъ примѣчаніи: «Нельзя не пожалѣть, что невѣжество отбиравшихъ книги Голицына не оставило ихъ описанія; въ числѣ 6000, да еще и иностранныхъ книгъ, было конечно не мало замѣчательныхъ сочиненій и рѣдкихъ изданій». Съ тѣхъ поръ, какъ появилась эта замѣтка, новыя данныя пролили нѣкоторый свѣтъ на составъ библіотеки кн. Д. М. Голицына. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ вышеприведенныя слова оставались справедливыми: если русскій отдѣлъ библіотеки Голицына и выяснился болѣе или менѣе полно, то иностранныя книги, ему принадлежавшія и разсыавшіяся по разнымъ владѣльцамъ послѣ ихъ конфискаціи, далеко не всѣ были извѣстны. Вотъ что пишетъ о судьбѣ ихъ проф. Корсаковъ: «По словамъ В. Н. Татищева, пользовавшагося библіотекою Голицына, въ ней было «многое число рѣдкихъ и древнихъ книгъ, изъ которыхъ при опскѣ растащено; да и послѣ я по описи многихъ не нашель и увѣдалъ, что лучшія бывшій герцогъ Курляндскій и другіе расхитили». Въ числѣ этихъ другихъ былъ А. П. Волинскій, въ чемъ онъ самъ сознался при допросѣ о Юстѣ Липсіи и Боккачини. Часть книгъ кн. Голицына хранилась до 1741 г. при канцеляріи конфискаціи. На основаніи именного указа 20 дек. 1737 г. многія изъ нихъ были *распроданы* разнымъ учрежденіямъ и въ частныя руки. Къ 1740 г. русскихъ и нѣмецкихъ книгъ Голицына находилось въ канцеляріи Конфискаціи 2415 томовъ. По именному указу отъ 5 марта 1740 г. изъ числа этихъ книгъ «внесено въ Кабинетъ російскихъ 63 книги, да отдано въ Петропавловскій Соборъ російскихъ и нѣмецкихъ 2197 книгъ»... Кромѣ того поступило еще значительное число книгъ въ Иностранную Коллегію. Въ іюнь 1741 г. Герольдмейстерская Контора обратилась съ прошеніемъ въ Сенатъ передать ей нѣкоторыя книги Голицына изъ отданныхъ въ Кабинетъ и Петропавловскій Соборъ... Есть основаніе предполагать, что при Елизаветѣ Петровнѣ книги кн. Голицына были возвращены его сыну Алексѣю Дмитріевичу... Извѣстный любитель и знатокъ русской старины, гр. О. А. Толстой, купилъ случайно *клички* этой библіотеки, до 200 томовъ, послѣ Московскаго пожара

¹⁾ Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ, т. IV, стр. 178—190, 358 и 402—404.

1812 года¹⁾. Участь Голицынской библіотеки, собранной «съ великимъ тщаніемъ», тѣмъ болѣе печальна, что полнаго списка имѣвшихся въ ней книгъ до сихъ поръ не было извѣстно²⁾; при конфискаціи ея онъ и не могъ быть составленъ: переводчики при разборкѣ книгъ «Галанскаго, Шпанскаго, Аглинскаго, Шведекаго языковъ» сознались въ невозможности описать ихъ, потому что они «показанныхъ языковъ не знаютъ».

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность восполнить отчасти этотъ пробѣлъ. Въ с. Никольскомъ, Звенигородскаго у. Московской губ., составлявшемъ нѣкогда съ извѣстнымъ имѣніемъ кн. Д. М. Голицына с. Архангельскимъ одно владѣніе и донинѣ принадлежащемъ потомкамъ Верховника, хранится каталогъ иностранныхъ книгъ библіотеки Голицына, относящійся къ 1722 году. Этотъ каталогъ, который любезно былъ предоставленъ въ наше пользованіе его нынѣшними владѣльцами, заключаетъ въ себѣ около 1300 названій приблизительно въ 1900 томахъ. Вписавъ онъ въ книгу въ листъ и на первой страницѣ его находится надпись: «Catalogus Bibliothecae Galitzinae. 1722. № 143», а на внутренней сторонѣ переплета—извѣстное печатное ex-libris библіотеки кн. Голицына: «Ex Bibliotheca Arangelina». Изъ 94 полулистовъ книги каталогомъ занята половина. Дѣлится онъ на двѣ части: въ первую занесены книги, переплетенныя въ бѣлые, пергаменные переплеты, во вторую—книги въ обыкновенныхъ кожаныхъ переплетахъ или безъ переплета. Въ свою очередь каждое изъ этихъ дѣленій подраздѣлено на три рубрики по форматамъ: in-folio, in-quarto, и in-octavo et in-duodecimo. Особый отдѣлъ въ концѣ каталога составляютъ географическія карты и планы. Писанъ каталогъ четкимъ почеркомъ съ полнымъ соблюденіемъ орфографіи, что доказываетъ, что онъ написанъ человекомъ образованнымъ и знающимъ, можетъ быть самимъ владѣльцемъ библіотеки.

Переходя къ разбору содержанія каталога 1722 года, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что количество названій (1300), нами упомянутое, не вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ верѣдко въ одномъ переплетѣ соединено вѣскольکو книгъ: такъ напр. часто встрѣчаются такого рода обозначенія «Volumen varior tractatus (ро-

¹⁾ Д. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в., стр. 204—205.

²⁾ Проф. Корсаковъ упоминаетъ о сообщенномъ ему А. П. Барсуковымъ каталогѣ ея. (Др. в Нов. Россія 1877 г., т. II, 286). Не знаемъ, занесены ли въ него русскія или иностр. книги.

liticos etc.) continens», или «Miscelanea Oeconomica», или «Recueil de piéces historiques et politiques» и т. д.; точно также нерѣдко въ одинъ томъ соединены статьи и книги однороднаго содержанія, напр. по исторіи Россіи, по исторіи Польши, по какому-либо частному вопросу политики и права. Кромѣ того, размѣры библиотеки кн. Голицына въ 1722 г. далеко не соотвѣтствуютъ тому количеству книгъ, которое показано въ его слѣдственномъ дѣлѣ (6000). Но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что цифра 6000 обнимала какъ иностранныя, такъ и русскія его книги, печатныя и рукописныя, и что съ 1722 г. до своего ареста въ 1737 г. Голицынъ могъ приобрѣсти еще значительное число книгъ. Быть можетъ и опись библиотеки въ 1737 г. составлялась по названіямъ, а не по томамъ, и такимъ образомъ собранныя въ одномъ томѣ сочиненія описывались отдѣльно, какъ особыя книги.

По содержанію своему всѣ книги, внесенныя въ каталогъ 1722 г., могутъ быть распределены на нѣсколько отдѣловъ. Такихъ основныхъ отдѣловъ можно насчитать восемь: 1-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ иностранныя сочиненія о Россіи, 2-й—сочиненія по исторіи Польши, 3-й—сочиненія классическихъ авторовъ, греческихъ и римскихъ, 4-й—сочиненія политическихъ мыслителей XVI, XVII и XVIII вв.—Маккиавелли, Гуго Гроція, Пуффендорфа, Локка, Юста Липсія, Бейля (1 названіе), Бэкона (1 названіе) и Гоббса (1 названіе), 5-й—книги по политикѣ и юриспруденціи, 6-й—сочиненія по исторіи и дипломатіи, 7-й—трактаты по исторіи, происхожденію и прерогативамъ аристократіи и 8-й—сочиненія по прикладнымъ наукамъ.

Помимо этихъ отдѣловъ, характеризующихъ содержаніе Голицынской библиотеки въ наиболѣе общихъ чертахъ, въ ней заключаются еще не мало сочиненій, не подходящихъ ни къ одной изъ указанныхъ намъ рубрикъ. Здѣсь рядомъ съ «Градомъ Божіимъ» блаж. Августина, твореніями Іоанна Златоуста и «Подражаніемъ Христу» Томы Кемпійскаго, мы находимъ сочиненія Мольера, Лабрюйера, издавныя въ Черниговѣ въ 1683 г. Алкоранъ Магомета, различныя повременныя изданія (Journal des Sçavans, Nouvelles de la République des lettres, Mercure Historique и др.) и какую-то книжку подъ заглавіемъ «L'éducation des dames». Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого отдѣла, такъ какъ каждую изъ книгъ, могущихъ быть къ нему отнесенной, слѣдовало бы упоминать въ отдѣльности, и особаго интереса для нашей цѣли онъ не представляетъ, а перейдемъ къ характеристикѣ намѣченныхъ выше рубрикъ, на которыя мы подраздѣлили книжное собраніе кн. Голицына.

Первая рубрика—извѣстія иностранцевъ о Россіи—содержитъ до 45 названій. Мы находимъ въ числѣ ихъ, какъ наиболѣе извѣстныя сочиненія о Россіи—Олеарія (1696 г.), Майерберга (1661 г.), Гейденштейна, Павла Ювія, Поссевина (*Moscovia* 1695 г.), Петрея (1620 г.), Перри, еще большое количество менѣ важныхъ извѣстій иностранныхъ писателей. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ: *Regnum Moscovitarum auctores varii* (1600), *Jac. Ulfeld—Legatio Moscovitica* (1627), *Respublica Moscovia et urbes* (Лейденъ, 1630), *Russia sive Moscovia itemque Tartaria* (Лейденъ, 1630), *Don-Alonso Vimina—Relatione della Moscovia e Suecia* (Венеція, 1671), *Viaggi di Moscovia degli anni 1633—1636* (Viterbo. 1638), *Ioh. Vitekindi—Historia belli Sueco-Moscovitici decennalis* (Helmiae, 1672), *Das großmächtige Reich Moscovien* (Нюрнбергъ, 1687), *Relation curieuse de la Russie* (Парижъ, 1679), *La religion ancienne et moderne des Moscovites* (Кельнъ, 1698), *Krook—De statu ecclesiae et religionis Moscoviticae* (Любекъ, 1709), *Mars Moscoviticus* (1710), *Relatione del Imperio di Moscovia* (Миланъ, 1713), *Beschreibung der Stadt St. Petersburg* (Франкфуртъ, 1718). Въ тотъ же отдѣлъ можно отнести хроники Гельмольда и Арнольда (Любекъ, 1659), хронику Юрнанда (1603), описаніе Украйны Боплана (1660), жизнь о. Антонія Поссевина (на франц. яз. Парижъ, 1712 г.).—Среди географическихъ картъ восемь относятся къ Россіи: Карта Украйны «a Weigelio» и его же карта Московскаго государства, двѣ карты (на франц. и итал. яз.) Савсона, *Tabula Russiae* а Н. Gerardo, *Carte représentant les environs de la Mer Noire et de celle de Baltique, Carte des Empires de Moscovie et Turquie avec les païs du Nord*, и наконецъ единственная русская карта подъ заглавіемъ: «Часть Великия и Малыя Россіи и протчая: отъ Тессинга»¹⁾.

Второй отдѣлъ—книги по исторіи Польши—значительно обширнѣе перваго. Будучи въ теченіе 13 лѣтъ (1708—1721 г.) Кіевскимъ губернаторомъ, кн. Д. М. Голицынъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Польшей. Кромѣ того, онъ былъ центромъ всего, что было просвѣщеннаго въ Кіевѣ и Малороссіи²⁾. Ясно поэтому, что у него

¹⁾ Эта карта была напечатана въ Амстердамѣ въ началѣ XVIII в., по повелѣнію имп. Петра I Юганномъ Тесингомъ (Thesing) на русскомъ и латынск. яз. См. Миллеръ, *Samml. Russ. Geschichte*, т. II, стр. 187, и VI, стр. 39, Аделунгъ — въ Ж. М. Н. II. за 1840 г., май, стр. 91, отд. II. Тесингъ издалъ по-русски въ 1715 г. Глобусъ небесный (Сопниковъ, № 2843, рѣдка) и Календарь-святцы въ 1702 г. (У Сопникова, № 3153, т. V, стр. 193—204, приведена жалованная грамота имп. Петра I Тесингу отъ 1 февр. 1703 г.).

²⁾ Корсаковъ—ор. cit., стр. 229.

набралось много книгъ о Польшѣ, ея исторіи и современномъ положеніи. Сравнительно незначительное число ихъ писано по-польски; большая часть представляетъ изъ себя извѣстія иностранныхъ писателей. Таковы: *Chroniques et annales de Pologne* (Парижъ, 1573), *Discours sur le gouvernement de Pologne* (Парижъ, 1670), *de la Bizarrière—Histoire des diètes de Pologne* (Парижъ, 1697), *Histoire de Pologne et du grand duché de Lithuanie* (Амстердамъ, 1698), *Mémoires sur la dernière révolution de Pologne* (Роттердамъ, 1710) и друг. Изъ польскихъ авторовъ мы находимъ въ каталогѣ Длугоша (изд. 1712), Кромера—*Polonia (Colonia Agrippina, 1589)*, А. М. Фредро — *Gesta populi Poloni* (Дандигъ, 1652), *Chronicon regum Poloniae Erasmi Gliczneri* (1613), *Okolski—Orbis Polonus* (Краковъ, 1641), *Kochowski—Annales Polonici* (1681) и нѣсколько сочиненій по Польскому праву. Кромѣ того упомянуты сочиненія Петра Скарги, двѣ книги о возстаніи Малороссійскихъ казаковъ, различныя брошюры, вызванныя тѣми или другими событіями Польской исторіи до начала XVIII-го вѣка. Наконецъ, три географическія карты посвящены Польшѣ.

Третій отдѣлъ библіотеки — классическіе авторы — обнимаетъ до 25 различныхъ сочиненій. Въ числѣ ихъ мы находимъ какъ подлинныя творенія древнихъ авторовъ, такъ и переводы ихъ. Вотъ перечень главныхъ авторовъ, которые встрѣчаются въ Голицынской библіотекѣ: Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, Республика Платона, Политика Аристотеля, Филиппики Демосоева (въ италіанск. переводѣ), Цицеронъ (рѣчи и переписка) въ подлинникѣ и въ франц. переводѣ, Цезарь, Корнелій Непотъ и Тацитъ — всѣ три въ подлинникахъ, Плибій, Т. Ливій, Саллюстій, Светоній, Валерій Максимъ, Квинтъ Курцій, Лукіанъ и Сенека — въ французскихъ переводахъ. Нельзя не обратить вниманія на составъ этого собранія древнихъ авторовъ; среди нихъ не встрѣчается ни одного поэта и лишь три-четыре философа; всѣ остальные — историки или ораторы. Для кн. Д. М. Голицына такой подборъ книгъ весьма знаменателенъ.

Еще съ болѣшимъ правомъ можно сказать это относительно слѣдующей группы книгъ библіотеки кн. Д. М. Голицына — сочиненій политическихъ мыслителей новаго времени. До 35 сочиненій принадлежатъ этому отдѣлу. На первомъ мѣстѣ среди нихъ слѣдуетъ поставить произведенія Маккиавелли, послужившія вмѣстѣ съ твореніями Боккачини, однимъ изъ основныхъ пунктовъ обвиненія противъ Голицына, во время слѣдствія и суда надъ нимъ. Въ слѣдственномъ дѣлѣ показано, что книгъ Маккиавелли у Д. М. Голицына и у сына его Алексѣя найдено шестнадцать; въ каталогѣ 1722 г. записано 11 томовъ

его сочиненій (II Principe, Disputationes, одно полное собраніе сочиненій и др.). Что же касается до произведеній Боккалинни, которыхъ при слѣдствіи оказалось четыре книги, то въ нашемъ каталогѣ мы такихъ не нашли. За Макіавелли по количеству томовъ слѣдуютъ Пуффендорфъ и Гуго Гроцій. Первый представленъ десятью сочиненіями, второй— семью. Рядомъ съ главнымъ произведеніемъ Пуффендорфа «О должностяхъ челоѣка и гражданина», мы встрѣчаемъ его «Введеніе въ ученіе о нравственности», «Dissertationes academicae», «Введеніе въ исторію европейскую», «Исторію Великаго Курфюрста» и публицистическія статьи. Между послѣдними особенное вниманіе обращаетъ на себя памфлетъ его «De statu imperii Germanici», писанный подъ псевдонимомъ Северина Монзамбано; этотъ памфлетъ переведенъ былъ на русскій языкъ; переводъ остался въ рукописи ¹⁾. Изъ сочиненій Гуго Гроція слѣдуетъ отмѣтить его извѣстное разсужденіе «О правѣ войны и мира» (на нѣмец., франц. и латин. яз.), Письма, Трактатъ объ истинности христіанской религіи, Исторію Нидерландскихъ смуть, Исторію Бельгіи. Изъ сочиненій Юста Липсіа въ нашемъ каталогѣ оказались на лицо: его трактатъ «De constantia in malis publicis» (на франц. яз.) и сочиненіе «Les politiques ou doctrine civile», кромѣ того, извлеченіе изъ его твореній подъ заглавіемъ «Theatrum prudentiae elegantioris» (1702). Локкъ представленъ четырьмя сочиненіями (въ франц. переводахъ): «Du gouvernement civil», «Essai sur l'entendement humain», «De l'éducation des enfants» и «Que la religion chrétienne est très raisonnable». О сочиненіяхъ Бейля (Dictionnaire Historique), Гоббса (Eléments philosophiques du citoyen) и Бэкона (Opera omnia) мы уже упоминали. Къ тому же отдѣлу можно отнести Логику Поръ-Рояля (La logique ou l'art de penser). Изъ приведеннаго списка видно, что кн. Д. М. Голицынъ обладалъ почти полнымъ собраніемъ сочиненій политическихъ мыслителей, наиболѣе извѣстныхъ въ его время. Но еще большую полноту встрѣчаемъ мы въ слѣдующемъ отдѣлѣ — трактатовъ по политикѣ и юриспруденціи—выдѣленномъ нами въ особую группу въ виду нѣкотораго отличія характера его отъ предыдущей группы.

Сочиненія по политикѣ и юриспруденціи занимаютъ преобладающее мѣсто въ библиотекѣ кн. Голицына; можно даже сказать, что все его книжное собраніе посвящено этимъ двумъ предметамъ, и всѣ остальные книги являются лишь дополнительнымъ матеріаломъ къ

¹⁾ Пекарскій—Наука и литература при Петрѣ Великомъ. т. I, стр. 256. См. объ этомъ ниже. стр. 14.

нимъ. Вслѣдствіе этого трудно дать полный перечень всѣхъ произведеній, относящихся къ политикѣ и праву и занесенныхъ въ каталогъ 1722 года, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ этого и не заслуживаютъ, затрогивая слишкомъ детальныя вопросы. Мы коснемся поэтому только самыхъ общихъ изъ нихъ и наиболѣе замѣчательныхъ либо по содержанию, либо по тому вліянію, которое они могли оказать на ихъ обладателя. Среди общихъ сочиненій по теоріи государства, слѣдуетъ отмѣтить: Adam Contzen—*Politicorum libri decem* (1622), Vernuleus—*Institutiones politicae* (1647) ¹⁾, A. de Montchrétien—*Traité de l'économie politique*, Филиппъ Лейденскій—*Tractatus iuridico-politici*, Альберати—*Discorsi politici*, Huber—*Tractatus de iure civitatis* (1708), Domat—*Les lois civiles dans leur ordre naturel*, Algernon Sydney—*Discours sur le gouvernement*, Вульриджъ—*Искусство управления* (*The art of governing*), Palazzo—*Discorso del governo e delle ragioni vera di stato* (1606), de la Perrière—*Miroir politique, contenant diverses manières de gouverner et policer les républiques qui sont et ont été*. Большее количество сочиненій посвящено теоріи монархическаго правленія, ученію объ обязанностяхъ монарха и о томъ, чѣмъ долженъ быть совершенный государь. Въ числѣ произведеній такого содержанія мы находимъ: Le Bret—*De la souveraineté du roi*, Graswinkel—*De iure majestatis* и сочиненіе съ такимъ же заглавіемъ Armissaeus'a, его же—*De auctoritate principum in populum semper inviolabili*, Scholasticus—*De vero et christiano principe* (1601), Baudouin—*Le prince parfait*, Tomasi—*L'idea della Monarchia* (Римъ, 1653), Iohannes—*Instructio principum ethice, oeconomice et politice* (1612), Senault—*Le Monarque ou les devoirs du souverain* (1612), *Traité de l'autorité royale* (1693), Weber—*Ars regia sive ars regendi se et alios*, Mariani—*De rege et regis institutione*, *Intérêts et maximes des princes et des états souverains* (1666), Relfendt—*De summa principum potestate* (1679), Noodt—*Du pouvoir des souverains et de la liberté de conscience*, Talon—*Traité de l'autorité du roi touchant l'administration de l'église* (1700), Keuchenius—*Idea boni principis in vitam Antonini Pii, accedit Comparatio cardinalium Richilii et Mazarini* (1703) ²⁾. Двумъ послѣднимъ, такъ же какъ Кольберу и Кромвелю, посвящено нѣсколько сочиненій: политическія завѣщанія Ришелье и

¹⁾ Сочиненіе это было переведено на русск. яз. Пекарскій, Наука и литература при П. В. т. I, стр. 256. См. ниже, стр. 14.

²⁾ Пекарскій—Наука и литература при П. В., т. I, стр. 256—7: сочиненіе это было переведено на русскій яз.

Мазарини, исторія кардинала Ришелье, исторія управленія кардинала Мазарини, четыре книги объ его политикѣ, біографія Ришелье—Леккерка, біографіи Кольбера и Кромвеля, наконецъ—сочиненіе о Кромвелѣ подъ заглавіемъ «*Politicus sine exemplo*» (1663). Извѣстно, что кн. Д. М. Голицынъ интересовался политическимъ устройствомъ Швеціи¹⁾; но изъ каталога 1722 г. видно, что не менѣе Швеція привлекала его вниманіе парламентскій режимъ Англіи. Въ перечнѣ его книгъ встрѣчается нѣсколько сочиненій о Швеціи: *Robinson — L'état présent de la Suède* (1720) и книга такого же содержанія на англ. яз., *Fontenelle—Histoire des révolutions de Suède* (1696), *Discours de l'état et couronne de Suède* (1683). О государственномъ строѣ Англіи трактуютъ слѣдующія сочиненія: *Prugne—О верховной власти Парламентовъ* (*The sovereign power of Parliaments*, 1643), *Scripturae Parlamenti reipublicae Angliae*, *Histoire du droit des Parlements de la Gr. Bretagne touchant la succession à la couronne* (1715), Парламентская конституція Англіи (1680 г. на англ. яз.), Опытъ о равновѣсіи властей, правѣ войны, мира и союзовъ (*Essay upon the balance of power, the right of making war, peace and alliances*, 1701), *Traité du pouvoir des rois de la Gr. Bretagne* (1714), *Parliamentum pacificum* (1686), *Relation de l'accroissement de la papauté et du gouvernement absolu en Angleterre* (1680), наконецъ — два сочиненія (*Rapin* и *de Cize*) о вигахъ и торіяхъ (оба—1717 года). Нельзя не обратить вниманія на этотъ перечень; быть можетъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше книгъ оказали вліяніе на Голицына и опредѣлили дѣятельность его при восшествіи на престолъ имп. Анны Іоанновны; въ особенности говорить въ пользу этого предположенія англійская книга о равновѣсіи властей и правѣ (короля) объявлять войну, заключать миръ и вступать въ союзы; эти ограниченія верховной власти вошли въ составъ «пунктовъ», поданныхъ верховниками имп. Аннѣ.

Помимо указанныхъ нами сочиненій по политикѣ и управленію, мы встрѣчаемъ въ каталогѣ 1722 г. нѣсколько книгъ по различнымъ политическимъ вопросамъ, не подходящимъ ни къ одной изъ намѣченныхъ нами группъ. Таковы—сочиненіе Максимилиана Ашафенбургскаго *Consilia pro aegario* (1641²⁾), *de la Mare—Traité de la police* (1713), *Jac. Bornitii—Tractatus politicus de rerum sufficientia in republica et civitate procuranda* (1625), *Truquet—La Monarchie aristo-démocra-*

¹⁾ Пекарскій—Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 200—204.

²⁾ Это сочиненіе, по свидѣтельству Пекарскаго, переведено было и на русск. языкъ (Наука и литер. при Петрѣ В., т. I, 256). Объ этомъ см. ниже, стр. 14.

tique (1611), Naudé—*Considérations politiques sur les coups d'état*, *Dissertatio de libertate omnimoda* (1668), *La liberté de penser défendue contre les attaques du clergé* (1702), *Traité de la politique de France*, Bosius—*Dissertatio de statu Europae* и друг. Специально юридическимъ вопросамъ посвящены во-первыхъ, нѣсколько сочиненій по римскому праву (Colombert—*Abrégé de la jurisprudence romaine*, Claude de Ferrière—*La jurisprudence des Nouvelles de Justinien* (1685), *Digestum novum sive Pandecta iuris civilis*, Titius—*Specimen iuris publici Romano-Germanici*); во-вторыхъ—нѣсколько книгъ, трактующихъ общіе вопросы права: Томазий—*Juristische Cautelen* и *Institutiones iurisprudentiae divinae*, Brunemann—*Examen iuris publici*, Buddeus—*Selecta iuris naturae et gentium*, *Examen iuris feudalis*, *Nouveau dictionnaire civil et canonique de droit* (1707). Наконецъ, въ нашемъ каталогѣ встрѣчается цѣлое собраніе книгъ, брошюръ и печатныхъ распоряженій по торговлѣ и торговому праву; въ детальное разсмотрѣніе этого отдѣла мы входить не будемъ, а замѣтимъ только, что существованіе его несомнѣнно стоитъ въ зависимости отъ того обстоятельства, что въ 1718 г. кн. Д. М. Голицынъ былъ назначенъ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, а потому и собиралъ книги, относящіяся до его вѣдомства. Къ тому же отдѣлу могутъ быть отнесены сочиненія по морскому праву, «*Les us et coutumes de la mer*» и Palatius—«*De dominio maris*».

Сочиненія по исторіи, находившіяся въ бібліотекѣ кн. Д. М. Голицына, носятъ особый характеръ; всѣ они болѣе или менѣе касаются одной политической исторіи государствъ и лишь немногія изъ нихъ затрогиваютъ общенѣсторическіе вопросы; напротивъ того, преобладающая форма ихъ—памфлетъ, написанный по поводу того или другого политическаго событія. Мы уже имѣли случай неоднократно упоминать въ перечняхъ предыдущихъ рубрикъ сочиненія по исторіи. Теперь мы ограничимся болѣе тѣсной областью—книгами по общей и дипломатической исторіи. Въ числѣ первыхъ укажемъ прежде всего на два руководства по всемірной исторіи: Hildebrand—*Synopsis historiae universalis* (1704) и *Abrégé chronologique de l'histoire universelle* (1715, въ 5 том.); затѣмъ идутъ исторіи отдѣльныхъ государствъ: Гвичардини—*Historia d'Italia* (1610), *Histoire de Hollande depuis 1609 (où finit Grotius) jusqu'à nos jours* (1702), Bussières—*Historia Francica* (1688 ¹⁾), le p. Daniel—*Histoire de France*, Amelot de la Houssaye—*Histoire du gouvernement de Venise* (1705), Ri-

¹⁾ Пекарскій Наука и литература при II. В. т. I. 257.

caut—Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman (1672 ¹⁾). Последнее сочинение вѣроятно приобрѣтено Голицынымъ въ бытность его посланникомъ въ Константинополь. Наибольшее число книгъ настоящей группы относится къ исторіи мирныхъ договоровъ и трактатовъ, въ частности къ исторіи заключенія Нимвегевскаго, Рисвикскаго и Утрехтскаго мировъ; кромѣ множества брошюръ, относящихся къ этимъ событіямъ, Утрехтскому миру посвящена цѣлая книга Neufville'a—Histoire du Congrès et de la paix d'Utrecht, de celle de Rastadt et de Bade. Нѣсколько сочиненій обвиняютъ исторіи царствованій западно-европейскихъ государей, напр. Péréfixe—Histoire du roi Henri le Grand (1662), Vassor—Histoire du règne de Louis XIII, La vie d'Elisabeth, reine d'Angleterre (1703: и др. Исторіи Карла XII и его войны посвящены книги: Les campagnes de Charles XII (1705) и Théâtre complet et particularisé de la guerre du Nord (1711). Среди сочиненій, не подходящихъ ни къ одной изъ вышеуказанныхъ рубрикъ, слѣдуетъ отмѣтить: Fléchier—Histoire du card. Ximènes (1693), Cluverius—Introductio in universam geographiam (1683 ²⁾), Struvius—Selecta bibliotheca historica (1705), наконецъ—переведенная и на русскій яз. Исторія Эюіонская Іова Лудольфа ³⁾. Кромѣ того, въ нашемъ каталогѣ отмѣчены подъ именемъ Miscelanea сборники различныхъ историко-политическихъ брошюръ и памфлетовъ (Miscelanea Gallica, Germanica, Belgica и т. п.). Въ эту же рубрику мы отвесли и сочиненія по дипломатіи и дипломатическому искусству; таковы Antoine de Vera—Le parfait ambassadeur (1709), Wiquefort—Mémoires touchant les ambassadeurs et ministres publics (1679) и его же L'ambassadeur et ses fonctions (1715), Cassius—De iure et iudice legatorum (1717), Caraffa—L'ambasciatore politico christiano (1696), Warsewicz—De legato et legatione item de consilio et consiliariis principis (1646), Hemert—Dissertatio de legationum iure (1717), de Callière—De la manière de négocier avec les souverains (1716), Breviarium politicorum seu arcanis politica (1708), Lancelot—Le parfait ambassadeur (1642), Morfill—Legatus (1663). Кромѣ того, мы встрѣчаемъ тутъ же общія руководства по дипломатіи, справочныя книги и сборники трактатовъ: Le trésor politique (1611), Codex iuris gentium diplomaticus (1693), Theatrum ceremoniale historico-politicum (1719), Martianus—Theatrum politicum (1692), L'esprit des cours de l'Europe (19 том., 1699), La clef du cabinet des princes de l'Europe (периодич. изда-

¹⁾ Пекарскій, op. cit., стр. 257. См. объ этомъ ниже, стр. 14.

²⁾ Ibid. стр. 257. См. ниже, стр. 14.

³⁾ См. ниже, стр. 14.

nie въ 31 т., 1704—1717), Recueil des traités de paix (1700), Dumont—Nouveau recueil des traités d'alliance et de trêve, de garantie et de commerce depuis la paix de Munster jusqu'à 1709 (2 том., 1710). Близкое отношеніе къ этимъ сочиненіямъ имѣютъ трактаты о различныхъ церемоніалахъ: Godefroy—Le cérémonial français (1649), Das Europäische Hof-Ceremoniel (1715), Ceremoniale Brandenburgicum (1700), Ceremoniale Palatinum (1700).

Мы отмѣтили выше особую группу книгъ въ библіотекѣ кн. Голицына, а именно—сочиненія объ аристократіи, ея происхожденіи, прерогативахъ и т. д. Отдѣлъ этотъ получаетъ особое значеніе въ нашихъ глазахъ, если вспомнить, какую роль играли въ дѣятельности Голицына его аристократическія симпатіи и убѣжденія. Мы насчитали въ каталогѣ 1722 года 13 книгъ по этому предмету; нѣкоторыя изъ нихъ трактуютъ объ аристократіи вообще, другія же касаются частныхъ прерогативъ дворянства и геральдики. Вотъ ихъ перечень: Gesenius—Il nobile Romano o Trattato di nobiltà (1693), Gille de la Roque—Traité de la noblesse (1678), Cotignola—La nobiltà civile e christiana (1586), Zuccolo—Nobiltà commune e heroica (1625), De nobilitate eiusque origine et de recta forma regnandi, Traité de la noblesse (1681), Thierrat—Trois traités, sçavoir de la noblesse de race, de la noblesse civile, des immunités des ignobles (1606), de Callières—La fortune des gens de qualité et des gentilshommes (1664), Loyseau—Cinq livres du droit des offices avec le livre des seigneuries et des ordres (1619), Spener—Historia insignium illustrium seu opera heraldica (1680), La science héraldique du blason (1675), Ménérier—Le véritable art du blason и его же—Le blason de la noblesse (1671 и 1683 г.).

Послѣдній изъ намѣченныхъ нами отдѣловъ библіотеки кн. Д. М. Голицына содержитъ въ себѣ книги по прикладнымъ знаніямъ. Мы не станемъ входить въ подробное его разсмотрѣніе, а скажемъ только, что наиболѣе полно представлены въ этомъ отдѣлѣ архитектура, фортификація, гидравлика, счетоводство и садоводство. Относительно послѣдняго отдѣла, заключающаго въ себѣ до 20 сочиненій по садоводству, необходимо вспомнить, что кн. Д. М. Голицынъ былъ любителемъ садовыхъ цвѣтовъ и растений и что въ его подмосковной вотчинѣ с. Архангельскомъ находилась одна изъ первыхъ частныхъ оранжерей въ Россіи¹⁾. Кроме того, мы встрѣчаемъ тутъ же нѣсколько сочиненій по домоводству и сельскому хозяйству.

¹⁾ См. Забѣлянь. Опыты изученія русск. древностей и исторіи, т. II, стр. 330: Оранжереи и сады кн. Д. М. Голицына.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія каталога Голицынской библіотеки; стараясь только намѣтить основной ея характеръ, мы пытались дать понятіе о ней лишь по отношенію къ личности ея владѣльца; прослѣдить же, какое вліяніе могло оказать на него знакомство съ западно-европейской, преимущественно политической, литературой, мы не ставимъ себѣ задачей, такъ какъ сухой перечень книгъ его библіотеки указываетъ на кругъ его интересовъ, но не опредѣляетъ его личнаго отношенія къ прочитываемому. Тѣмъ не менѣе мы считали себя въ правѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ касаться и этого вопроса; въ особенности твердую почву для опредѣленія степени вліянія на Голицына литературы его времени имѣли мы при ознакомленіи съ сочиненіями политическихъ мыслителей, находившимися въ его библіотекѣ. Во главѣ ихъ мы поставили Маккиавели, твореніями котораго интересовался не одинъ Голицынъ: сочиненія его были настольною книгою у Волинскаго и его друзей. Кромѣ того, въ нашемъ каталогѣ мы встрѣчаемъ два сочиненія, написанныя противъ Маккиавели: Eugubio—De imperio virtutis adversus Machiavellum (1603) и аббата Viquay—L'antimachiaveliste, а это является несомнѣннымъ доказательствомъ интереса, который возбуждали въ Голицынѣ произведенія италянскаго мыслителя. Большое количество сочиненій Пуффендорфа, Гуго Гроція, Локка и Юста Липсія свидѣтельствуетъ въ пользу того же. Есть наконецъ еще одно средство узнать, какія произведенія западно-европейской литературы наиболѣе привлекали вниманіе кн. Голицына. Въ каталогѣ его русскихъ книгъ и рукописей, представленныхъ въ Академію Наукъ ¹⁾, попадаетъ не мало переводовъ, исполненныхъ по заказу Голицына въ Киевской Академіи, съ книгъ, иностранныхъ подлинники коихъ занесены въ каталогъ 1722 года. Въ этомъ перечнѣ мы встрѣчаемъ: Политику Аристотеля, Исторію Эѳіопскую Іова Лудольфа, Введеніе въ географію Ключерія, Монархію Турецкую—Рикота, Уставленія политическія Н. Вернулія, О статѣ государства Нѣмецкаго Сѣверика барона Веронскаго (Северина Монзамбано, т. е. Пуффендорфа), его же—О законахъ естества и народовъ, Гуго Гроція—О законахъ брани и мира, Локка—Правленіе гражданское, Политическій тестаментъ кард. Рихелія, Министерство кард. Рихелія, Политику Балтазара Целлярія, Римскую исторію Ливія и Приклады правоучительныя Валерія Максима, Совѣты на сокровищное хранилище (Consilia pro aegario) Максим. Ашафенбургскаго, Наказаніе правоучительное Фредро, Іакова Борнитія—О книгахъ въ Рѣчи

¹⁾ Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ т. IV, стр. 178—190.

посполитой дѣлаемых (?), Житіе Антонина Піюса, Описаніе ѣзды персидской и др. сочиненія Адама Олеарія, Краткое наставленіе политическое по уставамъ Мазариновымъ, Разумъ Сенекинъ, Мизалдъ воскресшій (*Misaldus redivivus*, Нюринбергъ 1681) и т. д. ⁴⁾ Болѣе внимательное изслѣдованіе заглавій русскихъ переводныхъ рукописей, представленныхъ въ Академію, значительно пополнило бы нашъ краткій перечень. Но и изъ него явствуетъ, что главный интересъ кн. Д. М. Голицына направленъ былъ къ политикѣ, къ сочиненіямъ, трактующимъ государственное устройство съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Его библіотека есть библіотека практическаго политика, а отнюдь не ученаго и не простаго любителя чтенія. Въ подборѣ книгъ онъ очевидно руководствовался опредѣленной программой, отвѣчавшей его практическимъ потребностямъ и цѣлямъ. Какъ дипломатъ, онъ пріобрѣтаетъ сочиненія по вѣшной исторіи государствъ, изучаетъ дипломатическое искусство, знакомится съ исторіей трактатовъ; онъ становится президентомъ Коммерцъ-Коллегіи—и библіотека его наполняется цѣлымъ собраніемъ книгъ и брошюръ объ учрежденіи Остъ-Индской компаніи, руководство по торговому праву и сочиненій о счетоводствѣ; назначенный Кіевскимъ губернаторомъ, онъ все свое вниманіе обращаетъ на Польшу и накупаетъ цѣлую библіотеку польскихъ книгъ. Но въ то же время онъ зорко слѣдитъ за развитіемъ родной страны и чутко прислушивается къ мнѣніямъ о ней иностранцевъ: отсюда—все его собраніе извѣстій иностранныхъ писателей о Россіи. Надъ всѣми же этими частичными, нерѣдко случайными интересами, преобладаетъ одинъ—интересъ государственнаго человѣка къ теоріи государственнаго управленія и къ примѣненіямъ ея на практикѣ. Какая лучшая форма политическаго строя государства—вотъ вопросъ, который занимаетъ его болѣе всѣхъ другихъ. А этотъ вопросъ естественнымъ образомъ наталкиваетъ его на другой—о лучшей формѣ правленія для Россіи. Современная ему русская дѣйствительность не удовлетворяла Голицына во многомъ; въ своихъ книгахъ, столько же сколько въ своихъ симпатіяхъ къ допетровскому строю, онъ могъ почерпнуть то критическое отношеніе къ этой дѣйствительности, при сравненіи ея съ строемъ западно-европейской политической жизни, которое заставило его попытаться измѣнить ее при восшествіи на престолъ имп. Анны. Въ этомъ смыслѣ каталогъ иностранныхъ книгъ его библіотеки и можетъ служить путеводною нитью для опредѣленія вліянія на него западно-европейской литературы.

⁴⁾ Ср. этотъ перечень съ упомянутыми у Пекарскаго переводами съ иностранныхъ языковъ. Наука и литература при Петрѣ В., т. I, стр. 256—257.

Въ заключеніе мы считаемъ не излишнимъ упомянуть о томъ, что библиотека кн. Д. М. Голицына содержала книги на нѣсколькихъ языкахъ. Преобладающимъ языкомъ является французскій; за нимъ, по количеству сочиненій, слѣдуютъ языки латинскій, нѣмецкій и польскій; сравнительно много книгъ на италіанскомъ яз., менѣе—на англійскомъ. Изъ другихъ языковъ голландскій представленъ двумя-тремя сочиненіями. Мы не встрѣтили сочиненій на шведскомъ и испанскомъ яз. Между тѣмъ при описи книгъ кн. Голицына три сундука оказались наполненными книгами «Галанскаго, Шпанскаго, Англійскаго и Швецкаго языковъ». Трудно объяснить, откуда могло накопиться такое количество книгъ на упомянутыхъ языкахъ, когда мы вовсе не нашли въ каталогъ 1722 г. сочиненій на двухъ изъ нихъ; остается предположить одно изъ двухъ: или что Голицынъ собралъ ихъ въ 15-ти лѣтній промежутокъ времени между составленіемъ каталога и началомъ слѣдствія надъ нимъ, или что невѣжественные переписчики не разобрали языковъ, на которыхъ написаны нѣкоторыя книги, назвавъ наур. италіанскія книги испанскими. Быть можетъ, каталогъ 1722 года является трудомъ неоконченнымъ или описаніемъ одной части собранія иностранныхъ книгъ Голицына; вѣдь въ 1737 г. онъ самъ показывалъ на допросѣ, что нѣкоторыя книги его «дѣтямъ его розданы, а прочія есть въ Москвѣ»¹⁾. Изъ слѣдственнаго дѣла Волинскаго видно, что и ему Голицынъ давалъ читать книги изъ своей библиотеки. Можетъ быть, наконецъ, подъ находящимися въ Москвѣ книгами онъ разумѣлъ тѣ, которыя хранились въ с. Архангельскомъ, но можетъ быть у него было два собранія и тутъ и тамъ. Какъ бы то ни было, каталогъ 1722 года является достаточно полнымъ для нашей цѣли: личность кн. Голицына со всѣми особенностями ея склада и міровоззрѣнія просвѣчиваетъ сквозь сухую номенклатуру книгъ его библиотеки, и тѣмъ въ нѣкоторой степени смягчаются сожалѣнія объ утратѣ послѣдней. Мы и не имѣли въ виду дѣлать библиографической оцѣнки этого книжнаго собранія, а лишь желали по возможности выяснить составъ его по отношенію къ его владѣльцу.

Сообщилъ Членъ-Сореvнователь кн. Н. В. Голицынъ.

¹⁾ Корсаковъ *op. cit.*, стр. 254 и 256.

2 — Записка ¹⁾ современника, грузинскаго архіерея, о вступленіи на престоль Императрицы Екатерины II ²⁾.

Петръ III Теодоровичъ, внукъ перваго императора Петра В., унаслѣдовавъ російскій престоль и овладѣвъ этимъ царствомъ, благополучно царствовалъ 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ онъ впалъ въ безчестіе и расколъ: принялъ онъ тайно вѣру Лютера, а послѣ всенародно объявилъ ее. Въ первое же время своего царствованія онъ выступилъ въ борьбу противъ православной вѣры, восточной церкви, не захотѣлъ признать ни креста, ни иконъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ отпалъ отъ пашега вѣроисповѣданія. Отобралъ у каждой церкви принадлежащія ей земли и упразднилъ нѣсколько придворныхъ церквей. Издалъ приказъ, чтобы никто не постригался въ монашество,—онъ хотѣлъ совершенно его искоренить. Предался пьянству, прелюбодѣянію съ разными женщинами, бросилъ жену свою, благовѣрную и боголюбивую императрицу Екатерину Алексѣевну. Былъ окруженъ тьмою злодѣяній и не хотѣлъ слушать ни ея (жены), ниже кого другого. Помолвился съ нечестивою Елизаветой Романовной ³⁾ Воронцовой и женился на ней, причемъ бракосочетаніе совершилъ лютеранскій священникъ; исповѣдался онъ въ ихъ же церкви по ихъ обряду. Объявилъ Елизавету сію императрицей въ Ранбовѣ ⁴⁾. Эта Елизавета Романовна, племянница «визиря» ⁵⁾, крайне несимпатичная личность. Въ это время сей нечестивый Петръ вознамѣрился убить жену свою императрицу Екатерину, перерѣзать горло у своего сына, великаго князя Павла разлучить всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ со своими женами и переженить одного на женѣ другого, безъ стѣсненія и соблюденія родства. Онъ желалъ пересоздать всю Россію и искоренить вовсе православіе. Эти неблаговидныя намѣренія онъ хотѣлъ объявить и привести въ исполненіе 30-го іюня, въ воскресенье. На этихъ дняхъ императрица Екатерина Алексѣевна находилась въ Петергофѣ; она не знала ничего

¹⁾ Чит. 30 сентября въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

²⁾ Записка эта прислана была мнѣ изъ Тифлиса на грузинскомъ языкѣ преев. Киріономъ епископомъ Горійскимъ. Въ виду ея интереса я перевелъ на русскій языкъ и снабдилъ прижѣчаніями. Грузинское духовное лицо описываетъ событіе вступленія Екатерины II на престоль, какъ очевидецъ.

³⁾ «Рамануна Оранцова» въ груз. текстѣ.

⁴⁾ Ораніенбаумъ. «Объявленіе» императрицей не состоялось...

⁵⁾ Александръ Романовичъ Воронцовъ, государственный канцлеръ.

ни объ этих намѣреніяхъ, ни объ угрожающей ей смерти. Здѣсь, въ Петербургѣ, жила одна женщина, меньшая дочь Романа, брата того же «визиря» Воронцова, Екатерина Романовна ¹⁾: добрая, боголюбивая, смиренная и скромная, какъ показываютъ ее дѣла. Эта боголюбивая женщина по тщательномъ изысканіи узнала подробно о такомъ зломъ намѣреніи Петра, вызвала тайно двухъ братьевъ Орловыхъ, русскихъ дворянъ, и артиллерійскихъ офицеровъ и послала ихъ секретно къ императрицѣ, увѣдомивъ ее объ означенныхъ злонамѣреніяхъ. Немедленно поѣхали эти братья, вошли ночью во дворецъ, зашли прямо въ спальню, разбудили императрицу и донесли ей безъ утайки все подробно о тѣхъ его намѣреніяхъ и смерти, которой хотятъ ее подвергнуть ²⁾. Она крайне огорчилась и воскликнула: — «Что же мнѣ дѣлать!» Она еще не знала, что есть, кто окажетъ ей помощь. Слезы навернулись у нея на глазахъ. Она вручила себя и судьбу свою защитницѣ своей—пресвятой Богородицѣ Маріи. «Да будетъ воля Божья!»—сказала она. Братья доложили ей: «Государыня, не мѣшкайте, мы принимаемъ на себя попеченіе о васъ, мы повеземъ васъ въ Петербургъ, въ полкъ, а тамъ воцарятъ васъ!» Она отвѣтила имъ: «можетъ быть не примутъ меня, обратятся къ нему же и арестуютъ меня? Я предпочитаю здѣсь же умереть, чѣмъ подвергнуться повору въ глазахъ цѣлаго свѣта». Они поклялись ей и доложили: «Великая Государыня, мы знаемъ, что примутъ васъ съ почтеніемъ». Она тогда согласилась, сказавъ: «Пусть будетъ воля Бога!» Она переодѣлась въ платье одной простой женщины въ саду, куда приѣхала подъ предлогомъ прогуляться, изъ саду она вышла и сѣла въ старую коляску, причемъ одинъ братъ сѣлъ впереди ея, другой—сзади ³⁾; они тайно взяли ее ночью, и привезли въ канцелярію Измайлова (Измайловскаго полка?) въ пятницу утромъ. Ударили въ барабанъ и, когда собрался цѣлый Измайловскій полкъ, она приказала воинамъ: «Отцы мои и братья!» До сего вре-

¹⁾ Известно какое участіе въ переворотѣ приняла Екатерина Романовна кн. Дашкова. Григорій Орловъ держалъ въ рукахъ нити заговора. Дашкова и гр. Орловъ находились въ близкихъ сношеніяхъ также съ гр. Кирилломъ Разумовскимъ.

²⁾ Довѣренная камеръ-фрейлина Шаргородская разбудила императрицу. Вночь коннату,—пишетъ импер. Екатерина,—входитъ Алексѣй Орловъ и говоритъ совершенно спокойнымъ голосомъ: пора вставать, все готово, чтобы провозгласить Васъ. *Билъбасовъ*. Исторія Екатерины II. II. 21.

³⁾ Екатерина съ Шаргородскою сѣла въ карету; камеръ-лакей Шкуринъ и камеръ-юнкеръ Бибиковъ стали на запятки. Орловъ поиѣстился съ кучеромъ. Версть пять не доѣзжая до Петербурга, ихъ встрѣтилъ Григорій Орловъ.

мени процвѣтали русское православіе и русская церковь, а нынѣ желаетъ она уничтожить все это и поругать нашу вѣру, желаетъ распространить вѣроисповѣданіе Лютера. Ради Христа потрудитесь и окажите поддержку, чтобы искоренить эти злонамѣренные его указы!». Приказаніе это услышано было всѣми, и доложили ей: «Матушка наша, что Вы приказываете, мы исполнимъ все. Мы умремъ за тебя, прими престолъ и мы поможемъ тебѣ». Тотчасъ же представили священника, которому дали въ руки крестъ и, окруживъ ихъ, поклялись клятвою ненарушимою императрицѣ Екатеринѣ и сыну его Павлу Петровичу въ вѣрности. Маленькій Павелъ Петровичъ уже и до этого времени находился въ Петербургѣ, во время клятвы онъ присутствовалъ среди нихъ. Полькъ Измайловскій проводилъ государыню въ Казанскую церковь, куда пожаловала государыня и низко поклонилась ея святынямъ. Клятва народомъ принесена была здѣсь. Въ это время прибыла цѣлая гвардія. Императрица отбыла въ новый каменный дворецъ, черезъ нѣсколько же времени поѣхала въ старый деревянный дворецъ съ Павломъ Петровичемъ. Собрались ¹⁾ весь синклитъ и вся знать Россійская и весь народъ города сего. Поздравили государыню съ воцареніемъ, посадили на царскій тронъ сію боголюбивую императрицу Екатерину и сына его наслѣдника цесаревича Павла Петровича. Члены Святѣйшаго Синода облачились, взяли крестъ, обошли кругомъ всю армію, сосредоточенную здѣсь, заставили всѣ эти полки присягнуть въ вѣрности императрицѣ Екатеринѣ и сыну ея. Весь народъ твердилъ съ радостью: «Ты царица наша, ты наша мать, тебѣ мы будемъ повиноваться во всемъ и будемъ преданы тебѣ!»

Въ это время государыня нарядилась въ мужское платье, опоясалась шпагою, надѣла шляпу и шпоры, вышла на дворъ, сѣла на коня и объѣхала кругомъ войско, снимая постоянно шляпу и кланаясь. Всѣ низко кланялись, дѣлали честь и восклицали «ура!» Затѣмъ она пожаловала во дворецъ. Въ это время и мы, иностранные грузинскіе архіереи ²⁾, прибыли во дворецъ, поклонились Ея Величеству, поздравили ее и поцѣловали ея руку, также поступили и съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Отсидѣвъ полчаса, встали и, стоя, смотрѣли изъ окна на войско. И намъ предложили принять присягу и расписаться. Затѣмъ она приказала объ отслуженіи молебна въ дворцовой же церкви. Облачились члены святѣйшаго синода и отслужили

¹⁾ Въ новомъ зимнемъ дворцѣ Екатерина нашла въ собраніи севать и синодъ.

²⁾ Изъ этихъ словъ видно, что авторъ Записки былъ архіерей.

благодарственный молебенъ; когда же таковой былъ оконченъ, и государыня приложилась ко кресту, тогда поднесли ей царскій синій кавалеръ. Государыня приняла и надѣла его, всѣ смиренно поздравили ее и поцѣловали у нея руку. Тогда и мы поцѣловали у нея руку. Государыня поклонилась всѣмъ и отбыла къ себѣ. Было произведено нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.

Эти происшествія, воцаренія ея происходили въ іюнѣ мѣсяцѣ, 28 дня, въ пятницу, въ 10 часовъ; въ этотъ же день, по полученіи царскаго престола, оповѣстили всѣ царства, подданныхъ и армію о принятіи высокаго престола всего русскаго царства благовѣрною, православною вѣрѣ преданной императрицей Екатериною II Алексѣевою и сыномъ ея наслѣдникомъ цесаревичемъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ этотъ же день, пятницу, іюня 28, въ четыре часа пополудни, возсѣла [она] на коня, одѣтая въ мужское платье, и во главѣ арміи поѣхала государыня въ Ораніенбаумъ, для арестованія мужа своего, сопровождаемая съ 25 тысячами людей и многочисленной артиллеріей. Въ ту ночь она остановилась въ 15 верстахъ отъ этого города. Объ этихъ дѣлахъ Петръ Ѳеодоровичъ до пятницы вечера былъ въ полномъ невѣдѣніи по той причинѣ, что дороги были закрыты, задерживали людей, которые отъ него были присылаемы и не пускали туда никого, чтобы онъ ничего не могъ узнать. Когда же онъ услышалъ эту вѣсть, въ ту же минуту выѣхалъ изъ «Ранбова» въ Петербургъ и ворвался во дворецъ, встревоженный, какъ надлежало человѣку въ его положеніи. Не нашедши тамъ жены своей, позвалъ старшаго дворцоваго смотрителя, капитана (?) и спросилъ: гдѣ же императрица? Сердце капитана совсѣмъ не было расположено къ нему, и онъ не былъ изъ числа его сторонниковъ. «Великій государь! Вѣдь мнѣ не поручали, чтобы она не могла выѣзжать туда, куда ей угодно будетъ!» Разгнѣвался онъ на него, снялъ съ него пашку и разжаловалъ его. Онъ былъ такъ огорченъ, что самъ не зналъ, что дѣлать. Ничего онъ не понималъ. Его сопровождали знатные мужчины и женщины: Минихъ, князь Никитіури ¹⁾, Адамъ Васильевичъ ²⁾, Бильгунъ ³⁾ два брата Нарышкиныхъ ⁴⁾ и пр. Онъ спросилъ совѣта у Ми-

¹⁾ Вѣроятно, разумѣется князь Никита Юрьевичъ Трубецкой.

²⁾ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.

³⁾ Ген.-лейтенантъ А. П. Мельгуновъ.

⁴⁾ Безсѣнный Л. А. Нарышкинъ. *Билъбасовъ*. Ист. Екатерины II, томъ II, стр. 40.

ниха—что ему дѣлать! Миннихъ донесъ ¹⁾: «Великій государь! Теперь поздно и ничего не сдѣлаешь. Свѣтъ призналъ ее. Противъ этого средства не принцешь. Объявить войнѣ не можешь. Долженъ принести ей повинную голову и просить у нея пощады. Я же докладывалъ вамъ, что вино и веселіе погубятъ тебя и ты потеряешь царство».— Ни до чего онъ не могъ додуматься. Онъ поѣхалъ въ Кронштадтскую крѣпость. За одинъ часъ до его пріѣзда, императрицей былъ присланъ приказъ, чрезъ морского полковника Голицына, чтобы они ни кого не пускали въ крѣпость. Когда прибылъ Петръ, страшно усталый, просилъ пустить его. Изъ крѣпости спросили: кто онъ такой? Бывшіе вмѣстѣ съ нимъ отвѣтили за него, что онъ—царь Петръ. Оттуда ему сказали, что не могутъ его пустить. Тогда самъ онъ говоритъ имъ громкимъ голосомъ: «я вашъ императоръ, пустите меня!» А изъ замка отвѣтили: «вернитесь назадъ, иначе будемъ принуждены стрѣлять изъ пушекъ». Онъ вернулся назадъ и пріѣхавъ въ «Ранбовъ», совершенно извуренный. Онъ искалъ средства, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, но не находилъ выхода, такъ какъ благодать Божія оставила его, а кто-же могъ оказать ему помощь? Затѣмъ онъ объявилъ сопровождавшимъ его, знатымъ вельможамъ и дамамъ, что они свободны и пусть сами ищутъ своего спасенія, «такъ какъ онъ безсиленъ».

Продолжимъ выше начатый разговоръ. Когда императрица прибыла въ Петербургъ, она получила письмо отъ мужа, чрезъ Адама Васильевича. Самъ онъ лично писалъ такъ: Великая государыня! Истинно я много виновенъ предъ Богомъ, предъ вами и Россійской Имперіею. Умоляю, не убивай меня смертью. Ради Бога прости меня. Вспомни наше вѣнчаніе и помилуй меня. Я самъ зналъ, что съ тобой я плохо поступаю, я не былъ способенъ ни къ тому, чтобы быть царемъ. Я нынѣ свидѣтельствую тебѣ объ этомъ собственноручною подписью, свидѣтельствую, что даже помысломъ ничего противъ тебя не возымѣю». Въ этотъ же день послали къ нему въ Ораниенбаумъ коляску и челоуѣка. Онъ посадилъ съ собою свою любимую Елизавету Романовну. Они оба прибыли въ Петербургъ во дворецъ. Елизавету взяли, арестовали ее, связали ее крѣпко. (Она была въ интересномъ положеніи). Петра на короткое время повели во дворецъ, подали ему обѣдъ,—онъ выпилъ три бутылки вина. Вывели его и, въ виду народа, сняли съ

¹⁾ Миннихъ предлагалъ ѣхать въ С.-Петербургъ, явиться предъ народомъ и гвардіей, указать имъ на свое происхожденіе и обѣщать всякое удовлетвореніе. *Бильбасовъ* Ор. с. II, 43.

него кавалеръ и пашку. Изъ окна его увидѣла императрица и стало ей жаль его, и она расплакалась, близко же она его не видѣла. Въ тотъ же часъ, въ сопровожденіи 10 солдатъ, отправили его въ заточеніе. Во время этого происшествія жизнью никто не поплатился и поводомъ къ войнѣ ничто не послужило. Хотя Петръ Теодоровичъ имѣлъ 4 полка въ Ранбовѣ, но они что же могли сдѣлать! Ничего бы они не посмѣли. Когда было покончено съ этими дѣлами, въ ту же субботу вечеромъ она выѣхала изъ Петербурга, на другой же день, въ воскресенье, въ 11 часовъ, пріѣхала обратно въ Петербургъ, съ большой церемоніей. Городъ пришелъ въ движеніе, трезвонъ колоколовъ привѣтствовалъ ее. Народу было безчисленное множество. Всѣ улицы и мѣста были переполнены людьми. Прежде пожаловала она въ церковь св. Николая, въ такомъ торжественномъ шествіи, которое ослѣпляло и приковывало вниманіе всѣхъ. Она была безподобна. Ничего лучшаго не могъ видѣть человѣческій глазъ. Истинно говорю, что среди многочисленныхъ людей такъ красиво и безподобно никто не сидѣлъ на конѣ. Когда она пожаловала къ воротамъ церкви, священники встрѣтили ее съ крестами, она слѣзла съ коня и приложилась ко кресту. Провожало ее много знатныхъ людей, она пала на полъ и съ преклоненіемъ колѣнъ поклонилась святымъ иконамъ, со слезами на глазахъ. При ея входѣ въ церковь, я и Алавердели ¹⁾ встрѣтили ее въ церкви. Мы очень радовались ея воцаренію. Она вышла изъ церкви. Обѣхала всѣ церкви. Вездѣ были отслужены молебны. Затѣмъ она поѣхала въ «садовый» дворецъ ²⁾, тамъ встрѣтили ее члены святѣйшаго синода въ облаченіяхъ, отслужили они молебенъ и обѣдню. Послышалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Войскамъ были пожалованы подарки. Всѣ были исполнены великой радости, что Господь послалъ имъ такую добрую и благовѣрную императрицу. Въ это время подвергли аресту многихъ высокопоставленныхъ лицъ, между прочимъ дядю Петра Джорджа ³⁾, а также прусскаго посланника и брата визиря съ его дочерью. Бестужева вызвали во дворецъ. До Петра Теодоровича русскими были взяты «Кенигсбергъ» ⁴⁾, прусскій

¹⁾ Епископъ Алавердскій.

²⁾ Дворецъ близъ лѣтняго сада?

³⁾ Георгъ-Людвигъ Голштинскій, дядя Петра III, жестокій нѣмецъ, генералиссимумъ русскихъ войскъ. *Бильбасовъ*, оп. с. I. 15, 29.

⁴⁾ Въ оригиналѣ дано это имя въ неправильной транскрипціи, а именно въ видѣ двухъ словъ «ркинис бехи», при чемъ первая часть представляетъ осмысленіе непонятнаго грузинскому автору слова «Кенигс» чрезъ «ркинис» — желѣзный.

замокъ и города, но Петръ, при своемъ царствованіи, возвратилъ имъ все это. Нынѣ же армія получила приказаніе снова занять означенныя крѣпости и города. Армія теперь стоитъ на границѣ Пруссіи. Эти обстоятельства я написалъ тебѣ вѣрно, по силѣ возможности, причемъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ видѣлъ самъ лично, другія же описалъ по словамъ заслуживающихъ довѣрія людей. Доношу вашему сіятельству объ этомъ. Государыня намѣревается ѣхать въ Москву, въ августъ, для коронованія. Кажется до того времени не подойдетъ Мангели ¹⁾, на этой церемоніи кажется обойдутся безъ него, также безъ священника Георгія ²⁾. Если Харчашвели вызовутъ, то полѣнится, какъ тяжеловѣсный человѣкъ, поэтому его не беспокоятъ.

Писано іюля 9 дня, въ четвертъ, въ г. Петербургѣ.

Кто авторъ этой записки и кому онъ ее пишетъ—трудно опредѣлить, такъ какъ имя его въ рукописи не сохранилось. Ко времени Елизаветы Петровны и Екатерины II при русскомъ дворѣ нѣвѣдо видимо представителей грузинскаго царскаго дома и духовенства. Преосв. Киріонъ считаетъ почеркъ рукописи принадлежащимъ Цилканскому архіепископу Христофору (изъ князей Кобуловыхъ), во второй половинѣ XVIII в. проживавшему въ Россіи ³⁾. Рукопись нынѣ хранится въ музеѣ Тифлискаго Сіонскаго собора подъ № 546. Въ оригиналѣ памятникъ этотъ еще не изданъ. Несмотря на нѣкоторыя неточности, онъ заслуживаетъ вниманія, какъ показаніе очевидца переворота 1762 года. Событія,—въ особенности петербургскія, автору извѣстныя въ деталяхъ,—въ этой запискѣ изложенныя, въ общемъ соотвѣтствуютъ тому, что уже мы знаемъ изъ исторіи Петра III и Екатерины II. Черты и моменты изъ царствованія названныхъ особъ находятъ параллель въ установленнымъ изслѣдователями этой эпохи фактахъ; отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ.

Ставъ неограниченнымъ самодержцемъ, по смерти Елизаветы Петровны, Петръ III далъ полную волю своимъ капризнымъ прихотямъ. Самоувѣренный и рѣшительный онъ поставилъ себѣ задачу «перековеркиваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ». Онъ оскорбляетъ духовенство и принижаетъ военныхъ. Извѣстно, шесть недѣль стояло тѣло Елизаветы Петровны во дворцѣ и народъ свободно при-

¹⁾ Мангели—епископъ Манглискій.

²⁾ Иронически сказано.

³⁾ Объ немъ см. у меня «Археол. Экспедиція на Кавказъ». Москва, 1898.

ходилъ поклониться праху любимой императрицы. Каждый день всѣ видѣли, какъ Екатерина, въ глубокомъ траурѣ, съ опущенными глазами, приходила ко гробу своей нареченной тетки и, ставъ на колѣни, долго и глубоко молилась. Приходилъ иногда ко гробу тетки и ея возлюбленный племянникъ, Петръ III, но здѣсь онъ разговаривалъ съ приближенными, шутилъ съ фрейльнами, передразнивалъ священниковъ, дѣлалъ замѣчаніе почетному караулу. Онъ въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала во дворцѣ во гробѣ и не погребена была, цѣлыя ночи проводилъ съ любимцами, лестцами и прежними друзьями своими въ пиршества и питьѣ. Въ Духовъ день, когда въ церкви всѣ опустили въ колѣни, Петръ III съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился лишь по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы. Вскорѣ Петръ III пошелъ еще далѣе: онъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣ образа, кромѣ Спасителя и Богоматери, были вынесены изъ церквей, чтобы священники обрили свои бороды и поповскія рясы замѣнили пасторскими сюртуками; онъ хотѣлъ даже устроить во дворцѣ протестантскую молеельню. Православное духовенство сильно протестовало противъ этого презрѣнія къ религін, а народъ становился очевиднымъ контрастомъ между Петромъ III и Екатериной Алексѣевной, соблюдавшей всѣ обряды греческой церкви, посты и праздники. Его указъ о монастырскихъ имѣніяхъ и церковныхъ имуществвахъ привелъ къ печальному сопротивленію со стороны духовенства чрезъ посредство народа. Эти черты характера и мѣры, направленныя противъ православной церкви Петра III въ связи съ восхваленіемъ благочестія Екатерины II отмѣчены въ грузинской запискѣ. Авторъ ея, какъ духовное лицо, заинтересованъ нравственно-религіозной ихъ характеристикой и не обратилъ вниманія на неудовольствія, возбужденныя въ войскѣ нововведеніями Петра III въ прусскомъ духѣ¹⁾). Многіе со временники были убѣждены въ томъ, что Петръ хотѣлъ развестись съ женою, и жениться на Воронцовой и лишитъ всѣхъ правъ Павла Петровича. Съ этою цѣлью былъ ужъ составленъ манифестъ и лишь наканунѣ его обнародованія и ареста Екатерины и ея сына начался переворотъ. Въ грузинской запискѣ передаются эти намѣренія Петра III въ болѣе гиперболическихъ краскахъ. О томъ, что сдѣлали Орловы для Екатерины, видно изъ ея словъ: «Я имъ многимъ обязана, что подтвердить весь Петербургъ»²⁾).

Сообщилъ членъ-соревнователь **А. Хахановъ.**

¹⁾ *Бильбасовъ.* Исторія Екатерины II. Томъ I, стр. 421—437. Спб. 1890.

²⁾ *Брикнеръ.* Исторія Екатерины II. Спб. 1885, стр. 118.

3.—Родословная Шепелевыхъ конца XVII вѣка ¹⁾.

Въ лѣто 6884-го приехалъ изъ немецъ ис Свиского королевства в Польшу х королю Ольгерду мужъ честенъ именемъ Шель с вогчиною своею Ермоливною ²⁾, а в Польши крестился, а во крещеніи имя ему Георгиі, по прозванію Юрія, и ис Польши приехалъ ³⁾ к великому князю Дмитрею Ивановичу Данскому. А у Юрья дети: 1-й Петръ, прозвища Шепель и от него повелись мы, Шепелевы. 2-й сынъ Нестеръ и от Нестера повелись ⁴⁾ Нестеровы, что ныне Никита Семеновъ сынъ Нестеровъ с родственники своими, и онъ Никита ⁵⁾ о себѣ и о родственникахъ своихъ подадутъ сами роспись. У Петра Шепеля дети: 1-й Иванъ, 2-й Ѳеодоръ. У Ивана дети: 1-й Петръ умре бездетенъ, 2-й Яковъ умре бездетенъ. У Ѳеодора сынъ Михайла, у Михайла дети: 1-й Дмитрей, 2-й Василей умре бездетенъ, 3-й Иванъ умре бездетенъ. У Дмитрея дети: 1-й Андрѣй, 2-й Георгиі, 3-й Никита, 4-й Василей умре бездетенъ, 5-й Иванъ умре бездетенъ. У Андрѣя дети: 1-й Иванъ, 2-й Ѳеодоръ умре бездетенъ, 3-й Аѳонасей умре бездетенъ. У Георгиа дети: 1-й Петръ умре бездетенъ, 2-й Антоней умре бездетенъ. У Никиты сынъ Василей, у Василья дети: 1-й Иванъ, 2-й Василей, 3-й Никита, 4-й Ѳеодоръ, 5-й Иванъ меньшей. У Ивана сынъ Андрѣй, у Василья сынъ Яковъ. У Никиты дети: 1-й Аѳонасей, 2-й Дмитрей, 3-й Иванъ, 4-й Астаѳей, 5-й Алексѣй. У Ѳеодора сынъ Василей, у Ивана меньшова сынъ Дмитрей. У Андрѣя дети: 1-й Иванъ, 2-й Василей, 3-й Яковъ умре бездетенъ, 4-й Борисъ. У Якова сынъ Павелъ, у Аѳонасыя сынъ Петръ, убитъ в Немецкомъ походе при царе і великомъ князе Ѳеодоре Ивановиче всеа Русіи. У Дмитрея сынъ Неедеѣ. Неедею дана жалованная грамота за Московское осадное сиденъя во 128-мъ году и та грамота и ныне у генерала думного Агѣя Алексѣевича. У Ивана сынъ Павелъ, у Астаѳея сынъ Ѳеодоръ, у Алексѣя сынъ Андрѣй, убитъ подъ Муромомъ, какъ приходилъ Лисовской. У

¹⁾ Издається съ подлиннаго столбца, перешедшаго отъ *Шепелевыхъ* въ родъ вн. *Голлицыныхъ*. Существуетъ второй списокъ этой же родословной, менѣе исправный и, вѣроятно, черновой. Встрѣчающіяся въ этомъ 2-мъ списокѣ варианты помѣщаются подстрочно. Ю. А.

²⁾ Ермоливною.

³⁾ к Москве.

⁴⁾ пошли.

⁵⁾ принесть поколенную роспись с родственниками своими сами о себѣ.

Василья дети: 1-й Захарей, 2-й Яковъ умре бездетенъ. У Ивана дети: 1-й Воинъ, 2-й Михайла, прозвища Поленинъ, 3-й Ѳедоръ, прозвища Болаида, 4-й Андрѣй. Поленинъ и Андрѣй побиты на службахъ, бездетны. Воинъ былъ при царе і великомъ князе Михаиле Ѳеодоровиче всеа Русні во Мценску воеводою. Воину жъ, Поленину и Андрѣю и Болаиде за Московское осадное сиденья даны жалованныя грамоты и по темъ грамотамъ написаны за Воиномъ вотчины в Козельския писцовыя книги. У Василья дѣти: 1-й Лыка, молитвенная имя Григорей, 2-й Ѳедоръ умре бездетенъ. Лыка былъ под Почепомъ полковымъ воеводою, да ему жъ даны были жалованныя грамоты и по темъ грамотамъ написаны за сыномъ ево за Андрѣемъ вотчины в Козельския писцовыя книги. У Бориса сынъ Романъ, у Павла дети: 1-й Аѳонасей, 2-й Никита. У Петра дети: 1-й Григорей, 2-й Константинъ. У Неедея сынъ Василей умре бездетенъ. У Павла дети: 1-й Сергей, 2-й Герасимъ, 3-й Тимоѳей. Сергей да Герасимъ взяты в Крымъ. У Ѳедора сынъ Юрья умре бездетенъ. У Андрѣя сынъ Василей, убитъ под Ригою, бездетенъ. У Захарья сынъ Иванъ. У Ивана Дмитриева сына дети: 1-й Ѳедоръ, 2-й Михайла, 3-й Иванъ. У Ивана дѣти: 1-й Артемей, 2-й Ѳедоръ. У Болавды сынъ Тихонъ умре бездетенъ. У Лыки сынъ Андрѣй умре бездетенъ. У Романа дети: 1-й Иванъ, 2-й Исай. У Аѳонасыя дети: 1-й Михайла, 2-й Ѳедоръ, взять в полонъ в Польшу, былъ бездетенъ. У Микиты дети: 1-й Семень, 2-й Ѳедоръ, 3-й Захарей умре бездетенъ. У Григорья дети: 1-й Алексѣй. Алексѣю дана жалованная грамота за Московское осадное сиденья во 128-мъ году и та ныне грамота у сына ево, у генерала думного Агея Алексѣевича; 2-й Богданъ, 3-й Семень, убитъ под Торопцомъ, бездетенъ. У Константина сынъ Василей, у Ивана дети: 1-й Микита, 2-й Иванъ умре бездетенъ. У Ѳедора сынъ Михайла. У Михайла Иванова сына дети: 1-й Степанъ, 2-й Семень, 3-й Григорей умре бездетенъ. У Ивана сынъ Тимоѳей ¹⁾, былъ у Московскихъ стрельцовъ головою при царе і великомъ князе Михаиле Ѳеодоровиче всеа Русні. У Артемья сынъ Микита, у Ѳедора сынъ Григорей, у Ивана сынъ Микита, у Михайла сынъ Петръ, убитъ на большомъ бою под Конотопомъ. У Семена сынъ Прохоръ, убитъ под Конотопомъ же. У Ѳедора сынъ Иванъ, убитъ под Конотопомъ же. У Алексѣя дети: 1-й генераль думной Агей Алексѣевичъ. Агей Алексѣевичъ былъ во 179-мъ году при царе і великомъ князе Алексѣе Михайловиче всеа великия и малыя и бѣлыя Росні самодержце в Свияску воеводою, а с нимъ велено быть Свияженомъ

¹⁾ У Ивана сынъ Иванъ же, у Ивана сынъ Тимоѳей, прозвища Закурдай.

дворяномъ и детямъ боярскимъ, всѣмъ по спискомъ, да онъ же былъ посыланъ от тайныхъ дель по імянному блаженныя памяти великого государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержца указу для сыску во многия города и данъ ему наказъ за тремя красны печатми, да к нему жъ прислана блаженныя памяти великого государя грамота во 163-мъ году, а в наказе и в грамоте в совершенья написано: наказъ и грамота писаны в царскихъ полатахъ. Да к нему жъ прислана во 187-мъ году блаженныя памяти великого государя царя і великого князя Феодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца грамота, велено ему из Севска итти с полками своими в Киевъ для оберегательства от Турского салтана и от Крымского хана и по тому великого государя указу онъ, генераль думной Агей Алексѣевичъ с полками своими стоялъ под Киевомъ на Печерской горе особъ, да ему жъ даны иныя многия наказы, за службы и за раны жалованныя грамоты, и тѣ наказы и грамоты и ныне у него. Да онъ же былъ з бояры и воеводы с полками своими во многых мѣстехъ, а с которыми бояры і воеводы на службахъ и где былъ, и то написано в жалованной грамоте імянно, что ему дана во 191-мъ году. У Алексѣя жъ 2 й сынъ Иванъ, былъ у рейтаръ полковникомъ, от ранъ умре, бездетенъ, 3-й Сава былъ во 172-мъ году в Темниково воеводою и тот наказъ і ныне у него. У Богдана дети: 1-й Карвила, 2-й Михайла. У Василья сынъ Володимерь, у Микиты дети: Иванъ. У Михайла Феодорова сына дети: 1-й Степанъ умре бездетенъ, 2-й Павель умре бездетенъ, 3-й Аѳонасей умре бездетенъ. У Михайлова сына Ивановича у Степана дети: 1-й Аѳонасей умре бездетенъ, 2-й Андрѣянъ умре бездетенъ. У Семена дети: 1-й Тихонъ умре бездетенъ, 2-й Гурей умре бездетенъ, 3-й Яковъ умре бездетенъ. У Тимоѳея сынъ Левъ умре бездетенъ. У Микиты дети: 1-й Дмитрей, 2-й Григорей, 3-й Аѳонасей, 4-й Степанъ. У Григорья сынъ Кирила. У Петра дети: 1-й Андрѣй, 2-й Иванъ. У Андрѣя дети: 1-й Михайла, 2-й Феодоръ, 3-й Дмитрей. У Ивана сынъ Микита. У Прохора дети: 1-й Самойла, 2-й Григорей. У Самойла дети: 1-й Василей, 2-й Стеванъ. У Ивана сынъ Андрѣй. У Андрѣя сынъ Веденихъ. У генерала думного Агея Алексѣевича сынъ Илья, у Ильи дети: 1-й Георгій, 2-й Иванъ. У Савы сынъ Дмитрей. У Михайла дети: 1-й Степанъ, 2-й Александръ. У Володимера дети: 1-й Матвей умре бездетенъ, 2-й Никонъ умре бездетенъ. У Ивана дети: 1-й Иванъ умре бездетенъ, 2 й Кондратей, 3-й Сава умре бездетенъ. У Кондратя сынъ Петръ. А опрѣчь сей росписи, Шепелевыхъ нашихъ никою иныхъ нѣтъ. А которые были великихъ государей і великихъ

князей жалованные грамоты на въездъ у прародителей нашихъ и у дѣдовъ нашихъ наказы, и тѣ жалованные грамоты и наказы въ Московское разоренья на Москвѣ и в городѣхъ утерялись і в пожары погорѣли.

На оборотъ (по склейкамъ и внизу скръпа:) Генераль думной Агей Шепелевъ руку приложилъ.
Никита Нестеровъ руку приложилъ.
Сава Шепелевъ руку приложилъ.
Андреі Шепелевъ руку приложилъ.
Аѳонасей Шепелевъ руку приложилъ.
Иванъ Шепелевъ руку приложилъ.
Григорей Шепелевъ руку приложилъ.

Подлинникъ писанъ на столбцѣ.

4. — Земельные акты Уфимскихъ башкирь-вотчинниковъ.

№ 1.

Лѣта 7202 года марта въ 7-й день, по указу великихъ государей, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великие и малые и белые Росіи самодержцевъ и по выписке за пометою ближнего столника и воеводы Дмитрея Никитича Головина написанъ въ окладной ясакъ противъ челобитья Уфимскаго уезду, Казанские дороги, Гарейские волости башкирца Токпердычка Бангышева деревни Аткуль безьясашной татаринъ Бекметка Тоихахтинъ и платить ему тотъ окладной ясакъ с нимъ, Токпердычкомъ вместе ево Токпердычково повытье по две кувницы, да по полубатману меду на годъ, а в бобыльской ясакъ писать ево не велено; и по сей памяти ясашнымъ зборщникомъ и инымъ посыльщикомъ татарина Бекметка Тоихахтина в бобыльской ясакъ не писать и в томъ к нему не приметыватца п не убытчить, а имать с него в окладной ясакъ по ясашнымъ книгамъ. К сей памяти великихъ государей, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа вел. и мал. и бѣл. Росіи самодержцевъ печать Уфимскаго города ближней стольникъ и воевода Дмитрей Никитичъ Головинъ приложилъ.

Подлинную память правилъ Сенка Холщевниковъ.

№ 2.

Переводъ съ татарскихъ писемъ въ коихъ написаво:

1755 го года Уфимскаго уезду, Сибирской дороги деревни Кызылбаевой Тимиръ бай Кызылбаевъ, деревни Аки мещеракъ Кусекей Мо-

скововъ, обонхъ насъ по посылке отъ мирскихъ людей сотниками для збору оброчныхъ денегъ, во первыхъ з деревни Малой Курзи подлежащие оброчные деньги взяли, и имъ в отданной от миру земле межи показавъ и письмо написавъ дали. А имъ отданной земле первая межа речка Малой Курзи вершина от тележной дороги, нижняя межа Малой Курзи по обѣ стороны до самого устья, еще к стороне рѣчки большей Курзе промежду дву Курзей по склону степи по теченью речкѣ малой Курзе по той стороне с Шукуровой межей и от Курзинского устья к речкѣ Аке для ловления рыбы, для хмелеваго щипанья и для птишной ловли гусей и утокъ и в межахъ горюсталей, бѣлокъ и зайцевъ ловить. В силе мирского приговора Тимирбай Кызылбаевъ тамгу свою приложилъ]—(и Кусекей Москововъ по мирскому приговору приложилъ X. Жительствующимъ в малой Курзе ис Кутурского уезду черемисамъ Кунакбаю Акмакову с товарищи для домоваго жительства. селения дворами письмо дали, чтобъ в тѣхъ межахъ имъ во отданной земле другимъ людямъ насильства не чинить и что на той земле жительствоющие оброчники; в томъ по повелению Тимиръ бая Кызылбаева, Кусекея Московова Шигиринской волости мулла Мавлюкей Кошаевъ писалъ и руку приложилъ до присутственнаго места.

№ 3.

1760 года июля 10 дня Уфимского уезду, Сибирской дороги, Куштинской волости, команды старшины Магазя Сабаханкулова башкирцы д. Кызылъяровой дали мы свою землю того-жъ уезду и дороги команды старшины Кайкса Яшпахтина ясапнымъ черемисамъ: Тоигильде Исакову да перешедшему ис Кунгурского уезду и написанному въ Уфимскомъ уезде Ивану Бѣлктееву с товарищи для поселения на речке Аке, по той речке по межамъ от устья большей Курзи до устья Кургата, до степной межи от вершины Кургата, от дороги тележной итти до старого большаго брода на низъ отдан имъ, а по другую сторону речки Аки пресла рубить и в техъ межахъ пашня пахать и сена косить, хмель щипать, на санарь ездить, рыбу ловить, дрова рубить; и в техъ межахъ имъ, черемисамъ и намъ, асабамъ ¹⁾, на деготь бѣрезника не отдавать, и за тое землю с насъ, Тоигильды взять на каждой годъ оброку на годъ по семи рублевъ безо всякне отговорокн. В томъ своеручно тамгу свою приложилъ. А они припущеники чтобъ в бобровые и выдры ловли не вступали, и в томъ и мы, асабы, тамги свои приложили.

Сообщилъ Ю. В. Арсеньевъ.

¹⁾ асаба—по башкирски, вотчинникъ.

5.—1528 г. 3 мая. Грамота, данная вел. княземъ Московскимъ Василиемъ Ивановичемъ волостелю Григ. Дмитр. Нобякову на пользование доходами съ волости Солцы Малой.

Се азъ князь великий Василенъ Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ есмь Григорія Дмитреевича Кобякова, что за нимъ мое жалованье Солца Малая в кормлене. И азъ князь великий Григорья пожаловати ему в Солцѣ в Малой пошлны по сей грамоте възъзжего возметъ одинова при его сидѣни, хто что принесетъ да с Солци волостелъ емлет в годна три празники на Рѣтво Хѣо на велик день на Петровъ день по полчетверта рубля на празник, да с вари емлет в год со всякого з гребя по ѡшитку соли да по дензе да за варницу за починиване емлет в год полтину да за дрова полтина ж, да волостелъ же емлетъ явку з братчинъ с медовые ведро меду, а не любо ведро и ѡн емлет за ведро три алтыны а с пивные братчины ведро пива, а не любо ведро ино за ведро алтын; да волостелъ же емлет за выводную куницу гривну, а навоженнаго алтын да волостелъ же емлет в год з дрововозов с пяти возов денгу, да волостель же емлет дворетцего пошлны со шти варницъ за поклон полѡсманатцета алтына, да дворетцего ж пошлны емлет с посада полчетверта алтына да волостелю ж поводная денга, а емлет по старинѣ да с княжъ Ивановскихъ дворов Стародубского в Солцѣ на посадѣ волостелъ емлет корму в год пять рублей и двѣ гривны, а емлет всѣ пошлны по старинѣ; а доводчику его имати с посада и з дѣвнъ възъзжего ѡднава при волостелине сидени хто что принесетъ да с посада ж и з дѣвнъ доводчику корму на три празники в год на празник по полчетверта рубля да доводчикъ же его емлет в Солцѣ с хлѣба со всякого помѣрное по старинѣ да с посада ж и з деревень доводчикъ емлет за дрова полтины; такъ же есмь Григорья пожаловалъ, велѣл есмь ему в Солцѣ держати патно и хто в Солце купит лошад или продасть или менит и ѡни явѡт волостелю или патенщику, а ѡн у них лошади патвит, а ѡ патна емлет пошлны с купца денгу московскую, а с продавца денгу ж московскую, а имена людские и лошади в шерсть пишет в книги памяти для; а хто в Солцѣ купит лошад или продасть или менит, а волостелю или его патенщику не явит до того ж дни и ѡн того уличивъ возмет на нем заповеди и пропатеня два рубля московские. Писан на Москвѣ лѣта 704 шестого мая ѧ.

На оборотѣ вверху столбца: Князь великий всеа Русіи.

Нижний уголъ столбца съ правой стороны отрязанъ и загнутъ; здѣсь, повидимому, была прикрѣплена печать.

Во второй книгѣ Чтеній за 1898 г. на стр. 105 этотъ списокъ напечатать г. Юшковымъ по копіи конца XVII в. Мы печатаемъ этотъ документъ по прекрасно сохранившемуся столбцу XVI в., представляющему собою, вѣроятно, подлинникъ и найденному нами при разборѣ одного частнаго собранія актовъ среди бумагъ рода Кобяковыхъ. Въ печатаемомъ нами текстѣ возстановлено 72 слова пропущенныхъ и дефектныхъ въ текстѣ, напечатанномъ г. Юшковымъ по копіи конца XVII в.; благодаря этому становятся совершенно ясными тѣ мѣста этой важной грамоты, которыя непонятны въ текстѣ, напечатанномъ г. Юшковымъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ сличеній.

Текстъ, напечатанный г. Юшковымъ.

Печатаемый нами текстъ.

1) въѣз.... при его сидѣнн	1) въѣзжего возмет одинова при его сидѣнн
2) да съ Сольца волости... на три праздники на Рожество Христо, на Великъ день на П[етровъ день]... четверта рубля	2) да с Солци волостел емлет в год на три праздники на Рожество Христо, на Велик день и на Петровъ день по полчетверта рубля
3) емлетъ въ годъ.... по ошитку соли	3) емлет в год со всякого з гребя по ошитку соли
4) за варницу [емлетъ] въ годъ полтину	4) за варницу за починиване емлет в год полтину
5) волостель же емлетъ за выводную...	5) волостел же емлет за выводную кунницу гривну
6) з др[овъ] ...ти возовъ денгу	6) з дровозов с пяти возов денгу
7)пошлины емлетъ съ посада полчетверта алтына	7) да дворетцкого ж пошлины емлет с посада полчетверта алтына
8) в... ..двая денга	8) волостелю ж поводная денга
9) съ княжъ Ивановскихъ ...бского въ сельцѣ на посадѣ волостель емлетъ корму... гривны	9) с княж Ивановских дворов Стародубского в Солцѣ на посадѣ волостел емлет корму в годъ пять рублей и двѣ гривны
10) а дов[отчикъ]...	10) а доводчику его имати
11) приво...	11) при волостелине сидени
12) довотчикъ ...нннн	12) доводчику корму на три праздники
13) довот ..	13) доводчикъ же его емлет

14) доводчикъ емлетъ	14) да с посада ж и з дѣвнъ до-
водчикъ емлет
15) по полтинѣ	15) полполтины
16) въ Солцѣ...	16) в Солцѣ держати пятно
17) хто въ Солцѣ купить лошады
или продасть ино явять	17) хто в Солце купит лошад или
продасть или менит и она
явять
18) лѣта... 3 день.	18) лѣта #ѣд шестого маіа ѣ.

Печатаемый нами текстъ вмѣстѣ съ другими документами, входящими въ цѣнный сборникъ г. Юшкова и напечатанными ранѣе въ другихъ сборникахъ, доказываетъ полную достовѣрность копій, представленныхъ въ XVII в. въ Палату Родословныхъ Дѣлъ и напечатанныхъ г. Юшковымъ.

Сообщилъ Виталій Эйгорнъ.

**Въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:**

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 частей. М. 1815—1837 г. Ц. по 50 к. за книгу.

2. Русскія достопамятности. Часть 1—я, 1815 г., ц. 50 к., Ч. 2—я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р.

4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, переводъ съ нѣмец. Средняго—Камашева. М. 1828 г., ц. 50 к.

5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодина. М. 1837 г., ц. 1 р.

6. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодина. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Ц. по 1 р. за томъ.

7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Т. I, кн. 1 (1—е и 2—ое изд.) и кн. 3; т. II, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фун.

8. Историко—критическія изысканія. Ю. Венелина. Т. II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к.

9. Повѣствованіе о Россіи П. Арцыбашева. М. 3—й т. Ц. 3 р. Начало IV—го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). Ц. 2 р.

10. Критико—историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго.. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.

11. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича и послѣ его до Петра 1—го. Изслѣд. И. Бяляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.

12. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Сласскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.

13. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельшана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г., ц. 3 р.

14. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣвскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп.

15. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суворецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бялявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп.

16. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобицахъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

17. Рейское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. Ц. 3 р.

18. О бунтѣ г. Писка и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г., ц. 10 к.

19. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіе 12 лѣтъ, начиная съ 1617 г. Переводъ съ польскаго. М. 1847 г., ц. 50 к.

20. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

21. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп.

22. Критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гуцнскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прыскъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина., ц. 50 к.

23. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійск. народѣ и о военныхъ его дѣлахъ.

Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к.

24. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кievскаго воеводы Юсифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

25. Древнія святѣи Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

26. Описаніе города Острога. Составл. А. Першптейломъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 к.

27. Нарашаемятъ Зоариль. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

28. Иностранная сочиненія и акты, относящіяся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.

29. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулишъ. Книжка первая. М. 1847 г., ц. 50 коп.

30. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 в.

31. Повесть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зиповія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. П. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп.

32. Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ. Сообщ. П. Забѣлявъ. М. 1848 г., ц. 10 в.

33. Граматично исказана об Рускомъ языку. Сочин. попа-Юрка Крижаняца. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к.

34. Исторія Россійская. В. П. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к.

35. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. (Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 р.

36. Очеркъ жизни и дѣяній гр. Ал. Вас. Суворова-Рымовскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., ц. 20 к.

37. Алексѣй Однорогъ. Истор. романъ. Спб. 1853 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

38. Источники малороссійской исторіи, собранныя Д. П. Бантышевъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. 1. М. 1848 г. Ч. II. М. 1850 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 8 руб.

39. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 р.

40. О времени происхожденія славян. пьсьмель. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г., (безъ снѣжковъ) п. 2 р.

41. Исторія славян. законодательства. Соч. Вячеслава-Александра Мацвевскаго, изд. 2-е. т. 1, (стр. I—IV + 1—90). Переводъ съ польскаго. М. 1858 г., ц. 1 руб.

42. Діаріумъ или журналъ, т.-е. подневная записка служащаяся при дворѣ гетмана Скоропадскаго въ 1764 г. и въ 1765 г. въ канцеляріи въ Москвѣ, отправляющаго дѣль. Хорунжаго Пана Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о составителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп.

43. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Соч. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р.

44. Наставленіе выборному отъ Малороссійск. коллегіи въ Комиссію о составленіи проекта Новаго Уложенія Дн. Натанъ и возраженіе депутата Гр. Политинъ на сего наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 в.

45. Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ секретныхъ свѣдѣній Севастопольскаго Мордовина о сибирскихъ земляхъ). Мнѣніе Мордовина о возможности добычи въ Россіи удобныя мѣсто для себя постепенно кавказскихъ земель. Письмо его же къ графу Архангельскому дѣлу о контрактѣ на восточномъ берегу провіанта Перетцомъ и о составленіи Мнѣнія адмирала Чичагова о торговлѣ въ столицѣ. Выписка изъ проекта Уложенія откупъ. М. 1858 г., ц. 20 в.

46. Хрестіянскія челобитныя. Изд. Мнѣніемъ. Челобитныя помѣщика Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 10 в.

47. Тетрадь, а въ ней описаніе оцальныхъ при царѣ и царицѣ. Изд. Васильевичъ. Челобитная Васильевичъ Маркелла царю Алексѣю о дарованіи чудотворца, хранившагося въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Соч. П. Суворовъ. М. 1859 г., ц. 10 в.

48. Мнѣніе министра Юсифа Потоцкаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., ц. 10 к.

49. Примѣчанія на шикотинскія сказанія до Россіи графа Александра Импер. Александру I. Изд. общ. А. П. Казначевскій. М. 1859 г., ц. 10 в. (о расколу шикотинцевъ) О. М. Бодянскаго.

80. Мнѣнія генерала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноорокому флоту; о неудобствахъ могущихъ последовать отъ введенія закона подвергать севестру и публичной продажд имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ законномъ взысканіи; и по дѣлу о помѣщичкѣ Тугзаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г., ц. 15 к.

81. Моходы викиговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ц. за обѣ части 8 руб.

82. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп.

83. а) Деньги и пулы древней Русе западнокавказскія и удѣльныя. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ).. ц. 2 р. перес. за 3 ф. и б) — Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы (№ 13 и 14) М. 1862 г., ц. 50 коп. перес. за 1 ф.

84. Переписка между Россією и Польшею до 1700-го годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1487—1584 гг. М. 1860 г. — Ч. II. 1612—1612 гг. М. 1861 г. — Ч. III. 1612—1615 гг. М. 1862 г., ц. по 1 р. 50 к. за каждую часть — 3 р. 50 коп.

85. Замѣчаніе графа Ф. В. Ростопчина о дѣлѣ г. Стройновскаго. М. 1860 г., ц. 10 коп.

86. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. М. 1860 г., ц. 10 к.

87. Последній день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованія Павла I. Графа Ф. Ростопчина. М. 1860 г., ц. 10 коп.

88. Замѣчанія о невыгодной торговлѣ между Россією и Пшемыслями, писанныя въ 1730 г. Пшемысли. М. 1861 г., ц. 10 к.

89. Сужденіе о пользахъ и невыгодахъ торговли Грузіи, Имеретіи и Абхазіи принадлежати народамъ, М. 1860 г., ц. 10 к.

90. Слѣдствія славяноросійскимъ рукописямъ въ 1812 г. проф. Валавскаго. М. 1862 г., ц. 30 к.

61. Конст. Федор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. О. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р.

62. Дѣло объ Арсеніи Мацевичъ, б. митрополитъ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп.

63. Матеріалы о Гавриилѣ Романовичѣ Державинѣ. М. 1863 г., ц. 30 к.

64. Путешествія венеціанца Марко Пьоло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб.

65. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р.

66. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп.

67. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р.

68. Журналъ генераль-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.

69. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульского, Рязанскаго и Калужскаго генераль-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.

70. Надписи на письмахъ, въ старину въ русское государство употреблявшіяся. М. 1864 г., ц. 10 к.

71. Дополеніе попечителя Казанскаго округа на издателя „Библиографич. листовъ“ г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

72. Письма къ государынѣ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Мавры Шепелевой. М. 1864 г., ц. 10 к.

73. Жизнеописанія древнихъ и средне-вѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб.

74. Обзорніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб.

75. Описаніе славянскихъ рукописей московской Патриаршей бібліотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованіе его и

каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.

76. Путешествіе въ Московію барона Августа Майерберга и Горациа Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексію въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р.

77. О вліяніи борьбы между народами и словословіи на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р.

78. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккерода и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб.

79. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. Ф. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп.

80. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Вароча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 руб.

81. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ О. Бодянскимъ, съ 2-мя автографами, снимками, именни: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп.

82. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лечился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурляна. М. 1876 г., ц. 50 к.

83. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. Н. Баснина. М. 1876 г., ц. 50 коп.

84. Донесеніе о Московіи Іоанна Перистейна, посла импер. Максимилиана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурляна. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. Цѣна 25 коп.

85. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Данила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго Н. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп.

86. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ф. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV., М. 1877. ц. 10 руб.

87. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ

переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

88. Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императр. Анны Ивановны и Елизаветы Петровны Сем. Андреевичу Салтыкову, 1732—1742 г. Съ предисл. А. Кудрявцева. М. 1878 г., ц. 50 к.

89. Шестодневъ, составленный Главномъ, экзархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

90. Житіе препод. отца нашего Феодосія игум. печерскаго. Списание Нестора. По харатейн. списку московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г. ц. 30 коп.

91. Куранты или вѣстовыя письма 1665 и 1666 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлянь. М. 1880 г., ц. 10 к.

92. Челобитые лѣкаря Ролова бояринъ Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писавіи имени Траханиотова съ ошачомъ. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлянь. М. 1880 г., ц. 10 к.

93. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

94. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевского архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библіотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г., ц. 20 к.

95. Записка объ Архангельскомъ каменномъ соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

96. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Розыскъ о Моисѣ Чудномъ и о волшебныхъ его письмахъ, предвѣдшійся въ Архангельскѣ и Холмогорѣ въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г., ц. 20 к.

97. Изложеніе хода миссіонер. и просвѣщенію казанскихъ инородцевъ 1552 по 1867 г. А. Можаровъ. М. 1880 г. ц. 1 р.

98. Библиографич. матеріалы. I. Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. Ц. 50 коп. XV—XIX подъ редакціей Сперанскаго. М. 1889 г. Ц. 1 руб. XX подъ редакціей В. Н. Щеглова. Ц. 1 рубль. (11). Отдѣльно: а) Петра и Павла. Ц. 1 рубль. № XVII. Слово о лжи и клеветѣ. (13). — XVIII Хронографъ Архангельскаго монастыря. Ц. 50 к. (10). — XIX ской сборникъ. Ц. 50 к. (10)

священно-архим. Фотія въ
и его дѣвицъ Аннѣ (1820—
предисл. Андрея Попова.
50 коп.

го-статистич. описаніе за-
оминаго мужаго мона-
Макарій епископъ Архан-
181 г., ц. 25 коп.

юлить Даниль и его сочи-
ваніе Василія Жмакина. М.
руб. съ перес.

умагъ митрополита москов-
М. 1882 г., ц. 50 коп.

рой по списку Императ. об-
и Древностей Россійскихъ,
въ И. Забѣлина. М. 1882 г.,
г.

съ писемъ государя Петра
1700 по 1725 г. Сообш.
М. 1882 г., ц. 25 коп.

авовъ Изборникъ 1073 г.
и латинскимъ текстомъ. 1-й
редисловіемъ Е. В. Барсова
нуа. (I—XXV + 1—22 + 1—
г., ц. 3 руб.

де Зерцало. (Изъ исторіи
одной литературы XVII в.).
В. Владимірова. М. 1884 г.,

и «туранизмъ» русскихъ. Къ
внородцахъ и переселеніяхъ
П. А. Безсонова. М. 1885 г.,

вческіе очерки сенаторовъ.
съ, собраннымъ П. И. Бара-
Семенова. М. 1886 г., ц.
).

автинъ Никитичъ Тиховра-
шева. М. 1886 г., ц. 30

гопись византійца Теофана.
(846 г.) съ греческаго проф.
каго. М. 1891 г. (I—IV +
коп. б) Тоже. въ переводѣ
аго и Ф. А. Терновскаго. Съ
О. М. Бодянскаго. М. 1887 г.
). Ц. 2 руб.

авы для исторіи взаимныхъ
сіи, Польши, Молдавіи, Ва-
и въ XIV—XVI вв., собран-
ническимъ. М. 1887 г., ц.

е хожденіе Трифона Коро-
предисловіемъ С. О. Дол-
г., ц. 30 к. (4).

вахъ Рождественъ, что на
Пятаиномъ—Берендеевъ и
дѣищихъ въ Звенигородскомъ

уздѣ, Московской губерніи. до 70-хъ
годовъ XVIII столѣтія. Я. Копьева. М.
1887 г., ц. 50 к. (4).

*114. Дѣло о богопротивныхъ сбори-
шахъ и дѣйствіяхъ. И. А. Чистовичъ. М.
1887 г., ц. 40 к. (8).

*115. Хроника бѣлорусскаго города Мо-
глева, собранная Ан. Трубяцкимъ и про-
долженная Михаиломъ Трубицкимъ. Пе-
реводъ съ польскаго Ник. Гортынскаго.
М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

116. Пресвященный Іеремія въ схи-
монашествѣ Іоаннъ, епископъ Нижегород-
скій и Арзамасскій † 6 декабря 1884 г.
А. А. Титова. М. 1887 г., ц. 50 к. (5).

117. Новая данья о Земскомъ со-
борѣ 1648—1649 гг. А. П. Зерцалова.
М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

118. Село Клементьево нынѣ часть Сер-
гѣевского посада, составляющая одинъ изъ
ея приходовъ. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

119. Лѣтописи Волоколамскаго Іоса-
фова монастыря. Матеріалы изъ дѣлъ ар-
хива московской духовной консисторіи
1746—1852 г., собранные свящ. П. Ви-
ноградовымъ. М. 1888 г., ц. 60 к. (5).

120. Изъ Сибирскихъ актовъ: о Демьянѣ
Многогрѣшномъ и дѣлѣхъ людяхъ чюлюг-
дѣяхъ. Сообщила А. А. Гоздаво-Голом-
бевскій. М. 1888 г., ц. 20 коп.

121. Матеріалы для Русской исторіи,
собр. С. А. Бѣлокуровымъ. М. 1888 г., ц.
3 руб.

122. Лѣтопись церкви св. великомуче-
ника и побѣдоносца Георгія, что на Крас-
ной горкѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, сто-
личнаго города Москвы. Я. Копьева. М.
1888 г., ц. 50 к. (10).

123. Реляціи временно-главнокомандо-
вавшаго русскою арміею генераль-поруч-
чика Фролова-Багрѣва 1759 г. Д. О.
Масловскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (14).

124. Новая данья о Владимірѣ Атла-
совѣ. Н. П. Оглоблинъ. М. 1888 г., ц.
20 к. (17).

125. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ
въ 1812—1816 годахъ. П. А. Поповъ. М.
1888 г., ц. 20 к. (12).

126. Слѣдственная коммиссія о зло-
употребленіяхъ пензенскаго воеводы Жу-
кова (1752—1756 г.). П. П. Невеловъ. М.
1888 г., ц. 30 к. (12).

127. Отладевіе Малоросіи отъ Польши
(1340—1654). П. А. Кулиша. М. 1888—
1889 гг. 1—3 тома, ц. 4 рубля съ пере-
сылкою. (1 и 3—10, 2-й—9).

128. Атака Гданска фельдмаршаломъ
графомъ Минихомъ 1734 г. Сборникъ ре-

лцій графа Миниха. Д. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 1 р. 50 к. (9).

129. Историкокритическія изслѣдованія о новгородскихъ летописяхъ и о російской исторіи В. Н. Татищева. Юсифа Семенова. М. 1888 г., ц. 2 р. (9).

130. Историческіе матеріалы о церквяхъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Хомягоровыхъ. Вып. 6-й Вохонская десятина. Вып. 7-й Перемышльская и Хотунская десятина. — Вып. 8-й Пехрянская десятина. М. 1888—1889 гг., ц. по 1 р. за выпускъ. (13).

131. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. Н. Добреклонскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (15).

132. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоанніа къ црю Алексѣю Михайловичу отъ 1 марта 1652 года г. П. В. Безобразовъ. М. 1883 г., ц. 20 к. (9).

133. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). П. Я. Токкаревъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (11).

134. Переписка столтника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (11).

135. Грамота намѣстника ивангородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чумковъ. — Къ исторіи Московскаго университета. Пилъ Поповъ., М. 1888., ц. 20 к. (26).

136. Матеріалы къ исторіи военного искусства въ Россіи. Д. О. Масловскаго. Вып. 1-й: Проектъ плана кампаніи 1708 года Крюкса. Оригиналъ ордера де-баталіи подъ Лѣсной съ собственноручною резолюціею Петра Великаго. Къ исторіи флота временъ Петра I. Организация и дѣйствіе въ бою артиллеріи временъ Елизаветы. М. 1888. Ц. 40 к. (11). Вып. 2-й: Обезпеченіе южныхъ границъ въ 1736 г. Планъ кампаніи и доволестія войскъ въ 1738 г. Документы Ставучанской операціи Миниха. Сборникъ документовъ похода вспомогательнаго корпуса русскихъ войскъ въ войну за Австрійское наслѣдство 1748 г. М. 1890 г., ц. 1 р. (8). Вып. 3-й: Уставъ о строевой пѣхотной службѣ фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. М. 1892 г., ц. 1 р. (6).

137. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. 1. 1576—1613 гг. Матеріалы, извлеченные изъ Московскаго Гл. Архива М. И. Дѣльс. А. Блокурнымъ. М. 1889 г., ц. 3 р.

138. Акты, относящіяся къ исторіи раскола въ XVIII в. Е. В. Барсова (съ Четвнй 1889 г. кн. II), ц. 40 к. (18).

139. Московская пожарная изба. И. Оглобянъ. М. 1889 г., ц. 20 к. (15).

140. Общій взглядъ на состояніе археологій. А. Халановъ. М. 1889. Ц. 30 к. (10).

141. Сношенія Россіи съ Среднею Азією и Индією въ XVI—XVII вв. По документамъ Московскаго Главнаго Архива Императорскаго Иностранныхъ Дѣлъ. М. 1889 г., ц. 30 к. (5).

142. Записка къ исторіи ходяченія мана Данила. VII. Передѣляя ходяченія въ сборникъ св. Димитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

143. Два памятника древне-русскаго кievской письменности XI и XIII вѣка. Слово о перелесеніи мощей преп. Феодосія печерскаго, соч. митр. Нестора, и 6) похвала преп. Феодосію печерскому, извѣстнаго (архим. Серапіона). Сочиненіе архим. Леонидъ. М. 1890. Ц. 30 к. (14).

144. Мангазійскій чудотворецъ. Вѣстникъ. П. Н. Оглобянъ. М. 1890. Ц. 30 к. (39).

145. Библиографическія разсужденія объ области древнѣйшаго періода славянскій письменности IX—X вв. Памятникъ славянскихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ. М. 1890 г., ц. 20 к. (29).

146. Переписныя книги Костромскаго Платіевскаго монастыря 1566 г. И. Соколовъ. М. 1890. Ц. 30 к. (14).

147. Въ защиту Богдана Хмельнскаго Историкокритическія объясненія къ сочиненію П. А. Кулеша «Остатки дороссій отъ Польши». Гонч. М. 1890 г., ц. 50 к. (2).

148. Древнѣйшіе преданія о грузіякъ по малой Азіи. А. С. М. 1890 г., ц. 30 к. (8).

149. Новгородская исторія. Соч. П. И. Сумарокова, бывшаго Новгородскаго губернатора (1816 г.), въ двухъ томахъ съ двумя планами. Сообщенія Императорскаго Архива. М. 1890 г., ц. 2 р. (8).

150. Византійскій писатель. Биографія Михаила Пселла. Соч. П. В. Безобразова. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

151. Регламентъ Восточнаго Департамента. Сообщенія и обработки Императорскаго Архива. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

152. О мятежѣ въ селѣ Коломенскомъ.

1771 г. А. Н. Зердалова. М. 1890 г., ц. 1 р. 50 к. (5).

153. Бюцкая «явочная книга» 1615—16 г. И. Н. Оглоблина. М. 1890 г., ц. 20 к. (12).

154. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Историческое исследование Дм. Цвѣтаева. М. 1890 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (10).

155. О мнимои библиографической рѣдкости XVII в. («Служебникъ, изд. въ Москвѣ въ 1660 г.»). С. А. Бялюкурова. М. 1891 г., ц. 50 к.

156. Рукописи Сербскаго письма XIII—XV вѣка, входящіяся въ библіотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. М. 1891. Ц. 10 к. (37).

157. Иерусалимскій патріархъ Досифей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 гг.).—Н. Ѳ. Кантарева. М. 1891 г., ц. 1 р. (40).

158. Начало Русскаго государства, Тригезія д-ра Вильгельма Томсена, профессора сравнительнаго языковѣдѣнія при Копенгагенскомъ университетѣ. Съ просмотромъ авторомъ нѣмецкой переработки д-ра Л. Борнеманна. Переводъ Н. Аммола. М. 1891 г., ц. 1 р. (11).

159. Двѣ «сказки» Вл. Атласова объ открытіи Камчатки. Н. Оглоблинъ. М. 1891 г., ц. 20 к. (23).

160. Бергардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго, приложенія и приложения И. Ивакина. М. 1891 г. (безъ фототипій). Ц. 1 р. (10).

161. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. Землю русскаго игумена Давида въ началѣ XII вѣка. Н. В. Русскаго. М. 1891 г., ц. 1 р. (16).

162. Матеріалы для исторіи приказнаго управленія въ Россіи, собранныя П. П. Лебедевымъ. М. 1891 г., ц. 1 р. (18).

163. Самсоженіе въ русскомъ расѣ (въ второй половинѣ XVII в. до XVIII в.). Историческій очеркъ по рукописнымъ документамъ Д. Н. Сапожника. М. 1891 г., ц. 1 р. (19).

164. Описание рукописей Тверскаго музея. М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г., ц. 1 р. (13).

165. Описание рукописи Стокгольмскаго архива. К. Якубовъ. М. 1891 г., ц. 20 к. (9).

166. Politische Würdigung neuerentdeckte von Dr. V. Jagic.

Mit. zehn Tafeln. Отдѣльный оттискъ изъ denkschriften der Kaiserlichen Akademie Der Wissenschaften in Wien. Philologisch-historische Klasse. Band. XXXVIII. В. Щепкинъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

167. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г., ц. 30 к. (17).

168. Собраніе сочиненій Юрія Крижаняча:

Вып. I-й: а) 1654 г. II. Pátno opisanie ot Lewówa do Móskwi. II. Besida ko Czirácásm, wo osobi Czirácáza upisana. III. Usmotrenie o Carskom Welicestwu. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Объясненіе виводно о писмѣ Словянскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Колосова.—М. 1891 г., ц. 50 к.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г., ц. 75 к.

Вып. III-й: а) Объ свѣтомъ Крещенію. (Съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова, и б) Обличеніе на Соловѣцкую Челобитну. (Съ 1 фототипіею). М. 1893 г., ц. 1 р. 25 к.

169. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Блаженнаго монастыря. П. А. Нововъ. М. 1892 г., ц. 30 к. (24).

170. Матеріалы для истор. Общества Письма О. М. Бодянскаго къ П. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). П. А. Чистовичъ. М. 1892 г., ц. 20 к. (26)

171. Памяти о. архимандрита Леонидана мѣстника св. Троице-Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (27).

172. Памятники преній о вѣрѣ возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранныя Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 коп. съ перес. (9)

173. Тульскій уездъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой), ц. 2 р. (13).

174. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Части 3-7. Съ предисловіемъ Авддея Титова. М. 1892 г., ц. 1 р. 50 к. (14).

175. Реляціи кня. А. Д. Кантемира въ Лондонъ (1732—1733 гг.). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренки. М. 1892 г., ц. 1 р. (12)

176. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьимъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г., ц. 1 р. (11)

177. Артемій игумень Троицкій. Изслѣдованіе священника Сергія Садковского. М. 1892 г., ц. 50 к. (11).

178. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г., ц. 30 к. (28).

179. Общій архивъ министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купасныхъ у наследниковъ его императрицу Екатерину II). М. 1892 г., ц. 40 к. (14).

180. Памяти Нила Александровича Попова. II. Шимко и А. Голомбѣвскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (23).

181. Къ исторіи вопроса о припятіи схизматиковъ въ православную церковь. М. 1892 г., ц. 1 р. (5).

182. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Нечаятаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбѣвскій. М. 1892 г., ц. 30 к.

183. Описание рукописныхъ собраній, находившихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣецкаго монастыря на Воливи, Кіевобратскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. II. Н. Петрова. М. 1892 г., ц. 2 р.

202. *Вып. II-й.* Рукописи Кіевопечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхнихайловскаго, Пустынниколаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г., ц. 2 р.

184. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ госпиталѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г., ц. 60 к. (16).

185. Село Волинское и деревни Давыдово и Молотцы. (По описи 1735 г.). С. Бѣлокуровъ. М. 1892. Ц. 50 к. (15).

186. Попытка Петра I къ распространенію среди русскаго народа научныхъ сельскохозяйственныхъ знаній. М. 1892. Ц. 30 к. (16).

187. Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. I. А. М. 1892 г., ц. 50 к. (16).

188. Ивановскій каналъ, начатый Петромъ Великимъ для соединенія Волги съ

Дономъ. А. И. Миловидовъ. М. 1892. Ц. 30 к. (15).

189. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. 1—я, 1655—1661 гг. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 коп.

190. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Дави. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 50 к. (16).

191. О возвращеніи въ 1689 г. въ патриаршее вѣдомство подмосковнаго сельца Кушцова съ пустошью. М. 1893 Ц. 20 к. (11).

192. Объ оскорбленія царскихъ словъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Ш. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 30 к. (18).

193. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіяся въ Копенгагенѣ 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 2 р.

194. Исторія экономическаго быта великаго Новгорода. Изслѣдованіе проф. А. И. Никитскаго. М. 1893 г., ц. 2 р.

195. Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примечаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г., ц. 30 к. (7).

196. Сказаніе о построеніи обиднаго храма въ Вологдѣ «во избавленіе отъ смертоносныхъ язвъ». М. 1893 г., ц. 20 к. (9).

197. Московскій, Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г., ц. 50 к. (24).

198. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Изслѣдованіе Вас. Васильева. 1893 г., ц. 2 р. (10).

199. Письма О. М. Бодяскаго къ Письма Н. П. Сахарова къ О. М. Бодяскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. 1893 г., ц. 50 к. (63).

200. Житіе св. Леонія епископа томскаго. Съ предисловіемъ А. А. Ти М. 1893 г., ц. 50 к. (18).

201. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. С. Б. виль II. А. Лавровъ. М. 1893 г., ц. 2 р.

202. Междукняжескія отношенія Владимиро-Московскомъ великомъ князѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «союзныхъ» или «союзныхъ» великокняжескаго). М. 1893 г., ц. 30 коп.

203. Неканонизованные святые (Владимирской губерніи). Физическаго изслѣдованія св. Миловскаго. М. 1893 г., ц. 2 р.

204. Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 г. С. Платонова. М. 1893 г., ц. 20 к. (25).

205. Александрія русскихъ хронографовъ. Исследование и текстъ. В. Истривъ. М. 1893 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (60).

206. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою литовскорусскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г., ц. 5 р. (15).

207. Объ отпущкѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы города Можайска П. П. Савелова въ 1702 г. О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 г. М. 1893 г. Л. М. Савеловъ, ц. 20 к. (4).

208. Къ исторіи московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 20 к.

209. Московскій Китай городъ въ XVII вѣкѣ (по описи 1695 г.). А. Н. Зерцаловъ, М. 1893., ц. 30 к. (11).

210. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1691 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.) А. Н. Зерцаловъ, М. 1893., ц. 40 к. (20).

211. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г., ц. 25 к. (28).

212. Св. князь Всеволодъ-Гавриилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Искова. Е. Лебедева. М. 1894 г., ц. 20 к. (29).

213. Подписи царей Бориса Годунова Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 30 к. (79).

214. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Анновъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (19).

215. Къ біографіи Владимира Атласова. Н. Оглобинъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (32).

216. Стихъ о злой травѣ шихъ. Съ предисловіемъ И. А. Голышева. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

217. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

218. Тверской уездъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. Опытъ по исторіи провинціи Московскаго государства). И. И. Лаппо. М. 1894 г., ц. 1 рубль. (19).

219. Сильвестра Медвѣдева созерцаніе русскаго года 7190—92, въ нихъ же что о гражданствѣ. Съ предисловіемъ

и призываніями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г., ц. 1 р. 50 к. (158).

220. Къ исторіи сельскохозяйственнаго быта Костромскихъ Ипатьевскаго и Боголюбленскаго монастырей. І. Командировка стольника Н. М. Олевцова. М. 1894 г., ц. 50 к. (4).

221. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 іюня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г., ц. 30 к. (22).

222. Сарайская и Крутицкая епархіи. Священника Н. А. Соловьева. М. 1894 г., ц. 1 р. (29).

223. Рукописи П. І. Шафарика (нынѣ музей королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описалъ М. Сперанскій. М. 1894 г., ц. 50 к. (33).

224. Обѣзжаніе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. М. 1894. Ц. 40 к. (31).

225. Григоровичевъ паримейникъ въ сличеніи съ другими паримейниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. І., М. 1894., ц. 50 коп. (31). Вып. II, ц. 50 к. (48).

226. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г. председателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г., ц. 15 к.

227. Акты домашняго архива гг. Змеювыхъ. А. И. Миловидовъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (13).

228. Отчеты о присужденіи обществомъ преміи Г. О. Карпова.

I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ, М. 1894., ц. 50 к.

II. Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута», составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г., ц. 50 к.

III. Разборъ изслѣдованія С. А. Бѣлжурова «О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1897 г. Ц. 20 к.

IV. Разборъ соч. М. И. Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣтвь и въ Стародубь», состав. С. Т. Голубевымъ. М. 1898 г. Ц. 20 к.

229. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. 1. М. 1895., ц. 2 рубля. (204). Вып. 2. М. 1897 г., ц. 2 р. 40 к. (4).

230. Ръчи, провнесенныя Иоанникомъ Галатовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйгорнъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (39).

231. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г., ц. 20 к. (13).

232. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (296).

233. Pamфлетъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. Н. Соколова. М. 1895 г., ц. 20 к. (10).

234. О верстаніи новиковъ въсѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 20 к.

235. Опись книгъ библіотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г., ц. 30 к. (190).

236. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторіи Византской духовной семнаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г., ц. 20 к. (121).

237. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (32).

238. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Э. Жорданія. М. 1895 г., ц. 20 к. (37).

239. Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая: документы воеводскаго управленія. Составилъ П. П. Оглоблинъ. М. 1895 г., ц. 2 рубля съ пересылкой. (100).

240. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергѣя Шумакова. М. 1895 г., ц. 2 р. (180).

241. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ. I. Виктора Семенова. М. 1895 г., ц. 50 к. (143).

242. Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда. Д. Шепянга. М. 1895 г., ц. 50 к. (137).

243. Летописецъ русскій (Московская летопись). По рукописи принадлежавшей А. Н. Лебедеву. М. 1895 г., ц. 1 р. 25 к. (80).

244. Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Кононова. М. 1895 г., ц. 1 р. (41).

245. Письма А. Н. Шелякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. (76).

246. Клементъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г., ц. 50 к. (50).

247. Государевъ Хаймовый дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ. (По-

стройка на немъ новыхъ здавій въ 1658—1661 гг.). М. 1895 г., А. А. Маргариновъ, ц. 20 к. (100).

248. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Москвѣ Стенькою Разянымъ. Напечатано у Фомы Ньюкомбъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г., ц. 50 коп. (37).

249. О перемиріи состоявшемся между Швеціей и Россіей въ 1537 г. Переводъ съ шведскаго А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (6).

250. Къ матеріаламъ о воровствѣ въ древней Руси. Сыскное дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испорчить царицу Евдокию Лукьяновну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (91).

251. Матеріалы для исторіи патріарха московскаго Пятирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г., ц. 20 коп. (34).

252. Славявстрѣ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г., ц. 3 р.

253. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г., ц. 25 к.

254. Русское сказаніе о Луретской Богоматери. А. И. Кирпичникова. М. 1896 г., ц. 15 коп.

255. Изъ актовъ Тверскаго Огоча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергѣй Шумаковъ. М. 1896 г., ц. 15 коп.

256. О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Новые летописныя данныя. М. 1806. Ц. 20 к.

257. Еще новыя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. П. Священника I. Кузнецова. М. 1896 г., ц. 20 коп.

258. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 40 к. (82).

259. О неправдахъ и неправотѣхъ рѣчахъ новгородскаго митрополита Кавіана (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 30 коп. (88).

260. Какашъ и Текландеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нидерландскаго Станкевича. М. 1896 г., ц. 70 коп.

261. О извоищѣ 1-го гренадерскаго баталіона (Низоваго корпуса) Бостанъ-темень, названнаго царевичемъ Александромъ Петровичемъ. Рескриптъ императора о письмѣ Костюшка. Грамота царя къся о ловчемъ рылкѣ Н. Зерцаловъ

по случаю взятія Очакова Минихомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. Ц. 20 к. (29).

262. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Е. Е. Годубинскаго. М. 1896 г., ц. 50 к.

263. Казанская и Иальнская церкви Иальнскаго прихода въ Сергіевскомъ посаде Московской губерніи. І. А. М. 1896 г. Ц. 50 к. (11).

264. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлзерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. Ц. 30 к. (39).

265. Смесь 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. Ц. 40 к. (10).

Смесь I кв. 1897 г. (первые 1—5 №№). Ц. 10 к. (5).—Смесь I кв. 1898 г. Ц. 20 к.

266. Невѣданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (26).

267. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., извлеченныя А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (13).

268. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (85).

269. Акты изъ собранія А. И. Яцимарскаго (№№ 1—5. Чтенія 1897 г. кн. I). М. 1897 г. Ц. 15 к. (5).

270. Дневникъ второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. П. Милевскаго. М. 1897 г. Ц. 50 к. (40).

271. Авазъвъ некоторыхъ пунктовъ древнерусскаго завѣщанія. П. И. Бѣляева. М. 1897 г. Ц. 75 к. (6).

272. О начальномъ кievскомъ летописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. Ц. 50 к. (33).

273. Поздравленія Византской дух. сенатарія въ день тезоименитства моск. митроп. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. Ц. 30 к. (15).

274. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привести. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (42).

275. Наслѣдованіе проскомидія, великаго входа и причащенія въ славянорусскихъ служебникахъ XII—XIV вв. Сергій Муретовъ. М. 1897 г. Ц. 50 к. (5).

276. Грамоты съ подписями Бориса, Дмитрія и Степана Годуновыхъ 7080—1111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Муретова. М. 1897 г. Ц. 25 к. (38).

277. Изданія Московской Синодальной Библиографіи 1761 г. и Московскаго Универ-

ситета 1764 г. П. С. Бѣляевъ М. 1897 г. Ц. 50 к. (2).

278. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг. Съ предисловіемъ; примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. К. П. Якубова М. 1897 г. Ц. 2 р. (400).

279. Библіотека Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1896 г. Е. И. Соколовъ. М. 1897 г. Ц. 20 коп. (50).—въ 1897 г. Его же. М. 1898 г. Ц. 10 коп. (40).—въ 1898—1899 г. Его же М. 1899 г. Ц. 15 к. (51).

280. Достоверность отрывка изъ Полоцкихъ летописей, помѣщеннаго въ Исторіи Россіи Гаттшера подъ 1217 г. А. П. Сапунова. М. 1898 г. Ц. 20 к. (23).

281. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. Е. А. Мядкаго. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (60).

282. Пугачевщина въ Сибири. Очеркъ по документамъ экспедиціи генерала Деколонга. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. М. 1898 г. Ц. 1 р. (55).

283. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII в. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (185).

284. Вкладная книга Нижегородскаго Иечерскаго монастыря съ предисловіемъ А. Титова. М. 1898 г. Ц. 50 к. (25).

285. Посланіе Ивана Бѣличева о видномъ образѣ Божіемъ По ркп. XVII в. собранія А. И. Яцимарскаго М. 1898 г. Ц. 25 к. (55).

286. Памяти В. Е. Румянцова. Е. В. Барсовъ. М. 1898 г. Ц. 15 к. (80).

287. Памяти А. П. Зерцалова. П. С. Бѣляевъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (28).

288. Матеріалы для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII в. М. А. Веневитиновъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (8).

289. Изъ разсказовъ донъ-Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго посольства чрезъ Россію, отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 гг. Переводъ съ испанскаго. С. П. Соколова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (78).

290. Строельная книга г. Пензы. Съ предисловіемъ В. Борисова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (35).

291. Житіе св. Меодія и похвальное слово св. Кириллу и Меодію по списку

XII в. Издавъ П. А. Лавровъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (80).

292. Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій (Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ сей жизни). Н. И. Петровъ. М. 1899 г., ц. 25 к. (19).

293. Указъ императора Іоанна Антоновича 9 ноября 1740 г. Графъ С. Д. Шереметевъ. М. 1899 г., ц. 15 к. (18).

294. Житіе св. Аркадія, епископа Новгородскаго, въ спискѣ 2й половины XIV-го вѣка. Съ предисловіемъ А. С. Орлова, М. 1899 г. Ц. 25 к. (60).

295. Бумаги Ю. И. Велелина, хранящіяся въ библиотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Е. И. Соколовъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (50).

296. Обычное-право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для біографіи обычного права. Е. И. Якушкинъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (33).

297. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи. Выпускъ первый. Обзоръ Бѣжцкихъ (1300—1767 гг.) и Алатырскихъ (1607—1761 гг.) актовъ. Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (85).

298. Поученіе Исаи, митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1899 г. Ц. 25 к. (38).

299. Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго собора. Выпускъ первый. Издавъ подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899 г. Ц. 1 р. (243).

300. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. Александръ Голубцовъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. (28).

301. Сочиненія Константина Багрянороднаго «о вѣсахъ» (de thematibus) и «о народахъ» (de administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. М. 1899 г. Ц. 1 р. (58).

302. Угличскіе акты (1400—1749 гг.). Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 2 р. (15).

303. Русская армія въ началѣ царствованія импер. Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Изданы Андреемъ Лебедевымъ по рукописи ему принадлежащей. М. 1899 г. Ц. 1 р. (136).

304. Штрафъ за русское платье при импер. Петрѣ Великомъ. И. С. Бѣляевъ. М. 1899 г. Ц. 15 к. (29).

305. Въ 1786-й годъ новой. Новое изданіе не всю и не ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкого. М. 1899 г. Ц. 50 к. (72).

306. Допетровская Русь въ ея литера-

турѣ по ледціямъ Ѳ. И. Буслаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу (1859—1860 гг.) А. Кирпичниковъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (108).

307. Акты литовскорусскаго государства. Съ предисловіемъ М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. I-й, 1390—1529 г. М. 1900 г., ц. 2 р.

308. Вильямъ Перри. Прозъдъ чрезъ Россію персидскаго посольства въ 1599—1600 гг. Переводъ съ англійскаго С. Соколова. М. 1900 г., ц. 20 к.

309. Записъ Юста Юля датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711 гг.). Переводъ съ датскаго Ю. Н. Щербачева. М. 1900 г., ц. 3 руб.

310. Новгородскій узъдъ Вотской пятинны по писцовой книгѣ 1500 г. Историко-экономическій очеркъ архим. Сергія Тихомирова). М. 1900 г., ц. 1 р.

311. Указатель къ „Опыту російской біографіи“ В. С. Сопикова (книгамъ гражданской печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. М. 1900 г., ц. 3 р.

312. Портретъ кievскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

313. Временникъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 руб. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 ф.

314. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (итѣ въ продажѣ); годъ 2-й (1846—1847), книги 3, 6, 8, 9; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб.; съ 1887 г. по 8 р. 50 к. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 рубля за книгу; 1900 г. кн. 1—5 руб. Остальныя книги по 3 руб. за книгу.

315. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленныя Ив. Забѣлиннымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. 1889 г., ц. за обѣ книжки 1 руб.

316. Алфавитный указатель къ периодич. изданіямъ того же общества 1815—1862 г. Сост. А. Гривевичъ. 1862 г., ц. 50 к. съ пер.

317. Указатель ко всѣмъ периодич. изданіямъ того же общества за 68 лѣтъ. 1815—1883 г. Сост. Сергій Бѣлокуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25.

318. Указатель къ Читеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. онъ же. М. 1888 г., ц. 50 к. и б) за 1888—1894 гг. Составилъ онъ же. М. 1895 г., ц. 50 коп.

319. Протоколы засѣданій общества:

1) за 1878—1880 г. (стр. 1—32), ц. 20 к.

2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64), ц. 35 к.

3) за 1886 г. (стр. 1—17), ц. 10 к.

4) за 1887 г. (стр. 1—23), ц. 15 к.

5) за 1888—1891 гг. (стр. 1—61), ц. 30 к.

6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112), ц. 1 р.

7) за 1894 г., ц. 20 коп.

8) за 1895 г., ц. 20 коп.

9) за 1896—1897 гг., ц. 50 к.

10) за 1898 г. Ц. 20 к.

11) за 1899 г. Ц. 20 к.

320. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго. М. 1871 г., ц. 2 р.

321. Краткіи очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VШ+732 стр.), ц. 3 руб.

322. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ, 1894 г., ц. 2 руб. съ пересылкой.

323. Исторія Русской церкви. Періодъ второй—Московскій. Т. II, отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія включительно. Первая половина тома. Е. Е. Голубинскаго. М. 1900 г. Ц. 4 р. 50 коп.

324. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Составилъ Александръ Скребицкій. Т. I—IV (т. II—й въ двухъ частяхъ). Бонвъ на Рейнѣ, 1862—1868 гг. Цѣна за всѣ тома 20 р. съ перес.

Лицъ, желающихъ приобрести означенныя книги, просятъ присылать свои требованія или въ общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ Казначей обществу Сергію Алексѣевичу Бѣлокурову (Садовники, у Москварѣцкаго моста, домъ церкви св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ княжній магазинъ Карбасникова (Москва, Моховая, д. Коха, противъ Университета).

ТАМЪ-ЖЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ по третіймъ года. Въ *Чтеніяхъ* помещаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ *деятый* конкурсъ на Высочайше утвержденную премію имени Геннадія Федоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября 1901 года. О результатѣ конкурса объявлено будетъ 24 апрѣля 1902 года.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Федоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ или же на имя его Секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Федоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наследникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ неопредѣленные сроки не менѣе *четыре*хъ книгъ въ годъ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ. Подписка годовая (*восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ* сер. съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другія мѣста)—принимается у Казначей Общества С. А. Бѣлокурова. Книги «Чтеній» продаются и каждая отдѣльно, по особо-назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Василій Осиповичъ Ключевскій,

Близъ Калужскихъ воротъ, Житная ул., собств. домъ.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ,

Близъ Донского монастыря, Шаболовская ул., собств. домъ.

КАЗНАЧЕЙ

Сергій Алексѣевичъ Бѣлокуровъ,

Садовники, д. церкви св. Георгія.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Егоръ Ивановичъ Соколовъ,

1 Мѣщанская, Троице-Капельскій переулокъ, домъ Соколовыхъ.

Издапія Общества можно получать: 1) въ помѣщеніи Общества, Моховая, старое здапіе Университета, подъ актовымъ заломъ и 2) чрезъ книгопродавца Н. Карбасникова (въ Москвѣ, Варшавѣ и Петербургѣ).

